

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

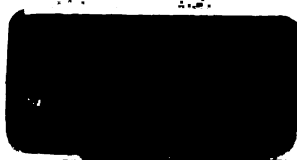
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07855397 5

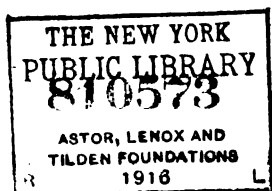
40'

1845

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

7604

Печатать поволяется. С. Петербургъ, 30 апрѣля 1845.

Цензоры: А. Мещеряковъ и Н. Новосильцевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКОВАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

а) СТИХОТВОРЕНІЯ:

	Стр.
Вызовъ. Я. Полонскаго	1
«И вдали яду моей дорогой». А. Фета	172
Дядѣ Кривоусу. Н. П. Огарева	173
«Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ». А. Фета	282

б) Проза:

Богатая Невѣста. Драматическій разсказъ. М. Жавна. Романъ Жоржа Зана. Часты первая и вторая (последняя).	28	175
Милочка. Повѣсть. С. П. Понятовскаго	283	

II. НАУКИ.

Реформація. *Статьи четвертая и пятая (последняя)*. (Сеймъ въ Аугсбургѣ.—Положеніе курфюрста саксонскаго.—Вліяніе Лютера. Дѣйствіе евангелическихъ книжекъ. Новая попытка къ приниженію. —Рѣшеніе аугсбургскаго сейма; слѣдствія его. —Восстановленіе каммергерихта. —Избраніе римскаго короля.—Шмалькальденскій-Союзъ.—Новое ученіе о власти императора.—Ходъ реформаціи въ Швейцаріи. Мартинъ Бутцеръ. Смерть Цвингліи. Реставрація католицизма въ Швейцаріи.—Реформація въ нижне-германскихъ городахъ.—Оппозиція противъ Австріи.—Уступки императора.—Смерть Юганна-Саксонскаго.—Сеймъ въ Регенсбургѣ.—Событія въ Виртембергѣ.—Походъ ландграфа гессенскаго.—Возстаніе Любека.—Вулленверберъ.—Христіанъ III.—Состояніе науки и литературы въ XVI вѣкѣ). 1 и 83

Консульство и Имперія. Соч. Тьера. *Статьи первая и вторая. (Конституція VIII года: Сіенскій и генераль Бонапарте. — Внутреннее состояніе Франціи. — Первые дѣйствія временныхъ консуловъ для восстановленія*

Стр.

порядка во Франціи. Перемиріе съ Вандею. Сношенія съ иностранными кабинетами. Проектъ Сіенска. Конституція VIII года.—*Внутреннее управленіе: Окончательное установленіе консульскаго правленія. Франція обращается съ предложеніемъ о мирѣ къ Авглии и Австріи. Заключение списка эмигрантовъ. Отказы Англии и Австріи. Усиженіе Вандей. Жоржъ Кадудаль. Де-Фроттѣ. Движеніе войскъ къ границѣ. Церемонія по случаю кончины Вашингтона. Первый консулъ въ Тульери. — Ульмъ и Генуя: Приготовленія къ войнѣ: Меласъ въ Ингурин, Край въ Швабіи. Планъ генерала Бонапарте. Мордъ. Резервная армія. Массена. Защита Генуи. Переправа черезъ Рейнъ. Мордъ подъ Ульмомъ. — Маренго: Блѣствія гарнизона въ Генуѣ. Переходъ черезъ Альпы. Обходъ крѣпости Баръ. Меласъ. Слача Генуи. Сраженіе при Маренго. Деза. Alessандрійская конвенція. Первый консулъ въ Миланѣ. Папа Пій VII. Возвращеніе перваго консула въ Парижъ. Побѣда при Гогштедтѣ. Перемиріе въ Германіи и въ Италиі. Переговоры о мирѣ. Праздникъ 14 іюля.—Геліополь: Состояніе Египта послѣ отбытія генерала Бонапарте. Тоска по родицѣ. Делеші Клебера. Истинное состояніе Египта. Сэръ Сидней Смитъ. Кровопротитіе въ фортѣ Эль-Аришѣ. Эль-арішская конвенція. Эфентъ, произведенный въ Европѣ делешами Клебера. Рѣшеніе англійскаго министерства. Прокламація Клебера. Сраженіе при Геліополѣ. Возстаніе Каира и усмиреніе его. Покореніе Египта. Фанатикъ Сулейманъ. Смерть Клебера. Характеръ Клебера и Деза) . . . . . 41 и 126*

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государствен- ному управленію за мартъ и апрѣль 1845 года	1 и 11
Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года	10 и 18

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕ- НОСТЬ ВООБЩЕ.

Почва. Происхожденіе ея; улуч- шеніе ея физическое и хими- ческое: удобреніе и уваживаніе; уваживаніе сѣменъ. <i>Статьа третья. (Уваживаніе по- чвы).</i>	1
--	---

V. КРИТИКА.

✓ Учебная Книга Русской Словесно- сти, или избранныя мѣста изъ русскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, съ присовокупленіемъ правиль риторики и пѣнники, и обозрѣніе исторіи русской лите- ратуры, изданная <i>Николаемъ Гречемъ</i> . Задавіе третіе, испра- вленное и пополненное. Четыре части. <i>Статьа вторая (послед- няя).</i>	1
✓ Тарантасъ. Путевыя впечатлѣнія. Соч. графа В. А. Соллогуба	29

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1) <i>Русскія книги, вышедшія въ апрѣ- ль и май 1845 года.</i>	
Новыя Стихотворенія, Н. Лыко- ва	1
Вчера и Сегодня, сост. гр. В. А. Соллогубомъ	3
Новый Гость, изд. А. и К. Рей- меръ	9
Метеоръ на 1845 годъ	11
Москва. В. Филимонова	15
Физиологія Петербурга	16
Типы современныхъ нравовъ. Н. Кирилова	23
Курсъ Высшей и Низшей Геоде- зии, А. Болотова, ч. I	24
Краткая Исторія Крестовыхъ По- ходовъ	25
Императоръ Александръ и его сподвижники	28

Карманный словарь иностранныхъ словъ, Н. Кирилова	—
Санктпетербургская Флора, сост. К. Левинымъ, кн. 11 и 12	29
Воспоминанія Слѣпаго, Ж. Араго, ч. II	30
Начальственные Распоряженія по Казанскому Округу	—
Современные Историческіе Труды въ Россіи, А. Александрова	31
Ученіе о жизни вообще, И. Заце- пина; ч. I	32
О пльствѣ въ Россіи, А. Г.	34
Чтенія Общей Химіи, Г. Геймана	35
Таблицы для вычисленія процен- товъ, А. Ерь-Ерца	—
Новые взгляды на сельск. жизнь	—
Краткое наставленіе для путеше- ствъ, А. Сапожниковъ и П. Та- манскаго	37
Описаніе всѣхъ возможныхъ ла- ковъ, Ф. Нетто	—
Наставленіе господамъ помѣщи- камъ; изд. 2-е	—
Начальныя основанія Алгебры, Р. Щиглова	—
Начальное Чтеніе для развитія по- нятій; изд. 2-е	38
Дѣлушка Крыловъ	—
Географія для Дѣтей, Ф. Студит- скаго	—
Краткій Географическій Атласъ, С. Барановскаго	39
Картинны изъ исторіи дѣтства му- зыкантовъ	—
Шесть сказокъ для дѣтей	—
Разказы для дѣтей	—
Подарокъ Дѣтямъ. Азбука К. Т.	—
Священная Исторія для дѣтей, А. Зонтагъ; изд. 4-е	—
Французская Азбука, А. Курте- нера; изд. 5-е	—
Новѣйшая Французская Азбука	—
Драгоценный Подарокъ Дѣтямъ; изд. 7-е	—
Краткое Начертаніе Русской Ис- торіи, И. Кайданова, изд. 6-е	40
Пара новыхъ русскихъ рѣскаженъ, И. Ваненко; изд. 2-е	—
Старикъ Колдунъ, А. Посильова	41
Сельское Чтеніе, кн. I; изд. 4-е	—
Сказка о двухъ крестьянкахъ	—
Народный Русскій Пѣсенникъ, со- бранный В. Т.; изд. 3-е	42
Анекдоты о Балаиревѣ, собран. А. В. А.; изд. 3-е	—

Стр.		Стр.
	Жизнь безъ горя и печали, И. Щираго	
43	Царица Ночь, А. фонъ Имзена	73
	Магическая Стрѣла	
47	Стихотворенія Э. Губера	77
	Памятники Московской Древности, тетр. 9, 10 и 11 (последнія)	
53	Творенія Святыхъ Отцовъ, годъ 3; кн. 1.	—
55	Братское Описаніе суетврій Чувашъ, А. Протопопова.	—
56	Путеводитель по госуд. архивамъ, П. Иванова	79
	Очеркъ литературы русской исторіи, А. Старческаго	80
57	Опытъ исторіи русской литературы, А. Никитенко	—
	Русская Исторія, Н. Устрялова; изд. 3-е	
	Русскіе Полководцы, сост. Н. Полевынъ	
	Взглядъ на современное положеніе Уголовнаго Законодательства, П. Дегаля	
58	Словарь Русскихъ Святскихъ Писателей, соч. митроп. Евгенія; изд. Москвитянина	44
	Генеральная Карта Европейской части Россіи	
61	Теорія Финансовъ, Иванъ Горлова.	45
	Галерея портретовъ царствующихъ особъ	—
	Краткое Начертаніе географич. Анатоміи, Зегера	46
	Холодная Вода, соч. Гросса	—
62	Отчетъ Моск. Общ. Сельс. Хозяйства	81
	Отчетъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства въ Москвѣ, за 1844 годъ	—
	Отчетъ Вольнаго Экономическаго Общества за 1844-й годъ	
63	Объ оброчныхъ работникахъ, П. Подюнина	—
	Мысли о поддержаніи среднихъ цѣвъ на хлѣбѣ	63
	Бесѣды русскаго купца о торговлѣ	64
65	Объ Ирригаціи, И. Шоена	—
	Библиоюза для Воспитанія, огд. П, ч. I	65
78	Алманахъ для Дѣтей	69
76	Новая Латинская Азбука	76
75	Новѣйшій Французскій Самоучитель, сост. В. Се.....нъ, изд. 2.	75
	Новый Французскій Буваръ	—
	Географія, составл. А. Чернывымъ	
	Библиотека Романовъ («Приключенія Геркулеса Арма», ч. II-я)	
	Пріяель мой Писсаръ, Поль-де-Кока	
	Эльвира, драма, В. М—ва	
	Юрьевъ день, И. Никифорова	
	Полночь 1844—1845. 3.... Адельсонъ	
	Гадательная книжка	
	Вѣстникъ въ потомствѣ, Ф. Кузичева	
	2) Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	
	Der Brief Pauli an die Epheser, пер. Зодергольма	
	Chemini hydro terre, А. Илжковскаго	
	L'Etoile Rouge, par Paul d'Iznel	
	Aux amis de la Jeunesse	
	Entretiens de jeunes personnes	
	Elemente der Arithmetik, F. K.	
	L'Etranger à Venise	
	Tableau Mnémonique, par M-me Minzloff	
59	Le Livre de l'enfance, par Th. Courtener, 9-е изд.	82
	VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.	
	2) <i>Германская Литература:</i> Политическая жизнь Германіи передъ революціей, соч. Клеменса-Теодора Пертеса	1
	<i>Англійская Литература:</i> Современная драматическая литература въ Англии. 1) <i>Драма:</i> Шериданъ Нольсъ: «Виргиній», «Кай Трахтъ», «Вильгельмъ Телль»; — Томасъ Нунъ Тальфурсъ: «Юнъ», «Анжиска Пливица», «Гленко»; — Эдвардъ Литтонъ Вольверъ: «Кромвелль», «Герцогиня де-ла-Вальеръ», «Риппль», «Капитанъ», «Деньги». — 2) <i>Водесиль и мелкія пьесы:</i> Дугласъ Джеррольдъ, Букстонъ, Бернаръ Оксенорсъ, Шланше, Дансъ, Ридъ, и др. — 3) <i>Драмы оль сцены:</i> Броуингъ: «Парацельсъ», «Страфортъ», «Король Викторъ и Король Карлъ», «Возвращеніе Друговъ», «Сэр-Хелло»; — Марстонъ: «Дочь Патриціи»; — Поусиль: «Слѣшая»,	

«Мщеніе Женщины», «Маргарита», «Маріонъ»: — Тайлоръ: «Филиппъ Артефельдъ»: — Бейлей: «Фестъ»: — Сара Флюеръ Адамсъ. «Вивія». — Макреда и его вругъ дѣйствиа	Стр. 51
---	---------

VIII. СМѢСЬ.

БІОГРАФІИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ:

Лордъ Брумъ	1
Сальваторъ Тончи	71
Беранжэ	73

✓ Нынѣшнее состояніе торговли неграми	10
✓ Нравы, обычаи и понятія въ Сѣверо-Американскихъ-Соединенныхъ-Штатахъ Р. Бескельгофта	80
✓ Свѣдѣнія о Европѣ, сообщенныя Китайцамъ католическими вѣроисповѣдниками. О. Іакинѣа	91

Литературныя и Журнальныя Замѣтки:

Замѣчанія на статьи «Библиотеки для Чтенія», «Страбонъ» и «О Иберіи нынѣшняго Закавказья». О критическихъ замѣчаніяхъ г. Буслаева на изданіе «Слова о Полку Игоревомъ» маг. Дубенскимъ («Москвит.» 1845, № 1, Крит., стр. 29). Д. Дубенскаго	105
Размышленія по поводу вѣкоторыхъ явленій въ иностранной журналистикѣ	113
Нѣсколько словъ о фельетонистѣ «Свѣ. Пчелы» и «Хавровнѣ»	114

Театральная Лѣтопись.

Французскій Театръ въ Парижѣ:

La Belle et la Bête, вод. — Le Roi des Frontins, вод. — La Biche au bois, вод. — La Justice de Dieu, др. — Virginie, траг. — Les Deux Tambours, вод. — Le Poison d'avril, вод. — Madame de Lucenne, ком. — Les Faraons, др. — Le Tricorne enchanté, багетонада. — La Peste Noire, др. — L'Amour dans tous les quartiers, вод. — L'Éunuque de Tereace, ком. — Pierre de Portugal, др. — L'Image, вод. — L'Homme au trente écus, вод. —

La Mère Taupin, вод. — Thérèse Lamercière, вод. — Sarah la Juive, др. — La Barcarolle, оп. — Napoleon, др. — Une soirée à la Bastille, ком. — Le Camoëns, др. — Jeanne et Jeanneton, ком. — Le Petit Poucet, картины. — La Tour de Ferragare, драма	Стр. 39 и 119
---	---------------

Ученныя Извѣстія.

Замѣчанія о бугорковой чахоткѣ	46
Пищевареніе сахаристыхъ и крахмалистыхъ веществъ. Животныхъ или словный діастазъ	49
Механическая рука	51
Гальваническіе телеграфы	52
Улучшенія въ гальваническихъ баттарейхъ	55
Озонъ не есть элементъ азота	56
Вліяніе атмосферной температуры на количество угольной кислоты, отдѣляемой животными въ процессѣ дыханія	—
Статистика безумія въ черномъ племени	46
Вліяніе солнечныхъ пятенъ на температуру земли	—
Географическое распределеніе рода человеческого	122
Участіе поджелудочной желѣзы въ процессѣ пищеваренія	125
Дыханіе лягушекъ	126
Животное электричество; мускульныя токи	127
Вліяніе пола рождающагося на самыя роды	128
Происхожденіе органическихъ красильныхъ веществъ	129
Акустическія явленія электрическаго тока	131
Свѣтосныя метеоры	132
Поверхность луны	133
Анастатическое печатаніе	134

Разныя Извѣстія.

Открытія, опыты, наблюденія	59 и 137
Художественныя и литературныя извѣстія	61
Искусства и литература	135
Нравы и обычаи	139
Хозяйственныя и общеполовыя замѣтки	140
Мелочи	63 и 142
Моды (съ двумя парижскими картинками)	

V

ОТЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

ВЫЗОВЪ.

За окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье,
Ты не спишь, плутовка.

Выходи жь ко мнѣ на встрѣчу!
Съ жаждой подалу
Къ сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если взгляды
Слишкомъ-ярко свѣтать:
Я плащомъ тебя закрою,
Такъ-что не замѣтять.

Если сторожъ насъ окликнетъ,
Завоснись солдатомъ, —
Если спросятъ: съ кѣмъ была ты?
Отвѣчай, что съ братомъ.

Поль надсречь Богомолю
Вѣдь тюрьма васкучить.
А неволя по-неволя
Хитрости научить.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

БОГАТАЯ НЕВЕСТА.

Драматическій рассказ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петровский.
Постинковъ.
Васильевъ.
Малодуръ.

Жена Петровскаго.
Засмѣнна.
Князь Голомогій.
Человекъ.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Комната у Петровскихъ.

I.

ПЕТРОВСКІЙ и КНЯЗЬ ГОЛОМОГІЙ играютъ въ карты. ПЕТРОВСКАЯ сидитъ за шпальотъ.

Петровская. — Верно, я забыла сказать тебѣ: Постинкову отпусти.

Петровская. — Какъ отказали?

Петровский. — Какъ обыкновенно отказываютъ.

Петровская. — Да верно ли это?

Петровский. — Онь самъ говоритъ.

Петровская. — Это, однакожъ, удивительно! (Голомому).
Представьте себѣ, Дмитрій Сергавичъ: у насъ есть одинъ прекрасный молодой плавакъ, изъ хорошей фамиліи, родня уѣздному предводителю и еще кому-то, онь сватался на дочера купца, вотъ верный шпальотъ въ мошна ушныи нашей, такъ тотъ онь ломается!

Князь Голомогій. — Онь-чего же?

Петровская. — Вотъ подите!.. Добро бы ужь дочь его красавица была какая, а то, говорятъ, чучело. Не понимаю, право, что за охота Постникову. Я бы изъ-за одной родни...

Петровский. — Однакожь, сто тысячъ рублей вмѣютъ свою фидіомію.

Князь Голоногий. — А! у ней сто тысячъ приданого? Вы и не скажете! Давеча вы рассказывали о разныхъ невѣстахъ, а объ этой и не упомянули. Сто тысячъ! Это не бездѣлица.

Петровская. — Я не говорила потому, что думала, вамъ не стоить и говорить о ней. Не-уже-ли вы погонитесь за приданымъ, Дмитрій Сергѣичъ? А ужь больше-то ничего не спрашивайте: безъ всякаго воспитанія...

Петровский. — Ахъ, поди ты, пожалуйста, съ вашимъ воспитаніемъ! Сколько это стоить (лучше бы деньгами дали); ну, а какаля тутъ польза отъ того, что жена говорить ли, нѣтъ ли по-французски?

Петровская. — Тебѣ все была бы польза. Ты бы, я думаю, въ состояніи показывать жену свою за деньги, какъ ученую лошадь, чтобъ извлечь какую-нибудь пользу. Послѣ этого, по-твоему, не надобно и школъ заводить, а только огородавъ побольше: для твоей пользы капуста сдѣлается дешевле.

(Князь Голоногий смѣется.)

Петровский. — Ну да ладно, хорошо тебѣ такъ разсуждать, какъ за тобой домикъ дали. Поэметрѣла бы ты, какъ иногда люди живутъ: право, иной гораздо-охотнѣе возьметъ на два рубля капусты, чѣмъ на пятьдесятъ рублей книгъ. Тутъ не до воспитанія, душечка.

Князь Голоногий. — А что? она не хороша собой, эта невѣста?

Петровская. — Я не видала ея, а говорятъ просто баба, кухарка.

Петровский. — Кухарка! Пускай она себѣ кухарка, да у этой кухарки сто тысячъ приданого. Вотъ вѣдь иная не кухарка, да что толку-то! Лучше ли ей отъ этого?

Петровская. — Конечно лучше.

Петровский. — А чѣмъ, позвольте спросить?

Петровская. — Ну да тѣмъ, что она не кухарка.

Петровский. — Вотъ извольте съ ней толковать! Никто и не говоритъ, что Лоскутникова красавица...

Князь Голоногий. — Она Лоскутникова? Я знаю одного кунца Лоскутникова, который поставлялъ овесъ...

Петровский. — Точно, точно. Конечно, нельзя сказать, чтобъ она была красавица, да и не чудовище, однако же. Да коли на

та пеню, съ краевымъ вѣдь не воду пить, Дмитрій Сергѣичъ! Что и въ красотѣ, если...

Князь Голоногій.—Разумѣется. Надобно, чтобъ душа...

Петровский.—Было время, когда воспѣвали красавицъ, а теперь всѣ умнѣ стали: нынче порядочный человѣкъ до-тѣхъ-поръ не пойдетъ къ вѣнцу, покуда не узнаетъ въ точности, сколько онъ получитъ приданого.

Петровская.—Какой же порядочный человѣкъ станетъ это дѣлать?

Петровский.—А такой, который знаетъ, что иногда почтенные родители невѣсты имѣютъ очень-дурную привычку общать въ приданое то и другое, а потомъ, смотришь, и надуютъ.

Князь Голоногій.—Да, это водится.

Петровская.—Съ одной стороны, стоило бы хорошенько учить всѣхъ этихъ господъ, которые женятся для приданого только.

Петровский.—Не переучишь, матушка!

Петровская.—Ну, положимъ еще, что иногда необходимо вслаботиться о приданомъ, однакоже по доброй волѣ, изъ одной корысти проводить вѣкъ свой съ такимъ чучеломъ, какъ Лоскутника... это непостижимо!

Петровский.—Ахъ, какая чудная! Нельзя же, чтобъ всѣ были такія красавицы, какъ ты.

Князь Голоногій.—Браво, браво!

Петровская.—Ну, ужъ красота въ сторону. Да вѣдь Лоскутника, я думаю, слова сказать не умѣетъ порядочно.

Петровский.—Слова сказать не умѣетъ! Да какая польза отъ этого, какъ иная трещать съ утра до вечера?

Князь Голоногій.—Конечно.

Петровская.—Ее стыдно показать куда-нибудь.

Петровский.—Пожалуйста, Аванасьева не лучше ея была на-зѣрное; а теперь посмотри-ка!

Петровская.—Нашелъ кого въ примѣръ...

Князь Голоногій.—Что это за Аванасьева такая?

Петровский.—Знакомая наша. Вообразите, она была простая баба лѣтъ подъ тридцать, вдова ямщика и не дурна, если хотите, вѣкла калачи да и накопила, съ наслѣдствомъ послѣ мужа, тысячь вѣтокъ. Ну, одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, бѣдный человѣкъ, подумалъ немножко, да и женился на ней. Надо сказать, впрочемъ, что она женщина умная, сметливая.

Князь Голоногій.—И ужъ калачей больше не печетъ?

Петровский.—Печетъ. Она только не продаетъ сама, а продаетъ работница. Аванасьева теперь знать никого не хочетъ.

Голоногій.—Согласно они живутъ?

ПЕТРОВСКИЙ. — Ничего. При чулких акибы не доругае по крайней-мѣрѣ. Чуть-ли не Аонасьевъ и подбѣгъ Постынина жениться на Лоскутниковой.

ГОЛОНОГИЙ. — А чѣмъ эта Лоскутникова? она пошла бабъ за Постоыникова?

ПЕТРОВСКАЯ. — Еще баб!

ПЕТРОВСКИЙ. — Ну, однакожь, это еще нельзя сказать наверняка. Она чуть-ли не расплодница, такъ можетъ статься и не захочетъ выйти за скobleное рыло. Эти люди думаютъ, коли по-кайшимъ одѣтъ, такъ тутъ и карты и трубы и все, что вы хотите:

ГОЛОНОГИЙ. — Много детей у этого Лоскутникова?

ПЕТРОВСКАЯ. — Одна дочь только. (Молчаливо шур.)

ГОЛОНОГИЙ. — Девять съ полтиной. Ну, за нейъ будетъ.

ПЕТРОВСКИЙ. — Хорошо-сь. Хотите еще?

ГОЛОНОГИЙ. — Нѣтъ; довольно, нажестъ. (Задумывается.)

ПЕТРОВСКАЯ. — Чтѣ имъ такъ задумалось, Дмитрій Сергеевичъ? Не хотите ли приватиться? Ха, ха, ха!

ГОЛОНОГИЙ. — Нѣтъ-сь, я такъ. Я вспомнилъ объ одномъ дѣлѣ. А не гетой! (Уходитъ.)

II.

ПЕТРОВСКИЙ и жена его.

ПЕТРОВСКАЯ. — Чтѣ съ нимъ случилось? Вдругъ такъ убѣжалъ.

ПЕТРОВСКИЙ. — Можетъ-быть, пошелъ свататься къ Лоскутниковой.

ПЕТРОВСКАЯ. — Фу, какъ можно! князь...

ПЕТРОВСКИЙ. — Князь! Да, что отъ этого пользы ему, что онъ князь? Чтѣ за утѣшеніе! Поди-ка онъ на рынокъ, никто ему никуда моркови не подаритъ за то только, что онъ князь.

ПЕТРОВСКАЯ. — Ну, однакожь, все не то, что какой-нибудь Постыниковъ. Онъ можетъ жениться на дочери дворянскаго провизитѣля.

III.

ПЕТРОВСКИЙ, ПОСТЫНИКОВЪ

ПЕТРОВСКИЙ. — А! имъ только-что про тебя говорили.

ПОСТЫНИКОВЪ. — Въ самомъ-дѣлѣ?

ПЕТРОВСКАЯ. — Чтѣ скажете королевича?

Иосифовичъ.—Да, когда у меня есть маленькая просьба.

Петровский.—Напрямь?

Постниковъ.—Можу ли я надеяться...

Петровский.—Фу, Боже мой! Да что такое? Как можно, почему же...

Постниковъ.—Вы тоже не откажите, Софья Александровна!

Петровская.—Я не знаю еще, что вамъ угодно.

Иосифовичъ.—Вы не откажите, я знаю (целуетъ руку). Вотъ прошу васъ, вы знаете, хотите-быть, что я съехалъ на Лоскутинской?

Петровский.—Знаете.

Постниковъ.—Нужно вамъ сказать, что вы меня не отдадите.

Петровский.—Сказали и это. Что же дальше?

Постниковъ.—Я хочу ее увести.

Взвѣтъ. {Петровский.—Дале!

{Петровская.—Увести?

Постниковъ.—Я рѣшился.

Петровский.—Какая же будетъ польза отъ этого?

Постниковъ.—Ну, разумеется, я женись на ней.

Петровский.—И ты навѣрное знаешь, что она пойдетъ за тебя?

Постниковъ.—А почему же нѣтъ?

Петровский.—Послушай, братъ! ты ведь устроишь всѣхъ. Ты же шутишь, въ самомъ-дѣлѣ?

Постниковъ.—Ужъ это конечно.

Петровский.—Ну, уведи-себя на здоровье, да какъ-то вѣрно дѣло до этого, ей (женѣ) особенно?

Постниковъ.—Да я хотѣлъ просить васъ позволить мнѣ помѣнить ее у васъ вѣкуда. Вы знаете я живу не одинъ.

Взвѣтъ. {Петровский.—Нѣтъ, братъ, это пустое.

{Петровская.—Что вы, какъ можно!

Постниковъ.—Всего только на одинъ сутокъ, до завтра.

Петровский.—Да какъ-то такая польза отъ этого, чтобы отъ чего востанетъ? Ни за что, ни за что!

Петровская.—Да, конечно, тутъ и думать нечего.

Постниковъ.—Какая тутъ ответственность! Возьмъ васъ пустымъ покомъ: дайте мнѣ вѣсело только, — вотъ и все тутъ! Вы будто и не знаете ничего. Можно сказать вѣсело, если что случится, что я впрямь у васъ покомъ для какихъ-то привѣзшихъ.

Петровский.—Хорошо, да востанетъ неравно выйдетъ тутъ исторія, надо съпутывать, пожалуй еще придутъ объяснять. Добро бы я одинъ, ну какъ и быть, а то и еще... Ну, братъ, какъ можно...

Постниковъ.—Ну, какъ же иначе! Что же это будетъ такое!

Петровская.—Да отъ чего такъ непреклонно къ намъ? Вы можете отвезти ее куда-нибудь въ другое мѣсто.

Постниковъ.—Куда же прикажете? Къ какому-нибудь привазию по-дождо, я только на васъ и надѣялся.

Петровская.—Ну, а Грязновы, напримеръ? Попросите Грязновыхъ; они для васъ это сдѣлаютъ.

Петровский.—Въ самомъ дѣлѣ, отвези ее къ Грязновымъ.

Постниковъ.—Да! Знаю я этихъ Грязновыхъ! Они позволяютъ привести къ себѣ, да потомъ и женить на ней какого-нибудь родственника своего. Сто тысячъ приданого, вѣдь это подумавши только... Своя рубашка ближе къ телу, Софья Александровна.

Петровский.—Ну, скажи, пожалуйста, не сумасшедшій ли ты? хочешь увезти девушку и боишься, чтобъ она не вышла за другого!

Постниковъ.—Да, будешь бояться, какъ у ней сто тысячъ приданого. Выйди-ка она на волю, такъ тутъ жениховъ набьются столько... Обвѣчаютъ ее съ кѣмъ-нибудь, такъ что она омонитъ не успѣетъ. Ну, что жь?..

Петровская.—Знаете ли, я вамъ что скажу,—вы не осердитесь на меня?—говорятъ, она худо воспитана.

Постниковъ.—Да мнѣ какое дѣло, что она худо воспитана? не я ее воспитывалъ.

Петровская.—А что? она хороша собой?

Постниковъ.—Говорятъ, что не очень хороша, а впрочемъ, ей-Богу, не знаю; я ее еще отроду не видывалъ. Я откровенно скажу, что женюсь только для приданого.

Петровский.—Очень вѣрю. Да съ чего ты взялъ, любезный, что девушка броситъ отца и убѣжитъ съ человѣкомъ, котораго она никогда не видывалъ, и котораго она тоже, вѣроятно, не знаетъ?

Постниковъ.—Да ужъ объ этомъ вы не безпокойтесь. Во-первыхъ, никакого отца у ней нѣтъ: это ее дядя, а не отецъ. Имѣнне у ней собственное, между-тѣмъ, она живетъ чертъ-знаетъ по-каковски. Она рада-радешенька будетъ выйти замужъ; ну, а какъ ты выйдешь, коли дядя объ этомъ слышать не хочетъ равно, дескать, успеешь наплакаться замужемъ? По всему видно, что ему хочется оставить ее въ дѣвкахъ, да и прибрать къ себѣ имѣнне. Тутъ одно средство—убѣжать; больше дѣлать нечего.

Петровская.—Отъ-чего же, если убѣжать, такъ ужъ непреклонно съ вами?

Постниковъ.—Я, видите ли, подсылаю къ ней одну женщину, торговку. Она наговорила, что я хорошій малый, наивѣстный баринъ, изъ Петербурга прїехалъ, вотчина такъ большая, что я хочу жениться на ней, да дядя не отдаетъ, потому-что хочетъ прибрать ее имѣнне; что когда она выйдетъ за меня, сама будетъ потомъ

барыня, разумеется... лакеи съ аксельбантами въ треугольных шляпахъ, — короче сказать, эта женщина за три рубля (серебромъ, известно), наговорила столько, — я обѣщалъ двадцать золотыхъ; когда женился, — наговорила обо мнѣ столько, что дура Лоскутникова согласилась убивать и обвенчаться со мной тихонько.

Петровский.—Все это хорошо, однакожь...

Постниковъ.—Ну, какъ вамъ не стыдно послѣ этого? Что вы теперь дѣлать? Я считалъ навѣрное, что вы мнѣ не откажете. У васъ такъ удобно; я думалъ даже нанять послѣ эти покои. Вы бы съ меня лишняго не взяли.

Петровская.—Разумеется.

Постниковъ.—Ну, то-то и есть! Я бы сдѣлалъ у себя динь: во воскресенья обидать, а по четверткамъ преферансъ, а потомъ... (показываетъ, какъ играютъ въ банкъ)... кромѣ того, мы бы часто ходили въ гости другъ къ другу. Я даже купилъ бы лошадей у васъ, можетъ-быть.

Петровский.—Гвѣдыхъ? Да я ихъ меньше пятисотъ не отдамъ.

Постниковъ.—Ну, что жъ такое! велико дѣло пятьсотъ рублей! Ну, рѣшитесь что ли? Я безъ васъ пропаду, хоть посылай къ Лоскутниковой извиниться, что не могу ее похитить.

Петровский.—Зачѣмъ же? Теперь ужъ глупо опускать.

Постниковъ.—Ну, да что жъ дѣлать?

Петровский.—Мнѣ жалко... Конечно... съ моей стороны... не знаю, какъ она, право...

Постниковъ.—Софья Александровна согласится. Дѣ? Ну, скажите (маленько руки). А ужъ какого бы я вамъ бархата выписалъ изъ Москвы на капотъ, такъ Анна Львовна наша заплачетъ отъ зависти. Представьте себѣ: она какъ-то говорила, что вы совсѣмъ не умѣете одѣваться.

Петровская.—Она-то какъ одѣвается! Розовый салопъ и желтое пальто! Молчала бы лучше! Сама въ такомъ положеніи, что не годилось бы вызвѣжать на публичныя собранія, а она еще танцевать лезетъ. Сшила себѣ капотяшко изъ какого-то краденаго бархата и воображаетъ, что она теперь первая красавица въ Европѣ! Умора! Не знаю, гдѣ она перенимаетъ манеры свои: ни мать ни взятъ какая-нибудь...

Постниковъ.—Она представляетъ такую en-grand.

Петровская.—Дѣ. А давно ли, кажется, ее по щекамъ били?

Петровский.—Кто билъ по щекамъ?

Петровская.—Отецъ. Не почуветъ дома, бывало; отецъ встрѣтитъ потомъ на дворѣ, да и начнетъ по щекамъ ваять.

Петровский.—Это выдумка!

Петровская.—Нѣтъ, не выдумка. Марья Ивановна знаетъ про

нее много подробностей. Послушать только!

Петровский. — Толкуй! а вотъ она теперь расхаживаетъ-себя въ бархатномъ капотѣ, да н...

Петровская. — Что жь такое! что за важность! Какъ-будто у меня не можетъ быть бархатнаго капота? Я сама...

Постниковъ. — Что вамъ самимъ хлопотать еще? позвольте ужь мнѣ. Какого вамъ бархата, зеленого или малиноваго?

Петровская. — *Ouille d'ours.*

Постниковъ. — Напишите на бумажкѣ.

Петровский. — Ты развѣ согласна, Sophie?

Петровская. — Что такое согласна?

Петровский. — А чтобъ привести сюда Лоскутникову?

Петровская. — Я не объ томъ думала. Я хотѣла просить ихъ взять на себя коммисію вынести мнѣ бархата. Впрочемъ, если ты хочешь позволить, мнѣ тутъ спорить нечего. Ты какъ знаешь, такъ и дѣлай, а мнѣ какая надобность? я отвѣчать не буду.

Постниковъ. — Ну, конечно, что ли?

Петровский (*подумавъ*). — Такъ и быть! Смотри же, братья, не отдавай намъ хлопотъ.

Постниковъ. — О, будьте увѣрены!.. Гдѣ же ключи отъ этихъ покоевъ?

Петровский. — Вотъ они. (*Достаетъ изъ коммоды.*)

Петровская. — Постой! мнѣ надо достать оттуда кой-что. Тамъ стоять у насъ разные припасы: не вынести ли ихъ?

Постниковъ. — Ничего; она не съѣсть.

Петровская. — Да не пропотить ли немножко? Тамъ вѣдь сырость, я думаю?

Постниковъ. — Не нужно-сь.

Петровский. — Угарно будетъ, правда.

Постниковъ. — Конечно, еще угаритъ, пожалуй, ночью.

Петровская. — Все-таки надобно принести туда кровать какую-нибудь.

Постниковъ. — Не надо-сь; она можетъ спать на стульяхъ. Тамъ есть стулья?

Петровский. — Есть такіе, знаешь, простые.

Постниковъ. — Ну, и конечно дѣло.

Петровская. — Дайте-ка, я посмотрю тамъ немножко. (*Беретъ сумку и уходитъ.*)

IV.

ПЕТРОВСКИЙ и ПОСТНИКОВЪ.

ПЕТРОВСКИЙ.—Загналъ ты, братъ... Какъ-то еще съ рукъ сойдеть!

Постниковъ.—Ужь будь увѣренъ, что все кончится хорошо.

ПЕТРОВСКИЙ.—Ну, дай Богъ! А если не удастся, если ты какъ-нибудь попадешься, вѣдь тогда плохо.

Постниковъ.—Что ужъ тутъ! Была не была! Я на то пошелъ: либо пань, либо пропаль! Скоро ли дождешься такой оказіи — сто тысячь рублей! Шутка сказать! Мы теперь поживемъ! Куплю себѣ шивніе, либо домъ въ Москвѣ...

ПЕТРОВСКИЙ.—Что жь, ты уѣдешь отсюда?

Постниковъ.—Разумѣется. Я выйду въ отставку.

ПЕТРОВСКИЙ.—Помилуй, братецъ! какъ же ты говоришь, что хочешь нанять у насъ поковъ?

Постниковъ.—Ахъ, да! точно. Нѣтъ, я лучше останусь здѣсь: пожалуй, еще въ Москвѣ обыграютъ какъ-нибудь. Однакожь, я все-таки навѣренъ лѣтомъ съѣздить на полгода за границу, къ водамъ; квартира за мной останется, впередъ заплачу, пожалуй.

ПЕТРОВСКИЙ.—Это еще зачѣмъ къ водамъ тебѣ?

Постниковъ.—Да такъ. Я что-то чувствую иногда стѣсненіе въ груди; должно быть, приливъ крови.

ПЕТРОВСКИЙ.—Вотъ еще! Куда же ты поѣдешь?

Постниковъ.—Тамъ посмотрю еще. Хочется въ Парижъ заѣхать. Любопытно побывать въ Парижѣ; а можетъ-быть...

V.

ПЕТРОВСКИЙ, ПОСТНИКОВЪ, БОБРОВЪ.

ПЕТРОВСКИЙ.—М-г Вобровъ!

Бобровъ.—Bon jour! (Постникову) Что? у насъ кончено?

Постниковъ.—Кончѣно.

Бобровъ.—Ва чѣмъ же дѣло стало? Поднимать, такъ поднимать. Погода сейчасъ идетъ.

Постниковъ.—А вотъ подожди немножко: теперь еще рано.

Бобровъ.—Рано? А тамъ дождейтъ пойдетъ. Чего жь еще до-муждаться? вѣдь ужъ тепло. Я вѣдь немножко рому: неравно ей луно съѣдается.

Петровскій. — Въ-самомъ-дѣлѣ, мѣшкать нѣчего. Какъ же это будетъ? Она выйдетъ за ворота?

Постниковъ. — Я запою пѣсню у ихнаго дома, она и выйдетъ за ворота. Масловъ и онъ стануть караулить, чтобъ не увидѣли, и если что случится то же...

Петровскій. — Ну, а распорядился ли ты на-счетъ позволенія жениться?

Постниковъ. — Когда тутъ! У меня прошлаго года двоюродный братъ хотѣлъ жениться, да не женился: я могу обвѣнчаться съ его свидѣтельствомъ, а послѣ свадьбы и буду просить позволенія, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ. Мнѣ бы только обвѣнчаться какъ-нибудь. Я вѣдь за городомъ...

Петровскій. — Ну, смотри, братъ!

Постниковъ. — Вотъ еще! Всего бояться, такъ и... Можно будетъ сказать, коли выйдетъ исторія какая, что поторопился обвѣнчаться, потому-что дядѣ невѣсты надобно было вѣхать въ Петербургъ немедленно, что его вдругъ назначили туда въ градскіе головы...

Петровскій. — Какъ-будто въ Петербургъ, кромѣ Лоскутникава, и людей не стало, кого сдѣлать градскимъ главою!

Постниковъ. — Ну, вотъ, какая надобность! Потомъ пришло письмо, скажу, что другаго сдѣлали, такъ онъ и не поѣхалъ.

Петровскій. — Положимъ все это; да смотри, братъ, какъ ты другъ женишься, да безъ пользы?

Постниковъ. — Какъ безъ пользы?

Петровскій. — Да какъ Лоскутниковъ взбѣситъ, да не дастъ приданого, такъ вотъ ты и напляшешься съ своей супругой.

Постниковъ. — Да какъ онъ можетъ? Сиротскія деньги? На это есть начальство, братецъ.

Бобровъ. — Разумѣется. Пусть онъ чуть что-нибудь, такъ мы его сейчасъ на пугундеръ! Смотри, братъ: женишься, такъ сдѣлай балъ.

Постниковъ. — Разумѣется.

Бобровъ. — Нѣтъ, лучше обѣдъ; что за балъ!

Постниковъ. — Хорошо.

Бобровъ. — Или балъ лучше?

Постниковъ. — Изволь. Балъ, такъ балъ!

Бобровъ. — Или обѣдъ... Нѣтъ лучше вотъ какъ: сначала обѣдъ, потомъ балъ, или хотъ сперва балъ, а потомъ обѣдъ. Два дни не-прайшей-мѣрѣ, слышишь?

Постниковъ. — Слышу, слышу.

Бобровъ. — Ну, смотри же. А-гггггггг, намъ не ловко идти этакъ; надобно бы переодѣться.

Петровский.—Ну вот, когда теперь!

Бобровъ.—И то правда (Петровскому). Нѣтъ ли у тебя фуражки похуже?

Петровский.—Постой-ка, у меня была гдѣ-то фуражка старая. Я поищу ее (хочетъ идти).

(Приходитъ человекъ.)

Человѣкъ.—Ваше благородіе, пожалуйста къ Федору Петровичу.

Петровский.—Зачѣмъ?

Человѣкъ.—Не могу знать-съ.

Петровский.—Что бы это такое? Ну, извините, господа; я вернусь какъ можно скорѣе.—Скажи жень, она достанетъ фуражку (уходитъ).

VI.

ПОСТНИКОВЪ и БОБРОВЪ.

Постниковъ.—Неужь-то намъ его дожидаться?

Бобровъ.—Къ-каму? А куда ушла Софья Александровна?

Постниковъ.—Она пошла прибирать покои.

Бобровъ.—Какъ ты уломалъ ихъ пустить къ себѣ?

Постниковъ.—Какъ-будто мудро съ ними слѣдить! Я обѣщаль ей бархата на капотъ, а ему сказалъ, что найму квартиру, да куплю лошадей. Ему была бы только польза какая-нибудь... Наврасся я съ самого начала...

Бобровъ.—Ты развѣ будешь держать лошадей?

Постниковъ.—Буду, да не такъ, какъ у Петровскаго.

Бобровъ.—Ну, а этихъ куда же ты дьнешь?

Постниковъ.—На ней чертъ мнѣ ихъ! Я такъ сказалъ только, что куплю: надо же что-нибудь говорить. Я даже, можетъ-быть, и квартиры-то у нихъ не найму. Что это за квартира! Въ глухой улицѣ...

Бобровъ.—Разумѣется, что это за квартира! При твоихъ состояніи можно будетъ нанимать квартиру съ балкономъ.

Постниковъ.—Я и хочу нанять съ балкономъ. Я люблю курить на балконѣ. Не знаю, какими бы образомъ выписать сигары изъ Петербурга; мнѣ бы хотѣлось регалия: говорить, что регалия сія сигарки: лучше гаванскихъ.

Бобровъ.—Что за диковина! Были бы деньги, а то можно выписать хоть изъ Регалия, пожалуй, не только что изъ Петербурга.

VII.

ПОСТНИКОВЪ, БОБРОВЪ и ПЕТРОВСКАЯ,

ПЕТРОВСКАЯ (сдастъ Пастухову ключи). — *Воз loir, M-r Bobroff.*
 Что вы такъ похудѣли? Vous avez été malade?

БОВРОВЪ. — Non, Monsieur...

ПЕТРОВСКАЯ. — Право, вы что-то переболѣли (Пастухову). Это
 тоже изъ спутниковъ вашихъ въ Колдмау?

БОВРОВЪ. — Что вы изволите говорить?

ПЕТРОВСКАЯ. — Я спрашивала, что вы тоже изъ числа аргонавтовъ?

БОВРОВЪ. — Какихъ это-съ?

ПЕТРОВСКАЯ. — Ну, вотъ которые ѣздили для похищенія золотого руна.

БОВРОВЪ. — Какого золотого руна?

ПЕТРОВСКАЯ. — Я говорю, вы вѣрно вмѣстѣ отправляетесь.

БОВРОВЪ. — Да-съ, вѣдать.

ПЕТРОВСКАЯ (Пастухову). — Я тамъ пришла несколько въ порядокъ; а если что понадобится, вы спросите.

ПОСТНИКОВЪ. — Очень-хорошо-съ.

БОВРОВЪ. — Послушай, братъ! что же имъ думать? ведь карауль. Машера, я думаю, дождется.

ПОСТНИКОВЪ. — Идемъ, идемъ, а фуражка-то!..

БОВРОВЪ. — Ахъ да! Николай Ивановичъ говорилъ, чтобы вы достали намъ какую-то фуражку старую.

ПЕТРОВСКАЯ. — А гдѣ же онъ самъ, Николай Ивановичъ?

ПОСТНИКОВЪ. — За нимъ прислали къ Федору Петровичу.

ПЕТРОВСКАЯ. — Ну, я безъ него тоже не найду.

ПОСТНИКОВЪ. — Да и не нужно-съ.

БОВРОВЪ. — Ну, ладно. Adieu.

ПОСТНИКОВЪ. — Прощайте, Софья Александровна (идущъ).

ПЕТРОВСКАЯ. — Adieu! желаю вамъ всякаго благополучія.

БОВРОВЪ. — А прощас. Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь веревки?

ПЕТРОВСКАЯ. — Веревки? нѣтъ. Да на что вамъ?

БОВРОВЪ. — Такъ, вѣроятно понадобится, если Лоскутинкина въ капризничаетъ вдругъ.

ПЕТРОВСКАЯ. — А! спросите у Алексея онъ вамъ дастъ веревку, на которой носятъ дрова.

ПОСТНИКОВЪ. — Да къ чему эти веревки?

БОВРОВЪ. — Ну, такъ, не мѣшаетъ. (Уходитъ).

(Петровская садится и шьетъ).

VIII.

ПЕТРОВСКАЯ и ЗАСЫПКИНА.

ПЕТРОВСКАЯ.—Ахъ, вотъ ужъ неожиданно!

ЗАСЫПКИНА.—Вонъ жонг, ша сѣге; что ты поддывляешь?

ПЕТРОВСКАЯ.— Да вотъ шила... Николай Ивановичъ ушелъ къ Федору Петровичу, я одна одинѣшенька сижу сколько времени.

ЗАСЫПКИНА.— А зачѣмъ Николай Ивановичъ ушелъ къ Федору Петровичу?

ПЕТРОВСКАЯ.— Не знаю. Присылалъ за нимъ.

ЗАСЫПКИНА.— Ты въ одну строчку шьешь?

ПЕТРОВСКАЯ.— Въ одну. А что?

ЗАСЫПКИНА.— Такъ. Какой знаменитый холстъ нынѣ у насъ? Битка къ биткѣ.

ПЕТРОВСКАЯ.— А ты гдѣ видѣла?

ЗАСЫПКИНА.— У казначея. Я сейчасъ оттуда. Мисси оставлен играть въ ялли съ какимъ-то вриажинимъ изъ Москвы, она тамъ! Я и ушла шовконьку. Портной Антоновъ проводилъ меня.

ПЕТРОВСКАЯ.— Много гостей у казначея?

ЗАСЫПКИНА.— Нѣтъ. Ахъ я сьумасшедшая! чуть не забыла зачѣмъ пришла къ тебѣ. Кто жъ вамъ переехалъ?

ПЕТРОВСКАЯ.— Къ намъ? Никто. Съ чего ты знала это?

ЗАСЫПКИНА.— Какъ же у васъ огонь въ пустыхъ комнатахъ?

ПЕТРОВСКАЯ.— Ахъ, это Постниковъ просилъ одолжить ему комнату на одинъ сутки; впрочемъ, можетъ-быть, онъ и найметъ ихъ по-слѣ.

ЗАСЫПКИНА.— Постниковъ? Что это значить? Къ чему Постникову такая квартира?

ПЕТРОВСКАЯ.— Вышли такія обстоятельства. Онъ намъреть пожить одну особу.

ЗАСЫПКИНА.— Постниковъ? Ха, ха, ха! Нѣтъ, ты врутишь?

ПЕТРОВСКАЯ.— Какія шутки!

ЗАСЫПКИНА.— Ну, что жъ? потому онъ женится на ней?

ПЕТРОВСКАЯ.— Разумѣется.

ЗАСЫПКИНА.— Ахъ, это интересно! Позинцоніе! Я очень люблю всякія скандальныя исторіи. Вотъ какъ кстати я пришла сюда! А вѣдь у насъ очень-давно не было никакого помѣщенія.

ПЕТРОВСКАЯ.— Давно. Я не помню даже.

ЗАСЫПКИНА.— Я тоже не помню. Да, признаюсь сказать, кого у насъ и помѣщать-то!.. Какъ это вздумалось Постникову!.. Можно узнать кто эта счастливая? Лаврентьева? Нѣтъ?

Петровская. — Только, пожалуйста, чтобъ это осталось между нами.

Засыпкина. — О, будь уверена... Кто жь бы это?..

Петровская. — Вѣдь скверно будетъ, какъ Постниковъ узнаетъ, что мы первыя разболтали объ этомъ.

Засыпкина. — Конечно. Не-уже-ли вагенмейстерову падчерицу?

Петровская. — Онъ хочетъ похитить Лоскутникову.

Засыпкина. — Какъ Лоскутникову? Не можетъ быть!

Петровская. — Отъ-чего жь не можетъ быть? Ему, правда, отказали, да Лоскутникова согласилась убѣжать съ нимъ.

Засыпкина. — Однако это ни на что не похоже. Мой братъ имѣетъ намѣреніе жениться на ней.

Петровская. — Твой братъ? Вотъ это мило! Да что жь у тебя прежде языка не было?..

Засыпкина. — Кто же зналъ?.. этого нельзя... я сейчасъ пойду.

Петровская. — Послушай, что жь это будетъ такое? Я тебя скажу по секрету; ты насъ совсѣмъ скомпрометируешь.

Засыпкина. — Да тутъ совсѣмъ другое дѣло. Мой братъ...

Петровская. — Ну, что такое твой братъ? Ему бы такъ же отказали, какъ и Постникову. Постниковъ вѣдь еще родня уѣздному прокурору здѣшнему.

Засыпкина. — На одномъ солищѣ онучи сушили! Мой братъ не видѣе Постникова.

Петровская. — Да коли изволишь знать, ее хотѣтъ выдать за купца.

Засыпкина. — Да, да! Рассказывай по субботамъ! Какъ ты хочешь, я пойду, я пошлю сказать... не я буду!..

Петровская. — Что ты! Какъ можно! Я не позволю; это нельзя... я не пушу тебя.

Засыпкина. — Вотъ я посмотрю, какъ ты не пустишь.

Петровская. — Ну, такъ стой, я тебя гонорю, если ты замнешься кому-нибудь объ этомъ, завтра же всѣ узнаютъ... *(молчитъ на ухо)*.

Засыпкина. — Это ужь будетъ низко съ твоей стороны: не сама ли ты обвѣщала?..

Петровская. — Ну, да коли и ты такая! Ужь теперь дѣлать нечего. Очень-жаль, что твой братъ опоздалъ; объ чемъ онъ думалъ до-сихъ-поръ? Теперь дѣло кончено.

Засыпкина. — Какъ кончено? Развѣ они ужь обвѣщаны? Развѣ сегодня венчаютъ?

Петровская. — Знаю, что не венчаютъ, да они могутъ обвѣчаться завтра.

Засыпкина. — Ахъ, еслибъ... Да скажи мнѣ, какъ же это успѣли сдѣлать? Кажется, Постниковъ никогда не ходилъ къ Лоскутниковымъ. Гдѣ жъ они видѣлись?

Петровская. — Да они никогда не видали другъ друга.

Засыпкина. — Да какъ же это такъ?

Петровская. — Тутъ работала какая-то торговка... Нѣтъ ничего мудренаго, что ей хочется замужъ. Ну, ей насажали, что Постниковъ такой-сякой красавчикъ...

Засыпкина. — Стало-быть, ей все-равно, Постниковъ ли, чортъ ли, дьяволъ ли, былъ бы только женихъ, да еще...

Петровская. — Ужъ это ты у ней спроси.

Засыпкина. — Что, еслибъ... (*подумавъ, бросается къ Петровской* *на шею*). Sophie, душечка, не откажи мнѣ, будь другъ!

Петровская. — Что ты? что ты? Что съ тобою сдѣлалось?

Засыпкина. — Если ты хоть крошечку меня любишь...

Петровская. — Да что тебѣ такое?

Засыпкина. — Позволь моему брату жениться на Лоскутниковой.

Петровская. — Вотъ это мило! Да по какому праву я могу... Она не дочь моя.

Засыпкина. — Да вѣдь она будетъ у васъ въ домѣ?

Петровская. — Ну, такъ что жъ такое? Мы этого и знати не знаемъ будто... Постниковъ приведетъ ее для себя. Коли такъ, спроси его, чтобъ онъ уступилъ ее твоему брату.

Засыпкина. — Гдѣ! Я думала вотъ какъ: чтобъ ты позволила моему брату увести ее отъ васъ. А? Мы бы ее куда-нибудь святаги, такъ-что никто бы не зналъ, куда она двалась, а завтра онъ бы и обвинчался.

Петровская. — Вотъ прекрасно! ха, ха, ха! Что жъ это будетъ? Пожалуй, кто-нибудь ее у васъ украдетъ: такъ ее и будутъ таскать цѣлую ночь изъ мѣста въ мѣсто? Нѣтъ, душечка, это будетъ ни на что не похоже. Постниковъ просилъ, такъ-сказать, нашего покровительства, а вдругъ его обмануть...

Засыпкина. — Что жъ такое? Вѣдь онъ самъ обманываетъ. Ты тутъ не будешь виновата: ты только дашь мнѣ ключъ отъ дверей съ черной лѣстницы. Можно удрать вотъ какую штуку: къ Постникову прислать записку, что его просить къ себѣ кто-нибудь, а между-тѣмъ братъ мой и уведетъ Лоскутникову.

Петровская. — Нѣтъ, нѣтъ. Ужъ ты оставь это.

Засыпкина. — Пожалуйста!..

Петровская. — Ни за что. (*Смѣясь*) Постниковъ обманалъ мнѣ бархату на капотъ; чуть-ли онъ не посылалъ эстафетъ въ Москву.

Засыпкинна. — Велика важность бархатъ! Да мой братъ подаритъ тебѣ бриллантовья серьги за это. Выдери мнѣ глаза, душечка, если...

Петровская. — Я не къ тому говорю. Я не для бархата; мнѣ всё равно. Еслибъ ты немножко-пораньше...

Засыпкинна. — Ну, что жъ такое? Развѣ ты дала клятвенное обещаніе Постникову, что будешь помогать ему?

Петровская. — Нѣтъ; однакожъ...

Засыпкинна. — Ну и конечно дѣло... *(На лѣстницѣ шумъ)*. Что это такое?

Петровская. — Ахъ, это вѣрно ее привели. Пойдемъ ко мнѣ. Неловко, если тебя увидятъ.

Засыпкинна. — Ахъ, мнѣ бы хотѣлось взглянуть!

Петровская. — Она сюда не прійдетъ. Пойдемъ поскорѣе.

Засыпкинна. — Если этотъ Постниковъ не обморочилъ ее, дуру, какъ-нибудь, такъ я позволю съ собой что угодно дѣлать. *(Уходитъ.)*

IX.

БОБРОВЪ и МАСЛОВЪ.

Бобровъ *(въ дверяхъ)*. — Что? еще не приходилъ Николай Ивановичъ?

(Голосъ человека:) Никакъ нѣтъ-съ.

Бобровъ. — Что же это? Мы, однако, подождемъ его. Я не думалъ, чтобъ это скоро кончилось и такъ благополучно.

Масловъ. — Дѣ, дѣ. Экой счастливецъ этотъ дьяволъ! Какая досада, что я не взялъ съ собой сигарки! здѣсь не скоро найдешь. Да и что она къ немъ нашла такое? Я бы самъ на ней женился не хуже Постникова.

Бобровъ. — Мало чего нѣтъ! и я бы женился, кабы зналъ, что это все такъ легко будетъ. Сто тысячъ рублей, время вещей, разумѣется! Это вѣдь мое почтеніе!

Масловъ. — Ты замѣтилъ, однакожъ, салонншице-то у ней такая дрянъ. Да и платокъ-то на головѣ...

Бобровъ. — Дѣ, дѣ! Ну, можетъ-быть, она нарочно одѣлась такъ, чтобъ не узналъ кто-нибудь.

Масловъ. — И те правда. Она не дура, должно быть. Нѣтъ ли у тебя сигарки?

Бобровъ. — Нѣтъ. Еслибъ она была только немножко покураживе, посутыльниве; а то, признаюсь, она какъ-то...

Масловъ. — Вотъ тебѣ разъ! Нельзя же искать вездѣ совершенства. Разумѣется, она не такъ лодка, ну да за то ужь *belles*, что ты ни говори! Вѣдь это всегда счастье такимъ дуракамъ, какъ Постниковъ. Ты какъ хочешь, а я выпрошу у него золотые часы, въ знакъ памяти. Что жь? мы даромъ что ли трудились, да мокли на дождѣ?

Бобровъ. — Ты продашь ихъ послѣ.

Масловъ. — Разумѣется. Вотъ я еще ноги промочилъ: того и гляди, что сапоги лопнуть.

Бобровъ. — Ты и за это взъищи. Мнѣ тоже надобно будетъ выпросить что-нибудь. Я попрошу денегъ въ долгъ.

Масловъ. — Тоже въ знакъ памяти? Ха, ха, ха!

Бобровъ. — Разбогатѣю, такъ отдамъ. Что ты ищешь?

Масловъ. — Куда это Петровскій прячетъ сигарки? Словно какъ по двадцати копеекъ штука! Табаку тоже нѣтъ. Нѣчего сказать, порядокъ въ домъ!

Бобровъ. — Да что жь онъ засыпъ, Постниковъ? Ничего не сказалъ. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Теперь бы можно...

X.

БОБРОВЪ, МАСЛОВЪ и ПОСТНИКОВЪ.

Бобровъ. — А! Послушай, братъ, свадьба свадьбой, а теперь можно бы спрыснуть твою невесту.

Масловъ. — Дѣ, дѣ.

Постниковъ. — Знаете ли что, господа? Она дѣвка.

Бобровъ. — Кто это?

Постниковъ. — Лоскутникова, вотъ, которую мы похитили. Она говоритъ, что это совсѣмъ не она, что она совсѣмъ не Лоскутникова, а горничная ихняя.

Масловъ. — Что ты врешь такое? Ты ужь на радости вѣрно того... (*щелкаетъ себя по воротнику*).

Постниковъ. — Какое, братецъ! она сама говоритъ по-крайней-мѣрѣ.

Масловъ. — Да не можетъ быть...

Постниковъ. — Такъ зачѣмъ же ей говорить это? Просить, чтобъ ее домой проводили. Бойся идти одна.

Бобровъ. — Странно, однакожъ! Тутъ что-нибудь да не такъ.

Масловъ. — Да пустяки, разумѣется.

Постниковъ. — Вотъ еще, пустяки!

Бобровъ. — А знаешь ли, братецъ, что мнѣ пришло въ голо-

ву? Это, я думаю, штуки. Она нарочно говорить. Можетъ-быть, она раздумала выходить за тебя, такъ и прикидывается горничной.

Масловъ. — Дá, дá. Можетъ-быть, она не хочетъ ужъ выходить за тебя, такъ и говорить это нарочно.

Постниковъ. — Вотъ вздоръ какой!.. Право, господá, не горничная ли это? Она что-то непохожа на барыню.

Бобровъ. — Если горничная, кто бы ей велѣлъ выходить на крыльцо? Къ-тому жъ, она пошла съ нами такъ смирно, какъ-будто рада была еще, такъ-что не нужно было и вести ее, и хотъ бы словечко вымолвила дорогой.

Постниковъ. — Это чудно, однакожъ. — Отъ-чего же ей теперь притворяться?

Бобровъ. — Ахъ какой ты! Я говорю, что она вѣрно раздумала. — Видала ли она тебя прежде когда-нибудь?

Постниковъ. — Нѣтъ.

Масловъ. — Ну, и конечно: она воображала, что ты лучше.

Постниковъ. — Вотъ выдумали!..

Бобровъ. — Нѣтъ не выдумали. — Я не понимаю, братецъ, какъ это ты не могъ распознать хорошенько.

Постниковъ. — Чтó жъ мнѣ, въ-самомъ-дѣлѣ? Вотъ, еслибъ она назвала себя кухаркой, такъ можно бы на-примѣръ спросить, какъ надобно дѣлать яблочный пирогъ, чтобъ узнать точно ли она кухарка. Ну, а горничную какъ ты узнаешь? Ну-ка ты, умный человекъ?..

Бобровъ. — Все можно какъ-нибудь.

Постниковъ. — Ну, а какъ же по-тѣдему? Она сидитъ на томъ, что горничная, говорить, что развѣ у ней бральянты какіе, что принимаютъ за барышню.

Бобровъ. — А кто ее спрашивалъ о брильянтахъ? Видишь, она ужъ немножко проговорила? Нѣтъ, это ясно, что она не горничная; она, можетъ-быть, нарочно сняла брильянты... У! да она умница! Мы еще давеча говорили.

Масловъ. — А что ты думаешь, если она и вправду нарочно сняла брильянты? Знаешь ли чтó, братъ? Пусти меня съ ней поговорить. Можетъ-быть, она какъ-нибудь проболтается.

Постниковъ. — Вотъ еще! съ какой стати?

Бобровъ. — Да вѣдь надо же, братецъ, это кончить какъ-нибудь. Надо же узнать, горничная ли она, или нѣтъ.

Постниковъ. — Конечно; да все-таки... если она не горничная, такъ ужъ я самъ женюсь на ней, а больше никто.

Бобровъ. — Передъ тобой! — Масловъ! въ-самомъ-дѣлѣ, ты вѣдь такой ловкій мальчикъ, поди-ка, провѣдай хорошенько.

Масловъ.—Ну, да я и говорю... (*причесывается передъ зеркаломъ и уходитъ*).

XI.

ПОСТНИКОВЪ и БОБРОВЪ.

Бобровъ.—А что, братъ, если это въ-самомъ-дѣлѣ горничная? Постниковъ (*ходитъ по комнатѣ*).—Ну что жь дѣлать!

Бобровъ.—Я удивляюсь, однакожь, какъ это ты не разспросилъ ничего порядочно; хоть бы зналъ по-крайней-мѣрѣ, какая у ней фигура.

Постниковъ.—Разумѣется, надобно бы спросить; ну, да ужь теперь поздно.—Экая досада, право!—Впрочемъ, если точно горничная, съ какой стати говорить ей о брильянтахъ?

Бобровъ.—Конечно... А что, если она, какъ теперь кажется, не пойдетъ за тебя?

Постниковъ.—Да мнѣ какое дѣло! Я все-таки женюсь на ней. Она бы объ этомъ думала прежде. Я не позволю ей трунить...

Бобровъ.—Ну, да нельзя же вѣнчаться насильно?

Постниковъ.—Не надобно было обманывать.—Я вѣдь не мальчишка какой-нибудь, чтобъ сталъ...

XII.

ПОСТНИКОВЪ, БОБРОВЪ, ПЕТРОВСКІЙ.

Петровский.—Ахъ, ужь вы и здѣсь! Кончено развѣ?

Бобровъ.—Кончено.

Петровский.—Браво! Вотъ умора-то будетъ!

Постниковъ.—А что такое? Какая умора будетъ?

Петровский.—Чего, братецъ! Нашъ Федоръ Петровичъ собирается жениться на Лоскутниковой.

Постниковъ.—Ты сочинишь что-нибудь!

Петровский.—Тутъ нечего сочинять. Онъ просилъ у меня денегъ въ долгъ. Я говорю: зачѣмъ вамъ? Онъ говоритъ: такъ, хочу сдѣлать аферу. Ну, а какъ видитъ, что я не очень-то вѣрю ему, такъ и сказалъ потомъ, по секрету, что намѣренъ жениться на Лоскутниковой.

Постниковъ.—Вотъ еще этого не доставало!

Петровский.—Тебѣ-то что такое?.. Нѣтъ, уморительнѣе всего,

онъ считаетъ это такъ вѣрно, какъ-будто ужъ Лоскутникова у него за пазухой. Ужъ онъ чуть-чуть не даетъ ея въ обезпеченіе.

Бобровъ.—Ну, а ты что?

Петровский.—А-мнѣ что такое? Мнѣ какая польза рассказывать ему всякую всячину? Пусть его съ Богомъ! Денегъ-то я ему не далъ, разумѣется.—Онъ, бѣдный, такъ занятъ своей женитьбой, хотѣлъ сказать, что утромъ его лошадь била, да говорить его не вѣста била.—Ну, расскажите мнѣ, что у васъ происходило. Все благополучно? *(Постниковъ и Бобровъ посматриваютъ другъ на друга)* У васъ случилось что-нибудь?

Бобровъ.—Ничего не случилось, да вотъ еще неизвѣстно, кого мы похитили: Лоскутникову ли, или дѣвку ихнюю...

Петровский.— Это какимъ образомъ?

Постниковъ.— Странное дѣло, братецъ. Вѣдь я сказывалъ тебѣ, что Лоскутникова согласилась, чтобъ я ее похитилъ. Она должна была выйти на улицу, когда я запою пѣсню. Вотъ мы проходимъ, я заплѣлъ; выходитъ на крыльцо какая-то женщина. Я говорю ей: Марѳа Петровна, — она откликнулась:

Бобровъ.—Она откликнулась, какъ ты сказалъ Марѳа Петровна?

Постниковъ.—Конечно.

Бобровъ.— Ну, такъ это безъ сомнѣнія она, это Лоскутникова.

Петровский.— Что жъ она потомъ?

Постниковъ.— Выслушай.—Я говорю ей: пойдите, это я. Ну, мы и пошли, такъ хорошо, никто не замѣтилъ. Вотъ онъ *(Бобровъ)* и Масловъ шли порода. Она только спросила, что это за люди, и больше ничего не говорила: она всю дорогу что-то чавкала.— Приходимъ сюда; я началъ объясняться, что очень люблю ее, что мы завтра обвиняемся. Сначала она показывала, будто ничего не понимаетъ, а потомъ говорить, что она замужемъ, что мужъ ея уѣхалъ куда-то, а она живетъ въ горничныхъ у Лоскутниковыхъ.— Плачетъ, чтобъ проводили домой, боится одна: безъ спросу ушла...

Петровский.— Тсс! Въ-самомъ-дѣлѣ это что-то странно!—Постой-ка, ты не примѣтилъ ли, что она ѣла?

Постниковъ.—Нѣтъ.

Петровский.— Не ананасъ ли, можетъ-быть, въ сахарѣ?

Постниковъ.— Нѣтъ, кажется, не ананасъ. Ну, а что жъ изъ этого?

Петровский.—Такъ, я думалъ... Вотъ еслибъ, на-примѣръ, она ѣла ананасъ, такъ можно навѣрное сказать, что это сама Лоскутникова, а не горничная. Впрочемъ, вѣдь у богатыхъ людей бывають такія причуды: ананасы накучать, давай ѣсть рѣпу.

Постниковъ.—Ахъ, въ-самомъ-дѣлѣ, она кажется ѣла рѣпу.

Петровский.—Видишь!

Бобровъ.—Ну, да вѣдь рыпу можетъ есть и горничная и куртка тоже: никому не заказано. По грошу рыпа на выборъ...

Петровский.—Это правда. По этому, дѣйствительно, не узнаешь.
—Ну а что, молода она?

Постниковъ.—Лѣтъ двадцати-пяти, только съ виду ничего. Лицо такое, обжаренное... По лицу бы никакъ нельзя узнать, кто она такая.

Бобровъ.—Я все-таки думаю, что это Лескутникова, да только она прикидывается.

Петровский.—Зачѣмъ же ей прикидываться?

Бобровъ.—Ну, просто отдумала ужъ идти за него, такъ и старается отдѣлаться какъ-нибудь. Можетъ-быть, его фюзіонія не понравилась.

Постниковъ.—Ахъ, убирайся ты, пожалуйста! Заладилъ все одно и то же. Она видѣла мою фюзіонію. На крыльцѣ былъ фонарь: она могла бы воротиться въ то время. Что, ее за ноги развѣ сюда притащили?

Петровский.—Конечно.

Бобровъ.—Ну, такъ отъ-чего же ей теперь притворяться? Зачѣмъ теперь отдумывать?

Постниковъ.—А коли хочешь ты знать, не рассказали ли ей, что я очень богатъ, что у меня все только люстры да люстры; ну а какъ теперь она увидѣла, что это пустяки, такъ и передумала.

Петровский.—Ну, да кто жь виноватъ? ты бы приказалъ хотъ вынести полъ по-крайней-мѣрѣ; можно бы поставить на окошки срани; я далъ бы тебѣ, пожалуй, свой самоваръ аплике; можно бы навѣсить портретовъ, зажечь курительныя свѣчи, — мало ли, что можно бы сдѣлать! а ты говорилъ даже, что и кровати-то не нужно.

Постниковъ.—Кто жь зналъ, что она такая!

Петровский.—Да! я вотъ еще что думаю: ей, можетъ-быть, не понравилось, что ты такъ неловокъ.

Постниковъ.—Слышишь, неловокъ! что же мнѣ, по-твоему, стать передъ ней, да дѣлать антраша, какъ Каталани... то-бишь Гальвани?

Петровский.—Никто тебя не проситъ дѣлать антраша; а какъ можно это! вы шли вмѣстѣ, и ты словечка не вымолвилъ всю дорогу.

Постниковъ.—Объ чемъ же мнѣ было разсуждать съ ней за улицу, коли я ее вижу въ первый разъ?

Петровский.—Мало ли объ чемъ! Ты говоришь, на-примѣръ,

она вѣла что-то; вотъ бы тутъ и началъ разговоръ, спросилъ бы у ней, что вы изволите кушать, сударыня?.. Женщины хотятъ, чтобъ съ ними были любезны, нужды нѣтъ хоть бы тутъ и врать что-нибудь... Вы не живали въ свѣтъ, господа!

Бобровъ. — Ну, да ужъ теперь нѣчего толковать объ этомъ. Вотъ, что-то скажетъ Масловъ.

Петровскій. — А что такое Масловъ? Куда онъ пошелъ?

Бобровъ. — Онъ пошелъ справляться, поговорить съ ней, разузнать какъ-нибудь. Масловъ узнаетъ правду: его не обманешь; Чѣтъ!.. Чортъ его знаетъ, какъ ужъ онъ...

Постниковъ. — Признаться, я не советую бы погнѣять Маслову. Онъ нарочно скажетъ, что она горничная, да потому, смотришь, и женится на ней. Ужъ этотъ Масловъ такая штука!

Бобровъ. — Ну, какъ можно!

ХИ.

ПЕТРОВСКІЙ, ПОСТНИКОВЪ, БОБРОВЪ, МАСЛОВЪ.

Масловъ. — Горничная!

Постниковъ (*Боброву*). — Видишь!

Бобровъ. — Навѣрное горничная?

Масловъ. — Навѣрное горничная!.. Гдѣ, братецъ, у тебя табакъ лежитъ?

Петровскій. — Въ шкапу; тутъ и табакъ и сигарки.

Масловъ. — А! наконецъ! — Плачетъ; безъ спросу ушла, говорить. Боятся одна... Чтобъ дали проводить... (*закуриваетъ трубку*).

Петровскій. — Ну, какъ же ты узналъ, что она горничная?

Масловъ (*закуриваетъ*). — Что?

Бобровъ. — Какъ ты добился этого?

Масловъ. — Да ужъ я, братецъ, такъ и сякъ допрашивалъ, чортъ знаетъ чего не говорилъ. Началъ ей рассказывать, что какъ она выйдетъ замужъ за нашего брата, въ ту же минуту сдѣлается благородною, станетъ ѣздить четверкой, а если за городъ, такъ въ шестеркѣ, будетъ настоящая барыня, въ самомъ лучшемъ обществѣ, что въ Петербургѣ если прійдется жить, такъ всякой день въ дворянскомъ собраніи, иногда такъ и два раза, коли музыка играетъ.

Петровскій. — Ну, она что? (*Масловъ куритъ*). — А она что?

Масловъ. — Она только и твердитъ, что не хозяйская племянница, что вѣрно какъ-нибудь обманулились, что онъ... что онъ объ Марѣ Петровны.

Бобровъ. — Обѣ Марѣы Петровны?

Масловъ. — Да.

(Бобровъ и Постниковъ смотрятъ другъ на друга).

Постниковъ. — Ну, коли она не Лоскутникова, зачѣмъ же она пришла со мной? А? не говорила ничего?

Масловъ. — Она говоритъ, что хотѣла идти въ гости къ своей свояченицѣ,—что я вру! къ золовке,—которая живетъ у Грязновыхъ, и какъ она бонтея ходить одна по вечерамъ, то эта свояченица... золовка-бишь, хотѣла прислать къ ней челоуѣка проводить ее. Ну, а какъ ты пришелъ да запѣлъ, она и думала, что это лайка: въ-потымахъ не видно было...

Бобровъ. — Все это выдумка, можетъ-быть.

Петровский. — Ну, скажи, пожалуйста, какъ она этакъ по разговорамъ-то?.. Можно, кажется, увидѣть, какъ она судить обо всемъ, какъ выражается.

Масловъ. — Судить намъ не о чѣмъ было, а выражается она какъ обыкновенно. Разумѣется, видно, что она не Чухонка.

Постниковъ. — Хорошо; да изъ чего же ты такъ рывнительно говоришь, что она горничная?

Масловъ. — А вотъ отъ-чего я думаю, что она горничная. Во-первыхъ... (курить).

Постниковъ. — Да брось ты...

Масловъ. — Постой... Во-первыхъ, она одѣта очень-просто.

Бобровъ. — Вотъ съострилъ! Кто жъ ходитъ дома въ кисейномъ платьѣ!

Масловъ. — Положимъ. Во-вторыхъ, у ней башмаки самыя простыя, какъ солдатки носятъ.

Постниковъ. — Въ-самомъ-дѣлѣ?

Бобровъ. — Да что онъ такое вретъ? Какъ же можно идти по дождю, да надѣвать какіе-нибудь тоненькіе сафьянные башмаки, какъ на балъ!

Петровский. — Конечно.

Масловъ. — Хорошо. Третье: у ней мѣдныя серьги!—Ну, послушайте сами: станеть ли Лоскутникова, у которой сто тысячь приланиго, носить мѣдныя серьги!

Петровский. — Это правда.

Постниковъ (Боброву). — Смотри, не вретъ ли онъ!

Бобровъ. — Да ты точно ли увѣренъ, что у ней серьги мѣдныя?

Масловъ. — Мѣдныя, мѣдныя, я такъ хорошо рассмотрѣлъ. Я буду хоть пари держать.

Петровский. — Ну, теперь и говорить нечего.

Постниковъ. — Однако, все-таки... чортъ возьми эту Лоскутнику... (Приходитъ челоуѣкъ.)

Петровский.—Что такое?

Человѣкъ.—Письмо, ваше благородіе. Лоскутникова мальчишкѣ принесъ. Отвѣта проситъ.

Петровский.—Что бы это значило? Снажи, чтобъ подождать.
(Распечатываетъ и читаетъ. Человѣкъ уходитъ.)

Постниковъ.—Ужъ не узналъ ли онъ чего-нибудь!

Масловъ.—Чего добраго! что тутъ такое?

Петровский.—Постойте, постойте. Сію-минуту.

Бобровъ.—Это любопытно, однакожъ.

Петровский.—Ну, господа, имѣю честь поздравить. Это письмо отъ князя Голоногого, не угодно ли?..

Масловъ.—А какъ же говорить, что отъ Лоскутникова?

Петровский.—Ну, вотъ прочитай. Читай вслухъ.

Масловъ (Читаетъ и куритъ). — «Поздравьте меня, Николай Ивановичъ, я женюсь на Лоскутниковой». Вотъ тебѣ и ма! «Тотчасъ... какъ я ушелъ...»

Бобровъ (вырываетъ письмо).—Ахъ, какой ты! «Тотчасъ, какъ я ушелъ отъ васъ, я отправился къ Лоскутникову...»

Петровский.—Какъ онъ успѣлъ!

Бобровъ. — ....«къ Лоскутникову: страхъ хотѣлось узнать, «не тотъ ли это Лоскутниковъ, который часто бывалъ «по разнымъ дѣламъ своимъ у моего дяди. Такъ и вышло, «что онъ. Какимъ образомъ у насъ все происходило, я вамъ раз- «скажу послѣ; только, кажется, дѣло кончено; онъ хотѣ и го- «ворить, что нельзя такъ вдругъ, надо подумать,—ну, да ужъ это «такъ водится. Лоскутникова (племянница его, а не дочь, какъ «говорили), очень-любезна, кажется, и не станетъ много ломать- «ся: она, я думаю, и во онъ не видала, что будетъ когда-нибудь «снужишей. Я воображаю, какъ это вамъ и Софья Александровна «спокажется странно, что я вдругъ рѣшился. Да что же дѣлать! «Тутъ всѣ предразсудки въ сторону: имѣніе у меня все разстроено, «надо какъ-нибудь поправиться, да и невѣста моя не такая чуче- «ло, какъ изволить величать ее Софья Александровна, а главное, «что тутъ денежки вѣрныя. Мнѣ кажется, вы говорили, что кто- «то хочетъ нанять квартиру вашу: такъ сдѣлайте милость не отда- «вайте ее покуда. Я теперь у Лоскутниковыхъ; уйдти неловко, а «завтра утромъ ѣду на нѣсколько времени въ деревню, такъ, мо- «жетъ-быть, не успѣю съ вами увидѣться.»

«Tout à vous

«Князь Голоногой.»

Вотъ тебѣ разъ! Похищали, похищали...

Масловъ.—Ну, что, не правду ли я говорилъ? Теперь ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія; что она горничная.

Петровский.—Еще бы! Напрасно только далъ свахъ три цылко-
выхъ. Погорячился не кстатн. Вотъ что-называется ни што, ни
вдано...

Постниковъ. — Мало чего нѣтъ! Я былъ увѣренъ почти. Кто
же зналъ, что она такая шельма, эта Лоскутникова?

Масловъ.—Да ужь нѣчего сказать. Изволь тутъ жениться!

Бобровъ.—О, женщины, женщины! Зачѣмъ не у всѣхъ у васъ
есть приданое!

ш.

Ж А Н Н А.

Романъ Жерма Занда.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛОГЪ.

Если когда-нибудь вы будете провзжать горами Крезы, къ Бурбоннэ и Комбральской-Провинци, самую бѣдную, самую печальною, самую пустынною страну, какая только есть во Франціи, совершенно-незнаею ни промышленниками, ни артистами,—замѣтьте высокій, нагой холмъ, увѣчавный нѣсколькими скалами, которыя вовсе не обратили бы на себя вашего вниманія, еслибъ я не предупредилъ васъ о нихъ. Веберитесь на этотъ холмъ: лошадь ваша безъ большаго усилія донесетъ васъ до его вершины; тамъ вы увидите, что эти скалы расположены въ какомъ-то таинственномъ порядкѣ, и огромными массами своими опираются на весьма-небольшіе камни, на которыхъ онѣ, около тридцати вѣковъ, лежать въ неизмѣнномъ равновѣсіи. Только одна изъ нихъ пала подъ усиліями первыхъ христіанскихъ племенъ, или подъ ударами зимняго вѣтра, постоянно завывающаго около этихъ холмовъ, на которыхъ уже нѣтъ теперь лѣса, покрывавшаго ихъ въ древности. Пророческіе дубы навсегда исчезли изъ этой страны, и нынѣ друидессы не нашли бы вѣтки священной амелы на украшеніе алтара Геза.

Эти скалы, стоящія подобно исполнскимъ грибамъ, на своемъ тонкомъ основаніи, это менхиры, дольмены, кромеки древнихъ Галловъ, остатки циклоническихъ храмовъ, изъ которыхъ обоготвореніе силы по самому началу своему изгнало обоготвореніе красоты,—чудовищныя трапезы, за которыми языческіе боги пресыщались человѣческимъ мясомъ и упивались кровію жертвъ,—страшные ал-

тари, на которыхъ заколали плѣнниковъ и рабовъ, чтобъ умилостивить яростныя божества. Углубленія и жолоба, продѣланные по угламъ этихъ скалъ, кажется доказываютъ ихъ ужасное назначеніе: по этимъ жолобамъ стекала кровь. Одна группа, образующая небольшой пріютъ, ужаснѣе прочихъ. Можетъ-быть, это было мѣсто оракула, таинственное жилище жреца. Теперь, при первомъ взглядѣ, оно кажется игрою природы, однимъ изъ тѣхъ убѣжищъ, которыя образуются для путешественника или пастуха случайнымъ столкновениемъ нѣсколькихъ скалъ. Слѣды древнихъ костровъ заросли высокой травой, красивые степные цвѣты окружаютъ цоколь грозныхъ алтарей, и невдалекѣ небольшой источникъ, холодный какъ ледъ, солоноватаго вкуса, какъ большая часть источниковъ въ Маршуа, прячется между кустарниковъ, ошипанныхъ козами. Это мрачное мѣсто, чуждое величія и красоты, но полное чувства одиночества и запустѣнія, это мѣсто называется *Камни-Жоматры*.

Въ послѣднихъ числахъ августа 1816 года, трое красивыхъ собою молодыхъ людей охотились съ собакой у подошвы *Каменной-Горы*, какъ ее называютъ въ той странѣ.

— Друзья, сказалъ самый младшій изъ нихъ: — я умираю отъ жажды; знаю, что здѣсь есть ключъ, къ которому уже побѣжала моя собака, какъ къ старому знакомцу. Пойдемте за мною; можетъ-быть, сэръ Артуръ радъ будетъ посмотреть поближе на эти друидскіе камни, хотя, конечно, онъ видалъ гораздо-любопытнѣйшіе въ Шотландіи и Ирландіи.

— Я все-таки посмотрю, отвѣчалъ сэръ Артуръ съ весьма-замѣтнымъ англійскимъ акцентомъ. И онъ полѣзъ на гору съ самой крутой стороны, чтобъ только прямо подойти къ камнямъ-жоматрамъ.

— Что касается до меня, сказалъ третій охотникъ, который имѣлъ видъ болѣе-порядочнаго человѣка, нежели двое другихъ, хотя въ лицѣ его было больше выразительности и въ глазахъ болѣе живости:—то здѣсь не надѣюсь я найти дичи; это мѣсто проклятое; но пойду поищу какой-нибудь козы, чтобъ облегчить ее отъ молока.

— *Вы не должны!* сказалъ Англичанинъ, котораго рѣчь была постоянно темна отъ излишней краткости.

— Берегитесь, Марсилья, вскричалъ первый молодой человекъ, Гильюмъ де-Буссакъ, шедшій къ источнику:—вы знаете, что сэръ Артуръ великій защитникъ притѣсненныхъ и смотритъ дурными глазами на ваше неуваженіе къ чужой собственности. Ему не нравится, когда разламываютъ загородъ, портятъ бороны, или убиваютъ у мужика курицу.

— Ба! возразилъ молодой лиценціатъ правъ:— мужикъ, очень-хорошо умѣетъ вознаграждать себя вдесятеро!

Сэръ Артуръ былъ уже далеко. Онъ имѣлъ обыкновеніе ходить притнувшись къ землѣ, что не придавало ему ни особенно дѣятельнаго, ни свободнаго вида, но давало ему возможность ходить вдвое-скорѣе, нежели его спутники. Онъ былъ примѣрный охотникъ; и, когда не зналъ онъ ни голода, ни жажды, и молодые люди слѣдовали за нимъ изъ соревнованія, часто проклиная его неутомимое упорство.

Хотя Гильюмъ де-Буссакъ и Леонъ Марсилья прыгали и пыхтели, но когда они подошли къ Англичанину, онъ, подобно черепахѣ въ баснѣ, перегнавшей зайца, уже съ четверть часа разсматривалъ расположеніе и минералогическія свойства камней-жоматровъ.

— Чортъ побери этотъ ключъ! говорилъ г. де-Буссакъ, дѣлая гримасу:— онъ отзывается мѣдью, и это даетъ мнѣ очень-дурное понятіе о кладѣ!

— Въ этихъ проклятыхъ козяхъ, говорилъ Марсилья:— нѣтъ ни капли молока! Въмѣсто того, чтобъ щипать траву, онѣ только и дѣлаютъ, что лижутъ камни. Видно онѣ знаютъ вкусъ въ золотѣ?

— Золото? Кладъ? спросилъ сэръ Артуръ, глядя на нихъ съ изумленнымъ видомъ.

— Должно вамъ сказать, продолжалъ Гильюмъ де-Буссакъ:— что объ этомъ мѣстѣ существуетъ преданіе, легенда. По увѣренію Марсилья, вы не выбьете изъ головы нашихъ поселянъ, что въ этихъ мѣстахъ зарытъ кладъ.

— Они сходятъ съ ума отъ этого повѣрья, сказалъ Марсилья.— Одни думаютъ, что этотъ кладъ зарытъ подъ друндскими камнями; другіе ищутъ его дальше, въ горы Туль-Сент-Круа, которую вы видите тамъ, въ разстояніи получаса ходьбы отсюда.

Англичанинъ посмотрѣлъ на тощую и каменную землю, на верескъ, заглушавшій луговую траву, на поджарыхъ козъ, бродившихъ въ некоторомъ разстояніи.

— Въ этихъ невоздѣланныхъ земляхъ есть кладъ, сказалъ онъ:— но нуженъ другой кладъ, чтобъ извлечь его.

— Да, капиталы! сказалъ Марсилья.

— И крестьяне! прибавилъ Гильюмъ.— Эта страна не населена.

— *Людей, и опять людей*, возразилъ Англичанинъ.

— *Не понимается*, сказалъ Гильюмъ Марсилья, улыбаясь.

— Не господъ и не рабовъ; людей и людей! возразилъ сэръ Артуръ, удивляясь, что его не поняли, тогда-какъ онъ говорилъ такъ ясно.

— Развѣ есть рабы во Франціи? вскричалъ Марсилья, пожимая плечами.

— Да, и въ Англіи также! отвѣчалъ Англичанинъ, ни мало не смутившись.

— Мнѣ насущаетъ философія, возразилъ въ-полголоса Марсилья, обращаясь къ своему соотечественнику: — вашъ Англичанинъ отучитъ меня отъ либерализма. Держишь ли пари, Гильёмъ? прибавилъ онъ громко: — что я влѣзу на самый высокій и самый гладкій изъ камней-жоматровъ?

— Держу, что нѣтъ, отвѣчалъ г. де-Буссакъ.

— Хочешь ли держать на всѣ деньги, которыя теперь у каждаго изъ насъ въ карманѣ?

— Хорошо, это меня не разорить. У меня всего одинъ лун.

— Э, чортъ возьми, у меня всего пятифранковая монета, возразилъ Марсилья, перешаривъ у себя въ карманахъ.

— Все равно, я держу! сказалъ де-Буссакъ.

— А вы, милордъ? спросилъ Марсилья: — вы что держите?

— Я держу французскую монету въ пять су, отвѣчалъ сэръ Артуръ.

— Фи! я думалъ, сказалъ Марсилья: — что Англичане стодятъ съ ума отъ пари. Они не стоятъ своей репутаціи. Пять су, чтобы сюда взобраться!

— Это гораздо-дороже, нежели стодать.

— Вотъ еще! Да здѣсь можно сломать себѣ руки и ноги.

— Въ такомъ случаѣ, я не держу ничего, или держу тысячу фунтовъ стерлинговъ противъ васъ, что вы взойдете.

— Деньги ничего не значать, все дѣло въ славѣ! весело вскричалъ Марсилья: — я держу ваши пять су и лѣзу.

— Этакъ можно застрѣлиться, сказалъ Артуръ, хладнокровно взявъ у него изъ рукъ заряженное ружье, на которое онъ хотѣлъ опираться влѣзая.

Послѣ чрезвычайныхъ усилій, чудесъ ловкости, распарывая себѣ руки, сматившись не разъ внизъ, разорвавъ на себя помочи и приведя въ отчаяніе собаку, которая не могла за нимъ слѣдовать, Марсилья наконецъ выпрямился съ торжествующимъ видомъ на платоормѣ дельмена. — Знаете ли, вскричалъ онъ: — что эти камни были идолами? я стою на плечахъ гальснаго бога!

— Послушай, Леонъ, закричалъ ему молодой де-Буссакъ: — если ты найдешь тамъ друндесеу Велледу, то дай намъ знать.

— Фи! я столько же не терплю вашихъ друндесей, какъ и вашего Шатобриана! отвѣчалъ Марсилья, хваставшійся либерализмомъ. — Да здравствуетъ Лизетта, да здравствуетъ милый Беражёл!

— Писатель дурнаго общества, съ презрѣніемъ возразилъ молодой человекъ: — не правда ли, сэръ Артуръ? Можете ли вы терпѣть этого кабацкаго пѣсенника?

— Беранже великій поэтъ! тихо сказала Англичанинъ.

— Поэтъ, оиъ? Скажите скорѣе Шатобрианъ!

— И Шатобрианъ великій поэтъ, продолжалъ Англичанинъ, ни мало не одушевляясь.

— Вы совсемъ не знаете французской литературы, милый союзникъ; вы настоящій Англичанинъ.

— Когда я это говорю, я настоящій Французъ, отвѣчалъ сэръ Артуръ: — когда-нибудь Шатобрианъ и Беранже подадутъ другъ другу руки.

— Въ этотъ день, возразилъ молодой дворянинъ:—Марсилья найдеть друидессу Велледу на большомъ камнѣ-жоматрѣ.

— Чтò, Лизетта, ты ли это?..

Издъ Марсилья, рассказывая по платформѣ дольмена и прыгая съ одной скалы на другую. Вдругъ оиъ остановился, и пвнне его прервалось восклицаніемъ удивленія.

— Чтò тамъ? зайць? змья? вскричалъ Гильюмъ.

— Велледа? спросилъ сэръ Артуръ, нѣсколько улыбувшись.

— Нѣтъ! Лизетта, отвѣчалъ Марсилья: — и право, очень-недурная! но не мертвая ли она?

И оиъ исчезъ за двумя огромными друидскими камнями, выдававшимися впередъ въ видъ кулисы. Гильюмъ де-Буссакъ, видя, что оиъ не отвѣчаетъ на его вопросы изъ любопытства и ожиданія какого-нибудь приключенія, счелъ обязанностію взлѣзть на скалу; но сэръ Артуръ, не столько смывившій и ни мало нелюбопытный; замѣтилъ ему, что обогнувъ образуемый скалами кругъ и взобравшись къ тому мѣсту, гдѣ былъ Марсилья изнутри, оиъ гораздо-скорѣе достигнетъ своей цѣли. Это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, и всѣ трое вскорѣ стояли вокругъ уснувшей друидессы.

— Это молоденькая дѣвочка, сказалъ Англичанинъ.

— Это? это лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, отвѣчалъ Марсилья:—можетъ-быть, и старше! .

— Я не думаю, сказалъ Гильюмъ.

— Такова здѣшняя порода, продолжалъ Марсилья:—дѣвухи до шестнадцати, мужчины до двадцати лѣтъ малы ростомъ и имѣютъ дѣтскія черты; они развиваются вдругъ и становятся высокими и сильными, когда ужъ думаешь, что они никогда не вырастутъ. Это то же, чтò бываетъ съ цыплятами и быками.

— О! это не то же самое, сказалъ сэръ Артуръ, оскорбляясь тѣмъ, что съ такимъ легкомысліемъ говорили о человѣческомъ родѣ.

— Какъ она спитъ! сказалъ Гильюмъ де-Буссакъ:—ея не разбудить ружейный выстрѣлъ.

— Мне хочется попробовать, сказалъ Марсилья, стараясь взять ружье у сэра Артура, который съ твердостью отказалъ ему, находя, что подобная шутка жестока и опасна.

— Это сонъ ангела или животнаго, продолжалъ Гильйомъ. — Она хороша, не правда ли, Леонъ? Я вижу только ея профиль, который не дурень.

— Я хотѣлъ бы видѣть ея лицо, сказалъ Англичанинъ, который часто, дѣлая ошибки противъ языка, и самъ того не зная, давалъ довольно — смѣшннй смыслъ своимъ рѣчамъ, обыкновенно важнымъ.

— О! ея лицо прекрасно! отвѣчалъ Марсилья съ такимъ же равнодушіемъ, какъ-будто говорилъ о какомъ-нибудь животномъ. — Я ее видѣлъ: это красивый бурбоннескій типъ, смѣшивающийся на границѣ съ типомъ маршускимъ, который не такъ правиленъ, но на мой вкусъ гораздо-заманчивѣе. Еслибъ она не уткнулась носомъ подъ руку, вы увидѣли бы настоящую бурбоннескую красавицу, и я увѣренъ, что она понравилась бы *милорду*, потому-что у него, не смотря на его философію, такіе же глаза, какъ и у всякаго другаго.

Гильйомъ де-Буссакъ хотѣлъ толкнуть спящую красавицу концомъ своего аранника, чтобъ разбудить ее; Англичанинъ этому воспротивился, сказавъ ему тономъ и выговоромъ, возбужденными хоть въ его товарищахъ:

— Оставьте спать невинность.

— Однако ее можно поворотить, не разбудивши, сказалъ Марсилья, протягивая руку, чтобъ обернуть голову пастушки.

— Надѣньте перчатку! сказалъ Гильйомъ, удерживая его: — здѣшніе поселяне такъ грязны!

— Это правда, возразилъ Марсилья. Онъ взялъ былинку травы и пощекоталъ ею лобъ молодой дѣвушки.

Дѣвушка сдѣлала движеніе, чтобъ прогнать докучливую муху, и поворотилась съ тѣмъ тяжелымъ вздохомъ безъ услія и грусти, который вылетаетъ изъ груди спящаго дитяти, и какою-то особенною гармоніею, какою-то чистотою дыханія внушаетъ участіе. Потомъ, не открывая глазъ, она невольно приняла невѣроятно-граціозную позу: откинула локоть на голову и смуглая, но тонкая и маленькая рука ея, отбросивъ назадъ головной уборъ изъ суроваго полотна, осталась полуоткрытою на ея волосахъ прекраснаго пепельнаго цвѣта. Конечно, это было самое свѣжее человѣческое лицо, которое когда-либо подвергалось палящему южному солнцу, незащищенное ни покрываломъ, ни зонтикомъ. Въ некоторыхъ кантонахъ Берри и соседнихъ съ нимъ провинцій, не смотря на недостатокъ въ тѣни, не смотря на жизнь, подверга-

ющую поселянъ всегдашнему загару, лица ихъ такъ же чисты и нѣжны, какъ лица Венеціанцевъ или горцевъ Грайенскихъ Альповъ. Тамъ, гдѣ это качество не всеобще, оно сохраняется и передается изъ рода въ родъ въ нѣкоторыхъ семействахъ; но большею частію думаютъ, что эти семейства англійскаго происхожденія, потому что Англичане, какъ извѣстно, довольно-долго занимали централныя провинціи Франціи и смѣшали кровь свою съ кровью туземцевъ; но мы скорѣе полагаемъ, что чистая кровь первобытнаго галльскаго племени сохранилась до нашихъ дней безъ примѣси въ нѣкоторыхъ сельскихъ семействахъ центральныхъ провинцій.

И такъ, спавшая красавица была бѣла, какъ луговая астра и румяна, какъ цвѣтокъ дикаго шиповника. Красота ея могла обойтись безъ изысканнаго наряда, свойственнаго людямъ празднымъ. Черты лица ея были прекрасны, лобъ немножко-низокъ, какъ у античныхъ статуй. Самыя правильныя линіи и ангельское спокойствіе фязіономіи давали ей поразительное сходство съ тѣми прекрасными типами, которые обезсмертило греческое искусство. Ея талія еще не была развита, однако уже обѣщала гибкость и силу; одежду ея составляли лохмотья, которыхъ живописный безпорядокъ ни мало не базобразилъ ея. Голыя ноги ея лежали въ травѣ, и изъ полукрытаго рта видѣлись прелестныя зубы. Истинная красота всегда скромна и внушаетъ невольное уваженіе. Англичанинъ былъ совсѣмъ не въ такомъ духѣ, чтобъ отказатся отъ этого чувства уваженія, и вѣтренные товарищи его довольно некорились его вліянію.

— Право, это не Лизетта: это Велледа, сказалъ Марсилья, по какому-то инстинктивному чувству понижая голосъ.

— А почему Лизетта не можетъ быть такъ же хороша, какъ Велледа? спросилъ сэръ Артуръ.

— Все равно, и Велледа, и Лизетта! отвѣчалъ Марсилья: — еслибъ я былъ живописцемъ, я срисовалъ бы это божественное твореніе... А еслибъ былъ одинъ, прибавилъ онъ, возвращаясь къ своему обыкновенному тону: — мнѣ захотѣлось бы узнать, есть ли сколько-нибудь ума у этой козлятницы.

— Г. Марсилья! сказалъ важнымъ тономъ сэръ Артуръ: — пойдемте отсюда.

— Да, да, пойдемте, сказалъ Марсилья, посмѣиваясь надъ добродѣтельной заботливостью Англичанина, — Посмотрѣть на хорошенькихъ Маршюзокъ, всегда потому раскаивающихся: самая глупая и невинная изъ нихъ знаетъ столько, что можетъ скомпрометтировать самаго благоразумнаго и самаго скромнаго изъ нашей братьи. Къ чорту всѣхъ нашихъ полевыхъ Велледъ и Лизеттъ!

— Я не понимаю, продолжалъ сэръ Артуръ, разгорячаясь болѣе

и бѣже отъ огня своего внутренняго негодованія: — какъ приходятъ вамъ въ голову подобныя мысли при видѣ дѣтяти. Вы недостойны, господа, созерцать красоту!

— Да, да, милордъ одинъ достоинъ созерцать красоту, сказалъ Марсилья, подражая смѣшному выговору сэра Артюра. Сэръ Артюръ этого не замѣтилъ. Слова такъ же звучали въ ухахъ его, какъ онъ самъ произносилъ ихъ, и онъ улыбался съ видомъ отеческаго состраданія, когда молодые люди въ насмѣшку называли его «милордомъ».

— Постоите, господа, сказалъ Гильюмъ: — Марсилья выигралъ пари; я долженъ ему лун, такъ пусть же онъ возьметъ его тамъ, куда я положу его.

И въ то же время онъ тихонько положилъ въ открытую руку сивашей давушки наполеондоръ, о которомъ бился.

— Ваша правда, сказалъ Марсилья: — и я очень жалѣю, что не могу присоединить къ вашей милостынѣ больше пяти франковъ. Сложите, милордъ, прибавилъ онъ, положивъ монету въ руку маленькой крестьяннѣ и видя, что сэръ Артюръ, въ свою очередь, роется въ карманахъ. — Вы держали только пять су и бѣже не должны влечь.

— Тамъ больше, сказалъ сэръ Артюръ, выворотивъ съ смущеннымъ видомъ свои карманы: — что со мной ничего нѣтъ, кромѣ пяти су.

— Я думаю! Вы все роздали дорогою, сказалъ Гильюмъ, знавшій чрезвычайную щедрость Англичанина. — Упорный сонъ ея меня занимаетъ, прибавилъ онъ, бросая послѣдній взглядъ на пасть. — Я желалъ бы видѣть ея удивленіе, когда она, проснувшись, найдетъ у себя въ рукѣ эти три монеты.

— Она подумаетъ, что это дѣло дьявола, отвѣчалъ Марсилья: — или, по-крайней-мѣрѣ, фей, которыя, какъ всякій знаетъ, пощипаютъ камни-жоматры въ полдень и въ полночь.

— Такъ-какъ мы разыгрываемъ роль фей, сказалъ Гильюмъ: — и такъ-какъ насъ здѣсь трое, число освященное всѣми волшебными сказками, то я предлагаю, чтобъ каждый изъ насъ пожелалъ чего-нибудь этой дѣвушкѣ.

— Идетъ! сказалъ Марсилья. И, простерши руку надъ головою дѣвушки: — Милая, сказалъ онъ: — желаю тебѣ здороваго молодца въ любовники.

— Прелестная моя, желаю тебѣ богатаго и щедраго покровителя, сказалъ г. де-Буссакъ, улыбаясь.

— Дочь моя, желаю тебѣ честнаго мужа, который бы любилъ тебя и помогалъ тебѣ въ трудахъ, сказалъ въ свою очередь Ан-

гичанинъ съ серьѣаннымъ видомъ и тономъ убѣжденія, который на минуту остановили веселость его товарищей.

Всѣ трое удалились отъ камней-жоматровъ, и каждый полагалъ, что посулилъ счастье дѣвушкѣ, нимаго не думалъ, что ихъ милостыня въ ея маленькой ручкѣ будетъ имѣть вліяніе на ихъ собственную судьбу.

1.

Галльскій городъ.

Около четырехъ лѣтъ спустя послѣ этого происшествія, г. Гильдомъ-де-Буссакъ проходилъ около подошвы горы Барло, на которой находятся камни-жоматры. Глядя издали на эти друидскіе памятники, вспоминая, какъ некогда, во время ваканцій, онъ заходилъ туда раза два или три во время охоты, онъ совсѣмъ позабылъ о мнимой друидессѣ, которой положилъ въ руку свою милостыню. Это незначительное обстоятельство совершенно выпало у него изъ головы и пришло ему на память уже гораздо-послѣ.

Молодой баронъ де-Буссакъ изъ милаго и шаловливаго школьника сдѣлался прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, еще розовымъ и бѣлымъ какъ дѣвушка, по словамъ окрестныхъ жителей, но уже довольно-мужественнымъ и скорѣе серьѣаннымъ, нежели веселымъ. Отъ времени и размышленія созрѣли его характеръ, наружность и вкусъ. Онъ не ограничивалъ больше своихъ прогулокъ камнями-жоматрами, дальше которыхъ ходить прежде не отваживался: теперь, на прелестной англійской лошади, онъ углублялся въ горы, запасшись небольшимъ чемоданомъ, доказывавшимъ намѣреніе пробыть въ пути дня два или три. Недѣля только, какъ онъ пріѣхалъ въ свой замокъ Буссакъ, и ему уже надоѣлъ отсталый духъ маленькаго города; онъ обнялъ свою мать и предупредилъ ее о своемъ отсутствіи, взявъ съ нее обѣщаніе, болѣе-снисходительное, нежели откровенное, не беспокоиться о немъ. День былъ прекрасенъ, утреннее солнце начинало сушить росу на пустыряхъ; нашъ молодой искатель приключеній не могъ обманываться на-счетъ удобства ожидавшихъ его пристанищъ. Ему хвалили прелестныя виды и древности этой страны гораздо-болѣе, нежели гостинницы, и онъ далъ себѣ слово сточески, если не совсѣмъ-христіански, переносить усталость и лишения во время своей поэтической прогулки по странѣ необработанной, мало-населенной и почти-дикой.

Гильдомъ происходилъ, хотя не совсѣмъ прямо, отъ знаменитаго

маршала де-Буссака, одного из спутников Девственницы, одного из победителей Англичанъ и освободителей Франціи въ царствованіе Карла VII. Чтобъ оправдать правило, что знаменитыя фамиліи не гибнуть, одна изъ внучекъ этого дома, во времена Лудовика XIV, вышедъ замужъ, принесла въ хорошую дворянскую фамилію этой страны помѣстье и титулъ бароновъ де-Буссакъ. Гильюмъ не разглядывалъ хорошенько своего генеалогическаго дерева; подобно многими дворянамъ реставраціи, онъ воскресилъ въ душѣ своей рыцарскія идеи и, силой воображенія приводя въ движеніе свою кровь, добросовѣстно полагалъ, что въ его жилахъ безъ примѣси течетъ кровь древнихъ богатырей. Это былъ бравый молодой человекъ, нѣсколько-воздержанный въ своихъ манерахъ, весьма-чистосердечный, невинный какъ дитя, воспитанное на глазахъ добродѣтельной матери, наконецъ, романтической, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ были двадцатилѣтніе молодые люди. Прошло уже это счастливое время. Нынче сыновья наши, еще сидя на школьныхъ скамьяхъ, уже скептики и разочарованы. Но въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія отчаявались только читая «Вертера», «Рене» или «Гяура», и это было гораздо-лучше, потому-что въ отчаяніе облачались только аматѣры и носили его, какъ люди со вкусомъ. Гильюмъ не доходилъ даже до того, чтобъ почитать себя несчастнымъ; онъ былъ только меланхоликъ, и въ повѣи христіанства находилъ столько вдохновеній, что прибывалъ, если не совершенно-серьезно, то съ большимъ сочувствіемъ, къ недрамъ религіи, только-что снова пушенной въ моду. Прибавимъ къ этому, что онъ получилъ нѣкоторыя добрыя нравственныя правила, что у него были благородныя побужденія, что онъ имѣлъ отвращеніе отъ всего подлаго и низкаго и прочелъ столько прекрасныхъ книгъ, что составилъ себѣ изъ своей участи какой-то романтической идеалъ, могущій поддержать въ немъ, можетъ-быть, нѣсколько-преувеличенное уваженіе къ собственной своей особѣ.

Углубясь въ размышленіе и припоминая пышныя описанія поэтической Галліи Маршанжі, онъ оставилъ взявъ римскій лагерь Сумановъ отправился, почти-цѣлкою, къ Тульской-Горѣ, которую хотѣлъ рассмотреть внимательнѣе, видѣвъ ее до-сихъ-поръ только издали. Не смотря на убѣжденія матери, онъ не хотѣлъ взять съ собою ни провожатаго, ни слуги, для того, чтобъ въ одиночествѣ лучше предаться своимъ впечатлѣніямъ, и, можетъ-быть, испытать больше опасностей.

Онъ пробѣжалъ мимо меланхолическаго кладбища Прадъ, расположившагося на скатѣ холма, какъ-бы взывавшаго къ путешественникамъ о молитвѣ за усопшихъ,—и, слѣдуя за частыми крестами изъ бѣлаго камня, стоявшими подобно ведетамъ въ нѣкоторомъ расто-

ялии другъ отъ друга для предупрежденія несчастій во время снѣговъ, онъ наконецъ, въ одиннадцатъ часовъ утра, прибылъ къ подношью Тульской-Горы.

Гора Туль, или, лучше, Туль-Сент-Круа — древнiй галльскiй городъ, завоеванный Римлянами во время Юлиа Цезаря и разрушеннiй Франками въ четвертомъ вѣкѣ нашей эры. Въ немъ, какъ почти-вездѣ во Францiи, есть римскiя древности; но не въ томъ состоитъ главное достоинство этой грозной руины. Остатки ея — огромная груда едва-обдѣланныхъ камней, на которыхъ тщетно стали бы вы искать слѣдовъ какого-нибудь цемента: это были грубые материалы первобытнаго галльского города, какiе употреблялись нашими праотцами. Во время Версигенторикса, три ограды изъ шапшиника и убитой глины, покрытыя сухимъ камнемъ, въ видѣ амфитеатра изгибались по отлогости холма. Съ-тѣхъ-поръ, холмъ выросъ отъ массы материаловъ, составлявшихъ городъ, и теперь это была буквально высокая каменная гора грустнаго вида, лишенная возможности превращать что-либо. На вершинѣ ея, домовъ съ пятнадцать и бѣдная церковь съ основанiемъ феодалной башни и однимъ довольно-хилымъ деревомъ составляютъ жалкiй городишко. И вотъ, что сдѣлалось съ одной изъ сильнѣйшихъ крепостей области, лежащей между Витюригами и Арвернами, на неопредѣленной территорiи, которую новѣйшiя раздѣленiя вдвинули довольно-далеко въ кругъ Департамента-Крѣзы, но которая прежде принадлежала то Берри и Маршу, то Комбралю и Бурбоннѣ. Графство Маршъ само было созданиемъ среднихъ-вѣковъ, сокращавшимся и раздававшимся по произволу битвъ и пережѣнному счастью его властителей. Туль въ среднiе-вѣка составлялъ пограничный городъ Берри къ границамъ Комбрала. Это было галльское раздѣленiе. Комбраль былъ областью *Лемосикосъ*. Раздѣленiе Францiи на департаменты прекрасно во всѣхъ отношенiяхъ; только оно кидаетъ последнее покрывало забвенiя на исторiю маленкихъ мѣстностей, и безъ того уже довольно-темную.

Обитатель этихъ горъ, живущiй на землѣ безплодной и привычнiй къ бережливой умеренности, падче на прибылъ, нежели кто-либо другой. Онъ дѣятеленъ и изобрѣтателенъ, какъ всѣ тѣ, которыхъ мачиха-природа воспитываетъ подъ игомъ нужды. Онъ любитъ эту землю, которая отказываетъ ему въ пропитанiи, и, прощавшись всю молодость странствующимъ барышникамъ или каменьячникомъ, онъ приходитъ подъ свой соломенный кровъ, чтобъ умереть отъ лихорадки, завѣщавъ семейству плодъ своихъ трудовъ или способностей. Больше-открытый и больше-образованный, нежели обитатель счастливыхъ долинъ, граничащихъ съ Берри, онъ лучше принимаетъ чужаго и больше довѣряетъ ему. Онъ, по выраженiю

Балванъ, *любезенъ*, какъ *есть* слишкомъ-разращенные люди. Однако, онъ лучше своей репутаціи, и когда хочетъ заслужить уваженіе, то заслуживаетъ его вполне. Тогда съ умомъ своимъ, съ дѣятельностью, мужествомъ и настойчивостью, онъ соединяетъ честность и преданность.

Женщины въ молодости также удаляются изъ отческаго дома и охотно поступаютъ въ должность служанокъ въ сосѣднихъ провинціяхъ. Если онъ хороши собою, то изъ служанокъ скоро дѣлаются любовницами, и законная жена Берришонка не должна пытаться вступать въ состязаніе съ маршуазскою наложницею. Тѣ, которыя послѣ жизни чистой и трудолюбивой возвращаются въ свои горы, чтобъ посвятить себя заботамъ семейнымъ, дѣлаются прекрасными хозяйками; а тѣ, которыя никогда изъ горъ не выходили, отличаются какою-то невинной простотою, болѣе-предпочтительною, нежели опытность подругъ ихъ.

Первый обитатель Тульской-Горы, къ которому обратился Гильйомъ де-Буесакъ, былъ хитрый молодецъ, веселый, насмѣшливый, пріятный въ обращеніи; но онъ принадлежалъ къ числу людей, придерживающихся ве доверчивости—этой житейской мудрости бѣдныя, которая не ослѣбляется ни богатымъ платьемъ, ни учтивымъ словомъ. Зато онъ и не тронулся съ камня, на которомъ сидѣлъ, жуя свой черный хлѣбъ и разговаривая даромъ съ молодымъ путешественникомъ, до тѣхъ-поръ, пока послѣдній къ просьбѣ своей объ услугѣ не прибавилъ слово: *я заплачу тебѣ*,—слово, которыя ему совѣтовали не забывать во время этого путешествія. Динь-только онъ провизнесъ эту магическую формулу, какъ старый Леонаръ быстро сложилъ свой ножикъ, положилъ остатокъ сыра въ карманъ и, взявъ за поводъ лошадь, съ трудомъ уже забравшуюся на каменной мостовой, счелъ обязанностью проводить Гильйома въ лучшее мѣсто для постоа.

— Я охотно проводилъ бы васъ къ школьному учителю, сказалъ старикъ:—но у него нѣтъмъ васъ поподчивать, кромѣ сыраго лука. Проводилъ бы васъ къ г. священнику, но онъ взялъ съ собой моего мальчика и похвалъ съ причастіемъ къ одной умирающей женщинѣ. Проводилъ бы васъ хоть къ себѣ, но жена моя въ полѣ, а мнѣ надобно идти рыть могилу для умирающей, потому-что я *лошмаръ* этого прихода... Я бы охотно проводилъ васъ также и въ гостинницу, но ея нѣтъ. Итакъ проведу васъ прямо къ тѣлкѣ Гитъ, которая славно живетъ: тамъ для васъ всего будетъ вдоволь. Вы привезли съ собой все нужное, не правда ли? Нѣтъ ли у васъ сна подъ чемоданомъ? А въ чемоданѣ у васъ, вѣрно, есть бѣлый хлѣбъ и бутылка вина?

— Я ровно ничего не привезъ съ собою, отвѣчалъ Гильюмъ:
— и вижу, что ничего не найду здѣсь.

— Ничего! У васъ ничего нѣтъ?

— Ничего, кромѣ небольшого количества денегъ, сказалъ Гильюмъ, видя, что пономарь готовится незаметно выпустить изъ рукъ поводъ *Сверма*, его прекрасной англійской лошади.

— Съ деньгами много можно сдѣлать, возразилъ пономарь. — Все-таки пойдите; найдете все, что нужно.

Гильюмъ сошелъ съ лошади и на каждомъ шагѣ останавливался, разглядывая камни, бѣлыми грудами возвышавшіеся по обѣимъ сторонамъ дороги. Онъ ихъ переворачивалъ, желая найти на нихъ слѣды человѣческихъ рукъ, но, замѣчая, что на нихъ едва видны были слѣды обработки, и то грубой, онъ началъ сильно сомнѣваться въ существованіи столицы *Камбювиценсоовъ*, когда поселянинъ, угадавъ мысль его, сказалъ:

— Это, сударь, каменная кладка, повѣрьте. Здѣсь ея два рода: одна такъ крѣпко склѣдена, что нельзя отдѣлать камня отъ камня (но она рѣдка: надобно рыться, чтобъ ее встрѣтить); другая древнѣе, но ея вѣрно никогда не заливали иначе, какъ землею. Кажется, это была манера строить въ древнія времена, во времена Галловъ, назадъ тому не будетъ и двухъ-сотъ лѣтъ... ба! что я говорю... во-крайней-мѣрѣ четыреста лѣтъ!..

— Да, во-крайней-мѣрѣ, отвѣчалъ Гильюмъ улыбаясь. — Выходилъ ли ты когда-нибудь изъ этой страны?

— О да, сударь; я очень-часто бывалъ въ Буссакѣ и также въ Шамбонѣ!

— А въ Парижѣ не былъ?

— Нѣтъ; однако я каменщикъ не хуже другаго. У насъ ужъ надобно быть каменщикомъ, потому-что ничего нѣтъ, кромѣ камня; но мнѣ нельзя было идти въ-слѣдъ за другими (*). Видите, я хромъ, и охромѣлъ съ самаго дѣтства. Для того-то и сдѣлалъ меня пономаремъ; я мету церковь и прислуживаю во время обѣдни; я также гробкопатель и учился стряпать: готовую закуски свадебныя и похоронныя, не считая уже того, что помогаю при крестинахъ. А вы, сударь, вы жили въ Парижѣ?

— Почти всю жизнь.

— Вы, можетъ-быть, инженеръ путей сообщенія? Вамъ бы надобно приказать нѣсколько исправить наши дороги.

(*) Маршъ ежегодно снабжаетъ Парижъ значительнымъ количествомъ каменщиковъ, которые работаютъ тамъ цѣлое лѣто. На зиму, они возвращаются домой. Еще во времена Юлія Цезаря, Маршудцы особенно занимались каменной работою.

— Въ этомъ онъ очень нуждаются; но я не нишеверъ.

— Вы не разъѣзжій купецъ? Нѣтъ! у васъ слишкомъ-маленькій чемоданъ, а между-тѣмъ у васъ славная лошадка; вы могли бы возить съ собой тюкъ.

— Я не купецъ.

И Гильйомъ прекратилъ вопросы пономаря-повара-могильщика, взявъ у него изъ рукъ поводъ своей лошади, чтобъ осторожно ввести ее въ низкія ворота сарая, назначеннаго для конь тѣтки Гиты. Старая вѣдьма съ боролатымъ недобородкомъ вышла къ нему на встрѣчу и, помогая ему вытирать соломою бока Спорту, приступила ко второй партіи въ дуо вопросовъ, начатыхъ Леонаромъ.

— Не вы ли сынъ г. Грандена де-Гузона?—Не изъ Буссакъ ли вы? — Не идете ли пить воды въ Эво? — Можетъ-быть, вы племянникъ госпожи Шантелякъ, что живетъ въ Шатлю?

— Мнѣ кажется, продолжала старуха, ни мало не смущаясь лаконическими отрицаніями молодого человѣка:—что вы г. Марсилья... не старикъ Марсилья, который умеръ, но молодой, который законномъ служитъ въ Буссакъ?

— Ахъ ты! безглазая старуха! возразилъ пономарь.—Ты нѣсколько разъ видала сына г. Марсилья. Тотъ черный, а этотъ блѣдный!

— Очень можетъ быть! но я... я не умѣю различать господъ другъ отъ друга. Мнѣ все кажется, что они всѣ и одѣты и созданы одинаково. Правда, я въ этомъ совсѣмъ ничего не понимаю, право.

— Дочь твоя на тебя не похожа, тѣтка Гита; она ихъ хорошо знаетъ. Позови-ка ее, мы посмотримъ. Люди, Люди! (*) Поди-ка сюда! Мнѣ надобно поговорить съ тобою!

— Что вамъ тамъ надобно? отвѣчалъ свѣжій и чистый голосъ надъ головою Гильйома.

И почти въ то же время смуглое, заманчивое и рѣшительное личико показалось у окна сѣновала.

— Принеси-ка намъ свѣжаго сѣнца на вилахъ, сказалъ Леонаръ: — и посмотри на этого молодого господина. Знаешь ли ты его?

— Нѣтъ.

— Стало-быть, это не г. Лионъ Марсилья?

— Э! ты очень-хорошо знаешь, что нѣтъ, старый хитрецъ! Ты знаешь г. Марсилья такъ же хорошо, какъ и я.

— О! вотъ ужь, Люди, ты лжешь; я не знаю его такъ же хорошо, какъ ты.

(*) Такъ произносится *Claudie*, имя очень-употребительное въ Берри. Гита—сокращеніе Маргариты.

Молодая дѣвушка покачала плечами; вся покраснѣла и быстро отошла отъ окошка.

— Зачѣмъ ты говоришь всегда глупости моей дочери, старій шутъ? сказала тѣтка Гита, которая, однако, казалась, не была этимъ слишкомъ разсержена.

— Надобно же немножко побалагурить, особенно передъ мѣщанами, отвѣчалъ лукавымъ Леонарь. — А то они подумаютъ, что мы слишкомъ-глупы! я сдѣлалъ это для того только, чтобъ показать тебѣ, что люди умѣютъ различать господъ.

— Прикуси себя злой языкъ! Люди не за чѣмъ глядѣтъ на господъ. Сами господа несмотрятъ на нее, если захотятъ.

— *Предостереженіе для путешественниковъ!* подумалъ Гильиошъ: — но не я пойду по слѣдамъ Марсилья. Подобнаго рода усмѣхи ни мало не привлекаютъ меня. Такъ г. Леонъ Марсилья часто здѣсь бываетъ? спросилъ онъ у пономаря.

— *Частенько!* отвѣчалъ съ хитрымъ видомъ Леонарь, подмигивая глазами.

— Развѣ у него здѣсь есть дѣла? спросилъ еще Гильиошъ, дѣлая видъ, что не понимаетъ и желая узнать, какой предлогъ употребляетъ Марсилья для своихъ поѣздокъ въ эту дикую сторону.

— Онъ прѣзжаетъ, какъ говорится, чтобъ покупать скотъ, сударь, потому-что мы разводимъ скотъ на своихъ травахъ, и особенно славятся наши лошаденки.

— Я это знаю.

— Да тутъ-то и штука! г. Марсилья торгуетъ все и ничего не покупаетъ! или, если и покупаетъ, то очень-скоро показываетъ видъ, что покупка ему надоела, и возвращается, чтобъ продать ее. Онъ всегда прикладываетъ своихъ денегъ. Но когда хочешь позабавиться, это чего-нибудь да стѣитъ! Отецъ его былъ такой же въ свое время. Только тѣтка Гита не помнитъ этого съ-тѣхъ-поръ, какъ она потеряла три четверти глазъ; но дочка ея видитъ ясно за двухъ.

— Говорятъ тебѣ разъ, говорятъ два, перестань! сказала ему старуха:—и возьми вилы. Развѣ не видишь, что этотъ господинъ самъ стелетъ лошади самому, пока ты здѣсь распѣваешь, какъ старій пѣсепнякъ.

— Не сердись же, Гита! Не одна твоя дочь болтаетъ съ г. Лиономъ.

— А я тебѣ скажу, что съ моей дочерью онъ разговариваетъ меньше, чѣмъ съ другими.

— Хе! хе! Я очень-хорошо знаю, что есть другая, съ которой ему очень хотѣлось бы вступить въ сдѣлку; да нѣтъ никакой возможности. Люди! Люди! не правда ли, что есть другая? а что? вѣдь когда вы стережете скотъ въ Вернедскомъ-Лѣсу навเสมอ подля-

мыла маммой, г. Лидя проходить туда съ ружьемъ, садится въ ровъ и болтаетъ то съ той, то съ другой?

— Все это видоръ, дожи! сердито вскричала Лидя, внося по-дойдя къ окошку съ гнѣвнымъ видомъ. — Ты самый злой изыма изъ всей окрестности, а здѣсь ихъ довольно!

— Все-таки, продолжалъ Леонаръ смѣясь: — есть одна изъ васъ, хороменькихъ двушникъ, которая не хочетъ больше ходить съ вами въ поле, говоря, что вы привлекаете къ себѣ омишкомъ-много постороннихъ. Это, можетъ-быть, потому, что ей хотѣлось бы, чтобъ посторонніе были для нея одной; можетъ-быть и потому, что вы ее ревнуете и ворчите на нее; можетъ-быть и потому, что она хочетъ остаться периодичной двушкой, чтобъ поймавъ быка.

— Не говори объ этомъ! вскричала Гита съ действительнымъ гнѣвомъ. — Нынѣшнимъ утромъ у тебя сидѣтъ чортъ на языкѣ!

— Нѣтъ? не говорить о быкахъ передъ чужими? отвѣчалъ Леонаръ насмѣшливымъ тономъ. — Они пожалуй отобьютъ. Смотри, держи его крѣпче!

Молодой баронъ, видя, что они начинаютъ говорить загадками, и не находя удовольствія въ томъ, чтобъ слушать все больше и больше забубенныя шуточки пономаря, рѣшился, пока голодъ не принудитъ его возвратиться въ это жалкое убежище, воившее имломъ и сыромъ, отправиться осмотрѣть древности Туль-Сент-Круа. Умъ его былъ столько наклоненъ къ серьезному, сколько это возможно въ его лѣта молодому человѣку, нѣсколько-иниженному воспитаніемъ. Онъ любилъ деревню и поселянъ издали, въ воспоминаніяхъ. Тогда онъ представлялъ ихъ себѣ важными, простыми, суровыми, какъ Натчезы Шатобриана. Вблизи онъ находилъ, что они грубы, грязны, жалки. Онъ удалился, чувствуя уже сожалѣніе, что говорилъ съ ними.

Посмотрѣвъ на трехъ гранитныхъ львовъ — памятники англійскаго завоеванія во времена Карла VI, опрокинутыхъ крестьянами во времена Двѣственицы, разбитыхъ, изуродованныхъ, сдѣлавшихся безобразными и лежавшихъ носомъ въ грязи, на самой серединѣ Тульской-Площади, Гильюмъ отправился къ феодальной башнѣ, которой основаніе совершенно сохранилось и обращено было однимъ изъ жителей въ погребъ для складки провизіи. Этотъ добрый челоѣкъ обложилъ башню землею вплоть до перваго этажа, и сдѣлалъ каменныя ступени, чтобъ можно было всходить на маленькую платформу, составляющую лучшую точку зрѣнія на всей горѣ и въ цѣлой области. Нынѣче, когда развитіе идей, изученіе древностей и охота описывать природу распространили какую-то жадность къ изслѣдованіямъ даже этой страны, можетъ случиться, что иногда, на тульской платформѣ вы встрѣтите какого-нибудь воспи-

танщина Бурбонской Коллегіи, отпущеннаго на вакансію, или разъя-
 жалающаго приказчика изъ Шатра, или дилетанта-чичероне изъ
 Буссама. Но въ то время, какъ въ первый разъ остановился на
 этой платформѣ Гильфомъ, ему было бы очень-трудно вступить
 съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ. Небольшое народонаселеніе деревуш-
 ки все было на полевыхъ работахъ, и въ этотъ полуденный часъ
 можно было слышать развѣ только кудактанье курицы, забредшей
 въ ограду. Гильфомъ былъ пораженъ пространствомъ, которое от-
 крылось передъ его глазами. Съ одной стороны, онъ видѣлъ Мар-
 шу, безплодную, безъ лѣса, безъ жителей, съ ея голыми холма-
 ми, узкими долинами, безплодными скатами, на которыхъ иногда
 кажется, будто каменный дождь навѣкъ задавилъ растительность, съ
 ея гвалльскими промѣхами, которые поднимаются въ пустынь словно
 протестъ древнаго языческаго міра противъ успѣховъ поколѣній.
 Въ глубинѣ этой грустной картины, молодой баронъ де-Буссакъ
 видѣлъ небольшой городокъ, котораго онъ носилъ имя, и его
 красивый замокъ, виднѣвшійся желтой точкой между скалами
 Малой-Крѣзы. Обернувшись, онъ увидѣлъ у себя подъ ногами
 Комбраль, а еще дальше Бурбонна, съ ихъ прекрасными водами,
 богатей растительностью и обширными долинами, которыя си-
 ними нѣкосами восходили до неизмѣримой круговой оконечности
 горизонта. Этотъ видъ прекрасенъ, но его нельзя долго выдержать.
 Отъ этой безконечности у васъ кружится голова. Сперва чувствуете
 себя униженнымъ, потому-что можешь только глазами слѣдовать
 за полетомъ ласточки по этому свѣтлому пространству; потомъ
 глубина неба, окружающаго васъ со всѣхъ сторонъ, ослѣпляетъ
 васъ; рѣдкій воздухъ, холодный на этой возвышенности во всякое
 время года, проникаетъ васъ и душитъ. Мнѣ кажется, на всѣхъ
 возвышенностяхъ, стоящихъ отдѣльно, при видѣ полного круга
 горизонта, ясно чувствуете красоту земли и быстрое движеніе,
 заставляющее ее вѣчно вертѣться. Воображаете себя увлеченнымъ
 въ этотъ неотвратимый бѣгъ по глубинамъ неба и тщетно ищете
 подъ собой вѣтви, чтобъ ухватиться... По моему мнѣнію, сторожа,
 нѣкогда стоявшіе на вершинѣ этой башни, еще стами футами выше
 того мѣста, гдѣ можно стоять нынче, были осуждены на пытку
 страшнѣе той, какой подвергались узники, заключенные въ мрач-
 ныхъ подземныхъ темницахъ.

Нашъ путешественникъ не могъ долго переносить грустнаго ве-
 лѣчія этой картины. Онъ думалъ найдти въ ней вдохновеніе; но
 вдохновеніе не дается тѣмъ, которые его ищутъ: оно приходитъ
 къ намъ, когда мы того заслуживаемъ. Ребенокъ, гонявшійся за
 поэзіей, но еще не жившій столько, чтобъ найдти ее въ себѣ-са-
 момъ, ощутилъ въ этомъ испытаніи только ужасъ одиночества.

Онъ сошелъ съ этого фароса скорве, нежели взойти на него; среди самаго жаркаго дня, вдругъ почувствовалъ онъ холодъ и сталъ вскорѣ искать убѣжища отъ лучезарнаго и холоднаго воздуха вытеормы.

Обошедъ кругомъ деревушки, онъ скоро достигъ склона горы и въ нѣсколько минутъ былъ на югъ, то-есть, брошенъ безъ всякаго перехода въ другую природу, въ другой климатъ, въ другія мысли. Со стороны Крѣзы, подъ занитою тульскою цѣпью выросло, на зло вѣтрамъ, неутомимо опустошающимъ пустыри и голыя горы Марши, одно только дерево; но со стороны Возза все принимаетъ болѣе-веселый видъ. Песчаныя дороги покрываются зелеными изгородами, и взору представляется тульское кладбище на слегка-наклоненной равнинѣ, отънесенной прекрасными деревьями. Это мѣсто указало, наконецъ, утолающимъ глазамъ нашего путешественника убѣжище, которое онъ въ эту минуту могъ сравнить съ классическими елисейскими-полями.

Онъ легко перелѣзъ черезъ каменные стѣны, остатки галльскаго города, окружающія эту юдоль успокоенія, и, видя, что онъ совершенно одинъ, углубился въ высокую траву, которая росла надъ провалившимися гробами. Пріятная теплота возвратилась въ его члены; и малѣйшее движеніе воздуха не колебалось вѣтвей кантанель и березъ, переплетавшихся надъ его головою и наклонившихся до нее. Заслоненный ими горизонтъ еще блисталъ сивомъ этого зеленого купола; но вскорѣ молодой человѣкъ легъ въ высокую и наволненную цвѣтами траву, тучившую останками мертвыхъ, и тамъ приближалъ этого блестящаго неба, которое его преслѣдовало. Крѣпительный сонъ окаменвалъ его члены, и вокругъ его шалава трудилась пчела съ своей мелодической пѣснью, баюкавшая сонъ его.

Такимъ-образомъ, онъ уже спалъ около двухъ часовъ, когда шумъ однообразныхъ голосовъ мало-по-малу разбудилъ его. Попрѣ-того, какъ онъ собирался съ мыслими и отдавалъ себя отчетъ въ своемъ положеніи, онъ узналъ два лица, которыхъ разговоръ незадолго передъ тѣмъ поразилъ его уши. Это были пономарь Леонаръ и тѣтка Гита, разговаривавшіе неподалеку. Гильбомъ поднялся и увидѣлъ, что пономарь-могильщикъ по колѣни стоялъ въ могилѣ, которую рылъ медленно, а старука сидѣла на талстои, выдаившемся изъ земли корнѣ, предъ голубою шерстью; заверченную на ея самопрялкѣ. Они не обращали на него никакого вниманія и вели между собою странный разговоръ, который показался молодому барону продолженіемъ его сновидѣній.

III.

Кладбище.

— Цално, полно! весело говорилъ проношаръ: — не стоить такъ сердиться, тётка Гита. Я не буду ничего больше говорить людямъ, махнусь тебя! Что же касается до быма...

— Это не быма, тогда это теленокъ! перервала его старуха.

— Это не теленокъ, потому-что вы все говорите, что у него рога. Полно! видно надобно привыкаться, что это волъ.

— Говори, что хочешь, а я не буду толковать объ этомъ съ тобой.

— А вотъ моя жена не такова, какъ ты; она говоритъ мнѣ о вещахъ больше, нежели я хочу, и чѣмъ больше я надъ ней смеюсь, тѣмъ больше она въ него вѣритъ. Какъ глупы женщины!

— И ты умъ говоришь, какъ-будто видѣла его?

— Тамъ ты что ли его видѣла?

— Нѣтъ, но я несколько разъ чуть-чуть его не видѣла.

— Точь-въ-точь какъ я: я всякую минуту чуть-чуть его не вижу; но минута прошла, и я вижу, что ничего не видѣла.

— Не знаю, что забавнаго находишь ты надъ всемъ смеяться.

— Ну, скажи пожалуйста, не должно ли смеяться вотъ теперь...

— Смѣйся съ нами, если это тебѣ нравится, но не смѣйся надъ вещами передъ чужими, несдѣшными. Это намъ налицо бѣда.

— Постои! постои, тётка Гита! Я чувствую что-то крѣпкое подъ заступомъ. Вотъ она, есицъ-то. Подставка-ка передникъ, я тебя выведу въ него мое золото.

— Не бросай же такъ на меня христіанскихъ костей. Это странно.

— Ничего, отъ-этого имъ не хуже! Съ-тѣхъ-поръ, какъ копанъ землю, я могу наизусть сказать, что кромѣ этого ничего больше въ ней не находилъ. Ужъ столько этихъ костей... Ужъ столько, ужъ столько, что Боже унаси! Должно быть, прежде насъ много здѣсь было побито народу, потому-что я не могу найти конца этимъ костямъ.

— На годится такъ много рыть! чѣмъ больше роютъ, тѣмъ больше копаютъ, тѣмъ больше выбрасываютъ камней, тѣмъ меньше находятъ.

— Ты все объ одномъ думаешь? Онѣ все такковы, эти старыя бабы: сводятъ съ ума одна другую, разсказывая другъ другу сказки.

— Но вѣдь ужъ это всегда такъ разсказывалось въ здѣшней странѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ мѣръ сталъ миромъ! То, что говорится всегда, не можетъ быть лживо!

И старуха начала говорить съ одушевлениемъ, но жесткими маршскимъ нарѣчіемъ; хотя само-по-себѣ это нарѣчіе довольно-удобопонятно, но оно дѣлается невразумительнымъ для непривычныхъ ушей по причинѣ быстрыхъ сокращеній и скорости, съ которою говорятъ на немъ особенно старухи. Жители этой части Марши, которая такъ долго принадлежала Берри, однакоже употребляютъ и тамошнее нарѣчіе и древній французскій языкъ, на которомъ говорятъ въ Берри. Но потому ли, что *окскій* языкъ былъ адекватнѣе старухъ, нежели *уэльскій*, или она думала, что на своемъ языкѣ выражается таинственнѣе, но она заставляла отвѣчать ей на немъ же своего собесѣдника, и Гильйомъ пересталъ ихъ слушать.

Однако, такъ-какъ разговоръ продолжался и могильщикъ громко ходоталъ, то Гильйомъ невольно слышалъ его еще по-прежнему и былъ пораженъ некоторыми странными словами. Дѣло постоянно шло о *золотомъ быкѣ*, о *золотомъ волѣ*, о *кладѣ*, о *зеленой трюмкѣ*, и эти слова возбудили въ молодомъ человѣкѣ неопредѣленные воспоминанія его дѣтства. Онъ родился въ землѣ Буссеви; съ кормила здоровая поселянка, имени которой онъ никакъ не могъ вспомнить.

Цѣтъ лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ эту область и былъ въ ней востокъ только одинъ разъ, въ 1816 году, когда мать его задумала выдѣлать вѣрдукомъ своего феодальнаго барства, несколько-забытаго въ эпоху имперіи; въ это время Гильйомъ и не подумалъ справиться объ имени своей кормилицы; но странныя выраженія, безпрестанно повторявшіяся въ долгихъ монологахъ тѣтень Гиты, пробуждали въ немъ смутное воспоминаніе о припадкѣ. Онъ вспомнилъ теперь, что говорилъ на этомъ, забытомъ языкѣ, нарѣчій съ своею кормилицею, прежде, нежели началъ говорить по-французски, и мало-по-малу сталъ прислушиваться къ нему, какъ къ своему родному языку. И кормилица говорила ему о *золотомъ быкѣ* и о *зеленой трюмкѣ*. Онъ зналъ объ этомъ тысячу сказокъ и тысячу фантастическихъ истинъ, которыя провозглашалъ сонъ его; и эта первая качальница, которая, какъ Сивилла, направляетъ мораль усніа воображенія, этого первый другъ человека, эта личность, такъ удачно названная Французами — *la bonne*, эта кормилица, вся интеллигентная часть, въ которой другая мать всегда осуждена любить равенство, представляла въ воображеніи Гильйома почтеннымъ чиномъ, священнымъ существомъ, и она стала упрекать себя, что забываетъ ее такъ долго. Онъ спрашивалъ у самого-себя, какъ мать его, родственная и на всѣхъ отношеніяхъ почтенная женщина, никогда не говорила ему о ней. Онъ считалъ преступленіемъ, — онъ, который считалъ *Гмэй Христианства* и растрогивался звономъ колоколовъ, *нѣмалюу жидѣ*

его колыбелью, — что въ сердцѣ его не пробуждалось до-сихъ-поръ желанія отыскать эту женщину и подать ей помощь, предполагая, что она бѣдствуетъ. Можетъ-быть, это была тѣтка Гита?.. Гильюмъ приподнялся на локтѣ и съ волненіемъ смотрѣлъ на нее сквозь стебли высокой травы. Могла ли она до такой степени состарѣться? Могла ли нищета до такой степени исказить женщину, которая, вѣроятно, была молода, здорова и свѣжа, когда ее выбрали ему въ кормилицы? Впрочемъ Ліуди была моложе его, а въ двадцать лѣтъ женщины, осужденныя нищетою на тяжелый трудъ, часто старѣютъ цѣлымъ полвѣкомъ.

Между-тѣмъ, какъ эта мечта овладѣвала его воображеніемъ, Леонаръ перемѣнилъ разговоръ и, привыкнуши говорить съ своимъ священникомъ, началъ употреблять французское беррійское нарѣчіе.

— Странно и подумать, говорилъ онъ: — что работаю такъ долго для другихъ, а самъ-себѣ не могу оказать одной этой услуги.

— Твой сынъ выполаетъ ее для тебя... могли-то; вѣрно онъ заступитъ твое мѣсто?

— Надѣюсь. Знаешь ли ты, на комъ ты сидишь, тѣтка Гита?

— Постой, постой! здѣсь долженъ быть старикъ Жюніа, потому-что трава очень-длинна, а ужъ прошло лѣтъ десять съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ умеръ.

— Такъ вѣтъ, ты не знаешь кладбищенскихъ. Здѣсь лежитъ Бѣднякъ Лоришъ. Вотъ былъ добрый малой. Какъ я веселился съ нимъ въ прежнее время! То-то острякъ! Помнишь ли, на свадьбѣ Жамбетты, какъ онъ смѣшилъ тебя?

— Бѣдняжка! я очень-хорошо помню и эту пѣсню, которую онъ пѣвалъ такъ молодецки!..

Старуха начала дрожащимъ голосомъ пѣть тихонько на весьма-замѣчательный мотивъ одну изъ бурбоннскихъ пѣсень, которыхъ музыка очень заслуживала бы быть собранною, еслибъ это можно было сдѣлать, не лишая ея прелести и оригинальности. Пономарь отвѣчалъ церковнымъ напѣвомъ, подражая шуткамъ покойника.

— Замолчи же! сказала старуха, прерывая его: — не годится такъ вѣтъ надъ мертвыми.

— Вотъ еще! да если онъ насъ слышитъ, ему должно быть весело. Бѣдняжка Лоришъ! Можетъ-быть, завтра будетъ здѣсь и та, для которой я теперь готовлю постелю; вѣдь и она также знала славныя пѣсенки! Ахъ, какая славная это была пѣвица въ свое время!

— Ты не находишь, чтобъ она была глупа, не правда ли? А между-тѣмъ, она много знала о золотомъ-быкѣ и о той семѣ, надъ которой ты всегда смѣешься.

— Она этому не вѣрила; она говорила это въ шутку.

— Однако, она его видѣла!

— Она смѣялась надъ вами.

— О, нѣтъ! для насъ большое несчастье, что она отправилась такъ внезапно. У ней были секреты!

— Что жь! она передастъ ихъ дочери!

— Дочь ея слишкомъ-молода и проста. Мать ея — женщина, которая всегда была несчастна; у ней былъ славный способъ много нажить, а она умѣла такъ обойтись, что умерла въ такой же бѣдности, какъ и другіе.

— У ней было слишкомъ-много доброты. Она ничего не просила, удовольствовалась немногимъ, что ей дали, а потомъ они ее забыли.

— Богачи порядочно подшучиваютъ надъ бѣдняками! Къ тому же, тутъ что-то скрывается. *Барыня* любила ее много, много; потомъ вдругъ она ее совсѣмъ перестала любить. Я знала это въ прежнее время...

— Что жь! а молодой человекъ, котораго она вскормила, какъ же онъ никогда о ней не вспоминалъ?

— Онъ былъ слишкомъ-молодъ, а потомъ никогда не пріѣзжалъ въ нашу сторону. Теперь онъ долженъ быть солдатомъ, или генераломъ что-ли, потому-что, говорятъ, ихъ берутъ совсѣмъ-молодыхъ и заставляютъ командовать старыми съ-тѣхъ-поръ, какъ нѣтъ больше императора.

— Говорятъ... а вѣдь это странно! Наконецъ, *бѣдная душа* не нашла золотой трещины въ замкѣ Буссакъ, и дочери ея не будетъ много хлопотъ съ описью ея имѣнія. Ей осталось немного скота, три или четыре овцы, четыре или пять козъ и дрянной домишко.

— И дрянная тѣтка, которая гораздо-лучше сдѣлала бы, еслибъ отправилась сама вмѣсто сестры.

— Однако, еслибъ Жанна захотѣла согласиться на предложенія мѣщанъ, ей можно было бы уѣхать отсюда.

— Мѣщанъ! мѣщанъ! Они берутъ одной рукою и тащатъ другую. На это не надобно слишкомъ надвѣяться!

— Такъ надобно умереть бѣднягой, какъ жила?

— Мы будемъ не первые, не безпокойся, Леонаръ! сказала печальнымъ голосомъ старуха.

— И не послѣдніе, не безпокойся, Гита! философическимъ тономъ отвѣчалъ пономарь.

Настало глубокое молчаніе, которое перервалъ отдаленный раскатъ грома.

— А! вотъ что ее докончить, бѣдняжку! сказалъ Леонаръ: — и если она не поспѣшитъ умереть, священникъ весь промокнетъ.

— Я такъ и думала нынче утромъ, возразила старуха. — На разсвѣтъ было столько бѣлаго дыма на трясинахъ, что я говорила Ліоди: послѣ полудня будетъ громъ, и это унесетъ бѣдную Тюлу на тотъ свѣтъ прежде солнечнаго заката.

— Тюла? вскричалъ Гильѡмъ, вскочивъ и подходя съ глубокимъ волненіемъ къ двумъ поселянамъ.

— Ахъ, маленькій господинъ! какъ вы меня испугали! сказала старая корга, поднимая свою самопрялку, которую она уронила было въ могилу.

— Вы произнесли имя, которое я долго старался вспомнить. Тюла, не правда ли? умирающую женщину зовутъ Тюла?

— Да, сударь, отвѣчалъ Леонаръ:—вы ее знали?

— Не она ли служила у госпожи де-Буссакъ лѣтъ пятнадцать или двадцать назадъ?

— Да, и кормила ея сына.

— И она живетъ здѣсь?

— Недалеко отсюда, сударь; она здѣшняго прихода, потому-то ее здѣсь и похоронять, вотъ видите, въ этой ямѣ, которую я копаю.

— Развѣ нѣтъ никакого средства спасти ее?

— О! нѣтъ, сударь! сказала тѣтка Гита:—моя дочь ходила къ нимъ вечеромъ и она была уже при послѣднемъ издыханіи. Вотъ привѣжали за г. священникомъ съ святыми дарами и все торопили какъ можно-скорѣе, какъ можно-скорѣе. Думали, что онъ пріѣдетъ ужъ поздно, не успеетъ причастать ее.

— Леонаръ, ты проводишь меня къ этой женщинѣ, не правда ли?

— О, что до этого, сударь, то ни за какое золото, ни за какое серебро! Потому-что пріѣдетъ священникъ и ничего не будетъ, чтобъ дать сѣна его лошади; я тотчасъ же иду за своей жосою, чтобъ накосить травы и смести вязанну въ ясли.

— А ты, тѣтка Гита? сказалъ съ нетерпѣніемъ Гильѡмъ.

— Нѣтъ, сударь, я ужъ не могу бѣгать такъ, какъ вы, сказала старуха. — Я схожу съ горы порядочно, но всхожу съ большимъ трудомъ. Да вы дойдете и одна! Смотрите: видите эту впавшую дорогу, назыво, тамъ въ глубинѣ? видите большіе бѣлые камни и возлѣ нихъ домъ? Это тамъ. Это мѣсто называется Эппиоаль.

— Я бѣгу, сказалъ Гильѡмъ.

— Подождите, подождите! кричалъ ему Леонаръ: — не смѣя тутъ вы не пройдетѣ. Вы не знаете, какъ тамъ, что здѣсь трясина? Вы въ нихъ погибнете! Я позову кого-нибудь, чтобъ проводить васъ. Сейчасъ здѣсь была Ліоди. Ліоди! ге-го! Ліоди!

Свѣжее личико Ліоди показалось изъ-за куста, рядомъ съ веревочкой ея черной козы, безъ церемоніи щипавшей ограду кладбища.

— Проводи этого господина къ Тюль, сказалъ пономарь, да не слишкомъ болтай съ нимъ дорогой... онъ спѣшитъ.

— Идти ли мнѣ? спросила Люди у своей матери смущеннымъ и вѣстѣ смѣлымъ тономъ.

— Возьми свои сабо и дай мнѣ палку; я буду стеречь скотъ, спокойно отвѣчала ей мать.

Люди прибѣжала, подоткнула кверху свою юбку, застегнула саручу мантію, и проворно начала сходить съ горы, крича: *туда, сударь!* и съ большимъ шумомъ катя крѣпни изъ подъ своей звучной деревянной обуви.

Гильиомъ слѣдовалъ за ней съ большимъ трудомъ и страданіемъ. Острые камни, по которымъ, кажется, летала молодая дѣвушка, обрушались подъ его ноги и прорывались ему сапоги. Онъ удивлялся, что она не ведетъ его по наклоненному лугу, прострившемуся рядомъ съ этими каменными горами; онъ не зналъ, до какой степени обманчивы тудльскія *трясины*. Это многочисленныя ключи, которые не извергаются наверхъ, но подрываютъ землю, пресачиваясь подъ нею. Густая тина, одѣтая тонкимъ и короткимъ тростникомъ, который можно принять за луговую траву, покрываетъ ихъ и прячетъ отъ непривычнаго взора эти живыя болота, столь же опасныя, какъ живые пески по берегамъ моря. Нога погружается въ нихъ медленно, и нѣсколько минутъ намететъ, что земля можетъ сдерживать твердое тѣло. Но это обманъ злобныхъ духовъ горы. Мало-по-малу вы погружаетесь до коленъ, до пояса, до плечъ, и всякое новое усиліе выдаться погружаетъ васъ еще глубже. Наконецъ, безъ скорой помощи, вы погибаете, не утонете, но будете задушены вѣномъ, и тудльскія кумушки думаютъ, что вы отправитесь въ таинственный, провалившійся сквозь землю городъ, въ которомъ иногда, въ тихую погоду, онѣ слышатъ, какъ звонятъ колокола.

Быстро и легко шла Люди на четыре шага впереди Гильиомъ, не смѣя заговорить съ нимъ и, можетъ-быть, удивляясь, что онъ не прерываетъ молчанія первый, говорила про себя, что *господилъ здесь очель-зордъ*. Наконецъ, Гильиомъ, ни мало не замѣчая круглосты ея ноги и прелестей поступи, сталъ спрашивать ее о Тюль. Люди начала словомъ: «что-съ?» неизбѣжнымъ вступленіемъ въ разговоръ хитраго поселаннина, который приготовляетъ свой отвѣтъ, съ наиврѣніемъ заставляя васъ повторять вопросъ, и когда молодой человекъ чернѣливо повторилъ его, —

— Да, сударь, да! сказала она ему:—это прекрасная женщина, очель-чистоплотная, очель-трудолюбивая, добрая хозяйка и очень-ворочная съ званки.

— Что ты подъ этимъ разумешь?

— Очень-услужливая къ сосѣдямъ, не скряга, какъ сестра ея Большая-Гота.

— Много останется послѣ нея дѣтей?

— У ней не останется дѣтей, сударь; у ней всего одна дочь сказала Люди, которая, подобно всѣмъ Берришонцамъ, дѣтьми называла только мальчиковъ.

— А эта дочь такая ли взрослая, чтобъ могла существовать сама собою?

— О, да! ей двадцать лѣтъ, или двадцать-одинъ годъ, потому что она гораздо-старше меня.

Это замѣчаніе не привлекло вниманія Гильюма на семнадцать лѣтъ, которыя Люди выставляла впередъ съ такимъ торжествомъ.

— Не въ замкѣ ли Буссакъ родилась эта дочь? спросилъ онъ.

— Быть-можетъ, сударь. Кажется, что такъ, хоть я и не подумала спросить у ней объ этомъ; къ-тому же, я тамъ сама не была. Но мнѣ кажется, что я слышала, какъ это говорила мать моя.

— Это моя молочная сестра! подумалъ Гильюмъ и удвоилъ шаги.

Когда Люди увидѣла, что ей нѣ на что больше отвѣчать, она начала спрашивать.

— Такъ вамъ нужно что-нибудь сказать ей, этой Жаннѣ?

— Жаннѣ? вскричалъ Гильюмъ: — ее зовутъ Жанна? кто далъ ей это имя?

— Вотъ! разувѣтся, крестная мать... Какъ этотъ господинъ глушь! подумала Люди.

— А кто ея крестная мать?

— А! это я хорошо знаю! Это *большая барыня* г-жа де-Буссакъ. Вы ее знаете, госпожу замка Буссакъ? Жива она? Здѣсь она?

Гильюмъ не считалъ нужнымъ отвѣчать. Онъ былъ пораженъ страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, приведшихъ его въ Туль, чтобъ видѣть, какъ копаютъ могилу его кормилицъ, и заглядитъ долгое забвеніе своего семейства, предложивъ покровительство своей молочной сестрѣ, крестницѣ его матери. Въ случайности которая заставила его взять скорый къ Туль, нежели къ Срозанту или какому-нибудь другому романтическому мѣстоположенію Марши онъ видѣлъ дѣйствіе Провидѣнія и благодарилъ Бога за то, что Онъ, такъ-сказать, указалъ ему его обязанность тамъ, куда онъ пріѣхалъ за удовольствіемъ.

Кокетка Люди, видя, какъ мало любезенъ Гильюмъ, угомонилъ внутреннее свое безпокойство, которое охотно поддерживала при началѣ ихъ одинокаго путешествія. Столько же радуясь, сколько любпытствуя, она закидала его вопросами, точно такъ же, какъ сдѣлала ея мать и Леонаръ. Она хотѣла знать, кто онъ, откуда ѣдетъ,

ль-особенности, зачѣмъ онъ такъ спѣшить видѣть умирающую, какое участіе можетъ онъ принимать въ этой бѣдной женщинѣ и ея дочери.

— Вотъ въ чемъ дѣло! вдругъ сказала она, соскучившись его надменной и задумчивой молчаливостью: — мнѣ кажется, вамъ нужна служанка, и вы пріѣхали, чтобъ нанять себѣ ее здѣсь, гдѣ онъ славится (*). Вы вѣрно слышали, что Жанна добрая дѣвушка, крѣпкая, не боится работы и, можетъ-быть, вы хотите увезти ее съ собою.

— Развѣ ты думаешь, что для нея было бы выгодно найти себя нѣсто на сторонѣ?

— О, да, сударь! да она никогда не разсталась бы съ матерью; но съ-тѣхъ-поръ, какъ мать ея слегла въ постель, многіе городскіе совѣтовали ей наняться и дѣлали ей предложенія. Она никогда не хотѣла покидать своей стороны; когда привыкнешь къ одному мѣсту, то неохотно мѣняешь его. Но теперь она будетъ несчастлива съ своей теткой и хорошо сдѣлаетъ, если уйдетъ отсюда, и если вы принимаете въ ней участіе, вы хорошо сдѣлаете, если ее увезете.

Въ выраженіи лица молодой дѣвушки, при этихъ словахъ, было явное намѣреніе убѣдить его; онъ это замѣтилъ, но не могъ объяснить себѣ тому причины. Онъ уклонился отъ этихъ намѣсковъ, сказавъ, что можетъ-быть Тюла еще не умерла, и что нѣтъ такой тяжелой болѣзни, отъ которой бы нельзя было выздоровѣть.

— О! для нея ужъ все кончено! отвѣчала Людвигъ: — смотрите, сударь, глядите туда, внизъ: господинъ-священникъ возвращается въ Туль по мощеной дорогѣ. Кончено! тѣтъ Тюль ничего ужъ больше не надобно.

Этотъ приговоръ, произнесенный съ философической беззаботностью, характеризующей крестьянина, произвелъ на молодого человека грустное впечатлѣніе.—Я пріѣхалъ слишкомъ-поздно, подумалъ онъ: — и не могу уже поправить своей неблагодарности; я присланъ волею Провидѣнія къ трупу, чтобъ получить тяжелое наказаніе.

Грѣмъ продолжалъ грѣмѣть въ отдаленіи, и фіолетовыя облака собирались во многихъ мѣстахъ на горизонтѣ.

— Намъ надобно поспѣшить, сударь, сказала молодая дѣвушка, видя, что онъ отъ усталости замедлялъ шаги:—если мы долго оставемся въ Эппинеллѣ, насъ замочить.

Гильйомъ машинально прибавилъ шагу и, спустя полчаса пути,

(*) Поселяне этой стороны, молодые люди и дѣвушки, нанимаются на годъ въ услуженіе на фермахъ или въ мѣщанскихъ домахъ.

достигъ наконецъ порога хижины, принадлежавшей его кормилицѣ.

— Вотъ, сударь, сказала рывительнымъ тономъ Люди. — Я не хочу входить туда. Я боюсь мертвыхъ. Я буду дожидаться тамъ, чтобъ проводить васъ обратно. Но вамъ не надо жбннать, потому-что гроза приближается.

Гильюмъ былъ нѣсколько времени въ нерешимости, войди ли ему. Онъ никогда не видалъ трупа, и этотъ случай, соединясь съ такими неожиданными обстоятельствами, производилъ въ немъ тягостное волненіе.

III.

Домъ усопшей.

Сильный запахъ смолы выходилъ изъ единственной комнаты, которая, вмѣстѣ съ пристроеннымъ къ ней и раздѣленнымъ на нѣсколько стойлъ хлѣвомъ, наполняла все это бѣдное строеніе, покрытое мхомъ и вьющимися растеніями; впрочемъ, внутренность была чиста и показывала привычку къ порядку и дѣятельности. Три постели, похожія на катафалки и завѣшанныя желтыми полновѣковыми занавѣсами, занимали двѣ стороны стѣны. На той, которая была въ серединѣ, лежало тѣло усопшей, совершенно-закрытое бѣлымъ покрываломъ, самымъ тонкимъ и лучшимъ, какое только было въ домѣ. Четыре свѣчи изъ новаго воска горѣли на четырехъ углахъ постели. Двѣ или три старухи, изъ числа тѣхъ, которыя въ глубинѣ Марши, точно такъ же, какъ въ горахъ Шотландіи, со рвѣніемъ, смѣшаннымъ съ суевѣріемъ, бывають на всѣхъ похоронахъ, молились около постели, и посреди нихъ молодая высокая дѣвушка замѣчательной красоты стояла на козлахъ возлѣ самого трупа, молча плакала, вперивъ глаза въ землю и сложивъ руки на козлахъ, въ положеніи, напоминавшемъ молодому человеку Магдалину Кановы.

Появленіе Гильюма въ первую минуту никакъ не было замѣчено; онъ могъ разсматривать это ангельское лицо, которое, вообразилось ему, онъ знаетъ, хотя съ самыхъ первыхъ лѣтъ своей жизни онъ до того забылъ ее, что не зналъ о ея существованіи. Цвѣтъ лица Жанны, блѣднѣйшій отъ грусти и утомленія, имѣлъ матовую близнпу мрамора; ея большіе глаза, открытые и неподвижные, въ то время, какъ слезы, которыхъ она и не думала утирать, струились по ея щекамъ; чистота правильныхъ чертъ ея

просила и неподвижность ея оцѣпенѣнія,—все способствовало къ тому, чтобъ придать ей видъ статуи.

Норвалъ, живѣтвиная приходъ чужаго человѣка, была сестра покойной, высокая дѣва грубаго и довольно-подлаго вида. Она сдѣлала красное знаменіе, какъ-будто для того, чтобъ методически закончить свою молитву, и вставъ, подошла къ Гильѣому.

— Что вамъ угодно, сударь? спросила она громкимъ голосомъ, оскорбленнымъ почтительное молчаніе, которымъ мы обязаны сну погальному.

— Я пришелъ—было, отвѣчалъ смутившись Гильѣомъ: — чтобъ узнать о положеіи больной.

— Вы не сельскій ли лекарь? продолжала Большая-Гота. — У насъ лекаремъ нѣтъ никакой поживы... Сестра моя ужъ съ часъ, какъ умерла.

— Я не лекарь, сказалъ Гильѣомъ.

— Такъ вы полицейскій чиновникъ: вы слишкомъ поторѣились, чтобъ придти все у насъ опечатать. Въ васъ нѣтъ никакой надобности. Дочь совершеннолѣтняя, и такъ-какъ я ни на что не могу имѣть привязаній, то не хочу ничего скрывать, прибавила она съ важностію. — Подите, подите! ступайте своей дорогой! Законъ имѣетъ, а напрасныхъ издержекъ не хотимъ дѣлать.

Гильѣомъ, видя, что онъ подвергается опасности быть грубо прогнаннымъ, рѣшился, не безъ стыда, назвать себя. Онъ сдѣлалъ же, понизивъ голосъ, опасаясь со стороны этой хозяйка-женщины gerade-большинхъ еще грубостей. Но, вмѣсто того, чтобъ упрекать его за поздній его приходъ, она вдругъ измѣнила тонъ и обращеніе.

— Такъ вы знали, что моя сестра была больна, добрый господинъ? сказала она плачевнымъ тономъ: — и пріехали, чтобъ хоть-нибудь помочь ей? Вы слишкомъ добры, что такъ беззаботились для такихъ бѣдныхъ людей, какъ мы. Стыдно, право, что у насъ нечего подать вамъ для подкрѣпленія вашихъ силъ. Что дѣлать! моя бѣдная сестра только-что испустила послѣднее дыханіе, и мы еще не имѣли времени привести все въ порядокъ. Да сидте, сударь, вотъ на этотъ стулъ, а не на эту дрянную скамью: я покрою ее сверху чистымъ полотномъ, чтобъ вы не испортили платье.

— Я пришелъ не за тѣмъ, чтобъ беззаботить васъ въ вашей горести, отвѣчалъ молодой баронъ, которому были неприятны развязность и присутствіе духа, выказывавшія въ этой женщинѣ глубокую сухость сердца. — Я надѣялся облегчить послѣднія минуты моей бѣдной нормиллицы, принявъ и исполнивъ послѣднія ея желанія. Такъ-какъ я пришелъ слишкомъ-поздно, то удаляюсь, чтобъ не мѣшать вамъ въ такую минуту, а между-тѣмъ мнѣ хотѣ-

лось бы сказать моей молочной сестрѣ нѣсколько утѣшительныхъ словъ и предложить кой-какія услуги. Но въ послѣднемъ случаѣ я пришелъ слишкомъ-рано, потому-что теперь невозможно, чтобъ она могла подумать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ своей потери.

— О! да, сударь, съ ней надобно поговорить, отвѣчала Большая-Гота съ рѣшительнымъ видомъ.— Она очень можетъ вѣсь слушать: вы дѣлаете ей слишкомъ-много чести. Жанна! Жанна! поговори съ этимъ господиномъ.

— Не мѣшайте ей молиться, возразилъ Гильйомъ твердымъ голосомъ.— Я не хочу этого. Я подожду, пока она будетъ въ состояніи меня выслушать.

И, оттолкнувъ тѣтку, которая хотѣла заставить Жанну оборотиться, онъ подошелъ къ трупу и остановился, погруженный въ тяжелыя мысли, которыя внушали ему эта постель и эта сирота, брошенная во власть природы грубой и упорной, характеръ которой сильно былъ замѣтенъ въ отвратительныхъ чертахъ тѣтки.

Жанна подняла глаза на чужаго человека и тотчасъ ихъ опустила, не понимая и не могши подумать о томъ, чтобъ понять причину его присутствія. Другія женщины перестали бормотать свои молитвы. Онъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и встали одна за другой, чтобъ пойдти спросить у Большой-Готы, что надобно этому молодому господину.

Оставшись такимъ-образомъ возлѣ Жанны, онъ рѣшился начать говорить съ нею. Но нѣмая и благоговѣйная горестъ молодой дѣвушки поразила его уваженіемъ, котораго онъ не могъ превазможть. Онъ тихо отошелъ, и пока старухи, не смотря на отказъ его, спѣшили накрыть столъ, чтобъ подать ему молока, онъ уныло облокотился объ узкое окно, закрытое листьями, которые бросали зеленую тѣнь на покрывало усопшей.

Но грустныя мечтанія его уступили мѣсто взумленію, когда онъ сквозь вѣтви вьющагося терновника увидѣлъ Леона Марсилья, сидѣвшаго рядомъ съ Люди на скамьѣ, приставленной къ нижнему косяку окошка. Они живо говорили между собою и частію не хотя, частію изъ любопытства, Гильйомъ услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Вы должны быть ужъ слишкомъ-безстыдны, говорила Люди прерывающимся отъ гнѣва голосомъ:— чтобъ пріѣхать въ то самое время, какъ мать ея только-что закрыла глаза; вы думаете, что тотчасъ увезете ее на своей лошади? О! какъ вы ни скрываетесь, я видѣла вашу лошадь издали, привязанную къ дереву за домомъ, и сказала сама себѣ: вотъ онъ волкъ-то!

— Ты дурочка, Люди, отвѣчалъ въ-полголоса Марсилья.— Я не думаю ни скрывать, ни показываться. Не просто ли это, что,

быть около дома и зная, что бѣдная женщина очень-болѣна, я хотѣла узнать о ея положеніи.

— Такъ для чего же вы не вошли, а остановились за этимъ кустарникомъ и очень удивились, когда я васъ нашла здѣсь? О, я видѣла вашу уловку! Я видѣла васъ оттуда сверху, а вы меня не видали; вы слишкомъ были заняты, ожидая, не выйдетъ ли Жанна маленькой дверью. изъ хлѣва... Ну! вы пріѣхали слишкомъ поздно! Во-первыхъ, Жанна васъ терпѣть не можетъ; она говорила мнѣ это сто разъ, и я столько же разъ повторю вамъ, что она скорѣй кинется въ колодезь, нежели позволить только поцаловать себя такому волокитѣ, какъ вы. Во-вторыхъ, тамъ есть молодой человекъ, лучше васъ, который пріѣхалъ за нею, чтобъ увести ее съ собой въ Парижъ.

— Чтѣ ты тутъ рассказываешь, Ліуди?.. Впрочемъ, чтѣ мнѣ до этого за дѣло? Я никогда не думала о Жаннѣ, я люблю одну тебя: такъ не показывай же, что ты въ этомъ сомнѣваешься. Ну, я уѣзжаю; помирися.

— Нѣтъ! вы не поцалуете меня. Не стоить труда! Къ-тому же, вы недалеко идете.

— Даю тебѣ честное слово, что я возвращаюсь въ Буссакъ.

— Да, когда вы достигнете того, что поговорите съ Жанной, когда вы ей скажете: «пойдемъ къ намъ, милая Жанна; моя сестра самаго кроткаго характера, и я дамъ тебѣ все, чего ты желаешь». Ужъ больше мѣсяца, какъ вы напѣваете ей эту пѣсню; но она не такъ глупа, чтобъ васъ послушала.

— Она послушала бы меня, какъ и всякаго другаго, еслибъ я захотѣлъ этого; но я всегда говорилъ ей это для того только, чтобъ возмѣяться. Она совсѣмъ не такъ хороша, твоя Жанна!

— Хорошо! Я скажу ей это отъ васъ не позже, какъ завтра.

— Хоть сейчасъ, если хочешь! Но кто этотъ молодой человекъ, который, какъ ты говоришь, теперь тамъ?

— А! это васъ беспокоитъ! По чемъ мнѣ знать? Подите, посмотрите. Это дастъ вамъ случай войти въ домъ.

— Твоя правда, иронически отвѣчалъ Марсилья, и всталъ со скамьи, сопровождаемый Ліуди, которая не хотѣла спускать его съ глазъ.

Передъ окончаніемъ этого разговора, Гильюмъ отошелъ отъ окна, чувствуя отвращеніе при контрастѣ циническихъ и грубыхъ жалобъ съ благоговѣніемъ, которое внушало присутствіе трупа и святыя слезы Жанны. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ нѣсколько словъ, выражавшихъ состраданіе и участіе, которыя она едва слышала. Потомъ, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ освободившись отъ досадныхъ услугъ тѣтки, которая усиливалась заставить его

свѣсть около этого смертнаго одра, онъ хотѣлъ отправиться, съ намѣреніемъ заняться судьбою Жанны въ болѣе-благопріятную минуту, какъ вдругъ на порогъ двери встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ Марсилья.

Удивленіе и замѣшательство Марсилья были чрезвычайны; но, благодаря веселой наглости характера, онъ скоро справился и потрясъ за руку своего прежняго товарища охоты съ дружеской неротностью.

— За какинъ чортомъ вы сюда прѣехали? спросилъ онъ его, не давая ему времени предложить съ своей стороны вопросъ.

— Для моего посѣщенія есть гораздо-болѣе основаній, нежели для вашего, отвѣчалъ Гильюмъ съ извѣстною строгостію въ словѣ.— Развѣ вы не знаете, что женщина, которая только-что умерла, была моею кормилицей, и не обязанъ ли былъ я посѣтить къ ней, лишь-только узналъ о ея положеніи?

— Конечно, Гильюмъ; это прекрасно съ вашей стороны. Что жъ, мой бѣдный другъ! вы не могли спасти ея, и ваша матушка пришлетъ пособіе ея семейству. Ворóтитесь ли вы въ Буссажъ нынѣшнимъ вечеромъ?

— Не думаю, съ намѣреніемъ отвѣчалъ Гильюмъ.

— А! вы хотите провести ночь въ Туллѣ? Это плохое пристанище.

— Что за дѣло! въ дорогѣ я ни о чемъ не забочусь.

— Такъ вы прогуливаетесь амѣтѣромъ? Я такъ здѣсь поиздаюсь съ однимъ родственникомъ въ Шамбонѣ.

— Вы выбрали самую дурную дорогу!

— Да, но самую короткую! Теперь возвратитесь ли вы въ Туллѣ? Не хотите ли, чтобъ я подождалъ васъ, чтобъ вѣхать вмѣстѣ?

— Вы веркомъ, а я пѣшкомъ. Вамъ нельзя слѣдовать по одной съ мною дорогѣ, не сдѣлавъ для меня крюка, а грозитъ буря.

— Въ такомъ случаѣ, я ѣду, отвѣчалъ Марсилья, которому видимо было непріятно, что молодой баронъ оставался около Жанны.

— До свиданія! не поручите ли мнѣ сказать что-нибудь вашей матушкѣ? я исполню.

— Много меня обяжете, отвѣчалъ Гильюмъ и, оторвавъ листокъ отъ своей записной книжки, сталъ писать карандашомъ нѣсколько строчекъ своей матери. Между-тѣмъ, Марсилья проникнулъ въ домъ, дружески поговорилъ съ Большой-Готой, съ минутой отъ чистаго сердца пожалѣлъ о смерти ея сестры и безъ церемоній выпилъ козье молоко, отъ котораго отказался Гильюмъ, не столько изъ жадности, сколько для того, чтобъ выиграть время и найти случай сказать нѣсколько словъ Жаннѣ.

Большая-Гота, можетъ-быть съ намѣреніемъ, а можетъ-быть въ-

сѣдствіе дѣятельнаго и безпокойнаго характера своего, доставила ему этотъ случай:

— Ну, Жанна! закричала она дикимъ и непріятнымъ голосомъ:— пооди, поблагодари этихъ честныхъ господъ, которые пришли повидѣться съ тобою и желаютъ тебѣ добра въ твоёмъ несчастіи. Ну же! встанешь ли ты? Не годится такъ печалиться. Мертвые насъ не слышатъ, бѣдняжка; мы не можемъ помѣшать имъ отъправиться на тотъ свѣтъ. Господь Богъ это имъ приказываетъ; и когда къ намъ привижется несчастье, то одніи молитвы могутъ помочь. Слова также никуда не годны; онѣ ни разу еще никого не воскрешали. Развѣ ты хочешь остаться такъ на колѣняхъ до завтрашняго утра? Это глупо; ты заболѣешь, а тогда кто будетъ ходить за тобою? Чтѣ до меня, я тебя предупреждаю, что выбилась изъ силъ и не хочу больше ничего дѣлать. Довольно я дѣлала. Надобно быть мужественнѣе, благоразумнѣе, правѣ! Нужно подумать о хлопотахъ, которыхъ будетъ не мало во время потребенія. Ахъ! какъ дорого стоить это гадкое дѣло! Ахъ, да, вы, мои добрыя кумушки, вы шти поможете, потому-что я ужь не знаю, гдѣ я теперь, и у меня ровно ничего нѣтъ, ни грѣша денегъ, чтобъ прожить эту недѣлю. Жанна! Жанна! перестань же! Поговори съ этимъ молодымъ господиномъ, который тебѣ молочный братъ и пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ не допустить тебя быть несчастною. Видишь ли, что они думаютъ о тебѣ въ замкѣ. Мать твоя говорила: «они меня забыли! она слишкомъ-жестокки ко мнѣ!» Видишь ли, что она говорила неправду? Они подумали о насъ. Къ-тому же, вотъ и господинъ Леонъ, который всегда о насъ думалъ и оказывалъ намъ много услугъ. Посмотри же на него! поговори съ нимъ! Спроси его о здоровьѣ. Поди поскорѣй, принеси ему сыру отъ нашей козы. Ты видишь, что онъ голоденъ и съ удовольствіемъ съѣлъ бы кусочикъ. Ну же, слышишь ты, что ли меня? Развѣ мнѣ самой все дѣлать? Я отъ этого навѣрное заболѣю. Эта дѣвочка никогда не была добра къ своей тѣткѣ... Да! это несчастье для меня, что я лишилась своей бѣдной сестры! Я очень могу сказать, что нынѣшній день потеряла все!

Окончивъ этотъ монологъ, который Марсилья напрасно старался прервать и который Гильиошъ слушалъ съ негодованіемъ, Большая-Юта принялась рыдать такъ крикливо и насильственно, что рыданія ея были бы слышны, есlibъ не были возмутительны. Припрыгнувъ къ безмолвному повиновенію, Жанна встала, какъ машинѣ по движенію рычага. Она хотѣла исполнить желанія своей тѣтки, но сама не знала, чтѣ дѣлала, и уронила тарелку, которую шла подать Марсилья, хотя онъ всталъ изъ-за стола, чтобъ избѣжать неумѣстнаго гостепримства старой дѣвы. При звукѣ, который произ-

вела эта дрянная глиняная тарелка, выпавшая изъ рукъ Жанны, маленькіе черныя глаза Готы засверкали гнѣвомъ, и еслибъ она не боялась возбудить негодованіе гостей своихъ, которые, какъ она видѣла, готовы были принять сторону сироты, она осыпала бы ее бранью.

— Перестань, моя бѣдная Жанна! сказалъ Марсилья, взявъ у ней изъ рукъ черепки тарелки, которые она собирала и выбрасывала вонъ:—я не хочу, чтобъ ты занималась мною и нахожу очень-неприятнымъ, что тебя такъ тревожатъ: это несносно. Послушай, Гота, мы съ тобой перестанемъ быть добрыми друзьями, если ты будешь дѣлать неприятности Жаннѣ, особенно въ такой день, какъ нынче. Въ тебѣ, должно быть, сидятъ черти!

Свобода, которою пользовался Леонъ въ обращеніи со старухой, и вниманіе, которое онъ имѣлъ на нее (потому-что она тотчасъ утихла и перемѣнила обращеніе), достаточно доказывали, что она не дурными глазами смотрѣла на волокитство молодого человека за Жанной, и хотѣла воспользоваться извѣстной слабостью его къ красивымъ комбральскимъ дѣвушкамъ. Во всякомъ другомъ случаѣ, Гильюмъ не удостоивалъ бы вниманія такія постыдныя отношенія; но заботливость, пробужденная въ немъ несчастіемъ Жанны, и чистая связь, существовавшая между имъ и ею, дѣлали его чрезвычайно-проницательнымъ. Въ эту минуту онъ почувствовалъ истинное негодованіе къ молодому юристу и пересталъ упрекать себя за ту холодность, которую онъ имѣлъ нѣсколько уже лѣтъ къ Марсилья, не смотря на ихъ частыя сношенія.

Леонъ Марсилья, старше Гильюма четырьмя или пятью годами, не былъ человѣкомъ обыкновеннымъ, хотя рѣзкость его манеръ и рѣчей часто скрывала высокія способности, которыми онъ былъ одаренъ. Хитрый, трудолюбивый, дѣятельный, предприимчивый и настойчивый, эгоистъ и либералъ, онъ былъ совершеннымъ образцомъ Маршуаца. Крепкое сложеніе его одинаково переносило удовольствіе и трудъ, наслажденія и лишенія. Его физическое и нравственное здоровье, ясность головы его, неутомимая воля быть счастливымъ, свободнымъ и крѣпкимъ, дѣлали изъ него существо высшаго разряда въ добръ и въ злѣ. Способный и къ самымъ благороднымъ и къ самымъ низкимъ дѣламъ, необузданный гулака, удивительный работникъ, онъ переходилъ отъ крайности въ занятіяхъ къ крайней безпечности, и отъ лихорадочной работы къ лихорадкѣ страстей. Мстительный, какъ крестьянинъ (дѣдъ его носилъ известъ для каменщиковъ), онъ былъ щедръ, какъ царь, и послѣ горькаго преслѣдованія, пронизавъ жестокими эпиграммами жертвы своего негодованія, онъ въ день кротости восстанавливалъ ихъ и покрывалъ мантией своего тщеславія. Суетный въ нѣкоторомъ от-

ношеніи, онъ изгонялъ нѣкоторые другіе роды суетности, которые казались бы извинительнѣе въ его лѣтахъ и въ его положеніи. Онъ насмѣхался надъ ребяческой роскошью нѣкоторыхъ *деиди*, которымъ онъ могъ бы подражать, и которые лишали себя необходимаго, чтобъ удовлетворять свои ложныя нужды. Онъ гордо презиралъ моду и не слѣдовалъ ей; онъ выражалъ свое презрѣніе къ хорошо-сшитому платью, мѣшавшему развязности въ движеніяхъ, къ горячимъ лошадамъ, которыя не могутъ переносить усталости, къ женщинамъ, которыя производятъ фуроръ въ гостиныхъ и на которыхъ нельзя смотрѣть безъ ужаса при солнечномъ свѣтѣ. Въ-слѣдствіе этого, онъ всегда имѣлъ самое тонкое бѣлье, самое лучшее сукно, самое свободное платье, самую крѣпкую и самую дорогую лошадь, самыхъ простыхъ, но самыхъ красивыхъ и самыхъ молодыхъ любовницъ. Въ двадцать-пять лѣтъ, имѣя уже богатое наследственное состояніе въ настоящемъ и надежды въ будущемъ на свой талантъ къ адвокатству, обывавшій ему блистательную карьеру, онъ смѣло устроилъ жизнь свою такъ, чтобъ удовлетворить всѣ свои инстинкты—благородныя и низкіе, великодушныя и развратныя. Онъ любилъ свои занятія и умѣлъ весь погружаться въ нихъ; но послѣ сверхчеловѣческихъ усній, которыя употреблялъ онъ, чтобъ нагнать время, отданное удовольствіямъ, ему нужно было опьянѣть въ новомъ разгулѣ, чтобъ возстановить свои силы. Скептикъ и даже нѣсколько безбожникъ, онъ имѣлъ ко всякой религіозности инстинктивную ненависть; впрочемъ, онъ понималъ поэзію великихъ вѣрованій, и энтузіастическія вдохновенія сообщались ему какъ электрическая искра. Онъ могъ завтра плакать надъ тѣмъ, надъ чѣмъ нынче смѣялся, и обратно. Пылкій, горячій и спокойный, то рабъ, то властелинъ своихъ инстинктовъ, онъ, какъ всякая сильная натура, соединялъ въ себѣ двухъ или трехъ чловѣкъ, и внушалъ тѣмъ, которые съ нимъ сближались, разнообразныя чувства то удивленія и презрѣнія, то привязанности и преданности.

Хотя онъ съ намѣреніемъ говорилъ простонароднымъ языкомъ и пощипывалъ ногами умъ, разбитый на мелкую монету, которымъ такъ дорожатъ въ свѣтѣ; но, посвящая часто Гильйома де-Буссака, онъ далъ ему замѣтить и свою образованность, и силу своего разсудка, и твердость своего характера. Молодые люди, уроженцы одного и того же города, сперва встрѣчались въ школахъ, потомъ сходились во время ваканцій, наконецъ стали встрѣчаться иногда въ Парижѣ — не въ свѣтѣ, потому-что они бывали не въ одномъ и томъ же обществѣ, но въ театрѣ, на бульварѣ, въ лѣсу, въ тирѣ, въ манежѣ, въ фехтовальной залѣ. Въ эту эпоху, благодаря возвращенію Бурбоневъ и преобразованію

Сен-Жерменского-Преддвѣстья, смѣшеніе замѣчательныхъ людей всѣхъ сословій, но счастье укоренившееся нмѣ, было еще исключеніемъ. И Гильюмъ де-Буссакъ думалъ, что дѣйствуетъ смѣло и либерально, приглашая иногда, въ Парижѣ, своего стараго товарища, лондонскаго правъ, къ столу и въ салонъ своей матери. Но, не смотря на эту предупредительность, молодой баронъ съ каждымъ днемъ охлаждался къ своему старому товарищу...

Будучи еще ребенкомъ, до самаго выхода изъ школы, онъ какъ-будто чувствовалъ надъ собою его владычество. Одаренный отъ природы доверчивымъ сердцемъ и слабымъ характеромъ, онъ подчинялся вліанію этой свободной и сильной природы. Въ школѣ, его часто наказывали за то, что онъ послушался дурныхъ совѣтовъ Марсилля, а Марсилля только смѣялся надъ непріятностями, которыя молодой человекъ, болѣе-чувствительный, принималъ къ сердцу. Не разъ Гильюмъ со стыдомъ сознавалъ, что природа свѣтлаа его лучше, но слабѣ Марсилля, и что, вздумивъ на минуту подражать ему, онъ грѣшилъ рѣшительно даромъ, не имѣя у себя въ услугахъ могучаго демона, который покровительствовалъ его товарищу. Мы видели, въ началѣ этой повѣсти, что онъ отчасти раздвигалъ еще заблужденія скептика Леона и вѣсть съ нимъ насмѣхался надъ эвромъ Артюромъ, котораго очень уважалъ во глубинѣ души своей. Подвигаясь впередъ въ жизни, зрѣя отъ чтенія и размышленія, Гильюмъ понималъ, что его дорога была такъ отлична отъ той, которую избралъ себѣ Леонъ, что долженъ былъ сдѣлаться предметомъ его критики и сарказмовъ. По-этому онъ вдругъ пересталъ быть съ нимъ откровененъ, и сосредоточенная зренія молодаго адвоката производила въ молодомъ баронѣ, во время ихъ сношеній, какое-то страданіе. Онъ болѣе и болѣе питалъ въ себѣ тайную къ нему антипатію, — антипатію, впрочемъ, совершенно-скрытую подъ учтивыми и благосклонными пріемами. Дворяне въ эту эпоху полагали, что они не имѣютъ права отказываться въ этомъ отношеніи отъ нѣкотораго лапемаршета. Они еще считали себя выше другихъ людей по своему рожденію и смотрѣли на покровительство низшимъ какъ на невыгоду своего положенія въ свѣтъ.

Марсилля былъ такъ-проницателемъ, что не могъ не понять учтивости и отвращенія къ себѣ молодаго маркиза. Онъ забавлялся ими и часто, изъ удовольствія, заставлялъ его страдать, дѣлая видъ, что принимаетъ за чистую монету всѣ изъясненія его принужденной благосклонности. Онъ пользовался ею и употреблялъ ее во зло, говоря самому-себѣ: «Ты хочешь, пріятель, чтобъ тебя въ одно время любили, уважали и боялись. Честъ твоего имени заставляетъ тебя ласкать насъ, простолюдиновъ. Ты хочешь про-

слыть добрымъ малымъ безъ предразсудковъ, любезнымъ барономъ безъ сѣси. И съ большею частію мнѣ-равныхъ ты въ этомъ успѣваешь, потому-что у нихъ нѣтъ такта, и они не замѣчаютъ, какъ подъ твоей восхитительной улыбкой мелькаетъ презрѣніе. Но меня ты не обманешь; я заставлю тебя быть со мною откровеннымъ, даже грубымъ, и это мнѣ понравится гораздо-больше; или я буду мучить твою гордость, обращаясь съ тобою, какъ ты дѣлаешь видъ, что обходишься со мною, — то-есть какъ равный съ равнымъ».

Думая такимъ образомъ, Марсилья слишкомъ преувеличивала тщеславіе Гильйома; но въ этой мелкой партизанской войнѣ, которую онъ велъ съ нимъ, были по-несчастію пункты, въ которые онъ попадалъ довольно-прямо.

Встрѣтившись въ хижинѣ Жанны, молодые люди тотчасъ поняли, что они наблюдаютъ другъ за другомъ, что Леону хочется удалить опаснаго соперника, а Гильйому врага благихъ намѣреній, который онъ имѣлъ въ-отношеніи къ сиротѣ. Самый ловкій изъ нихъ, разумѣется, нашелся прежде. Марсилья распрощался и пошелъ отвязывать лошадь, но оборвалъ поводъ, что принудило его спросить питку у Готы, у Жанны ножъ, сказать слово Люди и промѣшкать, какъ говорила послѣдняя, восемь или десять минутъ около дома. Между-тѣмъ, дождь продолжалъ идти и начиналъ раздаваться громъ.

Съ своей стороны, Гильйомъ совершенно рѣшился вхатъ, но ему хотѣлось вхатъ послѣднему, чтобъ видѣть, какъ поскачетъ передъ нимъ здоровая лошадь адвоката. Онъ также распрощался, обещая скоро возвратиться, и ожидалъ отъѣзда Марсилья, разговаривая съ нимъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины о вещахъ совершенно-постороннихъ. Люди была хитрѣе его и огненнымъ взоромъ слѣдила за всеми движеніями невѣрнаго любовника, когда громкій голосъ Большой-Готы, полагавшей; что они уже увхали, возбудилъ ихъ вниманіе.

— Ну же, подлая, дура, безчувственная! говорила она Жаннѣ: — возьми-ли ты свой чепецъ? Пойдешь ли ты? Развѣ ты хочешь дожидаться утра, чтобъ отправиться въ Туль? Кто же пригласитъ редныхъ на погребенье? кто принесетъ провизіи для завтрашнихъ поминковъ? Долго ли ты будешь выть? Твоя мать тебя не слышитъ; ты не можешь пожаловаться ей на меня. Ну же, ну! *Въ походѣ; драмалъ рота!* прибавила она солдатскимъ тономъ: — и если ты не возвратишься до зарица солнца, я съ тобой сдѣлаюсь. Теперь ты у меня станешь ходить!

— Къ кому я должна идти? отвѣчала жалобнымъ голосомъ Жанна, являясь на порогъ хижины.

— Ты пойдешь къ тёткѣ Гитѣ, къ дядѣ Леонару, къ Коломбетѣ, къ толстой Луизѣ, къ твоему дядѣ Герману, къ... Ну, вотъ! теперь она бѣжитъ, не слушая меня! Что же ты принесешь, сумасшедшая!

— Я принесу все, что вамъ будетъ угодно, съ покорностью отвѣчала Жанна.

— Ты возьмешь у тётки Гиты трехъ гусей, два хлѣба у Жервуазы и полмѣшка гороха у г. священника. Если ты не снесешь всего, то скажешь сыну Леонара, чтобъ онъ помогъ тебѣ. Онъ малой услужливый. Ты скажешь, что мы заплатимъ за все къ празднику св. Мартина, а если кто не повѣритъ, то пойдешь къ другому. Ну, пошла же!

Жанна вышла разстроенная, убитая, но вооруженная терпѣніемъ, которое составляетъ единственное величіе, оставшееся на долю бѣдному и слабому; она подошла къ небольшой толпѣ, ожидавшей ее, и не говоря ни слова отправилась къ Ліуди. Ліуди, тронутая по-своему такимъ нѣмымъ и глубокимъ страданіемъ, взяла ее подъ руку и начала говорить ей на-ухо, утѣшая ее какъ только могла.

Марсилья, разговаривая съ Гильйомомъ, пустилъ свою лошадь шагомъ; но въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Эппиеля, крутая тропинка, пробитая для пѣшеходовъ, пересѣкла мощеную дорогу, и Гильйомъ протиснулся съ нимъ.

— Очень-жаль, что у васъ нѣтъ лошади, сказалъ Марсилья. — Въ десять минутъ вы доехали бы до Тулля, тогда-какъ теперь вамъ придется идти полчаса подъ проливнымъ дождемъ.

— Да, правда! Это очень-жаль! вскричала Ліуди. — Вы посадили бы каждый одну изъ насъ за сѣдло, и насъ не стало бы мучить такъ долго дождемъ.

— Хочешь сѣсть за мною, Ліуди? Я могу довести тебя до креста Якова; съ г. де-Буссакомъ Жанна, и ты не нужна ему больше, чтобъ указывать дорогу.

— А! мой милый Леонъ! Вы добрый мальчикъ, какъ бы тамъ ни было. Остановите же вашу лошадь около этого большаго камня, чтобъ я могла влѣзть на нее.

— Постой, постой, душа моя, сказалъ хитрый Марсилья:— я съ удовольствіемъ взялъ бы тебя; но я думаю, лучше взять эту бѣдняжку Жанну, которая не спала столько ночей и едва можетъ двигаться.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, очень вамъ благодарна, отвѣчала Жанна довольно-твердымъ голосомъ.

— А! вотъ мы и пойманы! пробормотала Ліуди, нѣмая жест-

вить взглядомъ спокойную фигуру Марсилья.—Жанна не поѣдетъ съ вами, я за это отвѣчаю.

— Какъ! ты, Люди, у которой такое доброе сердце, ты не хочешь попросить ее сѣсть на мою лошадь, чтобъ отдохнуть? Люди, я не узнаю тебя.

— Ты устала, Жанна? Хочешь ѣхать на лошади? сказала Люди, дѣлая большое усиліе, чтобъ быть великодушною.

— Нѣтъ, моя милая; нѣтъ, очень тебя благодарна, отвѣчала Жанна съ такимъ же спокойствіемъ:—сядь на нее, если это тебѣ нравится. И, повернувъ на тропинку, не оборачиваясь на приглашеніи Марсилья, она сказала Гильйому: Пойдемте, крѣстный, я провожу васъ.

Молодые дѣвушки на моеѣ родкѣ часто называютъ сыновей своихъ крѣстныхъ матерей крѣстными отцами, и обратно—матерей своихъ крѣстныхъ отцовъ своими крѣстными матерями. Это пріятное и доверчивое названіе въ такихъ чистыхъ устахъ тихо тронуло сердце молодого барона, и отеческое чувство озарило его безбородое лицо.

Люди успѣла прицѣпиться къ хребту лошади Марсилья, и онъ, вѣнного досадуя, что не успѣлъ въ своемъ планѣ, хотѣлъ наказать ревнивицу, вонзая шпоры въ бока своей Фаншонъ и заставляя ее дыбиться и прыгать на краю пропасти. Испуганная Люди громко кричала, но крѣпко уцѣпилась за всадника; сильная молитва прорѣзала небо, испуганная Фаншонъ пустилась въ галопъ и увесла молодую чету далеко отъ Жанны и Гильйома, которые остались вдвоемъ подъ грозою.

IV.

Гроза.

Мы оставили молодого барона де-Буссака съ кроткою Жанной, его молочной сестрой, крестницей его матери, называвшей себя его крестницей, слѣдуя мѣстному обычаю и наивной мысли, что нельзя быть усыновленною отъ матери семейства, не будучи въ то же время усыновленною цѣлымъ семействомъ. Это дѣтское слово «крѣстный» раздавалось въ ухахъ Гильйома среди завываній бури, и соединеніе романическихъ обстоятельствъ, приведшихъ его къ Жаннѣ именно для того, чтобъ отвратить грозившія ей опасности, производило въ немъ родъ великодушнаго удовольствія. Онъ не жалѣлъ о томъ, что такъ нечаянно, такимъ печальнымъ при-

ключеніемъ было остановлено его пріятное путешествіе. Уже онъ мечталъ о цѣлой сельской поэмѣ во вкусъ Гольдсмита и охотно дѣлалъ себя ея добродѣтельнымъ и безкорыстнымъ героемъ.

Но его поэмѣ не доставало еще героини, которая поняла бы свою роль и роль своего покровителя. Жанна такъ-мало считала себя въ опасности отъ оболъщенной молодаго адвоката, что видѣла въ молодомъ баронѣ только почтеннаго чловѣка, совершенно-чуждаго ея участи. Впрочемъ, ни одинъ изъ этихъ прекрасныхъ господъ не занималъ въ эту минуту мыслей Жанны. Передъ ея глазами постоянно была умирающая мать, и чувство одиночества мучило ее больше, чѣмъ опасеніе, что она не довольно усладила послѣднія минуты существа, бывшаго доселѣ единственнымъ предметомъ любви ея. Въ деревнѣ, Жанну считали дѣвужкой весьма-ограниченнаго ума, потому-что она была непорочна и имѣла почти отвращеніе дикарей отъ того, чтобъ выказывать себя. Она не любила танцевъ, и ея никогда не видали въ *собраніяхъ*, т. е. на сельскихъ праздникахъ, на которые сбѣгаются молодыя крестьянки, чтобъ выказать свои прелести и съискать себѣ любовника. Серьезная, прилежная къ работѣ, страстно любившая пасти свои стада, она всегда уходила почти одна, съ самопрялкой, въ самыя уединенныя мѣста, питаясь цѣлый день кускомъ чернаго хлѣба и возвращаясь вечеромъ домой, чтобъ спокойно уснуть подъ крыломъ матери.

Тѣтка Тюла и сестра ея, Большая-Гота, слыли колдуньями, съ тою разницею, что мать Жанны, всѣми любимая и уважаемая, считалась знахаркой, а на тѣтку смотрѣли какъ на злую вѣдму. Замѣчали, что скотъ у Тюлы всегда въ хорошемъ положеніи, что онъ всегда возвращался въ хлѣвъ съ полными соснами, что его не трогали падежи, и что эта бѣдная женщина, потерявшая вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ все средства существованія, въ бѣдномъ промыслѣ, воспитывая, растя въ общемъ пастбищѣ небольшое стадо, находила средство спасти себя отъ ужасовъ нищеты. Въ то же время полагали, что Большая-Гота, никогда-небывшая замужемъ и жившая скряжнически, безъ всякаго явнаго ремесла, прятала въ своемъ соломенномъ тюфякѣ мѣшки золота, и что эти богатства доставались ей тайнымъ образомъ отъ сношеній ея съ злыми духами. Но эти простыя и отражающія существа; до которыхъ свѣтъ идей доходить только посредствомъ лихорадки воображенія, гораздо-больше любятъ приписывать успѣхи людей ловкихъ и хитрыхъ тайнымъ вліяніямъ, нежели преступнымъ дѣйствіямъ, которыя легче привести въ извѣстность. Крестьянинъ начинаетъ съ неизвѣстнаго, чтобъ дойти до извѣстнаго. Онъ вызываетъ фантастическія силы неба и ада, чтобъ объяснить ими самыя очевидныя, осизательныя

факты. Онъ дѣлаетъ обѣты и путешествія болѣе-языческія, нежели христіанскія за свое семейство, за свое поле, за своего быка и ослѣ и не хочетъ прибѣгать къ усиліямъ науки или предосторожностямъ гнгиены для спасенія лицъ или имущества, которымъ угрожаютъ невидимыми стрѣлами мщеніе какого-нибудь колдуна или гнвѣ какого-нибудь злаго духа.

За то и говорили, что Большая-Гота ни разу не проходила мимо хѣва врага своего, не кинувъ туда какой-нибудь чары. Глазь ея производилъ лихорадку, и всего хуже было встрѣтиться съ нею вечеромъ около камней - жоматровъ, при восходѣ и закатѣ луны. Если это случалось въ ночь передъ Рождествомъ Христовымъ, въ тотъ страшный часъ, когда большой друидскій грибъ дрожать и плашетъ, крича на три поддерживающіе его камня, то нельзя было сомнѣваться, что, возвратясь домой, сляжешь въ постель и уже никогда не встанешь. Доказательствомъ, что Гота злая колдунья, было то, что у козь тѣхъ пастушекъ, съ которыми она часто говорила, пропадало молоко; овцы ихъ теряли шерсть прежде стрижки, и куры ихъ ломали себѣ ноги прыгая по скаламъ, или утопали въ трясинахъ.

Всѣ эти чудеса объяснялись весьма-естественно, хотя напрасно старались втолковать это вольнодумцы Тулля и его окрестностей, въ числѣ которыхъ былъ также дядя Леонаръ, большинству, призыванному ко всему чудесному. Стадо Жанны благоденствовало, потому-что Жанна не знала ни кокетства, ни лѣни и прилежно имъ занималась. Тѣ изъ ея подругъ, которыя слушались недобрыхъ словъ Готы, дѣлались хуже и хуже, потому-что Гота имѣла тѣсныя связи съ нѣкоторыми очень-богатыми и развратными мѣщанами, поручавшими ей свои тайныя дѣла и повѣрявшими преступныя опыты оболъженія средствами, противъ которыхъ часто нельзя было устоять. Таковъ былъ источникъ мѣшковъ съ золотомъ, которые колдунья скрывала въ своемъ соломенномъ тюфякѣ. Такою же была причина болѣзней и разныхъ несчастій, случавшихся со скотомъ, о которомъ не радѣли, который часто покидали безработныя или занятыя другимъ пастушки.

Что касается до Жанны, то красота ея развилась въ тени. Убѣгая удовольствій и ни разу не ступивъ ногою въ городъ, она была совершенно-неизвѣстна, и чтобъ отыскать ее, нужно было вести такую же кочевую жизнь, какую велъ Марсилья во время ваканцій, надо было имѣть его рысій взглядъ и страсть къ труднымъ побѣдамъ. Простая дѣвушка не могла понять, почему уже двѣ недѣли загоняя свое стадо, она встрѣчала, по-крайней-мѣрѣ два раза въ недѣлю, Леона на пути своемъ. Она думала, что онъ занятъ одной Люди, и истинно-чистота заставляла ее избѣгать этой пары, гонявшей-

ся за нею, потому-что Марсилья всегда находилъ въ своемъ плодовитомъ воображеніи какой-нибудь предлогъ, чтобъ направлять свои сентиментальныя прогулки съ Люди къ тѣмъ мѣстамъ, которыми должна была проходить Жанна. Впрочемъ, боязливая и гордая сосредоточенность, по-видимому составлявшая главный характеръ Жанны, имѣла источникомъ вовсе не надменность и недоверчивость: видя, какъ она служила и помогала своей матери, когда та была еще жива, съ какимъ самоотверженіемъ она посвятила ей свою жизнь, съ какой ревностью она ходила за ней днемъ и ночью до послѣдней минуты, можно было догадаться, что въ ней было сердце, способное на самыя великія жертвы; но за исключеніемъ Тюлы, кто зналъ Жанну? кто могъ знать ее? И теперь, когда ей нѣкому было посвятить себя, кто могъ знать, существо ли она чего-нибудь стоящее, или глупая тварь, привязанная къ сельскимъ работамъ, какъ привязанъ быкъ къ плугу? Марсилья видѣлъ въ ней только невинную дѣвушку съ голубыми глазами, бѣлую какъ дилія, сформированную какъ античная статуя и *глупую какъ лебедь*: такъ онъ объ ней выражался. Большая-Гота, бѣсясь на то, что еще никому не могла дать замѣтить свою племянницу, видѣла въ ней выгодный предметъ домогательствъ молодаго волокиты, и чтобъ заставить ее принять должность служанки въ семействѣ Леона, дала себѣ слово преслѣдовать и оскорблять ее, теперь, когда Тюлы не было уже на свѣтѣ.

Что касается до Гильйома де-Буссака, то въ Жаннѣ, въ этой дѣвушкѣ, относительно къ которой на немъ лежали неисполненныя обязанности, онъ покамѣстъ видѣлъ только красавицу съ англійской виньетки, много-много предметъ для баллады. Стало-быть, въ этотъ часъ своей жизни, Жанна была душа, потерянная въ безконечности разумаго творенія, существо неизвѣстное, незамѣченное, какъ великолѣпныя пустыни новаго свѣта, которыя, можно сказать, никогда не существовали бы, еслибъ ихъ не увидалъ какой-нибудь артистъ или поэтъ,—какъ красоты необитаемыхъ острововъ, которыхъ не замѣтилъ ни одинъ мореплаватель и которыя въ сущности все равно какъ-бы и не существовали.

— Жанна, сказалъ Гильйомъ, поискавъ нѣсколько въ мысляхъ, какимъ языкомъ говорить ему, чтобъ быть понятымъ крестьянкою:—ты назвала меня своимъ крѣстнымъ, и это мнѣ очень пріятно; я принимаю столько участія въ твоёмъ положеніи, что хочу крайней-мѣрѣ доказать тебѣ, что теперь ты нашла себѣ подпору.

Жанна подняла на Гильйома свои чудные глаза, красные отъ слезъ, и старалась понять слово *подпора*—новое для ея ушей въ этомъ смыслѣ. Но умъ у крестьянъ такъ обращенъ къ метафорѣ, что весьма-скоро постигаетъ фигуральное выраженіе. Жанна поня-

ла и отвѣчала тихимъ голосомъ, но тономъ, не высказывавшимъ ни желанія, ни надежды:

— Вы очень-добры, крёстный.

— Нѣтъ, Жанна, я вовсе не добръ, возразилъ молодой баронъ: — если я могъ забывать такъ долго мою бѣдную кормилицу.

— Она никогда васъ въ томъ не винила, крёстный, потому-что... по правдѣ можно сказать, она была очень-добра!

И Жанна молча начала снова плакать.

— Ты не будешь счастлива съ своей тёткой, не правда ли, Жанна?

— Какъ будетъ угодно Богу, крёстный!

— И у тебя нѣтъ отвращенія отъ того, чтобъ жить съ нею?

— Нѣтъ, крёстный, у меня нѣтъ отвращенія къ тёткѣ; она женщина чрезвычайно-чистоплотная.

— Но на нее трудно угодить?

— О нѣтъ, крёстный! она совсѣмъ не капризна въ кушаньѣ; къ тому же, она все дѣлаетъ сама.

Простота Жанны нѣсколько разстроила романъ Гильёма. Она отвѣчала ему естественно, съ покорностію дитяти, которое не понимаетъ для чего его спрашиваютъ, но которое дѣлаетъ усиліе, чтобъ удовлетворить учителя.

— Я ей надобдаю, потому-что она меня не понимаетъ, подумалъ молодой человѣкъ: — ей лучше хотѣлось бы, чтобъ не развлекали ея грусти. Не найду ли я дороги къ ея сердцу какими-нибудь совершенно-простыми словами?

— Скажи мнѣ, дитя мое, началъ онъ снова:—не беспокоилась ли твоя мать при мысли, что оставляетъ тебя одну?

— О, да, крёстный, отвѣчала Жанна, охотно дѣлавшаяся разговорчивѣе, когда дѣло шло о ея матери.—Она еще сегодня утромъ говорила: «Да будетъ власть Божія! но если мнѣ не хочется умирать, такъ потому, что это принесетъ много горя моей Жаннѣ». О! она была права! Очень-тяжело лишиться матери! Да сохранить вамъ Богъ вашу матушку, крёстный!

Выраженія Жанны были очень-простонародны, но недостатку ея рѣчи помогалъ звукъ голоса; истинный тонъ отчаянія вмѣстѣ съ величайшей добротою чувства, заставлявшюю ее заниматься будущностью ея молодого крёстнаго, глубоко растрогали его. Слезы вдругъ выступили у него на глазахъ, и онъ отвѣчалъ измѣнившимся голосомъ:

— Ты добра, Жанна! очень-добра!

— Нѣтъ, крёстный, простодушно отвѣчала она:—вы добры, что такъ говорите! Но, крёстный, вотъ дождь пошелъ пресильный, а на васъ ничего нѣтъ; вы заболѣете.

— Не заботься объ этомъ, милое дитя мое.

— Боже мой, Боже! мой такъ заболѣла бѣдная мать моя. Она пошла за мною въ поле, потому-что была такая же дурная погода, какъ теперь, и боялась, что я не перейду ручья, возвращаясь домой. Когда она заботилась обо мнѣ, то забывала себя, бѣдная! Она нашла меня уже на полдорогѣ, но такъ замочила себѣ ноги до колыбѣ, что на другой день у нея съдѣлалась лихорадка.

— Стало быть, ее очень-плохо лечили лекаря?

— О, крѣстный! мы не звали лекарей; мы... мы этому не вѣримъ. Можетъ-быть, мы и неправы, и лекаря съдѣлали бы что-нибудь; но она не хотѣла и слышать о нихъ. Она сказала намъ, какъ нужно ходить за ней, и мы исполнили ея приказаніе. Но это ни къ чему не послужило!.. Да, крѣстный, не годится мокнуть; надобно вамъ надѣть на себя мою капишу... О! она чиста, крѣстный, нечистоты у насъ никогда не бывало. Смотрите! еслибъ ваша матушка знала, что вы на дворѣ въ такую погоду, ей было бы очень-грустно.

— Никогда, моя добрая Жанна, никогда я не позволю, чтобъ ты за меня мокла.

И Гильюмъ снова надѣлъ на плечи Жанны мантию изъ сѣрой шерсти, которую она уже сняла, чтобъ покрыть его.

— Ну, такъ стойте, крѣстный; если вы этого не хотите, я тотчасъ проведу васъ въ одно мѣсто, гдѣ можно укрыться, а можетъ-быть черезъ нѣсколько минутъ и дождь будетъ не такъ силенъ...

И Жанна перешла поперекъ гору до груди скалъ, въ которыхъ была продѣлана глубокая впадина.

— Берегитесь, крѣстный! сказала Жанна, взявъ его за руку съ самой невинной фамильярностію и съ самой почтительной заботливостію:—здѣсь есть колодезь, котораго вы не видите.

И она провела его въ самую глубину грота, потому-что дождь, гонимый вѣтромъ, хлесталъ довольно-глубоко въ это убѣжище. Истощенный Гильюмъ (онъ ничего не ѣлъ съ самаго утра) сѣлъ на скамью, высѣченную въ скаль, а Жанна, слишкомъ-хорошо знавшая, что не должно садиться съ нимъ рядомъ, оперлась на большой камень нѣсколько-ближе ко входу, то-есть въ свѣтъ, который проходилъ въ пещеру извнѣ и отъ котораго рисовался силуэтъ ея, серьезный и кроткій. Гильюмъ, сидя въ тѣни, смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

Въ первыя минуты, этотъ темный гротъ, эта заботливость о немъ Жанны, это совершенное уединеніе съ такой красавицей, вдали отъ всѣхъ взоровъ, и, можетъ-быть, первическое раздраженіе, которое производится чуднымъ зрѣлищемъ и величественнымъ шумомъ

бури, наконецъ, отчасти удовлетворенное тщеславіе при мысли, что ловкій Марсилья дорого заплатилъ бы, чтобъ быть въ такомъ положеніи съ Жанной и что онъ, безъ всякой ловкости, превзошелъ Марсилья въ довѣренности Жанны, — всѣ эти впечатлѣнія произвели родъ горячки въ мозгу молодого барона. Онъ такъ много уважалъ положеніе молодой дѣвушки и свое собственное, что не могъ не презирать мысли воспользоваться имъ. Но онъ находилъ тайное удовольствіе, говоря самому себѣ, что на его мѣсть немногіе другіе были бы такъ деликатны и, лаская въ себѣ чувство собственной своей добродѣтели, дошелъ до того, что началъ видѣть въ этомъ больше заслуги, нежели сколько находилъ за часъ назадъ, когда сходилъ съ горы вмѣстѣ съ кокеткой Люди. Жанна была такъ отлична отъ нея, такъ истинно-хороша, такъ чиста, такъ расположена къ нему самымъ нѣжнымъ чувствомъ... Воображеніе молодого человѣка работало на слѣдующую тему: еслибъ я захотѣлъ внушить ей болѣе-нѣжное чувство, могла ли бы она защититься въ подобную минуту, когда я далъ бы ей понять, что я теперь единственный другъ ея въ этомъ мірѣ, необходимая подпора, посланная ей Провидѣніемъ? Однако, при мысли о Провидѣніи, Гильюмъ, рожденный съ довольно-слабымъ характеромъ, но доведенный романтическимъ христіанизмомъ того времени до желанія быть великимъ, — испугался, не оскорбляетъ ли онъ святыхъ, призывая небо въ свидѣтели своихъ невольныхъ волненій, — и онъ молчалъ, продолжая глядѣть на Жанну при стѣгѣ молній.

Однако, Жанна, съ своей стороны, вовсе не думала предохранять себя отъ опасности, которой даже не постигала, и, погрузясь сама въ себя, начала снова плакать. Это были тихія, кроткія слезы, которыя она не хотѣла ни удерживать, ни выказывать. Привычки къ уединенной жизни, тулузская пастушка, зная, что она не нужна для другихъ, обыкновенно забывала ихъ присутствіе и терялась въ мысляхъ. Но какія могли быть мысли у дитяти природы, — у этой дѣвушки, которая не умѣла читать и разсудокъ которой (если она его имѣла) не получилъ рѣшительно никакой обработки?

Гильюмъ именно объ этомъ спрашивалъ самого-себя, видя, что она стоитъ въ одномъ и томъ же положеніи, вперивъ глаза въ горизонтъ, горѣвшій отъ молній... И мы часто сами дѣлаемъ себѣ этотъ вопросъ, глядя на какую-нибудь пастушку съ благородными чертами, или на какую-нибудь строгую матрону, важно прявшую по цѣлымъ часамъ свою самопрялку на краю луга. Кто можетъ открыть намъ образъ существованія этихъ столь мало-развитыхъ душъ? О чемъ думаетъ земледѣлецъ, терпѣливо вспахива-

ющій свои однообразныя борозды? О чемъ думаетъ быкъ, жующій жвачку, лежа на травѣ, и изумленная лошадь, которая глядитъ на васъ черезъ кустарникъ? Одна ли и та же это жизнь, которая медленно движется въ жилахъ челоуька и животного, привязанныхъ къ земляной работѣ? Не-уже-ли неблагодарная Рея поражаетъ тупостью и своихъ дѣтей и своихъ служителей?

Намъ нужно было бы много дышать полевымъ воздухомъ и провести много вечеровъ около сельскаго очага, чтобъ понять тотъ рядъ мечтаній, замѣняющій въ головѣ крестьянина трудъ мышления и дѣлающій изъ его бдѣнія и сна родъ тихаго бреда, въ которомъ образы быстро смѣняются другъ друга, то чудные, то страшные, то веселые. Это та же дѣятельность, та же поэзія и та же слабость, какъ усиліе дитяти разоблачить неизвѣстное въ его существованіи отъ скрывающаго его покрова. Это духъ сновидѣній, который бьется въ обширной и слабой головѣ галльскаго Геркулеса.

Въ эту минуту, Жанна думала о своей матери и тяжелая мечта проводила ее по всѣмъ воспоминаніямъ прошедшаго, изъ котораго она не могла больше выйдти. Рыданія ея не раздавались въ гротъ; но таинственное эхо этого звучнаго мѣста повторяло каждую минуту тихій вздохъ ея сдавленной груди, на который еще таинственно отвѣчало паденіе водяной капли, въ равныя промежутки времени отдѣлявшейся отъ влажнаго свода и падавшей въ невидимый источникъ.

Это краснорѣчивое молчаніе болѣе-и-болѣе разстроивало Гильёма, и онъ не думалъ прерывать его. Но, самъ не зная какимъ образомъ, онъ очутился возлѣ Жанны и держалъ ее за руку.

V.

Образованность сельскаго священника.

Изумленная Жанна оберотилась, и такъ-какъ Гильёмъ былъ передъ нею въ свѣту, она увидѣла на глазахъ его слезы. Въмѣсто того, чтобъ растрогаться или испугаться, она наивно сказала ему:

— Развѣ вы боитесь грозы, крѣстный?

Гильёмъ не могъ не улыбнуться и, оставивъ руку Жанны, сказалъ ей:

— Нѣтъ, милая моя, я думаю не о грозѣ, а о тебѣ. Твоя грусть наполняетъ мое сердце, и мнѣ хотѣлось бы плакать съ тобою...

— О! не надо плакать, крѣстный. Это будетъ для васъ не-

хорошо. Что я не могу удержаться, это очень-просто: она была мнѣ мать! Но вамъ она была только кормилицей, и къ-тому же вы ея вовсе не знали. Вы не можете ее помнить.

— Я объ ней вспомнилъ сегодня, Жанна, и еслибъ не вспомнилъ, то все-таки мнѣ хотѣлось бы плакать за тебя. Развѣ ты этого не понимаешь?

Жанна молчала: она не понимала его.

— Скажи мнѣ, Жанна, еслибъ я самъ лишился матери, которой ты не знаешь и не помнишь, развѣ тебѣ не было бы жаль меня?

— О, да, крѣстный!

— Развѣ ты не старалась бы сказать мнѣ что-нибудь въ утѣшеніе?

— Разумѣется, крѣстный! повторила Жанна тономъ убѣжденія.

— Такъ скажи мнѣ, что бы ты мнѣ сказала; теперь я скажу это тебѣ.

— Ахъ крѣстный! мнѣ это было бы очень-трудно; я не знала бы, что сказать вамъ.

— Точно такъ же, какъ мнѣ трудно, подумалъ Гильйомъ.—Но, прибавилъ онъ:—развѣ дружба нисколько не утѣшаетъ? развѣ ты не чувствовала бы... въ такую минуту... дружбы ко мнѣ?

— Разумѣется, крѣстный!

— Такъ развѣ ты не понимаешь, что я то же чувствую къ тебѣ въ эту минуту?

— Вы очень-добры, крѣстный; вы будете награждены за это!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, Жанна? вскричалъ Гильйомъ, взявъ ее опять за руку:—развѣ ты сколько-нибудь будешь мнѣ благодарна? Если ты когда-нибудь подумаешь объ этомъ, это будетъ моей наградой.

— Нѣтъ, крѣстный, я слишкомъ-бѣдна, кротко отвѣчала Жанна:—я никому не могу давать награды; но Богъ наградитъ васъ за вашу дружбу ко мнѣ.

Гильйомъ нѣсколько смутился, но, стараясь ободриться мыслию, что собственные слова его не заключали въ себѣ никакого дурнаго намѣренія, оставилъ въ своей рукѣ руку Жанны. Она отняла ее, чтобъ перекреститься.

— Зачѣмъ ты перекрестилась? спросилъ онъ ее.

— Развѣ вы не видали этой *большой молнии*, крѣстный?

— Ты боишься грома, бѣдная Жанна!

— О, нѣтъ, крѣстный; но это для того, чтобъ отвратить какое-нибудь несчастіе отъ другихъ.

— Ты говоришь мало, Жанна, но говоришь хорошо.

— Нѣтъ, крѣстный; я не умѣю хорошо говорить.

— Впрочемъ, все, что ты говоришь, показываетъ твоё доброе сердце.

— У меня нельзя быть злому сердцу, потому-что у матушки было такое доброе! Не хорошо говорить я не могу; я ничему не училась.

— Ты не ходила въ школу?

— Нѣтъ, крёстный, у меня не было времени.

— Но ты умѣешь читать?

— О, нѣтъ, крёстный! не умѣю.

— И ты не жалѣешь, что не умѣешь?

— Это мнѣ ни къ чему не послужило бы, Я была воспитана, чтобъ ходить за скотомъ. Это мое дѣло; этимъ была довольна матушка.

— Но тѣдѣрь, когда это тебѣ не мужо, не хочешь ли ты вести другой образъ жизни?

— Нѣтъ, крёстный.

— Нѣтъ? Однакожь твоя тѣтка не стѣитъ твоей матери?

— Это правда, крёстный. Но все-таки она моя тѣтка. Ей будетъ скучно одной.

— Но если ты проведешь все время въ томъ, что она тебя совсемъ не будетъ видѣть?

— Вечеромъ все-таки будемъ немного видаться, будемъ вмѣстѣ ужинать.

— И каждый вечеръ она будетъ съ тобою обходиться такъ, какъ сейчасъ обходилась.

— Я къ этому привыкла, крёстный, и не сержусь на нее.

— Но еслибъ она имѣла на тебя дурныя намѣренія, Жанна?

— Что вы говорите, крёстный?

— Я говорю тебѣ, что твоя тѣтка дурная женщина...

— О, нѣтъ; вы ошибаетесь, крёстный! Она немного горда; вотъ и все.

— Жанна, тебѣ очень хочется остаться съ нею?

— Это должно, крёстный!

— А если она выгонитъ тебя изъ дома?

— Домъ мой; къ тому же, она этого никогда не сдѣлаетъ.

— А еслибъ она не захотѣла больше жить съ тобою?

— Я не могла бы принудить ее остаться; но зачѣмъ же ей уходить? Я никогда не буду ей сопротивляться.

— Могутъ быть случаи, когда сопротивляться ей будетъ твоимъ долгомъ. Еслибъ она потребовала, чтобъ ты сдѣлала что-нибудь дурное?

— Она никогда этого не потребовала бы, крёстный.

— Ты въ этомъ совершенно увѣрена?

— О, да, крёстный!

— Слава Богу, сказалъ Гильюмъ, нѣсколько беспокоясь о томъ, откровенно ли говорила съ нимъ Жанна, и, не зная, удивляться ли ему чистотѣ ея, или подозрѣвать ея добродѣтель, онъ всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по гроту, тревожимый какою-то внутренней досадою, которой самъ стыдился.

— Наконецъ, продолжалъ онъ: — ты вѣрно имѣешь намѣреніе скоро выйти замужъ, Жанна?

— Нѣтъ, крёстный, отвѣчала она не смутясь и ни мадо не колебалась.

— Рано или поздно, но это будетъ, и тогда ужъ тебѣ нѣчего будетъ бояться тѣтки.

— Этого никогда не будетъ, крёстный, отвѣчала Жанна тономъ спокойной рѣшимости.

— Никогда? сказалъ удивленный Гильюмъ:—это слова молодой девушки. Но ты не дашь въ томъ клятвы, Жанна? прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Я дала уже клятву, отвѣчала Жанна.

— Странно; ты шутишь, Жанна?

— О, крёстный! возразила она жалобнымъ голосомъ, въ которомъ слышна была истина:—нынче не такой день, чтобъ шутить.

— Прости меня, милая Жанна, если я не вѣрилъ словамъ твоимъ... но это такъ необыкновенно!.. А еслибъ я спросилъ тебя: для чего же... имѣла ли бы ты столько довѣренности ко мнѣ, твоему молочному брату и сыну твоей крестной матери, чтобъ сказать мнѣ причину такого намѣренія?

— Я этого не могу сказать вамъ, крёстный; это мнѣ запрещено.

— *Запрещено?*

— Да, крёстный; простите меня, если я худо отвѣчаю.

Гильюмъ не зналъ, что *запрещено* (*defendu*) на берришонскомъ нарѣчьи значитъ *невозможно* (*impossible*), и это qui-proquo, котораго не могла объяснить ему Жанна, возбудило въ немъ прежнія подозрѣнія. «Почему бы ей» говорилъ онъ самъ-себѣ: «такой доброй, такой безпечной, не любить Марсилья? Онъ красивъ собою, молодъ, предприимчивъ; можетъ-быть, онъ околдовалъ уже эту бѣдную Жанну такъ же, какъ и Люди.

Эта мысль произвела въ молодомъ баронѣ весьма-тяжелое чувство, и романъ его разлетѣлся какъ дымъ, къ его величайшему сожалѣнію.

Чтобъ преодолѣть какую-то досаду на самого-себя за то, что позволялъ своей фантази такъ быстро летать на такомъ прозаическомъ грунтѣ, онъ старался забыть, какими глазами глядѣлъ на

Жанну, до того, что уже не обращалъ вниманія на слезы, которыя она безпрерывно проливала.

— Что это за гротъ? сказалъ онъ громко, пораженный видомъ вешеры,

Жанна, считавшая долгомъ отвѣчать, не смотря на свои слезы, сказала ему:

— Это пещера *фады*, крѣстный.

— *Фады!* Не хочешь ли ты сказать *фей?*

— Я не знаю *фей*, крѣстный.

— Но что жь такое *фады?*

— Это женщины, которыхъ не видно, которыя дѣлають добро или зло.

— Ты вступишь этому, Жанна?

— Разумѣется, вѣрю, крѣстный; я должна этому вѣрить.

— Однако, ты ихъ не видала, потому-что онѣ невидимы?

— Я не видала и Бога, крѣстный, а вѣрю въ него. Къ-тому же, въ нихъ вѣрила моя мать, а я вѣрю тому, что она мнѣ говорила.

— Что же онѣ тебѣ дѣлали, эти *фады*, добро или зло?

— Онѣ никогда не дѣлали мнѣ зла, крѣстный.

— Ни добра?

Жанна не отвѣчала. Любопытство Гильёма было возбуждено; но онъ считалъ безчеловѣчнымъ досаждать несчастной въ такой день, добиваясь отъ нея отвѣта.

— Дождь перестаетъ, сказалъ онъ ей: — теперь я могу одинъ найти дорогу; если ты хочешь еще здѣсь остаться, Жанна, то я прошу тебя не беспокоиться для меня.

— О, крѣстный! вы можете зайти въ трясину. Я проведу васъ; я не устала.

Она встала; Гильёмомъ замѣтилъ, что она что-то положила въ трещину скалы.

— Что ты кладешь туда, Жанна? спросилъ онъ ее съ любопытствомъ, желая узнать суевѣрные повѣрья этой стороны.

— Это немножко *пастушьего чабѣра*, котораго я нарвала при входе, отвѣчала она.

— Кому это приношеніе, Жанна, *фадамъ?*

— Это обычай дѣвушекъ, крѣстный.

— А что приносятъ мужчины?

— Камешекъ, крѣстный. Я положу его за васъ.

— А безъ того *фады* будутъ мной недовольны и съиграють со мной какую-нибудь злую шутку?

— Очень можетъ быть, крѣстный. Вѣдь ничего не стѣитъ положить маленькій камешекъ.

— Чтобъ сдѣлать тебѣ удовольствіе, я положу два, Жанна.

Но, вышедъ изъ грота, Гильиомъ возвратился къ прежнимъ злымъ предположеніямъ, и ему пришло на мысль, что этотъ цвѣтокъ чабѣра можетъ-быть сигналъ, условный знакъ свиданія, который Жанна оставляла здѣсь для предмета своей таинственной любви.

Остальную часть пути они молчали. Вѣтеръ, разогнавшій первыя тучи и нагонявшій новыя, затруднялъ ихъ шаги и дѣлалъ разговоръ невозможнымъ. Когда они достигли третьей ограды разваливъ, образующей самый возвышенный амфитеатръ Тулля, Жанна спросила у своего крѣстнаго, есть ли у него мѣсто для ночлега и простилась съ нимъ слѣдующими словами:

— Теперь, крѣстный, покорно васъ благодарю за всѣ ваши одолженія. Будьте здоровы и простите меня, если я васъ обидѣла (это по-тамошнему значить извиняться въ томъ, что не могли хорошо принять гостя или не умѣли обойтись съ нимъ какъ слѣдовало).

— Подожди, моя добрая Жанна, сказалъ молодой баронъ: — тебѣ надобно сдѣлать кой-какія покупки, а брать въ долгъ будетъ для тебя, можетъ-быть, нѣсколько-затруднительно. Вотъ тебѣ, на что купить все нужное для угощенія, которое ты должна сдѣлать завтра.

— О, благодарствуйте, крѣстный! Оставьте это у себя. Можетъ-быть, у васъ не достанетъ на дорогу, а мнѣ вовсе не нужно. Здѣсь меня всѣ знаютъ и повѣрятъ мнѣ въ долгъ.

— Жанна, ты не богата, а я довольно-богатъ; я въ состояніи заплатить издержки моей бѣдной кормилицы.

— Какъ вамъ угодно, крѣстный, отвѣчала Жанна, которая боялась отказать, чтобъ не быть неучливой: — но здѣсь слишкомъ-много.

— Остальное ты оставишь у себя, Жанна.

— О, нѣтъ, крѣстный! Это золото, и я не хочу его. Золото, такъ у насъ думаютъ, приноситъ несчаствіе.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Въ такомъ случаѣ, вотъ серебро.

— Благодарю васъ, крѣстный. Я не знаю, сколько это составить, что вы мнѣ дали. Но я пойду куплю все, что приказывала мнѣ тѣтка, и принесу вамъ остальное. Вы не тотчасъ убѣждаете изъ нашей стороны?

— Не тотчасъ, и мнѣ будетъ очень-пріятно опять тебя видѣть; но я не возьму ничего изъ того, что далъ тебѣ. До свиданія, Жанна!

— До свиданія, крѣстный!

И Жанна удалилась, все плача.

— Странное созданье! подумалъ Гильиомъ, глядя, какъ она вошла въ одну изъ хижинъ Тулля: — она сохраняетъ все присутствіе

духа; она, кажется, всему покоряется, а между-тѣмъ видно, что она безутышна. Гильйомъ не зналъ, что такое крестьянка, если она, какъ нерѣдко случается, одарена чувствительнымъ сердцемъ. Привычка къ труду и невозможность сложить на другихъ свои обязанности, мѣшаютъ ей предаваться крайнимъ проявленіямъ своей скорби; но эта терпѣливая и простая скорбь вкореняется въ ея сердце можетъ-быть гораздо-глубже, нежели во всякое другое.

Гильйомъ отыскивалъ хату тѣтки Гиты, когда съ нимъ встрѣтился тамошній священникъ, началъ извиняться, что не могъ принять его тотчасъ по его прѣздѣ, и пригласилъ его въ свой домъ, куда уже прежде приказалъ отвести Спорта, еще не зная имени путешественника, которому принадлежало это прекрасное животное. Гильйомъ поспѣшилъ назвать себя по имени и объяснить причину поѣздки своей въ Эпинелль, чтобъ не употребить во зло радужной поспѣшности своего хозяина, оставаясь подъ неучтивымъ никогнато.

Если въ подобной Оивандѣ встрѣчаемъ священника, и онъ молодъ, то можно быть увѣрену, что это умный еретикъ, котораго гонять епископъ; если онъ старъ, то это безбожникъ дурнаго поведенія, который находится подъ наказаніемъ. Въ обоихъ случаяхъ, есть другая гипотеза: это, можетъ-быть, человекъ, котораго ограниченность дѣлаетъ неспособнымъ интриговать въ свѣтѣ на пользу духовенства. Впрочемъ, священникъ, котораго Гильйомъ имѣлъ передъ глазами, не принадлежалъ ни къ одной изъ этихъ категорій. Это была замѣчательная натура, умъ довольно-образованный; но онъ не родился интригантомъ, и его забывали въ изгнаніи, а онъ и не думалъ просить о перемѣщеніи его въ лучшій климатъ, въ мѣсто не столь дикое.

Было около четырехъ часовъ, и Гильйому, измученному усталостью и голодомъ, показалось, что никогда никакое угощеніе не было такъ кстати, какъ то, котораго онъ былъ предметомъ. Не смотря на свою обыкновенную учтивость, почти не внимая учтивостямъ священника, онъ сдѣлался въ состояніи слушать и понимать не прежде, какъ проглотивъ съ аппетитомъ двадцатилѣтняго юноши скромный обѣдъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, ваша сторона очень-любопытна, сказалъ онъ за обѣдомъ священнику: — и я очень жалѣю, что у меня нѣтъ опытнаго взгляда антикварія, чтобъ видѣть въ каждомъ встрѣчномъ кремнѣ слѣды галльскаго или римскаго жилища, друидскій жертвенникъ, статую *Гюар-Браса*, галльскаго Марса, славную гробницу, — наконецъ все то, что видятъ и описываютъ ученые подъ двухъ или трехъ-въковыимъ мохомъ и подъ этими безобразными гудами камней, которыя, какъ мнѣ кажется, ровно ничего не значать.

— Господинъ баронъ, возразилъ священникъ, нѣсколько оскорбившійся: — вы, какъ я вижу, прїѣхали сюда, повѣривъ ученому господину Баральйону, чтобъ любоваться всеми нашими чудесами, и теперь вамъ непрїятно, что не можете такъ же бѣгло, какъ онъ, читать кельтическіе іероглифы (*). Однако, вы встрѣтили въ томъ мѣстѣ, гдѣ жила ваша бѣдная кормилица, *поднятые камни*, столь же любопытные, какъ и *жоматры*. Изъ нихъ есть одинъ, котораго равновсїе гораздо-удивительнѣе большаго гриба горы Барло. Онъ поддерживается такъ искусно, что его колеблетъ самый легкій вѣтерокъ, и при малѣйшемъ движеніи въ воздухъ, онъ дрожа и скрипя на своемъ основаніи издаетъ особенный звукъ, имѣющій свою прелесть и объясняющій для меня голось идола Мемнона при восхожденіи солнца, то-есть, при первомъ заревомъ вѣтеркѣ. Камень *Эп-Нелля* гораздо-благозвучнѣе, потому-что пѣніе его почти-безпрерывно, и нашимъ бѣднымъ мужичкамъ кажется, что въ немъ заключенъ духъ, который рассказываетъ прошлое и предрекаетъ будущее, плача о настоящемъ. Обратите вниманіе на историческое названіе *Эпинелль*, которое даютъ этимъ камнямъ. Оно происходитъ отъ галльскаго слова «*эп-нелль*», которое значитъ *безъ начальника*; тогда-какъ *жоматры* означаетъ что-то похожее на—рѣзать, терзать, выпускать кровь и мучить жертву на жертвенномъ камнѣ. Это то же, что сказать: *священное убійство*. Замѣьте еще, что жоматры, на которыхъ приносились человѣческія жертвы,—что ясно доказывается выемками для вмѣщенія крови и жолобами для стока ея, тогда-какъ въ *эпнелляхъ* нѣтъ ни выемокъ, ни жолобовъ (а изъ этого видно, что *эпнелли* были предназначены для совершенія на нихъ безвредныхъ церемоній)—замѣйте, говорю, что первые находятся на высотѣ горы, стоящей на сѣверъ, а послѣдніе лежатъ въ темной долинѣ, около ручья, и обращены къ югу...

— Что жъ вы изъ этого заключаете, отецъ мой?

— Что въ Туллѣ, въ этомъ важномъ и населенномъ городѣ, — важность его неоспорима, господинъ баронъ, не только по огромнымъ постройкамъ, сѣды которыхъ находятся на этой горѣ и на всѣхъ сосѣднихъ холмахъ и долинахъ, но и по его положенію на древней границѣ Берри и Комбраля, *Битюриво* и *Лемовисовъ*, что можетъ служить доказательствомъ, что Туллъ, Туллумъ, Турикумъ *et* Таркумъ былъ безъ сомнѣнія *Жеровіа*, *Жеробина* *Бойоровъ*,

(*) Тульскій священникъ, кажется, придерживается привычки, до-сихъ-поръ оставшейся у насъ отъ Римлянъ, привычки сѣвшивать нашихъ почтенныхъ предковъ Галловъ съ завоевателями Кельтами, принадлежавшими совершенно-другому племени.

этотъ огромный городъ, соперникъ Жерговин Арверновъ, котораго слѣдовъ напрасно искали подъ этимъ генерическимъ названіемъ...

— Но мы уже очень отдалились отъ друидскихъ камней, господинъ священникъ.

— Я обращаюсь къ нимъ, господинъ баронъ. Такой городъ, какъ Туллъ, непременно долженъ былъ имѣть два исповѣданія, и онъ имѣлъ ихъ. Было исповѣданіе официальное и господствующее на горѣ Барло; было протестующее и терпимое, или преслѣдуемое, во глубинѣ долины Эп-Нелля. Исповѣданіе свободное, ересь, если можно такъ выразиться, тшеславилось тѣмъ, что оно *безъ начальни-ка*... между-тѣмъ, какъ официальная церковь (я напрасно употребляю это святое слово, говоря о мерзкомъ идолопоклонствѣ: я долженъ бы былъ сказать храмъ, въ которомъ деспотически царствовали друиды) находилась на камняхъ *жоматрахъ*. Можетъ-быть также, что это отвратительное исповѣданіе начало приходить въ упадокъ, и въ Эп-Неллѣ стали проявляться начала чистѣйшей религіи; или также быть можетъ, что прежде нашествія Кельтовъ и Кимвровъ, предки наши Галлы не обогрѣли кровью своихъ жертвенниковъ, и что мирный храмъ *Эп-Нелля* есть остатокъ протестаціи преслѣдуемой религіи... Какъ вы объ этомъ думаете, господинъ баронъ? Не видите ли вы, что все это ясно, какъ день?

— Это немного похоже на сумрачный и облачный день, какимъ гроза слѣлала нынѣшній, господинъ священникъ; но во всякомъ случаѣ, ваши изслѣдованія и предположенія весьма-остроумны и доказываютъ, что вы столько же поэтъ, сколько антикварій.

— Погодите, господинъ баронъ. Такъ-какъ вы начали говорить о поэзи, то у меня есть еще вѣрнѣйшія доказательства: это преданіе здѣшной стороны. Здѣсь считается два рода колдовства: одно, злое, которое относитъ свое начало и свои формулы къ камнямъ *жоматрамъ*. Всѣ воры куръ и овощей, всѣ злыя колдуны, подающія худые совѣты дѣвушкамъ, или изъ шщенія отравляющія стада у соседей,—*ехтрит*, Большая-Гота, которую вы сегодня видѣли, дѣлають свои заклинанія на Барло. Напротивъ, *знахарки*, или *знающія женщины*, какъ ихъ здѣсь называютъ, которыя лечатъ больныхъ и заклинають бѣдствія деревенской жизни, какъ то: градъ, бѣшенство, пожаръ, повальную болѣзнь, и проч., эти женщины добрыя, хотя исполненныя заблужденій, имѣють добрыя намѣренія и не дѣлають ни малѣйшаго вреда. Въ нихъ есть только одна упорная привязанность къ ихъ эп-нелльскимъ камнямъ и *пещеръ фадъ*, лежащимъ въ той же сторонѣ. Такова была бѣдная Тюла, которую слѣдовало бы называть Тулла, имя чисто-галльскаго происхожденія, по которому ваша покойная кормилица, можетъ-быть, происходитъ отъ богини, или, скорѣй, друидессы, называвшейся Тул-

ла vel Турика: храмъ ея вы могли узнать на нашей горѣ по мѣсту его постройки и по двойной оградѣ его фундамента.

— Удивляюсь вамъ, отецъ мой! У васъ на все есть своя этимологія и свой корень. Вы разжигаете мое любопытство, и я попрошу васъ объяснить мнѣ одинъ разговоръ, слышанный мною нынѣшнимъ утромъ и напомнившій мнѣ сказки, которыми нѣкогда убаюкивала меня моя бѣдная кормилица.

Когда Гильюмъ рассказалъ то, что онъ слышалъ изъ разговора Леонара и тѣтки Готы на кладбищѣ, священникъ, можетъ-быть опасавшійся, что въ своихъ предшествовавшихъ объясненіяхъ показалъ себя не слишкомъ-хорошимъ католикомъ, но съ величайшею добросовѣстностью боровшійся съ своимъ стремленіемъ къ наукѣ, поэзіи и литературѣ, отвѣчалъ со вздохомъ:

— Это грустное признаніе, господинъ баронъ... Но не могу скрыть отъ васъ, что въ-продолженіи четырехъ лѣтъ, которыя живу въ этой бѣдной деревушкѣ, я имѣлъ только весьма-слабое мнѣніе на заразу суевѣрія. Это мѣсто самое привилегированное изъ всѣхъ для идолопоклонства; и когда, въ отчаяніи, я началъ нѣсколько изучать, для разсѣянія, исторію всѣхъ галльскихъ преданій, то часто слушая и объясняя ихъ, нахожу больше удовольствія, нежели сколько бы мнѣ слѣдовало. Увѣряю васъ, господинъ баронъ, что здѣсь ученый, и даже поэтъ, могъ бы найти для себя много интересныхъ предметовъ, и что, еслибъ у насъ былъ Вальтеръ Скоттъ, чтобъ описать ихъ... Но вы мнѣ скажете, — вдругъ прибавилъ онъ съ недоувѣрчивостью, которая въ священникѣ составляетъ еще болѣе-характеристическую черту, нежели въ крестьянинѣ: — что не дѣло священника читать романы и желать увеличенія этихъ пагубныхъ сочиненій...

— Пагубныхъ, господинъ священникъ? сказалъ Гильюмъ: — романы Вальтера Скотта не пагубны. Романы романамъ рознь.

— По-крайней-мѣрѣ, это бесполезное чтеніе для духовнаго лица, продолжалъ тульскій священникъ, смотря на розовое и открытое лицо своего молодого собесѣдника.

— Вы придаете слишкомъ-дурное значеніе невинной забавѣ, и на вашемъ мѣстѣ я не довольствовался бы тѣмъ, что читалъ, — я бы писалъ романы.

— Вы шутите, сказалъ священникъ: — но за матеріалами дѣло бы не стало. Здѣсь столько воспоминаній, которыя поселяне, благодаря поэтическому ихъ толкованію, причисляютъ къ историческимъ преданіямъ! То, что вы слышали на кладбищѣ, должно дать вамъ объ этомъ понятіе.

— Такъ они серьезно вѣрятъ въ этотъ сокрытый кладъ?

— До такой степени, что вы счастливы, владѣя по наследству

землями въ нашей сторонѣ; иначе вамъ трудно было бы приобрести что-нибудь покупкой. Всѣ боялись бы, чтобъ не продать вамъ клада.

— Такъ у меня есть здѣсь земли? подумалъ Гильфомъ, который не зналъ или забылъ объ этомъ: такъ мало цѣнятся эти необработанные и бесплодные пространства.

— И даже, господинъ баронъ, продолжалъ священникъ:—еслибъ вы перевели сюда капиталы, съ тѣмъ, чтобъ пожертвовать ими для улучшенія этихъ земель, и слѣдовательно, участи поселянъ, ихъ обрабатывающихъ, то, вѣроятно, многіе смотрѣли бы на васъ весьма-дурными глазами: думали бы, что вы роете землю для того, чтобъ извлечь изъ нея золотыя монеты, которыя жгутъ корни растений, и, разумѣется, кованыя изъ золота и серебра колесницы, блестящія каски и усыпанные драгоценными камнями пояса вашихъ предковъ, галльскихъ военачальниковъ, убитыхъ и принесенныхъ въ жертву на этомъ мѣстѣ Римлянами, а позже Варварами. Это преданіе (какъ и всѣ преданія) имѣетъ основаніемъ историческую истину. По смерти галльского или кельтскаго военачальника, заколовъ на его могилѣ рабовъ его, любимыхъ слугъ и лошадей, надъ нимъ, какъ вы знаете, насыпали цѣлый холмъ вмѣсто могилы, и со всякимъ трупомъ зарывали слитки золота и серебра, самое дорогое оружіе,—словомъ, несметныя богатства. Въ нашей сторонѣ находили золотыя цѣпи въ гробовыхъ урнахъ, или *тумулахъ*... Но я вамъ наскучилъ, г. баронъ?

— Напротивъ, вы меня чрезвычайно интересуете; но эти тумулы были римскіе намятники?

— Или галло-римскіе, и еслибъ отыскали тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ болѣе-ранней эпохѣ, то вмѣсто простыхъ украшеній, можетъ-быть, нашли бы...

— А, г. священникъ! вы также немножко вѣрите въ кладъ, признайтесь!

— Я могу въ него вѣрить, отвѣчалъ улыбаясь священникъ, не имѣя намѣренія присвоить его себѣ:—я желаю отъ всей души, чтобъ онъ былъ на вашей землѣ, а не въ моемъ саду, гдѣ, однако, ничего не искавъ, а сажая свой салатъ, я нашелъ довольно-хорошія римскія монеты, которыя позвольте мнѣ предложить вамъ въ подарокъ.

— Я не хочу васъ лишать ихъ, отвѣчалъ молодой баронъ:—но очень желаю бы ихъ видѣть.

Священникъ отворилъ ящикъ своего стараго дубоваго стола и изъ обломковъ желѣза, заржавленныхъ ключей, обломанныхъ гвоздей и другихъ остатковъ, собраніе которыхъ обличало бережливныя привычки бѣдности, вынулъ нѣсколько медалей Антонина-Кроткаго, Галліена, Агриппины и Филиппа-Араба, которыхъ мно-

жество и въ-особенности хорошо-сохранившіяся находятся въ нашихъ центральныхъ провинціяхъ.

Пока двое любителей нашихъ съ любопытствомъ разсматривали эти монеты, буря началась снова. Единственное дерево города Тулла гнулось и скрипѣло подъ вѣтромъ, и градъ билъ по черепицѣ священническаго дома. Жалобный звонъ колокола присоединился къ завыванію бури.

— Мнѣ кажется, сказалъ Гильйомъ:—что если вы боитесь дѣйствія молніи, то должны были бы воздерживать усердіе Леонара:

— Это было бы невозможно, отвѣчалъ священникъ:— а еще Леонаръ одинъ изъ самыхъ благоразумныхъ. Но если онъ не вѣритъ въ фадъ, за то онъ вѣритъ въ свои колокола. Въ нихъ вѣритъ вся деревня и, приказавъ перестать звонить, я рискую быть побитъ каменіемъ.

— Такъ они, по-крайней-мѣрѣ, вѣрующіе, ваши прихожане?

— Слишкомъ-вѣрующіе въ одномъ смыслѣ, потому-что они вѣрятъ во все, въ ложь и въ истину, въ идолопоклонство и религію, въ друидизмъ и въ полиеизмъ. Добрые и злые духи имѣютъ вліяніе на судьбу ихъ. Фады (fates) играютъ здѣсь важную роль, и тулузская страна наполнена гротами и углубленіями, которые выкопаны руками человѣческими и составляли дикія обиталища нашихъ предковъ, или пещерами, которыя были назначены для прорицанія галльскихъ пророчицъ. Вообразите: все эти гроты, весьма-интересныя для антикварія, въ большомъ уваженіи у крестьянина, потому-что въ нихъ находятся невидимыя существа, которыхъ благосклонность онъ хочетъ приобрѣсть, принося въ ихъ святилище какую-нибудь дань, листокъ, былинку моха, что бы то ни было, только бы это было въ знакъ памяти и уваженія.

— Я видѣлъ, какъ моя молочная сестра Жанна сдѣлала то же самое, вскричалъ Гильйомъ, который давно уже думалъ о молодой дѣвушкѣ, не зная, какъ вставить вопросъ о ней въ ученый разсужденія священника. — Скажите мнѣ, г. священникъ, Жанна, какъ дочь и племянница двухъ колдуній, ужь сама немного не колдунья ли?.. Но вы нездоровы? прибавилъ онъ, видя, какъ молодой священникъ и краснѣетъ и блѣднѣетъ.

— Громъ немножко волнуетъ у меня кровь. Не беспокоитъ ли это васъ, г. баронъ?.. Жанна честное и доброе созданье, въ этомъ я могу васъ увѣрить. Она достойна величайшаго участія.

— Это именно мнѣ кажется, отвѣчалъ Гильйомъ:— и я очень-радъ, что могу откровенно поговорить съ вами объ этомъ предметѣ, потому-что имѣю въ отношеніи къ ней обязанности, слишкомъ-презрѣженныя мною, и желалъ бы знать отъ васъ... Между нами, не думаете ли вы, что первою обязанностию моею было бы,

помѣстивъ ее въ домъ моей матери, охранить этимъ отъ нѣкоторыхъ опасностей...

Священникъ смѣшался, помолчалъ и потомъ сказалъ тронутымъ голосомъ:

— Я не понимаю, г. баронъ, какія опасности...

— Городскіе молодые люди, привлеченные такой замѣчательной красотой, не могутъ ли подумать, теперь, когда она на рукахъ у дурной женщины...

— Вы облегчили мое сердце, г. баронъ, отвѣчалъ священникъ, какъ-будто оживленный этимъ открытіемъ.—Я боялся бы осуждать слишкомъ-легкомысленно; но такъ-какъ въ этомъ отношеніи вамъ пришла на умъ^о тѣ же опасенія, какъ и мнѣ, то я вамъ скажу, что съ нѣкотораго времени... но я никого не хочу называть...

— Я назову его, сказалъ Гильйомъ.

Но онъ не имѣлъ для этого времени и имя замерло на губахъ его, когда онъ увидѣлъ самого Леона Марсилья, который быстро отворилъ дверь и безъ церемоній подошелъ къ огню, мелькавшему въ каминъ, чтобъ обсушить свое промоченное дождемъ платье.

v.

Небесный огонь.

— Здравствуйте, перлъ священниковъ! сказалъ Леонъ Марсилья, дружески потрясши руку викарія.—Это опять я, мой милый Гильйомъ. Священникъ, вы не откажете мнѣ въ визанкъ сѣна и въ стаканъ вина, потому-что я весь дрожу. Какъ этотъ дьявольскій ураганъ вдругъ охолодилъ воздухъ!

— Я думалъ, что вы уже далеко по дорогѣ въ Буссакъ! сказалъ молодой баронъ.

— Мнѣ жаль стало скакать по грязи съ Дульцинейей, которая сидѣла у меня за сѣломъ, и, какъ настоящій Донъ-Кихоть, я нарочно пріѣхалъ сюда, чтобъ спустить ее въ Тобозо. Лошадь моя не могла скоро взобраться по такой трудной дорогѣ съ двумя сѣлками. Боже! какъ плохо Галлы мостили дороги! Но такъ-какъ грому и граду вздумалось начать шумѣть снова, то мнѣ вовсе не хочется подвергаться имъ безъ нужды. Я буду дожидаться хорошей погоды въ такой пріятной компаніи, что вѣрно не соскучусь.

— Г. Леонъ, сказалъ священникъ, позвавъ свою служанку, чтобъ развести огонь и налить виномъ кружку: — вы всегда въ триумфѣ

регулируете по дорогамъ съ какой-нибудь спутницей. Знаете ли, что отъ этого объ нашихъ дѣвушкахъ ходить дурная молва!

— А вы и вѣрите злымъ толкамъ? вы, такой драгоценный, такой образцовый священникъ? Вы оскорбляете меня! Вы порицаете меня за челоуѣколюбіе и состраданіе? Это ужасно съ вашей стороны, аббатъ!

— Вотъ какъ онъ всегда отвѣчаетъ! сказалъ священникъ. Добрый виарій былъ одаренъ необычайною снисходительностію, былъ очень-радъ частымъ посѣщеніямъ образованнаго молодаго челоуѣка, которому могъ сообщать свои ученныя предположенія, и любилъ Леона Марсилья, но не уважалъ его. — Его хочешь побранить, а онъ самъ читаетъ вамъ проповѣдь!

— Какъ-будто это не общее наше ремесло? Священникъ проповѣдуетъ съ своей кафедры, адвокатъ съ своей трибуны, — одно и то же.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ священникъ: — это не одно и то же.

— Слава Богу! два болтуна, два спорщика! Мой милый священникъ, какъ ваше прекрасное вино пріятно деретъ горло! Мнѣ кажется, что я глотаю щѣтку... Откуда получаете вы этотъ божественный нектаръ?

— Изъ Сен-Марселя. Не хотите ли аржентонскаго?

— Вы опять скажете мнѣ, что это одно и то же? Но я не жуюсь на вино, оно прекрасно. Что же, Гильюмъ, что съ вами? Вы не хотите быть моимъ товарищемъ? А вы, отецъ мой? Ну же, помогите мнѣ, или я оберну стаканъ... А у меня есть для васъ прекрасное открытіе.

— Археологическое?

— Нѣтъ, геологическое. Знаете ли, что Люди рассказала мнѣ дорогой? Вотъ вы увидите, что значить возить за своимъ сѣдломъ дѣвушекъ: это образуетъ умъ и сердце. Если вы мнѣ вѣрите, то не садитесь никогда на *сѣрю*, не взявъ съ собою какой-нибудь миленькой брюнетки въ видѣ чемодана, чтобъ она рассказывала вамъ легенды.

— Опять шутки!..

— Можетъ-быть, вы больше любите блондинокъ? берите блондинокъ.

Священникъ еще разъ смутился; но Гильюмъ, который стоялъ лицомъ къ камину, не замѣтилъ этого, а Марсилья сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ.

— Ну, что же у васъ за исторія? началъ священникъ, чтобъ оправиться: — какіе-нибудь пустяки?

— Послушайте; вы хорошо знаете скалу Бошъ, на которой видѣнъ слѣдъ челоуѣческой ноги?

— Это слѣдъ святаго Марсіала, который самъ приходилъ сюда, чтобъ истребить идоловъ и проповѣдывать христіанство въ Туль-Сен-Круа, въ лѣто отъ рождества Спасителя...

— Дѣло вовсе не о святомъ Марсѣлѣ и не объ эпохѣ... Положимъ, что вы этому вѣрите. А я такъ скажу вамъ, что *Большая Фада*, царица фей, недовольная почестями, которыя воздавали вашему святому, съ досады топнула ногой, засушила горячій ключъ, протекавшій здѣсь, и отправила его въ Эво.

— Я давно знаю эту сказку. Такъ въ этомъ-то все ваше открытіе?

— О, неглубокомысленный отецъ! И вы изъ этого ничего не заключаете?

— Я заключаю, что Люди повторяютъ глупости своей бабушки.

— А я заключаю, что если ваша теорія справедлива, если устное преданіе есть живая исторія, пропущенная въ книгахъ и сохранившаяся въ народныхъ символахъ, то въ Борд-Сен-Жоржѣ и Туль были горячіе ключи.

— Куда жъ они дѣвались?

— Прекрасный вопросъ! Право, вы идете назадъ, отецъ мой! При разрушеніи вашего галльскаго города, въ эту ужасную и внезапную катастрофу, бани изъ горячихъ ключей, устроенныя, безъ всякаго сомнѣнія, во времена римскаго владычества, на склонѣ горы, были разрушены, засыпаны, и ключи исчезли подъ грудой обломковъ и осѣвшей земли.

— Для чего говорите вы: на склонѣ горы? сказалъ священникъ, начинавшій слушать со вниманіемъ.

— А куда же вы дѣнете трясины? Что такое трясины? Вы объ этомъ никогда не думали,—эти трясины, которыя посреди зимы дымятся, какъ котлы,—эти трясины, въ которыхъ не достаютъ дна,—эти трясины, которыя не болото, составленное изъ дождевой воды, потому-что онѣ находятся на безплодномъ скатѣ, по которому всего-легче было бы этой водѣ стекать,—накопецъ, эти трясины, въ которыхъ, можетъ-быть, находятся минеральныя источники горяче, дѣйствительныѣ, обильныѣ тѣхъ, которые въ Эво, въ трехъ миляхъ отсюда? И вы ищете клада подъ камнями? Его надобно искать въ водѣ! Тамъ-то найдете вы истинный кладъ, внезапное богатство страны. Я бьюсь объ закладъ, что вамъ ни разу не приходило въ голову копнуть три раза въ этихъ трясинахъ!

— Ни разу; а между-тѣмъ поселяне только и тождуютъ, что въ нихъ что-нибудь да есть.

— И вамъ никогда не вздумалось сунуть туда термометръ, чтобъ узнать, что эта грязь, теплая на поверхности, не горяча ли на шести дюймахъ подъ землею?

— О! мнѣ очень хотѣлось бы имѣть термометръ, вскричалъ свя-

щенникъ, вставая съ мѣста: — мнѣ непременно надобно купить себѣ термометръ! Очень-дорого это стоить, г. Леонъ?

— У меня дома есть превосходный термометръ. Завтра я привезу вамъ его.

— Завтра, точно?

— И мы вместе сдѣлаемъ испытаніе.

— Завтра! завтра! Вы не шутите?

— Вотъ вамъ рука моя! вскричалъ Леонъ, подавая руку священнику.

Священникъ слабо хлопнулъ его по рукѣ съ радостью и довѣрчивостью дуята.

— О, мой бѣдная Жанна! думалъ Гильиомъ, слушая этотъ разговоръ: — тебя очень-плохо берегутъ, и крагъ твоей невинности легко слышветъ усыпить благоразуміе твоихъ защитниковъ. Этотъ добрый священникъ одержимъ мономаніею, которую Марсилья безъ большаго издержекъ слышветъ употребить въ свою пользу. Только я остаюсь тебѣ въ защиту, бѣдная сирота! Такъ я не покину тебя, и если ужъ поздно, по-крайней-мѣрѣ предупреджу гибельныя послѣдствія твоей ошибки.

— Ба! вотъ бѣдняжка Жанна, сказалъ Марсилья, глядя искоса на священника, который еще разъ измѣнился въ лицѣ, замѣтивъ, что онъ попался въ ловушку.

Гильиомъ затрясся на стулѣ и быстро обернулся, чтобъ видѣть, съ какимъ выраженіемъ лица Жанна встрѣтитъ Марсилья; но, благодаря наглому выраженію одного и невинному выраженію другой, между этими двумя физиономіями не было ни малѣйшаго сходства.

— Добрый вечеръ, г. священникъ! сказала Жанна. — Добрый вечеръ, г. Леонъ. Я ищю моего крѣстнаго. Ахъ! добрый вечеръ, крѣстный! Смотрите, крѣстный, вотъ сколько у меня осталось денегъ; я принесла ихъ вамъ. Покорно благодарю, крѣстный.

— Я сказалъ тебѣ, Жанна, что не возьму ихъ.

— Что же мнѣ съ ними дѣлать, крѣстный? Мнѣ нужно столько денегъ. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ... сорокъ франковъ!

— Ты купишь себѣ траурное платье, Жанна, сказалъ священникъ чрезвычайно-кроткимъ и отеческимъ голосомъ: — и сбережешь остальное на свои нужды или на нужды твоихъ родственниковъ и друзей.

Какъ Гильиомъ внимательно разсматривалъ лица Марсилья и Жанны, такъ точно въ эту минуту Марсилья глядѣлъ на Жанну и священника. Онъ ясно видѣлъ невольное и тайное волѣніе добродѣтельнаго священника. Но ангельское спокойствіе кроткой Жанны не измѣнилось, и для Марсилья, который зналъ въ

этомъ толкъ лучше Гильйома, было очевидно, что сердце эшнелъской пастушки было чуждо всякой любви и всякаго подозрѣнія.

— Теперь прощайте, крѣстный, до свиданія, сказала Жанна и, съ совершенно-сельской простотою и фамиллярностью обвивъ руками шею Гильйома, поцаловала его въ обѣ щеки, ни на минуту не измѣнивъ своей спокойной и важной невинности.

Этотъ чистый поцалуй, оставившій на щекахъ Гильйома слѣды слезъ Жанны, не удивилъ Марсилъя и не показался неприличнымъ священнику. Они знали тамошніе нравы и обычаи. Что касается до Леона, то онъ дрожалъ отъ досады: цалуютъ только крѣстныхъ!

Гильюмъ, сначала остолбенѣвшій отъ этого знака уваженія, который онъ принялъ-было за доказательство чрезвычайной довѣренности, вскорѣ оправился, вспомнивъ, что восемь дней назадъ, при его прїездѣ въ Буссакъ, толстая служанка, которую нельзя было подозрѣвать въ кокетствѣ, также поцаловала его, называя своимъ маленькимъ господиномъ.

— Дитя мое! сказалъ онъ Жаннѣ, стараясь принять, для Марсилъя, важный видъ: — я съ тобой не прощаюсь; завтра я прїѣду на похороны моей бѣдной кормилицы и увижу тебя.

— Это будетъ для насъ большая честь, крѣстный, сказала Жанна.

— Это хорошо съ вашей стороны, г. баронъ, сказалъ священникъ: — очень-хорошо. Смѣю сказать, что въ высшихъ классахъ найдется мало людей, которые были бы способны къ такому смиренному чувству, къ такому религіозному поступку. Милая Жанна, у тебя добрый крѣстный, истинный другъ тебѣ. Ободришь же, дочь моя, и, принявъ съ покорностію несчастье, которое поразило тебя сегодня, поблагодари Провидѣніе, посылающее тебѣ такъ-кстати великодушнаго покровителя, какъ-будто для того, чтобъ ты не могла узнать всего ужаса одиночества. Я очень желаю, чтобъ почтенная родительница г. барона взяла тебя къ себѣ, и чтобъ ты нашла въ ней вторую мать, точно такъ же, какъ ты уже нашла себѣ настоящаго о Христвѣ брата въ лицѣ ея сына.

— Мой милый крѣстный, вы дѣлаете мнѣ больше одолженій, нежели сколько я заслуживаю; буду молиться Богу за васъ и за васъ также, г. священникъ.— И, растроганная до глубины сердца участіемъ, которое ей оказывали, добрая Жанна рыдая удалилась.

Священникъ вышелъ, чтобъ помочь ей взять мѣшокъ съ провизіями для похороннаго объѣда, оставленный ею за дверью. Сынъ Леонара, толстый шестнадцатилѣтній парень, откровенно-безобразный и веселый, ожидалъ Жанну въ кухнѣ, чтобъ проводить ее домой и помочь ей нести остальное. Дождь пересталъ; но еще дулъ же-

стокій вѣтеръ, и ночь, наставшая ранѣе обыкновеннаго отъ густыхъ тучъ, скрывавшихъ солнце, распространялась по полямъ.

— Да, г. баронъ, говорилъ растроганный священникъ, входя въ комнату, гдѣ оставались два его гостя:—Жанна была бы прекраснымъ приобрѣтеніемъ для вашего семейства. Это лучшая моя прихожанка, и я не могу довольно похвалить ее.

— Такъ вотъ о чемъ дѣло? подумалъ Марсилья. — На здоровье! Я такъ и расположу свои батареи. А этотъ добрый священникъ, который, изъ любви къ добродѣтели, усердно старается удалить съ глазъ своихъ предметъ, гибельный для его покоя, и толкаетъ его въ объятія Гильйома! О, духовные! таковы-то вы! Пусть другіе губятъ свои души — вы себя умываете руки, только бы сами могли спасти свою душу... Милый священникъ, сказалъ онъ: — я совершенно одобряю васъ за совѣтъ, который вы даете моему другу Гильйому. Безъ-сомнѣнія, Жанна, подъ крыломъ такого ментора, не будетъ больше подвергаться опасности быть обольщенной молодыми людьми вашей деревни. Но при этомъ христіанскомъ и отеческомъ распоряженіи, не-уже-ли вы не опасаетесь за г. де-Буссака?

— Объяснитесь, холодно сказалъ Гильйомъ.—У меня нѣтъ столько проникательности, чтобъ съ перваго слова понимать ваши остроты.

—Я могу объяснить на этотъ счетъ только съ священникомъ, моимъ духовнымъ отцомъ, моимъ милымъ другомъ, какъ говоритъ Панюржъ. Читали ли вы Раблэ, отецъ мой?

— Нѣтъ, сударь.

— Тѣмъ хуже для васъ; изъ него вы узнали бы, мой милый священникъ, что не должно впускать волка въ овчарню.

— Я васъ не понимаю.

— Э! какъ-будто вы не знаете, что Жанна колдунья, и если захочетъ очаровать моего друга, то ей стѣнитъ только сказать три слова своей доброй пріятельницъ Большой-Фадѣ, царицѣ фей, у которой она, всѣмъ извѣстно, въ большой милости...

— Не знаю, какъ вы можете шутить надъ честной и возбуждающей участіе дѣвушкой, которая только-что лишилась матери и поведеніемъ своимъ никогда не подавала повода къ тому, чтобъ ей сдѣлалъ честь заняться ею такой развратникъ, какъ вы!

— А! отецъ мой! если вы станете браниться, то я съумю напомнить вамъ о духѣ кротости. Развѣ я занимаюсь вашими прихожанками? Нужно быть очень-тонкимъ хитрецомъ, чтобъ совратить ихъ съ той прекрасной дороги, по которой вы ихъ ведете. Къ-тому же, развѣ я не показываю состраданія и уваженія къ Жаннѣ, говоря, что мать передала ей секреты?..

Рѣзкій крикъ и громкій стукъ сабо, раздавшіеся въ кухню, привлекли вниманіе священника. Что это? сказалъ онъ, взявъ за локоть Марсилля: — мажется кричатъ «огонь»!

— Огонь! огонь! явственно закричали съ низу. Священникъ и оба гостя его кинулись на лѣстницу.

— Небесный огонь упалъ на Эпинелль; тамъ горять по-крайней-мѣрѣ двадцать домовъ, кричали люди, забывъ, что на Эпинелль одна только хижина — Жанны.

— Поспѣшимъ, друзья мои, поспѣшимъ! вскричалъ священникъ, выбѣжавъ на тульскую площадь и обращаясь къ своимъ оторваннымъ прихожанамъ, которые всѣ хотѣли взобраться на платформу, чтобъ посмотрѣть пожаръ, но совсѣмъ не думали тушить его.

— Пусть каждый возьметъ по ведру изъ дома! сказалъ Марсилля: — если это въ Эпинелль, то воды тамъ довольно.

— Если въ Эпинелль, то можетъ-быть это горитъ домъ Жанны, вскричалъ Гильйомъ, вооружась двумя ведрами, взятыми имъ изъ дома священника.

— Это навѣрное, говорилъ Леонаръ. — Бѣдняжка Жанна! это ужь слишкомъ-много несчастія для нея въ одинъ и тотъ же день!

— Да бѣги же ты, пономарь! говорилъ Марсилля, толкая передъ собою всѣхъ жалѣющихъ и толкующихъ.

— Какъ мнѣ можно бѣжать? вѣдь я хромъ! сказалъ Леонаръ. — По-неволѣ мнѣ нужно будетъ прійти послѣдному; но я прежде пойду, ударю въ набать.

— Да, да, бей въ набать! сказалъ Марсилля; — это привлечетъ народъ на помощь. Пойдемте всѣ, пойдемте, вмѣсто того, чтобъ кричать и дивоваться! Женщины, дѣти, сельскій плотникъ, который бы разломалъ хижину... гдѣ онъ? въ городъ? поведите жь меня въ его кафарнионъ (*), чтобъ я могъ взять его топоръ.

— Я принесу вамъ его, г. Леонъ, сказала одна женщина: — но не потеряйте топора моего мужа.

— Г. священникъ, надобно сдѣлать пинту святой воды, говорила одна: — это все то лучше отъ огня, который падаетъ съ неба.

— Ничего этого не нужно, говорила другая. — Надобно позвать тѣтку Гиту. Она умѣетъ заговаривать огонь.

— Какъ же ей прійти, когда она не можетъ ходить?

— Ее посадятъ на лошадь... Въ ея хлѣвъ именно есть большая лошадь.

— Э! да Жанна столько же умѣетъ заговорить; она еще боль-

(*) Кафарнаумъ, мѣсто, гдѣ крестьяне прячутъ свои рабочіе инструменты.

ше знаетъ, нежели тётка Гита! Разумѣется, мать, умирая, передала ей науку-то.

Гильйомъ и Марсилья съ двумя или тремя смѣльчаками уже бѣжали внизъ съ горы. За ними елдовала толпа любопытныхъ и плачущихъ женщинъ. Священникъ остался послѣднимъ, чтобъ убѣдить идти на пожаръ лѣнниковъ и эгоистовъ и собрать больше ведеръ, которыхъ въ подобныхъ случаяхъ по деревнямъ нельзя бы-даетъ найти. Ночь все болѣе и болѣе темнѣла, и по мѣрѣ того, какъ авангардъ приближался къ мѣсту бѣдствія, огромный огненный снопъ, образовавшійся изъ воспламененной соломы, яростно раздуваемый вѣтромъ, оправдывалъ крики: *слишкомъ-поздно!* *слишкомъ-поздно!* на всякомъ шагу раздававшіеся вокругъ Гильйома и Марсилья. Наконецъ они прибѣжали, запыхавшись и покрытые потомъ, удивляясь, что Жанна перегнала ихъ: они думали догнать ее на дорогѣ и не догнали.

Изъ разбросанныхъ въ окрестности хижины собрались уже вокругъ пожара добрыя кумушки и, какъ *Фады*, безсильныя передъ дышнымъ демономъ, разливались въ пронзительныхъ крикахъ и тщетныхъ заклинаніяхъ. Немногіе бывшіе тамъ мужчины помогали Большой-Готѣ насильно вытаскивать изъ хлѣва козъ и овецъ, которыя, будучи поражены бессмысленнымъ ужасомъ, всегда охватываемымъ этихъ животныхъ въ подобныхъ случаяхъ, упорно не двигались съ мѣста. Эта часть хижины была еще цѣла, но крыша главнаго обиталища горящими соломенными клочьями летѣла на присутствующихъ, и ожидая, что эта масса рухнетъ, никто не смѣлъ влѣзть на соседнюю крышу, чтобъ уничтожить сообщеніе между ними. На это рѣшился одинъ Марсилья, вооруженный топоромъ, къ великому ужасу Люди, которая пронзительно кричала. Гильйомъ хотѣлъ за нимъ слѣдовать... но другая мысль удержала его. Гдѣ Жанна? Онъ напрасно искалъ ее въ небольшой толпѣ, съ шумомъ и безъ дѣйствія собиравшейся вокругъ пожара. Жанна не являлась. Возвратилась ли она въ Туль? Видѣлъ ли ее кто-нибудь? Никто не слушалъ вопросовъ Гильйома. Онъ вошелъ въ хлѣвъ, гдѣ дымъ былъ уже такъ густъ, что ничего не лзя было различить. Онъ звалъ Жанну: никто не отвѣчалъ ему. Большая-Гота подъ заднимъ навѣсомъ кричала жалобнымъ голосомъ: «А куры-то мои, куры! дорогіе сосѣди, добрые сосѣди, спасите моихъ куръ!»

VII.

Эпидемическій камень.

Ужасъ и смятеніе нашихъ поселянъ, при видѣ бѣдствія, разрушающаго собственность, превосходятъ всякое описаніе. Законъ неравенства, предоставляя ему малую часть выгоды, столь-тяжело приобретаемую, столь-трудно сохраняемую, развилъ въ несчастной и тревожной душѣ крестьянина чрезмѣрную привязанность, родъ идолопоклонническаго обожанія къ предмету столькихъ стараній и цѣли столькихъ трудовъ. Домъ Туллы не стоялъ и пяти-сотъ франковъ, и Гильюмъ непрерывно говорилъ:

— Не кричите, не плачьте: спасайте, что можете, а что пропадетъ, я сделаю заково. Ищите Жанну, помогите мнѣ найти Жанну, чтобъ успокоить, утѣшить ее. Ступайте, бѣгите за Жанной.

— Жанна, сударь! отвѣчали ему:—она вѣрно побѣжала топтыся. Что прикажете ей больше дѣлать? Она все потеряла въ одинъ день: мать и все, что имѣла. Послѣ этого нельзя жить.

Гильюмъ не могъ увѣрить ихъ, что онъ вознаградитъ по крайней-мѣрѣ одну изъ этихъ потерь. Нѣкоторые качали головами, говоря:

— Это такъ говорится; но когда прошла жалость, деньги не приходятъ.

Большая часть, не зная Гильюма де-Буссака, принимала его за чиновника, посланнаго правительствомъ, и наконецъ всѣ единогласно говорили:

— На чей бы счетъ его потомъ ни выстроили, все-таки это горитъ домъ. Это *пропадаетъ добро*. Нѣтъ! бѣдные люди слишкомъ несчастны! *Ахъ, Боже мой! Ахъ, каково это! Ахъ, Господи Иисусе Христе!*

И стѣннія раздавались хоромъ, какъ некогда раздавался хоръ стѣнній плѣнниковъ въ древней трагедіи, и Гильюмъ, досадуя на эти вопли, бесплодно бѣсѣлъ на одъпенствіе, въ которое приводятъ крестьянина ужасъ и удивленіе, никакъ не могъ устроить цѣпив, чтобъ употребить въ дѣло принесенныя ведра и воду, протекавшую во-злѣ хижины.

Онъ хотѣлъ присоединиться къ Марсилья, который какъ Геркулесъ работалъ на крышѣ, съ пятью или шестью здоровыми товарищами, тѣми добрыми *ребятами*, которые тщеславятся тѣмъ, что хорошо дѣлаютъ, и въ которыхъ загорается соревнованіе при малѣйшемъ ободреніи, — настоящими типами волонтеровъ республи-

ки и егерей имперіи,—какъ вдругъ появилась Жанна, и Гильюмъ сталъ думать только о ней.

Она сдѣлала обходъ, чтобъ пригласить послѣдняго крестьянина, жившаго на противоположномъ скатѣ горы, и увидѣла пожаръ тогда только, какъ вышла изъ глубокой дороги, ведущей къ ея жилищу. Она бросила свой мѣшокъ и прибѣжала съ сыномъ Леонара, Каде, который также посѣлялъ между каменными скалами галльскаго города провизію, которою былъ нагруженъ. Каде громко стѣнналъ; но Жанна, блѣдная, запыхавшаяся, не говорила ни слова. Она чего-то искала въ толпѣ и наконецъ, когда могла говорить, закричала:

— Мать моя! гдѣ моя бѣдная мать?

— Она помѣшалась, она внѣ себя, говорили вокругъ нея:—она уже забыла, что мать ея умерла.

— Куда же вы положили мать мою? повторила съ крикомъ Жанна.—Какъ! вы не вынесли оттуда бѣднаго христіанскаго тѣла моей матери? этого быть не можетъ!.. Тѣтушка! гдѣ тѣтушка?.. Она вѣрно позаботилась объ этомъ... Отвѣчайте жѣ мнѣ, покажите жѣ мнѣ мать мою!

Увидѣвъ, что никто не подумалъ объ этомъ, и что заботились только о животныхъ, которыхъ она очень любила, то не колеблясь ни минуты, она кинулась къ дверямъ хижины.

— Стой, Жанна! закричалъ ей Гильюмъ, схвативъ ее въ объятія: — крыша сейчасъ рухнетъ; комната до того наполнена дымомъ, что ты тотчасъ задохнешься... Нѣтъ! нѣтъ!.. я не позволю тебѣ войти туда...

— Оставьте, оставьте, крѣстный! сказала Жанна, вырываясь съ необыкновенной силою: — я не хочу, чтобъ тѣло моей матери сгорѣло, какъ какая-нибудь домашняя утварь... я хочу, чтобъ ее честно похоронили въ священной землѣ, какъ христіанку!

И Жанна кинулась въ комнату, гдѣ лежала покойница, такъ-что Гильюму не было возможности остановить ее.

Она хотѣла кинуться за нею, когда она попятилась назадъ отъ удушающаго дыма и, казалось, готова была отказаться отъ своего намѣренія. Но она подошла къ сыну Леонара и сказала ему въполголоса:

— Каде, я хочу войти туда, и клянусь тебѣ своимъ крещеніемъ, что вытаску оттуда мать мою; но за мной никто не долженъ сговаривать: это все погубить!

Хотѣла ли Жанна воспользоваться суевѣрнымъ мнѣніемъ на ея счетъ, чтобъ не позволить друзьямъ своимъ подвергаться вмѣстѣ съ нею опасности, вѣрила ли она сама покровительству фадъ, которое вѣтъ привлекла на колыбель ея, но ее услышали Каде и два или

три крестьянина, стоявшіе возлѣ нея: ихъ она совершенно убѣдила въ своемъ знаніи, которое ей приписывали. Тотчасъ же обманувъ бдительность своего крѣстнаго, она кинулась въ клубы дыма и исчезла подъ огненными языками, охватывавшими бока и верхъ хижины. Гильйому еще разъ хотѣлось за ней броситься, чтобъ спасти ее отъ вѣрной смерти; но его обхватили двѣ или три пары гигантскихъ рукъ, и Каде сказалъ ему съ улыбкой; которая никогда не покидала его грубой физиономіи, даже и тогда, какъ слезы обличали во лжи эту улыбку, окаменѣвшую на лицѣ его:

— Не бойтесь, любезный господинъ; Жаннѣ ничего не будетъ. У нея есть все, что нужно, и она знаетъ слово *вещи*. Надо ее оставить; вы видите, что она была бы несчастна на всю жизнь, еслибъ сгорѣли кости ея матери. Она выйдетъ оттуда такой же здоровой, какъ вошла, вотъ вамъ мое честное слово! Вы увидите! Не сердитесь! не надо сердиться. Вамъ дѣлаютъ добро; васъ не хотятъ обидѣть. Она сгорѣла бы, еслибъ вы пошли съ нею! Не надобно мѣшать фатамъ!

Гильйомъ готовъ былъ разорваться отъ досады во время этой прекрасной рѣчи на чистомъ берришонскомъ нарѣчій; онъ боролся съ своими суевѣрными охранителями и начиналъ одерживать верхъ надъ ними, когда Жанна появилась на порогъ дома, трясшагося съ злобѣющимъ трескомъ. Смѣлая и сильная дѣвушка несла въ рукахъ окоченѣвшій трупъ, казавшійся страшной величины. Саванъ скрывалъ голову мертвой и оставляя непокрытою часть ея тѣла, одѣтаго по обыкновенію въ лучшія платья, развѣвался, краснѣя отъ отблеска пожара, до самыхъ ногъ Жанны. Рука Тюлы лежала на лицѣ дочери, какъ-будто благословляя ее послѣднею ласкою, — и въ послѣдствіи все народонаселеніе Тулля и окрестностей подъ клятвою утверждало, что всѣ видѣли, какъ трупъ перегнулся на порогѣ хижины, чтобъ поцаловать въ лобъ Жанну. Чудо это сдѣлалось еще поразительнѣе тѣмъ, что лишь-только набожная дѣвушка прошла три шага отъ хижины, какъ крыша, стропила которой давно подгорѣли непримѣтнымъ образомъ, съ громомъ провалилась въ ту комнату, откуда вышла Жанна, и далеко раскидались груды пепла, глыбы дымившейся соломы и осколки горѣвшаго дерева.

— Пусть ее падаетъ, пусть ее падаетъ! кричала Жанна: — тамъ больше вѣчего спасать!

При этой послѣдней катастрофѣ, женщины и дѣти испустили пронзительные крики и въ ужасъ разбѣжались. Жанна, не теряя присутствія духа, ускорила шаги, и до нея не достигъ ни одинъ осколокъ.

Это зрѣлище произвело на Гильйома такое сильное впечатлѣніе,

что онъ видѣлъ его во снѣ болѣе десяти лѣтъ спустя. Въ этомъ дѣйствии высокой дочерней привязанности, Жанна показала себѣ самую прекрасную и ужасную, какъ друидесса. Она потеряла свою золотяную повязку, и длинныя свѣтлорусыя волосы пали вокругъ нея; въ глазахъ ея, покраснѣвшихъ отъ дыма, была неподвижность упоенія; голосъ ея былъ силенъ, и рѣчь ея, обыкновенно медленная и кроткая, сдѣлалась отрывиста и рѣзка. Она раздѣлила толпу, все неся трупъ, до котораго никто не смѣлъ коснуться, и положила его на дольмень Оп-нелля, на тотъ длинный плоскій камень, который можно принять за древнѣйшій мостъ, построенный надъ соседнимъ ручьемъ, перемѣнившимъ теченіе, и котораго основанія упали.

— Пусть теперь горитъ домъ! повторила Жанна: — оставьте, пусть его падаетъ! оставьте, друзья мои!..

Потомъ она спросила стаканъ воды, «ради Бога воды», и пренеде, нежели могли принести ей воду, упала въ обморокъ.

Гильйомъ и священникъ поспѣшили привести ее въ чувство, отнесли шага на два къ берегу ручья и намочили въ немъ ея руки и лицо, горѣвшія отъ жара. Въ сумятицѣ нельзя было найти сосуда, чтобъ дать ей напиться, хотя тѣтка еще въ началѣ пожара спасла посуду и все, что считала дорогимъ. Жанна нашлась въ пригорѣши бѣлыхъ рукъ молодого барона, и когда дыханіе и силы къ ней возвратились, пошла и стала на колѣни около друидскаго алтаря, служившаго теперь катафалкомъ ея матери. Тамъ, оборотившись спиною къ пожару, кидавшему отблескъ на ея прекрасную блѣдую голову, она погрузилась въ себя, не обращая ни на что вниманія.

— Жанна, сказалъ подойдя къ ней толстый Каде: — всѣ животныя спасены. Ни одной курицы не сгорѣло.

— Благодарствуй, Каде, отвѣчала Жанна: — это мнѣ приятно, потому-что ихъ выростила моя мать и велѣла мнѣ ходить за ними какъ-можно-лучше.

— Жанна, сказалъ въ свою очередь Гильйомъ: — ты въ этомъ несчастіи ничего не потеряла. Я обещаю тебѣ все выстроить.

— Какъ вамъ угодно, крѣстный, но это не стоить труда, право! Мнѣ немного нужно, чтобъ жить, и такъ-какъ матушки моей не будетъ со мной въ этомъ домѣ, то по мнѣ ужь лучше, чтобъ его не было.

Жанна ни на одну минуту не показала, чтобъ работилась лично о себѣ. Всѣ бывшіе тутъ вздыхали по ней и плакали надъ развалинами ея дома, — не плакала только она одна.

— У меня есть еще утѣшеніе въ моемъ несчастіи, говорила она: — столько достойныхъ людей трудились за меня, и я увѣрена теперь, что матушка будетъ зарыта какъ христіанка, на кладбищѣ,

вмѣстѣ съ своимъ бѣднымъ отцомъ и своими братьями и сестрами, которые лежать тамъ.

Между-тѣмъ, Марсилья и добрые товарищи его успѣли отрезать огонь. Но случай, котораго они не могли предвидѣть, сдѣлалъ безполезнымъ ихъ усердіе. Стѣнка, находившаяся между комнатою усопшей и хлѣбами, обгорѣвшая отъ огня, начала такъ чувствительно клониться на нихъ, что они должны были покинуть свое намѣреніе, и черезъ нѣсколько минутъ эта большая голая стѣна, длинная поперечныхъ столбовъ, которые столько лѣтъ поддерживали ее, обрушилась на хлѣбы, проломилась крыша и дала проходъ новымъ потокамъ пламени, которые вскорѣ истребили остатки этого хилаго обиталища.

Пока Большая-Гота надѣялась спасти зерновой хлѣбъ и сѣно, находившіеся въ этой части дома и принадлежавшіе собственно ей, она сохраняла много смелости и присутствія духа; но когда увидѣла, что горитъ ея хлѣбъ, она потерялась, разразилась въ проклятіяхъ на небо и людей, и хотѣла кинуться въ огонь, чтобъ погнѣнуть вмѣстѣ съ своими запасами. Только сила и гнѣвъ Марсилья могли отъ этого удержать ее. Въ бывшіе тутъ охотно допустили бы ее до этого, полагая, что она не сгоритъ въ огнѣ, и что дьяволъ всегда спасетъ такую злую колдунью, на зло добрымъ христіанамъ.

— Это Божіе правосудіе, говорили они: — что небесный огонь упалъ на домъ такой женщины. Пока въ немъ жила сестра ея, наказаніе откладывалось. Но посмотрите, какъ это случилось: Тюла умерла, Жанна ушла — и вдругъ домъ загорѣлся: спасли скотъ Жанны; къ-тому же, она нашла господъ изъ замка (семейство Буссакъ), которые вознаградятъ ей всѣ убытки. Бьюсь объ закладъ, что они выстроятъ ей домъ лучше этого. А старая-то колдунья пойдетъ просить милостыню, и Богъ будетъ *отомщенъ*, и прихожане избавятся отъ злодѣйки.

Жанна, слыша издали крики своей тѣтки, просила Кадѣ поберечь тѣло ея матери и пошла утѣшать ее.

— Еще нѣтъ большого худа, тѣтушка, сказала она ей: — мой крѣстный хочетъ сдѣлать мнѣ добро, и я отдамъ вамъ все, что вы потеряли.

— Молчи, полоумная! вскричала разъяренная мегера. — Никто никогда не сдѣлаетъ тебя добра; ты очень могла бы принести счастье въ домъ матери, однакожь не сдѣлала этого. Нѣтъ, нѣтъ! Я тебя знаю, поди! Твой крѣстный не дастъ тебя больше другимъ, потому-что ты удовлетворишь его не больше, какъ и другихъ. Ты дѣвушка безъ сердца, безъ всякой заботливости!

— Говорю вамъ, тѣтушка, отвѣчала Жанна, непонимавшая

трусныхъ намековъ тѣткѣ:—что крѣстный уже сдѣлалъ мнѣ добро! Ахъ, Боже мой! еслибъ со мной было все то, что онъ далъ мнѣ въ Туллѣ, я бы васъ сейчасъ же утѣшила...

И Жанна принялась искать въ карманахъ денегъ, которыя далъ ей Гильйомъ, и о которыхъ она до этой минуты вовсе не думала.

— Онъ далъ тебѣ что-нибудь? вскричала тѣтка:—сколько онъ далъ тебѣ? куда ты ихъ положила? Ты ихъ потеряла! Ты ихъ кинула въ пещеру фадъ!..

— Вотъ, вотъ онъ, тѣтушка, сказала Жанна, навелъ деньги, которыя она завернула въ бумагу и обвязала своими четками:—возьмите, ахъ... возьмите ихъ поскорѣй! Это немножко вознаградитъ вамъ вашу потерю.

И, видя, что тѣтка ея нѣсколько успокоилась, она возвратилась къ своей матери.

— Должно быть Жанна очень-глупа! говорили соседи:—когда отдастъ такимъ образомъ все, что имѣеть, женщины, по милости которой упалъ небесный огонь на домъ ея. Я-такъ, право, не оставилъ бы ей и платья, которое на ней надѣте, потому-что мнѣ кажется, она его украла.

— А почему жъ она, зная столько секретовъ, не остановила огня?

— Гота? Развѣ онѣ могутъ дѣлать добро, женщины такого рода? Онѣ знаютъ только на зло.

— Все равно, его также не остановила и Жанна.

— Она этого не хотѣла; вы очень-хорошо видѣли, что она не хотѣла! Она знала, что это Божье правосудіе; она вынесла трупъ своей матери: что хотѣла, то и сдѣлала. Видѣ вы всё это хорошо видѣли.

Было около полуночи; отъ хижины осталась только гряда дымившихся развалинъ. Когда нѣчего было больше спасать, употребили около часа на то, чтобъ устроить цѣпь и загасить пламя. Работа цѣпью была для молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей, незнавшихъ этого способа подавать помощь, совершенно-новой забавой, и остроты и хохотъ окончили эту драму, начатую криками ужаса и воплями. Наконецъ, всѣмъ пришли на мысль работы, которыя начинаются съ разсѣтомъ и не допускаютъ долгихъ бдѣній, и всѣ разсѣлись. Большая-Гота, думавшая, по щедрости Жанны, что она предоставитъ ей получить въ наследство скотъ, быстро собрала его и исчезла—никто не могъ сказать по какой дорогѣ. Въ сгорѣвшей хижинѣ не оставалось уголка, въ который можно было бы положить мертвое тѣло. Къ-тому же, Жанна уносно хотѣла оставить его на друндскомъ камнѣ, увѣряя, что *тутъ ему хорошо*, и не хотѣла, не смотря на всѣ убѣжденія, стойдти отъ него, чтобъ от-

дойнуть. Священникъ, Гильюмъ, Марсилья и Кадэ, не могли отъ-
вратить ее отъ этого намѣренія, рѣшились сами остаться около нея
и не прежде оставить ее, какъ она будетъ расположена сама подумать
о своемъ существованіи и принять отъ нихъ помощь и совѣты.

Время слѣдодось тихо и ясно; въ небѣ блистада луна, и ея голубоватый свѣтъ, озаряя остатки разрушенныхъ стѣнъ хижины, составлялъ контрастъ съ красными огоньками, еще мелькавшими надъ очага несовсѣмъ-потухшаго. Ночь была свѣжа. Марсилья, обдѣтый цѣтомъ послѣ своей пожарной работы, дрожалъ около груды мокрой соломы, роясь въ ней посредствомъ своего топора, чтобъ отгнѣсать немного огня, котораго, какъ онъ говорилъ, у него недавно было слишкомъ-много, а теперъ не было вовсе. Измученный Кадэ, совершенно подчиняясь законной привычкѣ ко сну, прислонился къ остаткамъ еще-теплой стѣны и крѣпко заснулъ. Священникъ началъ молиться около Жанны, отдѣленный отъ нея однимъ камнемъ, на которомъ лежала усопшая. Эпнельская пастушка погрузилась въ ту созерцательную неподвижность, въ которой Гильюмъ увидѣлъ ее въ первый разъ утромъ. Когда, въ часъ ночи, звезда Бувье склонилась къ тульской колокольнѣ, священникъ задремалъ на молитвѣ, а Марсилья заснулъ почти такъ же крѣпко, какъ и Кадэ. Гильюмъ, котораго молодое воображеніе было больше всѣхъ другихъ поражено непредвидѣнными впечатлѣніями этого дня, одинъ не смыкалъ глазъ и тихими шагами, какъ бѣдный часовой, ходилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ эпнельской дѣвственницы. Время-отъ-времени, онъ останавливался и глядѣлъ на нее съ волненіемъ. Можеть-быть, она заснула въ томъ положеніи, въ какомъ молилась. Ея сѣрая мантия, капишонъ которой былъ опущенъ на лицо, въ знакъ траура, давалъ ей, при лунномъ свѣтѣ, видъ тѣни; священникъ, одѣтый весь въ черное, и мертвое тѣло, завернутое въ бѣлый саванъ, составляли вмѣстѣ съ нею мрачную картину. Время-отъ-времени, огонь, таившійся въ грудѣ осколковъ, производилъ, въ маломъ видѣ, родъ вулканическихъ изверженій. Онъ прорывался съ легкимъ ударомъ, далеко бросалъ почернѣлую солому, подъ которой скрывался и подымался огненными брызгами, чтобъ черезъ нѣсколько минутъ погаснуть. Тогда это бѣглое пламя приводило, по-видимому, въ движеніе всѣ предметы. Мертвая, казалась, двигалась на своемъ камнѣ, и Жанна слѣдовала за всѣми ея движеніями, качивая послѣдній сонъ ея. Вдали слышны были ржаніе нѣсколькихъ лошадей, пасшихся на лугахъ, и лай собакъ на мызахъ. Зеленая болотная лягушка монотонно квакала, и въ этихъ голосахъ, равнодушныхъ къ людскимъ гореетямъ и волненіямъ, страннаго всего было пѣніе запечныхъ сверчковъ, этихъ неслыханныхъ хвостовъ домашняго очага, которые, радуясь теплотѣ

кащей, бѣгали по развалинамъ своего жилища, громко перемалывалась посреди безмолвной и звучной ночи.

Вдругъ Жанна тихо встала и пошла на встрѣчу Гильйому, который также приближался къ ней.

— Крѣстный, сказала она ему: — надобно, чтобъ священникъ дождалъ снѣть. Я увѣрена, что онъ озябъ и чувствуетъ сырость, хотя я уже нѣсколько разъ говорила ему, чтобъ онъ шелъ домой. Если онъ занеможетъ, это будетъ слишкомъ-большое несчастье для его прихожанъ: онъ очень-хорошій человекъ. И вы также, крѣстный, занеможете отъ всего этого. Вамъ надо уйти съ священникомъ.

— Жанна, сказалъ Гильйомъ: — такъ ты хочешь остаться подъ надзоромъ г. Марсиля?

— Развѣ онъ адѣсь, г. Марсиля? Я этого не знала, крѣстный.

— А теперь, когда ты это знаешь, хочешь ли ты, чтобъ я удалился?

— Надобно и его взять съ собою, крѣстный. Только бы остался со мной Кадэ, чтобъ отгонять вѣрой отъ этого бѣднаго тѣла; вотъ все, что мнѣ нужно.

— Но твой пріятель Кадэ спать, какъ на своей постели, моя добрая Жанна; отсюда слышно, какъ онъ храпитъ.

— Я его разбуджу, если будетъ нужно, крѣстный.

— Такъ ты хочешь, чтобъ я ушелъ?

— О, нѣтъ крѣстный. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы легли спать и были подъ кровомъ.

— А если я хочу остаться, Жанна? если мнѣ лучше около тебя в этомъ бѣдномъ тѣлѣ, которое охранять также и моя обязанность?

— Ну, крѣстный, такъ останьтесь, отвѣчала Жанна. — Я не знаю, что сказать вамъ, чтобъ заплатить вамъ за все это.

Священникъ спалъ въ-самомъ-дѣлѣ. Въ началѣ своего бдѣнія, онъ былъ нѣсколько взволнованъ присутствіемъ этой Жанны, дѣвственная фигура которой часто возвращалась къ нему въ мечтахъ. Но г. Аленъ, кроткое и набожное созданіе, не принадлежалъ къ числу тѣхъ пылкихъ натуръ, въ которыхъ естественное влеченіе и надежда на любовь производятъ страсть, и порождаютъ мысль о преступленіи. Это была натура ученаго, хотя онъ былъ и не очень-ученъ; ему не доставало среды, и добросовѣстное исполненіе благотворительныхъ обязанностей сельскаго священника не оставляло ему ни времени, ни денегъ для основательнаго изученія. Но въ немъ видны были добродушіе, спокойствіе духа, лѣтская и невинная радость, легкое забвеніе самого-себя и невинность поведенія, характеризующія человека, чистосердечно и навѣрно влюбленнаго въ науку. Жанна была ему истинно-дорога и въ

этомъ случаѣ онъ слѣдовалъ только естественному влеченію своего здраваго смысла и своихъ добрыхъ инстинктовъ, потому-что эта необразованная и довѣрчивая дѣвушка дѣйствительно была тѣмъ, чѣмъ называлъ онъ ее на своемъ мистическомъ языкѣ — «зеркаломъ чистоты и розой безъ пятнышка. Особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ Марсіалья ухаживалъ за пастушкой, священникъ чувствовалъ какой-то страхъ и негодованіе. Вотъ почему онъ такъ чистосердечно желалъ избавить ее отъ опасности, отправивъ въ замокъ Буссакъ; онъ такъ любилъ молодую дѣвушку, что не могъ не предпочесть ея спасенія собственному своему счастью, и такъ мало любилъ само-го-себя, что удовольствіе видѣть ее предпочиталъ горести видѣть ее павшею.

Внезапно пробужденный Жанной, которая дружески положила ему на плечо руку, онъ задрожалъ, но тотчасъ же успокоился и, уступая ея просьбамъ, грустя, что покидаетъ ее, но не умѣя ей противиться, онъ съ благородной довѣрчивостью согласился, чтобъ она осталась подъ охраненіемъ Гильюма, на котораго онъ смотрѣлъ какъ на молодаго праведника. Гильюмъ подвелъ ему его лошадь, которая паслась въ некоторомъ разстояніи, и добрый священникъ, поставивъ ногу въ стремя, нѣсколько разъ тихо повторилъ ему:

— Особенно, г. баронъ, не сдѣлайте такъ, какъ я,—не засните.

Потомъ онъ отправился мелкой рысью, и равномерный стукъ подковъ *Спроя* по галльской мостовой исчезъ въ отдаленіи, не разбудивъ Кадё отъ его летаргическаго сна. Что касается до Марсіалья, онъ уже не спалъ нѣсколько минутъ и, будучи въ такомъ положеніи, что могъ слѣдовать глазами за всѣмъ, происходившимъ вокругъ развалинъ хижины, рывился наблюдать за поведеніемъ и манерами своего молодаго соперника.

VIII.

Прачка.

Жанна тотчасъ возвратилась къ дольмену и Гильюмъ, видя, что она опять становится на колѣни на камень, пошелъ принести ей соломенную подушку изъ груды переломанной мебели, которую Большая-Гота спасла еще въ самомъ началѣ пожара.

— Вы ужъ слишкомъ-милостивы, крѣстный, сказала Жанна, удивленная такою внимательностью. — Моя бѣдная мать не дѣлала для меня больше того, что вы дѣлаете, право!

— Доброе и милое дитя мое, отвѣчалъ растроганный молодой человекъ: — мнѣ хотѣлось бы серьезно поговорить съ тобою, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ-силахъ ли ты меня выслушать?

— Крѣстный, это ваша воля. Впрочемъ, если для васъ лучше, чтобъ это было завтра, то и для меня будетъ удобнѣе завтра. Вотъ моя милая усоншая, за которую мнѣ должно молиться, и я думаю, что вѣроятно разговаривать около нея. Завтра, послѣ похоронъ, крѣстный, если вы хотите, чтобъ я говорила съ вами, намъ ничто не помѣшаетъ.

— Нѣтъ, Жанна, я именно хочу говорить съ тобою здѣсь, при тѣлѣ твоей матери и, такъ-сказать, въ ея присутствіи. Я хочу быть ея въ свидѣтели моихъ добрыхъ намѣреній, чистоты моихъ чувствъ къ тебѣ. Я хочу ей поклясться быть твоимъ другомъ, твоимъ защитникомъ, милая Жанна, и увѣренъ, что разговоръ нашъ не только не будетъ нечестивъ, но обрадуетъ душу ея, которая въ небесахъ.

— Вы такъ *хорошо* говорите, что я должна васъ слушать, крѣстный. Вы объ этомъ больше меня знаете, и я вамъ очень вѣрю.

— Такъ скажи мнѣ прежде всего, Жанна, что ты будешь имѣть ко мнѣ довѣренность и позволишь мнѣ одному заняться твоею участью. Я говорю одному... однако вмѣстѣ съ моей матерью, и преимущественно съ моей матерью.

— Я ничего не могу лучше дѣлать въ этомъ положеніи, какъ слушаться васъ, крѣстный. Именно матушка всегда говорила мнѣ, что ваша мать была очень-доброй женщиной, а вашъ покойный отецъ очень-справедливымъ человекомъ.

— И такъ, ты обѣщаешь слѣдовать только нашимъ совѣтамъ?

— Да, крѣстный, съ согласія господина священника, который также человекъ чрезвычайно-справедливый, и которому матушка очень приказывала мнѣ вѣрить.

— Съ согласія господина священника — такъ, но никого другаго тутъ не надо, ни даже твоей тѣтки...

Жанна съ минуту подумала, потомъ сказала:

— Ни даже моей тѣтки, крѣстный.

Въ эту самую ночь она поняла, что въ ея тѣткѣ есть одна страсть — жадность, и набожная душа ея возмущалась при мысли, что сестра ея матери оставила это обожаемое тѣло въ огнѣ, даже не подумала остаться при ней, чтобъ провести ночь во бдѣніи и молитвѣ.

— Благодарствуй, Жанна, благодарствуй! сказалъ Гильёмъ, взявъ ее за руку.

— За чтѣ вы благодарите меня, крѣстный?

— За то, что ты согласилась, чтобъ я была твоимъ руководителемъ и другомъ. Твоя мать слышала обещаніе твое, Жанна!

— Дай Богъ, чтобъ это было ей пріятно! отвѣчала Жанна, поцеловавъ край савана.—Теперь, крѣстный, что вы мнѣ посоветуете?

— Перейдти жить въ Буссакъ, въ домъ моей матери, если мать моя пригласитъ тебя, въ чемъ я совершенно увѣренъ.

— Для того ли это, чтобъ ей служить, крѣстный? Думаете ли вы, что она имѣетъ во мнѣ нужду, ваша матушка?

— Нѣтъ, Жанна, я не думаю, чтобъ она имѣла въ тебѣ нужду, но...

— Въ такомъ случаѣ, крѣстный, извините меня; я не хотѣла бы жить въ городѣ.

— Такъ ты любишь только деревню?

— Я никогда не бывала въ городѣ, крѣстный, то-есть, я тамъ родилась; но съ-тѣхъ-поръ, какъ меня увезли оттуда пятнадцатую, я ни разу тамъ не бывала, такъ же, какъ и матушка.

— Почему же?

— Не знаю, крѣстный. Кажется, матушка терпѣла горе въ этомъ мѣстѣ; она всегда говорила мнѣ: «Жанна, нехорошо покидать свой домъ, да! повѣрь мнѣ, когда ты будешь хозяйкой...»

— Но теперь, моя бѣдная Жанна, у тебя нѣтъ ни семейства, ни дома.

— Это правда! сказала Жанна, глядя на тѣло своей матери.

Потомъ она оборотилась къ развалинамъ своей хижины, и въ первый разъ почувствовала все, что есть ужаснаго, когда видишь разрушеніе крова, подъ которымъ провелъ всю жизнь свою.

— Это правда, повторила она измѣнившимся голосомъ:— я объ этомъ не подумала, объ этомъ бѣдномъ домѣ, къ которому я такъ привыкла, въ которомъ я каждый вечеръ и каждое утро видѣла мать свою, гдѣ спала рядомъ съ нею, гдѣ слышала, какъ во-звѣли и блеяли мои козы, пока я засыпала... Да, правда, все это кончено. Тогда я была всегдѣ этимъ довольна; мнѣ казалось, что я не въ состояніи буду спать тамъ, когда тамъ не будетъ моей матери. Теперь мнѣ кажется, что я была бы рада увидать ея постель, коммодъ ея, ея большое деревянное кресло, самонряку ея и пѣуду, которую она такъ-хорошо мыла и приводила въ порядокъ. Они отчасти спасли движимость; но вмѣсто, гдѣ все это обыкновенно стояло, но руна, которая этимъ расперяжалась... голосъ, который разговаривалъ въ этой комнатѣ, и на самомъ разсвѣтѣ говорилъ: «Жанна, ну, Жанна, ну, моя милочка! ласточки проснулись, пора вставать молодымъ дѣвушкамъ». И вечеромъ, когда я возвращалась съ поля: «Такъ вотъ она, Жанна? Такъ волки не съѣли ея?» И потомъ, все трое садились мы ужинать, крѣстный,

и тѣтка моя всегда сердилась, а матушка никогда не сердилась. Она смѣялась, рассказывала сказки, пѣла пѣсни, и потому смѣшила тѣтку и меня также; нельзя было не смѣяться! Это не потому, крѣстный, чтобъ я именно любила смѣяться: она мнѣ всегда говорила, что у меня не будетъ никогда столько ума, какъ у нея. «Но это ничего» говорила она: «я люблю тебя, какъ ты ешь, моя Жанна. Господь-Богъ дамъ мнѣ тебя такою. А что сдѣлалъ Господь-Богъ, то для меня хорошо». О! эта женщина справедлива, крѣстный! нѣтъ другой такой, какъ она. Что бы ей ни наговорили обо мнѣ, она не повѣритъ. Она скажетъ имъ...

Жанна быстро обернулась къ своей матери; она говорила какъ-бы во снѣ, и вдругъ, въ то время, какъ совершенно забыла, что говорить о прошломъ, взглянула на трупъ, слова замерли на устахъ ея и она съ долгими рыданіями кинулась на трупъ своей матери. Это была съ ея стороны единственная минута ропота и слабости.

Наявная рѣчь Жанны, простота картинъ, котѣрыя она описывала, не уничтожили въ молодомъ баронѣ удивленія, которое она возбудила въ немъ въ этотъ несчастный вечеръ. Тонъ, котѣрымъ говорила Жанна, исходилъ прямо отъ горячаго и правдиваго сердца; голосъ ея былъ протокъ, какъ голосъ источника, рокотавашаго подъ травою, въ двухъ шагахъ отъ нея; ея крестьянское прозвищеніе не шло въ себя ничего грубаго или тривіальнаго. Подъ этими первобытными формами видно было природное величіе ея натуры. Гильёмъ понялъ это, а слова Жанны такъ глубоко растрогали его, что отъ замысла следами.

— Ахъ, крѣстный! сказала Жанна, вставая и грубо вытирая себѣ глаза, какъ-бы для того, чтобъ воротить назадъ свои слезы:— я огорчила васъ, простите меня.

— О чемъ они могутъ разговаривать такъ долго? думалъ Марсиаль, котѣрый стоялъ такъ близко, что могъ ихъ видѣть, но не могъ ихъ слышать, тѣмъ болѣе, что ни тотъ ни другой не возвышалъ голоса, удерживаемые инстинктивнымъ уваженіемъ, котѣрое внушаетъ присутствіе мертваго. Когда легкое облачко проходило передъ луною, эта группа, состоявшая изъ мертвеца и двухъ молодыхъ людей, въ проніцательныхъ глазахъ Леона блѣднѣла и отчасти смѣшивалась съ окружающими ее друидскими камнями.

— Не-уже-ли, говорилъ онъ самъ-себѣ:—этотъ мальчикъ, по-видимому столь религіозный, будетъ въ состояніи говорить ей о любви подлѣ трупа ея матери? Я на это не могъ бы рѣшиться. Я не имѣлъ столько дерзости, чтобъ сказать хотя одно слово этой блѣдой дѣвушкѣ въ нынѣшній вечеръ! Но мнѣ кажется, господинъ Гильёмъ не хочетъ ждать, пока мертвую зарокуютъ въ землю, и намѣренъ, натолковавъ кой-чего дѣвушкѣ, завербовать ее. Хорошо,

мой милый, хорошо! все это, надюсь, ограничится одними прекрасными фразами—тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе, что я не буду терять тебя изъ виду, и что прекрасныя фразы — монета, которая не въ ходу у нашихъ дѣвушекъ. Ужъ не чаетъ ли онъ вмѣстѣ съ ней *oremus*? Право, онъ къ этому очень-способенъ... Да, эти юные дворяне просто лицеѣры, и я не позволю господчику одурачить себя. Еслибъ этотъ негодяй не хралъ такъ, что того-и-глади повалить на насъ остатки этихъ стѣнъ, — можетъ-быть, я что-нибудь услышалъ бы.

— Господинъ Леонаръ! сказалъ онъ, трясъ Каде́, чтобъ разбудить его:—вы слишкомъ-крѣпко спите, вы разбудите цѣлую артель. — Онъ ударилъ его раза четыре кулакомъ, чтобъ разбудить.

— Постой, постой! сказалъ Каде́, распростирая руки и открывая огромнаго размѣра ротъ:—я тебѣ дамъ колотить по моей спи-нѣ! Кто это такъ надо мной потѣшается? Ахъ, это вы, господинъ Леонъ! Вотъ, шутникъ-то, право! Ну, да все равно, вы меня со-всѣмъ разбудили!

— Вставай же, дурачина! Ты упадешь въ ложбину, гдѣ стояла постель.

— Хе! постель! она очень-хороша, постель? Ахъ, какъ вы смѣ-шите! Вы самый любезный человѣкъ, какого я когда-либо зна-валъ!

— Ну, вставай же, мой миленькій Каде́! ты видишь, что Жанна простужается тамъ, сторожа эту мертвую.

— Такъ она все тамъ, Жанна-то? О, какая она добрая христіан-ка! Это самая добрая дѣвушка, которую я когда-либо знавалъ!

— Ну, ну, зналъ или нѣтъ, пойдемъ со мной и скажемъ ей, чтобъ она пошла немного погрѣться.

— Я пойду, сейчасъ пойду, потому-что вы правы, господинъ Леонъ.

Приближеніе Марсилья было очень-непріятно Гильйому; но Жанна была къ этому равнодушна и даже поблагодарила его, какъ могла учтиво, за то, что онъ такъ старался спасти ихъ домъ и для нея рѣшился такъ дурно провести ночь.

— Не обращай на насъ вниманія, Жанна! отвѣчалъ Леонъ, недумавшій, чтобъ г. де-Буссаку были такъ-хорошо извѣстны его намѣренія и старавшійся показать передъ нимъ, что видитъ въ Жан-нѣ только несчастную дѣвушку, которой надобно помочь въ на-стоящемъ случаѣ. — Мы все трое, не покидая тебя, исполняемъ свой долгъ; но твой крѣстный и ты вѣроятно озябли; мы смѣнимъ васъ на некоторое время. Подойди къ огню, который тамъ еще довольно-хорошо горитъ и оставь насъ здѣсь, на твоемъ мѣстѣ.

Говоря это, Марсилья намѣревался черезъ минуту оставить Каде́

одного около мертвого тѣла и воротится къ огню, чтобъ прервать слишкомъ-продолжительное одиночество крестнаго отца и его крестницы. Но онъ наврасно такъ рассчитывалъ: Кадё совсѣмъ не хотѣлъ оставаться наединѣ съ мертвымъ тѣломъ. Хотя въ качествѣ ученика пономаря-гробокопателя, онъ уже былъ на многихъ похоронахъ, но никогда не исполнялъ своихъ обязанностей одинъ и далеко не раздѣлялъ невѣрія своего отца, и потому показывалъ мало желанія занять мѣсто, которое приходилось ему по наследству. Къ-тому же, Жанна не могла положиться на Марсилья, котораго считала безбожникомъ и насмѣшникомъ, не могла допустить его помогать, какъ она говорила, душѣ ея матери молитвами. Она согласилась только, и то для своего крестнаго, чтобъ услужливый Кадё принесъ нѣсколько толстыхъ горящихъ головней и развелъ огонь около дольмена.

Раздувая свои толстыя скулы, чтобъ развести огонь, Кадё остановился, и сталъ прислушиваться; потомъ, ничего явственно не услышавъ, продолжалъ свое дѣло, говоря:

— Ты думаешь, Жанна, что хорошо разводить огонь на этомъ мѣстѣ?

— Что ты хочешь сказать? спросилъ Марсилья.

— Да такъ! возразилъ Кадё: — говорятъ, что это очень-дурное мѣсто для фадъ!

— Молчи, Кадё, не говори объ этомъ! сказала ему Жанна, подошедшая къ огню, чтобъ нагрѣть свои сабо (*). Ты очень-хорошо знаешь, что глупо бояться фадъ; впрочемъ, онѣ не злы съ длинными мветь.

— Это не глупости, Жанна, вскричалъ Кадё, блѣднѣя.—Молчи; слышишь?

— Я слышу что-то, какъ-будто стукъ валька прачки! сказала Жанна.

— Что? я вѣдь говорилъ тебѣ! вотъ оно и есть! Это прачка! Видишь ли, въ томъ и ошибка, что мы развели огонь!

И Кадё, дрожа отъ страха, отошелъ къ Марсилья, который также слушалъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Чему вы такъ удивляетесь? сказалъ, подойдя къ нимъ, Гильфонъ.

— Ничего, крестный, сказала Жанна, нѣсколько поблѣднѣвъ:—это злой духъ, который хотѣлъ бы удалить насъ. Но этотъ камень—*хорошій камень*, и, молясь, я ничего не боюсь.

(*) Для этого наполняютъ внутренность сабо (деревянные башмаки) горячею золою и мелкими угольями, которые высыпаютъ черезъ нѣсколько минутъ. Дерево очень-долго сохраняетъ потомъ теплоту.

Жанна поспѣшно надѣла свои сабо и стала на колѣни около мертвого тѣла.

— Однако, я, кажется, не брежу? сказалъ Леонъ, продолжавшій слушать.— Гильйомъ, слышите вы стукъ вальки на ручьѣ?

— Разумѣете! Но что вы находите въ этомъ необыкновеннаго?

— Такъ вы не знаете легенды о ночныхъ прачкахъ — объ этихъ фантастическихъ существахъ, которыя при свѣтѣ луны берутъ доски и вальки, оставленные въ уединенныхъ мѣстахъ прачкини, и приходятъ съ ними на водяной шабашъ особеннаго рода?

— Да, это повѣрье существуетъ во всѣхъ странахъ: оно объясняется прихотью или необходимостью какой-нибудь настоящей прачки.

— Это не такъ-легко объяснить, какъ вы думаете. Въ здѣшней сторонѣ я не знаю женщины, которая была бы такъ смѣла, чтобъ рѣшилась молоскать бѣлье послѣ солнечнаго заката, не опасаясь привлечь къ себѣ грозную толпу прачекъ. Не правда ли, Кадѣ?

— О! настоящая истина, г. Леонъ! Вотъ и ошибка! это самая страшная ночь, какую только я провелъ безъ сна!

И бѣдный Кадѣ, зубы котораго стучали отъ страха, сталъ на четвереньки позади Жанны и поспѣшно перекрестился нѣсколько разъ.

— Если тутъ въ-самомъ-дѣлѣ есть что-нибудь необыкновенное, сказалъ Гильйомъ:— то надобно мнѣ повѣрить.

— Пойдите! сказалъ Марсиаль, отправляясь за топоромъ плотника:— это можетъ-быть какой-нибудь мерзавецъ съ дурными намереніями.

Пока Леонъ бѣгалъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ оставилъ топора, Гильйомъ открылъ охотничій ножъ, которымъ запасся на дорогу, слушалъ явственный и сухой стукъ вальки, который время отъ времени пріостанавливался и черезъ минуту, начинаясь снова, казалось приближался, какъ-будто прачка сдѣлала шагъ или два нѣже по теченію ручья, протекавшаго съ горы по направленію къ камнямъ Эп-Нелля.

— Ты не бойшься со мной, Жанна? сказалъ Гильйомъ своей крестницѣ, которая встала и взяла его за руку.

— Не ходите туда, крѣстный, сказала Жанна, которой смѣлость была такъ больше, что она вѣрила въ существованіе фантастической прачки:— эти вещи можно прогнать только молитвами.

— Молись за насъ, добрая Жанна! сказалъ Гильйомъ улыбаясь. — Это должно быть не больше, какъ алая шутка со стороны чело-вѣка, которому вѣрно неизвѣстны тяготыющія на тебѣ несчастія. Но не безпокойся: насъ трое... Кадѣ, ты, вѣдь, пойдешь съ нами!

— Нить, сударь, нить! сказалъ Кадé, показывая видъ, что хочетъ бѣжать. — Я не пойду.

— Ты боишься, негодай?

— Я не боюсь, сударь; но рѣжьте меня на куски, не пойду. У меня вовсе нтъ охоты быть выколоскану, выколочену и выкручену, какъ бѣлье, ночью и потомъ утоплену утромъ.

— Безполезно приглашать къ намъ на помощь г. Кадé, сказалъ Марсилья, который возвратился, махая топоромъ. — Довольно насъ двонхъ, Гильюмъ.

И онъ быстро пошелъ по тому направленію, откуда слышался шумъ.

— Даже слишкомъ, отвѣчалъ Гильюмъ, стараясь перетнать его. — Если это женщина, въ чемъ я почти увѣренъ, то наша вооруженная экспедиція чрезвычайно-смыслна.

Говоря эти слова, Гильюмъ обогнулъ скалу, скрывающую отъ него источникъ, и увидѣлъ родъ бухты, освѣщенной кивами и берегами и служившей мѣстомъ для полесканья бывша окрестнымъ женщинамъ: подъ этими деревьями видѣлась неопредѣленная фигура, казавшаяся женщиной, одвтой какъ одвваются старухи; она поспѣшно колотила своимъ валькомъ и вполголоса говорила сама-съ-собою чрезвычайно-быстро и невнятно, какъ-бы въ какомъ-то изступленіи.

— Ты очень-поздно идешь, тѣтя! сказалъ ей вдругъ Марсилья, довольно-быстро подошедшій къ ней, но немогшій разглядѣть лица ея.

Праща испустила родъ рева, словно дикій звѣрь, и, кинувъ въ воду валежъ, поднялась, поспѣшно нахватала камней и побѣжала, бросая ихъ въ любопытныхъ, прервавшихъ ея занятіе. Марсилья кинулся за нею, но видя, что она опережаетъ его почти съ фантастической быстротой и направляется къ трясинѣ, которой онъ весьма-основательно опасался, онъ обернулся, чтобъ посмотреть, слѣдуетъ ли за нимъ Гильюмъ, и увидѣлъ, что пріятель лежитъ на землѣ безъ всякаго движенія.

Одинъ изъ камней довольно-сильно ударилъ его въ голову. Кольрежъ его дорезной фуражки ослабилъ ударъ и крови не было видно; но сотрясеніе было такъ сильно, что молодой человѣкъ потерялъ память. Вскорѣ, при помощи Леона, онъ всталъ, но, получивъ возможность дѣйствовать своими членами, не могъ владѣть своими способностями и очнулся на постели тульскаго священника, около двухъ часовъ по полудни, не чувствуя себя совершенно-больнымъ, но и не будучи въ состояніи припомнить того, что съ нимъ происходило послѣ несчастной встрѣчи его съ ночной прачкой. Около него былъ одинъ Кадé, и больной полагаеъ, что онъ

еще бредить, слыша изъ дома унылое, какъ-будто погребальное пѣніе.

IX.

ПРОЩАНІЕ СЪ ДЕРЕВНЕЮ.

Гильйома привезъ сынъ Леонара: онъ же сторожилъ его пробу-жденіе, и онъ же объяснилъ, какъ онъ привезъ его изъ Эп-Недла и помѣстилъ у священника. Гильйомъ съ трудомъ могъ объяснить себѣ родъ воспаленія въ мозгу, лишившаго его на время дѣйствія мысли. Теперь онъ чувствовалъ только нѣкоторую слабость и головокруженіе. Онъ всталъ, думая, что отдѣлался небольшою шишкою на лбу и съ радостію говорилъ себѣ, что волосы скреютъ это происшествіе отъ матери. Пока онъ одѣвался, Кадѣ, которому приказано было ходить за нимъ, имѣвшій добрѣйшее сердце, отпра-вился для него за стаканомъ вина; Гильйомъ собирался на кладбище, чтобъ быть на погребеніи своей кормилицы, какъ увидѣлъ священника, возвращавшагося съ своимъ пономаремъ въ сопровожденіи семейства покойной и лицъ, принимавшихъ участіе въ церемоніи. Жанна шла послѣдняя, убитая горемъ, едва нереступая, закрывъ лицо капюшономъ и опираясь на Ліеди, которая, какъ дѣйствительно добрая дѣвушка, плакала отъ всего сердца. Однако Жанна подошла къ молодому барону и спросила его о здо-ровьѣ съ заботливостію, живо тронувшею его въ такую минуту. Онъ взялъ ее за руку и ввелъ въ кухню священника, гдѣ она упала на ступль блѣдная и бездыханная. Ему казалось, что она во второй разъ лишилась матери.

Но пришла Большая-Гота съ своей мужской походкой и гу-скимъ тономъ и не дала ей времени предаться горести.

— Ну, Жанна! сказала она: — надобно поблагодарить родныхъ и друзей, которые шли за похоронами весьма-честно, хотя и знали, что намъ домъ сгорѣлъ и что намъ нельзя угостить ихъ по возвращеніи съ кладбища. Извинись передъ ними и поблагодари ихъ. Ну, ступай же; это твое дѣло, твоя обязанность, а не моя.

Жанна встала и поблагодарила присутствовавшихъ, которые ве-шли въ кухню священника. Всѣ показывали ей большіе знаки дру-жбы, и Гильйомъ замѣтилъ, что многіе изъ нихъ говорили языкомъ привѣдательнымъ, исполненнымъ благородной простоты.

— Ну, Жанна, говорили ей нѣкоторые изъ стариковъ: — ты можешь приходить къ намъ когда захочешь. Тебѣ стѣитъ только

захотеть, мы всё очень будем довольны помѣстить тебя у себя и кормить какъ только можемъ.

— Благодарю васъ, добрые люди, отвѣчала Жанна:—но я знаю, что вы сами бѣдны, имѣете большія семейства, и мнѣ совѣстно будетъ обременять васъ собою. Я молода; мнѣ еще не надоѣла работа, и я рѣшилась наняться на какой-нибудь фермъ.

— Но Ивановъ - день прошелъ, а мартиновъ еще не наступалъ, Жанна! До-тѣхъ-поръ надобно гдѣ-нибудь жить.

— Успокойтесь, друзья мои, сказалъ Гильюмъ: — священникъ и мать моя, госпожа де-Буссакъ, пріймутъ на себя заботу устроить Жанну приличнымъ образомъ.

— Слава Богу! сказалъ двоюродный дядя, который говорилъ за прочихъ: — если госпожа де-Буссакъ беретъ это на себя, мы довольны.

Всѣ удалились, подаловавъ рыдавшую Жанну; вошелъ священникъ, за нимъ Марсилья. Большая-Гота стояла съ человѣкомъ весьма-дурной наружности, кидавшимъ вокругъ яростные взгляды; этотъ человѣкъ удивилъ Гильюма тѣмъ, что упорно не снималъ шляпы къ то время, какъ всѣ стояли передъ священникомъ съ открытыми головами.

— Теперь, Жанна, сказала ей тѣтка: — тебѣ должно проститься съ г. священникомъ и съ твоимъ крѣстнымъ; а потомъ, моя милочка, ты пойдешь со мною, потому-что ты нужна мнѣ.

— Нѣтъ, тѣтушка, отвѣчала Жанна съ твердостью, которой Гильюмъ не ожидалъ отъ ея проткаго и доверчиваго характера:—я не пойду съ вами. Я знаю, чего вы отъ меня хотите, и не могу васъ послушаться.

— Какъ, несчастная! вскричала Гота, возвышая голосъ:—ты больше не хочешь слушаться своей тѣтки, которая тебя воспитала, не хочешь слушаться своей ближайшей родственницы, которая въ эту ночь потеряла все, что у ней было въ твоемъ домѣ, которая должна будетъ просить милостыни съ мѣшкомъ за плечами и у которой нѣтъ даже хлѣба, гдѣ бы она могла прійтись.

— Послушайте, тѣтушка, отвѣчала Жанна:— вы уже выбрали себѣ мѣсто для житья. Нынѣшней ночью я отдала вамъ деньги, которые подарилъ мнѣ крѣстный. Нынѣшнимъ утромъ я сказала вамъ, что оставляю вамъ все, что только было спасено изъ движимости, и все стадо... Я беру себѣ только платье, которое на мнѣ.

— А кто же будетъ гонять въ поле стадо? Кто будетъ пасти его до-тѣхъ-поръ, пока можно будетъ отправить его на ярмарку?

— Вы, тѣтушка; вы еще такъ молоды и крѣпки, что можете

ходить въ поле, и вы всегда гоняли туда сами свою козу, которую не хотѣли мнѣ повѣрить.

— Жанна говоритъ правду, сказалъ священникъ: — вамъ нужны ея услуги, и она сдѣлала для васъ больше, нежели сколько могла, можетъ быть больше, нежели сколько была обязана. Она совершеннолѣтняя, и вы не имѣете надъ ней никакого права: такъ оставьте ее свободно располагать своими поступками.

— Такъ она меня оставляетъ! вскричала тѣтка, ругаясь, визжа, крича и показывая видъ, что она въ отчаяніи:—она, ребенокъ, котораго я воспитывала, котораго я забавляла и носила въ поле, когда она была не выше моего сабо! Дѣвушка, для которой я пожертвовала бы собою, для которой я не вышла замужъ, чтобъ оставить ей послѣ себя наследство?

— Выходите замужъ, выходите замужъ, если васъ влечетъ сердце, тѣтушка, съ кротостію сказала Жанна.—Я никогда не слыхала, чтобъ вы лишили себя этого для меня.

— То-то же! да, я выйду замужъ! У меня еще есть кой-какое имѣніе, да! и тебѣ не быть наследницей... я завѣщаю все моему мужу.

— Ну, выходи замужъ и завѣщай кому хочешь, сказалъ священникъ, пожимая плечами.

— Все-таки это ужасно, ворчала мегера:—быть такъ покинутой! Ахъ, еслибъ это предвидѣла моя бѣдная сестра, Жанна, она на смертномъ одрѣ отказала бы тебѣ въ благословеніи!

Эти жестокия слова произвели на Жанну глубокое впечатлѣніе. Она задрожала, остановилась, сдѣлала движеніе, чтобъ кинуться впередъ тѣткой на колѣни, чтобъ успокоить ее; но, встрѣтивъ мрачное лицо мужчины, который стоялъ за нею, въ глубинѣхъ камина, остановилась.

— Послушайте, тѣтушка, сказала она:—еслибъ не сгорѣлъ мой домъ, я никогда не разсталась бы съ вами. Еслибъ у меня были средства выстроить себѣ новый, я позвала бы васъ жить со мной; но это невозможно. Вѣтъ мой крестный, который хочетъ вознаградить мои потери; но у меня есть причины, очень-важныя причины, чтобъ отказаться отъ помощи, которую хочетъ подать мнѣ крестный.

— Какія, Жанна? спросилъ Гильюмъ.

— Я вамъ скажу ихъ послѣ, крестный. Теперь я говорю тѣтушкѣ, что хочу наняться въ работу, — это моя обязанность; и если ей недостаточно того, что она имѣетъ, я буду отдавать ей деньги, которыя буду получать. Но идти за ней... этого никогда не будетъ, клянусь своимъ крещеніемъ!

— Ты видишь, тѣтка Гота, что это для меня она такъ клянетъ-

он, скарлатъ глумитъ и мрачнымъ голосомъ, кинувъ злобный взглядъ, человекъ, который до-тѣхъ-поръ стоялъ безмолвно и неподвижно въ углу очага.

— Я ничего не сказала противъ васъ, дядя Рагэ, отвѣчала Жанна:—но вы говорите про меня, что хотите, а я не пойду къ вамъ жить.

— Я всей силой буду этому противиться! вскричалъ священникъ, немогшій удержаться отъ жеста негодованія при видѣ мрачной фигуры Рагэ.

— Хорошо, г. аббатъ! отвѣчалъ Рагэ.—Иныхъ всегда обвиняютъ во всемъ злѣ, которое имъ дѣлаютъ; за то есть другіе, которые говорятъ какъ добрыя святые и которыхъ считаютъ очень-религовыми, тогда-накъ у нихъ мысли хуже, нежели у меня.

— Да, да, возразила мегера:—есть люди очень-скрытные, дядя Рагэ, и эти-то пробавляются всегда на счетъ другихъ.

Добрый священникъ поблѣднѣлъ отъ страха и негодованія. Гильюмъ подошелъ къ Рагэ и посмотрѣлъ ему въ лицо съ видомъ угрозы и презрѣнія; но тотъ не потушилъ глазъ. Казалось, это блѣдное и мрачное лицо неспособно было ни къ какому другому выраженію, кромѣ тихой и терпеливой злобы.

— Кого ты хочешь здѣсь обидѣть? сказалъ ему Гильюмъ, мѣряя его съ надменнымъ видомъ.

— Я съ вами не говорю, маленькій господинъ, отвѣчалъ крестьянинъ:—и почище васъ не могли напугать меня!

— Но ты выйдешь отсюда! вскричалъ Гильюмъ, вооружаясь кочергой, ибо ему показалось, что Рагэ сдѣлалъ движеніе, чтобъ вытащить оружіе изъ-подъ своей грязной и распахнутой куртки.

— Выйди? сказалъ Рагэ съ хладнокровіемъ благоразумія:—я не вижу ничего лучше; здѣсь не такая прекрасная компанія... Я говорю это не въ отношеніи къ г. Марсилья.

— Много чести, сказалъ Марсилья иронически. — Ну, Рагэ, иди и отправляйся. Ты знаешь, что ты у меня въ рукахъ! будь благоразуменъ... и иди, прибавилъ онъ насмѣшливымъ тономъ, на что Рагэ отвѣчалъ понятливою улыбкою.

— Да, да, пойдемъ отсюда, тѣтка Гота, сказалъ онъ, медленно ташась къ двери.—Довольно съ васъ, добрые люди! Безъ прощанья...

И онъ отправился не снявъ шляпы, а за нимъ отправилась тѣтка Жанна, сучившая кулаки и бормотавшая сквозь зубы ругательства.

— Мерзавцы! проговорилъ священникъ, когда они ушли.

— Подлая каналья! сказалъ Гильюмъ. — У этого человека наружность злодѣя.

— Потому-то онъ и не слишкомъ - страшень, съ легкостью сказалъ Марсилля.

— Ахъ, бѣдная Жанна! вскричалъ Кадэ:— все это слишкомъ для тебя худо. Дѣ, ты несчастна, что лишилась матери. Эти люди надлаиваютъ тебя зла.

— Не бойся, Кадэ, отвѣчала Жанна, утирая слезы и крѣстясь: — если есть противъ меня злые духи, то есть и добрые за меня.

— Дѣ, Жанна, дѣ! вскричали вмѣстѣ Гильйомъ и г. Аленъ:— у тебя есть друзья, которые не покинутъ тебя.

— О! я это очень-хорошо знаю! вы честные люди оба, отвѣчала Жанна, подавая каждому изъ нихъ руку.

Потомъ она прибавила съ ангельской чистотою, подавъ также руку и Марсилля:

— И вы также, г. Марсилля, вы не злой человекъ. Вы были очень-добры ко мнѣ. Вы влѣзли на мой домъ въ самый огонь; вы не спали всю ночь, помогая мнѣ стеречь тѣло моей бѣдной матери... И Кадэ также... онъ добрый малой. Всѣ были ко мнѣ добры. Это вѣсколько утѣшаетъ меня за тѣхъ, которые злы... и злы безъ причины.

Кадэ хотѣлъ было заплакать, но губы его, слѣдуя непобѣдимой привычкѣ, продолжали улыбаться. Марсилля былъ тронутъ признательностію Жанны, и къ его желаніямъ, не уменьшивъ ихъ силы, присоединился родъ привязанности, къ которой онъ былъ очень-способенъ. У него было доброе сердце и не строгая совѣсть. Онъ съ минуту подумалъ о средствѣ помирить свою страсть съ долгомъ честнаго человека, и слѣлка была подписана довольно-легкомысленно. Это былъ такой ловкій дѣловой человекъ!

— Теперь, сказалъ Гильйомъ, подходя къ Жаннѣ:— можешь ли ты сказать мнѣ, милое дитя, почему ты хочешь отнять у меня право заботиться о твоей жизни.

— Я этого не отнимаю у васъ, крѣстный. Вы посоветуете мнѣ, куда я должна удалиться, и если мнѣ понадобится найти кредитъ, чтобъ взять себѣ въ долгъ траурное платье, то позвольте мнѣ сослаться на васъ. Этого очень-довольно; я ничего не хочу больше.

— Мы это увидимъ, Жанна. Откуда у тебя такая гордость? Ты не довѣряешь мнѣ.

— О! не думайте этого, мой милый крѣстный, я неспособна къ этому! Но я скажу вамъ, у меня есть причины, чтобъ не брать вашихъ денегъ, причины, касающіяся и васъ и меня. Касательно васъ это то, что вы еще не знаете, позвольте ли вамъ все это ваша матушка, а у молодаго человека, какъ вы, рѣдко бываетъ больше денегъ, нежели сколько ему нужно.

— Кто тебя научилъ этому, Жанна?

— Г. Марсилья, которому эти вещи хорошо известны; но правда ли, г. Марсилья, нынѣшнимъ утромъ, передъ возвращеніемъ въ Туль, вы говорили мнѣ, что мой крѣстный еще не владѣетъ имѣніемъ своего отца, и что ему будетъ тяжело заплатить мнѣ за мой домъ?

— А! вскричалъ Гильйомъ, пристально глядя на Леона:—вы были столь добры, что до такой степени занялись моими дѣлами?

— Развѣ я говорилъ тебѣ объ этомъ, Жанна? Я не помню, сказалъ Марсилья тономъ совершеннаго равнодушія.

— О! вы должны это очень-хорошо помнить, г. Леонъ; вы были такъ добры, что сами предложили мнѣ выстроить новый домъ, говоря, что для васъ это вовсе не будетъ тягостно.

— А! вскричала Люди, которой глаза выкатились, какъ у конки:—г. Леонъ предлагалъ это тебѣ?

— Я понимаю, съ горечью сказалъ Гильйомъ:—что г. Леонъ хочетъ быть твоимъ благодѣтелемъ, и ты предпочитаешь его благодѣнія моимъ, Жанна?

— О, нѣтъ, крѣстный! я очень-хорошо знаю, что прилично и что неприлично. Г. Марсилья мнѣ не крѣстный, и онъ говорилъ это изъ дружбы къ вамъ и по великой добротѣ ко мнѣ. Но я ему сказала такъ же, какъ говорю теперь, передъ вами, что слабѣя я приняла это, обо мнѣ стали бы дурно говорить, и это вышло бы для меня очень-плохой услугой.

— Ты говоришь хорошо и благоразумно, Жанна, сказалъ священникъ.

— О, нѣтъ, г. священникъ! сказала Жанна:—я говорю отъ чистаго сердца. Я много обязана г. Марсилья, но никогда не приму этого.

— Будь ты проклята, невинная! подумалъ Марсилья, которому было чрезвычайно-досадно, что его попытки оболъщенія рассказывались такимъ-образомъ, отъ чистаго сердца.

— Что касается до дома, крѣстный, объ этомъ нечего и думать; мнѣ не будетъ ни тепло, ни холодно, когда я буду имѣть новый домъ. Это все будетъ не тотъ домъ, гдѣ воспитывала меня мать, гдѣ она жила, гдѣ умерла. Я отдала мебель тѣтъ; нужно было несколько потышнить ее. Новыхъ мебели мнѣ не надо. Что нужно для меня одной? Мнѣ было бы приятно то, что досталось бы мнѣ отъ матери.

— Однако, сказалъ Марсилья:—чтобъ отвратить отъ себя подозрѣнія Гильйома и г. Алена:—имѣя свой домъ, ты легко наша бы себѣ мужа, моя бѣдная Жанна, тогда-какъ теперь...

— Теперь? наввно вскричалъ Кадѣ:—она все-равно найдетъ се-

бъ мужа, лишь-только захочеть... Они могутъ обойтись и безъ дома, поверьте!

— Не-уже-ли это любовникъ, котораго предпочтаетъ прекрасная Жанна, подумали въ одно и то же время Гильюмъ и Леонъ; поглядѣвъ на жирную и круглую фигуру толстяка Каде.

Но Жанна отвѣчала:

— Ты дѣлаешь мнѣ много чести, говоря такими-образомъ, мой миленькій Каде; но ты очень-хорошо знаешь, что я не хочу выходить замужъ.

— Есть другіе! сказалъ Леонъ, все-таки показывая, что хочетъ коснуться того же вопроса.

— Нѣтъ, не другіе, г. Леонъ, спокойно возразила Жанна: — г. священникъ хорошо знаетъ, что я не могу и думать о томъ, чтобъ выйти замужъ.

— А! вы это знаете, священникъ? сказалъ Леонъ насмѣшливымъ тономъ. — Видите ли, что значить исповѣдывать молодыхъ двушекъ!

— Жанна не хочетъ выходить замужъ... Жанна не выйдетъ замужъ, съ важностью отвѣчала священникъ.

— Ну, это секретъ исповѣди! сказалъ, смѣясь, Марселин.

— Надъ этимъ не должно смѣяться! возразила Жанна съ достоинствомъ, постоянно-смягчаемымъ чрезвычайной крѣпостью ея характера и ея рѣчи.

Гильюмъ смотрѣлъ на Жанну съ живымъ любопытствомъ:

— Въ-самомъ-дѣлѣ это секретъ? спросилъ онъ, обращаясь къ молодой двушкѣ.

— Во всякомъ случаѣ бесполезно говорить объ этомъ, сказала Жанна:—я уномянула объ этомъ только для того, чтобъ сказать, что мнѣ не нужно дома, что я не хочу имѣть дома, крѣстный: Но я вамъ такъ же благодарна, какъ еслибъ вы приказали выстроить мнѣ замокъ.

— Жанна совершенно-права, сказалъ священникъ.—Будьте увѣрены, г. баронъ, что само благоразуміе говоритъ устами этой двушки. Еслибъ у ней былъ домъ, ея доброе сердце и, можетъ-быть, голосъ совѣсти побудили бы ее жить въ немъ вмѣстѣ съ тѣткой, а тѣтка угнетала бы ее... еслибъ не сдѣлала хуже; прибавилъ онъ; понизивъ голосъ.— Оставьте это великодушное намѣреніе, г. баронъ; вы верно найдете средство и случай иначе обезпечить участіе Жанны.

— Я сдаюсь; вы правы, г. священникъ, отвѣчалъ Гильюмъ тѣмъ же тономъ: — и даже думаю, что, при крайней деликатности ея характера, участію ея надо будетъ заняться не спрашиваясь ея соизвѣта.

— Безъ всякаго сомнѣнія. Вамъ будутъ совѣтовать время и обстоятельства. Но теперь же надобно опредѣлить, гдѣ будетъ жить викаръ Жанна. Послушай, Жанна, прибавилъ священникъ, возвысивъ голосъ:— гдѣ бы желала ты прежде всего основаться?.. на примѣръ, сегодня?

— Не хочешь ли пойдти къ намъ, Жанна? вскричала съ дружеской поспѣшностью Людвигъ.

— Благодарствуй, душа моя. Мать твоя довольно въ затруднительномъ положеніи, и ей довольно одной тебя для работы. Я никому не хочу быть въ тягость.

— Жанна, сказалъ священникъ:— ты не можешь надѣяться, что завтра же найдешь себѣ здѣсь работу. На первое время тебѣ надобно будетъ удалиться въ какое-нибудь благочестивое семейство, гдѣ твой крестный будетъ заботиться о твоёмъ содержаніи.

— Разумѣется, сказалъ Гильюмъ:— если только Жанна не такъ горда, чтобъ принять отъ меня малѣйшую услугу?

— О, крестный! вы несправедливо обвиняете меня. Отъ васъ я прійму это отъ всего сердца.

— Э! да о чемъ же вы заботитесь, священникъ? небрежно сказалъ Марсилья:— ваша служанка стара и слабá; возьмите себѣ въ услуженіе Жанну.

— Нѣтъ, сударь, это будетъ неприлично, съ твердостью отвѣчалъ Аленъ. — Въ нынѣшнее время, вѣра не такъ тверда, чтобъ злые языки могли уважать духовное лицо болѣе кого-нибудь другаго.

— Ну, такъ есть средство, которое согласитъ все, продолжалъ Марсилья. — Пусть Гильюмъ сегодня же увезетъ свою крестницу въ Буссакъ и представитъ своей матери.

Гильюмъ внимательно посмотрѣлъ на Марсилья, чтобъ узнать, не скрывалось ли подъ этимъ совѣтомъ какой-нибудь хитрости. Марсилья говорилъ совершенно отъ чистаго сердца.

— Сказать правду, возразилъ священникъ:— это совсѣмъ не дурная мысль. Жанна разсердила свою тѣтку и злаго Рагэ, который на всё способенъ. Я не буду спокоенъ на ея счетъ, пока Гота не рѣшится отказаться отъ жертвы, которую она любила мучить... Къ тому же... видишь, Жанна, повѣрь мнѣ... поди къ своей крестной матери, баронессѣ де-Буссакъ... въ такомъ разстояніи и подъ покровительствомъ такой почтенной особы, тебѣ нѣчего будетъ бояться.

— Идти въ Буссакъ, мнѣ! сказала испуганная Жанна. — Вы мнѣ это совѣтуете, г. священникъ?

— А я прошу тебя, Жанна, сказалъ Гильюмъ, увѣренный, что исполнить свой долгъ. — Можетъ-быть, ты не знаешь объ окру-

жающихъ тебя опасностяхъ, имѣя враговъ, которыхъ я сегодня видѣлъ около тебя... Если ты имѣешь ко мнѣ довѣренность, ты мнѣ ее докажешь, отправившись нынче же къ моей матери.

— Крѣстный, сказала Жанна, считавшая эту просьбу приказаніемъ и тотчасъ подчинившаяся ему, не понимая хорошенько причины:—ваша воля будетъ моею. Но развѣ вы хотите, чтобъ я жила въ Буссакъ, въ городѣ,—я, которая никогда, сколько мнѣ помнится, не выходила изъ области Туль-Сент-Круа?

— Если ты будешь имѣть отпращеніе къ городской жизни, то будешь вольна возвратиться сюда, когда тебѣ вздумается, дитя мое. Ты только увидишь мать мою, поговоришь съ нею, откроешь ей свое сердце, расскажешь свои горести; она добра, сострадательна и съумѣетъ найти слова для твоего утѣшенія... Потомъ ты условнишься съ нею о будущемъ, и независимость твоя будетъ уважена и ограждена.

Жанна согласилась, нѣсколько смутясь, нѣсколько пугаясь при мысли явиться къ *большой барынь* де-Буссакъ въ такое время, говорила она, когда печаль почти отняла у нея умъ.

— Ты будешь тѣмъ привлекательнѣе въ глазахъ твоей крестной матери, сказалъ священникъ, который сдѣлалъ наконецъ, что Жанна согласилась.

Марсилья былъ такъ уменъ, что не предложилъ посадить ее къ себѣ за сѣдло и даже предложилъ Гильйому свою лошадь, которая была гораздо-сильнѣе Спорта, и могла снести двухъ человекъ. Гильйомъ нѣсколько пугался мысли, что подѣдетъ къ воротамъ своего замка съ крестьянкой за сѣдломъ. Но священникъ, понимавшій, какъ неприлично было бы отпустить Жанну съ двумя молодыми людьми, устранилъ это неудобство, присоединивъ къ нимъ третьяго. Какѣ вѣрно было взять лошадь священника и быть кавалеромъ Жанны. Священникъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ правъ. О крестьянкѣ, вѣхавшей на одной лошади съ крестьяниномъ, не было никакихъ толковъ; о вѣхавшей съ *мъщаниномъ* было бы иначе.

Пока готовили лошадей, священникъ пригласилъ своихъ гостей обѣдать и совѣтовалъ Гильйому, который былъ блѣденъ и чувствовалъ сильную мигрень, пустить себѣ на другой день кровь.

Люди не слишкомъ раздѣляла увѣренность г. Алена, который думалъ оградить Жанну отъ волокитства Марсилья, отправивъ ее въ замокъ Буссакъ. Она ревнивымъ взоромъ слѣдила всѣ ихъ движенія, и строгая только добродѣтель Жанны немного успокоивала ее.

— Послушай, Жанна, сказала она:—если ты наймешься въ Буссакъ, постарайся и мнѣ доставить мѣсто служанки въ томъ же домѣ, гдѣ будешь ты. Мнѣ очень хотѣлось бы жить въ городѣ!

— И я также пожилъ бы тамъ, сказалъ толстякъ Кадѣ:— онъ

превычайно-хорошъ, городъ Буссакъ! Это самый лучший городъ, какой я только знаю.

— Я думаю, болванъ! сказала Люди: — ты больше никакого и не видывалъ.

Въ концѣ обѣда, Марсилья вышелъ, чтобъ дать овса своей кобылѣ Фаншонъ, которую онъ, по тѣснотѣ конюшни священника, поставилъ въ нѣсколько отдаленномъ сараѣ деревни. День начиналъ склоняться къ вечеру, и въ то время, какъ Марсилья вошелъ въ ворота сарая, онъ увидѣлъ, что изъ среды вязанокъ сѣна и земляныхъ орудій тихо поднялась блѣдная фигура и пристально на него посмотрѣла. Онъ тотчасъ узналъ друга и товарища Большой-Готы, кума Рагё, прозваннаго бривашъ (*). Этотъ человекъ, занимавшійся никакимъ ремесломъ, жилъ посреди пустырей, въ дрянной хижинѣ, построенной имъ однимъ изъ вѣтвей и глины, въ которой никто другой, кромѣ колдуньи Готы, не согласился бы жить съ нимъ. Даже никто, по наступленіи ночи, не согласился бы пройти въ тридцати шагахъ отъ этого зловѣщаго жилища, въ которомъ помѣщался наибольшій негодяй той стороны. Не смотря на эту видную бѣдность, у Рагё были спрятаны довольно-значительныя суммы. Онъ предавался опасному и выгодному промыслу—кражѣ лошадей. Въ Бурбоннѣ и Берри, во время лѣтнихъ ночей, когда лошади на паствь, этимъ промышленяютъ нѣкоторые оверскіе мѣдники и маршуазскіе бродяги. Они ловко разрываютъ самыя крѣпкія путы, вскакиваютъ на лошадь, накидываютъ на нее легкую уздечку, которой всегда запасаются, и скачутъ къ своимъ горамъ. Рагё живилася также въ соседствѣ и другими мѣлочами: курами, гусями, дровами и хлѣбомъ. При первой встрѣчѣ, онъ казался кроткимъ и сладкимъ, говорилъ мало, ни къ кому не ходилъ, никогда не позволялъ переходить за порогъ своего дома и, кромѣ смертоубійства, не упускалъ случая ни къ какому дурному намѣренію, ни къ какому дурному дѣйствию.

— Вы ли это, г. Марсилья? сказалъ онъ протяжнымъ голосомъ, хотя онъ очень-хорошо узналъ Леона.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, старый мошенникъ? отвѣчалъ ему молодой адвокатъ: — не подбираешься ли къ моей кобылѣ? Если когда-нибудь ты посмѣешь поживиться отъ нея хоть волоскомъ, то я дамъ тебѣ знать!

— О! вамъ я никогда не сдѣлаю зла, г. Марсилья, и вы не захотите мнѣ сдѣлать зло.

— Но я могу надѣлать тебѣ много зла; помни это.

(* На старомъ французскомъ языкѣ это слово значитъ разбойникъ, ворушій свѣтъ.

— Нѣтъ, сударь, вы были моимъ адвокатомъ.

— Я былъ бы адвокатомъ дьявола, еслибъ онъ поручилъ мнѣ свое дѣло, но не обязанъ быть имъ всегда, и такъ-какъ я знаю, къ чему ты способенъ...

— Нѣтъ, сударь, вы ничего не знаете... Я вамъ никогда ни о чемъ не признавался.

— Потому-то я и считаю тебя мерзавцемъ.

— Вы не думаете, что вы говорите, г. Леонъ; но дѣло не въ томъ. Я пришелъ посоветоваться съ вами по дѣлу.

— Мнѣ некогда; ты можешь прийти въ субботу ко мнѣ на домъ...

— О, нѣтъ! сударь, я не пойду, и вы мнѣ тотчасъ скажете то, о чемъ я хочу спросить васъ касательно Жанны.

— Я не знаю, какое ты имѣешь отношеніе къ Жаннѣ; мнѣ ничего сказать тебѣ.

— Есть, сударь, есть! подождите же, дайте, я помогу вамъ осѣдлать лошадей!

— Нѣтъ, не смѣй трогать ее.

— Такъ вы думаете, г. Леонъ, продолжалъ Рагэ, ни мало не смущившись: — что Гота не имѣетъ права принудить Жанну жить съ нею?

— А что за польза была бы въ этомъ Готъ?

— Вы это хорошо знаете.

— Нѣтъ.

— Это скорѣй ваша польза, нежели моя.

— Не понимаю, сказалъ Марсилья, хотѣвшій узнать, какъ далеко дойдетъ безстыдство Рагэ.

— Вы видите, г. адвокатъ, что еслибъ вы помогли Готъ начать процессъ противъ ея племянницы и настояли бы на томъ, чтобъ племянница жила тамъ, гдѣ хочетъ жить ея тѣтка... на время... вы меня понимаете...

— Нѣтъ. Почему?

— Ба! домъ у насъ очень-удобенъ, совершенно въ сторонѣ. Молодой человекъ, которому приглянулась бы хорошенькая дѣвушка... Это такъ, предположеніе...

— Ты мерзавецъ, каналья! вотъ какъ я буду защищать тебя.

— О! не сердитесь, я ничего не хочу сказать; но вѣдь вы дѣлали же прекрасные подарки Готъ, чтобъ приобрести дружбу ея племянницы; вы даже совсѣмъ не скрытничаете въ этихъ дѣлахъ!

— Можетъ-быть, я и желалъ бы, чтобъ меня полюбила дѣвушка; милостыней я могу отдѣлываться отъ надоедающихъ мнѣ людей; но употребить наслѣдіе, при посредствѣ послѣднего изъ

верзанинъ, который помогъ бы мнѣ... совершить преступленіе... этого никогда не будетъ. Прощай, пріятель!

— Вы объ этомъ подумаете и воротитесь, сказалъ спокойно Рагэ.

Марсилья былъ взбѣшенъ и сильно хотѣлъ постегать хлыстомъ этого негодая. Но хорошо зная этотъ родъ людей, онъ подумалъ, напротивъ, какъ бы привязать его къ себѣ какой-нибудь надеждой. Рагэ слѣдовалъ за нимъ шагъ-за-шагомъ по темному сараю, и Леонъ опасался, чтобъ изъ злобы онъ не перерезалъ ножомъ поджолокъ у Фаншонъ.

— Ну, довольно! ты не знаешь, чтѣ говоришь, продолжалъ онъ болѣе-мягкимъ голосомъ.— Вотъ, купи на это себѣ хлѣба на недѣлю. Я знаю, что ты бѣденъ, и мнѣ хотѣлось бы думать, что безъ этого у тебя не было бы такихъ черныхъ мыслей.

Рагэ въ темнотѣ ощупалъ данныя ему Марсилья на водку деньги, и увѣрившись, что это пятифранковая монета, поблагодарилъ его и вышелъ изъ сарая въ заднюю дверь, не отказываясь отъ намѣреній своихъ въ-отношеніи къ Жаннѣ.

— Послушай! закричалъ ему Леонъ.

Рагэ воротился.

— Если ты когда-нибудь осмѣлишься сдѣлать малѣйшее зло самому ничтожнѣйшему изъ тѣхъ людей, въ которыхъ я принимаю участіе, я не прійму больше въ уваженіе твоей бѣдности и объядю, что ты разбойникъ.

— О! въ этого не сдѣлаете! сказалъ Рагэ: — вы были моимъ адвокатомъ: это вамъ повредитъ, что вы такъ хорошо защищали разбойника!

— Ты ошибаешься, сказалъ Марсилья: — адвокатъ можетъ быть обманутъ своимъ кліентомъ, вовсе не желая быть его сообщникомъ. Считаю это сказаннымъ тебѣ и не касайся тульскаго священника и всѣхъ тѣхъ, которымъ ты грешилъ сегодня при мнѣ... мы ты обо мнѣ услышишь!..

Рагэ опустилъ уши и отправился, стараясь угадать, почему Марсилья, котораго онъ считалъ такимъ же развратнымъ, какъ былъ самъ, принимаетъ такое сильное участіе въ его соперникахъ.

Черезъ четверть часа, Марсилья трясся на Фаншонъ рядомъ съ Гидьомомъ, которому становилось все хуже и хуже отъ движенія лошади. Кадэ и Жанна ѣхали впереди на *Сърой*. Рагэ, спрятавшись за скалы, смотрѣлъ, какъ они уѣзжали, и начиналъ понимать, что Марсилья не имѣетъ въ немъ нужды. Добрый священникъ, съ высоты башенной площадки, кричалъ Марсилья:

— Не забудьте же привезти мнѣ термометръ!

Потомъ, онъ возвратился домой, печальный, но усмокоенный

отъ сильной тревоги, между-тѣмъ, какъ Жанна удалась отъ Туль-Сент-Круа.

X.

Провкты замужства.

Городъ Буссакъ, съ предмѣстіемъ того же имени, заключающа въ себя отъ восьми до девятисотъ жителей, можетъ похвастаться одною изъ самыхъ жалкихъ и дрянныхъ подпрефектуръ центральныхъ провинцій Франціи. Но не таково мнѣніе рассказчика этой повѣсти. Расположенный на обрывистыхъ холмахъ, вдоль Малой-Крѣзы, при слияніи съ нею другаго быстрого ручья, Буссакъ представляетъ смѣшеніе домовъ, скалъ, потоковъ, душно-выстроенныхъ улицъ и крутыхъ дорогъ, придающихъ ему весьма-живописную фizioномію. Поэтъ, артистъ безъ стыда могли бы прекрасно жить въ немъ и значительно предпочитать это мѣстечко гордому городу Шатору, въ которомъ есть префекторскій дворецъ, королевскія дороги, театръ, гулянья, экипажи, но котораго окрестности плоски и фizioномія сходна съ ними. Буржъ, лежащій въ странѣ еще болѣе печальной, имѣетъ свои великолѣпные памятники, свою суровую историческую фizioномію, свои пустыя сады; свой прекрасный лунный свѣтъ на острыхъ шпиляхъ средневѣковыхъ зданій, свои большія улицы, въ которыхъ трава одѣваетъ мостовую, и долгія безмолвныя ночи, начинающіяся почти отъ захода солнца. Видно, что это древняя столица Аквитаніи, городъ каменниковъ и судей, самый забытый, самый тихій, самый аристократическій изъ всѣхъ городовъ, умершихъ прекрасною смертію. Герé слишкомъ удаленъ отъ окружающихъ его скалъ и не имѣетъ въ себѣ ничего, что вознаграждало бы отдаленность этой пустынной декораціи. Въ немъ прекрасная, чистая вода — и только. Въ Шатрѣ замѣчательна только огромная ложбина за предмѣстіемъ; въ Нёврѣ византійская церковь, которую самшкомъ замазали, и его древній мостъ, который хотятъ разрушить, не смотря на его древность. Буссакъ такъ связалъ себя съ мѣстностью, что въ немъ на каждомъ шагу по улицѣ можно снять прекрасный пейзажъ. Но пройдетъ много времени прежде, нежели жители нашихъ провинцій поймутъ, что зелень, перспектива, живописное расположеніе мѣстности, шумъ потока и гранитныя массы составляютъ существенную часть красоты городовъ, которые не могутъ имѣть притязаній на то, чтобъ славиться своими памятниками.

Впрочемъ, въ Буссакъ есть одинъ памятникъ: это замокъ римскаго происхожденія, который знаменитый Жаннь де-Броссъ, маршалъ Буссакъ, перестроилъ въ 1480 году по модѣ своего времени. Онъ неправиленъ, милъ и красивъ въ своей простотѣ. Впрочемъ, стѣны его имѣютъ десять футовъ толщины, и, прошедъ ворота, находишь, что внутренность имѣетъ такой же дурной видъ, какъ всѣ эти средневѣковые разбойники, которыхъ мы видимъ еще въ нашихъ провинціяхъ гордо воздымающими на высотахъ горъ свои головы.

Половина замка въ городѣ, половина въ поле. Дворъ и фасадъ съ гербами смотрятъ въ городъ, но другой фасадъ, вмѣстѣ съ перпендикулярной скалой, на которой онъ построенъ, скрываетъ къ ложу Малой-Крѣзы, и открываетъ прекрасный видъ на извилистое теченіе ручья промежду скалъ, на обширные луга, усыянные каштановыми деревьями, — обширный горизонтъ, отъ глубины котораго у зрителя кружится голова. Замокъ, съ своими укрѣпленіями, замыкаетъ городъ съ этой стороны. Укрѣпленія еще существуютъ, городъ еще не переступилъ за нихъ, и послѣдняя госпожа Буссакъ, мать нашего героя, молодого барона де-Буссакъ, переходила, когда ей хотѣлось, изъ своего сада въ поле или съ своего двора въ городъ.

Около восемнадцати мѣсяцевъ спустя послѣ происшествій, наполняющихъ первую половину этого разсказа, госпожа де-Буссакъ и пріятельница ея, госпожа де-Шармуа, сидѣли въ глубокой амбразурѣ окна, и скорѣе съ-скупнымъ, нежели съ радостнымъ видомъ любовались прекраснымъ мѣстоположеніемъ, разстилавшимся передъ ихъ глазами. Это было въ самомъ началѣ весны. Новая зелень обливала деревья светло-зеленымъ цвѣтомъ съ коротковатымъ оттѣнкомъ; миндальныя и абрикосовыя деревья въ саду и кусты славъ были въ цвѣту; великолѣпный день погасалъ въ розовомъ закатѣ. Огонь горѣлъ въ обширномъ каминѣ большой залы, и вечерній холодъ былъ довольно-чувствителенъ въ толстыхъ стѣнахъ стараго замка.

Лучшимъ украшеніемъ этой залы служили, безъ всякаго сомнѣнія, любопытныя, загадочныя обои, которые еще до-сихъ-поръ видны въ замкѣ Буссакъ, и о которыхъ думаютъ, что они привезены Зязимомъ съ Востока, гдѣ ими была обита башня Бурганѣфа во время его долгаго плѣна. Я полагаю, что они изъ Обюссона, и знаю о нихъ цѣлую исторію, которую разскажу въ другой разъ. Почти достоверно, что они услаждали скуку знаменитаго «ревѣрнаго» въ его темницѣ, и потомъ были возвращены тому, кто приказалъ ихъ *ad hoc*, Петру Обюссону, владѣльцу Буссака, гротмейстеру родосскихъ рыцарей. Костюмы на нихъ принадлежать

концу XV вѣка. Эти тканыя картины — образцовое произведеііе, и, если не ошибаюсь, весьма-любопытная страница въ исторіи.

Остальная часть отдѣлки большой залы Буссаковъ, въ эпоху нашего разсказа, великолѣпіемъ своимъ далеко не отвѣчала этимъ остаткамъ древняго блеска. Подъ этими обширными обрывками, можно сказать, пресмыкались дрянныя маленькія кресла во вкусъ имперіи, — жалкая пародія консульскихъ креселъ древняго Рима. Нѣсколько зеркалъ, вставленныхъ въ рамы, сдѣланныя во вкусъ Людовика XV, не совсѣмъ наполняли большіе промежутки надъ каминами. Между этой мебелью и обширнымъ зданіемъ, въ которомъ она была незамѣтна, существовалъ неизбежный контрастъ, дѣлающій вышнее дворянство столь слабымъ и бѣднымъ въ сравненіи съ его предками.

Казалось, грустное чувство неволью овладевало двумя дамами, разговаривавшими въ амбразурѣ окна, потому-что обѣ онѣ были довольно-печальны и тихо разговаривали между собою.

Лѣта обихъ благородныхъ дамъ могли составить столѣтіе, раздѣленное между ними на довольно-равныя части. Онѣ были изкогда прекрасны, по-крайней-мѣрѣ это свидѣтельствовали еще физіономія и стройность госпожи де-Буссакъ; но толщина овладѣла прелестями госпожи де-Шармуа, не мѣшая ей, однакожъ, быть дѣятельною, хлопотливою и рвительною.

Привывъ въ Буссакъ наканунѣ съ мужемъ своимъ, только-что сдѣланнымъ подирефектомъ этого округа, г-жа де-Шармуа возобновила знакомство съ старой пріятельницей, которую она не видала года два или три, и которая, не смотря на значительную разницу въ ихъ характерахъ, была очень-рада, что нашла себѣ сосѣдку и собесѣдницу одного съ нею званія.

— Да моя прелестная, говорила новая подирефектша: — я, право, удивляюсь, какъ вы могли провести двѣ зимы сряду въ этомъ замкѣ.

— Правда, моя милая, онѣ нѣсколько грустень, отвѣчала г-жа де-Буссакъ: — впрочемъ, онѣ лучше выстроены и обширнѣе моей прекрасной квартиры въ Царяжѣ, которую дорого стоило топить.

— Я вовсе на него не жалуясь, особенно, когда вы радушно позволяете мнѣ жить въ немъ, пока я не устроюсь въ вашемъ странномъ городѣ. Живя по сосѣлству съ вами, я найду его восхитительнымъ; но признайтесь, милый другъ, безъ этого, пріѣхать похоронить себя въ немъ, съ моей стороны, было бы жертвой.

— Однако, вы уже очень-хорошо знали нашъ городъ, когда согласились жить въ немъ.

— Лѣтъ пятнадцать назадъ, я пріѣзжала сюда навѣстить васъ...
 Два или три раза?

— Два раза; я это хорошо помню.

— Я тоже очень помню. Но, занимаясь вами, я позабыла посмотреть городъ, и воображала, что онъ не такъ бѣденъ и не такъ гадокъ.

— Но, по несчастію для насъ, вы недолго въ немъ останетесь. Это шагъ къ подпрефектурѣ перваго класса.

— Еслибъ я не надѣялась, что мы будемъ префектами черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, признаюсь вамъ, я никогда не позволила бы г-ну Шармуа служить по административной части. Но вы, моя прекрасная, вы, которая, кажется, не имѣете честолюбія даже и въ отношеніи къ своему сыну, какъ вы рѣшились жить здѣсь и отказались отъ парижскихъ зимъ?

— Не должно ли мнѣ подумать о томъ, какъ бы устроить дочь? У меня двое дѣтей, у васъ одна: я болѣе васъ связана. Не имѣя намѣренія увеличить свое состояніе, потому-что Гильюмъ чувствуетъ отвращеніе ко всякому роду службы, которая отнимаетъ у него независимость, я должна освободить нѣкоторыя земли отъ кой-какихъ долговъ, которые должны быть сдѣлать мой мужъ. А дочь моя вышла изъ монастыря, и уже невѣста...

— Но вѣдь у васъ еще чистыя триста тысячъ франковъ, чтобы раздѣлить между ними?

— Почти...

— Это недурно! Еслибъ у насъ было столько же, мы не были бы подпрефектами въ Буссакъ. Но лишь-только получимъ хорошую префектуру, мы выгодно выдадимъ свою дочь замужъ... Когда вы рѣшительно ожидаете Гильюма?

— Черезъ недѣлю, и до-тѣхъ-поръ я не живу. Судите, какъ мнѣ хочется видѣть его послѣ годичной разлуки!

— О, мнѣ также хочется обнять его, это милое дитя! Мнѣ любопытно, узнаетъ ли онъ Эльвиру. Она такъ выросла... Находите ли вы, что она хороша, дочь моя?

— Безъ всякаго сомнѣнія, она очень-хороша, прекрасна!

— Она вовсе непохожа на своего отца, не правда ли? Къ-несчастію, она гораздо-хуже вашей, и я бьюсь объ закладъ, что хуже воспитана.

— Марі порядочна, вотъ и все. Но она чрезвычайно-добра.

— Немного-мечтательна, не правда ли, какъ и братъ ея?

— О! слава Богу, гораздо-меньше. Слышите ли, какъ онъ смѣется въ своей комнатѣ, надъ нами? Видите ли, что Марі расположена къ меланхоліи такъ же много, какъ и Эльвира?

— Какъ! развѣ Эльвира такъ кричитъ? Навѣрное это не Марі! Мнѣ хочется заставить ихъ молчать, закрывавъ имъ въ окно.

Если это услышать ваши провинціальныя мѣщане, то они сочтутъ нашихъ дочерей такими же дурами, какъ ихъ дочери.

— Э! пусть ихъ смѣются: это свойственно ихъ лѣтамъ! Наши дочери, милая, будутъ счастливые насъ. Онѣ выйдутъ порядочнымъ образомъ замужъ, благодаря своему рожденію, и только выиграютъ перемѣною своего положенія. Для насъ, проведшихъ молодость среди празднествъ и баловъ имперіи, для насъ настоящее время кажется очень-печальнымъ и жизнь очень-пустою.

— Не говорите такъ, моя прекрасная. Подумаютъ, что вы жалуете объ имперіи!

— Нѣтъ, я слишкомъ-хорошо знаю обязанность моего званія; я знаю, какія должна имѣть мнѣнія. Но и въ-отношеніи къ состоянію, и въ-отношеніи къ положенію моему въ свѣтъ, я много потеряла съ паденіемъ Бонапарте.

— Нѣтъ, милая, вы потеряли это со смертію вашего мужа, потому-что, еслибъ онъ дожилъ до 1815 года, онъ сдѣлалъ бы то же, что сдѣлали мой мужъ и другіе чиновники и офицеры имперіи. Онъ присоединился бы одинъ изъ первыхъ къ своимъ законнымъ государямъ и снова вступилъ бы въ службу, или получилъ бы какое-нибудь хорошее мѣсто въ провинціи.

— Это еще не вѣрно, моя милая. Онъ былъ привязанъ къ императору.

— Онъ отвязался бы отъ него, отъ своего императора!

— Можетъ-быть. Я употребила бы для этого все свои усилія, — не изъ честолюбія, но по убѣжденію. Можетъ-быть, я не успѣла бы... Надобно признаться, что императоръ... что Бонапарте имѣлъ на нашихъ мужей большое вліяніе.

— Да, сначала такъ и должно было быть. Я видѣла, какъ г. Шармуа, будучи камергеромъ, былъ совсѣмъ безъ ума отъ него. Но какъ увидѣлъ, что надѣлалъ глупостей, то убѣдился въ истинныхъ своихъ выгодахъ и въ настоящихъ своихъ обязанностяхъ.

— Я не думаю, чтобъ г. де-Буссакъ такъ легко исправился. Напротивъ того, онъ привязывался къ Наполеону тѣмъ болѣе, чѣмъ тотъ становился несчастливѣе.

— И у него также была мечтательная голова; онъ былъ человѣкъ достойный, въ этомъ я согласна, который сдѣлалъ бы насъ очень-счастливою, еслибъ война не разлучала насъ такъ часто и еслибъ вы не были ревнивы.

— Вы напрасно въ этомъ упрекаете меня... Я никогда не ревновала его къ вамъ.

— Вы это такъ говорите, такъ... Вы немного ревновали!

— Нинадо. Г. де-Буессакъ боялся кокетокъ... а вы большая кокетка.

— Злая! Развѣ мы всѣ не были кокетками въ то время?

— Больше или меньше...

— Полноте! вы до безумства любили наряды. Вы истративали на это столько, сколько г. Шармуа никогда не позволилъ бы мнѣ истратить.

— Это было больше изъ тщеславія, нежели изъ кокетства. Развѣ вы полагаете, что это рѣшительно одно и то же?

— Вы очень-злы нынѣшній вечеръ... Но если я была кокеткой, если я еще до-сихъ-поръ немного кокетничая, то мнѣ это извинительно: мой мужъ никогда не былъ такъ милъ, какъ вышѣ... Не какъ шумать эти дѣвочки! Невыносимо, моя милая!.. Я увѣрена, что ихъ слышать цѣлый городъ. Ахъ! дѣвушки портятся въ провинціи... Право, эта манера хохотать и кричать означаетъ дурной тонъ!

— Это не онъ такъ кричатъ? Это служанки, это Люди; я узнаю ее голосъ.

— Которая изъ двухъ въ этихъ дѣвушекъ Люди? Хорошенькая блондинка?

— Нѣтъ, маленькая брюнетка. Ту зовутъ Жанной; она моя крестница.

— Э! не-уже-ли вы считаете приличнымъ оставлять нашихъ дочерей забавляться въ обществѣ этихъ служанокъ?

— Надобно же нашимъ бѣднымъ дѣтямъ немного повеселиться; это такая невинная забава! Вѣрно онъ позвали къ себѣ этихъ дѣвушекъ, чтобъ поучиться у нихъ танцевать здѣшній танецъ бурре. Это полезно для здоровья. Люди танцуетъ его *ex professo*. Она легка, стройна и довольно-граціозна.

— А другая, красавица, тоже танцуетъ?

— Нѣтъ, это дѣвушка серьезная и задумчивая. Обыкновенно она поетъ пѣсни бурре. У ней прекрасный голосъ.

— И эти крестьянки хорошо вамъ служатъ?

— Лучше, нежели когда-либо служили парижскія горничныя, которымъ я платила въ-десятеро дороже и которыхъ скучали въ провинціи; это хозяйственная реформа, съ которою я себя поадралаю и которую советую вамъ тоже сдѣлать.

— Но онъ ничего не умѣютъ дѣлать. Кто васъ одѣваетъ? Кто чешетъ голову Марі?

— Люди. Она ловка, расторопна и понятлива; у этой дѣвушки замѣчательная способность къ ученію.

— А другая? что она дѣлаетъ? Я ее гораздо-рѣже вижу въ домѣ.

— Она насѣтъ монахъ коровъ и прекрасно дѣлаетъ масло и сыръ

изъ сливокъ, распоряжается стиркой, бѣлемъ и сохраняетъ плоды. У ней на рукахъ весь мой ключи. Она не такъ гибка, не такъ ловка на ручную работу и не такъ прилежна, какъ Люди; но это прекрасная дѣвушка, хорошаго поведенія, экономная, трудолюбивая, кроткая и вѣрная; она сдѣлалась для меня необходимою: это прекрасная находка, сдѣланная моимъ сыномъ для моего дома.

— А! такъ вамъ отыскалъ ее Гильюмъ? Онъ взялъ ее за ея хорошенькое личико; вотъ доказательство, что онъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ.

— Милая, Гильюмъ рожденъ такъ высоко и такъ уважаетъ самого-себя, что не будетъ обращать вниманіе на эти бѣдныя созданія.

— Вы не имѣли такой довѣренности къ его отцу, потому-что я очень-хорошо помню, какъ однажды зѣвъ я застала васъ всю въ слезахъ: вы отсылали няньку... кормилицу, кажется, вашего сына; вы думали, что Г. де-Буссакъ находилъ ее слишкомъ-хорошенькой...

— Вы мнѣ напоминаете одинъ изъ моихъ старыхъ грѣховъ, и это жестоко съ вашей стороны. Я думаю, бѣдная кормилица была совсѣмъ невиновата. Она была немного-медленна, немного-надменна и упорна. Это часто приводило меня въ досаду. Тогда кровь у меня была живѣе, чѣмъ нынче. Г. де-Буссакъ былъ кротче и лучше меня и всегда обвинялъ меня, когда я ее бранила. Однажды я сдѣлала ей несправедливый выговоръ. Чтобъ быть покойнымъ, онъ приказалъ отослать бѣдную Тюлу, и я очень была этимъ наказана, потому-что никогда не находила женщины, которая была бы до такой степени привязана ко мнѣ и къ моему сыну. Но гордость ея была безумна. Не знаю, изъ какихъ-то ласкайскихъ разговоровъ ей показалось, что я ее ревную, и никогда, не смотря ни на какія предложенія, она не хотѣла снова вступить ко мнѣ въ службу. Я была нѣсколько оскорблена такою гордостью. Потомъ умеръ мой мужъ, разстроилось имѣніе; я для воспитанія Гильюма жила въ Парижѣ и забыла эту женщину, какъ вдругъ, года полтора назадъ, вскорѣ послѣ моего новаго и окончательнаго приѣзда въ эту сторону, Гильюмъ объявилъ мнѣ о ея смерти и привезъ мнѣ изъ деревни, куда онъ случайно попалъ, эту сироту, эту Жанну, дочь Тюлы, стало-быть, молочную сестру свою.

— А! дочь... кормилицы! это дочь кормилицы, эта блондинка? Я ее видѣла у васъ малюткой.

— У ней въ манерахъ и даже въ странностяхъ есть много сходства съ матерью; но она несравненно-терпѣливѣе и кротче. Въ первыя минуты, видъ этой дѣвушки произвелъ на меня груст-

ное впечатлѣніе. Она напомнила мнѣ домашнія непріятности и, можетъ-быть, несправедливость съ моей стороны. Мнѣ хотѣлось бѣжать и отослать назадъ въ деревню. Но, возвратясь изъ своего поезда въ тотъ разъ, Гильйомъ опасно занемогъ, шесть недѣль былъ между жизнью и смертію, и Жанна ходила за нимъ съ такимъ усердіемъ, что я оставила ее у себя изъ признательности.

— Говорятъ, одинъ крестьянинъ ударилъ его камнемъ въ голову? Не за нее ли?

— Это неправда, потому-что онъ всегда отвергалъ это, и Жанна не видала ничего подобнаго. Вы знаете, что Гильйомъ получилъ это страшное воспаление въ мозгу послѣ пожара, когда онъ такъ великодушно старался спасти дрянную хижану, которую зажегъ мажоръ?

— Какъ мнѣ это забыть? Въ то время вы мнѣ писали... Къ-тому же, это приноситъ столько чести Гильйому, что я не могла забыть.

— Писала ли я вамъ о всѣхъ подробностяхъ этого происшествія—о томъ, что эта хижина принадлежала бѣдной Тюль; которая передъ тѣмъ умерла? Тогда Жанна потеряла въ одинъ день вѣшь и все бѣдное свое имущество; Гильйомъ, въ благородномъ порывѣ состраданія, нѣкоторымъ образомъ усыновилъ ее... Вотъ какимъ образомъ онъ ее узналъ и привезъ ко мнѣ.

— Но это цѣлый романъ!

— Романъ очень-простой, который тутъ и оканчивается. Героиня смотритъ у меня за курами и молокомъ.

— А Гильйомъ?

— Что жь Гильйомъ?

— Онъ не написалъ изъ этого романа?

— Онъ написалъ хорошенькій романъ; но Жанна ничего не понимаетъ въ немъ и не сумѣетъ его спѣть... Къ-тому же, для крестьянки она очень чувствительна, и лишь произнесутъ имя ея матери, тотчасъ принимается плакать.

— А! у ней чувствительное сердце?.. Развѣ Гильйомъ...

— Чѣмъ вы хотите спросить?

— Ничего. Но скажите мнѣ, зачѣмъ, послѣ всего этого; вы послали Гильйома такъ надолго путешествовать?

— Вы знаете, что здоровье его поправлялось очень-плохо. Глухая бокаля меланхолія свѣдала его и внушала мнѣ сильныя опасенія за будущее.

— А до причины этой меланхоліи вы никогда не могли добраться?

— Никогда, ей не было другой причины; кромѣ болезненнаго состоянія, какого-то разстройства въ мозгу. Я пользуюсь полною довѣренностью сына. Онъ никогда ничего не скрывалъ отъ ма-

ня, и постоянно увѣрялъ меня, что не знаетъ никакой нравственной причины своего унынія. Врачи совѣтовали ему разсвѣяться, попутешествовать. Онъ самъ чувствовалъ, что это необходимо, и черезъ два мѣсяца, проведенные имъ въ Италіи съ нашимъ добрымъ другомъ, сэромъ Артуромъ Гарлэ, къ нему возвратились силы, аппетитъ, веселость и свѣжесть молодости. Они пишутъ ко мнѣ каждую недѣлю, и сэръ Артуръ извѣщаетъ меня, что скоро я въ этомъ увѣрюсь собственными глазами.

— Гильюмъ прекрасный молодой человекъ! продолжала г-жа Шармуа, вдругъ задумавшись:—мнѣ очень хочется его видѣть. Но скажите мнѣ, этотъ добрый г. Гарлэ, вашъ Англичанинъ, дѣйствительно такъ богатъ, какъ о немъ говорятъ?

— Не слишкомъ богатъ для Англичанина, который путешествуетъ. Но все-таки у него есть милліонъ состоянія.

— Э! да это прекрасно!.. Развѣ вы не думаете, что это была бы прекрасная партія для Марі?

— У васъ въ головѣ только замужства и богатства! Увѣрю же васъ, что я ни разу объ этомъ не думала.

— А почему бы это было невозможно? Не правда ли, я вамъ дала хорошую идею?

— По-крайней-мѣрѣ, это очень-невероятно. Въ-особенности, если возстановить право первородства, то у Марі едва-ли будетъ двѣ или три тысячи ливровъ дохода. Такъ видите, милліонеръ ей не женихъ, и я ищу для нея чего-нибудь поменьше.

— Ба! но она хороша собою, а вашъ Англичанинъ, сколько мнѣ помнится, философъ, оригиналъ. Немного ловкости, немного кокетства, и Марі очень могла бы вскружить ему голову.

— Марі не будетъ такъ кокетлива, и я не буду ей этого совѣтовать. Мы неловки, моя прелестная, мы горды!

— Все это вздоръ! вы будете гораздо-больше горды съ милліономъ состоянія.

— Пожалуйста, не говорите этого никогда при моей дочери, прошу васъ. Надвюсь, вы не станете говорить и при вашей.

— Дочь, которую надобно учить, какъ употреблять ей свои прелестные глазки и милую улыбку для того, чтобъ найдти себѣ мужа, была бы очень-глупою дочерью. Молодые дѣвушки угадываютъ это безъ всякаго ученія.

— Марі будетъ имѣть столько ума, чтобъ быть глупой. Она совершенное дитя, очень-проста и нисколько-не честолюбива.

— Это не мѣшаетъ видѣть ей, что г. Гарлэ красивый мужчина, что онъ еще молодъ... по-крайней-мѣрѣ, какъ мнѣ кажется. Который ему годъ?

— Около тридцати.

— Уфъ! мнѣ лучше хотѣлось бы, чтобъ ему было сорокъ. Еслибъ ему было пятьдесятъ, дѣло было бы вѣрнѣе. Пятидесятилѣтніе мужчины гораздо-больше любятъ молодыхъ дѣвушекъ, чѣмъ тридцатилѣтніе. Правда, когда они умны, они подозрительнѣе. Тридцатилѣтняго легко увѣрить, что которая-нибудь изъ нашихъ дочерей смертельно влюблена въ него, а въ томъ-то все и дѣло, повѣрьте. Мужчины женятся только изъ самолюбія—или на женщинѣ хорошей фамиліи, или на богатой, или на красавицѣ. А когда нѣтъ большаго приданаго, то хорошо, если есть сильная страсть. Это имъ льститъ, и они рѣшаются для того, чтобъ не умерить молодую дѣвушку.

Г-жа де-Буссакъ, добрая и достойная женщина, была очень-слаба характеромъ, и ея добрыя правила не совершенно соответствовали ея добрымъ инстинктамъ. Время имперіи гораздо-меньше развратило ее, нежели госпожу Шармуа, но сдѣлало изъ нея, какъ изъ всѣхъ женщинъ, которыя играли тогда какую-нибудь роль, вбалованнаго ребенка, пустую женщину, привыкшую къ тщеславной роскоши, которую не могли совершенно исправить чопорныя привычки реставраціи. Гильюмъ доверялъ своей матери больше, нежели сколько она заслуживала. Онъ принималъ буквально ея прекрасныя рѣчи и претензіи на благородство. Онъ не зналъ до какой степени, въ глубинѣ души, жалѣла она объ этой потерѣ положенія своего въ свѣтъ, показывая видъ, что гордо ей покоряется. Госпожа де-Буссакъ сама не была интриганкой, но интриганка Шармуа не столько оскорбляла ее своимъ характеромъ, сколько бы должно было. Она никогда не выдумала бы никакой низости и коварства, но вмѣсто того, чтобъ негодовать на эти пороки въ другихъ, она забавлялась ими, если видѣла, что они приправлены умомъ и веселой наглостью. Она безопасно предалась бы интригѣ, какъ всѣ слабые люди, съ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ неудачи поставить себя въ заслугу то, что перѣшительно въ ней дѣйствовала, и даже изподтишка посмѣяться и осудить зачинщиковъ хитрости; но между-тѣмъ она готова была восхищаться ими и благодарить ихъ, если хитрость удалась къ ея выгодѣ и она, по-видимому, не принимала въ ней участія.

А потому бездушіе толсто Шармуа не возмутило ее совершенно. Она рѣшилась надъ нимъ смѣяться и дѣлала видъ, что не вѣрить въ успѣхъ, для того только, чтобъ ей лучше на него показали. Быть благородной и оставаться пріятельницей подобной женщины — не значить ли это нѣкоторымъ образомъ отрываться отъ собственнаго своего достоинства? Но хитрая Шармуа испытывала ее въ этомъ отношеніи только для того, чтобъ узнать, не имѣетъ ли она какихъ-нибудь намѣреній въ-отношеніи своей дочери, пола-

гая, какъ опытная женщина, что сэръ Артуръ можетъ быть для нея выгоднѣйшимъ зятемъ, нежели Гидльомъ де-Буссакъ, на котораго она обратила сперва вниманіе.

XI.

Первое апрѣля.

На этомъ остановился разговоръ, когда шопотъ и сдерживаемый смѣхъ раздались за дверью, и вошли двѣ дѣвушки, о судьбѣ которыхъ только-что шла рѣчь, очень-мало занятія воздушными замками своихъ матерей. Не смотря на обоюдныя похвалы, которыя эти дамы расточали на-счетъ дочерей своихъ, ни та, ни другая изъ нихъ не были замѣчательны красотою. Эльвира де-Шармуа была полная дѣвушка, довольно-хорошо сложенная, свѣжая и одѣтая съ изысканностію, благодаря заботамъ матери, которая всегда держала ее подъ ружьемъ, готовою на смотръ жениховъ. Но какъ ни старалось воображеніе г-жи Шармуа уйдти отъ печальной дѣйствительности, Эльвира отчаянно походила на г. Шармуа. У ней былъ еге тяжелый и пошлый умъ, и, казалось, на физиономіи ея отразились, по наслѣдству, всѣ непріятности, которыя одинъ изъ родителей ея причинялъ другому.

Марі де-Буссакъ была не такъ свѣжа и хуже сложена, нежели ея пріятельница, но, не будучи хороша собою, она была чрезвычайно-мила. Блѣдная, немножко-худая, съ тонкой и нѣсколько-сгорбленной таліей, съ немного-длиннымъ подбородкомъ, она имѣла только истинно-прекрасныя глаза и волосы; но въ лицѣ ея было такое чистое и такое интересное выраженіе, взглядъ и улыбка ея выражали такую чувствительную и добрую душу, что невозможно было, посмотрѣвъ на нее и поговоривъ съ ней нѣсколько минутъ, не найти ея прекрасною и не желать приобрести ея уваженіе и дружбу.

Хотя она часто была задумчива, но въ эту минуту, входя въ большую залу, была чрезвычайно весела, точно такъ же, какъ и ея пріятельница, скучная и тяжелая Эльвира.

— Маменька! сказала Марі голосомъ, который старалась сдѣлать спокойнымъ и небрежнымъ, но который не умѣлъ лгати даже въ шутку:—вотъ двѣ городскія дамы, которыя просятъ васъ представить ихъ новой подпрефектшѣ.—И тотчасъ же явились двѣ дамы, изъ которыхъ одна подошла такъ смѣло и такъ смѣшно поклонилась, что обѣ молодыя дѣвушки громко захохотали, не смотря на все свое желаніе продолжать комедію.

Для г-жи де-Буссакъ довольно было одной минуты, чтобъ узнать неловкую Люди, переодѣтую знатной дамой. Но толстая Шармуа, которая была близорука и еще не знала хорошенько въ лицо Люди, встала, весьма-недовольная дерзостью, съ которою молодая дѣвушка и особенно дочь ея встрѣтили одну изъ ея подчиненныхъ. Она успокоилась только тогда, какъ г-жа де-Буссакъ, смѣясь, сказала:

— Ты воспитательна, Люди; ты смотришь герцогиней!

— Времяжъ имперіи, прибавила Шармуа, садясь снова.— Это-то было причиною вашей шумной радости, сударыня?

— Нынѣче вѣдь первое апрѣля! вскричала Марі де-Буссакъ. — Мы обманули васъ, какъ сѣдовало. Это была наша обязанность... и наше право!

— Я васъ прощаю, дѣти, отвѣчала госпожа де-Буссакъ. — Госпожа Шармуа была обманута и поклонилась; но думаю, что и я также обманута, потому-что совершенно не узнаю другой дамы, которая стоитъ тамъ, не смѣя показать носа. Войдите же, сударыня, дайте посмотреть на васъ.

— Подойди же, ты! закричала Люди:—ты видишь, что это завбавляетъ госпожу и не можетъ разсердить ее.

— Прошу у васъ извиненія, крѣстная, сказала Жанна, съ робостью приближаясь. — Я никогда сама не позволяла бы этого себѣ... но мамзель Марі непременно хотѣла наряжить насъ.

— Какъ! это Жанна? сказала госпожа де-Буссакъ:—я знала, что больше нѣкому быть, и все-таки не могла узнать ее. А! да къ ней это очень идетъ!

— Это Жанна? не можетъ быть! вскричала госпожа де-Шармуа.—Кто же такъ хорошо одѣлъ ее?.. Нельзя повѣрить, какъ къ ней пристало!

— Я употребила на это всѣ свои старанія, отвѣчала дѣвица де-Буссакъ.—Надѣюсь, что успѣла.

— О, да! вы употребили на это много времени, сударыня! сказала Жанна, терпѣливо позволившая наряжать себя.—Это васъ смѣшило, и я рада, что вы немного посмѣялись. Теперь, когда шутка сыграна, я пойду снять ваши прекрасныя платья, не правда ли?

— Нѣтъ, нѣтъ еще, Жанна! О! милая Жанна! прошу тебя, оставься такъ еще немного. Смотрите, маменька, посмотрите на это лицо! Бьюсь объ закладъ, что вамъ хотѣлось бы, чтобъ я его имѣла вмѣсто своего?

— Ахъ, сударыня! вы говорите это въ насмѣшку, отвѣчала съ величайшею добросовѣстностью Жанна, находившая свою молодую госпожу дѣшево всѣхъ на свѣтѣ.

— Это твое платье, Эльвира? сказала госпожа де-Шармуа своей дочери, рассматривая Жанну въ лорнетъ.

— Да, маменька; платье Марі в пору Люди, а мои Жаннв: они одного со мной роста.

— Они мнѣ ужасно-гѣсны, сказала Люди, которая смотрѣла въ зеркало, восхищенная сама-собою. — Но все равно! Я желаю бы быть такъ скрученною каждое воскресенье.

Люди напрасно желала этого. Она была весьма-миленькая крестьянка и весьма-непріятная барышня. Бѣлая повязка чрезвычайно шла къ ея круглому личику, а коротенькая юбка къ ея хорошенькимъ ножкамъ; но длинное со складками платье знатной женщины лишало ихъ этихъ выгодъ, и курчавые низкіе волосы, придававшіе ей видъ смѣлости и неповиновенія, худо покрывались гладкой прическѣ, занятой дамами того времени у прелестныхъ Англичанокъ. Ея прямо-крестьянскія манеры заключали въ себѣ граціозный комизмъ, который подъ голубымъ, небснаго цвѣта платьемъ романтической Марі казался непріятнымъ и даже наглымъ. Наконецъ, добрая Люди, которой круглыя и маленькія формы не лишены были прелести при свободѣ движеній, въ эту минуту походила на некрасиваго мальчика, шесткусно-переодѣтаго въ женщину.

Жанна представляла совершенно — противоположное. Барышня она была такъ же хороша, какъ и крестьянкой; въ плетности форм ея не было ничего мужскаго, благодаря ея кроткому и невинному характеру, всегда придававшему ей видъ степенный и важный. *Лилии и розы лица ея* (къ нему всегда можно было примѣнить эту старую метафору, потому-что ни солнце, ни загаръ не имѣли въ нее никакого вліянія) казались еще чище и свѣжѣе при бѣломъ платьѣ и кружевной пелеринкѣ; блестящіе волосы ея, всегда скрывавшіеся подъ повязкой, уступили гребню, руководимому тонкимъ вкусомъ дѣвицы де-Буссакъ, и золотыми прядями обвивались около ея головы, удивительно-хорошо сформированной. Рукамъ ея чудесно-устроеннымъ, ненужно было никакихъ косметическихъ средствъ, кромѣ молока, съ которымъ онѣ ежедневно обращались для того, чтобъ быть удивительно-бѣлыми и мягкими. Только ногти ея были худо закрыты: это была нога греческой статуи; при выхшая въ дѣтствѣ Жанна ходитъ обнаженною по пустырямъ, она была такъ-хороша и естественна, что не могла быть покойна въ узкихъ и остроносыхъ башмакахъ, посредствомъ которыхъ свѣтскія женщины образуютъ себѣ естественныя оконечности, по-видимому непрінадлежація человѣческому тѣлу.

— Признаюсь, сказала, глядя на нее, дѣвица де-Буссакъ — я никогда ничего не видала лучше тебя, Жанна. Небо!

могло бы сделать тебя лучше, еслибъ сотворило для того, чтобъ быть герцогиней. Теперь, маменька, прибавила она: — мы пойдемъ погулять по саду. Городскіе жители издали пріймутъ двухъ нашихъ наряженныхъ за дамъ, пріѣхавшихъ изъ Парижа. Тотчасъ разнесется слухъ, что у госпожи подтрефектши три дочери, и завтра, увидявъ только одну, всѣ будутъ суетиться, чтобъ узнать, куда дѣвались двѣ остальные. Такимъ-образомъ, весь городъ Буссакъ будетъ обмануть перваго апрѣля.

— Пожалуйста, сударыня, прошу васъ не вмѣшивать меня ни въ какія шутки. Въ моемъ положеніи, я не могу позволить себѣ шутить съ подчиненными. Это было бы знакомъ самаго дурнаго тона и поставило бы ихъ со мною въ такія короткія отношенія, которыя мнѣ вовсе не приличны.

— Къ-тому же, это можетъ ихъ разсердить, прибавила госпожа де-Буссакъ:—заставитъ думать, что надъ ними смѣются, что съ ними худо обращаются, а жители маленькихъ городовъ чрезвычайно-раздражительны. Нѣтъ Марі, не продолжай dalje этой шутки, другъ мой.

— Правда, отвѣчала съ кротостію Марі. — Такъ мы тотчасъ перестанемъ, маменька.

— Вотъ! нашему удовольствію и конецъ! сказала Эльвира, принявъ вдругъ раздосадованный видъ: — стѣяло употреблять столько времени на ихъ одѣванье! Вы всегда таковы, маменька, вы никогда не хотите, чтобъ другимъ было весело! Еслибъ вы ничего не говорили, г-жа де-Буссакъ и не подумала бы запрещать намъ.

— Но если тебѣ говорить, дочь моя, что этимъ могутъ оскорбиться и съ самаго начала получить предубѣжденіе противъ насъ!

— Большое несчастіе оскорбить дураковъ! возразила Эльвира, вся покраснѣвъ съ досады, хотя медленный тонъ ея не показывалъ, чтобъ она была способна къ прямому и откровенному выраженію гнѣва.

Госпожа де-Шармуа готовилась отвѣчать, и споръ не кончился бы такъ скоро, еслибъ не вошелъ Кадѣ со свѣчами. Сынъ пономаря Леонара недавно былъ завербованъ въ число новыхъ сельскихъ слугъ, которыми изъ экономіи госпожа де-Буссакъ замѣнила свою парижскую прислугу. Спрошенная своей крѣстной, Жанна указала на Кадѣ, какъ на добраго малаго, годнаго, какъ говорится, на все. Кадѣ былъ въ восхищеніи отъ-того, что будетъ жить въ одномъ домѣ съ Люди, съ которой онъ причащался вмѣстѣ въ первый разъ (у крестьянъ, ходящихъ вмѣстѣ учиться катехизису передъ причащеніемъ, составляется связь, которая никогда не забывается) и съ Жанной, которая была его благосклонной спутницей и просвѣщенной путеводительницей въ искусствѣ пасти скотъ. Онъ

былъ немного-тяжелъ, немного-неловокъ, много разбивалъ, дѣлалъ тысячи *qui pro quo*, когда ему что-нибудь поручали, и въ шесть мѣсяцевъ еще не могъ возвыситься разумомъ до симметрии десерта. Впрочемъ, онъ былъ трудолюбивъ, трезвъ, честенъ и послушенъ, за что ему прощались все неловкости, такъ-что «Большая-барыня Буссакъ» рѣшилась смѣяться надъ нимъ вмѣстѣ съ Марі, которая покровительствовала ему, потому-что Жанна всегда за него ходатайствовала. Что же касается до Люди, она все время проводила въ томъ, чтобъ приставать къ нему, бранить его, передразнивать, и такое обращеніе, вмѣсто того, чтобъ оскорблять, чрезвычайно его радовало; но съ своей стороны, хитрѣйка была бы въ отчаяніи, еслибъ ей пришлось потерять товарища, который возбуждалъ ея веселость своей снисходительной наивностью и неизмѣннымъ хладнокровіемъ.

Каде не зналъ обмана, который готовился по случаю перваго апрѣля. Смутно видя еще двухъ дамъ въ глубинѣ гостиной, онъ, по обыкновенію своему, скромно потупилъ глаза, поставилъ свѣчи, помѣшалъ огонь въ каминѣ, закрылъ жалюзіи и вышелъ, не замѣчая хохота Люди и мамзель Эльвиры, тогда-какъ Жанна и Марі сидѣли какъ-нельзя-серьезнѣе.

Черезъ минуту вошелъ Марсилья, и госпожа де-Вуссакъ, обращавшаяся съ нимъ, какъ съ другомъ дома, молча согласилась на то, чтобъ Марі оставила двухъ ложныхъ барышень и попыталась, не удастся ли обмануть и его. Но Марі, зная бистрый и прощипательный взглядъ Леона, помѣстила горничныхъ въ амбразуры окна и сѣла съ Эльвирой впереди за рабочій столѣкъ.

Со времени болѣзни Гильюма, Марсилья былъ очень-хорошо принятъ въ замкѣ Буссакъ. Тогда онъ обнаружилъ къ этому молодому человѣку большое участіе. Во время его выздоровленія, онъ приходилъ къ нему бесѣдовать и читать ему раза два или три въ день. Его не оттолкнула апатическая холодность, съ которой болѣзной принималъ его услуги. Когда Гильюмъ столько окрѣпъ, что могъ изъявлять свою благодарность или неудовольствіе, то госпожа де-Вуссакъ и дочь ея съ удивленіемъ замѣтили, что онъ показывалъ въ-отношеніи къ Марсилья все больше-и-больше холодности и принужденія. Онъ никогда не обращался къ нему съ грубыми словами: напротивъ, поблагодарилъ его за его преданность въ дружескихъ выраженіяхъ, но ледянымъ тономъ. Потомъ, казалось, онъ убѣгалъ его; не могъ удержать движенія нетерпѣвннн и неудовольствія, когда видѣлъ, что онъ входилъ во дворъ замка и шелъ къ дому; наконецъ, нѣсколько разъ убѣгалъ къ себѣ въ комнату и запирался, хотя Люди, которая за всѣмъ присматри-

вала или все угадывала, видала его въ это время читающимъ или просто стоящимъ на балконѣ.

Марсилья очень-хорошо замѣтилъ это неблагоклонное къ себѣ расположеніе. Онъ не обратилъ на это вниманія, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ, на что вполне уполномочивало его усиленіе дружескихъ ласкъ и внимательности со стороны госпожи де-Буссакъ. Бѣдная мать, не подозревая причины этой антипатіи, приписала неблагодарность своего сына, въ которой она всячески старалась оправдать его, но которую боялась порицать явно (потому что медицина запрещено было больному всякое волненіе, всякое противорѣчіе)—болѣзненному состоянію его умственныхъ способностей. Когда Гильйомъ былъ уже внѣ опасности, госпожа де-Буссакъ взяла изъ монастыря Маріи въ надеждѣ, что общество любимой сестры разсѣетъ меланхолію молодого человѣка. Но послѣ нѣсколькихъ дней сердечнаго изліянія, Гильйомъ сдѣлался раздражительнѣе, страннѣе и казался болѣе убитъ духомъ, чѣмъ прежде. Тогда рѣшилась отправить его въ Марсель, къ сэрѣ Артурѣ, собиравшемуся въ Италію и въ письмахъ своихъ съ дружеской настойчивостію упрощивавшему, чтобъ ему поручили разсѣять своего молодого друга и наблюдать за его здоровьемъ. Марсилья предложилъ доѣхать съ Гильйомомъ до Марселя, и на этотъ разъ Гильйомъ принялъ его услуги съ такою готовностію, которую сочли первымъ, счастливымъ признакомъ его физическаго и нравственнаго выздоровленія.

Изъ Марселя Леонъ отправился въ Герѣ, гдѣ хотѣлъ нѣсколько лѣтъ отправлять званіе адвоката, какъ на сценѣ болѣе-достойной его таланта, чѣмъ Буссакъ—темная арена его первыхъ, но невѣрительныхъ опытовъ. Онъ часто возвращался въ Буссакъ для свиданія съ своимъ семействомъ, съ друзьями своего дѣтства и для надзора за своимъ имѣніемъ. Онъ всегда бывалъ частымъ гостемъ и у маркиза Буссакъ, былъ снисходительнымъ и безстрастнымъ повѣреннымъ этого семейства, явно распоряжалъ дѣлами его въ затруднительныхъ случаяхъ,—словомъ, сдѣлался необходимымъ, за что владѣтельница замка простила ему нелюбовь и неуваженіе къ трону и имперіи, которые она уважала только для формы, ради имени, его носимаго. Имѣя только это имя, которымъ она могла блистать въ провинціи и которое уважали теперь болѣе, нежели во времена имперіи, она только имъ и принадлежала реставраціи.

И такъ, большая-барыня Буссакъ принимала по-дружески адвоката, либерала и вольтеріанца; а дѣвица Буссакъ, изъ угожденія къ матери, обращалась съ нимъ съ откровенною любезностію, стараясь придать ей шуточный тонъ, не пытая къ нему довѣрія и хороша

понимая, что она будетъ уязвлена во глубинѣ души иронією Марсилля, если начнетъ серьезно говорить съ нимъ о чемъ бы то ни было. Внутренно Марі опасалась этого челоуька, по-видимому не-любимаго братомъ ея и про котораго она знала, что онъ скептикъ, не зная того, что онъ развратникъ. На этотъ счетъ, въ замкѣ закрывали глаза; къ-тому же, при дѣвушкахъ не провозносятъ слова «развратникъ».

— Баронесса, сказалъ Марсилля хозяйкѣ: — извѣщаю васъ о визитѣ. Внизу, у холма, я встрѣтилъ тяжелую карету, наполненную весьма-важными особами, которыхъ не знаю, но которыя нѣсколько разъ спрашивали меня, у себя ли вы.

— Тяжелая карета... важныя особы... вскричала госпожа де-Шармуа, кидая бѣглый взглядъ на туалетъ своей дочери.

— И которыхъ вы не знаете? прибавила госпожа де-Буссакъ. — Это всего страннѣе; потому-что вы всѣхъ здѣсь знаете, г. Леонъ.

— Развѣ вы не видите, маменька, что это говорится для перваго апрѣля? сказала дѣвица Буссакъ улыбаясь.

— Ахъ! мамзель Марі, отвѣчалъ Марсилля:—я никогда не позволилъ бы себѣ того... что вы, дѣлая мнѣ величайшую честь, позволяете себѣ со мною въ эту самую минуту.

— Что такое?

— Позвольте мнѣ поклониться этимъ дамамъ, сказалъ Марсилля, узнавъ загорѣвшій затылокъ Ліоди подъ ея плохо-поддавшимися гребню волосами.

И онъ подошелъ къ группѣ, съ серьезнымъ комизмомъ дѣлая большіе поклоны Ліоди, но не глядя ей въ лицо, потому-что красота Жанны и ея естественно-благородное, спокойное положеніе привлекли все его вниманіе.

— Какъ вы это узнали меня такъ скоро, когда Кадѣ вовсе не узналъ? вскричала Ліоди, вставъ и сильно ударяя себя въеромъ по груди.

— Какъ прелестно она машетъ въеромъ! возразилъ съ той же насмѣшливостью Марсилля, все смотря въ сторону, на Жанну: —точно андалузская красавица.

— Не глупости ли вы это мнѣ говорите, г. Леонъ? спросила Ліоди, совсѣмъ не понявъ ироніи его комплимента.

Пока весело шутили около рабочаго столика, госпожа де-Шармуа, наведя свой лорнетъ на Марсилля и уже разспросивъ на-скоро госпожу де-Буссакъ объ имени его, положеніи въ свѣтъ и состояніи, рысьимъ взоромъ женщины, рожденной для того, чтобъ быть префектомъ полиціи, усмотрѣла, что адвокатъ, бросивъ бѣглый взглядъ на толстую Эльвиру, не удостоилъ ея ни малѣйшаго вни-

наня и, продолжая говорить съ Марі и Люди, не спускалъ глазъ съ красавицы Жанны.

— Милая моя, сказала она госпожѣ де-Буссакъ: — пора кончить эту шутку; къ вамъ пріѣхали гости. Я уже слышала стукъ колесъ во двору.

— Э, нѣтъ; это воротилась назадъ телега.

— Все равно! прикажите выйдти этимъ дѣвчонкамъ. Прошу васъ выслать ихъ для меня. Визитъ, сдѣланный вамъ въ эту минуту, былъ бы мнѣ чрезвычайно-непріятенъ... Къ-тому же, право, прибавила она, совершенно понизивъ голосъ:—у васъ слишкомъ-хороша одна служанка; это вредитъ нашимъ дочерямъ. Я не понимаю, для чего вы держите эту Жанну, когда у васъ есть дочь-невеста. Вижу, что вы въ этомъ ничего не понимаете и что мнѣ должно васъ руководствовать, если хотите пристроить ее приличнымъ образомъ... Вотъ! вы все смѣтаете! Ну, такъ я сама отошла въ курятникъ этихъ контрабандныхъ барышень.

Толстая Шармуа встала, но прежде, чѣмъ успѣла сдѣлать шагъ, Каде, весь красный, запыхавшійся, растрепанный, вбѣжалъ въ гостиную, крича и смѣясь до-того, что могъ вывихнуть себя челюсть:

— Сударыня! вотъ они! вотъ они, сударыня! Это они! это они, какъ честный человекъ!

— Сынъ мой! вскричала госпожа де-Буссакъ, разгадавшая эти слова однимъ комментариемъ материнской нѣжности.

Она кинулась къ двери вмѣстѣ съ Марі, и вдругъ Гильюмъ, толкая Каде, который въ радости потерялся и мѣшалъ радости другихъ, кинулся въ объятія матери и сестры. За нимъ слѣдовалъ сэръ Артуръ, съ счастливымъ и спокойнымъ видомъ ожидая своей доли въ семейныхъ объятіяхъ и сердечныхъ изліяніяхъ.

ХИ.

Эксцентрическій джентльменъ.

— Надѣюсь, я сдержалъ свое слово, сказалъ сэръ Артуръ г-жѣ де-Буссакъ, когда прошли первыя минуты радости. — Я привожу вамъ Гильюма такимъ же свѣжимъ, милымъ и здоровымъ, какимъ онъ былъ до болѣзни.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Гильюмъ сталъ полнымъ красавцемъ. По-утру онъ принарядился, чтобъ обрадовать мать своею переменюю. Его глаза блистали счастьемъ, которое обыкновенно ощущаешь, возвращаясь, послѣ долгаго отсутствія, въ нѣдра семейства. Онъ безпрестанно обнималъ мать свою, нѣжно цаловалъ руки сестры и сжи-

малѣ въ объятіяхъ сэра Артура, называя его своимъ спасителемъ, лучшимъ другомъ, истиннымъ своимъ докторомъ; онъ даже чрезвычайно-ласково обходился съ Марсилья, и по-видимому побдиль или забылъ все противъ него предубѣжденія. Представленный г-жѣ Шармуа, онъ нашелся сказать много лестнаго и кстати поздравитѣ свою сестру и мать съ ихъ пріѣздомъ, — однимъ словомъ, все было отъ него въ восхищеніи, даже толстая подпрефектша пожалѣла, что онъ слишкомъ-хорошъ, потому-что, по ея мнѣнію, красота дѣлаетъ молодыхъ людей гораздо-требовательнѣе относительно богатства невѣсть. Сэра Артура она пожирала своимъ лорнетомъ, и, восхищаясь его прекраснымъ лицомъ и благородною осанкою, сначала не столько думала о томъ, чтобъ сдѣлать его своимъ зятемъ, сколько сожалѣла, что сама не моложе двадцатью годами.

Жанна и Люди остались въ углу, забывъ о своемъ нарядѣ, — одна изумленная при видѣ красивыхъ, прекрасно-одѣтыхъ мужчинъ, другая довольная радостію своей крѣстной матери и, особенно, своей молодой госпожи, не думая ни о томъ, чтобъ показаться, ни о томъ, чтобъ скрыться, и, по обыкновенію, забывъ о самой-себѣ.

— Какъ смѣшно говорить высокій господинъ! сказала Люди, услыша британское произношеніе сэра Артура.

— Развѣ ты не слышишь, что онъ говоритъ по-англійски! остроумно замѣтилъ Кадэ, приближаясь къ ней.

— А! такъ это по-англійски? продолжала Люди. — Ну, оно довольно-понятно.

— Этотъ господинъ Англичанинъ? сказала въ свою очередь Жанна, сохранившая къ дѣтямъ Альбіона страхъ и отвращеніе, которые уже четыре вѣка живутъ въ душахъ поселянъ, и очень удивилась, что онъ скорѣй похожъ на христіанина, чѣмъ на чорта.

— Мамзель Марі, сказалъ Марсилья: — прошу извинитъ меня за обманъ.

— Прощаю отъ всей души, отвѣчала дѣвушка: — но удивляюсь вашему лицезрѣнію: вы ждете очень-хладнокровно.

— Въ этомъ надобно обвинять г. Артура. Онъ строго приказывалъ мнѣ быть осторожнымъ; ему очень хотѣлось изумитъ васъ.

— Да, миссъ Марі, сказалъ сэръ Артуръ съ тонкою улыбкою и своею обыкновенною медленностью. — Я былъ сердитъ на васъ за 1-е апрѣля, когда, еще маленькою, въ монастырѣ, вы мнѣ насаждали тысячу прелестныхъ небывлицъ, смѣясь при каждомъ словѣ, и не смотря на то, я вамъ повѣрилъ. Теперь моя очередь васъ мистифицировать.

— Увѣрены ли вы, сэръ Артуръ, сказалъ Марсилья, мигнувъ дѣ-

вицѣ де-Буссакъ:—что миссъ Марі не можетъ болѣе обмануть васъ въ 1-е апрѣля.

— Это *нѣтъ-возможно!* вскричалъ Англичанинъ: — я ей больше не вѣрю.

Въ эту минуту, Гильйомъ подошелъ къ своей сестрѣ и посмотрѣлъ на Люди, не узнавая ея. Она была принята въ замокъ гораздо-послѣ отъѣзда его въ Италію, а онъ видѣлъ ее только однажды, проѣзжая черезъ Туль-Сейт-Круа. Перемена костюма окончательно сбила его воспоминанія, и онъ не обратилъ на нее вниманія, подумавъ только: я не помню гдѣ видѣлъ лицо, похожее на это. Но, увидѣвъ Жанну, онъ нашелъ ее столь прекрасною въ новомъ костюмѣ, что не могъ себѣ представить, чтобъ она надѣла его въ первый разъ. Ему пришла мысль, что госпожа де-Буссакъ, цѣня возвышенный характеръ крестницы, вывела ее изъ ряда горничныхъ и сдѣлала равною себѣ, компаньонкою, и онъ почувствовалъ радость и ужасъ...

Входя, онъ приготовлялся встрѣтить Жанну чувствами отеческаго покровительства. Но, не встрѣтивъ ея ни на дворѣ, ни на лѣстницѣ замка, подумалъ, что его мать въ припадкѣ гнѣва или каприза отослала Жанну къ ея барашкамъ въ горы. И вдругъ онъ нашелъ ее въ залѣ, въ платьѣ горожанки. Ее, безъ-сомнѣнія, воспитали; онъ услышитъ изъ устъ ея очищенный разговорный языкъ. Ея благородное лицо, скромная, исполненная достоинства осанка, такъ согласуются съ этими предположеніями! Онъ приблизился къ ней, взялъ ее за руку, хотѣлъ говорить, задрожалъ, поблѣднѣлъ и смѣшался. Рука Жанны стала такъ бѣла и нѣжна; квейный рукавъ позволялъ видѣть такую красоту формъ, Гильйомъ, смущенный, не понимая самъ что дѣлаетъ, поднесъ ее къ своимъ губамъ. Бѣдная дѣвушка приняла замѣшательство своего крестнаго отца за холодность, а почтительную и необыкновенную ласку его за насмѣшку надъ ея костюмомъ, подобную тѣмъ низкимъ поклонамъ, которые Марсилья отдавалъ Люди. Ея глаза наполнились слезами, и она поспѣшно ушла съ Люди переодѣться въ крестьянское платье и приготовить ужинъ для своего крестнаго.

Однако красота ея, кротость и природная ловкость сильно поразили сэра Артура. У него была хорошая память, но онъ не могъ объяснить себѣ, почему ему казалось, что онъ уже видѣлъ это ангельское лицо. Не видалъ ли онъ его во снѣ? Не былъ ли это—идеалъ его мыслей? Не походило ли оно на одну изъ тѣхъ чудныхъ портретовъ, которыми онъ любовался во Флоренціи и Римѣ съ религіозною любовью?

— Ктѣ эта молодая миссъ? спросилъ онъ у Марсилья.

— Это Англичанка, гувернанта дѣвицы Шармуа, громко от-

вѣчалъ Марсилля, сдѣлавъ знакъ Марі: — это *miss Jane*, а другая *miss Claudia*, гувернанта дѣвицы Марі.

— Миссъ Жанъ! гувернанта! повторилъ Англичанинъ.

— Какъ! сэръ Артуръ, сказала, улыбаясь, Марі:—вы и теперь бонитесь 1-го апрѣля? Право, вамъ, наконецъ, нельзя будетъ сказать и здравствуй, безъ того, чтобъ не возбудить вашего подозрѣнія.

Но сэръ Артуръ попалъ уже на улочку безграничною доверчивостію и радовался при мысли, что за ужиномъ въ волю наговорится по-англійски.

Поспѣшили подать ужинъ. Оба путешественника были голодны. Сэръ Артуръ, не смотря на просьбы и упреки всего семейства, былъ непоколебимъ въ намѣреніи ухватить тотчасъ послѣ ужина. Важныя, нетерпяція отлагательства дѣла призывали его въ Орлеанъ, гдѣ у него были земли. Онъ запретилъ откладывать лошадей, но далъ честное слово возвратиться черезъ недѣлю.

Люди в Кадѣ суетились вокругъ стола, на который поставленъ былъ ужинъ, и Люди толкала Кадѣ, браня его въ-полголоса и взглядами и движеніями насмѣхаясь надъ нимъ. Люди-крестьянка не болѣе поразила сэра Артура, какъ Люди-барышня. Вниманіе его ограничивалось тѣмъ, что, по свойственной ему одному учтивости, онъ благодарилъ всякій разъ, когда женская рука перемѣняла ему тарелку, вмѣсто грубыхъ, загорѣлыхъ и мезолистыхъ лапъ Кадѣ.

Гильюмъ узналъ наконецъ Люди и вспомнилъ, что въ одномъ изъ постскриптовъ дружескихъ писемъ, въ которыхъ обыкновенно помѣщаютъ всѣ подробности домашней жизни, его извѣщали о принятіи ея въ замокъ.

— Такъ Люди была переодѣта? спросилъ онъ у сидѣвшей возлѣ него Марі.

— Разумѣется, отвѣчала она.—Мы сдѣлали маскарадъ по случаю 1-го апрѣля, не предвидя, что и безъ этого будемъ сегодня счастливы.

— И Жанна тоже была переодѣта?

— Безъ сомнѣнія. Развѣ ты ея не узналъ?

— Не совсѣмъ, сказалъ Гильюмъ задумавшись.

— Помилуй! ты поцаловалъ ей руку съ большою церемоніею! Мы думали, что ты помогаешь намъ обмануть сэра Артура...

— Я и не думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Гильюмъ.

— Ахъ! ты еще не вылезъ изъ разсвѣнности?

Во время этого разговора, веденнаго въ-полголоса, г-жа Шармуа громкимъ и рѣзкимъ голосомъ разспрашивала сэра Артура о его мысляхъ на счетъ женитьбы.

— Давно уже я имела удовольствіе встрѣчать васъ въ Парижѣ у госпожи де-Буссакъ и госпожъ де-Броссъ и Клерво, говорила она ему.—Тогда вы не были женаты; вы были въ первѣйшности купить ли имѣніе во Франціи или возвратиться въ Англію: это было немного суетя послѣ возвращенія нашихъ обожаемыхъ принцовъ и мы считали васъ въ числѣ нашихъ освободителей, хотя вы и не были военнымъ. Теперь вы женаты, я думаю... или вдовы? Внимайте, я не помню хорошенько.

Марсиля невольно пожалъ плечами при словѣ «освободитель», которое Англичанинъ принялъ очень-холодно. Госпожа де-Буссакъ, примѣтя хитрость, употребленную госпожою Шармуа для выведенія, жевать ли сэръ Артуръ, толкнула ее колѣнкомъ, давая знать, что это очень-неудобно; но г-жа Шармуа не обратила на это вниманія, будучи увѣрена, что всѣ средства хороши для того, чтобъ достигнуть намѣреннаго.

— Такъ вы еще холосты? продолжала она, когда Англичанинъ замѣтилъ ей, что его кочевая въ-теченіи трехъ лѣтъ жизнь не могла согласоваться съ узми, налагаемыми гимедеемъ.

— Но подумайте, что пора за это взяться, сэръ Артуръ! Вы еще въ цвѣтъ лѣтъ... Однако мужчины за тридцать лѣтъ уже становятся старыми холостяками.

— Вы совершенно-правы, сударыня, отвѣчалъ сэръ Гарлей:— дѣлаешься эгоистомъ, рабомъ привычекъ, день-о-то-дня становишься меньше-способнымъ ошаставить женщину. По-этому-то я твердо рѣшился жениться лучше рано, чѣмъ поздно.

— Въ добрый часъ! Я всегда дурно думаю о мужчинѣ, который не женится. Вашъ выборъ, конечно, уже сдѣланъ?

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ.

— А! вы еще не рѣшились?

— *Очень не рѣшился*, отвѣчалъ Англичанинъ утвердительно.

— Понимаю! вы еще не увѣрены въ томъ, что влюблены.

— Я *не влюблена*, сказалъ Англичанинъ:— но могу влюбиться.

И онъ осмотрѣлся кругомъ, будто ища кого-то.

— Онъ совершенно-наивенъ и откровененъ, подумала толстая г-жа Шармуа:— подбить его легко. Вы смотрите, сказала она, понизивъ голосъ:— нѣтъ ли кого-нибудь, кто бы напомнилъ вамъ предметъ вашихъ мыслей?

— Мои мысли еще не воспоминанія, сударыня, сказалъ Англичанинъ смѣясь.

— Не хочеть ли онъ привлекнуться за мною? подумала под-проектша. — Какъ жаль, что я несвободна! А Эльвира какъ-нарочно надулась, вмѣсто того, чтобъ показать свои прекрасные зубы! Какъ глупы эти дѣвчонки!.. Я увѣрена, сэръ Гарлей, продол-

жала она, вспомнивъ объ ограниченности своихъ средствъ; — что вы честолюбивы?

— Очень, сударыня.

— Вы, какъ и всѣ богатые люди нынѣшняго времени, хотите быть еще богаче?

— О, я гораздо-честолюбивѣе!

— Вамъ нужно громкое имя?

— Я бы желалъ, чтобъ она имѣла имя красивое и легкое для произношенія.

— Вы большой шутникъ, я вижу. Советую вамъ взять женщину изъ хорошаго дома. Вы благородной, но не знаменитой фамиліи, и если хотите жить во Франціи въ какомъ-нибудь почетѣ, то должны соединиться съ женщиною, которой имя... не будучи первымъ, потому-что, наконецъ, вы не можете желать какой-нибудь Монморанси... было бы по-крайней-мѣрѣ...

— Я честолюбивѣе этого, сударыня, перебилъ Англичанинъ, нисколько не смущаясь.

— Э! Боже мой, чего же вы хотите? Вы очень богаты?

— Я честный человекъ и хотѣлъ бы быть любимъ и уважаемъ моимъ женою, — вотъ мое честолюбіе.

— Прекрасно! вы восхитительны! нельзя быть милѣе! Говорятъ, одни Французы имѣютъ умъ! да вы можете продавать его, мой милый.

— Вы слишкомъ-добръ, сударыня.

— Напротивъ, вы добры. Я увѣрена, что вы будете самымъ лучшимъ изъ всѣхъ мужей. Женитесь, право! Вы хотите только быть любимы; но вы слишкомъ достойны хорошей жены и вамъ легко ее встрѣтить.

— Гораздо труднѣе, чѣмъ вы думаете, сударыня. Женщина достойная любви и способная любить искренно, вѣрно, — рѣдкость во Франціи, гдѣ женщины такъ умны!

— Вы ошибаетесь! Я знаю такихъ, у которыхъ сердце властвуетъ надъ разсудкомъ, и докажу вамъ, что если вы воротитесь черезъ недѣлю...

— Черезъ недѣлю? слишкомъ-долго! сказалъ Англичанинъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ.

— Ахъ! какъ вы спѣшите! Путешествіе по Италіи, кажется, не удовлетворило васъ, и вы надѣетесь найти что-нибудь получше у насъ. Надѣюсь, однако, вы потерпите недѣлю. Я добрая женщина, знаю человеческое сердце и интересуюсь вами... право, какъ-будто-бы вы были моимъ сыномъ.

— Вы слишкомъ-добръ! повторилъ Англичанинъ съ незамѣтною насмѣшливостію.

Наступилъ десертъ; это по части Жаннѣ. Она пришла съ корзинами, наполненными яблоками, грушами и виноградомъ, превосходно сохраненными и искусно расположенными на мзу. Одѣтая крестьянкою, очень-чисто, съ рукавами засученными до локтей, она протянула свои прекрасныя бѣлыя руки, чтобъ поставить посреди стола большой сыръ, на-скоро ею приготовленный. Шеки ея горѣли румянцемъ. Чтобъ прислуживать за столомъ, она, безъ недоумчивости и принужденности, наклонялась то подлѣ Гильйома, то подлѣ Англичанина. Но Гильйомъ замѣтилъ, что она возбуждаетъ приближенія къ Марсилля, хотя онъ незаметно отодвинулъ свой стулъ отъ стула Эльвиры, чтобъ дать ей мѣсто. Гильйомъ съ трудомъ оторвалъ отъ нея взоры и заговорилъ съ своею сестрою, чтобъ забыть о ней. Но Жаннѣ суждено было привлекать въ этотъ вечеръ всеобщее вниманіе.

Какъ только она вошла, сэръ Артуръ, котораго очень утомили супружескія наставленія г-жи Шармуа, переѣвилъ разговоръ и, обратясь къ дѣвицѣ де-Буссакъ, сказалъ смѣясь:

— Хорошо, миссъ Марі! вы думаете, что поймали меня, но ошибаетесь.

Марі уже забыла сказку о гувернантѣ и посмотрѣла на сэра Артура съ видомъ ульвленія,

— Миссъ Жанъ очень-хорошо переодѣта, продолжалъ Англичанинъ:—но она хороша и въ этомъ видѣ, и я ни на минуту не былъ обманутъ.

— Извините меня, сказала Марі:—вы приняли нашу красивую молочницу за Англичанку, за гувернанту, но я и не думала васъ обманывать.—Г. Марсилля сочинилъ эту сказку.

— Вы очень-хорошо разыгрываете комедію, отвѣчалъ Англичанинъ, упорно рѣшившійся принимать Жанну-молочницу за переодѣтую миссъ Жанъ.

— Ахъ! это ужь слишкомъ! вскричали молодыя дѣвушки, смѣясь.—Можно биться объ закладъ, что онъ считаетъ себя обманутымъ!

— Прекрасная комедіа! отвѣчалъ сэръ Артуръ, отъ-души смѣясь въ свою очередь.

Невозможно было узнать навѣрное, что думалъ мистифицированный Англичанинъ; вѣрно то, что онъ не хотѣлъ вѣрить, не смотря на отсутствіе предразсудковъ, чтобъ въ молочницѣ могло быть столько благородства, и остался при первомъ своемъ впечатлѣніи и симпатическомъ удивленіи къ прелестной соотечественницѣ, которую ему показали въ бѣломъ платьѣ, съ золотистыми волосами, вричесанными по-англійски.

— Въ-самомъ дѣлѣ, она красивѣйшая изъ женщинъ, сказалъ онъ

Марсилля, который забавлялся его распросами:—потому и въ этомъ уборѣ она такъ же красива, какъ и въ прежней прическѣ.

Англичанинъ, выпивъ шесть чашекъ чая, приготовленнаго ему Марі и налитаго ею съ готовностію доброй сестры, благодарной за заботы о ея братѣ, устоялъ противъ новыхъ просьбъ, возобновилъ свое обѣщаніе возвратиться черезъ недѣлю, и уѣхалъ, обнявъ своего дорогаго Гильйома, на котораго смотрѣлъ, какъ на сына. Въ то время, какъ онъ садился въ карету, толстая г-жа Шармуа, провожавшая его вмѣстѣ со всемъ семействомъ, сказала ему въ-полголоса:

— Вы обѣщали посоветоваться со мною. Не рѣшайтесь на что-нибудь безъ меня. Я всѣхъ знаю, и лучше всякаго другаго могу дать вамъ свѣдѣнія и предостеречь отъ какой-нибудь западни.

— Будьте покойны, сударыня, отвѣчалъ немного-насмѣшливо сэръ Артуръ, завертываясь въ мекинтошъ и застегивая его:—черезъ недѣлю мы поговоримъ объ этомъ, быть-можетъ даже я напишу вамъ прежде недѣли, потому-что я очень *милъ-терпимый* человекъ.

Последнія слова возбудили въ душѣ толстой г-жи Шармуа самыя пріятныя мечты объ устройствѣ судьбы дочери, и она не спала всю ночь.

— Онъ напишетъ мнѣ прежде истеченія недѣли! повторяла она, повертывая на подушкѣ свою толстую голову, набитую предположеніями и планами. *Мнѣ* хочетъ онъ писать, а не госпожѣ де-Буссакъ! значить, онъ думаетъ о моей дочери. Онъ смотрѣлъ на нее... конечно, много смотрѣлъ. Всякій разъ, когда я совѣтовала ему жениться, онъ тайно взглядывалъ на Эльвиру. У него престранная фязіономія; не знаешь, шутитъ онъ или говоритъ серьезно; но онъ оригиналъ; я ему понравилась. Сколько мужчинъ рѣшается на бракъ съ дѣвушками потому, что имъ нравится умъ матери! Притомъ же, Эльвира совершенно затмѣваетъ Марі. У Марі хорошіе глаза, но она такъ худа! съ виду она ребенокъ; при взглядѣ на нее мысль о бракъ и на умъ не приходитъ.

Но что случилось съ радужными мечтами подирефектши Буссака, когда на слѣдующій же день она получила письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивая государыня!

«Горя нетерпѣніемъ слѣдовать вашимъ прекраснымъ совѣтамъ и «устроиться по своему желанію, прошу васъ быть моимъ уполномоченнымъ и предложить миссъ Жанъ, гувернантѣ вашей дочерѣ, руку, имя и состояніе честнаго человека, очень въ нее влюбленнаго.

«Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

«АРТЮРЪ ГАРДЕЙ.»

XIII.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Это неожиданное и странное посланіе было громовымъ ударомъ для госпожи Шармуа; она побѣжала къ госпожѣ де-Буссакъ, которая приняла его за шутку, сыгранную сэромъ Артуромъ съ непререкаемою совѣтчицею. — Нѣтъ, нѣтъ! вскричала г-жа Шармуа въ негодованіи: — если онъ, какъ вы утверждаете, честный человѣкъ, то онъ не шутитъ. Предположимъ, что въ-самомъ-дѣлѣ есть *миссъ Жанъ*, гувернанта моей дочери; посудите, какая радость была бы для нея, еслибы ей сказали, что миллионеръ хочетъ на ней жениться? А потомъ, какой стыдъ и какое отчаяніе при объясненіи, что это было сдѣлано для 1-го апрѣля! Нѣтъ, человѣкъ хорошаго тона никогда не позволитъ себѣ подобной мистификаціи даже съ судовойкою.

— Но, моя милая, сказала госпожа де-Буссакъ: — сэръ Гарлей не такъ простъ, какъ вы думаете; онъ очень-хорошо понялъ, что Жанна служанка, и, въ увѣренности, что вы не примете его просьбу за дѣйствительную, написалъ къ вамъ, чтобъ наказать васъ за подсовываніе ему нашихъ дочерей.

— Если таково его намѣреніе, то онъ раскается! вскричала госпожа Шармуа. — Я устрою такъ, что онъ влюбится въ мою дочь, и буду имѣть удовольствіе отказать ему. Но покуда, моя милая, вы нехъ сдѣлаете удовольствіе и прогоните Жанну.

— За что? Въ чемъ виновато это бѣдное дитя?

— Она отъявленная кокетка.

— Вы жестоко обманываетесь. Въ ней нѣтъ и признаковъ кокетства.

— Э! что за дѣло! Она хороша, нравится и вредитъ нашимъ дочерямъ. Невозможно сносить ее здѣсь долѣе.

Жанна была такою вѣрною и полезною служанкою, что госпожа де-Буссакъ довольно-твердо отказалась удалить ее.

— Однако я тебя принужу къ этому! подумала госпожа Шармуа, и притворилась, что перемѣнила намѣреніе.

— Что же касается до сэра Гарлея, сказала она, сконкавъ въисмы и бросая его въ огонь: — то вотъ всѣ послѣдствія его шутки. Надюсь, мой другъ, что вы будете молчать?

— Тѣмъ болѣе, что и нашъ другъ не могъ считать этого не шуткою, сказала госпожа де-Буссакъ: — и надѣется, что вы вос-

пользуетесь урокомъ, не сообщая его никому. Я покажу, будто ничего не знаю.

— А я, прибавила подпрефектша:—сдѣлаю видъ, будто не получила этого дерзкаго письма, *будто* бы оно потерялось, и если вашъ Англичанинъ станетъ мнѣ говорить о немъ, я притворюсь, *будто* ничего не понимаю.

Госпожа Шармуа пошла къ своему мужу, который занимался отправкою въ городъ въ подпрефектуру своихъ вещей, и, критикуя его и браня за все, немного успокоилась.

Однако посланный сэромъ Гарлеемъ изъ Шатра, гдѣ были написаны письма въ Буссакъ, прѣхавшій рысцою исполнить странное порученіе, требовалъ, согласно съ данными ему наставленіями, свиданія съ Жанною, но провозносилъ ея имени по-англійски, и какъ это имя, написанное на привезенномъ имъ письмѣ, представляло для глазъ Француза тотъ же звукъ, какъ и имя Жанны, то Люди, учившаяся читать и складывавшая уже довольно бойко, безъ труда поняла, кому назначалось письмо.

— Это отъ господина Англичанина, который третьяго-дня провѣщалъ у насъ? сказала она посланному. — Странно! Вѣрно онъ что-нибудь забылъ или потерялъ у насъ; въ такомъ случаѣ, лучше бы сдѣлалъ онъ, написавъ мнѣ: Жанна не знаетъ даже азбуки. Отвѣтъ нуженъ?

— Э, нѣтъ! умно замѣтилъ Кадэ:—господинъ Англичанинъ уѣхалъ въ Парижъ.

— Ну! такъ я отдамъ ей письмо, когда она пригонитъ коровъ, сказала Люди, кладя его въ карманъ передника.

— Нѣтъ, нѣтъ, надобно сейчасъ отдать, сказала нарочный:—господинъ Англичанинъ сказалъ, что надобно отдать ей-самой тотчасъ по прѣздѣ.

— А! если такъ, то я сейчасъ пойду къ ней, сказала Люди.

И, приподнявъ одинъ уголъ передника, она побѣжала къ лугу, на которомъ Жанна пасла коровъ; но, не доходя до конца сада, встрѣтила дѣвицу де-Буссакъ, прогуливавшуюся съ братомъ, и, желая поскорѣе услышать содержаніе письма, отдала его ей; однако Марі не доставила ей удовольствія слышать чтеніе, а взялась сама отнести письмо Жаннѣ и когда Люди, не совсѣмъ довольная, ушла, то Марі сказала Гильйому:

— Это рука сэра Гарлея; что можетъ онъ писать Жаннѣ?

— Не знаю, отвѣчалъ молодой человекъ: — умѣетъ ли Жанна читать?

— Нѣтъ, сказала дѣвица де-Буссакъ, распечатывая письмо: — притомъ же, оно писано по-англійски.

«Дорогая миссъ Жанъ! нѣсколько мѣсяцевъ уже я рѣшился

кажется и какъ мнѣ претензію быть хорошимъ френологомъ и физиономистомъ, то всегда намѣревался слѣдовать первой симпатіи, сильной и истинной, которую внушить мнѣ прелестное лицо. Я видалъ васъ только нѣсколько минутъ, но смотрѣлъ на васъ пристально, такъ что не могъ ошибиться, и не узнать, что ваше лицо есть отраженіе вашей души и что ваша душа, подобно лицу — тѣнь совершенства. Я тотчасъ почувствовалъ, что люблю васъ, и что мнѣ суждено любить васъ всю жизнь; если вы отплатите мнѣ взаимностью. Позвольте мнѣ при свиданіи съ вами черезъ двѣ недѣли положить къ вашимъ ногамъ привязанность искреннюю и почтительную, основанную на самомъ высшемъ уваженіи. До того времени спросите о моемъ положеніи съ сестрою и характеръ у г. Гильйома де-Буссакъ и его семейства, а для того, чтобъ выслушать — если ваше сердце свободно и вы считаете меня достойнымъ быть вашимъ мужемъ, — мою просьбу считать меня вамъ преданнымъ слугою и другомъ.

«Артюръ Гарлей.»

— Это, кажется, не шутка, не правда ли? спросила Марі у своего брата, погружившагося въ глубокую задумчивость.

— Да, это не шутка! отвѣчалъ Гильюмъ послѣ продолжительнаго молчанія. — Сэръ Артюръ неспособенъ на неирличивую и жестокую шутку. Никогда, даже для смѣха, не говорилъ онъ неправды. Его перо никогда не писало ничего преувеличеннаго. Онъ полюбилъ Жанну, привязался къ ней болѣе или менѣе. Онъ хочетъ жениться на ней — и женится.

— Гильюмъ, мнѣ кажется, что я вижу все это во-снѣ.

— А мнѣ кажется это очень — натуральнымъ въ сэръ Артюрѣ. Это счастье и подкрѣпленіе всѣхъ его мыслей, словъ, намѣреній и убѣжденій. Онъ свободенъ отъ нашихъ жалкихъ предрассудковъ. Его душа, стоящая выше міра и суеты мірскихъ — жаждетъ только истиннаго. У него есть эксцентрическія понятія, которыя кажутся его оригиналомъ, не отнимая у него ума. Онъ не знаетъ границъ тѣмъ, что можетъ читать въ сердцахъ и безошибочно судить по физиономіямъ. Онъ не удивляется красотѣ женщинъ безъ того, чтобъ тотчасъ же, съ замѣчательною проникновенностью, не сдѣлать перечисленія всѣхъ ея достоинствъ и недостатковъ; и всегда слышалъ я одно и то же заключеніе: «Это не мой идеалъ. Дай Богъ, чтобъ мой могъ найти счастье въ моей любви въ тотъ день, какъ я его увижу!» Сперва я смѣялся надъ этими странностями, но мало-по-малу призналъ въ сэръ Гарлей серьезный умъ, страстную душу, великодушный, нечеловѣчій характеръ. Подъири мнѣ, Марі, удовольствія свѣта

даже не тронуть сэра Артура, и, женись на Жаннѣ, онъ будетъ считать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!

— Ахъ, Гильюмъ! вскричала дѣвица де-Буссакъ, глубоко тронутая: — я любила сэра Артура какъ брата, какъ истиннаго друга: теперь я удивляюсь ему, какъ герою. Не сомнѣвайся: онъ такъ же уменъ, какъ великъ, и этотъ примѣръ укрѣпляетъ въру мою въ откровеніе чувствъ. Жанна — достойна его. Жанна ангель. Въ своемъ родѣ, она женщина возвышенная, и если свѣтъ будетъ осѣивать и презирать этотъ союзъ, Богъ его благословитъ, а души сипатическія и чистыя будутъ ему радоваться. Но раздѣляешь ли ты мои мысли, милый Гильюмъ? Ты какъ-будто убить намъ реніемъ твоего друга.

— Безъ сомнѣнія... отчасти... отвѣчалъ смущенный Гильюмъ. — Сэру Артуру прійдется выдержать много нападеній въ свѣтъ! Правда, онъ независимъ; у него нѣтъ семейства, которое бы онъ долженъ былъ уважать; ему нѣкого падить.

— Если ты заботишься только о свѣтъ, то не стоить труда — сэръ Артуръ легко восторжествуетъ надъ нимъ презрѣніемъ. Не становись ниже своего друга, Гильюмъ; приготовься, напротивъ, сражаться съ нимъ и за него. Я объявляю себя его защитницею и не найду довольно словъ, чтобы достойно восхвалять его поведеніе.

— Добрая, романическая Марі! ты восхитительна! сказалъ Гильюмъ, прижимая руку сестры къ своей груди. — Ахъ! если бы ты знала, какъ оправдываетъ тебя мое сердце!

— Во мнѣ столько же романическаго, сколько и въ тебѣ, Гильюмъ, и если я восхитительна, то и ты столько же восхитителенъ; слезы въ твоихъ глазахъ — а онъ льются отъ великодушной снѣлости сэра Артура.

— Но Жанна? сказалъ Гильюмъ задыхающимся голосомъ.

— Жанна! развѣ ты сомнѣваешься въ выборѣ сэра Артура? Ты самъ говоришь, что онъ никогда не обманывается. Теперь и я буду утверждать то же, потому-что Жанна — сокровище. Ты ее не знаешь, Гильюмъ; ты видѣлъ въ ней только сироту, нуждающуюся въ помощи; ты благодаренъ ей за заботы о тебѣ во время твоей болѣзни, за ночи, которыя она, неутомимая, благочестивая и кроткая, какъ ангель, провела у твоего изголовья; ты смотришь на нее, какъ на вѣрнаго и преданнаго слугу... но я знаю ее! одна я — я знаю, что Жанна намъ равная и, можетъ-быть, передъ Богомъ выше насъ. Ни одинъ изъ насъ не имѣетъ ея терпѣнія, ея твердости, ея вѣры, ея самоотверженія. Сколько разъ, основываясь на одномъ чувствѣ и природномъ свѣтъ своей души, она открывала мнѣ великія истины, которыя я только предугадывала изъ книгъ. О! безспорно, Жанна существо совершенно-особенное! Я знаю ее. Я

была воспитана съ восьмьюдесятью или стами молодыми дѣвушками благороднаго происхожденія или богатыми, изучала ихъ и знала къ ихъ недостатки, дурныя наклонности и привычки. Между лучшими не было ни одной, которую положеніе въ свѣтъ или деньги не развратили бы уже хоть немного. И повѣрь, Гильюмъ (я говорю тебѣ то, чего никогда бы не рѣшилась сказать моей матери, потому—что она назвала бы меня сумасбродною), ни одна изъ моихъ монастырскихъ подругъ не внушала мнѣ къ себѣ такой довѣренности и почтенія, какія внушаетъ мнѣ Жанна; ни одна не была мнѣ такъ дорога, какъ эта крестьянка; ни одна не казалась мнѣ столь же чистою и святою... Дѣ, Жанна христіанка первыхъ вѣковъ; улыбаясь перенесла бы она мученія; сколько благодати сокрыто въ сердцѣ ея.

— Марі, ты меня глубоко трогаешь, отвѣчалъ Гильюмъ, садясь или лучше сказать падая на скамейку. — Голова моя еще слаба. Твоя восторженность переходитъ ко мнѣ и слишкомъ меня волнуетъ. Дай мнѣ перевести духъ.

— Братъ! другъ мой! прости меня, сказала Марі, взявъ его за руки. — Мы два раба, возставшіе противъ несправедливаго и безумнаго свѣта, который осудилъ бы наши мысли, еслибъ онъ предсталъ на судъ его.

— Ахъ, сестра! ты не знаешь, какія фибры моего сердца трогаетъ твой голосъ! жалобно воскликнулъ Гильюмъ, цалуя руки Марі и заливаясь слезами.

Волненіе Гильюма не слишкомъ изумило сестру, болѣе его восторженную и романическую; но, опасаясь сильныхъ движеній чувства, производившихъ на него большое дѣйствіе, она постаралась развлечь его.

— Ну, другъ мой, сказала она: — что же мы будемъ дѣлать съ письмомъ? Какъ перевести его Жаннѣ? какъ увѣрить ее, что это настоящее предложеніе?

Гильюмъ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ приличнымъ брать это на себя, и что его сестра можетъ удобнѣе передать все Жаннѣ.

— Ты привыкла къ наивному языку Жанны, сказалъ онъ ей: — въ случаѣ нужды можешь объяснитьсь съ нею. Пойди къ ней съ предложеніемъ сэра Артюра, милая Марі; если она не будетъ имъ ослѣплена, то по-крайней-мѣрѣ будетъ тронута.

И Гильюмъ впалъ въ прежнее уныніе.

— Постой, мой другъ! вскричала Марі. — Во мнѣ рождается сомнѣніе... Какъ ты думаешь? не былъ ли сэръ Артуръ обманутъ костюмомъ Жанны? принимаетъ ли онъ ее за служанку или за гувернанту?

— Въ-самомъ-дѣлѣ! вскричалъ въ свою очередь Гильюмъ. —

Его выходка была бы не такъ странна и капризь его не такъ эксцентриченъ въ послѣднемъ случаѣ; гувернанту должно предполагать образованною; можно предполагать хорошаго происхожденія... Притомъ, сэръ Гарлей принимаетъ Жанну за *miss Jane*, свою соотчественницу.

— Да, да, это совсѣмъ другое, замѣтила Марі. — Онъ не хочетъ вѣрить, не можетъ представить себѣ, что это прекрасное, нѣжное, благородное существо — дѣтя полей; которае едва-ли лучше пойметъ его по-французски, чѣмъ по-англійски! Однако, если бы онъ зналъ Жанну, если бы нашелъ дорогу къ ея сердцу, если бы могъ постигнуть таинственную поэзію ея мысли — онъ полюбилъ бы ее можетъ-быть еще больше. Но онъ не предвидѣлъ всей странности чувства, которому предается, и мы не должны передавать его намъреній Жаннѣ, не увѣрившись въ томъ, что онъ подумаетъ, увила ее «у хвоста короля», какъ говоритъ госпожа Шармуа.

— Я начинаю приходить въ себя, Марі, сказалъ Гильюмъ. — Меня гнѣла мысль объ этомъ невѣроятномъ намъреніи. Не знаю почему; но она пугала меня; какъ безумный поступокъ. Теперь она мнѣ кажется довольно-смѣшнымъ приключеніемъ. Добрый сэръ Артуръ! Какая полная мистификація! какъ онъ будетъ смѣяться надъ нею вѣсть съ нами! Но надобно сохранить все въ тайнѣ, Марі, не допустить, чтобъ госпожа Шармуа, между нами сказать, пренесное твореніе, ея тяжеловѣсная Эльвирѣ и шутникъ Марселѣ; а съ ними и весь городъ Буссакъ забавлялся на счетъ благороднаго и добраго Артура.

— Даже маменькѣ не надобно говорить объ этомъ, слышишь ли, Гильюмъ? сказала дѣвица де-Буссакъ. Матушка слаба отъ излѣненной доброты; она питаетъ дружбу къ г-нѣ Шармуа и не удержится, чтобъ не разсказать ей этого случая.

— Никому не должно говорить, даже Жаннѣ.

— Отъ нея надобно все скрыть. Въ ней столько ума, что нечего ей сказать, чтобъ она создала себѣ какой-нибудь воздушный замокъ; но ея положеніе въ-отношеніи къ сѣру Артуру сдѣлается тогда очень-затруднительнымъ и для нея и для него.

— Но что скажемъ мы ей, чтобъ объяснить присылку писемъ господина Англичанина?.. она узнаетъ объ этомъ отъ Люди.

— Мы ей почти-ничего не скажемъ, она не любопытна. Послушай: прежде, нежели это узнаютъ въ домѣ, мы предупредимъ Жанну, что это шутка... я вижу ее на лугу... пойдѣмъ туда.

— Я не пойду, сказалъ Гильюмъ. — Лучше останусь здѣсь, а то не буду знать, что говорить.

— Ну; такъ я буду гдѣтъ за дѣвухъ! сказала Марі.

И она побѣжала къ дереву, подъ которымъ сидѣла Жанна, мечтая объ Эпинеладѣ; о своей матери, о большихъ дугахъ, на которыхъ пасла своихъ козъ, и о добрыхъ фадахъ, бодрствовавшихъ надъ нею и отгонявшихъ отъ нея волковъ и злыхъ духовъ.

— Жанна, сказала молодая и граціозная дѣвушка, дружески обнимая ее: — нашъ другъ, сэръ Гарлей, пишетъ къ тебѣ; но его письмо шутя, продолженіе 1-го апрѣля... Ты ничего въ немъ не поймешь, потому-что и я многого не понимаю... Сэръ Гарлей самъ объяснитъ намъ его, когда придетъ черезъ двѣ недѣли.

— Хорошо, мамзель Марі, отвѣчала Жанна, цалуя нежную руку Марі, лежавшую на плечъ ея. Этотъ господинъ любитъ пошмываться; и вы тоже иногда... но не часто; по-этому, я и рада, когда вижу, что вы забавляетесь.

— Ты не сердись за это на господина Англичанина, добрая Жанна?

— О! нѣтъ, сударыня! За что мнѣ сердиться? У этого господина не сердитый видъ; притомъ же, онъ заботился о вашемъ братѣ и вы его любите.

— Кажется ли онъ тебѣ хорошимъ человекомъ?

— Кажется, да; сударыня. Впрочемъ я немного на него смѣлась:

— Развѣ тебѣ было стыдно его?

— О, нѣтъ! я не стыдлива. Я знаю, что не могу хорошо говорить, и говорю какъ могу.

— Англичанинъ говорилъ съ тобою?

— Да; когда я принесла сливки къ чаю; онъ былъ въ передней; мылъ руки, и что-то сказалъ мнѣ; но я ничего не поняла.

— По-английски?

— Не знаю, сударыня. Я ни слова не слышала.

— Говори тебѣ, онъ слышалъ?

— Насколько! Онъ какъ-будто вврилъ, что я Англичанка, какъ въ ему сказали:

— А ты смѣялась?

— Нѣтъ, сударыня. Я не хотѣла смѣяться, чтобъ не испортить вашей шутки.

— Онъ тебѣ ни слова не сказалъ по-французски?

— Нѣтъ; но взявъ у меня сливки, какъ-бы не желая, чтобъ я ему прислуживала, и приложилъ одну изъ моихъ рукъ къ своимъ губамъ. Мнѣ показалось это очень-смѣшнымъ, но Кадѣ пришелъ, и прежде, нежели я успѣла засмѣяться... господинъ-Англичанинъ поспѣшно возвратился въ залу.

— Ты въ это время была въ крестьянскомъ платьѣ?

— Конечно, потому-что это было послѣ ужина.

— И ты не удивилась?

— Нѣтъ, сударыня, потому-что вы устроили такъ между собою.

— Поцалуй тебя не оскорбилъ?

— Нѣтъ; я очень-хорошо видѣла, что господинъ Англичанинъ не хотѣлъ меня оскорбить; это была шутка.

— Признайся, Жанна, что тебѣ было не непріятно?

— Ахъ, какъ вы хитры! Какое же я могла имѣть удовольствіе? Я не знаю этого господина!

— Жанна, когда мой братъ пріѣхалъ, и онъ поцаловалъ у тебя руку.

— Да, сударыня, тоже въ шутку.

— И, какъ я замѣтила, это тебѣ было непріятно.

— Да, сударыня, правда. Я была очень-довольна, что мой крѣстный выздоровѣлъ и повеселѣлъ. Я бы очень хотѣла обнять его, моего голубчика! А онъ вдругъ началъ насмѣхаться надо мною. Это меня опечалило. Потомъ я сказала себѣ, что глупо печалиться отъ этого; лучше видѣть его готовымъ на шутки, нежели грустнымъ и больнымъ, такимъ, какимъ онъ уѣхалъ.

— Добрая Жанна, не думай, чтобъ Гильюмъ хотѣлъ надъ тобою смѣяться. Ты видѣла, что онъ и мнѣ цаловалъ руку?

— О! вы — дѣло другое: вы его сестра, а я его крестница, и мнѣ слѣдуетъ оказывать ему уваженіе.

— Онъ также обязанъ уважать тебя, Жанна, и уважаетъ.

— Почему же, сударыня?

— Потому-что и ты его сестра, его молочная сестра, и, подобно мнѣ, другъ его сердца. Будь увѣрена, онъ никогда не забудетъ усердія, съ которымъ ты ухаживала за нимъ во время его болѣзни. Я не была при немъ, когда ему было очень-худо, я ничего не знала. Отъ меня скрывали опасное положеніе брата, и тогда ты была настоящею его сестрою. Маменька тысячу разъ повторяла мнѣ, что онъ умеръ бы безъ тебя, потому-что и бѣдная маменька и всѣ наши домашніе совершенно растерялись. Ты одна была всегда при немъ, укрощала бредъ Гильюма, не позволяла ему бѣгать по комнатамъ, бросалась къ ногамъ его, чтобъ умолять быть смиреннымъ и слушаться доктора, бранила его иногда, какъ ребенка, успокоивала просьбами и кротостью... О! милая Жанна, ты сохранила мнѣ брата: какъ же ты хочешь, чтобъ онъ и я не любили тебя, какъ сестру?

Гильюмъ не могъ долго оставаться одинъ. Невольно-влекомый, онъ приблизился, и шумъ его шаговъ, заглушенный травою, не былъ услышанъ молодыми дѣвушками. Онъ стоялъ за ними во время ихъ разговора и былъ отдѣленъ отъ Жанны только цѣпью каштановаго дерева, ее отъявшаго.

— Да, Жанна, да, Мари! вскричалъ онъ, показываясь:—вы мои сестры, и бываютъ минуты, когда вы мнѣ кажетесь однимъ, нераздѣльнымъ существомъ. Благодарю тебя, Мари, за то, что ты сумѣла высказать Жаннѣ все, чего я не умѣлъ сказать, и нѣжной дружбою заплатила ей за добре, ею мнѣ сдѣланное! Да, Жанна! я никогда не благодарилъ тебя такъ, какъ должно! Ты была ангеломъ для меня: я все видѣлъ, все понималъ, все чувствовалъ, хотя былъ почти-сѣумасшедшимъ. Я видѣлъ, какъ ты стояла цѣлыя ночи на колыняхъ у моего изголовья; помню, что часто приподнимала меня и даже носила, какъ ребенка, чтобъ переменить мое кресло. Я былъ худъ, изнуренъ! Ты—всегда сильная и мужественная—провела тридцать ночей безъ сна и не спала двухъ часовъ днемъ на тюфякѣ у моей кровати. И ты не заболѣла! Передайте ты только-что ходила за своею матерью, а потомъ за моею матерью, когда она заболѣла, послѣ меня, отъ изнуренія и безпокойства... И я никогда еще не благодарилъ тебя!

— О! какъ же, крѣстный! сказала со слезами Жанна: — вы меня часто бгагодарили, десять разъ болѣе, нежели я заслуживала!

— Нѣтъ, Жанна, нѣтъ! вскричалъ восторженный молодой человекъ: — я былъ удрученъ неодолимою грустью: не могъ ни говорить, ни плакать. Сколько разъ упрекалъ я себя, во время моего путешествія, что не сказалъ тебѣ того, что говорю теперь! Вотъ три дня, какъ я уже здѣсь, и еще ничего не сказалъ тебѣ; едва посмотрѣлъ на тебя, самъ не знаю отъ-чего! Быть-можетъ, во мнѣ еще остались слѣды безумства, Жанна, и безъ примѣра сестры я не рѣшился бы высказать то, что у меня на сердцѣ. Но не считай меня неблагодарнымъ! прости меня, и не думай, что я поцаловалъ твою руку для насмѣшки. Нѣтъ, Жанна! это такъ же невозможно, какъ насмѣшка надъ матерью или сестрою. Скажи мнѣ, что ты не думаешь этого, добрая Жанна, прошу тебя объ этомъ, на колыняхъ!

И Гильйомъ, внявъ себя, то блѣдный, то весь въ жару, упалъ къ ногамъ изумленной Жанны и покрывалъ поцалуями ея руки. Жанна сперва только рыдала вмѣсто отвѣта, но потомъ, поцаловавъ съ непорочною и материнскою нѣжностью прелестные русые волосы Гильйома, сказала:

— Ахъ, крѣстный, вы меня печалите, доставляя мнѣ удовольствіе. Что вы сдѣлала такого, за что вы мнѣ такъ благодарны? Развѣ и вы не были добры ко мнѣ въ Эпинеллѣ и Туллѣ? Я никогда не забуду вашей дружбы и мало отплатила за нее заботами о васъ, когда вы страдали такъ, что разрывалось сердце! Я отдавала Богу мою душу и тѣло за то, чтобъ Онъ послалъ мнѣ

смерть и сохранилъ васъ, — и я была увѣрена, что никто не умретъ, кромѣ меня; потому-что очень-усердно молилась. Но Богъ и Великая Дѣва Богородица не захотѣли, чтобъ умеръ кто-нибудь изъ насъ: Вы живете для счастья, для женитьбы, крѣстный, и для того, чтобъ имѣть дѣтей-красавцевъ; мамзель Марй, которую я люблю столько же, какъ и васъ, тоже суждено быть счастливою и имѣть семейство, если это угодно Богу.

— А ты, Жанна, сказала Марй, обвинявъ ее:—развѣ ты не надѣешься быть счастливою?

— О! я буду довольна, если останусь при васъ; буду служить вамъ и смотрѣть за вашимъ добромъ.

— Такъ ты не хочешь выйти замужъ?

— Я, сударыня? я и не думаю объ этомъ.

— Отъ-чего же, Жанна? ты говорила это и въ Туль, сказалъ Гильюмъ:—я помню; но не серьезно же говорила?

— Правда ли это, Жанна? сказала дѣвица де-Буссакъ молодой дѣвушкѣ, которая отвѣчала Гильюму только таинственную улыбку. — Ты ненавидишь бракъ?

— О, нѣтъ, сударыня, когда я вамъ его совѣтую. Но, позвольте, мои коровы ничего не ѣдятъ, иухи ихъ бѣсятъ. Пора ихъ загнать въ хлѣвъ.

— Ты не отвѣчаешь на нашъ вопросъ? сказала Марй, стараясь ее удержать.

— Посмотрите, посмотрите, продолжала Жанна: — коровы ухѣдять одѣ. Онъ вскочитъ въ садъ! не задерживайте меня!

И, сказавъ это, Жанна побѣжала на лугъ.

— Она всегда такъ отбѣлывается, сказала дѣвица де-Буссакъ своему брату.—Никогда я не могла узнать ни одной ея мысли о ней-самой. Въ душѣ этой дѣвушки, Гильюмъ, скрывается тайна ея самоботверженія. Я создала себѣ болѣе двадцати романовъ на ея счетъ, но до-сихъ-поръ не нашла развязки, въ которой былъ бы здравый смыслъ.

Гильюмъ снова сдѣлался молчаливъ и задумчивъ. Со времени болѣзни, и у него была на душѣ тайна. Его кроткій и нѣжный нравъ не вмѣнялъ самому-себѣ даже въ припадкахъ безумія. Въ Италіи, мысли его, казалось, приняли свое прежнее направленіе; но со времени возвращенія въ Буссакъ, онъ чувствовалъ, что становится такимъ же, какимъ былъ при выздоровленіи. Внутренняя буря бушевала въ груди его. Онъ былъ то необыкновенно-разговорчивъ, то скрывалъ всѣ свои чувства въ самомъ-себѣ, съ глубокимъ страданіемъ и какимъ-то ужасомъ. Должно сознаться, что общество его прелестной сестры не было дѣйствительнымъ для него лекарствомъ. Эта молодая энтузіастка не выдала еще свѣта,

не знала его и ненавидѣла по какому-то предвѣдѣнію. Съ нѣжнаго возраста воспитанная въ набожности, она свято слѣдовала евангельскимъ предписаніямъ, была фанатикомъ правоты и преданности. Въ ея слабомъ тѣлѣ жила огненная душа, а подѣ манерами, исполненными граціи и нѣжности, скрывался характеръ энергичскій, предприимчивый, любящій крайности. Она была способна на великое высокое безумство: въ двѣнадцать лѣтъ она рѣшилась бы идти жить въ пустыню, еслибъ знала, гдѣ найти Оиванду; въ сеѣнадцатѣ лѣтъ мечтала о жизни уединенной среди людей, и исполненной борьбы съ несправедливыми законами. Она спокойно жила въ сферѣ энтузіазма, ей свойственной, и не замѣчала, что Гильюмъ входилъ въ нее только по-временамъ и послѣ ужасныхъ усталій; которыя его изнуряли, но не росли въ немъ крыльевъ. У этого молодаго человека были высокія стремленія сестры, но онъ имѣлъ и слабости своей матери. Съ Марію онъ пристращался къ жизни чувства. Вдвоемъ они пробѣгали самыя добродѣтельныя и самыя пылкія романы. Съ госпожею де-Буссакъ Гильюмъ вспоминалъ про власть свѣта и то, что его мать, согласно съ свѣтомъ, называла обязанностями благовоспитаннаго человека. Тогда онъ позволялъ обольщать себя предположеніями о бракѣ и честолюбивыми планами. Хотя его вкусъ и не участвовалъ въ этомъ, но боязливая совесть допускала ихъ, какъ неизбежное зло. Такимъ образомъ, осужденный на вѣчную борьбу съ самимъ-собою, онъ былъ несчастливъ.

Медленно возвращаясь въ замокъ съ сестрою, Гильюмъ былъ очень разсѣянъ, хотя и внимательно слушалъ всѣ слова Марію и взволнованнымъ сердцемъ всасывалъ въ себя медъ и горечь ихъ. Рѣчь шла о Жаннѣ. Марію, не зная, какую рану растревляетъ въ сердцѣ брата, дѣлала предположенія о будущности Жанны и чувствахъ сэра Артюра. Она признавалась, что жалела о своей мечтѣ, о въ объясненій въ любви, сдѣланномъ крестьянкѣ Жаннѣ, и что ей романъ пріиметь совершенно прозаическій видъ, если сэръ Гарлей выдѣлится, увидя, что миссъ Жанъ доитъ коровъ. Гильюмъ какъ-бы изъ дружбы и по здравому разуму, предпочиталъ послѣднюю, болѣе-правдоподобную развязку. Онъ былъ очень-пасмуренъ и, разставшись съ сестрою, пошелъ мечтать на берегъ рѣки.

XIV.

Сэръ Артуръ.

До конца недели, Гильйомъ только мимоходомъ здоровался или прощался съ Жанною, даже не глядя на нее. Но это не удивило и не опечалило Жанны. Она не была възыскательна, и ей казалось, что крѣстный восторженною благодарностью на дугу съ лхвеемъ уплатилъ долгъ большаго сдѣлакъ. Она не знала Гильйома до его болѣзни, и какъ теперь онъ казался гораздо-бодрѣе, нежели во время выдѣривленія, то и думала, что его здоровье совершенно поправилось, и не замѣчала возврата прежней его грусти. Гильйомъ довольно-хорошо скрывалъ свою тайную грусть отъ матери и отъ г-жи Шармуа, но измѣнялъ себѣ наединѣ съ Марі, и Марі пугало ежедневно-усливавшаеся возобновленіе прежней его меланхоліи. Хотя Люди преимущественно исправляла должность горничной, но не раздѣвала вечеромъ дѣвицы де-Буссакъ. Жанна проводила утро въ полѣ или на скотномъ дворѣ, и Марі, итжно ее любившая, назначала для разговора съ нею то время, когда надо было ложиться спать. Она привыкла рассказывать ей всѣ впечатлѣнія дня, и это сообщеніе удовольствій и скуки молодой госпожи было для Жанны воспитаніемъ ея чувствъ, быть-можетъ, единственнымъ, къ которому она была способна.

Для Жанны, неожиданно-пересаженной изъ дикой жизни въ сферу образованности, сначала все было непонятно. Между ограниченными нуждами ея деревенскаго быта и тысячами искусственныхъ нуждъ аристократовъ, у которыхъ она была въ услуженіи, лежала цѣлая бездна, черезъ которую мысль ея отказывалась перешагнуть. Умъ менѣе-снисходительный нашелъ бы смѣшными всѣ эти странныя привычки. Люди, чрезвычайно-понятливая и, слѣдовательно, болѣе-доступная порчъ, съ восхищеніемъ признавала необходимость всей изысканности, всѣхъ мелочей, которыхъ отъ нея требовали и которыми наслаждались госпожи ея. Она была упоена радостью, когда ей удавалось отвѣдывать крохи удобствъ и роскоши, которымъ завидовала, и потребность этихъ невѣдомыхъ наслажденій раждалась въ ней вмѣстѣ съ ними. Какѣ принималъ неравенство за фактъ уже существующій, но, не смотря на простоватый видъ, былъ достойнымъ сыномъ Леонара, юмористическаго философа и скептика: его улыбка была не такъ бессмысленна, какъ думали, и часто становилась насмѣшливою, хотя этого и не замѣчали. Но Жанна осталась почти такою же, какъ была

въ Эпинеэль: вѣчно мечтающею, молящеюся и любящею, почти никогда недумающею, осталась истинно-деревенскою организациею, то есть душою поэтической, заключенною въ самой-себѣ, однимъ изъ чистыхъ типовъ, еще встрѣчаемыхъ въ деревняхъ, — типовъ восхитительныхъ и таинственныхъ, созданныхъ для какого-то несуществующаго золотого вѣка, гдѣ способность усовершенствоваться была бы ненужна, потому-что все было бы совершенно. Эти типы не довольно-извѣстны. Живопись часто воспроизводила ихъ матеріально, но поэзія всегда уродовала ихъ, желая идеализировать или вполне передать, забывая, что сущность и особенность ихъ заключается въ томъ, что они могутъ быть только угадываемы. Сознаемся, жителю полей во многомъ должно переродиться, чтобъ сдѣлаться способнымъ понимать силу и благодѣянія новой вѣры и новаго общества; но едва-ли извѣстно кому-нибудь, что природа во все времена производить, среди этого класса, существа, которыя не могутъ ничему учиться, потому-что идеалъ прекраснаго заключается въ нихъ самихъ, и что имъ нѣтъ надобности усовершенствоваться для того, чтобъ быть истинными дѣтьми Божиими, скиніями правоты, мудрости, состраданія и прямоты. Они совершенно-готовы для идеальнаго общества, о которомъ человечество мечтаетъ, котораго ищетъ и ожидаетъ; но всеобщее волненіе ихъ не тревожитъ. Неспособные понимать зло — они не видятъ его. Они живутъ въ облакѣ невѣдѣнія; ихъ существованіе какъ-будто сокрыто. Въ нихъ только сердце ощущаетъ свою жизнь; ихъ разумъ ограниченъ, какъ первобытная невинность; онъ покоится въ *божественномъ кругу*, о которомъ говоритъ Книга Бытія. Однимъ словомъ — до нихъ какъ-бы не касался первородный грѣхъ, и они будто не потомки Евы.

Такова была и Жанна, галльская Изида, чуждая заботъ, которыя занимали людей, ее окружающихъ. Не умѣя ничего порицать, потому-что кротость и состраданіе наполняли ее душу, она отказывалась отъ объясненія себѣ того, что одно порицаніе могло сдѣлать объяснимымъ. Она росла подобно прекрасной лиліи, съ грудью, открытою для ночнаго вѣтерка, для подала дня, для вліянія земли и неба; но подобно лиліи, была безчувственна къ житейскимъ волненіямъ и не понимала языка человѣческаго.

Принужденная всему удивляться, Жанна ничему не удивлялась. Всякій новый случай въ жизни возбуждалъ въ ней мысль: «вотъ еще что-то мнѣ неизвѣстное, которое станетъ совершенно для меня непонятнымъ, когда мнѣ объяснятъ его».

Марсаль не понялъ Жанну. Гильомъ привязался къ ней по какому-то поэтическому и роковому инстинкту. Сэръ Артуръ угадалъ ее отчасти. Одна Марі знала ее и могла этимъ гордиться, потому-что надобно было умомъ дойти до понятія о высокомъ,

чтобы уразумѣть, какъ Жанна достигла до него однимъ сердцемъ. Двѣица де-Буссакъ замѣтила, что Жанна можетъ столько же научиться ее, сколько у нея выучиться. Молодая аристократка сидѣла чувствовала, эпинелльская пастушка была тверже въ своемъ спокойствіи, и когда Марі растолковывала ей страданія нѣжной души, она, съ своей стороны, объясняла ей силу душевной преданности и спокойствіе религіознаго самоотверженія. Онѣ вмѣстѣ читали вечернія молитвы передъ маленькой гипсовою малолеткою, присланною Гильйомомъ изъ Италіи и ежедневно украшаемою цвѣтами; но вѣрованія двѣицекъ были различны: Марі была не набожного католичкою, но христіанкою равенства, евангелическою *радикалисткаю*, если можно такъ выразиться, то-есть, она была еретичкою, сама того не зная.

Жанна была языческою *радикалисткаю*, тоже не зная этого. Ея сельскіе предрассудки дошли до нея прямо изъ религіи друидовъ, — ученія, сущность котораго мало извѣстна, потому-что о ней судили по преступленіямъ, ее запятнавшимъ и искавшимъ (*). Дѣва Маріа и великая-фада странно смѣшивались въ поэтически-дикомъ воображеніи эпинелльской пастушки. Было что-то дикое и въ покорности, съ которою она принимала понятіе о неравенствѣ состояній. Но въ этой покорности не было слабости или униженія. Жанна, не зная дѣвы лавягъ, не имѣя нужды и не понимая въ жваніи другихъ наслажденій, кромѣ наслажденій душевныхъ, не считала себя обиженною при видѣ чужаго могущества и богатства. Это было особенное существо, принадлежащее, какъ я сказалъ, къ рѣдкому типу, который еще не былъ изученъ, но существуетъ и кажется принадлежащимъ къ царству Астрей.

Однажды вечеромъ, когда Жанна и Марі окончили молитву въ своей комнатѣ, наполненной флорками, молодая владѣтельница замка сказала своей деревенской подругѣ:

— Мы особенно молились за Гильйома; дай Богъ, чтобъ онъ спокойно спалъ сегодня и не былъ пасмуренъ завтра.

— Э! не беспокойтесь объ этомъ, отвѣчала Жанна. — Если мой хрѣстный не имѣетъ всего, что нужно для его счастья, то скоро будетъ имѣть. За этимъ дѣло не станетъ. Потерпите; его бѣдѣнъ пройдетъ.

— Что хочешь ты сказать, Жанна? Развѣ ты угадываешь, чего ждетъ мой братъ?

(*) Извѣстно, впрочемъ, что и друидизмъ, подобно сиванзму, происходитъ изъ вѣриванскихъ и пеймиванскихъ вѣрованій изъ Святую-Троицу и безземелье души, служащихъ основаніемъ всехъ великихъ религій и развитыхъ христіанствъ.

— Я вижу, что онъ молодъ, и думаю, что онъ немного ску-
днѣе отъ-того, что одинъ. Вы, богатыя, поздно женитесь. У насъ
нужина въ двадцать-два года имѣлъ бы уже семейство. Мой крѣст-
ный добръ. Еслибъ у него была хорошая жена и маленькія дѣти,
онъ бы не скучалъ, будьте увѣрены! Надобно посоветовать ма-
менькѣ найти ему жену. Поверьте мнѣ — вы увидите, что онъ
будетъ доволенъ.

— Такъ ты думаешь, Жанна, что нельзя быть счастливою безъ
семейства? Однакожъ, ты говоришь, что не выйдешь замужъ?

— Не обо мнѣ дѣло, а о моемъ крѣстномъ. Мнѣ некогда ску-
днѣть, а онъ не работаетъ; ему нуженъ *товарищъ*.

— Не звонили ли у воротъ замка, Жанна? сказала дѣвица де-
Буссакъ, пораженная звукомъ колокольчика.

Било одиннадцать часовъ. Весь городъ былъ погруженъ въ сонъ;
въ такую пору никогда не являлся гость.

— Мнѣ кажется вы правы. Звонили у воротъ.

— Кто бы это могъ быть? Весь спать у насъ.

— Ужь вѣрно Кадэ не проснется. Онъ *отправился* до утра. Домъ,
обрушавшись, не потревожилъ бы его. Я пойду посмотрѣть — кто
тамъ.

— Постой, Жанна, я пойду съ тобою; не надобно отпирать
всякому. Мы станемъ вести переговоры черезъ калитку.

— Поидемте, если это васъ забавляетъ.

Дѣвица де-Буссакъ набросила на голову барежевый шарфъ, взя-
ла шарикъ Жанны и поспѣшно сошла внизъ, съ любопытствомъ
и небольшимъ страхомъ.

Звонили осторожно, какъ-бы опасаясь нечаянно разбудить обитателей замка.

— Это не свѣтлый гость, сказала Жанна, отворяя форточку. — Что
вамъ угодно?

— Къ вамъ возвращается другъ! отвѣчалъ голосъ, который Ма-
ри тотчасъ признала за голосъ сэра Артюра.

— Скорѣе, этопрежь скорѣе! вскричала она въ свою очередь,
иструкая его словомъ «другъ».

Сэръ Артюръ, чтобъ скорѣе провхать по дурнымъ дорогамъ, на-
ялъ въ Сен-Северъ верховую лошадь. Жанна, лица которой онъ не
рассмотрѣлъ въ темнотѣ, взяла узду и поведя лошадь его въ ко-
тошню, между-тѣмъ, какъ Англичанинъ весело помогалъ Маріи
запирать ворота. Потомъ они вошли въ бывшую сторожевую рѣду,
обращенную въ кухню и находившуюся въ нижнемъ этажѣ.

— Ночь спящая, и я увѣрена, что вамъ надобно согрѣться, ска-
зала Маріи: — здѣсь еще есть огонь; я пойду разбудить маленьку
и Гилльона.

— Гильйома—пожалуй... но что касается де мамоньки, то я несогласенъ... Пусть она спитъ, а завтра поутру я стану, въ часть обыкновеннаго ея пробужденія, трубить подъ ея окнами.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, у ней сегодня была мигрень и ея сонъ драгоценъ... Но Гильйомъ...

Марі уже хотѣла идти въ комнату брата, какъ онъ показался на порогѣ кухни. Онъ слышалъ звонъ колокольчика, скривъ воротъ и особенно лай собакъ, несовершенно усмиранныхъ еще ласками сэра Артюра. Онъ одѣлся наскоро и пришелъ въ кухню за огнемъ.

— О-го! ночное свиданіе съ моею сестрою! вскричалъ онъ, увидя сэра Артюра, и бросился въ объятія своего друга, счастливымъ свиданіемъ съ нимъ, хотя какое-то непонятное страданіе овладало его душою. Люди, разбуженная Жанною, прибѣжала предложить свои услуги, и сэръ Артуръ, не желая будить другихъ обитателей дома, позволилъ Марі и ея живой субреткѣ подать себѣ ужинъ на концѣ кухоннаго стола. Нецеремонность этого сельскаго приема очень развеселила молодыхъ людей, и ихъ собесѣдникъ, по обыкновенію спокойный и забавный, сдѣлалъ честь холодной говядинѣ и соусамъ импровизированнаго ужина.

— Мы не ждали васъ такъ скоро, сказалъ ему Гильйомъ:— по этому-то упитанный теленокъ еще живъ въ стойлѣ.

— Я пріѣхалъ двумя днями ранѣе, нежели обвѣщалъ, друзья мои, и сейчасъ скажу отъ-чего.

Марі поняла, что сэръ Гарлей не хочетъ говорить при Людѣ и приказала ей идти помогать Жаннѣ въ уборкѣ комнаты сэра Артюра.

— Теперь скажу вамъ, дѣти! сказалъ сэръ Артуръ торжественнымъ голосомъ, взявъ руки сестры и брата, и замолчалъ на минуту, какъ-бы собираясь съ мыслями.

— Я рѣшился на важное дѣло, любезный Гильйомъ, продолжалъ Артуръ съ важностью:— и зная, что у васъ отъ сестры нѣтъ секретовъ, я очень-радъ предложить мое намѣреніе и на ея обсужденіе. Я рѣшился жениться, и, нашедъ наконецъ женщину по сердцу, пріѣхалъ, чтобъ стараться получить ея руку отъ нея-самой или чрезъ ея родителей, если они есть у нея.

— Вотъ и приступъ къ дѣлу, подумала Марі, вздыхая, и посмотрѣла на брата, желая предупредить его, чтобъ онъ не допускалъ сэра Артюра до дальнѣйшихъ объясненій. Но Гильйомъ былъ погруженъ въ свои мысли.

— Я написалъ два письма, продолжалъ сэръ Артуръ:—одно прямо къ этой особѣ, другое къ госпожѣ Шармуа, которая, какъ я думаю, печется о кампаньонкѣ своей дочери и, такъ-сказать, покро-

вительствуетъ ей... Я не получилъ отвѣта, и опасаясь, чтобъ мое предложеніе, быть-можетъ, не совсемъ согласное съ здѣшними обыкновеніями, не было принято за шутку, поспѣшилъ пріѣхать объясниться сколько-можно-точнѣе. Не думаю, чтобъ госпожа Шармуа была слишкомъ-хорошо ко мнѣ расположена. Поэтому васъ, любезный Гильюмъ и, быть-можетъ, васъ, добрая Марі, попрошу я быть искренними и благородными посредниками моей женитьбы на миссъ Жанъ... фамиліи которой я не знаю; но ея лицо мнѣ нравится и возбуждаетъ полную къ ней довѣренность.

— Дорогой Артуръ, отвѣчалъ Гильюмъ: — ты очень-благороденъ и достоинъ удивленія, особенно въ своихъ странностяхъ; но къ нашему несчастью, сестра и я, мы должны тебя разочаровать. Ты слишкомъ-много и, подъ конецъ, вопреки нашему желанію, повѣрнулъ шуткѣ, слѣдствій которой мы не могли предвидѣть. Но дѣлать нечего, надобно тебѣ сказать... что миссъ Жанъ никогда не существовало.

— Го! сказалъ Гарлей съ непередаваемымъ выраженіемъ флегматическаго удивленія, съ которымъ Англичане произносятъ это восклицаніе.

— Увы, да! сказала дѣвица де-Буссанъ, съ улыбкою сострадавша сжимаемая руку Гарлея.— Ни у Шармуа, ни у меня нѣтъ гувернанты. Миссъ Клавдія и миссъ Жанъ просто Жанна и Ліуди, одна горничная, другая скотница и молочница.

— Го! произнесъ Англичанинъ, голубые глаза котораго все болѣе и болѣе округлялись.

— Утѣштесь, продолжала Марі: — вы ошиблись относительно положенія ея въ свѣтъ; но ни краіоскопія доктора Галля, ни фізіономіка Лафатера не солгали относительно нравственнаго достоинства Жанны. Жанна такъ же добра и чиста, какъ и прекрасна. Но я должна поскорѣе сказать вамъ, что она не получила никакого образованія, что она жила въ поляхъ со стадомъ, что она дочь кормилицы Гильюма, простая крестьянка, что, наконецъ, она не умѣетъ читать и едва-ли въ состояніи выучиться, потому-что въ ней нѣтъ способностей къ нашимъ пустымъ знаніямъ,—небесное она понимаетъ лучше земнаго.

— Го! произнесъ въ третій разъ Англичанинъ и погрузился въ размышленія.

— Милый Артуръ, сказалъ Гильюмъ:— не опасайтесь дурныхъ слѣдствій отъ своей ошибки. Мы были бы въ отчаяніи, еслибъ ваша глупая шутка подала хотя какой-нибудь поводъ къ улыбкѣ въ нашего семейства. Госпожа Шармуа ничего не говорила намъ про ваше письмо, не знаемъ даже, получила ли она его. Что же касается до Жанны, она не умѣетъ читать; мы одни прочли ваше

письмо и ничего ей не сказали. Мы отдадимъ вамъ письмо, и пусть даже въ шутку не будетъ о немъ поминна; матушка тоже ничего не знаетъ; а госпожу Шармуа вамъ будетъ легко увѣрить, что ваша записка была продолженіемъ перваго апрѣля, и что вы надъ нею пошутили.

Гарлей, занятый своими мыслями, не слышалъ ни слова изъ всего, сказаннаго Гильйомомъ; онъ комментировалъ въ это время слышанное отъ Марі, еще звучавшее въ ушахъ его, и оборотясь къ ней, сдѣлалъ множество вопросовъ о характерѣ, привычкахъ и обыкновеніяхъ Жанны. На это молодая дѣвушка отвѣчала со всею живостью своей вѣжности и восторженности къ Жаннѣ и кончила совершеннымъ панегирикомъ, впрочемъ вполне-искреннимъ, въ которомъ не скрыла, что ему сначала будетъ очень-трудно сообщать свои мысли существу непорочному, но совершенно-отличному отъ людей, въ кругу которыхъ онъ жилъ доселѣ.

Гарлей слушалъ внимательно и повидимому хладнокровно. Потомъ, когда пробилъ часъ пополудни, поцаловалъ руку Марі, сказавъ:

— И вы добры! Дайте мнѣ ночь на размышленіе.

— Подумай дольше, мой другъ, сказалъ Гильйомъ: — не за чѣмъ снѣшить. Жанна не знаетъ твоихъ намѣреній.

Но Гарлей былъ глухъ къ голосу Гильйома. Гильйомъ, говоря ему о послѣдствіяхъ его поступковъ и о заботѣ сохранить его достоинство въ глазахъ другихъ, не могъ отвлечь его отъ страсти. Кто бы могъ подумать, что сэръ Артуръ подъ холодною наружностью скрывалъ большую раздражительность и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянство чувствъ? Онъ простился съ Марі на лѣстницѣ, на ципочкахъ прошелъ черезъ корридоръ стараго замка и съ Гильйомомъ достигъ назначенной ему комнаты.

Первымъ предметомъ, поразившимъ его при входѣ и заставившимъ произнести новое, подавленное имъ «го!», была Жанна, которая, стоя у его кровати, надѣвала бѣлыя наволочки на подушки, для него приготовленные. Жанна, начальствуя надъ мытьемъ и ключами гардероба, раздавала бѣлье и распоряжалась глаженіемъ. Полотно, бѣлое какъ снѣгъ, благодаря ея стараніямъ, пахло фіалками, и она, дотрогиваясь до кисейныхъ оборокъ, не мjala ихъ. Ея движенія были довольно-медленны; но какъ она никогда не отдыхала, то непрерывная работа ея опережала вѣтренную и шумливую дѣятельность Люди. Въ ея лицѣ было какое-то ангельское величіе, заставлявшее забывать о простотѣ ея занятій. Смотри, какъ съ серьезнымъ и задумчивымъ видомъ она завязывала тесѣмки подушекъ, можно было подумать, что это жрица, занятая совершеніемъ какого-нибудь таинственнаго обряда.

Англичанинъ остановился, не сказавъ ни слова. Гильйомъ какъ-бы приросъ къ полу. Въ эту минуту онъ лучше хотѣлъ потерять дружбу сэра Артюра, чѣмъ оставить его наединѣ съ Жанной. Жанна, безстрастная, нагнувъ голову, усердно дѣлала узелки. Гильйому казалось, что она завязываетъ гордіевъ узелъ: такъ были продолжительны для него эти минуты. Наконецъ она вышла, и влюбленный Англичанинъ, который не смѣлъ сказать ей ни слова, тяжело вздохнувъ, опустился въ кресло.

— Завтра, любезный Гильйомъ, завтра, сказалъ онъ, пожимая руку молодого барона: — я передамъ тебѣ, что стало со всемъ этимъ въ головѣ моей. Ночь длинна.

— Ты не хочешь лечь? сказалъ Гильйомъ, который, не смотря на любовь къ Артюру, не могъ совершенно защититься отъ желчной насмѣшки. — Совѣтую тебѣ, напротивъ, хорошенько выспаться; ты долженъ быть измученъ. Отдыхъ освѣжитъ умъ твой и сдѣлаетъ его болѣе-способнымъ къ размышленію на завтра.

Гарлей ничего не отвѣчалъ, и Гильйомъ оставилъ его, внутренно завидуя его свободѣ и твердости.

Артюръ открылъ чемоданы, которые его опередили, и были поставлены въ комнатѣ, надѣлъ туфли и халатъ, зажегъ двѣ свѣчи на каминѣ и сѣлъ въ кресло, чтобъ удобнѣе предаться размышленіямъ; но не прошло пяти минутъ, какъ кто-то осторожно постучался. Онъ отперъ дверь и увидѣлъ Жанну, несшую поднось съ чаемъ.

— Мамзель Марі присылаетъ вамъ это, сударь, сказала Жанна, ставя поднось на столъ.

Между-тѣмъ, Гарлей, принимая приходъ ея за посланный ему судьбою случай, съ рѣшимостью заперъ дверь, и, сядя въ кресло съ задумчивымъ видомъ, который не могъ пугать нескромностью, сказалъ Жаннѣ, устанавливающей на столъ посуду:

— Мадмуазель Жанна, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ вопросомъ?

Жанна нашла Англичанина очень-учтивымъ и спокойно отвѣчала, что ждетъ его приказаній.

хv.

Безсонная ночь.

— Осмѣлюсь спросить васъ, мамзель Жанна, намѣрены ли вы выйти замужъ?

Таково было вступленіе рѣчи сэра Артюра, и надобно при-

знаться, оно не могло быть хуже. Добрый Англичанинъ былъ существомъ удивительно-кроткимъ, прямымъ и великодушнымъ, но ни на какомъ языкѣ не былъ ораторомъ. Онъ носилъ въ душѣ постоянный энтузіазмъ къ великимъ идеямъ, который не находилъ для себя выраженія, и казался въ спокойномъ состояніи, потому-что состояніе его духа было хроническое. Въ этомъ смыслѣ характеръ Жанны имѣлъ таинственное сродство съ его характеромъ. Любовь къ добру и упражненіе въ немъ были такъ же необходимы его натурѣ, какъ дыханіе, и онъ зналъ такъ мало зла, что даже не вѣрилъ его существованію. Серьезный и спокойный, потому-что постигалъ идеальное безъ труда, онъ не нуждался въ разгоряченіи головы для того, чтобъ проповѣдывать и выполнять свои релігіозныя и философскія правила. *Благородство, преданность и терпѣніе* были его девизомъ и основою его ученія. Его воображеніе не шло далѣе, но и не отставало отъ этого кодекса, который онъ излагалъ другимъ лаконически и не краснорѣчиво. Его легко было спутать, потому-что, при объясненіяхъ болѣе-подробныхъ, онъ сбивался и становился непонятнымъ говоря по-французски. Такимъ-образомъ, онъ остерегался самого-себя, не пускался въ споры и довольствовался тѣмъ, что молча опровергалъ разсужденія. Тогда онъ отвѣчалъ однимъ *го!* которое было многозначительно въ его устахъ и служило самымъ сильнѣйшмъ выраженіемъ его удивленія, неудовольствія и иногда радости.

Жанну удивилъ подобный вопросъ челоѵка, совершенно ей незнакомаго.

— Не для шутки ли, сударь, отвѣчала она: — спрашиваете вы у меня это?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Англичанинъ:—я никогда не шучу, я очень-серьезно спрашиваю у васъ, мамзель Жанна, свободны ли вы?

— Это касается одной меня, сударь, сказала Жанна.

— Извините — и меня также. Мнѣ поручено просить васъ въ замужство за одного знакомаго мнѣ челоѵка.

— За кого, сударь?

— Если вы не хотите выходить замужъ, то вамъ нѣтъ надобности знать это.

— Правда. Но вѣдь вы смѣтаете надо мною? Спите спокойно, желаю доброй ночи. Не надобно ли вамъ чего-нибудь?

— Оставайтесь еще на минуту, прошу васъ. Вы не хотите выйти замужъ, можетъ-быть, потому, что любите кого-нибудь, кто не можетъ на васъ жениться?

— Мнѣ, сударь, сказала Жанна, улыбаясь: — не трудно защититься, потому-что этого нѣтъ.

— Послушайте, дитя мое, прошу васъ сказать мнѣ всю правду, какъ другу.

— Вы смѣтаетесь, сударь. Какіе мы друзья, когда не знаемъ другъ друга!

— Можетъ-быть, Жанна, я васъ хорошо знаю, хотя вы меня и не знаете.

— Не понимаю, какъ это могло случиться. Развѣ вы знали покойную мать, когда она жила здѣсь?

Въ первый разъ въ жизни, сэръ Артуръ рѣшился на хитрость, впрочемъ, совершенно-невинную.

— Можетъ-быть, я и зналъ ее! сказалъ онъ, угадывая, что это единственный способъ для внушенія Жаннѣ довѣренности къ себѣ.

Эта маленькая ложь произвела на нее магическое дѣйствіе. Ей не пришло на мысль посмотреть на Англичанина и принять въ соображеніе его лѣта. Хотя сэръ Артуру было не болѣе 30 лѣтъ, черные волосы, красивое, свѣжее лицо, прекрасные зубы, гладкій и свѣтлый лобъ, высокій ростъ, но строгій покррой его одежды и степенность его приемовъ не показывали ничего вѣтренаго, кокетливаго и молодаго. Жанна не спросила себя, могъ ли онъ знать ея мать за двадцать лѣтъ до того.

— Когда вы говорите о покойницѣ, это другое дѣло, сказала она: — я думаю, вы не захотите шутить надъ нею. Чтѣ было угодно вамъ сказать мнѣ?

— Жанна! я столько же интересуюсь вами, какъ и миссъ Марі и Гилльомъ, вашъ молочный братъ. Я желаю вамъ счастья, считаю долгомъ способствовать ему и столько богатъ, что могу удовлетворить всѣ ваши желанія. Если правда, что вы любите кого-нибудь вамъ равнаго, и только разность состоянія служитъ препятствіемъ, я берусь дать вамъ приличное приданое. Довѣрьтесь же мнѣ и отвѣчайте безъ боязни.

— Вы очень-добры ко мнѣ, сударь, отвѣчала Жанна:—можетъ-быть, мать моя оказала вамъ какую-нибудь услугу; но дать мнѣ за это приданое было бы слишкомъ-много. Притомъ, оно мнѣ и не нужно. Я ни въ кого не влюблена и ни за кого не хочу замужъ.

— Можете ли вы поклясться въ этомъ вашу матерью, которую вы, по-видимому, столько любите, о которой столько сожалеете?

— О, да, сударь! это нетрудно, и если нужно — я готова.

Г. Гарлей замолчалъ на минуту. Онъ видѣлъ по лицу и по тону словъ Жанны, что она не жетъ.

— Однако, продолжалъ онъ, замѣтя, что она хочетъ идти: — я хочу сдѣлать что-нибудь для вашей будущности; это долгъ мой.

Не можете ли вы мне сказать, при какихъ условіяхъ возможно для васъ счастье въ замужствѣ?

— Странно, отвѣчала Жанна: — что здѣсь все говорятъ о моемъ замужствѣ, когда я никогда о немъ не говорю и совершенно не думаю!

— Не обижаю ли и я васъ тоже, говоря объ этомъ? въ такомъ случаѣ, я не скажу больше ни слова; я не имѣю намѣренія оскорбить васъ.

— О, я вѣрю вамъ, сударь! сказала Жанна, боясь быть неучтливою, потому-что учтливость была для нея долгомъ, какъ выраженіе, по ея понятію, благорасположенія и искренности. — Вы можете говорить все, что вамъ угодно — я не рассержусь.

— Такъ позвольте мнѣ, любезная Жанна, спросить у васъ, какого бы вы желали себѣ мужа?

— Не знаю, сударь. Я никогда не думала о томъ, о чемъ вы меня спрашиваете.

— Но я только предполагаю. Вы не можете даже предполагать? Вы не понимаете, что такое предположеніе.

... Какъ же! Я слышала это слово. Его иногда говорятъ у насъ.

— Ну, такъ предположимъ, что вамъ надобно было бы выбрать мужа. Какого бы вы хотѣли?

— Вы слишкомъ-много отъ меня требуете. Говорю вамъ, что не знаю.

— Ну, такъ какого бы вы хотѣли имѣть?.. Тоже не знаете! Еслибъ онъ былъ бѣденъ — отказали ли бы вы ему?

— О, нѣтъ! я бы не отказала ему изъ-за этого, потому-что я сама бѣдна, родилась отъ бѣдныхъ, воспитывалась съ бѣдными и умру какъ все бѣдные...

— А еслибъ онъ былъ богатъ, что бы вы сказали?

— Я бы сказала: «нѣтъ».

— Го! почему?

— Я не могу отвѣчать вамъ почему; но отказала бы навѣрно.

— Вы думаете, что богатые дурные люди?

— О, нѣтъ, сударь! Крѣстная мать моя, крѣстный и мамзель Марі очень-богаты, но очень-добры.

— Такъ вы думаете, что богатый ухаживалъ бы за вами для того, чтобъ обольстить васъ, и что онъ не захотѣлъ бы жениться на васъ въ-самомъ-дѣлѣ?

— Это могло бы случиться. Но еслибъ я и была увѣрена, что онъ не смѣется надо мною, я все бы не хотѣла его.

— А еслибъ онъ отказался отъ богатства, чтобъ понравиться вамъ, еслибъ далъ обѣтъ бѣдности, чтобъ сдѣлаться достойнымъ

васъ? вскричалъ удивленный Артуръ, желая проникнуть въ таинственные идеи Жанны.

— Это могло бы немного измѣнить мои мысли, отвѣчала она: — но этого не было бы достаточно.

— Какую же еще жертву надобно было бы принести? возразилъ Англичанинъ, внутренно восторженный. — Можетъ-быть, есть человекъ, который столько любитъ васъ, что на все согласится.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ! сказала Жанна: — увѣрю васъ, что нѣтъ подобнаго человека, а еслибъ кто согласился съ моими мыслями изъ корыстныхъ видовъ, то горько бы современемъ раскаялся!

— Я не понимаю васъ болѣе... Го!.. объяснитесь! вскричалъ сэръ Артуръ, со лба котораго градомъ катился потъ отъ усилій понять загадки эпинеальской пастушки.

— Довольно, сударь, отвѣчала она: — я не могу сказать вамъ больше. Если вы принимаете во мнѣ участіе, то не думайте о моемъ замужствѣ; я ни въ чемъ не нуждаюсь и буду вамъ благодарна за одну вашу ко мнѣ дружбу, если наследую ее отъ моей матушки.

Г. Гарлей, пораженный удивленіемъ, не осмѣлился удерживать ее долѣе.

За дверью Жанна нашла Ліоди, которая слушала и смотрѣла въ замочную скважину и ничуть не устыдилась быть пойманною на мѣстѣ преступленія. Жанна, съ своей стороны, и не подумала упрекать ее. Она не имѣла секретовъ отъ Ліоди, которую сама любила и была любима ею.

— А! ты была тутъ? сказала она, когда онѣ шли въ общую свою горенку. — Отъ-чего ты не легла спать?

— Могла ли я спать, наивно отвѣчала Туллуазка:—когда ты не возвращалась отъ этого господина? Я пошла послушать, что онъ тебѣ говорить. Было много забавнаго.

— Зачѣмъ же ты не вошла? ты бы помогла мнѣ отвѣчать: ты говоришь лучше меня.

— Мнѣ было бы стыдно, отвѣчала Ліоди, претендовавшая на безлживость, тогда-какъ была довольно-нагла. — Не знаю, какъ ты можешь говорить такъ долго, и Богъ-знаетъ о чемъ, съ людьми, которыхъ не знаешь.

— Чего же мнѣ стыдиться? Мнѣ никогда не говорили дурныхъ вещей, и этотъ господинъ очень-честенъ.

— О, да, правда! онъ говоритъ очень-хорошо и еслибъ не былъ такъ смѣшонъ, то былъ бы прекраснымъ человекомъ...

— Что же смѣшнаго находишь ты въ немъ?

— Гм! развѣ не смѣшно быть Англичаниномъ?

Разговаривая, дѣвушки вошли въ свою комнату, бывшую въ башенкѣ и освѣщенную окномъ или, лучше сказать, трещиною, оканчивавшеюся круглою бойницею, которая служила нѣкогда мѣстомъ прицѣла для фальконетовъ караульныхъ солдатъ. Каменная стѣна извилиною входила въ амбразуру этого окна, узкую и глубокую, и луна, проникая сквозь трещину, была свѣточемъ, достаточнымъ для двухъ молодыхъ дѣвушекъ. Какъ слуги, заботившіеся объ экономіи въ домѣ, онѣ погасили фонарь, и Жанна сѣла на каменную скамью, чтобъ распушить свой корсажъ, посмотрѣла въ поле и задумалась.

— О чемъ думаешь ты тамъ? закричала ей Ліоди, уже легшая въ постель. — Развѣ ты не будешь спать нынѣшнею ночью?

— Часъ сна ужъ прошелъ, сказала Жанна: — и я почти уже не нуждаюсь въ немъ, потому-что скоро разсвѣтетъ. Ты не повѣришь, Ліоди, какое странное дѣйствіе производитъ на меня лунный свѣтъ.

— А я люблю его, отвѣчала Ліоди, колеблясь между сномъ и желаніемъ болтать. — Я боюсь, когда ночью темно; но при лунномъ свѣтѣ ничего не боюсь, потому-что все вижу.

— Ну, я не въ тебя, сказала Жанна. — Лунный свѣтъ безпокоитъ меня: это время прогулокъ добрыхъ и дурныхъ фадъ — и души христіанъ, не совсемъ непорочныя, въ опасности.

— Замолчи, Жанна! вскричала Ліоди: — ты меня запугаешь своими рассказами о фадахъ. Ты знаешь, что я не хочу имъ больше вѣрить. Это годилось въ деревнѣ, а въ городѣ глупо: все смѣются. Если ты расскажешь о нихъ мамзель Марі, то и она тебя побранитъ.

— Я не принуждаю тебя вѣрить, Ліоди; фады никогда тобою не занимались. Есть люди, которыхъ души никогда не трогаютъ; но другіе принуждены знать въ чемъ дѣло и какъ избавиться отъ злыхъ, чтобъ ладить съ добрыми. Не мнѣ говорить, что нѣтъ фадъ: я слишкомъ-хорошо ихъ знаю, Ліоди.

— Ну, ладно; замолчи и ложись спать. Мнѣ становится страшно. Не понимаю, какъ ты, будучи увѣрена въ ихъ существованіи, рѣшаешься говорить о нихъ въ такое время. Къ-счастію, когда заперта дверь, меня успокоиваетъ въ этой комнатѣ то, что въ ней нѣтъ оконъ и имъ нѣкуда войти.

— Это ничего не значитъ, Ліоди. Онѣ могутъ пройти въ малѣйшую скважинку, если захотятъ. Но не бойся: они тебѣ не сдѣлаютъ зла, покуда я съ тобою.

— Слава Богу! сказала Ліоди: — потому-что я лишена того, чѣмъ можно ихъ прогнать.

— Не говори этого, Ліоди!

— Тебѣ я могу сказать: ты сама знаешь... Кстати, Марселя не выключи за вобое больше, не правда ли?

— Нѣтъ, выключи.

— Сосысь, сосысь нѣтъ?

— Ты меня спрашиваешь объ этомъ каждый день. Говорю тебѣ, что нѣтъ.

— Все равно, Жанна. Нѣтъ дѣвушки или женщины, которая могла бы сосысь хоть подобнаго ему человека.

— Однако это не слишкомъ трудно.

— Я тебѣ говорю, что трудно. Человекъ этотъ хочетъ того, чего хочетъ... непремѣнно хочетъ.

— Его можно убедить.

— Я никогда не могла убедить.

— Потому что не очень ждала этого, Лиди.

— Гм! такой красивый мужчина и говорить такъ хорошо...

— Давала тебѣ подарки.

— И подарки тоже хороши.

— Гораздо было бы лучше, еслибъ ты нѣтъ не хотѣла.

— Весь свѣтъ не можетъ быть похожъ на тебя. И не говорю, что хорошо съезжала, потому что привнесла нѣтъ съ собою много горести.

— Не печалась, одиноко; ты все-таки выйдешь замужъ, Лиди.

— У меня прошло желаніе. Что дѣлать съ мужчиною, когда можно быть съ господиномъ? Марселя умный, а Кадѣ умасно-глупъ.

— Но онъ те добръ, храбръ, всегда любить; а какой-нибудь Марселя не можетъ любить долго.

— Такъ ты думаешь, что онъ меня сосысь не любитъ?

— Я не говорю этого; но что ты сама говоришь?

— Что мнѣ было очень-грустно... ну, а теперь начинается проходить. Надобно же утѣшиться, когда больше нѣчего дѣлать.

— Да, надобно утѣшиться, Лиди. Все это не мешаетъ тебѣ быть доброю, трудолюбивою дѣвушкою, которая еще можетъ быть любима честнымъ человекомъ. Несчастіе, съ тобою случившееся, бываетъ со многими другими, и въ немъ нѣтъ большой бѣды, если оно случилось нѣтъ доброты и дружбы. Богъ прощаетъ это: отъ-чего же не простить и люди?

— Да, они должны простить, сказала Лиди, отирая слезу, и уснула на той же подушкѣ, на которой спала ея неморочная и снисходительная подруга.

Снисходительность Жюльетты къ рассказавшей ей Лиди не должна казаться удивительною. Два или три грѣха молодости и увлеченія по мнѣнію мужчинъ не безчестятъ сельскихъ дѣвушекъ. Онѣ отъ природы суровы и дѣломъ удальны, но слабы...

Жанна, обыкновенно молчаливая передъ сномъ, еще не закрыла глазъ, и ей показалось, что отвертѣе, оковы которое проходилъ во внутренность башни свѣтъ, вдругъ заслѣпилось непрозрачнымъ тѣломъ. Она не могла удержать крика и увидѣла, что тѣло исчезло; потому она слышала, какъ оно ступало по наружной стѣнѣ, и боязливые шаги его отзывались на пескѣ дорожекъ сада. Окно было въ десяти или двенадцати футахъ отъ земли и по винограднымъ лозамъ, прислонившимся къ стѣнѣ, можно было до него достигнуть. Люди проснулись и спрыгала въ садъ, а Жанна, не смотря на свою храбрость, не осмѣлилась тотчасъ взглянуть въ бойницу. Когда, послѣ многихъ простыхъ взвѣснѣй и благочестивыхъ заклятій, она рѣшилась на это, то уже ничего не увидѣла. Луна была ясна и тѣнь фруктовыхъ деревьевъ неподвижно и рѣзко рисовалась на блестящемъ пескѣ аллеи сада.

— Не стыдно ли тебѣ всегда пугать меня? сказала Люди. — Тебѣ все кажется, что видишь чорта.

— Я не говорю, что это былъ чортъ, отвѣчала Жанна: — я видѣла что-то похожее на голову.

— Была ли рога?

— Нѣтъ. Это было что-то человѣческое, и хотя я не могла коротенько рассмотреть, потому что луна свѣтила слава, но мнѣ показались гладкіе волосы на гладкой головѣ.

— Значитъ, видѣніе было похоже на голову Рагэ.

— Да, я тоже объ этомъ думала. Но зачѣмъ бы ему приходило сюда?

— Вѣрно, не для добра. Заперла ли ты вечеромъ дверь?

— Ее запирали барышня и Англичанинъ и, можетъ-быть, забыли запереть задвижкой. Кроме того, ты знаешь, злой Рагэ, какъ змѣя, прелезаетъ въ замѣчную скамью.

— Ба! ты вѣрно воображала, что кто-нибудь приходилъ: но вѣдь собаки не лаяли.

— Развѣ ты не знаешь, что на него никогда собаки не лаютъ. Онъ умѣетъ заставить ихъ молчать особыми словами.

— Да, хороши слова! Онъ бросаетъ имъ мясо околѣвшей лошади. Онъ скорѣе воръ, чѣмъ колдунъ, и не столько знающъ, сколько зомъ.

— Надобно одѣться и выйти, сказала Жанна.

— Я не хочу идти, вскричала Люди. — Я очень боюсь.

— А если онъ унесетъ что-нибудь изъ сада или со двора, мы будемъ виноваты, Люди? Я пойду одна. Если это Рагэ, то мне все не такъ страшно.

Люди не хотѣла пустить Жанну одну, собралась съ духомъ и

послала за нею. Все было тихо, и уснивавшаяся Люди начала скандалить подъ Жанною.

— Однако я видѣла что-то, сказала Жанна. — Если это былъ Ригэ, тутъ шло: еще ничего удивительнаго: этотъ человекъ ведетъ суета, шатается всю ночь и спитъ, тогда другіе работаютъ.

— Правда, отвѣчала Люди: — онъ любопытенъ, какъ черный дроздъ; иногда, по вечерамъ, онъ подслушиваетъ, что у насъ говорится, и даже знаетъ все мои дѣла съ Марсилья, хоть я никому о нихъ не говорила ни слова. Поэтому-то онъ и слыветъ колдуномъ и всѣхъ страшаетъ.

Между-тѣмъ, сэръ Артуръ не спалъ. Его воображеніе, обыкновенно спокойное, сильно бушевало. Простота и странности Жанны составляли контрастъ, повергавшій его въ большое недоумѣніе. «Кто бы могъ подумать, что я влюблюсь въ простыянку», думалъ онъ, «рѣшусь жениться на существѣ, которое не умѣетъ читать, и буду отвергнуть ее гордостью, остановленъ глубиною ея загадокъ?»

— Другъ, сказалъ онъ молодому барону, когда тотъ пришелъ къ нему въ 9 часовъ утра: — я болѣе очарованъ сегодня Жанною-крестьянкою, нежели былъ вчера миссъ Жанъ. Я говорилъ съ нею разставшись съ тобою...

— Въ самомъ-дѣлѣ? сказалъ Гильюмъ краснѣя.

— Въ самомъ-дѣлѣ; ж-она говорила мнѣ загадками, но показалась мнѣ самымъ чистымъ созданіемъ Творца, и я начинаю вѣрить, что есть существа, которыя, не умѣя читать, знаютъ о Немъ болѣе, нежели ученые міра сего. Жанна очень-эксцентрична и носитъ въ душѣ тайну, которая страшитъ и шивелекаетъ меня, и эта тайна можетъ быть или возвышенною, или безумною. А я находилъ жизнь безплодною и скучною! Я, чувствующій припадки салива, хотя и не признаваюсь въ этомъ, — растропанъ, помолодѣлъ. Я дрожу, страдаю... но живу.

— Значитъ, вы и надѣетесь? сказалъ Гильюмъ. — Да и какъ не оставить любить бѣдную дѣвушку?

— Я опасюсь противнаго. У этой бѣдной дѣвушки нѣтъ честолюбія. Поэтому-то я удивлюсь ей, поэтому люблю ее и сохраняю рѣшимость жениться на ней, если добьюсь отъ нея согласія.

Гильюмъ не старался разуверять сэра Артура. Печальный отвѣтъ онъ его къ матери, которая ждала его съ нетерпѣніемъ. Семейство Шармуа пришло къ завтраку. Подпрефекта была очень-холодна съ сэромъ Артуромъ, и неподумавшимъ объяснить ей свое писмо. Поэтому, госпожа де-Буссакъ и другъ ея сочли писмо шуткою. Однако подпрефекта простила ему тѣмъ менше, что онъ былъ совершенно-нечувствителенъ къ прелестямъ ея дочери, и жаждала мщенія. Она была такъ провицательна, что не могла не

замѣтить, какъ Жанна смущала Гильёма. Оба мужа, которыхъ она приготовляла Эльвирѣ, были заняты служанкою!.. Она восстала видѣла бѣдную Жанну, обращалась съ нею надменно при всякомъ удобномъ случаѣ, и покаялась самой-себѣ, что подворить раздоры и горести въ домъ, которыхъ не удалось ей удержать.

* * *

Я въ даль иду моею дорогою,
И уведу съ собою вдаль
Со мной сердечною твоею
Мою сердечную печаль.

Она-то доброй проводницею
Сочини объ руку и деть,
И жемчужной, вольной птицею
Мнѣ въ свѣтъ новыя вѣсть.

Ведеть ли путь мой горной пѣвню,
Подъ росою бѣлыхъ облаковъ,
Нѣ въ дальнѣй край широкой степи,
Нѣ подъ гостеприимный кровъ, —

Потопи сердца своею волю,
Велѣ бредячая, вольна:
И забота не хлѣбъ-солоно,
Какъ на степи, со мной она.

Спасибо жъ тѣбѣ, подъ чьимъ приютомъ
Мнѣ было радостнѣй, теплѣй,
Гдѣ время билъ я по минутѣ
Изъ урны драгоценной твоей;

Гдѣ новой силой, новымъ жаромъ,
Опять затрещала грудь,
Гдѣ муш-странникъ съ гусларомъ
Не трудомъ показана муть.

А. ФЕТЪ.

Новая Прага.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

РЕФОРМАЦІЯ.

Статья четвертая (*).

Сѣимъ въ Аугсбургѣ. — Положеніе курфюрста саксонскаго. — Вліяніе Лютера. — Дѣйствія евангелическихъ князей. — Новыя попытки къ примиренію. — Рѣшеніе аугсбургскаго сѣима. — Слѣдствія его. — Возстановленіе камергерихта. — Избраніе римскаго короля. — Шмалькальденскій союзъ. — Новое ученіе о власти императора. — Ходъ реформациі въ Швейцаріи. — Мартинъ Бутцеръ. — Смерть Цвинглія. — Реставрація католицизма въ Швейцаріи.

Грозное нападеніе Османовъ, опустошившихъ всю Австрію и осадившихъ Вѣну, отрженіе ихъ, путешествіе Карла V по Италіи, политическія дѣйствія относительно итальянскихъ владѣтелей, вѣнчаніе императора въ Барселоннѣ—все это нѣсколько времени не дозволяло ему исключительно заняться дѣлами германскими; наконецъ, въ началѣ мая 1530 года, онъ прибылъ въ Германію въ сопровожденіи блистательной свиты, состоявшей изъ Испанцевъ и Итальянцевъ. Коронаваніе его, при ко-

---

(*). Нормы три статьи помѣщены въ «Отеч. Запискахъ» 1844 года (томы XXXVI и XXXVII).

торомъ, противъ обыкновенія, не присутствовалъ ни одинъ изъ германскихъ князей, сблизило его съ папою, потому и положеніе протестантовъ сдѣлалось весьма-ненадежно: раздоръ, поселившійся между ними, раздѣлилъ ихъ силы, и сверхъ-того они считали себя какъ-бы не въ правъ сопротивляться императору. Въ Италіи еще, Гравелла говорилъ, что «при первой бурѣ они разлетятся, какъ стадо голубей отъ нападений коршуна».

Напротивъ того, въ лицѣ императора сосредоточилась вся энергія латинскаго христіанства: въ немъ оно увидѣло еще разъ сильнаго владыку во главѣ своей. Большія государства находились тогда въ мирѣ; отъ Османовъ нельзя было ожидать скорого нападенія, и потому Карлъ V могъ обратить все вниманіе свое на внутреннія происшествія, потрясавшія Германію.

Трудно опредѣлить, каковы были намѣренія его, когда онъ перебрался чрезъ Альпы въ Германію; по всѣмъ вѣроятностямъ можно было предположить, что онъ твердо рѣшился держаться прежнихъ правилъ полатики, которымъ всегда слѣдовалъ, дѣйствовать согласно съ положеніемъ, въ которомъ находился. Брату своему, который при всѣхъ переворотахъ счастья оставался ему вѣренъ, и который всегда по первому призыву готовъ былъ летѣть къ нему на помощь, онъ обещалъ званіе римскаго короля; этимъ самымъ онъ хотѣлъ положить конецъ намѣреніямъ, отъ времени до времени возобновлявшимся въ Германіи — передать званіе это въ другую династію, — и уничтожить навсегда опасность, грозившую австрійскому дому. Теперь, Карлъ, будучи въ полномъ развитіи могущества и побѣды, могъ дѣйствовать рѣшительно. Далѣе, необходимо было принять сильныя мѣры противъ Турковъ; послѣднія событія доказали Германцамъ, что цѣлю Османовъ была не одна Венгрія; одинъ счастливыи успѣхъ ихъ — и могли пасть наследственныя земли императора.

Еще сильнѣе выказалась необходимость установить порядокъ въ дѣлахъ церкви; во время переговоровъ съ папою въ Барселоннѣ, императоръ обязался еще разъ испытать средства къ возвращенію заблудшихся на путь истины; если же это опять не удастся ему, то употребить всѣ средства, «чтобъ отмстить оскорбленіе, нанесенное церкви».

Нѣтъ сомнѣнія, онъ твердо рѣшился исполнить свое обещаніе: доказательствомъ этому служитъ мнѣніе сопутника его, кардинала Кампеджи, который предлагалъ привлечь протестантовъ на свою сторону всевозможными средствами: обещаніями, угрозами, союзомъ съ имперскими князьями, вѣрными католицизму; въ случаѣ же, если это не поможетъ, онъ почиталъ необходимымъ укротить еретиковъ «огнемъ и мечомъ»; онъ требовалъ, чтобъ отобрано было ихъ имущество, чтобъ во всей Германіи введена была испанская инквизиція. То же самое можно видѣть изъ переписки императора съ его братомъ. Вообще, мѣры кротости были приняты первымъ условіемъ; безспорно, онъ могли подействовать, но напрасно думали защитники католицизма угрозами смирить порывы оскорбленнаго самолюбія. Кротость тогда только можетъ назваться кротостью, когда она позволяетъ быть великимъ умомъ. Это,

кажется, чувствовалъ императоръ, когда писалъ къ сейму, что онъ желаетъ устранить раздоръ, предать прошедшее заблужденіе суду Божию, и на будущее время принимаетъ твердое намъреніе выслушивать съ любовію каждаго, содѣйствовать ко всеобщему убъжденію въ истинахъ христіанства и устранять все вредное для обѣихъ сторонъ. Во дворцѣ, гдѣ императоръ жилъ вмѣстѣ съ мапою, подписана была эта граммата. Папа предоставлялъ императору полную свободу дѣйствовать по его благоусмотрѣнію, и одобрялъ кроткія мѣры относительно убъжденія протестантовъ. Само собою разумѣется, что граммата императора произвела восторгъ между католическими князьями; даже протестанты приняли ее съ явнымъ удовольствіемъ. Прежде всѣхъ князей прибылъ къ Аугсбургъ курфюрстъ саксонскій, отъ рѣшенія котораго большею частію зависалъ успѣхъ предполагаемыхъ переговоровъ. Онъ отправилъ къ императору поздравленіе съ счастливымъ прибытіемъ его въ имперію, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрялъ, что будетъ ожидать его величества въ Аугсбургъ, какъ своего единственнаго государя и повелителя. Онъ убѣждалъ и союзниковъ своихъ дѣйствовать съ нимъ заодно, потому-что сеймъ аугсбургскій казался національнымъ собраніемъ, котораго такъ долго ожидали, такъ тщетно домогались, и отъ котораго одного надѣялись устраненія религіозныхъ распрій.

Еще прежде король Фердинандъ велъ переговоры съ курфюрстомъ саксонскимъ; а теперь посланникъ послѣдняго явился въ Инспрукъ, гдѣ былъ тогда императорскій дворъ; императоръ, старавшійся привлечь его на свою сторону, приглашалъ его самого въ Инспрукъ, обѣщая ему дружбу свою и изъявляя надежду, что «увидавшись лично, они варно согласятся въ дѣлахъ, касающихся до нихъ обѣихъ».

Но, вмѣсто согласія, здѣсь-то и оказалось первое сопротивленіе: курфюрсту было очень-непріятно, что въ-слѣдъ за первымъ посольствомъ императоръ отправилъ другое, которому поручено было наложить молчаніе на проповѣдниковъ саксонскихъ. Изъ такого поступка Іоганнъ къ приглашенію въ Инспрукъ выдалъ намъреніе склонить его къ покорности, чего не могли отъ него ожидать въ Аугсбургѣ, и зналъ, что императорскій дворъ наполненъ былъ личными его врагами; сверхъ-того онъ считалъ за неприличное заниматься дѣлами сейма не въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ назначенъ. Однимъ словомъ, онъ рѣшился остаться въ Аугсбургѣ и ожидать прибытія императора.

Положеніе, принятое протестантами въ Аугсбургѣ, успѣхъ, пріобрѣтенный въ городѣ проповѣдями, всеобщее одобреніе, которымъ они пользовались въ Германіи, — все это не входило въ расчеты императорскаго двора, который не ожидалъ большаго сопротивленія со стороны своихъ противниковъ, и теперь еще надѣялся тѣмъ или другимъ средствомъ пріобрѣсти въ Аугсбургѣ то, что не удалось ему въ Инспрукѣ. 6-го іюня отправился туда императоръ: путь свой онъ направилъ чрезъ Мюнхенъ, гдѣ ему былъ сдѣланъ великолѣпный пріемъ; въ сопровожденіи духовныхъ и свѣтскихъ князей Баваріи и Австріи, 15-го іюня ввѣчь вечеромъ прибылъ онъ къ стѣнамъ Аугсбурга. Тамъ около двухъ часовъ ожидало его такое блестящее собраніе имперскихъ

чиновъ, какого давно уже не видала Германія: тутъ были и духовные и свѣтскіе князья Верхней и Нижней Германіи и множество молодыхъ принцевъ, недостигшихъ еще верховной власти. По приближеніи императора, все вмѣстѣ сошли они съ лошадей и отправились къ нему на встрѣчу; Карлъ V въ свою очередь сошелъ съ коня и каждому дружески пожалъ руку. Курфирстъ майнцскій правитствовалъ его во имя всѣхъ «собранныхъ членовъ священной Римской Имперіи». Императоръ вступилъ въ городъ, и за нимъ въ стройномъ порядкѣ двинулась величественная процессія, какъ-бы составляя собою свиту своего повелителя — вся имперія въ лицѣ князей своихъ окружала императора; все они сопутствовали ему въ соборъ, гдѣ процѣлъ былъ торжественный *Te Deum*, и оставили его только у дверей назначеннаго ему жилища.

Въ это самое время, когда все чины имперскіе соединились еще разъ въ одно плѣо, выступилъ во всей силѣ своей великій, все разъединяющій вопросъ, который долженъ былъ служить предметомъ занятій собравшагося сейма. Такъ-какъ протестанты присутствовали при духовной и при свѣтской церемоніи, императоръ вздумалъ воспользоваться первою минутою своего прибытія, чтобъ склонить ихъ къ существеннымъ уступкамъ.

Когда начали расходиться князья, сопровождавшіе императора, онъ пригласилъ курфирста саксонскаго, маркграфа Георга-Бранденбургскаго, герцога Франца-Люнебургскаго и ландграфа Филиппа въ отдаленную комнату, гдѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, началъ требовать прекращенія евангелическихъ проповѣдей. Старшіе князья, испуганные внезапнымъ нападеніемъ, хранили молчаніе. Ландграфъ взялся отвѣчать за нихъ, отказался отъ исполненія требованій императора и отказъ свой основывалъ на томъ, что въ проповѣдяхъ ихъ «нѣтъ ничего, кромѣ чистаго слова Божія, по понятіямъ св. Августина», — выраженіе, которое въ высшей степени не понравилось императору; кровь бросилась ему въ лицо и онъ во второй разъ еще настоятельнѣе повторилъ свое требованіе. Тогда старшій маркграфъ Георгъ воскликнулъ ему: «Государь, прежде чѣмъ я отступлюсь отъ слова Божія, я лучше на этомъ мѣстѣ преклоню колено и позволю отрубить себѣ голову». Императоръ, желавшій однихъ кроткихъ мѣръ, испугался въ свою очередь возможности казни, которая высказалась ему въ этихъ словахъ. «Нѣтъ, любезный князь» возразилъ онъ: «я не хочу и слышать о срубленныхъ головахъ».

На другой день, протестанты отказались присутствовать при католическихъ процессіяхъ; въ-отношеніи же проповѣди, они согласились наконецъ съ императоромъ, который обѣщалъ имъ, что и противная сторона будетъ хранить молчаніе во время переговоровъ. Самъ онъ назначилъ нѣсколько проповѣдниковъ, которые должны были прочитывать текстъ св. писанія безъ всякихъ полсненій; можетъ-быть, и на это они не легко согласились бы, еслибъ имъ не замѣтили, что такое дѣйствіе одобрено постановленіями сейма 1526 года, на которыя они всегда опирались; вообще, во все время пребыванія своего въ Аугсбургъ-

гь, императоръ пользовался уваженіемъ, котораго онъ только могъ требовать, какъ глава имперіи. Изъ всего сказаннаго нами ясно, что протестанты на шагъ не уклонились отъ своихъ убъжденій. Требования присутствующаго императора дѣйствовали на нихъ не болѣе повелѣній отсутствующаго. Императоръ долженъ былъ оставить надежды, съ которыми онъ прибылъ на сеймъ: ни въ чемъ не замѣтно было той уступчивости, въ которой онъ былъ увѣренъ до прибытія въ Аугсбургъ. 20 іюня открылись переговоры. Въ предложеніи императора, прочитанномъ въ этотъ день, прежде всего говорилось объ опасности, грозившей со стороны Турковъ, и о мѣрахъ, которыя необходимо было принять для общей защиты; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявлялъ намѣреніе свое дѣйствовать кротко и мирно въ искорененіи релігіозныхъ заблужденій и повторялъ слова граммати своей, что «каждый можетъ всустно и письменно излагать предъ нимъ свои мнѣнія».

Такъ—какъ сеймъ сдѣлалъ заключеніе прежде всего заняться дѣлами религіи, то великій бой долженъ былъ открыться немедленно.

Протестанты успѣли составить актъ, въ которомъ намѣревались возложить имперскимъ чинамъ свои релігіозныя убъжденія: это было началомъ такъ-называемаго аугсбургскаго исповѣданія.

Въ Виттенбергѣ, въ изложеніи правилъ ученія, за основанія приняты были швабахскія статьи, въ которыхъ высказалось раздѣленіе между лютеранскими и верхне-германскими теологами. Раздѣленіе было тѣмъ сильнѣе, что Цвингліи и его приверженцы, принявшіе въ-началѣ швабахскія статьи, снова отступились отъ нихъ во время переговоровъ въ Марбургъ.

Меланхтонъ предѣлялъ эти швабахскія статьи въ томъ духѣ основательности и порядка, которыя были отличительными чертами его характера, и съ несомнѣннымъ намѣреніемъ сблизиться по возможности съ началами католическаго ученія. Объясненія его ученія о вѣрѣ и свободной волѣ изложены были съ большою умѣренностью; онъ указывалъ, что многія статьи эти осуждаютъ еретиковъ, отвергнутыхъ и римскою церковью, и старался подтвердить ихъ не только св. писаніемъ, но преданіями отцовъ церкви и преимущественно сочиненіями Августина; достоинство свѣтской власти старался онъ возвысить какъ-можно-болѣе и заключалъ актъ свой увѣреніемъ, что новое ученіе объясняется не только св. писаніемъ, даже римскою церковью въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она сама не противорѣчитъ писанію. Невозможно было не согласиться съ ними; въ этомъ отношеніи невозможно было назвать ихъ еритиками.

Евангелическое ученіе, въ томъ видѣ, какъ оно проявлялось здѣсь, остается созданіемъ живаго духа латинской церкви: оно держится еще въ предѣлахъ ея, и это самое замѣчательное явленіе во внутреннемъ его дѣйствованіи. Разумѣется, оно сохранило отгѣнокъ своего возникновенія; основное начало, указанное Лютеромъ относительно покаянія, положило на него печать индивидуальности. Но то же самое начало въ-сколько разъ уже дѣлательно возникало изъ самыхъ вѣдръ латинской церкви; Лютеръ только усвоилъ его со всею силою релігіознаго убъ-

жденія и распространилъ посредствомъ борьбы съ противными мнѣніями, посредствомъ сообщенія его народу: — Лютера, въ истинномъ значеніи его реформы, никто не можетъ назвать сектаторомъ. Онъ хорошо чувствовалъ, что стоитъ на прежней почвѣ, утвержденной Августиномъ; онъ только старался сорвать оковы, наложенныя на религіозныя вѣрованія латинскимъ духовенствомъ, и отъ-того обратился исключительно къ св. писанію и положилъ непремѣннымъ правиломъ держать буквальнаго его смысла. Но развѣ св. писаніе не было ревностно изучаемо латинскою церковію въ-продолженіе цѣлыхъ столѣтій, какъ норма религіозныхъ вѣрованій? Развѣ многое, принятое этою церковью, не основано было действительно на св. писаніи? Эти пункты послужили основаніемъ переговоровъ; прочее опущено, какъ излишнее.

Нельзя сказать, чтобъ аугсбургское исповѣданіе утверждало догматы по чистому смыслу св. писанія; оно представляло собою только приведеніе системы, развитой въ латинской церкви, въ гармонію съ св. писаніемъ, или воспроизведеніе св. писанія въ первобытномъ духѣ латинской церкви. Едва-ли нужно прибавлять, что никто не имѣетъ намѣренія поставить его общемою нормою вѣры. «Наша церковь учитъ», «должно учить», «нашихъ ложно обвиняють» — вотъ выраженія, употребленныя Меланхтономъ: онъ хотѣлъ только высказать недавно-развившіяся убѣжденія.

Въ такомъ смыслѣ онъ написалъ и второй отдѣлъ, въ которомъ изложены злоупотребленія, побудившія реформаторовъ выступить на бой. Какое обширное поприще для полемики представлялось ему! Сколько могъ наговорить онъ о притязаніяхъ папы, о злоупотребленіяхъ католическаго духовенства; но съ обычнымъ благоразуміемъ своимъ онъ держался въ предѣлахъ оправданія своихъ вѣрованій, старался доказать только, что откинутыя ими правила католицизма противорѣчатъ древнимъ католическимъ постановленіямъ. Съ тою же предусмотрительностію умолчалъ онъ о божественномъ правѣ папы, о его непогрѣшительности, даже о числѣ таинствъ; короче, онъ явился не обвинителемъ, а только защитникомъ. Достаточно уже было, что онъ выставилъ различіе духовнаго назначенія епископовъ отъ присвоенной ими себѣ святой власти; онъ утверждалъ, что приверженцы евангелическаго ученія и въ этомъ случаѣ не отступили отъ истинныхъ правилъ католической церкви, и что императоръ по справедливости можетъ допустить новое религіозное постановленіе.

Теперь самъ-собою возникаетъ вопросъ — не лучше ли бы сдѣлали протестанты, еслибъ, вмѣсто того, чтобъ замкнуть себя въ предѣлахъ самозащиты, они приняли снова систему наступательную и еще разъ вызвали на святъ всѣ неукротимые порывы къ реформаціи? Но съ того самаго мгновенія, когда они отказались отъ союза съ послѣдователями Цвинглія, система наступательная сдѣлалась для нихъ совершенно-невозможною. Успѣхъ, пріобрѣтенный ученіемъ Цвинглія, оставалъ ихъ какъ-бы въ тѣни; въ Аугсбургѣ большая часть жителей сложилась къ идеямъ швейцарскаго реформатора: говорили даже о союзѣ Верхне-Германцевъ и Швейцарцевъ съ цѣлію испровергнуть все ма-

ніе имперской іерархіи; даже одинъ изъ главныхъ вождей реформы, ландграфъ Филиппъ, обнаруживалъ въ словахъ своихъ рѣшительную склонность къ ученію Цвингліа (*). Только по особенной силѣ убѣжденія, которою обладалъ Лютеръ, удалось ему уговорить ландграфа подписать статьи аугсбургскаго исповѣданія.

Сверхъ-того, они никакъ не могли думать о привлеченіи на свою сторону большинства имперскихъ чиновъ, которые слишкомъ-ясно выказали свои планы на шпейерскомъ сеймѣ 1529 года.

Они желали только мира и терпимости; они хотѣли доказать, что ученіе ихъ осуждаютъ несправедливо, что ихъ напрасно называютъ еретиками. Лютеру удалось внушить эти мысли своему старинному противнику, архіепископу майнцскому, который, въ настоящее время, гораздо-лучше былъ расположенъ къ нему. Во имя князей, обратился Меланхтонъ къ кардиналу Кампеджи и заклиналъ его действовать съ утѣренностью: каждое новое движеніе могло вовлечь церковь въ безконечное замѣшательство.

Въ этомъ смыслѣ сближенія, въ этомъ желаніи пояснить сродство древней и новой вѣры, было составлено аугсбургское исповѣданіе.

25-го іюня 1530 года, актъ, составленный Меланхтономъ, прочтенъ былъ въ общемъ собраніи имперскихъ чиновъ. Князья просили императора назначить болѣе-обширное помѣщеніе, чтобы допустить постороннихъ и тѣмъ придать болѣе торжественности засѣданію; но императоръ предпочелъ небольшую комнату при капитулѣ епископскаго двора, въ которомъ онъ жилъ, и куда имѣли доступъ только члены имперскаго сейма. По той же причинѣ онъ желалъ, чтобы актъ составленъ былъ по-латинѣ, но князья замѣтали его величеству, что на нѣмецкой землѣ онъ долженъ былъ допустить и языкъ нѣмецкій. Въ-сладствіе этого, младшій саксонскій канцлеръ, докторъ Христіанъ Байеръ, прочелъ нѣмецкій актъ съ тою чистотою голоса, которая соответствовала ясности и твердости изложенныхъ въ немъ убѣжденій. Духовные князья не были многочисленны: они боялись услышать что-нибудь для нихъ не-пріятное. Когда окончили чтеніе, оба экземпляра переданы были императору: нѣмецкій онъ вручилъ архиканцлеру имперіи, латинскій оставилъ у себя. Оба были подписаны курфюрстомъ и герцогомъ саксонскими, маркграфомъ Георгомъ-Бранденбургскимъ, герцогами Францомъ и Эрнстомъ Люнебургскими, ландграфомъ Филиппомъ, княземъ ангалтскимъ Вольгангомъ и уполномоченными городовъ Нюрнберга и Рейтлингена.

Евангелическіе князья ожидали, что партія ихъ противниковъ представитъ подобный этому манифестъ, и что императоръ будетъ посредникомъ между враждующими партіями. По всемъ вѣроятностямъ, того же ожидалъ и императоръ; онъ желалъ, чтобы католическая партія явилась съ жалобой на протестантовъ, и тогда онъ могъ бы принять на

(*) Въ письмѣ Урбана Ротуса къ Лютеру отъ 21 мая 1530 года сказано, что ландграфъ Филиппъ приводитъ «innumera sacramentarium argumenta. Sendit cum Zwinlio ut ipse nihil fasset est».

себя роль судьи и рашителя ихъ недоразумѣній; король Фердинандъ былъ того же самаго мнѣнія. Но оба брата такъ мало имѣли вліянія на собраніе, что не могли достигнуть желаемаго.

Большинство, составившееся въ Шпейерѣ, соединилось здѣсь еще тѣснѣе и почитало себя единственною законною властію имперіи. Оно недовольно было Фердинандомъ, который исходатайствовалъ у папы согласіе ввести въ духовенствѣ Германіи постановленія, господствовавшія въ Испаніи; оно не хотѣло представить изъ себя только партію, не хотѣло признать императора судіею между собою и протестантами. Къ-сожалѣнію, до насъ не дошло ни одного протокола о засѣданіи католическаго большинства, можетъ-быть потому, что сами князья лично присутствовали въ засѣданіяхъ, а города не принимали въ нихъ участія. Сколько пзвѣстно намъ, между ними возникли два противорѣчащія мнѣнія. Одни утверждали, что императоръ долженъ былъ тотчасъ же взяться за оружіе и силою привести въ исполненіе свой прежній эдиктъ. Другіе не находили нужнымъ прибѣгать къ такимъ враждебнымъ дѣйствіямъ; въ числѣ послѣднихъ былъ курфирстъ майнцскій, который представлялъ весь бѣдствіа, готовыл постигнуть имперію при нападеніи Турковъ, если вспыхнетъ такое открытое междоусобіе. Наконецъ, рѣшено было посоветовать императору заняться прежде всего опроверженіемъ новаго исповданія, и между-тѣмъ употребить все средства къ устраненію недоразумѣній между духовными и свѣтскими князьями. Императоръ принялъ этотъ совѣтъ. Онъ льстилъ себя надеждою, что если опроверженіе протестантскаго акта и устраненіе недоразумѣній между князьями будутъ дѣйствовать въ одно время, то произведутъ столь сильное вліяніе на протестантовъ, что они рѣшительно подчинятся его волѣ.

Какой неблагопріятный для протестантовъ оборотъ приняло настоящее состояніе дѣлъ! До-сихъ-поръ, они ожидали отъ высокой власти императора снисхожденія и посредничества, но скоро замѣтили, что не самъ онъ дѣйствуетъ, а что за него дѣйствуютъ другіе — старинные злые противники, съ которыми они такъ долго враждовали, и которые теперь, оградившись большинствомъ, направляли по произволу своему каждый шагъ императорской власти.

Ревностнѣе всего католическіе чины принялись за опроверженіе. Въ дѣлателяхъ недостатка не было: со всѣхъ сторонъ стеклись противники протестантскихъ теологовъ. Фаберъ изъ Вьны, Эккъ изъ Ингольштадта, Кохлеусъ изъ Дрездена, Вимпина изъ Франкфурта-на-Одерѣ, явились въ свѣтъ князей своихъ; съ епископами прибыли ихъ викаріи, и толпы монаховъ всѣхъ орденовъ; особенно-многочисленны были доминиканцы, въ числѣ которыхъ находились провинціалъ Павелъ Гаугъ, викарій Юганнъ Буркгардъ, пріоръ Конрадъ Колян, писавшій противъ лютерова брака. Очень-понятно, почему Эразмъ, котораго приглашали также на это собраніе, не хотѣлъ присоединить имени своего къ этимъ именамъ: все они были представителями аристотелевско-доминиканской системы, которая господствовала такъ долго въ школахъ Европы и противъ которой онъ самъ ратовалъ съ такимъ жаромъ. Въ литературномъ отношеніи, они не приобрѣли слишкомъ-большой славы: вся сила ихъ заклю-

чалась въ союзъ ихъ съ политическою властію, — теперь они были уже не частными людьми: они должны были говорить и писать отъ имени имперіи. Не смотря на то, имъ не дали полной свободы, потому-что они были слишкомъ-заносчивы, слишкомъ-проникнуты старой враждой противъ Лютера, о которомъ здѣсь вовсе не было рѣчи. Первою инструкціею имперское собраніе вмѣнило имъ въ обязанность держаться статей исповѣданія, вторую—составить опроверженіе каждой статьи. Не ранѣе 3-го августа готово было опроверженіе, и его прочитали въ томъ же епископскомъ домѣ, гдѣ прочитанъ былъ протестантскій актъ; оно состоитъ такъ же, какъ «исповѣданіе», изъ двухъ частей: одна заключаетъ въ себя прывала вѣры, другая обряды. По-прежнему, католики не отступали ни на шагъ отъ своего ученія; всѣ обряды, даже латинскій языкъ при богослуженіи, они считали необходимою, существенною принадлежностью католицизма. Большинство не только объявило, что оно находитъ такое мнѣніе справедливымъ, истинно-католическимъ и согласнымъ съ ученіемъ евангелія, но оно требовало, чтобъ протестанты отступились отъ опровергнутыхъ статей своего исповѣданія и приняли вѣрованія, одинаковыя «съ православною римско-католическою церковію». Императоръ, который долженъ былъ отказаться отъ роли судьи и примирителя обихъ партій, объявилъ себя въ пользу большинства. Въ заключеніе опроверженія, обнародованнаго отъ имени его, онъ увѣщеваетъ приверженцевъ евангелическаго исповѣданія подчиниться снова римской и католической церкви; въ противномъ случаѣ онъ принужденъ будетъ дѣйствовать, какъ прилично «римскому императору, защитнику и покровителю церкви».

Время кротости миновало—всѣ предвидѣли, что наступило время строгихъ мѣръ.

Папа уже произнесъ свой приговоръ.

Въ Римъ прислано было отъ Кампеджи письмо, въ которомъ изложены всѣ главныя требованія протестантовъ; при самомъ началѣ собранія, императоръ получилъ краткую выписку, писанную рукою самаго Меланхтона, и 6-го іюля дѣло поступило на разсмотрѣніе папы и кардиналовъ. Протестанты требовали причащенія подъ видомъ тѣла и крови Христовой, брака священниковъ, уничтоженія каноновъ при совершеніи обряда, очищенія имущества духовенства, и, наконецъ, общаго собора для рѣшенія прочихъ спорныхъ пунктовъ. Въ Римъ объявили статьи эти противорѣчащими вѣрѣ, повиновенію и даже интересамъ церкви; папа рѣшилъ уничтожить ихъ и послать императору изъявленіе своей признательности за оказанную имъ ревность. Имперское собраніе съ своей стороны умоляло императора выступить въ качества защитника церкви.

Побуждаемый съ обѣихъ сторонъ, связанный своими договорами, окруженный людьми, которые или не имѣли никакого понятія о дѣйствіяхъ реформаціи, или издавна были врагами ея, императоръ принялъ самое грозное положеніе; кромѣ общаго манифеста къ протестантамъ, онъ объявилъ немилость и отдельнымъ лицамъ; такъ особеннымъ посланіемъ сообщивъ онъ курьеру Іоганну неудовольствіе свое за то, что

тогда, отложившись от него, истиннаго покровителя церкви, принялъ нововведенія и старался заключить союзы: если же послѣ этого курфирстъ не захочетъ возвратиться въ лоно истинной вѣры, исповѣдуемой въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, то его величество не будетъ щадить его и не согласится ни на одно изъ требованій, сдѣланныхъ ему саксонскимъ дворомъ.

Многіе могли сомнѣваться, чтобъ германскіе князья и бароны, возросшіе при дворѣ, стремившіеся къ доброму согласію съ сосѣдями и къ снисканію милостей императора, остались твердыми противъ открытой немилости императора и тѣснаго союза большинства; чтобъ они рѣшились выдержать нападенія и мужественно отстаивать свои убѣжденія. Больше всего это зависѣло отъ могущественнѣйшаго изъ протестантскихъ князей, на котораго устремлены были взоры всѣхъ, и котораго склонить на свою сторону неперемѣнно желалъ императоръ—отъ курфирста Іоганна-Саксонскаго.

Курфирстъ Іоганнъ-Саксонскій, послѣдній изъ четырехъ сыновей курфирста Эрнста, родоначальника процвѣтающей и въ наше время эрнстивской династіи, не обладалъ политическою гениальностію брата своего Фридриха, его тонкимъ, проицательнымъ умомъ, но съ ранней юности отличался чистосердечіемъ и добротою «безъ малѣйшей желчи», какъ говоритъ Лютеръ; съ тѣмъ вѣсть характеристическою чертою его была строгая нравственность, которая придавала великое достоинство его скромной, открытой душѣ. Шумныя рыцарскія прѣдзвѣствія, въ которыхъ онъ принималъ участіе при дворѣ Максимилиана, не удовлетворяли его стремленіямъ; позже онъ говорилъ, что съ сожалѣніемъ вспоминаетъ объ этихъ прошедшихъ дняхъ бездѣйствія. Ясно, что онъ не рожденъ былъ для удовольствій придворной жизни и свѣтской разсѣянности; непріятности, сопряженныя съ ними, онъ чувствовала слишкомъ живо, и потому не могъ наслаждаться пустыми забавами, увеселявшими другихъ. Съ братомъ своимъ, котораго онъ былъ совѣтникомъ, никогда не являлъ онъ размолвки: ни одинъ изъ нихъ не принималъ къ себѣ служителя безъ предварительнаго согласія другаго. Съ самаго появленія Лютера, онъ принялъ горячее участіе въ его ученіи; умъ его, отъ природы серьезный, глубоко-религіозный, приниженный постепенно идеями реформаціи; онъ почиталъ величайшимъ наслажденіемъ чтеніе св. писанія въ тихіе вечерніе часы; иногда въ старости онъ засыпалъ, слушая св. писаніе, но просыпаясь повторялъ послѣднее изреченіе, оставшееся у него въ памяти. Проповѣди Лютера онъ переписывалъ самъ: сохранился даже одинъ экземпляръ лютерова патрістикаса, писанный его рукою. Эти благочестивыя занятія несколько не мешали его дѣятельности: при всей простотѣ души, въ немъ разлилась сильная воля и безграничная привязанность къ религіознымъ убѣжденіямъ. Когда, во время крестьянской войны, дѣло князей находилось въ такомъ сомнительномъ положеніи, онъ не скрывалъ отъ себя, что можетъ потерпѣть отъ успѣха поселянъ, но изготовился на это и говорилъ, что, въ случаѣ бѣдствій, онъ можетъ сложить свое житіе и сдѣлаться частнымъ человѣкомъ; это не воспрепятствовало ему,

Однако, храбро отстаивать «свое доброе право»; во время победы обнаруживалъ онъ необыкновенную кротость. Ни одинъ изъ князей не оказалъ большей услуги утверженію протестантской церкви. Братъ и предшественникъ его только запретилъ угнетеніе новой вѣры и возможности оказывалъ покровительство ей въ имперіи; со всѣмъ тѣмъ, когда Іоаннъ принималъ правленіе, — по обѣ стороны возвышались утѣсы, о которые она легко могла сокрушиться. Только политика, соединенная съ возрастающимъ убѣжденіемъ, могла устранить опасности, ей грозившія. Послѣ крестьянской войны, сильно возстали идеи реакціи; какъ ни тщательно были онъ ему внушаемы его святеки-ушнымъ и опытнымъ въ дѣлахъ двоюроднымъ братомъ, Іоаннъ не позволялъ управлять собою. На ближайшемъ сеймѣ онъ дѣйствовалъ такъ, что вызвалъ рѣшеніе, послужившее основою дальнѣйшему развитію законности религіозной реформы. Однажды лишь казалось, что онъ склонится къ неукротимымъ порывамъ своего гессенскаго союзника и обратитъ путь, которому постоянно слѣдовалъ; но онъ еще во-время возвратился къ прежнему оборонительному положенію, которое было согласнѣе съ его натурою, и въ которомъ онъ могъ тверже удержаться. Вся желанія его стремились къ утверженію въ государствѣ своемъ новаго ученія, къ упроченію ему общественной независимости. Онъ ввелъ первую евангелическую церковную форму въ Германіи, и все прочія области болѣе или менѣе принимали ее за образецъ. Онъ первый воспротивился притязаніямъ своего дворянства: не смотря на кротость свою в добросердечіе, онъ никогда не склонялся къ несправедливому требованію, никогда не слушалъ наущеній, порицалъ даже сына своего за то, что онъ слушаетъ приближенныхъ своихъ болѣе, чѣмъ того требовало благоразуміе. Изъ всѣхъ окружавшихъ его, одинъ только Лютеръ имѣлъ на него величайшее вліяніе—отъ-того, что Лютеръ умѣлъ управлять внутренними побужденіями, господствовавшими надъ душою, умѣлъ поддержать ихъ во всей свѣжести самосознанія. Подъ руководствомъ Іоанна составилась знаменитый протестъ, давшій цѣлой партіи имя и положеніе въ мірѣ: онъ не останавливался дѣйствовать тамъ, гдѣ право и религія были на его сторонѣ. Однимъ словомъ, онъ выражалъ собою ясную, невзыскательную, склонную къ уступчивости натуру, въ которой великій образецъ пробудилъ такую рѣшимость и силу дѣятельности, что онъ казались въ ней врожденными.

Здѣсь, въ Аугсбургѣ, курфирстъ Іоаннъ долженъ былъ доказывать, было ли это расположеніе твердо, или зависѣло отъ вліянія обстоятельствъ.

Онъ чувствовалъ врожденное почтеніе къ императору, какъ глава Германіи, и въ началѣ предполагалъ, что безъ труда соединитъ это чувство съ своими религіозными убѣжденіями. Скоро, однако, оказалось это невозможнымъ, и нѣкоторые изъ его ученыхъ спутниковъ, чтобъ отвратить грозу отъ головы своего государя, возвратились къ прежней мысли и просили его не принимать ихъ и предоставить имъ свободу дѣйствовать безъ его участія; они готовы были обнародовать исповѣданіе отъ собственного своего имени. Но курфирстъ возразилъ имъ: «я хочу вмѣстѣ съ вами защищать наши общія вѣрованія».

Между-тѣмъ, императоръ ставился день-о-то-дня менше къ нему благосклоненъ. «Что мы ни просимъ у его императорскаго величества», говоритъ въ одномъ изъ писемъ своихъ курфирстъ: «во всемъ получасмъ отказъ; мы ничего не можемъ придумать болѣе, кромѣ того, что насъ тяжко оклеветали передъ императорскимъ величествомъ, и что это произошло со стороны нашихъ родственниковъ».

Мы видали, въ какое положеніе онъ былъ поставленъ; въ-слѣдъ за тѣмъ издано было опроверженіе и грозный манифестъ, его сопровождавшій.

Ему не могло придти въ голову, чтобъ онъ съ своею узкою полосою земли по берегамъ Эльбы и съ своею ничтожною Тюрингією, безъ сильныхъ союзниковъ, могъ противиться императору, который только-что одержалъ побѣду надъ королемъ французскимъ, усмирилъ Италію, и который теперь, тѣсно соединившись съ большинствомъ имперскихъ чиновъ, дѣйствовалъ отъ ихъ имени. И сверхъ-того, не тяготило ли его сомнѣніе относительно правъ къ сопротивленію? Онъ очень-склоненъ былъ къ мысли, что долгъ не позволялъ ему противиться императору. Некоторые старались объяснить ему, что его ожидало въ будущемъ. Одинъ изъ князей, приближенныхъ ко двору, объявлялъ ему однажды, что если онъ не приметъ надлежащихъ мѣръ, то императоръ нападетъ на него вооруженною рукою, изгонитъ его со всѣми его приверженцами и лишитъ его званія имперскаго князя и избирателя (*).

Курфирстъ ни мало не сомнѣвался, что дѣло можетъ принять подобный оборотъ. Въ сильномъ движеніи возвратился онъ домой: онъ видѣлъ, что долженъ былъ отвергнуть признанную истину, или, вѣсть со всѣми своими, пасть въ бездну гибели.

Лютеръ уязвлять, что еслибъ онъ поколебался, то не устоялъ бы ни одинъ изъ его совѣтниковъ. Но имъ руководило то, что онъ предложенный вопросъ представлялъ во всей его рѣзкой наготѣ. «Отречися отъ Бога или отъ міра», сказалъ онъ себѣ: «что лучше? Богъ сдѣлалъ меня курфирстомъ имперіи, чего я никогда не заслуживалъ собственными достоинствами: пусть и въ-послѣдствіи будетъ надо мною Его святая воля.»

Что происходило въ душѣ его, доказываетъ между-прочимъ сонъ, который видѣлъ онъ въ это самое время. Онъ впалъ въ то нестерпимое состояніе, когда на груди человека какъ-будто лежитъ страшная тяжесть: ему показалось, что онъ находится подъ высокою горою, на вершинѣ которой стоитъ его двоюродный братъ Георгъ; къ утру распалась гора, и врагъ-родственникъ упалъ подлѣ него на землю.

Однимъ словомъ, старый курфирстъ рѣшился дѣйствовать, не колеблясь ни мгновенія. Вообще, великія событія не являются никогда безъ

(*) Мюллера «Geschichte der Protestation», стр. 715. Какъ распространились эти слухи, свидѣтельствуетъ между-прочимъ извѣстіе, которое получилъ Цвингліи въ началѣ 1530 года: въ немъ изображены были намѣренія императора, желаніе его отнять достоинство избирателя у герцога Іоганна и передать его герцогу Георгу. См. «Archiv für Schweiz. Geschichte», I, стр. 278.

важкихъ нравственныхъ подвиговъ. Курфирстъ объявлялъ, какъ и прежде, что императоръ во всякъ отношеніяхъ найдетъ въ немъ вернаго иррелигознаго князя, но что онъ никогда не отречется отъ вѣчной истины, и что слово Божіе навсегда останется для него неизмѣннымъ закономъ.

Человѣкъ, болѣе всякъ подкрапывавшій эти мысли, былъ, безъ сомнѣнія, Лютеръ, хотя онъ и не присутствовалъ на сеймѣ.

Лютеръ не былъ еще освобожденъ отъ отлученія, произнесеннаго противъ него; отъ-того и курфирстъ не могъ его взять съ собою на сеймъ, и оставилъ въ Кобургъ, на границѣ своихъ владѣній. Самому Лютеру казалось, что вдали отъ шума дѣлъ и ежедневныхъ происшествій, онъ можетъ разсмотрѣть все событіе съ высшей точки.

Ему казалось страннѣе всего, что императоръ такъ тѣсно соединился съ папою, такъ спокоенъ былъ со стороны Франгузовъ, что имперскіе чины приняли также сторону папы. Онъ смотрѣлъ на эти вещи съ некоторою ироніею. Государь *rag ma foi* (какъ онъ называетъ короля французскаго) не забудетъ никогда обиды, сдѣланной ему при Павлѣ; государь *in nomine domini*, папа, не найдетъ большой радости въ разореніи Рима; отношеніе его къ императору принадлежитъ главу: «*non stedisimus*». Онъ не понималъ, на какомъ основаніи князь допустилъ папу вѣнчать императора безъ своего содѣйствія. Собраніе ихъ онъ сравниваетъ съ стадомъ галокъ подъ своими окнами: въ карканья ихъ ему слышались крики его недоброжелателей, однообразныя проповѣди свѣтловъ: «это народъ полезный для того только, чтобъ уничтожить все на землѣ и рѣшеніе свое пускать на воздухъ, отсрочивая его на долгое время» (*).

Не менѣе удивляло его скорое забвеніе заслугъ, оказанныхъ протестантами при возмущеніи поселанъ: никто ревностнѣе ихъ не старался водворить спокойствіе въ Германіи, и за это думали только объ ихъ истребленіи. При самомъ началѣ переговоровъ, онъ предвидѣлъ окончаніе ихъ. Когда императоръ запретилъ проповѣди, онъ потерялъ всякую надежду на примиреніе и говорилъ, что князь заставитъ Карла V увѣчтовать все ученіе, не потому, чтобъ онъ считалъ его утѣснителемъ — онъ никогда не говоритъ безъ глубокаго уваженія о благороднѣйшій прои императора Каролуса, но онъ зналъ, въ чьихъ рукахъ находился властитель имперіи: онъ видѣлъ въ лицѣ его только маску, за которой скрылись старые враги реформаціи. Онъ убѣжденъ былъ всегда, что они, гордые многочисленностью своею, думаютъ объ одномъ насиліи, и предсказывалъ, что «Флорентинецъ, возсѣдывшій на папскомъ престолѣ, найдетъ скоро случай доставить Германцамъ новое кровопролитіе».

Но такое предположеніе не утешало Лютера. Пусть дѣйствуютъ они какъ хотятъ; конецъ поприща ихъ еще неизвѣстенъ. Мужество его

(*). Письма его къ курфирсту майнцкому отъ 6 июля, и къ Спалатину, отъ 3-го мая.

было следствием той же уверенности, что дело их правое, что сама Богъ покровительствуетъ имъ. Въ этомъ духѣ написаны все его письма: иногда еще человекъ не былъ такъ глубоко проникнутъ чувствомъ непосредственнаго содѣйствія Божія; онъ врывалъ въ вечную, победоносную истину, подъ знаменами которой ратовалъ; онъ понималъ ее въ Откровеніи.

Набожно воссылая онъ молитвы къ Богу, называя его Владыкою и Отцомъ, съ твердымъ упованіемъ на покровительство небесныхъ силъ, служенію которыхъ посвящалъ себя: молитва его была погруженіемъ въ созерцаніе Божества; онъ не переставалъ молиться до-тѣль-нощъ, пока не былъ убежденъ, что молитва его услышана — высочайшее чувство, къ которому только способно сердце человѣческое въ самыя священныя минуты своего бытія. «Я молился за тебя» писалъ онъ къ Меланхтону: «и почувствовалъ надежду въ своемъ сердцѣ». Лучшимъ выраженіемъ такого состоянія души служить духовная пѣснь «*Ein feste Burg ist unser Gott*», которую по справедливости можно отнести къ этому времени. Въ ней замѣтно вліяніе XVI-го псалма, и со всѣмъ тѣмъ, она представляетъ влѣтъ того отношенія, когда въ борьбѣ съ міромъ, полнымъ враговъ, душа Мартина возвысилась до сознанія, что она стоитъ за божественное дело, никогда непреходящее. Радостно и мужественно звучитъ мелодія этой пѣсни: въ ней слышится какое-то божественное упованіе, какое-то презрѣніе къ земной юдоли: она совершенно гармонируетъ съ пѣснью и напоминаетъ бурные дни, въ которые возникла. Изъясненіемъ того же чувства утѣшалъ онъ ближайшихъ друзей и внушалъ мужество государю своему и его советникамъ. «Я видалъ два чуда» писалъ онъ къ канцлеру Бриву: «Во-первыхъ, въ окна моего я видалъ звезды на небѣ и весь дивный свѣтъ Божій, но взгля на одного столба, который бы подпиралъ его, и со всѣмъ тѣмъ онъ стоитъ твердо. Во-вторыхъ, я видалъ огромныя густыя тучи, которыя носились надъ нами, но на вѣтвы, на которую базъ она опиралась, на мѣста, гдѣ возникали оны; со всѣмъ тѣмъ, онъ не падалъ внизъ, но приветствовалъ насъ и пролеталъ мимо. Помысли «*Вожіа*» высоко вереть надъ нашими помыслами. Если мы только уверены, что дело наше принадлежитъ Ему, то молитва услышана и по-мощь несомнѣнна. Еслибъ императоръ далъ намъ миръ, котораго мы желаемъ, то императору принадлежала бы честь этого мира, но Господь самъ пошлетъ намъ миръ и покажетъ надъ нами свою святую волю».

Въ твердой, рѣшительной волѣ всегда много увлекательнаго; но какъ могущественна она, когда божественное начало движетъ ея! Лютеръ изъ Кобурга дѣйствовалъ на своихъ, можетъ-быть, гораздо-сильнѣе, чѣмъ бы могъ дѣйствовать, находясь ежедневно въ ихъ обществѣ.

Все прочіе князья въ твердости не уступали курфирсту Іоганну.

Герцогъ Эрнстъ-Люнебургскій приобрѣлъ названіе «исповѣдника». Не отступая ни на шагъ отъ своихъ мнѣній, вступилъ онъ въ тѣсный союзъ съ человекомъ, который болѣе всего содѣйствовалъ реформациі въ его владѣніяхъ, съ Урбаномъ Регіусомъ. Онъ взялъ его съ собою,

какъ лучшую драгоценность, какую могъ только привезти своимъ подданнымъ изъ Аугсбурга.

Маркграфу Георгу-Бранденбургскому, императоръ и король обещали пособие во всякъ его предпріятіяхъ, если только онъ отступится отъ своего ученія; бранденбургскій домъ и тогда имѣлъ виды на шлезвигскія владѣнія, но маркграфъ отказался отъ всякъ предложеній такого рода. Еще сильнѣе нападъ на него родственникъ его, курфирстъ Іоаннъ; онъ и съ намъ выдержалъ борьбу, не смотря на горячую ссору; въ заключеніе ея, курфирстъ спросилъ, знаетъ ли онъ, чего должно ожидать его упрямство? Маркграфъ отвѣчалъ спокойно: «говорятъ, что меня выгонять изъ моихъ владѣній: да будетъ воля Божія». Менѣе ихъ силенъ былъ Вольфгангъ-Ангальтскій; но не менѣе тверда была его рѣшимость. «Negg Doctor» сказалъ онъ Экку: «если вы помышляете о войнѣ, то найдете людей готовыхъ на это и съ нашей стороны.»

При такомъ расположеніи евангелическихъ князей, могъ ли отступить отъ нихъ мужественный ландграфъ? Гессенскій лѣтописецъ Лауде разсказываетъ, что при опроверженіи исповѣданія, ландграфа поставили на высокую гору и показали ему все блага міра, т. е. надежду помощи въ дѣлахъ нассаускихъ и впртембергскихъ, и онъ отъ всего отказался. Однажды услышалъ онъ, что императоръ хочетъ призвать его къ отвѣту; во всякое время онъ былъ готовъ выдержать нападеніе, но не рѣшился идти самъ ко двору, а просилъ сообщить ему пункты, на которые онъ долженъ былъ отвѣчать. Императоръ назвалъ некоторые и по-видимому остался доволенъ объясненіями ландграфа; но главнымъ пунктомъ императорскаго требованія было безусловная покорность въ дѣлахъ вѣры; если же нѣтъ, то Карлъ V обещалъ дѣйствовать, «какъ прилично императору». Но угрозы еще менѣе обещаній подѣйствовали на ландграфа. День-отъ-дня, ему труднѣе было держаться въ собраніи, гдѣ по іерархическимъ постановленіямъ имперіи, онъ не могъ занимать мѣста, соответствовавшего его власти. Онъ просилъ императора отпустить его и получилъ отказъ; но это не помѣшало ему ухажать изъ Аугсбурга. Изъ отдаленія онъ увѣрлялъ курфирста саксонскаго, что откажется отъ имущества и жизни, отъ подданныхъ и владѣній скорее, чѣмъ отступится отъ слова Божія. «Скажите городамъ» писалъ онъ своимъ совѣтникамъ: «чтобъ они дѣйствовали не такъ, какъ женщины, но какъ прилично мужамъ; Богъ будетъ намъ покровителемъ». И дѣйствительно, города не постыдили князей. «По мнѣнію нашему» писали уполномоченные юрибергскіе: «нѣчего колебаться... Богъ внушить намъ твердость». Бургмистръ и совѣтъ были одинаковаго мнѣнія съ своими уполномоченными. И въ отдаленныхъ городахъ высказались тѣ же мысли. «Мы видимъ» писали магдебургскіе ратманы къ курфирсту саксонскому: «что вы подвизаетесь въ тягостной борьбѣ за истины нашей святой вѣры; мы ежедневно молимъ Господа Бога, да поддѣтъ онъ вамъ крѣпость и терпѣніе».

Таковы образцы, для Германіи приняла рѣшительный оборотъ. Противъ большинства имперскихъ чиновъ, дѣйствовавшего во имя правъ

имперіи и находившагося въ союзъ съ императоромъ и со всеми силами древней Европы, старалось удержаться малое число защитниковъ реформы, еще разъединенное и безобразное, но полное религиозной рѣшимости. Большинство, и во главѣ его императоръ, рѣшились дѣйствовать силою; шли уже переговоры о наборѣ въ Италиі легкой конницы (*); противная ему партія не имѣла никакихъ плановъ, она знала только одно, что не отступится отъ своихъ идей.

Со всѣмъ тѣмъ, каждый шагъ къ насилію былъ въ высшей степени опасенъ и для большинства имперскихъ чиновъ. Они не были безопасны даже со стороны своихъ собственныхъ подданныхъ; напоминаніе курфирста майнцскаго, что нападеніе со стороны Турковъ равно грозило обѣимъ партіямъ, произвело впечатлѣніе на все собраніе.

Партія, склонная къ миру, восторжествовала, и положено было еще разъ изыскать средства къ примиренію: 16-го августа назначали конференцію, въ которой должны были участвовать съ обѣихъ сторонъ по два князя и по пяти ученыхъ, въ числѣ ихъ по два доктора каноническаго права и по три теолога — и эта конференція скоро приняла многообъясняющее направленіе.

Слѣдуя строгой истинѣ, должно сказать, что не основныя начала догматовъ увязковывали этотъ споръ. Лютеръ только пробудилъ и возвелъ къ полному разумнію тѣ начала, на которыхъ лежало основаніе древняго ученія церкви, и которыя только затемнены были позднѣйшею системою католической іерархіи и вопіющими злоупотребленіями духовенства. Отступленія такого рода могли быть терпимы, потому-что во всякое время существовали различныя мнѣнія, и ихъ не преслѣдовали. Весь споръ большею частію заключался въ церковномъ постановленіи и въ обрадахъ.

И въ этомъ случаѣ протестанты уступили все, что могли. Они убѣждены были, что порядокъ въ церквахъ и школахъ трудно поддержать при существующихъ распряхъ: протестантскіе князья и теологи объявили себя въ готовности возвратить епископамъ ихъ управленіе, ихъ власть надъ священниками, съ тѣмъ только, чтобъ дозволено было свободное проповѣдованіе евангелія. Они соглашались даже на принятіе постовъ и на прочія предложенія католиковъ.

Подобныя уступки были такъ значительны, что никто даже не ожидалъ ихъ. Предложеніе возстановить захваченныя монастырскія имущества также не могло служить препятствіемъ къ примиренію. Хотя протестанты и возразили своимъ противникамъ, что со стороны католиковъ были сдѣланы еще большія хищенія; на-прим., занятіе императоромъ Епископства-Утрехтскаго было гораздо-значительнѣе занятія какихъ-нибудь двухъ-трехъ монастырей, потому-что главные савонники церкви не монахи, а епископы; однако и тутъ курфирстъ саксонскій

(*) Vici Tiepolo Relatione. Essendo in Augusta intesi che si offersero (оба герцога баварскіе) all'imperatore volendo lui muover guerra a Lutheranis e seppi che tentorno col duca di Mantova d'hover il monadi condur 1000 cavalli leggieri d'Italia in caso si facesse guerra in Germania.

объявлять наложить запрещеніе на всѣ занятые монастыри, и владѣтели ихъ должны были обязаться императору не причинять никакого ущерба бывшимъ церковнымъ имуществамъ до новаго опредѣленія собора.

Такъ-то близко подошли протестанты къ сущности римской церкви, къ мнѣніямъ большинства имперскихъ чиновъ. Едва понятно, почему ихъ не удержали на этомъ пути. Большинство съ своей стороны также старалось сблизиться съ протестантами; оно объявило, что при будущемъ соборѣ допустить бракъ священниковъ во всѣхъ земляхъ, какъ то было установлено въ древней церкви.

Если такъ близко сошлись враждебныя партіи, что значили два-три несогласные обряда? Не-уже-ли для нихъ можно было разрушить единство имперіи и націи и отказаться отъ обоюднаго мира? Если дѣло не пришло къ желанному окончанію, то причиною этому была невозможность германскимъ католикамъ дѣйствовать по ихъ желанію; ны сказали уже, что дѣло было передано на судъ папскаго двора и тотчасъ же рѣшено. Папскій легатъ Кампеджи поспѣшилъ, въ самое рѣшительное мгновеніе, посѣтить императора, воспламенить его исключительную ревность къ католицизму, поставить его на точку зрѣнія римскаго престола. По его мнѣнію, всѣ постановленія западной церкви должно было считать внушеніемъ Духа Святаго. Въ этомъ смыслѣ, онъ дѣйствовалъ и на имперскіе чины, и они скоро отказались отъ всѣхъ уступокъ и даже требовали, чтобы протестанты проповѣдовали у себя причащеніе одного тѣла Христова. Подобныя требованія были такъ же неисполнимы, какъ и требованія 1529 года: едва возникло сближеніе и снова разрушилось до основанія. Протестанты готовы были не осуждать католической формы причащенія, но не хотѣли и не могли согласиться признать ее единственно истинною, «потому» говорили они: «что самъ Христосъ установилъ причащеніе тѣла и крови». Согласившись на это, они бы разрушили собственное зданіе, которое воздвигли по убѣжденію, что дѣйствуютъ согласно съ словомъ Божиимъ. Одно за другимъ воставали противорѣчія, и снова оказалась невозможность примиренія протестантовъ и католиковъ — тѣмъ болѣе, что возвращеніе епископовъ было не согласно съ характеромъ новой церкви, основанной на самостоятельности низшаго духовенства; города — первые выразили свое неудовольствіе: Нюрнбергцы объявили, что они никогда не подчинятся владычеству епископовъ.

Напрасно къ концу августа назначали еще собраніе теологовъ, по три съ каждой стороны: переговоры ихъ не повели ни къ чему; также мало помогали и отдаленные переговоры князей между собою.

Въ такомъ состояніи дѣлъ императоръ не могъ распустить собранія имперскихъ чиновъ. Въ самомъ началѣ, католическое большинство хотѣло прежде требованіе собора, и императоръ написалъ о томъ къ князю. Климентъ VII помнилъ все, что онъ перенесъ отъ сопротивленія своего императору, и не смѣлъ отказать ему рѣшительно; но онъ просилъ его величество рассмотреть еще разъ предполагаемое дѣло съ обеихъ сторонъ, а если и тогда ему, какъ доброму католику, будетъ казаться соборъ необходимымъ, то онъ согласенъ назначить его; не только съ

тмъ условіемъ, чтобъ протестанты до того времени покорились обрядамъ и ученію св. католической вѣры. Мѣстомъ самымъ приличнымъ для собранія онъ почиталъ Римъ.

Съ такими условіями императоръ и возвѣстилъ протестантамъ, 7 сентября, назначеніе собора.

Не-уже-ли Карлъ, послѣ всего, происшедшаго на сеймѣ, воображалъ еще, что подобное повелѣніе подѣйствуетъ? Должно предположить, что мнѣнія и рѣшимость протестантовъ были ему не совсемъ-извѣстны, или непонятны для него; но протестанты слышали и прежде уже объ этомъ предложеніи, и приготовились къ отвѣту. Она отащали, что согласиться на такое требованіе значитъ то же, что идти противъ Бога и совѣсти, а къ этому они нисколько не расположены. Въ-слѣдствіе рѣшенія прежнихъ сеймовъ, назывался теперь соборъ; но въ нихъ никогда не упоминались подобныя условія, а что большинство на сеймѣ шпейергскомъ произнесло означенное рѣшеніе, то они протестомъ своимъ достаточно доказали, что не обязаны ему слѣдовать. Въ изустномъ предложеніи императоръ назвалъ ихъ сектаторами, и они горько жаловались на подобное обвиненіе.

Сохранилось письмо императора, писанное къ папѣ въ-слѣдствіе этого отвѣта; изъ него видно, что отвѣтъ изумилъ и раздражилъ его; и не смотря на то, что онъ имѣлъ уже намѣреніе дѣйствовать словомъ, онъ хотѣлъ еще разъ личнымъ содѣйствіемъ склонить протестантовъ къ примиренію; уведомявъ о намѣреніи своемъ римскій дворъ, онъ предложилъ протестантамъ свое личное посредничество къ изысканію средствъ для водворенія мира до окончанія предполагаемаго собора. Но какъ обманулся онъ, надѣясь сдѣлать что-нибудь утѣшительное, которое онъ написалъ къ протестантамъ! Въ немъ онъ объявлялъ ничтожность протеста, не представляя на то никакихъ доказательствъ, кроме разсужденія, что такое малое число голосовъ не можетъ противиться большинству, и къ то же время изъяслялъ удивленіе, что католическіе уполномоченные рѣшились дѣлать такъ много уступокъ во время переговоровъ. Протестанты, въ отвѣтъ своемъ, не касались уже редакціонныхъ вопросовъ; они старались только объяснить императору справедливость своего образа мыслей; они возразили ему, что рѣшились слѣдовать постановленіямъ сеймовъ 1524—26 годовъ, не признавая никакого большинства, и просили его только о сохраненіи мира.

Какъ не уклончивъ былъ подобный отвѣтъ, онъ сильно раздражилъ императора, который не замедлилъ выразить протестантамъ свое неудовольствіе. Въ одномъ изъ писемъ своихъ, онъ говоритъ, что не найдетъ словъ для выраженія того, какъ сильно огорчилъ его настоящій случай. Дерзая твердо идеи латинскаго христіанства, онъ желалъ авторитетствовать надъ всѣми противниками его: честолюбіе его было честолюбіе рыцарское; а не то, что онъ опутало непонятно для него и во всякомъ случаѣ горестное сплетеніе интригъ и личныя интересовъ. Теперь уже онъ полагалъ, что всѣ средства къ примиренію истощены, и потому рѣшился дѣйствовать оружіемъ. Судя по приготовленіямъ его, можно было предположить, что онъ съ пра-

задаткамъ хотѣть достудить такъ же, какъ поступалъ съ своимъ Матриемъ въ Валенціи, и вѣроятно не остановился бы исполненіемъ своихъ намареній, еслибъ не былъ связанъ союзомъ съ большинствомъ имперскихъ князей. Очень-доказано, почему большинство оказало перншительность; для него существовали интересы, чуждые императору: имперскіе князья вовсе не расположены были отдаться совершенно въ его руки. Дражнія стремленія сеймовъ не содѣяли еще уступили мѣсто релігіозной ненависти, и самое избраніе римскаго короля нѣсколько разъ подвадо поводъ къ несогласіямъ.

При закрытіи сейма имперскіе чины, произнесли рашеніе, которымъ окончательно возмнилъ дѣйствіи противъ протестантовъ, но девалась протестантамъ отсрочка до 5 мая для размышленія и окончательнаго отвѣта на спорные пункты: изъ-сжаланію, и это рашеніе составлено было въ такихъ выраженіяхъ, что могло только вооружить протестантовъ. Тамъ сказано было, что они не должны никого привлечь въ свои соиты; слово и далѣ ихъ равно запрещалось; ихъ облывали ничто не печатать въ это время относительно вѣры, возвратити монахамъ ихъ прежнія права и т. п. Еслибъ они приняли и подписали таковыя рашеніе, то осуждали бы собственное свое дѣло. Не медля ни минуты, они отвергли заключеніе сейма и представили императору аналогію своего исповѣданія, въ которой повторялось все прежде-сказанное. По тому случаю они должны были выдержать новую бурю: курфиреть Саксонскій-Бранденбургскій объявилъ имъ, что, если они не пріймутъ окончательнаго рашенія сейма, то императоръ и чины употребить вся средства и соединенными силами принудить ихъ къ этому. Императоръ объявилъ, что дальнѣйшихъ измѣненій онъ допустить не можетъ, и если протестантская партія не согласится тотчасъ на предложеніе сейма, то она немедленно приступитъ къ искорененію ихъ ереси. Какъ прежнія угрозы были безплодны, такъ остались безплодны и настоящія: релігіозный элементъ, противный католицизму, остался непоколебимъ въ своемъ основаніи. Всякая попытка къ сближенію рушилась; протестанты рашались поддержать свой образъ мыслей во что бы то ни стало. Въ такихъ отношеніяхъ закрылся сеймъ.

Нѣсправѣдливо было бы предположить, что курфиреть саксонскій составилъ оппозицію противъ императора изъ политическихъ видовъ. Съ глубокую горестью увидѣлъ онъ необходимость отложиться отъ императора и повелителя своего; но онъ не могъ, не долженъ былъ поступити иначе. Настала минута, когда курфиреть явился къ нему для прощанія. «Дядя, Дядя», сказалъ императоръ: «этого не ожидалъ я отъ тѣбѣ». На такое воззваніе курфиреть не отвѣчалъ: глаза его наполнились горькими слезами, и онъ не могъ произнести ни одного слова. Такимъ образомъ оставилъ онъ дворѣдъ и въ-слѣдъ за тѣмъ городъ.

Это было совершеннымъ, окончательнымъ разьединеніемъ между имперскими князьями. Въ Шпейеръ дѣйствовали одни князья; теперь являлся участіе въ дѣйствіяхъ ихъ самъ императоръ.

Раздоръ, который скрывался подъ надеждою примиренія, обнаружился во всей силѣ.

Онъ не замедлилъ коснуться и городовъ; самые цвѣтущіе изъ нихъ: Страсбургъ, Ульмъ, Франкфуртъ, Юрибергъ и Аугсбургъ, отказались принять рѣшеніе сейма; послѣдній воспротивился этому предъ лицомъ императора. Протестантская партія не казалась уже столь ничтожною, какою явилась въ началѣ. Что же намъзрены были предпринять послѣ сейма аугсбургскаго латинское христіанство и Германская-Имперія въ лицѣ императора, папы и имперскаго собранія? Привести протестантовъ къ повинновенію силою, потому-что они не склонялись къ ирамъ кротости. Теперь вопросъ заключался въ томъ, довольно ли сильныя и искусны протестанты, чтобъ поддержать свое существованіе?

Западная церковь сама по себѣ не имѣла политической силы; она получила ее только отъ имперіи; по-этому, для релігіозныхъ преслѣдованій ей необходимо было согласіе имперскихъ чиновъ. Мы скажемъ уже, что большинство ихъ, не смотря на ненависть свою къ протестантамъ, никогда не рѣшалось безусловно подчиняться волѣ императора; оно и теперь страшилось отдать оружіе ему въ руки.

Когда воинственные планы императора обнаружались, князья задумали перенести споръ на другое поприще; они желали, но собственно му выраженію ихъ, «не сражаться, а судить».

Съ этою цѣлю воспользовались тѣмъ изъ имперскихъ учреждений, которое съ такимъ трудомъ основано было для поддержанія національнаго единства имперскимъ камергерихтомъ, еще прежде судившимъ по эдиктамъ императорскимъ, и, не смотря на то, отдѣлившимся самостоятельностию.

Еще въ Аугсбургѣ, камергерихтъ былъ распространенъ и получилъ новыя права для болѣе-свободнаго действованія. Ему вознили въ по-прежнему обязанность строго наблюдать рѣшеніе аугсбургскаго сейма относительно дѣлъ вѣры; кто отступалъ отъ нихъ, тому судьи-члены камергерихта не только могли, но обязаны были грозить императорскою опалою.

Протестанты скоро замѣтили, что судилище это основалось въ духѣ большинства имперскихъ чиновъ, и поняли, что всего можно ожидать отъ его дѣйствій.

Въ то же время приняты были новыя мѣры относительно управленія имперіею.

Въ послѣдніе годы, австрійской домъ нѣсколько разъ дѣлывалъ опасеніе, чтобъ, по отдаленности императора, чины не вздумали приступить къ избранію новаго главы, или не передали правъ управленія имперскимъ наместникамъ, въ числѣ которыхъ былъ курфирстъ саксонскій. Чтобъ положить навсегда конецъ подобнымъ предпріятіямъ, императоръ вознимъ намъзреніе возвысить брата своего въ званіе римскаго короля; а такъ-какъ Максимилиану I, при подобномъ намъзреніи, возразилъ, что онъ самъ только король римскій, а не коронованный императоръ, то Карлъ и совершилъ въ Болоннѣ торжественное вѣнчаніе императорскою короною. При этомъ случаѣ, католическіе курфирсты,

которымъ общаны были разныя выгоды, не сдѣлали никакихъ затрудненій; для общаго согласія не доставало только голоса курфирста саксонскаго.

Императоръ легко могъ предположить, что курфирстъ саксонскій не согласится на такое избраніе безъ уступокъ съ ихъ стороны; потому, при императорскомъ дворѣ вздумали воспользоваться отпаденіемъ его отъ римской церкви и лишить его права, предоставленнаго князьямъ-избирателямъ; съ этою цѣлью вытребовали отъ папы декретъ, по которому курфирстъ Іоганнъ лишень былъ правъ своихъ, на основаніи буллы Льва X, осуждавшей защитниковъ Лютера, какъ еретиковъ. Не желая объявленіемъ декрета разорвать всѣ сношенія съ курфирстомъ саксонскимъ, имперскіе чины рѣшились пригласить Іоганна на избраніе римскаго короля, и давали ему чувствовать, что въ случаѣ несогласія они могутъ дѣйствовать и безъ него. Такое приглашеніе и грозныя дѣйствія камергерихта были первымъ основаніемъ шмалькальденскаго союза.

До этого времени евангелическіе князья мало склонны были къ прочному соединенію; и теперь они до-тѣхъ-поръ колебались, пока императоръ находился въ Аугсбургѣ и пока еще не совсѣмъ-вѣрно было, какия мѣры прійметъ онъ въ союзъ съ большинствомъ. Когда же-обнародовано было рѣшеніе сейма, столь враждебное для послѣдователей новаго ученія, и когда въ то же время сдѣлано было приглашеніе саксонскому двору, то медлить далѣе оказалось невозможнымъ.

Въ письмѣ къ Георгу-Бранденбургскому, курфирстъ саксонскій объявилъ, что строгое повелѣніе камергерихту дѣйствовать по данной инструкціи противъ тѣхъ, которые не подчинились рѣшенію сейма, и потому приглашеніе къ избранію—были для такого рода, что необходимо было переговорить о нихъ и составить планъ для взаимнаго другъ другу содѣйствія.

Можно предположить, что въ такомъ положеніи дѣлъ заключался прогрессъ протестантизма: ясно, что въ настоящее время, религіозныя преобразованія не исключали ихъ изъ общихъ дѣйствій имперіи; но еслибъ существовали прежнія идеи, то, безъ сомнѣнія, папа и императоръ объявили бы противъ нихъ крестовый походъ: въ то самое время, когда большинство имперскихъ чиновъ рѣшилось подавить ихъ силою имперскаго судилища на основаніи древнихъ законовъ, когда императоръ старался объ избраніи своего брата,—право ихъ на участіе въ дѣлахъ имперіи еще признано было, не смотря на церковныя отступленія.

Изъ церковнаго, всеобщаго, споръ превратился въ политическій, основанный на имперскомъ правѣ, и потому въ этомъ отношеніи должны были соединиться протестанты и оградить себя союзомъ.

22 декабря 1530 года собрались въ Шмалькальденъ Іоганнъ-Саксонскій, Эрнстъ-Люнебургскій, Вольфгангъ-Ангальтскій, графы мансфельдскіе Гебгардъ и Альбрехтъ, изъ которыхъ послѣдній уполномоченъ былъ подать голосъ во имя Грубенгагена; туда же прибыли уполномоченные Георга-Бранденбургскаго и многихъ имперскихъ городовъ. Снѣгъ покрывалъ уже вершины, окружавшія городъ: одна необходимость могла вставить собравшихся князей встрѣтить праздники Рождества-Хри-

стова въ этой суровой горной сторонѣ, въ ничтожномъ пограничномъ вѣстечкѣ.

Прежде всего положили они, что если императорскій фискаль потребуетъ къ отвѣту по дѣламъ вѣры кого-нибудь изъ нихъ, то всѣ вѣсты должны подать помощь угнетенному. Вотъ основаніе союза: релігіозный споръ превратился въ споръ о правѣ. Здѣсь соединились всѣ, подписавшіе аугсбургское-исповѣданіе, или принявшіе его въ-послѣдствіи; они согласились или просить императора о смягченіи рѣшенія сейма, или протестовать противъ него; введеніе общаго церковнаго устава признаваемо было необходимымъ для порядка въ дѣлахъ вѣры.

Не такъ единодушно было согласіе союзниковъ относительно втораго предмета совѣщанія—избранія римскаго короля.

Саксонскій дворъ предложилъ, что императору не слѣдовало предоставлять неограниченное право въ такомъ важномъ дѣлѣ; въ противномъ случаѣ уничтожены будутъ права имперіи. Различны формы избранія государя, когда мѣсто его упряднено, и избраніе римскаго короля, когда еще живъ императоръ. Въ последнемъ случаѣ, назначеніе избирательнаго сейма должно состояться по совѣту всѣхъ курфюрстовъ, по одностороннему ихъ рѣшенію. Объ этомъ теперь никто и не думаетъ. Даже срокъ, назначенный курфюрстомъ для собранія, бытъ самымъ кратокъ, и потому недействительно само предложеніе. По крайней мѣрѣ, должно было устранить отъ избранія Фердинанда, который выказалъ себя явнымъ врагомъ евангелическаго ученія; назначенный заместителемъ императора, онъ допустилъ неслыханныя злоупотребленія; едвалившись королемъ, онъ самъ станетъ во главѣ ихъ: безпрекословно избрать Фердинанда королемъ римскимъ—значитъ подать ножъ своему собственному убійцѣ. Можно предложить другаго кандидата, или по крайней мѣрѣ воспользоваться случаемъ и потребовать уничтоженія вѣсти камергерихта, или отменить рѣшеніе аугсбургскаго сейма. Всѣ эти предложенія вполне соответствовали мнѣніямъ ландграфа Филиппа и получили одобреніе большей части городовъ.

Только Георгъ-Бранденбургскій и его юрнбургскіе соседи не имели желанія зѣйати такъ далеко—первый по личнымъ отношеніямъ своимъ къ Фердинанду, послѣдніе по особенному стремленію выказывать себя непокорными императора; при первомъ требованіи Карла V, они отравили императорскія регаліи, хранившіяся у нихъ, и прислали усхиновенныхъ для присутствованія при вѣчаніи.

При окончаніи этихъ переговоровъ, возникъ новый вопросъ. Первыя нападенія, противъ которыхъ устремлены были дѣйствія протестантовъ, были чисто-юридическаго свойства, не весьма-вѣроятно, что императоръ въ необходимомъ случаѣ рѣшится дѣйствовать силою. Въ началѣ 1531 года, между папскимъ дворомъ и Фердинандомъ открылись переговоры о необходимости военныхъ дѣйствій, а Гейнрихъ-Брауншвейгскій рассказывалъ, что его хотѣли назначить предводителемъ войска. Въ этомъ случаѣ, прежде всего необходимо было рѣшить: позволительно ли сопротивляться императору. Мы сказали уже о явнѣи теологовъ,

подняты изъ св. писанія (*); но въ это время великихъ переворотъ, при такой совершенной эманципации святскихъ элементовъ изъ воль гнета западной іерархіи, идеи государственнаго права должны были отдѣлиться отъ богословской точки зрѣнія: торжестъ рѣшительно образованъ мнѣніа Лютера и его друзей.

Мало-по-малу развились новыя мысли о свойствахъ германскаго сакино-полковника. Сдѣлано было уже замѣчаніе, что вели князья престола и императору, то и она обязана исполнить вѣдѣны, имъ дѣлать, тѣмъ боже, то и князья были государи наслѣдственные, а императоръ только вѣдѣтель, избранный ими. Много нужно было времени, чтобы такое учение объ императорской власти получило надлежащую вѣдѣность, и только по заключеніи вестфальскаго мира, утвердилось оно въ государственномъ правѣ Германіи — въ основаніи германской конституціи востановленна по монархическаго форма правленія, а аристократическаго. Отношеніе вѣдѣтъ къ императору очень сходно было съ отношеніями древнихъ римскихъ советниковъ къ консуламъ, или венеціанскихъ сенаторовъ къ ихъ дѣлать, или кашуга къ епископу; но никогда ни сенаторы, ни кашуга не обязаны были безусловнымъ повиновеніемъ. «Имперскіе чины управленія вѣдѣтъ съ императоромъ, но императоръ германскій не есть царь.»

Такая учение не допускало со стороны теологовъ никакихъ возраженій. Не Лютера оно произвело большое впечатленіе; не смотря на всю правдивость свою къ званію главы священнои имперіи, онъ всегда замѣчалъ, что императоръ дѣлаетъ не самостоятельное, но руководствуясь советами князей и германскихъ князей. Все согласилось, что онъ упрямъ значеніе бластителя имперіи, а сдѣлалъ вассаломъ и военачальникомъ князей; но-уме-ли они и въ такой случаѣ обязаны были повиноваться старшиннаго вѣдѣтъ, алаге ебодѣ, пользовавшася императорскою именя, и для выгоды его объявлять, что ссортывленіе императору не позволительно?

Только на этомъ основаніи продолжала Саксонія сиротлическій чинъ союзъ, даже противъ императора. Въ прежнихъ союзахъ тщательна не забывали всего, что могло показаться невиннои императору; теперь, когда противники облекались его именемъ, это сдѣлалось уже невозможнымъ.

Такой образъ воззрѣнія не разделяла только Нюрнбергцы и марграфъ Георгъ. Прочіе, привыкнувъ во всемъ еладовать Саксоніи, или ядуть прекращенію недоразумѣній, приняли его безпрекословно. Результатъ союза былъ слѣдующій: союзники обязывались оказывать вселенную помощь каждому, кто потерпитъ угнетеніе за свое именованіе, даже тогда, если нападеніе будетъ сдѣлано воль другияхъ вѣдѣтъ; сверхъ того, единодушно принята была система оборонительна, а не наступательна. Къ союзу этому безусловно приступили только Саксонія, Гессенъ, Люнебургъ, Вольфгангъ-Ангальтскій, оба графа

(*) См. «Реформація». Статя III (От. Зап. 1844, томъ XXXVII).

мюнхенскіе; города Магдебургъ, Бременъ; прочіе обещали объявить свое мнѣніе въ положительный срокъ, и разстались 31 декабря 1530 года.

Деять дней, проведенные евангелическими чинами въ Шмалькальденѣ, имѣли великое значеніе для германскаго міра. Малое число имперскихъ членовъ, презираемое большинствомъ, заключало въ себя основа идеи, на которой основалось дальнейшее развитіе человеческого духа, и приняло сильное и вѣдѣтъ вѣдѣтъ возмущенное положеніе. Оно ринувшись защищать веру, отогнать врага своимъ, даже вооруженною рукою; въ дѣлѣ избранія, оно доказало значеніе мѣръ, имѣ пріять. Ещѣ во время переговоровъ въ Шмалькальденѣ, наслѣдникъ курюрста саксонскаго, Іоганнъ-Фридрихъ, отправился въ Кѣльнъ и, во имя отца своего, протестовалъ противъ избранія короля римскаго.

Протестъ его не остановилъ дѣла, риненаго горадо-прежде: 5 января 1531 года, Фердинандъ былъ избранъ въ Кѣльнѣ пятымъ курюрстамъ, и чрезъ нѣсколько дней потомъ короновался въ Ахенъ: избирательною кандидатураціею онъ объявлялся исполнить риненіе аугсбургскаго сейма во всей его силѣ, потому-что въ риненіи этихъ соединеній были всѣ интересы католическихъ князей: оно казалось тенерь важнѣйшимъ имперскимъ закономъ. Въ-слѣдствіе этого, императоръ передалъ брату своему управленіе имперіею; себя онъ представилъ право ринѣть только дала самой великой важности (*). Какъ ни прочно казалось избраніе короля римскаго, протестъ саксонскій сильно подѣйствовалъ, и общественный голосъ не одобрялъ поступка курюрстовъ. Преимущественно возстали противъ избранія герцога баварскіе, старинные соперники гиббургскаго дома и не признавали избранія; имѣ дала не было, но какой-то причина протестовала Саксонія; она соглашалась съ нею изъ личныхъ выгодъ, и, по странному стеченію обстоятельствъ, самыя ренестыые католики сошлись въ мнѣніяхъ съ предводителями протестантовъ.

На второмъ собраніи въ Шмалькальденѣ (29 марта 1531 года), Грүнбургенъ, Гессенъ и Ангальтъ еще опредѣленные прежнего согласились съ Саксоніею не повиноваться Фердинанду; города не были такъ ринтальны, но болѣею частью согласны были не признавать его королемъ римскимъ.

Смаро Фердинандъ началъ горько жаловаться брату, что онъ только носитъ титулъ короля, но значить не болѣе прочіихъ имперскихъ князей.

Союзъ шмалькальденскій съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ болѣе значеніе.

Во второмъ собраніи положено было противиться насилью и на первый случай завести отрядъ наемныхъ рейтаровъ до-тѣхъ-поръ, пока не шумны будутъ другія мѣры. Въ третьемъ собраніи, бывшемъ 5 ію-

(*) Въ бруссельскомъ архивѣ находится «Sommaire mémoire au roi des Romains d'aucuns points esquels: il semble à l'empereur que le dit S. roi doit avoir consideration et regard touchant le gouvernement de l'empire pour lequel l'empereur lui envoie ample pouvoir.

на во Фрайзурга-на-Майна, рѣшили общими голосами протѣвляться всамъ дѣйствіямъ камергерикта и не допускать никого къ суду по лѣламъ вѣры. Такимъ образомъ, началъ развиваться союзъ въ этихъ двухъ направленіяхъ — воиномъ и юридическомъ. Не все члены его принадлежали къ обимъ направленіямъ. Бранденбургъ и Нюрнбергъ не хотали и слышать объ отирьтомъ сопротивленіи: уполномоченные ихъ не присутствовали даже въ собраніи, когда рѣчь шла о исполненіи императору; впрочемъ, Бранденбургъ надѣялся скоро привлечь къ безусловный союзъ. Вообще, все дѣло заключалось еще въ надеждахъ на будущее.

Мы представили преимущественно отношенія князей, но не менѣе-замечательны были и отношенія городовъ въ Нижней-Германіи. Во время шмалькальденскихъ переговоровъ, они завели сношенія съ верхле-германскими городами, — сношенія, имавшія великіе результаты.

Но, чтобъ вполне понять всю великость ихъ значенія, необходимо бросить взглядъ на дѣла реформы въ Швейцаріи.

Возобновленіе единства латинской церкви грозило опасностію приверженцамъ реформаціи въ Швейцаріи такъ же, какъ и въ Германіи.

Католическое движеніе преимущественно устремлено было на Германію отъ-того, что глава католической партіи, императоръ, пользовался общимъ уваженіемъ, какъ верховный повелитель священной Римской Имперіи; но и Швейцаріи каждый успѣхъ католицизма грозилъ великимъ бѣдствіемъ.

Реформація Швейцаріи шла путемъ совершенно-инымъ; подобно германской, она стала противъ большинства, и мало-по-малу понесла великія потери.

Мы говорили уже, что реформу Цвингліи приняли могущественные города союза, Цюрихъ, Бернъ и потомъ Базель, Санкт-Галленъ и Мюльгаузенъ, и ввели ее въ свое церковное постановленіе. Прочіе же кантоны оказали ему самое сильное сопротивленіе. Партія, составившаяся тамъ съ 1522 года, хотѣла удержать за собою право пенсій и службу при иностранныхъ дворахъ: она рѣшилась поддерживать католическую вѣру, не отступая ни отъ малѣйшаго изъ ея обрядовъ. Въ католическихъ кантонахъ, приверженцовъ новой вѣры наказывали денежными пенями, бросали въ темницы, сѣкли и изгоняли изъ отчизны. У проповѣдниковъ отрывали языкъ и некоторыхъ приговаривали къ смертной казни; всѣхъ отбирали в жгли не только книги новаго ученія, но даже съ писаніе; въ Баденъ послѣдователямъ новаго ученія отказывали въ христіанскомъ погребеніи.

Выведенные изъ терпѣнія такими неустовыми преслѣдованіями, приверженцы реформаціи составили между собою союзъ съ тѣмъ, чтобъ всими силами протѣвляться всякому нападенію со стороны католиковъ. Последніе, считая себя не въ безопасности, обратились съ прошеніемъ помощи къ австрійскому дому; король Фердинандъ заключилъ съ ними договоръ, по которому онъ и пять кантоновъ швейцарскихъ, оставшихся вѣрными католицизму (такъ-называемые лѣсные кантоны) Швицъ, Ури, Люцернъ, Цугъ и Унтервальденъ обязались содѣйствовать другъ

другу: все приобретенія внутри Швейцаріи должны были принадлежать этимъ кантонамъ, внѣ ея — Фердинанду. Въ-слѣдствіе этого договора, Констанцъ былъ объявленъ непринадлежащимъ къ швейцарскому союзу, и право овладѣть имъ предоставлено Фердинанду. Замѣчательно, что постоянною цѣлю австрійской политики было не допускать Констанцъ въ союзъ швейцарскихъ городовъ, и для того Максимилианъ большую часть общины принялъ къ себѣ въ службу; теперь католическіе кантоны добровольно отдавали его Австріи.

Все это произошло въ первые мѣсяцы того самаго 1529 года, когда большинство имперскихъ чиновъ соединилось снова съ австрійскимъ дономъ: всякое политическое сопротивленіе должно было исчезнуть передъ религіознымъ союзомъ.

Фердинандъ всими силами старался упрочить договоръ свой съ католическою Швейцаріею. Въ Инспрукъ онъ надѣялся привлечь къ нему часть тирольскихъ владѣтелей, всѣ пограничныя земли и даже Виртембергъ. Исполненіемъ этого плана онъ надѣялся навсегда ослабить Швейцарію и поставить неодолимую преграду распространенію новыхъ мнзній.

Могъ ли союзъ съ Фердинандомъ упрочить безопасность католическимъ кантонамъ? Въ самой сущности своей онъ былъ противенъ самостоятельности и идеѣ соединенія...

Ни въ какомъ случаѣ невозможно было думать о сохраненіи мира въ Швейцарскомъ-Союзѣ. Посланники вольныхъ городовъ, прибывшіе въ львнские кантоны, чтобъ отвлечь братій своихъ отъ неестественнаго для нихъ союза, нашли гербы свои прибитыми къ висѣльцѣ; самихъ ихъ приняли какъ еретиковъ и предателей, и въ-присутствіи ихъ страшныя наказанія были обѣщаны отступникамъ: одного священника въ цюрихской области схватили на дорогѣ и сожгли въ Швицѣ. Тогда Цюрихъ не могъ долѣе оставаться въ бездѣйствіи: 5 іюня, выставилъ онъ первый отрядъ на защиту свободы своей; въ-слѣдъ за тѣмъ два другіе отряда отправлены были въ Швицъ для отмщенія за смерть проповѣдника. Противники съ своей стороны выставили 9 іюня значительное войско подъ предводительствомъ Ганса Швейцера, отличавшагося во время итальянскихъ войнъ.

Такимъ-образомъ, въ первый еще разъ со времени религіозныхъ распрей, стояли другъ противъ друга два войска, готовые на битву и предводимыя не поселанми и баронами, но противниками совершенно-равными. «Они такъ ненавидятъ другъ друга» говорилъ король Фердинандъ, «что, кромѣ кровопролитія, отъ нихъ и ожидать нечего.»

Въ эту минуту, евангелическая партія одержала рѣшительный перевѣсъ; цюрихское войско не имѣло равнаго себѣ: оно состояло изъ храбрыхъ людей, принявшихъ реформу въ томъ видѣ, какъ только проповѣдывалъ Цвингліи, лично присутствовавшій въ ихъ рядахъ. Его призвали воины, чтобъ онъ, какъ проповѣдникъ, взялъ въ руки ихъ знамя; но онъ, по собственному побужденію, сѣлъ на коня и вооружался сѣкирою. Цвингліи болѣе всѣхъ другихъ проникнуть былъ сознаніемъ духовной силы и питалъ самыя смѣлыя надежды: теперь уже думалъ онъ достигнуть

цѣли, которую съ самаго начала имѣлъ у себя передъ глазами. Онъ не хотѣлъ и слышать о мирѣ, безъ двухъ важныхъ условій, которыхъ всегда требовалъ: уничтоженіи пенсій и свободной проповѣди евангелія во всѣхъ кантонахъ Швейцаріи. Онъ доказывалъ членамъ правительства, что оружіе есть единственный способъ, которымъ можно достигнуть порядка въ управленіи и въ церкви.

Еслибъ все дѣло зависѣло отъ одного Цвинглія, или даже отъ одного Цюриха, то вѣрно они употребили бы въ пользу преимущества свои и во всей ихъ силѣ. Но многіе же хотѣли начинать войну, проливать кровь безъ нужды. Когда Цюрихцы вышли въ поле, къ нимъ явился уполномоченный изъ Гларуса, и уговорилъ ихъ заключить перемиріе, не смотря на все сопротивленіе Цвинглія. Тогда же произнесъ свое рѣшеніе Бернъ. Насильственное нашествіе Цюриха ему не понравилось: онъ объявилъ, что дастъ помощь Цюриху, но для обороны его, а не для нападенія.

Такимъ-образомъ, въ Швейцаріи, какъ и въ Германіи, возникло несогласіе между евангелическими городами. Бернъ почиталъ условія Цвинглія несообразными съ общимъ порядкомъ вещей: по мнѣнію его, не должно было такъ сильно нападать на правительства отдаленныхъ кантоновъ. Слѣдственно, въ самой евангелической партіи возникли препятствія, остановившія реформатора въ исполненіи плановъ его вооруженною рукою. Дѣло дошло до переговоровъ, которые, при усиленіи противной партіи, и при настоящемъ расположеніи умовъ, никогда не могли привести къ чистымъ результатамъ, бывшимъ всегда цѣлію Цвинглія.

Всѣмъ казалось достаточно уже и того, что лѣсные кантоны отказывались отъ союза съ Фердинандомъ, обещали вознаграждать военныя издержки Цюрихцевъ, истребить пастырей, во множествѣ ходившіе по Швейцаріи, и соглашались съ вольными городами, чтобъ большинство голосовъ рѣшило на общемъ соборѣ вопросъ о дѣлахъ вары. Рѣчь шла также о проповѣданіи евангелія и объ уничтоженіи пенсій, — но далеко не въ томъ видѣ, какъ того желалъ Цвинглія: уничтоженіе пенсій представлено было какъ-бы въ видѣ просьбы отъ протестантскихъ городовъ; вместо свободы проповѣдованія, положено было съ обѣихъ сторонъ не преслѣдовать религіозныхъ обрядовъ.

Каковы бы ни были условія мира, но они способствовали быстрому развитію реформы. Во многихъ городахъ образовалось въ пользу ея большинство; еще въ 1529 году Цвинглію удалось созвать синодъ въ Торгау и ввести во всю страну евангелическое постановленіе. Большія аббатства Веттингенъ и Гитцкирхъ приняли его; въ слѣдъ за тѣмъ большой и малый советъ Шафгаузена согласился съ Цвингліемъ, и городъ скоро принялъ постановленія Цюриха, Берна и Базеля. Въ Золотурнѣ дозволено было реформаторамъ дѣйствовать по ихъ произволу. Подъ покровительствомъ Берна возвысились они въ Нейенбургъ; тамъшніе католики вѣялись — было за оружіе и грозили кровопролитіемъ; но рѣшеніе согласился предоставить большинству, и большинство рѣшило дѣло въ пользу нововведенія.

Для распространения идеи Цвинглиа еще важно было то, что изъ восьми кантоновъ, оставшихся до-сихъ-поръ нейтральными, Гларусъ рѣшительнымъ большинствомъ утвердилъ евангелическое учение. Не смотря на требованія католиковъ отсрочить преобразование до-тѣхъ-поръ, пока императору или империи прошесятъ свой приговоръ, община рѣшила принять новое церковное постановление въ апрѣлѣ 1530 года.

Принятіе новаго ученія этилъ городомъ, отъ котораго Цвинглий долженъ былъ отступитъ при самомъ началѣ своего поприща, распространило кругъ дѣйствій его и на прочіе города.

Аббатъ Гейсбергеръ въ Санкт-Галленѣ старался всеми силами подавить реформаціонныя идеи въ своей области, но, не смотря на всѣ усилія его, она разпространялась съ такою же неукротною силою, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Аббатъ былъ княземъ священнои имперіи, но Гларусъ, Люцернъ, Швицъ и Цюрихъ были покровителями его области, и потому имѣли великое вліяніе на внутреннія дѣла. Аббатъ умеръ, и изъ четырехъ кантоновъ-покровителей, два утвердили у себя евангелическое учение: по общему согласію съ жителями, составленъ былъ планъ управленія, по которому изъ четырехъ кантоновъ долженъ былъ избираться начальникъ; этотъ начальникъ и областной советъ изъ двенадцати членовъ должны были стоять во главѣ управленія. А такъ-какъ изъ Швица и Люцерна можно было ожидать въ лицѣ начальника врага новой вѣры, то постановлено было непримиримымъ условіемъ, чтобъ онъ былъ евангелическаго исповѣданія, и чтобы тогда только присягать ему, когда онъ поклонится не угнетать проповѣдниковъ слова Божія.

Цвинглий дожидъ до радостнаго для него событія: въ 1531 году отечество его объявило себя свободнымъ и приняло его церковный уставъ.

Какъ ни многообъемлющи были эти успѣхи, они все еще не достигали цѣли, предположенной въ началѣ, а отъ достиженія ея зависѣло окончательное торжество реформаціи. Господствующая партія въ лѣсныхъ кантонахъ казалась непоколебимою: еще на полѣ Каннела (гдѣ заключено было перемиріе), правители ихъ, въ противность первой статьѣ мира, обѣщали другъ другу не допускать распространенія новыхъ мнѣній; никто въ кругѣ ихъ владѣній не осмѣлился открыто протавяться имъ, хотя не было недостатка въ людяхъ, неодобрявшихъ такого образа дѣйствій. Объ уничтоженіи пасквилей нельзя было и думать: Цюрихцы и Бернцы носили въ нихъ названіе измѣнниковъ и еретиковъ; проповѣдниковъ ихъ величали разбойниками и душегубами, ревность католическихъ священниковъ не дѣлала различія между реформами Лютера и Цвинглиа. Не смотря на прекращеніе явного союза съ Австріею, постоянно продолжались различныя переговоры съ иностранными дворами.

На сеймѣ аугсбургскомъ явились уполномоченные Люцерна и Цуга: на пути, единомышленники приняли ихъ съ почестями; въ Аугсбургѣ, по приказанію императора, ихъ помѣстили по близости отъ него; замѣчено было жителями, что они передавали ему письменныя акты. Здесь

они соединяли снова съ старыми союзниками: Зиттихомъ, Эйхомъ изъ Рейнхаха, Гансомъ Любомъ изъ Ландау и составили прежніе планы захватить Страсбургъ, напасть на протестантскую Швейцарію въ одно время изъ Савойи и изъ лесныхъ кантоновъ. Это казалось такъ вероятно, что недавно савойское дворянство действительно сдѣлало нападеніе на Женеву.

Католическіе кантоны не хотѣли подать помощи угнетеннымъ; Валасы безостановочно объявили, что имъ ничего нежить въ дѣла веры. Все эти обстоятельства побуждали къ союзу Цюрихъ и Бернъ. Съ другой стороны, король Фердинандъ опасался, что въ случаѣ победы вольные города овладѣютъ Граубинденемъ: тогда ничто не помешаетъ имъ ринуться на католическіе кантоны, а въ случаѣ успеха она легко могутъ вооружиться противъ имперіи и наследственныхъ владѣній австрійскаго дома. На этомъ основаніи онъ старался уговорить императора дать пособіе, въ случаѣ необходимости, вѣмъ кантонамъ: Ури, Швицъ, Унтервалдену и Цугу.

Швейцарскій Союзъ пришелъ въ близкое сопркосновеніе съ имперією. Мы говорили уже о сходствѣ партій въ Германіи и Швейцаріи; различіе ихъ заключалось въ томъ, что въ Германіи императоръ и имперія имели авторитетъ надъ церковью, который ничѣмъ не замѣнился въ Швейцаріи; за то защитники реформы не имели на своей сторонѣ прежнихъ рыцарей, на которыхъ бы они могли опереться. Бой религіозныхъ партій въ Швейцаріи былъ чисто-фактическій, тогда какъ въ Германіи онъ основывался на правѣ.

Оба большинства искали помощи у австрійскаго дома. Не должны ли были защитники реформы подумать объ уничтоженіи прежняго несогласія, между ними возникшаго? Не несчастію для нихъ, Цвингліи поступилъ къ 1530 году такъ, что скорее можно было ожидать новой ссоры, чѣмъ сближенія; дѣйствовали ли на него неблагоприятные слухи, распространенные лютеранскою партією о харбургскихъ переговорахъ, или присутствіе Керштадта, который прибылъ тогда къ Цвинглію и вскорѣ потомъ получалъ мѣсто въ Швейцаріи — неизвѣстно; но она получалъ Цвингліи актъ аугсбургскаго-повожденія, какъ тотчасъ отправилъ къ императору, не имея на то никакого со стороны его требованія, оправданіе своей веры и жестокое осужденіе лютеранскаго ученія.

Послѣ этого неудивительно, что лютеране съ удвоенною силою воспротавались соединенію съ приверженцами Цвинглія. Но потребность мира была такъ сильна, что въ то же самое время появились люди, которые рѣшились вснѣтять все средство къ примиренію.

Верхне-германскіе города и преимущественно Страсбургъ, въ основаніи своей принадлежали обѣимъ партіямъ.

Съ одной стороны, въ немъ могущественны были отношенія собственно-германскихъ городовъ, и болѣе всего желаніе подчинить духовенство общественнымъ обязанностямъ, устранить вліяніе высшихъ священниковъ церкви на мѣста проповѣдниковъ; все германцы основывали на рыцарскія имперскія соймы. Въ-слѣдствіе рыцарскія сейма

1523 года, советъ дати инструкцію свидѣтелямъ, проповѣдывать объ писаніе ясно, безъ примеси человеческихъ устройствъ, мужественно, потому-что советъ будетъ бодрствовать надъ нами,

На рѣшеніи 1526 года Страсбургцы основали право производить нѣтъ рѣшны въ обрадахъ, и поддерживала это право, не смотря на затѣваніе короля Фердинанда и имперскаго совѣта. Они же одни изъ первыхъ подали жалобу на камергерихтъ. Въ этихъ отношеніяхъ, они должны были защищаться совершенно-одинаково со всеми прочими имперскими городами. Съ другой стороны, догматическія мнѣнія Цвинглія имѣли болѣе широкое вліяніе на Страсбургъ и вліяніе это съ каждымъ днемъ усиливалось. Политически Страсбургъ имѣлъ одинаковыя интересы съ Швейцарією, потому-что австрійская власть была ему также опасна. Въ январѣ 1530 года, Страсбургъ вступилъ въ союзъ швейцарскихъ городовъ; они обѣщали другъ другу взаимную помощь, и Страсбургъ обѣщалося между-прочимъ доставить Швейцарцамъ порохъ. По такой двойственности политическаго и религіознаго состоянія въ Страсбургѣ являлись вслѣдствіи другія города въ проявленіи стремленіе къ сближенію враждующихъ партій.

Вскорѣ явился человекъ, который сближеніе это принялъ цѣлю своей жизни. То былъ Мартинъ Бутцлеръ; по наставіи Залкингера, у котораго прежде находился на службѣ, онъ вслѣдствіе терпѣть жестокія преслѣдованія и въ великой нищетѣ, съ беременною женою (онъ былъ однимъ изъ первыхъ евангелическихъ проповѣдниковъ, вступившихъ въ бракъ) прибылъ въ Страсбургъ и не только получалъ тамъ ласковыя пріемы, но нашелъ обширное поприще для высшей дѣятельности. Говорятъ, о немъ, что онъ съ самой юности въ слогатическихкихъ диспутахъ усвоилъ себѣ методу — существовавшее и требовалось отдѣлять отъ несущественнаго и случайнаго (*). Разсмотрѣвъ главные положенія проповѣдниковъ мнѣній реформации, онъ вышелъ третій мессаей, который могъ соединить ихъ. Чтѣ бы ни говорили о Бутцлерѣ его современники, но опытъ его къ примиренію основанъ былъ на истинной потребности мира и на зрѣломъ размышленіи; въ немъ-самомъ заключалось стремленіе къ принятію истины; для тонкаго уясненія чуждыхъ идей, для второстепеннаго действителя, бесспорно онъ обладалъ огромнымъ дарованіемъ.

Сначала онъ считалъ несатруднительнымъ примирить оба партіи относительно несогласія ихъ въ идеяхъ о таинствѣ евхаристіи; но потомъ, выскнувъ въ ученіи Цвинглія и Лутера, онъ являлъ все яростнѣе и съ жаромъ принялся изъяснять ересь къ устраниенію спорныхъ пунктовъ. Прежде всего, въ Аугсбургѣ, онъ старался уговорить Меланхтона, потомъ съ тою же цѣлю посѣдилъ въ Кобургѣ къ Лутеру и получалъ большія надежды на успѣхъ предпринятаго имъ дѣла.

Въ эпоху, о которой мы говоримъ, политическія и церковныя разногласія и догматическія стремленія находились въ тѣсной связи между собою. Первымъ слѣдствіемъ предпріятія Бутцлера было то, что умол-

(*) Adami Vitae theologorum, стр. 162.

немощныя верде-германскихъ городовъ приняли участіе въ переговорахъ, бывшихъ въ Шмалькальденѣ въ декабрѣ 1530 года. При второмъ собраніи, Іоганнъ-Фридрихъ саксонскій, занимавшій здѣсь мѣсто отца своего, прежде всего приступилъ къ переговорамъ съ верхне-германскими городами; онъ потребовалъ, чтобъ сближеніе ихъ передалъ преподавателямъ и возыскали цѣлому міру. Послѣдніе уверяли его, что Бутцеръ дѣйствуетъ не отъ себя лично, но по повелѣнію правителей городовъ, и что въ дѣйствительности его переговоры не предстоитъ сомнѣнія. Къ Страсбургу, Линдау, Комстанцу, Меммингену они присоединили не только Биберахъ, Игна, Рейтлингенъ, но даже сильнѣйшій изъ городовъ — Ульмъ. Въсѣтъ съ евангелическими князьями, протестовалъ Ульмъ противъ рѣшенія швейцарскаго сейма и, не смотря на всѣ увѣщенія императора, не подписалъ рѣшенія аугсбургскаго. Изъ всего этого видно, какъ могущественно было реформаціонное направленіе, допустившее такіа рѣшительныя дѣйствія; впрочемъ, и протѣжная партія въ Ульмѣ долгое время еще была сильна, и отъ-того застрѣб наруживались смуты и несогласія. Наконецъ, городскому совету предложено было возстановить порядокъ; въ-сараъ за тѣмъ изданъ былъ манифестъ въ евангелическомъ духѣ; изъ него видно, что они въ видѣ отанства причащенія согласовались съ мнѣніемъ Цвинглія. Въ Шмалькальденѣ всѣ эти города, о которыхъ мы упоминали, подписали союзъ сотрудничества.

Со стороны саксонской партіи, труды Бутцера вознаграждены были полными успѣхомъ; теперь онъ съ тою же цѣлію обратился къ Швейцаріи. Безъ труда удалось ему привлечь къ себѣ одного изъ двухъ знаменитѣйшихъ реформаторовъ: миролюбивый Эрколампадій говорилъ (*), что «Бутцеръ подвизается сколько для истины, столько и для любви»; мнѣніе свое онъ передалъ товарищу своему Цвинглію.

Но Цвингліи не былъ такъ расположенъ къ сближенію.

Разъ обвинивъ Лютера въ ложномъ пониманіи таинства, онъ не могъ уже склониться къ его мнѣнію, тѣмъ болѣе, что Бутцеръ, во время переговоровъ съ Лютеромъ, въ такой степени усвоилъ себѣ его мнѣніе, что Цвингліи видѣлъ въ немъ пристрастнаго посредника. Въ немъ, какъ въ законодателя, возсталъ вся энергія его первоначальной идеи, и онъ не хотѣлъ уступать ни одного шага. Это не мешало однако Базлю, которымъ управлялъ Эрколампадій, согласиться на примиреніе. Въ Швейцаріи начинали уже говорить объ особенномъ ученіи Эрколампадія, которое приобрѣло уже довольно-многочисленныя приверженцевъ.

Вообще, рачь непрерывно шла о тѣснѣйшемъ соединеніи между обѣихъ евангелическими партіями. Это соединеніе приведено было нѣкоторымъ образомъ въ исполненіе, потому-что Страсбургъ, и, съ іюля 1530 года, ландграфъ Флиппъ приняли швейцарскія постановленія, остава-

(* *Utriusque (veritatis et caritatis) Bucerus mea sententia observandus est. Eodem de sensu non ingratus tibi fore, quicquid ille in medium attulit, ad nos quoque 1530 г.*

Гегелъ II, стр. 320.

исъ въ то же время членами шмалькальденскаго-союза. Особенно замѣчательно извѣстіе, помѣщенное въ исторической книгѣ Вуллингера: онъ приводитъ актъ, который Цюрихъ составилъ въ февралѣ 1531 года въ общемъ собраніи съ Берномъ и Базелемъ, и замѣчаетъ, что его приняли некоторые Германцы. Замѣчательнае всего, что актъ этотъ съ начала и до конца есть не что иное, какъ буквальная формула шмалькальденскаго-союза!

Исторія реформаціи не представляетъ ни одного момента, въ который бы швейцарскій союзъ такъ сблизился съ Германіею. Оба партіи, на которыя она распадалась, были сильно проникнуты основными элементами германскаго быта.

Цингліи полагають, что дѣло Швейцаріи должно было привести къ концу прежде, чѣмъ императоръ получитъ совершенную свободу дѣйствовать. Фердинандъ, съ своей стороны, опасался общаго союза протестантовъ; началомъ необыкновенно-живаго сопротивленія, которое онъ встрѣчалъ повсюду, онъ полагалъ самоувѣренность, внушаемую имъ этимъ союзомъ.

Но религиозное разногласіе еще разъ воспрепятствовало соединенію. Въ собраніи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ іюль 1531 года, дѣло это сдѣлалось предметомъ новыхъ переговоровъ.

Бернъ и Цюрихъ объявили снова, что они не согласны принять бутцерову формулу — не потому, чтобы она казалась имъ не христіанскою, но потому, что она слишкомъ-темна и можетъ послужить поводомъ къ опаснымъ недоразумѣніямъ. Курфюрстъ же саксонскій повѣлялъ своимъ уполномоченнымъ, въ случаѣ, если швейцарскій союзъ не согласится принять исповѣданіе, составленное въ смыслѣ исповѣданія-аугсбургскаго, прекратить вся переговоры и не предпринимать ничего безъ его согласія. Это необходимо имѣло вліяніе на внутреннее состояніе всего шмалькальденскаго-союза. Во Франкфуртѣ сдѣлано было предложеніе начать военные дѣйствія; Верхне-Германцы нашли его умѣреннымъ и благоразумнымъ, но отказались подписать его, потому-что Швейцарцы его не приняли. Она объявили, что ихъ окружають сильныя враги, и что союзники столь отдаленные не могутъ подать имъ надлежащей помощи. Безъ-сомнѣнія, они медлили, ожидая, чѣмъ окончатся дѣла въ Швейцаріи, потому-что и тогда все дѣло въ Швейцаріи зависело отъ рѣшенія оружіемъ, а съ нимъ тѣсно связаны были всѣ дѣйствія и перемѣны въ Верхней-Германіи.

Между членами швейцарскаго союза-вражда была еще сильнае, отнѣшенія ихъ были еще неприязненнае.

Католическіе кантоны жаловались, можетъ-быть, не совсѣмъ несправедливо, что большинство ихъ не признается; они отказывались отъ разныхъ общихъ распоряженій, навриваръ, относительно управленія Санкт-Галленомъ. Первый предводитель, назначенный туда по новому уставу (онъ былъ изъ Люцерна), не хотѣлъ присягать крестьянамъ и уехалъ изъ города.

Тогда евангелическіе города начали жаловаться, что ихъ не слушаютъ, что не даютъ имъ никакой помощи въ дѣлахъ, общихъ обществу; въ

этомъ они находили причину къ разрушенію союзовъ въ самомъ основаніи ихъ; и возможно ли было терпѣть долѣе грубые, нечеловѣческіе пасквилы? Отвѣтъ пяти кантоновъ на требованія евангелическихъ городовъ самъ-по-себѣ былъ уже бранною грамматой.

По мнѣнію Цвинглія, безъ дальнѣйшей отсрочки слѣдовало приступить къ окончанію.

Въ политическомъ отношеніи между Лютеромъ и Цвингліемъ замѣтно было такое же различіе, какъ и въ религіозномъ. Политика Лютера, сколько намъ извѣстно, зависла совершенно отъ религіозной точки зрѣнія и ограничивалась ближайшимъ защитникомъ. Цвинглій же, съ самаго начала, имѣлъ въ виду цѣли чисто-политическія; преобразованіе швейцарскаго союза было средоточіемъ всехъ его идей; для того онъ составлялъ многообъемлющіе планы; безъ сомнѣнія, онъ величайшій преобразователь, котораго когда-либо имѣла Швейцарія въ томъ и въ другомъ отношеніи.

Все чаще и чаще стала возникать жалоба на лѣсные кантоны, которые въ союзныхъ войнахъ давали гораздо-менше людей и денегъ, чѣмъ вольные города, но принимали однакоже участіе въ результатахъ победы. Вотъ что собственно было началомъ несогласій послѣ бургундскихъ войнъ, и Цвинглій находилъ, что съ того еще времени отношенія ихъ сдѣлались невыносимы. Тогда какъ четыре лѣсные кантона присоединили къ себѣ Цуръ, они образовали большинство, которое рѣшало все дѣла въ народныхъ собраніяхъ и противъ котораго нельзя было принять никакихъ законныхъ мѣръ; Цвинглій утверждалъ, что это преимущество, безнаказанно употребленное во зло, въ высшей степени несправедливо. Управленіе союзомъ, по мнѣнію его, принадлежало гораздо-болѣе городамъ Цюриху и Берну, которые были и сильнѣе другихъ и предпринимали все, клонившееся къ благосостоянію республики. Необходимо было исключить пять католическихъ кантоновъ изъ общаго союза, сдѣлать новое раздѣленіе, или иначе упячтужить ихъ большинство.

Изъ сказаннаго ясно, что Цвинглій хотѣлъ дать другое направленіе политикѣ и единство ея основать на перевѣсъ фактической силѣ. Естественно, планы такого рода не могутъ быть выполнены безъ энергическаго сосредоточенія всехъ силъ въ благопріятное мгновеніе. Прежде всего предстоялъ вопросъ, довольно ли силенъ былъ Ульрихъ Цвинглій, чтобъ собственную партію подвинуть на такое предпріятіе?

Даже въ самомъ Цюрихѣ, Цвинглій нашелъ противниковъ, и только строгими мѣрами восторжествовалъ надъ приверженцами старыхъ мнѣній, подававшими противъ него голосъ въ советѣ. Еще болѣе заботъ причинило ему сопротивленіе союзаго Берна, въ которомъ слишкомъ-сильно вкоренилась страсть къ пенсіямъ, и который ни за что не соглашался отказаться отъ нихъ.

Вольные города объявили три требованія: во-первыхъ, чтобъ клеветники были наказаны; во-вторыхъ, чтобъ бѣдные люди, изгнанные за вѣру, были возвращены въ отечество; наконецъ, чтобъ во всѣхъ областяхъ теримы были оба исповѣданія. Требованія эти истекали изъ настоящаго положенія дѣлъ: но возможно ли было ожидать, чтобъ они возстановили миръ въ швейцарскомъ союзѣ, когда одна часть кантоновъ преслѣдовала вѣру, въ которой другая видѣла свое спасеніе?

Въ это время, религіозныя интересы такъ тѣсно соединены были съ гражданскою властію, что даже подобныя требованія должно было приобрѣтать силой. Гражданская власть пяти кантоновъ основывалась на исключительномъ господствѣ католицизма: еслибъ правители ихъ согласились допустить противныя ему мнѣнія, то передъ ихъ глазами могъ образоваться въ народѣ враждебный элементъ, который, будучи воспламеняемъ духомъ времени, покровительствуемъ извнѣ, легко могъ сдѣлаться опаснымъ для нихъ самихъ.

Цвингліи и не задумался потребовать войны, не сомнѣваясь въ успѣхъ до-тѣхъ-порѣ, пока преимущество было на его сторонѣ и пока Цюрихъ былъ ему безусловно преданъ.

Не такъ много значилъ авторитетъ въ Бернѣ. Городской советъ и тамъ считалъ необходимыми сильныя мѣры, но онъ не желалъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, а предпочиталъ дѣйствовать постепенно и приостановить подвозъ съѣстныхъ припасовъ, безъ котораго не могла существовать лѣсные кантоны. Но могло ли это укротить стремительную волю Цвинглія? Онъ видѣлъ, что медленность можетъ все испортить; онъ вступилъ еще разъ въ переговоры съ Бернцами, чтобъ принудить ихъ къ взаимному дѣйствию. Почитая необходимымъ тайну, онъ явился ночью въ Бренгартенъ, и остановился въ домѣ проповѣдника Буллингера; тамъ сошелся онъ съ бернскими уполномоченными; ратсеры бренгартепскіе стояли на стражѣ. Едва начало разсвѣтать, Буллингеръ вывелъ учителя своего изъ боковой двери на дорогу. На лицѣ Ульриха видны были слѣды тяжелой грусти. Прощаясь съ Буллингеромъ, онъ горько заплакалъ и сказалъ ему: «Богъ да поможетъ тебѣ, Гейнрихъ! оставайся только вѣренъ Христу и его церкви». Въ августѣ появилась комета: аббатъ Георгъ Мюллеръ витингенской спросилъ однажды Цвинглія, что бы она значила. «Любезный Георгъ», отвѣчалъ Цвингліи: «это дорого будетъ стоить мнѣ и некоторымъ честнымъ людямъ; церковь потерпитъ гоненія; но за то Богъ не оставитъ васъ» (*).

(*) Одинъ современникъ сообщаетъ объ этомъ интересное извѣстіе, напечатанное въ Schw. Mus. II, 535. Онъ рассказываетъ, что въ это самое время онъ, вмѣстѣ съ другомъ Цвинглія, Валианусомъ, докторомъ Ваттомъ, отправились ночью на Бернегъ, гдѣ присоединился къ нимъ самъ докторъ; онъ сѣлъ между ними на траву, увлажненную росой, объясняя имъ названія планетъ, движеніе зодіака и прочія чудеса

Дѣла пошли, какъ они должны были пойти, какъ предвидѣлъ Цвингліи. Бернъ надѣялся, что остановкою провоза провіанта въ католическіе кантоны онъ возмутитъ простолюдиновъ противъ правителей; но случилось совсѣмъ-иначе: они ожесточились на тѣхъ, которые, проповѣдуя вѣру Христову, препятствовали братіямъ своимъ пользоваться плодами земными. Цюрихцы, въ оправданіе свое, изготовили манифестъ и отправили въ Люцернъ: люцернскій совѣтъ назвалъ измѣнниками всѣхъ, которые вздумаютъ принять его и угрожалъ имъ пыткой. Такимъ образомъ, взаимныя оскорбленія мало-по-малу развили жестокую вражду: напрасны были все переговоры, напрасны старанія посредниковъ, въ числѣ которыхъ были также страсбургскіе уполномоченные: не было никакихъ средствъ къ усмиренію враждующихъ партій; война непременно должна была вспыхнуть, но уже совершенно не въ тѣхъ формахъ, какъ того желалъ Цвингліи.

Въ сентябрѣ католическіе кантоны собрались на совѣтъ въ Люцернъ; сначала они не соглашались начать военныя дѣйствія; Ури предлагалъ ожидать рѣшенія ближайшаго сейма, но Унтервальденъ настаивалъ на томъ, что война должна начаться немедленно: послѣднее мнѣніе взяло верхъ и сдѣлалось общимъ. «Невозможно было терпѣть голодъ; надо было подумать о средствахъ существованія».

Союзники пяти кантоновъ не безъ страха смотрѣли на ихъ предпріятія. Король Фердинандъ опасался, чтобъ они не потеряли бѣтвы, что могло повлечь общее замѣшательство. Правда, они были малочисленны; за то предводители тѣсно соединены другъ съ другомъ общими интересами и общею опасностью; при народномъ возстаніи, власть ихъ еще усилялась. На ихъ сторою была та выгода, что они могли съ горъ своихъ сдѣлать нападеніе на города, которые не готовились къ защитѣ и не могли выдержать осады. Нѣсколько дней не слышно было, что у нихъ дѣлается; проходы были тщательно охраняемы; не пропускали ни одного подозрительнаго человека. Въ горахъ, Цюрихцы имѣли также друзей и эти друзья обещали извѣстать ихъ, въ случаѣ если что-либо будетъ предпринято противъ нихъ, но строгая стража препятствовала всякому сообщенію. 9-го октября небольшой отрядъ внезапно вышелъ изъ Люцерна и началъ свое опустошеніе въ вольныхъ кантонахъ; 10-го появились на Цугскомъ-Озерѣ суда, перевозившія солдатъ; звукъ трубъ возвѣстилъ Цугу ихъ прибытіе. На томъ же собраніи въ Люцернѣ положено было — главную силу сосредоточить

природы, которая какъ-бы желала окинуть однимъ взглядомъ; отсюда взоръ его упалъ на окружающій его ландшафтъ, украшенный развалинами римскихъ построеній, — вѣроятно онъ думалъ о судьбѣ города, потерпѣвшаго столько прѣмѣнъ; при этомъ мысль его снова обратилась къ кометѣ, которую всѣ называли предтечею гнѣва Божія. — Теофрастъ-Гогенгеймскій, бывшій тогда въ Санкт-Галленѣ, и другіе объявили, что она означаетъ кровопролитіе, измѣненіе правительства, но также и смерть многихъ ученыхъ мужей.

въ Цугъ; военные совѣтники должны были только назначить день и дѣло привести въ исполненіе.

Если бы города изготовились встрѣтить это нападеніе, то имъ бы легко было отразить его; Цюриху стоило только овладѣть проходомъ чрезъ Альбисъ, и тогда ему ничего не значило выдержать битву. Но они до-сихъ-поръ занимались медленными средствами съяснять дѣсные кантоны и изобрѣли, между-прочимъ, способъ воспрепятствовать подвозу провіанта изъ Эльзаса по обѣ стороны Реусса. Въ то самое время, когда они радовались успѣху своихъ предпріятій, жестокое нападеніе сдѣлано было на нихъ-самихъ; а такъ-какъ оно сдѣлано было съ различныхъ сторонъ, то произвело сильное замѣшательство, потому-что никто не зналъ, куда преимущественно направлена его главная сила.

Утромъ 11 октября 1531 войска поклялись вѣрностію своему дѣлу и въ числѣ восьми тысячъ человекъ, подъ пятью знаменами двинулись въ область сильнѣйшаго изъ враговъ своихъ, Цюриха. Противъ нихъ, при Каппель, Цюрихцы собрали отрядъ, состоявшій не болѣе, какъ изъ 1200 человекъ.

Правда, что въ то же утро въ городѣ Цюрихѣ развилось большое знамя, и принадлежащія къ нему воинны начали собираться; но все это произошло слишкомъ-нескоро и безъ всякаго порядка. Въ рѣшительную минуту видно было, что не все готовы были идти на общее дѣло; тайные враги замедляли быстроту движеній, необходимую въ подобномъ случаѣ. Послы являлись за послами и приносили извѣстіе, что вся сила непріятелей грозитъ отряду при Каппель и непременно уничтожить его безъ самой скорой помощи; потому воинны, собравшіеся подъ знаменемъ, не смотря на малочисленность свою, — говорятъ, что ихъ было не болѣе 700 человекъ — тотчасъ же двинулись въ поле.

Единственнымъ средствомъ къ спасенію оставалось слѣзть Каппель и отступить. Отъ непріятелей отряду сдѣлано было предложеніе уступить силу; но храбрымъ воинамъ показалось слабостью сдѣлать шагъ назадъ даже при видѣ явной гибели. При такомъ предложеніи, Рюди Галльманъ топнулъ ногою о землю, и воскликнулъ: «Богъ не допуститъ меня перешить тотъ день, въ который я допущу людей своихъ отступить хотя на одинъ шагъ. Это мѣсто будетъ моею могилою».

Уже приближался многочисленный непріятель, уже раздавались грозные выстрѣлы, когда распущенное знамя появилось на Альбисѣ. Мы сказали уже, что отрядъ былъ очень-слабъ; начальникъ стрѣлокъ, Вильгельмъ Тѣнингъ, осмотрѣлся кругомъ и подалъ совѣтъ, что лучше нѣсколько помедлить и подождать, пока силы ихъ подкрѣпятъ сбѣжавшійся народъ, но Ульрихъ Цвингліи, и теперь явившійся вмѣстѣ съ знаменемъ въ качествѣ проповѣдника, воспротивился этому: «Не хорошо» говорилъ онъ, «оставаться въ бездѣйствіи, когда собратія идутъ подъ

выстрѣлы. Я пойду съ вами во имя Господне; укрѣмъ вѣсть, или спасемъ ихъ».—«Подожди, Тѣннингъ, пока опять освѣжнись», сказалъ предводитель отряда. «Я свѣжъ такъ же какъ и вы» отвѣчалъ Тѣннингъ «и иду съ вами».

Цюрихскій отрядъ занималъ лѣсъ, окружающій высоту Шюренбергъ; здѣсь присоединились къ нему знаменосцы. Тутъ находилась вся сила Цюриха, которую онъ могъ противопоставить пяти кантонамъ; сначала, непредусмотрительность, потомъ несогласіе и недоразумѣніе ослабили отрядъ и ограничили войско двумя тысячами человекъ, тогда-какъ городъ легко могъ выставить до десяти.

На эту небольшую толпу двинулось войско въ-четверо-сильнѣйшее, не менѣе воинственное и несравненно-лучше приученное. Чего было ожидать отъ битвы? Обстоятельства рѣшили ее прежде, чѣмъ она разразилась. Цюрихцы не заняли одного перелѣска у подошвы холма: туда съ двухъ сторонъ почти незамѣтно прокрались непріатели, и увѣренные въ успѣхъ, мощно ударили на нихъ. Храбрость Цюрихцевъ не помогла имъ; въ первую же минуту увидѣли они себя смятыми, стѣсненными со всѣхъ сторонъ; сраженіе превратилось въ кровавую рѣзню. Изъ 2000 Цюрихцевъ 500 погибло, и въ числѣ ихъ были самые ревностные сподвижники евангелическаго ученія, прежде всѣхъ взявшіеся за оружіе. Рюди Галльманъ нашелъ себя могилу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ началъ сраженіе; предводитель знаменнаго отряда Швейцеръ и Тѣннингъ были оба убиты (съ трудомъ могли спасти знамя); здѣсь же пали: храбрый Бергардъ Вейссъ, которому мы обязаны многими любопытными извѣстіями, нѣсколько проповѣдниковъ (*), и, посреди своей паствы, самъ Ульрихъ Цвингліи. Убитые побѣдою, враги грабили уже поле сраженія, когда онъ еще дышалъ, поверженный подъ деревомъ, «скрестивъ руки, устремивъ взоры къ небесамъ». Истекая кровію, вѣроятно онъ перебиралъ въ душѣ своей все, что онъ сдѣлалъ, все, что предвидѣлъ въ грустныхъ мечтахъ своихъ. Будущность Швейцарскаго-Союза въ такомъ смыслѣ, какъ онъ понималъ ее, должна была исчезнуть: онъ былъ единственною непоколебимою опорой новой церкви и своего ученія. Въ такомъ состояніи пашли его два простые воина, увѣщевали его исповѣдаться, или, если это поздно, то призвать къ себѣ на помощь всѣхъ святыхъ. Онъ не отвѣчалъ ни слова, и только отрицательно покачалъ головою; не воображая, что предъ ними самъ Цвингліи, они думали, что это лежитъ какой-нибудь неизвѣстный «закоснѣлый еретикъ», и нанесли ему смертельный ударъ. Только на другой день узнали, что въ числѣ многихъ значительныхъ людей палъ

(*) Слѣдуя Аккольти (in Epistolis Sadeletti, VIII. 273) изъ 300 сенаторовъ осталось только семь. Дѣло въ томъ, что семь членовъ меньшаго совѣта и 19 высшаго остались на мѣстѣ сраженія; кромѣ того 60 почетныхъ гражданъ и 7 проповѣдниковъ (quam plurimi sacerdotes!). Буллингенъ изчисляетъ ихъ всѣхъ. Впрочемъ Аккольти насчитываетъ Цюрихцевъ до 20,000.

и Цвингліи; все собрались посмотреть на него. Одинъ изъ жителей Цуга увѣрялъ, что на лицѣ мертвеца сохранилось то же выраженіе, которымъ отличался онъ во время проповѣди, когда его озаряло пламя вдохновенія. Могло ли быть что-нибудь пріятнѣе этого зрѣлища для его противниковъ, защитниковъ пенсій? Они ругались надъ трупомъ Цвингліи, четвертовали его, сожгли, и пепель развѣяли по воздуху.

Но эта битва не доставила рѣшительнаго торжества пяти кантонамъ, не сдѣлала ихъ властителями Швейцарскаго-Союза. Цюрихцы рѣшились теперь овладѣть проходомъ Альбиса и съ этою цѣлю сосредоточили все свои силы. Скоро выставили они въ поле 12,000 войска; къ нимъ присоединился наконецъ Бернъ, войско котораго съ Базелемъ и Билемъ доходило до такого же числа. Когда эти войска соединились въ Бренгартецъ, католическіе кантоны увидѣли, что противъ такихъ большихъ отрядовъ имъ дѣлать нечего, оставили опустошенную страну и удалились въ Цугъ.

Теперь уже казалось возможнымъ наступательное дѣйствіе со стороны протестантовъ; его такъ настоятельно требовалъ Цвингліи. И дѣйствительно, они послѣдовали за врагами; но съ-тѣхъ-поръ многое перемѣнилось.

Католическіе кантоны возгордились первою побѣдою; они понимали, что между противниками ихъ не было той ревности, которую внушить имъ могъ одинъ Цвингліи. Цюрихъ лишился лучшихъ людей своихъ, Бернъ никогда не оказывалъ воинственныхъ стремленій; отъ-того и въ дѣлѣ не было необходимой твердости; благоприятное мгновеніе, когда непріятель перемѣнилъ мѣсто, было пропущено. Когда же евангелическіе кантоны рѣшили нападеніе на укрепленный лагерь непріятелей, то при этомъ выказали такую неспособность и неосмотрительность, что дали случай врагамъ сдѣлать вылазку и нанести имъ значительный вредъ. Не смотря на свою многочисленность, вольные города не чувствовали болѣе мужества сойтись съ храбрымъ и побѣдоноснымъ врагомъ. Они предпочитали стать лагеремъ и истомить его мало-по-малу.

Вотъ до какой степени исчезли смѣлыя предпріятія, пачатыя Цвингліемъ! Мы видимъ, что политически-религіозный принципъ, котораго онъ былъ представителемъ и защитникомъ, не былъ даже въ Цюрихѣ такъ силенъ, какъ онъ желалъ; онъ былъ еще слабъ въ Бернѣ и не могъ оживить снова, не могъ соединить распавшіеся элементы. Въ рѣшительныя мгновенія принимались ложныя мѣры, въ основаніи которыхъ лежалъ тотъ же недостатокъ единодушія и энергіи, а онъ одинъ могъ привести къ желаемой цѣли. Сначала, эти движенія грозили бѣдствіями католической партіи, но настоящій оборотъ дѣла возбуждалъ въ ней большія надежды.

Съ какою радостію Фердинандъ сообщаетъ брату своему о смерти

великаго еретика Цвинглія и о битвѣ при Каппель! «Вотъ первое, что совершили католики въ пользу вѣры и церкви!»

При второмъ извѣстіи объ успѣхѣ швейцарскихъ католиковъ, онъ началъ составлять планы и убѣждалъ брата словомъ и дѣломъ оказать имъ пособіе, но Карлъ не хотѣлъ разстроивать дѣйствій своихъ въ Германіи и отказался отъ явнаго участія въ дѣлахъ Швейцаріи; впрочемъ, онъ зналъ, что итальянскіе отряды пришли къ нимъ на помощь, — онъ даже уговаривалъ французскаго короля принять въ свое покровительство пять кантоновъ и объявить войну еретикамъ. Но король Францискъ, недовольный тѣснымъ союзомъ швейцарскихъ католиковъ съ Австрією, вовсе не расположенъ былъ ослабить протестантскую партію въ Швейцаріи: онъ рѣшительно отказалъ посламъ, говоря, что крокъ ударовъ и издержекъ ничего не достается на его часть въ войнахъ съ Турками и Швейцарцами (*).

Между-тѣмъ, Швейцарцы сами начали думать объ окончаніи раздора. Протестантское войско не могло удержаться въ полѣ, когда наступило дурное время года, и потому сначала Цюрихъ, а потомъ Бернъ, склонились къ миру, который предложили имъ католическіе кантоны. Все выгоды были теперь на сторонѣ католиковъ: вольные города должны были отказаться отъ союза съ чужеземцами и уплатить военныя издержки. Одна религія была имъ оставлена: они потерпѣли пораженіе, но не были побѣждены, не были уничтожены.

Мало-по-малу приобрѣтая перевѣсъ, католическая партія начала возстановлять все уничтоженное нововводителями и жестоко поступила съ приверженцами евангелическаго ученія; она безнаказанно изгоняла и убивала проповѣдниковъ—рѣшительная реставрація католицизма совершилась въ Швейцаріи.

Эта реставрація католицизма была вторая со времени возникновенія реформациі: она не была столь кровавою, какъ германская послѣ вознущенія поселянъ, но отличалась такимъ же насиліемъ, и еще большимъ ушорствомъ.

Война длилась только полтора мѣсяца, но, не смотря на краткость свою, совершенно измѣнила будущность Швейцаріи. Въ хроникѣ Буллингера изложено все, что имѣли въ виду нововводители, и все, что они привели въ исполненіе. Предположено было введеніе евангелической проповѣди, униженіе олигарховъ, устраненіе большинства пяти кантоновъ; слѣдствіемъ же войны было уничтоженіе новаго ученія

(*) Lettre du roi à Mr. d' Auxers, 21 Nov. Ms. Bethune 8477. Pour la guerre du Turc ou des Suisses, où il n'y a que coups et dépenses d'argent.

тамъ даже, гдѣ прежде оно господствовало, возстановленіе власти папской, рѣшительный перевѣсъ пяти кантоновъ, новая сила олигарховъ. «Скромность исчезла, возникъ своевольный советъ» говоритъ Буллингеръ: «такъ угодно Господу; судьбы Его неисповѣдны!».

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья первая.

Конституція VIII года: Сійёсъ и генералъ Бонапарте. Внутреннее состояніе Франціи. Первые дѣйствія временныхъ консуловъ для возстановленія порядка въ правленіи. Перемиріе съ Вандеею. Сношенія съ иностранными кабинетами. Проектъ Сійёса. Конституція VIII года. — Внутреннее управленіе: Окончательное установленіе консульскаго правленія. Франція обращается съ предложеніями о мирѣ къ Англіи и Австріи. Заключеніе списка эмигрантовъ. Отказы Англіи и Австріи. Усмиреніе Вандеи. Жоржъ Кадудалъ. Де-Фроттѣ. Движеніе войскъ къ границѣ. Церковныя по случаю кончины Вашингтона. Первый консулъ въ Тульерѣ. — Уэльсъ и Генуя: Приготовленія къ войнѣ. Меласъ въ Ангулинъ; Край въ Швабін. Планъ генерала Бонапарте. Моро. Резервная армія. Массена. Защита Генуи. Переправа черезъ Рейнъ. Моро подъ Ульмомъ.

Наконецъ вышло въ свѣтъ давно-ожиданное твореніе Тьера. Передъ нами первые два тома его «Исторіи Консульства и Имперіи». Немногіе, подобно знаменитому экс-министру, имѣли столько средствъ узнать и положить истину: вькогда ни одинъ писатель не имѣлъ подъ рукою такой богатой сокровищницы подлинныхъ актовъ. Тьеру были открыты всѣ архивы королевства, архивы министерствъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго. Ему было дозволено проникнуть въ тайны архивовъ *юсударственнаго секретарства*, гдѣ находятся въ подлинникъ всѣ бумаги, всѣ приказы, вышедшіе изъ-подъ руки самого Наполеона. Эти бумаги, эти приказы неопровержимо свидѣтельствуютъ о той дѣятельности и той силѣ ума императора, которыя превосходили человѣческія силы, и которыми онъ въ-теченіе пятнадцати лѣтъ достигъ большихъ результатовъ, нежели сколько нужно для того, чтобъ прославить жизнь многихъ людей. Наполеонъ говаривалъ иногда, что не мечомъ своимъ покорилъ міръ и управлялъ имъ, а перомъ. Непосредственными сообщеніями, краткими, поразительно-ясными нотами, онъ вдохновлялъ своею

Т. XI. — Отд. II.

мыслию своихъ министровъ, посланниковъ, государственныхъ совѣтниковъ, адъютантовъ. Депеши Талейрана, во время его управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, были часто только развитіемъ мыслей, нацѣванныхъ на бумагу самимъ императоромъ. До Тьера, никто еще не былъ допущенъ пользоваться этими драгоценными памятниками мысли Наполеона. Сверхъ-того, многіе иностранные кабинеты доставляли историографу весьма-важные документы.

Скоро получимъ мы третій томъ; имъ заключится картина, развиваемая Тьеромъ отъ 18 брѣжня до пожизненнаго консульства; этотъ огромный предметъ раздѣленъ на четырнадцать книгъ, изъ которыхъ каждая получила названіе отъ главнаго, преобладающаго факта, разсказу котораго посвящена она; на-примѣръ: *Конституція VIII года, Внутреннее Управленіе, Ульмъ и Генуя, Маренго, Геліополисъ, Адская Машина, Конкордатъ, Общій Миръ*. Каждая глава содержитъ въ себѣ стройное цѣлое, гармонически соединенное съ другими частями. Читаешь—и увлекаешься, не замѣчая того: зрѣлище представляется великимъ, разнообразнымъ, безконечнымъ, и никогда смутнымъ, никогда сбивчивымъ.

Чтеніе «Исторіи Консульства и Имперіи» приведетъ въ удивленіе тѣхъ, которые предполагали, что авторъ почерпнетъ преимущественно свои вдохновенія въ безпредѣльномъ и безотчетномъ уваженіи къ генію Наполеона и его дѣяніямъ. Нѣкоторые полагали, что книга должна быть наполеоновскимъ памфлетомъ: эта надежда рушилась. Предъ возвышеннымъ образомъ Бонапарте Тьеръ сохранилъ всю свободу мысли: онъ не облекъ перваго консула въ фантастическое величіе. Мы видимъ предъ своими глазами человека, а не какого-нибудь идеальнаго героя. Отъ этой простоты и свободы повѣствованія, величіе Бонапарте выдается еще живѣе, рельезнее. Для того, чтобъ возвысить своего героя, Тьеръ не сглаживаетъ образъ знаменитыхъ его сподвижниковъ. Онъ по достоинству оцѣняетъ великій геній Морô и понимаетъ разстояніе, отдѣляющее этого генерала отъ Бонапарте, и отъ трехъ или четырехъ вонтелей, каковы Аннибалъ и Цезарь; въ то же время признаешь, какое славное мѣсто въ исторіи доставили Морô данныя имъ сраженія, въ-особенности сраженіе при Гогенлинденѣ. «Это сраженіе» говоритъ Тьеръ: «есть одно изъ славнѣйшихъ, даннаго генераломъ Морô, и конечно одно изъ величайшихъ въ тотъ вѣкъ, который былъ свидѣтелемъ столькихъ чудныхъ битвъ. Говорили ошибочно, что при Маренго побѣдителемъ былъ не генералъ Бонапарте, а кто-то другой, и что это былъ генералъ Келлерманъ. Можно бы-ло бы сказать съ гораздо-большимъ основаніемъ, что кто другой былъ побѣдителемъ при Гогенлинденѣ, а не генералъ Морô, и что то былъ генералъ Ришпансъ, потому-что тотъ, по нѣскольکو-неопредѣленному приказу, совершилъ прекраснѣйшій маневръ. Но хотя менѣе-несправедливое, это мнѣніе было бы все-таки несправедливымъ. Оставимъ каждому право собственности на дѣла его, и не будемъ подражать тѣмъ печальнымъ усиліямъ задисти, которая всюду отыскиваетъ побѣдителя шнагр, кромѣ самаго побѣдителя.» Вотъ справедливость и краснорѣчіе историка!

Мы рѣшились ознакомить читателей съ книгою Тьера и въ сжатой формѣ журнальныхъ статей представить имъ замѣчательнѣйшія части этого труда, со всѣмъ, однако, подобающимъ уваженіемъ къ образцовому изложенію автора. Не будемъ теперь распространяться о достоинствахъ той или другой части «Исторіи Консульства и Имперіи»: постараемся, чтобы онѣ явились сами, неискаженные, въ продолженіе нашего разсказа.

Чувствуешь, какъ обучаешься, читая «Исторію Консульства и Имперіи», и невольно припоминаешь себѣ слова одного изъ великихъ людей древности, Цицерона, который вотъ чего требовалъ отъ исторіи, истинно-достойной этого имени: «Изложеніе фактовъ требуетъ порядка во времени, описанія мѣстности; также чтобы въ дѣлахъ важныхъ и достойныхъ перейти въ потомство, были показаны сперва побужденія, потомъ самое исполненіе, наконецъ результаты. Такимъ образомъ писатель долженъ сначала дать свое мнѣніе о самомъ побужденіи, дать знать не только то, что было сдѣлано или сказано, но даже и какимъ-образомъ было сказано или сдѣлано; и когда онъ будетъ говорить о результатахъ, то должны быть изъяснены всѣ причины и не должно быть умолчено объ участіи ни случайности, ни мудрости, ни смѣлости. Онъ не долженъ ограничиться разсказомъ о дѣяніяхъ людей, но если они славны и знамениты, то долженъ изобразить ихъ нравы и характеръ» (*). Кажется, историкъ «Консульства и Имперіи» имѣлъ постоянно передъ глазами эти советы, заповѣданные однимъ изъ великихъ умовъ древняго Рима. Его книга, дѣйствительно, не менѣе приличествуетъ тѣмъ, которые знаютъ и думаютъ, что знаютъ много, какъ и тѣмъ, которые будутъ читать ее, не вѣдая того, о чемъ она говоритъ, ибо эти послѣдніе дочерпаутъ въ ней наставленіе.

И дѣйствительно, тонъ и фязіономія этой книги напоминаютъ античное искусство. Этотъ типическій отпечатокъ является не кое-гдѣ, а господствуетъ во всемъ сочиненіи. Если Бонапартѣ напоминаетъ Цезаря, если имперія напоминаетъ въ некоторыхъ отношеніяхъ царствованіе Августа, почему же историкъ Бонапартѣ и имперіи не пишетъ скотства съ писателями древности? Онъ отличается ихъ простотою; подобно имъ, онъ можетъ и умѣетъ сказать много въ немногихъ словахъ. Это торжество историческаго искусства, это манера великихъ мастеровъ, маляръ Фундана и Теццата. Тамъ ищутся книги, которыхъ существованіе только изначить конца.

Когда сравнить это послѣднее сочиненіе съ «Исторіею Французской Революціи», сколько успѣховъ сдѣлалъ авторъ! Первые томы, посвященные Законодательному Собранію (*la Constituante*), суть робкое и не-

(*) *Rerum ratio ordinem temporum desiderat, regionum descriptionem; vult etiam, quoniam in rebus magnis memoriaque dignis consilia primum, deinde acta, postea eventus exspectantur, et de consiliis significari quid scriptor probet, et in rebus gestis declarari, non solum quid actum aut dictum sit, sed etiam quomodo; et quom de eventu dicatur, ut causae explicantur omnes, vel casus, vel sapientiae, vel temeritatis; hominumque ipsorum non solum res gestae, sed etiam, qui fama ac nomine excellent, de saepeque vita atque natura. (De Oratore, lib. II, c. XV.)*

полное начало великаго творенія: историкъ возвышается только посредъ бурь Жвронды; наконецъ, когда должно рассказывать итальянскіе походы, онъ совершенно уже владѣеть собою. Въ «Исторіи Консульства и Имперіи», съ самаго перваго приступа поступъ писателя полна твердой самоуверенности; онъ приступаетъ къ своему предмету, идетъ передъ нимъ со всею свободою человека, знающаго цѣль, куда идетъ онъ, и всѣ пути, которые должны вести къ ней. Въ-отношеніи къ слогу, преобразование не менѣе полное. Пятнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ дѣятельности и изученіи, сдѣлали изъ Тьера замѣчательнаго писателя.

«Исторія Консульства и Имперіи», въ нѣсколько дней послѣ выхода въ свѣтъ, очутилась во Франціи въ рукахъ у всѣхъ: въ кабинетъ государственнаго человека, въ салонахъ, на столѣ студента, въ мастерской ремесленника, и быстро распространилось за границей.

День 18 брюмера (9 ноября 1799 г.) (*) положилъ конецъ существованію Директоріи.

Люди, выдумавшіе, послѣ бурь конвенціи, этотъ родъ республики, не были убѣждены въ превосходствѣ и прочности своего творенія; но послѣ пережитаго кроваваго управленія, трудно было сдѣлать что-нибудь лучше или иначе. Дѣйствительно, думать о Бурбонахъ было невозможно: ихъ отвергало общее чувство; равнымъ образомъ было невозможно броситься въ руки какого-нибудь знаменитаго полководца, потому-что въ эту эпоху ни одинъ изъ военныхъ людей Франціи не приобрѣлъ столько славы, чтобъ покорить себя умы. Сверхъ-того, всѣ мечтанія, иллюзіи — не были еще разсѣяны опытностью. Франція только-что ускользнула изъ рукъ Комитета-Общественнаго-Благосостоянія, испробовала только кровавую республику 93 года, состоящую изъ единственнаго собранія, которое отправляло всѣ власти разомъ; оставалось сдѣлать послѣдній опытъ—учредить умѣренную республику, въ которой

(*) Можетъ-быть, слѣдующія подробности будутъ не лишни: 6 октября 1793 г. введенъ во Франціи новый республиканскій календарь, замѣнившій календарь григорианскій; недѣля замѣнена декадою, и день покоя отъ трудовъ назначенъ не въ воскресенье, а въ десятый день. Новая эра началась съ 22 сентября 1792 г., эпохи основанія республики. Годъ раздѣлялся на двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ, каждый въ тридцать дней; эти мѣсяцы начинались съ 22 сентября въ слѣдующемъ порядкѣ: сандимѣръ, бромѣръ, фрамѣръ, осенью; мѣвѣръ, плювийѣръ, сакмѣвъ, зимою; жерминѣль, флоредѣль, преріадѣль, весною; мессидѣръ, термидѣръ, фрюктидѣръ, лѣтомъ. Каждый мѣсяць заключалъ въ себѣ три декады; каждая декада десять дней, и каждый день получилъ имя отъ мѣста, занимаемаго имъ въ декадѣ; они назывались примидѣ, дювдѣ, тридѣ, картидѣ, киктидѣ, секстидѣ, септидѣ, октидѣ, нонидѣ, декадѣ. Пять дополнительныхъ дней были отложены на исходъ года; они назывались — саклюлотиды, и были посвящены, первый празднику Генія, второй — празднику Труда, третій—празднику Дѣйствию, четвертый—Возрожденію, пятый—празднику Милліа.

власти были бы мудро раздѣлены и управленіе которою было бы вѣрено людямъ новымъ, чуждымъ всѣхъ неистовствъ, наводившихъ на Францію ужась. Придумали Директорію.

Этотъ новый опытъ республики продолжался четыре года, отъ 14 брюмера IV года до 18 брюмера VIII года. Онъ былъ предпринятъ съ добрымъ намѣреніемъ и съ доброю волею людьми, изъ которыхъ большая часть были честные и воодушевленные прекрасными побужденіями. Некоторые лица съ характеромъ крутымъ, или подозрительной честности, каковъ былъ директоръ Баррасъ, могли попасть въ списокъ правителей, которые, въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, передавали другъ другу власть; но Реубель, Ла-Реубельеръ-Лепо, Ле-Турнёръ, Карно, Бартелемі, Рожэ-Дюко, Сійесъ (*Sieyès*), были честные граждане; некоторые изъ нихъ были очень-способны, и послѣдній, Сійесъ, былъ человекъ высокаго ума. При всемъ томъ, директоріальная республика вскорѣ представляла самое безнадежное смѣшеніе: менѣе жестокости, но болѣе анархіи—таковъ былъ характеръ новаго правленія. Не казнили на гильотинѣ, а отправляли въ ссылку; не принуждали принимать ассигнацій подъ страхомъ смерти, а никому не платили. Войска безъ оружія и безъ хлѣба были побуждаемы и не побуждали. Ужась замѣнился невыносимымъ безпокойствомъ. И какъ слабость имѣетъ также свои вспышки, то эта республика, умѣренная по началу, окончила свое дѣло двумя мѣрами совершенно-тиранническими—прогрессивнымъ форсированнымъ займомъ (*l'emprunt forcé progressif*) и закономъ о заложникахъ (*la loi des otages*).

И удивительно ли, что Франція, въ которую Бурбоны не могли явиться въ 1799 году, и которая, послѣ плохого успѣха директоріальной конституціи, начинала не вѣрить болѣе въ республику, удивительно ли, что Франція бросилась въ руки этого молодого полководца, побѣдителя Италіи и Египта, чуждаго всѣхъ партій, показывавшаго видъ, что онъ презираетъ всѣхъ ихъ, одареннаго энергическою волею, обнаруживавшаго къ дѣламъ военнымъ и гражданскимъ равную способность, и проявлявшаго честолюбіе, которое не испугало умовъ, а напротивъ было принято, какъ надежда? Молодой Бонапарте, счастливый и побѣдоносный, явился изъ Египта во Францію почти чуднымъ образомъ, и, при первомъ его появленіи, Директорія пала. Вся партія стеклась во срѣтеніе ему, прося отъ него порядка, победы и мира.

Однакоже, не въ одинъ день власть одного могла замѣнить эту анагогію. Надо было уважить приличія, наружныя принятія формы, и для того, чтобъ привести утомленную Францію къ самостоятельной власти, должно было заставить ее перейти чрезъ переходное правительство, которое бы залечило раны смутнаго періода, — правительство славное и полу-республиканское.

Однимъ словомъ, нужно было консульство, прежде чѣмъ наступитъ имперія.

По изданіи закона 19 бромёра, которымъ учреждалось временное консульство, три новые консула, Бонапарте, Сійёсъ и Роже-Дюко покинули Сен-Клу, чтобъ отправиться въ Парижъ. Сійёсъ и Роже-Дюко, старинные члены Директоріи, уже жили въ Люксанбургскомъ-Дворцѣ. Генераль Бонапарте оставилъ свой домикъ въ Улицѣ-Побѣды и расположился жительствовавъ, вмѣстѣ съ своею женою, своими усыновленными дѣтьми и адъютантами, въ апартаментѣхъ Малаго-Люксанбурга. Здѣсь, близкій къ обонимъ своимъ товарищамъ, окруженный обломками послѣдняго правительства и элементами новаго, онъ приступилъ къ дѣлу съ тою вѣрною и быстрою снѣтливостію, съ тою чрезвычайною дѣятельностію, которыя ознаменовали его способъ дѣйствованія на войнѣ.

Сійёсъ былъ второе лицо республики. Творецъ самыхъ важныхъ и наилучшихъ учрежденій французской революціи, навоны соединеніе трехъ классовъ, раздѣленіе Франціи на департаменты, учрежденіе національной гвардіи, Сійёсъ, лишенный дара красноречія, соперничествовалъ съ Мирабодъ въ первые дни революціи, тогда, когда могущество слова была первѣйшимъ изъ всѣхъ могуществъ, и теперь, когда всеобщая война отдавала первое мѣсто военному генію, Сійёсъ, никогда не носившій шпата, былъ почти-равенъ генералу Бонапарте: такъ велико могущество ума, даже несопромождаемаго талантами, которые дѣлають его полезнымъ и вѣрднымъ. Но теперь, когда надо было приступить къ дѣламъ, Сійёсъ, который былъ лѣнивъ, характера грустнаго, независимъ въ своихъ вѣдѣхъ, раздражаемъ малѣйшимъ противорачіемъ, Сійёсъ не могъ долго соперничествовать во вліяніи съ своимъ молодымъ товарищемъ, который былъ способенъ работать день и ночь, котораго не смущало никакое противорачіе, который былъ крутъ, но никогда не былъ грустенъ, который умѣлъ очаровывать людей, когда хотѣлъ того, и во всякомъ случаѣ, когда и считалъ это не стѣвающимъ трудомъ, имѣлъ всегда средства владычествовать надъ нимъ силою.

Была, однакожъ, роль, которую общій голосъ назначалъ Сійёсу, — роль приготовить новую конституцію, которую первые консулы обязаны были начертать и представить Франціи безъ отлагательства. Въ это время еще были упоены идеями восемнадцатаго столѣтія; многіе еще вѣрили, что челоувѣчскія учрежденія могутъ быть дѣломъ чистаго разума, и что конституція народа можетъ выйдти совершенно-готовою изъ головы законодателя. Дѣйствительно, еслибъ французская революція должна была имѣть Солонѣ или Ликурга, Сійёсъ былъ бы способенъ сдѣлаться имъ; но въ новыя времена есть одинъ истинный законодатель — опытность. Тогда же думали иначе, и всѣ допускали, что Сійёсъ долженъ быть творцомъ новой конституціи; этого надѣялись, объ этомъ говорили; предполагали, что онъ уже составилъ ее, долго облумывасую, что это было твореніе глубокое, удивительное, и что, избавившись теперь отъ препятствій, противопоставленныхъ ему революціонными страстями, онъ можетъ воспроизвести ее; что онъ будетъ законодателемъ, а генераль Бонапарте администраторомъ новаго правленія, и что вмѣстѣ они сдѣлають Францію могущественною и счастливою. Каждая эпоха револю-

ція имѣла свои иллюзіи: настоящая эпоха должна была также имѣть свои; но эта мечта должна была быть послѣднею.

Итакъ, было положено, по общему согласію, что Сііеэсъ займется конституціей, и что генераль Бонапарте будетъ управлять. Дѣйстви- тельно, настояла крайняя необходимость въ управленіи, потому-что по- ложеніе во многихъ отношеніяхъ было плачевно; нравственный и ма- териальный безпорядокъ дошли до-нѣльзя.

Около Директоріи существовали двѣ партіи: партія революціонеровъ и роялистовъ. Первая имѣла между своими членами и некоторыхъ доволь- но-уважаемыхъ офицеровъ; то были: Бернадотъ, человекъ характера че- столюбиваго; Ожеро, храбрый солдатъ, чрезвычайно-безразсудный и, къ счастью, мало имѣвшій вліянія; наконецъ, Журданъ, хорошій гражда- нинъ, хорошій генераль, раздраженный своими военными неудачами и бросившійся въ неумѣренную оппозицію.

Партія роялистовъ внушала серьезныя опасенія, потому-что Вандея снова волновалась. Де-Шатильйонъ на правомъ берегу Луары, д'Оти- шанъ на лѣвомъ берегу ея, Жоржъ Кадудаль въ Морбиганъ, де-Бурмонъ въ Менъ, де-Фроттѣ на берегахъ Нормандіи, всѣ, возбуждаемые и под- держиваемые Англичанами, возобновили гражданскую войну.

Директорія, хотъ и рѣшившаяся воздерживать себя отъ наглыхъ по- ступковъ Конвента, не могла противиться всѣмъ насильственнымъ пред- ложеніямъ, которыя возобновлявшаяся война Вандеи обыкновенно внушала революціонерной партіи. Увлеченная движеніемъ умовъ, Ди- ректорія издала законъ о заложникахъ, въ-силу котораго всѣ тѣ, которые были родственниками или подозрѣвались въ сообществѣ съ Вандейцами, должны были быть задержаны и подвержены разнымъ наказаніямъ въ возмездіе за безпорядки въ Вандеѣ, за которую они отвѣтствовали, какъ заложники. Этотъ законъ, несправедливый и жестокой, только раз- дражилъ страсти, не разоруживъ ни одной руки въ Вандеѣ, и возбу- дилъ противъ Директоріи неслыханное ожесточеніе.

Войска Директоріи были въ плачевномъ состояніи. Въ особенности итальянская армія, отступившая, послѣ пораженія ея Суворовымъ при Нови и Тревін, къ Аппенинамъ, въ страну бесплодную, опустошенную войною, была предана въ жертву болѣзнямъ и самому ужасному голо- лу. Эти солдаты, покрытые рубищами, изпуряемые лихорадкою и го- лодомъ, просили милостыни на аппенинской дорогѣ, принужденные по- жрать мало-питательные плоды, которые произращала эта сухая, без- волная страна. Многіе изъ нихъ бѣжали дезертирами, увеличивая со- бою шайки разбойниковъ, которые на югъ, равно какъ и на востокъ Франціи грабили по большимъ дорогамъ. Случалось, что цѣлые корпуса покидали свои посты безъ приказа генераловъ и занимали другіе, на ко- торыхъ они надѣялись менѣе бѣдствовать. Море, страемое Англичана- ми, показывало имъ только непріятельскій флагъ и не приносило вовсе никакого подкрѣпленія. Двѣ девизіи уже полтора года не получали жа- лованья. Не было ни ружей, ни пушекъ, ни военныхъ снарядовъ. Ло- шади, которыхъ и то уже было недостаточно для артиллеріи и кавале- ріи, были почти всѣ жертвой болѣзней и голода.

Таковы были результаты управленія слабого, беспорядочнаго, и въ-особенности ужаснаго финансоваго разстройства.

Для поправленія финансовъ былъ придуманъ прогрессивный-форсированный заемъ, по которому большимъ капиталистамъ приходилось платить за военные издержки. Это было то, что во Франціи, во время терроризма, называлось «налогомъ на богатыхъ»,—то, что въ Англіи называли *income-tax* (налогъ на доходы), налогъ, которымъ Питтъ поддерживалъ ожесточенную войну противъ Франціи. Этотъ налогъ, распределенный не по цѣности недвижимыхъ имуществъ, что представляетъ известное основаніе, но по предполагаемому богатству частныхъ лицъ, — былъ выполненъ, хотя и съ трудомъ, въ Англіи, въ государствѣ правильномъ, регулярномъ, гдѣ ярость партій не дѣлала для себя изъ этого опредѣленія состояній средства мести. Эта отаготвительная мѣра, подававшая поводъ ко многимъ несправедливостямъ, возбуждала сильный ропотъ.

Наступилъ переломъ болѣзни, который часто ведетъ за собой возвращеніе здоровья, при томъ; однакоже, условіи, если еще остается довольно силы въ больномъ тѣлѣ, для котораго ожидается исцѣленіе. Силы Франціи были еще довольно-велики. Нація не была истощена морально и физически до того, чтобъ не желать отразить нападеніе иноземниковъ; ея войска были полны превосходныхъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ, нуждавшихся только въ рукъ, которая направляла бы ихъ. Вся эти силы готовы были соединиться добровольно подъ одну руку, если эта рука была способна управить ими. Итакъ, обстоятельства благоприятствовали лившемуся гениальному человеку, потому-что и самый гений имѣетъ нужду въ обстоятельствахъ.

Въ самый день своего вступленія въ Люксембургъ, три временные консула собрались, чтобъ разсуждать о государственныхъ дѣлахъ, не требующихъ отлагательства. Надо было избрать президента, и, не смотря на то, что возрастъ и положеніе Сійесса, казалось, ему предоставляли эту честь, Роже-Дюкô, хотя другъ его и какъ-бы увлеченный впечатлѣніемъ минуты, сказалъ генералу Бонапарте: «сядте въ кресла и начнемъ разсуждать». Генералъ Бонапарте сѣлъ тотчасъ же.

Послѣ этой первой конференціи, молодой генералъ сталъ подавать съ рывительностью свое мнѣніе, не дожидаясь мнѣній своихъ соврателей. Потолковавъ о дѣлахъ самой настоятельной необходимости, конференція разошлась, и Сійессъ, съ скромностью, которая дѣлаетъ честь его уму и патриотизму, сказалъ въ тотъ же вечеръ Талейрану и Рёдеру: «У насъ есть человекъ, который умѣетъ все дѣлать, который можетъ все дѣлать, который хочетъ все дѣлать». Онъ мудро заключилъ, сказавъ, что «надо предоставить ему дѣйствовать, потому-что въ эту минуту личные соперничества погубили бы Францію».

Прежде всего, надо было составить министерство. Юрисконсулъ Камбасересъ, человекъ ученый и большаго ума, остался управлять юстиціею. Фушѣ сохранилъ за собою министерство полиціи послѣ долгихъ преній между консулами: Бонапарте помнилъ услуги, оказанныя ему Фушѣ 18 брюмера. Талейранъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ сно-

шеній. Генераль Бертье, вѣрный спутникъ побѣдителя Италіи и Египта, его неразлучный начальникъ штаба, умѣвшій такъ хорошо понимать и отдавать его приказы, Бертье сдѣланъ военнымъ министромъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ знаменитый Лапласъ, который былъ здѣсь совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ. Годенъ, въ-послѣдствіи герцогъ гавтскій, по совету Сійеса, получилъ въ управленіе министерство финансовъ; въ-продолженіе пятнадцати лѣтъ онъ оказалъ на этомъ постѣ важныя услуги. Марé, въ-послѣдствіи герцогъ бассанскій, сдѣланъ секретаремъ консуловъ, подъ именемъ государственнаго секретаря. Отличаясь обширными свѣдѣніями, вѣрною памятью, испытанною честностью, онъ сдѣлался для генерала Бонапарте однимъ изъ любимыхъшихъ его сотрудниковъ.

Чтобъ утишить общее недовольство, консулы отменили прогрессивный—форсированный налогъ и прибѣгли къ новымъ средствамъ пополнить недостатокъ въ финансахъ. Вообще, на эту часть было обращено большее вниманіе. Генераль Бонапарте по нѣскольку разъ въ недѣлю работалъ самъ съ Годеномъ. Наконецъ представилась возможность водать помощь войскамъ, которыя не имѣли до-того ни одежды, ни пищи. Бонапарте, въ прокламаціи своей къ солдатамъ, заклиналъ ихъ потерпѣть еще нѣсколько дней и показать въ страданіяхъ то же мужество, которое они показали въ битвахъ.

«Солдаты!» говорилъ онъ: «ваши страданія велики; всѣ мѣры приняты помочь имъ. Первое качество солдата—переносить усталость и лишения; храбрость есть уже второе. Многіе полки покинули свои позиціи; они не внимали голосу своихъ офицеровъ. Семнадцатый линейный въ ихъ числѣ. Не-уже-ли умерли всѣ, эти храбрые Кастильоне, Риволи, Неймарка? Они бы скорѣе умерли, чѣмъ покинуть свои знамена; они бы привели своихъ молодыхъ товарищей къ чести и долгу. Солдаты! вамъ не выдается регулярно того, что вамъ слѣдуетъ, говорите вы? Что бы сдѣлали вы, еслибъ, подобно 4-му и 22-му легкимъ, 18-му и 32-му линейнымъ, вы очутились бы посреди степи, безъ воды и хлѣба, питаясь коняной и мулами? *Побѣда дастъ намъ хлѣба*, говорили они, а вы, вы покидасте свои знамена!

«Солдаты Италіи! новый генераль командуетъ вами; онъ былъ всегда въ авангардѣ въ красные дни вашей славы. Довѣрьтесь ему: онъ приведетъ въ ваши ряды побѣду.

«Я прикажу рапортовать мнѣ ежедневно о поведеніи всѣхъ полковъ, и особенно о 17-мъ легкомъ и 63-мъ линейномъ; они вспомнятъ о той довѣренности, которую я имѣлъ къ нимъ.»

Временное правительство отменило несправедливый законъ о заложникахъ, дозволило возвратиться духовнымъ, подвергшимся ссылкѣ и изгнанію 18 фрюкtidора; освободило изъ темницъ и выслало изъ республики эмигрантовъ, которые, выкинутые кораблекрушеніемъ на берегъ Каэ, въ-продолженіе четырехъ лѣтъ были узниками во Франціи, и подвергались тяжкому наказанію за вооруженную эмиграцію. Всѣ эти дѣйствія правительства были приняты народомъ съ большимъ восторгомъ. Общее мнѣніе возставало противъ наказанія, опредѣленнаго от-

чайнымъ республиканцамъ, хотя само плохо было расположено къ нимъ. Тридцать-восемь членовъ этой партіи были осуждены въ ссылку въ Гвіану, и восемнадцать на заключеніе въ Ла-Рошеля. Въ этомъ числѣ были мерзавцы, и особенно одинъ, который хвалился тѣмъ, что убилъ княгиню де-Ламбаль, но были и честные люди, члены двухъ со-вѣтовъ, и преимущественно одинъ человекъ, известный и почтенный, генералъ Журданъ. Наказаніе это было замѣнено простымъ полицей-скимъ надзоромъ, а вскорѣ и самый надзоръ отмененъ.

Во всѣхъ неустройствахъ, подобно тому, какъ въ болѣзни, есть зло дѣйствительное, реальное, и другое, порождаемое воображеніемъ; одно способствуетъ къ тому, чтобъ сдѣлать другое болѣе-невыносимымъ. И уже очень-много значить, если уничтожить это дѣйствіе воображенія, потому-что этимъ уменьшается самое дѣйствительное зло, и внушается страдальцу терпѣніе выждать исцѣленія, и, главнѣйше, предрасполагаетъ его принять это исцѣленіе.

Появленіе генерала Бонапартѣ у кормила власти уничтожило зло, порожденное воображеніемъ. Стали имѣть довѣріе, все принимали въ хорошую сторону. Правда, вещи сами-по-себѣ имѣли въ себѣ много добраго, потому-что было добрымъ дѣломъ освободить заложниковъ, дать прощеніе осужденнымъ духовнымъ, показать Европѣ расположеніе къ миру; но важнѣе всего то, что всѣ были расположены считать эти дѣла добрыми.

Со всѣхъ сторонъ разносились вѣсти, основанныя на словахъ тѣхъ, которые работали вмѣстѣ съ молодымъ консуломъ; говорили, что этотъ воинъ, выше котораго не ставили ни одного генерала настоящаго времени и почти ни одного изъ временъ прошедшихъ, что этотъ воинъ, сверхъ-того, былъ искусный администраторъ, глубокомысленный по-литикъ. Всѣ спеціальные люди, которыми онъ окружилъ себя и кото-рыхъ слушалъ внимательно, часто озаренные сами вѣрностью и быстротой его взглядовъ, выходили отъ него покоренные имъ, проникнутые удивленіемъ. И вскорѣ эти вѣсти стали повторять всѣ безъ-умолку, пото-му-что это вошло уже въ моду. Всего только мѣсяць, какъ генералъ Бонапартѣ началъ заниматься дѣлами правленія, и уже впечатлѣніе, произведенное этимъ мощнымъ умомъ, было всеобщее и глубокое.

Отвсюду смотрѣли на него, какъ на человека, которому новая кон-ституція должна присвоить наибольшую часть исполнительной власти. Другіе генералы громко говорили, что роли Цезаря и Кромвеля были *изношены*, недостойны генія и доблести юнаго спасителя Франціи. Хо-тѣли, чтобъ достаточное сосредоточеніе власти въ его рукахъ, съ нѣ-которыми обезпеченіями свободы, позволило ему править республи-кою счастливо и славно. Это было желаніе умѣренныхъ революціо-неровъ, въ то время самыхъ многочисленныхъ. Восторженные револю-ціонеры, упорствуя видѣть въ молодомъ генералѣ Кромвеля или Цеза-ря, желали, однакожь, для обезпеченія безопасности собственной своей головы и своихъ національныхъ имуществъ, чтобъ онъ имѣлъ время отдалить Бурбоновъ и Австрійцевъ. Роялисты требовали отъ него, чтобъ онъ спасъ ихъ отъ революціонеровъ, и, подобно Монку, возстановилъ

масть; они все еще не теряли надежды, что онъ, возстановивъ ее, отдастъ имъ; и они были готовы въ такомъ случаѣ заплатить ему за это возстановленіе, хотя бы, напримѣръ, ролью коннетабля Лудовика XVIII, еслибъ пошло на то.

Такимъ образомъ, всѣ уступали ему верховную власть болѣе или менѣе неограниченно, болѣе или менѣе на долгое время, и изъ различныхъ видовъ.

Сійесъ, между-тѣмъ, какъ неутомимый товарищъ Бонапарте, правилъ Франціею и занялся наконецъ возложеннымъ на него порученіемъ. Дать конституцію Франціи, не одну изъ тѣхъ эфемерныхъ конституцій, смѣшныхъ произведеній невѣжества и страстей партій, но конституцію ученую, основанную на наблюденіи обществъ и урокахъ опыта, было мѣтою его жизни. Въ своихъ уединенныхъ и меланхолическихъ размышленіяхъ, онъ занимался этимъ безпрестанно. Онъ думалъ объ этомъ посреди чистосердечныхъ, но запальчивыхъ увлеченій Законодательнаго собранія, посреди мрачныхъ неистовствъ Конвенціи, посреди слабостей Директоріи. Во всякую эпоху онъ снова передѣлывалъ трудъ свой; наконецъ, онъ утвердился, и разъ уже утвердившись, ничего не хотѣлъ измѣнять въ своемъ планѣ. Онъ ничѣмъ не хотѣлъ пожертвовать обстоятельствамъ времени, ни даже главнѣйшему изъ всѣхъ обстоятельствъ—генералу Бонапарте, для котораго надо было, однакожь, приготовить мѣсто, сообразное съ гениемъ и характеромъ того, для кого оно предназначалось.

Этотъ оригинальный законодатель, все только размышлявшій, но писавшій не болѣе того, сколько дѣйствовалъ, никогда не излагалъ письменно своей конституціи. Она была въ головѣ его, и было необходимо, чтобъ она вышла оттуда. Это было для него не легко, какъ ни желалъ онъ видѣть ее воиспроизведенною и превращенною въ законъ. Многіе упрашивали его съязать ее извѣстною, и онъ рѣшился наконецъ сообщить свою мысль одному изъ друзей своихъ, Булэ де-ла Мёртъ (*de la Meurthe*), который взялся переводить ее на бумагу по мѣрѣ соизнаній, которыя они будутъ имѣть другъ съ другомъ. Такимъ-то образомъ, эта замѣчательная концепція могла быть схвачена съ точностію и сохранена для потомства.

Сійесъ употребилъ все усиліе своего ума, чтобъ соединить въ своемъ планѣ республиканскія и монархическія начала. Сійесъ, въ своемъ обычномъ догматизмѣ, составилъ правило: *Довѣренность*, говорилъ онъ, *должна приходить снизу, а власть свыше (la confiance doit venir d'en bas, et le pouvoir d'en haut)*. Для осуществленія этого правила, онъ придумалъ систему народнаго представительства въ слѣдующемъ видѣ.

Всякій Французъ двадцати-одного года отъ рода, обязанъ былъ, если хотѣлъ пользоваться своими правами, записаться въ реестръ, называвшійся гражданскимъ реестромъ (*registre civique*). Это могло составить число въ пять или шесть милліоновъ гражданъ, допущенныхъ къ пользованію своими политическими правами. Они должны были собираться по округамъ (*arrondissements*) (предполагалось предложить это раздѣленіе, которое тогда еще не существовало) и выбрать десятую

часть изъ среды себя, что и составляло первый списокъ, на которомъ было отъ пятисотъ до шести сотъ тысячъ человекъ. Собираясь въ свою очередь по департаментамъ и избирая еще изъ среды себя десятую часть, они составляли второй списокъ, состоявшій изъ гражданъ въ числѣ отъ пятисотъ до шестидесяти тысячъ. Эти уже дѣлали послѣдній выборъ опять десятой части изъ среды себя, и образовывали послѣдній списокъ, который ограничивался пятью или шестью тысячами кандидатовъ. Эти три списка назывались списками выборныхъ (*listes de notabilité*).

Первый назывался спискомъ общинныхъ выборныхъ; отсюда должно было назначать членовъ въ муниципальныя правленія, окружные советы и должностныхъ лицъ, имъ соответствовавшихъ, каковы мэры, чиновники, которые теперь называются подпрефектами, судьями первой инстанціи и проч. Второй списокъ назывался спискомъ департаментскихъ выборныхъ, и изъ нихъ-то надо было избирать членовъ совета департаментовъ, чиновниковъ, названныхъ въ послѣдствіи префектами, апелляціонными судьями и проч. Третій и послѣдній списокъ былъ списокъ національныхъ выборныхъ, и отсюда обязаны были брать всѣхъ членовъ законодательнаго сословія (*le corps législatif*), всѣхъ чиновниковъ высшей степени, государственныхъ советниковъ, министровъ, судей кассационнаго трибунала, и проч., и проч. Сидѣсь, заимствуя фигуру изъ геометріи, чтобъ дать вѣрную идею о національномъ представительствѣ, широко въ основаніи, суживающимся къ вершинѣ, называлъ его пирамидою.

Ежегодно масса гражданъ должна была сходиться для исключенія изъ этихъ списковъ тѣхъ именъ, которыя сдѣлались недостойными стоять на нихъ, и для замѣщенія ихъ новыми. Во всякомъ случаѣ, агенты, призванные къ отправленію совершенно-спеціальныхъ должностей, непредполагающихъ никакой политической довѣренности, каковы, напримеръ, отчетчики (*les comptables*), или агенты, призванные къ отправленію столь трудныхъ должностей, что достоинство, лишь-только оно встрѣчается, должно быть взято, гдѣ бы ни нашли его, каковы генералы и посланники,—эти агенты не были обязательно избираемы изъ списковъ выборныхъ.

Власти законодательная и исполнительная должны были сами избирать своихъ членовъ изъ списковъ выборныхъ, и такимъ-образомъ сами должны были составлять себя.

Законодательная власть должна была быть организована слѣдующимъ образомъ: сначала собственно-такъ-называемое законодательное сословіе, находящееся между двухъ противоположныхъ учрежденій, трибуната и государственнаго совета, потомъ, отдѣльно и выше ихъ, предполагался консервативный сенатъ.

Законодательное сословіе состояло изъ 300 членовъ; оно не разсматривало законовъ, а подавало о нихъ молча окончательный приговоръ.

Учрежденіе, состоящее изъ 100 членовъ, называемое трибунатомъ, получало сообщаемые ему законы, публично разсуждало о нихъ и подавало свой голосъ, который представлялся на утвержденіе или неутвержденіе

законодательному сословію. Оно назначало трехъ изъ сложъ членовъ, для поддержанія своего мнѣнія предъ этимъ сословіемъ.

Государственный советъ — зародышъ того, который существуетъ во Франціи нынче, но болѣе-значительный по важности и привилегіямъ, долженъ былъ составлять проекты законовъ; онъ представлялъ ихъ законодательному сословію и посылалъ трехъ своихъ членовъ, чтобъ оспаривать ораторовъ трибуната. Такимъ-образомъ, передъ законодательнымъ сословіемъ государственный советъ говорилъ *pro*, а трибунатъ *contra* (когда онъ отвергалъ законъ), а само сословіе молча утверждало или отвергало этотъ законъ. Только его приговоръ давалъ характеръ законности. Государственный советъ, кромѣ того, долженъ былъ исполнять законы регламентами, необходимыми для ихъ исполненія.

Наконецъ, сенатъ. Это учрежденіе, состоявшее изъ 100 членовъ, не принимало никакого участія въ этомъ законодательномъ трудѣ. Оно было уполномочено—по собственной волѣ, или въ-слѣдствіе доносеній трибуната, уничтожать всякій законъ, или всякій правительственный актъ, который бы показался ему противнымъ конституціи. Поэтому-то онъ и назывался консервативнымъ. Онъ долженствовалъ состоять изъ людей, достигшихъ зрѣлаго возраста, лишенныхъ, единственно по поступленію своему въ сенатъ, всякой активной функціи, и въ-слѣдствіе того исключительно-ограниченныхъ своею ролью консерваторовъ и имѣвшихъ для поощренія къ надлежащему ея выполненію значительный интересъ, востому-что Сійёсъ хотѣлъ, чтобъ имъ положено было богатое содержаніе.

Таковы были привилегіи разбирательствующихъ властей. Вотъ способъ ихъ образованія.

Сенатъ составлялся самъ, избирая своихъ членовъ изъ списка національныхъ выборовъ. Онъ назначалъ также членовъ набирательнаго сословія, трибуната, кассационнаго трибунала, избирая ихъ балотированіемъ изъ того же списка національныхъ выборныхъ.

Исполнительная власть также избирала саму-себя, выбирая своихъ агентовъ изъ одного изъ списковъ выборныхъ, по принадлежности.

Такимъ-образомъ, по мысли Сійёса, *доверенность приходила снизу, власть приходила сверху.*

Но какъ подъ законодательною властью было высшее лицо, творящее, сенатъ, такъ надъ исполнительной властью былъ высшій творецъ, назначавшій министровъ, которые потомъ должны были назначать подчиненныхъ чиновниковъ, до последней степени іерархіи. Такимъ-образомъ, во главѣ исполнительной власти былъ поставленъ Сійёсомъ *великій-избиратель (le Grand Electeur)*. Это верховное лицо имѣло только одно дѣло: оно должно было назначать двухъ высшихъ агентовъ: консула мира и консула войны. Эти консулы уже назначали министровъ, которые, подъ своею личною отвѣтственностью, избирали другія власти, управляли, распоряжались, словомъ, вели государственныя дѣла.

Великому-избирателю назначалось великолѣпное содержаніе. Онъ былъ производительное правительственное начало, онъ также былъ и высшій представитель. Это бездѣйствіе, къ которому Сійёсъ хотѣлъ

привести сенаторовъ, чтобъ завѣрить ихъ безпристрастіе, и которое онъ хотѣлъ вознаграждать ежегоднымъ доходомъ во сто-тысячъ ливровъ съ національныхъ имуществъ, это бездѣйствіе, налагаемое на избирателя съ подобною же цѣлью, было еще богаче вознаграждено, потому-что онъ предназначался представлять собою цѣлую республику. Сійѣсъ хотѣлъ назначить ему содержаніе въ шесть милліоновъ, сверхъ-того дать роскошное помѣщеніе, каковъ, на-прим., Тюльери въ Парижѣ, Версаль за городомъ, и еще гвардію въ три тысячи человекъ. Его вмѣнѣе должна была твориться правда, должны были быть издаваемы законы, приводимы въ исполненіе правительственные акты. Къ нему должны были быть аккредитованы иностранные министры; его подписью утверждаемы трактаты Франціи съ иностранными державами. Словомъ, онъ соединялъ съ важнымъ правомъ назначать двухъ дѣйствующихъ правительственныхъ властителей блескъ, — хоть суетный, — вѣшняго представительства; на немъ должна была блистать вся роскошь націи образованной, утонченной и великолюбною.

Сійѣсъ не осмѣлился предложить наследственного избирателя; онъ назначилъ чрезъ самое безпристрастнѣйшее изъ государственныхъ учрежденій, сенатъ, избирать это верховное лицо, которое и само было поставлено такъ высоко за тѣмъ только, чтобъ быть, въ двухъ своихъ избраніяхъ, какъ-можно-менѣе-пристрастнымъ.

Послѣднее и ужасное распоряженіе довершало это столь хитро-слепотное твореніе.

Сенатъ, который могъ уничтожить всякій противоконституціонный актъ, получилъ, сверхъ-того, право исторгать великаго-избирателя отъ отправленія его должности, назначая его сенаторомъ противъ воли. Это-то Сійѣсъ называлъ *поглощать*, *absorber*. Сенатъ могъ это дѣлать равно въ-отношеніи къ каждому гражданину, котораго значительность или таланты могли затмѣвать республику. Такимъ-образомъ, гражданинъ, котораго подвергли насильственному бездѣйствію, давали въ вознагражденіе значительность, благому праздному членовъ сословія, которое не могло дѣйствовать само-по-себѣ, но которое могло своимъ veto воспрепятствовать всякому дѣйствію.

Теперь, предположимъ времена болѣе-мирныя; предположимъ, что конституція Сійѣса мирно осуществлена на практикѣ въ эпоху, когда вѣстоительная нужда въ мощной рукѣ, какова была рука генерала Бонапарте, не господствовала бы надъ всеми соображеніями,—что бы вышло?.. Вскорѣ сенатъ, назначившій по своей воли избирателя и имѣя власть ежеминутно уничтожить его, держа его въ своей неограниченной зависимости, былъ бы почти всѣмъ; а чѣмъ былъ бы онъ? Венеціанской аристократіею, съ ея золотою книгою, съ ея пышнымъ и ничтожнымъ дожемъ, долженствовавшимъ ежегодно обручаться съ Адриатическимъ-Моремъ. Зрѣлище любопытное и достойное размышленія!

Система Сійѣса поразила умы новизною, оригинальностью и великимъ искусствомъ соображеній.

Сійѣсъ рѣшился на предложеніе, подобное тому, по которому Конвентъ продалъ свое существованіе въ двухъ Совѣтахъ Старейшинъ и Пяти-

сотенномъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ всѣ лица, занимавшія съ 1789 г. общественныя должности, бывшія членами различныхъ собраній, законодательныхъ, департаментскихъ или муниципальныхъ, были по праву включены въ списки выборныхъ, и чтобъ эти списки не были передѣланы въ-продолженіе десяти лѣтъ. Сверхъ-того, Сійёсъ, Роже-Дюкэ и генералъ Бонапарте должны были на первый разъ назначить лица въ государственныя сословія, въ силу права, которое они присвоили себѣ — дать новую конституцію. Такимъ-образомъ, Сійёсъ принялъ свои предосторожности противъ необходимости новаго 18 фрюктидора, обезпечивъ на десять лѣтъ приведеніе въ дѣйствіе своей конституціи людьми, въ которыхъ онъ былъ увѣренъ. Идея Сійёса должны были удовлетворить всѣмъ интересамъ. Уже всякій считалъ на вѣрное, что онъ будетъ сенаторомъ, законодателемъ, государственнымъ совѣтникомъ, трибуномъ, а эти должности были богато вознаграждаемы.

Законодатель Сійёсъ нашелъ себя многочисленныхъ поклонниковъ. Никто не находилъ въ этомъ новомъ устройствѣ мѣста генералу Бонапарте. Нѣкоторые умы, неспособные понимать безкорыстіе глубокаго мыслителя, который думалъ только, какъ соединить между собою свои предначертанія; а отсюда не о томъ, чтобъ согласить пружины своей конституціи съ своимъ личнымъ интересомъ, нѣкоторые умы утверждаютъ, что великій-избиратель не могъ быть выдуманъ для характера столь-дѣятельнаго, каковъ былъ генералъ Бонапарте, и что Сійёсъ вымыслилъ его для себя-самого, что онъ для себя приписалъ это мѣсто, и что назначалъ своему юному товарищу мѣсто военнаго консула. Но это предположеніе было неосновательно. Сійёсъ соединялъ съ великою силою мысли замѣчательную тонкость наблюденія и такъ хорошо оцѣнялъ свое личное положеніе и положеніе побѣдителя Италіи, что не могъ думать, что генералъ Бонапарте будетъ просто его министромъ. Въ этомъ онъ единственно покорился духу системы. Другіе истолкователи, не столь недоброжелательные, вѣрили въ свою очередь, что Сійёсъ действительно назначилъ мѣсто великаго-избирателя генералу Бонапарте, но съ цѣлью связать ему руки, и особенно для того, чтобъ въ скоромъ времени онъ поглощенъ былъ консервативнымъ сенаторомъ. До генерала Бонапарте, посреди его непрерывныхъ трудовъ, доходили слухи о проеткѣ Сійёса; онъ не хотѣлъ до времени мѣшать своему товарищу, твердо рѣшившись тогда устроить себѣ теплое мѣстечко. Однакожь, доходившія до него со всѣхъ сторонъ извѣстія наконецъ раздражили его, и онъ выразилъ свое негодованіе съ обыкновенною живостію своей рѣчи, живостію, въ которой онъ, бывало, раскаявался, но съ которой не могъ совладать.

Между-тѣмъ, другъ Сійёса, Букэ де-ла Мёртъ, и двое приближенныхъ генерала Бонапарте, Рёдереръ и Талеиравъ, рѣшились опять сблизить этихъ людей, столь важныхъ по своимъ талантамъ. Приготовлено свиданіе; оно должно было быть у генерала Бонапарте, въ-присутствіи Рёдерера и Талеирава. Свиданіе было безуспѣшно; Сійёсъ и Бонапарте душно обошлись другъ съ другомъ и разошлись, почти разсорившись.

Исчужденные примирители снова принялись за дѣло. Сійёсъ не соглашался ни на какія уступки; говорилъ, что броситъ все, покинетъ Па-

рижъ, уѣхать въ деревню и оставить одного молодого Бонапарте съ его рождающимся деспотизмомъ, открытымъ предъ всеми. «Онъ хочетъ вѣдать» говорилъ генераль: «пусть его вѣдетъ; я поручу составить конституцію Рѣдереру и удовлетворю общественное мнѣніе, которое требуетъ, чтобъ наконецъ это дѣло кончилось». Но онъ ошибался, говоря такимъ образомъ, потому-что ему тогда было еще очень-рано показать Франціи свой совершенно-обнаженный мечъ. Видя, что законодательныя комиссіи, испугавшись дерзкихъ словъ Люсіана Бонапарте и собственнаго его тона, принялись сами за составленіе проекта, Бонапарте смягчился. Послѣ втораго, болѣе-успѣшнаго свиданія съ Бонапарте, Сійесъ остался убѣжденнымъ, что Бонапарте приметъ его проектъ, исключая великаго-избирателя и нѣкоторыхъ привилегій сената.

Наконецъ, Бонапарте создалъ къ себѣ законодательныя отдѣленія (*Sections*); здѣсь Сійесъ съ силою мысли и слова изложилъ свой планъ, что произвело живое впечатлѣніе. «Все это прекрасно и глубокомысленно» сказалъ генераль: «однакожь, есть многіе пункты, требующіе серьезнаго разсмотрѣнія.» Эти разсужденія длились нѣсколько засѣданій, и, наконецъ, планъ Сійеса былъ принятъ съ большими ограниченіями и отмѣнами, такъ-что онъ сдѣлался только предлогомъ къ утверженію новаго порядка вещей. Достоинство вниманія, что всѣ конституціи до VIII года, какъ замѣчаетъ Минье, основывались на общественномъ договорѣ, а послѣ всѣ онѣ, до 1814 года, основывались на конституціи Сійеса.

Списки общинныхъ, департаментскихъ и національныхъ выборныхъ были одобрены. Сенатъ, въ правахъ котораго сдѣланы значительныя отмены, долженъ былъ состоять изъ 80 членовъ, вмѣсто 100, какъ хотѣлъ Сійесъ; 60 должны были быть избраны немедленно, а 20 остальныхъ по прошествіи десяти лѣтъ. Законодательное сословіе изъ 300, трибунатъ изъ 100. Сенаторамъ назначено ежегодное содержаніе въ 25,000 франковъ; законодателямъ въ 10,000; трибунамъ въ 15,000. Но планъ Сійеса подвергся ужасному искаженію при организаціи исполнительной власти.

Во время преній, генераль Бонапарте въ-особенности нападалъ на назначеніе великаго-избирателя. «Вашъ великій-избиратель» говорилъ онъ Сійесу: «настоящій бездѣйственный король (*roi fainéant*), а время бездѣйственныхъ королей уже прошло. Какой человекъ съ умомъ и сердцемъ захотѣлъ бы подвергнуться такой бездѣйственности за шесть милліоновъ и за квартиру въ Тюльери? Какъ! назначать людей, которые бы дѣйствовали, и не дѣйствовать самому! Этого нельзя допустить. Къ-тому же, вы увѣрены, что этимъ способомъ заставите великаго-избирателя не вмешиваться въ правленіе? Еслибъ я былъ этимъ великимъ-избирателемъ, я постарался бы дѣлать еще и все то, чего бы вы не хотѣли, чтобъ я дѣлалъ. Я сказалъ бы обоимъ консуламъ мира и войны: если вы не выберете такого-то, или если вы не примете такой-то мѣры, я васъ отрѣшу, — и заставилъ бы ихъ поступать по-моему. Черезъ эту уловку, я бы опять сдѣлался полнымъ властелиномъ.»

Здѣсь генераль Бонапарте, съ своею обычною пронизательностью, говорилъ истину и признавалъ, что это бездѣйствіе великаго-избирателя

не было состояніемъ совершеннаго ничтожества, потому-что этотъ верховный сановникъ имѣлъ, въ известныя минуты, средство появиться снова всемогущимъ на аренѣ, гдѣ партіи оспариваютъ другъ у друга власть,—появиться за тѣмъ, чтобъ отнять ее у однихъ и вручить другимъ. Но эта высокая бдительность сановника, бросающаго по-временамъ рѣшительный перевѣсъ своей воли на вѣсы личныхъ честолюбій, не могла удовлетворить пылкаго молодаго человѣка.

Великій-избиратель погибъ подъ сарказмами молодаго генерала и подъ силою гораздо-большею, нежели сила сарказмовъ, — силою настольшей необходимости. Дѣйствительно, пужна была тогда совершенная диктатура, а власть, присвояемая великому-избирателю, далеко не могла удовлетворить потребностямъ обстоятельствъ.

Генералъ Бонапарте отвергъ также власть, даваемую сенату, власть *поглощенія* (absorption) не только въ-отношеніи къ великому-избирателю, но и въ-отношеніи ко всякому именитому гражданину, котораго величіе ввухало бы опасенія.

Генералъ не хотѣлъ, чтобъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ огромныхъ заслугъ, могли бы его живаго погребсти въ недрахъ сената и привести въ состояніе пасальственной праздности, посредствомъ пансіона въ 25,000 франковъ. Онъ получилъ удовлетвореніе и въ этомъ отношеніи, и вотъ какимъ образомъ окончательно организовалась исполнительная власть.

Назначили перваго консула, которому даны въ пособники два консула для того, чтобъ прикрыть хоть нѣсколько всемогущество перваго. Первый консулъ имѣлъ полное и исключительное право назначать членовъ общаго управленія республики, членовъ департаментскихъ и муниципальных совѣтовъ, администраторовъ, названныхъ въ-послѣдствіи подпрефектами и префектами, муниципальных агентовъ, и проч. Онъ назначалъ сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ, государственныхъ советниковъ, посланниковъ, гражданскихъ и уголовныхъ судей (а не мирныхъ судей, не членовъ кассационнаго трибунала). Онъ не могъ отрывать отъ должности разъ уже назначенныхъ судей.

Кромѣ назначенія должностныхъ лицъ по части административной, военной и судейской, первый консулъ имѣлъ въ рукахъ своихъ все управленіе республикою, всѣ военныя дѣла и дипломатію; онъ подписывалъ трактаты, но они, въ той же формѣ, какъ и законы, подлежали разсмотрѣнію и утвержденію законодательнаго сословія. При отправленіи этихъ различныхъ обязанностей, онъ долженъ быть вспомоществуемъ двумя другими консулами, имѣвшими только совѣщательный голосъ. Три консула были избраны на десять лѣтъ и потому могли быть избираемы снова, неопредѣленное число разъ. Осталось нѣчто отъ *поглощенія* (absorption), которое придумалъ Сійесъ. Первый консулъ, оставая свою должность въ-слѣдствіе отставки или инымъ какимъ-либо образомъ, дѣлался чрезъ то самое сенаторомъ, т. е. былъ исключаемъ на будущее время отъ другихъ общественныхъ должностей. Оба другіе консула, неимѣвшіе полноты власти, были свободны принять или не принять это богатое ничтожество, и дѣлались сенаторами только въ томъ

случай, когда соглашались на то. Первый-консулъ долженъ былъ подучать содержаніе въ 500,000 франковъ; оба другіе по 150,000 каждый. Они должны были все трое жить въ Тюльери и имѣть консульскую гвардію.

Таковы были главныя основанія знаменитой конституціи VIII года. Сійёсъ видѣлъ такимъ образомъ, какъ были уменьшены привилегіи сената, и какъ всемогущій владыка замѣнилъ его бездѣйствительнаго великаго-избирателя, что позже привело его конституцію не къ аристократіи, а къ деспотизму.

Генералъ Бонапарте былъ избранъ первымъ консуломъ на десять лѣтъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ былъ избранъ—онъ былъ уже обозначенъ для первой роли самымъ своимъ положеніемъ: его приняли изъ рукъ победы и необходимости. Теперь дѣло состояло въ томъ, какое мѣсто снискать для Сійёса? Этотъ великій человекъ не слишкомъ любилъ дѣла и еще-менѣе второстепенныя должности. Ему было не-подъ-стать быть помощникомъ молодаго Бонапарте, и отъ-того онъ отказался отъ чести быть вторымъ консуломъ. Мы скажемъ сейчасъ, какое ему было прискано мѣсто, болѣе-сообразное съ его характеромъ. Вторымъ консуломъ избранъ былъ Камбасересъ, превосходный юрисконсультъ, законовѣдецъ, пріобрѣвшій большое значеніе между политическими лицами того времени своими знаніями, благоразуміемъ и тактомъ. Онъ былъ теперь министромъ юстиціи. Лебрёнъ, отличный писатель, некогда бывшій редакторомъ эдиктовъ Мопу, весьма-опытный и знающій въ финансовомъ дѣлѣ и слишкомъ-кроткій для того, чтобъ быть несноснымъ спорщикомъ, Лебрёнъ былъ избранъ третьимъ консуломъ. Камбасересъ могъ очень замѣнять генерала Бонапарте въ управленіи юстиціею, Лебрёнъ могъ съ пользою пособлять ему въ управленіи финансами, а оба вмѣстѣ много могли помогать ему, безъ всякаго съ своей стороны противодѣйствія.

Надобно было приступить къ составленію совѣщательныхъ государственныхъ учреждений. Здѣсь сама-собою отыскалась естественная роль для Сійёса. Въ конституціи было сказано, что сенатъ избересть членовъ всѣхъ совѣщательныхъ учреждений. Теперь надо было знать, кто будетъ составлять сенатъ, на первый разъ. Особенною статьею конституціи было положено, что Сійёсъ и Рожэ-Дюкò, которые оставали консульство, вмѣстѣ съ новыми консулами Камбасересомъ и Лебрёномъ, назначутъ большинство членовъ сената, т. е. изъ 60 членовъ 31. Это 31 сенаторъ, избранные такимъ образомъ, должны были цѣломъ выбаллотировать остальныхъ 29 сенаторовъ. Сенатъ, однажды укомплектованный, долженъ былъ самъ составить законодательное сословіе, трибунатъ и кассационный трибуналъ.

Такимъ образомъ, генералъ Бонапарте сдѣлался главою исполнительной власти; но въ то же время, для приличія, надо было исключить его отъ составленія совѣщательныхъ учреждений, призванныхъ контролировать собственные его поступки; этотъ трудъ главнѣйше былъ возложенъ на законодателя Франціи, Сійёса, для котораго впрямь роль дѣятельная была уже окончена, и ему назначено было, для успокоенія отъ дѣла, президентство въ сенатѣ.

Конституція, установленная въ ночь съ 12 на 13 декабря (съ 21 на 22 Фримера), была обнародована 15 декабря 1799 г. (24 Фримера VIII года), къ великому удовольствію ея составителей и самого народа.

Она очаровала умы новостью идей, искусствомъ хитросплетеній.

Прокламація оканчивалась словами:

«Граждане, революція кончена!»

Два такіе человека, каковы генералъ Бонапарте и Сійесь, восклицавшіе въ 1800 году: «Революція кончена!» — какое странное доказательство заблужденій ума человѣческаго! Однакожь, надо признаться, кое-что было уже действительно окончено, именно анархія.

Сійесь, вручивъ генералу Бонапарте мечъ, служившій къ диспроверженію Директоріи, давъ конституцію, предоставилъ Франціи пожизненной дѣятельности молодого консула, и удался самъ въ нѣдра той созерцательной праздности, которую онъ предпочиталъ безпокойному волненію дѣловой жизни. Новый первый консулъ хотѣлъ дать законодателю Франціи свидѣтельство національной признательности: онъ предложилъ законодательнымъ комиссіямъ подарить ему кронскую землю (*la terre de Crosne*). Этотъ даръ былъ предложенъ Сійесу съ изъясненіемъ самыхъ благородныхъ выраженій общественной благодарности. Сійесь испыталъ живое удовольствіе, потому-что, не смотря на свою непоколебимую честность, онъ былъ чувствителенъ къ пріятностямъ, доставляемымъ богатствомъ, и долженъ былъ также быть тронутъ возвышеннымъ и деликатнымъ способомъ, съ какимъ ему была назначена эта національная награда.

Все было улажено, чтобъ конституція начала свое дѣйствіе съ первыхъ дней января 1800 г. (нвѣоза VIII года), т. е. съ первыхъ дней года, заключившаго собою этотъ великій вѣкъ.

Генералъ Бонапарте уже сдѣлалъ много со времени своего возвращенія изъ Египта: онъ диспровергъ Директорію, получалъ власть, по видимому низшую, но въ сущности высшую, нежели власть конституціоннаго государя. Но онъ только-что ухватился за нее, и надо было узаконить обладаніе ею полезными трудами, великими дѣяніями. Итакъ, ему оставалось совершить еще нецѣлѣнно-многое, и его цѣльми опыты въ перестройкѣ новой организаціи общественнаго порядка были не болѣе, какъ усиленіе, безъ сомнѣнія, счастливымъ, но оставившимъ въ странѣ еще много безпорядковъ, глубокихъ страданій, недостатковъ въ казнѣ, бѣдственное состояніе арміи, пламя гражданской войны въ Вандей, неизвѣстность въ расположеніи нейтральныхъ государствъ, истинное остервененіе къ продолженію борьбы въ воюющихъ частяхъ. И при всемъ томъ, это завладѣніе властью, приспѣвшее по уже совершенныхъ имъ первыхъ трудовъ, и предшествовавшее громкимъ подвигамъ, которые совершить онъ скоро надѣялся, очаровало его честолюбивое сердце.

Для ознаменованія начала своего правленія, онъ совершилъ цѣлый рядъ дѣяній, тщательно сгруппированныхъ воедино, дѣяній, въ которыхъ означивалась глубокая политика, очевидная радость, и это великодушное, вдохновляемое внутреннимъ довольствомъ во всякую живую и бла-

городную душу. Эти мѣры следовали одна за другою съ 25-го декабря (4 нивоза), дня учрежденія консульскаго управленія, по 1-е января 1800 г. (11 нивоза), день открытія перваго законодательнаго засѣданія.

Родственники эмигрантовъ и прежніе дворяне были допущены къ управленію общественныхъ должностей.

Многіе изгнанники, и особенно изгнанники 18 Фруктидора, получили позволеніе возвратиться въ отечество, съ обязанностью жить въ назначенныхъ имъ мѣстахъ; нѣкоторымъ изъ нихъ было дозволено вѣхать въ Парижъ. Стараніе поселить въ столицу, хотя она не была ихъ родиною, такихъ людей, какъ Карно, Симеонъ, Порталисъ, показывало довольно-ясно, что правительство имѣло на нихъ виды, и располагало воспользоваться ихъ талантами.

Были приняты мѣры относительно вѣроисповѣданій и свободнаго ихъ отправленія. Церкви снова были отданы священнодѣйствующимъ, и разрѣшено отправлять въ нихъ богослуженіе, предписанное каждымъ вѣроисповѣданіемъ.

Отъ священниковъ постановлено требовать только присягу на вѣрность конституціи.

Наконецъ, къ этимъ мѣрамъ, новый первый-консулъ присовокупилъ еще одну, которая должна была, въ глазахъ всего свѣта, принадлежать ему болѣе-непосредственно, потому-что она напоминала въ некоторомъ смыслѣ его личныя отношенія. Онъ велъ переговоры съ папою Піемъ VI и подписалъ у воротъ Рима толентинскій трактатъ съ 1797 г., онъ выказывалъ большое вниманіе къ этому главѣ католической церкви, и получалъ отъ него за то изъясненіе благоволенія. Піи VI, скончавшійся въ Валласѣ, въ Дофинѣ, еще былъ лишенъ почести погребенія. Его смертныя останки лежали въ какой-то ризницѣ. Генералъ Бонапарте, возвратясь изъ Египта, видѣлся въ Валансѣ съ кардиналомъ Спінною, узналъ эти подробности, и твердо рѣшился поправить вскорѣ это совершенно-непримѣчное забвеніе.

Было постановлено въ опредѣленія консуловъ воздать первосвященнику почести погребенія и воздвигнуть памятникъ, который бы свидѣтельствовалъ о доблести погребеннаго владыки.

Это произвело болѣе эффекта, нежели самыя челолюбивыя мѣры, потому-что эта мѣра поражала, изумляла воображеніе людей, привыкшихъ къ инымъ зрѣлищамъ.

Табель революціонныхъ праздниковъ заключала въ себя одинъ придуманный въ очень-вѣсчастную минуту: это было торжество, празднуемое 21 января. Каково бы ни было чувство людей всѣхъ партій въ-отношеніи къ этому трагическому событію, совершившемуся въ это число, во всякомъ случаѣ это былъ варварскій праздникъ, имѣвшій предметомъ воспоминаніе кровавой катастрофы. Генералъ Бонапарте во время Директоріи, уже обнаружилъ живое отвращеніе присутствовать на немъ, не потому, чтобъ онъ думалъ уже тогда чествовать королевскую власть, которую долженъ былъ нѣкогда возстановить въ свою пользу, но онъ любилъ всенародно идти на-перекоръ страстямъ, которыхъ не раздѣлялъ. Сдѣлавшись теперь главою правительства, онъ за

ставилъ законодательныя комиссіи постановить, что будетъ праздноваться только два праздника: 14-го іюля — годовщина перваго дня революціи, и 1-го вандимьера — годовщина перваго дня республики.

Нужно было все могущество, вся смѣлость главы новаго правительства, чтобъ позволить себѣ цѣлый рядъ мѣръ, которыя, хотя и были очень-справедливы и нравственны самъ-по-себѣ, казались однакожь многими горячими головамъ дѣйствіями, предшествующими совершенной контр-революціи. Но, дѣлая все это, генералъ Бонапарте старался то самъ подавать первый примѣръ забвенія политическихъ распрій, то возбуждать это чувство славы, посредствомъ котораго управлялъ онъ людьми своего времени и исторгалъ ихъ изъ низкихъ страстей партій. Такимъ образомъ, генералъ Ожеро оскорбилъ его исприличными поступками въ день 18 брюмера; не смотря на то, онъ назначилъ его командиромъ голландской арміи.

«Покажите» писалъ онъ ему въ письмѣ, которое было обнаружено: «покажите во всѣхъ дѣйствіяхъ, которыя совершить вамъ позволятъ ваше начальствованіе, что вы стоите выше этихъ жалкихъ раздѣлений партій, которыя, къ-несчастію, уже десять лѣтъ терзаютъ Францію... Если обстоятельства принудятъ меня самого вести войну, будьте увѣрены, я не оставлю васъ въ Голландіи, и не забуду никогда прекраснаго дня Кастильйоне.»

Въ то же время онъ сдѣлалъ прелюдію къ учрежденію ордена почетнаго-легіона, учредивъ почетныя оружія. Какъ-бы въ-свидѣствіе одной статьи конституціи, первый консулъ приказалъ постановить, чтобы за всякій чрезвычайный подвигъ давались пѣхотинцамъ почетныя ружья, кавалеристамъ почетныя мушкетоны, артиллеристамъ почетныя граматы, и наконецъ почетныя сабли офицерамъ всѣхъ чиновъ. На другой день послѣ учрежденія почетныхъ оружіи (25 декабря, 4 нивоза), первый консулъ присовокупилъ къ тому и положительные факты. Онъ пожаловалъ генералу Сен-Сіру саблю за блистательное сраженіе, данное имъ въ Аппенинахъ. «Пріймите» говорилъ онъ: «какъ свидѣтельство моего удовольствія, эту прекрасную саблю, которую вы будете носить во дни битвы. Объявите солдатамъ, состоящимъ подъ вашимъ начальствомъ, что я доволенъ ими, и что надѣюсь быть ими еще болѣе довольнымъ.»

Къ этимъ дѣйствіямъ, свидѣтельствовавшимъ объ усиленіи его власти, показывавшимъ характеръ его правленія и его расположеніе стать выше всѣхъ страстей партій, первый консулъ присовокупилъ непосредственно поступки еще болѣе-значительныя, болѣе-важныя, какъ въ-отношеніи къ Вандеѣ, такъ и въ-отношеніи къ европейскимъ державамъ.

Съ Вандейцами было теперь перемиріе. Генералъ Бонапарте оставилъ мало надежды роялистамъ, мечтавшимъ, что онъ возстановитъ домъ Бурбоновъ. Вандейскіе предводители были въ недоумѣніи; они были поставлены между страхомъ, внушаемымъ имъ свлою новаго правительства, и убѣжденіемъ лондонскихъ эмигрантовъ, уполномоченныхъ обѣщать имъ, отъ имени Питта, оружіе, деньги и высадку войска.

Независимо отъ вреда, наносимаго Вандеею войскамъ республики, чрезъ поглощеніе лучшей части ея силъ, гражданская война казалась генералу Бонапарте не только бѣдствіемъ, но въ некоторомъ родѣ безчестіемъ для правительства, потому-что она свидѣтельствовала о плачевномъ состояніи внутреннихъ дѣлъ государства. Онъ вывелъ изъ Голландіи часть войска подъ начальствомъ Брюна, присоединилъ къ ней часть парижскаго гарнизона, который значительно уменьшать онъ не боялся нисколько, пополняя матеріальную силу волшебствомъ своего имени, — и такимъ образомъ собралъ на западъ превосходную армию, около 60,000 человекъ.

Первый консулъ издалъ прокламацію къ инсургентамъ, обѣщалъ полную и совершенную амнистію тѣмъ, которые покорятся и положатъ оружіе, доставленное Англіею. Это объявленіе, подкрѣпленное страшною силою, могло произвести свое дѣйствіе, особенно со стороны правительства, совершенно-чуждаго крайностямъ и ошибкамъ, дававшимъ предлогъ къ гражданской войнѣ.

Поступивъ такимъ образомъ въ-отношеніи къ внутреннимъ врагамъ, первый консулъ рѣшился обратиться съ мирными предложеніями къ двумъ державамъ, Австріи и Великобританіи, которыя готовы были съ ожесточеніемъ вести съ Франціею войну.

Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, чтобъ избѣжать униженія въ случаѣ отказа, прибѣгаютъ къ косвеннымъ попыткамъ. Но генералъ Бонапарте хотѣлъ сдѣлать это болѣе-торжественнымъ, и потому, вмѣсто того, чтобъ отправить ноты къ лорду Гренвиллю или къ Туруту, онъ написалъ непосредственно письма къ англійскому королю и германскому императору.

Въ ожиданіи результата отъ своихъ попытокъ, первый консулъ открылъ 1 января 1800 г. (11 нивоза VIII г.) законодательное засѣданіе, и рѣшился посвятить это время начертанію новыхъ законовъ, административной перестройкѣ Франціи.

Наконецъ, заключенъ былъ навсегда листъ эмигрантовъ; всѣмъ гражданамъ дана полная свобода уѣзжать изъ Франціи въ чужіе края, и подобный выѣздъ пересталъ счтаться преступленіемъ. Многіе изъ прежнихъ эмигрантовъ были возвращены. Получила же обратно свои достоянія только тѣ изъ нихъ, которыхъ имѣнія были секвестрованы, но еще не проданы.

Въ это же время былъ учрежденъ въ Парижѣ Французскій-Банкъ (*la Banque de France*), тотъ самый, который существуетъ и нынѣ.

Между-тѣмъ, былъ присланъ отвѣтъ на письмо перваго-консула къ англійскому королю. Англійскому кабинету нечего было долго думать. Теперь, когда учрежденіе налога на доходы (*income-tax*) поселило довольство въ Палатѣ-Шахматной-Доски, когдашло дѣло о томъ, чтобъ отвоевать отъ Франціи Мальту и Египеть, отмстить пораженіе при Текселѣ, — миръ не долженъ былъ приходиться по вкусу этой державѣ. Къ тому же, основою политики Питта была необходимость вести войну съ Франціею. И потому нельзя было усомниться, каковъ будетъ отвѣтъ: дѣйствительно, отвѣтъ былъ отрицательный и оскорбительный.

Отвѣчали не прямо на письмо перваго-консула, а нотою лорда Гренвилля къ Талейрану.

Австрія какъ-бы условилась съ Англіей, потому-что отвѣтъ императора первому-консулу заключался въ депешъ Тугута къ Талейрану. Отвѣтъ былъ уклончивъе, но также мало подавалъ надежды на миръ. Въ-слѣдъ за этимъ, первый-консулъ рѣшился получить отъ Австріи болѣе-опредѣлительный отвѣтъ. Талейранъ былъ уполномоченъ писать Тугуту и предложить ему принять за основаніе переговоровъ кампо-форміоскій трактатъ. Этотъ трактатъ, говорилъ онъ ему, былъ актомъ великой умѣренности со стороны генерала Бонапарте въ-отношеніи къ германскому императору, потому-что, будучи властенъ, въ 1797 году, требовать отъ Австріи большихъ пожертвованій, по угрожающему положенію французской арміи у воротъ Вены, онъ предпочелъ, въ надеждѣ на прочный миръ, умѣренныя выгоды болѣе-обширнымъ выгодамъ; онъ подвергся даже, — присвокуплялъ французскій министръ, — за свое снисхожденіе къ императорскому двору порціанію Директорій. Талейранъ объявлялъ наконецъ, что австрійскій домъ получить въ Италіи вознагражденія, которыя, по трактату кампо-форміоскому, были ему обещаны въ Германіи.

Послѣ долгихъ переговоровъ, Австрія объявила, что она посовѣтуется съ своими союзниками, но прежде, чѣмъ переговорить съ ними, не можетъ дать никакого опредѣлительнаго отвѣта. Это значило отложить переговоры на неопредѣленный срокъ.

Первый-консулъ, обратившись къ Англіи и Австріи, вовсе не ободрялъ себя надеждою на успѣхъ, но онъ хотѣлъ сдѣлать попытку на миръ, во-первыхъ, потому-что желалъ мира, почитая его необходимымъ для организаціи новаго управленія; во-вторыхъ, потому-что полагалъ этою попыткою доставить себѣ болѣе-выгодное мнѣніе со стороны Франціи и всей Европы.

Расчеты перваго-консула были совершенно оправданы тѣмъ, что происходило въ то время въ англійскомъ парламентѣ. Питтъ своимъ непріязненнымъ расположеніемъ къ Франціи навлекъ на себя живое негодованіе. Фоксъ, Шериданъ, Тирнъ, герцогъ Бедфордъ, лордъ Голландъ противопоставили собою англійскимъ министрамъ самую отчаянную оппозицію.

Но эти рѣзкія нападенія не препятствовали Питту получать огромныя финансовыя средства, около тысячи ста милліоновъ (почти вдвое-болѣе противъ бюджета Франціи въ эту эпоху).

Первый-консулъ употреблялъ всевозможныя усилія, чтобъ положить конецъ гражданской войнѣ до начатія внешнихъ военныхъ дѣйствій. Его воззванія къ Вандеѣ были подкрѣплены 60,000 войска, взятаго изъ-внутри Франціи и изъ самаго Парижа. Первый-консулъ простеръ смѣлость даже до того, что остался въ Парижѣ, исполненномъ тогда партій, съ 2,300 человекъ гарнизона; и эту смѣлость онъ простеръ до того даже, что обнародовалъ ее. Въ отвѣтъ на возгласы англійскихъ министровъ, которые утверждали, что консульское правительство не прочивѣ предшествовавшихъ, онъ приказалъ напечатать таблицу сравни-

тельного состоянія силъ, находящихся въ Лондонѣ и Парижѣ. На повѣрку вышло, что Лондонъ былъ охраняемъ 14,600 человекъ, а Парижъ 2,300. Этого числа людей едва было достаточно на занятіе обыкновенныхъ полицейскихъ постовъ. Очевидно, имя генерала Бонапарте охраняло Парижъ.

Какъ бы то ни было, возмущенныя провинціи увидѣли себя внезапно окруженными страшнымъ войскомъ, и были такимъ образомъ поставлены между немедленнымъ и великодушнымъ миромъ, или необходимостью борьбы на смерть. Нельзя было медлить...

На лѣвомъ берегу Луары, между Сомюромъ, Нантомъ и Песками (*les Sables*), однимъ словомъ въ Старой-Вандеѣ, чувствовалось конечное истощеніе; тамъ считали это послѣднее возстаніе, которое было вынуждено слабостью и жестокостями Директоріи, за то, чѣмъ оно дѣйствительно было, т. е. за чистое безуміе. Эти чувствованія преобладали и на правомъ берегу, вокругъ Мана, въ странѣ, которая была также театромъ отчаянной борьбы. Въ Нижней-Нормандіи, гдѣ возстаніе было еще ново, гдѣ де-Фроттэ, молодой вождь, дѣятельный, хитрый, честолюбивый, предводительствовалъ роялистами, видно было болѣе расположенія продолжать войну. То же было и въ Морбиганѣ, гдѣ отдаленіе отъ Парижа, сосѣдство моря, мѣстная природа, представляли болѣе средствъ, и гдѣ вождь съ дикою и необузданною энергіею, Жоржъ Кадудаль, поддерживалъ мужество. Въ этихъ двухъ послѣднихъ провинціяхъ, болѣе частыя сообщенія съ Англичанами способствовали къ тому, чтобы сдѣлать сопротивленіе болѣе упорнымъ.

Наконецъ, при посредствѣ аббата Бернье, предназначеннаго вскоре принять участіе въ дѣлахъ республики и имперіи, лѣвый берегъ Луары положилъ оружіе.

Этотъ примѣръ произвелъ свое дѣйствіе. Два дня спустя, инсургенты праваго берега, предводительствуемые старымъ и храбрымъ дворяниномъ, де-Шатильиономъ, и наскучившіе, подобно ему, служить болѣе видамъ Англій, нежели королевскому дѣлу, покорились: такимъ образомъ была усмирена вся старая Вандея.

Между-тѣмъ, всѣ шуаны, т. е. люди, приученные возстаніемъ къ грабежу, укрылись въ центръ Бретани и въ Нормандію. Они болѣе воевали съ кассами государственныхъ сборщиковъ податей, съ дилижансами, нежели съ республикою. Они находились въ сношеніяхъ съ толпою негодяевъ, жившихъ въ Парижѣ, и получала отъ нихъ извѣщенія, которыми руководились въ своихъ поступкахъ. Наконецъ, въ Морбиганѣ, гдѣ было гнѣздо самаго упорнаго возстанія, Жоржъ, одинъ непреклонный изъ всѣхъ вандейскихъ вождей, получалъ отъ Англичанъ деньги, матеріальныя средства, которыя могли помогать ему въ его сопротивленіи: отъ-того онъ мало былъ расположенъ покориться. Наконецъ, однакожь, неоднократныя пораженія шуановъ принудили Жоржа Кадудаль положить оружіе.

Въ то же время смѣлый де-Фроттэ, захваченный генераломъ Шамблакомъ, былъ разстрѣлянъ.

Съ-этихъ-поръ, Вандея была усмирена окончательно. Остались только

разбойники по большимъ дорогамъ: ихъ дѣлательно и неутомимо преслѣдовало правительство. Войска, употребленные на западѣ, двинулись къ Парижу, чтобъ споспѣшествовать обширнымъ планамъ перваго-консула.

Предводители Вандейцевъ прибыли въ Парижъ. Первый консулъ пригласилъ ихъ къ себѣ. Онъ хотѣлъ увлечь роялистскихъ вождей въ-слѣдъ за собою на обширное поприще, открывавшееся тогда всѣмъ Французамъ, вести ихъ къ счастью и славѣ, путемъ опасностей, которыя выносить они привыкли. Первый-консулъ принялъ и принялъ хорошо сначала аббата Бернье, потомъ де-Бурмона, д'Отшана, де-Шатльиона и наконецъ самого Жоржа Кадудала.

Одинъ Жоржъ устоялъ противъ этого высокаго завіанія. Когда онъ былъ введенъ въ Тюльери, адъютантъ, введшій его, при взглядѣ на него почувствовалъ такое опасеніе, что никакъ не хотѣлъ затворить за нимъ двери кабинета перваго консула, и безпрестанно поглядывалъ украдкой, что тамъ происходило.

Свиданіе было продолжительно. Генералъ Бонапарте напрасно старался произносить передъ Жоржемъ звонкія слова: «отечество», «слава»; напрасно также хотѣлъ онъ за-живо задѣть честолюбіе въ сердца этого свирѣпаго воина гражданской войны, — онъ не имѣлъ успѣха, и самъ былъ вполне убѣжденъ, что не успѣлъ нисколько, видя лицо своего собесѣдника. Жоржъ, оставя его, отправился въ Англію, вмѣстѣ съ Гейде-Нёвилемъ. Неоднократно, рассказывая своему спутнику о своемъ свиданіи съ первымъ консуломъ, и показывая ему свои сильныя руки, онъ восклицалъ: «какой я дагъ промахъ, что не удушилъ этого челоуѣка своими руками!»

Усмиреніе Вандейцевъ было въ глазахъ всѣхъ однимъ изъ счастливейшихъ событій, пророчествовавшемъ болѣе-важнымъ и болѣе-труднымъ варъ, миръ съ Европою.

Однимъ изъ важныхъ дѣлъ перваго-консула было укрощеніе свободы періодическихъ изданій. Еще будучи простымъ генераломъ итальянской арміи, онъ съ нетерпѣніемъ выносилъ нападки роялистскихъ журналовъ. Теперь онъ началъ тревожиться отъ той нескромной болтовни, которую позволяли себѣ журналисты въ-отношеніи къ военнымъ дѣйствіямъ, и отъ тѣхъ ѣдкихъ выходокъ, которыя они дѣлали противъ иностранныхъ правительствъ. Принявшись съ большимъ рвеніемъ за примиреніе республики съ Европою, онъ боялся, чтобъ республиканскіе листки, черезчуръ озлобленные на кабинеты, — особенно послѣ отказа на мирныя предложенія со стороны Франціи, — чтобъ эти листки не сдѣлали тщетными всѣ его усилія сблизить государства между собою. Въ-слѣдствіе того, первый консулъ издалъ постановленіе, которымъ уничтожилъ значительное число журналовъ, и обозначилъ тѣ, которые получили право продолжать издаваться. Эти распоряженія должны были оставаться въ своей силѣ до общаго мира. Всего оставлено было 13 журналовъ, именно: *Le Moniteur Universel*, *Le Journal des Débats*, *Le Journal de Paris*, *Le Bien-informe*, *Le Publiciste*, *L'Ami des lois*, *La Clef du Cabinet*, *Le Citoyen Français*, *La Gazette de France*, *Le Journal des hommes libres*, *Le*

Journal du Soir, Le Journal des défenseurs de la Patrie, La Décade Philosophique.

Эти покровительствуемые журналы были, впрочемъ, увѣдомлены, что въ нихъ, которые напечатаютъ статьи противъ конституцій, противъ армій, т. е. противъ ихъ славы или интереса, которые позволяютъ себѣ неприличныя выраженія противъ иностранныхъ государствъ, находящихся въ дружбѣ или союзѣ съ Франціею, будутъ тотчасъ запрещены.

Голоса, требованные отъ гражданъ по предмету новой конституціи, были собраны и сочтены: ни одна изъ прежнихъ конституцій не была принята такимъ огромнымъ числомъ голосовъ.

Въ 1793 году было: 1,801,918 голосовъ въ пользу и 11,610 противъ; въ 1795 г., 1,057,390 въ пользу и 49,955 противъ; въ 1800 г., изъ 3,012,569 подававшихъ голосъ, 3,011,007 подали голосъ въ пользу и 1,562 противъ. Это доказывало, какое было всеобщее чувство, жаждавшее правительства сильнаго и благотельнаго, способнаго утвердить порядокъ, побѣду и миръ.

Первый-консулъ, до отправленія своего въ армию, рѣшился наконецъ на важный шагъ: расположился жить въ Тюльери. Въ то время, какъ вся видѣла въ немъ Цезаря, Кромвеля, предназначеннаго покончить царство анархіи царствомъ неограниченной власти, это помѣщеніе во дворцѣ королей было поступкомъ смѣлымъ и шекотливымъ, не потому, что оно могло бы встрѣтить сопротивленіе, а потому—что могло произвести дурной нравственный эффектъ.

Первый консулъ устроилъ передъ-тѣмъ церемонію важную и ловко-придуманную. Вашингтонъ только-что умеръ. Смерть этого знаменитаго человека, наполнившаго своимъ именемъ конецъ послѣдняго столѣтія, была въ Европѣ предметомъ живѣйшаго сожалѣнія. Во французскихъ арміяхъ былъ назначенъ десятидневный трауръ: черный крекъ покрывалъ всю знамена республики. Первый консулъ не ограничился этимъ: онъ далъ приказаніе устроить простое и благородное празднество въ Церкви-Инвалидовъ, церкви, называвшейся тогда *храмомъ Марса*. Знамена, отбитыя въ Египтѣ, но были еще представлены правительству. Генералъ Ланнъ былъ уполномоченъ передать ихъ, при этомъ случаѣ, военному министру, подъ великолѣпнымъ куполомъ, воздвигнутымъ великимъ королемъ воинственной старости.

9 февраля (20 плювіоза), всѣ власти собралась въ Домъ Инвалидовъ, и генералъ Ланнъ представилъ военному министру Бертье 96 знаменъ, взятыхъ при Пирамидахъ, при Горь-Фаворъ, при Абукирь. Онъ произнесъ короткую и воинственную рѣчь. Бертье отвѣчалъ ему въ томъ же родѣ. Онъ сидѣлъ между двумя столѣтними инвалидами, и передъ нимъ стоялъ бюстъ Вашингтона, освѣщенный тысячею знаменъ, отбитыхъ у Европы войсками республиканской Франціи.

Недалекъ оттуда была приготовлена трибуна. На нее взошелъ изгнанникъ, одолженный своей свободою политикъ генерала Бонапарте: де-Фонтанъ. Онъ произнесъ надгробное слово американскому герою, восхвалялъ военныя доблести Вашингтона, его мужество, мудрость, безко-

рытіе и поставилъ гораздо-выше военнаго генія, умѣющаго одерживать победы, тотъ геній, который умѣетъ оканчивать гражданскія войны, заживлять раны отечества и давать миръ міру. Подлѣ тѣни Вашингтона, онъ вызвалъ тѣни Тюренна, Кондэ, и, говоря нѣкоторымъ образомъ отъ имени этихъ великихъ людей, произнесъ похвалы, которыя на этотъ разъ были полны благодарства, потому—что были полны мудрыхъ уроковъ.

«Да», заключилъ онъ: «да, твой советъ будутъ услышаны, о Вашингтонъ! воинъ! законодатель! гражданинъ безъ укоризны! Тотъ, кто, еще юный, превзошелъ тебя въ битвахъ, закроетъ, подобно тебѣ, своими побѣдоносными руками раны отчизны. Вскорѣ, насъ завѣряютъ въ томъ его воля и воинственный геній, еслибъ такой былъ, какъ-несчастію, нуженъ, вскорѣ гянь мира раздастся въ этомъ храмѣ свѣи; тогда всеобщее чувство радости, изглядитъ воспоминаніе о всѣхъ несправедливостяхъ, о всѣхъ угнетеніяхъ... Угнетенные уже забываютъ о своихъ бѣдствіяхъ, доверяясь будущему!.. Клики всѣхъ звѣковъ будутъ сопровождать героя, который ожежетъ это благодарствіе Франціи и міру, ея возмущаемому такъ долго.»

Многіе говорили, что вся эта церемонія была не иное что, какъ чистое притворство. Правда, здѣсь было—таки довольно и притворства, но были и обыкновенныя мечты, свойственныя тому времени и всѣмъ временамъ! Люди чаще обманываютъ сами себя, нежели другихъ. Многіе Французы, подобно Римлянамъ во времена Августа, вѣрили еще въ республику, потому—что тщательно произносили ея имя; и нельзя сказать рашительно, чтобъ и самъ учредитель этого погребальнаго праздника, чтобъ и самъ генералъ Бонапарте не обманывался, воздавая почести памяти Вашингтона, и не думалъ, въ-самомъ-дѣлѣ, что и во Франціи было можно, подобно тому, какъ въ Америкѣ, быть первымъ, не будучи ни королемъ, ни императоромъ.

Эта церемонія была прелюдіей къ водворенію трехъ консуловъ въ Тюльери. Уже давно дѣлали въ этомъ дворцѣ необходимыя исправленія: сглаживали слѣды, оставленные тамъ Конвентомъ; снимали долой красныя шапки, поставленныя имъ посреди раззолоченныхъ карнизовъ. Первый-консулъ долженъ былъ занимать апартаменты нижняго этажа, тѣ самыя, которые нынѣ-царствующая королевская фамилія занимаетъ во время вечернихъ пріемовъ. Его жена и дѣти должны были жить надъ нимъ, на антресоли. Галерея-Дианы была, какъ и нынѣ, предверіемъ, чрезъ которое надо было проходить въ жилище главы государства. Первый-консулъ украсилъ ее бюстами, представлявшими цѣлый рядъ великихъ людей, и самымъ выборомъ этихъ бюстовъ обнаружилъ, кого особенно предпочиталъ онъ: тутъ были Демосеенъ, Александръ, Аннибалъ, Сципionъ, Брутъ, Цицеронъ, Катонъ, Цезарь, Густавъ-Адольфъ, Тюреннъ, Кондэ, Дюгэ-Труенъ, Марльборо, Евгений, маршалъ де-Саксъ, Вашингтонъ, Фридрихъ-Великій, Мирабо, Дюгомье, Дампьерръ, Марсо, Жуберъ, то-есть, воины и ораторы, защитники свободы и побѣдители, герои старой монархіи и республики, наконецъ четыре генерала революціи, павшіе на полѣ сраженія. Соеди-

нить вокругъ себя славы всѣхъ временъ, всѣхъ странъ, какъ вокругъ своего правительства соединить всѣ партіи, — таково было его стремленіе, которое онъ любилъ выказывать при всякомъ случаѣ.

Но онъ не одинъ долженъ былъ запясть Тюльери: два товарища его должны были жить во дворцѣ вмѣстѣ съ нимъ. Консулъ Лебрёнъ расположился въ Павлильонъ-Флоры. Что касается до консула Камбасереса, который саномъ былъ выше Лебрёна, онъ отказался поселиться въ жилища королей. Этотъ человѣкъ, удивительно-благоразумный, единственный, быть-можетъ, изъ всѣхъ людей своего времени, непредававшийся никакимъ мечтамъ, этотъ человѣкъ сказалъ своему товарищу Лебрёну: «Намъ не должно переселиться въ Тюльери; это для насъ неприлично, и я не перееду. Генераль Бонапарте скоро захочетъ жить тамъ одинъ; тогда придется же убираться! Лучше вовсе не вѣзжать.» Ему данъ былъ прекрасный отель на Карусельной-Площади, въ которомъ онъ жилъ все время, пока Наполеонъ былъ императоромъ.

Когда все было готово, спустя нѣсколько дней послѣ погребальной церемоніи въ Домъ-Инвалидовъ, первый консулъ рѣшился торжественно вступить во владѣніе Тюльери.

19 февраля (30 плювіоза), онъ покинулъ Люксанбургъ и отправился въ свой новый дворецъ, предшествуемый и сопровождаемый важнымъ поездомъ. Славные полки, которые перешли изъ Голландіи въ Вандею, изъ Вандеи въ Парижъ, и которые готовились прославляться на равнинахъ Германіи и Италіи, эти полки, предводительствуемые Ланномъ, Мюратомъ, Бессьёромъ, открывали шествіе. За ними ѣхали въ каретахъ министры, государственный совѣтъ и другія власти; наконецъ, въ прекрасной каретѣ, запряженной шестью бѣлыми конями, сѣдлали три консула. Эти лошади были особенно кстади въ подобномъ случаѣ: ихъ германскій императоръ подарилъ генералу Бонапарте, по случаю мира въ Кампо-Форміо. Генераль получилъ также отъ этого государя великолѣпную саблю, которую онъ постарался въ этотъ день украсить себя. Такимъ образомъ, онъ выставлялъ вокругъ себя все, что напоминало война-миротворца. Толпа, разсыпавшаяся по улицамъ и по набережнымъ, которыя прилегаютъ къ Тюльери, встрѣтила его съ кликами радости. Эти клики были чистосердечны, потому-что въ немъ приветствовали славу Франціи и начало ея благоденствія.

Въѣхавъ на дворцовый дворъ, первый консулъ пересѣлъ на лошадь и сѣдлаемъ смотрѣть войскамъ, расположеннымъ передъ дворцомъ. Проѣхавъ по ихъ рядамъ, онъ сталъ у Павлильона-Флоры и смотрѣлъ, какъ они проходили мимо его. Надъ его головою, на балконѣ дворца, находились консулы, главныя власти, наконецъ, его семейство, которое начинало имѣть значеніе въ государствѣ. По окончаніи смотра, онъ вошелъ въ апартаменты; министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ ему гражданскія власти, военный министръ военныхъ, морской министръ всѣхъ морскихъ офицеровъ, находившихся въ это время въ Парижѣ.

Общее управленіе дворцомъ было возложено на одного государственнаго совѣтника; всѣ придворныя должности выполняли адъютанты, и въ-особенности Дюрокъ. Черезъ двѣ недѣли, 2-го и 17-го чиселъ каж-

даго мѣсяца, первый консулъ принималъ дипломатическій корпусъ. Однажды въ декаду, въ различные дни и въ определенные часы онъ принималъ сенаторовъ, членовъ законодательнаго сословія, трибуната, кассационнаго трибунала. Должностныя лица, которымъ нужно было говорить съ нимъ, обязаны были обращаться къ министрамъ, въ ведомствъ которыхъ состояли, для того, чтобъ быть ему представленными. 2-го вантаза (21 февраля), два дня послѣ своего водворенія въ Тюльери, онъ давалъ аудіенцію дипломатическому корпусу. Окруженный многочисленнымъ штабомъ, и имея по бокамъ обоихъ консуловъ, онъ принималъ посланниковъ державъ, не бывшихъ въ войнѣ съ республикою. Эта аудіенція происходила почти съ тѣми же обрядами, какіе употребляются въ монархическихъ правленіяхъ.

По окончаніи аудіенціи, посланники представлялись г-жѣ Бонапарте.

Всякіе пять дней, первый-консулъ дѣлалъ смотръ войскамъ, проходившимъ черезъ Парижъ къ границѣ. Здѣсь былъ случай показаться войскамъ и народу, съ жадностью всюду стремившемуся за нимъ, гдѣ онъ ни появлялся. Худой, блѣдный, склоняясь надъ своимъ конемъ, онъ былъ интересенъ и поражалъ важною и грустною красотою, болѣзненнымъ видомъ, который начиналъ очень беспокоить всѣхъ, потому-что никогда сохраненіе одного человека не было такъ всеми желаемо.

Послѣ этихъ смотровъ, офицеры войскъ были приглашаемы къ его столу, за которымъ обыкновенно находились иностранные министры, члены собраній, должностныя лица; за столомъ царствовала умеренная роскошь. При этомъ рождающемся дворѣ не было еще ни штатедамъ, ни камергеровъ: все имѣло видъ строгой простоты, хотя все было немного изыскано. Всѣ были молчаливы, наблюдали другъ друга, слѣдовали глазами за необыкновеннымъ лицомъ, которое уже совершило столько великихъ дѣлъ, и отъ котораго надѣялись еще большихъ. Ждали его вопросовъ, отвѣчали на нихъ съ почтеніемъ.

На другой день послѣ переселенія въ Тюльери, генераль Бонапарте, проходя по дворцу съ секретаремъ своимъ, Буррьеномъ, сказалъ ему: «Ну, Буррьенъ, вотъ мы и въ Тюльери!.. Теперь надо остаться здѣсь.»

Послѣ обращенія къ Европѣ съ предложеніями о мирѣ,—предложеніями, которыя могли быть сдѣланы прилично только вождемъ, покрытымъ славою, первому консулу не оставалось ничего болѣе, какъ начать войну, приготовленія къ которой были впрочемъ дѣлаемы въ-продолженіе всей зимы съ 1799 на 1800 года (VIII года). Эта война была вѣсть и самая законная и одна изъ славнѣйшихъ войнъ этой героической эпохи.

Австрія, хотя наблюдавшая, по формѣ, болѣе умеренности, нежели Англія, окончательно, однакоже, пришла къ тѣмъ же заключеніямъ и отвергла миръ. Тщетная надежда сохранить въ Италіи выгодное положеніе, которому она была обязана не себѣ, а побѣдамъ Суворова, англійскія субсидіи, ложное мнѣніе, что Франція, истощенная и въ людяхъ и въ деньгахъ, не можетъ болѣе выдержать компаніи, но въ особенности роковую упорство Тугута, который представлялъ собою въ Вѣнѣ воинственную партію съ такимъ же упрямствомъ, какъ Паттъ въ

Лондонъ, и который въ этотъ вопросъ вмѣшивалъ болѣе личной страсти, нежели истиннаго патриотизма, всѣ эти причины, въ соединеніи другъ съ другомъ, привели австрійскій кабинетъ къ тому, что онъ совершилъ самую тяжкую политическую ошибку, т. е. не воспользовался благоприятнымъ временемъ приступить къ переговорамъ о мирѣ. Необходимо было большое ослѣпленіе, чтобъ быть увѣреннымъ, что успѣхи, которыми были одолжены слабости директоріи, что эти успѣхи можно было получить и при новомъ правительствѣ, уже совершенно преобразованномъ, дѣятельномъ до невѣроятности, и получавшимъ направленіе отъ руки перваго полководца вѣка.

Эрцгерцогъ Карлъ, соединившій съ истинными военными талантами много умѣренности и скромности, высказалъ свое мнѣніе обо всѣхъ опасностяхъ, сопряженныхъ съ продолженіемъ войны, и о трудности бороться съ противникомъ, выступавшимъ на попріще битвы. Въ отвѣтъ на это, его отрясли отъ командованія австрійскими войсками, и такимъ образомъ лишили себя генерала, который одинъ только могъ воевать съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ. Его опала была прикрыта титуломъ губернатора Богеміи. Императорская армія горько сожалѣла о потерѣ этого принца, не смотря на то, что преемникомъ ему былъ назначенъ Край, очень отличившійся въ послѣднюю итальянскую кампанію. Край былъ офицеръ храбрый, способный, опытный, не показавшій себя недостойнымъ ввѣреннаго ему начальства.

Войска германской коалиціи состояли почти изъ 300 тысячъ человекъ, 150,000 въ Швабіи, 120,000 въ Италіи и 20,000 въ Магонъ (Mahon), вспомоствуемыхъ всѣмъ англійскимъ флотомъ. Противъ Франціи, вышедшей только-что изъ хаоса, въ который она была повергнута слабостью директоріи, это была очень-значительная сила, съ которою можно было бы достигнуть великихъ результатовъ, еслибы хорошо употребить ее. Къ-тому же, эта трехсот-тысячная армія, пріученная къ трудамъ, находилась на самой границѣ, гдѣ ей надо было дѣйствовать: обстоятельство важное, потому-что длинныя переходы войска уменьшаютъ его пропорціонально пройденнымъ разстояніямъ.

Посмотримъ на распределеніе германскихъ войскъ и на планъ, по которому они должны были дѣйствовать.

Край съ 150,000 человекъ занималъ Швабію, посреди угла, образуемаго въ этой странѣ Рейномъ, когда онъ, протекши съ востока на западъ, отъ Констанца до Базеля, вдругъ круто поворачиваетъ и течетъ на сѣверъ, отъ Базеля до Страсбурга. Въ этомъ положеніи, Край, имѣя у себя съ лѣваго фланга Швейцарію, съ праваго Альзасъ, наблюдалъ тѣ мѣста по Рейну, чрезъ которыя французскія арміи могли проникнуть въ Германію. Онъ не имѣлъ намѣренія перейти эту реку, чтобъ вторгнуться въ землю республики: его роль, для начала кампаніи, должна была быть менѣе активна. Открытыя военныя дѣйствія предназначалось итальянской арміи, состоявшей изъ 120,000 человекъ, и перенесенной, въ-слѣдствіе успѣховъ, пріобрѣтенныхъ ею въ 1799 г., къ подножію Аппениновъ. Она должна была обложить Геную, взять ее, если можно, потомъ перейти Варъ, и лаяться передъ Тулономъ,

гдѣ Англичане, южные эмигранты, подъ предводительствомъ генерала Вильио, одного изъ фрюкндорскихъ изгнанниковъ, должны были соединиться съ Австрійцами. Когда австрійско-итальянская армія, имѣвшая возможность, благодаря климату Лигурии, начать кампанію прежде швабской, проникнетъ въ Провансъ, предполагалось, что первый консулъ оставитъ Рейнъ, чтобъ прикрыть Варъ, и тогда Край будетъ имѣть случай начать дѣйствовать. Швейцарія, находясь такимъ-образомъ между двухъ победоносныхъ армій, естественно падетъ сама-собой, такъ-что не надо будетъ возобновлять противъ нея безуспѣшныхъ усилій предшествовавшей кампаніи.

Подвиги Лекурба и Массены на Альпахъ отняли охоту у Австрійцевъ отъ всякой большой операціи, направленной отдѣльно противъ Швейцаріи. Хотѣли, въ-отношеніи къ этой странѣ, ограничиться простымъ наблюденіемъ.

Судя въ военномъ дѣлѣ много порицали Австрію за то, что она пренебрегла Швейцаріею, что дала средство генералу Бонапарте выйдти оттуда во флангъ Краю и въ тылъ барону Меласу. Мы увѣрены, о чемъ вскорѣ можно будетъ судить изъ изложенія фактовъ, что всякій планъ, и совершенно-надежный, былъ бы труденъ къ исполненію противъ генерала Бонапарте, особенно при томъ несправивомъ неудобствѣ, что Швейцарія оставалась въ рукахъ Французовъ.

Еслибъ Швейцарія была открыта Австрійцамъ, они могли бы двинуть впередъ свои арміи, имѣя свободное сообщеніе съ долины Дуная до долину По, и угрожая границамъ Франціи отъ Базеля до Ниццы.

Теперь же, обѣ австрійскія арміи,—одна въ Швабін, другая въ Цемонтѣ, разялеленныя массою швейцарскихъ горъ, не имѣя никакого средства сообщаться другъ съ другомъ. Этого неудобства можно было избѣжать только отступивъ ль съ пятьдесятъ назадъ до Баваріи съ одной стороны, до Ломбардіи съ другой, потому-что продолженіе швейцарскихъ Альпъ составляетъ Тироль, принадлежащій уже многимъ частямъ Австріи.

И такъ, планъ Австрійцевъ не могъ быть иной, въ силу изложенныхъ обстоятельствъ. Но и при атомъ положеніи дѣлъ, можно было поступать различно, и надо признаться, что Австрійцы поступали не наилучшимъ образомъ и не сумѣли даже предвидѣть ни одной изъ угрожающихъ имъ опасностей. Упорствуя въ своемъ убѣжденіи, что французскія арміи неощенны, не предполагая даже, чтобъ армія, находившаяся въ Германіи, могла начать дѣйствовать наступательно и перейти Рейнъ передъ сто-пятидесятью тысячами Австрійцевъ, расположенныхъ на Шварцвалль; предполагая еще менше, чтобъ можно было перейти Альпы, безъ дорогъ, и во время таянія снѣговъ. сверхъ того не видя третьей арміи, которая могла бы попытаться перейти эти горы,—они предались довѣрчивости, сдѣлавшейся для нихъ пагубною. Впрочемъ, чтобъ быть справедливыми, признаемъ, что не они одни были бы подобнымъ образомъ введены въ обманъ, ибо ихъ увѣренность основывалась на препятствіяхъ, по-видимому, неодолимыхъ. Но оныя вскорѣ научили ихъ, что съ такимъ противникомъ, какъ генералъ Бона-

парте, всякая уверенность, даже основанная на мысли о непреодолимых преградахъ, рѣкахъ или льдистыхъ горахъ, была обманчива и могла сдѣлаться смертельною.

Франція имѣла двѣ арміи: германскую, составившуюся изъ соединенія армій рейнской и гельветической, въ 130,000 человекъ, и лигурійскую, въ которой осталось по-большей-мѣрѣ 40 тысячъ. Были и еще войска въ Голландіи, Вандеѣ и внутри государства, разсыяныя, отдаленныя части третьей арміи; но только искусство гениальнаго правителя могло соединить ее во-время, и особенно невзначай, на томъ пунктѣ, гдѣ ее присутствіе было необходимо. Генераль Бонапарте придумалъ употребить эти различныя средства слѣдующимъ образомъ.

Массена, съ лигурійскою арміею, которая вовсе не должна была быть увеличена, а только получала подкрѣпленіе въ военныхъ припасахъ и провіантѣ, получилъ приказаніе держаться на Аппенинахъ между Генуею и Ниддою, и держаться такъ, какъ въ Термопилахъ. Германская армія, подъ начальствомъ Морô, по возможности усиленная, должна была производить на всемъ правомъ берегу Рейна, отъ Страсбурга до Базеля, отъ Базеля до Констанца, ложныя демонстраціи переправы, потомъ быстро пройти за возвышеніями, образуемыми этою рѣкою, подняться по Рейну до Шафгаузена, накинуть тамъ разомъ нѣсколько мостовъ, броситься всею массою во флангъ фельдмаршалу Краю, откинуть его въ безпорядкѣ наверховье Дуная, опередить его, если можно, отрезать ему путь къ Ванъ, можетъ-быть, даже обхватить его, и нанести ему одно изъ тѣхъ достопамятныхъ пораженій, которымъ въ тотъ вѣкъ было столько примѣровъ. Еслибъ армія Морô не имѣла такой удачи, она могла бы во всякомъ случаѣ отбросить Края къ Ульму и Регенсбургу, заставить его такимъ образомъ отступить внизъ по Дунаю, и отдалить отъ Альпъ, такъ, чтобъ онъ не могъ отправить туда подкрѣпленія. Совершивъ это, она имѣла приказаніе послать свое правое крыло къ Швейцаріи, для вспомошествованія тамъ опасному предпріятію, исполненіе котораго генераль Бонапарте предоставилъ самому-себѣ. Третья армія, называвшаяся резервною, которой составныя части едва существовали, должна была сформироваться между Женевею и Дижономъ, и ожидать тамъ окончанія первыхъ предпріятій, будучи готова идти на помощь Морô, еслибъ это было нужно. Но еслибъ Морô успѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, въ части своего плана, эта резервная армія, перенесшись, подъ начальствомъ генерала Бонапарте, въ Женеву, изъ Женевы въ Валлисъ, соединившись съ отрядомъ, отправленнымъ изъ германской арміи, перешедъ потомъ Сен-Бернаръ по лѣдамъ и снѣгамъ, должна была, еще чуднѣе аннибалова появленія, очутиться въ Пьемонтѣ, выйти въ тылъ барону Меласу, занятому блокадою Геяув, окружить его, дать ему рѣшительное сраженіе, и, еслибъ она выиграла это сраженіе, принудить Австрійцевъ положить оружіе.

По истинѣ, еслибъ выполненіе соответствовало такому плану, никогда болѣе-прекрасное преднамѣреніе не доставило бы въ глазахъ свѣта болѣе чести генію полководца древнихъ или новѣйшихъ временъ.

Но одно только выполненіе доставляетъ великимъ военнымъ соображеніямъ ихъ настоящую цѣнность, потому—что безъ этого они не болѣе, какъ пустыя химеры.

Выполненіе, здѣсь, состояло въ безконечномъ множествѣ трудностей, которыя должно было побѣждать: въ организаціи рейнской и лугурійской арміи, въ созданіи резервной арміи, въ строгомъ сохраненіи тайны о ея созданіи и назначеніи, наконецъ, въ переправѣ чрезъ Рейнъ и переходъ чрезъ Альпы, который можетъ равняться со всѣмъ, что только наиболее необычайнаго когда-нибудь задумывало военное искусство.

Первая забота генерала Бонапарте состояла сначала въ томъ, чтобы укомплектовать армію. Побѣги внутри Франціи, болѣзни, уроны, уменьшая ее до 250 тысячъ человекъ. Правда, это были солдаты, закаленные въ бояхъ, всѣ способные вступить въ борьбу съ вдвое-многочислѣннѣйшимъ непріателемъ. Первый консуль потребовалъ отъ законодательнаго сословія 100,000 конскриптовъ, на что и было изъявлено согласіе съ истинно-патріотическимъ увлеченіемъ. Война была такъ законна, такъ очевидно-необходима, послѣ отвергнутыхъ предложеній о мирѣ, что малѣйшая нерѣшимость была бы чистымъ преступленіемъ. Но эти конскрипты не могли быть представлены въ свой корпусъ обученными, годными на службу ранѣе пяти или шести мѣсяцевъ. Первый консуль распорядился оставить внутри государства всѣ корпуса, истощенные войною, и употребить ихъ какъ кадры, въ которые бы можно было помѣстить новобранцевъ. Напротивъ, онъ двинулъ къ границѣ всѣ корпуса, способные вступить въ походъ, старательно отбирая изъ рядовъ тѣхъ войскъ, которыя должны были остаться во Франціи, въ ряды шедшихъ въ бой,—всѣхъ солдатъ, годныхъ къ службѣ. И при всемъ томъ, онъ могъ выставить на первое время всего 200,000, человекъ.

Онъ сдѣлалъ въ то же время воззваніе къ патріотическимъ чувствамъ Франціи: явились волонтеры, охотники. Онъ старался возбуждать вкусъ къ военной службѣ въ молодѣжи, воображеніе которой было воспламенено именемъ генерала Бонапарте.

Къ этимъ стараніямъ объ укомплектованіи, первый консуль присокупилъ нѣкоторыя полезныя преобразованія въ-отношеніи къ управленію и составу арміи. Онъ устроилъ строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы казна не платила жалованья тѣмъ солдатамъ, которые числились только по спискамъ. Онъ сдѣлалъ въ артиллеріи чрезвычайно-важную перемѣну. Въ то время, орудія и артиллерійскіе снаряды перевозились наѣмщиками (*les charretiers*), которые принадлежали компаніямъ транспортовъ, и которые, не будучи удерживаемы чувствомъ чести, подобно другимъ солдатамъ, перерывали, при первой опасности, построики своихъ лошадей, и ускакивали, оставляя орудія въ рукахъ непріателя. Первый консуль превратилъ этихъ артиллерійскихъ наѣмщиковъ въ солдатъ, справедливо заключая, что они не менѣе канонировъ оказываютъ важныя услуги, подвергаются не меньшей опасности, и потому имѣютъ нужду въ томъ же нравственномъ двигателѣ, т. е. чести. Но это пре-

образование только—что было начато, и могло принести уже позже полезные результаты.

Лигурійская армія, подъ начальствомъ Массены, была, еще послѣ кровопролитной битвы при Треббін, въ самомъ жалостномъ положеніи. Чувствовался недостатокъ въ продовольствіи, которое не могло быть доставлено ни изъ Пьемонта, занятаго Австрійцами, ни съ моря, стерегомаго Англичанами. Эти несчастные солдаты имѣли, для прокормленія, только жатву съ Аппенинъ, ничтожную, какъ всякому известно. Они не хотѣли идти въ госпитали, гдѣ нѣчѣмъ было кормить ихъ, и бродили по дорогѣ отъ Ниццы въ Геную, пожвряемые голодомъ и лихорадкою, представляя собою раздирающее душу зрѣлище храбрыхъ людей, брошенныхъ на голодную смерть отечествомъ, которое они защищали. Впрочемъ, что касается до воинственной энергіи, не надо было ее внушать этимъ побѣдителямъ при Кастильоне, Арколе, Риволи, которые не упали духомъ и послѣ поражений Кассано, Нови, и Треббін; закаленные въ мужества, они не могли уступить ударамъ судьбы. Впрочемъ, присутствіе генерала Бонапарте во главѣ правленія и генерала Массены во главѣ арміи, могло бы ободрить ихъ сердца, еслибъ это было нужно. Надо было только накормить ихъ, одѣть, снарядить, чтобъ получить отъ нихъ величайшія услуги. Въ этомъ отношеніи было сдѣлано все, что можно. Массена, нѣсколькими примѣрами жестокости, возстановилъ дисциплину и собралъ 30 съ чѣмъ-то тысячъ человекъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ найдти, подъ его начальствомъ, дорогу въ плодonoсную Италію.

Первый консулъ былъ увѣренъ, что славный побѣдитель при Монтенотте будетъ упорнымъ защитникомъ Аппенинъ и приготовитъ довольно занятій барону Меласу, чтобъ задержать его въ Лигуріи во все время, необходимое для соображеннаго движенія французскихъ армій.

Впрочемъ, надо сказать и то, что лигурійскую армію трактовали, какъ приносимую въ жертву. Въ другое мѣсто направлялись главныя усилія правительства, потому—что въ другомъ мѣстѣ должны были быть нанесены тяжелые удары. Лигурійская армія была брошена на погибель, чтобъ дать другимъ время быть побѣдителями. Такова жестокая судьба войны: она переходитъ съ головы однихъ на голову другихъ, принуждая этихъ гибнуть, чтобъ дать тѣмъ жить и торжествовать.

Особенная заботливость была обращена на армію, которая, подъ начальствомъ Морò, была предназначена дѣйствовать въ Швабіи. Генералъ Морò, которому, говорилъ, такъ завидовалъ первый консулъ, имѣлъ при себѣ томъ подъ своимъ начальствомъ прекраснѣйшую армію республики, около 130,000 человекъ, тогда—какъ Массена имѣлъ не больше 35, а первый консулъ по большей мѣрѣ 40 тысячъ. Это, впрочемъ, не было суетною лестью тщеславію Морò. Операція, предназначенная отбросить Края на Ульмъ и Регенсбургъ, была очень—важна для общаго успѣха кампаніи, потому—что въ присутствіи двухъ сильныхъ австрійскихъ армій, приближавшихся къ предѣламъ Франціи, надо было сперва удалить одну, чтобъ мочь перейти Альпы въ тылъ другой. И потому эта операція должна была быть предпринята съ рѣ-

штительными средствами, которыя бы сдѣлали успѣхъ несомнѣннымъ. Первый консулъ, уважая Морбъ, уважалъ себя-самого гораздо-болѣе, и, если было необходимо, чтобъ одинъ изъ нихъ обошелся безъ большихъ средствъ, онъ полагалъ, что самъ можетъ обойтись безъ нихъ скорѣе, нежели Морбъ. Чувство, руководившее имъ въ этомъ случаѣ, было чувство лучше самаго великодушія въ великихъ дѣлахъ государства: то была любовь къ общественной пользѣ; онъ ставилъ ее выше всякаго интереса, интереса другихъ и своего собственнаго.

Эта рейнская армія, хотя, подобно другимъ арміямъ республики, покрытая рубищемъ, была превосходна. Она состояла, въ огромномъ большинствѣ, изъ тѣхъ старыхъ солдатъ, которые, подъ начальствомъ Пингрю, Клебера, Гоша и Морбъ, покорили Голландію, берега Рейна, многократно переходили чрезъ эту рѣку и появлялись даже на Дунаѣ. Образованіе этой арміи отдѣльными дивизіями, состоящими изъ всѣхъ родовъ войскъ, и дѣйствующими какъ отдѣльные корпуса, выказало здѣсь въ высшей степени таланты дивизіонныхъ генераловъ. Они имѣли достоинства равныя, но въ разныхъ родахъ. То былъ Лекурбъ, искуснѣйшій изъ офицеровъ своего времени въ горной войнѣ, — Лекурбъ, котораго славное имя повторяли отголоски Альпъ; то былъ Ришпансъ, соединявшій съ отважною храбростію рѣдкое соображеніе, и который скорѣе потомъ оказалъ Морбъ, на поляхъ Гогенлиндена, величайшую услугу, какую только можетъ подчиненный оказать своему генералу; то былъ Сен-Сиръ, умъ холодный, глубокій, характеръ мало-уживчивый, но одаренный всѣми качествами главнаго полководца; то былъ, наконецъ, молодой Нэй, которому героическое мужество, управляемое счастливымъ инстинктомъ войны, дало уже популярность во всѣхъ арміяхъ республики. Во главѣ всѣхъ этихъ подчиненныхъ генераловъ находился Морбъ — умъ медленный, иногда нерѣшительный, но основательный, и котораго нерѣшимость оканчивалась рѣшеніемъ мудрымъ и твердымъ, когда онъ былъ лицомъ-къ-лицу съ опасностью. Опытность удивительно образовала и взосприла его военный взглядъ. Но въ то время, какъ его военный гений усиливался отъ испытаній войны, его гражданскій характеръ, слабый, уступавшій всѣмъ влияніямъ, уже взнемогалъ и долженъ былъ взнемочь еще болѣе отъ политическихъ исптаній, которыя могутъ выносить однѣ сильныя души и умы истинно-возвышенные. Впрочемъ, несчастная страсть зависти еще по смутила тогда чистоты его сердца и не растлила его любви къ отечеству. По своей опытности, по своей привычкѣ начальствовать, по своей громкой славѣ, онъ былъ, послѣ генерала Бонапарте, единственнымъ полководцемъ, способнымъ тогда начальствовать сотнею тысячъ человекъ.

Первый консулъ начертывалъ планъ дѣйствій Морбъ, состоявшій главнѣйше въ томъ, чтобъ переправиться въ Швабію въ такомъ пунктѣ, откуда было бы удобнѣе дѣйствовать на лѣвое крыло фельдмаршала Края, такъ, чтобъ отрѣзать его отъ Баваріи, запереть между верховьемъ Дуная и Рейномъ, въ какомъ случаѣ австрійско-швабская армія была бы погибшею. Для достиженія этой цѣли надо было перейти Рейнъ не въ двухъ или трехъ пунктахъ, но въ одномъ, по возможно-

сти ближе къ Констанцу; операція чрезвычайно-смѣлая и трудная, потому-что дѣло шло о томъ, какъ перекинуть черезъ рѣку, и въ-присутствіи непріятеля, разомъ 100 тысячъ человекъ, съ артиллерією и обозомъ: и должно признаться, что до Ваграма ни одинъ генераль не переходилъ рѣки съ такимъ множествомъ силъ и съ такою рѣшимостью. Первый консуль сдѣлалъ всѣ предварительныя распоряженія для переправы. Оставалось внушить такія соображенія въ холодную и мало-отважную голову Морё.

Послѣ этихъ ревностныхъ заботъ о войскахъ лигурійскомъ и германскомъ, первый консуль приступилъ къ созданію изъ ничего арміи, которая скоро потомъ совершила величайшіе подвиги подъ именемъ резервной арміи.

Для того, чтобъ она выполнила свое предназначеніе, необходимо было не только создать ее, но создать такъ, чтобъ никто не хотѣлъ тому вѣрить.

Еслибъ дивизіи, сформированныя въ Нантъ, Реннъ и Парижъ изъ войскъ, выведенныхъ изъ Ванден; еслибъ дивизія, сформированная въ Тулонъ, Марсель, Авиньонъ, изъ депо египетской арміи (которыя все оставались на югъ Франціи, по невозможности перевезти чрезъ море, постоянно стерегемое Англичанами); еслибъ артиллерія, приготовленная въ Безансонъ, Осоннъ и Бриансонъ изъ тамошнихъ запасныхъ арсеналовъ, были соединены въ Дижонъ, это нарушило бы тайну замысловъ перваго консула. Но онъ дѣйствовалъ инымъ образомъ. Эти дивизіи были отправлены на Женеву и Лозанну различными путями, такъ-что общественное вниманіе не было обращено ни на какой пунктъ въ-особенности. Онъ шлѣ за подкрѣпленія, отправляемыя въ рейнскую армію; эта армія, растянута отъ Страсбурга до Констанца, могла дѣйствительно казаться цѣлью, къ которой отправлялись подкрѣпленія.

Тайна, извѣстная только первому консулу, Бертѣе и двумъ или тремъ нижепервымъ и артиллерійскимъ генераламъ, которыхъ были принуждены посвящать въ планъ компаніи, была строго сохраняема. Иностранцы шпіоны, сбѣжавшіеся въ Дижонъ, не вида тамъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ конскриптовъ, нѣсколькихъ волонтеровъ, нѣсколькихъ старыхъ офіцеровъ, думали, что тамъ нѣтъ ровно ничего серьезнаго, что первый консуль очевидно пускалъ только пыль въ глаза на страхъ Меласу, чтобъ воспрепятствовать ему проникнуть въ устья Роны и уварить его, что онъ найдетъ на югъ Франціи резервную армію, способную его удержать. Вотъ какъ разгадали планъ генерала Бонапарте люди, считавшіе себя хорошими судьями въ этомъ дѣлѣ, и англійскіе журналы наполнились вскорѣ тысячею насмѣшекъ. Каррикатуристы нарисовали на резервную армію каррикатуру: она изображала дѣла, подающее руку инвалиду, который стоитъ на деревяшкѣ.

Этого только и надобно было первому консулу: видѣть себя осмѣяннымъ было, въ эту минуту, его единственнымъ желаніемъ. Между-тѣмъ, къ первымъ числамъ мая, импровизованная армія была готова,—

или идти на помощь къ Морю, или перешагнуть черезъ Альпы, чтобы изменить тамъ положеніе дѣлъ.

Первый консулъ не опускалъ изъ вида и флота. Около двадцати французскихъ кораблей, въ соединеніи съ пятнадцатью испанскими, подъ начальствомъ адмирала Брюи (*Bruix*) укрылись въ Брестъ. Двадцать англійскихъ кораблей блокировали ихъ въ эту минуту; первый консулъ при первой возможности отправилъ туда продовольствіе и недоданное жалованье, присовокупивъ, чтобы они вышли изъ блокады, когда будутъ въ числѣ тридцати кораблей противъ двадцати, — чтобы они вышли при первомъ удобномъ случаѣ, даже еслибъ для того нужно было дать сраженіе; и, если они въ состояніи пустятся въ море, пройти проливъ, появиться предъ Тулономъ, присоединить тамъ къ себѣ корабли, назначенные отвезти подкрѣпленіе въ Египетъ, потомъ идти освободить отъ блокады Мальту и Александрію.

Таковы были заботы, посвященные первымъ консуломъ военнымъ дѣламъ, въ то время, какъ онъ, съ Сійесомъ, Камбасересомъ, Талейраномъ, Годеномъ и другими сотрудниками по управленію, былъ занятъ новою организаціею правительства, восстановленіемъ финансовъ, созданіемъ гражданской и судебной администраціи, наконецъ сношеніями съ Европою. Но еще не все заключалось въ томъ, чтобы составить планъ, приготовить его исполненіе, — ему надо было еще внушить свои идеи въ голову своихъ подчиненныхъ генераловъ, которые, хотя и состояли подъ его консульскою властію, все-еще не были тогда совершенно подчинены ему, какъ это было позже, когда, въ званіи маршаловъ имперіи, они повиновались императору. Морю въ-особенности былъ испуганъ смелостью предписанной ему операціи. Онъ боялся, чтобы Край, являя со всеми своими силами въ пунктъ его переправы, не сдѣлалъ этой переправы невозможною, можетъ-быть даже бѣдственною.

Планъ самого Морю не былъ безъ достоинства; но онъ также заключалъ въ себя большія неудобства, потому-что, если онъ отклонялъ опасность совокупной переправы цѣлою арміею, за то представлялъ важное неудобство: при раздробленіи этой операціи, раздѣлялись силы Французовъ, которыя не могли отъ-того разомъ кинуться на лѣвый флангъ фельдмаршала Края, что было бы единственнымъ средствомъ отрезать его отъ Баваріи.

Зрѣлище, достойное взгляда исторіи — зрѣлище двухъ людей, противопоставленныхъ другъ другу при важномъ обстоятельстве, такъ-хорошо выказавшемъ различіе ихъ ума и ихъ характера. Планъ Морю, что часто случается съ планами людей второстепенныхъ, былъ только по-видимому благоразуменъ; но онъ могъ удалиться въ-слѣдствіе выполненія, потому-что, — и это надо повторять безпрестанно, — исполненіе вынуждаетъ все; оно бываетъ причиною, что иногда гибнутъ самыя лучшія соображенія и удаются самыя шлохія. Генералъ Дессоль, начальникъ штаба германской арміи, человекъ ума тонкаго, проникательнаго, былъ призванъ первымъ консуломъ въ Парижъ, чтобы быть судьей въ этомъ дѣлѣ. «Вашъ планъ» сказалъ онъ генералу Бонапарту: «болѣе обширенъ, великъ, болѣе рѣшительнъ, вѣроятно болѣе даже надеженъ;

но онъ не приспособленъ къ гению того, кто долженъ его выполнять. У васъ есть способъ вести войну, который выше всѣхъ другихъ; у Морò есть свой, который безъ-сомнѣнія выше вашего, но со всѣмъ тѣмъ превосходитъ. Дайте ему дѣйствовать по-своему; онъ будетъ дѣйствовать хорошо, можетъ-быть медленно, но вѣрно, и онъ для васъ сдѣлаетъ столько, сколько вамъ нужно для успѣха вашихъ общихъ соображеній.» Первый консулъ, столь же опытный въ познаніи людей, сколько и въ своемъ искусствѣ, оцѣнилъ мудрость мнѣнія генерала Дессоля, и сдался. «Вы правы», сказалъ онъ: «Морò не способенъ понять и выполнить задуманный мною планъ. Пусть дѣлаетъ, какъ хочетъ, только бы отбросилъ онъ фельдмаршала Края къ Ульму и Регенсбургу, и потомъ отправилъ во-время свое правое крыло въ Швейцарію. Планъ, котораго онъ не понимаетъ, который онъ не осмѣливается выполнить, я выполняю самъ, въ другой части театра войны. Что онъ не осмѣливается сдѣлать на Рейнѣ, я сдѣлаю то на Альпахъ. Въ скоромъ времени онъ можетъ пожалѣть о славѣ, которую мнѣ предоставляетъ.» Слова восхитительныя и глубокия, заключавшія въ себя воинное пророчество, какъ увидимъ вскоре.

Первый консулъ хотѣлъ, чтобъ Морò подписалъ условіе, которымъ бы обязался, отбросивъ Австрійцевъ къ Ульму, отрядить Лекурба съ 20 или 25 тысячами человекъ къ Альпамъ. Это условіе было заключено въ Визель между Морò и Бертьё, такъ-какъ этотъ послѣдній считался оффиціально главнокомандующимъ резервною арміею.

Первый консулъ хотѣлъ, чтобъ Морò началъ дѣйствіе въ половинѣ апрѣля, или никакъ не позже конца этого мѣсяца. Но его настоянія были напрасны. Морò не былъ готовъ, и не имѣлъ той находчивой дѣятельности, которая пополняетъ недостаточность средствъ. Въ то время, какъ онъ медлилъ, Австрійцы, вѣрные своему плану начать военныя дѣйствія въ Италіи, устремились на Массену, и вступили съ этимъ генераломъ въ борьбу, которую несоразмѣрность въ силахъ сдѣлала достойною безсмертія въ потомствѣ.

Лигурійская армія представляла на большій конецъ 36,000 человекъ, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ:

Тринадцать или четырнадцать тысячъ человекъ, подъ начальствомъ генерала Сюшэ, составляя лѣвое крыло арміи, занимали ущеліе Тенды (*le col de Tende*), Ниццу и варскую лѣвию (*le Var*). Отрядъ этого крыла, около 4,000 человекъ, подъ командою генерала Тюррò, стоялъ на горѣ Сені (*Senis*).

Десять или двѣнадцать тысячъ человекъ, подъ начальствомъ генерала Сульта, составляя центръ арміи, защищали два главные прохода Аппенинъ, — одинъ, ведущій на Савону и Финале, другой — на Геную.

Семь или восемь тысячъ, предводительствуемыхъ неустрашимымъ Миоллисомъ (*Miollis*), стерегли Геную и противоположную сторону ущелія, ведущаго на этотъ городъ. Опасность отъ разлученія этихъ двухъ частей арміи той, которая защищала Ниццу, и той, которая защищала Геную, была очевидна.

Эти 36 тысячъ Французовъ вѣдали противъ себя 120,000 Австрійцевъ подъ командою барона Меласа,—сытыхъ и бодрыхъ, благодаря авглійскимъ субсидіямъ. Австрійцы, кромѣ-того, вѣдали выгоду сосредоточенной позиціи посреди войскъ Массены, растянутыхъ полукругомъ на пространства не менѣе сорока лѣ.

Различныя причины воспрепятствовали Массенѣ послѣдовать мудрымъ совѣтамъ перваго консула, главнѣйше состоявшимъ въ томъ, чтобъ имѣть какъ-можно-менѣе растянутую линію, и обратить четыре-пятыхъ силъ въ Генуѣ и ея окрестностяхъ. Слишкомъ-быстрое помяненіе Австрійцевъ помышало ему окончательно расположить войска; къ-тому же, онъ боялся съ такою огромною арміею стать въ Генуѣ, ибо недостаточныя тамошніе запасы надо было приберечь на случай осады; и потому онъ хотѣлъ довольствоваться средствами Ниццы, которыя были болѣе-обильны. Наконецъ, должно сказать, Массена не достаточно поставилъ всю глубину наставленій своего начальника, онъ не смѣлъ пренебречь неудобствами, впрочемъ, очень-существенными, — неудобствами сосредоточенія всѣхъ силъ въ Генуѣ. Массена былъ, можетъ-быть, первымъ изъ современныхъ генераловъ на полѣ битвы; онъ былъ, отвѣтительно характера, равенъ величайшимъ героическимъ вождямъ всѣхъ временъ; но хотя у него было много природнаго ума, однакожь дальновидность его не равнялась быстротѣ его взгляда и душевной энергіи.

5 апрѣля (15 жерминаля), Австрійцамъ удалось разрывать на-двое линію французскихъ войскъ, и тѣмъ разлучить генераловъ Сюшэ и Сульта. Половина лигурийской арміи была отброшена къ Ниццѣ, половина принуждена запереться въ Генуѣ въ числѣ отъ 15 до 18,000 человекъ.

Изъ достопамятныхъ дѣйствій Массены въ Генуѣ можно видѣть, что можетъ совершить на войнѣ сила характера для того, чтобъ загладить недостатокъ соображенія или предусмотрительности.

Еслибъ Массена съ 18-тысячнымъ гарнизономъ имѣлъ достаточное продовольствіе, онъ былъ бы непобѣдимъ.

Рыкнувшись противопоставить непріятелю энергическое сопротивленіе, Массена хотѣлъ немедленно выполнить два весьма-важные плана: первый состоялъ въ томъ, чтобъ отбросить за Аппеннины Австрійцевъ, которые слишкомъ-близко облегалъ Генуѣ; второй—чтобъ соединиться съ генераломъ Сюшэ.

7 апрѣля онъ вышелъ изъ Генуи, отбрасывая отъ города Австрійцевъ, которые, будучи опрокинуты въ эти излучистыя долины, оставили въ рукахъ его 1,500 пленныхъ, и во главѣ ихъ барона д'Аспра (*d'Aspres*), который возмущалъ поселянъ въ генуэзскихъ окрестностяхъ.

Подъ вечеръ того дня, Массена, вошедъ въ Генуѣ, былъ встрѣченъ съ изступленіемъ радости всѣмъ патриотическимъ населеніемъ города. Жители приготовили носилки, чтобъ переносить раненныхъ, приготовили вино и бульйоны, чтобъ кормить ихъ. Всюду другъ у друга оспаривали честь принимать ихъ въ свои жилища.

Въ-слѣдъ за тѣмъ, Массена пытался соединиться съ генераломъ Сюшэ. Онъ выдержалъ съ Австрійцами многія весьма-неравныя битвы, и наконецъ едва успѣлъ пробиться назадъ въ Генуѣ, куда впрочемъ

4 тысячи пленныхъ. Генералъ Сюше также, съ своей стороны, не могъ пробиться чрезъ громадную массу австрійской арміи.

Генуэзцы были исполнены удивленія къ французскому генералу, вторично возвращающемуся въ городъ съ колоннами пленныхъ. Армія и населеніе повиновались герою съ совершенною покорностью.

Массена долженъ былъ, съ этой минуты, считать себя совершенно-запертымъ въ Генуэ. Но онъ твердо рѣшился держать непріятеля въ отдаленіи отъ стѣнъ, истощать его безпрестанными битвами, и такъ занимать его, чтобъ онъ не могъ ни проникнуть на Варъ, ни возвратиться въ Ломбардію, ни воспрепятствовать предполагаемому маршу перваго консула черезъ Альпы.

Лишь-только возвратившись въ Геную, Массена занялся внутреннею полиціею и продовольствіемъ этого мѣста: устроилъ національную гвардію изъ лигурійскихъ патриотовъ и разставилъ на главной площади французскія войска, съ зажженными фитилями при орудіяхъ. По данному сигналу, жители должны были немедленно удалиться въ свои дома. Тогда одно только вооруженное войско имѣло право ходить по улицамъ. Въ обыкновенное время, жители должны были удалиться въ свои жилища въ десять часовъ вечера, и вовсе не имѣли права собираться въ толпы.

Онъ собралъ весь хлѣбъ, что былъ въ Генуэ, предлагая за него плату, а плата действительно, когда хлѣбъ приносилъ добровольно; бралъ смлою, посредствомъ домашнихъ обѣсковъ, когда отказывался отдавать его. Забравъ весь хлѣбъ, онъ выдавалъ его и войску и народу по порціямъ, и такимъ-образомъ имѣлъ чѣмъ содержать своихъ солдатъ и бѣдныхъ жителей въ-продолженіе первыхъ двухъ недель осады. Эти двѣ недели были уже на исходѣ; но еще оставались съѣстные припасы, которые золото богачей доставало за большую цѣну изъ утаенныхъ запасовъ и единственно только для нихъ употребленія. По приказанію Массены, сдѣланы были новые розьвскіи и отъискалась еще рожь, овесъ и другой зерновой хлѣбъ, чѣмъ можно было кормить народъ и войско въ-продолженіе еще двухъ недель. Лыслились надеждою, что счастливый поворотъ вѣтра, удаливъ Англичанъ, дастъ средство подвезти моремъ продовольствіе. Наконецъ, Массена рѣшился на послѣднюю крайность, и положилъ скорѣе, чѣмъ сдать, кормить свои войска какао, запасеннымъ въ магазинахъ Генуи.

Уже многія тысячи человекъ погибли въ битвахъ, и таки-довольно было въ госпиталяхъ. Дѣйствующей арміи всего оставалось не болѣе 12 тысячъ человекъ.

Посреди этихъ ужасныхъ обстоятельствъ, Массена, ежедневно появляясь съ челомъ спокойнымъ и свѣтлымъ, вдохновлялъ и въ другихъ мужество, одушевлявшее его-самого. Его адъютантъ Франчески кинулся въ лодку, чтобъ переплыть на ниццскій берегъ, явиться передъ первымъ консуломъ, сообщить ему о бѣдствіяхъ, подвигахъ и настоятельныхъ опасностяхъ лигурійской арміи.

30 апреля (10 флореала), Австрійцы повели грозную атаку, но Массена мужественно отбилъ ее. Австрійцы лишились 1600 человекъ плен-

ными, 2400 убитыми или ранеными, всего около 4000 человекъ. Считая этотъ послѣдній уронъ, Массена взялъ или истребилъ у нихъ всего 12 или 15 тысячъ человекъ съ открытія военныхъ дѣйствій; но, что было всего важнѣе, отъ урона духъ Австрійцевъ тамъ несомнѣнными усиліями, которыя онъ заставлялъ ихъ дѣлать.

5 мая (15 флореала) небольшое судно подвезло продовольствія на пять дней. Но надо было спѣшить на помощь Генуэ, безъ чего она не могла держаться долго. Еще немного времени, и у ней выйдетъ весь хлѣбъ...

Получивъ изъ Лигуріи такія вѣсти, первый консулъ обратился съ настоятельными просьбами къ Морю, чтобы онъ началъ непріязненные дѣйствія. — «Спѣшите» писали ему изъ Парижа: «вашими успѣхами ускорить минуту, когда Массена можетъ быть вырученъ. У этого генерала не хватаетъ продовольствія; уже двѣ недѣли онъ выдерживаетъ, съ своими изнуренными солдатами, отчаянную борьбу. Обращаются къ вашему патриотизму, къ вашему собственному интересу, потому-что, если Массена сдастся наконецъ на капитуляцію, отъ васъ должно будетъ отнять часть вашихъ силъ на Рону, въ помощь южнымъ департаментамъ.» — Наконецъ ему дали формальное приказаніе, по телеграфу, перейти Рейнъ.

Причины, препятствовавшія Морю начать дѣйствія, были бы хороши при менѣ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Германія и Швейцарія были истощены въ средствахъ продовольствія; артиллерія и караверія Морю нуждались въ лошадяхъ. Однакоже, видя настоятельную необходимость, онъ рѣшился обійтись безъ всего, чего ему еще не доставало, въ надеждѣ снабдить себя этимъ на пути. Въ концѣ апрѣля (первыхъ числахъ флореала), Морю рѣшился начать эту компанію, прекраснѣйшую въ его жизни, одну изъ достопамятнѣйшихъ въ летописяхъ Франціи. 25 апрѣля армія Морю переправилась черезъ Рейнъ въ трехъ пунктахъ: у Страсбурга, Бризаха и Базеля, на разстояніи тридцати лѣ. 1-го мая (11 флореала) вся армія окончательно очутилась на правомъ берегу Рейна.

Вся порицанія плана Морю падаютъ, безъ сомнѣнія, сами-собою вредъ успѣхомъ его выполненія.

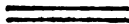
Объемъ статьи не позволяетъ намъ распространяться о дѣйствіяхъ Морю. Скажемъ въ немногихъ словахъ, для связи событій, о томъ, что происходило на театрѣ войны въ Германіи, чтобы скорѣе перейти на поприще безсмертныхъ подвиговъ генерала Бонапарте.

Прошелъ мѣсяць съ двумя днями, и если Морю не достигъ этихъ быстрыхъ и рѣшительныхъ результатовъ, оканчивающихъ кампанію разомъ, какъ онъ бы могъ это сдѣлать, перешедъ Рейнъ въ одномъ пунктѣ у Шафгаузена, бросившись всею массою на лѣвый флагъ Края, и давъ сраженія при Енгенѣ и Мёскирхѣ съ соединенными силами (все это онъ бы могъ еще сдѣлать, опрокинувъ австрійскую армію въ Дунай при Сигмарингенѣ, или дѣйствуя болѣе-отважно подъ Ульмомъ), — не смотря на то, онъ выполнилъ существенную часть плана кампаніи: удачно перешелъ Рейнъ въ глазахъ австрійской арміи; онъ далъ

ей два большія сраженія при Енгена и Мёскирха, и хотя силы тутъ были недостаточно сосредоточены, онъ выигралъ эти сраженія; наконецъ, не смотря на свою нерышительность подъ Ульмомъ, заперъ однакожь въ этомъ мѣстѣ Австрійцевъ, отрывавъ у нихъ дорогу въ Баварію и Тироль, и самъ остановился въ этой выгодной позиціи, ожидая результатовъ событій въ Италіи. Если въ Морѣ не находимъ мы высшаго ума, рашительнаго, составляющаго неотъемлемое качество великихъ полководцевъ, за то нельзя не признать въ немъ превосходнаго генерала, какихъ надо бы почаще желать націямъ. Франціи, имѣвшей уже генерала Бонапарте, надо было въ эту эпоху имѣть еще Морѣ, Клебера, Дезе, Массену, Сен-Сира, то-есть лучшихъ генераловъ второстепенныхъ; должно прибавить, что она произвела уже Дюмурье и Пашгрю! Это важное обстоятельство доказываетъ, что Франціи была обязана всю свою славою этого вѣка не одному человеку, что эта ея слава не есть произведеніе той рядкой случайности, которая рождаеть такихъ гениевъ, каковы Аннибалъ, Цезарь или Наполеонъ.

Особенно можно было упрекнуть Морѣ въ недостаткѣ твердости при начальствованіи, можно упрекнуть въ томъ, что онъ допустилъ овладеть собою военной котэріи, и отъ-этого, часто по недоразумѣніямъ, лашался лучшихъ своихъ офицеровъ (напр. Сен-Сира). Морѣ, какъ мы уже сказали, погрѣшалъ своимъ характеромъ.

Теперь надо перенестись на театръ совершенно-ной, чтобъ быть свидѣтелями также совершенно-наго зрѣлища. Провидѣніе, столь богатое въ произведеніи контрастовъ, укажетъ намъ на другой умъ, на другой характеръ, на другую судьбу, и, къ чести Франціи, все на тѣхъ же солдатахъ, т. е. всегда сметливыхъ, преданныхъ и неустрашимыхъ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАРТЪ 1845 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Въ Высочайшемъ указѣ за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ 9 (21) августа 1844 года, изображено: «Сообразуясь съ 39-ю статьею грамматы Нашей, въ 14-й день февраля 1832 года дарованной Нашему Царству Польскому, по силѣ коей раздѣленіе царства оставлено на прежнемъ основаніи токмо впредь до измѣненій, какія для общихъ пользъ сего края могли бы быть въ послѣдствіи признаны нужными, Мы въ тѣхъ же видахъ и въ дополненіе указовъ Нашихъ 23 февраля (7 марта) 1837 и 20 сентября (11 октября) 1842 года, признали нами за благо повелѣть и повелеваемъ:

Статья 1. Царство Польское, вмѣсто существовавшихъ доселѣ восьми губерній, будетъ состоять изъ пяти.

Статья 2. Таковое новое раздѣленіе сего края должно быть образовано посредствомъ соединенія въ цѣлости и въ настоящихъ предѣлахъ:

Губерніи Сандомирской съ Кельцкою, подъ названіемъ Радомской-Губерніи.

Подлясской съ Люблинскою, подъ названіемъ Люблинской-Губерніи, Калишской съ Мазовецкою, подъ названіемъ Варшавской-Губерніи.

Губерніи же Пляскавской и Августовской остаются въ прежнемъ ихъ состояніи.

Статья 3. Главными городами, въ которыхъ будутъ имать пребываніе начальствующія власти пяти губерній, назначаются:

Для Радомской-Губерніи — городъ Радомъ.

Для Люблинской-Губерніи — городъ Люблинъ.

Для Варшавской-Губерніи — городъ Варшава.

Города же Плоцкъ и Сулавки остаются по прежнему главными городами Губерній Плоцкой и Августовской.

Статья 4. Новое раздѣленіе Царства Польскаго, настоящимъ указомъ Нашимъ устанавливаемое, должно возымѣть свое дѣйствіе съ 20 декабря 1844 года (1 января 1845 года).

Статья 5. Исполненіе настоящаго Нашега указа, который долженъ быть внесенъ въ Дневникъ Законовъ, поручается Совѣту Управленія Царства Польскаго.»

— Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 30 августа 1842 года, учреждены здѣсь по дѣламъ закавказскаго края въ высшемъ ихъ отношеніи особый комитетъ и Временное Отдѣленіе въ составъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Нынѣ, по случаю окончанія Временнымъ Отдѣленіемъ порученныхъ ему занятій, Высочайшимъ указомъ, даннымъ 3 февраля, повелѣно: 1) Отдѣленіе это закрыть, распредѣливъ чиновниковъ его по особому назначенію. 2) Въ Комитетъ вносить впредь изъ министерствъ и главныхъ управленій вся дѣла по законодательной части и устройству вообще какъ закавказскаго края, такъ и Кавказской-Области, и 3) при Комитетѣ учредить особую канцелярію на основаніи Высочайше-утвержденныхъ положеній и штата, отпуская потребную на содержаніе ея сумму изъ государственнаго казначейства.

— Высочайше повелѣно: карантинную стражу, на томъ же точно основаніи, какъ и вся воинскія команды, снабжать медикаментами, матеріалами и прочими припасами изъ аптечныхъ магазиновъ или казенныхъ аптекъ, подвѣдомственныхъ Департаменту Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и отпустить ихъ производить сообразно каталогу, Высочайше-утвержденному въ 1841 году для полковыхъ и батальонныхъ аптекъ (Высоч. повел. 6 февраля).

— Высочайше утверждено положеніе о типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

— Разрѣшено учредить подъ главнымъ распоряженіемъ главноначальствующаго надъ Почтовымъ Департаментомъ и въ непосредственномъ выдѣлѣнн санктпетербургскаго почт-директора, отдѣленіе почтоваго пароходства, на тѣхъ же правилахъ, на какихъ устроено отдѣленіе почтовыхъ каретъ и брикъ. При семъ постановлено: служеніе при отдѣленіи почтоваго пароходства не считать государственною службою, предоставивъ санктпетербургскому почт-директору, съ разрѣшенія главноначальствующаго, определять нужныхъ для отдѣленія людей изъ разнаго званія, не включая служащихъ въ казенныхъ мѣстахъ, если они имѣютъ свободное отъ службы время. Чистый доходъ отъ парохода, за платежъ всѣхъ надержекъ, вносить въ одно изъ государственныхъ кредит-

ныхъ установлений и съ Высочайшаго разрешенія употреблять на усиленіе почтоваго пароходства (Высоч. повел. объявл. 13 февраля).

— Обнародовано Высочайше-утвержденное въ 13-й день декабря 1844 года положеніе о дунайскомъ казачьемъ войскѣ.

— Высочайше повелѣно: 1) Вся несостоящія еще въ вѣдѣніи Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій арестантскія роты гражданскаго вѣдомства подчинить теперь же сему управленію, по примѣру ротъ, уже подвѣдомственныхъ ему. 2) Изъ этихъ ротъ, находящихся въ городахъ: Херсонѣ, Екатеринославѣ, Симферополѣ, Кіевѣ, Тобольскѣ и Томскѣ, состоятъ въ вѣдѣніи мѣстныхъ строительныхъ комиссій, какъ это и по прочимъ губерніямъ установлено. 3) Арестантскую роту гражданскаго вѣдомства въ Москвѣ, впредь до учрежденія тамъ строительной комиссіи, передать въ завѣдываніе Правленія IV Округа Путей Сообщенія. 4) Прочимъ за тѣмъ арестантскимъ ротамъ, находящимся въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ строительныхъ комиссій, какъ то: въ Одессѣ двухъ, Таганрогѣ и Керчь-Еникаль, по полуротъ, оставаться по-прежнему въ зависимости мѣстнаго начальства подъ вѣдѣніемъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій. 5) На семъ же основаніи поступать и со всеми тѣми арестантскими ротами гражданскаго вѣдомства, которыя впредь формируемы будутъ (Высоч. повел. объявл. 12 февраля).

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 20 день мѣнувшаго февраля за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено: 1) на основаніи манифеста Нашею 1 июня 1843 года о государственныхъ кредитныхъ билетахъ, обмѣнъ ассигнацій на сіи билеты производится съ желаемымъ успѣхомъ; но между-тѣмъ находятся въ народномъ обращеніи ассигнаціонныя билеты Государственнаго Казначейства на 30,000,000 р., выпущенныя по указу Нашему 29 марта 1839 г., которые также должны быть изъ него извлекаемы, для скорѣйшаго приведенія къ единообразію всѣхъ денежныхъ знаковъ. Въ-слѣдствіе сего, по представленію управляющаго Министерствомъ Финансовъ, въ Государственномъ Советѣ разсмотрѣнному, призвавъ за нужное, для зашны означенныхъ ассигнаціонныхъ билетовъ назначать выпускъ, на основаніи прилагаемаго при семъ положенія, трехъ разрядовъ билетовъ, каждый въ 3,000,000 рублей на серебряную монету, повелѣваемъ: 1) билеты эти выпускать въ обращеніе по мѣрѣ поступленія въ государственное казначейство билетовъ ассигнаціонныхъ. Для сего одинъ разрядъ ихъ имѣеть быть выпущенъ въ первой половинѣ 1845 года; на выпускъ же другихъ двухъ разрядовъ частями, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, испрашивать управляющему Министерствомъ Финансовъ своевременно особые Наши указы; и 2) изъ числа вновь-выпускаемыхъ разрядовъ на 9,000,000 р. сер. излишнюю, за покрытіемъ 30,000,000 ассигнаціонныхъ рублей, сумму 428,570 р. обратить на погашеніе соразмѣрной части билетовъ государственнаго казначейства, изъ выпущенныхъ по указу Нашему 12 апрѣля 1840 года.

— Высочайше утверждены въ 19-й день минушаго февраля дополнителныя правила по производству дѣлъ въ кавалерскихъ думѣхъ.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Постановлено правиломъ, чтобъ при возврата въ Эзельскій Крестьянскій Банкъ хлѣбныхъ ссудъ, взыскиваемо было по шести съ четвертью процентовъ на сто, т. е. по четыре гарнца на четверть (Высоч. повел. 30 янв.).

— Высочайше утверждень въ 30-й день января временной штатъ повороссійскаго карантина, простирающійся до 8,000 р. сер. изъ Государственнаго Казначейства.

— Разрѣшено допустить въ Псковской-Губерніи на нынѣшній годъ выдачу безденежныхъ для крестьянъ, на простой бумагахъ, билетовъ, для отлучекъ собственно по Псковской и соседственнымъ съ нею губерніямъ (Высоч. повел. 7 февр.).

— Для вѣдшаго пособія Витебской-Губерніи въ-отношеніи къ обезпеченію продовольствія жителей ея, позволено выдавать помѣщикамъ крестьянамъ и мѣщанамъ на отлучки, для заработка, по Витебской и соседственнымъ съ нею губерніямъ безденежные, на простой бумагахъ, паспорта (Высоч. повел., объяв. 12 февр.).

— Высочайше повелѣно: 1) разрѣшить выдачу изъ Псковскаго Приказа Общественнаго Прізнанія помѣщикамъ Псковской-Губерніи, преимущественно для обезпеченія засѣва полей яровымъ хлѣбомъ, надбавочной ссуды на заложенные въ кредитныхъ установленіяхъ имѣнія, отъ 2 до 4 р. сер. на ревизскую мужскаго пола душу, назначивъ для этого вышче же изъ сказаннаго приказа 147,000 р. сер., и выдавая таковыя ссуды неотложно, соображаясь съ правилами, которыя 18 іюля 1840 года были Высочайше утверждены для надбавочныхъ займовъ въ Тульской, Калужской и Рязанской Губерніяхъ; и 2) для отсрочки взноса слѣдующихъ платежей и недоимокъ въ кредитныя учрежденія, прибавить къ назначенному Высочайше утвержденнымъ 24 минушаго января положеніемъ Комитета Министровъ двухгодичному сроку, еще одинъ годъ, и за тѣмъ. по примѣру оказаннаго въ августѣ 1844 года для Тульской и другихъ губерній сличенія, причислять къ капитальному долгу на остальное время займа изъ банковыхъ установленій недоимки, которыя произойдутъ отъ разсроченныхъ платежей, платежей надбавочныхъ ссудъ, предназначенныхъ вышче помѣщикамъ Псковской-Губерніи, которыхъ имѣнія заложены въ банковыхъ установленіяхъ, расположить на остальное время займа, по которому имѣніе принято въ залогъ (Высоч. повел., объявл. 16 февр.).

— Высочайше повелѣно: 1) разрѣшить выдачу изъ Витебскаго Приказа Общественнаго Прізнанія помѣщикамъ Витебской-Губерніи, преимущественно для обезпеченія засѣва полей яровымъ хлѣбомъ, отъ 2 до 4 р. сер. на ревизскую мужскаго пола душу, а по особеннo-уважительнымъ причинамъ, до 10 р. сер. на душу, съ разрѣшенія начальника губерніи, назначивъ для того вышче же изъ сказаннаго приказа

200,000 р. сер., и выдать въ такомъ размѣрѣ деньги, какъ, необходимо и немедленное пособіе, причислѣсь, впрочемъ, относительно обезвѣченія и платежа сихъ ссудъ, къ Высочайше утвержденнымъ 18 іюля 1840 года правиламъ для надбавочныхъ займовъ въ Тульской, Калужской и Рязанской Губерніяхъ и 2) при допущенной уже отсрочкѣ на три года вноса слѣдующихъ платежей и недоимокъ въ кредитныя учрежденія, причислить на остальное время займовъ изъ банковыхъ установленій къ капитальному долгу и недоимки, которыя произойдутъ отъ разсроченныхъ платежей; причеиъ уплату ссудъ, назначенныхъ вышѣ помѣщикамъ Витебской-Губерніи, расположить также на остальное время, по которому имѣнія приняты въ залогъ; возвратъ же ссудъ, которыя будутъ сдѣланы для незаложенныхъ имѣній, определятъ въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося 18 іюля 1840 года, при утвержденіи Его Величестваиъ вышеупомянутыхъ правилъ для займовъ въ Тульской, Калужской и Рязанской Губерніяхъ (Высоч. повелѣн., объяв. 8 марта).

— Учреждены армарки: 1) въ городѣ Каргополѣ, одна съ 15 по 25 марта, подъ названіемъ алексѣевской, а другая съ 20 іюня по 1 іюля, подъ названіемъ вѣновской, и 2) въ городѣ Галичѣ восьмидневная, съ 1-го декабря.

— Учреждены станціи: 1) въ Симбирской-Губерніи, между городомъ Арлатовымъ и г. Абрамовымъ, вместо прежней Шемарулинской станціи, двѣ новыя: одна въ деревнѣ Олевка, отстоящей отъ города Арлатова въ 18 верстахъ, а другая въ селѣ Талызинѣ, находящемся въ 22 верстахъ отъ Олевки и въ 22 верстахъ отъ Абрамова; и 2) въ Харьковской-Губерніи, между городомъ Изюмомъ и слободою Тавлянкою, находящаяся отъ соседственныхъ съ нею станцій: Изюмской въ 17 и Тавлянской въ 14 $\frac{1}{4}$ верстахъ.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Директору состоящаго при Московскомъ Художественномъ Обществѣ Училища Живописи и Ваянія, по хозяйственной части, присвоивается VIII классъ и повелѣно учредить при семъ Училищѣ должность инспектора, съ присвоеніемъ оной также VIII класса.

— Повелѣно: 1) директору и врачу учрежденной въ вѣдѣніи Общества Любителей Садоводства въ Москвѣ школы садоводства и имѣнія Студенецъ присвоить права государственной службы, кромѣ однако права на полученіе пенсіи изъ казны. 2) Должность означеннаго директора по расписанію должностей гражданской службы тиести къ VII классу. Врача же въ отношеніи винопроизводства подчинить существующимъ по медицинской части особымъ на сей предметъ правиламъ, изображеннымъ въ 848—891 ст. Свода Устав. о Службѣ по опредѣленію отъ Правительства (изд. 1842 г.). 3) Помѣнутымъ директору и врачу предоставить право носить мундиръ, присвоенный званіямъ заведеній Государыни Императрицы, согласно положенію, съ изображеніемъ на пуговицахъ мундирѣ герба Московской Губерніи, по примѣру званнаго Демидовскаго Дома Прваренія Труянцнхся.

— Статью 751 Пенс. Уст. повелѣно пояснить тѣмъ, что заключающееся въ ней правило, о выслугѣ пяти лѣтъ послѣ поступленія вновь на службу изъ отставки, для зачета къ пенсiи прежней службы, не относится къ медицинскимъ, ветеринарнымъ и фармацевтическимъ чиновникамъ, составившимъ при изданiи пенсiоннаго положенiя 22 марта 1833 года по медицинскому ведомству на службу и бывшимъ въ отставку уже въ послѣдствiи.

IV. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКIЕ.

— По предмету составленiя товариществъ лицами, участвовавшими въ торгахъ, повелѣно пояснить подлежащiя статьи какъ общаго Свода Законовъ, такъ и Свода Военныхъ Постановленiй слѣдующимъ образомъ: товарищества между частными лицами по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, составившiяся до производства торговъ, въ отношенiи къ торгу, представляютъ одно лицо. Подобныя товарищества не могутъ быть составлены во время производства торговъ, какъ между лицами, бывшими на торгахъ, такъ и тѣми, которыя явились на переторжку. Но по совершенномъ окончанiи торговъ, составленiе означенныхъ товариществъ не воспрещается, съ тѣмъ только, чтобъ контрактъ заключался всегда съ лицомъ, за которымъ остался подрядъ или поставка на торгахъ, какъ ответствующимъ предъ правительствомъ за выполненiе принятой имъ на себя обязанности, по точной силѣ существующихъ о томъ узаконенiй. *Примѣчанiе.*—Постановленiе это не касается питейныхъ откуповъ и поставокъ вина, которыя производятся на основанiи особыхъ правилъ. (Высоч. объяв. 21 февр.).

— По предмету застрахованiя строенiй, представляемыхъ въ залогъ по обязательствамъ частныхъ лицъ съ казною, повелѣно: I). Въ дополненiе и измѣненiе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановлено: а) въ залогъ по обязательствамъ частныхъ лицъ съ казною принимаются тѣ лишь строенiя, которыя надлежащимъ образомъ застрахованы страховыми отъ огня обществами. б) Страхование этихъ залоговъ продолжается до совершеннаго ихъ, по исполненiи обязательствъ съ казною, окончанiя. в) Своевременное возобновленiе застрахованiя возлагается на залогодателей или контрагентовъ; но если они этого не исполняютъ, то означенное возобновленiе производится по правиламъ, установленнымъ относительно застрахованiя заложенныхъ въ Заемномъ Банкѣ домовъ (ст. 437 и 444 Уст. Кредит. т. XI изд. 1842 г.) мѣстами, принявшими залогъ или обязанными имѣть наблюденiе за выполненiемъ условiй, этими законами обеспеченныхъ. г) Потребныя на возобновленiе страхованiя деньги, если оно не будетъ сдѣлано самими контрагентами, употребляются изъ суммъ, какiя до сего указаны будутъ Министерствомъ или главными управленiями, каждымъ по своей части. Возмѣщенiе же этой уплаченной страховому обществу суммы, обращается на счетъ контрагента, у котораго она удерживается при первой выдачѣ ему отъ казны по контракту денегъ, если таковыя слѣдуютъ; а въ противномъ случаѣ пополняется изъ самыхъ залоговъ. За все же время, въ которое деньги эти не будутъ возвращены въ казну, взыскивается

по 6 процентовъ на сто. д) Деньги, улачиваемыя страховыми обществами, за поврежденіе отъ пожара принятыхъ въ залогъ зданий, отсылаются для превращенія процентами, въ кредитныя установленія, гдѣ и остаются до освобожденія зданий этихъ изъ залога, и при совершенномъ выполненіи обязательства выдаются залогодателю; въ противномъ же случаѣ, обращаются въ уплату падающаго на несправнаго контрагента зысканія. II. Вышеназложенныя правила привести въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1845 года. III. Сила этихъ правилъ не распространяется на принятые въ залогъ до приведенія ихъ въ дѣйствіе строенія, какъ вообще по договорамъ съ казною, такъ по литейнымъ откупамъ. IV. Министерству Финансовъ предоставляется, при составленіи кондицій на слѣдующіе съ 1847 г. винные откупа, принять означенныя правила къ надлежащему соображенію. (Высоч. утв. 29 янв. мн. Гос. Сов.).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАРТЪ 1845 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. — Обнародовано Высочайше утвержденное въ 19 день минушаго января положеніе о Мѣщанскомъ Дѣвичьемъ Училищѣ въ Москвѣ. Представляемъ изъ сего положенія краткое извлеченіе. Это училище учреждается на иждивеніи московскаго купеческаго общества для сиротъ женскаго пола и дочерей бѣдныхъ родителей купеческаго и мѣщанскаго званій. Учрежденіе его предпринято по случаю бракетанія Государя Наслѣдника Цесаревича съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Государынею Цесаревною Марією Александровною. Цѣль училища состоитъ въ томъ, давъ приличное образованіе остающимся въ безпомощномъ состояніи малолѣтнимъ дѣвцамъ и обучивъ ихъ разнымъ рукодѣльямъ и домашнему хозяйству, доставить имъ средства содержать себя въ-послѣдствіи собственными трудами. Оно помѣщается въ принадлежащемъ купеческому обществу зданіи, при содержимой имъ богадельнѣ. Собственно для воспитанницъ, при училищѣ содержится особый лазаретъ. Училищемъ управляетъ совѣтъ, состоящій подъ председательствомъ городского главы, изъ трехъ почетелей, которые избираются купеческимъ обществомъ, чрезъ каждые три года, изъ почетныхъ гражданъ и купцовъ всѣхъ гильдій. Оно имѣетъ эконома, писемководителя и смотрительницу. Учителя приглашаются совѣтомъ изъ лицъ, имѣющихъ право на преподаваніе наукъ; для обученія же воспитанницъ рукодѣльямъ нанимаются особыя учительницы. Кроме должностныхъ лицъ, по управленію училищемъ, приглашаются градскимъ главою, изъ особъ высшаго московскаго купечества, три почетныя почетельницы, которыя утверждаются въ сихъ званіяхъ приговорами купеческаго общества. Онѣ посѣщаютъ училище во всякое время, входятъ въ разсмотрѣніе порядка управленія и содержанія онаго, засѣдаютъ въ совѣтѣ училища и даютъ свои мнѣнія; но къ невременному присутствованію въ совѣтѣ не обязываются. На содержаніе училища ку-

печеское общество отпускаетъ, изъ собственныхъ суммъ, по три тысячи шести сотъ рублей серебромъ въ годъ. Кроме того на удовлетвореніе расходовъ по училищу обращаются могущія поступить въ пользу оного добровольныя денежные приношенія. Для первоначальнаго устройства училища и обзаведенія его всеми потребностями, назначена купеческимъ обществомъ особая сумма. Въ училище принимаются православнаго исповѣданія дѣти женскаго пола, возраста отъ роду 12 и 14 лѣтъ. Но первый разъ назначается содержать шестьдесятъ штатныхъ воспитанницъ, но въ-послѣдствіи число ихъ можетъ быть увеличено, по усмотрѣнію купеческаго общества. Кроме штатныхъ воспитанницъ, принимаются пансіонерки, комплектъ которыхъ зависитъ отъ удобства помѣщенія училища. Поступающія въ училище дѣвочки должны уметь читать по-русски; въ необходимыхъ же случаяхъ принимаются и неимѣющія никакихъ предварительныхъ познаній. За каждую пансіонерку вносится въ советъ впередъ за цѣлый годъ плата, соразмѣрная суммѣ, употребляемой на содержаніе каждой штатной воспитанницы. Предметы преподаванія слѣдующіе: законъ Божій, священная исторія, чтеніе, чистописаніе, грамматика, арифметика, и выкладка на счетахъ, краткая руссійская исторія, географія и рисованіе, относящееся къ женскимъ рукодѣльямъ. Учебный курсъ продолжается четыре года и разделяется на четыре класса. Для приобретенія свѣдѣній въ домашнемъ хозяйствѣ, смотрительница назначаетъ ежедневно двухъ воспитанницъ дежурными въ училищѣ, по всемъ относящимся до хозяйства частямъ. Устройство участи выпущенныхъ изъ училища безпріютныхъ сиротъ и дѣвицъ бѣдныхъ родителей, неимѣющихъ средствъ къ содержанію своихъ дѣтей, возлагается на обязанность совета, который прискиваетъ имъ места служанокъ, нянекъ, ключницъ, швей, и т. п.

— Въ Кавказской Областной Гимназій повелѣно оставить только одного учителя латинскаго языка; въ замѣнъ же другаго учителя сего языка определить втораго учителя татарскаго языка, съ жалованьемъ и правами старшаго гимназическаго учителя.

Промышленность. — Высочайше утвержденъ въ 9-й день мѣсяца февраля Уставъ Перново-Феллинскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Оно имѣетъ цѣлю распространеніе усовершенствованнаго хозяйства, местности свойственнаго, и содѣйствіе въ этомъ Ляонландскому Экономическому обществу. Общество состоитъ изъ членовъ: действительныхъ, почетныхъ и корреспондентовъ. Действительные члены избираются преимущественно изъ местныхъ жителей губерній, известныхъ своими трудами и свѣдѣніями въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности; они дѣлаютъ одновременный денежный по собственному усмотрѣнію взносъ и за тѣмъ подчиняются ежегодному взносу по 6 р. с.; отъ усмотрѣнія же совета зависитъ возвысить его до 10 р. с. Въ почетные члены избираются лица, знаменитыя своими особенными познаніями, трудами и любовью къ сельскому хозяйству. Въ члены — корреспонденты могутъ быть избираемы какъ русскіе подданные, такъ и иностранцы, живущіе въ Россіи и изъ оной. Общество пользуется особымъ покровительствомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и Ляонландскаго

Экономическаго Общества. Общество заботится о собраніи въ Пермво-Феллинскомъ округѣ самыхъ подробныхъ свѣдѣній о состояніи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности; сообразуя эти свѣдѣнія, оно изыскиваетъ средства къ развитію улучшеній по всемъ отраслямъ сельскаго хозяйства и въ особенности по тѣмъ, которыя местными свойственны. Вообще меры къ распространенію какой-либо отрасли сельскаго хозяйства могутъ состоять: а) въ издаваніи сочиненій и предложеній на разрѣшеніе какихъ-либо хозяйственныхъ вопросовъ. б) Въ испытаніи и приведеніи въ дѣйствіе усовершенствованныхъ методовъ и земледѣльческихъ орудій, признанныхъ особенно полезными для пермво-Феллинскаго округа. в) Въ учрежденіи выставокъ земледѣльческихъ произведеній. г) Въ образованіи хорошихъ хозяйствъ по тѣмъ отраслямъ хозяйства, распространеніе которыхъ, судя по местнымъ нуждамъ, общество находитъ болѣе необходимымъ. д) Въ продажѣ за умеренную плату семянъ растений, племенныхъ домашнихъ животныхъ, орудій и проч. е) Въ награжденіи, изъ суммъ общества, денежными преміями лицъ, отягчившихся въ усовершенствованіи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства и въ хозяйствахъ у высшаго начальства, чрезъ посредство Лифляндскаго Общепользнаго Экономическаго Общества, наградъ за особенные ихъ подвиги.

— Въ-теченіе второй половины 1844 года, при казенныхъ и частныхъ заводахъ Уральскаго-Хребта, получено золота въ казенныхъ заводахъ 67 пуд. 19 фунт. 69 зол.; въ частныхъ 78 пуд. 9 фун. 43 зол. 48 дол., а всего 145 пуд. 29 фун. 18 зол. 48 дол. Платины: заводовъ казенныхъ 24 зол., частныхъ 23 пуд. 30 фун. 93 зол. 48 дол.

— Въ алтайскомъ округѣ казенныхъ заводовъ и на частныхъ промыслахъ Западной и Восточной Сибири добыто золота въ 1844 г. 974 пуда 20 фун. 61 зол. 14 дол.; въ нерчинскомъ округѣ 15 пуд.; все добытое въ этотъ годъ золото, составляетъ 1,299 п. 22 ф. 92 зол. 38 дол., кромѣ золота, получаемаго отъ раздѣленія алтайскаго и нерчинскаго серебра, въ количествѣ до 42 пуд., съ которыми всего золота будетъ до 1,341 пуд. 22 фун. 92 зол. 38 дол., болѣе противъ 1843 г. 47 п. 22 фун.

Благодарность. — Дворянство Московской-Губерніи, въ губернской собраніи своемъ, бывшемъ въ январь прошлаго года по случаю выбора дворянъ въ равныя должности, изъявило единодушное желаніе пожертвовать изъ своихъ доходовъ 55,500 рублей сер. на воспитаніе во Второмъ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ бѣднѣйшихъ дворянскихъ дѣтей. Получивъ отъ московскаго военнаго генерал-губернатора подлинное постановленіе о семъ дворянства, г. министръ внутреннихъ дѣлъ представлялъ въ подлинникъ въ Комитетъ Господъ Министровъ. Государь Императоръ, по положенію Комитета, утвердивъ означенное постановленіе дворянства, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить дворянству за такое пожертвованіе на воспитаніе юношества Всемилоостивѣйшее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

— Въ Саратовѣ дѣшъ былъ благородный спектакль въ пользу дѣт-

скаго пріюта, и собрано суммы, за исключеніемъ расходовъ, до 600 р. серебромъ.

— Нижегородскій 1-й гильдіи купецъ И. Т. Дубинскій представилъ при письмѣ къ г. исправляющему должность нижегородскаго военного губернатора 1,000 руб. сер., назначенныя въ тотъ капиталъ для вспоможенія бѣднымъ, которому основаніемъ послушныя собраніе передъ праздниками (до блатоу) 1,281 р. 76 коп. асс. Вся эта сумма, состоящая теперь изъ 1,286 р. 21½ к. сер. поступила въ Нижегородскій Приказъ Общественнаго Пріората.

V.

К Р И Т И К А.

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, или избранная часть из Русскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, съ присовокупленіемъ правилъ Риторики и Поэтики, и обзорнаго Исторіи Русской Литературы, издаваемая Николаемъ Гречемъ. Издаваніе третіе, исправленное и пополненное. Четыре части. Санктпетербургъ. 1844.

(Посвящается учителямъ и ученикамъ русской словесности.)

Статья вторая и последняя.

За риторикой, у г. Греча слѣдуетъ поэтика. При введеніи въ теорію поэзіи, первѣйшая обязанность автора—представить ясное, ясное опредѣленіе поэзіи, въ которомъ сошлись бы всея ея черты. Если хоть одно поэтическое произведеніе выстаетъ изъ сферы опредѣленія, это значитъ, что самъ авторъ имѣетъ сбивчивое понятіе о предметѣ опредѣляемомъ. Г. Гречъ начинаетъ поэтику съ различія между прозою и поэзіею. «Проза» говоритъ онъ: «противоположна поэзіи, или стихотворству: возмездствомъ первой человекъ сообщаетъ другому свои мысли или управляетъ его волею, помощью взгляда

иной дѣйствуетъ на его чувства и воображеніе» (ч. 3, § 1). Умалчивая о томъ, что авторъ до-сиха-порѣ смѣшиваетъ поэзію съ стихотворствомъ, замѣтить, что между сообщеніемъ мысли и дѣйствіемъ на чувства или на воображеніе нѣтъ противоположности, а есть только различіе. Притомъ, это различіе выражено безъ всякихъ условій, тогда-какъ извѣстно, что прозаическія сочиненія допускаютъ также извѣстную степень чувства и воображенія: проповѣдникъ часто заставляетъ своихъ слушателей плавать; историкъ, воспроизводя живыхъ отжившихъ людей или характеры историче-

ских лицъ, представляет иногда то и другое такъ живо, что мы отличаемъ его искусство особеннымъ именемъ *исторической живописи*. Учебная книга должна устранять основательныя возраженія, которыя легко могутъ родиться въ головѣ каждаго умнаго ученика. Развивая мысль свою, авторъ, во 2-мъ параграфѣ, продолжаетъ: «Прозою изображаются предметы существующіе, истинныя; поэзію картины и вымыслы воображенія». Если проза *противоположна* поэзіи, то изъ этихъ словъ курса слѣдуетъ заключить, что картины принадлежатъ къ предметамъ несуществующимъ, и что вымыслы воображенія суть предметы не истинныя, т. е. ложныя. Развѣ поэты лгутъ? Основаніемъ прозѣ служатъ преимущественно мысли; въ поэзіи первенствуютъ чувствованія. Здѣсь авторъ отказывается уже отъ воображенія, и переходитъ къ чувствованіямъ, думая видѣть ихъ въ каждомъ поэтическомъ произведеніи, даже въ баснѣ Крылова: *Тришкинъ Кафтанъ*. Словесныя произведенія, дѣйствительно, являюся подлѣ преимущественнымъ вліаніемъ духовныхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ отличительное свойство; въ поэзіи господствуютъ силы художественныя или творческія: *чувство изліцнаго и фантазія*, отъ чего созданія поэтовъ, представляющія міръ идеальнo-возможный, или поражаютъ насъ преимущественно картинами, или удивляютъ особенною силою чувствъ, или въ счастливомъ равновѣсіи держатъ то и другое. По-этому, г. Гречъ подгумналъ довольно-странно, уничтоживъ, къ концу 2-го параграфа, воображеніе и сохранивъ одни чувствованія. Сбивчивое понятіе автора о краснорѣчій и поэзіи не только сирываетъ отъ него дѣйствительныя ихъ различія, но и заглаживаетъ его безпрерывно противорѣчить собственнымъ словамъ. Второй параграфъ утверждаетъ, что въ поэзіи *пересекаются* чувствованія, а 7-й говоритъ, что «поэтъ или выражаетъ только собственныя чувства и *домышленія*...» и въ этихъ словахъ ста-

вить *помышленія* (т. е. мысли) наравнѣ съ чувствами, какъ понятіе ему равночинное. То же самое разумѣть и 6-й параграфъ, когда утверждаетъ насъ, что поэзія въ началѣ своемъ была естественнымъ выраженіемъ чувствъ или сообщеніемъ мысли. Сведемъ еще на очную ставку 2 и 9 параграфы: первый представилъ прозѣ предметы *существующіе*, а поэзіи картины и вымыслы воображенія; по мнѣнію втораго, поэзія занимается описаніемъ *предметовъ существующихъ* или только *воображаемыхъ существующими*. Или не уничтожаетъ того, что передъ нимъ находится. Дидактическая поэзія рѣшительно выходитъ изъ-подъ власти поэзіи: «она (§ 202) представляетъ понятія и общія истины, облеченныя покровомъ поэзіи; она не *вымышляетъ* изображаемыхъ ею истинъ». Если поэзію изображаются картины и вымыслы воображенія, то какъ же дидактическая поэзія не *вымышляетъ*? На слѣду учебныхъ книгъ, логика скажетъ ученикамъ, что «приличное роду приличествуетъ и каждому его виду»...

Не знаемъ, кто возьметъ на себя обязанность цирить логику съ учебными книгами русской словесности, но справедливость требуетъ сказать, что «Учебная Книга» г. Греча не имѣетъ истиннаго понятія ни о прозѣ, ни о поэзіи. Мы находимъ въ ней запутанность въ словахъ, сбивчивость въ мысляхъ, противорѣчіе предвѣдущаго нѣжеслѣдующаго. Правда, иногда авторъ какъ-бы оцупью или съ чужаго голоса приближается къ истинѣ, но вдругъ забываетъ сказанное и самъ же сокрушаетъ свой картонный ямокъ. Такъ въ § 3 между прочимъ говорится, что «последній (поэтъ) облечаетъ мысли въ *одесуду чувствескую*». Это недурно, потому-что близко къ истинѣ: вѣдѣтъ же было раздѣлять дидактическую поэзію (§ 203) на собственно-дидактическую или поучительную, и аллегорическую, изъ которой последняя сообщаетъ нравственныя истины и уроки въ видѣ картинъ (*въ чувствеской одесудѣ*), а пер-

ма представляеть истины (знать чужими!) и чувствованія непосредственно (т. е. не въ видѣ картины, не въ чувственной одеждѣ)?... Мы всегда думали, что какъ челоуѣку слѣдуетъ почаще обращать глаза на пройденный путь жизни, такъ и автору учебныхъ книгъ необходимо прочитывать сказанное нѣтъ прежде. Въдѣ двѣсти параграфовъ написать — не поле перейдетъ: мадо ли что говорится въ третьемъ и мадо ли что забывается при 203-мъ? Всего досаднѣе, что критическому положенію г. Греча не помогло и Аристотель, который, подобно всѣмъ философамъ, всуе-призываемымъ, поступилъ очень-неудачливо. Вотъ его опредѣленіе поэзіи, приведенное г. Гречемъ (§ 4): «поэзія есть умственное подражаніе природы». Что жь въ этомъ пользы? Развѣ этимъ опредѣленіемъ вышутывается нѣтъ быдѣ и согласаются противорѣчій. Учебной Книги?»

Поможемъ г. Гречу. Поэзія есть истина въ прекрасныхъ образахъ или въ прекрасно-чувственной формѣ. Вое-производитъ ли поэтъ дѣйствительно-существующее, творитъ ли мѣръ идеально-возможный, т. е. то, что могло или можетъ быть, оны всегда и вездѣ выражаетъ истину, для которой вымыселъ фантазіи служитъ только свѣтлымъ покровомъ, блистательной одеждой. Намъ кажется, что «Учебная Книга» легко усвоила бы это всѣмъ-извѣстное опредѣленіе поэзіи, еслибъ сумѣла провести его по всѣмъ родамъ и видамъ поэтическихъ произведеній. Но лирическая поэзія привела автора къ недоумѣнію: какіе образы, думалъ оны, тамъ, гдѣ поэтъ выражаетъ востревшій мѣръ свой, мѣръ чувствованій и мыслей, безплотныхъ, безличныхъ? Поэтика образность эпическихъ и драматическихъ пьесъ, въ которыхъ есть событіе и дѣйствующія лица, есть завязка и развязка, есть, однимъ словомъ, сюжетъ, басня: какъ понять образность оды, пѣсни, элегіи?

А подать было не трудно. Образность лирической поэзіи составляютъ: во-первыхъ, тѣ лица, которыя иногда

вводятся поэтомъ въ пьесы, ибо лирический поэтъ имѣетъ право говорить отъ имени другихъ, какъ и отъ самого себя; во-вторыхъ, тѣ олицетворенія, въ которыхъ является природа у лирическаго поэта: таковы, на-примѣръ, *Дары Терека* (Лермонтова), *Туча* (Пушкина), *Ночь* (Жуковскаго); въ-третьихъ, тѣ яркія картины, которыми облекаетъ поэтъ задуманные свои чувства и для которыхъ не всегда нужно цѣлое изображеніе, но часто достаточно одного стиха, одного слова, одного удачнаго эпитета; въ-четвертыхъ: личность самого поэта, который, иногда даже въ мелкихъ лирическихъ произведеніяхъ, представляеть опредѣленную картину своего ума и сердца, такъ-что читатель, съ помощію собственной фантазіи, легко можетъ составить себѣ ясное понятіе о поэтѣ, хотя этотъ поэтъ выразилъ въ своемъ произведеніи только одно чувство, не вдаваясь ни въ какія подробности. Прочтите стихотвореніе Жуковскаго: *Тоня и Демьянъ*: вы узнаете жизнь автора, всѣ ея стремленія и надежды. Прочтите *Воспоминаніе*, А. Пушкина: вы увидите, чѣмъ былъ оны противъ воли и чѣмъ бы могъ быть при другихъ обстоятельствахъ.

Вмѣсто всего этого, г. Гречъ, для яснѣйшаго узаванія различій между прозой и поэзіею, прибѣгнулъ къ глубокомысленному сравненію: «Прозанкъ говорить, стихотворецъ поеть» (§ 3). Конечно, сравненіе замысловато и легко для уразумѣнія, потому-что каждый отличить пѣніе отъ простаго разговора; но оно не объемлетъ всего предмета, и въ этомъ его недостатокъ. Есть люди, которые говорятъ нарспѣвъ и поютъ говоркомъ: куда отнести ихъ — къ прованкамъ, или къ поэтамъ? Потомъ, что прикажете дѣлать съ речитативомъ, занимающимъ средину между пѣніемъ и разговоромъ? Надо-но будетъ выдумать особенный родъ сочиненій, который соотвѣтствовалъ бы речитативу, и назвать ихъ прозо-поэтическими или поэзіе-прозамческими.

Чувствуя, какъ неопредѣленно и

сбивчиво его понятіе поэзіи, г. Гречъ въ нѣсколькихъ параграфахъ возвращається къ опредѣленію поэзіи, которое ему, какъ нарочно, не дается. «Поэзія есть свободное *дѣйствіе* творческаго чувства и воображенія нашего, выражаемое словомъ; есть *стремленіе* представить словами идеальныя созданія воображенія» (§ 4). Въ первой половинѣ опредѣленія занимаютъ мѣсто воображеніе и чувство; во второй — Богъ-знаетъ отъ-чего — осталось одно только воображеніе, хотя самъ авторъ именуетъ чувство *творческою* способностью (*id.*). Поэзія названа *свободнымъ* творчествомъ: какъ понимать слово *свободный*? Это слово, въ настоящемъ случаѣ, не такъ-то опредѣлительно и ясно, чтобъ можно было оставлять его на догадку учащихся. Сверхъ-того, поэзія названа *дѣйствіемъ* и *стремленіемъ*: что значать эти названія? Если *дѣйствіе* показываетъ какой-нибудь актъ творческихъ силъ, нѣчто уже произведенное, совершенное, то нельзя замѣнять его словомъ *стремленіе*, выражающимъ усилія наши произвести что-нибудь, а не самое произведеніе. Но усилія, въ дѣлѣ искусства, не имѣютъ никакого вѣса, и мы представляемъ «Учебной Книгѣ» читать тѣхъ поетовъ, которые ничего не писали и о которыхъ Пушкинъ сказывалъ: «Блаженъ, кто молча былъ поэтъ!»

Читатели извинятъ насъ, что мы такъ долго стоимъ на первыхъ страницахъ пѣттики. Опредѣленіе науки — дѣло серьезное: въ него, какъ въ центра, должно развиться все содержаніе двухъ послѣднихъ частей «Учебной Книги». Намъ хочется — во что бы ни стало — уяснить предметъ для г. Греча и навести его на истинную точку зрѣнія. Въ § 4 говорится: «Поэзія есть стремленіе *представить* словами идеальныя»; въ § 5: «Умъ сообщаетъ законы *внѣшнихъ* формъ поэзіи»; въ § 15: «Въ первой части пѣттики вслѣдуются правила *наружнаго* изложенія поэтическихъ произведеній, т. е. *языка поэзіи*». Слова: *внѣшнихъ*, *наружнаго*

показываютъ, что существуютъ *внѣшнія* формы поэзіи, есть *внѣшнее* изложеніе поэтическихъ произведеній. Наружное изложеніе, внѣшняя форма заключаются въ языкѣ: что же будетъ внутреннимъ изложеніемъ, внутренней формой? гдѣ они? Г. Гречъ намъ этого не сказываетъ. Мы даже подозреваемъ, что онъ очень-сбивчиво понимаетъ формы поэтическихъ произведеній. А предметъ, право, легкій.

Вѣроятно, самъ почтенный авторъ не понимаетъ, что хотѣлъ онъ выразить слѣдующими словами: «*Разсудокъ* указываетъ правила и средства къ исполненію сего дѣйствія (*дѣйствія творческаго чувства и воображенія нашего*). Умъ сообщаетъ законы *внѣшнихъ* формъ поэзіи (§ 5)». Такое различіе ума и разсудка очень-оригинально: нѣтъ сомнѣній, что оно изобрѣтено г. Гречемъ. Трудно также понять, какимъ образомъ поэзія искусственная (не народная) могла явиться по составленіи правилъ пѣттики: развѣ правила науки предшествуютъ образцамъ, а не выводятся изъ образцовъ? Люди, до изобрѣтенія грамматикъ, говорили правильно; поэты, до аристотелевой пѣттики, были поэтами. Пѣттика, по словамъ самого автора, «излагаетъ законы поэтическихъ формъ и отношеній ихъ къ изображаемому предмету» (§ 14). Но знаніе законовъ, по которымъ дѣйствуетъ творчество, не даетъ еще творчества: *poeta nascuntur*. Пустьъ г. Гречъ припомнитъ, что написалъ онъ самъ: «наука стихотворства (!?) предполагаетъ въ стихотворцѣ всѣ исчисленныя нами свойства и способности», то-есть *вложенное* чувство, творческое воображеніе, большую дѣятельность ума, острый и твердый разсудокъ, чистый вкусъ и совершенное познаніе предметовъ, входящихъ въ кругъ его созданія. Шутка вымолвить! Поэту нуженъ не только умъ, но и *разсудокъ*: гдѣ же ихъ взять, когда Богъ не далъ? Неужели прибѣгнуть за ними къ пѣттикѣ? Вліяніе каждой науки ограничивается известною степенью пользы, которая никогда не дерзствуетъ др-

дѣломъ возможнаго. Видѣть происхожденіе искусственной поэзіи въ правилахъ пѣнники значить извращать обычный ходъ предметовъ, верхъ называть низомъ, а низъ верхомъ.

• Всякая поэзія дѣлится на двѣ главные части: подлежательную, или субъективную, и предметную, или объективную» (§ 7). Почтенный авторъ, видно, хотѣлъ сказать: на два главные рода. Употребить здѣсь *часть* вмѣсто *рода*—то же, что употребить *родъ* вмѣсто *части*, говоря о раздѣленіи «Учебной Книги». Смѣшно, конечно, выразиться такъ: «Учебная Книга Русской Словесности» дѣлится на четыре *рода*: въ первыхъ двухъ говорится о прозѣ, въ остальныхъ о поэзіи. Грамматической ошибки здѣсь не имѣется, но зачѣмъ дѣлать логическія ошибки или ставить слова въ несвойственномъ имъ значеніи?

Другое дѣленіе поэзіи (*на классическую и романтическую*) возникло не въ слѣдствіе внутреннихъ законовъ природы, а отъ случайностей (!?), сопряженныхъ съ образомъ жизни и понятіями народовъ древнихъ и новыхъ» (§ 8). Странно, однакожь, встрѣтить на первомъ мѣстѣ между *случайностями*—что бы вы думали?.. *противоположность христіанства* съ греческимъ баснословіемъ: развѣ это случайность? Къ другимъ *случайностямъ* отвесены: семейственная жизнь и отношенія жевскаго пола, и большое развитіе и образование ума человѣческаго въ жизни, слѣдственно и въ поэзіи. Мы же знаемъ, что г. Гречъ разумѣть подъ «внутренними законами природы»: можетъ-быть, онъ принимаетъ въ уваженіе только законы физической природы, а въ исторіи видитъ одно сѣбіленіе случайностей... Смѣемъ утвердить его, что онъ ошибается: историческое шестіе человѣка совершается по неизмѣннымъ, необходимымъ законамъ; развитіе ума нашего въ жизни и въ поэзіи такъ же покороено извѣстными правилами, какъ увеличеніе камня въ объемъ, возрастаніе дерева и животнаго. Да и самъ авторъ подъ копейку наарафа сбивается на правду,

говоря, что «дѣйствіе *сикъ* началъ на жизнь человѣческую пронаводитъ различіе между поэзіею классическою и романтическою». *Случайность* можетъ ли быть *началомъ*, т. е. *закономъ*? Богъ проститъ автору, если онъ смѣшалъ значенія разнородныхъ словъ; но въ такомъ случаѣ не надобно уже выдавать себя за *чистѣйшаго* писателя, который знаетъ русскій языкъ, и котораго русскій языкъ знаетъ.

Статья о стихосложеніи исполнена многихъ новостей, которыя мы слышимъ въ первый разъ и, вѣроятно, услышимъ ихъ отъ одного г. Греча. Объясняя сущность количественнаго стихосложенія, свойственнаго языкамъ греческому и латинскому, авторъ серьезно говорить, что въ этихъ языкахъ «*утверждены правила*, по которымъ извѣстныя гласныя буквы, сами собою или по сочетанію своему съ согласными, имѣютъ количество» (§ 20), и что «свойство греческихъ и латинскихъ стопъ происходило отъ условнаго количества слоговъ» (§ 25). Еслибъ почтенный авторъ потрудился прочесть любую метрику древнихъ языковъ, то онъ не сказалъ бы этого. Онъ узналъ бы тогда, что отношеніе долгихъ и краткихъ слоговъ вовсе не было дѣломъ условнымъ или произвольнымъ; дѣти, безъ всякихъ правилъ, знали его, по свидѣтельству Квинтиліана: *Longam (syllabam) esse duogum temporem, brevem unum etiam uerigi sciunt*. Греческій и латинскій языки, по природѣ своей, естественно, а не въ силу положенныхъ условій, имѣли въ словахъ, кромѣ удареній, еще особенное свойство извѣстныхъ слоговъ, которое отлично отъ обыкновеннаго ударенія, такъ-что часто въ одномъ и томъ же словѣ удареніе и знакъ долгаго слога находятся на равныхъ мѣстахъ. Ложное основаніе повело г. Греча и къ ложнымъ выводамъ: онъ думаетъ, что тоическое стихосложеніе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ближе *подражаетъ* количественному (§ 25). Можно ли и должно ли *подражать* тому, чего нѣтъ въ природѣ словъ? Какъ искать

совершенства въ томъ, что противно духу нашего языка? У насъ есть ударенія, и нѣтъ долготы и краткости слоговъ: оставимъ же послѣднее и обратимся къ первому. Самъ г. Гречъ замѣчаетъ, что обыты количественныхъ русскихъ стиховъ были неудачны. Печальные опыты должны учить насъ благоразумію.

Въ народныхъ русскихъ стихахъ «Учебная Книга» не видитъ ни стопъ, ни равнаго числа слоговъ, ни созвучій, ни сочетаній ритмъ. Правила ихъ, по ея мнѣнію, состоятъ только въ томъ, что каждый стихъ долженъ имѣть известное число удареній—не грамматическихъ, на которыхъ основано наше новѣйшее стихосложеніе, а ораторскихъ или риторическихъ (!!) (§ 47). Совѣтуемъ почтенному автору прочесть трактатъ г. Дубенскаго о стихосложеніи нашихъ пѣсень: тамъ изложены различные ихъ размѣры весьма - удовлетворительно, такъ что г. Кубаревъ, будучи противнаго съ г. Дубенскимъ мнѣнія, согласился въ послѣдствіи, что «народныя пѣсни, особенно веселыя, большею частію состоятъ изъ правильныхъ тоническихъ стиховъ, преимущественно тѣ, въ которыхъ употреблены двухсложныя стопы, или такты». Г. Гречъ не половрѣваетъ, что изъ его же собственныхъ словъ выводится понятіе о размѣрѣ: пѣніе, будь оно народное или не народное, подчинено всегда какому-нибудь опредѣленному такту, и ударенія, которыя угодно автору называть риторическими, или ораторскими, находятся одни отъ другихъ на известныхъ разстояніяхъ. Протяженіе голоса, какъ въ пѣніи, такъ и въ разговорѣ, требуетъ равномѣрныхъ количествъ времени, подводимыхъ подъ болѣе или менѣе-правильные законы. Возьмемъ стихи о трехъ удареніяхъ:

Вд холѣ березанька стояла,
Вд холѣ кудравая стояла.

Поставивъ ударенія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они приходятся въ пѣніи, получимъ слѣдующій размѣръ:

1 0 0 0 | 1 0 0 0 | 1 0,

что составляетъ первый пеонъ.

Вотъ стихи объ одномъ удареніи:

Мелки пташечки
Вовъ изъ сѣлка
Вылетѣли;

они образуютъ двойной амфибрахий:

0 0 | 0 0.

Въ пѣснѣ:

Вд саду ли въ огородѣ,
Дѣвница гуляла,

ясно различаешь хорейскіе стихи: / 0 | / 0 | / 0 | / 0 |, и такъ далѣе. Какъ же сказать послѣ этого, что «народныя русскіе стихи не имѣютъ ни стопъ, ни равнаго числа слоговъ»? Кто беретъ за составленіе учебниковъ, тотъ обязанъ имѣть современное понятіе о различныхъ вопросахъ, касающихся его предмета.

Переходимъ къ лирической повѣи: «Лирикъ обязанъ руководствоваться вкусомъ и умомъ, и не долженъ выражать предметовъ простыхъ слогомъ высокимъ, и предметовъ возвышенныхъ слогомъ низкимъ» (§ 53). Правило это безъ сомнѣнія выведено изъ одъ Тредьяковскаго и Петрова, которыя свято держались раздѣленія слога на высокій, средній и низкій, и полагали закономъ приходить въ болѣшій или меньшій восторгъ, смотря на болѣшую или меньшую важность предметовъ пѣснопѣнія. Но они не знали, вѣсть съ г. Гречемъ, что въ лирической повѣи, кромѣ предметовъ, возбуждающихъ чувство, надобно принимать въ расчетъ и душу, способную чувствовать такъ или иначе; что одинъ и тотъ же предметъ дѣйствуетъ на разныхъ поэтовъ различно, пробуждая въ нихъ различные ощущенія, и что, слѣдовательно, характеръ, *тонъ* лирической пѣсней не столько зависитъ отъ свойства избраннаго предмета, сколько, во-первыхъ, отъ *постоянной личности* поэта и, во-вторыхъ, отъ *случайнаго состоянія души* его. Какъ часто восторженные по-

бы представляли луну, величая ее царлицею ночи, богиней, очаровательной, лѣнливой, и т. п.; но Пушкинъ называлъ ее и небосклонъ *лутыми*. Что прикажете съ нимъ дѣлать? Державинъ, лирикъ по-преимуществу, ясно понималъ свое достоинство, когда съ благородною гордостью предрекалъ себѣ безсмертіе:

... широкъ я дерзнулъ въ забвѣннѣхъ рус-
скомъ словѣ,
О добродѣтеляхъ Фемиды возгласить,
Въ сардечной простотѣ бесѣдовать о Бо-
гѣ,
И истину Царямъ съ улыбкой говорить.

Онъ первый изъ нашихъ поэтовъ воз-
ставилъ правду въ шуткахъ; но этотъ
шутливый тонъ, составляющій ориги-
нальность нашего поэта, есть истин-
ный лиризмъ: онъ несравненно-выше
высоковарной настроенности преж-
нихъ, искусственныхъ, ложныхъ олъ.
Удивительно, какъ г. Гречъ, соединяя
въ себѣ теоретика, практика и истори-
ка русской литературы, не знаетъ ха-
рактеристическаго отличія Держави-
на.

Раздѣленіе лирическихъ произведе-
ній основано въ «Учебной Книгѣ» на
особенной логикѣ: «по различію и сте-
пени чувствованій, выражаемыхъ лири-
ческихъ поэтомъ, и стихотворенія ли-
рическа биваютъ разныхъ родовъ,
по внутреннему своему содержанию и по
наружной формѣ» (§ 84). Никто, ко-
нечно, не ожидалъ такого вывода. Изъ
двухъ основаній дѣленія: различія и
степени чувствованій, должны были
бы явиться два дѣленія: въ одномъ, ли-
рическія стихотворенія раздѣстились
бы по различію чувствъ, въ дру-
гомъ—по ихъ силѣ или степени. Могло,
если угодно, выйти и одно дѣленіе:
по чувствованіямъ, т. е. по внутренне-
му содержанию стихотвореній. Но ка-
кимъ образомъ зашла наружная форма,
которой не было въ основаніи дѣле-
нія?.. Г. Гречъ взялъ ее со стороны,
чтобъ набрать ни болѣе, ни менѣе се-
ми *главнѣйшихъ* родовъ лиры, которые
суть: 1) пѣсня; 2) ода; 3) гимнъ; 4) ди-

оирамбъ; 5) кантата; 6) элегія; 7) мел-
кія лирическія стихотворенія: сонетъ,
тріолетъ, рондо, эпиграмма, мадри-
галъ, эпитафія. Одинъ взглядъ на это
равнохарактерное дѣленіе убѣждаетъ
каждаго, что здѣсь безъ толку смѣша-
ны различныя, никогда-несходящія-
ся основанія дѣленія: и чувствованія,
и форма, и даже объемъ, который мо-
жетъ быть мелкимъ и производитъ
особенный разрядъ *мелкихъ* лириче-
скихъ стихотвореній. Всего забавнѣе
то заблужденіе г. Греча, по которому
онъ къ *главнѣйшимъ* родамъ лириче-
скихъ произведеній относитъ *мелкія*
стихотворенія, не замѣчая противорѣ-
чія между *главнѣйшимъ* и *мелкимъ*. По
слѣдамъ «Учебной Книги» позволено
будетъ говорить: къ *важнѣйшимъ* пред-
метамъ относятся также *неважныя*
вещи. Но это еще не все. Забывъ, что
рондо, тріолетъ, и проч., помѣщены
имъ въ разрядъ *главнѣйшихъ* стихото-
вореній, г. Гречъ, въ § 81, говоритъ:
«Тріолетъ есть *шрушка* въ стихотор-
ствѣ». *Шрушка*—и *главнѣйшій* родъ ли-
рической поэзіи!! Вотъ по истинѣ ори-
гинальное понятіе объ относительной
важности и неважности предметов!..

Кромѣ главнѣйшихъ родовъ, въ
«Учебной Книгѣ» есть *смѣшанныя* лири-
ческія стихотворенія. Слово *смѣшанныя*
должно повимать такъ, что въ нихъ
сходятся нѣсколько различныхъ осно-
ваній дѣленія: и содержаніе, и форма,
и мелочь; и что, слѣдовательно, онѣ со-
единяютъ въ себѣ два или многіе изъ
главнѣйшихъ родовъ лиры. Г. Гречъ
понимаетъ свои слова другимъ обра-
зомъ. У него къ *смѣшаннымъ* лириче-
скимъ стихотвореніямъ отнесены: 1)
лирическая поэма, составляющая *пере-
ходъ* къ поэзіи эпической; 2) посланіе,
составляющее *переходъ* къ поэзіи дидак-
тической (!?). Едва-ли кому прійдетъ въ
голову называть *смѣшанными* лириче-
скими стихотвореніями тѣ пѣссы, кото-
рыми лира связывается или съ эпо-
сомъ или съ драмой: ихъ обыкновенно
называютъ *переходными* родами или
видами. Одни составляютъ *переходъ*
къ эпической поэзіи, когда въ нихъ къ

лирическому элементу присоединить эпический; другіе къ драматической, когда въ нихъ есть элементъ драмы.

Смѣшанными родами не кончилась комедія: погодите еще немного. До сихъ поръ каждый предметъ подчинялся извѣстному роду или виду по своимъ существеннымъ признакамъ, которые означаются названіемъ этого предмета, именемъ его. Прилагательное, присоединяемое къ имени, указываетъ на какой-нибудь оттънокъ главныхъ свойствъ и есть дѣло второстепенное. Такъ *сатирический* романъ относится къ романамъ, а не къ сатирѣ, *историческая* драма—къ драмамъ, а не къ исторіи, *героическая* ода—къ одамъ, а не къ героямъ. Лирическая поэма, какъ видно изъ ея названія, есть поэма; слѣдовательно, принадлежитъ къ поэзіи эпической. По какому праву г. Гречъ загналъ ее въ отдѣлъ лиры? Не эпическій элементъ присоединенъ здѣсь къ главному, лирическому элементу, какъ думаетъ почтенный авторъ, а на оборотъ: лирический элементъ занимаетъ второстепенное мѣсто, подчиненъ главному, эпическому. Сколько намъ извѣстно, все *каменные* дома называются домами, а не камнями; *озелѣнныя* крыши числятся крышами, а не желѣзами.

Намъ, право, жаль, что «Учебная Книга» такъ сильно запуталась въ простотѣ и очень-ясномъ дѣленіи лирическихъ произведеній. Основаній для этого дѣленія очень-много. Главнѣйшее заключается въ самомъ содержаніи — т. е. въ *различіи чувствъ*, выражаемыхъ поэтомъ. Другія, не менѣе-важныя, суть: *тонъ*, *характеръ* пьесы, зависящій отъ силы чувства; *различіе предметовъ*, возбуждающихъ чувства; наконецъ *внѣшній видъ*, *форма* стихотвореній. Объемъ, или величина произведеній, какъ начало антираціональное, отбрасывается всѣми хорошими учебниками, даже въ первомъ ихъ изданіи, потому-что смѣшно видѣть раздѣленіе пьесъ на *крупныя* и *мелкія*.

• Пѣсня есть выраженіе одного опредѣленнаго чувствованія (а не *духъ*?); въ формѣ, способной для пѣнія. (§ 53).

Слова: «одного опредѣленнаго чувствованія» совершенно-лишнія: каждая лирическая пьеса выражаетъ одно и опредѣленное чувствованіе; *единое* мысли или чувства есть главный законъ всѣхъ, какъ поэтическихъ, такъ и не-поэтическихъ произведеній. Отличіемъ пѣсни остается, слѣдовательно, «форма, способная (!) для пѣнія». Это справедливо, когда дѣло идетъ о пѣснѣ собственно такъ-называемой или о пѣснѣ, въ тѣсномъ смыслѣ вѣстой; но несправедливо, если говорится о пѣснѣ вообще, предѣлы которой раздвинуты въ настоящее время на большое пространство. Какъ ода, отъ первоначальнаго своего вида перешла къ болѣе-обширному значенію, такъ и къ пѣснѣ принадлежатъ теперь не одні пьесы, сочиняемыя для пѣнія и терпящія свою цѣну безъ музыки, но и всѣ тѣ, въ которыхъ выражаются чувства, пробужденныя живою симпатіею къ предмету, равному намъ, вызывающему полную любовь нашего сердца. «Великая Тайна» и «Послѣдняя Борьба» (Кольцова), «Туча» и «Даръ случайный, даръ напрасный» (Пушкина), «Желаніе» (Хомякова), «Ночь» (Жуковского), и множество другихъ подобныхъ пьесъ—все это пѣсни въ общирномъ, современномъ ея значеніи.

• Предметомъ пѣсни бываютъ *преимущественно* (какіе же предметы *не преимущественно*?) чувствованія тихія, кроткія, *не возбуждающія ее поэтно сильною оосторіа*. (§ 56). А *страстные* пѣсни, въ которыхъ любовныя воспѣваютъ всю силу пылкихъ чувствъ своихъ? А *военныя* пѣсни Тиртея, призывающаго на бой и мщеніе?

• Пѣсни бываютъ новыя и старыя, или простонародныя. (§ 57). Если всѣ простонародныя пѣсни стары, то не всѣ не-простонародныя пѣсни новы. Сумароковъ писалъ пѣсни, которыя не принадлежатъ къ народнымъ, но которыя смѣшно, однакожъ, называть *новыми*. Гораздо-лучше выразиться такъ: пѣсни бываютъ народныя или безъискусственныя (плодъ естествен-

ной поэзии), и художественныя (плоды искусства).

•Сверхъ того (*сверхъ старинныхъ и новыхъ пьесъ*) есть пѣсни круговыя, или востольныя, и солдатскія • (Id.). Каковой быстрый скачокъ изъ одного дѣянія въ другое! Отъ времени авторъ прямо шагнулъ къ столу и солдатамъ. Но въ послѣднемъ случаѣ далеко не исчислены всѣ роды: есть пѣсни матросскія, бурлацкія, разбойничьи...

Въ числѣ пѣсень находимъ романсъ Меразюкова: *Велисарій*, хотя авторъ и оговорился въ примѣчаніи (§ 56), что пѣсни, въ которыхъ заключается какой-нибудь разсказъ, принадлежатъ къ поэзіи эпической. Такъ строго согласованы у него правила съ примѣрами!

Опредѣленіе оды вовсе не согласовано съ ея раздѣленіемъ. • Ода выражаетъ какое-либо сильное чувство или восторженное состояніе души въ самой совершенной формѣ • (§ 59), а въ 61 § явились оды *анакреонтическія*, въ которыхъ воспѣваются *наслажденія жизни* (вляска, вино, любовь). Далѣе: • бывають оды *забавныя или шуточныя* •. Наконецъ: • къ одамъ и пѣснямъ принадлежатъ еще тѣ мелкія стихотворенія, которыя, не имѣя развѣра, приличнаго стихотвореніямъ лирическимъ, выражаютъ мимолетную мысль, легкое сужденіе поэта о какомъ-либо предметѣ; вынужденное чувство, возбужденное въ немъ, или очеркъ картины, поразившей его взоры. • Короче: все, что не принадлежитъ къ элегій, наитатѣ, поэмѣ и т. д., есть ода. Почтенный авторъ плохо изучилъ историческое развитіе лирическихъ родовъ, отъ чего и выходитъ у него насильственное сѣшеніе прежнихъ формъ съ настоящимъ положеніемъ предмета.

Отличительныхъ свойствъ оды два: *возвышенность чувства и сильное его движеніе*.

Возвышенность чувства, сильная степень вдохновенія могутъ явиться только въ томъ случаѣ, когда поэтъ, пораженный величіемъ предмета, останавливается предъ нимъ, сравнивая съ его силой силы души своей и стараясь

возвыситься до него своимъ чувствомъ, свою мыслью. Таково, на-прим., вдохновеніе религиозное, внушаемое величіемъ Бога, чудесами природы; таково вдохновеніе, возбуждаемое великими событіями. Только великое способно возбуждать восторгъ, и этотъ восторгъ является рѣдко, какъ рѣдко все великое: посему-то такъ мало истинно-поэтическихъ одъ.

Восторженность, отличающая оду, состоитъ именно въ порывахъ, т. е. въ сильныхъ движеніяхъ духа. Но одного стремительнаго порыва чувства недостаточна еще для цѣлой оды: оны ослабѣваетъ на мгновение, чтобы снова явиться съ прежнею силою; и изъ этихъ-то переходовъ чувства отъ одного паренія къ другому образуется ода, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть большаго объема, ибо восторгъ не бываетъ продолжителенъ. Тѣ грубо ошибаются, которые думаютъ продолжать оду, когда восторженность ослабѣла и чувство успокоилось: ода ихъ назъ поэзіи переходитъ въ реторику.

Гимны принадлежатъ къ отдѣлу оды, и есть первая и древнѣйшая ея форма • (§ 65). За чѣмъ же оны отдѣлены отъ одъ? Древность формы есть только первый моментъ развитія оды, а не особенный родъ. А авторъ позволяетъ же въ некоторыхъ одамъ, помѣщеннымъ въ его книгѣ (*Богъ, Утренняя и вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, Подражаніе псалмамъ* и проч.), именоваться гимнами: можно позволить и гимнамъ • Учебной Книги • именоваться одамъ.

Дѣло въ томъ, что Греки отъ собственно-такъ-называемыхъ одъ, въ которыхъ преимущественно воспѣвались народныя событія и похвала героямъ, отличали пѣсни религиозныя, священныя (гимны). Но такъ-какъ • Учебная Книга • раздѣлила оды на духовныя, торжественныя и философскія (§ 61), то не было ей ни малѣйшей надобности слѣдовать Грекамъ и помѣщать въ особенной статьѣ гимны, которые чистона-чисто суть духовныя оды.

• Характеръ гимна состоитъ не въ пареніи лирическомъ, подобно характеру оды, а въ торжественномъ, благоговѣйномъ чувствѣ, выражаемомъ душою пламенною и вѣрующею» (§ 66). И такъ, вотъ гдѣ различіе между гимномъ и одой: въ торжественномъ, благоговѣйномъ чувствѣ. Но если ода однимъ концомъ своимъ стоитъ на восторженномъ состояніи души, на важнѣйшихъ истинахъ для человека, а другимъ — на забавномъ или шуточномъ (§ 59, 60 и 61), то пространство, лежащее между такими отдаленными концами, столь велико, что на немъ, безъ сомнѣнія, найдется мѣсто для любой торжественности, для любого благоговѣнія. Другими словами: гимнъ отыщется себѣ уголокъ въ обширной области, отведенной «Учебною Книгою» одамъ.

• Диеирамбомъ называлась у древнихъ Грековъ ода, которую пѣли при торжествахъ Вахуса: онъ отличался самымъ пламеннымъ, неистовымъ восторгомъ поэта, *уморнаго дарами воспламеняема имъ божества (?)* (§ 69). Такъ было у Грековъ, за исключеніемъ того, что будто-бы сочинители диеирамбовъ необходимо должны были быть пьяными. Въ послѣдствіи, характеръ диеирамба измѣнился, какъ измѣняется все навсѣгдъ. Этимъ именемъ обозначается теперь лирическое стихотвореніе, исполненное пламенныхъ ощущений: такъ есть у насъ вакхическія пьесы вообще, вакхическія пѣсни въ особенности, хотя въ нихъ нѣтъ и помина о Вахѣ, и хотя поэты пишутъ ихъ въ трезвомъ состояніи.

• Въ русской литературѣ нѣтъ диеирамбовъ» (Id.). Неправда! Есть диеирамбы, близкіе къ первоначальному ихъ виду: «Торжество Ваха» (Пушкина); есть диеирамбы новаго, измѣненнаго вида: «На побѣды Суворова» (Державина), «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» (Жуковскаго), «Клеветникамъ Россіи» (Пушкина).

Что есть элегія?.. Лирическое стихотвореніе, въ которомъ выражается сдѣланное чувствованіе радости и печали — чувствованіе сладостнаго унынія,

возбуждаемаго въ душѣ *воспоминаніемъ объ утраченномъ блазѣ*» (§ 72). Такимъ опредѣленіемъ авторъ хочетъ сказать, что источникъ грусти, выражаемой въ элегіи, принадлежитъ исключительно воспоминанію и, слѣдовательно, относится только къ прошедшему времени. Если такъ, то мы не видимъ причины, почему въ примѣрѣ элегіи, выставленныхъ «Учебною Книгою», зашла пьеса Пушкина: «Предчувствіе смерти», гдѣ поэтъ, *не потерявъ* еще перваго *блага* въ жизни — самой жизни, тоскуетъ при мысли о грядущей смерти. Конечно, виновать въ этомъ не Пушкинъ, написавшій прекрасную элегическую пьесу, а г. Гречъ, не умѣвшій составить правильнаго опредѣленія элегіи послѣ такого богатства элегіи.

Изъ примѣровъ, въ которыхъ поэты, недовольные настоящимъ, обращались къ прошлому, выводить заключеніе о необходимости воспоминанія въ элегіи, думать, что только воспоминаніе вдохновляетъ элегическую музу, — значить отъ частнаго заключать къ общему, что противно первымъ основаніямъ логики. Когда Овидій, томясь въ ссылкѣ, жаловался на судьбу, которая удалила его изъ просвѣщенной отчизны въ страну варваровъ, — онъ дѣйствительно воспоминалъ дни прошлаго счастья. Когда Жуковскій идетъ на сельское кладбище грустить по разлукѣ съ милыми, — стопы его также направляютъ «милое воспоминаніе о томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ». Печальная память сердца есть богатый матеріалъ для элегіи, которыя въ первоначальномъ своемъ видѣ преимущественно на ней и основывались, ибо предчувствіе приходитъ послѣ, когда человекъ умѣетъ или, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлать. Но, кромѣ воспоминанія, живущаго въ минувшемъ, есть чувство настоящаго горя или предчувствіе будущаго: и то и другое принадлежать элегіи по праву. Ей же принадлежитъ изображеніе того ипогдасильнѣйшаго горя, которое протекаетъ не отъ дѣйствительныхъ утратъ, но отъ ожидаемъ возможныхъ бѣдъ, а отъ печаль-

наго возвращенія на жизнь. Сюда, между отечественными произведеніями, относятся многія пьесы Баратынскаго и Лермонтова. Возвращеніе на жизнь (миросозерцаніе) объемлетъ всѣ три времени и переходитъ часто за предѣлы вренной жизни: поэтическое выраженіе грустной мысли, которой трудно положить предѣлы, будетъ какъ-вельзамбольше элегическимъ. Въдѣ иногда въ самомъ поэтѣ зародышъ печали! Спросите, что заставляетъ его предаваться скорбному волненію: утраченное ли счастье, или ожидаемое несчастье? Нѣтъ,

...онъ счастья не ищетъ,
И не отъ счастья бѣжить.

Онъ, какъ «Парусь», ищетъ бури: свѣтлыя струи лазури и золотыя луча солнца не довольствуютъ души его.

Итакъ, кругъ элегій гораздо-обширнѣе того, въ который посадилъ ихъ г. Гречъ на цѣпъ воспоминанія. Онѣ могутъ имѣть дѣло со всѣми тремя моментами времени: имъ принадлежатъ и потерянные блага, и текущая горестъ, и ожидаемое бѣдствіе; онѣ же возникаютъ изъ печальнаго возвращенія на жизнь, независимо отъ злополучія или благополучія.

«Элегіи, въ которыхъ говоритъ не самъ сочинитель, а какое-либо вымышленное лицо, называются *героидами*» (id.). Здѣсь, при всевозможной грамматической правильности, три грубыя ошибки: *Первая* состоитъ въ томъ, что г. Гречъ называетъ *вымышленными* тѣ лица, которыя выражаютъ свои горестныя чувства въ героидахъ: лицо можетъ быть вымышленнымъ или невымышленнымъ, а героида останется героидой. Намъ извѣстны въ этомъ родѣ стихотворенія Овидія: *Пенелопы къ Улиссу* (переведенное Мерзляковымъ), *Парисъ къ Еленѣ*, *Дидона къ Энею*: развѣ эти лица вымышлены Овидіемъ? Вымышляетъ авторъ обстоятельство, случай, которыя заставили писать героиду, потомъ чувства и мысли, въ ней выраженные; но, въ этомъ отноше-

ніи нѣтъ ни одного поэтическаго произведенія, свободнаго отъ вымысла, потому-что таково свойство поэзіи, которая *творитъ*, не довольствуясь миромъ дѣйствительнымъ; и упоминать о вымыслѣ по поводу героиды значить прилагать къ ней то замѣчаніе, которое имѣетъ мѣсто при каждомъ родѣ стихотвореній. *Вторая* ошибка заключается въ разногласіи между опредѣленіемъ пьесы и ея названіемъ; тогда какъ, во всѣхъ хорошихъ учебникахъ, имя и сущность предмета, именемъ означаемого, должны быть согласны, служить одно другому поясненіемъ. Названіе *героиды* показываетъ, что лицо, вводимое авторомъ, есть *герой* или *героиня*, лицо знаменитое или чѣмъ-нибудь извѣстное, слѣдовательно не *какое-либо*, какъ выразился г. Гречъ. Это знали еще почтенный Сумароковъ, авторъ героиды: *Оснелда къ Завлашу*, о которыхъ исторія молчитъ, но которые, однакожъ, были княжескаго рода. Со-вѣтуемъ г. Гречу прочесть... хоть «Словарь Остолопова», за дальностью иностранныхъ источниковъ. *Третья* ошибка есть сама героида: на какомъ основаніи составляетъ она особенный поэтической видъ? Изъ опредѣленія видно, что въ ней выражаются грустныя чувства не отъ имени автора, а отъ лица вводимого, героя, въ формѣ посланія. Первый признакъ — выраженіе чувствъ *не отъ имени автора* — принадлежитъ къ признакамъ внѣшнимъ, случайнымъ: можно ли строить на немъ роды и виды поэтическихъ твореній? У насъ есть романы, повѣсти, поэмы, въ которыхъ авторъ, скрывая свою личность, вводитъ посторонняго рассказчика или передаетъ право рассказа дѣйствующему лицу: неужели для этихъ романовъ, повѣстей и поэмъ надобно образовывать особенныя роды и выдумать особенныя названія? Второй признакъ — выраженіе чувствъ *героини* или *героинями* — еще менѣе заслуживаетъ вниманіе науки, потому-что дѣленіе поэтическихъ родовъ по относительной важности дѣйствующихъ лицъ противно логикѣ.

Мы смѣемся даже надъ дѣленіемъ трагедіи на героическую и мѣщанскую, а вѣдь оно нѣсколько лучше раздѣленія элегій на героиды и не-героиды. Если бы различіе сословій имѣло значительный вѣсъ въ литературѣ, то и сельскія стихотворенія раздѣлились бы по различію людей, живущихъ въ селѣ или близъ села: явилась бы мѣшлѣя пастушеская, земледѣльческая, садовническая, охотничья, даже солдатская, къ которой г. Гречъ могъ бы не-шутя отнести очень-хорошее стихотвореніе Дельвига: *Отставной Солдатъ*. Конечно, героида изобрѣтена не г. Гречемъ; это плодъ давноминушаго времени; но мы, кажется, живемъ не въ цвѣтущее время схоластики, любившей пустыя построенія, а въ половинѣ XIX столѣтія, которое ничего не допускаетъ безъ достаточно-важныхъ причинъ. Грѣшно было г. Гречу внести старыя вещи и въ первое изданіе своей книги (1819 г.), но повторять ихъ въ третьемъ изданіи (1844 г.), чрезъ четверть столѣтія послѣ перваго... какъ это можно?

Куда же отнести героиду?.. Каждое лирическое произведеіе выражаетъ какое-нибудь чувство: слѣдовательно, въ различіи чувствъ должно искать различія лирическихъ произведеній. По грусти, своему основному элементу, героида принадлежитъ къ элегіямъ; но какъ эта грусть выражается въ видѣ письма, то нѣкоторые причисляютъ героиду къ посланіямъ. Тамъ принимается въ соображеніе *основное чувство* пьесы; здѣсь—*форма*. Что же касается до дѣйствующихъ лицъ, героевъ или не-героевъ, это — дѣло особое, о которомъ всего лучше... не говорить.

Изъ всего сказаннаго читатель ясно увидитъ новое повтореніе старой истины, что грамматическая правильность сочиненія и его внутреннее достоинство весьма-часто находятся въ обратномъ, прямо-противоположномъ отношеніи. Посмотрите: всѣ правила этимологіи и синтаксиса строго соблюдаемы г. Гречемъ въ трехъ строкахъ, представляющихъ искаженную

характеристику героиды: подлежащее и сказуемое согласованы какъ слѣдуетъ, окончанія словамъ даны приличныя, придаточное предложеніе подчинено главному подлежащимъ образомъ, знаки препинанія стоятъ на своихъ мѣстахъ — и между-тѣмъ три грубыя ошибки! Отъ-чего это?—отъ-того, что нѣтъ логической точности, которой нельзя выучиться изъ грамматики; нѣтъ умѣнья выражаться опредѣлительно, что также дается не грамматикой; наконецъ, нѣтъ нужныхъ, достаточныхъ свѣдѣній въ теоріи словесности и исторіи словесности.

Въ замѣнъ правильно-полнаго опредѣленія элегій, г. Гречъ счелъ нужнымъ прибавить, что въ древности элегій сочиняемы были въ *смѣшанныхъ* (?) *экзастрахъ* и *пентаметрахъ*. Учащійся ровно ничего не замѣтитъ въ этомъ *важномъ* замѣчаніи: что такое *смѣшанныя* гексаметры и пентаметры? какими образомъ ихъ смѣшали? Авторъ хоть и ссылается на § 16 своей книги, но въ § 16 нѣтъ ни слова ни о гексаметрахъ, ни о пентаметрахъ. Учитель долженъ будетъ поправить г. Греча и сказать: «древніе употребляли для элегій особенныя стихи, *элегическіе*; они имѣшали гексаметръ съ пентаметромъ *черезъ строку* въ-теченіе всей пьесы». Притомъ, видно неизвѣстно г. Гречу, что элегическій размѣръ у древнихъ не былъ исключительною принадлежностью элегій: Каллимахъ писалъ имъ гимны; Тиртей—военныя пѣсни. Наконецъ, если ужъ нужно говорить о формахъ и размѣрахъ, которыми древнія стихотворенія отличались отъ новыхъ, то нужно говорить о всѣхъ или о главнѣйшихъ поэтическихъ родахъ. Авторъ оказалъ исключительное предпочтеніе элегіямъ (какъ-будто одиѣ элегій любопытны въ этомъ отношеніи!) и не упоминаетъ объ особенномъ видѣ древнихъ одъ, молчитъ объ одахъ Пиндара, раздѣленныхъ на строфы, антистрофы и эподы. Вѣсто замѣчаній о размѣрѣ, нужныхъ для полноты подробнаго курса, а не для наполненія тощей «Учебной Книги»,

гораздо было бы полезнее объяснить причины, по которым элегия, не имевшая большого значенія въ древности, заслонилась собою, въ новомъ мѣрѣ, другія поэтическія прозаведенія. Сочинителю предстоялъ здѣсь случай, изъ сравненія стихій древняго и новаго міра вывести упадокъ однихъ и возвышеніе другихъ поэтическихъ родовъ. Для новѣйшей поэзіи, элегия есть любимая, задушевная нѣснь: что тому причиной?.. Но г. Гречъ не думаетъ обрѣчь: онъ опускаетъ важное и заботится о малозначительномъ.

Статья о лиро-эпическихъ стихотвореніяхъ скудна до крайности. «Учебная Книга» относитъ къ нимъ только оныя, въ которыхъ поэтъ не довольствуется изложеніемъ однихъ собственныхъ своихъ чувствъ, но повѣствуетъ о происшествіяхъ или вводитъ историческія лица (§ 91). Сдѣлаемъ почтеному ветерану русской словесности нѣсколько полезныхъ на этотъ предметъ замѣчаній. Раздѣленіе лирическихъ стихотвореній на *чисто-лирическія* и *лиро-эпическія* зависитъ отъ двоякаго способа развивать чувство, лежащее въ основаніи нѣссы. Это развитіе можетъ быть или *непосредственное*, когда поэтъ выражаетъ чувство въ собственномъ его видѣ, высказываетъ его прямо, безъ помощи другихъ предметовъ — событій или лицъ; или *посредственное*, когда поэтъ выражаетъ чувство въ формѣ разсказа или въ разговорѣ лицъ, введенныхъ имъ въ пѣсню. Въ первомъ случаѣ, являются стихотворенія *чисто-лирическія* (пѣсня, ода, сатира); во второмъ *лиро-эпическія*, подраздѣляемыя на *временныя* и *постоянныя* лиро-эпическія. Къ временнымъ можетъ относиться и ода и сатира; къ постояннымъ относятся: 1) идилліи и элегии — стихотворенія, перешедшія къ намъ отъ древнихъ; 2) баллады и романсы, явившіяся въ средніе вѣка; 3) историческія пѣсни и историческія думы, въ которыхъ изображается чувство, свойственное первымъ вѣкамъ народнаго существованія.

«Подобныя стихотворенія, по содержанию своему, принадлежатъ къ поэзіи эпической, а по *расположенію, краткости и слогу* относятся къ лирической» (§ 92). Почему жь не отвесены они къ эпической? Содержаніе гораздо важнее расположенія, краткости и слога, вѣзыхъ вѣстѣ: не такъ ли, почетный сочинитель?.. Вижу, что вы готовы согласиться съ нами; но я скажу вамъ по секрету, что соглашаться не слѣдуетъ. Въ лиро-эпическихъ стихотвореніяхъ главное дѣло не разсказъ (какъ вы думаете), который есть только форма развитія чувства, а чувство, разсказомъ возбуждаемое.

«Посланіе (эпистола, пѣтическое письмо) есть не иное что, какъ литературное или философское письмо въ стихахъ, т. е. облеченное въ формы поэзіи и взаимствующее языкъ ея. Отъ обыкновеннаго письма отличается оно *преимущественно* (!) тѣмъ, что пишущій посланіе имѣетъ въ виду не одного того, къ кому пишетъ, но *всѣхъ читателей своихъ*» (!?) (§ 96). Вы не вѣрите глазамъ своимъ, почетный читатель? Право, такъ: глаза ваши не обманываютъ васъ. Именно то напечатано въ третьей части «Учебнаго Курса», на стр. 231. Къ чести автора думаемъ, что онъ хотѣлъ сказать что-нибудь иное, подѣльнее и несправедливѣе. Постараемся войти въ его скрытую мысль. Въ «посланіи», чувства и мысли возникаютъ изъ сношеній одного лица съ другимъ или съ другими: это обстоятельство, безъ сомнѣнія, есть дѣло случайное, неважное; но въ настоящемъ случаѣ оно важно тѣмъ, что имъ объясняются характеристическія отличія стихотворенія. Посланіе составляетъ особенный родъ въ слѣдствіе особенной его формы — формы писема, которое требуетъ извѣстныхъ обращеній, преимущественно въ началѣ и заключеніи. Нѣтъ ли мажнѣйшей надобности автору имѣть въ виду *всѣхъ читателей своихъ*: это вздорная мысль. Авторъ можетъ писать для одного только лица, не думая ни мало о читателѣ, не замечая своего творенія въ

печатать; иногда обстоятельства запрещают даже гласность, но содержание посланія должно имѣть болѣе или менѣе-общій интересъ, ибо поэтическія формы условливаются болѣе или менѣе-интереснымъ содержаніемъ: для мелочей житейскихъ есть проза и краткія записки, теорія которыхъ изложена «Учебною Книгою». Да и самая поэтическая форма, независимо отъ содержания, можетъ интересовать любопытныхъ читателей. Такъ-какъ два знакомые человека могутъ говорить обо всемъ, то предметы посланій разнообразны, безчисленны: мысли, чувства, вѣщанія, происшествія равно служатъ имъ матеріаломъ, въ изложеніи котораго всегда выскажется болѣе или менѣе личность пишущаго, отъ-чего посланія включаются въ отдѣлы лирическихъ произведеній. Потому, допускаются въ посланія большая свобода въ выраженіи мыслей, переходы изъ одного тона въ другой, уклоненія отъ главнаго предмета, однимъ словомъ: все, что имѣетъ мѣсто и въ обыкновенномъ разговорѣ, при взаимныхъ сношеніяхъ людей.

Эпическая поэзія имѣетъ въ «Учебной Книгѣ» два главные разряда, на слѣдующемъ основаніи: «поэтъ изображаетъ 1) главное происшествіе въ жизни героя, или 2) большую часть его жизни» (§ 102). По этой разумной (!) причинѣ, эпическая поэзія дѣлится на I. Собственно-эпическую, изъ которой принадлежатъ:

- 1) Поэма эпическая,
  - 2) Стихотворная (!) повѣсть,
  - 3) Баллада и романсъ, и
- II. Романсъ, заключающій въ себѣ:
- 1) Собственный романсъ (?)
  - 2) Прозанческую (!) повѣсть, и
  - 3) Сказку (id.)

Прекуррѣнное дѣленіе: надобно отдать ему справедливость. Почтенный авторъ твердо убѣжденъ, что одно происшествіе изъ жизни лица должно быть вѣрнѣе предметомъ поэмы эпической, или стихотворной повѣсти,

или баллады и романса, и дивакъ ужь не можетъ быть предметомъ романа, прозаической повѣсти, сказки, и наоборотъ. Еслибъ онъ придумилъ «Рамайяну», «Магабхарату», «Нибелунги», то отказался бы отъ своихъ словъ, узнавъ, что поэмы эти объемлютъ такую обширную, многосложную кругъ дѣйствій, котораго, по теоріи «Учебной Книги», достанетъ на десятокъ романсовъ. Какъ поэма, такъ и романсъ могутъ имѣть предметомъ всю или большую часть жизни героя, или только одно событіе изъ его жизни: не въ этомъ, вѣднѣмъ, обстоятельстве ихъ коренное различіе. Различіе ихъ заключается въ неодинаковомъ представленіи предмета, что уже зависитъ отъ разныхъ причинъ: отъ историческаго измѣненія поэтическихъ родовъ, переходенія ихъ изъ одного рода въ другой, или отъ точки зрѣнія, которую избираетъ поэтъ, желая представить событіе или событія.

Предметомъ героической поэмы должно быть важное, обильное послѣдствіями происшествіе изъ отдаленной эпохи (въ которой исторія сливается съ баснословіемъ !?), требовавшее содѣйствія всея природы» (§ 103). Это и видно по отрывку изъ *Петриады*, приведенному г. Гречемъ: Петръ-Великій жилъ въ отдаленной эпохѣ, когда исторія сливалась съ баснословіемъ !! Почтенный авторъ рассказываетъ, вмѣсто правды, басни, считая своихъ читателей за такихъ неучей, которые не знаютъ даже, что при Петрѣ I славянская мифологія давно кончилась, и мы были равноестные христіане. Если въ «Петриадѣ» дѣйствуетъ Пештуръ, тѣмъ хуже для автора поэмы и тѣмъ еще хуже для «Учебной Книги», которая, при третьемъ изданіи, не умѣла выбрать вѣрадныхъ примѣровъ. — «Происшествіе должно быть важное, обильное послѣдствіями». Любопытно бы узнать отъ автора сихъ словъ, куда же относитъ онъ «Божественную Комедію», гдѣ повѣствуется о происшествіи фантастическомъ, никогда не бывающемъ, слѣдовательно, неизвѣстномъ по-

слѣдствій, и гдѣ мысль Данта облече- на покровами аллегорій... не къ коме- диямъ ли?..

• Въ эпосѣ изображается дѣйствіе, продолжающееся нѣсколько мѣсяцевъ, иногда нѣсколько дней. (§ 110). Въ «Энеидѣ» дѣйствіе продолжается годъ, считая съ отплытія Энея отъ Сициліи. Если же принять началомъ взятіе Трои, то продолженіе событій, описанныхъ потомъ и въ главномъ разсказѣ и въ эпизодахъ, будетъ заключать въ себѣ около шести лѣтъ.

• Романтическая или рыцарская поэма есть дѣйствіе о чудесныхъ происшествіяхъ *временъ рыцарства*. (§ 116). • Разумѣется, что въ поэмѣхъ *своего рода*, изображающихъ происшествія, лица и мѣстность *мыслили*, чудесное мѣста не имѣтъ. (§ 117). Какъ это доизнать? *Вымышленія рыцарскія поэмы*, т. е. повѣствующія о чудесныхъ происшествіяхъ *временъ рыцарства!*? Должно думать, что если мы съ вами, почтенные читатели, то «Учебная Книга» съ своимъ авторомъ живутъ еще во времена рыцарства, но крайней мѣрѣ своими понятіями о словесности. Это дѣло возможное и бывало. Можно плотню пребы- вать въ 1845 году отъ Р. Х., а удумывать, своими мнѣніями, степенью образованія принадлежать къ допотоп- ному міру.

Посмотрите, какіе приѣмы помѣщены подъ рубрикою: рыцарская поэма... «Душенька» (въ временѣ рыцарства!), «Кавказскій Пльинникъ» (тоже въ рыцарскаго вѣка!), «Цыганы» (традиціонные рыцари!), «Полтава» (рыцарская страна!), «Пери» (подруга рыцаря!), «Наталя Долгорукая» (жена рыцаря!). Хорошо, очень-хорошо! Приѣмы достойнолюбивые, показывающіе, что въ исторіи нашей много рыцарскаго, и какъ еще незабвеннаго...

Какъ вамъ угодно, а мы не въ силахъ удержаться отъ хохота. Почтенный авторъ «Учебной Книги», погружен- ный своими понятіями въ рыцарскій міръ, совалилъ въ одно сарафанъ-

ное цѣлое два рода эпическихъ прова- веденій: поэму рыцарскую, которая есть не что иное, какъ видоизмѣненіе героической, въ-слѣдствіе историче- скаго развитія народной жизни и по- эзіи,—съ поэмой новыхъ временъ, кото- рую Шьццы называютъ гражданской или историческою, и которую спра- ведливо называютъ также романтиче- скою или лирическою. Какъ въ жизни челоѣка есть сторона прозаическая и сторона поэтическая, то современная эпическая поэзія или изображаетъ жизнь во всемъ ея объѣмѣ, со всѣхъ сторонъ, или особенно останавливает- ся на ея поэтической, восторженной сторонѣ, и сообразно съ тѣмъ набира- етъ и самыя лица. Въ первомъ случаѣ, поэтическое произведеніе называется романомъ, во второмъ — поэмю. Слѣ- довательно, поэма, сообразно съ своею задачею (т. е. представить поэтиче- скую сторону жизни), отличается воз- вышеннымъ пареніемъ, болѣе-высо- кимъ тономъ, меншимъ объемомъ и вообще характеромъ лирическимъ, по- чему всегда-почти принимаетъ форму стихотворную. Названіе *романтической* дано ей въ отличіе отъ эпохи дре- вней, *классической*.

• Въ русскомъ языкѣ можетъ на- зываться (*въ русскомъ языкѣ—называется*: какъ это складно!), по тому своему, ро- мантическою поэмю «Душенька»; но *содержанію же* и дѣйствующимъ ли- цамъ должна она быть причислена къ героическимъ. (§ 120). Цѣкъ, здѣсь въ основаніе романтической поэмы, принять *тоиз?*.. Зачѣмъ же, въ § 116, въ основаніе той же романтической по- эмы принято *содержаніе?*..

• Отъ прозаической повѣсти стихо- творная отличается тѣмъ, что *не огра- ничена* въ выборѣ предмета: она мо- жетъ заимствовать его изъ истинной исторіи, изъ области вымысловъ, и т. д. (§ 125). А прозаическая повѣсть ограничена въ выборѣ предметовъ?.. Повѣсти Гофмана, по преимуществу *фантастическія*, написаны прозою. Что- нибудь да не такъ. Подумайте-ка, г. Греть! Видѣть въ прозѣ ограничен-

ность, а въ стихахъ необязательность—значитъ находится въ необязательномъ за-блужденіи.

Балладю называютъ г. Гречъ пин-тическое повѣствованіе о романтиче-скомъ происшествіи, имѣющее видъ нѣсны. Изъ сего видно, что баллада есть стихотвореніе лиро-эпическое; но отъ собственно такъ называемаго лиро-эпическаго стихотворенія отли-чается она содержаніемъ, которое въ ней должно быть *романтическое*, т. е. такое, въ которомъ изображаются ха-рактеры и происшествія *рыцарскихъ временъ* или *отечественной старины*. (§ 129).

Посмотримъ на примѣры, которыхъ у г. Греча четыре. Въ первомъ (*Сель-лана*) содержаніе взято не изъ рыцар-скихъ временъ и не изъ отечественной старины; то же въ другой балладѣ: *Ивиковы Журавли*; то же и въ четвертой: *Бѣсы*. Слѣдовательно, или теорія г. Греча невѣрна, или выбранные имъ примѣры относятся не къ балладамъ. Последняго допустить нельзя,—остае-ся принять первое.

Итакъ, теорія г. Греча невѣрна: въ ней есть частичка правды, которая далеко не исчерпываетъ всей правды. Еслибъ почтенный ветеранъ русской словесности прослѣдилъ историческое развитіе баллады, сравнилъ ее пре-жее состояніе съ нынѣшнимъ, то уви-дѣлъ бы необходимость раздѣлить ее на балладу въ собственномъ смыслѣ и балладу въ смыслѣ не-собственномъ. Первая баллада есть первоначальный ея родъ, явившійся въ средніе вѣка: это — *народная западная пѣсня рыцар-скихъ временъ*: Время, въ которое она явилась, указываетъ на ея существен-ныя принадлежности: фантастическое, мечтательное, неопредѣленное, таин-ственное. Вѣдшее отличие состоитъ въ устройствѣ строевъ и стиховъ, при-ворованномъ къ пѣнію: строевы иногда начинаются или оканчиваются оди-накими стихами, послѣ каждой строфы бываютъ иногда припѣвы, и т. п. Съ характеромъ баллады сообразуется ея содержаніе, взятое изъ жизни сред-

нихъ вѣковъ. Мѣсто дѣйствія—въ есо-дальныхъ замкахъ, таинственныхъ пе-щерахъ, очарованныхъ лѣсахъ, и пр. Чувство, лежащее въ основаніи такой баллады, мрачное, исполненное таин-ственной неопредѣленности. Ее можно назвать *маленькой поэмой, содержащей которой взято изъ жизни среднихъ вѣковъ*. Будучи произведеніемъ среднихъ вѣковъ, баллада, въ собственномъ смы-слѣ взятая, должна была бы кончат-ся ими кончиться, еслибъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Германіи, по сочувствію къ старинѣ, не возобнови-ли этого рода поэзіи Гёте, Шиллеръ, Уландъ, Бюргеръ.

Въ наше время, баллада раздвинула значительно свою область, на слѣдую-щемъ основаніи. Главный элементъ ея — фантастическое, сильно господство-вавшее въ средніе вѣка, не есть одна-кожъ исключительная принадлежность однихъ среднихъ вѣковъ: оно находит-ся у всѣхъ народовъ, во всѣ времена. По-этому, баллада въ теперешнемъ или не собственномъ своемъ видѣ, есть *сла-бое лиро-эпическое произведеніе, которое отличается фантастическимъ содержа-ніемъ*. Къ такой балладѣ Шиллеръ от-носилъ всѣ лиро-эпическія произведе-нія, содержаніе которыхъ бралъ онъ изъ греческаго міра («Ивиковы Жура-вли»), «Торжество Побѣдителей»; сюда относится національныя баллады Пушкина («Женихъ», «Утоленникъ», «Бѣсы»), ибо народныя повѣрья по-рождены фантазіей; сюда же наконецъ принадлежитъ *Ночной Смотръ, Вос-душный Корабль*, гдѣ идетъ дѣло о На-полеонѣ, взятомъ не изъ рыцарскихъ временъ и не изъ отечественной стари-ны, какъ угодно думать г. Гречу:

Жалкое понятіе имѣетъ почтенный авторъ о романѣ. Романъ есть по-дробное описаніе приключеній чело-вѣка, имѣющаго замѣчательный харак-теръ или восславленнаго какою либо страстію, сражающагося съ вѣн-ствіями обыкновенной жизни. (§ 135). Романъ отличается отъ эпической по-эмы тѣмъ, что дѣйствіе его не отомъ важно и обильно послѣдствіями, осно-

«вызаясь на событіяхъ гражданской жизни» (§ 136). Сказано кой-что, но главное-то не выговорено! Надобно было объяснить, почему развился у насъ романъ, наимѣншій большаго значенія въ древности, и почему поэма, въ древнемъ ея видѣ, теперь не существуетъ.

Съ понятіемъ объ эпопее такъ тѣсно соединяется понятіе о героическомъ періодѣ народной жизни, когда чудесное шло наряду съ естественнымъ, что эпопея въ строгомъ смыслѣ у насъ невозможна. Жизнь нашего времени не только не представляетъ тѣхъ явленій, какими обилень въкъ героическій, но и такъ многосложна, такъ разнообразна, что никакъ не можетъ вмѣститься во всей своей полнотѣ въ одномъ эпическомъ произведеніи, чего непремѣнно требуемъ отъ всякой истинной эпопеи. Но съ паденіемъ героическаго періода не уничтожаются событія, составляющія содержаніе эпической поэмы; только въ наше время событія и дѣйствія не принадлежатъ исключительно героямъ, а находятся вездѣ, во всѣхъ состояніяхъ, въ жизни каждого человѣка, и часто явленія, происходящія въ душѣ простаго человѣка, гораздо-занимательнѣе, чѣмъ дѣйствія многихъ историческихъ лицъ. Къ этому внутреннему міру обратилась современная эпическая поэма и, занимаясь изъ него содержаніемъ, явилась въ романѣ и романтической поэмі. Задача современнаго романа — поэтически представить полную картину не только внѣшней дѣятельности, но и внутренней жизни человѣка въ отношеніяхъ его къ обществу, къ своему состоянію, къ лицамъ его окружающимъ. Такою задачей опредѣляются и главные условія романа — не тѣ, разумѣется, которые читаемъ въ Учебной Книгѣ.

•Романы пишутся прозою» (§ 139). Не всегда: примѣръ — «Евгеній Онегинъ».

•Въ романтическомъ романѣ слогъ про-
Т. II. — Отд. V.

стѣе, но никогда не долженъ быть *ли-
зою и подль* (id.). Да въ какихъ же сочиненіяхъ слогъ обязанъ быть *ни-
кимъ и подлымъ*? Кантемиръ извинялся въ одномъ посланіи, что онъ пишетъ *подлымъ* стилемъ, но тогда *подлымъ* означало *дурной*. Къ-чему теперь это слово, наимѣншее свое значеніе, и зачѣмъ именно зашло оно въ статью о романѣ?

•На русскомъ языкѣ *лучше* романы написаны Булгариннымъ» (*не-уже-ли?* «*вотъ новость!*»), «Загоскиннымъ, Лажечниковымъ, Перовскимъ, Лермонтовымъ и Гоголемъ» (§ 140). И Гоголемъ?! Васъ ли мы слышимъ, г. Гречъ? Да не вы ли, въ «Сѣверной Пчелѣ», по поводу *Мертвыхъ Душъ*, публично провозгласили, что Гоголь... такъ-себѣ... ничто въ родѣ Поль-де-Кока?

Теорія драматической поэмы вообще, трагедій и комедій въ-особенности изъ-рукъ-вонъ плоха. Авторъ составилъ ее изъ нѣсколькихъ правилъ, въ которыхъ вмѣщается все то, что было уже сказано въ теоріи эпической поэмы, и что входитъ частью въ общія положенія каждого поэтическаго рода. Такъ, на-прим., говорится, что въ драматическомъ стихотвореніи надлежитъ наблюдать единство дѣйствія (гдѣ же не надлежитъ наблюдать единство основной мысли?), что драматическій стихотворецъ старается произвести въ зрителяхъ очарованіе (а другіе стихотворцы разочаровываютъ?), что въ драмѣ должно быть одно главное лицо, и проч. и проч. То же самое видѣли мы въ эпопее, романѣ. Господинъ Гречъ находитъ особенное удовольствіе кружиться около однихъ и тѣхъ же предметовъ. Между-тѣмъ, существенно-то нѣтъ, т. е. никакого указанія отличій трагедій и комедій, а есть многія противорѣчія въ немногихъ параграфахъ.

Въ § 162, трагедія есть драматическое представленіе героическаго трагическаго

дѣйствія, а героическимъ называется дѣйствіе, въ которомъ свобода человѣческая является *въ бореніи съ судьбою*. Въ § 164, герой трагедіи представляется иногда человѣкомъ истинно-великимъ, поборникомъ правъ и счастья себѣ-подобныхъ: тогда онъ сражается *не съ судьбою, которой законы непремѣнны, а съ злобою и пороками людей*. Трудно понять «Учебную Книгу». По опредѣленію, которое должно выражать сущность предмета вообще, *въ каждой трагедіи* человѣкъ борется съ судьбою, а по другимъ правиламъ той же книги, есть *трагедіи*, въ которыхъ человѣкъ не борется съ судьбою.

Дальше: въ § 162, «трагическое дѣйствіе есть то, которое возбуждаетъ чувство *сосраданія въ страхахъ*»; въ § 164, «позволено имѣть трагедіи *счастливое окончаніе*, когда герой представляется человѣкомъ истинно-великимъ». Какимъ образомъ счастливое окончаніе можетъ возбуждать сосраданіе и страхъ? и чѣмъ же трагедія съ благополучной развязкой отличается отъ драмы въ тѣсномъ смыслѣ, которая оканчивается «приятнымъ образомъ» (§ 178)? Отдѣленіе судьбы отъ людей не только страшно, но и подло. Въ древнихъ трагедіяхъ господствовала *идея судьбы*, въ новыхъ господствуетъ *идея самобытности, воли человека*: слѣдуетъ ли изъ этого, что тамъ герои падали отъ собственной вины, а здѣсь герои истинно-велики, и трагедіи имѣютъ счастливое окончаніе? Должны же имѣть что-нибудь общее пьесы—положимъ Софокла и Шекспира. Это общее заключается въ отождоженіи (подлвія) двухъ противоположныхъ влеченій, отъ-чего возникаетъ борьба. Какому бы влеченію герой ни послѣдовалъ, онъ будетъ несчастливъ, а наждо несчастіе ближняго возбуждаетъ въ зрителѣ сосраданіе или страхъ.

«Древнія трагедіи особенно отличаются отъ новыхъ *горемъ*» (§ 169). Особенное отличіе древнихъ трагедій заключается *въ идее*, ими выражаемой.

Эта идея—есть *слабость судьбы*. Въ трагедіи Эсхила суть не что иное, какъ поэтическія выраженія грознаго фатализма, тяготящаго надъ людьми. Неужели г. Гречъ не знаетъ этого? Хоръ занимаетъ второстепенное мѣсто въ отличительныхъ признакахъ древней трагедіи.

Этотъ хоръ «состоялъ изъ известнаго числа лицъ, которыя *не участвовали въ самомъ дѣйствіи*» (id.). Неправда: часто цѣлый хоръ или кортеей входилъ въ разговоръ съ дѣйствующими лицами съ цѣлю пояснить обстояательства пьесы. Иногда дѣйствующія лица обращались къ нему съ вопросами, касающимися содержанія пьесы, а иногда и онъ спрашивалъ дѣйствующія лица о какихъ-нибудь предметахъ, входящихъ въ пьесу. Такъ въ «Эдипѣ», хоръ спрашиваетъ Эдипа: куда ушла Іокаста? въ «Электрѣ», онъ проситъ Электру сказать, гдѣ находится Эгистъ, и зрителю изъ отвѣта узнать положеніе дѣйствующихъ лицъ.

«Лица, составляющія хоръ, представляли или стихотворца, изображавшаго чувствованія свои лирическими стихами, или народъ, присутствовавшій при совершеніи представляемаго дѣйствія» (id.). Во-первыхъ, стихотворецъ выражалъ чувствованія людей вообще, а не одни свои: хоръ былъ какъ-бы голосомъ *человѣчества*, которое высказывало свои мысли о судьбѣ дѣйствующихъ лицъ; во-вторыхъ, кромѣ хора, народъ дѣйствительно присутствовалъ при совершеніи представляемаго дѣйствія: зачѣмъ же хору *представлять* народъ, который *лично засѣдалъ* на особенно-устроенныхъ мѣстахъ, отдѣльно отъ хора? Хоръ *высказывалъ* чувства народа: это—другое дѣло. Надобно соблюдать ясность выраженія; въ-третьихъ, г. Гречъ опустилъ одно важное назначеніе хора: кромѣ мнѣнія людей, онъ былъ какъ-бы олицетвореніемъ *судьбы*, глашатаемъ ея воли, *по крайней-мѣрѣ* столько, сколько при-

тель могъ понимать дѣйствія верховныхъ силъ.

• Языкъ комедіи есть разговорный слогъ образованнаго общества. (§ 175). Даже и той, гдѣ дѣйствуютъ сбитенщики и взовочки?

• Заглавіе (комедіи) можно заимствовать отъ имени главнаго лица, отъ страсти его, отъ завязки и пр., только оно не должно открывать заранее окончанія комедіи. (id.). Какъ заботлива «Учебная Книга»! Она преподаетъ даже правила *выбирать заглавія!* Жаль только, что она не сказываетъ, какъ *называть* дѣйствующія лица. Притомъ должно думать, что для комедіи особенно-трудно приискывать приличныя названія, потому-что г. Грець только въ комедіи обратилъ вниманіе на выборъ заглавій.

Переходимъ къ Идилліи. «Идиллія, Эклога (пастушеское стихотвореніе) есть пѣвическое изображеніе жизни невинныхъ, мирныхъ, счастливыхъ людей» (§200). Идиллія изображаетъ жизнь счастливыхъ людей. Эклога тоже изображаетъ жизнь счастливыхъ людей: чѣмъ же онѣ различаются? или эклога есть только другое названіе идилліи? Знающіе греческій языкъ не повѣрятъ г. Гречу, а кто повѣритъ ему, тотъ никогда не узнаетъ, что эклога отличается отъ идилліи какъ формою (диалогическою), допускающею извѣстную степень драматизма, такъ и высшею значительностью содержанія.

Далѣе: «Поэтъ, не находя сихъ (невинныхъ, мирныхъ, счастливыхъ) людей въ настоящемъ мірѣ, переносится воображеніемъ въ протеншій златой вѣкъ, когда люди, вѣдая жизнь простую, сообразную съ природою, сохраняли невинность и чистоту нравовъ; не знали сношеній низѣйшей гражданской жизни и сопряженныхъ съ нею несчастій; занимались скотоводствомъ, земледѣліемъ, рыбною и звѣривою ловлею, не знали хитростей

ума, но наслаждались свѣжестью и невинностію сердечныхъ чувствованій. И природа, окружавшая ихъ была чистая, чистая, непорочная, неведная изъ рукъ Создателя, в неспорченная мудрованіемъ людей; звѣрн люди жили въ мирѣ, обладая землею и пользуясь ея дарами (id.). — Увѣрюемъ читателей, что мы выписали эти строки съ дипломатическою вѣрностію, не прибавивъ отъ себя ни словечка. Давно мы не читали такихъ забавныхъ вещей, даже въ комедіяхъ: «идилліи» переносится воображеніемъ въ златой вѣкъ; природа, окружавшая людей, была чистая, непорочная; звѣрн и люди жили въ мирѣ, обладая землею... гдѣ мы? не въ театрѣ ли завели васъ? или мы читаемъ это во снѣ?.. Любопытно посмотрѣть, какими примѣрами подкрѣпилъ г. Грець свою теорію идилліи.

Идилліи Гвидиача: *Рыбаки*, начинается такъ:

На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ...

Слѣдовательно, по теоріи «Учебной Книги», Нова, Финскій-Заливъ, съ присоединеніемъ Балтійскаго-Моря, взяты изъ протекшаго златаго вѣка, созданы воображеніемъ автора.. на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ и не бывало! Еще труднѣе сладить съ *Отставнымъ Солдатомъ*, который утверждаетъ, что нынче, т. е. въ прошедшемъ златомъ вѣкѣ, *человѣкъ лукавый бѣса*. Чего нѣтъ въ этой идилліи? Наполеонъ, и война двѣнадцатаго года, и обгорѣлая Москва, и замерзлые Французы... и все это взято изъ прошедшаго златаго вѣка, когда звѣрн и люди жили въ мирѣ; все это предшты воображаемые, несбываемые!..

Вотъ какія слѣдствія вытекаютъ изъ основаній, положенныхъ въ «Учебной Книгѣ». Откуда авторъ заимствовалъ свою теорію идилліи?

Когда Θεокритъ, роловачальникъ идилли, началъ изображать простыхъ людей, живущихъ съ природою и по природѣ, тогда онъ нашелъ глубокое сочувствіе въ блестящихъ особахъ александрійскаго двора, при которомъ пользовался искреннимъ уваженіемъ и любовью Птоломея-Филадельфа. Живо изображеніе сельской природы, неискаженной искусствомъ, картины мирнаго быта показали, какъ много прекраснаго въ первоначальной простотѣ народа, исчезающей съ успѣхами образованности, которая, вмѣстѣ съ благими дарами своими, приноситъ извѣстность, роскошь, притворство, честолюбіе. Всѣ люди, уклонившіеся отъ патриархальной наивности, жадно слушали гармоническіе стихи поэта и мысленно переносились въ тотъ край, гдѣ пьютъ свѣжую воду источника, спятъ на мягкомъ дернѣ, проводятъ день въ мирныхъ занятіяхъ и безмятежно отходять на безмятежный сонъ. Этотъ блаженный край находился въ той части Аркадіи, гдѣ Алфей катитъ свои воды. Оттуда изображение древнихъ поэтовъ вынесло отрадныя образы пастушеской жизни, которая для поэзіи осуществляла золотой вѣкъ, прославленный Гезіодомъ. Не должно думать, однакожъ, что всѣ дѣйствующія лица теокритовыхъ идиллій свободны отъ слабостей, даже пороковъ: въ некоторыя пьесы означиваются трагическимъ образомъ; двадцать-третья идиллія рассказываетъ исторію пастуха, который повѣсилъ отъ-того, что другой пастухъ, предметъ его страстной любви (любовь, а не дружбы), не отвѣчалъ ему взаимною страстію; въ пятой находится подобная же отвратительная картина греческой любви (à la grecque): переводчикъ нашего, т. е. желѣзнаго, вѣка считаютъ благоразумнымъ выбрасывать многія черты нравовъ счастливой Аркадіи золотого вѣка. Величайшее достоинство Θεокрита заключается именно въ томъ, что у него поэзія дружна съ дѣйствительностью. Бюхъ, Москъ, Вергилій стали украшать природу — и она востерала, въ

нихъ идилліяхъ, первоначальную свою прелесть: пастухи обратились въ говорунговъ, доходящихъ до ораторовъ; вмѣсто вѣрныхъ описаній — видите извѣстность картинъ. Французскій классицизмъ, подобно прочимъ литературамъ, для которыхъ онъ былъ образцомъ, отвергнувъ естественное, принялъ ложное: въ идилліяхъ пошлось ему великолѣпное изображение идеальной мѣстности, украшенный языкъ и натанутыя чувства. На фальшивыхъ примѣрахъ воздвиглась фальшивая теорія: то, что было уклономъ, искаженіемъ, ставили въ образецъ; *madame Дезульеръ*, цѣлый вѣкъ своей воспѣвавшая небывалыя мѣста и небывалыхъ людей, пользовалась славою первокласснаго идиллика. Вождь откуда выросли пѣнники французскія, давно преданныя забвенію, и по нимъ-то г. Гречъ написалъ объ идилліи въ Учебной Книгѣ..

Въ какомъ состояніи находится теперь вопросъ о сельскихъ стихотвореніяхъ? Греческій миръ, гдѣ такъ роскошно явилась идиллія у Θεокрита, не затворенъ для новыхъ поэтовъ: пусть берутъ изъ него содержаніе, только съ условіемъ, чтобъ представлять его въ духѣ греческаго міра. Но, кромѣ греческой, есть у новыхъ народовъ своя, современная идиллія, потому-что простое, вѣрное природѣ чувство, составляющее матеріалъ идилліи, находится у всякаго народа и во всякое время, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Гнѣдичъ, въ умномъ предисловіи (г. Гречъ не воспользовался имъ) къ переводу *Сиракузанокъ*, говоритъ, что въ Россіи много состояній людей, которыхъ нравы, образъ понятій и жизни просты и близки къ природѣ: наши повѣрья, бытъ домашній, природа, свадьбы, хороводы, игры, сельскіе и церковные праздники суть живыя идилліи. То же можно сказать о другихъ народахъ. Надобно только въ изображеніи простыхъ людей быть вѣрнымъ. Это очень-хорошо поняли именьшіе идиллисты: Фоссъ, Гебелъ,

сельскія стихотворенія котораго прекрасно переведены Жуковскимъ. У нихъ дѣйствуютъ всѣ состоянія людей, во роду жизни близкихъ къ природѣ и взятыхъ изъ современно-отечественной сферы, потому-что истинный поэтъ, желающій сильнаго сочувствія публики, долженъ быть современнымъ и національнымъ. Но важную ошибку дѣлаютъ тѣ идиллики, которые, вмѣсто изображенія природы своего времени, простыхъ рѣчей, простыхъ чувствъ и простыхъ нравовъ, берутъ содержаніе или изъ греческаго міра и такимъ образомъ навязываютъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ образъ мыслей и дѣлъ, свойственныхъ временамъ Теоокрита, или берутъ его изъ міра вѣсенебывалаго, созданнаго безразсуднымъ воображеніемъ. Самъ знаменитый Герверъ заслуживаетъ упреки въ подобномъ отступленіи отъ истины: на его пастихахъ лежитъ печать идеальнаго совершенства, что придаетъ имъ какую-то приторную монотонность; они часто говорятъ не свое, а высказываютъ автора, который ввелъ даже греческую мнелогію, несвойственную понятіямъ нашего вѣка. О Дезульеръ и говорить нечего: у ней люди ротки какъ барашки, а барашки обиты ленточками. Гнѣдичъ, такъ-хорошо понимавшій требованія поэзии, въ *Рыбакахъ* заплатилъ, однакожь, дань изысканности: ибо рыбаки его, особенно младшіе, говорятъ, но-иѣстанъ, какъ книга; иногда глаголы въпредметы по-своему, во чаще разсуждаютъ по приказу автора, отъ-чего нѣса представляеть смѣсь шалыцныхъ картинъ, ироблесковъ дѣйствительности и отсутствія дѣйствительности.

Итакъ, начатая Теоокритомъ, уклонившаяся отъ истиннаго своего значенія при его послѣдователяхъ, искаженная во времена французскаго классицизма, идиллія завала вновь приличное ей мѣсто въ ряду поэтическихъ созданій. Авторъ «Учебной Книги», вмѣсто того, чтобъ прослѣдить исторію своего предмета, представляеть

теорію идилліи не по чистому, первоначальному ихъ виду у Теоокрита, не по новому о нихъ понятію просвѣщенныхъ теоретиковъ, а по мѣркѣ же-идилликовъ, которые исказили непонятые ими образцы и которыми слѣдуютъ только отчаянно-западалые люди. По-этому, въ книгѣ его, люди живутъ въ добромъ согласіи съ звѣрами.

«Дидактическая или поучительная (!) поэзія представляеть истины *ex cartis*, плѣняющихъ воображеніе» (§ 202). «Дидактическая поэзія бы-ваетъ: собственно дидактическая или поучительная, и аллегорическая. Первая представляеть уму истины и чувствованія *непосредственно* (т. е. *не ex вида картинъ*)» (§ 203). Первое противорѣчіе!

Сказавъ, въ § 203, что собственно-дидактическая или поучительная поэзія представляеть истины и чувствованія непосредственно, т. е. *безъ помощи картинъ*, авторъ, въ 204 параграфѣ, говоритъ, что въ собственно-дидактической поэмѣ, принадлежащей къ поучительной поэзии, пятичское изображение явлется не столько въ отдѣлѣ и украшеніи частей, сколько вообще въ перенесеніи мыслей и истинъ въ область чувства, и въ составленіи изъ нихъ *картинъ*, плѣняющихъ воображеніе. Второе противорѣчіе!

Въ § 203, сатира, вмѣстѣ съ гномической (!?) поэзіей и дидактической поэмой, отнесена къ собственно-дидактической поэзии, представляющей истины и чувствованія непосредственно, т. е. *безъ помощи картинъ*, а въ § 212, когда дошло дѣло до сатиры, авторъ отличилъ ее отъ поэмы дидактической тѣмъ, что въ поэмѣ слабости и пороки обличаются доводами, а въ сатирѣ представляются *ex картинкахъ*. Третье противорѣчіе!

Право, подумавъ, что почтенный авторъ пишетъ сочиненіе на тему:

• въ картинкахъ — безъ картинъ, безъ картинъ — въ картинахъ, въ картинкахъ — безъ картинъ», для собственного удовольствія или для забавы публики. Или, быть-можетъ, онъ надѣется найти въ ученикахъ такихъ покорнѣйшихъ дѣтей, которыя, изъ уваженія къ третьему заданію, не замѣтятъ отсутствія здраваго смысла?

Но въ дидактической поэзіи г. Греча страдаетъ, кромя логики, сама поэзія. Если послѣдняя есть свободное, творческое воспроизведеніе жизни — то зачѣмъ навязывать ей цѣль и видѣть въ ней урокъ, поученіе? Кто такъ смотритъ теперь на поэзію? Въдъ Сумароковыхъ и Тредьяковскихъ не слышешь въ наше время со свѣчкой.

Вопросъ, почему такъ-называемую дидактическую поэзію относилъ къ области поэзіи, занималъ многихъ эстетиковъ и произвелъ различныя мнѣнія. Къ одному изъ самыхъ свѣтлыхъ и простыхъ воззрѣній должно отнести слѣдующее замѣчаніе Гёте: «Дѣленіе поэзіи на лирической, эпической, драматической и дидактической» роды неосновательно. Это понятно каждому, кто знаетъ, что три первые рода поэзіи различаются по формѣ, а послѣдній по содержанию: слѣдовательно, онъ не можетъ стоять въ одномъ ряду съ ними». Дѣйствительно, по формѣ дидактическая поэзія не отличается отъ другихъ родовъ поэзіи, ибо можетъ принять всѣ возможные виды — выразиться въ лирь, эпосѣ, драмѣ. Остается содержаніе; по содержанію своему, дидактическая поэзія принадлежитъ ли къ поэзіи?

Нѣтъ. Всякое поэтическое созданіе есть творческое представленіе жизни, производимое свободной дѣятельностью нашего духа. Дидактическая же поэзія служитъ къ выраженію понятій и воззрѣній, которыя, въ совокупности своей, въ своихъ причинахъ и слѣдствіяхъ, подвержены строгимъ законамъ логическаго мышленія. Часто въ

поэмахъ дидактическихъ трактуютъ о наукахъ, объ ученыхъ открытіяхъ: очевидно, что здѣсь поэтъ связываетъ знаніемъ описываемаго предмета, что въ сочиненіяхъ такого рода вѣтъ мѣста творческой дѣятельности фантазіи, и что ихъ нельзя назвать поэтическими въ истинномъ смыслѣ слова поэзія.

Какимъ же образомъ произошло, что дидактическія поэмы всегда признавались особеннымъ родомъ поэтическихъ явленій; что всѣ народы, какъ древніе, такъ и новыя, обладаютъ подобными произведеніями? На этотъ вопросъ удовлетворительно отвѣчаетъ слѣдующее замѣчаніе: дидактикъ старается дать не-поэтическому содержанию вышній оттѣнокъ поэтической жизни и всѣми силами стремится къ тому, что доставляетъ ему поэтическое искусство. Въ дидактическихъ поэмахъ есть мѣста, поразительныя красотою выраженія, блескомъ картинъ, короче: всѣмъ, чѣмъ прикрывается не-поэтическая мысль, чѣмъ замѣняется недостатокъ творческаго воссозданія предмета. Авторъ выбираетъ тѣ стороны своей мысли, которыя болѣе другихъ способны къ поэтическому изображенію. По-этому, дидактическія поэмы, занимая мѣсто въ исторіи литературы, должны быть изгнаны изъ области поэзіи.

• Басня есть піитическое повѣствованіе, въ которомъ урокъ благоразумія или опытности представляется въ видѣ какого-либо дѣйствія или картины. (§ 220). • Нравоученіе есть собственная цѣль автора, а дѣйствіе только средство для выраженія его. (§ 221). Какую старину рассказываете вы намъ, почтенный авторъ! • Нравоученіе есть собственная цѣль автора!! • Этому нѣтъ теперь не вѣрять, точно такъ же, какъ найдется мало охотниковъ вѣрять въ переселеніе душъ. Просимъ сказать, какая нравственность, какое благоразуміе заключается въ слѣдующихъ нравоученіяхъ:

И въ людяхъ, такъ же, говорятъ:
Кто по безсмыслию, такъ тотъ и виноватъ
(«Морь Заѣрей»).

... Многие умѣютъ мягко спать,
Да жѣстко спать («Дворовая Собака»).

—Ты все пѣла!.. это дѣло:
Такъ поди же попляши («Стрекоза и
Муравей»).

... Если разоритесь,
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ
мѣшкомъ («Мѣшокъ»).

Что если бы врагѣй и остальныхъ со-
брать,
И въ яму къ этому товарищу послать?..
Да яма, надобна большая! («Мета-
физикъ»).

У сильного всегда безсильный виноватъ
(«Волкъ и Ягненокъ»).

Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлѣжъ имъ доли достаются
(«Заяцъ на ловлѣ»).

Прекрасную нравственность выво-
дять отсюда хвастуны, сильные и без-
сильные! Последнихъ особенно утѣ-
шать басни: «Морь Заѣрей» и «Волкъ
и Ягненокъ»!

«Учебная Книга» поступила съ бас-
нями такъ же, какъ и со всѣми поэтиче-
скими родами, т. е. не замѣтила исто-
рическаго движенія басни, въ слѣд-
ствіе чего и смѣшала различныя ея
измѣненія съ настоящимъ положеніемъ.
У Индійцевъ, въровавшихъ въ пе-
реселеніе душъ, басня была дѣйстви-
тельно *элементомъ животныя* и имѣла
чисто-эпическій характеръ. Ихъ воз-
зрѣніе на животныя, какъ на такіе
предметы, которые, подобно людямъ,
говорятъ, чувствуютъ, дѣйствуютъ, ка-
залось имъ справедливымъ и сообраз-
нымъ уму. Отъ этого ихъ басни отлича-
ются чрезвычайною наивностью: если въ
нихъ и является полезная мысль, какъ
выводъ изъ разсказа, то этотъ выводъ,
несоставляя цѣлыя басни, является самъ-

собою, неприготовленный прежде, не-
обдуманый заранѣе.

Въ послѣдствіи, смотря потому, какъ
басня образовалась у Грековъ и Рим-
лянъ, и какое направленіе приняла у
Французовъ, подражателей древнимъ,
изъ элементу эпическому присоединился
элементъ дидактическій, какъ главная
стихія басни. Она служила аллегориче-
ской одеждой нравственной истинѣ,
правилу жизни. Что прежде, въ перво-
начальномъ видѣ, совершалось безъ
намѣренія, то послѣ стало дѣломъ на-
мѣреннымъ.

Теперь нѣтъ этого. Баснею поль-
зуются просто какъ *случаемъ выразить*
какую-нибудь идею, взятую изъ круга
человѣческой жизни, въ символъ, аллю-
рически заимствуя этотъ символъ изъ
царства животныя и предметовъ не-
одушевленныхъ. Но кругъ челоѣче-
ской жизни, выражаемой въ баснѣ,
такъ великъ, что въ немъ есть нѣчто и
другое, кромѣ добродѣтели, нравствен-
ности, благоразумія. Такъ, на-приимѣръ,
Крыловъ не думалъ о правилахъ «Учеб-
ной Книги», когда писалъ свою басню:
Левъ на Ловаль.

Чѣмъ онъ (урокъ нравственности
или благоразумія) важнѣе, тѣмъ лучше.
(§ 222). Напротивъ: неприлично разви-
вать въ баснѣ высшія правила и исти-
ны, потому-что глубокія чувства, воз-
вышенныя движенія души несвой-
ственны животнымъ. Смѣшно, на-при-
имѣръ, чрезъ посредство животныя до-
казывать необходимость *патриотизма*,
пользу *смирномудрія*, или показывать
юнымъ умамъ, что *истинное богатство*
человѣка заключается въ добродѣтели и
знаніяхъ, выбравъ для иравоученія
слова философа Симонида: *omnia thea*
шеситъ ротю. Одинъ изъ главныхъ за-
коновъ басни есть слѣдующій: «между
явленіями природы надобно избирать
такія, которыя легко давали бы поводъ
къ размышленіямъ о челоѣческой
жизни и въ которыхъ бы элементъ

животный или физический сохраняя свою оригинальность».

Истины обыкновенныя, всѣмъ извѣстныя, очевидныя, не имѣютъ надобности въ изображенія ихъ посредствомъ басни (id.). Совершенно-ложное понятіе, происшедшее изъ ложнаго возрѣнія на басню, которая будто бы должна насъ учить; а учить-де ученаго лишь портить! Кому, на-примѣръ, неизвѣстно, что агать стыдно? Однакожь, не смотря на столь извѣстную истину, Крыловъ написалъ *Лжеца*, одну изъ лучшихъ басенъ. Всякій знаетъ, что дѣтскія лѣта опасны, что по виду не должно судить о человѣкѣ, что наружность бываетъ обманчива, что для дураковъ нужна большая ая, и проч., и проч., — и между-тѣмъ есть у насъ басни, въ которыхъ представляются эти столь извѣстныя истины.

Скажемъ нѣсколько словъ о поэтическихъ примѣрахъ. Учебной Книги. Мы имѣли уже случай замѣтить не однажды, что примѣры эти разѣжаются съ правилами: одни идутъ въ лѣсъ, другіе по дрова. Трудно рѣшить, кто отъ такого разногласія выигрываетъ—теорія или практика; но знаемъ только, что еслибъ г. Гречъ задумалъ приводить примѣры, вполне соотвѣтствующіе его правиламъ, то примѣры вышли бы самые фальшивые. Равнымъ образомъ, еслибъ онъ, по тѣмъ образцамъ, которыми набита его книга, задумалъ составлять теорію поэтическихъ родовъ и видовъ, то эта теорія позавѣи вышла бы самая фальшивая.

Въ выборѣ образцовъ на разные роды поэтическихъ произведеній необходимо руководствоваться какою-нибудь основаніемъ. Главнѣйшихъ основаній можетъ быть три: а) время появленія образцовъ, б) ихъ внутреннее достоинство, в) внѣшняя форма или языкъ. У г. Греча нѣтъ ни того, ни другого, ни третьяго.

Нѣтъ у него хронологическаго представленія избранныхъ мѣстъ. Въ пѣсняхъ, за Жуковскимъ слѣдуетъ Дмитріевъ; въ одахъ, за Дмитріевымъ (къ Волгѣ)—Ломоносовъ (Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ), за Мерзляковымъ (На Разрушеніе Вавилона)—Державинъ (Къ Первому Сосѣду), за Жуковскимъ (Мысли надъ гробомъ Каменскаго) — тоже Державинъ (На Шведскій миръ). Въ Гимнахъ, Ф. Глинка предшествуетъ Капнисту; въ элегіяхъ, Баратынскій (Дѣѣ Доли) предшествуетъ Жуковскому (Геній). Въ трагедіяхъ, Борисъ Годуновъ, явился прежде Орлеанской Дѣвы. Въ басняхъ смѣшаны Крыловъ, Хемницеръ, Имайловъ, Дмитріевъ и—кто бы вы думали? Богдановичъ!.. Давно ли онъ попалъ въ баснописцы?

Если въ размѣщеніи образцовъ не соблюдена хронологическая точность, которой могъ бы помочь даже Опытъ Исторіи Русской Литературы, то, разумеется, читатель всего менѣе найдеть въ Учебной Книгѣ сортировку пьесъ по эстетическому ихъ достоинству, для чего необходимы поэтическій тактъ, истинное понятіе о поэзіи, знакомство съ лучшими, какъ иностранскими, такъ и отечественными произведеніями поэтовъ. У г. Греча рядомъ съ пѣснями Пушкина, Мерзлякова, Кольцова и Цыганова напечатана пѣсня Дмитріева: «къ Младенцу», которая начинается умилными стихами:

Дай собой надлюбоваться,
Мила крошечка моя!
Съ завистью, могу признаться,
На тебя взираю я.

Оды Державина пересыпаны съ трескотней Петрова и съ стихами, вовсе непоэтическими, Карамзина «Осень». Карамзинъ никогда не былъ ни поэтомъ вообще, ни лирикомъ въ-особенности.

Ода Лермонтова: «Новоселье», дол-

жна быть исключена изъ «Учебной Книги», за слѣдующій стихъ:

Какъ мостыма, сму вы мамыжи.

Если бы это самое прочли мы въ другомъ сборникѣ,—мы не удивились бы выбору; но странно встрѣтить «Новоселье» у г. Греча, который заботится не столько о поэзіи, сколько о нравственности, не столько о мысляхъ, сколько о томъ, чтобы слогъ былъ не подлымъ. Видѣ ученики, особенно ученицы, приобретутъ понятіе о возможности намѣнять... Это нехорошо!.. да отъ этого, чертъ знаетъ, можетъ что случиться... Въ гимназахъ встрѣчаемъ Каниниста, который, отъ имени слѣпаго старца Оссіана, привѣтствуетъ солнце тако:

*О ты, катящееся надъ нами,
Какъ круслый щить отдамъ монхъ!*

Отдѣлъ героической поэмы украшенъ «Россіядой» и «Петриадой»!! Въ трагедіи зашли какимъ-то образомъ: «Пожарскій», сочиненіе господина Крюковского, и «Велизарій», сочиненіе господина Ободовскаго. Между идилліями можете прочесть, какъ образцовую: «Приизъ», г. Панаева; въ ней рыбакъ изволяетъ выражаться нижеслѣдующимъ образомъ:

*О! какъ страна сія волшебная прелестна!
О! какъ божественна природы красота!*

*Тамъ роща темная, шумяща надъ рѣкой
Обворожаютъ взоръ и духъ плѣняютъ
твой!*

*А тамо вѣтерокъ прохладный и игривый
Колеблетъ и гнететъ колосья чудной
пылы.*

Въ басняхъ, мы уже говорили, встрѣчается имя Богдановича, не только Мамайлова...

При такихъ разнородныхъ сочиненіяхъ, какъ по времени ихъ появленія,
Т. XL. — Отд. V.

такъ и по внутреннему ихъ достоинству, невозможно, конечно, соблюсти однородность языка, который въ однихъ пьесахъ напоминаетъ прошлое столѣтіе, въ другихъ — принадлежить къ языку современному; тамъ поражаетъ своею отдѣлкою, здѣсь изумляетъ своимъ безобразіемъ. Г. Гречъ нисколько, впрочемъ, не затрудняется этимъ: онъ перепечаталъ образцы изъ двухъ первыхъ изданій, да присоединилъ къ нимъ новыя, которыхъ тогда еще не было,—вотъ и все. Мудрено ли, послѣ такой заботливости, видѣть въ примѣрахъ «Учебной Книги», три періода: славянской, славяно-русской и чисто-русской?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Подобный разборъ «Учебной Книги» приводитъ насъ къ немногимъ, но важнымъ заключеніямъ, которыя мы откровенно выскажемъ г. Гречу и читателямъ нашимъ.

Въ началѣ статьи мы сказали, что каждое произведеніе, ученое и учебное, должно быть написано въ духѣ современнаго состоянія науки,—идти, какъ говорятъ, вровень съ вѣкомъ: Наука непрерывно совершенствуется: авторъ излагающій тотъ или другой предметъ знанія, обязанъ представить его въ усовершенствованномъ видѣ, въ его новѣйшихъ послѣднихъ результатахъ. Для этого необходимо требуется короткое знакомство съ трудами ученыхъ: пусть авторъ выучится хорошенько самъ, если хочетъ учить другихъ. Сочиненіе, назначаемое для юношества, еще болѣе возлагаетъ обязательство, чѣмъ трактатъ для людей, возмужалыхъ умомъ. Оно, съ одной стороны, требуетъ самыхъ основательныхъ свѣдѣній въ предметъ; съ другой—яснаго, упрощеннаго изложенія современной науки въ истинномъ ея видѣ.—Искать современности въ «Учеб-

ной Книгѣ г. Греча значить черпать рѣшетомъ воду. Авторъ не только не думаетъ о новомъ взглядѣ на предметъ, о современныхъ трудахъ эстетиковъ и историковъ литературы, но даже съ какою-то особенною любовью, съ камоу-то непонятной беззаботностью держится старшны, давно-оставленной и забытой. Въ своей книгѣ, онъ повторяетъ правила реторикѣ и пѣитикѣ, Богъ-знаетъ когда изданныхъ. Словарь поэзіи, Остолопова, откуда онъ заимствовалъ всю почти пѣитику, былъ для своего времени явленіемъ полезнымъ, какъ добросовѣстный трудъ человѣка ученаго; извлеченія же изъ него, внесенныя г. Гречемъ въ «Учебную Книгу», были, и при первомъ ея изданіи, дѣломъ бесполезнымъ, какъ сокращеніе неискусное, чуждое системы, необходимой въ учебникѣ, который не одно и то же съ словаремъ. Чтѣ же сказать объ «Учебной Книгѣ» *теперь*, когда и словарь поэзіи упоминается только въ полныхъ каталогахъ книгъ, когда онъ, не служа болѣе ни учевымъ, ни учебнымъ пособіемъ, вошелъ въ исторію литературы, сохраняющую имена когда-то полезныхъ изданій?.. Кромѣ содержанія, самыя названія предметовъ въ курсѣ словесности г. Греча указываютъ на давно - прошедшее время, изгнанное даже изъ грамматики: «пѣитика, пѣить, пѣитическій, эпистола, стихотворство» вмѣсто поэзіи!.. Такая отчаянная запоздалость принадлежитъ къ горестнымъ и вмѣстѣ страннымъ фактамъ: чувствуешь сожалѣніе и ужасъ при видѣ человѣка, который, пользуясь извѣстностью опытнаго литератора, всю свою жизнь остался на томъ, чтѣ узналъ за тридцать лѣтъ назадъ, и узналъ нетрудовымъ изученіемъ предмета въ надлежащей подробности его источниковъ, а кой-какимъ сокращеніемъ статей словаря, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ... Какъ, послѣ этого, понимаютъ подобные люди важность просвѣщенія, высокую пользу науки, значеніе литератора и третья изданія учебниковъ?.. Отстать можно,

въ слѣдствіе особенно-важныхъ обстоятельствъ, таготящихся или таготяющихся надъ человекомъ: это намъ понятно, хотя не понимаемъ мы, какъ можно не обливаться горькими слезами, даже въ то время, когда судьба насильственно, противъ воли нашей, обрекла насъ на стояніе и застою. Но быть спокойнымъ и счастливымъ при добровольной отсталости, являться въ третій разъ съ печатнымъ ея свидѣтельствомъ, скрѣпленнымъ собственноручною подписью, въ третій разъ говорить всенародно: «смотрите, какъ я отсталъ!...» Читатель! дай Богъ, чтобъ вы никогда не понимали этого!

За отсутствіемъ истиннаго направленія науки, современнаго ея состоянія, «Учебной Книгѣ» г. Греча оставалось совершенствоваться въ кругѣ извлеченій изъ словаря поэзіи и забытыхъ реторикѣ. Третье изданіе могло быть лучшимъ—по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи ко второму (1830) и первому (1818). Но, увы! напрасно выстали бы искать подобныхъ улучшеній. «Учебная Книга» 1844 года, при одинаковомъ блѣдномъ и ложномъ содержаніи, сохраняетъ почти равное число параграфовъ съ прежними изданіями. Авторъ прибавилъ, правда, имена писателей, которые не писали, а можетъ-быть еще и не жили въ 1818 году; но эти прибавки—капля новаго вина, влитая въ старый мѣхъ. Книгѣ отъ этого не лучше, учащимся—столько же дурно, если только найдутся охотники проходить словесность по курсу г. Греча. При нынѣшнихъ требованіяхъ образованія, при той степени совершенствованія, которой достигли казенныя и частныя учебныя заведенія, даже ученики высшихъ классовъ (не смѣемъ говорить о преподавателяхъ) легко увидятъ всю ложь и запоздалость «Учебной Книги».

Кромѣ содержанія, какъ матеріала науки, надобно отличать въ ней достовѣрство логическаго построенія. Содержаніе, будучи ложнымъ, можетъ

оказалось принять научную форму. Есть ли наукообразное изложение в учебникѣ г. Греча? Читатель самъ легко отвѣтитъ на этотъ вопросъ, пробѣжавъ нашу статью. Онъ увидитъ ясныя доказательства того, что вѣнчикъ г. Греча сколько страдаетъ словесностью, столько же оскорбляется логикой. Опрежденія поэтическихъ родовъ противорѣчатъ дальнѣйшему изложенію ихъ качествъ; дѣленія основаны на разныхъ, иногда-противоположныхъ началахъ; правила разрушаются примѣрами, примѣры уничтожаются правилами; тамъ внесены нѣкоторыя мелочи, бесполезныя и въ полномъ курсѣ: здѣсь опущены существенныя части, безъ которыхъ не обходится и сокращенный учебникъ. Нѣтъ ни малѣйшаго единства ни въ главныхъ основавіяхъ науки съ развитіемъ ея частей, ни въ параграфахъ каждой части особенно. Мы имѣемъ право говорить такъ положительно-жестко; это право куплено короткимъ знакомствомъ съ книгою, которая, сказать правду, не стоить потраченного на нее времени...

И такой курсъ рѣшился авторъ напечатать третьимъ изданіемъ, въ 1844 году отъ рождества Христова?.. Рѣшился: доказательство его рѣшимости передъ нами. Вотъ онъ — ровно четыре части, напечатанныя на сѣрой бумагѣ, въ Петербургѣ.

И авторъ такого курса судилъ о произведеніяхъ краснорѣчія и поэзій, вооружался противъ писателей, которые, по его мнѣнію, нарушали правила словесности, стоялъ, какъ онъ увѣряетъ, на стражѣ изящнаго, соблюдая чистоту вкуса, закрывая щитомъ нравственности, преслѣдуя грамматическія ошибки? И похоже это на правду? И могло это стать?... Все можетъ статья, замѣчаетъ Гоголь, все возможно человѣку!.. Всѣ эти возгласы о священной обязанности блюсти чистоту отечественнаго языка, эти притязанія на литературную управу и непринич-

ны и бесполезны, но двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому — что имъ теперь никто не вѣритъ, во-вторыхъ, потому-что и самъ г. Гречъ теперь не вѣритъ имъ.

Но, можетъ-быть, права г. Греча на литературную управу заработаны его практическою дѣятельностью — его «Черною Женщиной», «Дѣйствительною и фантастическою повѣдками въ Германію», «Біографіею Александра I. и прочими произведеніями?... На это честь имѣемъ отвѣчать слѣдующее. Еслибъ поэтическіе и ораторскіе труды г. Греча дѣйствительно представляли что-нибудь замѣчательное, то онъ первый — мы въ томъ увѣрены — устранился бы своей «Учебной Книгой» и постарался бы забыть ее какъ-можно-крѣпче. Но послѣдняго нѣтъ, и отсюда легко выводится заключеніе о первомъ... Объяснимся. Оратору, въ особенности поэту, необходимы многія душевныя способности: умъ, который не останавливается на извѣстномъ количествѣ знаній, но непрерывно развивается; чувство, которымъ сильно воспринимается прекрасное, и фантазія, представляющая истинныя картины. Творенія писателей, надѣленныхъ этими способностями, производятъ въ читателѣ глубокое впечатлѣніе: они возбуждаютъ дѣятельность ума, воспаляютъ сердце, поражаютъ воображеніе. Ничего подобнаго не случается, когда читаешь г. Греча, чрезвычайно-спокойнаго въ своихъ сочиненіяхъ, какъ спокоенъ каждый, незаметный развитіемъ любопытной мысли, безсильный выразить сочувствіе высокимъ интересамъ, или творить блистательныя образы красоты. Нѣтъ у него и особеннаго, чѣмъ-нибудь выдающагося слога, потому-что слогъ есть плодъ или оригинальнаго мышленія или богатыхъ творческихъ способностей. Каждое его сочиненіе, большое и малое, отличается единственно легкостью фразъ и правильнымъ ихъ строеніемъ. Торжество г-на Греча — въ строгомъ соблюденіи тѣхъ правилъ языка, которыми

наложены въ лонгитъ - издашнхъ
 ннхъ грамнннхъ. Но грамнннхъ
 скан правнннхъ, будучн олнннхъ ннхъ
 элементохъ нннннхъ рнчн, не состав-
 ляетъ ещн вснхъ нннннхъ рнчн, для ко-
 торой, кромнхъ того, необходнмы точ-
 ность, сна, блнговзучнн, образность

выраженнн, что не дастся грамнннхъ
 ннхъ. Надобно, чтобъ рнчъ служнла до-
 стойноюодеждой многознаменательной
 мыслн, чтобъ она была пронннннхъ
 чувствонхъ, озарена воображенннхъ, о
 чемъ также молчатъ вснхъ пространннхъ
 н краткнн грамнннхъ...

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А П Р Е Л ь .

138) Новые Стихотворения. Н. Языкова. Москва. ВЪ университетской библ. 1845. ВЪ 12-ю д. л. 352 стр.

Мы знаемъ три собранія стихотвореній г. Языкова. Въ первомъ напечатаны старыя его стихотворенія, плоды перваго періода поэтической его дѣятельности, которыми онъ составилъ себѣ имя, въ то время довольно-громкое; во второмъ — къ нѣкоторымъ изъ старыхъ пьесъ присоединены нѣкоторыя новыя; — третье (недавно-вышедшее) заключаетъ въ себѣ одни новыя произведенія, которыми... нельзя составить имени. Но выходъ втораго собранія, журналъ нашъ высказалъ по-эту ясное, полное и откровенное свое мнѣніе, которое теперь освобождаетъ

Т. XL. — Отд. VI.

насъ отъ обязанности распространять о томъ же предметѣ и повторять то же, ибо мнѣніе наше не только не измѣнилось, но съ каждымъ новымъ произведеніемъ г. Языкова болѣе и болѣе утверждается. Мы позволяемъ себѣ, на этотъ разъ, сдѣлать только маленькія замѣчанія:

Роль человѣческой совершенствуется: это такая истина, въ которой не сомнѣваются даже славянофилы.

... . Какъ въ нашу вѣкъ
Усовершенная, выросъ человекъ,
Въ своемъ быту, въ развитіи отважномъ
Своихъ идей, какую бездну силъ
Природы онъ себѣ поработилъ!
И какъ легко и вѣрно править ими,
Теперь уже, а что еще впередъ,

Что съдѣлаетъ онъ силами такими,
Когда дѣтъ дасть повсюдный, полный ходъ?
Лѣтъ черезъ сто, какой переворотъ! (Нов.
Стих., стр. 198 и 199).

Правда! Но нельзя того же сказать о каждомъ человѣкѣ, взятомъ отдѣльно. Дозвольте вному поэту прожить лѣтъ сто или немного-меньше, — вы увидите, что выйдетъ изъ его умственныхъ способностей, нравственнаго направленія, особенно изъ его стиховъ! Случай постепеннаго, но тѣмъ не менѣ виднаго пониженія нѣкоторыхъ лицъ доходятъ иногда до ужасающей степени....

Новыя стихотворенія г. Языкова суть плоды новаго періода его поэтической дѣятельности, выражающаго новое его направленіе, его паденіе. Въ посвященіи своемъ, поэтъ говоритъ:

Я знаю, въ дни мои *блѣзье*
Въ дни жизни радостной и пѣсенъ уда-
лыхъ,
Вамъ нравились мои восторги молодые
И мой разгульный, звонкой стихъ.

Теперь не то. Теперь

Вамъ (А. П. *Влашиной*) подношу и по-
свящаю
Я новую свою поэзію, пѣты
Суровой, сумрачной години; *въ нихъ, я*
знаю,
Нѣтъ достопадной красоты!
Нѣтъ бедной, юной силы,
Нѣтъ блестящей способности.

Какъ это вѣрно! какая мѣткая здѣсь правда! Прежде разгульные, звонкіе стихи, въ нихъ была, по-крайней-мѣрѣ, размашистая сила выраженія и восторженная раздражительность: теперь — ничего подобнаго нѣтъ. Въ рецензіи нашей было сказано то же самое, только другими словами: прежняя поэзія г. Языкова — поэзія непосредственныхъ наслажденій тѣла, которыми положенъ извѣстный срокъ; въ новой поэзіи — отсутствіе всякаго опредѣленнаго и неопредѣленнаго содержанія. Самый

стихъ поэта сталъ похожъ Богъ-знаетъ на что, по его собственному свидѣтельству:

Неповертливо и ломко
Слово жметъ въ нѣрный строй,
И выходитъ стихъ не емкой,
Стихъ растянутый, не громкой,
Сонный, слабый и плохой (стр. 185).

Исключеній очень-немного, только одно: отрывки изъ сказки «Жарь-Птица». Есть слова, на которыя нужно бы составить комментарий:

Со всѣхъ сторонъ стрѣлки и собачки
Пустылися на дикаго вепря (стр. 129).
..... Сѣверныя розы
Не очень-злимки... (стр. 254).

Глубоко уважая истину, мы, конечно, не станемъ противорѣчить автору въ его собственномъ, строго-справедливомъ приговорѣ собственнымъ стихамъ. Въ настоящемъ случаѣ, мы сошлись съ ними даже въ причинѣ глубокаго паденія нѣкоторыхъ людей, какъ поэтовъ, такъ и не-поэтовъ:

Я истинно сердитъ
Самъ на себя и мрачными глазами
Гляжу на все, и болѣе всего
На будущность мою, гдѣ ничего
Отраднанаго — несчастная картина!
Въ ней мысли нѣтъ! Что жъ этому при-
чина?
Увидишь ты: все такъ и быть должно
Со мной, какъ есть. Причина! Не дико
Мнѣ ровно никакого направленія
Нравственнаго, и въ дѣлѣ своемъ
Нѣтъ ничему прилога, утвержденія
Достойнаго; отъ самки юныхъ дней
Высокая, святая впечатлѣнья
Ей ни-по-чѣмъ: они блеснутъ на ней
И прочь, и прочь, слѣдовъ не оставила!
Лишь пустоту! Вотъ, милый другъ, какія
Досталася мнѣ доля бытія
Страннѣйшая! Богъ какъ воспитанъ я
Безсмысленно! Не только не развиты
Хорошія способности во мнѣ
Природныя, онъ совсѣмъ убилъ,
Немилосердо въ самой актъ веселъ!
Вся жизнь моя одно большое горе,
И я не силею горю пособить!
Рѣшительно могу себя сравнить
Теперь съ ладью на тревожномъ морѣ;

В туманном небе ни одна звезда
 Не сияет, страшнымъ ревомъ непогоды
 Високою волною, вихоромъ буримъ водъ,
 Несутъ адско — и чортъ знаетъ куда!
 (стр. 277 — 278).

130) ВЧЕРА И СЕГОДНЯ. Литературный сборникъ, составленный гр. В. А. Соллогубомъ, изданный А. Самаркинымъ. Книга первая. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 164 стр.

Назадъ тому ровно двадцать лѣтъ была сильная мода на альманахи. Удача перваго альманаха породила множество другихъ. Составлять ихъ ничего не стоило, а славы и денегъ приносилъ они много. Бывало, какой-нибудь господинъ, отъ роду ничего не писавшій, вдругъ ни съ того ни съ сего рѣшится обезсмертить свое имя великими литературными подвигомъ: глядишь — и вышелъ въ свѣтъ новый альманахъ. Книжка крохотная, а стоитъ десятъ рублей ассигнаціями, и непрестанно все издаваніе разойдется. Такими образомъ, издатель за большіе барыши и великую славу тратить только сумку, необходимую на бумагу и печать. Какъ же это дѣлалось? — Очень просто. Издатель обращался съ просьбою ко всѣмъ авторитетамъ того времени, отъ Пушкина до г. Г. Глазена включительно, — и отъ всѣхъ получалъ — отъ него стихотвореніе, отъ кого отрывокъ изъ романа въ пять страницъ, отъ кого статью въ взглядъ и т. д. Главное дѣло, было бы въ альманахѣ пять-шесть известныхъ именъ, а мелкихъ писакъ можно было легко набрать десятки. Тогда многіе борописцы не только не требовали денегъ за свое маранье, но еще сами готовы были платить за честь видѣть въ печати свое сочиненіе и свое имя. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ мода на альманахи кончилась, и, несмотря на то, лучший русскій альманахъ вышелъ въ 1838 году: это *Новоселье* г. Смирдина. Въ 1834 году

вышла вторая часть *Новоселья*. Впрочемъ, въ этомъ лучшемъ альманахѣ, все-таки балласта было больше, чѣмъ хорошаго, такъ; на-примѣръ, въ первой части на семь весьма-важныхъ статей, которыхъ: *Русскій Икаръ*; *Призракъ*; *Рубль*; *Кіевскія Вѣдьмы*; *Омаръ*; *Проксещеніе*; *Ничто*, или *альманахная статья о ничемъ*; *Воспоминанія*, — было хорошихъ статей только *Балъ и Бригадиръ* князя Одоевскаго, да еще развѣ *Актаръ* г. Сенковскаго и смѣшныя сказки барона Брамбеуса, да статьи двѣ серьезнаго содержанія другихъ писателей. Впрочемъ, плохія стихотворенія: *Михаилъ Никитичъ Романовъ*; *Отрывокъ изъ драматической поэмы; Домовой*; *Стужа на Новоселье*; *Дѣнь Рубль*; *Полдень въ Венеціи*, съ избыткомъ вознаграждались *Домикомъ въ Колодецѣ* Пушкина, превосходною пьесой Баратынскаго *На смерти Гете* и пѣтью баснями Крылова. Въ прозаической отдѣлѣ второй части *Новоселья* была напечатана *Новость о томъ, какъ посещался Иванъ Ивановичъ съ Николаемъ Николаевичемъ*, Гоголя: этого довольно, чтобы простать все остальное. По объему, *Новоселье* между прежними альманахами походило на слона между воробьями. По всему было видно, что такой альманахъ могъ издать только книгопродавецъ, собиравшійся издавать журналъ. *Библиотека для Чтенія* провозгла, своимъ появленіемъ, совершенный переломъ въ литературныхъ обычаяхъ и нравахъ. Литературный трудъ началъ получать вещественное вознагражденіе, кромѣ славы, отъ которой, какъ извѣстно, люди не бываютъ сыты и тепло одѣты. Изданіе альманаховъ стало дѣломъ труднымъ, потому-что изъ жалкой чести печататься никто не сталъ давать даромъ своихъ статей и своими трудами обогащать антрепренѣровъ. Да и альманахи всѣмъ надоели. Не смотря на то, *Утренняя Заря* имѣла большой успѣхъ, потому-что украшалась прелестными картинками. Тогда альманахи начали-было основывать свое существованіе то на филантропическихъ

дѣлахъ, то на литературныхъ ужинахъ, за которые собирались статьи. Но это и подорвало ихъ въ концѣ: они сдѣлались керемичани, куда всё сбрасывали свои бушаги, назначенныя на употребленіе по домашнему обиходу.

И вотъ теперь вновь является альманахъ, съ громкими и *безмолвными* именами, со стихами и прозою, и даже вѣнкеткою передъ заглавнымъ листкомъ, вѣнкеткою, которая представляется, какъ торопится публика покупать *Вчера и Сегодня*. Заглянемъ же въ этотъ альманахъ.

Прежде всего поговоримъ о пьесахъ покойнаго Лермонтова. Пьесы эти суть два отрывка изъ начатыхъ повѣстей изъ прозы и изъ пяти стихотвореній. Первый отрывокъ довольно-великъ, но не представляетъ ничего цѣлаго. Не смотря на то, что его содержаніе фантастическое, читателя немально поражаетъ мастерство разсказа и какой-то могучій колоритъ, разлитый широкою кистью по недооконченной картинѣ. Съ несприятнымъ чувствомъ доходишь до конца этого отрывка, въ которомъ повѣсть не доведена и до половины, и становишься тяжело увѣрить себя, что конца ея никогда не прочтешь... Второй отрывокъ очень-коротокъ, но даетъ о содержаніи повѣсти понятіе, въ высшей степени завлекательное. Изъ стихотвореній, лучшее — *Отрывокъ*, гекзаметрами, въ древнемъ духѣ. Вынѣшемъ его:

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.

Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;

Но ежедневно на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа

Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.

Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался въ то время

Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая,

Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославлялъ.

Чудный онъ даръ получалъ: вещать отъ недуговъ тѣлесныхъ

И отъ страданій душевныхъ. Рано утратилъ, однажды,

Горько рыдая, приходилъ къ нему старуха простаго

Званія, — съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.

Просить она воскресить ея дочь, внезапно во прѣвѣ

Дѣвственной жизни умершую... «Вотъ ужъ два дни и двѣ ночи»

Такъ она говорила: «мы нашихъ боговъ неостужено

Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,

Золото сыплютъ жрецы ихъ и влечутъ... но все безполезно!

Еслибъ зналъ ты Виргинію нишу, то жалость стѣснана

Сердце твоё, равнодушное къ прелестямъ міра: нѣтъ часто

Дряхлые старцы, любяще на бѣлмахъ влечи, волнистыми кудрями,

На тенныя очи ея — молодѣя; юности страстными

Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую

Пѣсню, амеору держа надъ главою, острожно трепавкой

Къ Тибру спускалась она за водою; нѣтъ, въ илскѣ

Передъ домашнимъ порогомъ, подруга побѣждала искусствомъ,

Звонкими ребяческимъ свѣжомъ родительскій слухъ утѣшая!

Только въ послѣднее время принѣтло она изидилась:

Игры наскутили ей, и вѣрь оуманилась душой,

Изъ дома стада она уходитъ до зари, вѣтъ вращалась

Вечеромъ темными, и ночи безъ сна предъ водою... При свѣтѣ

Поздней лампы я видѣла разъ, какъ она, на кофѣинѣхъ,

Тихо, усердно и долго молилась... кому? невѣстно...

Другія стихотворенія важны только въ психологическомъ отношеніи, какъ любопытные факты для изученія та

кой замѣчательной личности, какой была личность Лермонтова. Лучшіе

другихъ стихотвореніе *Казбеку*:

Сѣвѣ на сѣверъ нѣтъ далека,

Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ

Тебѣ, Кавказъ, о страхи Востока!
Принесешь сраженника свой поклонъ.
Чалмою близко отъ вѣка
Твоей лебъ заморщенный унять,
И гордый ропотъ челоуѣка
Твоей гордый мѣръ не возмутить.
Во сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Во надгробный край, въ твою вла-
дѣльню —

Къ престолу гѣчному...
Можно ли сидеть день прохладный
На знойный долгъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынь безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть.
Можно, чтобъ буря не застала,
Время въ парадѣ боевомъ,
Въ утѣху мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.
Но есть еще одно желанье...
Боясь сказать... душа дрожить...
Что... если я...
Своемъ ли роднѣ забыть!
Найду ли тамъ прежнія объята?
Съединенный вечеръ ли привѣтъ?
Узнать ли друзья и братья
Страдальца носѣ многихъ лѣтъ?
Меня среди погнѣхъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пыльных, благородныхъ,
Дѣвственницъ молодость со мной?
О! если заждь... своей матушкой,
Кавказъ! засмѣнь меня скорѣй,
И-вранъ бездѣльный до утѣху
Весь соматинъ развѣй!

Собачка, рассказъ графа Соллогуба—
лучшая изъ прозаическихъ статей
здравствующихъ литераторовъ, кото-
рые снабдили альманахъ своимъ вклад-
комъ. Въ одинъ изъ городовъ Южной-
Россіи, прѣехала на ярмарку труппа
актѣровъ. У жены содержателя труп-
ны, Поченовскаго, была боловка, ко-
торую та обожала. Городничиха,
увидавъ собачонку, захотѣла во что
бы ни стало получить ее.

« Не успѣлъ городничій войти, какъ же-
на его бросилась ему на шею.
— Овдьяшка, любишь ли ты меня?
— Да, что съ тобою, мать моя?
— Милочка, душенька, любишь ли ты
меня?
— Ну, вѣроятно, люблю. Чего тебѣ надо?
— Ты видишь собачку?

— Какую собачку?
— Вотъ сейчасъ прошла Поченовская.
Такъ важна, что ни на что не по-
хоже. Вообрази, ведетъ она собачку...
— Пу такъ что же?
— Нѣтъ, что за собачка, представишь
желъя! Я и во снѣ такой не видывала.
Вся кажется въ кулакъ — совершенно
амурчикъ.
— Ну...
— Овдьяшка, ты не хочешь, чтобъ я
умерла?
— Да, что за вздоръ такой!
— Овдьяшка, подари мнѣ эту собачку,
а то, право, умру. Жить безъ нея не мо-
гу... умру, умру! Дѣти останутся сир-
отами.

При этой мысли Глафира Кирилловна
заплакала.

— Э, матушка, сказала, пожимая пле-
чами городничій — давно бы ты сказала.
Мнѣ, право, не до пустяковъ теперь. Чи-
новникъ-то себѣ на умѣ; съ нимъ не лег-
ко будетъ сладить. Ну да Богъ милостивъ,
и не такихъ видала. А объ собачкѣ ты,
матушка, не беспокойся. Я думалъ Богъ
знаетъ, что случилось. Просто, скажу два
слова Поченовскому, — онъ мнѣ старый
пріятель — и не занкется даже. Прине-
сетъ тебѣ собачку. Да вотъ что: прикажи
подать сюртукъ, да рюмку полыннаго. У
начальника дрожъ пробрала.

— Сердитый, что ли? съ заботливостію
спросила жена.

— И, матушка, до поры до времени
всѣ они сердитые. Иной, просто, конь,
такъ и ржетъ, и лягаетъ, подойти страш-
но; а потомъ пообладителъ, смотришь какъ
шелковый, такъ въ жадѣ хороши, что
лучшаго не надо. Главное, только съ ка-
кой стороны подойти.»

Но городничій встрѣтилъ, по поводу
собачки, неожиданное и упорное со-
противленіе со стороны Поченовскаго:
жена антрепренѣра стѣбла жены го-
родничаго, и любила собачку гораздо
больше, нежели своего мужа. Тогда
театръ, или сарай, гдѣ давались пред-
ставленія, оказался неблагонадежнымъ
со стороны постройки и былъ запеча-
танъ. Товарищъ Поченовскаго от-
правился съ жалобою къ губерискому
чиновнику, который, узнавъ о поступ-
кѣ городничаго, обѣщавъ сослать его
въ Сибирь. Но дѣло кончилось тѣмъ,

что Поченовскій, обломать объ жену чубуки и, съ своей стороны, потерпѣвъ отъ нея немало увѣче, вырвалъ собачонку, которой пришлось такъ невинно сыграть роль Елены прекрасной и чуть не погубить Трон,—и представилъ ее городничему. Но это не все: за свое неповиновение начадѣстау, онъ долженъ былъ прибавить къ собацонкѣ 500 рублей городничему, 300 рублей архитектору, да городничихѣ купить шаль въ 300 рублей. Городничій говорилъ: «Я бы и простилъ тебя, да теперь время такоѣ. Не могу, самъ видишь не могу; что стануть въ народѣ говорить? Примѣръ будетъ дурной, послабленіе. Пеняй на себя, цодарся самъ; не послушала пріятели... самому больно.—Кажется, запланава бы, а дѣлать нечего; примѣръ ну-желемъ». Послѣ этой сдѣлки, театръ вдругъ онаялся безопаснымъ для иредставленийъ. Въ тотъ же вечеръ, послѣ спектакля, режиссёръ пилъ мертвую вмѣстѣ съ городничихъ, въ его же, городничаго, домѣ. Послѣ многихъ тостовъ, провозгласили тостъ за процвѣтаніе театра; городничій распростеръ объятія, и врасный, какъ клюква, Поченовскій бросился съ чувствомъ къ нему на шею. Оба были ошьюно растроганы, а у городничаго даже слезы навернулись на глазахъ.

«— Осины! сказалъ онъ печально, не грѣшно-ли тебѣ, до чего довелъ ты меня! Побойся Бога. Ты съ старымъ другомъ поступилъ какъ съ злодѣемъ какимъ-нибудь. Не ожидалъ я, братъ, этого отъ тебя. Вѣдь ты принудилъ меня надъ тобою примѣръ сдѣлать. Войди и въ мое, братецъ, положене. — Не пожалѣдъ ты обо мнѣ. Мраво и мнѣ не легко. Вотъ какъ бы хотѣлъ помочь да нельзя, самъ видишь—цедлая быда. Грѣшно тебѣ, Осины! Дурно братъ, не хорошо!

— Вдворать, ваше высокоблагородіе! вымоливалъ Поченовскій.

— Я не сержусь на тебя, продолжалъ городничій. Я это говорю изъ любви къ тебѣ. Запомни мой советъ: не надѣйся на другихъ и кончай самъ всякое недоразумѣнне. Вотъ, напримѣръ, у тебя дѣло съ геродовымъ: съ геродовымъ и кончай; это

тебѣ будетъ стоить сннцар ассигнацннъ и два стакана пуншу. Не эаконово, нои-дешь къ частному, тамъ ужъ подавай бѣленькую, да ставь шарнявское. Выше пойдешь—тамъ ужъ пакнуть остигами, а дѣло всѣтаки кончить тотъ же геродовъ, и все за ту же свнцалу, да за два стака-на пуншу. Такъ ужъ лучше ты и кончай съ мнѣ. Помѣръ мнѣ, бравецъ, а дружѣ твоей и желаю тебѣ добра. Вотъ не послушася ты меня, и самъ тецаря не раде, и меня, пріятели, старате друга, принудилъ поступити въ острогъ. Вѣдь ты старому другу, разогорчилъ, обидѣлъ, оскрушилъ совершенно!...

Голось Федора Иванорича сдѣлался до того жалостецъ, что Поченовскій, шроникнутый чувствами своей видности, не зналъ даже какъ выкинуться. Молодой художникъ былъ арнаждаецъ за него вступиться.

— Все это правда, ваше высокоблагородіе, сказалъ она робко, да наказанно-это, кажется спросташся.

— Эхъ ты молодой человекъ! молодой человекъ! продавала, нежизная платана, городничій. Мало ты, видно, жила на свѣтѣ. Вѣдь я, братецъ, человекъ ошюный, дѣти, жена. Это что стонетъ! Мое дѣло, невольно, не заинало: прнлече недобрый часъ,—и пошлая палъ оула, а тамъ и ошѣтъ простила, да у дѣтей-то кусокъ хлѣба, у жены деревенке, гдѣ она можетъ жить по ошюму дворянскому званію. Такъ не мовалъ тутъ лучшего друга прижмешь. Не все быть бѣленькимъ, по мовалъ сдѣлаешься и черной-книжъ, а шалма бѣеъ рога. Вотъ изволишь ты видѣть; стѣра прншелъ и не рѣднть, похвалалъ те и другое. Купцы, бѣстн, кландяюся, да водня бороду не глждяють. А на босъ, уднади друку, да кой я цады Осиномъ примѣръ сдѣлалъ, такъ изволека на ошю взлянуть, — вотъ оно, что я цохвалалъ вчера... такъ и стонетъ рѣдкою.

Молодой человекъ изглянулъ на окна: на нихъ дѣйствительно была навалена пѣ-лая громада кульковъ, свертковъ, товару всякаго вида и объема.

— А что бы ты на то сказалъ, — продолжалъ городничій, наклонясь на ухо къ своему собеседнику, — если и самъ-то я иначе дѣлать не могу, если бы съ яр-марки-то надо было мнѣ самому поднести г. губериьскому чиншнику 18,000 рублей, — ты мнѣ ихъ, что ли, дашь?... а?..

Ваша мать графа Сологуба однажды заметя отними гаубкою замочательными словами: «вотъ какіе еще бывали на святой Руси олучан, сорокъ лѣтъ тому назадъ!»

Довольно-интересна статья г. Второва: «Гаврида Петровичъ Каменевъ». Каменевъ былъ литераторъ, умершій незадолго тому сорокъ лѣтъ. Громкую известность добылъ онъ себя тогда издавлю *Громалъ*, для того времени удивительною. Г. Второву попались въ руки письма и записки Каменева, которыя онъ и напечаталъ въ этой статьѣ. Какъ годось изъ могилы, какъ живая картина старины, написанная ея современникомъ безъ всякихъ претензій, — эти записки и письма тѣмъ болѣе любопытны, что русская литература совершенно бѣдна такого рода живыми памятниками. Судите сами:

«Въ прошедшемъ нынѣ и общалъ вамъ сообщить подробности визита моего у г. Карамзина. Вотъ онъ. Въ полдень 12-го мая, въ стариннѣмъ анжонѣ г. Тургенева подѣлалъ мнѣ на Никольскую улицу и вошли въ нижній этажъ зеленоекаго дома, гдѣ г. Карамзинъ занимаетъ квартиру. Мы застали его съ Дмитриевымъ, читающимъ 5-ю и 6-ю части его путешествія, которыя теперь въ петербургской ценсурѣ, и скоро, вмѣстѣ съ Московскимъ Журналомъ, будутъ напечатаны. Увидѣвши мнѣ, Карамзинъ всталъ изъ кресла, сѣлъ на кресло, обитыя алымъ сатеномъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и сказалъ, что Иванъ Владимировичъ давно ему обо мнѣ говорилъ, что онъ любитъ заботиться съ молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мнѣ ни слова вымолвить, спросилъ: не я ли присылалъ ему переводъ изъ Казани, и напечатать ли онъ? Я отвѣчалъ и на то, и на другое, какъ можно короче. Послѣ сего начался разговоръ о книгахъ и оба сочинителя спрашивали меня наперерывъ: какіе языки мнѣ известны? гдѣ я учился? сколько времени? что переводилъ? что читалъ? и не писалъ ли чего стихами? Я отвѣчалъ, что перевелъ оду изъ Клейста. Г. Дмитриевъ требовалъ наступательно, чтобы я нѣсколько строкъ прочелъ ему, утверждая, что онъ послѣднюю піесу, которую сочинялъ, всегда помнитъ наизусть,

Но я имѣлъ на этотъ разъ такое отлученіе духа, что не выговорилъ бы порядочно ни одного слова, и чѣмъ болѣе приступали, тѣмъ менѣе чувствовать въ себѣ способности ихъ удовлетворять (хотя всю оду наизусть помню), и наконецъ отказался слабостию памяти. Карамзинъ спросилъ Тургенева, перевелъ ли переписку Юнга съ Фонтезеллемъ изъ Философіи Природы, и началъ говорить о сей книгѣ, которой сочинители онъ не любитъ. Вотъ слова его: «Этотъ авторъ можетъ только нравиться тому, кто имѣетъ темную любовь къ литературѣ. Опровергая мнѣніе другихъ, самъ не говоритъ ничего сноснаго; ожидаешь много, притомъ вышло, — и выйдеть вздоръ. Нѣтъ плавкости въ стилѣ, нѣтъ зрелищныхъ мыслей; многое слабо, иное плоско, и онъ имъ чѣмъ не бриллируетъ.» Карамзинъ употребляетъ французскихъ словъ очень много; въ десяти русскихъ, вѣрно, есть одно французское. *Имажинация, сентименты, tourment, énergie, épihète, экспрессія, эксельровать* и пр. повторяетъ очень часто. Стихи съ рѣчами называется *любовженною трудностію*; стихи бѣлые ему нравятся; но говорить, что если начнешь писать, то заставишь всѣхъ подражать себѣ. По его мнѣнію, русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи, а особенно съ рѣчами; что окончаніе стиховъ на глаголы ослабляетъ экспрессію. Перебирая людей, имѣющихъ въ Казани свои бібліотеки, о васъ упомянуть я, и сказалъ, что вы трудитесь въ переводѣ Тасса. Да не стихами ли? спросилъ Дмитриевъ. Я отвѣчалъ, что прозою, съ перевода Лебрюнова, — и Карамзинъ призналъ этотъ переводъ за самый лучший. Дмитриевъ хвалилъ Фон-Визина, Богдановича; но Карамзинъ былъ противнаго мнѣнія, и когда первый читалъ нѣсколько стиховъ изъ поэмы на разрушеніе Лисабона, перевѣденные, какъ онъ говоритъ, Богдановичемъ, то онъ критиковалъ стихи:

Я живъ, и чувствую, въ сердце отъ мученья
Зываетъ ко Творцу, и проситъ облегченья...

называя ихъ слабыми и проч. Онъ росту болѣе, нежели средняго, черноглазъ, носъ довольно великъ, румянецъ нервный и бакенбартъ густой. Говоритъ скоро, съ жаромъ и перебираетъ всѣхъ строго. Сожалѣетъ, что не умѣлъ воспользоваться отъ своихъ сочиненій, и называетъ ихъ

своею деревенскою. Дмитріевъ росту высокаго, волосовъ на голоѣ мало, косъ и худощавъ. Они живутъ очень дружно и обращаются просто, хотя одинъ поручикъ, а другой генерал-поручикъ. Прощаясь со мной, просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ.

Третьягодня я сѣлалъ второй визитъ г. Карамзину, и принять имъ столь же хорошо, какъ и въ первый. Сѣвши въ вольтеровскія свои кресла, просилъ онъ меня, чтобы я сѣлъ на дивантъ, возвышенный не болѣе шести вершковъ отъ полу, гдѣ, какъ карла передъ гигантомъ, въ уничижительнѣйшемъ положеніи, имѣлъ удовольствіе съ часъ говорить съ нимъ. Г. Карамзинъ былъ въ совершенномъ дезабыль: сѣдый байковый сюртукъ, на-распашку, и медвѣжьи большіе сапоги — составляли его одежду. Говоря о новыхъ французскихъ авторахъ (которыхъ я очень мало знаю), совѣтовалъ мнѣ читать новѣйшіе романы, утверждая, что ни чѣмъ не можно столь себя усовершенствовать въ истиннѣ, какъ прилежнымъ чтеніемъ оныхъ. Совѣтовалъ мнѣ сочинять что-нибудь въ вышнѣмъ вкусѣ, и признавался, что, до изданія Московскаго Журнала, много бумаги имъ перемарано, и что не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно. Журналъ его скоро выйдетъ новымъ тисненіемъ. — Комнаты его очень хорошо убраны и на стѣнахъ много портретовъ французскихъ и итальянскихъ писателей; между ними замѣтилъ я Тасса, Метастазія, Франклина, Бюфлера, Дю-Пати и другихъ беллетристовъ. Сколь онъ ни добръ, сколь характеръ его ни кротокъ, но имѣетъ многихъ непріятелей, которые, изъ зависти, ему вредить стараются. Нѣкто сочинилъ на него слѣдующую глушую эпиграму:

Былъ я въ Женевѣ, былъ я въ Парижѣ:
Слѣбью сталъ выше, разумомъ ниже.

А на «Бездѣлки» его также кто-то сѣлалъ стихи:

Собравъ свои творенья мелки,
Французъ, изъ Русскихъ, подписалъ:
«Мои Бездѣлки»,

А уиъ, прочтя, сказалъ:
Немного дна,
Лишь надпись справедлива.

Г. Дмитріевъ, почитатель и другъ Ка-

рамзина, думалъ, что послѣдніе стихи очитаемымъ Шатровымъ, отвѣчалъ на нихъ:

Коль разумъ чтить должны мы въ обра-
ствѣ Шатрова,
Насъ, Боже, упаси отъ разума такого.

Занимательная статья г. Струговицкова *О Шиллерѣ и Гётѣ* заключена прекраснымъ переводомъ извѣстнаго стихотворенія Гётѣ: *Бонниа Фактазми*.

Сиротинка, рассказъ князя Одоевского, можно упрекнуть въ не совсѣмъ-естественной идеализаціи быта деревенскихъ крестьянъ, на подобіе того, какъ они идеализируются въ дивертисманахъ, даваемыхъ на нашихъ театрахъ. Впрочемъ, видно, что этотъ рассказъ еще первый опытъ нашего даровитаго писателя на новомъ для него поприщѣ, къ которому онъ еще не успѣлъ привыкнуть. Но недостатки этого рассказа вполне выкупаются его прекрасною и благородною мыслию и цѣлью.

Статья гр. А. Толстаго: *Арменій Семелосовичъ Березниковскій...* Но мы лучше не будемъ о ней говорить... Nonni soit qui mal у pense...

Теперь о стихотвореніяхъ. Тутъ помещена цѣлая повѣсть въ стихахъ, Жуковскаго: *Капитанъ Бонны*, представляющая чтеніе весьма-назидательное. Кроме того, есть стихи графини РаSTOPчиной, князя Вяземскаго, гг. Коренева, Тургенева, Языкова и Бенедиктова. Стихотвореніе г. Бенедиктова *Реальность*, принадлежитъ къ разряду *непродуманныхъ* стихотвореній. Представляемъ его на судъ нашихъ читателей такъ, какъ оно есть, безъ всякихъ замѣчаній:

Есть чувство адское: оно вскипнеть въ крови
И, вызвавъ демоновъ, вселитъ ихъ въ рай

любви,

Лобзанья отравить, оледенить объятъ,
Вадохъ нѣги превратить въ хрипящій
вонякъ проклятія;

Отниметь все — и свѣтъ и слезы у очей,
Въ прельстительныхъ власахъ укажетъ
святыхъ змѣй,

Въ улыбка алыхъ усть — геенны ослаб-
ленье,

И въ тихомъ шепотѣ — эхидино шипѣнье!

Смотрите—вот она!—Улыбка по устамъ
Полезетъ, какъ свѣтлый червь по розовымъ
листамъ;

Она—съ другимъ—нѣжна! Увлаживъ рѣ-
шенимъ,

И взоры чуждымъ сверкаютъ, какъ зарни-
цы,

Но шея мраморной! Какъ молнія сколь-
зятъ

По персамъ трюметнымъ! Виваютъ, яв-
нать,

Но складкамъ бархата молдитально стру-
тятся

И въ искры адскія у ногъ ея дробятся,
То обмахнуть ей въ лицо, то лягутъ ми-
лый слѣдъ:

Вотъ—руку подала! Измѣнницы браслетъ
Не стиснула ей руки! Ужъ вотъ ея ми-
зинца

Коснулся этотъ левъ изъ моднаго звѣ-
рища:

Оъ косматой гривой! Зачѣмъ на ней на-
дѣтъ

Сей неизвѣстный мѣтъ, лазурный небѣ
цвѣтъ?

Условья нѣтъ ли здѣсь? Въ вѣсть тайныхъ
знаковъ нѣтъ ли

Извѣстныхъ кудрей предательныхъ пет-
ли,

Вы, пряди черныхъ косъ, задернутыя
мглою,

Вы, верви адскія, облитыя смолою,
Шляпами демоновъ закрученные свѣтки,

Сваряды колдовства, орудья вѣчной пытки!

Странно! эти *неспролтымы* стихи по-
чечу-то напомнили намъ эти превос-
ходные стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты, или нѣтъ?

На что намъ знать твои волненья,
Надеждамъ глупымъ первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка алмазъ сожальнѣвъ?

Взгляни: передъ тобой играючи идѣтъ
Толпа дорогою привычной:

На лицахъ праздничныхъ чуть видѣтъ
слѣдъ заботы,

Слезы не встрѣтишь непримичной.
А между-тѣмъ, нѣтъ ихъ едва ли есть
однѣ

Тяжелой пыткой не измѣтѣтъ,
До преждевременныхъ добравшійся мор-
щинъ

Безъ преступленья, или утраты!..
Поэтръ: для нихъ свѣщонъ твой плачь и
твой ѹкоръ

Съ сонмихъ наивномъ заучѣнныхъ

Какъ разрумяненный трамическій актѣре
Малающій мечомъ картоннымъ...

Да, воля ваша, а издать хорошихъ альманаховъ, альманаховъ безъ балласта, безъ статей уродливо-безобразныхъ, оскорбляющихъ и вкусъ и смыслъ, безъ хлама посредственности и ничтожности, —издать такой альманахъ въ наше время очень-трудно! При добровольныхъ вкладахъ, всякое давнѣе благо; тутъ выборъ невозможенъ; лезть отъ усердія не отвергаютъ, хотя бы зна- лезта отъ усердія • означала не больше, ни меньше, какъ желаніе отдѣлаться отъ просьбъ чѣмъ-нибудь. Какимъ бы талантомъ и какимъ бы вкусомъ ни обладалъ составитель альманаха, но не въ его волѣ, не въ его возможности отдѣлаться отъ *неспролтымыхъ* стиховъ къ родѣ • Ревности • и *неспролтымой* прозы въ родѣ • Артемія Семеновича Барвенковскаго....

140) Новый Гость. Изданіе Алек-сандра и Карла Реймера. *Визитъ I. Санктпетербургъ. Въ томъ. III Озд. Собств. Е. И. В. Канцелярїи. 1844. Въ 16-ю д. л. 184 стр.*

Вотъ и еще альманахъ, если ужъ по-шлѣ на альманахи! Но это альманахъ совсѣмъ-другаго рода, нежели *Вчера и Сегодня*: это альманахъ-плебей, альманахъ пятнадцатаго класса, книга для утѣшенія переднихъ и прихожихъ. *Новый Гость* щеголяеть и стихами и прозою; но въ немъ все свое, все соотвѣтствующее одно другому, все заимено печатью ничтожества, пошлости. Имена господъ, украсившихъ своимъ дивными произведеніями этотъ *неспролтымы*. Судите сами: издавъ его г. Александръ (онъ же и Карлъ) *Реймеръ*, надѣлалъ его своимъ статьями гг. *Василимъ, Иполитъ Голубинъ, Анатолій Р., Ф. П—въ, Адамъ Семиморскій, пале Маресскій, А. Борисовъ*. Какими горемыками смотреть статьи всѣхъ этихъ неслыханныхъ именъ! Какъ видно, что онѣ давно потеряли надежду увидѣть себя допущенными въ какое-нибудь

периодическое издавіе! Съ гора, рѣши-
лась онъ сойтись въ этой книжонкѣ,
гдѣ все плохо...

Для образчика сочинительства со-
трудниковъ г. Александра (Карла тожъ)
Реймера, взглянемъ на новѣйшій *Плут-
никъ*, юмористическое произведеніе *наша
Маревскаго*. На Петербургской-Сторонѣ,
у чиновника Чудина играетъ въ пре-
ферансъ по маленькой нѣсколько *закид-
манникъ* друзей Чудина. *Закидманникъ*
обходится между собою дружески, на-
зывая другъ друга по-просту: *Аксен-
тій, Вася, Саша, Николаша*, и т. д.;
вмѣсто того, чтобы говорить, они *ре-
суть*; употребляютъ слова *подсахарила,
милотака, пореть*, и тому-подобныя. Но
вотъ образчикъ свѣтскаго разговора:

«Были святки. Разъ вечеромъ въ доиѣ
у Чудина по обыкновенію играли въ кар-
ты. И на этотъ разъ хотѣли безъ умол-
ку. Зернецаго не было; онъ сердился на
Чудина по весьма-уважительнымъ причи-
намъ. Игра была въ самомъ разгарѣ. От-
рывистыя фразы лопались, какъ запозда-
лая ракета послѣ фейерверка.

— Хе, хе, хе, право не могу вспомнить
безъ смѣха, какъ Аксентій-то Сидорови-
ча провели... А моя дама сама-третьей убитая!

«Да-съ! такъ-съ, Трифонъ Петровичъ,
такіе ли мутля дѣлаются! да еще ослѣпа-
ли жандарга, онъ бы прятка мѣщадка.

«Да, да... у Ниль-го Кузьмича тузъ самъ-
свѣтъ козырей,

«Гмъ, какже-съ, какже-съ! Трифонъ
Петровичъ. Я чай Аксентій-то Сидоро-
вичъ теперь горячку пореть?»

«Да еще какую!»

— Семь въ червякъ.

«Отъ ѡ! ѡ!»

«Жь я знаю все! въ всегда тань,
тѣ! тѣ! тѣ!

«А какъ быть! тѣ! тѣ! тѣ!

«Вистъ!»

Въ другой повѣсти: *Джентльство Де-
мона на Петербургскою-Сторонѣ*, одинъ
чиновникъ влюбился на бабѣ въ барыш-
ню и обдѣлся съ нею въ смѣхъ, бу-
да она зачѣмъ-то ходила. «Съ первыми
заудачами фортунаю (.) я закинулъ жи-
вацию, врозь бросилась въ голову, ка-
кою-то жгучей составъ раздѣлся по

«жилакъ, я не понималъ себя—что со
мною?.. Зародышь любан!.. Объ руку
съ Сашею (.) полетѣлъ я по паркету
на Олимпію, гдѣ Венера раздала въ-
ки своимъ любимцамъ». Хорошо! «Ты
плутинка, Федя, ты знаешь (.) я влюб-
ленъ въ Сашу до зарѣза! — Я домогал-
ся отъ нея «да»; наконецъ мой идеаль
прошкляды желанное слово. «Щец-
тада ей на ухо равныя разности, уди-
сительныя удивительныя». Вотъ ед-
дачить; у меня въ затылкѣ зачеса-
лось. — Боже мой! что за слова, что за
мысли, что за чувства, что за юморъ,
что за остроуміе, что за тонъ!..

Мы ни слова не скажемъ о драмѣ въ
двухъ дѣйствіяхъ *Осада Улица*, г. Не-
видимки: эта драма просто въ-ружь-
вокъ. Но изъ комедій въ одномъ дѣй-
ствіи: *Прощай Цеста или Вѣтъ каково
оно*, того же сочинителя, выйдемъ
нѣсколько стиховъ для образчика по-
мически-разговорнаго языка въ сти-
хахъ:

Одинъ Бутылкинъ мой, единственный прі-
ятель,
По всѣмъ момъ дѣламъ заботливый за-
дателъ,

Не допущу вести *Лягу* подъ вѣнецъ
Столицы му давно одной ногой въ могилѣ
Любимцу Базуса.

Скорѣ бульдогу!

Никто не хочетъ вѣсть справедливому
стому.

Нѣтъ, извините мнѣ.

Ушелъ оидой глушець..

Какую выдумалъ на старости *жизну!*
Мнѣ пѣловать его! и стать съ нимъ подъ
лѣнень!

Нѣтъ, не хочу дышать его я *атмосферой*,
Хотя бы въ дѣржавка остался отъ того...
Его супруга я никогда не буду!

Чтобы цѣловальницей быть вѣчно для него!

Содержаніе комедій совершенно со-
отвѣтствуетъ своею негѣпостью без-
образію стиховъ, которыми она писа-
на. *Роюносцевъ* хочетъ выдать свою
дочь за пріятеля своего. *Бутылкинъ*,

старше женщину; на жена его не огласна на это. Въ дочь влюбленъ поэтъ *Иудачкинъ*. Разъ онъ вѣзъ въ село къ *Лизѣ*. Вытылкинъ съелъ его за зора, но узнавъ его, объявляетъ, что его лядя умаръ и оставляетъ ему 100.000. Разумѣется, *Лиза* выходитъ за *Иудачкина*. Чтѣ за кагора!

Новый Гестъ украсенъ картинками; рисунки инокворыхъ назъ нихъ надуреть, но литографированы онѣ чудомщицо.

Еще, этому альманаху слѣдовало бы назваться не *Новымъ Гестомъ*, а какъ-нибудь иначе. Но онъ непремѣнно хочеть промѣнить, *онъ* *вообще* и дѣлаетъ *первый* *силы*, провъ вторымъ. Едва ли кто осогоритъ ему дора и скажетъ: «доброе пожелать!» Въ *мѣншихъ* у *Букинского*, на *ларахъ* *Авраамъ-Двора*, «кто гдѣ придетъ ему *воспитать*... Будъ и *двора*!..

141) *Митюрь*, на 1848 годѣ. *Санкт-Петербургу*. Въ *дня*. *Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Страхи*. Въ 8-ю д. л. 176 стр.

Не пугайтесь этого метеора: онъ не страшенъ. Мы даже думаемъ, что вы и не замѣтили бы его появленія на горизонтѣ современной русской литературы, еслибъ мы не заговорили о немъ съ вами. Этотъ *Метеоръ*—невинный оборонитъ разныхъ стинювъ, изъ которыхъ нѣтъ, право, недурны, хотя и не отличаются особенными красотами поэзии. Времена переходчивы! Подобно альманахамъ, стихи были въ большой модѣ, и появилась эта книжка въ свое время, то-есть, гдѣ *двадцать*, или, ужъ по-крайней-мѣрѣ, гдѣ *пятнадцать* назадъ, — она надѣлала бы большаго шума, журналы и хваляли и брачали бы ее, спорили бы изъ-за нея другъ съ другомъ, какъ-будто изъ-за дѣла; публика покупала и читала бы ее. Ничего этого теперь не будетъ съ нею. Ей вѣче-го опасаться и брани; ей не тронуть даже по дѣлности; читать же ее совѣтуетъ всѣмъ — на-сонъ-грядущій: въ этотъ отомшеніи, дѣйствию *Метеора* ни

отъ тѣмъ поравнино; мы нехватаемъ вѣдъ на самихъ-себѣ и даже среди бѣлаго дня. Признаемъ, это обстоятельство заставило насъ порадоваться за успѣхъ русской литературы. Наша стихотворная поэзія по-справедливости можетъ гордиться содаваніями истинно-ищущими, именами истинно-гениальными; нельзя сказать, чтобъ она бѣдна была и талантами. Она совершила цѣлью полный и законченный, — такъ-что теперь уже нѣтъ возможности доставать славу невинными стишками, каки бы они хороши ни были. Таланта для этого мало: нужна гениальность, а если и таланты, то соединенный съ большимъ умомъ, съ сильнымъ натурою. Быть поэтомъ теперь значить — мыслить поэтическими образами, а не щелкать по-птичьи мелодическими звуками. Чтобъ быть поэтомъ, нужно не мелочное желаніе выказаться, не грезы правдоподобнаго фантазіи, не вышисныя чувства, не нарядная печаль: нужно могучее сочувствіе съ во-просами современной дѣйствительности. Поэзія, которой корни находятъся въ прихотахъ, скорбахъ или радостихъ самолюбивой личности, носящейся, какъ мурница съ айдоомъ, съ своими преисрощными чувствами, до которыхъ никому нѣтъ дѣла, — такая поэзія, вѣсто вниманія, заслуживаетъ презрѣнія. Всякая поэзія, которой корни не въ современной дѣйствительности, всякая поэзія, которая не бросаетъ свѣта на дѣйствительность, обаяняя ее, — есть дѣло отъ бездѣла, невниное, но пустое препровожденіе времени, игра въ куклы и бирюльки, занятіе пустыхъ людей... Давно уже утвердилось мнѣніе; и существовать до снѣхъ-норъ, что поэтъ — пустой человекъ, неспособный ни къ какому дѣлу. Это мнѣніе варварски-ложно, когда оно прилагается къ поэтамъ или гениальнымъ, или проявившимъ въ своихъ твореніяхъ положительный, никакому сомнѣнію неподлежащій талантъ, — талантъ, запечатлѣнный оригинальностью идей, самобытностью формы. Пусть такой поэтъ и дѣйствен-

тельно неспособен ни къ какому другому дѣлу: онъ имѣетъ на это полное право, потому что способенъ къ своему дѣлу, для котораго годятся не всѣ, но одинъ изъ ста тысячъ, если не изъ милліона людей. Это мнѣніе страшно-истинно, когда оно прилагается къ тѣмъ поэтамъ, у которыхъ, вмѣсто таланта, есть только способность къ поэзій; которыхъ сочиненія, какъ говорится, только что надурны, и которые, ставъ выше бездарности, все-таки не дошли до таланта. Такіе поэты — самые жалкіе люди въ мірѣ, и конечно, всякій водовозъ, всякій дворникъ, на дѣйствицѣ общественной іерархіи, есть почтенное существо въ сравненіи съ этими писклявыми и крикливыми воробьями царства поэзій, потому что водовозъ и дворникъ полезны и необходимы для общества. Совершенно бездарный поэтъ лучше маленькихъ талантиковъ: на него, по-крайней-мѣрѣ, можно смотрѣть, какъ на большаго, или помѣшаннаго, и онъ рѣдко заносится и завнаётся, не балуемый мелочными успѣхами. Но маленькіе талантики — несносные люди, раздражительные, мелочные, самолюбивые, завистливые. Они не знаютъ, какъ и оцѣнить себя; ихъ чувствованница, ихъ фантазія, ихъ мыслышки кажутся имъ великими открытіями. Они и не догадываются, что все это у нихъ краденое, т. е. вычитанное, или, какъ превосходно выразилъ это Лермонтовъ, «цѣнной мысли раздраженіе». Они увѣрены, что только одни они и чувствуютъ, и мыслятъ, и страдаютъ, — и потому нещадно бранятъ толпу, которая предпочитаетъ свои домашнія заботы и личныя выгодныхъ хорошеенькихъ стишкамъ. Къ дѣлу они неспособны ни къ какому, потому что самолюбивы, надуты, тщеславны, все, кромѣ стишковъ, считаютъ ниже себя, не хотятъ ничему учиться, ни на что поглядѣть со вниманіемъ. Они — извольте видѣть — гении, толпа должна видѣть ореолъ надъ ихъ головами, а на челѣ вѣраду безсердія. Такихъ поэтовъ надо преслѣдовать критикѣ

неутомно и строго; они вредны все-бездарныхъ, которые не стоятъ никакого вниманія; они подаютъ дурной примѣръ молодёжи: соблазна мальчишковъ дешево покусаемой славою, они отылекаютъ ихъ отъ ученія и отъ дѣла.

И на что намъ они, эти пріятные поэты, эти маленькіе талантики? Что въ нихъ? Было время, и они были полезны и нужны! Но теперь, когда Пушкинъ и Лермонтовъ показали намъ образцы высокой поэзій; когда мощныя таланты разработали ее наизусть, подали примѣръ всѣхъ формъ, даже всѣхъ уклоновъ и странностей поэзій, — теперь, что дѣлать маленькимъ талантамъ? Вадуаетъ ли талантики писать басни, — кто же его станетъ читать послѣ Крылова, и въ состояніи ли онъ быть для своего времени тѣмъ, чѣмъ для своего были Хемницеръ и Дмитриевъ? Вадуаетъ ли онъ, на примѣръ, попробовать свои силы въ классическо-французской третедіи, — ему непремѣнно нужно для своего времени стать хоть тѣмъ, чѣмъ для своего былъ Озеровъ. Рѣшиться на борьбу съ Вятюшковымъ еще меньше-возможно для него. Пуститься развѣ въ романтизмъ? — но тогда надо крѣпко помнить, что въдъ у насъ есть Жуковский. Стало-быть, нѣтъ надежды и на возобновленіе старинны. Возможность комедій въ стихахъ убита Грибоѣдовымъ. Пѣть буйныя плотскія потѣхи? — но это уже сдѣлалъ г. Языковъ. Пуститься въ дикую оригинальность — мѣшаетъ г. Бонедяковъ. И такъ, ни стараго возобновить, ни новаго изобрѣсти: что же дѣлать?.. Всего лучше ничего не дѣлать...

Но мы заговорились и забыли о «Метеорѣ»; возвратимся къ нему. Онъ украшенъ стихами графини *Расстрижиной*, гг. *Майкова*, *Бенедиктова*, *Мейснера*, *Познанскаго*, *Шевцова*, *Стеласова*, *Якубовича*, *Филимонова*, *Дурова*, *Протопопова*, *Пальма*, *Бернета*, *Доводникова*, *Огородникова*, *Григорьева*, *Гребенки*, *Гербаловскаго*, *Соколовскаго*... Сколько именъ! Мы теперь столько же богаты

востами, сколько бѣдны поэзію. Особоенно-ярлаго, рѣзко-выдающагося изъ-подъ уровня обыкновенности, въ «Метеорѣ» нѣтъ ничего. Лучше другихъ три стихотворенія г. Майкова; хуже всего стихи гг. Степанова, Шевцова, Филлимонова, Якубовича, Соколовскаго и многихъ другихъ. Господи Боже мой! не-уже-ли гг. Якубовичъ и (особенно) Соколовскій, никогда не перестанутъ даже и пѣть могилы мучить живыхъ своими водяными виршами? Чтѣ за неутомимый народъ эти поэты!.. Г. Бернети нѣкогда подавалъ надежды. Но ему суждено было на всю жизнь остаться тѣмъ, чѣмъ онъ обнаружилъ себя въ то время, когда подавалъ надежды. Теперь, кажется, уже нѣчего отъ него надѣяться. Въ «Метеорѣ» напечаталъ онъ вторую часть своей поэмы *Графъ Мецъ*, написанной имъ еще въ 1841 году. Не-уже-ли онъ столько времени беретъ въ своемъ портфелѣ эту книгу писанной бумаги?... Что такое эта поэма? Мы ничего въ ней не поняли, и, въ слѣдствіе этого обстоятельства, испеннили энграмму старика Дамстрива:

Ужъ подлжно Бибрусъ боговъ языкомъ пѣтъ:
Изъ смертныхъ-бо его никто не разумѣлъ.

Графъ Мецъ, графиня Клавдія, жена его, Праздникъ оборотней, Распорядитель, Лестецъ, Шутъ, Наглецъ, Антроносъ, Горлакъ, Трубочистъ, Треворъ (песъ), Оркестръ, Компонистъ, Башмачникъ, Первая Часть Поэмы, Вторая Часть Поэмы (все это дѣйствующія лица), Критикъ, Попугавъ, Кавчукъ (Хохолъ), Бандуристъ, Хоръ Дѣвушекъ, Ребятишки, Молодой Офицеръ, сраженіе, дѣвушка предводительствуетъ эскадромъ, ее убиваетъ графъ Мецъ и узнаетъ въ ней предметъ своей любви... чтѣ за путаница! Это одно изъ тѣхъ злополучныхъ произведеній, которыхъ тысячи порождены «Фаустомъ» Гёте и «Манфредомъ» Байрона; слѣдовательно, это по-

вое «плѣнной мысли раздраженіе». Второстепенные таланты любятъ тануться за гевіями, и думаютъ идти по ихъ гигантскимъ слѣдамъ, копируя ихъ недостатки. Недѣльны слены колдовства и вальпургиснахтъ въ «Фаустѣ» мелкими талантами приняты добродушно за красоты перваго разряда, и эти-то безобразныя красоты они и подражаютъ въ-зануски. Недавно одинъ плохой писакъ, хватавшійся за всѣ роды поэзіи (преимущественно за драмы для «Александринскаго-Театра») и во всѣхъ равно оказавшійся бездарнымъ, рѣшилъ пуститься въ критику. Губительное перо свое онъ нанесъ на «Фауста» и на переводъ этой поэмы г. Вронченко. Въ этой критикѣ онъ полными горстями высыпалъ всѣ тамъ-и-сякъ вычитанныя и непонятныя имъ мысли и о «Фаустѣ», и о Гёте, и о томъ и о сѣмъ; а больше ни о чемъ. Мысли г. Вронченко онъ очень-вѣжливо назвалъ *сизиготскими* и еще Богъ-знаетъ какими: образчикъ литературной вѣжливости... Но самая забавная сторона его критики заключается въ усилии доказать, что вторая часть «Фауста» — этогъ сборъ холодныхъ аллегорій, старческихъ мыслей, истинческаго уничианья, — сборъ, шрѣдка сверкающій искрами гевія, но въ цѣломъ утомительно-скучный и безобразно-странный, — что вторая часть «Фауста» выше первой, истинный *chef-d'oeuvre* поэзіи... Видите ли, чтѣ больше всего нравится господамъ этого разряда? — именно то, чтѣ они всего меньше въ состояніи понять, чтѣ бросается въ глаза своею странностью. Истинная, простая поэзія имъ никогда не нравится...

Кромѣ «Графа Меца», г. Бернети напечаталъ въ «Метеорѣ» четырнадцать мелкихъ пьесъ: мелочь во всѣхъ отношеніяхъ! Но чтѣ въ «Метеорѣ» доставило намъ истинное удовольствіе, до слезъ развеселило насъ, — это стихотвореніе г. Бенедиктова: *Тостъ*. Не можемъ отказать себѣ въ наслажденіи подѣлиться съ читателями нашимъ весельемъ.

Часто рдѣють, словно розы,
И въ развал ихъ вновь и вновь
Винограда брызнуть слезы,
Нервный сокъ (?) его и кровь.
Эти чаши днесь содымлемъ,
И склонимъ къ устамъ край,
Влагу свѣтлую примемъ
Въ честь и славу бытѣя,
Общей жизни въ честь и славу,
За ея осесѣлѣнный трепъ
И осамрину держалу
Пеллопиды струю кроваву
До осурми сткляныхъ ДОНЪ!

Стихотворение это столько же огромно, сколько и прекрасно: всего нельзя написать; ограничуся лучшимъ:

Жизнь—сила! Твой свѣточъ—разумъ.
Да не меркнетъ подлѣ тобой
Свѣтъ сей, вславленный алмазомъ
Въ перстень вѣчности самои!

Удивительно! Разумъ сперва является свѣточемъ жизни; потомъ уходитъ модою жизни и наконецъ дѣлается алмазомъ и попадаетъ въ перстень вѣчности! Какая глубокая мысль — ничего не поймешь въ ней! Господи современные русскіе стихотворцы, объясните намъ смыслъ этой глубокой мысли: тысяча нудовъ російскихъ стихотвореній въ награду!

Внчаяъ лавромъ или мартомъ—
На подобіе сихъ чашъ,
Будь налитъ черепъ нашъ
Сокомъ думъ и мысля спиртомъ!

Браво! брависсимо! На подобіе чашъ, налить черепъ живыхъ (*физически*) людей сокомъ думъ и спиртомъ мысли: какая счастливая, оригинальная мысль! Жаль только, что она будетъ въ подрывъ откупамъ и погребамъ.

Пьемъ за милыхъ—сестрицъ рал —
За красы ихъ, начинала
Съ полныхъ мрака и лучей
Зажигательныхъ очей,
Темныхъ, нѣжныхъ и упорныхъ,
Цѣлныхъ есласеки-цѣлныхъ,
Сѣрыхъ, черныхъ, адски-черныхъ
И небесно-золубыхъ!

Ва зероше усть Румяныхъ
Блѣдныхъ, амыхъ и бархатныхъ—
Этихъ демосушася струй,
Гдѣ дыханье пламенѣть,
Рѣчь дрожитъ, улыбка млѣть,
Пылетъ вѣчный поалуи!
Въ честь кудрей благоуханныхъ,
Лѣгкихъ, дымчатыхъ, туманныхъ,
Сѣтло-русныхъ, золотыхъ,
Темныхъ, черныхъ, разсыпныхъ,
Съ ихъ нежестовымъ изывомъ,
Съ искрой, съ отблескомъ, съ отмыкомъ,
И заключенныхъ, какъ сталь,
Въ безконечную спираль!

Далѣе, поэтъ наставляетъ въ своемъ имѣреніи возмеществовать юныхъ дѣвъ и добрыхъ жёнъ,

Сихъ божиі оме-сердечныхъ,
Кѣмъ миръ цѣлый проведенъ
Черезъ святую персей млечныхъ,
Кольбаби и желны.

Этихъ коряцъ, этихъ лонцъ,
Рассточительницъ блаженства
И страдалицъ царствъ!

Молніеносными чертами ридуетъ потомъ поэтъ географію и аватомію Россіи:

Чудный край! черезъ Алтай
Бросивъ локоть на Китай,
Темъ вспрыснутъ Океаномъ,
Въ Балтъ ребромъ, плечемъ въ Атлантъ (!),
Въ полюсъ лбомъ, пятой къ Балканамъ
Мощный планетъ (!) гигантъ.

Потомъ, поэтъ, пришедъ въ влщій восторгъ, предлагаетъ выпить сока думъ и спирта мысли —

Въ славу солнечной системы,
Въ честь и солнца и планетъ,
И дружинъ огне-крылатыхъ
Длиннохвостыхъ, бородастыхъ
Быстрыхъ бѣлешныхъ кометъ.

Наконецъ, ему почвазало, что осши

Мчится въ пласкъ круговой
Въ парѣ съ вѣрною луной, —

и что всѣмъ мірамъ тавкують...

Найти, что не могли вынести
этого дивнаго дионрамба вполнѣ: въ
поэтѣ еще осталось столько соку думѣ
и спирту мысли!.. Правъ, тамеичу разѣ
права г. Шевыревъ, доказавшій, что
до г. Бенедиктова въ русской поэзіи
не было мысли, и что Державинъ, Кры-
ловъ, Жуковский, Ватюшковъ, Пуш-
кинъ — поеты безъ мысли. Да, только
съ появленіемъ книжки стихотвореній г.
Бенедиктова, русская поэзія преиспол-
нилась не только мыслию, но и сокомъ
душ и спиртомъ мысли...

142) Москва. Три пьесы Владиміра
Филимонова. Санктпетербургъ. 1845.
Въ тѣх. Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи. Въ 16-ю д. л. 75
стр.

Въ Метеорѣ г. Филимоновъ являет-
ся поэтось въ духѣ нашего времени:
стишки его плохи, очень-плохи, но
видно, что они писаны въ 1843 году
отъ Р. Х. Въ Москвѣ, г. Филимоновъ
является пѣвцомъ, въ смыслѣ воспи-
вателя, въ духѣ блаженной-памяти
классической эпохи нашей литерату-
ры. Впрочемъ, у него своя совершен-
но-оригинальная манера пѣть и воспи-
вать. Онъ посвятилъ прославленію
Москвы три пѣсни: первая заключаетъ
въ себѣ жестокою, иногда довольноо-
грязную брань на Москву; вторая пѣс-
ня исправляетъ ошибку первой и, не
жалѣя груди, взо всехъ силъ наду-
вается въ похвалахъ Москвѣ. Третья
пѣсня — выводъ изъ двухъ крайностей,
общій дионрамбъ, нѣчто въ родѣ хора,
составленнаго изъ русскихъ пѣсен-
шниковъ. По логикѣ г. Филимонова, это
значитъ и хвалить и пѣть. Вотъ нѣ-
сколько образчиковъ его сатирической
воли:

Нашъ багровый Москвитинъ,
Дико блыдетъ землякъ придворный,
Вотъ въ полднѣ, до ночи изволятъ
ногти стричь,
Чулочкъ натягиваетъ (на что?) узорный.
Тѣ шубы чужезно восили на плащахъ,
Въ камзолахъ красныхъ, въ поументахъ,
Съ разсѣлочными клѣтками на синякахъ,

Ходилъ въ огородахъ, тамеичу въ баню — въ
лаптяхъ

Вотъ съ длиннымъ поѣздомъ, съ конями
забѣдными,

И съ скороходами и съ верховыми,
Съ музыкой впередѣ, и съ пѣвчимъ въ
концѣ,

Въ мундирѣ съ шляпою пѣлюмажвою,
И съ трубкой во рту, на борзоу жеребѣ,
Великій мужъ, дородствомъ важный,
Днемъ, въ городѣ, ѣзжалъ съ Тверскойю
къ Москвѣ рѣкъ,

Какъ чванливый Паша въ своемъ пѣ-
шаликѣ;

А дома тѣшился престранною игрушкой:
Онъ, сядя у воротъ, прохожихъ близъ хло-
пущкой;

Въ пылу неистовыхъ страстей,
Въ гостиню, вокругъ жены, за день пе-
редѣ родами;

Водилъ все бѣшеныхъ коней;
И хлопалъ по полу бичами.

Жилъ молодецъ въ дому большомъ;
Тотъ слугъ своихъ карвалъ карательною
стрижкой,

Въ замѣну ихъ вмѣня, дарованныхъ съ
крестомъ,

Зывалъ то «Фрыгой», то «Самцыжкой»;

Порой, съ угломъ на короля
То Кузьку ставилъ, то Маврушу,
И на живую, часто, душу
Вытѣивалъ борзого кобеля.

Тогда какъ романтизмъ смѣлся басно-
словью,

Извѣстей былъ одинъ любезникъ-гастро-
номъ

Къ Венерамъ въ дванцѣй классической
любовью

И баснословнымъ прѣшествомъ.

Богинь своихъ, въ златыхъ пѣпочкахъ
на дванцѣ,

Въ цѣпяхъ желѣзныхъ огня сажалъ, по-
рой, на стулѣ;

Зимоу, розгами ихъ жарко пѣрять въ банѣ.
Порой, когда въ обѣдъ роскошнѣе Лу-
кулъ

Венгерскимъ смачивалъ во рту пиротъ
воздушный,

Иль съ жадностію глоталъ десертимъ вѣ-
лей вдругѣ.

Творна ихъ повара, дѣрала на конюшнѣ.
«И дѣло!» говорилъ пряткомъ моштинкѣ
вслухъ:

«За бѣлаго всегда даютъ не бѣлыхъ душекъ.»

Въ домахъ нѣмъхъ господъ столичныхъ,
Для чюладнищезъ, на понахъ,

Какъ утварь нужная, колодецкій запасъ
Развѣшеномъ былъ, въ мѣстахъ прилич-
ныхъ...

Задора на бѣгу, барышникъ-жмотъ (?)
на конной,

Въ серахъ крѣпостной султанъ,
Съ гульними дѣвками гуляка забубѣнный,
Летитъ на бѣгуиѣ. Съ бородею булякъ,
Вотъ въ шляпѣ, безъ тулякъ, окутанный
платочкомъ,

Подъ грязнымъ фартукомъ, съ рогожен-
нымъ кулечкомъ,

Труситъ рысцою на длинныхъ роспускахъ:
Въ толкучемъ первый надувало,
Въ харчевняхъ первый въ пласунахъ,
Въ Перовой первый запывало.

(Стр. 9, 23 и 25 — 27).

Но не довольно ли? А то, пожалуй,
г. Фидимонъ отпустить что-нибудь
и еще посылить... Лучше полюбуемся
образчиками его лирическаго наоса:

На Овражкахъ, на Полянкахъ
На Котлахъ, и на Таганкахъ,
На Бору, и на Щенахъ,
Въ Гребешкахъ, на Курныхъ Пожкахъ,
Ты на санкахъ, ты на дрожкахъ,
На качеляхъ, на горахъ,
Ты въ Покровскомъ на катаньѣ,
Ты въ собраньѣ, на гулянъѣ
Подъ Новинскимъ, подъ Донской,
Ты съ блинами, ты съ икрой,
Ты съ ботаникѣю, ты со щами,
Съ сбнтиемъ, красомъ всѣхъ родовъ,
Ты съ Тверскими калачами,
Первообразъ городовъ!...
Отъ Рогожской до Мишской,
Отъ Крестовской до Калужской,
Сила, торгъ, забава, пиръ,
Городъ-царство, городъ-миръ!...
Въ свѣтѣ равнаго нѣтъ края
Съ нашей матушкой Москвой,
Какъ другаго нѣтъ Китая,
Нѣтъ Венеци другой!

Вотъ это поэзія! Тутъ одна любовь,
одно чувство: буйнаго разума нѣтъ ни
слѣдовъ, ни признака...

143) ФИЗИОЛОГИЯ ПЕТЕРБУРГА. Со-
ставленная изъ трудовъ русскихъ ли-
тераторовъ, подъ редакцію Н. Неврасова.
(Съ политическими). Число изред.
Санктпетербургъ. 1848. Въ томъ. Жоур-

nal de Saint-Petersbourg. Вѣ 8-мѣ ч. л.
303 стр.

Эта книга предлагаетъ пищу для лег-
каго чтенія и, дѣйствительно, не буду-
чи тяжелою, она и пріятно занимаетъ
читателя, и вставляетъ его мыслить.
«Физиологія Петербурга» — есть родъ
альманаха въ прозѣ, съ статьями раз-
нообразными, но относящимися къ од-
ному предмету — къ Петербургу. Те-
перь вышла первая часть, содержащая
въ себѣ шесть статей. Первая статья
служитъ вступленіемъ въ книгу, казъ-
бы предисловіемъ къ ней, и, вѣстѣ
съ тѣмъ, представляетъ собою крити-
ческій взглядъ на тотъ родъ изданій, къ
которому принадлежитъ *Физиологія Пе-
тербурга*. Вторая статья: *Петербургъ и
Москва*, г. Бѣлинскаго, содержитъ въ
себѣ общій теоретическій взглядъ на
обѣ столицы, со стороны ихъ внутрен-
няго значенія. «Отеч. Записки» не
считаютъ приличнымъ судить о статьѣ
г. Бѣлинскаго, какъ своего сотрудника,
и ограничиваются только выпискою
изъ нея одного мѣста:

«Извѣстно, что ни въ какомъ городѣ въ
мирѣ нѣтъ столько молодыхъ, молодыхъ
и даже старыхъ бездомныхъ людей, какъ
въ Петербургѣ, и нигдѣ ошдальне и семей-
ные такъ не похожи на бездомныхъ, какъ
въ Петербургѣ. Въ этомъ отношеніи, Пе-
тербургъ — антиподъ Москвы. Это рѣшное
различіе объясняется отношеніями, въ ко-
торыхъ оба города находятся къ Россіи.
Петербургъ — центръ правительства, го-
родъ по-преимуществу административный,
бюрократическій и оффиціальныи. Едва-ли
не цѣлая треть его народонаселенія со-
стоитъ изъ военныхъ, и число штатскихъ
чиновниковъ едва-ли еще не превышаетъ
собой числа военныхъ офицеровъ. Въ Пе-
тербургѣ все служить, все хлопочетъ о
нѣстѣ, или объ опредѣленіи на службу.
Въ Москвѣ вы часто можете слышать ве-
просъ: «тѣмъ вы занимаетесь?» въ Петер-
бургѣ этотъ вопросъ рѣшительно замѣняется
вопросомъ: «гдѣ вы служите?» Слово «чи-
новникъ» въ Петербургѣ такое же тѣн-
ческое, какъ въ Москвѣ «баринъ», «бары-
ня», и т. д. Чиновникъ — это туземецъ,
нѣтъи гражданинъ Петербурга. Если же
вамъ пришло въ лака, мальчишка, дѣвоч-
ку или дѣвчѣ нѣтъ, каждый изъ этихъ

поселенных, отъездивши въ домъ вашу квартиру, будетъ спрашивать у дворника или и у самого-васъ: «здесь ли живетъ чинишникъ такой-то?» хотя бы вы не имѣли никакого чина и нагдѣ не служили и никогда не намѣревались служить. Такой ужъ петербургскій «поровъ!» Петербургскій житель вѣчно болѣе лихорадкою дѣятельности; часто онъ въ сущности дѣлаетъ ничто, въ отличіе отъ Москвича, который ничего не дѣлаетъ, но «ничего» петербургскаго жителя для него самого всегда есть «нѣчто»: по-крайней-мѣрѣ, онъ всегда знаетъ, чѣмъ чего хлопотеть. Москвичи, Богъ ихъ знаетъ, какъ нашимъ тайну все на свѣгѣ дѣлать такъ, какъ въ Петербургѣ отдыхаютъ, или ничего не дѣлаютъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, даже визитъ, прогулка, обѣдъ — все это Петербуржецъ исправляетъ съ озбоченнымъ видомъ, какъ-будто боясь опоздать, или потерять дорогое время; и на все это рѣшается онъ не всегда безъ цѣли и безъ разсчета. Въ Москвѣ, даже солидные люди молчатъ только тогда, когда спать, а юности, особенно «подающие о себѣ большія надежды», говорятъ даже и во снѣ, а потому даже иногда печатаютъ, если имъ случится сказать во снѣ что-нибудь хорошее, — тѣмъ и должно объяснять мнѣя литературна явленія въ Москвѣ. Петербуржецъ, если онъ человѣкъ солидный, скупъ на слова, если они не ведутъ ни къ какой положительной цѣли. Лицо Москвича открыто, добродушно, беззаботно, весело, приятливо; Москвичъ всегда радъ заговорить и заспорить съ вами о чѣмъ угодно, и въ разговорѣ Москвичъ откровененъ. Лицо Петербуржца всегда озбочено и накурно; Петербуржецъ всегда вѣжливъ, часто даже любезенъ, но какъ-то холодно и осторожно; если разговорится, то о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ; серьезно онъ говоритъ только о службѣ, а спорить и разсуждать онъ ни о чѣмъ не любитъ. По лицу Москвича видно, что онъ доволенъ людьми и міромъ; по лицу Петербуржца видно, что онъ доволенъ — самимъ-собою, если, разумѣется, дѣла его идутъ хорошо. Отсюда проистекаетъ его тонкая наблюдательность; отъ этого безпрестанно выныкиваетъ его тонкая иронія: онъ сейчасъ замѣтитъ, если ваши сапоги нехорошо вычищены, или у вашихъ панталонъ оборвалась штрипка, а у шляпы шнуръ готовая оторваться пуговка, замѣтитъ — и улыбнется самодоволь-

но... Въ этой улыбкѣ, впрочемъ, и состоитъ вся его иронія. Москвичъ спускается ко всякому туалету и незамѣтитъ вообще во всемъ, что касается до наружности. Прежде всего, онъ требуетъ, чтобы вы были — или добрый малый, или человѣкъ съ душою и сердцемъ... При первой же встрѣчѣ, онъ съ вами заспоритъ, и только тогда начнетъ иронически улыбаться, когда увидитъ, что ваши мнѣнія не сходятся съ мнѣніями кружка, въ которомъ онъ ораторствуетъ, или въ которомъ онъ слушаетъ, какъ другіе ораторствуютъ, и который онъ непремѣнно считаетъ за литературную или философскую «партію». Вообще, всякій Москвичъ, къ какому бы знанію ни принадлежалъ онъ, вполне доволенъ жизнью, потому-что доволенъ Москвою, и по-своему умѣетъ наслаждаться жизнью, потому-что по-своему онъ живетъ широко, раздольно, нараспашку. Въ чѣмъ заключается еще наслаждение жизнью — это другой вопросъ. Умные люди давно уже согласились между собою, что крѣпкій сонъ, сильный аппетитъ, здоровый желудокъ, внушающіе уваженіе размѣры бровиныхъ полостей, полное румяное лицо и, наконецъ, завидная способность быть всегда въ добромъ расположеніи духа, суть самое прочное основаніе истиннаго счастья въ семь подлунномъ мірѣ. Москвичи, какъ умные люди, вполне соглашались съ этимъ, думаютъ еще, что чѣмъ меньше человѣкъ о чѣмъ-нибудь заботится серьезно, чѣмъ меньше что-нибудь дѣлаетъ и чѣмъ болѣе обо всемъ говоритъ, тѣмъ онъ счастливѣе. И едва-ли они не правы въ этомъ отношеніи, счастливые мудрецы! За то одинъ видъ Москвича возбуждаетъ въ васъ аппетитъ и охоту говорить много, горячо, съ убѣжденіемъ, но рѣшительно безъ всякой цѣли и безъ всякаго результата! Не такое дѣйствіе производитъ на душу наблюдателя видъ петербургскаго жителя. Онъ рѣдко бываетъ румянъ, часто бываетъ блѣденъ, но всего чаще его лицо отзывается гемorroидальнымъ колоритомъ, свойственнымъ петербургскому небу; и на этомъ лицѣ почти всегда видна бываетъ забота, что-то безпокойное, тревожное и, вмѣстѣ съ этимъ какое-то довольство самимъ-собою, что-то похожее на непобѣдимое убѣжденіе въ собственномъ достоинствѣ. Петербургскій житель никогда не ложится спать раньше двухъ часовъ ночи, а иногда и совсѣмъ не ложится; по это

не мѣшаетъ ему въ девять часовъ утра сидѣть уже за дѣломъ, или быть въ департаментѣ. Послѣ обѣда онъ непремѣнно въ театрѣ, на вечерѣ, на балѣ, въ концертѣ, въ маскарадѣ, за картами, на гуляньи, смотря по времени года. Онъ успѣваетъ вслѣдъ, и какъ работаетъ, такъ и наслаждается торопливо, часто поглядывая на часы, какъ-будто боясь, что у него не хватитъ времени. Москвитинъ — предобрѣйшій человекъ, доверчивъ, разговорчивъ и особенно склоненъ къ дружбѣ. Петербуржецъ, напротивъ, не говорливъ, на другихъ смотреть съ недоверчивостію и съ чувствомъ собственного достоинства: ему какъ-будто все кажется, что онъ или занятъ дѣловыми бумагами, или играетъ въ преферансъ, а извѣстно, что важныя занятія требуютъ вниманія и молчаливости. Петербуржецъ рѣдко отличается отъ Москвитина даже въ способѣ наслаждаться: въ столѣ и винахъ онъ ищетъ уточненнаго гастрономическаго изящества, а не излишества, не разливаннаго моря. Въ обществѣ, онъ рѣшится лучше скучать, нежели, предавшись обаянію жвагаго разговора, манкировать передъ чинностію и переиномностію, въ которыхъ онъ привыкъ видѣть приличіе и хорошій тонъ. Исключеніе остается за хостыми ширухами: русскій человекъ кутитъ одинаково во всѣхъ концахъ Россіи, и въ его кутежѣ всегда равно проглядываетъ какое-то степное раздолье, напоминающее древле-новгородскіе нравы.

«Въ Москвѣ нѣтъ чиновниковъ. Порядочные люди въ Москвѣ, къ чести ихъ, нѣ мѣста своей службѣ, умѣютъ быть просто людьми, такъ-что и не догадаешься, что они служатъ. Низшій классъ бюрократіи тамъ слыветъ еще подъ именемъ «приказныхъ», и мале замѣтенъ, разумѣется, для тѣхъ, кто не имѣетъ до нихъ дѣла, и за то, разумѣется, тѣмъ замѣтнѣе для тѣхъ, кому есть до нихъ нужда. Военныхъ въ Москвѣ мало; притомъ, многіе изъ нихъ вяжутся туда на время, въ отпускъ. Словомъ, въ Москвѣ почти не замѣтно ничего оффиціальнаго, и петербургскій чиновникъ въ Москвѣ есть такое же странное и удивительное явленіе, какъ московскій мыслитель въ Петербургѣ. Хотя Москвитинъ вообще оригинальнѣе и какъ-будто самобытнѣе Петербуржца, однако тѣмъ не менѣе онъ очень скоро свыкается съ Петербургомъ, если перенѣдотъ въ него жить. Куда дѣваются вы-

сокапарныя мечты, идеалы, теоріи, фантазіи! Петербургъ, въ этомъ отношеніи, пробный камень человека: кто, живя въ немъ, не улекся водворотомъ призрачной жизни, умѣетъ собрать и душу и сердце не на счетъ здраваго смысла, сохранить свое человѣческое достоинство, не предаваясь донкихотству, — тому смѣло можете вы протянуть руку, какъ челоуку... Петербургъ имѣетъ на дѣкоторыхъ натуръ отрезающее свойство: сначала, кажется вамъ, что отъ его атмосферы, словно листья съ дерева, спадаютъ съ васъ самыя дорогія убѣжденія; но скоро замѣчаете вы, что то же убѣжденіе, а мечты, порожденныя праздною жвагію и рѣшительнымъ незваніемъ дѣятельности, — и вы остаетесь, можетъ-быть, съ тяжелою грустью, но въ этой грусти такъ много сватаго, человѣческаго... Что жуть! Самыя ободствительныя изъ дѣлъ не стѣять въ глазахъ дѣльнар (въ разумномъ значеніи этого слова) челоука самой горькой ноты, потому-что счастье глушца есть дожъ, тогда-какъ страданіе дѣльнаго челоука есть истина, и притомъ плодотворная въ будущемъ...»

Остальныя четыре статьи составляютъ практическую и, слѣдовательно, главнѣйшую часть книги. Лучшія изъ нихъ — *Петербургскій Дворникъ*, В. И. Луганскаго, и *Петербургскіе Улицы*, г. Некрасова. Первая есть мастерской очеркъ, сдѣланный художнической рукою, одного изъ оригинальнѣйшихъ явленій петербургской жизни, лица мало извѣстнаго въ Москвѣ, и совсѣмъ неизвѣстнаго въ провинціи. Это одно изъ лучшихъ произведеній В. И. Луганскаго, который такъ-хорошо знаетъ русскій народъ и такъ-вѣрно схватываетъ иногда самыя характеристическія его черты. Одна газета, — не надо говорить, какая, — изълила свое неудовольствіе, что дворникъ Григорій дождался чести видѣть себя предметомъ литературнаго изображенія: пусть эта арестократическая газета толкуетъ о чиновникахъ, — а мы будемъ читать *Дворника* В. И. Луганскаго, — тѣмъ болѣе, что его веснушно прочесть и во второй и въ третій разъ, — какъ это мы узнали на опытъ. Выпишемъ что-нибудь изъ него:

Чивонники идутъ средней побѣжкой между вихолами и рыси, такъ-называемымъ у брышниковъ перебоемъ; первый дворникъ мететъ размашисто всёхъ ихъ сряду по ногамъ. Она по-очередно подпрыгивають черезъ метлу; одинъ, однакоже, миновать опасность, останавливается и бранится.

Дворникъ продолжаетъ свое дѣло, будто не слышитъ, и ворчитъ послѣ про себя, но такъ, что черезъ улицу слышно: а обойдти не хочешь? нешто глазъ во лбу нѣту? Другой дворникъ, для котораго собственно острое слово это было пушено, смѣется и, выпрямившись, засучиваетъ нѣсколько рукава, шаркнувъ себя локтемъ по боку, передаетъ черную масляную ветошку, для отдыха, изъ правой руки въ лѣвую, а освободившею рукою почесываетъ голову.

Порядочно-дѣтский человѣкъ останавливается у воротъ дома, смотритъ на надписи и, оглядываясь, говорить: «эй, любезный, гдѣ здѣшній дворникъ?»

Григорій молчитъ, будто не слышитъ; тотъ повторяетъ вопросъ свой по-громче и по-настоячявѣ.

— Тамъ, спросите во дворѣ.

Господникъ уходитъ подъ ворота; второй дворникъ, Иванъ, смѣется. — Ты что жь на отозвался?

— Много ихъ ходятъ тутъ! отвѣчаетъ первый и продолжаетъ мести.

Въ это время, извозникъ, на выѣздахъ, пробожаетъ шагомъ, дремая бочкомъ на дрожкахъ: лошадь разбитая, дрожки ободранныя, кожа между крыльями прорвана, изъ-подъ подушки кругомъ торчатъ сѣно; гайка сваливается съ колеса.

Дворникъ съ метлой глядитъ нѣсколько времени въ-слѣдъ за извозникомъ, потомъ выходитъ на средину улицы, подымаетъ гайку и кладетъ ее въ карманъ. Колесо съ дрожекъ соскочило, извозникъ чуть не клюнулся носомъ въ мостовую, соскакиваетъ, останавливая лошадь, оглядывается кругомъ и бѣжитъ назадъ. Увидавъ дворника на пути со средины улицы къ пятачку, обращается къ нему: «ты что ли подвѣлъ, дядя?»

— Кого подвѣлъ?

— Да гайку-ту; отдай, пожалуйста!

— А ты видѣлъ, что ли?

— Да чего видѣлъ? отдай, пожадуйста!

— Отдай! что я тебѣ отдаю? ты бы сперва дурговѣнный послалъ, а тамъ бы гворилъ отдай.

Споръ становится по-помпогу жарче; извозникъ сперва проситъ, тамъ божится, что у него цѣтъ ни пятака, что онъ только-вошь выѣхалъ; потомъ цохла браня и крикъ, въ которомъ, кромѣ обычныхъ привѣтствій, слышно только съ одной стороны: «отдай, я тебѣ говорю, отдай!» а съ другой: «что я тебѣ отдаю? да ты видалъ что ли?» Стѣтмъ, воинственнымъ крикомъ непріятелю другъ на друга наступаютъ: дворникъ Иванъ, съ помазкомъ въ рукѣ, подзудается пріятнымъ зрѣлищемъ, и улыбаясь отдыхаетъ отъ трудовъ; народъ начинаетъ собираться, образуя кружокъ. Какой-то дюжий парень также останавливается, и узнавъ, въ чемъ дѣло, говоритъ извознику: — да ты что горло дерешь, толкуешь съ нимъ, съ собакой? ты въ рыло его, а я поддамъ по затылку. И едва это было сказано, какъ и тотъ и другой, будто по командѣ, въ одинъ темпъ, исподниди на дѣла это дѣльное увѣщаніе.

Народъ кругомъ захохоталъ. А оглушенный неожиданнымъ убѣжденіемъ строптивый Гришка, потряхнувъ слегка головой, досталъ гайку изъ кармана шароферокъ и отдалъ извознику съ соѣтомъ: не теряй ее въ другой разъ, а то-де-вну-роду и не воротишь; нищѣ и не отдасть; а за нее въ кузницѣ надо заплатить цѣлковый, да еще накланяешься, да напросишься: вашего брата тамъ много!

Зрители, натѣшившись этимъ позорнщемъ, разошлись своимъ путемъ, оглядываясь по-временамъ назадъ; извозникъ надѣлъ колесо, наверху гайку и во все это время бранился. Дворникъ Григорій привялся опять за метлу и ограничился восторженіемъ того же дружескаго соѣта. Дворникъ Иванъ подшучивалъ, смѣячнсь слегка надъ товарищемъ; «извознику-то ты что жь такъ спустилъ! Эка, здоровъ кистень у парня-то?»

Въ это время господникъ, проискавъ дворника по-пустыкамъ во дворѣ, вышелъ опять изъ-подъ воротъ и обратился къ нашему пріятелю довольно-настоячяво: — Да ты, что-ли, здѣшній дворникъ, эй!

— А ващъ кого надо?

— Титулярнаго соѣтника Былова.

— На лѣвую руку подъ ворота, въ самый верхъ, двери на лѣвой рукѣ.

— Такъ что жь ты не сказалъ мнѣ дядя, какъ я спрашивалъ тебя? вѣдь ты дворникъ здѣшній?

— Дворникъ! мало-ли дворничковъ бы-

васть! у других, у хороших хозяев, человека по три живет; это нашъ только вот на одномъ выѣзжаетъ.

Посѣтитель долженъ былъ принять эту легкую особаго разбора за отвѣтъ, пожалъ плечами и пошелъ по указанію.»

Какъ все это вѣрно, каинимъ добродушнымъ и граціознымъ провинкнуто юморомъ! Кстати: читали ли вы *Демьячка* В. И. Луганскаго? Это прелесть!

Петербургскіе Улы г. Некрасова отличаются необыкновенною наблюдательностью и необыкновеннымъ мастерствомъ изложенія. Это живая картина особаго міра жизни, который не всѣмъ извѣстенъ, но тѣмъ не менѣе существуетъ,—картина, проникнутая мыслию. Упомянутая выше газета выписала изъ этой статьи три строки и всю статью обвинила въ грязности: любопытно было бы намъ услышать сужденіе этой газеты о романѣ *Счастіе лучше Богатства*, который сооруженъ совокупными трудами гг. Полеваго и Булгарина и напечатанъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» выѣзжняго года. Тамъ, видно, все чисто—даже и описаніе подземныхъ тайнъ винныхъ откуповъ... Но Богъ съ ней, съ этой газетою... Лучше выпишемъ что-нибудь изъ «Угловъ»:

«Послышался страшный стукъ въ двери, сопровождаемый страшнымъ мурныканьемъ.

— Ну, баринъ! воскликнулъ дворовый человекъ.

— Будетъ потѣха: учитель идетъ!

— Что за учитель?

«Дверь отворилась настежь и, ударившись объ стѣну, оглушительно стукнула. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, въ комнату вошелъ полуштофъ, заткнутый человѣческой головой вмѣсто пробки: такъ называю я на первый случай господина въ свѣтлозеленой въ рукава надѣтой шинели, безъ воротника: воротникъ, понадобившійся на починку остальнымъ частей одѣянія, отрѣзанъ еще въ 1819 году. Между людьми, которыхъ зовутъ пьяными и настоящими пьяницами—огромная разница. Отъ первыхъ несетъ вонюхъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, и запахъ бываетъ снослимъ, даже для нѣкоторыхъ не

чуждый пріятности: такіе люди, будучи большею частію тонкими политиками, знаютъ испытанныя средства къ отвращенію смрадной рѣзкости виннаго духа и не забываютъ ими пользоваться. Употребительнѣйшія изъ такихъ средствъ: гвоздика, чай (въ нормальномъ состояніи), гофмазовы капли, перперменты, фиалковый корень, наконецъ лукъ, чеснокъ. Отъ вторыхъ несетъ постоянно, хоть бы они недѣлю не брали въ ротъ кашки вина, и запахъ бываетъ особенный, даже, если хотите, не запахъ—какъ-будто вамъ подъ носъ подставятъ бочку изъ-подъ вина, которая долго была заткнута, и вдругъ откнута. Такой запахъ распространился при появленіи зеленого господина—я поймалъ, что онъ принадлежитъ ко второму разряду. Всмотриваясь пристально въ лицо его, я даже вспомнилъ, что оно не вовсе мнѣ незнакомо. Разъ какъ-то я проходилъ мимо зданія, съ надписью «питейный домъ». У входа, растянувшись во всю длину, лежалъ человекъ въ ветхомъ фракѣ съ бѣлыми пуговицами; глаза его были закрыты; онъ спалъ; горячее лѣтнее солнце жгло его прямо въ голову и вырисовывало на досищающемъ, страшноизматомъ лицѣ фантастическіе узоры; тысячи мухъ разгуливали по лицу, кучей тѣснились на губахъ, и еще тысячи вилась надъ головой съ непрерывнымъ жужжаніемъ, выжидая очереди... Долго съ тяжкимъ чувствомъ (вы ужъ знаете, что у меня чувствительное сердце) смотрѣлъ я на изматое лицо, и оно глубоко врезалось въ мою память. Теперь онъ былъ одѣтъ нѣсколько иначе и казался немного старѣе. Кромѣ шинели, разорванной сзади, по середнему шву, четверти на три, одежду его составляли рыжіе сапоги съ заплатами въ три яруса, и что-то грязно-сѣрое выглядывало изъ-подъ шинели, когда она случайно распахивалась. Ему было по-видимому лѣтъ шестьдесятъ. Лицо его не имѣло ничего особеннаго: желто, стекловидно, морщинисто; на подбородкѣ нѣсколько бородавокъ, которыя въ медицинѣ называются мышевидными, съ рыжими, завившимися въ кольцо волосами, какъ отпущкаютъ на бородавкахъ для счастья дѣлочки и кварталные; на носу небольшой шпранъ; глаза нутные, сѣрые; волосы (страшная вещь!) черные, густые, почти безъ сѣдинъ; такъ-что ихъ можно было бы назвать даже отеческрасивыми, еслибъ не двѣ-три небольшие въ трети

величины плагиата, виною которых, очевидно, были не природа и не добрая воля. Но вообще вся фигура зеленого господина рѣзко кидалась въ глаза. Въ немъ было что-то такое, что уносить съ собою актёръ въ жизнь отъ любимой хорошо затверженной роли, которую онъ долго игралъ на сценѣ. Въ самыхъ смѣшныхъ и каррикатурныхъ движеніяхъ, необходимыхъ у человѣка, нетверлаго на ногахъ, замѣчалось что-то степенное, что-то въ родѣ чувства собственного достоинства и, говоря съ вами даже о совершенныхъ пустякахъ, онъ постоянно держалъ себя въ положеніи человѣка, готоваго прозвнеть во всеуслышаніе, что добродѣтель похвальна, а порокъ гнусенъ. Отъ этихъ рѣзкихъ противорѣчій онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ, и возбуждалъ въ дворовомъ человѣкѣ страшную охоту надъ нимъ посмѣяться.

«Дворовый человѣкъ встрѣтилъ его обычнымъ своимъ привѣтствіемъ:

— Здравствуй, постъ красивый!

«Кавалеръ, зеленый господинъ хотѣлъ разсердиться, но глѣзное слово оборвалось на первомъ звукѣ; салѣтакъ быстрого движенія къ штофу, онъ сказалъ очень-ласково:

— Здравствуй, Егорушка. Налей-ка мнѣ рюмку!

«Дворовый человѣкъ украдкой налилъ стаканъ водою изъ стоявшей на столѣ глянцовой кружки, и подалъ зеленому господину. Зеленый господинъ выпилъ залпомъ. Дворовый человѣкъ и Кирьянчикъ страшно захохотали. Зеленый господинъ съ минуту стоялъ неподвижно, разинувъ ротъ, со стаканомъ въ рукѣ и началъ сильно ругаться.

— Ты, братъ, со мною не шути! кто тебѣ позволилъ со мною шутить? Меня и не такіе знали, да со мной не шутятъ. Вотъ и сегодня у одного былъ... Дѣйствительный, братъ, и кавалеръ... слышишь ты, кавалеръ... тебя къ нему и въ прихожую не пустятъ. А меня въ кабинетъ привели. «Жаль мнѣ тебя, говорить, Григорій Андреевичъ (слышишь, по отчеству называлъ!), совѣмъ ты пьянчужгой сталъ; смотри, сгорнись ты когда-нибудь отъ вина, говорить. Не того, говорить, я отъ тебя ожидалъ... Садись, говорить, потолкуемъ о старинѣ... И графинчикъ велѣлъ привести... Вотъ я и заговорилъ... Знаю о чемъ говорить: съ Исайловичемъ былъ

знакомъ... къ Гаврилу Романовичу былъ принимаемъ. У Яковлева на постоянномъ жилищѣ проживалъ... Не знаешь ты, великій былъ человѣкъ!.. вмѣстѣ я чай, и обѣдали, и водку-то пили... Да и самъ я, ты, братъ, со мной не шути... у меня, братъ, знаешь какіе учебники есть... вотъ одинъ... у, какой тузъ!.. А мальчишкой былъ... кликну, бывало, сторожа, да и ну... никакихъ оправданій не принималъ... Вотъ ны все отъ нихъ вспоминаемъ, смѣемся... «И хорошое говорить: «вотъ отъ того я теперь и въ люди пошелъ» говорить: «что вы меня за вслакую малость пороли... я васъ» говорить: «никогда не забуду», да и суетъ въ руку мнѣ четвертакъ... «Съ молодую» говорить: «человѣка надобно драть, подъ старость самъ благодарить будетъ»... Знаешь, какъ мнѣ, братецъ, платили... А ты, ты... вотъ люди слушать: не якимъ рублемъ на годъ, да не якимъ мочемъ на день... Таланты разные имѣлъ: похваля, братъ, не изъ такой (онъ щелкнулъ по бортовой табакеркѣ)... золотая была... да было и тутъ... одинъ палець, братъ, восемьсотъ рублей стоилъ. А все ни за что; такъ — за стихи!.. я, братъ, какіе стихи сочинялъ!

«Зеленый господинъ такъ заинтересовалъ меня своимъ рассказомъ, что я въ-послѣдствіи навелъ о немъ справки. Съ горька онъ немного пригнулъ, но въ словахъ его была частица и правды. Давно, гдѣ-то сорокъ назадъ, окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ вступилъ учителемъ въ какое-то незначительное училище и дѣло свое велъ хорошо. Правда, любилъ подъ часъ выпить лишнюю чарку, но отъ него мнѣ не пахло виномъ, чѣмъ гвоздикой, и нравственность учениковъ не подвергалась опасности. Снисходительное начальство училища, цѣнившее въ немъ человѣка даровитаго и способнаго къ дѣлу, старалось кроткими мѣрами обуздать возникающую страсть. Но страсти могущественнѣе даже начальства, какъ бы оно ни было благородно и снисходительно. Замѣтили, что съ нѣкотораго времени, при появленіи зеленого господина, въ классѣ распространялся запахъ, который могъ по-дать вредные примѣры ученикамъ. Наконецъ, къ довершенію бѣды, зеленый господинъ пришелъ однажды въ классъ не только безъ заднихъ ногъ, но и безъ галстука и вмѣсто того, чтобы поклониться главному лицу училища, которое вошло въ классъ и сѣло на краю одной изъ

скамеетъ, занимаемыхъ учениками, обратился къ нему съ вопросомъ:

— А какіе глаголы принимаютъ родительный падежъ?.. а, не знаешь? А вотъ я тебя на колѣна!

«Его отставили и мѣсто его отдала молодому человѣку, который въ полной мѣрѣ оправдалъ честь, ему оказанную: не пропуская классовъ, былъ нечитателемъ къ старшимъ, и, женившись вскорѣ на сестрѣ главнаго лица, совершенно отказался отъ тревоженій, неразлучныхъ съ домою жизнью. Зеленаго господина отставили, но по ходатайству одного добраго человѣка и въ уваженіе прежнихъ заслугъ, дали ему небольшой пенсіонъ. Остальное понятно: бездѣйствіе скоро ушло въ немъ страсть къ вину, и нечувствительно дѣнжалъ онъ до того положенія, въ которомъ мы съ нимъ познакомились. Интересна жизнь, которую велъ онъ въ подвалѣ. Еще за нѣсколько дней до перваго числа каждаго мѣсяца, хозяйка нееступно садилась за нимъ и такъ приговаривала, что накануне перваго числа онъ всегда напиивался дома: Поутру она отправлялась съ нимъ за «получкой», вычитала слѣдующія ей деньги, а съ остальными зеленымъ господиномъ уходилъ Богъ-знаетъ куда и пропадалъ на нѣсколько дней. Возвращался пьяный, нерѣдко избитый, въ грязи и безъ гроша. Въ остальные дни мѣсяца онъ почти ежедневно обходилъ прежнихъ своихъ товарищей по службѣ, учениковъ, которые теперь уже были взрослые люди, наконецъ всѣхъ, кого зналъ въ лучшую пору жизни; вездѣ давали ему по рюмкѣ вина, и нѣ по двѣ; гдѣ же не давали, оттуда уходилъ онъ съ проклятіями и долго потомъ, лежа на своихъ нарахъ, сердито толковалъ самъ съ собою о неблагоприятности. Чтожъ касается до стиховъ, то очень немудрено, что зеленый господинъ и дѣйствительно писалъ стихи: въ Русскомъ Государствѣ всѣ пишутъ или писали стихи и писать ихъ никому нѣтъ запрета. Впрочемъ, послѣдній пунктъ своего разсказа зеленый господинъ не замедлилъ подтвердить показательными. Онъ вытаскивалъ изъ-за сапога двѣ тошенькія лоснящіяся брошюры въ 12-ю долю листа, устанавливалъ ихъ передъ глазами двороваго человѣка и, поводя указательнымъ пальцемъ со строки на строку заглавной страницы, говорилъ торжественно:

— Видишь, видишь, видишь... а?... видишь ли?

«Но дворовый человѣкъ съ негодованіемъ оттолкнулъ брошюры, и возразилъ съ жаромъ, доказавшимъ, что въ немъ говорить убѣжденіе:

— Ты мнѣ этимъ не тычь! Что ты мнѣ этимъ тычешь! Я, братъ, не дворянинъ: грамотѣ не умѣю. Какая грамота нашему брату? грамоту будешь звать — дѣло свое забудешь... А вотъ ты мнѣ награжденіе-то покажи! Что, не бось, потерялъ, а ли подарилъ кому... ты вѣдь добрыйши?! самъ не съѣшь да другому отдашь. Знаю я... кто наемднн у меня ситникъ-отъ съѣлъ?

— Продавъ, такъ и нѣтъ, отвѣчалъ зеленый господинъ съ меланхолическою грустью.—Гдѣ нюхать нашему брату изъ золотой табакерки, на пальцахъ самоцѣтные камни имѣть!

«Онъ махнулъ рукою и отравилъ послѣднюю струю чистаго воздуха продавъ жителямъ въдохомъ.

«Между-тѣмъ я взглянулъ на брошюры. Одна изъ нихъ была на всероссийскія дѣла тѣмъ же самымъ какимъ-то важнымъ лица тѣхъ время, другая на бракосочетаніе того же лица. Обѣ были написаны высокопарными стихами и заключали въ себѣ похвалы важному лицу, которое поэтъ называлъ монахомъ. Такія брошюры загромождали русскую литературу въ доброе старое время, потому-что русская литература началась съ хвалебныхъ гимновъ на разные торжественные случаи, и пѣта обязанъ былъ держать всегда наготовѣ свое оффиціальное вдохновеніе; за то его и хлѣбомъ кормили, а за устройство больно билъ палкою. Извѣстенъ анекдотъ о Тредьяковскомъ, котораго Вольтинскій собственноручно наказалъ тростью за то, что Тредьяковскій не изготавилъ оды на какой-то придворный праздникъ. Поэтъ Петровъ оффиціально состоялъ при Потемкинѣ въ качествѣ воспитателя его подвиговъ, и для того, во время его походовъ, всегда находился въ обозѣ дѣйствующей арміи. По примѣру великихъ земли, и маленькіе тузы или козырѣе хлапы имѣли своихъ пѣтовъ и любили получать отъ нихъ оды въ день рожденія, именинъ, бракосочетанія, крестинъ дѣтяти, полученія чина, награды, и въ подобныхъ тому торжественныхъ случаяхъ ихъ жизни; за то они позволяли пѣтѣ садиться на нижній конецъ стола обѣдать уже съ собою, а не съ слугами;

кни въ обыкновенные дни, подпускали его къ цѣлованію своей руки, дарили его перстнемъ, табакеркою, деньгами, поили его до пьяна и потомъ тѣшились надъ нимъ, заставляя его плясать. А пинта величалъ ихъ своими благодѣтелями, меценатами, покровителями, отцами-командирами и «милостивцами». Въ началѣ XIX-го столѣтія, этотъ родъ литературы началъ дѣйствительно упадать; 1812-й годъ нанесъ ему сильный ударъ, а романтизмъ, появившійся въ двадцатыхъ годахъ, рѣшительно доканчалъ его. И теперь эта «сторжествовала» поэзія считается уже синонимомъ «подлому стихотворству». Такъ измѣнились нравы. Теперь уже за листокъ дурныхъ виршей, наполненныхъ высокопарною, бессмысленною и низкою лестью, нельзя отъ какого-нибудь барина получить на водку Пёрстенева, табакерку, 50 или 100 рублѣй денегъ, — и еще менѣе можно приобрести званіе поэта! Вѣроятно, это одна изъ причинъ, почему старички, заподаваемые остатки добраго стараго времени, такъ сердиты на наше время, съ такимъ восторгомъ и съ такою грустью вспоминаютъ о своемъ времени, когда, по ихъ словамъ, все было лучше, чѣмъ теперь.

— Ерунда! (*), сказалъ дворовый чело-вѣкъ, замѣтивъ, что я зачитался. — Охота мнѣ руки жарать!

— Ерунда! повторилъ зеленый господинъ голосомъ, который заставлялъ меня уронять брошюру и поскорѣй взглянуть ему въ лицо. — Глушь ты, такъ и ерунда! Когда я подвасилъ ихъ его превосходительству, его превосходительство поцаловалъ меня въ губы, посадилъ рядомъ съ собой на диванъ и велѣлъ прочесть... Я читалъ, а онъ нюхалъ табакъ и говорить «бульбуй!» Не нюхакъ, говорю, да ужъ и табакерки вашего превосходительства... «Нюхай!» говоритъ: «учёноку нельзя не нюхать» и отдалъ мнѣ табакерку... Съ тѣхъ поръ и началъ я нюхать. Велѣлъ приходить къ обѣду... посмотрѣлъ бы ты, какъ меня принимали... всякій гость обнималъ... а какіе все гости... даже начальникъ его превосходительства поцаловалъ... я послѣ и ему написалъ... Напиши пьянъ... говорю, какъ съ равными, а они ничего, только тохочуть. Всякъ къ себѣ приглашеніе дѣлаетъ... Ерунда!

(*). Лаконическое слово, равнозначительное слову — дрянъ.

«И что-то некое на чувство мелькнуло въ глазахъ зеленого господина, и долго съ поднятою рукою стоялъ онъ посреди комнаты, и вдругъ качнулъ головой и скавалъ голосомъ, который очень бы шелъ Манфреду, просившему у неба забвенія: — Налей, братъ, мнѣ, Егорушка, рюмочку!»

Петербургскіе Ширмашики, г. Григорьевича — прелестная и граціозная картина, нарисованная карандашомъ талантливаго художника. Въ ней видна наблюдательность, умѣніе подмѣчать и схватывать характеристическія черты явленій и передавать ихъ съ поэтическою вѣрностью. Г. Григорьевичъ — молодой человекъ и только-что начинаеть писать. Такое начало подаетъ хороша надежды въ будущемъ.

Петербургская Сторона, статья г. Гребенки, показалась намъ вѣсколнкорастянутою; тѣмъ не менѣе, въ ней есть черты вѣрно и удачно схваченныя изъ дѣйствительности, и она читается съ удовольствіемъ.

Картинки къ *Физиологій Петербурга* рисованы гг. Тиммоу, Коврыгинимъ и Жуковскимъ, и большею частію замѣчательно-хороши. Изданіе вообще красиво. Скоро должна выйти и вторая часть *Физиологій Петербурга*.

144) Типы Современныхъ Нравовъ, представленныя въ иллюстрированныхъ повѣстяхъ и разсказахъ, издаваемыхъ подъ редакцію Николая Кириллова. Санктпетербургъ. 1845. Во французской тип. Въ 12-ю д. л. 121 стр.

Эта книжка, красиво-изданная, съ хорошенькими политипажами, состоитъ изъ одного разсказа: *Третий Калачъ*, сцены изъ провинціальной жизни. Въ этомъ разсказѣ есть довольно-забавныя черты и, можетъ-быть, много правды; но въ немъ вовсе нѣтъ *типовъ*: отъ-этого очень-случно читать его. Многие думаютъ, что писать въ юмористическомъ родѣ ничего не значить; такъ-де вотъ возьми да и списывай съ природы. Конечно, выйдетъ хорошо, если кто умѣетъ хорошо списывать съ природы; и это тоже талантъ своего

рода, хотя и талант живописный. Уже кто лучше дагерротипа списывается? — а между-тѣмъ, какъ далеко-ниже сколько-нибудь порядочнаго живописца самый лучший дагерротипъ! И потому, повторяемъ: хорошо, если кто умѣетъ быть хорошимъ дагерротипомъ въ литературѣ, но несравненно-лучше и почетнѣе быть въ литературѣ живописцемъ. Миръ прошлой нововѣдственности, миръ прозы жизни, для своего воспроизведенія, такъ же требуетъ вдохновенія, творчества, таланта и гениальности, какъ и миръ великихъ характеровъ, дѣяній и страстей. И потому, фламандская школа живописи стоитъ всякой другой. Но за то, когда у писателя нѣтъ способности быть даже дагерротипомъ, — простое списываніе съ природы бываетъ у него очень-отвратительно: въ высокомъ и патетическомъ, оно переходитъ у него въ сентиментальность и надутость; въ комическомъ и юмористическомъ — въ пошлость и тривіальность, — и въ обонкъ случаяхъ равно никогда не имѣетъ никакого сходства съ изображаемою природою. Къ такому роду рабскихъ снимковъ съ натуры принадлежитъ *Тертый Калачъ*: въ немъ, можетъ-быть, узнаютъ себя пять или шесть человекъ во всей Россіи; но больше никто не узнаетъ, и эта книжка можетъ возбудить интересъ только въ томъ мѣстѣ, гдѣ живутъ оригиналы ея, потому-что въ ней нѣтъ ничего общаго, *типическаго*, хотя она и претендуетъ на *типъ*...

145) Курсъ Высшей и Низшей Геодезіи А. Болотова, *Генеральнаго Штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора. Часть I. 1845. Санктпетербургъ. Въ тип. Вишневскаго. Въ 8-ю д. л. 580 стр. Съ чертежами.*

Эта книга вполне заслуживаетъ вниманія свѣдущихъ людей. Въ нашей ученой литературѣ мало найдется книгъ, составленныхъ столь добросовѣстно и съ такимъ отличнымъ знаніемъ дѣла, какъ это сочиненіе г. Болотова. Авторъ извѣстенъ уже многими

полезными трудами, въ-особенности же издавшаго нѣтъ, въ 1836 и 1837 годахъ, «Геодезію»; которая заслужила лестный отзывъ нашего знаменитаго астронома, В. Я. Струве, и награждена отъ Академіи Наукъ демидовскою премією. Сравнивая эту «Геодезію» съ изданнымъ книжъ «Курсомъ», мы должны признать этотъ послѣдній совершенно новымъ сочиненіемъ, превосходящимъ прежнее своею обширностью и обработанностью излагаемыхъ въ немъ предметовъ. Авторъ удачно воспользовался софитами г. Струве и новѣйшими оригинальными сочиненіями по этой части. Геодезія Пюиссана была до сего времени почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго составители курса извлекали все для нихъ нужное; хотя трудъ Пюиссана въ-самомъ-дѣлѣ заслуживаетъ большаго уваженія, и недавно былъ еще вновь изданъ, но въ основаніе его вошли почти одни только способы вычисленій и наблюденій, которые были употребляемы во Франціи въ началѣ нынѣшняго вѣка. Въ-теченіи послѣдняго тридцатилѣтія, Струве, Бессель и Гауссъ значительно усовершенствовали какъ теоретическую, такъ и практическую часть науки; естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что отличные германскіе художники Рейхенбахъ, Эртель и Репсольды, начали дѣлать геодезическіе и астрономическіе инструменты гораздо-лучшаго устройства, нежели каковы были употреблявшіеся во Франціи. Занимающіеся наукою могли ознакомиться съ этими новыми ея успѣхами только изъ отдѣльныхъ трактатовъ означенныхъ астрономовъ и изъ разныхъ статей, напечатанныхъ въ астрономическомъ журналѣ г. Шумахера, пользующемся между учеными большою славою. Давно чувствуема была нужда въ руководствѣ къ геодезіи, которое бы сообразно было съ нынѣшнимъ состояніемъ этой науки: такую книгу мы имѣемъ теперь на русскомъ языкѣ и должны за нее искренно благодарить г. Болотова. За достоинство его книги между-прочимъ речется и то,

что онъ хорошо обдумалъ планъ ея, воспользовался только оригинальными сочиненіями знаменитыхъ ученыхъ, а обыкновенные учебники оставилъ безъ вниманія. Книга г. Болотова преимущественно назначается для Императорской Военной Академіи; но и для другихъ высшихъ учебныхъ заведеній она будетъ столь же полезна. Теперь вышла только первая часть «Курса», заключающая въ себя сферическую тригонометрію, предварительныя понятія объ астрономіи, описаніе инструментовъ, употребленныхъ для геодезическихъ и астрономическихъ работъ, подробное изложеніе геодезическихъ дѣйствій, приложеніе ихъ къ опредѣленію широты и величины земли, геодезическое и барометрическое нивелированіе и наконецъ астрономическіе способы для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ. По выходѣ въ свѣтъ второй части, мы надѣемся представить подробный отчетъ о трудѣ г. Болотова; теперь же скажемъ только, что въ изданномъ томѣ изложеніе ясно и удовлетворительно; матеріальная сторона книги соответствуетъ ея достоинству: бумага и печать очень хороши; чертени сдѣланы прекрасно.

146) Краткая Исторія Крестовыхъ Походовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. 1845. Въ 12-ю д. л. 355 стр.

Нѣмецкій подлинникъ этой исторіи принадлежитъ къ собранію исторій разныхъ государствъ, извѣстному подъ именемъ *Всѣобщей Исторической Кормаллоу Библіотеки*. Краткая Исторія Крестовыхъ Походовъ переведена была дѣтъ за восемь предъ снмъ; но какъ ея переводчикъ узналъ, что г-нъ Погодинъ издастъ въ Москвѣ переводъ всего этого сборника, подъ именемъ *Всѣобщей Исторической Библіотеки*, — то и оставилъ намѣреніе печатать трудъ свой. Г. Погодинъ издалъ исторію Неаполя, Пруссіи, Швеціи, да на томъ и остановился. Видя, что предпочтенію г. Погодина не суждено дой-

ти до вожделѣннаго конца, переводчикъ *Краткой Исторіи Крестовыхъ Походовъ*, наконецъ, рѣшился издать въ свѣтъ свой переводъ. Нельзя не согласиться, что этимъ оказалъ онъ большую услугу русской литературѣ. «Исторія Крестовыхъ Походовъ» Мимб, весьма-плохо переведенная на русскій языкъ, очень-обширна, и поэтому именно не уничтожаетъ потребности въ болѣе-краткомъ сочиненіи о томъ же предметѣ. Сверхъ-того, переводчикъ не просто переводилъ, но частію и передѣлывалъ. Такъ-какъ (говоритъ онъ въ предисловіи) — въ разработкѣ исторіи крестовыхъ походовъ въ новейшее время, особенно на нѣмецкомъ языкѣ, изслѣдованія значительно подвинулись впередъ: то переводчикъ почелъ себя въ правѣ и даже — обязаннымъ воспользоваться нѣкоторыми изъ сихъ поясненій, и принялъ оныя въ текстъ. Такии образомъ, изъ его перевода вышла книга едва-ли не лучше подлинника, книга умная, проникнутая мыслию, запечатлѣнная единствомъ воззрѣнія. Излагая событія этого великаго, страшнаго, огромнаго, дикаго, фантастическаго и сумасброднаго событія, вполне-достойнаго невѣжества и варварства среднихъ-вѣковъ, — переводчикъ смотритъ на него глазами современной науки, глазами чистаго разума, не увлекаясь никакими предубѣжденіями, ни фанатическими, ни рациональными. Выказывая въ истинномъ свѣтѣ немногія личности, исполненныя набожности и доблести, немногіе поступки, нечуждые человечности, — онъ въ то же время яркими красками изображаетъ невѣжество, своекорыстіе, развратъ, невѣріе, снѣшанное съ дикимъ фанатизмомъ, звѣрство, жестокость и кровожадность рыцарей гроба Господня, равно какъ и не скрываетъ превосходства мусульманъ надъ христіанами въ чувствѣ нравственности и гуманности. Вообще, главную причину этого событія видитъ онъ преимущественно въ хитрой и своекорыстной политикѣ папъ, для которыхъ

крестовые походы явились прекрасным средством отдѣлаться отъ многихъ государей, опасныхъ ихъ самовластію, и, слѣдовательно, средствомъ къ увеличенію вліянія, силы и преславленія престола наѣстниковъ св. Петра надъ властями свѣтскими. Но что всего лучше, переводчикъ *Исторіи Крестовыхъ Походовъ* видитъ въ этомъ невѣжественномъ событіи великій шагъ впередъ со стороны человечества на пути къ эманципации отъ невѣжества; видитъ въ немъ причину паденія папскаго авторитета, слѣдовательно, видитъ *прогрессъ*. Вспомнимъ, что крестовые походы кончились въ концѣ XIII столѣтія, а въ концѣ XIV, явился Вилгелъ, въ началѣ XV Іоаннъ Гуссъ, а въ послѣдней половинѣ того же XV столѣтія родился Лютеръ, выступившій на свое великое дѣло въ началѣ XVI вѣка (1517)... Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ заключительной главы *Краткой Исторіи Крестовыхъ Походовъ*, которая представляетъ общій взглядъ на это событіе:

«Тогда какъ жители городовъ и деревень исходили такимъ образомъ въ глубокую бѣдность, — избытокъ и расточительность вкрадывались въ аббатства и монастыри. Толпы праздныхъ, уединившіяся во мракѣ своихъ монастырскихъ стѣнъ, забывали добродѣтели евангельскія, и предавались невѣрдо распутству; западные монахи XIII и XIV столѣтій постигались невѣрдо надъ молитвеннымъ расположеніемъ черни при самомъ святомъ алтарѣ. Лѣтописецъ сего времени представляютъ монашество не въ свѣтлыхъ картинахъ. Въ описаніяхъ монастырскихъ нравовъ, въ которыхъ шутивая и ѣдкая сатира сохранила память времени, находишь все-го чаще доказательство глубокаго невѣжества духовныхъ, которые не только тогда правыми, но и познаніями въ наукахъ не стояли выше черни въ Европѣ. Много, правда, говорить о заслугахъ, оказанныхъ монастырями наукамъ и уиственному образованію; утверждаютъ иногда, что они были архивами человеческихъ знаній и просвѣщенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, они заслуживаютъ нашу признательность, что укрывали письменные памятники Греціи и Рима отъ опустошеній варварства. Но при

этомъ нельзя не промѣнить и укоразій въ эгоизмъ, съ которыми монашествоующіе заключали сія сокровища знанія въ своихъ кельяхъ, вмѣсто того, чтобы дѣлиться ими съ другими; да и вообще эту ученость, столь-часто прославляемую, можно подвергнуть сомнѣнію. Ибо въ самомъ дѣлѣ списки, которые монахи дѣлали съ образцовыхъ произведеній древности, невѣжествомъ ихъ такъ обезображены, что только разнообразныя усилія ученыхъ новаго времени успѣваютъ ихъ нѣсколько возстановлять и возвращать имъ настоящій видъ ихъ. Что касается до наукъ, то онѣ кажутся только вынуждены были укрываться въ аббатствахъ и монастыряхъ; потому что сіи послѣдніе приняли въ себя все, что носило имя преданія, и полагали высокую важность въ томъ, чтобы держать ихъ у себя какъ въ плѣну. Потому-то и просвѣщеніе тогда не могло имѣть того быстраго хода, какой оно имѣло въ вѣкахъ послѣдующихъ, когда образованіе юношества совершалось не въ стѣнахъ монастырскихъ, но въ университетахъ, когда ученость не стѣснялась больше понятіями и отношеніями сана. Правда, духовные большихъ монастырей — аббатствъ собирали и распространяли рукописи древнихъ образцовыхъ твореній; но что дѣлали сія, тому съ большію, можетъ быть, силою противодействовали монахи мелкихъ монастырей. При этомъ стоить только припомнить борьбу, какую должно было встрѣтить со стороны монаховъ изученіе еврейскаго языка.

Нельзя не упустить изъ вида и тогѣ, что многіе крестоносцы, при возвращеніи своемъ съ востока приносили съ собою на западъ списки образцовыхъ твореній древности изъ Константинополя. Къ пріобрѣтенію лицъ, которыя должны были ознакомиться западъ съ твореніями Платона и подлинникомъ сочиненій Аристотеля, любопытство и охота къ ученію были уже довольно сильны на западѣ. Но распростираніемъ этой охоты мы одолжены всецѣмъ не монашеству. Греческія и латинскія музы, по взятіи Константинополя, наши себѣ убѣжище и покровительство не у аббатовъ, но у вельможъ. Съ благороднымъ участіемъ приняла ихъ Франція. Здѣсь уже при Филиппѣ-Августѣ возникъ парижскій университетъ и коллегія молодыхъ Грековъ. Италия и Испанія уже въ началѣ XIII вѣка имѣли славныя школы, которыя ничѣмъ не были обезаны

обитавших и монастырях. Можно бытъ, въ Германіи, гдѣ остатковъ древняго просвѣщенія отъ времени Римлянъ сохранилось весьма мало, духовенство всего больше послужило просвѣщенію: но познаніе природы и лучшей взглядъ на отношенія обществъ, сія элементы, которые такъ отличаютъ повѣйшее просвѣщеніе, развились и образовались никакъ не подѣ содѣйствіемъ духовенства. Конечно послѣ того, какъ духовенство не могло больше сопротивляться распространенію свѣта и развитію гражданственности, оно должно было принять въ немъ участіе. Но эта слабость и запоздалая помощь не можетъ ему доставить участія въ славу бытъ возстановителемъ наукъ и искусствъ въ Европѣ (стр. 340—343).

Послѣ крестовыхъ походовъ все въ Европѣ приготовлялось къ счастливому перевороту. А особенно духъ свободы приобрѣталъ большія побѣды надъ феодальнымъ порядкомъ. Знаменитѣйшіе города Италіи дали уже примѣръ исторженія себя изъ-подъ его ига. Нѣсколько городовъ вѣмедійскіхъ позже послѣдовали сему же примѣру. Въ Испаніи собранія cortesъ оставали образчикъ представительнаго удешевія позднѣйшаго времени. Во Франціи, нѣкоторые короли дѣлали уже опыты смѣлчть нго феодальнаго обладанія. Людовикъ-Толетый, Дудовикъ VIII и Филиппъ-Августъ начали уже давать свободу общинамъ; они дали многимъ городамъ привилегіи, принять за то откупныя суммы. Въ себѣ времени, города эти нѣдліи уже нрѣдъ сами по себѣ выбирать градскіе чины и собирать подати. Во многихъ провинціяхъ къ снмъ счастливымъ ослѣдствіямъ противъ феодальной тираніи примыкали и близкіе къ городу поселане (стр. 349).

Таковы почти значительнѣйшія слѣдствія крестовыхъ походовъ; можетъ бытъ, и другія причины содѣйствовали этому всеобщему движенію къ усовершенствованію гражданственнаго состоянія въ Европѣ; можетъ-бытъ, дѣятельность эта, которая овладѣла городами запада, могла бы обратнтьсѣ на другой предметъ и одинаково произвести тѣ же слѣдствія, хотя бы не было крестовыхъ походовъ. Но какъ бы то ни было, не нарушая справедливости, нельзя не согласаться, что эти войны, которыя привыкли именовать свяженными, не смотря на всѣ безпорядки и вѣстройніа, какія въ нихъ встрѣчаются,

много содѣйствовали къ развитію челоѣческаго духа. Они преллали свѣтъ на существннѣйшіе и драгоценнѣйшіе интересы челоѣческаго общества, вывели народы изъ невѣжества и суевѣрія, которыя воспящаютъ всему добруму, открыли глаза для усмотрѣнія неосновательности многихъ вѣрованій. Тогда какъ взоръ философа раздражается, и око его слезитъ при взглядѣ на картину ненависти и безчелоѣвчія, какія представляются въ крестовыхъ походахъ; тогда какъ онъ проламываетъ эту жестокосердую поантуду и непреклонное честолюбіе, которыа нрѣтъ европейскнхъ народовъ поставили подѣ мечъ Турокъ: его душа снова утѣшается созрцаніемъ времени, послѣдовавшихъ за крестовыми походами. Онъ не можетъ не порадоваться тому добру, которое возникло изъ сего самаго избытка зла, — вѣступившей гражданской свободѣ и церковной вѣротерпимости» (стр. 344).

Этихъ выписокъ достаточно, чтобы показать, въ какомъ духѣ написана *Краткая Исторія Крестовыхъ Походовъ*. Жаль, что она нѣстами переведѣна несовсѣмъ-изячно, и въ ней попадаются такіа фразы и слова, которыа нной, пожалуй, сочтетъ за умышленное искаженіе русскаго языка. Не желая что-нибудь похулить безъ доказательства въ такой прекрасной книгѣ, какъ *Краткая Исторія Крестовыхъ Походовъ*, вынншемъ изъ нея вѣсколько фразъ и словъ, особенно останавливающихся на себѣ вниманіе читателя: «Венгрія была тогда особю землею, и нисколько не связывалась съ Германіею, управлялась своими королями» (стр. 10). Ужъ не опечатка ли это? — «Дѣло шло о завоеваніи святой земли изъ рукъ Магомметанъ» (Завоеваніе изъ рукъ!). «Посѣщеніе сей земля, особенно *побыванку* въ Иерусалимѣ» (стр. 19), и проч. «Побыванки» — нтъ въ русскомъ языкѣ, а есть «побывка», но н это слово употребитъ здѣсь было бы непрялично! «*Вѣступленническіа* впечатлѣнія» (стр. 27). — «Куча мѣлкихъ утѣснителей въ вѣрпоспахъ, дѣлавшіе посредствомъ своихъ хищеній землю пустынею, видѣла, что она не можетъ болѣе никого мучитъ» (стр. 31). Къ чему въ этомъ періодѣ относится прича-

сти: *владимиръ*? «Хитрый Алексѣй ждалъ *воспитать* эту добычу себя» (стр. 51). Глаголь *воспитать* употребленъ здѣсь въ смыслѣ *похитить*: зачѣмъ это? *Воспитать*, значитъ: привести въ воспитаніе, въ восторгъ. — Герцогъ Лотарингскій повелъ войска въ Сирію и не *воспитавшимъ* вѣкъмъ и проч. (стр. 60). — «Они пошатились назадъ (*а не впередъ*?) отъ Турокъ и спрятались въ свой лагерь, но и *сей* въ ночи опять скоро оставили» (стр. 106). *Сей* значитъ тутъ: *лагерь!*... «*Сей* городъ онъ взялъ, но далъ свободу Фейту Лувиньянскому, который былъ сюда *удалишился*» (стр. 174). *Былъ удалшился!* Помилуйте! такъ говорятъ по-русски только петербургскіе Нѣмцы-хлѣбники! — Герцогъ Леопольдъ, съ которымъ онъ въ Палестинѣ *оказъ храбро* разорился, былъ уже *возвратившился*» (стр. 181). Опять! «Жители Византіи были уже *привыкли* къ переворотамъ престола въ своемъ царствѣ» (стр. 209). Еще! — «Крестовые братья напомнили объ обѣщаніи, которое далъ императоръ, призвать съ своею царковию *владимирста* (*grépondes*?) папскаго престола» (стр. 215). — «Аенцы и Римъ нашли въ Константинополѣ *кладное* (?) мѣсто для *обращенныхъ* произведеній» (стр. 222). — «Смерть пламеннаго проповѣдника крестоваго похода прерываетъ приготовленія къ предпріятію, при которомъ со стороны *наследника Петрова*, оказано, правда, очень много ревности, но вызовы и ободренія его очень мало послушанія» (стр. 322). Чтò это такое?...

Во Франціи самая пошлая кнежонка пишется правильно; а мы неужели еще не выучились вниательно издавать дѣльные книги?...

147) Императоръ Александръ I и его Сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. *Военная Галерея Зимняго-Дворца. Жизнеописанія сочиненія (?) генералъ-лейтенанта Михайловскаго-Давилевскаго. Изданіе В. Межевича и И. Песоцкаго. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. Крайя. Въ 4-ю д. л. Семь тетрадей.*

Гг. Межевичъ и Песоцкій предприняли издать сборникъ портретовъ героевъ великаго 1812 года, подъ названіемъ: «Императоръ Александръ I и его Сподвижники въ 1812, 1813, 1814, 1815 годахъ. Военная Галерея Зимняго-Дворца». Доселѣ вышло семь выпусковъ. Литографированные снимки съ портретовъ Дова, сдѣланные парижскими художниками Гюо и Долле, очень хороши. О текстѣ довольно сказать, что онъ пишется генералъ-лейтенантомъ Михайловскимъ - Давилевскимъ. Въ семи выпускахъ содержится жизнеописанія и портреты: Императора Александра, генералъ-лейтенанта А. П. Торماسова, генералъ-лейтенанта графа П. А. Строгонова, генералъ-лейтенанта графа Э. Ф. Сен-При, генералъ-лейтенанта К. Ф. Багговута и генералъ-лейтенанта И. С. Дорохова. Очень-пріятно видѣть, что это предпріятіе, столь полезное для публики, и столь интересное для военныхъ людей, изъ которыхъ много еще современниковъ знаменитой эпохи, выполняется во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ его образомъ. Когда оно достигнетъ благополучнаго окончанія, мы поговоримъ о немъ подробнѣе.

148) Карманный Словарь Иностранныхъ Словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго Языка, издаваемый Н. Кириловымъ. *Санктпетербургъ. MDCCCXLV. Въ тип. Губернскаго Правленія. Выпускъ первый. Въ 16-ю д. л. 176 стр.*

Въ русскій языкъ по-необходимости вошло множество иностранныхъ словъ, потому-что въ русскую жизнь вошло множество иностранныхъ понятій и идей. Подобное явленіе не ново. Хотя изъ новѣйшихъ европейскихъ языковъ, нѣмецкій — языкъ коренной и самостоятельный, однако въ него проникло множество греческихъ, латинскихъ, французскихъ и итальянскихъ словъ. Изобрѣтать свои термины для выраженія чужихъ понятій очень-трудно, и вообще этотъ трудъ рѣдко удается. Поэтому, съ новыми

понятіемъ, которое одинъ беретъ у другаго, онъ беретъ и самое слово, выражающее это понятіе. Въ этомъ дѣйстви видна справедливость: какъ-бы въ награду за понятіе, рожденное народомъ, переходить къ другимъ народамъ и слово, выражающее это понятіе. Въ этомъ отношеніи, всѣ образованные народы—должники и вассалы древнихъ Грековъ и Римлянъ, — и противъ нравственной зависимости этого рода, столь законной и справедливой, могутъ вооружаться только умы слабые и мелкіе, увлекаемые ложнымъ патриотизмомъ. Что за дѣло, какое и чье слово, лишь-бы оно вѣрно передавало заключенное въ немъ понятіе! Изъ двухъ сходныхъ словъ, иностраннаго и роднаго, лучшее есть то, которое вѣрнѣе выражаетъ понятіе. Языки голландскій и англійскій всегда были, есть и будутъ богатѣйшими для выраженія понятій, относящихся къ мореплаванію и флоту вообще; такъ же, какъ итальянскій — для терминовъ по части искусства, въ-особенности музыки и живописи; французскій—какъ языкъ общества; нѣмецкій, какъ языкъ ученый и, въ особенности, философскій. Всѣ народы мѣняются словами и занимаютъ ихъ другъ у друга. Въ Западной-Европѣ, по ея географическому положенію, нѣтъ предмета, который далъ бы понятіе о степи, слѣдовательно, нѣтъ и слова степь, и отъ этого во французскій языкъ вошло русское слово *stépp*. Хорошо, когда иностранное понятіе само-собою переводится русскимъ словомъ, и это слово, такъ-сказать, само-собою *принимается*: тогда нелѣпо было бы вводить иностранное слово. Но создатель и властелинъ языка — народъ, общество: то принято ими, то безусловно хорошо; грамотѣи должны безусловно покоряться ихъ рѣшенію; общество не прійметъ, напримѣръ, *побудки* вмѣсто *инстинкта*, и *сверкальцевъ*, вмѣсто *алмазовъ* и *брильянтовъ*. Что такое *алмазъ* или *брильянтъ*,—это знаетъ всякій стекольщикъ, почти всякій мужикъ; но что такое *сверкальцы*,—этого не знаетъ ни

одинъ русскій человекъ... Нѣтъ ничего смѣшнѣе и нелѣпѣе книжныхъ словъ, столь любимыхъ педантами. Пуристы боятся ненужнаго наводненія иностранныхъ словъ: опасеніе больше чѣмъ неосновательное! Ненужное слово никогда не удержится въ языкѣ, сколько ни старайтесь ввести его въ употребленіе. Книжники старой допетровской Россіи употребляли слово *аеръ*; но оно и осталось въ книгахъ, потому-что въ устахъ народа русское слово *воздухъ* было ничѣмъ — не хуже какого-нибудь *аера*. Галломаны писывали: воздухъ *ондируется*, *имажилация*, и эти нелѣпости не удержались. Стражъ чистоты языка—не академія, не грамматика, не грамотѣи, а духъ народа...

Такъ-какъ, по новости русскаго образованія, новый русскій языкъ еще не установился и вѣроятно долго не установится, то естественно, что въ него вдругъ вторглось множество иностранныхъ словъ. Это обстоятельство дѣлало необходимымъ словарь такихъ словъ. Наконецъ, такой словарь является. Мы тѣмъ болѣе рады ему, что онъ составленъ умно, съ знаніемъ дѣла, словомъ столько удовлетворительнымъ, сколько отъ перваго опыта и ожидать нельзя. Есть, конечно, недостатки, такъ напримѣръ, неполнота: нѣтъ словъ: *грамматика*, *грамматъ*,—но, не смотря на то, этотъ словарь, какъ первый опытъ, все-таки превосходенъ. Когда онъ выйдетъ вполнѣ, мы еще скажемъ о немъ нѣсколько словъ; а пока советуемъ запасаться имъ всѣмъ и каждому.

159) Санктпетербургская Флора съ раскрашенными рисунками, составленная К. Левиньимъ. Изданіе типографіи Селезнева. Санктпетербургъ. 1845. Книжки 11 и 12.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ окончанія всего труда, чтобы тогда выказать наше мнѣніе безъ опрометчивости; а пока остается повторить хорошіе отзывы, которые высказали мы о верныхъ книжкахъ: рисунки по-прежнему превра-

сны, отчетливы; андланъ цѣта и нр-да сдѣланы съ художественною точно-стью, и, главное, сообразно съ современными требованіями науки. Описа-нія превосходныя.

150) Воспоминанія Сльпаго. *Путешествіе вокругъ свѣта Жака Араба. Переводъ П. А. Корсакова и др. Изданіе В. Межевича и П. Песоцкаго, украшенное пятидесятью картинками, рисованными и литографированными въ Парижѣ. Томъ второй. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1845. Въ 8-ю д. л. 320 стр.*

По выходѣ перваго тома этого путеше-ствія, мы уже говорили о его значи-тельности; читавшіе первый томъ съ такимъ же наслажденіемъ прочтуть и второй.

151) Начальственныя Распоряженія по Казанскому Учебному Округу, издаваемыя при Канцеляріи попечителя. Томъ VIII. Казань. Въ тип. универ-ситета. 1845. Въ 8-ю д. л. 41, 27, 22, 79 и 41 стр.

«Начальственныя Распоряженія по Казанскому Учебному Округу» по-прежнему заключаютъ въ себѣ пять отдѣловъ: 1) Высочайшія повелѣнія; 2) распоряженія господина министра; 3) распоряженія господина попечителя; 4) состояніе учебныхъ заведеній, и 5) разныя извѣстія объ опредѣленіи, увольненіи и т. д. чиновниковъ. Въ четвертомъ отдѣленіи помѣщенъ отчетъ по Казанскому Учебному Округу за 1844 годъ. Изъ него видно, что въ округѣ учебныхъ заведеній находи-лось, въ 1843 году—492, въ 1844 году—614 (считая и сельскія приходскія учи-лища, находящіяся въ вѣдомствѣ Ми-нистерства Государственныхъ Им-уществъ). Чиновниковъ и преподавате-лей въ этихъ заведеніяхъ въ 1843 году—1537, въ 1844 году 1691. Въ 1844 году послѣдовало открытіе 155 учебныхъ заведеній (въ томъ числѣ два дворянскіе института—пензен-скій и александровскій въ Нижнемъ-Новгородѣ). Число учащихся къ 1-му

января 1845 года было во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ 22,080. Въ фун-даментальныхъ бібліотекахъ учеб-ныхъ заведеній казанскаго округа счита-ется книгъ 25,816 названій въ 55,416 томахъ; кромѣ того находится физиче-скихъ инструментовъ 899 и прочихъ учебныхъ пособій 16,266. Некоторые изъ преподавателей округа занима-лись, въ 1844 году, особыми трудами, а именно: старшій учитель Нижегород-ской Гимназіи, г. Мельниковъ, какъ кор-респондентъ Археологической Ком-миссіи, занимался осмотромъ архи-вовъ присутственныхъ мѣстъ и окон-чательно приготовилъ къ изданію со-чиненіе: «Нижній-Новгородъ и Ниже-городская Ярмарка»; кромѣ того въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣ-стилъ «Исслѣдованіе о Инфляндскомъ Колоколѣ XV столѣтія». Старшій учи-тель Астраханской Гимназіи Тимоѣевъ составилъ «Исторію Русской Литера-туры» (часть первую). Старшій учи-тель Саратовской Гимназіи Глѣбовъ помѣщалъ въ губернскихъ вѣдомо-стяхъ разныя ученые статьи по части метеорологіи, физики и астрономіи. Штатный смотритель Уфимскаго Уѣз-днаго Училища Сосфеновъ напечаталъ нѣсколько небольшихъ статей въ «Оте-чественныхъ Запискахъ» и въ «Мос-квитянинѣ». Старшій учитель Пер-вской Гимназіи Крупенинъ написалъ статью: «Царь въ топографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ». Стар-шій учитель Первой Казанской Гимна-зіи Поповъ написалъ сочиненіе объ интегрированіи уравненій гидродинамики. Старшій учитель той же гим-назіи Струве написалъ сочиненіе: «De fontibus Quinti Smugraei Postho-mericorum».

Изъ мѣръ, введенныхъ господиномъ попечителемъ для усиленія успѣховъ учениковъ въ отечественномъ языкѣ и словесности, обращаетъ на себя осо-бенное вниманіе—учрежденіе въ гим-назіяхъ и институтахъ казанскаго округа, для учениковъ VI и VII клас-совъ, литературныхъ бесѣдъ по плану, особо для того составленному.

Вотъ добрыяныя свидѣнія, занимаемыя нами изъ книжки, которая, вѣроятно, неизвѣстна нашимъ читателямъ, и которая, однакожь, очень-любопытна по заключающимся въ ней фактамъ.

152) СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКІЯ Труды въ Россіи: М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова, Н. А. Полюдова, Ф. В. Булгарина, Ф. Л. Морозкина, М. Н. Макарова, А. Ф. Вельтмана, В. В. Игнатовича, П. Г. Буткова, Н. В. Савельева и А. Д. Чертова. *Письма А. В. Александрова къ издателю «Маяка».* Санктпетербургъ. 1845. Въ тѣл. Штаба Отд. Корп. Вн. Стражи. Въ 8-ю д. л. 61 и 92 стр.

Въ этой книжкѣ сужденія о трудахъ русскихъ историческихъ изыскателей изложены въ формѣ разговора между знакомыми, на литературномъ вечерѣ. Тутъ говорятъ, спорятъ и читаютъ отрывки изъ сочиненій, о которыхъ идетъ дѣло. Тамъ одинъ изъ собесѣдующихъ прочелъ отрывокъ изъ статьи г. Морозкина, а всѣ другіе воскликнули: «Правда, совершенная правда! Лихо махнулъ носомъ!» Что тутъ такое «косой» — существительное въ творительномъ, или прилагательное въ именительномъ надѣжѣ, не знаемъ. Вообще, всѣ эти разговоры отзываются тономъ такого общества, которое намъ мало знакомо, а потому въ этихъ разговорахъ намъ не все понятно. Впрочемъ, нѣкоторые сужденія объ историческіхъ изыскателяхъ, въ этой книжкѣ, показались намъ довольно-интересными. Такъ, на-примѣръ: «Книга (г.) «Булгарина: *Россия въ историческомъ отношеніи*, есть не болѣе, какъ хорошо-считая компиляція, полезная для русскихъ читателей, незнакомыхъ съ другими идеателями, но уже никакъ не болѣе; для ученаго, въ ней не найдется ничего особенно-важнаго» (стр. 19). Тутъ же упоминается объ ошибкѣ г. Булгарина, указанной г. Савельевымъ: г. Булгаринъ принялъ латинское слово *castris*, «лагерьный», за *кастра*, и на этомъ основалъ

мнѣніе, что римскій *comes castris* былъ не кто иной, какъ *начальникъ кафе сенаду*!! — Вотъ сужденіе объ историческихъ трудахъ г. Устрялова:

«Я очень уважаю, сказалъ хозяинъ, полезные книги, издаваемыя нашимъ профессоромъ: мастеръ издавать книги! Я помню, какъ онъ печаталъ переводъ своего брата *Состояніе Россійской Державы* Маржерета — преполезная книга! Потомъ онъ далъ переводы, слѣданные для цюкринскаго историографа, двухъ весьма важнѣхъ рукописей: одну Карамзинъ по ошибкѣ (какъ теперь обнаружилось) назвалъ *лѣтописью Бера* — подъ этимъ именемъ она напечатана и у г. Устрялова въ *Сказаніяхъ Современниковъ о Димитрѣ Самозванцѣ*: — какъ же не благодарить за все это Николая Герасимовича? Ну, а записка Паэрля? Онъ хотя и не такъ важенъ, но все же довольно замѣчательны. Не издай ихъ (г.) Устряловъ, онъ могли бы совсѣмъ утратиться, ибо подлинникъ донынѣ еще не изданъ, и переводъ былъ дѣланъ для Карамзина съ рукописи, находившейся въ Германіи. Спасибо, великое спасибо г. Устрялову за то, что приобрѣлъ и напечаталъ все это... Высшая историческая цѣнка не его предметъ — онъ за нее и не брался; его дѣло было — издать, напечатать книгу, и онъ отлично исполнилъ это — даже присоединилъ кое-какія замѣтки, очень полезныя, изъ примѣчаній къ исторіи Карамзина; а ко второму изданію нѣсколько новыхъ актовъ, отысканныхъ въ литовской метрикѣ. Еслибъ у насъ было такихъ почтенныхъ издателей побольше, русская исторія приобрѣла бы множество преполезныхъ матеріаловъ. — Но что же вы ничего не скажете о собственныхъ сочиненіяхъ Н. Г. Устрялова? — Изъ уваженія къ полезной дѣятельности его, какъ издателя, я умолчу о его сочиненіяхъ... — Но его *Русская Исторія* для студентовъ? — Она хороша... для студентовъ; а знатоки дѣла скажутъ вамъ совсѣмъ другое» (стр. 2—3-я второй нумераціи).

О сочинителѣ *Исторіи Русскаго Народа* сказано: «его мнѣніе имѣеть ли какой-нибудь вѣсъ въ исторической литературѣ?» (стр. 4 *ст. нум.*). О г. Погодинѣ:

«Почтенный авторъ любитъ, какъ извѣстно, афоризмы — онъ только *набрасываетъ*

идей, а разумеешь и доказываешь ихъ ему некогда, времени нѣтъ: знаете, то надо сочинить трагедію *Марку Песаданцу*, или новіесть какую, или — совершичества съ (г.) Полевымъ—драматическое представленье: *Исторію съ Лицахъ о Дмитріи Самозванцѣ*, или опять стихотворное дѣяніе *Петра Великій*, или переводить стихами нѣтъ *Овидія*, или провою *Гётева Гёца фонъ Берлихингена*... Когда же тутъ Михаилу Петровичу заниматься русскою исторіею? Къ ей, совсѣмъ нѣтъ времени... Ну такъ же азъшлите: онъ только *набрасываетъ* свои идеи, въ поученіе русскому православному народу. (стр. 72).

Но оригинальнѣе всего въ этой книжкѣ сужденія о покойномъ Велелинѣ и ученикахъ его, гг. Морозкинѣ и Савельевѣ, особенно послѣднемъ. Велелинъ—великій гений, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; гг. Морозкинъ и Савельевъ рано или поздно сравняются съ нимъ: въ этомъ еще болѣе не должно сомнѣваться. Г. Савельевъ, безъ дальнихъ околичностей сравненъ—съ Тьері!.. (стр. 19). Этого мало: приложены стихи накого-то г. Уиниса (стр. 61 и 52):

О. А. Морозкину и Н. В. Савельеву.

Напрасно все: вамъ понять трудъ
И оцѣнить великій истій
Всѣ толки иълочныхъ суждений
Ужъ никогда не потрясутъ
Глубокихъ вашихъ умозрѣній.
Была пора: чужимъ умомъ
Жила Россія молодая;
Но совершился переломъ —
Тенерь пришла чреда иная,
И дума русская, живая,
Германскій мусоръ пробивая,
Варугъ свѣтлымъ брызнула ключомъ!
Давно дней нашихъ честь и славу
Господь избавилъ отъ враговъ:
И Шведы помнятъ про Полтаву,
И Туркамъ штыкъ нашъ не въ забаву
Блестѣлъ среди Измаильскихъ ровъ;
И знаютъ: богатырь съдой
Въ поляхъ Италіи чудесной,
На Альпахъ, въ выси полнебесной
Пронесся гибельной грозой;
И страшный день Бородина,
Москвы пожаръ, Березина,
Подъ Лейпцигомъ тридневный бой
И день Парижа реловой

Всѣмъ будутъ памяты; — и Праги
Забутый штурмъ своей чредой
Напомнилъ мощный смѣхъ отваги,
Паскевичъ, Сѣвера герой. —
Тенерь мы славны, но и славу
Пора намъ предковъ защитить;
Аттилы грозную державу
Во всемъ величьи воскресить:
Да, да, Славянъ рукою твердой
Себѣ Востокъ онъ покоришь,
И величавый, мощный, гордый
Нашайкой Западу грозилъ,
Да, да, казаки удалые
Не бѣллицовъ различныхъ сбродъ;
То наши Руссы коренные,
Славянъ могучихъ древній родъ.
Да, да, пора Нѣмецкихъ иишій
Кривые толки разобрать,
И свѣтомъ истины прогнать
Густую тму пустыхъ сомнѣній. —
И вотъ здѣсь въ мраморѣ блистаетъ,
Въ Москвѣ родной, бессмертный лаятъ;
И камень, кажется, вѣщаетъ:
«Славянскій мѣръ могучъ, великъ!»
И вотъ вашъ умъ глубокой душой
Время далъ темную проникъ;
И мѣръ Славянскій, грозный, чудный
Изъ глубины вѣковъ возникъ.

Хвала тебѣ, Велелинъ славный!
Ура, Морозкинъ-Славянинъ!...
Савельевъ, Руси православной
Неутомимый, вѣрный сыгъ!
Нѣтъ, ваша слава не затмится,
Вашъ трудъ великій не умретъ;
Имъ правда всюду водворится
И плодъ обильный принесетъ.

Что на это сказать? Кажется, дѣло ясно говорить само за себя...

153) Ученіе о Жизни Вообще и о жизни человека въ особенности, какъ такомъ предметѣ, на которомъ утверждается врачебная наука. Опытъ сближенія медицинскихъ понятій о человекѣ со вкушеніями святой евы и здоровой философіи. Сочиненіе Ивана Занденна. Часть 1. Москва. Въ тип. скороспечательна В. Кириллова. 1844. Въ 8-ю д. л. 540 стр.

Не знаю, новость ли я объявлю вамъ, если скажу, что въ нѣкоторыхъ книгахъ и журналахъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, сильно господствуетъ мистичизмъ—мистичизмъ рус-

скаго надѣлія. Можетъ-быть, онъ не замѣченъ тѣми людьми, которые на все бросаютъ высшіе взгляды, какъ иъкогда одинъ историкъ бросалъ взгляды на русскую исторію съ колокольни Ивана-Великаго; но я, записной книжникъ, непренебрегающій движеніемъ нашихъ философическихъ сектъ и развитіемъ названной отечественной литературы — гдѣ эти секты по-преимуществу пребываютъ—я различилъ два или три направленія доморощенной мистической философіи, и готовъ съ вами подѣлиться моимъ знаніемъ, даже—если угодно—уступлю его вамъ своима изъ вѣчное и потомственное владѣніе.

Русскій мистицизмъ обнаружился до-сихъ-поръ въ трехъ видахъ, имѣющихъ между собою столь тѣсную связь, что тамъ, гдѣ оканчивается одинъ, начинается другой, и гдѣ оканчивается другой — начинается третій. Вотъ названія этихъ видовъ, очень-удачно выражающія отличительное ихъ свойство: поэтический, риторическій и философическій.

Источникъ поэтического мистицизма—иъ мистики. Существенный признакъ его — непосредственное вѣдѣніе того, чего нѣтъ вовсе или чего нельзя знать, восторженное и упрямое убѣжденіе въ томъ, на что нѣтъ разумныхъ доказательствъ. Искренность его не подлежитъ сомнѣвію, и въ этомъ его единственное достоинство. Недостатокъ же его заключается въ отсутствіи истиннаго разума. Онъ не любитъ домысливать, но много чувствуетъ; чувства же его должны быть очень-тонки, особенно зрѣніе: онъ видитъ вездѣ кресты, духовныя единицы, таинственныя числа, нечистую силу. Не видитъ онъ только пользы логики, разумнаго пониманія предметовъ, доказательствъ; а если и бываютъ послѣднія—то какія онѣ? Самыя высочія истины опошляются ими. Чтò бы вы сказали о томъ чело-вѣкѣ, который понятіе о бытіи Бога, общее всѣмъ народамъ, сталъ бы

выводить изъ одинаковаго числа буквъ, которыми пишется имя Верховнаго Существа?.. То же самое скажете о поэтическомъ мистикѣ, потому-что онъ частенько прибѣгаетъ къ подобнымъ аргументамъ.

Риторическій мистицизмъ сходится и расходится съ поэтическимъ въ томъ, что, будучи такъ же неразуменъ какъ послѣдній, онъ не имѣетъ искренности послѣдняго. Его обыкновенное оружіе — фразы и фразы; его неизбѣжная принадлежность — возгласы; онъ не доказываетъ, а ораторствуетъ, или еще хуже: риторствуетъ. Высокопарность, изысканность, многословіе, пустота—вотъ чѣмъ исполнены статьи, написанныя риторическимъ мистикомъ. Въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кричалъ онъ о коренной *субстанціи* нашего отечества, о *духѣ* русскаго народа, о тайной *силѣ*, хранящейся въ его вѣдрахъ; но спросите его (не совѣтую вамъ, впрочемъ, этого дѣлать), въ чемъ состоитъ эта субстанція, этотъ духъ, сила, направленіе?.. Онъ или отпуститъ вамъ нѣсколько торжественныхъ, на разные случаи приготовленныхъ фразъ, или, пожалуй, дастъ такой отвѣтъ, которому не найдешь мѣста и въ семи разрядахъ, постановленныхъ Учебною Книгою: г. Греча для словесныхъ произведеній.

Философическій мистицизмъ является не какъ вліяніе тайной силы, приходящее извнѣ, а какъ внутреннее произведеніе личности, которая по натурѣ своей склонна къ смутному, неопредѣленному, таинственному. Еслибъ такая личность уврѣла Божіимъ свѣтъ въ средніе-вѣка, то, при маломъ даже поэтическомъ дарованіи, стала бы писать баллады: въ нашъ прозаическій вѣкъ она философствуетъ. Существенный характеръ сочиненій, запечатлѣнныхъ философическимъ мистицизмомъ, состоитъ въ томъ, что въ нихъ та часть, которая написана для слѣдствій, умна и дѣльна, если взять ее отдѣльно, тогда-какъ слѣдствія, для которыхъ написана

вся почти статья, ни умы, ни дѣльны, потому что не вяжутся съ послылками, отъ-чего образуется силлогизмъ, поражающей каждаго отсутствіемъ внутренней связи между основаніемъ и заключеніемъ. Укажу вамъ на одинъ примѣръ такого умозаключенія: «На западѣ вѣтъ тою, что ему надобно: следовательно онъ долженъ взять это у насъ». Откуда это *следовательно*: съ неба или съ земли? Зачѣмъ западу брать у насъ то, чтѣ онъ имѣлъ уже, но чтѣ его не удовлетворило, какъ не удовлетворяетъ мыслящаго фальшивый силлогизмъ? Согласитесь, что такое *следовательно* странно и жалко, а жалко потому, что очень-странно... чтобъ не сказать нелѣпо. Петръ Ивановичъ Бобчинскій былъ гораздо-последовательнѣе, когда увѣрялъ, что пріѣзжій изъ Петербурга не кто иной, какъ ревизоръ, потому-де, что «и живъ и денегъ не платитъ». Это такъ, это я понимаю, какъ понимаетъ каждый опытный, каждый наблюдательный человѣкъ. А изъ этого и вывожу заключеніе, что у Петра Ивановича довольно здраваго смысла. Но еслибъ столько же смысла было въ заключеніяхъ философическаго мистицизма, то не былъ бы онъ, конечно, и мистичизмомъ, которому нужны подчасъ абсурдные разрывы между началомъ и концомъ статьи, между послылками и слѣдствіями. Сверхъ того, еслибъ достоинствомъ отдѣльныхъ мѣстъ разсужденія не отличался онъ отъ поэтическаго и риторическаго мистицизма, то, разумѣется, мы не назвали бы его философическимъ.

Мнѣяется ли русскій философическій мистицизмъ въ своихъ началахъ, убѣжденіяхъ, направленіяхъ?.. Непремѣнно. Какъ плодъ личности, онъ переходитъ различныя фазы вмѣстѣ съ видоизмѣненіями личности, на которую дѣйствуютъ важнѣйшіе случаи жизни: служба, дружба, женитба, болѣзнь, страхъ смерти, и проч. и проч.

Теперь, чтобъ дать ясное понятіе читателямъ о твореніи г. Зацепина, дозволю сказать, что оно принадлежитъ

къ отдѣлу поэтическаго мистицизма. Больше здѣсь не нужно словъ. Разъ прибавить, что г. Зацепинъ пошелъ еще дальше пастора Зедергольма: этотъ до-сихъ-поръ мирить религію съ философіей, а г. Зацепинъ миритъ то и другое съ медициной. Блаженны миротворцы!

154) О Пьянствѣ въ Россіи и Средствахъ къ Истребленію его. Соч. екатеринославскаго помѣщика А. Г. Одесса. Въ городской тип. 1845. Въ 12-ю д. л. 137 стр.

Пьянство — одно изъ величайшихъ золъ, когда оно дѣлается порокомъ народнымъ. Давно уже Русскихъ укоряли въ неумѣренномъ употребленіи спиртныхъ напитковъ, и въ послѣдніе годы многіе просвѣщенные хозяева, находящіяся въ близкихъ сношеніяхъ съ простонародьемъ, вида ежедневнаго предъ глазами своими пьяныя сцены, унижающія человѣческое достоинство, и разоряющія въ корень, начали возвышать благородный голосъ негодованія противъ губительной страсти. Г. А. Г. сдѣлалъ въ этомъ случаѣ болѣе всѣхъ: онъ собралъ въ своей брошюрѣ историческія свидѣтельства о распространеніи въ Россіи употребленія хлѣбнаго вина, и статистическія данныя о потребленіи вина въ настоящее время. Это составляетъ первый отдѣлъ его сочиненія, напечатаннаго въ «Отч. Запискахъ» 1842 года (т. XXV). Во второмъ отдѣлѣ авторъ говоритъ о средствахъ къ истребленію пьянства.

Самымъ важнымъ средствомъ для Россіи онъ признаетъ замѣну водки пивомъ. Мы не вполне согласны съ почтеннымъ авторомъ въ могущество этого средства. По нашему мнѣнію, для истребленія порока, столь глубоко-пустившаго корни въ народѣ, необходимы болѣе-рѣшительныя, такъ-сказать, коренныя мѣры. Во всякомъ случаѣ, отдадимъ полную справедливость г-ну А. Г. за его добросовѣстный трудъ, исполненный теплаго сочувствія къ положенію людей, увлекае-

ных грубостью и невежеством въ бездну губительнаго порока. Люди, которые, подобно ему, расположены къ общему добру, въ настоящемъ сочиненіи найдутъ множество фактовъ, достойныхъ зрѣлаго размышленія.

155) Чтенія Общей Химіи, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу. Составлено стенографически по публичному курсу, въ 184 $\frac{1}{2}$ году преподающему для московскихъ фабрикантовъ, Р. Гейманомъ, профессоромъ химіи, членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, русскихъ и иностранныхъ. Съ пояснительными рисунками и чертежами, вырѣзанными на деревѣ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 186 стр.

Это — публичныя лекціи опытной технической химіи, читанныя профессоромъ Гейманомъ. Книга будетъ состоять изъ двухъ совершенно-отдѣльныхъ сочиненій. Одно будетъ выходить выпусками въ нѣсколько лекцій; это сочиненіе — какъ-бы приготовительное, содержащее въ себѣ приложение свѣдѣній изъ общей химіи и физики къ заводскому и фабричному дѣлу, т. е. то, что почти каждому фабриканту необходимо; назначеніе его длояко: сообщить необходимыя для фабрикантовъ практическія знанія, почерпнутыя изъ физики и химіи, и вмѣстѣ содѣйствовать къ большому возвышенію образованности отечественныхъ фабрикантовъ. — Второе сочиненіе будетъ посвящено частной технической химіи или приложенію свѣдѣній частной химіи къ заводскимъ производствамъ: въ немъ опишутся тѣ заводскія и фабричныя производства, въ которыхъ химія принимаетъ прямое участіе, и тѣхъ, на успѣхъ которыхъ она имѣетъ болѣе-близкое вліяніе.

Вышедшая теперь книжка есть первая тетрадь «Общей Химіи». Въ ней шесть чтеній. Первое говоритъ о пользѣ технической химіи; второе — о тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія нужно имѣть фабриканту, чтобъ произвести наибольшее количество издѣлій, возможно-лучша-

го качества или доброты, при наименьшемъ потребленіи матеріаловъ, снарядовъ, силъ, трудовъ, времени и вообще капитала; третье — о химическомъ соединеніи; четвертое — о явленіи огня; пятое — о пламени; шестое — объ освѣщеніи.

156) Таблицы для Вычисленія Процентовъ какъ по банковымъ билетамъ по 4% и 5% отъ одного дня до ста лѣтъ и отъ одной копейки до нѣсколькихъ сотъ миллионнхъ рублей, такъ и по частнымъ долларамъ по 6%. Составленная А. Ерѣ-Енцемъ. Санктпетербургъ. 1845. Во французской тип. Въ 8-ю д. л. 53 стр.

Книга вся состоящая изъ однѣхъ цифръ, но за которую купечество поблагодарить автора. Вычисленіе процентовъ — операція необходимая при коммерческихъ сдѣлкахъ, — до сихъ поръ производилось и производится или посредствомъ простаго умноженія, или съ помощью логарифмовъ; но въ томъ и другомъ случаѣ это дѣло весьма-сложное и медленное; нерѣдко вкрадываются при этомъ и погрѣшности. Это обстоятельство заставило г. А. Ерѣ-Енца придумать средство упростить и облегчить вычисленія, и тѣмъ самымъ сэкономить время, столь драгоценное для дѣловыхъ людей. Предлагаемыя таблицы, которые онъ самъ составилъ, вполне рѣшаютъ эту задачу; проценты въ нихъ уже готовы, вычислены, остается только ихъ прискаты и потомъ сложить всѣ отдѣльные результаты. Такимъ-образомъ здѣсь все вычисленіе приводится къ сложенію.

157) Новые Взгляды на Сельскую Жизнь. Санктпетербургъ. Въ тип. Крайя. 1845. Въ 8-ю д. л. 44 стр.

Авторъ этой брошюры, г. Нероновъ, Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества членъ, въ предисловіи говоритъ слѣдующее:

«Какъ помѣщикъ, я знаю по собственнымъ моимъ вѣтчинамъ и по обращенію моему въ обширѣйшемъ кругу помѣщи-

ковъ: какія ошибочныя мнѣнія препятствуютъ и чего по общему убѣжденію, недостаетъ, чтобъ мнѣніемъ можно было любоваться и получать съ него вѣрный и значительный доходъ, а сельскую жизнь не только дѣлать пріятною, занимательною и вѣчно повою, но и придать ей всю свѣжесть прелести и очарованія жизни заграничной.»

Ошибочныхъ мнѣній, по понятіямъ г. Неронова, очень-много, на-прим., общее вѣрованіе въ мнимое перерожденіе хлѣбныхъ сѣменъ изъ лучшихъ видовъ въ худшіе, — или предубѣжденіе, что съ увеличеніемъ запашки увеличится всегда и доходъ.

«Что же касается до того, чего недостаетъ по общему убѣжденію, то этотъ недостатокъ заключается также во *многихъ*; недостаетъ на-пр. надлежащаго удобренія почвы, травосѣянія, улучшенія луговъ, осушенія и обработки болотъ, и проч. и наконецъ главнѣйше недостаетъ между дуранами взаимной дѣятельности и согласія въ дѣлахъ хозяйственныхъ, съ довѣріемъ другъ къ другу, и споспѣшествованіемъ чему либо общепользному соединенными силами.»

Этотъ недостатокъ, по мнѣнію нашему, важнѣе всѣхъ прочихъ исчисленныхъ г. Нероновымъ.

«И такъ, сіе-то *многое* (продолжаетъ онъ), заслуживающее со стороны сельскихъ хозяевъ крѣпкаго размысленія и полаго вниманія, я помѣръ силъ моихъ, намѣреая изложить въ моихъ «*Взглядахъ*», которые всѣ направлены будутъ къ той единственной благороднѣйшей цѣли: какимъ бы образомъ можно было достигнуть того, чтобъ мнѣнія получили красивый видъ, стали доходными и удовлетворяли всѣмъ требованіямъ утонченнаго вкуса. Взгляды сіи будутъ состоять изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ тетрадей и къ каждой изъ нихъ, кромѣ рисунковъ и гербаріевъ, будутъ приложены безденежно изъ собственнаго моего хозяйства: 1) сѣмена новѣйшихъ хлѣбныхъ видовъ, кормовыхъ травъ, и пр.; 2) черенки тепличныхъ и оранжерейныхъ растеній; 3) Прививки плодовыхъ, воздушныхъ и оранжерейныхъ деревьевъ; 4) картофельныя; 5) цвѣточныя луковичы; 6) коренія георгинъ, неоновъ, и др., и 7) отростки отъ кореньевъ.

Мысль довольно-оригинальная—разсылать при «Взглядахъ на Сельскую Жизнь» сельскія произведенія въ натуру, хотя и не новая, ибо нѣкоторые сочинители по части «Народнаго Сельскаго Хозяйства» и «Народнаго Быта» уже пытались дѣлать подобныя рассылки. Не знаемъ, до какой степени удобна такая мысль въ исполненіи, — посмотримъ. Что касается до содержанія самыхъ «Взглядовъ», то въ первой тетради заключаются слѣдующія статьи: 1) О мнимо перерожденіи хлѣбныхъ растеній и о пользѣ заведенія сѣменнаго поля; 2) О георгинахъ; 3) О мѣрахъ въ вѣрномъ и лучшемъ сбыту хлѣба сельскими хозяевами.—Первое и третье разсужденіе уже должны быть извѣстны читателямъ: они были читаны въ собраніяхъ Вольнаго Экономическаго Общества и напечатаны. Статья о георгинахъ заключаетъ въ себѣ полезныя указанія для любителей цвѣтовъ.

Главная мѣра къ вѣрному и лучшему сбыту хлѣба состоитъ въ совѣтѣ помѣщикамъ самимъ отправлять хлѣбъ на своихъ баркахъ, своими людьми и изъ своего лѣса сдѣланными, изъ низовыхъ губерній въ Петербургъ. Совѣтъ этотъ, по нашему мнѣнію, въ существѣ своемъ вовсе не практической. Г. Нероновъ полагаетъ, что если выгодно сплавлять покупной хлѣбъ кушцу, то еще выгоднѣе должно быть для помѣщика сплавлять собственный свой хлѣбъ, имѣя всю возможность сдѣлать посредствомъ *своихъ* плотниковъ, изъ *своею* же лѣса суда, а изъ домашнихъ матеріаловъ паруса и всѣ снасти, и выбрать изъ *своихъ* людей въ прикащики и судорабочіе. Если въ дѣло вникнуть ближе, то и настоящее положеніе сельскаго хозяйства страдаетъ именно отъ-того, что мы многое считая *своимъ* и ни во что его не цѣнимъ. Какое же долженъ быть усилъ торговли, когда станемъ ни во что цѣнить *свой* лѣсъ, *свою* работу, *свою* сметливость? Недоумѣваемъ! Подобныя мысли служатъ явнымъ доказательствомъ, какъ мало мы знакомы съ законами

экономіи народнои, — а безъ нихъ и при новыхъ взглядахъ на сельскую жизнь, она никогда не сдѣлается ни пріятною, ни занимательною, ни тѣмъ менѣе вѣчно-новою.

158) Краткое Практическое Наставленіе для постройки сельскихъ жилыхъ зданій, каменныхъ и деревянныхъ. (Съ рисунками). Составленіе А. Сапожниковымъ и П. Таманскимъ. Санктпетербургъ. Изданіе книгопродавца Андрея Иванова. Въ тип. Эдуарда Праца. 1845. Въ 4-ю д. л. VIII и 108 стр.

На русскомъ языкѣ есть нѣсколько книгъ о строительномъ искусствѣ; но лучшія изъ нихъ, по теоретическому, слѣшкомъ-ученому изложенію, не всегда понятны для сельскихъ жителей; въ другихъ же подобныхъ сочиненіяхъ, помѣщены планы и фасады такихъ зданій, которыя, позатѣйливости своей, или слѣшкомъ-дороги, или не могутъ быть построены безъ архитектора. О порядкѣ же, въ какомъ зданіе строится, и о необходимыхъ къ тому матеріалахъ, ничего не сказано. Это было побудительною причиною къ составленію настоящаго «Практическаго Руководства». Оно, конечно, не можетъ служить къ построенію значительныхъ зданій, стѣнящихъ дорого и требующихъ искуснаго архитектора, но для деревенскаго быта, въ которомъ экономія, прочность и просторъ должны составлять главную цѣль хозяйственныхъ построекъ, это «Наставленіе», изложенное не въ ученой системѣ, но въ порядкѣ, въ какомъ производится работа, можетъ принести существенную пользу. Имя г. Сапожникова ручается за достоинство книги. Сочиненіе раздѣлено на 8 главъ. Въ первой объясняются инструменты, необходимые при постройкѣ; во 2-й — обозначеніе по мѣстности плана предполагаемой постройки; въ 3-й качество матеріаловъ и заготовленіе ихъ; въ 4-й производство строенія въ чертѣ и чистая его отдѣлка; въ 5-й размѣръ нѣкоторыхъ частей зданія; въ 6-й исчисленіе матеріаловъ,

потребныхъ на зданія; въ 7-й замѣчанія о прочности зданій; въ 8-й о выдѣлкѣ кирпича и обжиганія извести.

159) Описаніе всѣхъ возможныхъ (!) лаковъ и политуръ, съ пріеденіемъ (?) лучшихъ и легчайшихъ способовъ ихъ составленія. Сочиненіе доктора философіи и естественныхъ наукъ Ф. Нетто. (Съ нѣмецкаго). Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 12-ю д. л. 24 стр.

Можетъ-быть, эта книжонка и переведена съ нѣмецкаго; можетъ-быть ее и сочинялъ даже какой-нибудь докторъ философіи; но заглавіе, бьемся объ закладъ, придѣлано русскимъ издателемъ или переводчикомъ. «Всѣхъ возможныхъ лаковъ»!! т. е., не только тѣхъ, которые до-сихъ-поръ были, но и тѣхъ, которые могутъ быть! Авторъ предисловія соединилъ въ одномъ словѣ настоящее, прошедшее и будущее, и привелъ способы составлять лаки разныхъ временъ. По передней можно узнать о качествѣ хозяина, не заглядывая въ его гостиную, гдѣ онъ, вѣроятно, составляетъ лаки или предисловія къ книгамъ. Такъ и предисловіе даетъ разумѣть о качествахъ книги: вѣдь что такое предисловіе? — передняя автора, лакъ, наводимый на дурное сочиненіе, политура дрянной книги. Къ такимъ лакамъ или политурамъ относится и слѣдующее, второе изданіе книги, о которой мы уже говорили:

160) Наставленіе Господамъ Помѣщикамъ, желающимъ довести пашню до невозможной степени плодородія, отаратить неурожай въ неплодныя года, уничтожить воловню, предохранить колосья отъ спорыньи, хлѣбъ отъ изиари и перевести вредныхъ насекомыхъ; съ присовокупленіемъ способа къ полученію обильнаго снокоса и сбыта сѣна во всякое время. Составленіе по новѣйшимъ источникамъ извѣстнѣйшихъ агрономовъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 12-ю д. л. 24 стр.

161) Начальныя Основанія Аггебры, изложенныя адъюнктомъ-профессоромъ

ромъ Императорскою Александровскою Лицея Р.Щегловымъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тупенберговой тип. Въ 8-ю д. л. 243 стр.

Не понимаемъ, на какой конецъ пишутся и издаются подобныя книги. Начальныя основанія алгебры ни чѣмъ не отличаются отъ учебниковъ Белавена, Фурси и проч., которыя переведены давно уже на русскій языкъ.

Алгебра съ того времени, какъ Остроградскій приосвединилъ ее къ высшей математикѣ подъ именемъ алгебраическаго анализа, представляетъ еще обширное поле для открытій, то есть для упрощенія старинныхъ, сложныхъ методъ. Мы не требуемъ подобныхъ новостей (которыя рѣдки и въ иностранныхъ курсахъ) отъ нашихъ отечественныхъ компиляторовъ; но зачѣмъ же переписывать и перепечатывать давно-напечатанное?

162) Начальное Чтеніе для Развитія Нравственныхъ Понятій, изданное для низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній Московскою Учебною Округа. Изданіе второе, безъ исправленій. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 198 стр.

Мы говорили объ этой книгѣ при первомъ изданіи. Теперь же, не желая повторять прежняго, выпишемъ въ сколько строкъ изъ предисловія, умно написаннаго:

«Едва ли нужно говорить, почему надатель предлагаемой книги почитаетъ побольше рассказы и повѣсти лучшимъ способомъ изложенія нравственныхъ истинъ для дѣтей. Не видимъ ли мы безпрестанно, что даже большая часть взрослыхъ обрзается только примѣромъ и подражаніемъ? Что же касается до малолѣтнихъ, то, конечно, это единственный способъ преподаванія, который для нихъ истинно полезенъ. Изъ необходима наглядность предмета, будь онъ физическій, нравственный, духовный—все равно. Мы, взрослые, чрезвычайно склонны забывать, что самыя отвлеченныя понятія сдѣлались намъ легко доступны только по привычкѣ; но выбираемъ изъ нихъ простѣйшее и понытаемъ предложить ребенку; онъ ставеть въ-тупикъ, а если и запомнить слова

учителя, то, повѣрете, будетъ повторять ихъ безъ всякаго интереса; тогда какъ при образованіи юношества главное дѣло возбуждать интересъ къ предмету ученія. Напротивъ, одѣньте ту же самую мысль въ оболочку наглядности, вы увидите какъ вѣрнется она въ душу ребенка, если только вы умѣете съ нимъ говорить. — Дѣти точно такъ же, какъ и взрослые, не любятъ, чтобъ имъ читали наставленія и явно руководили ихъ на всякомъ шагу. Съ ними надобно быть очень осторожно. Начните представлять ребенку всѣ возможные доводы, почему онъ долженъ поступать такъ, а не иначе, вы, при величайшихъ усиліяхъ, не сдѣлаете ничего; развѣ только надобитъ ему до смерти. Представьте ему напротивъ, живою, увлекательнымъ примѣромъ, въ видѣ случайнаго разказа, — ребенокъ самъ собою достигнетъ цѣли, къ которой вы залумали вести его, и достигнетъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что шель безъ принужденія, добровольно.»

163) Дѣдушка Крыловъ. Книга для подарка дѣтямъ. Съ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни. Картинки рисованы: Агннѣмъ, литографированы во французской литографіи Поля Пети. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. Крыля. Въ 12-ю д. л. 108 стр.

Въ этой книгѣ собраны всѣ подробности о жизни Крылова, какія только можно найти въ разныхъ журналахъ. Книжка занимательная и полезная не для однихъ дѣтей. Картинки недурны, а портретъ едва-ли не самый сходный съ оригиналомъ изъ всѣхъ оригинальныхъ и литографированныхъ портретовъ Крылова.

164) Географія для Дѣтей, составленная О. Студитскимъ. Азія, Америка, Океанія и Африка. Санктпетербургъ. Въ тип. Департамента Высшей Торговли. 1845. Въ 16-ю д. л. 123 стр.

Это окончаніе труда г. Студитскаго, давно уже начатаго. Книжка его хорошо составлена и должна быть очень-полезна дѣтямъ для пригготовительнаго изученія географіи.

165) Краткій Географическій Атласъ. Составилъ С. Барановскій. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній.

Атласъ г. Барановскаго заслуживаетъ особеннаго вниманія преподавателей: онъ составленъ не по старой рутинѣ, но сообразно съ современнымъ состояніемъ въ Европѣ преподаванія географіи, и принятъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ число учебныхъ пособій для уѣздныхъ училищъ. Атласъ заключаетъ въ себѣ шесть картъ, которыя въ 25 чертежахъ содержатъ все необходимое для изученія географіи не въ одноиъ политическомъ, но и физическомъ, геологическомъ и климатическомъ отношеніяхъ.

166) Картины изъ Исторіи Дѣтства Знаменитыхъ Музыкантовъ. Переводъ съ французскаго. Подъ редакціею Михайла Чистякова. Съ 6-ю картинками. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Департамента Внѣшней Торговли. Въ 16-ю д. л. 222 стр.

Эту книжку дѣти могутъ читать съ удовольствіемъ и пользою. Она переведена какъ слѣдуетъ. Жаль только, что картинки, не смотря на двойной тонъ ихъ, довольно-неблагообразны.

167) Шість Сказокъ для Дѣтей. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. 1845. Во французской типографіи. Въ 16-ю д. л. 160 стр.

Тутъ собрано шесть преустьихъ сказокъ, и 36 премиленькихъ картинокъ съ 94 премиленькими выветками.

168) Разказы для Дѣтей. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Фишера. Въ 72-ю д. л. 156 стр.

Книжка — такъ себѣ, не то, чтобъ плохо, не то, чтобъ хороша. Издана красиво.

169) Подарокъ Дѣтямъ. Азбука. Съ примѣрами для постепеннаго чтенія, украшенная картинками К. Т. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л. 40 стр.

Картинки недурны, изданіе хорошо; но азбука изъ-рукъ-вонъ плоха.

170) Священная Исторія для Дѣтей, выбранная изъ ветхую и новую завета Анною Зонтагъ. Дѣвъ части. Изданіе четвертое. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 399, во 2-й—409 стр.

Одостоинствѣ этой исторіи говорить нечего: она признана всѣми, чему лучшимъ доказательствомъ служить ея четвертое изданіе. Напечатана эта книга изящно, хотя и безъ картинокъ. Досихъ-поръ у насъ нѣтъ книги, изъ которой дѣти такъ легко и скоро могли бы научиться священной исторіи, какъ книга г-жи Зонтагъ.

171) Французская Азбука, съ присовокупленіемъ десяти разговоровъ, составленныхъ по новому методу Федоромъ Куртнеромъ. (A B C D E F G H I J K L M N O P Q R S T U V W X Y Z AVEC DIXES DE CONVERSATION FRANÇAISES). Изданіе пятое. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 12-ю д. л. 96 стр.

172) Новѣйшая Французская Азбука, составленная по новой методѣ, посвящаемая прилежнымъ дѣтямъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 12-ю д. л. 94 стр.

Двѣ азбуки — разнаго достоинства. Одна составлена по новому методу, другая по новой методѣ. Первая есть азбука французскаго учителя (du grammaire français), другая посвящена прилежнымъ дѣтямъ на первой страницѣ, и à ton ami — на второй, изъ чего и видно, что всѣ прилежныя дѣти суть — другъ автора «Новѣйшей Азбуки». Азбука г. Куртнера напечатана чисто и исправно, достигла пятого изданія и безъ сомнѣнія достигнетъ слѣдующихъ: ее должно рекомендовать дѣтямъ; азбука господина, которому всѣ прилежныя дѣти — другъ, напечатана грязно, съ орфографическими ошибками: рекомендовать ее грѣшно, особенно прилежнымъ дѣтямъ, которыя должны помнить стихъ Пушкина: «Охъ, эти мнѣ друзья, друзья!»

173) Драгоценный Подарокъ Дѣтямъ, или новѣйшая російская азбука, содержащая въ себѣ всѣ нужныя

шил и полезныя прокятія. Для дѣтей обою пола. Скъдомъ изданіе. Москва. Въ тип. скоропечатанія В. Кирилова. 1845. Въ 12-ю д. л. 70 стр.

Вотъ такія азбуки должно непременно рекомендовать дѣтямъ: дѣти, отрицательнымъ образомъ, узнаютъ изъ нихъ много полезныхъ свѣдѣній. Они узнаютъ, что такое дурныя азбуки, дурныя картинки, дурная печать и дурныя типографіи; а отсюда уже, по закону противоположности, составляютъ себѣ понятіе о хорошихъ азбукахъ, хорошихъ картинкахъ, хорошей печати и хорошей типографіи.

174) Кратков Начертаніе Русской Исторіи, составленное для руководства при первоначальномъ изученіи русской исторіи, профессоромъ Иваномъ Кайдановымъ. Изданіе шестое. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 74 стр.

Имя г. Кайданова избавляетъ насъ отъ труда говорить объ этой книжкѣ, напечатанной на бумагѣ, въ которую завертываются сахарныя головы.

175) Пара Новыхъ Русскихъ Росказней, Ивана Ваненко. 1. О солдатѣ Яшкѣ красной рубашкѣ синія ластовицы. 2. О молодомъ Ильѣ жениатомъ да о льсомъ Мартышѣ торожатомъ. Второе изданіе исправленное и дополненное. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 18-ю д. л. 150 стр.

Мы уже не въ первый разъ знакомимся съ талантомъ г. Ваненко. Читатели «Отеч. Записокъ» вѣроятно знаютъ наше мнѣніе объ этомъ даровитомъ расказникѣ. Итакъ вѣтъ нужды повторять сказанное прежде. Въ предлагаемой любопытству охотниковъ до всякихъ русскихъ и нерусскихъ сказокъ книжкѣ, главную ролю, какъ и всегда, играетъ русская удаля, которая пользуется слабостію и простотою другихъ не изъ какихъ-нибудь дурныхъ и низкихъ расчетовъ, а единственно только потому, чтобъ показать свою отвагу, особенно если нашелся къ этому благопріятный случай, и,

какъ говорятъ, рука подошла. На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ— вотъ универсальное правило, которымъ руководствуется ловкость во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, и которое служитъ для нея оправданіемъ во всякихъ изворотахъ. Опираясь на это драгоценное правило, бойкость ума перешагиваетъ какое-угодно препятствіе: для нея всегда прямая, ровная, гладкая дорога, и тамъ, гдѣ задумалась бы, а можетъ-быть пришла въ тупикъ совѣтственная логика, она выйдетъ, по пословицѣ, суха изъ воды... Часто она гудится не для себя только самой, а чтобъ помочь простотѣ, недогадливости другаго, и выручить его изъ бѣды,—и здѣсь-то во всемъ блескѣ обнаруживается ея добрая душа, которая если и хитритъ, то съ доброю цѣлю, съ благимъ намѣреніемъ оказать услугу товарищу. Будьте увѣрены, что эта удаля не ударитъ себя въ грязь лицомъ, никогда не собьется на кривую, ложную дорогу, не попадетъ на колею безнравственности и разврата, а потѣшившись вдоволь на своемъ вѣку, оставитъ наконецъ всѣ свои проказы, будетъ жить смиреннѣе и честно, и только иногда, подъ веселый часъ, вспоминать свои шашни, и расказами объ нихъ потѣшать почтеннѣйшую публику. Вы, можетъ-быть, не вѣрите, чтобъ человѣкъ, познакоившись съ прелестію порока, легко могъ отстать отъ него, когда ему вздумается и сдѣлаться малымъ порядочнымъ; вы, можетъ-быть, думаете, что привычка въ насъ часто бываетъ сильнѣе желанія, и побѣдитъ ее гораздо труднѣе, нежели пріобрѣсти. Но мало ли чему вы не вѣрите, и что вы думаете, намъ до этого дѣла вѣтъ. Въ отвѣтъ на всѣ ваши возраженія, мы приведемъ пословицу, даже, если угодно, двѣ: *нелюбо не слушай, а мать не мѣшай*, и еще: *изъ сказки слова не выкинешь*. Вотъ, на-прим., солдатъ Яшка, сколько ни дѣлалъ проказъ въ своей жизни то съ старухами, то съ мужичками-разношниками, то съ Жидками, но, получивъ отставку и возвратясь на родину, бросилъ всѣ свои проделки и

сталъ вести жизнь тихую и степенную. А Мартыкъ, тороватый удалствомъ да ловкостью, помогъ даже Ильѣ простому и глуному воротить все, что онъ потерялъ по своей простотѣ, и, сверхъ того, научилъ его еще уму-разуму, какъ обращаться съ своею супружницею, не давать ей воли, не потакать ей прихотямъ, а держать ее въ ежовыхъ рукавицахъ. Уиѣныя г. Васенко дать своимъ рассказамъ живость и занимательность, его искусство подладить подъ тонъ русской, простонародной рѣчи, поддѣлаться подъ характеры изображаемыхъ имъ лицъ, могутъ служить вѣрною порукою въ томъ, что сказки его будутъ читаться не безъ удовольствія.

176) Старикъ Колдунъ, по прозванью Чортовъ - Умъ. *Новѣйшая народная русская сказка* Алексѣя Поспѣлова. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 12-ю д. л. 45 стр.

Новѣйшая русская сказка г. Алексѣя Поспѣлова, сверхъ этихъ титуловъ, названа еще народною. Значить, рецензентъ неволенъ говорить объ ней своего мнѣнія. Народные писатели имѣютъ у себя свои идеи, свои правила для составленія того или другаго народнаго произведенія. По-этому и о сказкѣ г. Поспѣлова можно сказать только, что она дѣйствительно-народное произведеніе, и конечно; и сужденіе и заключеніе — все тутъ. Главное дѣло народнаго писателя состоятъ въ томъ, чтобъ онъ умѣлъ озаглавить свое сочиненіе — въ этомъ весь трудъ его и вся способность. Обдумывая заглавіе, народный писатель долженъ имѣть въ виду не сочиненіе, но своихъ читателей. Онъ долженъ озаглавить не такъ, чтобъ заглавіе годилось для сочиненія, или сочиненіе для заглавія: ему необходимо выбрать такое заглавіе, которое годилось бы читателямъ. Каково, на-прим., заглавіе сказки г. Поспѣлова - Старикъ Колдунъ, Чортовъ-Умъ? Народный писатель, подъ титуломъ книги своей долженъ сказать, что сочиненіе его народное, а не другое какое. У

г. Поспѣлова и въ этомъ нѣтъ упущенія: «Русская Народная Сказка». Также освящено обыкновениемъ народныхъ писателей прописывать послѣ заглавной странички коротенькіе или длинныя умилостивительныя и пустыя стихи «Къ моимъ читателямъ», «Къ моему рецензенту». Но г. Поспѣловъ поступилъ гораздо-благоуразумнѣе въ этомъ дѣлѣ. Онъ бережетъ свой стихъ, и потому вмѣсто всякихъ стипиковъ привелъ пословицу: «попытка не шутка, спросъ не бѣда». Наконецъ, содержаніе народныхъ сочиненій не имѣетъ въ себѣ никакого содержанія, хотя сочинители народные и наполняютъ его пустяками, а чаще негѣпостями. Г. Поспѣловъ выводитъ колдуна-обманщика, рассказываетъ объ его проделкахъ, а въ-заключеніе спрашиваетъ своихъ читателей: «Почему у насъ часто кличутъ тигромъ, львомъ, кого должно бѣзъ звать щенкомъ?» Вмѣсто этого, лучше бы онъ представилъ намъ народнаго писателя, разукрасилъ бы его такъ, чтобъ они разинули рты, глядя на него, и спросилъ бы ихъ потомъ, что-молъ рты-то развѣаете и платите деньги за всякую чепуху?—да больше бы и не писалъ ничего. Тогда дѣло было бы поближе къ правдѣ и пользѣ.

177) Сельское Чтеніе, *книжка первая, составленная изъ трудовъ*: А. Ф. Вельтмана, Н. С. Волкова, С. С. Гадурина, В. И. Дала, П. И. Иванова, М. Н. Загоскина, П. И. Побѣдина, К. Ф. Энгельке, *книжки* Одоевскимъ и А. И. Заблоцкимъ. (Изданіе четвертое). Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Министертства Государственныхъ Имуществъ. Въ 8-ю д. л. 136 стр.

178) Сказка о двухъ Крестьянахъ (,) Домостроительномъ и Распорядительномъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Кограда Вилсера. 1844. Въ 8-ю д. л. 37 стр.

О Сельскомъ Чтеніи нечего больше сказать, какъ только, что его первая книжка выходитъ уже четвертымъ изданіемъ, и что до-сихъ-поръ ее напечатано сѣмнадцатыи тысячь. Это теперь классическая книга для чтенія просте-

людинамъ. Странно только, что, по при-
иѣру ея, вышло много книгъ въ этомъ
родѣ, и не было ни одной, которая
бы не была положительно-дурна и не-
дѣльна. Вотъ хоть бы *Сказка о Двухъ Кре-
стьянахъ*: и для дѣтей бесполезно вы-
сать и издавать подобные вздоры, а
для крестьянъ—просто смѣшно. Сочини-
тель этой книжки думаетъ, что рус-
скій мужикъ—дуракъ пошлый, и что
какую нелѣпость ни прочтеть, такъ и
повѣритъ ей. Нѣтъ, русскій мужикъ,
правда, грубъ, невежественъ и не-
опытенъ, но не только не глупъ, а на-
противъ очень-уменъ, смысленъ и ду-
лавъ, всегда себѣ-на-умъ, и всегда ге-
товъ подсмѣяться надъ иными сочини-
телями, какъ подсмѣивается умный
надъ простошлей... Одинъ крестьян-
нинъ былъ трудолюбивъ, бережливъ
и трезвъ,—и за то былъ богатъ и сча-
стливъ; другой крестьянинъ былъ
лѣнь, пьяница и лѣнтяй, — и за то об-
нищалъ, сдѣлался негодованъ и про-
валъ ни за денежку. Нравоученіе:
«Нужно ли послѣ того убѣждать васъ,
дѣтки, чтобъ вы жили такъ, какъ жилъ
Николай Кузмичъ и болѣе жить
такъ, какъ жилъ Федоръ Василье-
евичъ. Нѣтъ; и безъ убѣжденій вѣ-
дно, что вы все хотите быть Николая-
ми Кузмичами. Читайте только по-
чаще эту сказку; вы будете ими». Имен-
но, только читайте почаще этотъ
вздоръ: больше ничего не надобно для
вашего благосостоянія. Сочинитель
думаетъ, что безъ него мужикъ не
знаетъ слѣдствій правды и пьян-
ства, трудолюбія и трезвости. Нѣтъ,
мужикъ знаетъ больше самого сочи-
нителя: онъ знаетъ, что иногда, и да-
же очень-часто, и пьешь и лѣнишься—
ѣсть нечего, и не пьешь и трудишься,
а все ѣсть нечего. «Всякъ бываетъ!» —
скажетъ онъ вамъ, почесывая въ за-
тылкѣ: «а эти сказки мы-ста слыха-
ли!»—*Сельское Чтеніе* старается побѣ-
дить въ мужикѣ его національные
предразсудки, каковы: отвращеніе отъ
иныхъ нововведеній, отъ всего, чего
не было при его отцахъ, отъ безнечно-
сти, которая мѣшаетъ мужику брать

мѣры предосторожности противъ не-
счастливыхъ случаевъ, и т. п. Отъ-того,
мужику и полюбилось *Сельское Чтеніе*.
А въ морали онъ не нуждается; пожа-
луй еще поучить васъ, да лучше ва-
шего—съ прибаутками, съ красными
словцомъ.

Къ *Сказкѣ о Двухъ Крестьянахъ* при-
ложена *Сказка для крестьянскихъ дѣту-
шекъ, о двухъ момахъ* (.) *добрѣй и сердеч-
той*. Она оканчивается такъ: «Теперь
скажите, милые дѣтушки, которой вы
хотите лучше быть—Машей или Па-
шей? Я вижу, знаю, вы все хотѣли
бы быть Машами», и т. д. Не мы на-
велили изъ этихъ сказокъ совсѣмъ дру-
гую мораль, а именнo: не должно пи-
сать книгъ для народа тѣмъ писателямъ,
которые не знаютъ народа, ни его ха-
рактера, ни его обычаевъ, ни его об-
раза жизни, ни его потребностей, ни
русскаго языка, ни руссои граммо-
ты...

179) Народный Русскій Пѣсен-
никъ. *Собранный* В. Т. Изданіе тре-
тیه. Москва. Въ тип. скоропечатанія
В. Кирилова. 1845. Въ 16-ю д. л. 77
стр.

180) Анекдоты о Балакиревъ,
*бывшемъ шутѣ при дворѣ Царя Вели-
каго*. Собранныя А. В. А. Изданіе тре-
тیه. Москва. Въ тип. скоропечатанія
В. Кирилова. 1845. Въ 12-ю д. л. 51
стр.

Книжки — совершенно равнаго до-
стоинства: и та и другая собраны
очень-дурно. В. Т. не умѣетъ отличить
народныя русскія пѣсеня отъ *пѣсенъ
галлереянскихъ*, которыя пѣвались съ
аккомпаньманомъ гитары, съ воспе-
деніемъ томныхъ глазъ на небо: точно
такъ же г. А. В. А. не умѣетъ отличать
умныхъ шутокъ Балакирева отъ про-
стыхъ глупостей. Все то, что дѣлалъ
Балакиревъ, ему кажется забавнымъ, и
онъ безъ разбора печатаетъ все это на
срѣйшей бумагѣ.

181) Жизнь безъ горя и печали.
Солдатская сказка. Изд Меркулыча
Щараго. Санктпетербуръ. 1845. Во
французской тип. Въ 16-ю д. л. 94
стр.

Эта солдатская сказка написана, по всему видно, не солдатомъ, а баринномъ, который только прикинулся простымъ солдатомъ; для чего же прикинулся — не знаемъ: книжка издава такъ мящно, что едва-ли прійдется по солдатскому карману (цѣна ея, впрочемъ, намъ неизвѣстна). Стихи, можетъ-быть, показались бы для солдатъ хорошими; но публикѣ другаго разбора едва-ли прійдутся по вкусу.

182) Царница Ночи. *Переводъ съ немецкаго Адольфа фонъ Имзена. Санктпетербургъ. Въ тип. Х. Гинца. 1845. Въ 8-ю д. л. 30 стр.*

Царница Ночи — вздорная нѣмецкая сказка, о которой не стоить труда говорить; но она очень-замѣчательна по посвященію въ патетическомъ родѣ, и по предисловію въ юмористическомъ родѣ, которыми г. фонъ Имзенъ открылъ свое вступленіе на поприще литературное. То и другое такъ хорошо, что достойно перейти въ отдаленнѣйшему потомству. Вотъ патетическое посвященіе:

«Носающаяся любезнѣйшимъ родителямъ, ихъ высокоблагородіямъ, Карлу Ивановичу и Юліи Карловнѣ Фонъ Имзенъ.»

Любезнѣйшіе родители!

Посвятить всю жизнь вашу общей пользѣ, вы не вполне собрали плоды, достойные вашей благонамѣренной дѣятельности. Высоко цѣня вашу добрую, распорядительную волю, какъ родителей и добрыхъ гражданъ, я осмѣливаюсь просить васъ о неотъемлемой для меня милости. Позвольте украсить вашимъ именемъ слабую попытку моей любознательной дѣятельности.

Поощряемый примѣромъ вашей, всегда заботливой о благѣ общемъ, жизни, я нахожу себя вполне соответствующимъ вашему патриотическому ожиданію, но *agis longa vita brevis* (вѣкъ живи, вѣкъ учись) буду(е)тъ девизомъ моей жизни — и я постараюсь быть подобно вамъ, полезнымъ гражданиномъ. *Адамы фонъ Имзенъ, юнкернѣйшій и преданнѣйшій сынъ.*

А вотъ предисловіе въ юмористическомъ родѣ:

«Желая видѣть опытъ перевода моего въ печати, я не имѣю въ виду ничего, кромѣ неизгасимой дѣтской любви къ неопредѣленнымъ попеченіямъ родителей, о благѣ моей будущности. Въ вѣкъ литературной славы (?), брошюрка эта не стоить никакой рецензіи. Одна только смысловая любовь льститъ меня надеждою, что печатный строкъ сіи развлекутъ на минуту вниманіе сокрушающихся о великихъ семейныхъ потеряхъ родителей, дышавшихъ любовью ко благу общему.»

Посвящая имени любезнѣйшихъ родителей опытъ моего перевода въ печати, бю челомаз о сыру землю господамаз критикъ и публикѣ не расклеивать по зернышку эту не бездѣльную для сѣтеля жатву, но допустить ее до свободного развитія въ чернильномъ типографскомъ воздухѣ — и авось при снѣжемъ здоровомъ климатѣ русской литературы, она не принесетъ колючаго тернія, а цо-крайней-мѣрѣ на минуту займетъ вниманіе огорченныхъ судьбою родителей — вотъ всѣ цѣль изданія этого перевода. Попадн же меня, милосердая критика, и дай случай доказать смысловую почтительнѣйшую любовь, а не щегольскую выходку литературнаго новичка, восторгающаго вниманія премудрой публики. *Переводчикъ.*»

Трогательно, остроумно, поучительно, а, главное, умно! По всему видно, что г. Имзенъ далеко поидеть.

183) Магическая Стрѣлка или вѣрнѣйшее изъ вѣрнѣйшихъ изданій на картахъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 32-ю д. л. 78 стр.

Чтобъ получить вѣрный отвѣтъ на задуманное, магическая стрѣлка подаетъ условіемъ не припоминать ни имени, ни фигуры блага медвѣдя!! Должно быть, это острота, которую трудно понять безъ комментаріевъ. Какъ подумаешь о тѣхъ, кто сочиняетъ подобныя остроты, потомъ о тѣхъ, кто восхищается ими, потомъ объ отечественной литературѣ... такъ, право, пожмешь только плечами и скажешь: «что это, право, за вещь така! огурець не огурець, тыква не тыква...»

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

19) *DER BRIEF PAULI AN DIE EPHESER neu übersetzt und erklärt. Zum Gebrauch der Glieder der Evangelischen Kirche. Mit Genehmigung der Evangelischen Kirchlichen Behörde. Von Dr. Karl Sederholm, Evang. Divisionsprediger (Послание Апостола Павла къ Ефессяамъ). Москва. Въ университет. тиз. 1845. Въ 8-ю д. л. 50 стр.*

Переводъ Посланія Апостола Павла къ Ефессяамъ, сдѣланный г-мъ Зедергольмомъ, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій въ протестантской церковной литературѣ. Мысль, лежащая въ основаніи этого труда, достойна уваженія и подражанія. Издателемъ руководило не суетное желаніе блеснуть оригинальностью и заслужить имя теолога въ ученомъ мірѣ, но глубокой христіанское убѣжденіе въ необходимости и важности принятой имъ на себя задачи.

Во введеніи къ своему переводу, авторъ представляетъ удовлетворительное изложеніе исторіи Ефеса, для котораго преимущественно было назначено посланіе апостола Павла, рассказываетъ обстоятельства пребыванія учителя языковъ въ этомъ городѣ, распространеніе христіанства между его жителями, желаніе апостола утвердить навсегда въ сердцахъ обращенныхъ посявныя имъ истины, побудившее его написать къ нимъ послѣднее завѣщаніе своей любви. Г. Зедергольмъ раздѣляетъ посланіе на двѣ части, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ главные догматы христіанскаго вѣроученія, а другая содержитъ въ себѣ

краткій кодексъ нравственныхъ правилъ, на которыхъ основывается семейная и общественная жизнь человека. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ свои подраздѣленія по предмету частнаго содержанія всякой главы, чтобъ читатель удобнѣе и яснѣе могъ обнять своимъ умомъ и запечатлѣть въ памяти общность цѣлаго посланія. Параллельно первоначальному тексту лютерова перевода идетъ собственный переводъ автора, который называетъ его объяснительнымъ. И дѣйствительно, сличая тотъ я другой переводъ, невольно отдаешь предпочтеніе послѣднему относительно вразумительности, ясности и удобопонятности. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что авторъ только въ тѣхъ случаяхъ отступаетъ отъ первоначальнаго текста, котораго онъ строго держится и безъ нужды не оставляетъ, когда длиннота періода или неясность выраженія затемняетъ мысль посланія. Внизу перевода авторъ помѣстилъ болѣе-точное и обстоятельное изложеніе текста, содержаніе котораго черезъ это выигрываетъ въ болѣе полной и опредѣленности. А духовныя и нравственныя объясненія нѣкоторыхъ словъ, выраженій и мыслей текста, представленные въ видѣ выписокъ, показываютъ въ переводчикѣ глубокое и вѣрное знаніе духа писанія.

20) *СНЕМКИ ГИДРО-ТЕЛЕГРАФЪ, по новому системѣ de communications, par A. Idzkowsky (Земноводная Дорога, или новая система сообщеній. А. Идзковскаго). Санктпетербургъ. Въ тиз. К. Крайя. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Въ этой небольшой брошюрѣ изложена мысль о новомъ способѣ сообщеній. Предлагаемая система состоитъ въ извѣстномъ числѣ каналовъ, проведенныхъ горизонтально, выше и ниже, смотря по требованію мѣстности. Отъ канала до канала проведены по легкой наклонности два ряда колесъ, такъ-что лодка, окончивъ плаваніе по одному каналу, скатывается по колесамъ въ другой. Приложенные рисунки и текстъ достаточно объясняютъ общія положенія этой новой идеи. Авторъ увѣренъ въ превосходствѣ своей системы передъ системою желѣзныхъ дорогъ. Въ доказательство, онъ взялъ линію желѣзной дороги отъ Варшавы до прусской границы и примѣрно исчислилъ издержки и удобоприлагаемость изобрѣтеннаго имъ способа. Сравнивая желѣзную дорогу съ земноводною, онъ находитъ, что скорость сообщеній будетъ та же, удобство и безопасность гораздо-больше и, главное, разница въ издержкахъ на устройство—огромная.

Вотъ содержаніе брошюры. О достоинствѣ новой мысли предоставляемъ судить знающимъ дѣло въ подробности.

21) *L'Étoile Rouge, ou six mois d'une vie privée. Nouvelle d'Arthur Dudley, dramatisée en quatre actes, par Paul d'Iznel. Москва. Въ тип. А. Семена. Въ 8-ю д. л. 164 стр.*

Читатели «Отечеств. Записокъ», могутъ-быть, помнать повѣсть *Красная Звѣзда*, содержаніе которой довольно-любопытно и которая тогда нравилась. Изъ этой-то повѣсти г. Paul d'Iznel составилъ мелодраму довольно-плохую. Онъ, видно, не былъ наученъ горькою опытною, которая ясно доказала многими, что условія повѣсти и драмы различны, что изъ хорошей повѣсти рѣдко выходитъ хорошая драма, и наоборотъ.

22) *Aux Amis de la Jeunesse et des Proscrits. Lecture graduée et méthode questionnaire. Москва. Въ универ-*

ситетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. XVII и 177 стр.

Взглянувъ на половину заглавія, вы подумаете, что идетъ дѣло объ усовершенствованіи рода человѣческаго, обновленіи людей, вліяніи новой жизни на новыя поколѣнія... Но вторая половина выводитъ васъ изъ заблужденія, смиренно увѣдомляя, что *progrès* заключается въ постепенномъ чтеніи и вопросительной методѣ!! Было изъ чего трудиться надъ пышнымъ заглавіемъ! Предисловіе автора, зыщающаго къ друзьямъ юности и успѣховъ, еще пышнѣе. Онъ до того простираетъ свое почтеніе къ французскому языку, что русскій, отечественный языкъ нашъ называетъ камнемъ преткновенія... нѣтъ, подводнымъ камнемъ для учителей-Французовъ и для ихъ питомцевъ. Какъ для философа нѣтъ ничего дороже его системы, такъ и для автора нѣтъ ничего милѣе и драгоцѣннѣе французской азбуки. Его дружба къ юности и правило успѣховъ выражаются, à peu près, слѣдующимъ образомъ: «Забудьте, друзья мои, русскій языкъ, и не забывайте никогда языка французскаго: c'est un écueil bien difficile à éviter, au moins en Russie». Съ этимъ нельзя не согласиться: въ Россіи трудно набѣжать русскаго языка.

Не во гнѣвъ будь сказано Французамъ вообще и учителямъ французскаго языка въ-особенности, ихъ понятія о преподаваніи языковъ—самыя плохія, самыя узкія. Ноэль и Шансаль, Бешерель—для нихъ свѣтила первой величины, безъ которыхъ они погружались во мракъ. Гумбольдта, Гримма, Боппа и Беккера они едва-ли знаютъ по-наслышкѣ. Вотъ почему почти каждый французскій учитель считаетъ обязанностію имѣть свою собственную методу, не подозревая того, какъ смѣшно толковать о методахъ безъ основательныхъ свѣдѣній въ философской, сравнительной и исторической грамматикѣ, безъ знанія другихъ языковъ, кромѣ своего собственнаго, которому онъ выучился ходу, наконецъ безъ

истинно-рационального знакомства съ своимъ языкомъ. Онъ только говорить: та méthode, какъ нѣкоторые учителя въ клѣткахъ говорятъ: та шіе, что очень-смѣшно.

Авторъ, вызывающій къ друзьямъ юности и успѣховъ, запасся тоже своею методою; онъ тоже говорить: та méthode. Эта метода самая невинная. Въ основаніе ея положена слѣдующая допотопная истина: «pour parler une langue étrangère, il est indispensable de posséder un grand nombre de mots et de savoir les réunir en phrases régulières». Если не совсѣмъ-ново, то по-крайней-мѣрѣ вполне-справедливо: безъ словъ говорить нельзя! Одно изъ условій успѣховъ состоитъ въ томъ, чтобъ страницы дѣтскихъ тетрадей раздѣлить на двѣ части вертикальною линіею: на одной сторонѣ напишется, на-прим., единственное число словъ, на другой: множественное. Потомъ, учитель, держа въ рукѣ (на всякій случай) линейку или палочку, долженъ внимательно слушать отвѣты учениковъ—безъ этого нѣтъ методы. Къ-тому же, это и не трудно: надобно имѣть чуткій слухъ, т. е. хорошо-устроенныя уши: «L'oreille du maître exercé distinguera une prononciation vicieuse aussi facilement qu'un maître de chapelle distingue une fausse note dans son orchestre».

Вотъ въ чему сводятся всѣ эти такъ-

называемыя методы французскаго языка! Мы бы желали спросить автора, друга юности и успѣховъ, для кого назначаетъ онъ свою книгу: для учителей французскаго языка?—Напрасный трудъ: у каждаго изъ нихъ давно есть своя метода; каждый говоритъ: c'est ma méthode!

23) ENTRETIENS DE JEUNES PERSONNES, à l'usage de mes chères élèves. Sophie Baltus (Бесѣды Молодыхъ Дѣвицъ, на пользу моимъ милымъ воспитанницамъ. Софія Бальтюсъ). Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 8-ю д. л. 266 стр.

Въ замѣну всѣхъ друзей юности и успѣховъ, новыхъ и новѣйшихъ методъ, рекомендуемъ этотъ сборникъ употребительныхъ разговоровъ, умныхъ по своему содержанию, нравственныхъ по направленію. Въ этой книгѣ можно найти бесѣды о томъ, о чемъ дѣйствительно заводится рѣчь въ обществѣ или, по-крайней-мѣрѣ, между молодыми дѣвицами.

24) ELEMENTS DER ARITHMETIK. F. W. (Основанія Ариметики. Ф. В.). Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Комп. 1845. Въ 8-ю д. л.

Обыкновенная ариметика, ничѣмъ-неотличающаяся отъ прочихъ обыкновенныхъ и всѣмъ извѣстныхъ учебниковъ этого рода.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

DAS DEUTSCHE STAATSLIBEN VON DER REVOLUTION. Von Clemens Theodor Pesches, ordentl. Professor der Rechte zu Bonn. Hamburg und Gotha. 1845 (Политическая Жизнь Германіи передъ революціей. Соч. Клеменса-Теодора Пертеса, *ординарн. профессора права въ Боннѣ. Гамбургъ и Гота. 1845.*)

Введеніе къ этому замѣчательному сочиненію заключаетъ въ себѣ вопросъ, который авторъ нахѣреть былъ разрѣшить.

«Пришло время» говорить оны: «когда одинъ за другимъ сошли съ попраша люда, смотрѣвшіе на Германію глазами зрѣлаго возраста. Правда, отцы наши не могли представить себѣ своего политическаго существованія безъ германскаго короля и безъ германскаго сейма, не могли вообразить Германіи безъ Регенсбурга и Ветцлара, и, не смотря на то, послѣдніа десятилѣтія прошедшаго вѣка такъ отдалены отъ насъ, что они по-видимому принадле-
Т. XI. — Отд. VII.

жать болѣе среднимъ вѣкамъ, чѣмъ въ стоящему времени. Между нами и вѣкомъ нашихъ отцовъ рѣзкую грань положила революція!

«Неудержимо устремился потокъ ея съ запада, то разрушая всѣ преграды съ дикимъ плескомъ горнато водопада, то подмывая въ тишинѣ основанія мѣлководнаго. Политическіа зданія отцовъ нашихъ испровержены постороннею силою или распались сами-собою; сглаженная почва покрывалась политическими обломками; воды новой жизни смыли ихъ; на мѣстѣ старыхъ воздвиглись новыа зданія. Одни радовались наступленію времени, когда [духъ] чело-вѣческой проявился во всей своей первобытной свѣжести и силѣ и разорвалъ окопы прошедшаго, которыми до нашего времени сковане было настоящее. Другіе съ гнѣвомъ и скорбію смотрѣли на требованія современныа, потому-что произволъ чело-вѣческой умнчтожалъ политическіа формы, основанныа на постановленіихъ церкви. «Богъ» говорили они: «отнялъ свою снисательную десницу и предоста-вилъ судьбу Германіи и европейскіихъ го-»

сударствъ человеческой самонадѣянности, которая съ сокрушительною быстротою улетитъ ихъ въ бездну гибели.»

«Настоящее государство германское можетъ разрушиться до основанія, не будучи истиннаго живаго сочувствія въ примерженцахъ обонхъ направленій. Нигдѣ всѣмъ не достаеетъ сознанія, что они составляютъ одно цѣлое съ германскимъ государствомъ настоящаго времени; въ нихъ нѣтъ животворнаго пламени патриотизма, и въ замѣтъ его жаждѣй потѣшннй огонь зажегъ стремленіе къ какому-то кумиру, котораго одни ищутъ въ будущемъ, другіе въ прошедшемъ. Сходныя въ холодности своей къ германскому государству настоящаго, во всемъ прочемъ оба направленія диаметрально-противоположны другъ другу. Одно не признаетъ, что Богъ гораздо-болѣе проявляетъ всемогущество свое въ духѣ человеческомъ, чѣмъ въ неорганической природѣ, и каждое политическое дѣйствіе почитаетъ возмущеніемъ противъ его воли. Другое, выводя необъяснимое возникновеніе земной жизни изъ свободы и необходимости, принимаетъ произволъ за единственно-возможную свободу, и избѣгаетъ всякаго ограниченія политической воли, какъ грѣха противъ духа человеческого, ставшаго его кумиромъ. Въ народѣ эта диаметрально-противоположность обнаруживается разрушительною битвою мнѣній въ правительствахъ, колебаніемъ между воспроизведеніемъ разбѣдненнхъ политическихъ началъ прошедшаго и практическимъ приложеніемъ политическихъ потребностей настоящаго.

«Фактическое положеніе, служащее основой обонхъ политическихъ направленій, заключается въ томъ, что революція разрушила германское государство прошедшаго столѣтія и создала германское государство настоящаго времени. Но мнѣнію ихъ, демотъ разрушенія протѣлъ по всѣмъ образованнымъ государствамъ Европы, и, переходя изъ одной страны въ другую, достигъ Германіи, и въ ней, какъ и вселѣ, разорвалъ многочисленныя путы, связывавшія настоящее съ прошедшимъ. Безъ сомнѣнія, всѣмъ извѣстно, что Германія безъ содѣйствія революціи не приняла бы той формы, которую имѣетъ теперь, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ наше настоящее имѣющую силу свою должно было искать въ революціи. Когда осознаніе будъ бунтовать въ дѣлахъ, то демотъ

одни мертвые стволы и засохшія вѣтви; но свѣжіе отпрыски будущаго года обязаны существованіемъ своимъ не силѣ урагана, а жизненной силѣ, заключенной въ самыхъ корняхъ дерева, которое вѣтшнмъ вліяніемъ освободилось отъ тягостной ноши прошедшаго.

«Революцію тогда только можно признать силою, уничтожившею государственное образованіе миновашаго и возсоздавшю государственное образованіе настоящаго, когда принятіе слѣдующихъ фактовъ будетъ основано на истинѣ: во-первыхъ, средневѣковые образы государства должны были въ прошедшемъ столѣтіи представлять нѣчто живое, несомнѣнное въ себѣ началъ смерти и сохранившее подъ развалинами древняго величія сѣмена, которыя бы изъ внутренней жгучей силы пробивались къ политическому образованію настоящаго. Во-вторыхъ, творческія силы прежней жизни нашего народа должны бы уничтожиться такъ, чтобъ только произволъ отдѣльных лицъ или сила событій могли опредѣлять образъ грядущаго. Рассмотрѣть исторически, истинны или ложны оба вышеизложенныя направленія—вотъ вопросъ, рѣшенію котораго посвященъ представляемый опытъ, и потому авторъ разсматриваетъ:

Во-первыхъ: Разрушеніе германской средневѣковой жизни и сѣмене новой политической будущаго.

Во-вторыхъ: Силы германскаго народа къ государственному образованію черезъ революцію.

Согласно съ этимъ вся книга г. Пергеса раздѣляется на двѣ части. Въ первой изложено образованіе и разрушеніе средневѣковаго государства, во второй состояніе германскихъ территорій черезъ революцію.

Первую часть труда своего авторъ раздѣляетъ на три отдѣла; въ первомъ развито значеніе свѣдѣнной Римской Имперіи для германскаго народа; второй занимается составомъ собственно-королевства германскаго; третій обласами германскими. Всѣ они исполнены множествомъ вѣрныхъ замѣтокъ, и если можно въ чемъ-нибудь не согласиться съ авторомъ, то невозможно не отдать ему полной справедливости, что трудъ его обилителенъ и выиснителенъ.

и ярнаго наблюдателя. Въ третьемъ отдѣлѣ, особенно-хороша глава «О состояніи государствъ германскихъ съ характеромъ европейскаго образованія»; подъ этимъ названіемъ авторъ разужаетъ Австрію и Пруссію. Вторая часть вибѣтъ болѣе-близкій, болѣе-современный интересъ, и потому мы преимущественно займемся ею; но чтобъ нѣсколько познакомить читателей нашихъ и съ первою частію этого замѣчательнаго труда, приведемъ слова г. Шертеса освященной Римской Имперіи, и потому вкратцѣ изложимъ отношенія Германіи къ Австріи и Пруссіи.

«Стремленіе народовъ» говоритъ авторъ (въ 1-мъ отдѣлѣ 1-й части): «принять участіе въ событіяхъ всемірной исторіи и гнѣкъ содѣйствовать къ образованію человечества, было во всѣ времена общаю нѣльмъ всѣхъ народовъ, не совѣтъ-длинныхъ; они дѣйствовали какъ-бы созная, что народы всего міра суть членами одного великаго единства; различныя вѣна производили всегда новые опыты къ пріобрѣтенію настоящаго единства для разбѣдиганннхъ членовъ человечества. Въ древности, когда самая точка исхода основана была на одномъ только врожденномъ стремленіи къ единству, появились опыты въ изощреннѣйшей степенн неосознанно. Отдѣльный, съ первѣйшими временн измѣнившійся народъ, почиталъ себя исключнтельно-назначеннымъ къ господству въ исторіи міра; общую дѣятельность прнхнхъ народовъ онъ ограничивалъ назначеніемъ сдѣлать орудіями его воли. Отъ него всемірная монархія, основанная на вѣкорннхъ, осталась единственною существовнною формою, въ которой могло проявиться истинное единство человеческого рода. Когда соединившая народы Имперія-Римская распалась на Восточную и Западную, тогда первая ослабѣла, а вторая разрушилась, тогда послѣ бури великаго переселенія, народы, отъ которыхъ зачатъо развитіе новѣйшихъ временъ, безъ связи разсѣяны были по всей Европѣ. Опыты соединить снова въ одну всемірную монархію развивались о суровости германскихъ племенъ, о равенствѣ ихъ храбрости и образованія. Со всѣмъ гнѣмъ, новое время сильнѣе древняго требовало единства; что всѣ народы состав-

ляютъ членовъ одного семейства и дѣйствуютъ однимъ духомъ. Такъ-какъ потребность эта началомъ своимъ вибѣдъ пріобрѣтаетъ сознание народовъ, что они всѣ принадлежатъ къ одному христіанскому семейству, то христіанство и опредѣлило возстановленія истиннаго нхъ единства; въ-слѣдствіе этого и форма, въ которой отпечаталось наконецъ стремленіе къ соединенію, должна была принять средневѣковую форму христіанства.

«Въ началѣ средннхъ-вѣковъ обнаружилось сочувствіе къ непосредственному духовному вліянію христіанства. Измени еще не приготовленное къ духовной жизни и мечомъ едва-набаленное отъ вѣчества, преимущественно старалось усвоить внутреннюю силу убѣжденія христіанскаго духа во вибншемъ авторитетѣ, вѣчную истину воплотить въ человѣческую личность, которая посредствомъ словъ свѣнхъ или дѣйствій могла бы внушить колѣбавшимся умамъ увѣренность въ ихъ вѣчномъ спасеніи. Общій ходъ исторіи и человеческое стремленіе встрѣтились съ общечувствуемою потребностью. Скоро привыкли народы въ римскомъ епископѣ видѣть св. отца, который отъ Бога получилъ на сохраненіе всѣ сокровища христіанства, который посредствомъ вѣрныхъ слугъ надбляетъ имъ всѣхъ, желающихъ сдѣлаться дѣтми его. Такъ-какъ всѣ народы, исповѣдывавшіе католическую вѣру, видѣли въ папѣ свое духовное средоточіе, т. е. чрезъ посредство Рима, они удовлетворяли себя соединеніемъ въ одно цѣлое. Но народоединительное могущество Рима было въ началѣ чисто-духовнымъ; потомъ, подобно вслѣдней военной власти, совмѣшавшей првеніе свое дѣйствовать духовно и увѣдншей невозможность достигнуть всего однимъ духовнымъ оружіемъ, стремилось уже воспользоваться внѣшннмъ влнннмъ. Для упроченія и распространенія христіанства, папская власть искала свѣтлнне некровнчествннхъ, которое въ средннхъ-вѣкахъ называли *advocatus ecclesiae* и для соединенія народовъ, прнннвшихъ католицизмъ, старалась видѣти посредника, который общенннмъ быльъ выраженіемъ *dominus mundi*. Но такъ-какъ *advocatus ecclesiae* и *dominus mundi* содѣйствовали другъ другу, такъ-какъ они стремились къ одной и той же нѣдѣ, то власть эту дамы времени обобщнлъ наименованіемъ священной Римской Имперіи. Впрочемъ, исторически-первоначаль-

было, чтобъ священная Римская-Имперія сдѣлалась существенною частью панства и оставила право въ обращеніи народовъ между собою. Духовная власть папы могла тогда только надѣяться на дѣятельное вспомошествованіе свѣтской власти, когда послѣдняя сосредоточилась въ рукахъ одного лица во всемъ христіанствѣ, когда священная Римская-Имперія главою своєю признала римскаго императора.

« Не подражая всемірнымъ монархіямъ древняго міра, которыя дѣйствовали покореніями, священная Римская-Имперія признаніе свое сознала въ самостоятельности народовъ и государствъ, въ ней соединенныхъ. Только къ исполненію обязанностей, принятыхъ ими на себя съ прилятіемъ христіанства, должна была поублаждать ихъ свѣтская власть императора, и то тогда только, когда они не хотѣли подчиниться религіозной власти папы. Невѣ основаніи новой зависимости, но въ утвержденіи прежней, заключалась сущность Римской-Имперіи, которая въ то время упрочила религіознымъ обязательствамъ характеръ права. Возможность существованія римскаго императора, власть котораго должна была устроиться не на покоренные народы, не смотря на буйный стремленія къ войнѣ, — вызвана была средними вѣками для того, чтобъ упрочить германскимъ элементамъ перейти въ значительныхъ европейскихъ государствахъ и привести ихъ къ сознанию единства племени, чтобъ гѣмъ укрѣпить естественное сознаніе единства христіанскаго. Императорская власть основалась исключительно въ государствахъ, полныхъ мощными германскими элементами, потому что Греческая-Имперія почиталась государствомъ второстепеннымъ, а поселенія славянскихъ племенъ казались незначительными. Только къ одному народу германскаго племени могло прикинуть императорство, и, разумѣется, къ тому, въ которомъ германская натура выразилась всего чаще и сильнѣе, слѣдовательно къ обитателямъ Германіи, которые по положенію своей родины, по общему ходу исторіи и по собственной силѣ и достоинству, должны были долге хранить императорскую корону, завоеванную Отто-мъ-Великимъ.

« Священная Римская-Имперія германскаго народа была освящена церковью, возвышена позвѣіемъ среднихъ вѣковъ, облечена правобѣдами въ формы закона, и прошла всю жизнь народа, между-тѣмъ,

какъ народная фантазія придала ей волшебное могущество, которыми одарены были скачущіе образы всѣхъ временъ и преимущественно средневѣковой Германіи. « Уже пророкъ Давидъ возвѣщалъ « оъ Имперіи-Римской, уже съ Авестомъ « Петръ предсказалъ, что она отъ Римлянъ « перейдетъ къ Германцамъ (*); только съ « концомъ міра можетъ окончиться она. « Тогда послѣдній римскій императоръ « отправится въ Іерусалимъ, сложитъ золотую корону свою къ подножію св. « креста и передастъ владѣніе свое Царю « Царей! Господь возьметъ въ небо крестъ « и корону, и тогда придетъ сынъ бѣд- « ствія, и нужда и зло распространится « по всей землѣ». Вознесенная всѣмъ силами, наполнявшими жизнь народную, блистательно развилась идея Римской-Имперіи. « Отъ священной имперіи, какъ « отъ основанія всего благороднаго, великое « достоинство получаетъ свое начало, какъ « все въ мірѣ отъ солнца получаетъ свѣтъ. « Императоръ сіяетъ какъ звѣзда изъ « тумана; такъ-какъ всѣ сокровища выс- « шнихъ властей соединены въ немъ, то « самъ онъ не признаетъ надъ собою никакой « верховной власти, кромѣ Бога и « сѣча. Правда, Богъ оставилъ на землѣ « королей, князей и влѣстителей, и назначилъ каждому изъ нихъ особенный « смуть, какъ назначилъ отъ его каждой « звѣздѣ и планетѣ; но подобно тому, « какъ солнце уцѣляетъ частицу свѣта « своего всѣмъ звѣздамъ, не теряя отъ « того собственнаго блеска, император- « сское величество поставлено выше всѣхъ « властей и раздаетъ имъ достоинства и « чести. Императоръ есть владыка міра, « влѣститель всѣхъ влѣстителей, отецъ « королей; ему подчинены всѣ народы, « всѣ племена земли; ему служатъ всѣ « короли, какъ намѣстники (**).

« Идея Римской-Имперіи, живо-помятая и поэтически-представленная, наполнила всѣ умы въ-продолженіи среднихъ вѣковъ; но она наполняла ихъ безъ практическаго приложенія, и дѣйствительность ея въ жизни европейскихъ народовъ не достигла настоящей прочности. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ римскіе импе-

(*) Petrus ab Andlow de Imp. Rom. lib. II cap. 20.

(**) Ritter, Specimen juris publ. mediæ ævi, cap. 11.

ратеры являлись предводителями общихъ христіанскихъ событий и судьями европейскихъ королей, но тогда дѣйствовала ихъ собственная значительная личность и сила ихъ германскаго королевства несравненно-богѣе, чѣмъ идея священной имперіи. Не имѣя во главѣ сильнаго германскаго короля, священная имперія никогда бы не достигла значенія въ исторіи, а когда она возвышалась величіемъ своего представителя, то всегда возбуждала соревнованіе и зависть въ европейскихъ короляхъ и народахъ.

«Когда средневѣковая жизнь склонилась къ паденію и когда въ образованныхъ государствахъ Европы общій имѣ германскій элементъ исчезъ въ національномъ французскомъ, испанскомъ, и проч. и не было уже рѣчи о германскомъ мірѣ, священная имперія, какъ идея, не могла удержатъ за собою древняго могущества и значенія. Самы въ себѣ замкнутыя национальности не могли въ общихъ дѣйствіяхъ руководствоваться германскимъ народомъ, не могли слѣдовать не собственному, а чуждому направленію.

«Противъ такого стѣсненія собственной дѣятельности возстало со всею врожденною ему силою національное сознаніе, несомнѣвшееся еще отъ гордости и односторонности, и каждое изъ европейскихъ государствъ пѣлю себѣ поставило достиженіе прочной самобытности; поэтому на будущее время нерасчланимый принципъ во всякомъ случаѣ могъ возникнуть только изъ взаимнаго дѣйствія государствъ. Великое, прошедшимъ вѣкамъ неизбѣжное средство,—образованіе государственной жизни, основанное на правѣ одинаково-образованныхъ государствъ и на отношеніи ихъ между собою, выступило на поприще всемірной исторіи, какъ возможное и необходимое, и отпало у идеи священной имперіи ея народо-соединительное значеніе, ея древнее *dominium mundi*.

«Не менѣе - глубоко потрясенъ былъ другой элементъ Римской-Имперіи—покровительство ея надъ христіанскою церковью. Задолго еще до XVI-го вѣка поколебало народное убѣжденіе, по которому повелѣнія папскія считались исключительно-сообразными съ христіанствомъ, а свѣтская власть только передавала, не наблюдая за исполненіемъ, постановленія духовной, когда возникло сомнѣніе, имѣютъ ли они характеръ христіанскій, или только

папистическій? Христіанское значеніе имперіи, имѣвшее пѣлю соединеніе папства съ императорскою властью, исчезло, и западная церковь въ сознаніи христіанскомъ подверглась опасности потерять свое единство, потому-что основа, на которую она опиралась,—авторитетъ папы—разрушилась. Спасительницею отъ всеобщаго разрушенія западныхъ формъ явилась реформація; но тогда ни папство не могло сохранить своего авторитета, ни Римскія-Имперія сохранить характеръ покровительства.

«Подобно тому, какъ принципъ народнаго права не вдругъ заступилъ мѣсто Римской-Имперіи, подобно тому, какъ евангелическія начала постепенно вытѣснили начала римской церкви, — императорская власть не вдругъ склонилась къ концу, но должна была видѣть, какъ мало-по-малу исчезало ея древнее господство. Золотая корона осталась въ рукахъ германскаго народа, потому-что помирнее сіяніе ея не могло сильно возбудить честолюбіе другихъ, не могло остановить могущество новыхъ идей. Но Германцы, которые, въ прежнія времена, своею жизненною силою дали Римской-Имперіи ея всемірно-историческое значеніе, не могли уже поддержать ея! Потому-то Германцы во всей чистотѣ хранили германскій элементъ и образовали изъ себя могущественный народъ между народами слабѣйшими; но уже предъ концомъ среднихъ вѣковъ обще-германскій элементъ подчинился національно-нѣмецкому, и въ новыя времена европейскія государства съ насмѣшкою и презрѣніемъ смотрѣли на разрушенную и раздѣленную Германію; она смѣялась надъ чудными прокиворѣчіемъ, что одинъ и тотъ же человекъ въ качествѣ германскаго короля долженъ былъ признавать одинакія права католиковъ и протестантовъ, и въ качествѣ римскаго императора покровительствовать католикамъ и преслѣдовать протестантовъ.

«Съ XII-го вѣка, многіе замѣчательные люди необдуманно начали утверждать, что всякое стараніе восстановить право Римской-Имперіи, какъ покровительницы церкви, и признать въ ней соединяющую силу европейскихъ народовъ, было безумно и пагубно для Германцевъ. «Никакой выгоды» сказано, на-примѣръ, у Монцамбано (*),

(* Severini de Monzambano, De statu Imperii Germanici. Cap. I, 344.

«Одинъ только вредъ принесло германское достоинство Римской Имперіи. Всѣ духовныя запада протягиваютъ руки охотнѣе для того, чтобъ брать, чѣмъ для того, чтобъ давать; они ограбили Германцевъ, которые воображали, что Богъ повелѣлъ имъ слушаться духовенства. Они расточали кровь и золото при каждомъ походѣ въ Римъ, чтобъ предохранить «шапу отъ возмущеній, и со всѣмъ тѣмъ имъ одинъ государь на землѣ такъ часто не подвергался церковному отлученію, не понималъ бѣдствій, какъ римскіе императоры.» Жестко выражается другой писатель того же времени (*): «что de domino mundi многихъ поразило отлученіе, служить доказательствомъ, что fallentiae et restrictiones, почти-совершенно уничтожили regulam и изъ мачтоваго дѣрева сдѣлали зубочистку.»

«Въ прошедшемъ столѣтіи неслыханно древнее предвѣщаніе объ аббатѣ Гальдегардѣ, возникшее въ половинѣ XII-го вѣка: императоры не достигнутъ вѣрннго величія, измѣнится скипетръ ихъ и никогда не возстановится. Наступитъ паденіе имперіи, и каждый народъ и каждая область изберутъ себѣ короля и скажутъ, что священная имперія доставляла намъ болѣе тишины, чѣмъ чести» (**). Свѣтское покровительство христіанства перешло къ національностямъ отдѣльныхъ государствъ, и народо-соединительная сани обратилась въ народное право. Священная Римская Имперія германскаго народа сохранилась въ исторіи по одному только имени; мертвое имя не могло имѣть никакого существеннаго вліянія на политическое образованіе будущности. Но этия не уничтожилось духовное значеніе ея въ послѣдующія времена. Какъ дѣйствія духа одной великой человѣческой личности распространяются далеко за предѣлы физическаго имени, такъ изъ существовавшей нѣкогда великой государственнои личности, даже долгое время послѣ смерти ея, исходятъ творческія силы, и, подобно великому индивидууму, она вѣчно живетъ въ преданіяхъ человѣческихъ. Сознаніе въ народѣ, что онъ нѣкогда былъ хранителемъ священной имперіи, предохра-

нило этотъ народъ даже въ жестокомъ времени неволи отъ презрѣнія къ самому себѣ, и предъ лицомъ европейскихъ народовъ упрочило ему положеніе, на которое обстоятельство мало имѣли вліянія. Когда же въ послѣдствіи наступило время освобожденія, тогда, подобно призраку, возстала изъ гроба древняя имперія и мощно ратовала за величіе народа, которому нѣкогда обязана была собственнымъ величіемъ, но по свойству явленія призраковъ ступаннла многія головы и возбудила страсть къ появленію и такимъ духомъ минувшаго, которые считали духъ излншней роскошью.»

Далѣе, авторъ подробно излагаетъ состояніе Германіи во всѣхъ ея составныхъ частяхъ, разсказываетъ внутренній бытъ большихъ и малыхъ территорій, изъ котораго сама-собою возникаетъ невозможность того единства, которое составляло первое и необходимое условіе средне-вѣковой имперіи. Много стараго должно было быть прежде, чѣмъ могла образоваться новая жизнь. Конечно, не предвидима была буря, которая родилась на западѣ и должна была, прошедши по Германіи, уничтожить дѣлами то, что создавалось вѣками; отъ того неслыханно было ожидать спокойнаго переворота; страшныя потрясенія въ самой глубинѣ жизни должны были сопровождать паденіе древняго и возстановленіе новаго порядка. Ни одна изъ среднихъ территорій не была такъ сильна, чтобъ могла устоять, когда все поколебалось; ни Баварія давно-подавленная германскими Австрій, ни Саксонія, робко сохранявшая свою самобытность восрраи духъ европейскихъ державъ, ни Ганноверъ, потому только сильный, что онъ слѣдовалъ за чужою звѣздой. Вѣстѣ съ ними всѣ прежнія территоріи, которые надѣялись пережить распаденіе политическихъ формъ прошедшаго, начали искать покровительствующаго могущества, чтобъ не разрушиться, когда наступитъ часъ преобразованій.

Только государство германскія, имѣвшія европейское значеніе, въ состояніи были упрочить допронител-

(*) Beschreibung des römischen Reiches deutscher Nation, 1686, стр. 80.

(**) Abbatie stadonals Chronicon, Schilter. Script. res. German. стр. 384.

ство-сражений территориях и достигнуть великаго проявленія германскаго государственнаго принципа, подъ знаменами котораго могла развиться и въ малыхъ кругахъ новая политическая жизнь. Только Австрія и Пруссія возможно было приобрести такое значеніе: потому мы и займемся ими прежде, чѣмъ перейдемъ ко второй части сочиненій г. Нертеса.

Тогда-какъ западъ Германіи занятъ былъ духовными и свѣтскими владѣніями, имперскими городами, графствами и княжествами, востокъ ея отъ моря до Альпъ заняли обѣ державы, соединенныя одна съ другой лежащею между ними Саксоніею. Существованіе Австріи и Пруссіи такъ же, какъ и существованіе среднихъ территорій, дѣлало возможными проявленіе германскаго народа въ единомъ государствѣ, и тогда-какъ послѣднія, для упроченія своей политической самостоятельности, пренитствовали раздробленію Германіи на множество независимыхъ областей и гребовали союзъ, — въ могуществѣ Австріи и Пруссіи, по крайней-мѣрѣ не наружились, видно было стремленіе идти собственными путями, независимо отъ политическихъ отношеній и обязанностей, которыми безъ требоваго улаженіе ихъ въ союзѣ. Разумѣется, германскій народъ не могъ оставить союзники своихъ въ Австріи и Пруссіи, не подверглась раздѣленію: слабыя среднія территоріи, даже соединясь, должны были признатьъ въ одной изъ этихъ державъ, какъ въ своей политической опорѣ; но самостоятельность Австріи и Пруссіи была такъ велика, что не могла руководствоваться изъ сути своего дѣла ихъ окончательныя потребности. Еслибы не было внутренней силы, поднимувшей обѣ державы къ соединенію съ конгломератомъ среднихъ территорій, германскій народъ долженъ бы былъ разбится въ трехъ различныхъ политическихъ формахъ, какъ союзъ среднихъ территорій, какъ Австрія и какъ Пруссія. Но великая исторія западнаго европейскаго могущества Ав-

стріи и Пруссіи, которая устранила опасность раздробленія и уничтоженія германской національности.

Австрія соединила германскій народъ и германскіе интересы съ народами и интересами востока и связала Германцевъ въ одно цѣлое съ миромъ совершенно-чуждымъ. Богемцы, Магьяры, Валлахи, Сербы вошли въ составъ ея безъ великой внутренней связи, кромѣ единственнаго ополченія на защиту границъ отъ ессдей-иуакимовъ. Правда, ядро государства составляло племя, родственное Германцамъ, и въ немъ соединились всѣ эти разнородныя національности; но отношенія, усилившія Германію, имѣли не германскій, а европейскій характеръ. Многолѣтняя борьба съ Османами основаніемъ имѣла приобретение Венгрии, подобно тому, какъ долгая борьба съ Франціею основаніемъ своимъ имѣла приобретение Нидерландовъ. Когда, въ началѣ XVI вѣка, вся Германія подвигнута была могучимъ-національнымъ стремленіемъ, владетель Испаніи и Америки руководствовался относительно Италіи и Нидерландовъ совершенно иными интересами. Тридцатилѣтняя война, опустошавшая Германію, положила основаніе новому могуществу Австріи и упрочила за нею покореніе Венгрии. Такая разнородная монархія не могла дѣйствовать германскими интересами: она должна была сознавать въ себя-самою дѣйствующую силу. Исторія недавна уважала ей этотъ путь.

Соотвѣтствуя политическому отчужденію своему отъ имперіи, Австрія все болѣе и болѣе развилась въ духовномъ развитіи съ германскими народами. Опыты, повліявшіе еще за нѣсколько столѣтій до реформации къ уничтоженію убійственнаго гнета схоластической и римской теологій, не коснулись Австріи. Всѣ великіе дѣйствители, каковы Эразмъ, Рейхлинъ и другіе, принадлежали, по рожденію и по дѣятельности своей, къ Западной-Германіи. Правда, реформация могущественно проникла въ Австрію, какъ и всюду, гдѣ только раздавался гнѣздѣтій

языкъ; протестанты и католики жили вмѣстѣ въ Австріи, какъ жили они во всей Германіи, но политическое значеніе ихъ было иное.

Уже Фердинандъ I воспротивился соединенію австрійскихъ земель съ Германіею и такими мѣрами, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на цѣлый рядъ событій. Твердо рѣшась удержать владѣнія свои въ римско-католической вѣрѣ, онъ старался уничтожить силы, посредствомъ которыхъ волеюрилась реформація. Не въ общей потребности, не въ стремленіи народа къ христіанской жизни искалъ Фердинандъ могущества, двигавшаго умами. А такъ-какъ вездѣ, куда проникала реформація, процвѣтали науки и возникали училища, то Фердинандъ и его преемники, желая искоренить реформаціонныя идеи, задумали противопоставить имъ ученіе и образованіе, которое совершилось бы въ духѣ католицизма.

Въ 1546 году, декретомъ Фердинанда повелѣно было, чтобъ ни по какому факультету не назначали въ Вѣнѣ профессора, который бы не представился предварительно на испытаніе факультета богословскаго; потомъ, въ 1550 г., запрещено было определять школьныхъ учителей, если они не тверды въ догматахъ католической вѣры. Не надѣясь даже на вѣрность ученыхъ своихъ, онъ вытребовалъ у Игнатія Лойолы учениковъ его для преподаванія въ университетѣ, и въ 1551 году начались уже въ Вѣнѣ лекціи іезуитовъ, подъ вѣдѣніе которыхъ мало-по-малу перешли всѣ училища; Максимилианъ II нѣсколько расширилъ дѣятельность училищъ, но Фердинандъ Плъѣствовавалъ совершенно въ духѣ Фердинанда I-го и по-возможности стѣснялъ не только общественное образованіе, но даже семейное воспитаніе молодыхъ людей. Іезуиты сдѣлались всемогущими и въ духѣ общества своего начали воспитаніе дѣтей, клянувшееся къ совершенному искорененію національности. Но она забыла, что національность не уничтожается, что стѣсненная въ одной обла-

сти жизни, она умѣетъ найти другую родину. Национальная сила австрійскихъ Нѣмцевъ, которой проистегаютъ развитіе въ наукѣ и образованности, развила въ семейной, въ общественной жизни, въ мирѣ нѣсенъ и преданій, въ горячій-нѣмецкой преданности къ своему императорскому дому, и, въ слѣдствіе этого, съ полнѣйшю одушевленіемъ дѣтскаго возраста, охранялась непоколебимо важность и жизнь народнаго духа.

Такимъ образомъ, въ долгое время своего господства, отъ Фердинанда I до Карла VI, орденъ не достигъ желаемого: онъ не совершилъ невозможнаго преобразованія въ германской и негерманской Австріи, но онъ былъ такъ силенъ, что могъ совершенно подавить германско-народное развитіе Австріи, и такимъ образомъ внести рѣзкое разединеніе въ самую средину германскаго народа. По смерти Карла VI, Марія-Терезія нарядила комиссію, которая должна была исследовать, почему Австрія отстала отъ другихъ государствъ образованіемъ, науками и ученіемъ; въ 1754 году, владѣтельство іезуитовъ было уничтожено въ Вѣнскомъ Университетѣ и въ слѣдствіе тѣмъ во всей Австріи. Но столѣтіями своего могущества орденъ умѣлъ воспользоваться, чтобъ одѣлать германское образованіе невозможнымъ въ цѣломъ ряду поколѣній.

Училища, освободившіяся отъ вліянія іезуитовъ, подчинены были съ 1770 года главному управленію училищъ въ Вѣнѣ, которое такъ распредѣляло занятія, что знало, что каждый часъ выучивали мануалъ ученики во всѣхъ школахъ обширнаго государства. Въ гимназіяхъ, съ паденіемъ іезуитовъ, не произошло особенныхъ переменъ.

Доступъ въ Австрію лился только книгою голдунахъ и союзахъ съ дьяволомъ, да грязными кирки, появившіяся въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Когда, въ 1761 году, Зоннефельсъ задумалъ завести общество для занятій германской литературою, его именованій языкъ названъ былъ докторанско-нѣ-

исполнивъ. Неуже появилось множество драмъ и комедій, стихотвореній и романовъ; но ни одно изъ этихъ произведеній не имѣло основанія въ германской литературѣ, ни одно не получило значенія въ ней, и, десять лѣтъ спустя по появленіи Гёте, Блумауеръ все еще оставался въ Вѣнѣ героемъ литературы. Дворничество, путешествуя по Италіи и Франціи, рѣдко посѣщало Германію, а великія книжныя лавны Австріи наполнены были молитвенниками и журналы столицы, и рѣдко-рѣдко появлялась въ нихъ какая-нибудь книга, выходящая въ Германіи. Австрія не знала о литературной дѣятельности Германіи, и австрійскіе Нѣмцы оставались чужды образованности своихъ германскихъ братьевъ.

Правда, политическая жизнь германской націи была еще незначительна, но, бессознательно для народа, внутренняя сила событій повела къ новому развитію, въ государственному образованію болѣе-значительныхъ территорій и къ кооперативному соединенію; въ Австріи, не смотря на отчужденіе ея отъ прочей Германіи, обнаружилась та же самая бессознательная сила. Это сходство стремленій могло бы, кажется, связать Австрію съ Германіею и побѣдить ихъ разведеніе; но здѣсь предстоитъ вопросъ: дѣйствительно ли Австрія могла идти по одному политическому пути съ германскими территоріями? Собственныя завесанія и слабость противниковъ, великость полководцевъ и счастье оружія, еврейскія отношенія и брачныя союзы связали въ эрц-герцогскомъ домѣ самыя разнородныя элементы въ одно цѣлое. Но соединенные народы и земли всею стали надъ сущностью варварскаго государства, основаннаго на силѣ и случайности, потому-что связаны были внутреннимъ принципомъ, который и въ высшемъ стремленіи ихъ далъ политическую форму. Венгерцы, Валлахы и пограничныя славянскія племена требовали образованности человѣческой и государственной. Стремись къ образованію и силѣ и распро-

страня ихъ въ свою очередь, разнородныя элементы достигли тѣснаго соединенія. До кончины Карла VI, политическое единство соединенныхъ народовъ и земель являлось только въ особѣ государя, но при Маріи-Терезіи пробудилось стремленіе проявить его въ законодательствѣ, въ финансахъ и въ управленіи. Съ половины прошедшаго столѣтія, Австрія въ государственномъ образованіи имѣла, по-видимому, ту же цѣль, къ достиженію которой стремились большія германскія территоріи; но это было только по-видимому. По-прежнему исторически-невозможно было, чтобъ въ Австріи всѣ составныя части ея владѣній имѣли одно средоточіе. Королю венгерскій не могъ быть тѣмъ же, чѣмъ былъ эрц-герцогъ австрійскій, или владѣтель Словаковъ и Кроатовъ. Одинаковое право и одинаковый образъ правленія невозможны были для столь чуждыхъ другъ другу національностей. Опыты, даже самыя отдаленныя въ этомъ родѣ Іосифа II, привели-было Австрію на край гибели, — германскія установленія были неестественны въ степяхъ Венгріи, въ лѣсахъ Трансильваніи и между утесами Кроаціи. Австрія, по свойству своихъ разнородныхъ элементовъ, не могла сдѣлаться королевствомъ; она должна была оставаться имперіею.

Обнаруживая наклонность къ участи въ общемъ развитіи германскихъ государствъ, Австрія не находила содѣйствія въ своемъ политическомъ положеніи. Положеніе Австріи требовало обширнаго пространства для того, чтобъ ей возможно было дѣйствовать самой-но-себѣ съ силою самостоятельной. Но историческія основанія, упрочившія ей это пространство земли, заставляли ее потерять изъ вида настоящую цѣль. Въ высшую связь Германіи съ Австріею поддерживала только императорская корона, которая, при каждомъ смертномъ случаѣ, могла перейти на голову другаго государя. Въ духовномъ развитіи, она была рѣдко отчуждена отъ германскаго народа, не

пожила возникающего государственного образования Германія, старалась уничтожить его, и, со всѣмъ тѣмъ, Австрія не могла обойтись безъ Германіи.

Германскій элементъ былъ единственнымъ элементомъ, составляющимъ весь міръ ея образования. Изъ вѣргерцогства, какъ изъ источника жизни, германское начало протекало по всѣмъ частямъ монархіи, указывая и распространяя мѣра образованности. Австрія всегда сознавала сама, что ея собственное значеніе, ея вѣсь въ Европѣ происходятъ отъ ея германскихъ областей и всегда чувствовала, что жизнь и сила ея проистекали отъ великаго цѣлага, къ которому она принадлежала—отъ Германіи и германскаго народа. Когда же внутренняя связь между Австріею и Германіею разрушилась, то правительство старалось замѣнить ее искусственнымъ соединеніемъ. Распространяла даже вершину своей власти надъ славянскими востокѣмъ, Австрія, для поддержанія могучаго дерева, корни свои все дагѣе и глубже утверждала въ германскомъ западѣ. Каринтія и Тироль и прочія области, вновь-приобрѣтенныя, недавно связали неравнорѣвно Австрію съ древними габсбургскими наследственными землями верхне-рейнскими и швабскими. Разсѣянныя владѣнія, въ послѣдствіи присоединенныя къ Австріи, содѣлали ее первою державою во всей Южной-Германіи. На западѣ ей принадлежалъ богатый округъ бургундскій съ герцогствами Брабантомъ, Гельдерномъ, Лимбургомъ, Люксенбургомъ и съ графствами Фландріею, Геннегау и Немуромъ.

Такое положеніе Австріи, которымъ она была и отдалена и не отдалена отъ Германіи, заставляло ее стремиться къ усвоенію себѣ тѣхъ силъ духовной жизни германскаго народа, которыми она могла бы воспользоваться для своихъ цѣлей. Воспитаніе, введенное въ Австрію со времени Фердинанда II, не могло образовывать людей, которые понимали бы отношенія государственной

жизни. Обойтись безъ такихъ людей было рѣшительно невозможно для вѣдшихъ сношеній и для предводительства войскомъ. Жизнь при иностранныхъ дворахъ доставляла необходимое образованіе членамъ высшихъ дворянскихъ фамилій,—образованіе, которое одно въ состояніи развить творческія силы челоѣка. Но для того, чтобы предохранить кочующую жизнь внутреннихъ отношеній отъ конечнаго уничтоженія, необходима была иная помощь. Протестантовъ начали отыскивать вездѣ и давали имъ значительныя мѣста по одному объясненію ихъ, что они отступаютъ отъ евангелическаго ученія. Приѣздомъ тому служатъ Гаугвицы, Вурмбралль, сдѣлавшіеся первыми лицами, и Мозеръ (см. «Жизнь Мозера». IV-стр. 16), которому предлагали, во время пребыванія его въ Вѣнѣ, въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, значительное мѣсто, «если онъ согласится, что католическая вѣра такъ же хороша, какъ и его вѣра».

Эту Германію, внутренними и вѣдшими силами которой стремилась воспользоваться Австрія, она не могла предоставить собственной ея судьбѣ. Для интересовъ Австріи, Германія не должна была переходить въ руки чуждой власти, не должна была распаться на немвогій государства, которыми имѣли бы европейскій характеръ. Возникшія государства Германіи нашла въ Австріи необходимую для нихъ защиту, когда налетѣлъ на нихъ ураганъ и слабыхъ еще собственными силами ринулъ къ водворотъ европейскихъ событій. Передъ ними, подобно твердой скалѣ, стояла Австрія, утвержденная исторіею многими вѣсѣмъ, такъ же какъ она недоверженная ударамъ непогоды, но сильная и твердая отъ напора бури.

Такимъ-образомъ, глубокая взаимная необходимость соединила Германію съ Австріею; но каждая изъ нихъ должна была развиваться независимо одна отъ другой. Политическая форма, въ которой выражаются отношенія двухъ го-

сударствъ между собою, есть единственная нить, ихъ связующая. Введетъ ли въ жизнь эту форму могущество собитій, или дѣятельность людей — рѣшать времена грядущія; но какъ бы то ни было, Германія должна видѣть, что сильная Австрія дѣйствуетъ собственнымъ принципомъ жизни, совершенно-чуждымъ жизни Германцевъ.

При отношеніи Австріи къ Германіи, жалкая бѣдная жизнь досталась бы въ удѣлъ среднимъ территориямъ, еслибъ Пруссія не почувствовала призванія осуществить идею германскаго государства, и тѣмъ поддержать жизнь и истину въ мѣньшихъ областяхъ Германіи. Устраненіе неподвижныхъ формъ прошедшаго, осуществленіе идеи новаго государства и воспроизведеніе германской конфедераціи — вотъ задача германской жизни, рѣшеніе которой зависѣло отъ положенія Пруссіи въ этихъ трехъ отношеніяхъ. Политическія силы среднихъ вѣковъ, отъ формы которыхъ должны были освободиться среднія территоріи, не были никогда въ Пруссіи, или ослаблялись по мѣрѣ усиленія ея. Въ обоихъ сильныхъ корняхъ, изъ которыхъ возрасла Пруссія, въ княжескомъ домѣ буртграфовъ и въ Бранденбургѣ, не было средне-вѣковаго величія. Когда въ лицѣ буртграфа юриенбергскаго впервые появились въ исторіи предки королевско-прусскаго дома, великія и блестящія дѣянія Гогенштауфеновъ принадлежали уже потопству; съ половины XIII вѣка, буртграфы начали стремиться къ распространенію своихъ владѣній, но никакого значенія не имѣли въ средніе-вѣка. Домъ ихъ стоялъ несравненно-ниже габсбургскаго, люксембургскаго, баварскаго и едва упоминается на-ряду съ Гессеномъ, графами вюртембергскими и маркграфами баденскими. Бранденбургъ лишень былъ всего; что составляло очарованіе среднихъ-вѣковъ: здѣсь не было горъ, на каменныхъ вершинахъ которыхъ могли бы возвышаться замки и господствовать далеко надъ окрестностью; не было удивленныхъ долинъ, покры-

тыхъ лугами, по которымъ протекали бы ручьи и на которыхъ могли бы найти пріятное уединеніе монастырскіе отшельники; не было вотоковъ и путей, на которыхъ сами собою возникаютъ городскія общины. Поэтическія краски средне-вѣковой жизни исчезали въ Маркграфствѣ-Бранденбургскомъ. Тамъ не развилось ни одно поэтическое преданіе, ни одинъ шивенгеръ не заводилъ своихъ пѣсень; тамъ не возникали фантастическіе образы, дававшіе жизнь рыцарству. Гладкая, однообразная земля, покрытая песнями, заставляла жителей устремлять вѣщныя помыслы свои къ необходимому и полезному и образовала суровое поколѣніе, изъ котораго рѣдко выходили самостоятельные дѣятели. Менѣе всѣхъ средне-вѣковыхъ территорій зависѣла судьба Бранденбурга отъ политическихъ элементовъ среднихъ вѣковъ, отъ рыцарей, прелатовъ и городовъ. Гораздо-болѣе опредѣлилъ развитіе его княжескій ангалтскій домъ своею воинственною силою и попеченіемъ о земледѣліи, торговлѣ и ремеслахъ.

Изъ соединенія этихъ земель съ упомянутыми нами княжескимъ домомъ должна была возникнуть политическая сила, которая была такъ важна въ исторіи. Самый образъ соединенія ихъ былъ лишень средне-вѣковаго блеска. Императоръ Сигизмундъ занялъ у буртграфа Фридриха 100,000 гульденовъ, и заложилъ ему маркграфство. Не имѣвъ возможности выплатить долгъ и получивъ еще значительныя суммы, онъ передалъ ему, въ 1415 г., Бранденбургъ и вмѣстѣ съ тѣмъ курфиршеское достоинство. Много сопротивленій встрѣтили новые владѣтели со стороны рыцарей и городовъ, но смирили ихъ силою и упрочили новое владѣніе въ своемъ родѣ.

Въ 1653 году, въ послѣдній разъ созваны были на сеймъ средне-вѣковые земскіе чины Бранденбурга, и изъ числа ихъ составленъ былъ комитетъ для управленія общественною кассою и для созванія чиновъ въ отдаленныхъ округахъ маркграфства; обязанность во-

сдѣланныхъ состояла въ распредѣленіи и назначеніи государственныхъ доходовъ. Силы же Бранденбурга введенію новаго порядка вещей воспротивились области, въ послѣдствіи присоединенныя къ владѣніямъ курфирстовъ; но они умѣли дѣйствовать по-своему и уничтожать вездѣ сеймы, опасные ихъ господству.

Такъ-какъ возрастаніе Пруссіи шло обр-уку съ разрушеніемъ политическихъ элементовъ среднихъ вѣковъ, то и дѣйствующее распространеніе ихъ власти удавалось имъ не иначе, какъ чрезъ уничтоженіе средневѣковыхъ властей. То величественное зданіе, которое воздвигнуто было въ Пруссіи религиозно-воинственными одушевленіемъ, распалось само-собою вмѣстѣ съ средними - вѣками. Уничтожая его, бранденбургскій домъ приобрѣлъ господство надъ всею страной и потомъ королевскую корону. Только по устраненіи политическаго соединенія, свойственнаго среднимъ вѣкамъ, составныя части, образовавшія бранденбургское владычество, могли сохраниться и содѣйствовать къ основанію новой державы; тогда только возможно было ея возникновеніе, если собранныя въ ней, но несвязанныя ничѣмъ раздѣленныя силы будутъ устремлены къ одной цѣли. Бранденбургъ и Каминь, Магдебургъ и Клевѣ, Пруссія и Гальберштадтъ, которые, только по вѣншнимъ причинамъ, имѣли въ курфирствѣ одного властителя, были такъ же далеки отъ внутренняго единства, какъ рѣзко различались между собою рыцари и городя, прелаты и поселяне. Всѣмъ имъ не доставало внутренняго стремленія дѣйствовать подобно членамъ одного великаго цѣлаго, для упроченія ему величія и силы; отъ-того и власть, старавшаяся обратитъ отдѣльныя части въ одно стройное цѣлое, не могла сдѣлаться властью государственною. Въ возникавшей Пруссіи прежде всего должна была укрѣпиться вѣншняя сила, чтобъ внутренне-неподчинимое подчинить наружно и не только смирить себялюбивое отдѣльное стре-

женіе, но желѣзною волею пробудить всѣ составныя части къ дѣятельности на пользу общую.

Великимъ основаніемъ общаго дѣйствованія для соединенныхъ областей, изъ которыхъ возрасла Пруссія, было посредничество княжескаго рода, находившагося во главѣ возникавшаго государства. Онъ мощно содѣйствовалъ величію Пруссіи посредствомъ необыкновенныхъ личностей, изъ среды его выступавшихъ на поприще, и общимъ горячимъ стремленіемъ всѣхъ членовъ семейства къ интересамъ Пруссіи. Вся энергія, врожденная этой фамилии, была сосредоточена къ доставленію ей блеска и силы, что благоприятно было и для самого государства. Пруско-королевскій домъ дѣйствовалъ собственно для себя и нераздѣльно съ государствомъ; этимъ средствомъ ему удалось присоединить все принадлежавшее къ его землямъ и подчинить ихъ своей волѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ I достигъ уже этой цѣли. «Мы государь и король, и можемъ дѣйствовать какъ намъ угодно (*)» — вотъ характеристическая черта этого короля, которую онъ во всѣхъ отношеніяхъ своихъ приводилъ въ исполненіе. Всѣ подати прямо шли въ королевскую казну, всѣ дѣйствія подданныхъ исключительно подчинены были личнымъ его распоряженіямъ. По волѣ короля, право сдѣлалось принадлежностью его лица, слово его превратилось въ законъ, мнѣніе его замѣнило всѣ судебныя приговоры, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Никакое частное право не имѣло значенія въ глазахъ короля. Высокая ростомъ крестьянская дѣвушка, которую онъ случайно встрѣтилъ, безъ отговорки должна была выйти замужъ за любимаго его флигельмана Мекдоля; или когда солдаты пожаловались на неудобство квартиръ, король повелѣлъ всѣмъ Евреямъ немедленно очистить солдатамъ квартиры.

(*) Фрѣтеръ «Friedrich-Wilhelm I, II, стр. 253.

Для выполненія своихъ повелѣній, король нѣмѣлъ служителей, которымъ, однакожь, строго запрещено было нѣмѣть собственную волю и вмѣнено въ обязанность слѣпо исполнять приказанія короля — они должны работать, потому-что имъ платять. Дѣйствія короля относительно общинъ и судебныхъ мѣстъ совершались въ томъ же духѣ (*).

Чѣмъ успѣшнѣе утверждалъ за собою король всѣ важныя государственныя распоряженія, тѣмъ ревностнѣе старался подавить въ своихъ подданныхъ всякій порывъ къ самостоятельности и собственной волѣ. Король высказывалъ желаніе свое установить право; но всѣ дѣйствія его доказывали, что онъ одинъ распространитель и блюститель его, и что при немъ ни одно отношеніе, ни одна личность не могли достигнуть самостоятельности.

Въ этомъ пониманіи королевской власти родился Фридрихъ-Великій и осуществилъ мечту своего предшественника, что въ королѣ заключается не только настоящее могущество, но и предвѣдѣніе будущаго. Король прусскій говорилъ одинъ англійскій путешественникъ (**): «нѣмѣтъ тайныхъ совѣтниковъ болѣе всѣхъ другихъ королей, но никого не призываетъ въ содѣльщики... Такъ-какъ Фридрихъ нашелъ уже совершенно-образованными необходимыя для него формы, то могъ достигнуть необычайнаго. Но это необычайное было произведено духомъ Фридриха, и со смертію его политическая форма Пруссіи потеряла свою значительность; къ этому присоединилось суевѣріе, пустившее глубокіе корни, что будто-бы звѣзда Пруссіи должна померкнуть, если найдется политическая сила, которая не опиралась бы на личность короля.

При наследникѣ Фридриха, форма государственнаго права оставалась неизмѣнною, но въ общественную жизнь народа проникла существенная реформа, возбужденная Фридрихомъ бесознательно для него-самого. Причинами этому были король и его войско, одержавшее столько побѣдъ и доставившее подданнымъ его почести и уваженіе. Горды были своимъ воинственнымъ властителемъ подданные различныя области Пруссіи; изъ этого чувства возрасло сознаніе, что они составляютъ части цѣлаго, котораго главою и краеугольнымъ камнемъ былъ король; изъ этого сознанія, въ каждой отдельной области возникло желаніе приобрести значительность для цѣлаго. Но такъ-какъ сознаніе единства возникло чрезъ посредство короля и каждая часть находилась въ такомъ же отношеніи безусловной зависимости, то и не было разнообразія въ положеніи государственнаго состава. Пруссаки являлись однообразною массою, и стремленіе къ общей дѣятельности сдѣлалось стремленіемъ каждаго человѣка къ совершенно-одинаковой дѣятельности, и отъ-того въ-послѣдствіи впало въ ошибочную теорію, господствовавшія въ прошедшемъ столѣтіи. Правительство, подобно народу почувствовавшее вліяніе своего вѣка, не могло отказаться отъ вновь-возникшихъ идей, но не могло также дать имъ практическое приложеніе, потому-что государственная жизнь являлась ему возможною только въ границахъ данныхъ уже политическихъ формъ. Изъ этого противорѣчія произошли основанія общаго государственнаго права, которое со всѣмъ тѣмъ сохранило прежнюю форму государства, что всѣ обязанности и права государства сосредоточиваются въ лицѣ главы его.

Чтобъ достигнуть общаго права, каждая часть соединенныхъ областей должна была изъ сознанія себя массою почувствовать себя живымъ членомъ правильно-образованнаго государства. Ни исключительно-дѣйствующая внутренняя сила, ни человѣческая воля не

(*) Förster, II, стр. 300, 288, 183. Meier's Leben I, 190.

(**) Муррѣ, въ «Очеркахъ общественной жизни во Франціи, Швейцаріи и Германіи», изданныхъ въ Лейпцигѣ (ст. 384) на нѣмецкомъ языкѣ.

могли совершить подобнаго преобразования. Только дѣйствія судеб, общее страданіе и общая дѣятельность могли образовать живое, полное, чувствующее единство Германцевъ; съгнать въ прусскихъ областяхъ; тогда только политическое стремленіе можно было направить къ государственной дѣятельности, которая основаніе свое имѣла въ безконечно-разнообразныхъ политическихъ отношеніяхъ. Измѣненное во всемъ существѣ своемъ, политическое направленіе, по свойству своему, не заключало въ себѣ ничего, что бы противорѣчило праву; но если даже самый ходъ исторіи создалъ внутреннее единство Пруссіи, европейское положеніе государства могло затруднить образованіе его новыхъ формъ. Пруссія потому только сдѣлалась европейскою державою, что всѣ силы свои безусловно подчинила мнѣшевію великаго человѣка. На этомъ основаніи, право короля, исключительно обремененнаго законодательною властію, должно было оставаться неприкосновеннымъ въ Пруссіи.

Пруссія совершенно устранила всѣ средневѣковыя препятствія къ государственному образованію и силою достигла вѣчнаго единства. Ея политическое положеніе, ея политическія дѣянія были одинаковы съ положеніемъ и дѣяніемъ средне-германскихъ территорій, только съ тою разницею, что Пруссія съ болѣе-обширнымъ, европейскимъ образомъ дѣйствія могла самостоятельно стремиться къ одной цѣли, которой средне-германскія государства, по тѣсному кругу дѣйствованія, не могли никогда достигнуть, не прикнувъ къ какой-нибудь значительной державѣ. Въ какой степени могли онѣ найти въ Пруссіи эту опору, зависѣло отъ положенія ея относительно Германіи.

Въ Пруссіи не было тѣхъ чуждыхъ элементовъ, которые препятствовали Австріи допустить свободное развитіе ея германскихъ областей. Народонаселеніе Пруссіи во всѣхъ частяхъ ея, съ незначительною примѣсью иностран-

ныхъ элементовъ, было все германское; національно-германскій принципъ былъ ея настоящимъ основаніемъ. Уже въ началѣ XVII вѣка въ германскомъ народѣ возникло мнѣше, что Бранденбургъ опредѣлено поддержать національно-религіозное движеніе реформаціи и защитить его отъ сильныхъ нападений извнѣ.

Въ 1609 году, имперскій канцлеръ Штрадендорфъ замѣтилъ уже императору, что каждый еретикъ твердо держался бранденбургскаго двора, на который обращены всѣ надежды отпавшихъ отъ церкви. Тѣмъ-силыѣе было вліяніе Бранденбурга, что прочіе имперскіе князья ослабили въ своихъ областяхъ или отъ междоусобій, или отъ историческихъ потрясеній.

Такое положеніе Бранденбурга рѣшило его двойственное призваніе. Онъ долженъ былъ разорвать тягостную зависимость отъ чуждой власти, въ которой находилась Германія, и потомъ изъ своей собственной жнани дать германскому народному духу ту силу, которая послѣ долгаго бездѣйствія подвигла его къ новымъ великимъ переиѣнамъ. Тяжкая борьба о зависимости Германіи отъ чужеземцевъ, и сознаніе, что ее должно уничтожить, издавна были идеєю королевской фамиліи. Къ этому побуждалъ Германцевъ великій курфирстъ; въ томъ же духѣ дѣйствовала Фридрихъ-Вильгельмъ I, но достиженіе этой цѣли предоставлено было Фридриху-Великому. Возвысивъ Пруссію изъ степени перваго германскаго государства въ германское государство съ европейскимъ характеромъ, онъ въ то же время освободилъ Германію (*) отъ французскаго вліянія и далъ германскому народу блистательное сознаніе національнаго значенія, утраченное уже нѣсколько вѣковъ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Пруссія усвоила себѣ великіе, живые интересы націи и въ нихъ нашла зерно собственнаго величія, единство судебъ Пруссіи и про-

(*) Ранке. Die grossen Mächte въ его «Hist. polit. Zeitschrift», II, стр. 23.

ной Германіи основалась не на одномъ томъждествѣ національности, но на самой необходимости, вышедшей историческое основаніе, — необходимости стрѣннуться къ одній цѣли. Но такъ-какъ Пруссія изображала собою германское государство, исключительно основанное на особѣ короля, то по изложенной нами связи Пруссіи и Германіи, прочія территоріи не могли свободно преслѣдовать развитіе своего государственнаго начала, потому-что ему не доставало величія жизни, безъ котораго невозможно образованіе истинно-политическихъ явленій.

Впрочемъ, Пруссія не только должна была сообщать свои начала Германіи, но и ея не принимать что-нибудь изъ себя. Величіе короля ея зависело отъ ея славы европейскихъ державъ, но жизнь короля короче жизни государства: когда сешель съ наприца этотъ дивный дѣлатель, Пруссія, чтобъ остаться европейскою державою, должна была найти какое-нибудь изъ основаній, которыя содѣйствуютъ великимъ державамъ къ упроченію мѣста ихъ въ исторіи. Основаніе европейскаго значенія Россіи, Англіи и Франціи основано на томъ, что они великимъ народамъ, ихъ населяющимъ, дали политическій видъ. Собственно этого основанія не имѣла Пруссія и могла принять его отъ одного только германскаго народа. Исторически невозможно было, чтобъ Пруссія превратила Германію въ свое владѣніе, и потому Пруссія должна была вѣрнати изъ такого духовное соприсловеніе съ германскимъ народомъ, чтобъ оживить себя его силами и его жизнью. Но такое внутреннее отношеніе требовало политической формы. Уже давно болѣе-живая германскія территоріи стремились къ конфедерации. Конфедерация эта могла имѣть удержаніе въ союзѣ съ Австріею, но руководителемъ, для нея необходимымъ, могла сдѣлаться ея Пруссія, которая, выступая во главѣ конфедерации, не терила своего характера и не стѣсняла характера Германіи; она могла опереться на свою матеріальную

силу и свободно идти рядомъ съ прочими европейскими державами.

Всѣ постановленія германскихъ областей представляли душу безъ тѣла и клонились къ паденію. Всѣ области чувствовали необходимость національнаго союза, который бы возникъ изъ самой жизни народа. Сила, которая бы могла создать его, необходимо должна была существовать — существованіе ея оказывала исторія и духъ германскаго народа. Но такъ-какъ неотлетѣющее положеніе имперіи и отдѣльныхъ территорій не представляло силы, которая бы схоронила мертвое и указала путь живому, то одни мечтали о появленіи великаго человѣка, который бы побѣдилъ старыя формы, возбудилъ спящій духъ и совершилъ возрожденіе Германіи; другіе, недовѣряя появленію такого индивидуума, ждали мощныхъ событій, которыя бы въ состояніи были двинуть впередъ германскій міръ. Значеніе великихъ событій и великихъ индивидуумовъ доказано исторіею каждаго вѣка, но выѣстъ съ тѣмъ доказана и невозможность прочнаго политическаго существованія народа, который развитіе свое получаетъ отъ вышнихъ обстоятельствъ, а не изъ глубины собственнаго живаго духа. Если Германіи дѣйствительно суждено было освободиться отъ мертвыхъ формъ прошедшаго и развить свѣжія сѣмена новой будущности, то въ Германцахъ, какъ въ народѣ самостоятельномъ, должны были находиться и силы къ государственному образованію.

Рѣшеніемъ этого вопроса занимается г. Пертесъ во второй части своего сочиненія.

«Такъ-какъ государство «говоритъ авторъ, «не имѣетъ ни одной стороны бытія, которая бы не была проявленіемъ образованнаго его народа, то въ народѣ же и должна существовать опредѣленная и дѣйствительная сила, которая даетъ прочность государственнымъ формамъ, хранить и оживляеть ихъ; сила, относящаяся къ государственной жизни, какъ религиозный духъ относится къ церковной»

жизни и по недостатку лучшего выражения может быть названа «*Staatsgesinnung*» (т. е. стремление къ государству). Въ ней прежде всего и преимущественно заключается народная сила, стремлящаяся къ образованию государства; между-тѣмъ же въ ней одной заключается она. Если государство есть всегда тѣло народа, то народъ, хотя онъ и не составляетъ исключительно души государства, — съ одной стороны, какъ членъ чело-вѣческаго единства, имѣетъ жизнь въ религіи, наукѣ и искусствѣ, которая далеко распространяется за предѣлы государства; съ другой стороны, какъ единство, составленное изъ отдѣльныхъ частей, онъ живетъ въ національномъ, частномъ существованіи своихъ членовъ, существованіи, которое не проникаетъ всего государства. Какъ часто съ одной стороны ни проявляется духъ народный, такъ же часто бываетъ (что несообразно съ субстанціею духа), что не всѣ творческія силы народа дѣйствуютъ за-одно. Ослабленіе національной силы въ силѣ государственной или частной имѣетъ вліяніе на религиозную и учебную жизнь народа, и наоборотъ, если, даже и въ одной только сферѣ существованія, народъ сохранилъ свою крѣпость, то онъ можетъ влечь новую жизнь во всѣ ослабѣлыя члены народной жизни. Слѣдовательно, государство-образовательную силу (*Staatsbildende Kraft*) не должно искать въ одномъ стремленіи народа къ государству, но, измѣняя объемъ и отношенія, искать въ его частной жизни и въ его жизни религиозной, учебной и художественной. Надежда излѣчить и возростить сѣмена государства, возникшія въ прошедшемъ столѣтіи, основывается преимущественно на образованіи, которое пренесло, во-первыхъ, стремленіе германскаго народа къ государству, во-вторыхъ, національную частную жизнь германскаго народа, въ-третьихъ, парящую надъ государствомъ жизнь германскаго народа въ религіи, наукѣ и искусствѣ.

На этомъ основаніи, авторъ и раздробилъ вторую часть труда своего на три отдѣла.

Мы постараемся представить вкратцѣ каждый изъ этихъ отдѣловъ. Первый занимается изъясненіемъ, были ли въ германскомъ народѣ давныя для образованія государства?

Въ прошедшемъ вѣкѣ, до послѣднихъ десятилѣтій его, господствовало совершенное спокойствіе въ отношеніяхъ германскихъ государей и ихъ подданныхъ. Послушаніе и вѣрность ихъ богѣ всего опирались на привычку, которая вела ихъ по слѣдамъ ихъ предковъ; но привычка, какъ сила чистая-механическая, не можетъ составлять души государства, а только упрочить, и то на время, его вѣчную связь. Гораздо-важнѣе для будущаго Германіи были стремленія, пробудившіяся въ глубинѣ народнаго духа, который, отрываясь отъ прошедшаго, выступилъ въ новыхъ политическихъ формахъ. Въ историческомъ развитіи и въ проявленіи своемъ съ половинъ прошедшаго столѣтія, стремленія эти заслуживаютъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Здѣсь первое мѣсто должна занять оппозиція, обнаружившаяся въ Германіи до начала тридцатилѣтней войны.

До-тѣхъ-поръ, пока народъ германскій видѣлъ въ имперіи устроеніе священное, онъ не могъ считать мыслимъ, враждебныхъ ея законамъ; поэтому, всѣ притѣсненія, таготившія надъ общественною жизнью, вчитались за наказаніе, посылаемое свыше для укрощенія народа или отдѣльныхъ лицъ. Не смотря на то, во все продолженіе среднихъ-вѣковъ высказывалось сознаніе, что существовавшій порядокъ неудовлетворителенъ, и что необходимы перемены; но оно было слишкомъ-слабо для рѣшительнаго дѣйствованія; иначе явилось бы противодѣйствіе существовавшему порядку, когда новый жизненный принципъ началъ развиваться въ народѣ.

Борьба слова и меча, наполнявшая всѣ средніе-вѣка, была постоянно направлена противъ отдѣльныхъ лицъ, но не касалась основаній. Такимъ образомъ, угнѣсанный городъ враждовалъ не противъ рыцарства, но только противъ рыцарей своихъ угнѣсителей. Всѣ общественныя постановленія, всѣ отношенія государства лежали въ кругу средних-вѣковыхъ идей, и отъ-

того имперія, заключаая въ себѣ цѣлую бездну междоусобій и духовныхъ распрѣй, не имѣла причинъ страшиться за свое существованіе. Съ окончаніемъ же среднихъ-вѣковъ, пропозшла существенная перемѣна, когда уже ходъ исторіи указалъ народу, что онъ долженъ требовать доказательствъ истинности политическихъ установленій, которые до-тѣхъ-поръ признавали условно-истинными.

Когда, въ XV вѣкѣ, ясно было для каждаго, что чужеземные короли не хотятъ долѣе подчиняться императору; когда несомнѣнно уже было разрушеніе прошедшаго; когда, по выраженію Энея Сильвія (*) «передъ императоромъ, которому нѣкогда поклонялись короли, не хотѣлъ нынче преклониться ни одинъ графъ», и имперія находилась въ такомъ состояніи, что скорѣе можно было думать о похоронахъ ея, чѣмъ о спасеніи,—тогда исчезла безусловная увѣренность о божественномъ происхожденіи имперіи. Для предохраненія имперіи отъ нападеній, для сохраненія уваженія къ божественному началу, необходимо стало искусственное поддержаніе ея съ помощію воспоминаній, которыя заступили мѣсто прежняго народнаго сознанія. Но воспоминаніе не могло удержатъ возбужденныхъ страстей: неукротимо взволновались онѣ и начали дѣйствовать, но уже не противъ отдѣльных лицъ и корпорацій, а противъ общественныхъ постановленій и отношеній, на-примѣръ, противъ тягостныхъ пошлинъ на товары, противъ дурнаго дѣйствія судовъ, противъ имперскихъ постановленій, потерявшихъ первоначальное назначеніе, и проч. и проч.

Вызванное на свѣтъ неудовольствіе связало не только относительно-малое число недовольныхъ дѣйствіями одного и того же человѣка, но соединило вообще всѣхъ бывшихъ въ Германіи

подъ гнетомъ общественнаго управленія. Правда, XV вѣку не доставало журналовъ и брошюръ, которые далеко разносятъ искры и производятъ пожаръ, но вообще распространеніе новыхъ мнѣній положило твердую основу оппозиціи во всѣхъ классахъ народа. Веселая шутка и бѣлая пасмѣшка надъ старыми формами, какъ замѣтилъ уже Ранке въ своей «Geschichte im Zeitalter der Reformation», составляли характеръ литературныхъ произведеній, распространившихся по всей Германіи, но еще и другимъ путемъ начало распространяться господствующее мнѣніе: князья со всею силою своего положенія устремились къ преобразованіямъ; въ городахъ, наука дала оружіе, прежде этого неизвестное; рыцари соединялись толпами противъ князей, и по всей Южной и Западной Германіи, въ разныхъ мѣстахъ, возставали дикія возмущенія поселянъ.

Когда теоретическая оппозиція выступила изъ своихъ тѣсныхъ рамокъ, и когда развилась оппозиція практическая, въ которой соединились различные члены имперіи противъ существенныхъ ея постановленій, явилась церковная реформація, духовная сила, «желавшая», по выраженію Энея Сильвія, «воскресить умирающую вѣру и оживить охладѣвшую любовь». Направляя мысли людей отъ внѣшняго міра къ міру внутреннему, она должна была вѣсть и оружіе въ свои руки.

Безъ сомнѣнія, тогда не было такого ярнаго разграниченія между политикою и религіею, чтобъ онѣ могли остаться безъ рѣшительнаго вліянія одна на другую, но основаніе, на которомъ религіозный вопросъ реформаціи, тотчасъ по возникновеніи своемъ, принялъ политическій характеръ, явилось со стороны внѣшней. Когда уже свѣтская власть внѣшними средствами воспротивилась внутреннимъ дѣйствіямъ реформаціи, тогда возникъ вопросъ: имѣеть ли право свѣтская власть стѣснять исповѣданіе своихъ подданныхъ? Существенная необходимость побудила обоихъ реформаторовъ, Лю-

(*) Aeneas Sylvii opera, quae exstant omnia Basileae ex offic. Henr. Petrino, § 367.

тера и Меланхтона, провести рѣзкую черту дѣленія между духовнымъ и свѣтскимъ правомъ.

Вступленіе реформаціи въ народную жизнь пробудило новыя отношенія народа къ свѣтской власти, чуждыя прежней германской исторіи. Великая борьба императорской и папской власти основаніемъ своимъ имѣла ту же противоположность, которая заключалась въ идеяхъ государства и западной церкви; но собственное значеніе борьбы исчезло, и осталась только война между германскимъ королемъ и римскимъ папою.

Король могъ быть стѣсненъ своимъ противникомъ, но, какъ во всякой земной борьбѣ, ему оставалась надежда на перемену военнаго счастья, на выгодный миръ: свѣтской власти противопоставленъ былъ соперникъ, имѣвшій также свѣтскій характеръ.

По внутреннему своему значенію, не таково было разногласіе между требованіями народа и свѣтской власти; возможность такого разногласія указала реформація. Первоначальная цѣль ея не имѣла въ виду перемены свѣтской верховной власти; въ началѣ характеръ этой власти и оставался неприкосновеннымъ. Но религіозный принципъ, до-сихъ-поръ находившійся въ зависимости отъ папскаго престола, противопоставленъ былъ политическимъ властямъ Германіи, измѣнился совершенно, и отъ внѣшняго перешелъ къ внутреннему. Во всѣхъ мѣстахъ, куда проникала реформація, политической власти воспротивились не приверженцы римской власти и мирскаго папства, но исповѣдники вѣры христіанской, посвятившіе въ грудь своей непосредственное сознаніе ея безусловной истинны.

Когда вызвана была необходимость сопротивленія, то возникла борьба, которая не могла окончиться успѣхомъ военнаго счастья или заключенія мира, но должна была повести къ уничтоженію приверженцевъ новой религіи, обрѣванной реформаціею, или принудить свѣтскую власть принять эту

религію. Только эта одна неизбежная необходимость выбора — или отречься отъ вѣры или выступить противъ верховной власти,—могла заставить реформаторовъ вооружиться противъ свѣтскаго господства, хотя по самимъ началамъ реформаціи они не должны были обнаруживать сопротивленія. Сопротивленіе свѣтской власти вызвано было независимо отъ реформаціи; слѣдовательно, теоретическая и практическая оппозиція должна была теперь принять рѣшительный характеръ въ отношеніяхъ своихъ къ реформаціи.

Періодъ реформаціи такъ сильно занять былъ религіознымъ движеніемъ, что вся духовная дѣятельность сосредоточивалась въ этомъ движеніи и устраняла всѣ прочія стремленія. Одной теоретической оппозиціи было уже достаточно, потому-что неудовольствія, ею указанныя, слишкомъ-глубоко и разрушительно проникли во всѣ жизненныя отношенія. Практическая оппозиція стала союзницею реформаціоннаго движенія, и частію самой-собою старалась упрочить болѣе-твердое положеніе, потому-что тогда же съ истиннымъ или притворнымъ убѣжденіемъ старалась доказать нехристіанское основаніе всѣхъ истинныхъ или воображаемыхъ золъ, противъ которыхъ ратовали приверженцы новой религіи. Читатели наши, вѣроятно, помнятъ возмущеніе поселаль (*), подвинутое фанатиками, и потому мы не считаемъ нужнымъ повторять, чего хотѣли неистовыя толпы, переходившія изъ одного мѣста въ другое; онѣ представляли собою буйную оппозицію, началомъ которой было также новое религіозное движеніе; здѣсь оппозиція устремлена была противъ рыцарства и князей, и требовала равенства и общности всѣхъ владѣній. Рыцарство, въ свою очередь, пыталось къ владычеству князей ненависть, возраставшую съ каждымъ днемъ:

(* См. «Отч. Записки» 1844 года томъ XXXVI. Реформація, ст. II.

Между тѣмъ, какъ рыцари и поселяне въ паденіи княжеской власти и въ усиленіи императорской вѣдѣли единственное средство спасти себя и Германію, князья собственнымъ возвышеніемъ стремились остановить распадъ государства. Они старались возвысить княжескую власть, проставить себѣ выше императора, и имперскіи камергерыхъ исключительно подчинить распоряженію имперскіихъ чиновъ. Но такъ-какъ императорская власть воспротивилась распространенію реформациі, то въ евангелическихъ князьяхъ борьба противъ императора соединилась съ борьбою за реформацию. Желаніе, общее всѣмъ свѣтскимъ князьямъ, было: устранить духовное судопроводство и выборы въ пользу церкви, равно и усилить себя зачатіемъ богатыхъ духовныхъ владѣній; у евангелическихъ князей проявилось стремленіе вернуть духовенству его первобытное духовное значеніе.

Когда поселяне, рыцари и князья основали оппозицію свою противъ верховной власти на правахъ реформациі, съ тѣмъ, чтобъ воспользоваться ею для своихъ свѣтскихъ интересовъ, Лютеръ и Меланхтонъ увидѣли необходимость выразить мнѣніе свое объ отношеніяхъ подданныхъ къ свѣтской власти, что прежде не входило въ кругъ ихъ обязанностей, и рѣшеніе чего враздставляло они юристамъ: призваніе свѣтской власти реформаторы исключительно полагаютъ въ сохраненіи права, и боятся всего въ соблюденіи порядка, согласнаго съ божественнымъ закономъ.

Умашъ реформаторовъ, проникнутыхъ релягиозными думами, политическія отношенія казались дѣломъ второстепеннымъ, а главное дѣсто, по ихъ мнѣнію, принадлежало церковному преобразованію. Но такъ-какъ духъ политическаго возстанія мощно вливался въ дѣло реформациі, то оба реформатора требовали отъ подданныхъ безграничнаго повиновенія къ правительству, если только дѣйствіе его не представляла христіанской вѣры.

Мнѣніе реформаторовъ объ отношеніи подданныхъ къ верховной власти глубоко вкоренилось въ умы народа и выразилось въ многообразныхъ формахъ у обоихъ народныхъ писателей первой половины XVI вѣка, Ганса Закса и Фисарта. Могуущественнаго сопротивленія въ дѣлахъ вѣры и безусловнаго повиновенія въ свѣтскихъ отношеніяхъ требовали реформаторы отъ подданныхъ-христіанъ. Но не таково былъ духъ времени: невозможно было даже чрезъ содѣйствіе новой вѣры возстановить политическую терпимость и безусловное повиновеніе между поколѣніями, привыкшими къ дикимъ матажамъ. «Такъ слѣдуетъ учить», говоритъ Лютеръ, «но удержатъ дѣятели я не въ состояніи». Подобно поселянамъ, рыцари хотѣли воспользоваться безпорядками, и оружіемъ старались свергнуть тягостное для нихъ иго. Но опыты тѣхъ и другихъ такъ рѣшительно уничтожены были побѣдами сильныхъ князей, что оппозиція рыцарей и поселянъ навсегда потеряла свое значеніе въ исторіи Германіи. Погибло рыцарство въ древнемъ смыслѣ слова, а поселяне привыкли снова къ прежнему угнетенію. Города, удаленные паденіемъ рыцарей и поселянъ, ищились всякой возможности возстать противъ угнетенія князей. Отъ политическо-практической оппозиціи, которая въ XV столѣтіи возникла между князьями, рыцарями, городами и поселянами, осталась только оппозиція князей противъ подчиненія территорій ихъ имперской власти. Подобно свѣтской оппозиціи, и духовная въ XVI вѣкѣ сосредоточилась въ рукахъ княжеской власти: жители территорій, владѣльцы которыхъ принадлежали къ католицизму, должны были, въ слѣдствіе контр-реформациі, или принять католическую вѣру, или оставить родную. Евангелическое народонаселеніе территорій, во главѣ которыхъ находились евангелическіе князья, не находило причинъ къ оппозиціи противъ существовавшаго правленія: въ отношеніяхъ своихъ къ императорской вла-

сти, которая отказывалась признать исповѣданіе этого народонаселенія, оно только чрезъ владѣтелей своихъ могло удержатъ свою самостоятельность. Если князь получалъ отъ имперіи утвержденіе своего исповѣданія, то во владѣніяхъ его оно водворялось само-собою. Только въ лицѣ князей, самостоятельность исповѣданій находила свою политическую опору, собирала князей вокругъ императора и на противной сторонѣ ставила евангелическихъ князей. Правда, свѣтская оппозиція противъ императорской власти привела и католическихъ и евангелическихъ князей къ общей цѣли — освобожденію отъ подчиненія императору; но религиозный характеръ XVI столѣтія дѣйствовалъ такъ, что достиженіе общей цѣли произошло отъ соединенія католическихъ князей съ императоромъ и отъ вступленія евангелическихъ князей въ оппозицію.

Тогда, какъ въ XV столѣтіи оппозиція существенно вкоренилась въ односторонне-образованныхъ классахъ народа, въ рыцаряхъ, крестьянахъ и городахъ, — въ началѣ XVI вѣка она отъ народа возвратилась къ княжеской власти. Подобно тому, какъ прежде посредствомъ императорской власти она старалась подавить княжескую, теперь она стремилась возвысить княжескую власть на счетъ императорской. Не иматежъ народа, возбужденный религиознымъ и политическимъ стѣсненіемъ, но мощное возстаніе отдѣльныхъ сословій повела къ тридцатилѣтней войнѣ, но оппозиція, образовавшаяся въ сословіи князей противъ того порядка, который императорская власть старалась ввести и поддерживать въ религиозномъ и политическомъ значеніи.

Когда Германія вышла изъ тридцатилѣтней войны, сословія поселянъ и рыцарей, такъ же, какъ и общины, потеряли древнее политическое значеніе, хотя удержались еще развалины формъ каждаго класса. Лишенные жизни и силы, ни древнія сословія, ни древнія общины не могли сдѣлаться

средоточіемъ политической оппозиціи. Сословіе князей, въ которомъ нашла убѣжище оппозиція при началѣ XVI вѣка, удержалось и послѣ тридцатилѣтней войны; но вестфальскій миръ далъ князьямъ такое независимое положеніе, что они едва-ли чувствовали потребность приобрести что-нибудь отъ преобразованія имперіи. Правда, они боялись Австріи, но уже не германской императорской короны, не формъ имперскаго постановленія, которыхъ она была представительницею, а фактической ея силы. Не только политическая, но и религиозная цѣль оппозиціи была потеряна, потому-что миръ упрочилъ за нею полную религиозную свободу, такъ же, какъ и политическое положеніе, независимое отъ ея исповѣданія; вмѣсто прежняго противодѣйствія формамъ имперскаго постановленія, въ князьяхъ обнаружилось сочувствіе къ нимъ: они уже не боялись ни въ какомъ случаѣ, а могли еще многое приобрести отъ него; болѣе-могущественные желали воспользоваться имъ для увеличенія собственного политическаго значенія; болѣе-слабые — предохранить отъ гибели бытіе свое, которому угрожала кака-нибудь опасность.

При такомъ порядкѣ вещей, не могла удержаться оппозиція, явившаяся сначала въ видѣ оппозиціи сословій и общинъ. Какъ бы то ни было, а духовная жизнь Германцевъ пробудилась, и прежнее состояніе госуларства сдѣлалось ненадежнымъ: потому и нельзя было ожидать доверья настоящимъ и совершенной покорности старому правленію. Теперь возникъ вопросъ: въ какой сферѣ жизни германской должно развиваться стремленіе къ преобразованію? Остатки древнихъ госуларственныхъ общинъ и древнихъ сословій рыцарей и поселянъ никогда не были такъ изолированы другъ отъ друга; такъ бываетъ всегда, когда въ политическихъ вѣтвяхъ общества исчезнетъ соединительная жизнь: въ жертвыхъ формахъ остается кака-то отталкивающая и еще рѣвче соединяющая

ихъ сила. Дѣйствительно, всѣ отноше- ния Германцевъ ограничивались отно- шеніями отдѣльныхъ лицъ между со- бою; эти отдѣльныя лица образовали толпы, которыя только чрезъ посред- ства князей и союза территорій со- хранили свое существованіе. По-этому, оппозиція могла образоваться или въ отдѣльныхъ лицахъ, или въ единствѣ территорій; но такъ-какъ противодѣй- ствіе послѣднихъ настоящему поряд- ку совпадало съ прежнимъ ихъ стре- мленіемъ къ приобрѣтенію государ- ственнаго устройства и германской конфедерации, то здѣсь необходимо принять въ разсужденіе исключительно одну оппозицію индивидуумовъ.

Никто не можетъ оставаться совер- шенно-изолированнымъ, если онъ идетъ рядомъ съ другими лицами, даже по- среди нестройной толпы. Въ человѣкѣ всегда живо чувство, заставляющее его соединяться съ одними, отдѣляться отъ другихъ; это чувство не оставляетъ его, пока онъ не достигнетъ живаго соединенія съ подобными себѣ и без- образную массу не воспроизведетъ въ органическое единство.

Глубокое паденіе государства дѣла- ло невозможными соединенія, которыя вкоренились бы въ государственной жизни и могли опереться на бытіи го- сударства. Путь къ образованію ихъ былъ ближе опредѣленъ въ городахъ измѣненіемъ самой жизни; къ собствен- но-городской жизни, возникшей изъ торговли и промышленности, присоеди- нилась уже предъ началомъ реформа- ціи: жизнь, возникшая изъ науки и ис- кусства. Послѣ тридцатилѣтней вой- ны, рыцари, переселяясь въ города, внесли въ нихъ новый элементъ; въ то же время, отношенія должностныхъ лицъ (Beamtenverhältnisse) начали раз- виваться, и въ городахъ достигли окон- чательнаго образованія, а многіе кня- жескіе дворы, отвыкнувъ отъ пересе- ленія, привели придворную жизнь въ соприкосновеніе съ городами. Эти раз- нообразные элементы, столкнувшись въ городахъ, являлись во внѣшности разъединенными, но не остались безъ

вліянія одинъ на другой. Изъ взаимныхъ отношеній ихъ между собою незамѣт- но возрасло поное, прежнимъ време- намъ неизвѣстное существованіе, ко- торое можно назвать *соціальною жизнью*. Въ ней не было еще опредѣленнаго значенія для дѣятельности государства и для дѣятельности каждаго индивиду- ума; всѣ тѣ, которыхъ жизненная дѣя- тельность ограничивалась физическою работою, были исключены изъ нея, а тѣ, которыхъ призваніе требовало въ- котораго рода духовной дѣятельности, входили въ составъ ея. Крестьяне, ремесленники, лавочники не принад- лежали къ соціальной жизни; но зем- левладѣтели, фабриканты и купцы бы- ли ея членами; къ ней принадлежали также чиновники, дѣйствовавшіе по своему собственному усмотрѣнію, но не тѣ исполнители общественныхъ дол- жностей, которые были только оруді- ями въ чужихъ рукахъ.

Многообразныя, частію связывав- шія, частію разъединявшія народъ от- ношенія вызвали новое духовное су- ществованіе — соціальную жизнь; но она не могла, подобно рыцарству и ге- родской общинѣ, достигнуть опредѣ- ленной формы. Не смотря на могуще- ство, съ которымъ соціальная жизнь, возникновеніемъ своимъ, связала уже отдѣльныя лица, свойство ея не было исключительно внутреннее. Органомъ внѣшней дѣятельности для рыцарства были междоусобныя распри, для граж- данства — городское право; въ соціаль- номъ смыслѣ ихъ замѣняло обществен- ное мнѣніе, созданіе соціальной жизни, вмѣстѣ съ нею возникшее. Не смотря на то, что новый органъ общественна- го мнѣнія заключался въ темномъ и не- ясномъ чувствѣ, онъ скоро приобрѣлъ политическое значеніе во всѣхъ дѣй- ствіяхъ и постановленіяхъ, противорѣ- чившихъ правиламъ соціальной жизни; соціальная жизнь чувствовала себя глу- боко-оскорбленною, и общественное мнѣніе начинало борьбу не противъ отдѣльныхъ политическихъ угнетеній, но противъ самого принципа, отъ ко-

того они действительно или видимо происходили.

Военное дѣло, какъ призваніе жизни, соединило всѣхъ посвящавшихъ ему свое служеніе въ одно сословіе — рыцарство. Такъ-какъ одно независимое положеніе въ жизни могло допустить это беззездное служеніе, то къ рыцарству сначала принадлежали одни владѣтели большихъ земель. За то, что рыцарь проливалъ кровь свою за государство, имѣніе его освобождалось отъ всѣхъ податей и налоговъ, падавшихъ на другихъ земледѣльцевъ, и эти суммы употреблялись уже на военныя издержки. Такъ, военное ремесло образовало высшій классъ общества: князья нашли себѣ въ рыцаряхъ помощниковъ и ихъ однихъ допускали въ свое общество. При дальнѣйшемъ распространеніи рыцарства, въ ряды его не допускались тѣ, чьихъ отцы и дѣды не посвящали всей жизни своей военному дѣлу: въ слѣдствіе этого, составилъ классъ наследственныхъ рыцарей. Такъ продолжалось до тринадцатилѣтней войны, когда обязанность быть воинами не была уже исключительно принадлежностью родовыхъ рыцарей. Въ жизни общественной, значеніе потомковъ прежняго воинства заключалось въ правѣ владѣнія землями, доставившимися по наследству, въ блестящаго происхожденія. Военное званіе освобождало отъ тягостныхъ налоговъ имѣніе прочихъ гражданъ государства, а съ устраненіемъ односторонне-воинственнаго положенія рыцарей исчезло и основаніе, по которому прежде они одни составляли свиту князей. Не смотря на то, потомкамъ рыцарей удалось удержать исключительно право на управленіе рыцарскими имѣніями, а изъ обычаевъ прежняго времени, въ которое они были единственными товарищами князей, приобрѣли они право пріѣзда ко двору. Отъ колыбели до могилы сопровождали они государя и стѣсняли горизонтъ его дѣятельности въ отношеніи государственной жизни: потому давство-

ронный и ограниченный образъ возрѣнія рѣдко допускалъ развитіе какой-нибудь замѣчательной княжеской личности. Трудно было бы обществу мнѣнію рѣшительно возстать противъ класса родовыхъ рыцарей, еслибъ они, при переѣнахъ послѣднаго времени, удержали только старое значеніе свое, а не вздумали присвоивать себѣ неслыханныхъ правъ.

Когда народъ принялъ на себя обязанности войны, то потомки рыцарей стали утверждать, что они вовсе не обязаны защищать государства, и требовали, чтобы тѣмъ изъ нихъ, которые, по собственному побужденію, возьмутся за оружіе, упрочено было исключительное право на офицерскіе чины. Когда гражданская служба развилась въ формахъ прежде невѣданныхъ, то родовые рыцари взились за нее, какъ за средство удержать колебавшееся значеніе своего класса, и почитали нарушеніемъ правъ своихъ, когда въ высшія должности избирали чужихъ, непринадлежавшаго къ ихъ сословію; по мнѣнію ихъ, рыцарское рожденіе необходимо было для занятія высшихъ общественныхъ должностей.

Не смотря на то, что потомки рыцарей потеряли столь важный прежде-воинственный характеръ, не смотря на то, что владѣніа ихъ перешли въ другія руки, они все-еще такъ сильно дѣйствовали въ народѣ, что безъ нихъ образованіе германскаго государства казалось невозможнымъ; но подобное положеніе не оправдывало ихъ желанія освободиться отъ обязанностей прочихъ подданныхъ, преимущественно же относительно военной службы и платы податей, не давало имъ права исключительно занимать всѣ важныя должности. Преимущества родовыхъ рыцарей, ослабленные обычаями, противорѣчили субстанціи социальной жизни, возросшей на призракъ равенства всѣхъ элементовъ, и потому противъ нихъ возставо общественное мнѣніе.

Независть, возбужденная противъ родовыхъ рыцарей, усиливалась грубостью тѣхъ изъ нихъ, которые жили

въ отдаленіи отъ двора, равно-какъ и французскій образованіемъ, пользовавшимся рѣзкое ограниченіе между придворными и народомъ. Чувство это уже обнаружилось во время тридцатилѣтней войны, чему доказательствомъ служить *Trostgedicht in Widerwärtigkeit des Krieges*. Опана.

Но кромѣ, чѣмъ притязаніями рыцарства, социальная жизнь была оскорблена развитіемъ германской княжеской власти, вліяніе которой не повторилось въ исторіи и осталась исключительною принадлежностью германскаго народа. Въ своихъ меньшихъ частяхъ, княжеская власть едва отличалась отъ вѣдущественныхъ подданныхъ общинныхъ территорій; въ высшихъ же чинахъ, стояла она наравнѣ съ европейскими державами, и этимъ особеннымъ свойствомъ внесла въ германскую политическую жизнь элементъ, имѣвшій глубокое значеніе. Отличіе князей отъ прочихъ имперскихъ чиновъ, заключалось прежде въ отношеніяхъ ихъ къ императору и въ правѣ дѣйствовать въ имперію въ качествѣ членовъ сейма. Пра уничтоженія значенія императора и имперіи; это отличіе утратило большую часть своей древней важности; въ послѣднее время, всѣ отношенія владѣтѣль къ территоріи ограничились правомъ съ одной стороны, и обязанности съ другой. Тогда въ политически-измѣненномъ народѣ князья дали почувствовать, что право исключительно принадлежитъ имъ, что оно какъ-бы передано имъ свыше, и этимъ они глубже моралии возникшую социальную жизнь; несвѣдѣ къ нимъ возрасла еще болѣе, потому-что князья часто давали первенство своимъ личнымъ интересамъ передъ интересами территорій своей; тогда только возможно было бы подобное состояніе, когда бы вѣчное право исчезло въ Германіи. Социальная жизнь, эта неопредѣленная, лишённая разграниченія и ограниченія, но тѣмъ не менше дѣятельная была съ жаромъ выступила противъ историческихъ стремленій родовыхъ рыцарей и князей. Такъ-какъ

положеніе этихъ общихъ составныхъ частей народной жизни рѣшительно утвердилось въ германскомъ бытѣ, который въ имперскомъ постановленіи все еще видѣлъ краугольный камень своего могущества, то представился вопросъ: при какихъ же условіяхъ возможно преобразование? Должно было рѣшить, произойдетъ ли оно собственно отъ положительнаго права Германіи, или по общей нормѣ каждаго права. Отвѣтъ долженъ былъ послѣдовать со стороны юристовъ, какъ представителей естественнаго права.

Въ средніе-вѣка, право образовалось въ-слѣдствіе жизненныхъ отношеній, требовавшихъ порядка, и возрасло вмѣстѣ съ ними, такъ-что рѣдко могло встрѣтиться оскорбленіе права, если оно не было въ то же время и оскорбленіемъ жизненныхъ отношеній. Если же и бывали исключенія изъ правила, то несоблюденіе права не легко было замѣтить, потому-что народъ не привыкъ еще отдѣлять права отъ фактическаго состоянія, которому оно служитъ основою, не привыкъ еще видѣть въ немъ блага, которое уважать должно выше всего. Недовольство настоящимъ не могло явиться въ средніе вѣка въ образѣ сопротивленія власти, которая оскорбляла право, но не отяготила вичемъ фактическаго состоянія общества. Съ конца XV вѣка, правдъ въ сознаніи германскаго народа, начало все болѣе-и-болѣе принимать видъ самостоятельнаго блага. По учрежденіи камергерихта, общественныя распри не рѣшались уже болѣе посредствомъ междоусобій, но оканчивались основаннымъ на правѣ рѣшеніемъ высокаго имперскаго суда; тогда адвокаты и ассессоры въ Ветцларѣ принуждены были рѣзко и опредѣленно выставить отношенія общественной жизни, бышнія причинами раздоровъ, и потомъ указать норму права, которая бы могла быть приложена къ дѣлу. Такъ-какъ ассессоры и адвокаты камергерихта находились въ живой связи съ постепенно-выступавшимъ сословіемъ юристовъ, то во второй половинѣ XVI

вѣка спорные вопросы о правѣ имперско-го и территориальномъ были уже по всей Германіи разсматриваемы юристами. *Commentaria, observationes, sententiae, conclusiones, decisiones, consultationes*—являлись во множествѣ. Въ это время, побѣда римскаго гражданскаго права была рѣшена окончательно. Юристы приложили чуждое право къ общественнымъ отношеніямъ, указывая въ римскомъ правѣ соединительную силу для имперскихъ законовъ, большую частью устарѣлыхъ. Изъясканія, раз-начатыя учеными, не могли оправдать ложности какого-нибудь взгляда, который мечталъ подчинить политическое состояніе Германіи государственному праву чуждаго народа или чуждаго времени. Явились люди, которые оспаривали господствовавшее возрѣвіе и изъяскивали другіе источники, изъ которыхъ могло бы составиться настоящее право, приспособленное къ общественнымъ отношеніямъ Германіи. Между ними первый былъ Хемницъ, который въ 1640 году приоб-рѣлъ великое вліяніе изданной имъ «*Dissertatio de ratione status in imperio nostro Romano-Germanico*». Осторожнѣе, но не менѣе рѣшительны и несообразны съ тогдашними формами имперіи, были мнѣнія, которыя высказалъ Самуиль Пуффендорфъ въ изданномъ имъ въ 1767 году сочиненіи «*De statu Germanico*».

Мысли Хемницца и Пуффендорфа, выразивъ возможность, даже необходимость преобразования въ настоящемъ политическомъ состояніи, часто и различно повторялись въ политическихъ сочиненіяхъ послѣдней половины XVII и начала XVIII вѣка. По мнѣнію многихъ юристовъ, социальная жизнь, недовольная настоящимъ въ отношеніяхъ своихъ къ князьямъ и родовымъ рыцарямъ, требовала большихъ пере-мѣвъ въ германскомъ государственномъ правѣ. Но такъ-какъ рядомъ съ германскимъ правомъ мало-по-малу воз-высилась новая сила, стоящая выше всякаго положительнаго права — есте-

ственное право, то изъ него уже долж-но было развиться мнѣіе о преобразо-ваніи.

Такимъ-образомъ, въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, выступила снова теоретическая оппозиція, кото-рая появилась было въ концѣ XV вѣ-ка, но была сдвинута могуществомъ религіознаго движенія. Общественное мнѣіе, естественное право, государ-ственное право, во многихъ пунктахъ соприкасались другъ съ другомъ; но съ половины XVIII столѣтія началось ихъ окончательное сліяніе, въ слѣд-ствіе дѣйствія, произведеннаго появленіемъ, въ 1752 году, сочиненія Руссо «*Du contrat social*». Возникшая вновь духовная сила достигла общаго господ-ства, не смотря на старанія юристовъ поддержать германское государствен-ное право и упрочить ему самостоя-тельность. Отъ государственнаго права сила эта получила стремленіе къ пре-образованію существовавшаго поряд-ка, отъ тогдашней философіи уваженіе къ такъ-называемому здравому чело-вѣческому смыслу, и отъ обществен-наго мнѣія—свою раздражительность и безобразность. Она не была плодомъ просвѣщенія (*Aufklärung*), но самымъ просвѣщеніемъ въ стремленіи его къ по-литическому элементу. Просвѣщенныя правленія требовали также и просвѣ-щеннаго законодательства. Но такъ-какъ эгоистическая субстанція просвѣ-щенія обнаружилась въ видѣ оправданія врожденнаго общечеловѣческаго разума, въ видѣ безусловнаго оправданія субъективнаго произвола, и изъ нихъ обоихъ возникло условіе пользы, то эти основныя постановленія должны были явиться и въ политической сферѣ, которая, подобно всякой жизненной дѣ-ятельности, зависѣла отъ просвѣщенія.

Первое и основное начало просвѣ-щенія было слѣдующее: «не допускать субстанціальной и связывающей силы, кромѣ той, которая понятна и удобо-объяснима»; ему принадлежало только то, что было понятно для него, тогда-какъ духъ человѣческій долженъ стре-миться къ пониманію всего, что суще-

ствуетъ въ мірѣ (*). Невозможно ясно понять и объяснить существованія чудной силы духа націи, который пробуждаетъ въ народѣ живое единство, даетъ ему личность и образуетъ ему государство, какъ форму его проявленія. Невозможно ясно понять и объяснить силу сознанія въ человѣкѣ, что онъ составляетъ одно цѣлое съ своимъ народомъ и своимъ государствомъ, а это сознаніе, проявляясь въ образахъ вѣрности и повиновенія, спокойнаго и сильнаго чувства собственно-политической чести, проводитъ безопасно государство сквозь бури и волненія. Несомнѣнная истина творящаго духа народнаго и сохраненіе политической вѣрности и чести такъ близко подходить къ духу человѣческому въ лучшие часы его, что даже и въ менѣе-благоприятныя мгновенія, когда они появляются въ невѣромъ отдаленіи, по одному воспоминанію, не позволяютъ уже сомнѣваться въ своемъ существованіи. Но такъ-какъ духъ понятнаго не составляетъ еще органа пониманія, то эта истина и должна была остаться невѣриванною въ прошедшемъ столѣтіи. До-тѣхъ-поръ, пока народъ почитается одною оумною отдѣльныхъ лицъ, государство можетъ возникнуть и развиться не иначе, какъ отъ условія между этими отдѣльными лицами; но такъ-какъ духовная сила повиновенія, вѣрности и чести исчезла изъ политической жизни, то механическая власть и условенный законъ сдѣлались единственными средствами къ предохраненію государства отъ колебанія и паденія. Не по разумному желанію, а только по необходимости, стремились отдѣльныя лица составить вѣчто цѣлое.

Второе основное правило просвѣщенія — признавать отдѣльное лицо не болѣе, какъ отдѣльнымъ лицомъ, а не членомъ высшаго единства, и опредѣ-

лять его свойства только его индивидуальностію, а не силою, которая была выше произвола индивидуума, — воззвало изъ политической сѣры на правленіе, которое для каждаго стремленія народнаго духа условіемъ полагало дѣйствіе его на отдѣльныя лица. Когда отвергнуто было единство между древними и новыми поколѣніями одного и того же народа, то каждое постановленіе, завѣщанное предками, являлось какъ-бы чуждою тираническою силою, которая тогда только получила прочность, когда ее признавали поколѣнія настоящаго. Когда отвергнуто единство поколѣній, живущихъ въ одно время, то всѣ государственныя постановленія, возникавшія изъ этого единства, таятъ въ себѣ невыносимо падежъ отдѣльными живыми, непризнававшими никакого внутренняго единства. Развивается духъ (говоритъ Гёте въ двѣнадцатой книгѣ своихъ *Dichtung und Wahrheit*), который можно назвать стремленіемъ къ независимости. Никто не хотѣлъ терять надъ собою повелителей, никто не хотѣлъ стѣсненія; этотъ духъ обнаруживался повсюду: древность являлась столь давно-великою, столь увлекательною потому только, что она представляла элементы свободы во всей ихъ силѣ; но, что дѣйствительно отъ нея произошло, то не нравилось ратующему духу, — безумно и дико выразился въ тогдашнихъ современныхъ листахъ гнѣвъ противъ каждаго высоко-поставленнаго лица.

Третье основное правило просвѣщенія — изысканіе субстанціи существовавшего порядка вещей относительно ихъ пользы, слѣдовательно не такъ, какъ онѣ существуютъ сами-по-себѣ, но что значать онѣ въ-отношеніи ихъ къ другимъ (*), — повело, въ политической сѣрѣ, къ разложенію каждаго явленія государственной жизни, разумѣется, относительно его пользы. Но такъ-какъ не тронуты были, по своей

(*) Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters, dargestellt von J. H. Fichte. Berlin, 1806, стр. 4.

(*) Fegely: Geschichte der Philosophie, T. III, стр. 536.

ирраціональности, высшіе интересы и по отрицанію всякаго возможнаго единства отрицаемо было единство между поколѣніями настоящаго и будущаго, то «вообще вниманіе», какъ замѣчаетъ Фихте (*), «устремлено было на непосредственно и матеріально-полезное, на то, что служило для жилища, одежды и пищи, для матеріальнаго благосостоянія, удобства жизни, и вышесего была покорность модѣ. Опытъ, который вниманіе свое преимущественно обратилъ на непосредственную, матеріальную пользу, менѣе всего могъ принести пользы государственному быту Германіи.

Просвѣщеніе, по мѣрѣ вступленія своего въ политическую сферу, не дало образа государству, введенному въ жизнь, ни отрицаніемъ духовной дѣйствующей въ государствѣ силы, ни чрезвычайнымъ возвышеніемъ отдѣльныхъ жизней, ни уничтоженіемъ страха духовныхъ нападеній на настоящее. Непосредственное презрѣніе къ настоящему натурально повело къ привсканію чего-нибудь новаго; болѣзненное безпокойство старалось отыскать для государства сообразныя съ разумомъ и общепользныя формы, но оно не вынесло ничего, кромѣ мечтательныхъ теорій, которыя падали сами собою. Люди, преимущественно обязанные дѣйствовать въ жизни, должны были почувствовать эту потребность и способствовать общему стремленію.

Причина, недопустившая политическое просвѣщеніе на до какихъ результатовъ, заключалась въ различіи положенія той силы, которая нападала на настоящее, и той, которая старалась её поддержать. Правительство каждаго большаго или малаго германскаго государства составляло крѣпко-связанное единство, и потому могло ясно видѣть свое призваніе и обратиться единенныя силы индивидуумовъ на поддержаніе настоящаго. Къ-тому же,

просвѣщеніе водворилось не въ социальной жизни, форма и образованіе которой находились въ самомъ ненадежномъ и колеблющемся состояніи. Тогда только, когда социальная жизнь приобрѣла прочную форму, могъ быть успѣхъ въ борьбѣ просвѣщенія съ устарѣлыми общественными формами. Возѣ-крѣпкая связь и большая дѣятельность силъ, вкоренившаяся въ социальную жизнь, основались чрезъ переписку и изданіе многочтываемыхъ журналовъ, преимущественно листковъ, издававшихся подъ редакціею Шлѣпера и Векерлина. Образованная форма государства, собственно постановленіе, должно было показаться столь существенно-необходимымъ; что едва-ли могъ предвидѣться недостатокъ въ обществѣ пособіи; тогда-то, къ концу 1770 года явился орденъ просвѣщенныхъ, или *аллюминатовъ*:

Но такъ-какъ просвѣщеніе неспособно было отразиться въ какой-нибудь прочной формѣ, то политическія постановленія и не могли оказаться, чтобы оно повело къ внезапному и насильственному разрушенію. Не смотря на то, въ глубинѣ духа горѣло просвѣщеніе, которое, подобно пламени, или сожгло бы человѣка, или воставило бы его достигнуть своей цѣли; оно сдѣлало по одной поверхности души. Конечно; многое казалось ему неприятнымъ; многое бесполезнымъ и виноватымъ, но силы въ снѣгахъ подвигали ему не доставало. Не прирванъ силы, не отчаянное усиліе, подобное тому, которое рождается въ челоуѣкѣ, доведенномъ до крайности лишеніемъ первыхъ потребностей жизни, могли подвигнуть просвѣщеніе къ разрушительной отвѣтѣ,—потому не могли, что оно водворилось въ социальной жизни, основные элементы которой естественны ли порядокъ и благоустроенію семейную жизнь. Тѣ же люди, которые всю Германію называли недостойною истиннаго просвѣщенія, сами не преступали ни одного закона общественной жизни. Не оны, но только тѣ составныя части германскаго наро-

(*) Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters, стр. 59.

да, которые были исключены из социальной жизни, начали грозить сильными и открытыми нападениями на стоическому.

Между тем, как в германском государстве поселяны были смена роскошных плодов, все старая государственные формы приняли такой вид, что одно устройство их могло упрочить политическое бытие германскому народу. Со времени тридцатилетней войны до половины прошедшего столетия, масса народа смотрела с постоянным равнодушием на эти обветшалые формы. Она не понимала своей политической слабости, не чувствовала своего политического развития. Первый шаг к истинно-политическому стремлению могло совершить сознание слабости настоящего, и шаг этот в народ предоставлен был просвещению, которое указало печальное состояние настоящего, указало некоторые истины, и частым повторением вкоренило их в жизни народной. Но все сказанное не дает права потомкам смотреть с презрением и насмешкою на благородное стремление достойных уважения людей того времени потому только, что они не могли перескочить промежуток, находившийся между ступенями развития политической деятельности.

Просвещение могло быть пагубно тогда, если бы оно в том же виде и без всяких перемен перенесло свои правила на будущия поколения; но еще до революции появились намеки, обещающие дальнейшее развитие этих правил. Прежде всего необходимо было уничтожить неестественное слияние общественного мнения с правым естественным и государственным. Тогда только, когда философия отрывалась от неверных концепций того времени, могла исчезнуть безумная идея, что государственная жизнь может следовать за извечною системою философии и усваивать себе запутанные мнения ученых. До революции еще, в полном цвете лет, юзала человек, который должен

был освободить философическое мышление от героев дня и уже в 1779 году обнаруживал свою критику Чистого Разума. До революции, еще родились оба мужа, которым предоставлено было уничтожить безумную идею, что произвольное условие между людьми может быть источником права. Социальная жизнь, которая должна была измениться совершенно в своем политическом направлении, когда философия и право перестали быть ея рабами, должна была принять надлежащее участие в образовании будущего государства германского, и вместо отрицания форм настоящего принять существование целию свою изыскание зерна для нового государства в самой германской жизни. Сила, включавшаяся в ея общности, как она политически указана была, напр., Мозером и Шабцером, Галемом и Штольбергом, была разрушена; тогда в необходимой борьбе партий свободно и самостоятельно могли развиваться политическая индивидуальности и сызвать возможными в германском народе и стремление к государству и направление его к творчеству. Не коснующею государственною жизнью благопріятствуемо было подобное развитие: гораздо-более помогала ему частная жизнь и жизнь в религии, наук и искусств, которая дает пищу народному бытию; и теперь предстоял вопрос: чего ожидать от них германскому народу?

Обзорный частной жизни составляет второй отдел второй части в сочинении г. Пертеса, который пользовался поименованными источниками, заслуживающими полного внимания: «Geist und Character des Achtzehnten Jahrhunderts» von Ienisch. 1800. Berlin (Дух и Характер XVIII-го столетия, сочинение Иенша. Берлин. 1800), в котором, кроме биографий и многочисленной переписки, содержатся многия превосходныя замѣтки; «Geist der Zeit» von C. M. Arndt (Дух Времени, соч. К. М. Арндта); «Ueber den Zeitgeist in Deutschland» von Bran-

des. Hannover. 1808 (О Духъ Времени въ Германіи, соч. Брандеса. Ганиоверъ. 1808) и пр. и пр.

Происхождение и замкнутость семейной и домашней жизни относительно народа и государства, получили настоящее выраженіе въ средневѣковомъ правѣ. Ограда, отдѣлявшая домъ и общину отъ государства, была непроницаемымъ святилищемъ. Въ домѣ, гдѣ жилъ гражданинъ, должно было господствовать совершенное спокойствіе: внутри его четырехъ стѣнъ никакой приговоръ не могъ поразить его. Семейство среднихъ вѣковъ не знало иной власти, кромѣ власти главы своего; во самъ человекъ, находившійся во главѣ дома, не былъ бы свободнымъ человекомъ, если бы онъ не принадлежалъ къ большому или меньшему кругу общественной жизни, не дѣйствовалъ за нее, не терпѣлъ ея страданій. Когда имперія или ленный владѣтель нуждались въ мужественномъ сердцѣ и сильной рукѣ, то рыцарь покидалъ замокъ, чтобы подышать воздухомъ поприща боѣе обширнаго. Бюргеръ не думалъ о своихъ магазинвахъ и мастерскихъ, когда община нуждалась въ немъ: онъ стоялъ на стѣнахъ, если городу грозили нападеніемъ; поселанія также употребляли всѣ средства для поддержанія правъ своихъ и независимости своего имѣнія. Свѣжее дыханіе жизни въ имперіи, общинѣ и союзѣ, устремляло всѣ семейства къ главамъ ихъ и наполняло тѣсныя дома великими интересами національности. Но въ прошедшемъ столѣтіи, все это измѣнилось. Германское государство забыло происхождение семейства и вторгнулось во внутренность домашней жизни.

Тогда-какъ, съ одной стороны, домъ частнаго человека былъ въ маломъ объемѣ представленіемъ высшей власти, съ другой стороны ему необходима была живая связь съ государствомъ; иначе дѣятельность его была ничтожна для государства. Вся политическая дѣятельность удалась къ кня-

зьямъ и исполнителямъ ихъ воли; рыцарей, бюргеровъ и поселанъ въ прежнемъ общественномъ смыслѣ уже не было.

Такъ-какъ отцы семействъ и старшіе въ домѣ находились въ соединеніи съ государствомъ только какъ составляющіе часть этихъ же семействъ, то пересѣчены были всѣ пути, которыми общественная жизнь могла проникать къ семейству. Религія, наука и искусства, находившіяся въ какомъ-то оцѣпенѣніи въ первой половинѣ столѣтія, и въ сильномъ броженіи во второй, не могли семейству замѣнить недостатокъ государства. Ни въ какомъ кругѣ жизни не было того прочнаго порядка вещей, который въ другія времена уже однимъ существованіемъ своимъ сопутствовалъ человеку и, съ нимъ выстѣ, семейству его къ прочному положенію въ государственномъ, церковномъ и литературномъ движеніи. Брошенное въ безобразное смѣшеніе разныхъ началъ, семейство было предоставлено самому-себѣ и необходимо было разрѣшиться, довольно ли въ немъ было жизненной силы, чтобъ поддержать себя и развиться.

Въ прошедшемъ столѣтіи, германскій народъ получилъ въ наслѣдіе отъ древнихъ временъ разнообразное богатство семейственныхъ формъ; но чтобъ онъ въ коснѣющее государство могли влить новыя силы, то должны были скрывать въ себѣ жизнь, которая бы побудила мужичка, слѣдовательно отцовъ семействъ, вступить въ государство, даже и тогда, если бы оно не желало принять ихъ. Духъ семейственный былъ такъ силенъ, что могъ изъ состоянія дикости, послѣдовавшаго за тридцатилѣтнею войною, взлѣгъ снова достойную уваженія и чистую семейную жизнь. Извѣстія Гёте, Мозера, Арпата, Гердера и многихъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ людей указываютъ во всѣхъ сословіяхъ и странахъ Германіи на семейства, которыя заставляли обращать вниманіе на дѣйствующія силы германскаго народа. Но такъ-какъ германское го-

сударствъ съ презрѣннѣею смотрѣло на семейство и лишало его живой связи съ общиною и государствомъ, то семейство и развилось въ единствѣ, въ самомъ-себѣ замкнутомъ. Отцы семействъ были только отцами семействъ, и потому не могли достигнуть истиннаго своего назначенія. Они лишены были тѣхъ дружественныхъ и враждебныхъ соприкосновеній, которыя въ политической жизни образуютъ чело-вѣка и даютъ ему зрѣлость. Только въ своей домашней жизни научались они отношеніямъ къ другимъ людямъ, и то только въ качествѣ руководителей. Когда ихъ уважали и оказывали снисхожденіе къ ихъ слабостямъ, то они становились сами снисходительны къ своимъ недостаткамъ и странностямъ, и потому представляли собою гордость и раздражительность противъ посторонняго лица; такія явленія нерѣдко повторялись въ семействахъ, замѣчательныхъ духовнымъ образованіемъ. Отцы семействъ, заключааясь въ тѣсной кругъ своей домашней жизни, не приходили въ соприкосновеніе съ обществомъ и съ непоколебимою важностію преслѣдовали одно назначеніе — быть достойными главами семействъ.

Отецъ мой, родившійся въ 1729 году, рассказываетъ Фридрихъ Карлъ фонъ Штромбекъ (*): подобно отцу своему и дѣду, не занималъ никакой общественной должности. Такъ-какъ они, во примѣру предковъ своихъ, не могли быть бургомистрами отечественнаго города ихъ Брауншвейга, то почитали за лучшее оставаться въ частной жизни. Отецъ мой, человекъ строгій, справедливый и честный по старинному, былъ въ высшей степени важенъ и богѣ всего наблюдалъ уваженія къ своей особѣ. Я не помню, чтобъ онъ когда-нибудь ласково говорилъ съ моею матерью или съ нами, дѣтми, чтобъ когда-нибудь на лицѣ его выразилась нѣжность при

взглядѣ на свое семейство. Онъ требовалъ только глубочайшаго уваженія къ себѣ, строжайшаго исполненія обязанностей, и далѣе уже ничего не требовалъ. По-этому, всѣ домашніе, не исключая и матери моей, находились, въ отношеніи къ нему, въ величайшей подчиненности. Отъ служителей своихъ онъ требовалъ буквальнаго исполненія своихъ приказаній, безпрекословнаго и скорого повиновенія. Подобный образъ мыслей у отца моего сдѣлался второю натурою до такой степени, что онъ находилъ удовольствіе только въ кругу замѣвшихъ отъ него домохозяевъ и не зналъ никакого общества, кромѣ дружескаго. Въ одиннадцать часовъ входилъ служить, и одѣваніе отца моего начиналось съ такою важностію, какъ будто бы это было уголовное или государственное дѣло, въ которомъ отъ пражекъ на башмакахъ до парика и трости съ золотымъ набадашникомъ онъ не касался иначе, какъ чрезъ руки своихъ служителей.

Люди такого рода не могли имѣть вліянія на общественную жизнь, но за то они ревностно старались, въ тѣсномъ кругу своемъ, развить стремленіе къ религіи, къ наукѣ и къ искусству. Съ половины прошедшаго столѣтія выступило во всей силѣ мнѣніе, что бракъ не долженъ быть личнымъ избраніемъ, но только полезнымъ средствомъ къ достиженію другихъ цѣлей — приобрѣтенію богатства, силы или выгодныхъ семейныхъ связей. Когда укоренилось это мнѣніе, семейству трудно было удержать свое духовное положеніе. Мелкія ежедневныя происшествія наполняли домашнюю жизнь и дали ей самый однообразно-ничтожный и мертвый характеръ. Погружался въ мертвящую, лишенную всякаго духовнаго содержанія привычку, семейства этого рода могли только вводить въ государство людей, почитавшихъ мыслию народъ и отечествъ пледями разстроеннаго воображенія, которыхъ долженъ былъ остерегаться спокойный отецъ семейства. Ограниченное однообра-

(*) Darstellungen aus meinem Leben von F. K. von Strombeck, Braunschweig, 1835, т. I, стр. 7.

дое семействъ германскихъ германскихъ семействъ потеряло глубокое потрясение, когда, при наступлении послѣдней трети прошедшаго столѣтїа, лучшая часть молодого поколѣнїа признала духовное ведичіе въ необузданномъ волненїи бунтующихъ страстей; бездушной и пустой массой предоставлено было влечь жалкое семейное существованіе вдали отъ внѣшнихъ событїй; но для всѣхъ, которые способны были къ духовной жизни, семейство должно было основываться на безусловно-признаваемой силѣ бурной чувственной любви. Раздражительная чувственность имѣла посредникомъ своимъ духовное побужденіе, но тѣмъ порочнѣе являлась она, что употребила духовное начало средствомъ къ достиженію чувственныхъ цѣлей. Глубоко проникло это направленіе къ ту часть народа, которая возбуждена была къ духовной дѣятельности. Страданїя Вертера читались съ жаромъ, и почти всѣ замѣчательныя стихотворенїа кружились около пламеннаго побужденїа къ чувственной любви. Разумѣется, драмы и романы могли означиваться, когда чувственность достигала своей цѣли, но дѣйствительная жизнь не выдала передъ собою благопрїятнаго окончанїа. Судьба семействъ, основанныхъ на страсти, разоблачала отдѣльныя личности, и прекрасныя мечты падали сами-собою. Тогда уже бракъ лишился средствъ наполнять холодную пустоту жизни, и образовались семейства, которыя или подчинялись сентиментальному призраку семейной жизни, или раздорами и фальшпрїятелье обнаруживали червь, медленно точившаго ихъ внутренность. Требованїе развода сдѣлалось до такой степени всеобщимъ, что правительство принуждено было согласиться на уступки: во многихъ кругахъ народа семейной жизни угрожала потеря внутреннего единства и истины. Но когда подточены корни силы человѣка, онъ рѣдко можетъ сохранить спокойствїе и твердость внутреннего бытїа; расползденїе души, полное расстройствѣ

семейныхъ, онъ вноситъ въ жизнь государственную, и обязанности ея, какъ гражданину, не достаетъ духовной твердости, безъ которой онъ никогда не можетъ оставаться дѣйствующимъ членомъ общества.

Тѣ же пороки, которыми заражены были отдѣльныя семейства, необходимо должны были отразиться и на общественныхъ отношенїяхъ; этого не можетъ избѣжать государство на высшей степени своего развитїа. Государство опредѣляетъ необходимое для него соединенїе своихъ гражданъ, но внѣшнимъ признакамъ ихъ, которые заключаются въ развитїи должностей, собственности, ремеслѣ; но во многихъ случаяхъ внѣшнее раздѣленїе состоянїй государства не всегда совпадало со внутреннимъ соединенїемъ народа (*).

Правда, религія, наука и искусство, не смотря на внѣшнее раздѣленїе, имѣютъ предметомъ своимъ единъ и тотъ же кодъ внутренняго средства, между тѣмъ, какъ собственно для себя они рѣдко могутъ прорвать внѣшнїе, раздѣляющїе ихъ предѣлы и остановить распространенїе безенїа, мутнаго во всѣхъ призывахъ и подталкивающаго самые корни государства, — безенїа, которое являлось всегда, когда живое духъ не находилъ средствъ освободиться отъ мертвой формы. На помощь государству посредникомъ выступила общественность. Она произошла не отъ государства, какъ политическая жизнь, и потому не связана была положительными формами и границами; нероуряденная въ высшую сферу религіи, науки и искусства, она истинно понимала ихъ значенїе, и, не смотря на всѣ препятствїя, самою природнаго влеченїа вела къ единству все средственное между собою.

Деяроднаго столѣтїа, германская общественность была исключительно связана съ семействомъ, но въ то же

(*) См. «Schleiermachers Grundriss der philosophischen Ethik», изданное Таммомъ (стр. 171 и слѣдующїа).

время и ограничивалась имъ однимъ. Мужчины, женщины и дѣти всякаго возраста, принадлежавшіе къ родству между собою во второй или въ третей степени, въ торжественныхъ случаяхъ собирались на большіе праздники, которые прерывали ихъ однообразную жизнь, но не могли имѣть никакого притязанія на общественность. Знакомства дѣлались иногда и внѣ круга родственниковъ, но они не замѣняли государству недостатка общественной жизни. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія, обнаружилось уже нѣкоторое стремленіе къ обществу, которая начала принимать форму, выходившую изъ тѣсныхъ рамокъ семейнаго круга. Въ то время образовались сходбища или *casinos*, расширявшіеся гдѣ за десять до революціи и церемонія обществу изъ частныхъ домовъ въ гостиницы; вмѣсто малаго числа семействъ, которыя соединялись рѣдко и то въ торжественные дни, выступила толпа людей, которымъ обратилось въ привычку ежедневное, но также и безцѣльное соединеніе. Не бланкое родство, не общіе интересы и направленія соединяли членовъ казино, а родъ вѣщиваго равенства въ положеніи жизни, по званію почитателей, по богатству или по образу занятій. Между этими людьми не было внутреннего единства: могло ли слово, вышедшее изъ глубины духа, восторжествовать надъ снѣженіемъ голоса между тѣми людьми, для которыхъ великіе человѣчскіе интересы были то же самое, что дневныя новости, в. о. составляли предметъ вѣстныхъ разговоровъ? Мало-по-малу, ослабѣла средство, которыми разсоединялись собранія, и почитатели казино съ каждымъ днемъ все скупѣе возвращались домой, и вносили скуку эту въ семейство. Такое смеловно-повторяемое сходбище стужитъ угрозу государствену разрушенію семейной жизни, не представляла ничего для дѣятельности народа.

Люди послѣднихъ десятилѣтій прошедшаго вѣка представляли государ-

ство самому себѣ, потому-что семейства, главами которыхъ они были, оградили себя гордостью отъ доступа общественной жизни, или впади въ ничтожныя привычки ежандернаго быта, или разрушены были дѣйствіями завлѣдывающихъ страстей. Правда, основанія духовныхъ цѣлей и форма жизненныхъ отношеній положены были въ кругу тѣхъ, которые, будучи съ дѣтства приучены къ семейству, могли содѣйствовать въ зрѣломъ возрастѣ къ созданію государства; но необходимо сохранныя дары, посланные свыше, чтобъ они могли принести желанное плоды. Случается иногда, что человекъ съ младенчества преданный бурямъ жизни, или возраставшій въ разединенномъ семействѣ, обнаруживаетъ необыкновенную силу духовнаго стремленія; но тогда вспыхиваютъ только летучія искры, полныя благодати и чуждыя человѣку въ связи своей. Напротивъ того, человекъ, который занимается единство духовнаго стремленія, неуклонно идетъ къ своей цѣли и прокладываетъ яркій слѣдъ въ общественной жизни, — такой человекъ возмужаетъ всегда въ животворномъ лонѣ семейства. Въ прошедшемъ столѣтіи, отъ семейства только могло образоваться государство, полнее мощныхъ и живыхъ покровителей.

Средъ тридцатидѣтней войны, когда разрушилось прежнее политическое состояніе имперіи и политическая обстановка, семейство появилось Германіи въ образѣ высшаго блага, потому-что иное благо ему было неизвестно: желая упрочить это единственное благо своимъ дѣтямъ, родители старались приучить ихъ къ семейной жизни, и въ ихъ домашнемъ благополучіи являла отраженіе своего собственнаго; стараніямъ родителей помогало тогдашнее направленіе религіи и училища. Пользу этимъ тройнымъ вліяніемъ родительской власти, религіи и общественнаго воспитанія — дѣти принимали указанный имъ характеръ и высшею цѣлью полагали — сдѣлаться представителями тѣхъ же семействъ, къ которымъ при-

надлежали сами. Дети и дети детей оставались жить в тѣсных и мрачных жилищахъ для того только, чтобъ не оставить наследія, и твердо держались ветхой домашней утвари, потому только, что она принадлежала семейству. Все, что окружало его, говорить Гёте своею дѣдѣ (*) носило на себѣ видъ древности. Я никогда не видалъ нововведеній въ его комнатахъ; украшенной старинною рѣзною работою; библиотека его состояла изъ описаній первыхъ путешествій морскихъ и сухопутныхъ и первыхъ открытій. Нѣтъ въ мирѣ состоянія, которое подобно состоянію дѣда моего могло вынуть чувство ненаружнаго спесива и всагдашней неизмѣнимости. До тѣхъ поръ, пока въ новыхъ семействахъ господствовало подражаніе старымъ, народъ не могъ смотрѣть съ тѣмъ взглядомъ на настоящее. Каждое новое поколѣніе привыкало къ политически-умершему прежде, чѣмъ само въ состояніи было дѣйствовать на политическія отношенія: оно вѣрно держалось устарѣлыхъ государственнѣхъ формъ, какъ вѣрно держалось оно устарѣлыхъ формъ семейственныхъ.

Жизнь большей части германскихъ княжескихъ дворовъ при концѣ XVI столѣтія была уже въ глубокое упаденіе. Грустное чувство возбуждаютъ невѣстия рыцаря Ганса фонъ-Швейнцигелла (**), который въ это время объѣзжалъ большую часть Германіи и, какъ очевидно, изображаетъ состояніе селенной грубоности, господствовавшей въ жизни рыцарей и князей.

Первая половина XVII вѣка могла только усилить это плачевное состояніе, но потому княжескія семейства почувствовали необходимость посторонняго элемента, который бы смягчилъ общую грубость нравовъ.

(*) Wahrheit und Dichtung. 1 книга.

(**) Lieben, Lust und Leben der Deutschen des fünfzehnten Jahrhunderts und der Begebenheiten des Ritters Hans v. Schwetzingen, казаніе Бушманга. Бреслау, 1820.

Въ усвоеніи французскихъ нравовъ и обычаевъ они мечтали найти этотъ необходимый имъ элементъ. Князья видѣли невозможность, чтобъ окружавшіе ихъ немедленно приняли французскій образъ жизни: они старались, во крайней мѣрѣ, привлечь къ себѣ тѣхъ членовъ народа, которые не знали еще въ конечную дикость. Уже въ концѣ XVII вѣка, при всѣхъ дворнахъ были французскіе камергеры и повара, французскіе артисты, художники и служители. Нѣмецкіе придворные, къ которымъ во многихъ малыхъ территорияхъ принадлежало все дворянство, болѣе всего старались примѣняться къ французскимъ обыкновеніямъ для того, чтобъ ничтожные искатели приключеній совсѣмъ не отбѣснули ихъ изъ свиты князей.

Чего не удавалось достигнуть инымъ образомъ, то они старались передать своимъ дѣтямъ. Съ конца XVII вѣка замѣчается Русь (*): древнегерманскіе княжескіе характеры и вѣдѣнія: въ тѣ же, и высшія сословія въ обществѣ быстрое развитіе своего были характерны болѣе, чѣмъ стремленіемъ къ новому образованію. Незабвенны манеры, безсердечная холодность; вѣтхитое остроуміе, для выспеннаго общества одиозный докъ, пренебреженіи даже возмущеніемъ національныхъ побужденій. Многие, подражая, вѣдали, потому только, что они приняли французское образованіе среднихъ классовъ, и таинны образцы лучшей части народа впала въ несчастное подражаніе Французамъ. Не смотря на это, глубокое сочувствіе народа возбудило опыты въ водвореніи воспитанія, основаннаго на христіанствѣ и изученіи древней литературы, съ тою цѣлью, чтобъ усилить и оздоровить возраставшія поколѣнія. Вместо того, чтобъ окрылять духъ юности тѣсными теологическими формами, старались пробудить въ глубинѣ его религіозное чувство; и въ-

(*) Historische Entwicklung des Kindes Frankreichs. Berlin, 1815.

ство того, чтобы сгнать мальчишья увещания только одним взглядом перепугав дитя, пресыщенные проповедателями, поминание лжи и лунь классической древности въ нихъ восторженно свѣтъ, старалась въ увещаніи писать и объясняться за древнихъ языкахъ указать на дѣла, а средство въ болѣе-глубокому поминанию древности. Но всѣ эти стремленія были ослеплены развѣдены, и потому шло пошлое, не смотря на силы, пробужденныя истинностью и гуманностью, осуждено было на сухое повтореніе прошедшаго.

Между-тѣмъ, народъ носилъ въ себѣ темное сознаніе собственного ничтожества и антага чувства, но которому не хотѣлъ перахать своего состоянія въ послѣдніе будущиye поволенія. Давній опредѣленное выраженіе темному народному чувству, *Богъ сомнѣнія* долженъ бы былъ имѣть великое значеніе. При такихъ обстоятельствахъ, въ 1762 году появился *Emile Руссо* и привелъ къ слѣдующему выводу: «Все хорошо въ томъ видѣ, какъ вышло изъ рукъ Творца; но ничто не принято человекомъ такъ, какъ создано природою, даже самый человекъ». По-свидѣнію хотѣлъ онъ направить всѣ силы природы, какъ всадники лошади, подчинить ихъ себѣ, какъ обстриженныя деревья подчиняются симметріи садовъ. Конечно, ничто не могъ уничтожить перабытую природу, но выступать впередъ она также не осмѣливалась. Всякое воспитаніе имѣло нѣкое наружное, а не существенное, и эта ошибочная нѣтъ выдавала противоположенное состояніе всего міра. По устраненіи вселенной искусственности и всякаго воспитанія, человекъ долженъ быть предоставленъ только природѣ своей и собственному свободному развитію. Эти слова, подернныя ослѣпительными соизнаніями и повтореніями въ наумительныхъ оборотахъ, нѣсколько лѣтъ спустя по промачесеніи ихъ возбуждали необычайное волненіе въ образованныхъ кругахъ германской

Т. XL. — Отд. VII.

жизни, слабую струну потерять она взорумил. Не смотря на фантастическія мечтанія о востаніи дѣтей въ беззастѣнливости состояній прироекъ, Германцы требовали, чтобы дѣтя ихъ были людьми дѣловыми, чтобы дочери ихъ не дѣлали ни малѣйшаго повода къ нареканію за несоблюденіе строгихъ законовъ приличія. Таковыя блестящія и все-таки неспешныя и сами-себѣ противорѣчащія правила Руссо не представляли никакой возможности къ соглашенію такія противорѣчій, то старшій образъ воспитанія остался бы неприкосновеннымъ, еслибъ Базедовъ не выступилъ съ общими припривъ требованія дѣятельной жизни съ такъ-называемыми требованіями природы.

Прежде всего, Базедовъ отбросилъ нѣтъ стараго воспитанія, — притоголеніе къ занутой семейной жизни, и замѣнилъ его общею школою: «Цѣль воспитанія должна состоять въ образованіи Европына, т. е. человекъ-на-челова образованнѣе народовъ, человека; жизнь котораго должна быть такъ неограниченна, такъ общеположна и удовлетворительна, какъ только можетъ достигнуть этого воспитаніе (*).» Стремленіе Базедова въ указаніи новаго пути воспитанію опредѣлено было стараніемъ его привлечь къ себѣ родителей. Пронужденно имъ долженъ онъ былъ внушить увѣренность, что дѣти, имъ воспитанныя, будутъ имѣть приличное нѣкто въ обществѣ. Чтобы дѣти на будущее время могли приносить пользу въ гражданской жизни, Базедову казалось необходимымъ внушить имъ увѣренность, которая бы, освобождаясь отъ темныхъ и фантастическихъ идей, могла отбросить все мелочно-понимаемое, какъ мечту и безуміе. Для достиженія этой цѣли, онъ дѣтати должно было сраывать каждое явленіе несовершенство-попятаго дѣтскому развитію, и откры-

(*) Раумеръ (II, 354 стр.) сообщаетъ это нѣтъ Базедова.

вать ему миръ по мѣрѣ развитія его возраста. Сверхъ-того, Базедовъ совѣтовалъ сообщать воспитаннику всѣ знанія, необходимымъ для того, чтобъ онъ могъ благотворно дѣйствовать при равныхъ перемѣнахъ жизни. Учитъ онъ почиталъ за необходимое, но чтобъ въ то же время слѣдовать влеченію природы, совѣтовалъ не удручать дѣтей строгостью, не омрачать дѣтскаго взгляда на миръ важностію вѣснаго возраста. Личность самого Базедова пугала его приверженцевъ, а хвастовство и излишество, которыми онъ, и еще болѣе ученики его, навлекли много осужденій, вызвали горькія возраженія и жестокія насмѣшки; въ противность опаснымъ нововведеніямъ, многіе семейства еще-тверже стали за старыи образъ воспитанія, а другіи подчинились имъ въ единѣхъ частностяхъ, и то какъ-бы противъ воли. Но такъ-какъ современникамъ нуженъ былъ только поводъ, чтобъ оставить старое, то невозможно и отрицать вліянія, произведеннаго Базедовымъ. По его правиламъ, вездѣ обращено было вниманіе на здоровье и образованіе тѣла: въ училищахъ малѣ-по-малу исчезла древняя педагогическая строгость и безжалостная жестокость, съ которою преслѣдовали непокорныхъ; страхъ пересталъ быть ихъ двигателемъ; механическое заучиваніе латинскихъ вокабулъ, грамматическихъ правилъ и библейскихъ мѣрѣчій не наполняло уже исключительно школьной жизни. Юность вдохнула привольнѣе; во всей Германіи умы получили свободу и могли слѣдовать собственными путями. Та же борьба новаго съ старымъ, которая съ половины прошедшаго вѣка наполнила всю жизнь народную, обнаружилась снова въ семейной и школьной жизни и явилась здѣсь борьбою противъ старыхъ постановленій, носившихъ въ своихъ мертвыхъ формахъ. Конечно, разрушеніе стараго принципа было обширно, но новое воспитаніе, которое приняло цѣлю не сознание истины, но только приобрѣтеніе полезныхъ свѣдѣ-

ній, не образованіе ума, а только изученіе его, могло разрушить формы прошедшаго, но не въ состояніи было дать имъ новую жизнь. Семейная жизнь должна была подвергнуться дѣйствию постороннихъ силъ, безъ чего она не могла имѣть никакого значенія для рождающагося государства. Но дѣтѣхъ-портъ, пока она была ограничена своимъ собственнымъ тѣснымъ кругомъ, не въ силахъ было поколебать; къ которому Ариадъ взывалъ слѣдующимъ сильнымъ словомъ: «Мы слишкомъ-сбѣдны для любви и слишкомъ-слабы для ненависти; мы все обнимаемъ и ничего не хранимъ, во всему стремимся и ничего достигнуть не можемъ: такимъ образомъ мы злооблюбли безпрерывно между живыми и мертвыми, между небомъ и землею. Въ недостаткѣ между нами идеей религіи народности, объясняется исторія наша въ послѣдніи десятилѣтія. Смири же, ненависть! повѣй живымъ вихремъ на парусъ души, ломай, жги, грени и разбивай, если можешь! Смири любовь, дыханіе Бога и душа міра! Ты мой щать и мое утѣшеніе въ нуждѣ и смерти! Приидите къ намъ, вы обѣ, святые, и будьте сопутницами нашими въ жизни!»

Этими энергическими словами оканчивается второй отдѣлъ второй части разбираемаго нами сочиненія. Въ началѣ третьяго отдѣла, заключающаго въ себѣ взглядъ на жизнь германскаго народа въ сферѣ религіи, науки и искусства, авторъ говоритъ:

«Скорбное сознаніе настоящаго и порывъ къ лучшей будущности въ началѣ прошедшаго столѣтія образовали по какому-то неясному національному чувству различныи обветшалыи формы, въ которыхъ отпечаталось стремленіе нашего народа къ государственной жизни; но чтобы изъ этого неяснаго чувства могло возникнуть національное стремленіе духа, способное къ великимъ политическимъ дѣяніямъ,—общее сознаніе недовольныхъ настоящимъ должно было преслѣдять, что въ государствѣ германскомъ и его

различных элементах было гибельного и утешительного.

«Таким образом, желаніе политическаго должно было замѣнить темное предчувствіе лучшаго и править цѣлою своею образованіе государства въ опредѣленных очеркахъ. Пониманіе внутренней связи и существенныхъ оттѣнковъ всѣхъ жизненныхъ отношеній, при разнообразіи ихъ и великомъ развитіи положеній, могло быть приобрѣтено только наукою.

«Наука же, спокойная при всей дѣятельности, для нея необходимой, не въ состояніи была творить: она могла только сдѣлать возможнымъ творчество. Но науки прошедшаго столѣтія предоставляемо было образованіе ясной политической формы, представленіе въ дѣйствительности идеи германскаго государства, слѣдовательно созданіе государственныхъ формъ, которыя бы, вмѣстѣ съ общей проявившейся повсюду политической истинной, выказали всѣ особенности, всѣ отличительныя черты германскаго народа. Творческою силою, которой опредѣлено разрѣшить эту задачу, является искусство: въ немъ воплотилась мысль, существенно родственная съ нимъ и также существенно отъ него отличная: искусство смотритъ на матерію, для него необходимую, только какъ на средство, которое не имѣетъ никакихъ притязаній на уваженіе, а государство-образовательная сила должна созданіе свое, государство, воспроизвести изъ матеріи (т. е. людей), которая должна имѣть одинаковое достоинство съ самимъ созданіемъ, и отъ-того никогда не можетъ быть средствомъ. Для проявленія дѣла во всѣхъ его частяхъ и всѣхъ частей въ цѣломъ, художникъ вдыхаетъ какъ въ цѣлое такъ и въ части собственный свой творческій духъ, безъ котораго онъ не имѣютъ жизни; но государственный человѣкъ въ личныхъ членахъ народа долженъ выставлять государство, а въ государствахъ—независимый отъ него духъ членовъ народа. Конечно, искусство само-по-себѣ никакъ не можетъ рѣшить этой задачи, но безъ развитія стремленія къ искусству ее также невозможно было разрѣшить, по-крайней-мѣрѣ въ прошедшемъ столѣтіи. Ни одна составная часть германскаго народа не сознавала тогда въ государствахъ великаго дѣла творческаго Бога, который не молотомъ и рѣшомъ приготавливаетъ вещество государства, но

дѣйствуетъ событиями и указываетъ путь духу возрастающаго народа, чтобъ подарить міру созданія, гдѣ духъ отдельныхъ личностей и духъ цѣлаго народа содѣйствуютъ другъ другу и въ дивной красотѣ сдвигаются въ водное единство, къ которому принадлежитъ только дѣйствующій съ глубокимъ самодостерженіемъ и понимающій духъ великаго художника.

«Прошедшее столѣтіе видѣло значеніе государства не въ его собственномъ видѣніи, но въ-отношеніи его къ другимъ элементамъ. Полѣза считалась первымъ его условіемъ, и каждый обязанностью считалъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Одни желали создать полезное государство по произволу и имѣвшимъ наготовѣ итти по ней, другіе по изобрѣтеннымъ или принятымъ. Де-тъш-шери, нева господствоваало это либеральное легкомысліе, великое развитіе германскаго государства было невозможно. Народъ нашъ прежде всего долженъ былъ научиться, что государство само-въ-себѣ заключаетъ свое существенное значеніе, и что король, какъ и послѣдній подданный, долженъ съ благоговѣніемъ склониться предъ великимъ явленіемъ, въ которомъ дѣйствуетъ творческій духъ Бога. Въ то политическое-мертвое время, можетъ-быть одно искусство, поражающее человѣка, даже противъ его воли, въ состояніи было пробудить въ народѣ чувство, которое бы опредѣляло достоинство художественнаго созданія не по одной полезности его, и въ духѣ художника не воображало видѣть какого-то разрушительнаго произвола. Искусство въ себѣ своей могло пробудить подобныя мысли; но противъ вліянія его на политическую сферу, враждебная сила явилась въ эгоизмѣ индивидуумовъ, которые не хотѣли отступаться отъ произвола: преодолѣть этого врага—искусство не имѣло никакихъ способствъ. Только одна сила, дѣйствующая въ глубинѣ духа человѣческаго, могла устранить прятствіе, которыя не допускали германское государство сдѣлаться живымъ политическимъ обществомъ: не внутри жизни народной могла появиться такая сила,—ни въ ея возникла она и развилась: это была христіанская религія, владычящая не жизнью одного какого-либо народа, но данная всѣмъ народамъ земли, религія, которая вездѣ по первому призыву къ новой духовной жизни, обращается къ глубочай-

иему «средоточіе жизни», и стояла въ той же мѣрѣ, въ какой она притискивала, увѣжливѣе стояла въ вѣнхъ его промолвѣнхъ. Наука, искусство и религія должны были имѣть связь силы въ большое государство германское».

Слѣдя порядку, принятому г. Пертесомъ, мы прежде всего рассмотримъ ученую жизнь германскаго народа.

Въ продолженіи среднихъ вѣковъ, всѣ народы Западной-Европы дѣйствовали въ ученомъ отношеніи не національнымъ духомъ, а духомъ латинской церкви. Не национальное сословіе было представителемъ учености, а духовенство, которое, будучи тѣсно связано съ государствомъ, въ то же время было отдѣлено отъ него своими іерархическимъ значеніемъ. Въ послѣдствіи, предметомъ науки сдѣлалось право, но право не національное, а принятое всею Европою — право Римлянъ. Национальной учености не было въ средне-вѣковой Германіи.

Въ XV-мъ вѣкѣ, когда обнаружилось новое духовное движеніе и путемъ реформацин водворилось въ германскомъ народѣ, тогда пробудившееся стремленіе къ наукѣ ограничилось изученіемъ древнихъ. Всемирная исторія напачала ихъ воспитателями всѣхъ народовъ новѣйшаго времени, но такъ, чтобъ они, взирая воспитавица къ своимъ древнюю образованность, не препятствовали развитію ихъ собственнаго духовнаго достоинства. Стремленіе къ цѣли общей всѣмъ христіанскимъ народамъ повело къ образованію европейскаго класса ученыхъ, которые въ употребленіи латинскаго языка обнаружили характеръ, чуждый национальной жизни: Еще въ началѣ прошедшаго столѣтія; ученая жизнь Германцевъ ограничивалась тѣмъ, что лучшіе представители этой жизни были членами европейскаго ученаго сословія, господствующаго стремленіемъ котораго было усвоеніе и обнаруженіе безчуждо-разнообразныхъ фактовъ общественной жизни, вслѣдствіе чего обнаружилась

связь ихъ находилась еще въ отдаленіи и не обращала на себя вниманія. Стараіе найти связь для задуманной мысли дамыкъ, и стремленіе освободиться отъ гнета, который власть великаго-міра давала каждому, кто не призналъ ее принципомъ своей общественной жизни, вызвало въ ученыхъ европейскомъ сословіи новое духовное направленіе, которое соединило различные народы и въ Германіи привнесло было ижеицеъ «просвѣщенія». Но такъ-какъ оно съ большими мѣрами имѣло послѣдовательностию основывало дѣйствіи великаго-міра и разумъ поставило единственною связью всего существующаго въ природѣ, то ему осталось чуждымъ сознание истины — наука. «Просвѣщеніе говорить» Августъ-Вильгельмъ Шлегель (*) хотѣло сдѣлаться чѣмъ-то такъ-какъ, чѣмъ можно объяснить всевозможныя предметы, и быть утѣрену въ вѣрности своего взгляда. Но не чистое стремленіе къ свѣту дѣлало просвѣщенныхъ столь ревностными проповѣдниками просвѣщенія: ихъ гораздо-болѣе правили свѣтъ потому, что при немъ удобнѣе видѣть и отъскакивать назадъ необходимыми свѣдѣніями. Они охотно выставили заранѣе результаты изысканія, чтобъ не воебуждѣного-нибудь опаснаго намъ смнѣномъ-свѣдѣно. Они не искали истины, они хотѣли только истину приложить къ дѣлу; а такъ-какъ ограниченная, конечная цѣль бываетъ всегда ясною передъ глазами, то они требовали, чтобъ недовѣческое, бытіе и міръ такъ же ясно представлялись, какъ математическое исчисленіе. — Не обнаруженіи подобнаго духовнаго направленія, навсегда прекращенъ былъ возвратъ къ прежнему довольству изысканіемъ и соединеніемъ фактовъ;

(*) A. W. Schlegel. Einige Vorlesungen über Literatur, Kunst und Geist des Zeitalters, nach O. E. Schlegel. Europa, 1802, T. II, стр. 60.

должно было объяснить все из природы, отыскать причину каждого явления. Казалось уже, что германский народный дух исходит из общины европейской, но горло сжалось, с которыми просветители смотрели на действительный мир, прозрение, с которым оно обривало волею духовное стремление, несшая его будущую, суеверием и предрассудком, возбуди в духе народных масс сорвать чуждые шкуры и прейти себя новым, самостоятельным путем. В последней трети прошедшего века, появились опыты проникнуть в глубину духовного мира; теология в епосовиз, истории и наследованные древностей, начали рассматривать предметы своего действования во внутреннему собственному их свойству, которое не разоблачается перед чувственными глазами, но само только для мыслящего созерцания. Съ этого же времени, въ Германіи начала развиваться національная школа, и нынѣ обостряется представити, нынѣ азіатізмъ шѣла она на государственное образование.

Въ существованіи имперіи и территоріи, Германцы безсознательно проявили дух своего народа. Въ прошедшем столѣтіи, во всѣхъ отрасляхъ духовной жизни господствовало направление, которое стремилось все навѣдать, все наследовать и действовать только индивидуальными понятіемъ и индивидуальной волею; тогда безсознательное стремление народа къ національному духу сдѣлалось уже невозможнымъ. Насильственное возбужденіе всѣхъ духовныхъ силъ, возшедшее передъ революціею, распространило общее сознание, что безъ разумнаго дѣйствія людей развитіе государства невозможно. Но въ политической дѣятельности, каждый членъ народа хотѣлъ жить нѣсто и упрочить званіе своей индивидуальной воли. Когда, со времени Фридриха-Великаго, сильныя воля проникнуты были желаніемъ образованіе государство по собствен-

ному правозаду, но они стремились не только государство, но и народъ, а такъ-сказать вносили его въ народъ, и дѣйствовали въ этомъ случаѣ такъ, что народъ и государство не только стали чужды другъ другу, но даже сдѣлались непріязненными.

Но самымъ способомъ волею образованіе государство въ народѣ германскомъ; и некоторые государственные люди принимали выстому нѣтъ совнать національный духъ, безъ котораго невозможно политическая самостоятельность, и направить его къ свободному и разумному дѣйствованію. Правда, народныя идеи не были общими: германское государство терпѣло недостатокъ въ государственныхъ людяхъ, которые бы чувствовали и понимали все, что чувствовалъ и понималъ народъ. Если бы въ прошедшемъ столѣтіи Германія имѣла подобныя государственныя люди, то развитіе политической жизни совершилось бы въ жизни народной. Но семейство, сословіе и община, опредѣляющія величіе политическаго существованія, послѣди въ бездѣйствіи или находились въ шаткомъ состояніи, а потому и общественныя отношенія имѣли были гнореской снмъ: пробудить ихъ во мнѣ или во умѣ, но одновъ государственныя дѣловыя.

Со второй половины прошедшаго века, начали замѣстять разнообразныя пути жизни, и нравы начали принимать быто-образованія Европы, сочувствовать ученая и художественныя интересы. Смыслъ, боррешіе, въ нѣтъ, падая, много блиссетельныхъ искръ, много малейшій метико-прекрасныхъ и глубоко-востигныхъ; но вѣдѣть съ гнѣтъ деп ложное и истинное, что только принадле въ себе народъ, пришло въ бромоніе, въ саратой глубины: вышло наружу, стало радонъ съ великими амальгами народнаго духа и грезило, потенци въсь государственное челоука, эндѣшного необходимость образованія.

А такъ-какъ въ эти круги общественной жизни составляли цѣль народа, были исполнены ученаго и художественнаго, а не политическаго интереса, то государственныи' челоуѣкъ и не мога извлечь изъ нихъ настоящаго политическаго возрѣвнн: онъ видѣлъ себя исключительно-ограниченныиъ своею должностною жизнью — такъ было во всѣхъ государствахъ Германн, не смотря на различн причнн, снзвннннхъ дѣятельность государственныхъ людей. Не чрезъ германскую государственную жизнь, но независимо отъ нея могли образоваться политическн идеи новыхъ государственныхъ людей.

Въ промежуткѣ между семейною жизнью, которая образуетъ духъ народный, и жизнью должностною, дающею начало политическимъ идеямъ, лежатъ немноге, такъ-называемые, университетскн годы, ннкогда безконечное значеню для всей будущности. Хотя семейственный духъ, образованныи поэтннн сословн, даетъ челоуѣку, вышедшему изъ семейства, политическое направление, которое имѣетъ влннн на всю его жизнь; но духъ семейственный принимается безусловно: мальчикъ, неучаствовавшн въ воспитанн, усвоиваетъ себя политическн оттѣнокъ, дѣлающнся въ послѣдствн его второю природою. Если онъ способенъ къ мысленю, то при вступленн въ университетскую жизнь предъ нимъ востаетъ наука, на нн начало появлнн его о тѣхъ государственныхъ отношеннхъ, въ которыхъ онъ родился и которыхъ вншнны ему были съ младенчества. Поэме, ринутой въ должностную жизнь, челоуѣкъ увлекается движениемъ практическаго быта, рѣдко допускающаго его дѣйствовать самостоятельно для науки, но тѣмъ не пренебрегающаго влннн, которое имѣетъ на всю жизнь его духовное направление, приобретенное имъ въ университетѣ. Если же ученое образованне возлестъ съ политическнхъ нннннхъ юношн, приобретеннхъ

имъ въ семействѣ и въ сословн, тогда онъ образуетъ убѣжденн, которое трудно поколебать; если же наука будетъ въ противорѣчн съ высосанныи изъ дѣтства направлениемъ, то она рѣдко бываетъ въ состоянн пересилить врожденное чувство. Но такъ-какъ и юноша рѣдко освобождается отъ влннн своего учителя, то въ немъ рядомъ съ истинною, которую внушаетъ ему собственный разумъ и которой предается его сердце, образуется ученая истина: онъ долженъ терпѣть эту истину, не имѣя силъ сбросить ея основы. Вступая въ практическую жизнь, онъ невинно обрываетъ съ себя принуждение, которое наука налагаетъ на его собственное побуждение, и тогда или сѣло дѣйствовать противъ нея, или покориться ей только частно своею практическою дѣятельностью, отказаться отъ которой ему вренятствуютъ обстоятельства.

Передъ французскою революцнн, влннн, которое имѣли университетскн публицисты на образованн государственныхъ людей, преимущественно проистекло изъ Геттингена, бывшаго въ то время средоточннмъ ученаго образованн государственнонаго права Германн. Геттингенъ принадлежалъ къ себѣ изъ протестантской, а частно изъ католической Германн молодыхъ людей, которые, по приближенню своему, должны были занять важныи должности въ государствѣ. Нюттеръ насчитываетъ 11 принцевъ и 148 графовъ, которые до 1787 года получали въ Геттингенѣ свое ученое образованн. Обширное объясненн безплотныхъ школьныхъ вопросовъ, въ которыхъ ученые воображаютъ найти сущность германской государственной науки, было уже съ 1744 года отложено Шмаузонъ, который преподавалъ же публицист и основалъ славу геттингенскихъ публицистовъ. Зельхъ сдѣлалъ протанннннннхъ тѣхъ, которые стали основани на одной его дремннн, а Нюттеръ старался чнсто и справедливо излагать данныя, на которыхъ дѣи-

стительно основано было разлитіе имперскаго и территориальнаго права Германіи. Гёттингенъ указалъ новый путь, но даже Пюттеру не удалось воспримазети полнѣй магнито-германскаго права. Божественная утѣренность и земная скромность воспримазетствовали Гёттингену исключитъ изъ науки то, что устарѣло изъ дѣйствительности, и принять въ науку то, что вновь появилось въ дѣйствительности. По одному предубѣжденію, что германская имперія составляетъ одно государство, Пюттеръ называетъ римскаго императора таинъ же монархомъ, законы короля шведскій, великобританскій и польскій, и приписываетъ ему личную независимость, какъ королю французскому, — на таинъ основаніи создано было и государственное право.

Многіе молодые люди, образованіемъ которыхъ Гёттингенъ снискалъ себѣ славу, по знатному происхожденію не могли приложить германскаго трудолюбія къ государственнѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ они должны были дѣйствовать. Средніе вѣка представляли имъ положенія въ свѣтѣ, которыя являлись врожденному и замислованному съ младенчества образу мыслей молодыхъ людей знатнаго сословія и соответствовали ихъ желаніямъ. Разузнется, самыя положенія эти, наприкѣр: рыцарская жизнь, вліяніе сеймовъ и общинъ, исчезли вмѣстѣ съ средними вѣками, но законы и обычаи права, на которыхъ они были основаны, сохранились стараніями юристовъ, и все еще почитались настоящимъ правомъ. Людямъ, образованнымъ подъ таинъ вліяніемъ, легче всего было вывести заключеніе, что тамъ, гдѣ сохранились нормы права, необходимо должны существовать и основныя на нихъ жизненныя отношенія. Таинъ образомъ, гёттингенскіе публицисты приготавливали, противъ воли и желанія своего, многихъ государственныхъ людей, которые изъ права исчезнувшихъ вѣковъ, принесли въкоторыя положенія, передавъ ихъ истиннымъ драгоцѣ

и требовали, чтобъ живыя отношенія образовались по ихъ формѣ. Съ противной стороны выступилъ Шлѣдеръ, который въ 1709. года былъ преподавателемъ въ Гёттингенѣ. По общепринятымъ правиламъ, онъ дошелъ до утвержденія, что высочайшая обязанность гражданина есть слѣпое повиновеніе. На всѣ политическія и религіозныя постановленія безошадно началъ онъ въ своихъ «Briefwechsel» и «Staatsanzeigen» и со всѣмъ тѣмъ восклицалъ: «Блаженная Германія, единственная въ мірѣ страна, гдѣ можно возмизоваться повелителю сообразно съ правомъ! Наше германское постановленіе приспособлено къ благу народа; если только исполнятся нѣкоторыя изъ нашихъ желаній, то имперія наша осуществитъ insulae fortunae и всѣ романтическія идеи счастливыхъ государственныхъ постановленій».

Кромѣ Гёттингена, публицисты всѣхъ прочихъ германскихъ университетовъ почти безъ исключенія принадлежали къ старой школѣ государственнаго права. Можетъ-быть, для подтѣченнаго образованія прошедшаго столѣтія важнѣе всѣхъ университетскихъ преподавателей былъ одинъ человекъ Юганъ-Іакобъ Моеръ, самъ оплывавшій свое судьбу и свое стремленіе (*). Чуждый всѣмъ, не имѣя ни помощниковъ, ни покровителей, прибылъ онъ въ Вѣну на 20. году своей жизни, одною личностію своею приобрѣлъ распространеніе, влѣвшихъ австрійскихъ сановниковъ, и получилъ аудіенцію у императора. Онъ отказался отъ самыхъ блистательныхъ предложеній, которыя дѣланы ему были отсюду, онаясь, чтобъ принятіемъ ихъ не прійти въ противорѣчіе съ своими убѣжденіями; уважаемый графами, князьями и прелатами имперіи, онъ не пропускалъ случая выказывать своимъ вѣрованіямъ, не смотря на востанки

(*). Lebensgeschichte J. J. Moser's. Frankfurt. 1771.

такъ-называется *esprit de force*, и на блескъ придворной жизни. Такой по-дойдя, однимъ свѣтъ личности дол-женъ былъ приобрести аманитъ, дол-го усаживая еще обширнѣе и читатель-ность и агрономія, прагматическая оман-ность, которую онъ приобрѣлъ, частію заимкая, разныя должности, частію какъ содѣлывая ихъ безчисленныя, сво-ракъ имперскаго чина. Во время всей долгой жизни своей (онъ родился въ 1701 и умеръ въ 1788 г.), онъ итал-чаея неутомимостью въ заимаяхъ, которая оправдывала слова: *in se melle sedibus*, означившая ему еще въ молодѣ старшій директоратъ; около 400 сочиненій выдалъ онъ и старая власть доступна для войска своихъ соображеній своихъ планъ и изобрѣ-неній. Право у него право, несправдаль-ности несправдливость, превраща-ли его между насъ итъ — было основною темою его жизни и его сочиненій. Не смотря на стараніе его отагивать, вездѣ дозволяя, онъ мѣнялъ еще при жизни своей, что сочиненія его, посто-яла для небольшихъ распрій импер-скаго чина, не могли быть прина-жены къ дѣлу въ болѣе-обширныхъ общественныхъ отношеніяхъ. При вступленіи своемъ въ званіе профессо-ра во Франкфуртъ-на-Одерѣ, Мозеръ опасаясь, что прусское королевское право несогласно будетъ съ нѣмъ пра-вомъ, которое онъ преподаетъ. Не-сколько лѣтъ спустя, государственнымъ министръ писалъ ему изъ Берлина, что *systema* въ его сочиненіяхъ *juris publici* не согласна (*nicht nach dem godt*) съ требованіями настоящаго ве-сели. Въ Вѣнѣ онъ, въ неутомимую свою, убѣдился, что большая часть импер-скихъ содѣланныхъ не видела импер-аторской избирательной конституціи, не говоря уже о томъ, что она въ се-бѣ имѣла никакого понятія о ея сущности; онъ даже видѣлъ одного грена, нѣсколько лѣтъ занимавшаго долж-ность имперскаго содѣланныхъ, который не зналъ, что такое имперскаго и вестальскій!.. Какъ при дворѣ им-ператора, такъ и въ прочіихъ террито-

ріяхъ видѣлъ онъ, что старался объ однихъ безвѣстныхъ выволка изъ источникъ и постановленій, чтобъ протекать, вѣжко дѣло не вѣжко до-стигнута, именуя протеканіемъ и остается славнѣе обладалъ имперскаго. Но каждый мѣсяцъ скорого мѣсяца требованія своего, прилагая къ дѣлу *jus contentiosum* и чуждопреступно привакая отъ нѣтъ этого одно только *ius status* — болъ мѣсяца рыба.

• Если Мозеръ, не смотря на содѣланные нѣмъ и не средства, которыми онъ об-ладалъ для достиженія ея, не могъ уничтожить протеканія между теоріею и практикою, то и нуное гер-манскаго государственнаго права онъ не могъ образовывать людей истинно-по-литическихъ.

«Во время десятичурнаго (десятилет-на. Начать въ началѣ второй главы, со-держаніе которой заключается въ двѣд-нѣ искусства для государственной жизни Германіи) раздавались въ германскомъ народѣ дивныя преданія о Зигфридѣ и Хригильдѣ, о сильномъ Гагенѣ, о вѣрномъ Дитрихѣ. Нѣтъ вѣли, вѣли безсмертного, и они вкоренились въ сердца германскаго народа. Описаніе вѣжко-чуждымъ деревнямъ сдѣлалось ими религіею жизни, утѣше-ніемъ, старца. Достоинство приобрѣта въ большую и болѣеую красоту, что любви, съ которою каждый возрастъ, каждое состо-яніе делѣли ихъ, они раскинулись роскош-ной поэмю Нибелдунговъ, и снова рас-пространены знаніе и мышленіе, чувство и дѣйствіе, что иредѣля образованіемъ превращались въ каждый членовъ. Какъ достигла тому или другому еще лѣтъ и чинъ, не внутреннее дѣлание его обладалъ въ политическіе образы. Дѣланъ дѣла не то, что хотѣлъ, и не такъ, какъ хотѣлъ, не какъ должать былъ вѣтъ; не свободно, не независимо, не съ сознаніемъ источника своей позвизъ называлъ онъ свои вѣжко-чужды, не звучалъ какъ органъ ес-тественной силы народа, которая отража-лась въ немъ. Что не удивляетъ одному, къ тому стремились другой, чего не хотѣлъ одинъ, то продолжалъ другой, не

теперь не только господствовало единство, но и единство духа.

И дѣйствительно, какъ ни глубоко, какъ ни сильно германская поэзия прониклась въ «Нибелунговъ», но она не могла выдержать естественную дѣятельности народа, тогда народъ достигъ высшей степени развитія. Народная естественная поэзія ограничивалась мѣткими, чувственными, но короткими способами народа на какой-либо ни было степени развитія. Но въ слѣдующее, въ поэтическіе образы преданы, нужныю полагали народу, не только прошептать въ него, потому что народъ бывалъ частью водить жизнь печальную и не имѣла силъ возвыситься выше земъ. Подобная поэзія заимчива, какъ дѣло сдѣланнаго человека, которому Богъ послалъ особую силу. Такимъ образомъ, при развитіи образованности, богатствъ мысли, разнообразіи чувствъ, пошла обидная дѣятельность всѣхъ членовъ народа: только одни счастливыціи, приобрѣтали духовное направленіе, преслѣдовали его въ народѣ и создали себѣ формы вѣдшей жизни, сорбродней отъ нѣтъ явленію духовно; поэзія народная превратилась въ поэзію индивидуальную; поэзія дѣйствительная свободна, но сохранила отдаленный национализмъ; но которому созданія его казались народу не чуждыми явленіями, но вѣтаны какъ-бы выросшими изъ среды его; и народъ присутствовалъ поэта-художника, какъ органъ, представляющей поэтическія стороны національной жизни, тогда какъ въ нѣдгѣ эта жизнь мѣткая была поэзія. Со времени престоломъ шведовъ, когда жизнь сдѣлалась дѣтальною и образованность стала на отдаленно-высшую степенъ, начались уже опыты естественной поэзіи народа заимать поэзію искусства. Периодъ Готтингаусенкоу, потомъ періодъ реформации, и наконецъ періодъ XVIII столѣтія были самыми остатками творчества.

Во время въ время Готтингаусенкоу поэзія воплотилась въ поэзію искусства, поэзія, въ которой сосредоточилась тогдашняя образованность, тогда какъ въ нѣтъ характеръ поэты-художники. Не только въ дѣтальной дѣятельности; характеръ развитости пошелъ драматической Варанъ и начался въ Германіи не какъ национальное искусство, но какъ искусство европейское. Когда эти сосредоточеніи своихъ въ Германіи и романтическіи отдаленно развиты въ искусство поэты-художники представляли себѣ духовную жизнь, европейскій характеръ выказалъ такое въ нѣтъ искусство; Но съвѣтъ на шире национального искусства, поэзія, какъ созданіе развитости, имѣла въ нѣдгѣ отъ утратили свое блестящее искусство; характеръ отдаленно свое сохранило свои жизни образы удалили отъ дверей индивидуальности, она была убиваема въ чуждымъ; въ нѣтъ мѣткая германская индивидуальность обидная революция, германскій человекъ. Индивидуально, поэтическія созданія представлять обидно развивалась поэзія искусства народная жизнь; вѣдла не въ обидно народъ вѣдла поэзія искусства, то въ возможности ея, сила; пробужденная естественную поэзію, поэзія, въ обидно дѣятельность народа сосредоточилась тогда въ отдаленно членовъ. Правда, поэтическій духъ народа высказывался въ обидно то сильнѣе; то устала, темнѣе, правда и то, что въ нѣдгѣ рамакъ иногда въ шведъ поэзія чуждымъ предметамъ, поэзія жизни, историческая поэзія чужбы народной жизни, и образцы эти теперь заимать свое искусство европейское искусство; но народъ германскій къ концу XV вѣка стоялъ на такой степени образованности, для которой необходима была поэзія искусства; для поэты-художники выраженья индивидуальной жизни не требовалось чуждымъ выраженья; оттого периодъ поэты-художники народа въ нѣдгѣ приобрѣтало индивидуальную поэзію искусства остался безъ пользы.

Но въ периодъ реформации жизни

лось другое условіе къ приобретению національнаго искусства. Реформація была дѣломъ всего народа: ево-одному одушевлены были всѣ отзвонія жизни, которые выражали свое внутреннее дѣйствіе въ церковной пѣснѣ. Какъ прежде, при образованіи древнихъ языковъ, никто не заботился, кто былъ творцомъ ихъ, такъ и теперь никто не думалъ, кто былъ творцомъ церковной пѣсни, которая для искусства имѣла еще меньшее значеніе и нисколько не удовлетворяла его требованіямъ. Подобно прежнимъ порывамъ поэзіи суроваго вѣка, церковная пѣсь реформациі основывалась на принципахъ, отличныхъ отъ поэзіи древняго міра.

Ученое и наукою образованное сословіе, знакомое съ греческими поэтами, при обнаруженіи своей поэтической дѣятельности, должно было слѣдовать исключительно или древнему, или національному принципамъ, потому что не имѣло духовныхъ соприкосновеній классической древности столько, чтобы опираться на образованіе, ею завѣщанное, свободно и творчески дѣйствовать на стремленіе своего народа. Ученое сословіе, вѣрное характеру своему, принималось за подражаніе на латинскомъ языкѣ. Когда же, во время тридцатилѣтней войны, лучшая часть народа съ твердостью перенесла неслыханныя бѣдствія и мокала въ самой себѣ силы, которая бы предохраняла ее отъ отчаянія, тогда уже зрѣло стало въ германскомъ народѣ стремленіе, которое не находилось, какъ прежде, въ диаметральной противоположности съ классическою древностію, но въ самыхъ осуществимыхъ отношеніяхъ своихъ выказало дѣйствительно сродство съ нею. Тогда, для своихъ политическxъ осознаній, ученое сословіе нашло точку соприкосненія съ жизнью своего народа и обратилось въ стихотворенія на нѣмецкомъ языкѣ. Въ первый разъ еще составленныя въ Германіи общества за защиту родного языка. Стихотворенія, проповѣданія

и новыя поэтическія дѣятельности, вѣсть съ повтореніями формулъ религиозныхъ, выражали твердую рѣшимость и стремленіе обогатиться силой и добродѣтально возвыситься надъ необходимыми. Тогда-таки лучшая часть народа съ мужествомъ и чувствомъ соблюденіа достоинства выступала противъ несчастія и погуба, другая въ минутномъ изелажденіи и въ удовольствіи какъ чувствительная старалась забыть несчастіе. Бѣдствія; отъ постигнутого въ поэзію вошла элементъ слабой невинности и похотнаго сладострастія, который, однакожъ, нашла себѣ множество похотливости. Въ такъ-называемыхъ *Galante Gedichte*, въ любовныхъ аріяхъ и сладобныхъ пѣсняхъ, была страшная сбрѣдь всего грязнаго, невѣдомаго, что не въ составѣ уже были исправити вышедшіе на образцу древнихъ и еще болѣе по образцу Голландцевъ, Французовъ и Италианцевъ составили лирика, романъ, драма. Божественная некра, одна возбуждающая поэзію въ гуду челоѣческой, угасла подъ скудостью вѣстной жизни, подъ нечистотой и подлостью внутренней.

На средно-вѣковомъ рыцарѣ, на ученомъ поэтѣмъ времени къ поэзіи своей не могли приближаться къ народности, и не смотря на то, потребность національнаго искусства была еще сильнѣе при началѣ XVIII вѣка. Безсмысленно смотрѣлъ народъ, какъ пробѣгалъ по нему волны мировыхъ событій, даже тогда, если события эти открывали благополучіи членовъ его и почему-то частые дѣлали достояніемъ обще-европейскимъ. Не смотря на зрѣніе соседственныхъ народовъ, мученіе политическаго стыда осталось ему неизвѣстно. Государственной жмани онъ не имѣлъ и едва понималъ, чего ему не доставало. Еслибы тогда великая надежда, что народъ достигнетъ поэзіи, что жмелтворные, горалие души ее ощущать драку политическаго осознанія, то веселые дѣси могутъ раздаваться въ полѣ и въ додѣ, шнѣде

любви оживить сердце, что тихое могущество реалистичнаго и глубокаго важности политическаго и философскаго въ состояніи развити свою дѣятельность, что величіе и прелесть искусства могутъ войти во глубину народнаго жизни, какъ истинно-національное дѣяніе, — солишь всѣ эти надежды были живы въ сердцахъ, то, безъ сомнѣнія, нашлось бы и средство преодолѣти политическую бессмысленность народа, ибо успѣхъ несомнѣнъ тамъ, гдѣ жизнь движется назадъ и дѣйствуетъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ оттолкнуть мертвое, пробудить уснувшее и пересилить постигающее въ бодѣ дѣйствіи. Но германская поэзія въ началѣ XVIII столѣтія была такъ глубоко понижена, что прежде, чѣмъ оказалась возможность творческой дѣятельности, необходимо было удаленіе препятствій, которыя заключались во владычествѣ чужоестранцевъ и въ элементахъ, несвойственныхъ поэзіи. Какъ-будто чудомъ восстали отдѣльныя лица, кановы Гелмертъ и Галлеръ, которые, будучи чужды чувствительныхъ образовъ, наполнявшихъ произведенія ихъ предшественниковъ, старались отдалить отъ народа грязныя вирши и повѣдать ему возможность поэтично-прекраснаго. Литературное господство чужоестранцевъ потрясено уже было битвою Готшеда съ Швейцарцами; за нимъ Клоштокъ повѣтилъ землеманъ своею на то, чтобъ сбросить утѣшительное вліяніе, гнетлившее народную германскій духъ; недобно ему ратовалъ Лессингъ, раздраженный рабскими подражаніемъ Французамъ. Правда, въ битвѣ этой рудокопальникъ не созналъ народнаго чувства: гералдо-богѣ преслѣдовалъ онъ Французамъ за земное вообще, чѣмъ за антинаціональное; со всѣхъ гнѣвъ, битва Лессинга такъ очистила германскую литературу отъ вліянія французской, что послѣдняя не имѣла уже никакаго вліянія на созданіе великаго гения, которому окруженію было даровано національную поэзію. Много отдаленнаго обстоятельство соединилось дѣ-

ствѣ, чтобъ развитію Гёте дѣла характеръ чисто-національнымъ. Величіе и блескъ древней имперіи увлекли съ ранней юности его фантазію, пораженную многозначительностію великихъ развалинъ. Родившись въ одномъ изъ немногихъ несовершенно-умершихъ имперскихъ городовъ, онъ возросъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыя возбуждали въ немъ сочувствіе къ имперіи. Избраніе и гнѣчаніе германскихъ королей, какъ самый великій предметъ жизни, наполняли его юношеское воображеніе. Хроники и народныя легенды познакомили его съ духомъ, который отразился въ средне-вѣковыхъ германскихъ формахъ. Такихъ образомъ, когда средне-вѣковое величіе германскаго народа заняло его душу, то искаженное настоящее посперало надъ нимъ свое вліяніе, чѣмъ болѣе, что во время дѣтства его Германція дѣлала уваженіе свое между двумя многозначительными, хотя и раздѣльными вліяніями: «Мессіадою» Клоштока и дѣяніями Фридриха; онъ сопроисходилъ юности съ младшею и возбуждалъ его вдохновеніе; при такихъ условіяхъ, французская литература не могла уже подчинять себя его гению.

Когда совершилось постепенное освобожденіе отъ грязныхъ стиховъ и чуждаго владычества въ литературѣ, силы народа въ третій разъ дивуались къ національной поэзіи искусства, ко благу до-сихъ-поръ находому Германцамъ. Въ началѣ прошедшаго вѣка, ученый навѣсъ былъ представителемъ поэзіи, что возможно было ему, не смотря на упадокъ своей собственной нашіи до его обще-европейскому образованію. Члены его, по рожденію, принадлежали къ одному среднему сословію, дѣйствовали только въ немъ, и потому ихъ жизнь были великихъ низменныхъ вліяній, свободнаго взгляда, утонченности форма, которая вообще принадлежать болышому свѣту; видѣтъ съ гнѣвъ, отъ не вникши въ грубой, не истинной естественности, на-рочно сивою изреченіи, которая

принадлежит собственно народу, но знающему условных обязанностей приличия: отъ-того и стихотворения их не сдѣлались общими достоинствамъ, а ограничились средними сословіемъ современниковъ, тогда-какъ вышшія оставались подъ влияніемъ французской литературы, а низшія удовлетворяли поэтическимъ потребностямъ своимъ сборниками пѣсень и нѣсколькими народными стихотвореніями. Многозначительное явленіе Клопштока впервые разорвало тѣсныя границы поэтической дѣятельности, и пошла изъ отдѣльныхъ сословій произлась во все сословія народа. Велиможки, получившіе французское образованіе, мало-по-малу сошли съ попрятца, а молодое поколѣніе отдалилось отъ нихъ идеей и обратилось къ національности! Тогда германскій народъ изъ соображеній поэзии, сошелъ своимъ съ своими вышшими классами. Княжескіе дворы, какоты дариштадтскій и веймарскій, увлеклись общими движеніемъ. Безчисленное множество газетныхъ листовъ внесло сочувствіе къ литературнымъ идеаламъ въ самыя низшія классы народа; даже ремесленники и служители, чрезъ посредство спеначескихъ представлений, приобрѣли понятіе о драматической поэзии. Во всехъ классахъ народа возникло стремленіе къ стихотворству, но трудно было рѣшить, было ли оно истиннымъ стремленіемъ къ политическому возвышенію народнаго духа...

Сильно и глубоко адвигается искусство въ скрытую область духа, придаетъ видныя формы предметамъ міра неярнаго, переноситъ ихъ въ міръ влелій, а посредствомъ чувственныхъ образовъ сближаетъ съ человѣческими сознаніемъ высочайшіе духовные интересы, которые безъ этой помощи остались бы ему, можетъ-быть, навсегда неодолимы. Форма должна быть выраженіемъ духа и составлять съ нимъ какъ-бы одно цѣлое. Отъ-того, въ германской поэзии прошедшаго вѣка прежде всего для народа нужна была форма,

въ которой бы имъ судить о достоинствахъ и возвышенности стихотворенія. Поэты учатся сословія колебались между формами древняго и настоящаго и формами различныхъ современныхъ націй, и не смотря на то; оставались стѣнены широкими обычаями, съ тѣтостною робостію придерживались установленнымъ правиламъ. Но широкія формы скрывали искусство и представляли одну только неожиданную вышность. Клопштокъ и Лессингъ, сбросивше прежде всѣхъ владычество иностранцевъ, первые разорвали путы, которыми привала условленной поэзіи сковывали творческій духъ искусства; къ нимъ присоединился Виландъ, заговорившій легкими, повѣтвыми языкомъ общества. Но это произвольныхъ форм и правилъ такъ долго тяготѣло надъ поэтическимъ творчествомъ германскаго народа, что отъ него могъ безъ бурныхъ возмемій освободиться отъ него; тогда грозила ему противоположная крайность: внутренний законъ искусства, который требуетъ порядка въ художественной силѣ каждого человѣка, былъ названъ недостойными оковами духа; труди и стараніе объ усовершенствованіи художественнаго произведенія помысли было презрѣнны; «творенія художника» говорили нововодители: «должны быть подобны влеліямъ божиимъ». Безобразность и произволъ индивидуумовъ готовы были заступить мѣсто всеобщихъ правилъ условной поэзіи и уничтожить германское искусство въ самомъ зародкѣ, въ случаѣ, если грубой силѣ удастся удержаться въ области искусства и зайти собою цѣль великаго образованія и всакой нравственности. Но уже передъ наступленіемъ этой бури, Шикельманъ указалъ на религію и отечество, какъ на законъ влеліаго. Вскорѣ потомъ Тассо и Венгениа Гётте доказали, что творческая сила поэта тогда только развивается свободно, когда принципомъ своего созданія признаетъ законъ искусства.

Наряду германскому не доставало

ище чувства собственного достоинства ни въ отношеніяхъ его къ самому-себѣ, ни въ отношеніяхъ къ другимъ народамъ, а до-тѣхъ-поръ невозможно было ожидать могущественнаго образованія національныхъ свойствъ. Подлинная германская поэзія явилась истинный свой элементъ въ религіозно-символическомъ сознаніи; оно-то и способствовало развитію поэтическаго духа. Живыми религіозными чувствами, въ которыхъ Галлеръ и Геллертъ выразили впечатлѣнія, возмущенныя мнѣ отъ религіи и нравственности, въстанціи мыслющаго осязательными изъ лирическихъ стихотвореній; когда же въ Мессіадѣ Клоштона дѣло искусства стало предметомъ великаго эпоса, то Германия въ первый разъ еще увидѣла поэтическое воспроизведеніе единственной сферы, въ которой она рѣшилась самоубійно. Тамъ въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ Клоштона и въ первыхъ изданіяхъ Гердера преобладаютъ христіанскіе религіозные содержанія; но уже у Виланда (и съ сорокалѣтнихъ годовъ) христіанское содержаніе впадаетъ въ сонъ и стремится къ новѣи спорить предельно въ послѣдствіи, во многихъ стихотвореніяхъ являлось въ основаніи религіозное сознаніе, но являлось не было уже германскаго возрѣванія на христіанство; въ шесть вѣковъ только религія индивидуальнаго разума и индивидуальнаго чувства. Въ тѣ годы, когда германская поэзія приближалась къ высшему своему образованію, стихотворенія потеряли даже колоритъ своего религіознаго основанія.

Когда Фридрихъ величійемъ своимъ впервые пробудилъ въ протестантской Германіи чувство собственного достоинства, то казалось, что образуется элементъ германской поэзіи изъ политическаго и національнаго предельно-возвѣн. Воинскими вѣсами Гейна, одамъ Рандера, Милля фонъ-Баритальтъ, Лессинга, прѣвращались отъ политическаго міра, великаго вѣковыми кривизнами любви и уваженія къ природѣ. Они стояли

уже на твердой почвѣ дѣйствительности, которую поэтъ въ полочкѣхъ своей ежедневной жизни велъ въ мирѣ величійхъ явленій. Битвы и побѣды принадлежали, дѣлаваго народа, возвысила поэтотъ и дообщи Германіица. Не смотря на то, народъ оставался подлѣ гнетомъ мертвыхъ формъ. Подвиги семидѣтиной войны не были дѣломъ Германцевъ, ни даже Пруссаковъ.—они были дѣломъ одного Фридриха-Великаго: побѣды совершены были не Германцами, которые бы чувствовали себя живыми членами великаго народа и сильнаго государства, а только одинокими воинами Фридриха II. Великая душа Клоштона стала выше этого, народъ самъ-по-себѣ была предметомъ его любви и уваженія; поэтому, отрываясь отъ мнѣ-пробужденной жизни, вызываясь она въ свои омы могущественныя чувства, возмущенія, ему грудь; возмущенія величійхъ народа и народа отголоска въ его стихотвореніяхъ; разумѣлся, вѣдѣтъ отъ отчужденія отъ истиннаго величія его народа, которому онъ посвящалъ свои поэзію, было истинно; но во время Клоштона каждое представленіе его, безъ содѣйствія Фридриха, было нечисто; по причинѣ этой нечистоты, стихотворенія его привинчали холодно современниками, не смотря на похвалы, которыми онъ рощалъ народу. Такая нечистота въ похвалахъ народу не ускользнула отъ Лессинга, который смотрѣлъ съ презрѣніемъ на созданія Клоштона, не въ смотрѣлъ онъ на все возможное. Дѣйствіе для Германіи со всемъ силой своего гонія, со всѣмъ жаромъ любви къ отечеству, онъ говорилъ: «я не имѣю никакого понятія о любви къ отечеству; она мнѣ кажется героическою слабостью, безъ которой я охотно могу пробыть». Тогда-то Лессингъ отвернулся отъ новаго національнаго доктрина, новое возмущеніе не-тѣтъ, вышедшее въ сорокалѣтнихъ годахъ, твердо держало этого доктрина и не въ поэтическимъ идеемъ обратило противъ политическаго основанія

своего, въ которомъ мало что было отъ него, въ воображеніи свое умиженіе. Свѣрнуть съ себя иго—вотъ чего хотѣлъ Клопштокъ, подъ знаменами котораго разогнали моделью поэты; привышней ключъ къ освобожденію Германіи слетѣлъ со струвъ Клопштока и повторенъ былъ Штольбергомъ. Юное поколѣніе признавало своею поэтической дѣятельности считаю борьбу противъ политическаго постановленій, противъ калесей, придворныхъ, дворянъ и т. д. Въ романахъ и драмахъ представлялись дворяне и придворные на различныхъ положеніяхъ жизни, но всегда не иначе, какъ злодѣями; пороки, выводимые въ драмахъ (какъ, напр., въ Эмилии Галотти Лессинга и во множествѣ драмъ, вышедшихъ со времени Шеланде), были пороками не отдаленныхъ лицъ, но ближайшихъ цѣлымъ населенію; члвнмъ среднего класса были образами добродѣтели или порока, смотря по тому, къ какому или къ какому классу они принадлежали. Такими образами, поэзія получила національное содержаніе, но характеръ ея былъ чисто-отрицательный. Представленіе дурнаго и угнетительнаго, развратнаго и мелочнаго было тѣсно связано съ необходимостью уничтожить его. Поэзія семидесятихъ годовъ удалась бороться политически-дурное, но гибелью противъ дурнаго не достигало еще призванія къ высшему, чѣмъ было въ состояніи быть оправданъ свои порывы. Поэты не знали сама, что представляли они своими неопредѣленными словами, «права разума, свобода» и т. п.—идиллическую ли жизнь, воспѣтую въ началѣ столѣтія, или дилія времена, одушевляющія Клопштока, или среднѣвѣковья событія, или что иное. Такому не-возможному предмету, каковы были предметъ поэзіи того времени, Гёте не могъ посвятить своего гения. Хотя родственными этому направленію струнами звучала его лира, когда онъ въ Гётѣ представлялъ бѣдствія мертвыхъ формъ иеріи, чтобы въ противоположность

нимъ развить среднѣвѣковья религію своего героя, но въ послѣдствіи, въ величайшихъ созданіяхъ своихъ, выпавшихъ непосредственно передъ революціею, Гёте совершенно исключилъ изъ своей поэзіи политическій интересъ и политическіе предметы.

Христіанское содержаніе, пробужденное Мессиадою Клопштока, и политическое, возникшее со времени побѣды Фридриха-Великаго, бѣдствія все болѣе и болѣе и, наконецъ, совершенно исчезли въ созданіяхъ искусства. Въ послѣднее десятилѣтіе передъ революціею, положительное христіанство и положительныя государственныя формы явились какъ-бы оковами для челоѣческаго духа, прозвять который стремилось молодое поколѣніе поэтовъ. Все, что колебало ихъ юношескую грудь, они политически внесли въ міръ; но, познавшае съ глубиною жизнь, они допускали надъ собою адіуліе чувственной любви и красоты природы, вина и безграничнаго своевоія. Скоро, однако, легкомысленная жизнь оставила молодыхъ поэтовъ: они увидѣли въ настоящемъ свѣтѣ печаль и радость земной жизни; въ ихъ душахъ глубокія морщины пролегла тяжкій опытъ; жившія и внутреннія потребности показали имъ различіе добра и зла. Тогда все, что малодушно гудѣло въ нихъ, вышло на свѣтъ, диспропорціе всевозможные алгоритмы. Много дикаго, неурядкаго необходимо произошло въ слѣдствіе такого анархическаго движенія; но новые поэты, возникшіе во всѣхъ классахъ народа, черпали вдохновеніе изъ тайнъ своего собственнаго духа, разоблачала все, наделана-срывавшееся во глубинѣ нація. Гёте далъ перекинуть этому безмерному давленію, и коня усмиряющаго лишь десяти лѣтъ не могли устраничь отъ него принципа его времени, но онъ преисполнилъ его и возмыслилъ. Въ Поэтегевинъ и Тассе образовалъ онъ общечеловѣческое чувство въ дивномъ изысканствѣ и частотѣ, и представилъ предъ

главнейшим шумливым современником все, что было прекрасного и величественного во глубинах господствующаго цивилизаци.

Въ то самое время, когда проникла поспешно увѣренность, что одно образованіе новаго политическаго состоянія можетъ предохранить германскій народъ отъ паденія, въ то самое время, когда явленіе новыхъ національныхъ силъ требовало созданія новаго, въ это самое время германское искусство внесено было въ жизнь народную. Оно не имѣло никакого вліянія на образованіе прежней народной и государственной жизни, но родилось въ десятилѣтіе передъ революціею: прежде не испытаны были силы, которыя могли, можетъ быть, открыть совершенно новыя пути. Жизнь, бурно возбужденная во глубинѣхъ политически-кислѣющаго народа, возвысилась въ область искусства; тогда въ народѣ, который не въ состояніи былъ ни оттолкнуть мертвыя формы государства, ни создать себѣ новыхъ, образовались самыя чистыя формы искусства. Не въ чуждыхъ дарахъ, но только въ сознаніи собственной жизненной силы, которая должна была выдержать борьбу со многими противниками, заключалось пріобрѣтенное благо. Народъ, проявившій свою силу на обширныхъ пространствахъ, не могъ отчаяваться пріобрѣсти ее и въ государственной жизни. Переходъ отъ мертвыхъ политическихъ формъ къ живому государству, едва ли могъ быть рѣшительнѣе, чѣмъ переходъ, совершенный отъ глубокаго упадка германской поэзіи къ образцовымъ созданіямъ Гёте. Много совершилъ этотъ переходъ: духовная борьба съ чуждыми народами, для пріобрѣтенія поэтической самостоятельности, соединила Германцевъ и дала

имъ сознаніе, что они составляютъ народъ. Они пріобрѣли благо, которое не только заключало въ себѣ это сознаніе, но имѣло еще и то достоинство, что поэзія укрѣпилась многоразличными стремленіями народной жизни. Что было скрыто, что составляло нетронутое еще сокровище германскаго духа, выведено было на свѣтъ: идеи, жившія и дѣйствовавшія въ тѣсномъ кругѣ оудѣльныхъ семействъ, были поэтически представлены общему народу, доведенному до сознанія: съ различныхъ сторонъ пролилась поэзія и переступила ограду, которая замыкала Германцевъ въ долгомъ бездѣйствіи; могучею рукою потрясла она опѣившія формы и, возвышая новый день, громкимъ голосомъ возвала къ народу, что время ему пробудиться отъ долгаго усыпленія. Не только въ отношеніи этомъ отношеніи, но во всемъ внутреннемъ бытіи своемъ, испытала нація существенную пережвѣну. Подобно отдаленному человѣку, котораго постигло большое испытаніе, и который почувствовалъ призваніе свое, возсталъ германскій народъ, вращенный силою поэзіи и увидѣвший предъ собою все-виденіи, которыя онъ, не сознанныя, заключалъ въ своихъ вѣдрахъ. Отношеніе народа къ государству, которое бы должно было сдѣлаться отраженіемъ его жизни, необходимо измѣнилось. Въ народѣ напѣла уже жизнь, въ государствѣ еще господствовала смерть. Жизнь, по-видимому, должна была рано или поздно пріобрѣсти государственныя формы и образоваться согласно съ новымъ духомъ; но въ немъ-то и лежали причины, противившія надеждѣ, чтобъ изъ одной, вновь пробудившейся поэзіи, могла уже произойти могучая государствообразовательная сила.

Во-первыхъ, духовное движеніе, про-

будущее въ германскомъ народѣ въ половинѣ прошедшаго столѣтія, сосредоточилось преимущественно въ протестантской Германіи. Уже въ XV вѣкѣ первыя сѣмена новой жизни были направлены противъ римской церкви, а такъ-какъ католическая Германія, раздѣлявшая съ протестантами бѣдствія тринадцатой войны, и усидливое, за ней послѣдовавшее, осталось исключительно изъ стремленій къ лучшей будущности, стремленій, заманившихъ въ первой половинѣ прошедшаго вѣка, то въ ней преобразование должно было начаться съ ученаго сословія, но оно въ католическихъ земляхъ было подавлено jezуйтскими школами и не имѣло никакой возможности къ свободному развитію, которое обнаружилось въ училъ-протестантскихъ. Первая значительная эпическая поэма, «Мессіада» Клоппельха, была чужда католическому началу. Политическое содержаніе, возмещавшее въ поэзію чрезъ подвиги Фридриха, было неразрывно соединено съ свободными чисто-протестантской Пруссіи и католіческой Германіею. Изъ этого ясно, что католическая Германія осталась чужда тому религіозному и политическому элементу, которымъ началась протестантская; отъ-того и новое движеніе не достигло нѣтъ своей: оно совершилось въ одной части народа и не обняло всей націи. Сверхъ того, недостатокъ, заключавшіяся въ самой жизни, воскрешенной поэзіею, затрудняли достиженіе этой цѣли.

Люди, которые воспріяли все, что было лучшаго въ народѣ, смотрѣли на христіанскій и народный интересъ, какъ на нѣчто случайное, чуждое внутреннему свойству человѣка, и потому недостойное искусства. Но масса, лишённая духовной самостоятельности, умочена была низкими людьми, значи-

тельность которыхъ была упрочеена. Но въ послѣдней трети прошедшаго столѣтія, все достоинствѣ Германцевъ заключалось въ поэзіи; когда же они устранили отъ себя два существенные интереса: религіозный и политическій, то явилась перелѣ германскимъ духомъ не только менелюю, но даже невѣрною и не имѣла никакой возможности совершить новое политическое образованіе.

Наконецъ, германская поэзія и названное ею движеніе не упрочили себя продолжительности даже въ собственномъ кругу своемъ. Поэзія какъ бы чудомъ вступила въ германскій народъ. Не глубокое, равно-распространенное чувство, не сильное влеченіе и общая образованность народа руководили вдохновеніемъ поэта; не общепризнанный высшій принципъ лежалъ основаніе германской поэзіи: каждый изъ поэтовъ первой величины шёлъ своею отдѣльною дорогою, окруженный учениками, поклонниками и читателями; раздоры между различными партіями наполняли литературную жизнь. Индивидуумы, какъ и въ прежнее анархическое время, преданы были самимъ-себѣ, и отъ-того не могли воспрещать тому, чтобы, рядомъ съ великими созданіями искусства являлись французское революціею, не позволялись произведенія изумительной грубости и пошлости. Переписка того времени доказываетъ, какъ опасно было послѣднее направленіе: сильныя умы съ глубокою скорбью чувствовали раздоръ между великимъ развитіемъ литературы и коснѣющимъ состояніемъ другихъ сторонъ національной жизни. Отъ истинной скорби къ враждѣ противъ мертвого политическаго существованія одинъ только шагъ. Если бы онъ былъ сдѣланъ, то при совершенномъ разединеніи, характеризова-

иметь возможность, германцы-свободные не могли бы ожидать отрицательного и разрушающего политического направления, чѣмъ выжидающего. Еслибы, какъ то казалось возможнымъ, грубыя, ежедневно-пошлая или политически-отрицательныя произведенія шли вверхъ въ германской повѣи, то подобная литература и вызванное ею движеніе не могли бы имѣть никакого значенія вообще, тѣмъ менѣе въ политической сферѣ.

Окачивая книгу свою равноотрицательнѣ религіи Германцевъ, съ раздѣленіемъ ихъ на церковь евангелическую и римскую, г. Пертесъ выводитъ результаты, что при раздѣленіи ихъ и враждебныхъ началахъ, или вынужденныхъ, народъ германскій не могъ надѣяться на пріобрѣтеніе государственнаго образованія отъ религіознаго шриства.

Вотъ заключенія книги:

«Римская-Имперія не существуетъ уже въ дѣйствительности; древняя германская монархія и съ нею король ея и сеймъ лежатъ въ развалинахъ; имперскіе графы и князья, имперскіе города, имперскіе прелаты, имперскіе рыцари исчезли, и памятныя прежнія территорія, сохранивши свою самостоятельность, потеряли свое средневѣковое значеніе совершенно и невозвратно.

«Но не дѣйствіе отрицательнаго произвола убило въ нихъ жизнь: они состарѣлись въ-продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Уже давно исчезла жизнь, ихъ напоилишая, и они стремились къ могилѣ, которой, къ несчастію Германіи, не могли достигнуть. Видѣто германской имперіи, мы имѣемъ теперь германскій союзъ; видѣто территорій, отдѣльных государствъ съ ихъ государственными, собраниями членовъ и прочими условіями нынѣшняго германскаго государства; но не дѣйствіемъ при-

твительности: прощение должно въ широкій мѣръ: нѣкогда политическое общеніе. Уже въ имперской монархіи скрывались сѣмена союза, въ территоріяхъ лежало основаніе германскаго государства, и ожидали только попечительной руки, которая бы могла способствовать ихъ развитію. Со всѣмъ тѣмъ пропасть отдѣляетъ недавнпрошедшее и настоящее; между ними такое же различіе, какъ между зерномъ дерева и стволомъ его. Сила, которая вызвала ихъ въ краткій періодъ великихъ столѣтій, была потушена. Политическія событія, прѣшлагого страстіа заключали, къ самимъ-себѣ причину великаго могущественнаго преобразованія, которое совершилось предъ нашими глазами; но если бы не доставало собственныхъ силъ для исполненія требованій внутренней природы, то это внутреннее противорѣчіе могло повести къ гибели, потому-что тужнаго не-мощи не въ состояніи были заставить на-шимъ недостатка собственной силы.

«Надежда-сказанная, таящая жизнь, такъ же, какъ жизнь въ религіи, наукѣ и искусствѣ, была возбуждаема къ отысканію новыхъ путей; но, неспривыкнувъ къ свободѣ и дѣйствію собственныхъ силъ, она колебалась во всѣ стороны. Когда же государственное стремленіе народа съ возрастающею силою направлено было противъ настоящаго, то великія силы, возвращенныя семействомъ, наукою, религіею и искусствомъ, должны были обратиться къ оружію для разрушенія настоящихъ политическихъ формъ, а между-тѣмъ она тогда только могутъ принести пользу государству, когда бы прежде обратились къ образованію государственнаго сѣмени и въ устраненіи мертваго соержали единственно возможный актъ политическаго творчества. Впрочемъ, мало надежды, чтобъ возникнувшія, но все еще раздѣленные въ дѣйствіяхъ національными силами нѣтъ самихъ-себя воспроизвели образованіе и развитіе сокрытыхъ началъ государства. Когда великія, мощныя событія заставляли націю, по приближеніи къ собственному паденію, сознать нѣтъ,

которой онъ наконецъ достигли славою, | шного всѣмъ вниманіемъ, обратитъ къ обра-
основанною на отрицаніи и разрушеніи, | зованію государства славы, полученныя
то народъ нашъ, обращенный къ внѣш- | ниямъ всѣмъ государственной жизни. Одно
ности, не могъ сосредоточиться въ себѣ до | только это значеніе и имѣютъ для исторіи
такой степени, чтобъ отъ живаго со- | нашей событія, которыя къ концу про-
знанія внутренняго единства, побуждаю- | шедшаго столѣтія взволновали Францію.»

VIII.

С И Ъ С Ъ.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Лордъ Брумъ.

Въ биографіи сэра Роберта Пила мы замѣтили черту англійской аристократіи, что она по-временамъ обновляетъ свои силы, принимая въ свои нѣдра лучшіе таланты изъ сословій низшихъ. Сэръ Робертъ Пилъ, сынъ мануфактуриста, талантами своими сдѣлался главою партіи торіевъ. Вотъ еще примѣръ этого умѣнья англійской аристократіи встать открывать свои ряды для знаменитыхъ людей изъ другихъ классовъ. Два главные оратора двухъ партій въ палатѣ лордовъ, два лица, съ 1827 года поочередно занимавшія первое судебное достоинство въ королевствѣ, принадлежатъ къ числу людей, возвысившихся личными своими достоинствами. Теперешній лордъ-канцлеръ, одинъ изъ значительнѣйшихъ людей партіи торіевъ, лордъ Линд-

Т. XL. — Отд. VIII.

горстъ, прежде назывался просто мистеромъ Копли, потомъ сэромъ Джономъ Копли: онъ сынъ живописца.

Что касается до лорда-барона Генри Брума (Brougham), называвшагося прежде просто мистеромъ Брумъ, онъ, правда, принадлежитъ къ весьма древней вестморландской фамиліи, начало которой относится ко временамъ Эдуарда-Исповѣдника; но аристократическая знатность этой фамиліи не такъ древня: она начинается со времени июльской революціи 1830 года, ударъ которой, низвергнувъ министерство торіевъ, вдругъ возвелъ въ пэры и посадилъ на шерстяной нѣшокъ въ палатѣ лордовъ простаго адвоката, члена палаты депутатовъ.

Съ достоинствомъ основателя новой аристократической фамиліи, лордъ Брумъ соединяетъ еще то достоинство, что онъ родился безъ состоянія, а это служитъ препятствіемъ вездѣ, въ Англій особенно. Онъ родился въ Эдинбургѣ, 19 октября 1779 года; отецъ его былъ Англичанинъ, мать — Шотландка. Мать была племянница знаменитаго автора «Исторіи Карла

V., Робертсона. Подъ руководствомъ своего двоюроднаго дяди, началъ учиться Генри Брумъ и продолжалъ потомъ ученье въ Единбургскомъ Университетѣ, въ которомъ Робертсонъ, кажется, былъ ректоромъ. Сначала обнаружилось въ немъ сильное пристрастіе къ наукамъ физическимъ и математическимъ; ему еще не было восьминадцати лѣтъ, когда онъ напечаталъ, въ известномъ ученномъ сборникѣ *Philosophical Transactions*, «Опытъ объ отраженіи свѣта», обратившій на себя вниманіе физиковъ. Въ то же самое время, какъ съ жаромъ занимался онъ этой отраслюю человѣческихъ званій и велъ уже переписку на латинскомъ языкѣ со многими европейскими учеными, онъ съ равнымъ жаромъ изучалъ классическую литературу, читалъ Деомеена, Цицерона, Мильтона и Данта, углублялся въ лабиринтъ англійской юриспруденціи, и готовился къ жизни публичной, упражняясь въ искусствѣ ораторскомъ въ *Speculative Club*, — обществѣ, гдѣ университетская молодежь приучалась къ борьбѣ, которую должна была вести потомъ на парламентской трибунѣ и въ судѣ.

Въ концѣ университетскаго курса, одинъ изъ соучениковъ его, молодой лордъ Стюартъ де-Ротвей, съ которымъ онъ былъ связанъ дружбою, предложилъ ему ѣхать съ нимъ за границу. Они посѣтили единственную часть Европы, которая въ то время доступна была для англійскихъ туристовъ, то есть Швецію и Норвегію. Нѣсколько позже, во время консульства, въ теченіе кратковременнаго перемирія, послѣдовавшаго за амьенскимъ трактатомъ, Брумъ ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ представленъ былъ Карно, какъ молодой математикъ, подававшій самыя блестящія надежды. Дѣйствительно, онъ издалъ тогда новое сочиненіе. О свойствахъ иперболъ коническихъ и отношеніяхъ линій прямой къ кривымъ линіямъ разныхъ порядковъ, — сочиненіе, скоро отворившее ему двери въ Лондонское Королевское Общество Наукъ.

Но мирное поприще наукъ не могло поглотить пылкой энергіи молодаго Англичанина: неодолимое побужденіе влекло его къ жизни дѣятельной, и въ самое то время, какъ онъ съ успѣхомъ дебютировалъ въ высшей математикѣ, онъ готовилъ два тома политической экономіи, вышедшіе въ 1803 году (ему было тогда двадцать-четыре года), подъ заглавіемъ «An Inquiry into the colonial policy of the European powers» (Исслѣдованія о колоніальной политикѣ европейскихъ державъ). Въ одной статьѣ «Revue des deux Mondes» несправедливо говорили, будто мнѣнія, высказанныя въ этой книгѣ о невольничествѣ, находятся въ явномъ противорѣчій съ позднѣйшими мнѣніями Брума, ревностнаго сподвижника Уильберфорса въ его крестовомъ походѣ для освобожденія негровъ. Авторъ «Исслѣдованій о колоніальной политикѣ» не только не защищаетъ невольничества: онъ съ жаромъ возстаетъ противъ безчестнаго торго неграми, и требуетъ его уничтоженія, и если, по разнымъ соображеніямъ, не требуетъ немедленной эманципации невольниковъ, за то уже предвидитъ рѣшеніе этого вопроса въ будущемъ; онъ идетъ даже далѣе, ибо высказываетъ надежду, что сыновья этихъ Африканцевъ, перевезенныхъ въ Америку, получатъ современемъ законное обладаніе землею, оплодотворенною потомъ и страданіями ихъ отцовъ. Такимъ-образомъ, несправедливо представлять это первое политико-экономическое произведеніе Брума какъ апологію невольничества.

За годъ до изданія этой книги, въ 1802 году, молодой соученикъ Брума, Френсисъ Джоарс, въ-владствіи одинъ изъ отличнѣйшихъ англійскихъ критиковъ, основалъ «Edinburgh Review». Этотъ журналъ имѣлъ огромный успѣхъ: то былъ первый сборникъ въ этомъ родѣ; серьезная періодическая критика не существовала тогда ни въ Англій, ни въ Европѣ; были книги, были журнальныя статьи, но обзорнѣй не было. Скоро явились подражатели. Сначала, въ противоположность

«Edinburgh Review», защищающему начала виговъ, основанъ былъ: Quarterly Review», журналъ тористскій; затѣмъ явились одинъ за другимъ «Westminster Review», «Atlas», «Spectator», «Examiner», «Athenaeum», и др., не считая множества «Magazines».

Молодой и блестящій литературный штабъ составилъ вокругъ директора «Edinburgh Review» сэръ Джемсъ Мекинтошъ, Брумъ, Сидней Смитъ, Уильямъ Газлэттъ, страшный Томасъ Кардиль, извѣстный Маколей, котораго виги сдѣлали въ послѣдствіи, если не ошибемса, военнымъ министромъ, — всѣ эти неустрашенные *reviewers*, неутомимо ратуя противъ сборниковъ тористской партіи, внесли въ миръ умственный небывалое одушевленіе. Изъ числа сотрудниковъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», Брумъ скоро сталъ на первый планъ; усердный сотрудникъ этого сборника до 1828 года, онъ обогатилъ его множествомъ статей о предметахъ разнаго реда—статей, которыя, еслибъ ихъ собрать, составили бы не менѣе двѣнадцати или пятнадцати томовъ. Съ тѣхъ-поръ, какъ онъ непосредственно сталъ участвовать въ дѣлахъ своего отечества, сотрудничество его въ «Обозрѣніи» сдѣлалось рѣже; но этотъ сборникъ и теперь еще считается выраженіемъ его политическихъ мнѣній. Вотъ въ какихъ словахъ англійскій писатель, Олленъ Коунингъ, оцѣняетъ талантъ лорда Брума, какъ критика:

«Познанія его обширны, и гений его — высокаго разряда. Можетъ-быть, нѣтъ въ свѣтѣ человѣка, который знаетъ бы такъ много, какъ онъ, и его дѣятельность равняется его талантамъ. То, что другие приобрѣтаютъ изученіемъ, онъ схватываетъ по вдохновенію, и тѣ, которые являются къ нему, чтобъ открыть ему какую-нибудь тайну въ наукахъ или въ литературѣ, скоро замѣчаютъ, что онъ уже знаетъ... что я говорю? что онъ уже подробно изучилъ ее, готовъ объяснить ее другимъ. Умъ его быстръ и неутомимъ; яронія ѣдка,

какъ азотная кислота, и преслѣдуетъ жертву до гроба. Быстрота его познанія и обширность познаній дѣлаютъ его нетерпѣливымъ и раздражительнымъ. Нѣтъ у него состраданія къ умамъ тупымъ; убѣжденіе въ своей гении и презрѣніе къ гению другихъ дѣлаютъ то, что онъ — довольно-плохой критикъ. Любилъ онъ прежде пророчествовать въ политикѣ и предсказывать судьбу народовъ: событія не всегда соответствовали его предсказаніямъ. Онъ вступилъ на литературную сцену болѣе какъ наездникъ, чѣмъ какъ судья; онъ разбиралъ литературныя творенія не для того, чтобъ исправить ихъ, а чтобъ посягаться надъ ними; вмѣсто мнѣнія, подтвержденнаго доказательствами, онъ бросалъ сарказмъ и дѣйствовалъ ироніей, когда долженъ бы былъ говорить съ кротостью, снисходительностью и здравымъ смысломъ.»

Съ успѣхомъ дебютировавъ въ качествѣ адвоката въ эдинбургскихъ судахъ, Брумъ, приглашенный въ 1804 году защищать одно дѣло передъ палатою лордовъ, рѣшился поселиться въ Лондонѣ. Представителями адвокатскаго сословія были въ то время три знаменитые человѣка, Эрскайнъ, Мекинтошъ и Самюэль Ромилли. Брумъ скоро обратилъ на себя вниманіе своею дѣятельностью, рѣзкимъ краснорѣчіемъ, оригинальностью своего шотландскаго акцента и непринужденностью своихъ манеръ; когда предшественники удалились со сцены, онъ скоро раздѣлилъ съ Скарлеттомъ тронъ ябеды. Онъ особенно блистателемъ былъ въ процессахъ уголовныхъ и не имѣлъ соперниковъ въ искусствѣ трогать англійскихъ присяжныхъ. Этотъ адвокатъ дурнаго тона говорилъ о немъ въ 1823 году французскій путешественникъ, г. Пишю, «имѣетъ можетъ-быть столько же и больше знанія, чѣмъ сэръ Самюэль Ромилли и сэръ Джемсъ Мекинтошъ, но у него не достаётъ ихъ вкуса и чистоты ихъ слова. Манера его, въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, напоминаетъ та-

верну. Есть у него пылкость и энергія; пропія его ѣдка и нападенія страшны, но даже и тогда, когда онъ защищаетъ дурное дѣло, — а говорятъ, будто онъ любитъ братья за подобныя дѣла, — его смѣлость передъ судьями похожа на угрозу; правда, эта гордость есть слѣдствіе сознанія собственного превосходства, но въ святыхъ законахъ нѣтъ видъ наглости. Допрашивая свидѣтеля, позваніе котораго затрудняетъ его, онъ часто пренебрегаетъ адвокатскими предосторожностями, уловками, смотреть на свидѣтеля съ презрѣніемъ; въ звукъ его голоса есть желчь. Забѣтывъ, однакожъ, что Брумъ умѣлъ соображать свои рѣчи съ достоинствомъ слушателей. Въ знаменитомъ процессѣ королевы, о которомъ мы будемъ говорить далѣе, грубое и сильное краснорѣчіе его было исполнено достоинства.

Въ 1808 году, Брумъ, уже отличившійся на поприщѣ адвокатскомъ, воспользовался однимъ дѣломъ, касавшимся *указовъ совѣта*, чтобы проложитъ себѣ дорогу къ парламентской трибунѣ, сильно и краснорѣчиво нападая на эти указы въ судѣ и въ Эдинбургскомъ Обществѣ. Известно, что въ отвѣтъ на знаменитый декретъ, данный въ Берлинѣ, которымъ Наполеонъ, властитель материка, объявлялъ Англію въ блокадномъ положеніи, и запрещалъ нейтральнымъ кораблямъ доставлять непріятелю товары, — правительство авглійское издало подобный указъ, и равнымъ образомъ, объявивъ берега Франціи въ блокадномъ состояніи, воспретило судамъ всѣхъ нейтральныхъ державъ входъ во французскія гавани. Слѣдствіемъ этихъ двухъ декретовъ, равнострѣнительныхъ, было всеобщеестройство въ торговлѣ державъ нейтральныхъ, подвергшихся ограниченіямъ, которыя подрывали ихъ благоденствіе. Брумъ сдѣлался защитникомъ кораблей, захваченныхъ крейсерами, и его репутація, какъ адвоката и политическаго писателя, достигла скоро такой высоты,

что партія виговъ сочла своимъ долгомъ открыть ему входъ въ парламентъ. Если мы не ошибаемся, то, кажется, герцогъ-бедфордскій заставилъ гнѣломъ-мѣстечко, Камельфордъ, избрать его депутатомъ въ 1810 году. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ пребыванія своего въ палатѣ, Брумъ отличился только двумя рѣчами противъ тѣхъ же самыхъ указовъ совѣта и въ пользу торговли нейтральныхъ державъ, которую онъ защищалъ уже, какъ адвокатъ и какъ писатель. Война, открывшаяся скоро между Америкой и Англіей, оправдала предсказанія оратора.

Когда парламентъ, въ 1813 году, былъ распущенъ, депутатъ-вигъ явился передъ избирателями ливерпульскими соперникомъ Каннинга, въ то время отъявленнаго торія. Бруму не удалась эта попытка попасть снова въ палату уже два года спустя; его избрало гнѣлое-мѣстечко Уинчельси. Особенно въ тотъ періодъ, который послѣдовалъ за паденіемъ Наполеона, когда старинная борьба торіевъ и виговъ, приостановленная на время войною внѣшнею, возобновилась со всею своею силою, Брумъ приобрѣлъ въ партіи виговъ, даже въ партіи радикальной, репутацію оратора и государственнаго человека. Открытый и неукротимый противникъ Каннинга, противопоставляя классическому и цвѣтистому краснорѣчію поэта-министра остринное и буйное краснорѣчіе Смѣеа, снабженнаго обширнымъ знаніемъ и еще-болѣе-обширными лёгкими, Брумъ въ короткое время сдѣлался однимъ изъ самыхъ могучихъ атлетовъ оппозиціи и самымъ ожесточеннымъ врагомъ кабинета лорда Ливерпуля. Мысли лорда Ливерпуля на-счетъ Ирландіи, отарашеніе Каннинга отъ всякой парламентской реформы, оппозиція канцлера лорда Эдмунда всякому улучшенію въ судебной администраціи, финансовыя ошибки фон-Зиттарта, — однимъ словомъ, всѣ мѣры и всѣ члены кабинета проходили поочередно подъ огонь ѣдкого и саркастическаго краснорѣчія

Брумъ. Спустя двадцать лѣтъ, сдѣлавшись самъ великимъ сановникомъ, ораторъ-боксеръ въ теченіе времени отъ 1813 до 1823 года является, въ послѣднемъ своемъ произведеніи (*), болѣе-снисходительнымъ цѣнителемъ труднаго положенія тогдашняго министерства и болѣе-снисходительнымъ судьей людей и дѣлъ, на которыя онъ прежде такъ сильно нападалъ.

Скоро знаменитый процессъ королевы доставилъ Бруму случай развить въ высшей степени свой талантъ и популярность.

Несогласіе между Георгомъ IV и супругою его началось съ давней поры. Съ верныхъ лѣтъ брака, Каролина-Брауншвейгская, въ характерѣ которой, скажемъ мимоходомъ, мало было пріятельнаго, увидѣла холодность и отвращеніе супруга своего, бывшаго тогда еще регентомъ, а въ-послѣдствіи королемъ Георгомъ IV-мъ. Чтобы оправдать свое поведеніе, Георгъ старался обвинить Каролину. Въ 1806 году, по просьбѣ самой принцессы, сдѣлано было первое слѣдствіе въ присутствіи повѣренныхъ съ той и другой стороны, и обвиненія, введенныя на вес, объявлены были неосновательными; не смотря на то, Георгъ удалил ее отъ себя, какъ преступную супругу, и скоро потомъ отнялъ у нея единственную дочь ея, принцессу Шарлотту. Наконецъ, въ 1814 году, по совѣту Каннинга, желая укрыться отъ постоянно-возраставшихъ преслѣдованій, она рѣшилась отправиться за границу съ пенсіей въ 33,000 фунт. стерл. Скоро ею перестали заниматься въ Англіи; только время-отъ-времени про-

носились невыгодные слухи о ея поведеніи. Брумъ, встрѣтившій ее въ Италіи въ 1816 году, и взявшій на себя хлопоты по ея дѣламъ, предложилъ, въ 1819 году, лорду Ливерпулю обезпечить ей на всю жизнь ежегодную пенсію, съ условіемъ, чтобъ она обязалась никогда не возвращаться въ Англію. Министръ уклонился отъ этого подъ предлогомъ, что надобно отвѣстись о томъ къ регенту. Но какъ скоро кончина Георга III возвела регента на престолъ, лордъ Ливерпуль вздумалъ возобновить переговоры съ Брумомъ и предложилъ даже возвысить отпускаемую королевінѣ пенсію до 50,000 фунт. стерл.; Брумъ, какъ кажется, сдѣлавшій первое предложеніе самъ - отъ - себя, объявилъ теперь въ свою очередь, что надо отвѣстись къ принцессѣ, сдѣлавшейся королевою. Между-тѣмъ, Каролина, находившаяся въ Италіи, узнала въ одно и то же время и о кончинѣ Георга III и объ оскорбленіи, какое нанесъ ей новый король, супругъ ея, приказавъ не упоминать ея имени въ церквахъ. Это извѣстіе раздражило ея пылкій характеръ: она тотчасъ обнародовала родъ манифеста, въ которомъ предписывала министерству возстановить ея имя въ англійанской литургіи и признавать ее вездѣ въ качествѣ королевы; она объявила въ то же время свое намѣреніе отправиться въ Лондонъ, чтобъ занять свое мѣсто при коронаціи. Совѣтнику своему Бруму предложила она пріѣхать въ Каенъ, для того, чтобъ оттуда вести переговоры и уладить дѣло.

Она ѣхала къ этому пункту, когда, между Дижономъ и Парижемъ, встрѣчена была ольдерманомъ Вудомъ, отпавшимся на встрѣчу ей. Этотъ ольдерманъ былъ отъявленный радикалъ, пользовавшійся весьма-большимъ вліяніемъ на рабочіе классы, и который, предвидя, что пріѣздъ королевы произведетъ сильное волненіе умовъ, объявилъ ей, что народъ желаетъ ея возвращенія, и уговорилъ ее немедленно отправиться въ Лондонъ.

Брумъ, скорѣ послѣ того явившійся

(*) *Historical Sketches of the Statesmen who flourished in the time of George III* (Историческіе Очерки государственныхъ людей, славившихся въ царствованіе Георга III). Весьма-любопытна эта галерея историческихъ портретовъ. Всѣ лица, игравшія важную роль въ Европѣ, въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго вѣка, нерасчетливымъ въ этомъ сочиненіи.

въ королевѣ въ Сент-Омерѣ, тщетно сидѣла убѣдить ее, чтобъ она отложила на время исполненіе этого намѣренія. Королева уѣхала изъ Сент-Омера, не предупредивъ о томъ Брума, сѣла на корабль въ Калѣ, прибыла въ Дувръ 6 іюня 1820 года, вѣхала въ Лондонъ при кликахъ болѣе двухъ-сотъ тысячъ человекъ, и расположилась въ домѣ ольдермана Вуда.

Георгъ IV былъ въ страшномъ гнѣвѣ; министры его, чтобъ избѣгнуть соблазна, пытались уговорить королеву возвратиться на материкъ на условіяхъ, предложенныхъ Бруму. Открылись переговоры между герцогомъ Веллингтономъ и лордомъ Кестльри отъ имени короля, и Брумомъ и Денменомъ отъ имени королевы. Королева предлагала уѣхать, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ признаны были за ней титулъ и права королевы. Король рѣшительно отказалъ, и лордъ Ливерпуль, уступая наконецъ волѣ государя, представилъ, 6 іюля, въ парламентъ билль, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ парламентъ, признавъ королеву преступною супругою, объявилъ расторженіе ея брака съ королемъ и лишилъ ее титула и правъ королевы. Когда предложено было первое чтеніе билля, второе чтеніе отложено было до 27 августа. Начался процессъ въ палатѣ лордовъ. Джеффордъ, Копли, Робинзонъ, Адамъ поддерживали обвиненіе со стороны короля; Брумъ, Денмень, Лошингтонъ и нѣсколько другихъ ораторовъ говорили за королеву. Допросъ свидѣтелей продлился до 16 сентября. За тѣмъ начались самыя пренія; адвокаты той и другой стороны соперничали въ краснорѣчьи. Вторая защитительная рѣчь Брума, назначенная для опроверженія свидѣтельствъ противъ его клеветки, произвела большое впечатлѣніе, особенно заключеніе имѣло сильный эффектъ. Говорятъ, что Брумъ, обыкновенно импровизирующий рѣчи, въ торжественныхъ случаяхъ пишетъ заключенія своихъ рѣчей, что составляетъ для него трудъ безконечный. Говорятъ, онъ до четырнадцати

ти разъ переписывалъ заключеніе, начинающееся слѣдующими словами:

«Вотъ, милорды, дѣло, предоставленное вашему суду; таковы факты, подтверждающіе обвиненіе: ни одного дѣйствительнаго доказательства, ничего, почему бы можно было лишить гражданскаго права послѣдняго изъ подданныхъ королевы; ни одного доказаннаго преступленія; вездѣ видно безсиліе, соблазнъ, чудовищность! И такимъ-то образомъ поддерживаютъ столь важное обвиненіе, такимъ-то образомъ хотятъ запятнать честь королевы!..»

Третіе чтеніе билля, что равняется объявленію лица подсудимаго виновнымъ, допущено было при самомъ слабомъ большинствѣ голосовъ. Требованіе о разводѣ не было принято, и министерство, не желая видѣть своего пораженія, еслибъ дѣло перенесено было въ палату депутатовъ, — рѣшилось вѣзти назадъ свой билль, отсрочивъ рѣшеніе вопроса на полгода, — благовидный предлогъ для отсрочки неопредѣленной...

Оппозиція, особенно партія радикальная, и простой народъ торжествовали побѣду королевы процессіями, митингами и адресами изъ всѣхъ графствъ Англіи. Но это торжество было кратковременно: любовь къ королеві самонаизшаго сословія народа вредила ей въ умѣ виговъ, и когда, спустя годъ, въ день, назначенный для коронаціи, королева пріѣхала къ воротамъ Вестминстерскаго — Аббатства въ каретѣ, везоной шестью бѣлыми конями, оппозиція безъ сожалѣнія видѣла, что правительство не пустило королевы въ аббатство и принудило ее отправиться назадъ съ свитой по той же дорогѣ, по которой она пріѣхала. Спусти нѣсколько времени послѣ того, Каролина, истощенная такими ударами, скончалась, и на гробѣ ея, по ея приказанію, вырѣзана была слѣдующая эпитафія: *Here lies the injured queen of England* (Здѣсь лежитъ обиженная королева англійская).

Этотъ знаменитый процессъ имѣетъ то сходство съ многими другими про-

пессами, что онъ повредилъ и той и другой сторонѣ, и былъ полезенъ только для адвокатовъ. На-время устраненный ивъ отъ борьбы парламентской, Брумъ воротился къ ней съ обычными своими жаромъ.

По смерти Кэстлери, Каннингъ, вышедшій изъ кабинета въ 1817 году въ слѣдствіе несогласія съ лордомъ Ливерпулемъ на счетъ эманципаціи католиковъ и въ слѣдствіе открытой симпатіи своей къ королевѣ, привланъ былъ на мѣсто покойнаго министра, и съ Каннингомъ, прежнія ивѣнія котораго уже ивъскольво ивъѣнились, вошелъ въ кабинетъ отъѣнокъ либерализма. Не смотря на то, это было время самыхъ жестокихъ нападокъ Брума на Каннинга. Члены кабинета условившись отложить вопросъ ирландскій, такъ-какъ они несогласны были отъносительно его. Это условіе сначала послужило богатой темой для порицаній Брума; онъ представлялъ его чудовищнымъ отступничествомъ со стороны Каннинга; онъ дошелъ даже до того, что обвинилъ министра въ малодушіи, въ низости; Каннингъ, выведенный изъ терпѣнія, назвалъ его лжецомъ. Президентъ, по обыкновенію, ивъсталъ въ споръ и погрозилъ спорщикамъ сержантами; Каннингъ не соглашался отказаться отъ своихъ словъ; наконецъ, дѣло кое-какъ уладилось при посредничествѣ сэра Роберта Уильсона, и Брумъ и Каннингъ объявили, что произнесенныя ими слова имѣли только смыслъ политическій.

Скоро война съ Испанією, предпринятая министерствомъ Виллеля, не смотря на усилія Каннинга воспрепятствовать ей, доставила новую пищу шероховатому краснорѣчію Брума. Онъ не протѣзалъ Каннингу того, что тотъ допустилъ французское правительство до войны, которую не одобрялъ, и не довольствуясь порицаніемъ нейтралитета каннингова, какъ трусости, дерзко оскорблялъ, къ великой радости Лондонцевъ и къ соблзну благовоспитанныхъ членовъ парламента, всѣхъ и ка-

ждаго изъ членовъ французскаго министерства.

Шатобрианъ былъ любимымъ предметомъ его нападокъ; Шатобрианъ молчалъ, и только въ-послѣдствіи, въ сочиненіи о веронскомъ конгрессѣ, считъ нужнымъ отразить ивъкоторыя изъ главныхъ нападокъ своего противника.

«Въ одной изъ своихъ рѣчей» говорить знаменитый писатель: «Брумъ превосходить самого-себя. Онъ называетъ меня *cloggy writer* (тяжелымъ писателемъ), смѣется надъ Агалою, осыпаетъ шутками *дочь пустыни*. Онъ язвить словами всю мою жизнь; я жалкій наушникъ Бонапарте, я—ханжа, фздившій въ Иерусалимъ за водой изъ Иордана для... римскаго короля. (Я фздивъ въ Иерусалимъ въ 1806 году, а Бонапарте вступилъ въ бракъ съ Маріей-Луизой въ 1810 году. Канная предусмотрительность съ моей стороны!)...»

Къ счастью для своей репутаціи, англійскій ораторъ не на эти только выходы употреблялъ свой талантъ: онъ умѣлъ дать ему занятіе высшее, потому-что въ то же самое время всѣми силами и во всѣхъ случаяхъ защищалъ два главные пункта политической программы виговъ—эманципацію католиковъ и реформу парламента. Краснорѣчиво защищая уничтоженіе невольничества и торга неграми, онъ въ то же время неутомимо занимался ислѣдованіемъ и рѣшеніемъ двухъ другихъ вопросовъ, не менѣе-важныхъ: мы говоримъ о народномъ воспитаніи, для котораго лордъ Брумъ сдѣлалъ много, и о преобразованіяхъ въ разныхъ отрасляхъ англійскаго законодательства.

Ивъвѣстно, что въ Англійи нѣтъ общей системы народнаго воспитанія посредствомъ публичныхъ заведеній, основанныхъ и управляемыхъ правительствомъ; все въ этомъ отношеніи предоставлено доброй волѣ и произволу частныхъ людей, общинъ или корпорацій; верховная власть не поддерживаетъ и не даетъ направленія народному обученію. Въ Авглійи мы видимъ со-

вершено-противное системѣ, принятой нынѣ въ большей части державъ европейскихъ.

Понятно, что если эта система совершеннаго уклоненія правительства отъ воспитанія народнаго представляеть нѣкоторыя выгоды, то она же имѣеть и много невыгодъ, между прочимъ—страшное невѣжество бѣдныхъ классовъ въ странѣ, гдѣ образованіе простонародья вообще считается у высшихъ классовъ, особенно у духовенства, дѣломъ бесполезнымъ и даже опаснымъ. Лордъ Брумъ, убѣжденный въ томъ, что по-крайней-мѣрѣ элементарное образованіе простаго народа служитъ для націи вѣрвѣйшей порукой за нравственность и благоденствіе, посвятилъ съ жаромъ, который его противники часто осмѣивали и называли шарлатанствомъ, свое время, свой талантъ и свои старанія на распространеніе общей системы народнаго воспитанія. Будучи съ 1816 года членомъ комитета, составленнаго для изслѣдованія этого предмета палатою депутатовъ, по его предложенію, онъ не переставалъ обращать на этотъ вопросъ вниманіе власти законодательной; если онъ не успѣлъ достигнуть того, чтобъ всѣ его мысли были приняты, по-крайней-мѣрѣ, какъ частный человѣкъ, много содѣйствовалъ развитію воспитанія. Первая школа для дѣтей, основанная въ Лондонѣ въ 1819 году, за которую скоро послѣдовало множество подобныхъ заведеній; многочисленные школы для взрослыхъ рабочихъ людей, извѣстныя подъ названіемъ «Mechanic's Institutions»; Лондонскій Университетъ, первый университетъ въ Англіи, въ который стали принимать людей всѣхъ вѣроисповѣданій; учрежденіе общества для распространенія полезныхъ знаній посредствомъ дешевыхъ изданій для бѣдныхъ людей,—вотъ главные плоды благородной и патріотической заботливости лорда Брума. Онъ самъ издалъ въ 1825 году, подъ заглавіемъ *Practical observations upon the education of the people* («Практическія наблюденія надъ воспитаніемъ

народа»), весьма-замѣчательную книгу, которая, бывъ распространена въ числѣ слишкомъ пятидесяти тысячъ экземпляровъ, не мало содѣйствовала успѣху дѣла, котораго онъ сдѣлался поборникомъ. По этому-то поводу, въ рѣзкой выходѣ противъ министерства Веллингтона, Брумъ, постоянно проникнутый важностью народнаго воспитанія и считая его надежнѣйшимъ оплотомъ противъ всякой тирании духовной, аристократической или военной, произнесъ знаменитую фразу, которая въ-послѣдствіи такъ часто вторглась: *школьный учитель присоединить все въ надлежащій порядокъ.*

Не менѣе настойчиво домогался онъ преобразованій въ англійскомъ законодательствѣ. Важнѣйшее сочиненіе его объ этомъ предметѣ — рѣчь, произнесенная имъ въ палатѣ депутатовъ, 7 февраля 1828 года; рѣчь эту говорилъ онъ не менѣе семи часовъ и обозрѣлъ въ ней всѣ части англійской судебной системы. Проводя валь этихъ мрачнымъ хаосомъ свѣточъ ума, указывая злоупотребленія, награмоадившіяся въ-теченіи вѣковъ, и улучшенія, какія надлежитъ сдѣлать, онъ замѣчаетъ, что въ Лондонѣ существуютъ три верховныя судилища, права и обязанности которыхъ почти одни и тѣ же, но которыя разнятся по формамъ, какія они соблюдаютъ и по издержкамъ, какимъ подвергаются тажущіеся. Такъ, въ то время, какъ *King's Bench* заваленъ дѣлами, суды *of Common plaidis* и *Exchiquier* почти-совершенно паздны, и именно потому-что небольшое число адвокатовъ, имѣющихъ право защищать дѣла въ этихъ судахъ, пользуются вредной монополіей. Всѣми-превозносимое учрежденіе — мирные судьи, назначеніе которыхъ зависитъ исключительно отъ лордовъ-наместниковъ графствъ, и которыхъ власть не подчинена никакому контролю; законы о поземельной собственности и правѣ наслѣдства, существовавшіе и безъ всякой достаточной причины различающіеся смотря по провинціямъ; чрезмѣрная строгость

закона относительно лица обанкротившихся купцовъ, и свисходительность его къ недвижимой собственности, которая почти-всегда ускользаетъ изъ рукъ кредитора, — всѣ эти предметы и многіе другіе были разобраны Брумъ съ такою же ясностью, какъ и знаніемъ.

Сдѣлавшись лордомъ-канцлеромъ, Брумъ старался привести въ исполненіе многія указанная имъ преобразованія. Ввелъ большія перемѣны въ законы о банкротствахъ и арестованіи, онъ предлагалъ улучшение гораздо-большей важности: мы говоримъ объ учрежденіи правильной системы мѣстныхъ судовъ въ Англіи. Высшіе судьи, живущіе въ столицѣ, два раза въ годъ ѣздятъ по Англіи, и въ нѣскольکو дней рѣшаютъ безчисленное множество дѣлъ, что не мѣшаетъ мелкимъ вѣдомствамъ, феодальнаго или муниципальнаго происхожденія, произвольно судить и рѣшать мелкія дѣла. Изъ всего этого выходитъ, что едва-ли есть гдѣ-нибудь такая плохая, такая медлительная судебная администрація, едва-ли гдѣ процессы такъ разорительны для тяжущихся, какъ въ Англіи. Брумъ плачь уничтоженія этихъ злоупотребленій, задѣвая за-живо корыстолюбивую, многочисленную и могущественную корпорацію законовѣдцовъ, судей, адвокатовъ, прокуроровъ и проч., не могъ не встрѣтить страшной оппозиціи; палата лордовъ, строгая хранительница старинныхъ преданій, приняла сторону людей, интересы которыхъ затронуты были планомъ Брума, и проектъ его былъ отринутъ.

Возвратившись теперь въ политическую жизнь Брума. Извѣстно, что министерство Веллингтона, принужденное согласиться на эманципацію католиковъ, въ-слѣдъ за тѣмъ принуждено было передать власть партіи виговъ. Образовалось министерство лорда Грея и Брумъ, могущественно содѣйствовавшій торжеству партіи, пожалованный въ бароны и пэры Англіи, возведенъ былъ въ достоинство канцлера. Канц-

леръ, въ Англіи, въ одно и то же время есть членъ кабинета, президентъ палаты лордовъ и верховный судья. Лордъ Брумъ предполагалъ раздѣлить обязанности канцлера между двумя сановниками, изъ которыхъ одинъ былъ бы сановникомъ политическимъ, другой судебнымъ. Это предположеніе было весьма-разсудительно, но оно оскорбляло тщеславіе сословія законовѣдцевъ, и, слѣдовательно, не могло исполниться.

Въ біографіи сэра Роберта Пилъ, мы уже подробно говорили о сопротивленіи палаты лордовъ биллю о реформѣ парламента. Въ октябрѣ 1831 года, лордъ Брумъ произнесъ по этому поводу одну изъ знаменитѣйшихъ своихъ рѣчей. Изобразивъ страшное состояніе Англіи, бунты, пожары, ярость народную, ораторъ заклинаетъ лордовъ не доводить народа до крайности дальнѣйшимъ сопротивленіемъ, согласиться теперь же на реформу, если они не хотятъ, чтобы завтра этой уступки было уже недостаточно, — и представляетъ имъ притчу о Сивиллѣ, которая два раза является у ихъ дверей, предлагая имъ листы справедливости и мира, и которая, послѣ каждого отказа, приходитъ вновь къ дверямъ уже съ меньшимъ запасомъ листовъ въ рукахъ.

Послѣ этого капитальнаго успѣха, усердіе лорда Брума къ политическимъ реформамъ начало мало-по-малу утихать; съ нимъ случилось то же, что случается съ другими горячими головами, которыя умѣряются вліяніемъ власти, и которыхъ точка зрѣнія ограничивается по мѣрѣ того, какъ возвышается ихъ положеніе. Въ министерство лорда Грея и въ первое министерство лорда Мельборна, онъ былъ въ числѣ самыхъ консервативныхъ членовъ обонихъ этихъ вигистскихъ кабинетовъ, въ числѣ членовъ вѣболѣе наклонныхъ положить конецъ уступкамъ. Этотъ голосъ, который въ 1811 году и позже громко возвышался противъ Веллингтона, часто прославляетъ теперь *дивныя подвиги пераго изъ совре-*

желанных веровъ, и тотъ же голосъ, въ полномъ собраніи палаты лордовъ, клеймилъ О'Коннеля прозваніемъ *блжлаго нищаго*...

Когда, въ ноябрѣ 1834 года, министерство Мельборна принуждено было на время уступить дѣла партіи торіевъ, вигистскіе журналы утверждали, что лордъ-канцлеръ нахѣренъ сохранить свое мѣсто въ тористскомъ кабинетѣ при президентствѣ герцога Веллингтона. Лордъ Брумъ успѣшилъ опровергнуть такое мнѣніе, подавъ въ отставку. Но когда прежніе его товарищи возвратились въ министерство, въ 1835 году, онъ не воротился туда вмѣстѣ съ ними, и съ-тѣхъ поръ до послѣдняго паденія кабинета Мельборна; не переходя на сторону торіевъ, онъ не щадилъ тѣхъ, которыхъ все еще называлъ своими друзьями, то-есть членовъ вигистскаго кабинета, которыхъ онъ часто обвинялъ въ нерѣшительности, слабости и преступной снисходительности къ О'Коннелю и радикаламъ.

Лордъ Брумъ, женившійся въ 1816 году, имѣетъ только одну дочь; у него одинъ братъ, который былъ членомъ палаты депутатовъ. Онъ въ дружбѣ со многими европейскими знаменитостями. Спорилъ нѣкогда съ Араго, въ «Эдинбургскомъ Обзорѣннѣ», о разныхъ ученыхъ вопросахъ; онъ сдѣлалъ искреннимъ другомъ этого знаменитаго ученаго, и посвятилъ ему свое «Естественное Богословіе», котораго метафизическое достоинство сильно оспаривается. Онъ почетный членъ Французскаго Института.

Въ заключеніе скажемъ, что лордъ Брумъ,—математикъ, физикъ, метафизикъ, законовѣдецъ, адвокатъ, публицистъ, экономистъ, литераторъ, членовѣдъ государственной, ораторъ, лордъ Брумъ—настоящая живая энциклопедія, — съ равною легкостію пишущій и говорящій обо всѣхъ предметахъ и непрерывно и неутомимо расширяющій обширную сферу своихъ идей, долженъ быть поставленъ въ ряду знаменитыхъ людей Англіи, хотя люди

спеціальные и могутъ найдти его слабымъ въ той или другой части науки. Но такъ-какъ политическая жизнь лорда Брума, въ-теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ, была непрерывною борьбою, въ которой онъ всегда являлся атлетомъ сильнымъ и безжалостнымъ, то понятно, что у благороднаго лорда много враговъ, и что, слѣдовательно, надо предоставить потомству окончательное о немъ сужденіе.

*

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ТОРГОВЛИ НЕГРАМИ.

Англійское правительство употребляетъ всѣ усилія для уничтоженія торга неграми. Но достигается ли оно своей цѣли? Предоставленнаго многочисленнымъ англійскимъ крейсерамъ права обыска кораблей, идущихъ изъ Африки въ Америку (*droit de visite, the right of search*), достаточно ли для истребленія зла? — Въ предлагаемой статьѣ сравниваются прежнее и нынѣшнее состояніе торговли неграми, и изъ этого сравненія выводится печальное убѣжденіе, что всѣ средства, употребляемыя англійской филантропіей, безсилны, и безчеловѣчный торгъ производится нынѣ въ такомъ же обширномъ размѣрѣ и сопровождается такими же ужасами, какъ и прежде, до запрещенія его. Скажемъ предварительно, что всѣ статистическія данныя въ этой статьѣ извлечены изъ англійскихъ источниковъ, преимущественно изъ слѣдующихъ: 1) *Correspondence with the British Commissions relating to the Slave Trade* (Переписка съ британскими комиссарами относительно торговли невольниками); 2) *Correspondence with Foreign Powers relating to the Slave Trade* (переписка съ иностран-

ими державами относительно торговли невольниками); 3) *Treaties on the Right of Search*, by J. Bandinel (Трактаты о правѣ обыска, Дж. Бандинеля); 4) *The Slave Trade and its Remedy*, by T. J. Buxton (Торговля невольниками и средства уничтоженія ея, Т. Дж. Бокстона); 5) *Colonial Review* (Журналъ, издаваемый морскимъ министерствомъ).

Христіанство, уничтожая невольничество, уничтожило въ то же время и торговлю невольниками во всѣхъ странахъ, на которыя простерлось его благотворное вліяніе; великое релігіозное движеніе — крестовые походы, снова познакомило христіанскіе народы съ невольничествомъ, которое они начали забывать. Сосѣдство съ мусульманами освоило съ нимъ Европейцевъ, и поборники Бога свободы стали держать у себя невольниковъ, подобно сосѣдствующимъ Корана; мало того, Венеціане, не опуская ничего, что могло увеличить ихъ богатства, сдѣлались поставщиками для враговъ христіанства, и не разъ употребили на перевозъ невольниковъ изъ Туниса въ Азію корабли, возившіе христіанъ, шедшихъ для освобожденія святаго гроба. Папы бесполезно употребляли и просьбы и угрозы, чтобы отворотить Венеціанъ отъ этой безчестной торговли. По-крайней-мѣрѣ не для христіанъ производили ея Венеціане, и невольникъ, даже на берегахъ Адриатическаго-Моря, былъ явленіемъ страннымъ, противнымъ обычаямъ и идеямъ жителей. Въ Испаніи и Португаліи было иначе: вѣковыя сношенія съ мусульманами освоили тамъ христіанъ съ невольничествомъ и съ торговлею невольниками. Когда отважные мореплаватели стали обозрѣвать берега Африки, одинъ изъ нихъ, Нунесъ Тристанъ, въ 1443 году, наскучивъ безплодными поѣздками вдоль безплоднаго берега, овладѣлъ нѣсколькими туземными людьми и находившимися на нихъ неграми, и, по возвращеніи въ Лиссабонъ, продалъ ихъ. Немедленно въ Лиссабонѣ составилось общество для производ-

ства торговли золотомъ и невольниками. Приближенные къ особѣ знаменитаго принца Генриха, Лансаротъ, Гиланесъ и нѣкоторые другіе, были въ главѣ этого предпріятія, которое принцъ принялъ подъ свое покровительство, за что ему предоставлена была часть барышей. Такимъ образомъ устроилась система морскаго разбойничества для похищенія негровъ; Португальцы дѣлали неожиданныя высадки на берега Африки, нападали върасплохъ на селенія негровъ, и плѣнники, добытые въ этихъ экспедиціяхъ, продаваемы были на лиссабонскомъ рынкѣ. Если бы торговля неграми ограничилась снабженіемъ невольниками только Европы, то она никогда не получила бы большаго развитія: открытіе Америки доставило ей новый рынокъ. Въ 1503 году, нѣсколько африканскихъ невольниковъ отвезено было изъ Португаліи въ Эспаньолу для работы въ рудникахъ, и, скоро послѣ того, пламенный и просвѣщенный филантропъ, добродѣтельный Лас-Казасъ, чтобы спасти отъ конечнаго истребленія Индійцевъ, предложилъ тогдашнему правителю Испаніи, кардиналу Хименесу, учредить правильный ввозъ въ Эспаньолу африканскихъ невольниковъ для рудокопныхъ работъ. Хименесъ отъицалъ, что ему кажется неестественнымъ для спасенія одного народа отъ рабства осуждать другой на такую же участь, и отвергъ предложеніе; но мысль Лас-Казаса не погибла. Карлъ-Пятый уступилъ неотступнымъ просьбамъ: ему представили, что одинъ негръ сработаетъ больше, чѣмъ четверо Индійцевъ, и, въ 1517 году, онъ далъ одному фламандскому дворянину патентъ, дозволявшій ему привозить ежегодно 4,000 Африканцевъ на островъ Эспаньолу, Порто-Рико, Кубу и Ямаику. Этотъ дворянинъ продалъ свою привилегію на восемь лѣтъ купцамъ генуэзскимъ за 25,000 червонцевъ, и, по прошествіи восьми лѣтъ, передалъ ее купцамъ португальскимъ. Съ этого времени, ввозъ негровъ въ Америку сдѣлался торговлею признанною и пра-

вильною, и даже причиною войны между Европейцами.

Полная исторія торговли неграми не входитъ въ нашъ планъ; для насъ достаточно будетъ показать, что всѣ народы занимались ею по мѣрѣ того, какъ приобретали владѣнія въ Америкѣ. Такъ-какъ невольничество сдѣлалось основою колониальной системы, то каждая нація должна была доставлять своимъ колоніямъ средства бороться съ соперничающими колоніями. Только одна Испанія, въ слѣдствіе упадка ея морскихъ силъ и по причинѣ обширности ея владѣній, не въ состояніи была доставлять своимъ колоніямъ невольниковъ, сколько было имъ нужно, и принуждена была прибѣгнуть къ другимъ націямъ. Вотъ происхожденіе *Asiento* (привилегіи на привозъ невольниковъ въ испанскія колоніи). Привилегія снабжать невольниками испанскія колоніи показала Англіи столь-выгодною, что она воспользовалась войною за испанское наслѣдство, чтобъ отнять эту привилегію у Французской Гвинейской-Компаніи и присвоить себѣ; объ этомъ сказано было въ 16-й статьѣ утрехтскаго мирнаго договора. По условію, должествовавшему продолжаться тридцать лѣтъ, англійская Гвинейская-Компанія обязалась везти въ испанскія колоніи 144,000 невольниковъ, по 4,800 человекъ въ годъ. Она заплатила королю испанскому за привилегію 200,000 кронъ и должна была платить ему пошлину съ каждой невольничьей головы по 33 кроны съ половиною; сверхъ-того король испанскій и король англійскій имѣли право каждый на одну четверть доходовъ компаніи. Компанія могла ввозить столько невольниковъ и продавать ихъ по такой цѣнѣ, какъ ей было угодно. *Asiento* дала сильное движеніе торговлѣ неграми подъ англійскимъ флагомъ, и, въ теченіи двадцати лѣтъ, слѣдовавшихъ за этою сдѣлкою, Англичане ежегодно вывозили изъ Африки до 15,000 негровъ, въ томъ числѣ отъ 6 до 8,000 въ испанскія колоніи; въ теченіи слѣ-

дующихъ двадцати лѣтъ, ежегодный вывозъ достигъ до 20,000. Впрочемъ, гвинейская компанія, не смотря на развитіе своей торговли, задолжала королю испанскому, и возникшая отъ-того запутанность была одною изъ причинъ вспыхнувшей тогда между Испаніей и Англіей войны.

Невозможно даже приблизительно опредѣлить, сколько негровъ вывозимо было каждый годъ изъ Африки въ теченіи восемнадцатаго вѣка. Торговля ими шла непрерывно возрастая. Одного факта достаточно для убѣжденія въ томъ: въ Америкѣ, въ народонаселеніи негровъ, число смертей всегда превышало число рожденій, а между-тѣмъ это народонаселеніе непрерывно возрастало въ быстрой прогрессіи.

Англія превосходила другія державы въ способѣ производства торгова неграми и въ выборѣ и приготовленіи мѣновыхъ статей. Вывозъ ея въ Африку состоялъ преимущественно въ крѣпкихъ напиткахъ, въ ромѣ и водкѣ, въ ружьяхъ, тесакахъ, военныхъ припасахъ; изъ трехъ миліоновъ фунтовъ пороха, которые ежегодно вывозимы были изъ Англіи, по-крайней-мѣрѣ половина шла въ Африку: въ Бирмингемѣ, нѣсколько тысячъ работниковъ занято было исключительно выдѣлкою ружей, которые назначались для мѣны на невольниковъ, и въ 1775 году *Board of Trade* (коммерческой департаментъ) сильно настаивалъ на необходимость развивать и поощрять торговлю огнестрѣльнымъ оружіемъ съ Африкою. Невольничій торгъ подъ англійскимъ флагомъ далеко превышалъ торгъ, производившійся подъ другими флагами; нѣтъ замечать по-крайней-мѣрѣ отъ 150 до 200 кораблей, и ежегодно вывозимо было отъ 40 до 60,000 негровъ. Въ книгѣ, изданной въ Ливерпулѣ подъ заглавіемъ *the Liverpool Memorandum*, и содержащей въ себѣ подробнѣйшія свѣдѣнія о торговлѣ этого порта, находится списокъ всѣхъ ливерпульскихъ кораблей, занимавшихся торговлею невольниками, съ показаніемъ,

сколько на каждый изъ нихъ нагружено негровъ: изъ списка видно, что, въ 1733 году, 101 ливерпульскій корабль везъ въ Америку болѣе 30,000 невольниковъ, и, по числу кораблей, посланныхъ съ тою же цѣлю изъ Лондона и Бристоля, можно полагать число невольниковъ, вывезенныхъ въ томъ году Англію, отъ 70 до 80,000. Андерсонъ, въ своей «Исторіи Торговли», говоритъ, что Англія вывозила въ то время ежегодно до 100,000 негровъ; но намъ кажется это число преувеличеннымъ, и вѣрнѣе полагать 60,000. Дѣйствительно, мы знаемъ изъ одного оффиціального документа, что, въ 1768 году, Англичане нагрузили на корабли на западномъ берегу Африки отъ Бѣлаго-Мыса до Рио-Конго 50,400 негровъ, и что другія націи вывезли въ томъ же году изъ Африки около половины этого количества негровъ; итакъ, весь вывозъ простирался до 90,000 человекъ. Питтъ говорилъ въ парламентѣ, въ 1791 году, что на островѣ Ямайку, въ теченіи двадцати предшествовавшихъ годовъ, привезено было 150,000 негровъ, и что это только десятая доля всего количества невольниковъ, вывезеннаго подъ англійскимъ флагомъ. Сѣвероамериканская война остановила успѣхи англійской торговли негрانی; въ это-то время и Португальцы начали возить невольниковъ въ Америку. Изъ донесенія о движеніи ливерпульскаго порта, представленнаго англійскому министерству, видно, что въ 1787 году торговля невольниками достигала цифры 100,000 и раздѣлялась между разными націями слѣдующимъ образомъ:

Англія	38,000
Франція	31,000
Португалія	25,000
Голландія	4,000
Давія	2,000.

Негръ стоилъ тогда въ Африкѣ отъ 75 до 375 франковъ, а въ Америкѣ отъ 325 до 1,000 фр. Каждая нація имѣла тогда на африканскомъ берегу нѣсколько фортговъ, подъ защитою которыхъ производилась торговля невольниками;

всѣхъ фортговъ было 40; изъ нихъ принадлежало: Англіи — 14; Голландіи — 15; Франціи—3; Давіи — 4; Португаліи — 4.

Французская революція приостановила на нѣкоторое время торговъ негрانی, потому-что корабли англійскіе, французскіе и голландскіе съ ожесточеніемъ преслѣдовали другъ друга; вѣтъмъ, Франція и Голландія лишались возможности производить эту торговлю, а король датскій запретилъ ее своимъ подданнымъ. Англичане заступили вездѣ мѣсто Французовъ, Голландцевъ и Датчанъ, и, по донесенію, представленному парламенту въ 1798 году, вся торговля слѣдующимъ образомъ раздѣлялась между націями: Англія вывозила 55,000 негровъ, Португалія 25,000, Сѣвероамериканскіе-Соединенные-Штаты 15,000; всего 95,000. Итакъ, можно думать, что въ 1753, 1768, 1787 и 1798 годахъ, вывозъ негровъ всегда простирался отъ 90 до 100,000. Статистики-филантровы представляютъ намъ цифру болѣе-значительную: такъ, въ ту же самую эпоху, г. Дональдъ говорилъ въ парламентѣ, что подъ однимъ англійскимъ флагомъ провозится негровъ до 75,000, изъ которыхъ 34,000 назначены въ колоніи державъ иностранныхъ. Дѣйствительно, Англія раздѣляла еще съ Соединенными-Штатами снабженіе испанскихъ колоній невольниками; сверхъ-того, она овладѣла голландскими колоніями въ Гвіанѣ, Демерароу и Бербисомъ, которыя, бывъ лишены невольниковъ съ начала войны, требовали ихъ въ большомъ количествѣ. Португалія вывозила тогда негровъ только въ Бразилію. Какъ бы то ни было, на основаніи представленныхъ нами оффиціальныхъ цифръ, мы будемъ полагать, что, въ теченіе второй половины XVIII вѣка ежегодно перевозимо было въ Америку отъ 90 до 100,000 негровъ.

Мы уже сказали, что торговля производилась подъ защитою фортговъ, принадлежавшихъ Европейцамъ въ Африкѣ. Покупка невольниковъ совершалась посредствомъ мѣны, рѣдко за

наличные деньги. Впрочемъ, экипажи невольничьихъ кораблей, состоявшіе изъ самыхъ безстрашныхъ и суровыхъ матросовъ, состарѣвшихся на поприщѣ, которое пріучило ихъ не только къ безчувственности, но и къ совершенному безчеловѣчю, нерѣдко похищали негровъ, зажигали туземныя селенія и въ суматохѣ набирали грузъ для своихъ кораблей. Нерѣдко они заключали въ кандалы слишкомъ-легковѣрныхъ негровъ, осмѣлившихся взойти на палубу корабля. Въ 1791 г., шесть англійскихъ невольничьихъ кораблей и одинъ французскій пришли къ городу Каалабару, одному изъ важнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ торговли неграми. Возникъ сильный споръ между обитателями города и Европейцами, которые находили, что цѣна невольниковъ слишкомъ-высока. Англичане, въ-слѣдствіе отказа жителей понизить цѣну, бомбардировали городъ и разрушили его. Жестокость капитановъ невольничьихъ кораблей обратилась въ пословицу; капитанъ англійскаго корабля «Song», недовольный результатами своей экспедиціи, желая воспользоваться тѣми выгодами, какія могъ получить отъ страховой компаніи, не побоялся винути въ море сто-тридцать-два остальныхъ свои невольника.

Негры, купленные или похищенные, отводимы были на корабль. Количество невольниковъ, какое можно было посадить на корабль, опредѣлено было закономъ и зависѣло отъ вместительности корабля. Въ Англии, корабль, вмѣщавшій менѣе 150 тоннъ, не могъ брать болѣе 5 негровъ на 3 тонны, а корабль болѣе 150 тоннъ — не болѣе 3 на 2 тонны; высота пространства между деками не могла быть менѣе 5 футовъ. Законы испанскіе и португальскіе назначали по 5 человекъ на 2 тонны, — количество совершенно-равное англійскому, ибо 2 испанскія тонны равняются тремъ англійскимъ. Впрочемъ, предписанія закона часто были не соблюдаемы; владѣльцы невольничьихъ кораблей обыкновенно показывали вместительность ихъ го-

раздо-выше вместительности настоящей. Въ 1788 году, Питтъ приказалъ вымѣрять нѣсколько ливерпульскихъ невольничьихъ кораблей, и было найдено, что пространство, которое назначалось для каждого невольника, было въ пять футовъ и шесть дюймовъ въ длину, а въ ширину шестнадцать дюймовъ. Высота палубы была отъ четырехъ до пяти футовъ и четырехъ дюймовъ. Невольники сковываемы были попарно, по рукамъ и по ногамъ, и сверхъ-того прикрѣпляемы къ палубѣ кольчатымъ болтомъ; имъ невозможно было стоять на ногахъ, и часто они принуждены были лежать на одномъ боку, не имѣя возможности переменить положеніе. На половинѣ разстоянія, отдѣлявшаго палубу отъ дна корабля, находились платформы шириной отъ восьми до девяти футовъ, на которыхъ наваливаемъ былъ второй слой невольниковъ. Часто случалось, что отъ внезапнаго движенія корабля негры скатывались съ платформы на несчастныхъ, лежавшихъ на днѣ корабля, и отъ-того происходили несчастія и драки между неграми. Попавъ на корабль, невольники оставались тамъ въ томъ положеніи тѣла, какое приняты сначала, до-тѣхъ-поръ, пока не оканчивалась нагрузка корабля и онъ не вступалъ подъ паруса, — то-есть часто мѣсяца полтора и болѣе.

На морѣ, невольники обыкновенно проводили подъ палубою отъ пятнадцати до шестнадцати часовъ въ сутки; но въ дурную погоду они часто по два, по три дня не выходили подышать воздухомъ, и тогда, если корабль имѣлъ полный грузъ, страданія ихъ были невыразимы. Они вдыхали въ себя воздухъ испорченный, зараженный. Многіе задыхались; зловоніе и неоприятность быстро развивали между ними гнилыя горячки, дѣйствіе которыхъ было такъ же сильно, какъ и быстро, и часто утромъ находимъ былъ трупъ уже гниющій, скованный съ человекомъ еще живымъ.

Два раза въ день кормили негровъ аморнымъ кормомъ и бобами, а за

обѣдомъ и ужинемъ давали по полу-
пинтѣ воды. Въ хорошую погоду,
пища раздѣлаема была на палубѣ.
Если какой-нибудь негръ отказы-
вался отъ пищи, то намладывали на
дошатку горячихъ углей и подносили
дошатку къ губамъ негра, грозя заста-
вить его ѣсть угли; иные капитаны
вливали растопленный свинецъ въ ротъ
негровъ, упорно отказывавшихся отъ
пищи. Послѣ стола, ихъ заставляли
длсать въ оковахъ, чтобъ придать въ-
которую гибкость ихъ одеревѣвшимъ
членамъ, и такъ-какъ эта пласна была
необходима для ихъ здоровья, то без-
жалостно сбили вкнутомъ тѣхъ, кото-
рые отказывались пласать или пласали
неохотно. Но всѣ эти предосторож-
ности не могли сохранить жизни боль-
шей части этихъ несчастныхъ, ибо къ
страданіямъ физическимъ присоединя-
лось страданіе нравственное. «Боль-
шая часть невольниковъ» говоритъ
одинъ врачъ, служившій на невольни-
чьихъ кораблѣ: «подвергается неодо-
лжому унынію, мрачной меланхоліи.
Время-отъ-времени изъ груди ихъ вы-
летаютъ стоны, или въ жалобной пѣ-
снѣ оплакиваютъ они потерю семьи
и своей родины; горестъ ихъ такъ
сильна, что многіе ищутъ средства ли-
шить себя жизни кинувшись въ море,
или разбивъ себя голову о стѣны ко-
рабля, или задушивъ себя оковами.
Другіе упрямо отказываются отъ пи-
щи, и когда заставляютъ ихъ ѣсть
вкнутомъ или другимъ насильствен-
нымъ средствомъ, они смотрятъ; въ
лицо своему господани и говорятъ
ишь на своемъ языкѣ: оставьте насъ;
пусть участь наша совершится. Уны-
ніе духа производить въ нихъ тѣле-
сное разслабленіе, которое усиливает-
ся отъ унынства, съ какими они от-
казываются отъ пищи, — унынства,
происходящаго отъ болѣзни, или отъ
того, что машинаны невольничьихъ
кораблей вонутъ капризомъ. Отсюда
рождается кровавый поносъ, распро-
страняющійся на кораблѣ и дожина-
ма покидающій негровъ; медицина
не въ силахъ остановить эту гибель.»

Хотите ли составить себѣ понятіе о
числѣ негровъ, погибавшихъ во время
перѣзда изъ Африки въ Америку? Су-
дите по слѣдующему примѣру. Въ
1788 году, четыре невольничьи корабли
покинули вмѣстѣ гвинейскій берегъ,
не успѣвъ набрать полного груза; пер-
вый потерялъ 155 негровъ изъ 602,
второй 200 изъ 450, третій 78 изъ 466,
четвертый 188 изъ 556; всего 600 не-
гровъ изъ 2,000, да сверхъ-того 200
человѣкъ умерли въ два или три пер-
вые дни по высадкѣ на берегъ. Дѣй-
ствительно, не трудно понять, въ
какомъ изнуренномъ и болѣзненнымъ
состояніи достигли негры Вестиндіи.
По высадкѣ на берегъ, чтобъ
легче сбыть негровъ съ рукъ, ихъ
давали для подкрѣпленія вжущія ле-
карства и заставляли дѣлать омове-
нія всякаго рода; посредствомъ мерку-
риальныхъ мазей и другихъ свидобій,
успѣвали скрыть ихъ раны и болѣзни.
На многихъ островахъ, особенно на
Ямайкѣ, малкіе спекулянты покушались
съ большою уступкою цѣны невольни-
ковъ, которые не были распределены въ
первые дни невольничьего базара, уно-
дили ихъ внутрь страны и продавали
потомъ по-одиначкѣ. Случались примѣ-
ры, что покупатели были таинш-
образомъ за долларъ негры въ самомъ
жалкомъ положеніи и почти въ пред-
смертныхъ мукахъ; случались примѣ-
ры, что они умирали въ то время, какъ
покупатели торговались за нихъ. Мак-
ферсонъ говоритъ, что каждый неволь-
ничій корабль теряетъ отъ 20 до 30
процентовъ своего груза; Диксонъ,
Уильберфоресъ и всѣ тѣ, кто занимался
этими предметомъ, полагаютъ, что во
время перѣзда погибала четверть
груза; сверхъ-того, до $\frac{1}{2}$ процентовъ
погибало въ-теченіе двѣнадцати или
пятнадцати дней между прїездомъ въ
Вестиндію и окончаніемъ продажи.
Это еще не все: страданія, испытан-
ныя неграми, болѣзни, зародившіяся
въ нихъ во время перѣзда, губили
множество ихъ въ періодъ привыканія
къ новому климату. На Ямайкѣ, план-
таторъ считалъ себя счастливымъ, ес-

ли, черезъ три года, изъ 90 негровъ у него оставалось 15. А между-тѣмъ, торговля неграми была тогда торговлею законною: ничто не стѣсняло капитана невольничьяго корабля, ничто не препятствовало ему принимать всѣ предосторожности, необходимыя для сохраненія груза, и самая выгода его предписывала ему принятіе этихъ предосторожностей. Судите же, каковы должны быть страданія негровъ теперь, когда капитанъ невольничьяго корабля обязанъ прежде всего заботиться о своей жизни и о своемъ состояніи!

Французской философіи принадлежить честь, что она первая возвысила въ XVIII вѣкѣ голосъ противъ невольничества и пагубныхъ слѣдствій, какія оно влечетъ за собою. Монтескьё и Вольтеръ порицали торгъ невольниками, и ихъ порицанія всюду возбудили сильныя протесты противъ этого безчестнаго промысла, а въ 1776 году г. Гартли внесъ въ англійскую палату депутатовъ предложеніе — объявить торгъ неграми противнымъ законамъ божескимъ и правамъ человѣческимъ. Данія принадлежитъ честь, что она первая изъ державъ европейскихъ приняла рѣшительныя мѣры противъ этой торговли: королевскимъ декретомъ 16 марта 1792 года эта торговля была запрещена. Соединенные-Штаты, два года спустя, послѣдовали примѣру Даніи. Въ Англии каждый годъ происходила отчаянная битва между противниками и защитниками торга неграми; для главныхъ портовъ королевства, для Лондона, Бристоля и Ливерпуля, эта торговля составляла промыселъ обширный и выгодный, и мануфактуристы, издѣлія которыхъ сбывались капитанами невольничьихъ кораблей, поддерживали приморскіе города. По-этому, сначала ограничили издаваемыя правила для торговли, чтобъ уменьшить ея ужасы; наконецъ, въ 1807 году, она рѣшительно была запрещена, и строгіе законы изданы противъ тѣхъ, которые стали бы производить ее. Въ томъ же году,

приняли подобный законъ Соединенные-Штаты.

Такимъ-образомъ, изъ трехъ націй, производившихъ торгъ неграми въ большомъ размѣрѣ, двѣ отказались отъ него въ одно и то же время: казалось, это должно было нанести смертельный ударъ торгу: ничего не бывало! Законы не оказываютъ немедленнаго дѣйствія на нравы; они не искореняютъ застарѣлыхъ привычекъ, особенно, если въ то же время за дѣлаютъ частныя выгоды. Торговля, хотя и запрещенная законами, продолжалась въ Англии, и множество фактовъ доказываетъ это; она производилась только подъ чужимъ флагомъ: съ 1807 по 1810 годъ — подъ флагомъ португальскимъ или американскимъ; съ 1810 по 1815 — подъ флагомъ Испаніи или Португаліи. Колоніи обѣихъ этихъ державъ болѣе другихъ требовали негровъ: рассчитывали тогда, что число негровъ, привозимыхъ Португаліею въ Бразилію, преограничилось до 30,000; такое же количество привозимо было на острова испанскіе; наконецъ, 20,000 негровъ ежегодно привозимо было тайными образомъ на англійскіе Антильскіе-Острова. Впрочемъ, испанскій флагъ, какъ видно изъ доисенія Лондонскаго Африканскаго Общества, прикрывалъ не испанскую торговлю неграми, а торговлю Англичанъ и Американцевъ. Къ нему прибѣгали также и Французы; они отправляли корабли свои въ Корунью, производили тамъ фальшивую продажу ихъ, и корабли отправлялись въ Африку, снабженные испанскими бумагами. Съ-тѣхъ-поръ, какъ англійское правительство воспретило своимъ подданнымъ торговлю неграми, двѣ невольничьихъ значительно уменьшилась на Золотомъ-Берегу и на берегахъ Беннинскаго-Залива, гдѣ Англичане имѣли обыкновеніе завасаться этииъ товаромъ, и Португалцы, которые, по трактату съ Англіею, не имѣли права торговать на сѣверъ отъ экватора, принуждены были прибѣгать къ испанскому флагу, чтобъ воспользоваться этииъ новизнеиъ дѣла. Факты

эти объясняютъ, какимъ образомъ столько кораблей плавало подъ испанскимъ флагомъ, хотя Испанія въ то время почти вовсе не занималась этимъ промысломъ; но особенно нужно доказать участіе Англичанъ въ этой торговлѣ.

Лондонское Африканское Общество писало въ 1810 году: «Дознаю, что не смотря на строгія постановленія, изданныя парламентомъ, въ Ливерпулѣ и Лондонѣ сваряжаются корабли для переезжа, подъ испанскимъ или шведскимъ флагами, невольничковъ съ береговъ Африки въ колоніи испанскія и португальскія. Нѣсколько невольничьихъ грузовъ высажено въ Сен-Бартелеми и оттуда тайнымъ образомъ ввезено на острова англійскіе: въ этой торговлѣ замѣшаны знатныя лица». Тѣ же жалобы въ 1811 году: «Судебныя изслѣдованія доказали, что торговля неграми производится въ обширномъ размѣрѣ и большею частію на капиталы и кредитъ англійскихъ купцовъ. Множество невольничковъ привезено на англійскіе Антильскіе-Острова, и каждый годъ много кораблей отправляется изъ портовъ Ливерпуля и Лондона къ берегамъ Африки». Точно также ясно высказывается эта мысль въ отчетахъ общества за 1812 и 1813 годъ. Въ 1815 году, г. Баргемъ говорилъ въ палатѣ депутатовъ: «извѣстно всѣмъ, что весьма-значительныя капиталы обращаются на торговлю неграми, и что она производится на англійскихъ корабляхъ». Въ 1818 году, когда уже многія державы въ свою очередь запретили торговлю невольниками, лордъ Кестлеръ говорилъ парламенту: «Ошибочно было бы думать, что упрекъ въ незаконномъ производствѣ торговли неграми падаетъ единственно на иностранныя державы. Съ величайшимъ присорбленіемъ я долженъ сказать, что много разъ приходило до моего свѣдѣнія, что англійскіе подданные употребляютъ большія суммы на торговлю невольниками».

Если бы не было показаній самыхъ англійскихъ министровъ, достаточно было бы привести только слѣдующій

фактъ. Въ черномъ народонаселеніи англійскихъ Антильскихъ-Острововъ, число смертей далеко превышало число рожденій, а между-тѣмъ невольничье народонаселеніе въ англійскихъ колоніяхъ непрерывно возрастало. Въ 1819 году, г. Гульборнъ съ удивленіемъ говорилъ, что въ населеніи негровъ на Ямайкѣ въ-теченіе двухъ лѣтъ оказалась прибыль болѣе 5,000 человекъ. Это обстоятельство можетъ быть объяснено только тайнымъ ввозомъ негровъ. Англійское правительство знало это, принимало мѣры къ отвращенію зла; но всѣ мѣры оказывались недействительными, пока не предложена была эманципация негровъ для истребленія зла въ самомъ корнѣ.

Другія націи такъ же мало отказались отъ торговли неграми, какъ и Англія. Въ 1812 году, число негровъ, ежегодно вывозимыхъ изъ Африки, полагаемо было отъ 70 до 80,000; это число должно было возрасти съ-тѣхъ-поръ, какъ Французы снова принялись за эту торговлю: они продолжали производить ее до 1830 года. Изъ донесенія одного офицера англійскаго морскаго поста видно, что въ сентябрѣ 1830 года, на рѣкѣ Бонни, находилось пять французскихъ невольничьихъ кораблей съ 1,622 неграми, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ нагружались въ Калабарѣ десять французскихъ кораблей, изъ которыхъ самый малый могъ принять 400 невольничковъ. Этихъ двухъ фактовъ достаточно для доказательства, что Французы производили торговлю въ довольно-обширномъ размѣрѣ.

Испанцы, которыхъ колоніи, по окончаніи всеобщей войны, нуждались въ рабочихъ рукахъ, дѣтельно занялись торговлею; договоры съ Англіею не могли взять перевѣса надъ необходимою. Повелѣнія, присылаемыя изъ метрополіи, не исполняемы были колониальными начальствами, и изъ донесеній, составленныхъ съ наивозможною точностью, видно, что съ 1823 по 1832 годъ 325 невольничьихъ кораблей отправлялись изъ гаванскаго порта къ берегамъ Африки; 236 воротились съ гру-

вомъ по-крайней-мѣрѣ 100,000 невольниковъ; 89 потонули или взяты крейсерами. Португальское правительство постоянно всѣхъ другихъ поддерживало торговлю неграми; по трактату 1814 года, оно отказалось отъ торговли на сѣверѣ отъ экватора; съ-тѣхъ-поръ до послѣднихъ двухъ лѣтъ, оно постоянно уклонялось отъ заключенія всякаго обязательства съ Англіею, хотя у ней нѣтъ колоній, которыя она должна была бы снабжать невольниками. Бразилія поставила торговцевъ невольниками въ одинъ разрядъ съ морскими разбойниками, но поданные ея продолжаютъ торговлю подъ португальскимъ флагомъ. Достоверно извѣстно, что въ 1823 году, 56,000 негровъ привезено было въ Бразилію. Съ 1830 года, Англія, для уничтоженія этой безчеловѣчной торговли, заключила безчисленное множество трактатовъ, но такъ-какъ она обращалась къ націямъ, чуждымъ этой торговли, то трактаты не имѣли никакого результата, и намъ легко будетъ доказать, что съ 1830 года торговля неграми не только не уменьшилась, но производится такъ же дѣятельно, и въ такомъ же размѣрѣ, какъ и прежде, и что всѣ усилія противниковъ ея повели только къ тому, что она сдѣлалась прибыльнѣе для торговцевъ, гибельнѣе для негровъ.

Единственныя страны на свѣтѣ, куда ввозятся еще негры, суть испанскіе острова Куба и Порто-Рико, прежнія португальскія владѣнія въ Южной-Америкѣ, Острова-Зеленаго-Мыса, св. Юмы и Принца, принадлежащія Португаліи у береговъ Африки. Торговля исключительно производится подъ флагами испанскимъ, бразильскимъ, португальскимъ и американскимъ, но почти всѣ невольничьи корабли составляютъ собственность домовъ испанскихъ и бразильскихъ, и продажныя португальскихъ начальствъ, слабости американскихъ агентовъ надлежитъ приписывать столь-частое злоупотребленіе флаговъ Португаліи и Соединенныхъ-Штатовъ. Слѣдующія замечанія наши замечательны и въ донесе-

ній англійскихъ комиссаровъ или консульскихъ агентовъ, собирающихъ приблизительно-вѣрныя данныя относительно запрещенной торговли.

Число невольниковъ, привезенныхъ въ Рио-Жанейро, въ началѣ періода, на которомъ сосредоточится наше вниманіе, было, въ 1828 году—42,496; въ 1829 г.—49,667; въ 1830 г.—56,777; итого въ три года привезено 148,940,—или, среднимъ числомъ, по 49,000 въ годъ. Кальдеклей, въ своихъ «Путешествіяхъ», утверждаетъ, что въ Бразиліи три порта производятъ торговлю неграми въ такомъ же размѣрѣ, какъ Рио-Жанейро; г. Бандинель, въ книгѣ изданной въ 1842 г. отъ имени «Foreign-Office», приписываетъ Рио-Жанейро только половину бразильской торговли невольниками. Мы полагаемъ, что оба эти показанія преувеличены. Изъ англійскихъ донесеній видно, что съ 1 января 1829 года по 30 июня 1830 года, привезено невольниковъ:

Въ Байю	22,202
— Пернамбукъ	8,079
— Марангамъ	1,262
— Пару	799

И того привезено 32,332 въ-теченіе полутора года; въ годъ приходится 21,554; если присоединить къ этому числу невольниковъ, привезенныхъ въ Рио-Жанейро, составител сумма ежегоднаго ввоза негровъ въ Бразилію 78,000.

Въ-слѣдствіе настойчивыхъ требованій Англіи, Дон-Педро недалъ, въ ноябрѣ 1831 года, декретъ, которымъ объявилъ, что всякій невольникъ, привезенный въ Бразилію, становится немедленно свободнымъ. Декретъ остался безъ исполненія. Трактатъ, заключенный съ Англіею въ 1835 году, былъ такъ же недействителенъ, какъ декретъ Дон-Педро, и, 30 июня 1837 года, маркизъ Барбасена говорилъ въ бразильскомъ сенатѣ: «можно, не опасаясь преувеличенія, назвать утвердительно, что въ-теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ ввозъ негровъ былъ гораздо-значительнѣе, чѣмъ въ то время, когда торговля неграми была торговою аккеною». Легко можно бы собрать груду доказ-

ныхъ свидѣтельствъ самихъ бразильскихъ начальствъ. Дѣйствительно, вѣрно то, что съ 1 декабря 1836 года по 31 мая 1837 года, въ теченіе полугода, ввезено въ ріо-жанейрскую провинцію 27,437 негровъ.

Вотъ, по англійскимъ документамъ, число невольничьихъ кораблей, прибывшихъ въ провинцію ріо-жанейрскую, и число невольниковъ, привезенныхъ ими, въ теченіе послѣднихъ годовъ:

1837 г.	92	корабля.	41,600	негровъ.
1838	59		24,790	
1839	64		30,380	
1840	28		14,910	
1841	20		8,370	.
1843	21		8,884	

Съ перваго взгляда, наблюдатель будетъ пораженъ огромною убылью въ числѣ невольничьихъ кораблей и невольниковъ съ 1837 по 1842 годъ; но легко объяснить эту убыль болѣе наружную, чѣмъ дѣйствительную. Значительное усиленіе торга неграми, не смотря на договоръ 1835 года, возбудило со стороны Англій живые упреки бразильскому правительству и удвоило бдительность англійскихъ крейсеровъ. Далѣе, въ теченіе двухъ лѣтъ, когда начивается убыль, въ 1840 и 1841 годахъ, эту убыль надлежитъ отчасти приписать распоряженіямъ тогдашняго бразильскаго министерства, которое думало серьезно заняться исполненіемъ договора съ Англіею. Результатъ былъ тотъ, что многіе торговые дома въ Ріо-Жанейро покинули торговлю неграми, а потеря, понесенная другими, повлекла за собой многочисленныя банкротства. Это министерство было низвергнуто; новый кабинетъ вошелъ по иной дорогѣ, и спекулянты ободрились. Съ 1 ноября 1842 года по 1 апрѣля 1843 года, 39 невольничьихъ кораблей пришли къ берегу Ріо; полагая по 300 негровъ на корабль, выйдетъ, что въ пять мѣсяцевъ привезено 11,700; но настоящее среднее количество груза каждаго корабля 450; итого будетъ 17,550 человекъ. Видите, какъ далеко шагнула торговля неграми отъ пикера, какову

представляла она въ 1841 и въ 1842 годахъ.

Строгія мѣры, временно принятые бразильскимъ правительствомъ, имѣли тотъ результатъ, что уменьшились сносы торговли. Когда бразильскія начальства потворствовали торговцамъ неграми, невольничьи корабли открыто входили въ Ріо-Жанейро и выходили; потомъ они стали выгружать свой живой товаръ въ которомъ-либо изъ мелкихъ соседнихъ съ Ріо-Жанейро портовъ и съ однимъ балластомъ возвращались въ портъ. Послѣ пустыхъ судебныхъ формъ, полиція обыкновенно отпускала корабль и экипажъ. Но когда бразильское правительство приняло строгія мѣры, невольничьи корабли перестали входить въ портъ, и только развѣ сильное поврежденіе принуждало ихъ къ тому. Высадивъ свой грузъ на какой-либо береговой пунктъ, они запасаются провизіею и немедленно возвращаются въ Африку. Важнѣйшіе ріо-жанейрскіе торговые дома устроили даже въ соседнихъ прибрежныхъ селеніяхъ значительныя заведенія для того, чтобы завѣять свои корабли отъ необходимости входить въ портъ Ріо. Отсюда понятно, какъ трудно узнать въ точности число кораблей, приходящихъ такимъ-образомъ къ берегу, и особенно число невольниковъ, которыхъ высаживаютъ на берегъ; разумѣется, все это дѣлается тайно. Бригъ «Иегова» привезъ въ три рейса 700,600, потомъ 520 негровъ, и принужденъ былъ въ концѣ третьяго путешествія войти въ Ріо. 520 негровъ, привезенныхъ въ послѣднюю поѣздку, показаны въ офенціальныхъ таблицахъ; 1,300 остальныхъ не показаны. Подобные случаи, вѣроятно, бывали часто, и если сообразить, сколько удобствъ представляеть для тайныхъ высадокъ берегъ, идущій на протяженіи 2,600 миль и обладающій множествомъ портовъ, рѣкъ и бухтъ, то мы имѣемъ право не вѣрить цифрамъ, показаннымъ въ офенціальныхъ доведеніяхъ за два, за три послѣдніе года. Г. Гесметтъ, консулъ въ Ріо-Жанейро, и

предшественникъ его, г. Уезли, полагають число негровъ, ежегодно ввозимыхъ въ провинцію, до 40,000.

Байя, послѣ Рио, важнѣйшій бразильскій портъ по торговлѣ неграми: около 1830 года, туда привозимо было не мѣнѣе 14 и 15,000 негровъ въ годъ; вътъ официальныхъ документовъ, которые показали бы намъ количество ввоза негровъ въ слѣдующіе годы. Мы знаемъ только, что каждый годъ отъ двадцати до тридцати кораблей отправляется къ африканскому берегу, и что двѣ трети возвращаются въ портъ съ однимъ балластомъ, изъ чего можно заключить, что они высадили негровъ въ другихъ мѣстахъ. Мы знаемъ сверхъ-того, что въ-теченіе полугода, съ 1-го января по 1-е июля 1843 года, 1,870 негровъ высажено было въ Баин, или въ окрестностяхъ. Поэтому можно полагать, что треть прежняго ввоза, то-есть, около 4,000, составляетъ среднее количество нынѣшняго ввоза. Относительно Пернамбуко, вотъ цифры, представляемыя англійскими документами: въ 1830 привезено 1,500 негровъ; въ 1840—2,970; въ 1841—2,907; въ 1842 — 924.

Нельзя представить вѣрной цифры для портовъ Паранбы и Марангама, гдѣ торговля неграми значительно уменьшилась; англійскій консулъ въ Парѣ объявляетъ, что до его свѣдѣнія не доходило, чтобы въ 1842 году хоть одинъ корабль отправился изъ Пары въ Африку. Впрочемъ, если торговля неграми почти исчезла изъ этихъ трехъ провинцій, то этотъ результатъ долженъ быть приписанъ ихъ бѣдности. Капитаны невольничьихъ кораблей, не вида возможности выгодно сбывать тамъ свой грузъ, перестали туда ѣздить. Пернамбуко есть большой невольничій рынокъ для свѣрвыхъ провинцій Бразиліи; но Байя и особенно Рио-Жанейро привлекають почти всѣ невольничьи корабли, которые находятъ тамъ легкій сбытъ негровъ по причинѣ богатства жителей и цвѣтущаго состоянія земледѣлія. Часто даже въ Рио-Жанейрскую Провин-

цію привозятъ негровъ изъ другихъ провинцій; отсюда происходитъ довольно-дѣятельное береговое судоходство, доставляющее ежегодно въ Рио отъ 4000 до 5000 невольниковъ. Надо прибавить сюда еще негровъ, привозимыхъ изъ Монтевидео. Такъ-какъ невольничество въ Республикѣ-Уругвайской уничтожено, то многие владѣльцы негровъ тайно отправляютъ своихъ негровъ въ Бразилію для продажи; корабли императорско-бразильскаго флота приняли участіе въ этой торговлѣ, и болѣе тысячи негровъ привезено было такимъ-образомъ изъ Монтевидео въ Бразилію. Вообще, если принять, что въ Рио-Жанейро среднимъ числомъ привозится 40,000, въ Байю 4,000, въ Пернамбуко 3,000, и въ другія провинціи столько же, то получится сумма въ 50,000 человекъ; эта сумма, конечно, ниже 80,000, какъ было въ 1830 году, но вѣроятно она еще далеко не соотвѣтствуетъ суммѣ дѣйствительной.

Невозможно составить себѣ точное понятіе о результатахъ торговли неграми на островѣ Кубѣ; берега Кубы имѣють обширное развитіе; множество рѣкъ и бухтъ представляетъ невольничьи корабли удобные пункты для высадки; часто возможно бываетъ высадить негровъ въ тѣхъ сѣньхъ плантаціяхъ, или подлѣ тѣхъ плантацій, куда они назначены. Въ случаѣ объиска, легко отослать негровъ внутрь острова, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни жилищъ, и возвратитъ ихъ оттуда, когда минетъ опасность; но этихъ розысковъ никогда не бываетъ, ибо мѣстныя начальства всегда поддерживали торговцевъ невольниками. Потому, торговля неграми на островѣ Кубѣ производилась и производится въ большомъ размахѣ.

Изъ таможенныхъ отчетовъ видно, что съ 1791 по 1816 годъ, ввезено было въ Кубу 130,000 негровъ; полагають, что немного-болѣе этого числа невольниковъ ввезено тайно для избѣжанія платежа пошлины; такимъ образомъ, во весь этотъ періодъ шовъ простирался до 360,000 человекъ, но 11,000

въ годъ. Развѣтїе земледѣлія и торговля на островѣ Кубѣ въ слѣдствіе мира, и опасеніе, чтобъ испанское правительство не уступило настоячивымъ требованіямъ Англіи и не запретило ввоза негровъ, усилили торговлю невольниками. Съ 1817 по 1820 годъ, ввезено было, съ уплатою пошлинъ, 79,064 негра; если удвоить эту сумму, какъ дѣлаютъ англійскіе комиссары, то выйдетъ, что ввозъ въ четыре года простирался до 156,000, по 39,000 въ годъ. Конвенція 1821 года только на короткое время пріостановила развѣтїе торговли, и до конца 1835 года, англійскіе комиссары полагаютъ ежегодный привозъ невольниковъ на островъ Кубу въ 40,000 человекъ. Уменьшился ли онъ съ тѣхъ поръ, или усилился? Вотъ число кораблей, вошедшихъ съ однимъ балластомъ въ гаванскій портъ, послѣ высадки негровъ на берегъ:

Подъ флагомъ:	
1834. Испанскимъ . . .	29
— Португальскимъ .	3
— Французскимъ . .	1
	<hr/> 33
1835. Испанскимъ . . .	42
— Португальскимъ .	8
	<hr/> 50
1836. Испанскимъ . . .	29
— Португальскимъ .	14
	<hr/> 43
1837. Испанскимъ . . .	3
— Португальскимъ .	48
	<hr/> 51
1838. Испанскимъ . . .	4
— Португальскимъ .	44
— Бразильскимъ . . .	1
— Русскимъ	1
	<hr/> 50
1839. Испанскимъ . . .	2
— Португальскимъ .	29
— Американскимъ .	6
	<hr/> 37
1840. Испанскимъ . . .	7
— Американскимъ .	6
— Португальскимъ .	29
	<hr/> 42

Въ три первые года, наиболѣе является невольническихъ кораблей испанскихъ. Въ 1837 году, пропорція вдругъ совершенно измѣняется. Это было слѣдствіемъ договора, заключеннаго въ 1835 году между Англіею и Испаніею. Тогда капитаны испанскихъ невольническихъ кораблей разсудили, что для нихъ безопаснѣе плавать подъ португальскимъ флагомъ. Изъ представленной нами таблицы видно, впрочемъ, что число невольничьихъ кораблей мало измѣнялось въ теченіе семи лѣтъ, и если принять среднимъ числомъ кораблей цифру 42, и положить также на каждый корабль отъ 300 до 450 негровъ, то выйдетъ, что ежегодный ввозъ въ Гаванну простирался до 12,500, или 18,900 человекъ. Цифра, показывающая число кораблей, должна быть вѣрна, ибо, благодаря потворству начальствъ на островѣ Кубѣ, живущихъ деньгами, получаемыми отъ капитановъ невольничьихъ кораблей, послѣдніе не имѣли никакой выгоды утаивать своихъ операцій: въ портъ дѣлали они свои приготовления къ отъѣзду и послѣ поѣздки приходили туда для починковъ.

До генерала Вальдеса, преимущественно въ Гаваннѣ производилась торговля неграми: новый генерал-капитанъ, прибывъ на островъ, объявилъ намѣреніе строго исполнять договоры, заключенные съ Англіею. Тогда одинъ изъ капитановъ невольничьихъ кораблей явился къ нему и предложилъ 150,000 фр. сверхъ обыкновенной преміи съ груза, если онъ будетъ слѣдовать примѣрамъ своихъ предшественниковъ. Въсто отъѣзда, генералъ созвалъ знатнѣйшихъ купцовъ, занимавшихся торговлею неграми, и объявилъ, что даетъ имъ погода для окончанія предпріятій, начатыхъ до его пріѣзда, а по прошествіи этого срока, онъ строго будетъ смотрѣть за соблюденіемъ законовъ. Онъ сдержалъ слово, и бдительность его имѣла самые счастливые результаты. Въ 1840 году, 56 невольничьихъ кораблей вышли изъ Гаванны, въ 1841 году

вышли 31, а въ 1842 г. только 8. Также уменьшилось число невольниковъ; вотъ цифры, находимыя нами въ англійскихъ документахъ.

1838	28,000
1839	25,000
1840	14,470
1841	11,850
1842	8,150

Мы думаемъ, что эта убыль преувеличена. Безъ сомнѣнія, произошло весьма-значительное уменьшеніе, и въ этомъ могутъ саужить свидѣтельствомъ ропотъ колонистовъ на генерала-капитана и хлопоты ихъ въ Испаніи о смѣнѣ его; но надо принять въ соображеніе слѣдующее. Генераль употребилъ все свои усилія, чтобъ строго исполнить законы, и кѣрво то, что торговля неграми совершенно приостановлена была въ Гавани, но на другихъ пунктахъ острова добрая воля генерала была безсильна, потому-что мѣстные власти, или по корыстолюбію, или по ошшоу, сѣвозъ наядцы смотрѣли на торговлю невольниками. Изгнанные изъ Гаванны, торговцы неграми продолжали свои предпріятія изъ Матаваса, губернаторъ котораго былъ преданъ имъ, и тогда-таки, въ 1840 году, въ Матавасъ привезено было только 1,000 негровъ, англійскіе комиссары говорятъ, что съ 1 января по 6 сентября 1842 года вывезено было тамъ болѣе 4,500 негровъ, не считая тѣхъ, которыхъ шлюпки высадили на разные окрестныя береговыя пункты. Положимъ, что весь привозъ въ Матавасъ въ 1842 году простирался только до 2,000, и то уже мы будемъ очень-далеко отъ цифры, представляемой англійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Гавани. Итакъ, мы имѣемъ право считать слишкомъ-малыми цифры, представленныя за два или за три послѣдніе года, тѣмъ болѣе, что бдительность генерала Вальдеса побудила испанскіе невольничьи корабли дѣлать то же, что дѣлали корабли бразильскіе, то-есть совершать нѣсколько поѣздокъ въ берега Африки, не входя въ портъ. Со вретемъ отъѣзда генерала Вальдеса въ Ис-

панію, комиссары англійскіе жалуются, что торговля неграми возобновилась съ болѣею дѣятельностію, чѣмъ прежде; донесенія, какія представлены будутъ парламенту, покажутъ намъ, до какой степени справедливы эти жалобы.

Изъ всего сказаннаго видно, что трудно опредѣлить даже приблизительно количество ввоза негровъ на островъ Кубу. Не будемъ принимать въ соображеніе двухъ послѣднихъ лѣтъ управленія генерала Вальдеса, въ которые торговля на время приостановилась. Съ одной стороны, мы не примемъ цифры 60,000, представляемой сэромъ Ф. Вокстономъ въ его сочиненіи о невольничествѣ, ни даже болѣе-умѣренной цифры, 40,000, представляемой англійскими комиссарами, ибо хотимъ прежде всего, чтобъ никто не могъ назвать наши вычисленія преувеличенными; чѣмъ умѣреннѣе будутъ наши вычисленія, тѣмъ неотразимѣе будутъ заключенія, которыя мы выведемъ изъ нихъ. Примемъ для Гаванны среднюю цифру, на которой остановились выше, то-есть 18,900, и положимъ даже, что этотъ портъ одинъ производитъ три-четверти торговли неграми всего острова; выйдетъ, что ежегодный привозъ на островъ Кубу съ 1830 года простирался до 25,000. Эта цифра, безъ сомнѣнія, менѣе, а не болѣе дѣйствительной цифры. Упомянутый нами перевѣсъ смертей надъ рожденіями повторяется и въ Кубѣ, и еще болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Это зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ главная заключается въ числовой несоразмѣрности между обоими полами; невольничьи корабли находятъ свою выгоду въ привозѣ преимущественно мужскихъ, ибо, при равныхъ хлопотахъ и издержкахъ, разница въ цѣнѣ мужскихъ и женскихъ довольно-значительна. Эта несоразмѣрность между полами влечетъ за собою необузданное распустство, которое много вредитъ дѣторожденію. Приведемъ только одинъ примѣръ:

На одной плантаціи, близъ Гаванны, считалось 180 негровъ; женщины были тамъ въ значительнѣйшей пропорціи, чѣмъ на большѣй части плантацій: въ теченіе шести лѣтъ на этой плантаціи было только девять рожденій. Между тѣмъ дѣтубійство, истребленіе плода, строго запрещены въ Кубѣ, и владѣлецъ плантаціи можетъ судить и казнить смертію за эти преступленія, безъ внимательства судей. Поэтому надлежало бы предполагать ежегодное уменьшеніе въ числѣ негровъ; и дѣйствительно, расчитываютъ, что на сто выбываетъ каждый годъ восемь съ половиною процентомъ. По переписи, произведенной въ 1827 году, въ Кубѣ оказалось 286,942 невольника; потомъ, холера произошла среди нихъ страшныя опустошенія, а между тѣмъ по переписи, сдѣланной въ 1841 году, оказалось 486,495 невольниковъ, да впрочемъ извѣстно было, что владѣльцы утаили по крайней мѣрѣ половину своихъ негровъ, потому-что распространился слухъ, будто правительство исчисляетъ невольниковъ съ цѣлю наложить на нихъ пошлину. При ежегодной убыли восьми съ половиною на сто, черное народонаселеніе должно было къ 1841 году дойти до 82,725 душъ; напротивъ, оно возрасло до 486,495; выходитъ разнича — 368,670, которая можетъ быть объяснена только предположеніемъ привоза новыхъ негровъ, и если мы раздѣлимъ эту разницу на четырнадцать лѣтъ, то получимъ опять то число 26,333, къ которому привези наезъ другія вычисленія. Въ доказательство обширности торговли неграми на островѣ Кубѣ можно прибавить, что большая часть невольничьихъ кораблей, которые попадаются крейсерамъ у береговъ Африки, принадлежатъ этому острову; такъ, въ 1834 и 1835 годахъ, изъ тринадцати невольничьихъ кораблей, осужденныхъ сьерра-леонскими судомъ, двадцать-одинъ возилъ невольниковъ въ Кубу.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о составѣ торговли неграми на остро-

въ Порто-Рико. Девятый изъ кораблей, попадающихся крейсерамъ, идетъ въ Порто-Рико, и довольно-дѣятельная торговля производится между этимъ островомъ и Островомъ-Св.-Томамъ, однимъ изъ важнѣйшихъ невольничьихъ рынковъ. Этой-то торговлѣ надлежитъ приписать развитіе земледѣльской промышленности на Порто-Рико и быстрое возрастаніе его невольничьяго населенія. Въ 1820 году, оно простиралось до 20,101 души; въ 1831 году до 41,819; въ 1836 году до 60,000. Мнѣнія о количествѣ ежегоднаго ввоза негровъ на этотъ островъ весьма-различны. Цифры измѣняются отъ 7,000 до 12 и 15,000. Мы возьмемъ цифру самую умѣренную, 5,000. Такимъ образомъ, ежегодный привозъ на Кубу и Порто-Рико будетъ простираться до 30,000 душъ.

Если вѣрять англійскимъ писателямъ, торговля неграми дѣятельно производится въ Техасѣ. Дѣйствительно, если сравнить количество невольниковъ, оказавшееся по послѣдней переписи, съ предшествовавшею переписью и съ количествомъ невольниковъ, законнымъ образомъ провозимыхъ чрезъ границу Соединенныхъ Штатовъ, выйдетъ довольно-значительная разнича, которую объясняютъ привозомъ новыхъ невольниковъ изъ Африки. Но не будемъ говорить о Техасѣ, ибо на границѣ Соединенныхъ Штатовъ легко можетъ производиться контрабанда, и если, какъ доказываютъ нѣкоторые несомнѣнные свидѣтельства, невольники привозятся въ Техасъ иногда моремъ, то, вѣроятно, привозятся изъ Кубы, которая теперь переполнена неграми. Не будемъ говорить также и о торговлѣ неграми въ республикахъ на берегахъ рѣки Ла-Платы, потому-что нѣкоторые изъ этихъ республикъ уничтожили у себя невольничество, другія же, въ сдѣдствіе междоусобій, такъ объявили, что не могутъ покушать невольниковъ и не знали бы, что съ ними дѣлать. Мы упоминали, что ла-платскіе плантаторы отправляютъ своихъ

негровъ для продажи въ Бразилію, — ливное, по нашему мнѣнію, доказательство, что они не покупаютъ ихъ. Итакъ, мы останемся при тѣхъ цифрахъ, которыя уже представили; въ Бразилію ежегодно привозится 50,000, въ Кубу 25,000; въ Порто-Рико 5,000. — Такимъ образомъ, ежегодный вывозъ изъ Африки простирается до 80,000 душъ; видите: цифра эта недалеко отстоитъ отъ цифры 100,000, которую всегда мы встрѣчали послѣ 1768 года. Сэръ Робертъ Пиль, въ прошломъ году, говорилъ въ парламентѣ, что вывозъ негровъ простирается еще до 100,000, и что онъ не уменьшался съ начала столѣтія. Къ чему же послужили двѣсти, триста договоровъ, заключенныхъ Англією, и безчисленные ея крейсера?

Въ прошломъ столѣтіи, европейскія націи какъ-бы раздѣлили между собою африканскій берегъ для производства на немъ торговли неграми; такъ Французы обыкновенно торговали между Сенегаломъ и Гамбією; Голландцы въ окрестностяхъ этой послѣдней рѣки; Англичане — на берегахъ Сѣверной-Гвинеи, на Берегу-Слоновыхъ-Костей, на Золотомъ-Берегу, въ Заливахъ Бенинскомъ и Біафрскомъ. Португальцы производили торгъ подлѣ своихъ колоній въ Южной-Гвиней, въ Королевствахъ Анголѣ и Бенгуэлѣ. По мѣрѣ того, какъ Европейцы отказывались отъ торга неграми, нѣкоторые рынки начали пустѣть, и когда англійское правительство воспретило этотъ торгъ своимъ подданнымъ, то оно заключило съ Португалією договоръ, по которому запретило ей торговать на сѣверъ отъ экватора, чтобъ уничтожить зло по-крайней-мѣрѣ на берегу Гвинеи. Отъ-этого произошло значительное пониженіе цѣны на невольниковъ вдоль Бенинскаго-Залива, и португальскіе корабли, привлекаемые дешевизною, ѣздили туда во множествѣ подъ испанскимъ флагомъ, пока соперничество кораблей острова Кубы не заставило ихъ возвратиться къ прежнимъ рынкамъ.

Торговля неграми совершенно исчезла съ береговъ Сенегала и Гамбіи съ-тѣхъ-поръ, какъ Франція отказалась отъ нея; португальскіе невольничьи корабли съ Острововъ-Зеленаго-Мыса ходятъ еще иногда къ берегу, простирающемуся отъ Гамбіи къ Сьерра-Леоне. Мѣста, гдѣ добываютъ ови негровъ, суть — островъ Биссао, устье Рио-Нумеса, устье Рио-Понго и иногда Галлинасъ. Въ-слѣдствіе размноженія англійскихъ поселеній на Берегу-Слоновыхъ-Костей и Золотомъ-Берегу, торговля неграми сдѣлалась тамъ опасною; потому, испанскіе невольничьи корабли преимущественно посѣщаютъ Бенинскій-Заливъ, вдоль котораго тянутся владѣнія короля дагомейскаго, который самъ производитъ торгъ въ двухъ главныхъ пунктахъ, въ Аюдѣ и Бадагри. Торгъ значительно уменьшился въ Біафрскомъ-Заливѣ, простирающемся отъ устья Нигера до устья Габона, съ-тѣхъ-поръ, какъ Англичане учредили постоянный постъ въ окрестностяхъ острова Фернандо-По; но потворство португальскимъ начальствъ Острова-св.-Томи доставляетъ еще невольничьимъ кораблямъ много удобствъ, дабы спастись отъ англійскихъ крейсеровъ. Мѣста, наиболѣе посѣщаемыя ими, суть — разныя устья Нигера, рѣки Бонни, Каалбаръ и Камерунъ. Габонъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ невольничьихъ рынковъ до недавняго основанія тамъ французской колоніи.

Бразильскіе невольничьи корабли, какъ мы уже говорили, ходятъ за неграми въ Южную-Гвинею; они посѣщаютъ порты Кобинду, Запру, Амбрисъ, Доалдо и Бенгуалу, особенно же первый и послѣдній порты, первый на сѣверной, второй на южной оконечности Гвинеи. Преимущество, оказываемое невольничьими кораблями одному мѣсту передъ другимъ, много зависитъ отъ бдительности, съ какою англійскіе крейсера наблюдаютъ тотъ или другой пунктъ. Долгое время крейсера держались гвинейскаго берега и рѣдко появлялись у береговъ Анголы

и Бенгуэлы. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, они строго наблюдаютъ за этими берегами. Отъ-этого произошло, что много невольничьихъ кораблей обратилось къ португальскимъ колоніямъ на восточномъ берегу Африки, и торговля неграми приняла вдругъ въ Мозамбикѣ значительное развитіе. Невольничьи корабли находятъ тамъ двойную выгоду: дешевизну и безопасность. Торговля неграми производится тамъ въ трехъ портахъ, Мозамбикѣ, Киллиманѣ и Ингамбанѣ. Два первые рынка снабжаютъ живыми товарами имавъ маскатский, который присылаетъ туда многочисленные грузы невольниковъ, — а третій наполняютъ невольниками междоусобныя войны сосѣднихъ народовъ. Изъ Мозамбика вывозится ежегодно 10,000 невольниковъ, изъ Киллимана 5,000, изъ Ингамбана отъ 1,500 до 2,000. Въ-слѣдствіе быстрыхъ успѣховъ торговли неграми на Мозамбикскомъ-Берегу, Англія принуждена была отправить туда крейсеровъ и учредить комиссію для суда невольничьихъ кораблей на Мысѣ-Доброй-Надежды.

Негры, продаваемые торговцамъ, суть большею частію военнопленные; но если войны доставляютъ пищу торговлѣ неграми, то эта торговля въ свою очередь непрерывно порождаетъ новую войны. Дѣйствительно, какъ-скоро какой-нибудь туземный владѣтель не видитъ у себя невольниковъ, которыхъ могъ бы продать, онъ немедленно объявляетъ войну своимъ сосѣдямъ. Король Ботсвенъ, въ окрестностяхъ колоніи Либеріи, взялъ съ одного невольничьяго корабля задатокъ за известное количество негровъ-мальчиковъ и дѣвушекъ. Когда корабль пришелъ за неграми, у короля не было общепринятыхъ невольниковъ. Ботсвенъ собираетъ свои войска, нападаетъ ночью на одну деревню и умерщвляетъ всѣхъ жителей, исключая дѣвушекъ и мальчиковъ, которыхъ отправляетъ на невольничій корабль. Но продаютъ не однихъ только военнопленныхъ. Изъ допросовъ, дѣлаемыхъ освобожден-

ными невольникамъ, оказывается, что мужья часто продаютъ своихъ женъ, чтобъ наказать ихъ за какую-нибудь вину, или просто потому, что онѣ надоѣли имъ. Многія дѣвушки отдаются братьями, иногда даже отцами, въ обмѣнъ за ружье или порохъ и пули; наконецъ, родители часто продаютъ своихъ дѣтей.

Негры приводятся на рынки иногда издалека, и страданія, какія терпятъ они во время перехода, равняются тѣмъ, какія ожидаютъ ихъ во время переезда въ Америку. Известно, что одинъ караванъ, отправившійся изъ Нигриціи въ Таеилетъ, и состоявшій изъ 2,000 человекъ и 1800 верблюдовъ, весь погибъ въ степи, отъ-того, что не нашелъ воды тамъ, гдѣ обыкновенно находили ее путешественники. Приводятъ еще въ примѣръ караванъ изъ 1,000 человекъ и 4,000 верблюдовъ: только 21 человекъ и 12 верблюдовъ достигли конца путешествія. Невольники связываются по четыре человека кожаными ремнями, который сжимаютъ имъ шею. Сверхъ-того, правая нога одного скована съ лѣвой ногой сосѣда; ночью, сковываютъ имъ руки ручными цѣпами. Провожатые ихъ обыкновенно ѣдутъ верхомъ; невольники идутъ пѣшкомъ; они принуждены придерживать свои цѣпи веревкою, чтобъ можно было идти, да и то могутъ идти только медленно. Провожатые не жалѣютъ своихъ кнутовъ и часто заставляютъ несчастныхъ идти съ утра до вечера, не давая имъ ничего ѣсть. Если силы измѣнятъ одному-либо изъ невольниковъ, трое остальныхъ, съ которыми онъ связанъ, обязаны тащить его или нести; часто они убиваютъ его, чтобъ избавиться отъ этого невыносимаго бремени. Дѣти, если имъ есть лѣтъ пять-шесть, идутъ также пѣшкомъ. Пища, даваемая невольникамъ во время перехода, едва достаточна для поддержанія ихъ. На берегу рѣки, въ устьѣ которой стоитъ невольничій корабль, ихъ наваливаютъ на дно большихъ лодокъ, почти до половинны наполненныхъ водою, и

везутъ такимъ образомъ по рѣкѣ. Рассчитываютъ, что пять-дѣнадцатыхъ погибаетъ прежде, чѣмъ люди дойдутъ до факторій. Остающіеся въ живыхъ находятся въ изнеможеніи, отъ котораго не могутъ оправиться въ факторіи. Часто, къ концу путешествія, цѣпи, которыми обременены невольники, растираютъ имъ мясо до костей; зной и неопытность поддерживаютъ гніевіе этихъ ранъ, мухи и москиты налетаютъ на нихъ, и негръ терпитъ невыносимыя муки. Ничто не можетъ сравниться съ страданіями невольниковъ, которыхъ агенты маскатскаго имана отправляютъ въ Занзибаръ и на португальскіе рынки на Мозамбикскомъ-Берегу. Перевѣздъ совершается на судахъ средней величины, ширинныхъ и безпалубныхъ: невольники лежатъ на днѣ судна; въ восемнадцати дюймахъ надъ ними, на бамбуковой перегородкѣ, лежитъ другой слой невольниковъ; надъ этой перегородкой еще перегородка, и, такимъ-образомъ, устроивается рядъ этажей до борта судна. Такъ-какъ на перевѣздъ полагаются сутки, или никакъ не болѣе двухъ сутокъ, то для одного только экипажа берутся съѣстные припасы и вода; если вѣтеръ или буря задержитъ судно на морѣ долѣе, несчастные гибнутъ отъ недостатка воздуха, отъ жажды и голода. Одинъ изъ такихъ кораблей прибылъ въ портъ на десятый день послѣ отъѣзда; изъ нѣсколькихъ сотъ невольниковъ остались въ живыхъ только двое или трое.

Въ устьѣ каждой рѣки, посѣщаемой невольничьими кораблями, устроены факторіи, называемыя барраконами, и принадлежащія туземнымъ вождямъ или европейскимъ торговцамъ, Португальцамъ или Испанцамъ. Эти торговцы суть или представители торговыхъ домовъ гаванскихъ и ріо-жанейрскихъ, на счетъ которыхъ они производятъ покупки, или купцы, покупающіе негровъ и перепродающіе ихъ невольничьими кораблями. Съ-тѣхъ-поръ, какъ экипажи англійскихъ крейсеровъ разрушили множество факторій въ 1839 и

1840 годахъ, барраконы строятся позади селевій или подлѣ дѣсовъ, чтобы можно было уводить и скрывать невольниковъ въ случаѣ высадки Англичанъ. Барраконъ — обширное огороженное мѣсто, —обведенное двойнымъ заборою. Внутри—бамбуковый сарай длинной отъ 60 до 75, шириною до 25 метровъ, служащій спальнею невольникамъ; эти спальни содержатъ въ себѣ три платформы, идущія параллельно во всю длину ея, каждая шириной въ шесть футовъ и вышиною отъ земли на футъ; на нихъ стелются бамбуковыя циновки; на циновкахъ спятъ невольники. Одѣвалъ для защиты отъ холода и комаровъ нѣтъ у нихъ. Рядомъ съ спальнею — другой сарай такого же размѣра; здѣсь невольники проводятъ день. Они сидятъ на бревнахъ и принуждены оставаться почти всегда въ сидячемъ положеніи, потому-что снованы пожарно, съ трудомъ могутъ двигаться, да и то не вначѣ, какъ опираясь на плечо товарища. Женщины, дѣвушки, юноши носятъ ошейники; цѣпь, продѣтая въ ошейники, соединяетъ отъ 30 до 40 невольниковъ и невольницъ. Только дѣти моложе десяти лѣтъ избавлены отъ оковъ. Впрочемъ, въ барраконахъ нельзя найти дѣтей моложе пяти лѣтъ, ни невольниковъ старше сорока лѣтъ, потому-что невольничьи корабли не берутъ такихъ негровъ. Если женщина родитъ въ барраконѣ, ребенка безжалостно предается смерти. Если негры составляютъ заговоръ убѣжать изъ барракона, —а такія попытки довольно часты, —то зачинщики привязываются къ столбу и разстрѣливаются въ присутствіи всѣхъ другихъ. Въ факторіяхъ, принадлежащихъ туземнымъ вождямъ, этимъ несчастнымъ раздавливаютъ голову между двумя досками. Утромъ и вечеромъ выводятъ невольниковъ изъ сарая въ цѣпяхъ на чистый воздухъ. Пищу даютъ имъ самую грубую и въ самомъ маломъ количествѣ. Если невольничій корабль долго не приходитъ, то для уменьшенія издержекъ выбираются больные или слѣп-

комъ-слабые, или необѣщающіе выгоднаго сбыта негры, и предаются смерти. Нерѣдко въ барраконѣ содержатся до полторы тысячи невольниковъ и страдающіе, вынесенныя неграми на пути въ барраконъ, плохая пища, дурной воздухъ, развиваютъ и распространяютъ среди ихъ заразительныя болѣзни, которыя быстро уменьшаютъ ихъ число; часто также оспа похищаетъ третью или половину невольниковъ. Когда покупатели выберутъ себѣ негровъ, — всѣхъ тѣхъ невольниковъ, которые по какой-нибудь причинѣ забракованы, немедленно разстрѣливаютъ или топятъ; остальные, если невольничій корабль набралъ себѣ полный грузъ, подвергаются той же участи, когда не явится другой покупатель. Въ 1830 году, туземный вождь въ Лоанго признался англійскимъ офицерамъ, что за нѣсколько времени до ихъ пріѣзда у него было довольно много невольниковъ, но что, не видя возможности продать ихъ, онъ приказалъ ихъ всѣхъ разстрѣлывать.

Въ Гаваннѣ, торговля неграми часто производится на-счетъ плантаторовъ, которые составляютъ компаніи и дѣлать по расчету издержки предпріятія и невольниковъ. Есть, впрочемъ, владѣльцы невольничьихъ кораблей, которые промышляютъ единственно торговлей неграми, и въ числѣ ихъ считается много Американцевъ. Въ Бразиліи, торговля производится слѣдующимъ образомъ: въ Пернамбуко, въ Парѣ, Марангамѣ, Паранбѣ, почти всегда сами плантаторы производятъ торговлю и даютъ деньги на издержки по мѣрѣ того, сколько имъ нужно невольниковъ. Въ Рио-Жанейро, дѣла дѣлаются иначе: торговля тамъ производится немногими большими торговыми домами, которые занимаютъ ея исключительно. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ, правда, торгуютъ на кредитъ американскихъ и англійскихъ капиталистовъ; такъ-какъ эти спекулянты покупаютъ свои корабли въ Соединенныхъ-Штатахъ, а мѣвовые товары въ Англій, то они часто не въ состояніи

были бы совершать предпріятія, требующія большихъ капиталовъ, еслибъ не имѣли кредита у бальтиморскихъ и чарльстонскихъ кораблестроителей и особенно у купцовъ ливерпульскихъ, гласговскихъ и манчестерскихъ.

Выдѣлка матерій, назначаемыхъ для обивки на невольниковъ, составляетъ важную отрасль промышленности Ланкашейра и Гласгова. Въ одномъ Ланкашейрѣ выдѣливается съ этою цѣлію матерій на десять милліоновъ. Нѣкоторые владѣльцы невольничьихъ кораблей находятся въ прямыхъ сношеніяхъ съ англійскими фабрикантами или представителями ихъ; но большая часть изъ нихъ обращается къ торговымъ домамъ въ Рио: эти дома выдаютъ имъ товары, которые покупаютъ въ Лидсѣ, Бирмингемѣ, Манчестерѣ, Ливерпулѣ, и за которые они отвѣчаютъ. Торги заключаются всегда съ условіями: именно, что англійскій негодіантъ имѣетъ право на премію, въ случаѣ успѣха предпріятія; въ противномъ случаѣ, онъ подвергается вычету изъ опредѣленной за товары суммы.

Есть также страховыя компаніи для торговли неграми: на островѣ Кубѣ существуетъ ихъ нѣсколько съ давняго времени. Прежняя страховая такса составляла только одиннадцать на сто, — до такой степени считались мало важными опасности, какимъ подвергало торговлю невольниками право обыска кораблей. Послѣ трактата 1835 года, панический страхъ овладѣлъ торговцами острова Кубы; многіе отказались отъ торговли, и компаніи рѣшились брать на страхъ только корабли, идущіе изъ Африки. За двѣ поѣздки, они налагали огромную таксу — сорокъ на сто; но мало-по-малу они ободрились, и страхованіе понизилось до двадцати на сто. Въ 1837 году, составила въ Рио-Жанейро первая компанія для страхованія невольничьихъ кораблей; она состояла изъ десятка капиталистовъ. Такса была отъ восьми до десяти на сто. Эта компанія скоро достигла цвѣтущаго состоянія.

Для торговли негради употребляют ся теперь корабли, построенные въ Соединенныхъ-Штатахъ и отличающіеся навозможною легкостію и быстротою; важнымъ достоинствомъ корабля считается также то, чтобы онъ мало выдвигалъ воды, чтобы могъ какъ-можно-далѣе проникать вверхъ по рѣкамъ африканскимъ и быть въ безопасности отъ крейсеровъ. Отъ-того эти корабли очень-малы и особенно очень-узки, что увеличиваетъ страданія набитыхъ въ нихъ негровъ. Прежде, невольничій корабль самъ отвозилъ въ Африку предметы мѣновой торговли и все необходимое для помѣщенія и переезда невольниковъ; капитанъ самъ покупалъ негровъ на берегу; но отъ этого экспедиція становилась продолжительною и опасною. Чѣмъ долѣе остается корабль у береговъ Африки, тѣмъ болѣе рискуетъ онъ встрѣтиться съ крейсерами; притомъ, невольничій корабль подвергался опасности быть взятымъ на пути къ берегу; дѣйствительно, крейсерамъ предоставлено право брать корабль, на которомъ найдены предметы, служащіе для торговли неграми. Тогда придумали слѣдующую мѣру. Стали требовать отъ американскихъ кораблестроителей, чтобы корабль, снабженный всѣмъ необходимымъ, отправляемъ былъ къ африканскому берегу съ американскими бумагами и подъ американскимъ флагомъ; такимъ образомъ, корабль находился въ совершенной безопасности отъ англійскихъ крейсеровъ. На островахъ Зеленаго-Мыса или на островахъ св. Томы, происходила фальшивая продажа корабля, и онъ изъ американскаго становился португальскимъ; португальскія начальства безъ втруденія и за утѣренную цѣну выдавали свидѣтельства и всѣ необходимыя бумаги. Корабль отправлялся тогда къ сосѣднему берегу и бралъ грузъ. Въ послѣдніе годы, стали принимать еще болѣе предосторожностей: вновь-купленный корабль, который называютъ тендеромъ, то-есть пласкотомъ невольничьяго корабля, везетъ къ африканскому

берегу мѣновые товары и покупаетъ негровъ; за тѣмъ, онъ возвращается въ Гаванну или въ Рио, зайдя напередъ въ Монтевидео или въ портъ какого-нибудь антильскаго острова, гдѣ достаётъ себѣ бумаги. Тогда невольничій корабль, уже запаснійся водою и провизіей, отправляется налегкѣ, приходитъ къ тому мѣсту, гдѣ долженъ найти негровъ; большія шлюпки уже готовы; въ два часа, иногда и менѣе, негры перевозятся на корабль, и онъ въ тотъ же вечеръ идетъ назадъ въ Бразилію. При такой быстротѣ, неудивительно, что англійскимъ крейсерамъ попадаетъ только 1 изъ 30 невольничьихъ кораблей.

Факторіи, какъ мы уже сказали, устрояются на рѣкахъ, по которымъ невольничьи корабли поднимаются вверхъ какъ-можно-далѣе, и крейсера, въ свою очередь, сосредоточиваютъ всю свою бдительность въ устьѣхъ судоходныхъ рѣкъ; но такъ-какъ они не могутъ входить далеко въ эти устья, то принуждены ставить свои экипажи на шлюпкахъ въ засаду въ извилахъ рѣки. Тогда завязывается битва между невольничьимъ кораблемъ и шлюпками. Если корабль видитъ, что дѣло плохо, онъ поднимается опять вверхъ по рѣкѣ и выгружаетъ негровъ. Предпріятіе такимъ-образомъ не удается; но, чтобы избѣжать конфискаціи, на корабль уничтожаются всѣ свидѣтельства незаконнаго промысла, и онъ отправляется внизъ по рѣкѣ съ однимъ балластомъ и бумагами, составленными по формѣ, готовый къ осмотру со стороны англійскихъ офицеровъ. Торговцы, которымъ принадлежатъ барраконы, покупаютъ иногда одинъ или два старые корабля. Когда крейсеръ стоитъ у рѣки, по которой долженъ выйти въ море невольничій корабль, два корабля выходятъ прежде его и идутъ въ разныя стороны; крейсеръ гонится за ними, настгаетъ ихъ, осматриваетъ и ничего не находитъ,—а между-тѣмъ, невольничій корабль уходитъ въ море, и тогда уже англійскому крейсеру, безполезно потерявшему

время, не настичь его. Онъ скоро достигаетъ бразильскаго берега: тамъ онъ въ безопасности, потому-что, по трактатамъ, Англичане не видѣютъ права осматривать корабли на водахъ бразильскихъ. На островѣ Кубѣ, морской англійскій постъ слабъ сравнительно съ огромнымъ протяженіемъ береговъ; извѣстно, какъ трудно воспрепятствовать кораблю пристать къ берегу, если его развѣры и погруженіе въ воду позволяютъ ему выбирать для высадки какой-угодно пунктъ. Англійскіе крейсера сами отдають справедливость смѣлости манѣвровъ и быстротѣ невольничьихъ кораблей.

Плаваніе невольничьяго корабля продолжается отъ двадцати-пяти до тридцати дней; время его приѣзда и пунктъ, гдѣ онъ пристанетъ къ берегу, напередъ извѣстны въ Бразиліи; владѣльцы или управители плантацій тотчасъ отправляются къ мѣсту, гдѣ онъ высадитъ свой грузъ. Всѣ знаютъ объ этомъ, кромѣ мѣстныхъ начальствъ, которыя въ эти дни не выходятъ изъ дома, чтобъ ничего не видать. Высаженные утромъ негры къ вечеру уже расходятся или развозятся въ разныя стороны. Тогда сельскія начальства выходятъ изъ дома, и, въ случаѣ слѣдствія, свидѣлствуютъ, что не видали ничего противнаго законамъ. Такъ дѣлается на всемъ пространствѣ Бразиліи. Да иначе и быть не можетъ. Чиновники не получаютъ никакого жалованья, кромѣ денегъ, платимыхъ имъ негрѣрами, и если кто-нибудь изъ нихъ захотѣлъ бы исполнить законъ, то ему надлежитъ ожидать отъ правительства отставки, а отъ подчиненныхъ ружейнаго выстрѣла. Почти такъ же дѣлаются дѣла и на островѣ Кубѣ, гдѣ чиновники живутъ преимущественно преміями, которыя платятъ имъ владѣльцы невольничьихъ кораблей. Распродавъ грузъ, бразильскій невольничій корабль на томъ же берегу запасается провизіей и, не входя ни въ одинъ портъ, спустя нѣсколько дней отправляется снова въ Африку. На островѣ Кубѣ случается довольно-

часто, что невольничій корабль, въ то время, какъ собираются для него съѣстные припасы, взявъ другое имя и новыя бумаги, совершаетъ поѣздку въ Вера-Крусъ, въ Новый-Орлеанъ, или въ Гуайру (Сан-Доминго). По возвращеніи, онъ принимаетъ третье имя, чтобъ доказать свое *alibi* въ случаѣ обвиненія со стороны англійскихъ агентовъ, беретъ провизію и отправляется въ Африку.

Когда владѣльцы невольничьихъ кораблей должны принимать такія предосторожности для спасенія своей собственности отъ конвенсанціи, когда они должны прежде всего думать о себѣ, то, разумѣется, нельзя отъ нихъ ожидать большой заботливости о благосостояніи и сохраненіи жизни ихъ жертвъ. Всѣ ужасы, о которыхъ упоминали мы, говоря о прежней торговлѣ неграми, повторяются и нынѣ. Нынѣ невольничьи корабли гораздо-менше прежнихъ и берутъ болѣе груза, чтобъ барышами отъ одной поѣздки вознаградить потери, повеселеныя въ нѣсколькихъ поѣздкахъ. Нерѣдко, на корабль, вмѣстимостью въ 200 тоннъ, нагружается отъ восьми до девяти-сотъ негровъ, и среднее количество груза всегда почти болѣе 450 негровъ. На одной испанской фелукѣ, вмѣстимостью въ 71 тонну, взятой крейсеромъ, найдено было 360 негровъ. Отъ-того негры часто задыхаются. На невольничьемъ кораблѣ «Louis», нагружавшемся въ Калабарѣ, принуждены были на ночь закрыть люки прежде, чѣмъ нагрузка была окончена; на другой день найдено полъ залубой пятьдесятъ труповъ; они были кинуты въ море и замѣнены новыми жертвами. Крейсеръ, взявшій португальскій невольничій корабль «San Joaquim», испуганный множествомъ большихъ негровъ, спросилъ капитана, сколько негровъ, по его расчетамъ, должно было погибнуть во время переѣзда въ Америку? Капитанъ хладнокровно отвѣчалъ: «немного-больше половинны». Часто развивается среди негровъ заразительное воспаленіе глазъ. На кораблѣ «Ro-

деуръ ослѣбъ почти весь грузъ, за исключеніемъ двѣнадцати человѣкъ. Многіе невольники, отъ нестерпимыхъ страданій, кинулись бы въ море, еслибъ за ними не смотрѣли днемъ и ночью. Невозможность ставить часовыхъ у каждаго люка для удержанія негровъ, и запираеть люки, чтобъ невольники не задохлись, подала нѣкоторымъ капитанамъ невольничьихъ кораблей мысль держать огромныхъ бульдоговъ, которые ночью стоятъ на стражѣ у люковъ и кусаютъ негровъ, рѣшающихся высунуть голову въ отверстіе.

Легко было бы представить множество ужасныхъ разсказовъ; мы ограничимся только выпискою нѣсколькихъ цифръ изъ разныхъ официальныхъ документовъ: Читатели увидятъ, какъ велика смертность на невольничьихъ корабляхъ. «Invincible» потерялъ 186 негровъ изъ 440; «Intrepido» 190 изъ 343; «Midas» 278 изъ 560; «Adamastor» 304 изъ 800; «Leao» 283 изъ 855; въ 1839 году, «Cintra», «Brilnhate», «Commodor» и «Esplorador», взяли всѣ четверо 2,836 негровъ, изъ коихъ 1,088 погибли во время плаванія. Осна дстребляетъ иногда цѣлые грузы, и потому всѣ негры, у которыхъ обнаруживаются признаки этой болѣзни, немедленно бросаются въ море.

Жажда составляетъ для негровъ страшное мученіе. Они по нѣскольку часовъ проводятъ подъ палубой въ тѣснотѣ, въ нечистой, душной атмосферѣ, а между-тѣмъ имъ никогда не даютъ болѣе одной пинты воды въ день. Одинъ невольничій корабль изъ Байи вездѣ, вмѣсто балласта, бочки съ морскою водою; на берегахъ Африки, въ торопяхъ, сѣша отъжадомъ, онъ забылъ переменить воду въ бочкахъ, и весь грузъ погибъ отъ жажды. Разъ, крейсера остановилъ бразильскій невольничій корабль и нашелъ на немъ 562 негра; они смѣли одинъ промезъ ногъ другаго, и такъ тѣсно, что не могли ни протянуться, ни переменить положенія ни днемъ, ни ночью. Истомленные жаждою, они лежали другъ на другѣ, равнодушны къ жизни и смерти. При-

несена была вода; тотчасъ они кинулись къ ней, какъ сумасшедшіе; ни приказанія, ни угрозы, ни удары не могли остановить ихъ. Они кричали, толкали другъ друга, кусали другъ друга изъ-за капли воды, какъ-будто видъ воды, говорить очевидецъ, привелъ ихъ въ бѣшенство.

Правы капитановъ не измѣнились, и многіе изъ нихъ—настоящіе морскіе разбойники. Въ 1841 году, шлюпки англійскаго крейсера «the Fetter» вышли въ рѣкѣ Бонни трех-мачтовый испанскій или бразильскій корабль, вооруженный 14-ю пушками; онѣ не посмѣли напасть на него; корабль вышелъ въ открытое море въ виду крейсера, перѣшившагося на неравную битву. Въ 1842 году, англійскій бригъ «the Rapid» напалъ на невольничій корабль у Мозамбикскаго-Берега и послѣ живой перестрѣлки былъ принужденъ оставить его. Случается также, что невольничьи корабли нападаютъ другъ на друга. «Fama de Cadix», одинъ изъ самыхъ большихъ невольничьихъ кораблей острова Кубы, пришедъ къ Гвинейскому-Берегу тогда, какъ всѣ невольники были уже раскуплены, отнялъ 980 негровъ у кораблей, пришедшихъ равнѣ его. Можно также привести въ примѣръ англійскую шхуну «The Hope» съ острова Маврикія, которая, встрѣтивъ португальскій невольничій корабль съ грузомъ невольниковъ и золотаго песка, напала на него и овладѣла имъ. Экипажъ португальскаго корабля былъ весь разстрѣлянъ, грузъ перевезенъ на шхуну, а корабль потопленъ.

Помнато, что отъ подобныхъ людей нельзя ожидать заботливости о жизни несчастныхъ, которыми они торгуютъ. Испанскій бригъ «El Juan» былъ преслѣдуемъ англійскимъ крейсеромъ. Встревоженные негры кинулись къ лѣстницамъ; экипажъ, опасаясь, чтобъ они не взбунтовались, закрылъ люки и началъ стрѣлять изъ ружей въ отверстія, пока все не стихло опять подъ палубой. Когда корабль захваченъ былъ крейсеромъ и люки раскрыты,

отрадное зрѣлище представилось взорамъ Англичанъ: трюмъ представлялъ лужу крови, въ которой лежали мертвые, умирающіе и раненные.

Въ трактатѣ, заключенномъ между Англіею и Бразиліею, постановлено, что для осужденія невольничьяго корабля необходимо, чтобы найдены были на немъ невольники, и бразильскіе судьи строго держатся текста закона; отъ-того капитаны бразильскихъ невольничьихъ кораблей, если не видятъ никакой возможности уйти отъ крейсера, не задумываясь кидаютъ свой грузъ въ море. Крейсеръ «Fair Rosamond» напалъ на «Rapido» и «Regulo» въ то время, какъ эти корабли выходили изъ устья рѣки Бонны; невольничьи корабли ретировались въ ближайшую бухту и начали бросать негровъ въ море. Англійскій экипажъ подошелъ еще во-время, чтобы спасти двѣсти-двѣнадцать негровъ на «Regulo», но прежде, чѣмъ захваченъ былъ другой корабль, всѣ его негры были потоплены, и для избавленія хозяевъ отъ потери шестидесяти или семидесяти-пяти тысячъ франковъ, капитанъ «Rapido» не побоялся кинуть въ море болѣе двухсотъ-пятидесяти невольниковъ. Корабль этотъ не избавился, однакожь, отъ осужденія, потому-что два невольника, скованные вмѣстѣ, кинутые за бортъ, повисли на снастяхъ одной шлюпки, были спасены Англичанами и представлены въ судъ, какъ свидѣтели. Шлюпки другаго крейсера преслѣдовали по рѣкѣ Калабару невольничій корабль, кидавшій такимъ образомъ въ море свой грузъ; матросы на шлюпкахъ ясно видѣли стаю акулъ и аллигаторовъ, слѣдовавшихъ за кораблемъ; скоро вся рѣка окривилась...

Довольно, кажется, представили мы примѣровъ для подтвержденія мысли, что ужасы, сопровождающіе торговлю неграми, не уменьшились съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ право объяска; другіе, пожалуй, найдутъ даже и stanno доказывать, что право объяска увеличило эти ужасы и создало для

несчастныхъ негровъ опасности и страданія, которыхъ прежде они не знали. Капитанъ невольничьяго корабля жертвуетъ жизнію негровъ для спасенія своей жизни; онъ жертвуетъ ею часто для своихъ выгодъ, и чтобы поскорѣе нажиться, или чтобы вознаградить прежніе убытки, наблюдаетъ въ свой корабль, какъ въ могилу, несчастныхъ, которыхъ половина уже заранѣе обречена имъ на смерть. Съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ право объяска, негу, какъ выразился одинъ писатель, *дается меньше мѣста на корабль, чѣмъ человеку въ гробу*. Прежде, во время переѣзда въ Америку, погибала четверть груза: нынче погибаетъ отъ трети до половины. Хотите ли послѣднаго доказательства? одинъ капитанъ невольничьяго корабля изъ Монтевидео получилъ отъ начальства позволеніе на привозъ невольниковъ; въ этой бумагѣ позволено было ему привезти шесть-сотъ-пятьдесятъ негровъ, и сверхъ-того взять еще двѣсти-пятьдесятъ, для покрытія убыли въ числѣ негровъ во время переѣзда...

Мы старались до-сихъ-поръ доказать, что торговля неграми производится въ такомъ же развѣрѣ, какъ прежде, и сопровождается еще большими ужасами. Мы должны доказать теперь, что она — зло, котораго нельзя уничтожить. Она будетъ существовать, какъ и всѣ возможныя контрабанды, пока будетъ давать барыши, которые могутъ соблазнять корыстолюбие человѣческое. Всѣ экономисты согласны, что нельзя уничтожить контрабанды, когда отъ нея можно получать барыша по тридцати на сто; бесполезность таможенныхъ линій, содержимыхъ великими державами, незначительность товаровъ, попадающихъ въ руки таможенной стражи, сравнительно съ количествомъ и цѣнностію тѣхъ, которые ускользаютъ отъ ея бдительности, извѣстны всему свѣту. Но контрабанда гораздо-удобнѣе на морѣ, чѣмъ на сушѣ, ибо число крейсеровъ ограничено, а берега очень — обширны, и бури, заставляю-

щая крейсера уходить въ открытое море, благопріятствуетъ контрабандисту. Притомъ, торговля неграми даетъ барыша не по тридцати на сто: барыши такъ значительны, что для нихъ можно рѣшиться на всякія опасности; одна удачная экспедиція можетъ обогатить капитана невольничьяго корабля. Усилія державъ, желающихъ уничтожить торговлю неграми посредствомъ права обыска, ведутъ только къ тому, что эта торговля дѣлается болѣе-прибыльною и, слѣдовательно, болѣе-приманчивою. Удвойте строгость жѣръ,—тогда цѣна на невольниковъ возвысится въ Кубѣ и понизится на африканскомъ берегу. Вы удвоите только барыши капитана невольничьяго корабля, ибо его заставляетъ пренебрегать англійскими крейсерами именно эта огромная разница между цѣною невольниковъ при покупкѣ и цѣною ихъ при продажѣ,—разница, которую всѣ ваши предосторожности могутъ только увеличивать, а не уменьшать. Пока не населатся невзбѣримыя равнины Бразиліи, пока возрастающее благоденствіе Кубы будетъ расчищать новыя земли и заводить новыя плантаціи, пока хоть одинъ испанскій или бразилійскій плантаторъ будетъ нуждаться въ рабочихъ рукахъ и готовъ будетъ во что бы то ни стало купить работниковъ, до-тѣхъ-поръ всегда будутъ ходить между Африкой и Америкой невольничьи корабли, для которыхъ англійскіе крейсера будутъ безсильной преградой. Потому-то англійскій консулъ въ Гаваннѣ писалъ, въ 1839 году, лорду Пальмерстону: «Можно утвердительно сказать, что пока возрастающее благоденствіе этого острова будетъ вызывать запросъ на невольниковъ, торговля неграми будетъ продолжаться въ такомъ же объемѣ и даже увеличится, если Англія не приметъ болѣе-дѣйствительныхъ мѣръ для ея уничтоженія.»

Мы видѣли, что въ концѣ XVIII вѣка, когда всѣ націи скунали негровъ на берегахъ Африки, за негра платили въ Африкѣ отъ 75 до 375 фр., а въ

Америкѣ отъ 325 до 1,000 фр. Покупная цѣна составляла такимъ-образомъ четверть или треть продажной цѣны, и, за вычетомъ убыли четвертой части негровъ во время переѣзда въ Америку, и путевыхъ издержекъ, барышъ невольничьяго корабля рѣдко превышалъ двадцать-пять на сто. Съ-тѣхъ-поръ, цѣна негровъ значительно понизилась на африканскомъ берегу; она никогда не превышаетъ 100 фр. за человѣка, и такъ-какъ обыкновенно одна треть цѣны платится деньгами, другая водкой и третья матеріями, и такъ-какъ торговцы неграми много выигрываютъ на этихъ двухъ статьяхъ, то настоящая цѣна часто бываетъ отъ 60 до 75 фр. за человѣка. Въ Америкѣ, напротивъ, цѣны возвысились. Въ 1820 году, въ Кубѣ платили за привознаго негра 100 долларовъ, въ Порто-Рико 200; нынѣ привозный негръ стонитъ въ Кубѣ отъ 425 до 480, а въ Порто-Рико до 450 долларовъ. Въ Бразиліи, негръ, стѣявшій въ 1820 году 100 шилрейсовъ, стонитъ нынче 400. Въ-теченіе двадцати лѣтъ, цѣны учетверились, и достаточно видѣть, что негръ, стѣящій въ Гвиней 100 фр., можетъ быть проданъ въ Кубѣ за 2,300 фр., чтобъ понять, какую огромную награду получаетъ преступная сѣблость капитана невольничьяго корабля. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Гаваннская коммиссія осудила невольничій корабль «Firmo»; грузъ его стоилъ капитану 28,000 долларовъ; припасы всякаго рода и вооруженіе корабля обошлись въ 10,600 долларовъ; на жалованье экипажу и мелкіе расходы употреблено 13,400; такимъ-образомъ, всѣ издержки экспедиціи простирались до 52,000 долларовъ; продажа груза должна была дать 145,000 долларовъ, то-есть барыша сто-восемьдесятъ на сто. Гаваннскіе комиссары писали въ августѣ 1838 года: «Теперь снаряжается «Venus» для поѣздки въ Мозамбикъ; онъ устроенъ для пріема 1,000 негровъ, и дастъ владѣльцамъ корабля, въ случаѣ успѣха, барыша отъ 100 до 200,000 долларовъ, ибо этотъ корабль стѣялъ

50,000, и издержки экспедиціи рассчитаны въ 50,000. • 24 января 1839 года, комиссары извѣщаютъ о возвращеніи того же корабля съ 850 неграми; приближеніе англійскаго крейсера принудило его пуститься въ обратный путь, не набравъ полного груза. Положимъ, что негры этого корабля проданы были среднимъ числомъ по 1,250 фр. каждый; продажа должна была дать сумму въ 1,062,500 фр.; если вычесть 85,000 фр. на покупку негровъ и 75,000 на издержки предпріятія, то все-таки останется чистаго барыша 900,000 фр., и конечно, имѣя подобные барыши, можно усыплять совѣсть испанскихъ и бразильскихъ чиновниковъ, когда губернаторъ Анголы беретъ только 5,000 фр. (700 милрейсовъ) за выдачу невольничьему кораблю португальскихъ бумагъ и за позволеніе нагружаться въ ангольскомъ портѣ. Прибыль такъ велика, что если изъ четырехъ экспедицій удастся одна, она покрываетъ издержки всѣхъ.

Полагаемъ, мы достаточно доказали, что торговля неграми производится въ настоящее время въ такомъ же обширномъ размѣрѣ, какъ въ концѣ XVIII вѣка, и что ужасы, сопровождающіе ее, не только не уменьшились, но еще увеличились. Мы показали также, почему эта торговля должна существовать, не смотря ни на какія преграды.

✕

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Успѣхъ «Отеч. Записокъ», ставшихъ теперь довольно-высоко въ мнѣніи публики, естественно не могъ не возбудить въ нихъ нерасположенія со стороны всѣхъ изданій, которымъ хотѣлось бы добиться успѣха. Мы не бу-

демъ повторять ни того, какая ожесточенная непріязнь встрѣтила, назадь тому около семи лѣтъ, только одну программу «Отеч. Записокъ», ни того, какимъ оружіемъ въ первые годы существованія нашего изданія дѣйствовали противъ него старыя и новыя журналы, не безъ причины его испугавшіеся, — все это извѣстно публикѣ. Теперь обстоятельства перемѣнились; но вражда къ «Отеч. Запискамъ» не кончилась: она только измѣнила образъ своихъ нападеній сообразно съ обстоятельствами. Зная, что «Отеч. Записки» не любятъ полемики и снисходять до объясненій не всегда и не всякимъ, наши противники уже не прибѣгаютъ къ сужденіямъ для униженія «Отеч. Записокъ», но, какъ-будто по взаимному и безмолвно-выраженному согласію, позволяютъ себѣ или приписывать «Отеч. Запискамъ» то, чего онѣ никогда и не думали, или давать ихъ словамъ и намѣреніямъ такой смыслъ, какого онѣ никогда не имѣли. Между множествомъ примѣровъ подобныхъ продѣлокъ, указываемъ на двѣ выходы двухъ изданій, во всѣхъ отношеніяхъ различныхъ, но въ отношеніи къ «Отеч. Запискамъ» соединенныхъ нѣжною симпатіею: мы говоримъ о «Сѣверной Пчелѣ» и «Москвитининѣ».

Въ № 88 «Сѣверной Пчелы» нынѣшняго года, въ фельетонѣ сказано, между прочимъ, будто-бы «Отеч. Записки», вмѣстѣ съ «Репертуаромъ» и его «Театральною Лѣтописью», выходятъ изъ границы въ своихъ напакахъ на г. Каратыгина (перваго трагическаго актѣра на Александринскомъ-Театрѣ). Эти нападки «Отеч. Записокъ» не что иное, какъ чистое изобрѣтеніе «Сѣверной Пчелы»: въ «Отеч. Запискахъ» разбираются только пьесы, играемыя на Александринскомъ-Театрѣ, но не игра актѣровъ. Если же намъ и случилось изрѣдка упоминать о г. Каратыгинѣ по поводу какой-нибудь пьесы, то не иначе, какъ для того, чтобъ похвалить его игру. На все это мы можемъ представить печатныя доказательства, тогда-какъ «Сѣ-

верная Пчела» не можетъ представить ни одного. Еще недавно, по поводу брошюрки, заключающей въ себѣ биографію г-жи Каратыгиной, мы сказали, что г. Каратыгинъ и г-жа Каратыгина не имѣютъ себѣ соперниковъ на сценѣ Александринскаго-Театра, что г. Каратыгинъ несравненно-выше всѣхъ другихъ трагическихъ актѣровъ этого театра (*). Гдѣ же наши нападки на знаменитаго артиста?.. Но таковы всѣ нападки «Сѣверной Пчелы» на «Отеч. Записки»... Такъ, напр., она безпрестанно силится увѣрить своихъ читателей, будто-бы «Отеч. Записки» унижаютъ всѣ литературные авторитеты, ничего не хотятъ видѣть въ Державинѣ и Жуковскомъ... Подобныя выходки со стороны «Сѣверной Пчелы» нисколько не должны казаться удивительными, если вспомнимъ, что каждый фельетонъ этой газеты наполненъ увѣреніями, что онъ, фельетонъ, за правду готовъ умереть... Даже въ фельетонѣ того же 88 № «Сѣверной Пчелы», мы прочли слѣдующія замѣчательныя строки: «Господа, помните, что Сѣверная Пчела не обязана хвалить кого бы то ни было, не знаетъ ни дружбы, ни вражды, и хвалитъ, когда хорошо, а когда будетъ худо, скажетъ съ такою же откровенностію... Несчастный порокъ Сѣверной Пчелы — какъ за перо, всѣ отношенія и сношенія забыты; да ужъ исправляться поведено!» Нужно ли, по поводу этихъ строкъ, пускаться въ разсужденія, до какой степени заслуживаетъ довѣрія тотъ, кто прежде, нежели что-нибудь скажетъ или раскажетъ, чувствуетъ необходимость побожиться, что онъ всегда говоритъ правду?..

По примѣру «Сѣверной Пчелы», «Москвитянинъ», между прочимъ, взводитъ на «Отеч. Записки» вину неуваженія къ авторитетамъ русской литературы... Это обвиненіе «Москвитянина»... Но начнемъ съ начала.

Всѣмъ извѣстно, что съ нынѣшняго 1845 года «Москвитянинъ» рѣшился возродиться,—обстоятельство, которое заставило насъ не безъ любопытства ожидать первой книжки этого журнала, въ который мы такъ давно уже не заглядывали. Въ февралѣ появилась въ Петербургѣ январская книжка «Москвитянина». Глядимъ: все то же, что и было: та же толстая бумага, то же множество опечатокъ, то же отсутствіе ореографіи (*), тѣ же стихи г. Михайла Дмитриева, та же проза г. Иванчина-Писарева; но обертка другая... Наудачу принялись мы за чтеніе критической статьи *Обозрѣніе современнаго состоянія литературы*, подъ которой выставлена литера К. (на оберткѣ означено, что это статья г. И. Киреевскаго). Нѣтъ: это не то, что было! Не смотря на ложное основаніе и произвольные выводы въ этой статьѣ, — въ ней высказано много дѣльнаго, важнаго, умнаго о современномъ состояніи Европы, и высказано съ знаніемъ дѣла, талантомъ и тѣмъ чувствомъ достоинства, которыя всегда заинтересовываютъ читателя въ пользу автора, и которыхъ мы никогда не встрѣчали въ сочиненіяхъ нашихъ такъ-называемыхъ *славянофиловъ*. Хотя мы тутъ не нашли ничего новаго, но—повторяемъ—не-новое было высказано съ такимъ мастерствомъ, какое очень-рѣдко встрѣчается въ оригинальныхъ статьяхъ русскихъ писателей. Эта статья тѣмъ сильнѣйшее произвела на насъ впечатлѣніе, что всѣ другія оригинальныя статьи въ книжкѣ отличались качествами совершенно-противоположными.—Наконецъ, прочли мы во второй книжкѣ «Москвитянина» продолженіе этой статьи: тѣ же недостатки и тѣ же достоинства. Дѣло идетъ пока все о Европѣ; о русской литературѣ

(*) См. «Отеч. Записки» 1845, № 3, Библиографическая Хроника, стр. 16.

(*) «Москвитянинъ» пишетъ: драма, вторій, шестій, въ прилагательныхъ употребляетъ заглавыя буквы, равно какъ и въ существительныхъ иностраннаго происхожденія, какъ то П(п)озія, Г(г)амма и т. п.

еще ни слова. Съ нетерпѣніемъ ждали мы третьей книжки, гдѣ должна быть третья статья, посвященная уже обзорнѣю современной русской литературы. Намъ пріятно было думать, что, во-первыхъ, услышимъ сужденіе о насъ-самихъ отъ человѣка совершенно - другаго образа мыслей, другаго убѣжденія, который умѣетъ защищать то и другое съ безпристрастіемъ и достоинствомъ, слѣдовательно, сумѣетъ отдать должную справедливость даже людямъ, которыхъ убѣжденія противоположны его собственнымъ, и которыхъ убѣжденія онъ опровергаетъ. Сверхъ-того, мы надѣялись узнать, наконецъ, въ чемъ состоитъ эта доктрина славянофильства, которая до-сихъ-поръ все только общала высказаться, а между-тѣмъ пряталась за какими-то намеками и бранчивыми фразами, и которой сущность, казалась, состояла только въ томъ, чтобъ не признавать ни ума, ни сердца, ни знанія, ни таланта у людей, необольщающихся честию быть славянофилами. Вотъ наконецъ, думали мы, явился въ этой литературной котеринѣ человѣкъ, который если и не разубѣдитъ насъ въ нашихъ убѣжденіяхъ и не заставитъ насъ принять его убѣжденія, — все же, по-крайней-мѣрѣ, заставитъ насъ уважать ученіе, котораго онъ и поборникъ и представитель, — заставитъ насъ уважать это ученіе манерою, которою онъ защищаетъ его, и даже тѣмъ самымъ, что онъ самъ принадлежитъ ему и душою и тѣломъ. Мы вѣруемъ въ великую истину, что достоинство всякой доктрины больше всего познается по достоинству лицъ, которыя ей слѣдуютъ. И вотъ наконецъ, *мартовская* книжка благополучно достигла береговъ Невы въ послѣднихъ числахъ *апрѣля*, и мы прочли эту третью статью, ожидаемую нами такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ.

Прочитавъ ее, мы очень-непріятно были поражены... ее больше чѣмъ легкостью, ее — извините — дуотою. Отъ этого двѣ нервы статьи, служащія введениемъ къ ней, показались намъ

похожими на тотъ великолѣпный греческій портикъ, заслоняющій ветхую крестьянскую избу, который изображенъ на винеткѣ *Тарантаса* графа Соллогуба (стр. 35). Статья состоитъ изъ сужденія о современныхъ русскихъ журналахъ. Сказавъ свое мнѣніе о «Библіотекѣ для Чтенія», авторъ вдругъ переходитъ къ «Маяку» и «Отеч. Запискамъ» и начинаетъ судить объ этихъ изданіяхъ, сравнивая ихъ одно съ другимъ. Въ «Маякѣ» онъ видитъ преувеличенную крайность восточнаго, а въ «Отеч. Запискахъ» западнаго направленія, и увѣряетъ, будто тому нѣтъ нужды читать «Отеч. Записки», кто читаетъ «Маякъ», и наоборотъ, потому-де, что «не читая одного журнала (,) можно знать его мнѣнія изъ другаго, понимая только всѣ слова его въ обратномъ значеніи». Въ этихъ словахъ, лишенныхъ всякой вѣроятности, явно видно неудавшееся усиліе сказать остроу: въ-самомъ-дѣлѣ, трудно въ одно и то же время настолько сохранять спокойствіе, котораго нѣтъ внутри, и весело шутить... Въ такомъ принужденномъ положеніи не удаются остроуты... Кто же повѣритъ, чтобъ авторъ статьи самъ вѣрилъ собственнымъ словамъ?... Мы «Маяка» не читаемъ, и едва знаемъ о его существованіи; намъ нельзя даже и противоположно сталкиваться съ нимъ въ сужденіяхъ, потому-что мы никогда не говоримъ о томъ, о чемъ онъ говоритъ. Характеръ нашего журнала чисто-литературный, а не теологическій. Общаго между «Маякомъ» и «Отеч. Записками» ничего нѣтъ, и сводить эти два журнала невозможно, ни подъ какими точками зрѣнія. Другое дѣло сличить «Маякъ» съ «Москвитяниномъ»: кто бѣ отважился на такой трудъ, тотъ могъ бы сдѣлать выводы, по-крайней-мѣрѣ, забавные. Въстѣ съ «Москвитяниномъ», отдавая полную справедливость остроумію «Библіотеки для Чтенія», — мы думаемъ, что она могла бы превосходно выполнить эту задачу... Что касается до насъ, намъ по этому предмету извѣстно только,

что «Маякъ», ничѣмъ не равнясь отъ «Москвитянина» ни въ духѣ, ни въ направленіи, превосходить его въ послѣдовательности и вѣрности своимъ собственнымъ началамъ. Это доказывається тѣмъ, что, какъ слышно, по его добродушному убѣжденію, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ и, особенно, Пушкинъ, испортили русскій языкъ и ввели въ русскую литературу, вмѣсто поэзій, *мишуру*; но что честь спасенія русскаго языка и русской поэзій принадлежитъ сотрудникамъ «Маяка», которыхъ именъ мы теперь не можемъ припомнить, а наводить о нихъ справки считаемъ трудомъ бесполезнымъ. По поводу же «Маяка» такъ же не можетъ быть вопроса объ «Отеч. Запискахъ», какъ по поводу «Отеч. Записокъ» не можетъ быть вопроса о «Маякѣ». Для изученія Европы кто же ѣздитъ въ Китай, и на-оборотъ?.. Впрочемъ, все это очень-хорошо знаетъ самъ авторъ статьи «Москвитянина», и намъ, право, грустно видѣть, что онъ поставилъ себя въ необходимость дѣлать видъ, будто этого не знаетъ и будто говоритъ искренно. Самъ онъ увѣряетъ, въ своей статьѣ, что «Маякъ» нападаетъ на «Отеч. Записки», но что «Отеч. Записки» мало заботятся о «Маякѣ», какъ журналѣ, и даже рѣдко говорятъ о немъ. Но въ то же время, прибавляетъ, будто «Отеч. Записки» постоянно имѣютъ въ виду направленіе «Маяка» и крайности его направленія стараются противопоставить крайность другаго направленія. Чему же вѣрить? И вѣрить ли самъ авторъ собственнымъ словамъ своимъ?...

По словамъ г. Киреевскаго, «Отеч. Записки» только и дѣлаютъ, что гоняются за мнѣніями Запада, которыхъ не донимаютъ сами. Чтобъ, «Отеч. Записки» гонялись за Западомъ, это едва-ли правда. «Отеч. Записки» находятся въ томъ же самомъ отношеніи къ Западу, въ какомъ находится къ нему все русское общество. Русскій крестьянинъ старается подражать нѣмецкой работѣ; русскій помѣщикъ хлопочетъ о раціональномъ хозяйствѣ и иногда ѣдетъ за

границу для изученія его, или читаетъ иностранныя сочиненія по хозяйственной части; молодой ученый ѣдетъ въ Европу для довершенія своего образованія; всѣ слѣдятъ за ходомъ наукъ, искусствъ, ремеслъ, открытій, даже модъ и формъ жизни на Западѣ. Что же удивительнаго, если «Отеч. Записки» дѣлаютъ то же самое, въ той мѣрѣ, въ какой это нужно и полезно для русскаго журнала, связаннаго, впрочемъ, съ историческимъ развитіемъ отечественной литературы и обязаннаго удовлетворить потребностямъ русскаго общества?

Но вотъ самое смѣлое и оригинальное *изобрѣтеніе* «Москвитянина» на счетъ «Отеч. Записокъ». Слушайте! слушайте! «Такъ въ сферѣ литературы замѣтили «Отеч. Записки», что на Западѣ *не безъ молвы* для усибнаго движенія и образованности были уничтожены нѣкоторые *незаслуженные* авторитеты, и *въ слѣдствіе этой замѣчанія*, они стремятся уничтожить всѣ наши извѣстности, стараются уменьшить литературную репутацію «Державина, Карамзина, Жуковского, Баратынскаго, Азикова, Хомякова, и на мѣстѣ ихъ превозносятъ И. Тургенева и Э. (?) Майкова, поставляя ихъ такимъ образомъ въ одну категорію съ Лермонтовымъ, который вѣроятно самъ избралъ бы себя не это мѣсто въ литературѣ нашей» (*).

Тутъ нѣтъ правды ни въ одномъ словѣ. Авторъ такъ смѣшался въ умышленномъ своемъ *изобрѣженіи*, что началъ порицаніе «Отеч. Записокъ» похвалою имъ выше мѣры, приписавъ

(*). Слѣдуя тому же началу (продолжаетъ г. Киреевскій) «Отеч. Записки» стараются обновить языкъ своими особенными словами и формами. Вотъ что правда, то правда, исключая только слова «слѣдуя тому же началу». Дѣйствительно, «Отеч. Записки» начали употреблять и употребляютъ множество новыхъ словъ, надъ которыми другіе журналы сперва издѣвались, а потомъ сами стали употреблять многія изъ нихъ. Больше всего изъ этихъ словъ перешло въ «Москвитянина»...

вить первымъ честь полезнаго уничтоженія незаслуженныхъ авторитетовъ. Торжественно отказываемся отъ чести прекраснаго, но, увы! непринявшаго намъ подвига. Этотъ подвигъ принадлежитъ покойному профессору Московскаго Университета, Мерзлякову, челоѣку извѣстному и теперь, а въ свое время игравшему важную роль въ русской литературѣ. Онъ первый началъ на незаслуженные авторитеты Сумарокова и Хераскова, особенно послѣдняго. Въ дѣлѣ полезнаго уничтоженія незаслуженныхъ авторитетовъ, заслуживаетъ почетнаго упоминовенія «Московскій Телеграфъ», журналъ, имѣвшій въ свое время большое вліяніе на общественное мнѣніе. Чтѣ же касается до манеры выговаривать прямо и безъ увертокъ свое мнѣніе о великихъ писателяхъ, — и въ этомъ «Отеч. Записки» были упреждены гораздо-задолго до своего появленія. Пусть вспомнить г. Киреевскій, чтѣ и какъ писывалось о Карамзинѣ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» г. Погодина и «Московскомъ Телеграфѣ» г. Полеваго; чтѣ и какъ писывалось о Пушкинѣ въ «Вѣстникѣ Европы» 1829 и 1830 годовъ. Для чего же тутъ было «Отеч. Запискамъ» ходить на Западъ за совѣтомъ, когда примѣровъ такъ много было дома? Зачѣмъ было г. Киреевскому такъ хитро объяснять самое обыкновенное дѣло?

Видѣ ларчикъ просто открывался!

На Державина, Карамзина и Жуковскаго, особенно послѣдняго, «Отеч. Записки» никогда не нападали: эти нападки—чистое произведеніе изобрѣтательности г. Киреевскаго. «Отеч. Записки» всегда преклонялись передъ самороднымъ гениемъ Державина и великими заслугами русской литературѣ и русскому обществу Карамзина и Жуковскаго; но онѣ дѣлали это не безсознательно, а старались отдѣлать въ твореніяхъ этихъ писателей ихъ значеніе безусловное (т. е. художественное) отъ значенія историческаго, и показать мѣру того и другаго. Гдѣ же тутъ посягательство на униженіе

извѣстностей? Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Дмитриева, Крылова, Озерова, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя и Лермонтова мы считаемъ писателями высшаго разряда, писателями первоклассными, — однихъ по историческому достоинству ихъ произведеній, т. е. по вліянію ихъ на свою эпоху, другихъ и по историческому и по художественному значенію ихъ. Въ ряду этихъ именъ мы никогда не рѣшимся поставить никакого другаго имени. Такъ, на-прим., мы очень уважаемъ Баратынскаго, какъ поэта, въ сочиненіяхъ котораго отразилась личность, возбуждающая къ себѣ въ читателей и сочувствіе и уваженіе; но никогда не включимъ его въ одинъ рядъ съ Державинимъ и Жуковскимъ. Для него есть мѣсто, и притомъ почетное, въ другомъ ряду русскихъ писателей. Чтѣ же касается до гг. Языкова и Хомякова, особенно послѣдняго, мы, право, не знали, что и они — тоже великіе авторитеты, и что нападать на нихъ—все равно, что нападать на Державина и Жуковскаго... Мы знаемъ, что въ свое время г. Языковъ пользовался большою извѣстностію, и что теперь онъ пишетъ весьма-посредственные стихи: но кто же въ свое время не пользовался большою извѣстностію? Вспомните Сумарокова, Петрова, Хераскова... Относительно же г. Хомякова, мы не помнимъ, чтобъ онъ когда-нибудь пользовался особенною извѣстностію, кромѣ той, которой у насъ такъ легко добыться всякому талантливому версификатору... Жуковскій и г. Хомяковъ—помилуйте! да это — Эльбрусъ и Поклонная-Гора! Да послѣ этого чѣмъ же не великій поэтъ, чѣмъ же ниже Жуковскаго или Державина и г. Михаила Дмитриевъ? На мѣсто Державина и Жуковскаго мы никогда не ставили гг. И. Тургенева и А. Майкова: эта перестановка есть чисто сочиненіе г. Киреевскаго. Неужели похвалить поэму молодаго поэта, значить — поставить его рядомъ съ Державинимъ, Жуковскимъ и Лермон-

товымъ? Право, это логика особеннаго рода! (*)

Спрашиваемъ еще разъ: гдѣ, когда унижали мы Державина, Жуковского, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя? Сколько разъ случилось намъ слышать упреки за похвалы Пушкину, Гоголю и Лермонтову! Хотя бы г. Киреевскій на столько уважилъ святость истины, чтобъ хоть этихъ трехъ, имъ самимъ уважаемыхъ писателей, исключилъ изъ числа будто-бы унижаемыхъ нами!

Униживъ такимъ образомъ своимъ изобрѣтеніемъ «Отеч. Записки», г. Киреевскій превознесъ за то «Современникъ». Для писателей (говоритъ онъ) «менѣе извѣстныхъ, помѣщеніе статей («чужихъ») въ Современникѣ есть уже нѣкоторое право на уваженіе публики». Но потомъ прибавляетъ, что на правленіе «Современника» исключительно-литературное, отъ-чего «образъ его возрѣнія на вещи, находится въ нѣкоторомъ противорѣчьи съ его названіемъ», потому-что «въ наше время достоинство чисто-литературное не составляетъ существенной стороны литературныхъ явленій». Вотъ вамъ и похвала г-на Киреевскаго...

Не поздравится отъ этихъ похвалъ! И такъ, самъ «Современникъ», не смотря на всѣ его чрезвычайныя достоинства, далеко-не таковъ, какимъ долженъ быть, по идеалу г. Киреевскаго, настоящій русскій журналъ! Гдѣ же искать его? А вотъ послушаемъ г. Киреевскаго; онъ укажетъ намъ, гдѣ лежить якорь спасенія: «Съ нѣкотораго времени, въ одномъ уголку литературы нашей, начинается уже важное

измѣненіе» и т. д. Этотъ уголокъ, ни больше, ни меньше, какъ— Москвитянинъ! *Важное измѣненіе*— ни больше, ни меньше, какъ коренное преобразование всей русской литературы: благодаря «Москвитянину», наша литература скоро совсѣмъ перестанетъ быть подражательною, и въ оригинальности не уступитъ ни французской, ни англійской, ни нѣмецкой. И все это сдѣлаетъ «Москвитянинъ» и его сотрудники!.. Мы думали, что наша литература еще со времени появленія Пушкина обнаруживала живое и безплодное стремленіе изъ подражательной стать національною; мы думали, что въ этомъ отношеніи заслуги Пушкина безмѣрны, и что въ Гоголѣ русская литература имѣетъ самаго національнаго писателя... Мы обманывались: до «Москвитянина», преобразованнаго въ нынѣшнемъ году, не было русской литературы: она начинается съ него, съ января мѣсяца 1843 года!..

«Теперь (говоритъ авторъ статьи) уже не можетъ быть ни волтеріанцевъ, ни жанти-жакистовъ, ни жанти-павлистовъ, ни шедденгианцевъ, ни байронистовъ, ни геттистовъ, ни доктринеровъ, ни исключительныхъ гегелианцевъ: теперь каждый долженъ составлять себѣ свой собственный образъ мыслей, и слѣдовательно, если не возьметъ его изъ всей совокупности жизни, то всегда останется при однихъ книжныхъ фразахъ».

Вотъ чтó правда, то правда! Только нельзя и эту правду принять безусловно, безъ всякихъ ограниченій. Конечно, имѣть свой образъ мыслей лучше, нежели жить чужимъ убѣжденіемъ; но это для того, кто можетъ имѣть свое убѣжденіе, ибо способность имѣть свое убѣжденіе есть своего рода талантъ, который дается природою. Есть люди, которые только до-гѣть-поръ и умны, пока ихъ одушевляетъ мысль увлекшаго ихъ авторитета. Но какъ-скоро они выдумаютъ какое-нибудь свое собственное убѣжденіе, родятъ свою собственную мысль, — тутъ

(*) Какъ образчикъ особенной логики и добродушнаго униженія «извѣстностей» напоминаемъ нашимъ читателямъ, что г. Шевыревъ нѣкогда объявилъ печатно, что до г. Бенедиктова въ русской поэзіи не было мысли, и такимъ образомъ поставилъ г. Бенедиктова выше Державина, Жуковского, Батюшкова и самого Пушкина... Онъ же сдѣлалъ изъ Лермонтова подражателя г-ву Бенедиктову...

нхъ и гибель! Чѣмъ нелицѣе эта мысль, тѣмъ съ большимъ фанатизмомъ вѣрують они въ нее. Если имъ случится найти человѣкъ десятковъ послабѣе себя, тогда они видятъ въ себѣ великихъ реформаторовъ, и въ своей мысли—возрожденіе міра.

Жаль, очень-жаль, что такой умный, ученый и талантливый писатель, какъ г. Киреевскій, до такой степени допустилъ себя увлечься убѣжденіемъ въ истинности своего страшнаго и неопредѣленнаго направленія, что отказывается отъ способности не только отдавать должную справедливость людямъ, нераздѣляющимъ его убѣжденій, но даже позволяетъ себѣ выдумывать на ихъ счетъ небылицы! Или ужъ таково свойство литературной его доктрины, что ея нельзя иначе защищать, какъ несправедливостью и неправдою?... Въ такомъ случаѣ, еще больше жаль, что такой писатель, какъ г. Киреевскій, увлекся такимъ жалкимъ литературнымъ убѣжденіемъ!...

Нѣтъ, мы съ гордостію можемъ сказать о себѣ, опираясь не на словесныя умѣренія, а на печатные факты, что мы не такъ дѣйствуемъ, не такъ развиваемъ свои убѣжденія, каковы бы они ни были. Мы умѣемъ отдавать должную справедливость и людямъ противныхъ намъ убѣжденій, и сочиненіямъ, писаннымъ не въ нашемъ направленіи. Г. Киреевскій лучше, нежели кто-нибудь другой долженъ это знать: ссылаемся на статью г. Ярополка Водянскаго, во второй книжкѣ «Отеч. Записокъ» за нынѣшній годъ. За то, когда, является книга въ нашемъ духѣ, въ нашемъ направленіи, во впечатлѣнная ограниченностью и безларностию, — отъ насъ нѣтъ ей пощады. Иначе и быть не можетъ: мы глубоко убѣждены, что истина должна защищаться только истиною, и что ложь — самый опасный союзникъ истины, другъ, который хуже врага...

★

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

46) *La Belle et la Bête* (Красавица и Звѣрь), *водвилъ въ двухъ дѣйствіяхъ*, гг. Баюра и Варнера.

Вошеронъ — человѣкъ самый неприятный въ свѣтѣ, мизантропъ самаго худшаго разряда, дѣлающій несчастнымъ все его окружающее, ненавидимый всѣми и всѣмъ. Онъ банкиръ, иначе сказать, торговецъ деньгами, и продаетъ свой товаръ довольно-дорого. Уже миліонеръ и все-таки продолжая давать въ займы на недѣлю (извѣстный техническій терминъ), онъ имѣетъ въ виду не увеличеніе собственнаго богатства, но разореніе людей, принужденныхъ обстоятельствами прибѣгать къ его помощи. Его наружность совершенно соотвѣтствуетъ тѣмъ моральнымъ качествамъ, которыми одарило его небо: желтый цвѣтъ лица, жесткіе и растрепанные волосы, лихорадочный блескъ глазъ, — все соединилось, чтобы сдѣлать его пугаломъ; онъ еще не старъ, а между-тѣмъ походка его тяжела, голосъ гусливый и грубый. Въ квартирѣ его забыли его имя; няньки, качая дѣтей и рассказывая про него сказки, прозвали его звѣремъ. Въ минуту, когда намъ является этотъ почтенный господинъ, онъ занятъ домашнею расправой. Онъ гонитъ отъ себя бѣдную дѣвушку, которую принужденъ былъ воспитывать. Когда дитя сдѣлалось женщиною, г. Вошеронъ хотѣлъ сдѣлать изъ нея г-жу Вошеронъ. Но какъ она не согласилась, то звѣрь выгоняетъ ее изъ дома и вмѣстѣ съ нею стараго слугу и честнаго кассира за сдѣлавныя ими замѣчанія; наконецъ, одинъ несчастный работникъ, неуплатившій десяти тысячъ франковъ, тщетно проситъ Вошерона подождать; тотъ хочетъ подать ко взвѣскавію. Тутъ-то, наконецъ, является *красавица*. Сестра

Жоржа, Антуанетта, приходитъ просить за брата. Сначала, банкиръ отвергаетъ ея просьбы съ своею обыкновенною жесткостью; потомъ вдругъ смягчается и обѣщаетъ сдѣлать все, если только она останется у него и замѣнитъ ему семейство и родныхъ. Антуанетта проситъ нѣсколько минутъ на размышленіе; она посылаетъ за племянникомъ Вошерона, молодымъ Эдуардомъ, котораго любить и которому обѣщала руку; но Эдуардъ не можетъ явиться къ ней на помощь: онъ разоренъ, благодаря своей неуимѣнной расточительности, и все его имѣніе перешло въ сундукъ дяди; просьба о взъисканіи подписана; еще минута—и она будетъ передава въ руки правосудія. Наконецъ, Вошеронъ становится человѣчище: онъ требуетъ отъ молодой дѣвушки только мѣсяца рабства; красавица соглашается, и онъ раздирать бумагу.

Проходитъ мѣсяцъ; но какое превращеніе совершилось въ нравѣ, привычкахъ и манерахъ банкира! Комната, занимаемая Антуанеттою, убрана со вкусомъ и изяществомъ; все въ этомъ домѣ, прежде такъ печальномъ, дышетъ комфортабельностью и богатствомъ. Контора перестала уже походить на прилавокъ Жюда. Все перемѣнилось; самого хозяина нельзя было узнать: онъ строгъ, но одѣтъ пристойно и представляетъ собою типъ одного изъ людей степенныхъ, которые, посвятивъ жизнь свою финансовымъ интересамъ, думаютъ о созданіи кредита въ обществѣ. Каждый день, люди, обремененные нуждою, входятъ въ домъ Вошерона съ увѣренностью найти тамъ нужное. Внутри тоже необыкновенныя перемѣны: молодой дѣвушкѣ, выгнанной съ такимъ позоромъ, дано приданое; старый слуга опять на своемъ мѣстѣ, какъ и честный кассиръ; самъ племянникъ Вошерона, Эдуардъ, получилъ навадъ все свое имѣніе. Но мѣсяцъ прошелъ; добрый ангелъ, перемѣнившій адъ въ рай, долженъ исчезнуть; до этого не допустить даже самая сказка, которою такъ хорошо восполь-

зовались авторы. Разумѣется, что красавица выходитъ замужъ за зюля. Водевиль этотъ, данный на Театрѣ-Гимназіи, имѣлъ необыкновенный успѣхъ.

47) *Le Roi des Frontins* (Король Фронтеновъ), *водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ*, гг. Лабиса и Лефрана.

Одинъ изъ Фронтеновъ комедіи, изъ этихъ слугъ школы Мольера, Реньяра, и проч., обманывая долго своего господина, графа Артюра де-Бетмонъ; до того, что пользовался даже его гардеробомъ и именемъ, рѣшился наконецъ его оставить, потому-что ему нѣчего стало дѣлать у разорившагося человѣка. Но для знатнаго промотавшагося барина всегда нуженъ ловкій малой. Фронтенъ предупреденъ, что онъ не иначе можетъ получить отставку, какъ поставивъ на свое мѣсто кого-нибудь съ такими же блестящими качествами. Только-что графъ изъ дверей, Фронтенъ поддѣваетъ на улицѣ продавца утокъ. Одѣтъ его въ костюмъ слуги, научить, чтó говорить, перемѣнить его племейское имя Томаса на имя Фронтена, — дѣло одной минуты. Графъ, по возвращеніи, вмѣсто своего Фигаро съ мошенничью физиономіею, находитъ толстую и неуклюжую фигуру. Но когда нельзя выбирать, поневолѣ надобно довольствоваться тѣмъ, чтó есть; притомъ же, наружность часто обманчива. Новый слуга вступаетъ въ должность и на первый же разъ получаетъ порученіе достать графу новое платье и двадцать-пять лундоровъ, все это въ-продолженіе одного часа. Прежде-бывшій продавецъ утокъ думаетъ о своемъ положеніи и не знаетъ, гдѣ достать требуемое, какъ вдругъ отворяется съ шумомъ окно, и въ комнату вскакиваетъ молодой г. де-Сериньи, который спасается отъ преслѣдованій полиціи по поводу участія его въ заговорѣ противъ регента; ему нужно только перемѣнить платье и написать нѣсколько строкъ къ сестрѣ. Фронтенъ соглашается на это, и графъ Артюръ, по возвращеніи, находитъ платье очень по вкусу, тѣмъ болѣе, что въ

карманѣ лежитъ кошелекъ съ двадцатью-пятью лундорами; наконецъ, влюбленный въ сестру Сериньи и не зная, гдѣ она, онъ находитъ адресъ ея на запискѣ, оставленной Сериньи. Рѣшительно, новый слуга—фееникъ! Когда полиція входитъ въ домъ графа и, обманутая платьемъ, хочетъ взять его, онъ нисколько не беспокоится. Съ Фронтеномъ ему бояться нечего. Въ тюрьмѣ находимъ мы перваго Фронтена; онъ надѣлалъ такихъ вещей, за которыя его посадили. Фронтень № 2-й является туда къ своему барину, чтобъ исполнить порученіе, данное ему г. ле-Сериньи, и встрѣчается съ своимъ достойнымъ предшественникомъ, который очень-скоро допытывается отъ него о томъ, зачѣмъ онъ пришелъ. Дѣло въ томъ, чтобъ выручить бумаги, зашитыя въ платьѣ г. Сериньи. Фронтень № 2-й досталъ ихъ и, буквально исполняя приказанія, хочетъ сжечь, но Фронтень № 1-й его обманываетъ и на мѣсто этихъ бумагъ подкидываетъ въ каминъ другія. Своимъ заключеніемъ въ тюрьму бездѣльникъ обязанъ г. Вильруа; мщеніе теперь въ его рукахъ; къ списку заговорщиковъ онъ прибавляетъ это имя и отправляетъ списокъ къ регенту. Далѣе дѣло запутывается: въ водевилѣ, ко вреду его, выѣхалась политика. Чтѣ касается до героя, то онъ успѣваетъ обмануть судей и получить свободу; потомъ устраиваетъ свиданіе между господиномъ и Камиллою Сериньи, оправдываетъ графа Артура передъ г. Сериньи, обвиняющимъ его въ томъ, что надѣлалъ Фронтень № 1; помогаетъ своему господину выиграть важный процессъ и, наконецъ, всѣ заговорщики, со включеніемъ г. Сериньи, прощены. Фронтена № 2 провозглашаютъ чудомъ изъ чудесъ, королемъ Фронтеновъ.

48) La Vierge au bois (Лѣсная Дѣва), волшебный водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ и шестнадцати картинахъ, соч. братьевъ Коньяръ.

Жили-были когда-то король и королева, г. и г-жа Дреленденды, счастливыя, которые не знали ни камеръ,

ни журналовъ, ни умныхъ людей. Для счастья ихъ не доставало одного только—преемника. Въ это блаженное время были еще волшебницы; призывали ихъ, и черезъ девять мѣсяцевъ г-жа Дрелендендъ родила дочь. Волшебницы одарили ее—одна умомъ, другая красотой, третья богатствомъ; но увылъ на праздникъ забыли пригласить одну волшебницу, самую злую, которая разсердилась не-на-шутку. Упрощенная другими, она только тѣмъ облегчила свое мщеніе, что осудила новорожденную на семнадцать лѣтъ совершеннаго уединенія, и вотъ, по мановенію волшебныхъ палочекъ, стронется дворецъ безъ дверей и безъ оконъ. Деизирѣ—имя новорожденной—достигаетъ шестнадцати лѣтъ. Дрелендендъ-отецъ разсылаетъ портретъ своей дочери по всѣмъ сосѣднимъ сторонамъ, и князь СавС-уси, будущій наследникъ Желтой-Имперіи, влюбился въ него на-смерть и посылаетъ свататься конюшаго своего, ФанФелоса. Но желтый принцъ обручился прежде съ черною принцессою Анкою, и мщеніе ея за имянную будетъ ужасно. Деизирѣ сажаютъ въ герметическую карету и отправляютъ къ жениху, окруживъ стражею. Тщетная предосторожность! Черные слуги напали на карету, но—о, чудо!— вмѣсто дѣвушки, вышла оттуда бѣлая лань и убѣжала въ лѣсъ. Желтый принцъ приходитъ въ отчаяніе и развлекается только охотою. Однажды онъ преслѣдуетъ лань, ранитъ ее и узнаетъ въ ней свою невесту. Но является Анка, которая находится въ сношеніяхъ съ злою волшебницей: любовники проваливаются въ землю. Но тутъ является волшебница Топазъ; она даетъ принцу Суси кольцо, чудесной силою котораго Деизирѣ днемъ будетъ ланью, а ночью женщиной. Но черная Анка не забываетъ своего мщенія. Она крадетъ у принца, во время сна, его талисманъ и бросаетъ въ рѣку; его проглатываетъ рыба. Принцъ отправляется за нимъ въ водяное царство, къ царю Осетру I, и достаетъ талисманъ, но во время его странствованія предметъ

его любви заключенъ въ стальной дворецъ. Анка не шутитъ и даетъ ему на выборъ: или видѣть смерть своей возлюбленной, или жениться на ней. Но дается волшебница Топазъ; надобно достать очарованную траву, которая обратила бы Деширѣ изъ лани въ женщину. Принцъ Суся отправляется въ царство растений и достаетъ траву, не смотря на всѣ препятствія.

49) *La Justice de Dieu* (Божье Правосудіе), драма въ шести картинахъ, соч. и. Анисе Буржуа и Поля Фуше.

Два злодѣя, Бернаръ и еще другой, составили заговоръ на завладѣніе имѣніемъ графа де-Нуантеля, который умеръ, не извѣстивъ о томъ друзей и родственниковъ. Они отравили невестку покойнаго графа и тѣло ея закопали въ погребъ, завязавъ глаза работнику, который рылъ яму. Одинъ изъ нихъ беретъ на себя имя покойника и дѣлаетъ другаго своимъ управителемъ; тотъ его обкрадываетъ, и онъ молчитъ, связанный преступленіемъ, притомъ же надѣясь жениться на Женевьевѣ Дорья, незаконной дочери несчастной Маргариты и богатаго графа, оставившаго ей въ наслѣдство восемьсотъ тысячъ франковъ. Жюльенъ Дорья, сынъ названной матери Женевьевы, работникъ, который былъ приведенъ въ погребъ съ завязанными глазами, и Женевьева любятъ другъ друга, какъ-будто бы они и не были братъ съ сестрою, и, считая себя родными, таятъ эту любовь. Чтобъ прогнать изъ сердца эту страсть, Жюльенъ отправляется путешествовать по Франціи. Во время его отсутствія, ложный Нуантель воочится за Женевьевою и проситъ ея руки, которую она отдаетъ ему, чтобъ спастись отъ своей любви къ Жюльену. Свадьба уже совершилась, когда возвращается Жюльенъ; мать его, ни съ того, ни съ сего, рассказываетъ ему тайну рожденія Женевьевы, но забываетъ рассказать ему самое важное, что она жена другаго — и Жюльенъ, увидавъ ее съ Нуантелемъ, приходитъ въ бѣшенство.

Нуантель узналъ работника и совѣтуется съ своимъ сообщникомъ о средствахъ избавиться отъ этого свидѣтеля. Бернаръ, который уже довольно богатъ, бѣгнетъ повредить себѣ новымъ злодѣйствомъ. Нуантель предлагаетъ ему 100,000 франковъ, и погибелъ Жюльена — рѣшена. Но Божье правосудіе вело иначе. Виѣсто Жюльена, Бернаръ по ошибкѣ ранитъ Нуантеля, который, со времени убійства Маргариты, сдѣлался лунатикомъ и бродитъ каждую ночь. Нуантель и Бернаръ обвиняютъ Жюльена. Но тотъ находитъ опять извѣстный погребъ и тамъ открываетъ скелетъ Маргариты. Злодѣй признается въ своемъ преступленіи, и Женевьева будетъ вдовою, если только судъ не найдетъ облегчающихъ обстоятельствъ.

50) *Virginie* (Виргинія), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Латура де-Сент-Ибара.

Сюжетъ «Вирганіи» былъ уже много разъ обработываемъ, но довольно безуспѣшно Кампистрономъ, Деблавомъ, Лагарпомъ. «Виргинія Альеіери» — превосходная этюда, назначенная для чтенія, а не для театра. «Виргинія Шеридана Ноуель» — мелодрама, въ которой хорошъ только характеръ самой героини.

Трагедія г. Латура начивается молитвою Виргиніи домашнимъ богамъ. Молодая Римлянка готовится къ свадьбѣ; у алтара ждуть ее жрецъ и Цицлій. Уже отецъ благословилъ ее, но является Аппій: страшный децемвиръ увидалъ и полюбилъ Виргинію. Онъ упрекаетъ отца ея, что тотъ заботится о семейныхъ дѣлахъ, когда отечество въ опасности, и даетъ ему порученіе въ армию. Старый воинъ повинуется, бракъ прерванъ, и Аппій заботится объ убійствѣ соперника своего, Цицлія. Тотчасъ, какъ только Виргиніи отправился изъ дома, Аппій къ нему является и признается Виргиніи въ своей страсти къ ней. Невѣста Цицлія съ достоинствомъ отвергаетъ его любовь. Но децемвиръ прибѣгаетъ къ притворству: онъ говоритъ, что Цицлій умеръ

славномъ смертію; является Фауста, сестра Цицлія, и говоритъ, что онъ убитъ насильственно. Аппій хочетъ оправдываться, Виргинія говоритъ: я вѣрю ей. Аппій въ бѣшенствѣ прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ и похищаетъ Виргинію, не смотря на сопротивление Фабія, стараго Римлянина и патрона Виргинія... Виргинія у Аппія; она въ отчаяніи отъ смерти Цицлія и отсутствія отца. Аппій требуетъ ее въ судъ, какъ рабу одного изъ своихъ кліентовъ. Свободная кровь Виргиніи возмущается въ ея жилахъ. Возвращается Аппій, и она изливаетъ на него всю свою ненависть и презрѣніе. Въ это время, Виргиніи воротился домой, не зная о томъ, что произошло во время его отсутствія; онъ возвратился для блага отечества, просить себѣ нѣсколькихъ воиновъ, чтобъ нечаянно напасть на непріятельскій лагерь. Дома встрѣчаетъ онъ Фабія. Что значитъ присутствіе его патрона въ эти часы, къ его домъ? Фабій говоритъ ему о смерти Цицлія, но еще не можетъ ни слова сказать о Виргиніи. Виргиніи самъ предчувствуетъ опасность для дочери и бросается просить помощи у боговъ-пенатовъ; онъ входитъ въ ея комнату: тамъ ея нѣтъ. Все молчитъ. Наконецъ, Фабій открываетъ ему ненавистный разговоръ. Пораженный сначала горестію, старый Римлянинъ, однако, скоро возстаетъ во всемъ своемъ величіи. Онъ идетъ къ Аппію, хотя не имѣетъ съ собой оружія. Въ эту минуту, входитъ Виргинія, которую децемвиръ, узнавъ о возвращеніи отца, не смѣлъ болѣе удерживать. Но одумавшись, Аппій велитъ привести дочь и отца къ его суду.—Форумъ: Фабій и Виргинія собрали своихъ друзей, но устрашенные ликторами Аппія, Римляне не смѣютъ противиться. Кліентъ Аппія, Максимъ, требуетъ Виргинію, какъ свою рабу, и приводитъ двухъ ложныхъ свидѣтелей. Этотъ обманъ возбуждаетъ всю ярость Виргинія; онъ обращается къ народу—, тотъ остается безмолвнымъ. Тогда онъ проситъ да минуту поговорить съ дочерью.

Аппій позволяетъ ему. Виргиніи стоять у лавки мясника; онъ схватываетъ ножъ, поражаетъ Виргинію и бросаетъ трупъ ея къ ногамъ Аппія, предавая его адскимъ богамъ. Тогда раздраженный народъ бросается на децемвира. Трагедія эта имѣла большою успѣхъ, благодаря необыкновенному таланту Рашели, для которой и писана главная роль.

51) Les deux Tambours (Два Барабанщика), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. Любиза и Сальва.

Барабанщикъ Поммеле преподаетъ мораль конскрипту Доке. По морали его, четыре вещи необходимы, чтобъ быть совершеннымъ солдатомъ: primo — умѣть отдавать честь начальнику, deuzo — умѣть поддѣть у него любовницу, troiso — драться лихо на дуэли, и quatro — сдѣлать что-нибудь блистательное. Боке пунктуально выполняетъ предписанія начальника. Онъ заставляетъ его платить за обѣдъ, похищаетъ у него любовницу, дерется съ нимъ на дуэли и, наконецъ, за него идетъ вести ордеръ подъ африканскими пулями. Барабанщикъ получаетъ крестъ, Боке остается при Бригиттѣ.

52) Le Poisson d'Avril (Первоапрѣля), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. Леона Лайя.

У г. Дюбюссона есть замокъ и дочь. Онъ хочетъ продать замокъ и выдать замужъ дочь, или, если угодно, выдать замужъ замокъ и продать дочь; пріятель его экспедируетъ къ нему сэра Фрэнсиса Уалькера, Англичанина, владѣльца трехъ миліоновъ. Дюбюссону можно такимъ образомъ свалить на шею этому господину и дочь и замокъ. Исполненный этой надежды, онъ приглашаетъ къ себѣ всѣ мѣстныя знаменитости, чтобъ достойнымъ образомъ принять дорогаго гостя. Но всѣ отказываются: какъ помочь горю? Къ-счастію, нынче 1 апрѣля. Онъ призываетъ всѣхъ дворовыхъ людей и переряжаетъ ихъ. На первомъ планѣ садовникъ и его хорошенькая дочь, Женни. Мистификація удается чудесно; островитянинъ принимаетъ всѣхъ

этихъ господъ за знатныхъ особъ. Онъ волочится за Дженни и просить у отца ея руки; отецъ отказываетъ. Англичанинъ хочетъ умереть. Является г. Жюль, который любитъ Люсилъ Любюиссонъ и любимъ ею. Онъ объявляетъ миллионеру все дѣло. Сэръ Джоржъ покупаетъ замокъ за 400,000 франковъ и даритъ его Люсилъ, которая выходитъ за Жюля, а самъ женится на Дженни.

53) *MADAME DE LUCENNE* (Госпожа де-Люсеннь), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Жюли Ашиллъ Ковтъ.

Эдуардъ де-Люсеннь имѣетъ совершеннѣйшую изъ всѣхъ матерей, тѣмъ болѣе, что она владѣетъ тридцатью тысячами ливровъ, что, по мнѣнію одного изъ лицъ пьесы, должно быть первымъ качествомъ всякой матери. Зоя, жена Эдуарда, исполнена предразсудковъ противъ свекрови и не хотѣла ее видѣть. Эдуардъ уступилъ этому капризу. Другъ Эдуарда, его искренній другъ, одобряетъ возмущеніе его жены, потому-что онъ — рыцарь жены Эдуарда, и боится, что свекровь займетъ его мѣсто. Но благородные поступки матери Эдуарда наконецъ открываютъ глаза Зои.

54) *LES PHARAONS* (Фараоны), драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Фердинанда Дюгё.

Сочинитель хотѣлъ представить нравы древняго міра въ этой драмѣ, которая не имѣетъ въ себѣ вовсе ничего юмористическаго. Планъ очень-простъ и можетъ быть рассказанъ въ немногихъ словахъ. Фараонъ, чтобъ жениться на царицѣ Изидѣ, прогналъ отъ себя любовницу и рабу свою Нефтиду. У каждой изъ соперницъ по сыну отъ Фараона. Нефтида возвращается съ своимъ сыномъ, Камбизомъ, чтобъ разорить Египетъ. Нефтида отравляетъ мужа, боясь его слабости, и вѣнчаетъ сына своего, Кассандра. Изиды обвиняетъ Нефтиду; вызываютъ тѣнь Фараона, но, вмѣсто тѣни, является сынъ Изиды и передаетъ вѣнецъ брату. Вся драма держится на ненависти двухъ жен-

щинъ, и объявана усѣихомъ своимъ въ особенности г-жѣ Жоржъ, игравшей роль Нефтиды.

55) *LE TRICORNE ENCHANTE* (Очарованный Рогъ), *бастонада въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ и съ однимъ куллетомъ*, соч. Теофила Готье.

Разсказывать содержаніе этого маленькаго фарса, отличающагося всѣмъ обыкновеннымъ остроуміемъ автора, почти нельзя. Это—комедія съ палками, одна изъ комедій, которыя сочинялъ Мольеръ въ своей молодости. Даже названія лицъ—мольеровскія. Успѣхъ былъ чрезвычайный.

56) *LA PRÊTE NOIRE* (Черная Смерть), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. виконта д'Арленкура.

Въ этихъ пяти актахъ столько ужасовъ, что не оберешься. Живописецъ и поэтъ, творецъ «Пустынника», не щадяетъ красокъ. Передъ нами хижина Елены, матери Мориса, на которую нападаютъ маладрены. Елена сходитъ съ ума; начальникъ маладреновъ убиваетъ мужа Елены и уноситъ ея сына, героя драмы. Въ послѣдствіи, мы видимъ его влюбленнымъ въ молодую графиню и дѣлающимъ чудеса подъ покровительствомъ безумной матери. Особенными ужасами отличается сцена въ катакомбахъ. Наконецъ, къ довершенію всего, является моровая язва. Не смотря, впрочемъ, на обиліе ужасовъ и запутанность сюжетовъ, драма, написанная сильно, имѣла успѣхъ.

57) *L'AMOUR DANS TOUS LES QUARTIERS* (Любовь во всѣхъ Квартирахъ), *водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ*, соч. г. Клервилля.

Дѣвица Нини гадала у колдуньи, и колдунья сказала ей, что она выйдетъ за перваго молодого человѣка, который пройдетъ мимо. Нини очень-довольна, потому-что первый прохожій очень-хорошъ собой. Но увы! Флорестанъ имѣетъ слишкомъ-много связей въ Латинскомъ-Кварталѣ: Нини видитъ его идущимъ подъ руку съ одной графиней новаго изданія, г-жею де Сен-Леонъ. Она ищетъ его по разнымъ квар-

тиранъ, и на каждой завязывается новая интрига. Но, къ сожалѣнью, много любви-то и не достаетъ въ этомъ водвилѣ, гдѣ такъ много говорится о любви.

58) L'ЕвнуQUE DE Теренсе (Евнухъ Теренція), комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ, перев. Мишеля Карре.

Извѣстно, что театръ Римлянъ былъ подражаніемъ театру Грековъ. Римъ, побѣдивъ все оружіемъ, былъ самъ покоренъ искусствами. Эврипидъ и Софоклъ имѣли вліяніе на римскую трагедію, а Дифилъ и Менадръ доставили много комическихкихъ сюжетовъ Плавту и Теренцію. Если эти два поэта не подражали Аристофану, причина безъ сомнѣнія заключалась въ томъ, что комедія Аристофана была политическою сатирою: въ Римѣ этого бы не дозволяли цензоры. Потому всѣ латинскія пьесы основаны больше на интригѣ. Гражданинъ, житель полей, паразитъ, фавваронъ-солдатъ, легковѣрный старикъ, скупой и развратный рабъ, публичная женщина — вотъ лица латинскаго комическаго міра. Пусть костюмъ и условныя роли были греческія, — все-таки это были переодѣтые Римляне; и притомъ между нравами двухъ народовъ было только малое различіе. Теренцій, котораго критики называютъ комикомъ хорошаго тона, — на ваши глаза такъ же непрестоемъ какъ и Плавтъ. «Евнухъ» Теренція подражалъ Лафонтену; это сочиненіе, одо изъ первыхъ Лафонтена, никогда не было играно на театрѣ и вѣроятно, еслибъ было играно, то не имѣло никакого успѣха, не смотря на многіе прекрасныя стихи, ибо онъ слишкомъ-буквально слѣдовалъ своему образцу.

Авторъ новаго подражанія теренціеву «Евнуху», принужденъ былъ, какъ и Лафонтенъ, сдѣлать латинскую комедію нѣсколько-поприличнѣе и замѣнить на-силъственное дѣйствіе Херея другимъ, мѣше-невиннымъ — и поступилъ очень хорошо, ибо «Евнухъ» — не такое вѣковое прозведеніе, какъ «Антигона». Въ «Евнухѣ» — паразитъ, фавваронъ и публич-

ная женщина представляютъ типы совершенно-латинскіе.

59) RIQUE DE PORTUGAL (Штець Португальскій), драма, соч. Люсьена Арно.

Сюжетъ этой драмы тотъ же, что «Инесы де-Кастро». Авторъ конечно не передѣлывалъ пьесы Ламотта, но взялъ тотъ же предметъ съ другой точки зрѣнія. Въ первый разъ она была представлена въ 1823 году. Авторъ строго держится исторіи и въ драмѣ есть сцены чрезвычайно-эффектныя.

60) L'IMAGE (ПОРТРЕТЪ), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. гг. Скриба и Соважа.

Дѣло идетъ о бѣдной молодой графинѣ, которая, преслѣдуемая мужемъ, бѣжала изъ дому и сдѣлалась крестьянкою. Живописецъ съ пламенною головою, который былъ влюбленъ въ нее еще до брака, находитъ молодую Бретонку и, принявъ ее только за случайно-похожую на предметъ своей страсти, обожаетъ въ ней портретъ ея. Одинъ журналъ даетъ знать графинѣ, что ея мужъ убитъ на дуэли; она сбрасываетъ свою бретонскую одежду, является графинею и отдаетъ руку живописцу.

61) L'Homme aux trente écus (Человѣкъ съ тридцатью экю), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. гг. Бризбарра и Сент-Ива.

Дѣло идетъ здѣсь не о Вольтерѣ и не о человѣкѣ съ сорока копейками. Герой, нестѣящій пьесы, очень-хорошій человѣкъ, который не занимается ни податями, ни финансами, ни женщинами: онъ занимается ремесломъ писца, и все, чего онъ желаетъ, — это владѣть тридцатью экю, суммою необходимою для покупки табака. Тикетонъ, такъ его ния, имѣетъ дочь — Франкету, а она — любовника Трюмо. Отецъ не совсѣмъ-пріятно на это смотритъ. Трюмо успѣваетъ удалить своего будущаго тестя, садится на его мѣсто и тамъ подслушиваетъ секреты жены одного знатнаго человѣка. За это онъ требуетъ двухъ вещей: мѣста для теста

и руки Франкеты. То и другое онъ получаетъ.

62) *LA MÈRE TAURIN, ou LES TROIS BOULIQUES* (Матушка Топень, или три Лавки), *водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ*, соч. гг. Вандербюрга и Лорансена.

Матушка Топень зашлабала себѣ тысячу сто франковъ, торгуя ветошью. Эта почтенная дама—близкая родственница тетушки Базю, которая также понажила милліонъ, торгуя рыбою на рынкѣ. У матушки Топень трое дѣтей, тогда-какъ у тетушки одинъ племянникъ. Матушка Топень—привидѣніе своего семейства. Одинъ изъ сыновей матушки Топень живетъ у богатаго негодянта. По примѣру всѣхъ водевилныхъ прикащиковъ, онъ ищетъ руки дочери своего патрона; но тотъ, какъ богатый буржуа ищетъ союза повыше. Между прочимъ, матушка Топень общалась съ ну доставить ему руку его возлюбленной, а что захочетъ она, то ужъ рѣшимо. Въ-самомъ-дѣлѣ, негодянтъ вдругъ напавуи ужаснѣйшаго несчастья: ему готовится конечное разореніе. Но его спасаетъ матушка Топень.

63) *THÉRÈSE LA MÉRISÉE* (Тереза Лампрсьеръ), *водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ*.

Тереза—одна изъ тѣхъ добродѣтельныхъ швеекъ, которыя въ совсѣмъ обыкновенны. Потому Валентинъ, чрезвычайно—щекотливый на счетъ чести, ищетъ ея руки. А между-тѣмъ, злые языки и про нее рассказываютъ, что невинная Тереза прогуливается ежедневно въ Люксанбургскомъ-Саду съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Валентинъ подвергаетъ ее допросу. Она не отвѣчаетъ и уходитъ. Онъ ищетъ ее и отыскиваетъ. Дѣло объясняется: таинственный незнакомецъ—мужъ ея сестры, тайно съ нимъ обвѣнчанной. Завязка, какъ видите, не очень-замысловатая.

64) *SARAH LA JUIVE* (Жидовка Сара), *драма въ трехъ дѣйствіяхъ*, соч. Августа Фоллѣ.

Старый начальникъ бандитовъ, слѣзавшись при Карлѣ V парижскимъ префектомъ, женился на Гертрудѣ де-

Рюшеверъ и увѣренъ въ добродѣтели жены. Но, увы! Жидовка Сара шепчетъ ему на ухо подозрѣнія, ибо она влюблена въ его сына. Префектъ убиваетъ перваго прохожаго, но, по ошибкѣ, это сынъ его жены, который объявляетъ объ этомъ и упрекаетъ его въ прехнихъ преступленіяхъ. По счастью, молодой человѣкъ не убитъ, а только раненъ, и драма кончается благополучно.

✱

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗАМѢЧАНІЯ О БУГОРКОВОЙ ЧАХОТКѢ.—Взглянувъ на заглавіе этой статейки, читатель уже догадался, что здѣсь идетъ дѣло о такой болѣзни, которая, не смотря на усердіе врачей и наперекоръ лекарствамъ, противъ нея употребляемымъ, почти-всегда оканчивается плачевно, то-есть, исподволь, постепенно разрушаетъ составъ пораженнаго ею органа (легкаго) и причиняетъ смерть. Чахотка ли сама, или что-нибудь другое виною безуспѣшнаго ея леченія, объ этомъ всякій судить по-своему, а намъ кажется, что не чахотка. Еслибъ мы не знали, что вода имѣетъ свойство погашать огонь и начала тушить пожаръ какимъ-нибудь веществомъ, не могущимъ погасить огня, то конечно виноваты быль бы не огонь, что онъ не потухъ, и что мы не достигли желаемаго успѣха.

При нынѣшнемъ состояніи химіи, ужъ нельзя громко пожаловаться, что у насъ не довольно хорошихъ цѣлебныхъ средствъ (лекарствъ); только для леченія бугорковой чахотки мы выбираемъ тѣ изъ нихъ, которыхъ врачебная сила не противорѣчитъ обыкновеннымъ, общепринятымъ нашимъ понятіямъ объ этой болѣзни. Но такъ-какъ результаты (смерть) способовъ леченія, основанныхъ на этихъ общепри-

натыхъ понятіяхъ, бываютъ вовсе не тѣ, какихъ мы ожидали, то съ вѣроятностію можно заключить, что общепринятая понятія о сущности бугорковой чахотки далеки отъ истины. Следовательно, новыя мысли объ этой болѣзни не должны быть опровергаемы ни старыми понятіями о ней, ни авторитетомъ.

Трудно вывернуться изъ-подъ вліянія тѣхъ понятій, къ которымъ мы привыкли, которыя глубоко вкоренились въ нашъ духъ; но если изъ общепринятыхъ понятій о чахоткѣ мы не извлекаемъ никакой пользы, то нужно отвыкать отъ нихъ, нужно смотрѣть на эту болѣзнь съ другой точки зрѣнія и думать о ней на новый ладъ.

Явленія, признаки и припадки, замечаемые при осматриваніи, распрашиваніи, наблюденіи и стетоскопическомъ изслѣдованіи людей, одержимыхъ этою болѣзнію, и патологическія измѣненія, находимыя въ составѣ легкаго по смерти, намъ уже очень-хорошо извѣстны; но для полнаго и точнаго понятія объ этой болѣзни нужно еще звать внутреннюю, существенную причину, которая произвела и поддерживаетъ ее. Причина эта должна находиться въ организмѣ еще прежде зарожденія чахотки въ легкомъ; чтобы сколько-можно-вѣрнѣе понять ее, надо разсматривать явленія, бывающія въ организмѣ предъ зарожденіемъ чахотки, пока дѣйствія причины не смѣшались съ дѣйствіями чахотки.

Уже давно прославлено и многими врачами принято предположеніе, что первоначальное зарожденіе чахоточныхъ бугорковъ въ легкомъ возникаетъ только при кроющемся худосочіи во всемъ организмѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ врачей, худосочіе это есть худосочіе золотушнаго свойства.

Въ-слѣдомъ-дѣль, трудно и даже невозможно допустить, чтобы изъ здоровыхъ, неспорченныхъ элементовъ, то-есть, доброкачественныхъ соковъ, здоровый, ничѣмъ-неповрежденный органъ могъ почерпнуть въ себя матеріалы для образованія бугорочныхъ

продуктовъ: легкое же, до перваго явленія признаковъ, указывающихъ на начинающееся въ немъ зарожденіе бугорковъ, обнаруживаетъ всѣ признаки своего здоровья,—разумѣется, когда легкое до начала чахотки не было поражаемо другою какою-нибудь болѣзнію. Следовательно, правда, что бугорки возникаютъ въ легкомъ только при худосочіи организма. Но, что касается до мнѣнія, что худосочіе это есть худосочіе золотушнаго свойства, это еще подлежитъ сомнѣнію, потому-что лекарство, съ успѣхомъ употребляемыя въ золотухѣ, не приноситъ никакой пользы въ бугорковой чахоткѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже вредятъ. Кремль того, продутъ золотушной лъвы есть гной, а изъ чахоточной лъвы отдѣляется бугорковая матерія, начествами непохожая на гной.

Сколько можно замѣтить и понять, всякое худосочіе, возникшее въ тѣлѣ отъ какой-нибудь внутренней, органической причины, безъ участія влѣшнихъ вліяній и обстоятельствъ, первоначально поражаетъ тотъ самый органъ, который былъ виновникомъ таковаго худосочія.

При чахоточномъ устройствѣ груди, у человека, расположеннаго къ бугорковой чахоткѣ, легкое имѣетъ избытокъ несоразвѣрно-большую относительно къ избытку легкаго, нормально-пропорціональнаго къ другимъ органамъ, то-есть, такого, котораго отравленіе, безъ лишняго усилія, свободно могло бы гармонизировать съ отравленіями другихъ органовъ тѣла. По этой причинѣ, дыханіе людей, расположенныхъ къ бугорковой чахоткѣ, представляетъ нѣкоторыя особенности при наблюденіи, именно: такіе люди дѣлаютъ въ минуту отъ 24 до 26 дыханій при томъ же самомъ числѣ ударовъ спокойнаго пульса, при которомъ люди, расположенные къ чахоткѣ, дѣлаютъ только отъ 18 до 20 дыханій, такъ-что у послѣднихъ каждое отдѣльное дыханіе соответствуетъ четыремъ пульсамъ, а у первыхъ каждое отдѣльное дыханіе соответствуетъ толь-

но трень пульсаитъ. Изъ этого видно, что у людей, расположенныхъ къ бугорковой чахоткѣ, легкое, чтобъ поддержать гармонию во всеобщемъ отпращиваніи организма, принуждено работать больше, чѣмъ нѣкоторые другіе органы. Легкое въ подобномъ случаѣ работаетъ такимъ-образомъ до-тѣхъ-поръ, пока или приобрѣтетъ силу, могущую уравновѣшиваться съ силами другихъ органовъ, и тогда оно уже недоступно для бугорковой чахотки; или же, что бываетъ гораздо - чаще, легкое такое, отъ излишняго труда, выдаетъ въ малосиліе и теряетъ способность поддерживать гармонию всеобщаго отпращиванія въ организмѣ. Съ этой поры, у человѣка, расположеннаго къ бугорковой чахоткѣ, начинается, по временамъ, обнаруживаться одышка, а потомъ сухой кашель. Но при изслѣдованіи легкаго, по минованіи одышки и кашля, мы еще не замѣчаемъ въ немъ никакого органическаго разстройства. Одышка зависитъ отъ-того, что въ тончайшихъ сосудахъ малосильнаго легкаго жидкости движутся медленнѣе, чѣмъ слѣдовало бы, и нарушаютъ правильность кровообращенія; а кашель въ этомъ случаѣ натура употребляетъ для того, чтобъ чрезъ сотрясеніе дыхательныхъ органовъ ускорить движеніе жидкостей въ легочныхъ сосудахъ.

Натурально, что лишь-только легкое стало дѣлаться малосильнымъ, оно уже не отчетливо исполняетъ свои обязанности и подаетъ поводъ къ несогласію, дисгармоніи въ отпращиваніи органовъ, а отъ-этого соки не достигаютъ должнаго, естественнаго совершенства, необходимаго для надлежащаго метаболизма и питанія организма; въ тѣлѣ постепенно развивается худосочіе и пораждастъ бугорки въ легкомъ, какъ виновникъ худосочія.

Для уничтоженія расположенія къ бугорковой чахоткѣ, нужно заботиться о томъ, чтобъ отпращиваніе легкаго гармонировало съ отпращиваніемъ органовъ кровообращенія, то - есть, чтобъ легкое работало столько же, сколько

работаетъ сердце, а не больше. Но мы бы очень ошиблись, еслибы, для достиженія этой цѣли, вздумали прямо уменьшать дѣятельность легкаго: оно въ этомъ случаѣ несетъ лишніе труды не отъ избытка силъ, а по необходимости. Здѣсь главная потребность состоитъ въ томъ, чтобъ, не трогая легкаго, ускорить бѣненія сердца до такой степени, чтобъ каждое отдѣльное дыханіе соответствовало четыремъ пульсамъ. Но ускореніе кровообращенія нужно произвести такимъ средствомъ, которое дѣйствовало бы какъ можно на меньшее число органовъ, дѣйствовало бы на кровообращеніе чисто-динамически, прикасаясь къ тѣлу и ни мало не входя въ него.

Самое лучшее средство для этого — слѣдующее, производящее раздраженіе въ кожѣ: кусокъ стараго тонкаго сукна, величиною въ рубль сереб., смочить алкоголемъ и, положивъ его на какую-нибудь часть туловища больного, зажечь алкоголь, впитавшійся въ сукно. Горѣніе алкоголя произведетъ раздраженіе въ кожѣ и въ нервахъ, управляющихъ сосудистою системою, а нервы легкаго получатъ только слабое, кратковременное возмущеніе: лишь-только больно свыкнется съ болью, ощущаемою имъ въ кожѣ, дыханіе начнетъ совершаться по-прежнему, какъ совершалось до этой операціи, а сердце бьется послѣ операціи скорѣе и чаще, чѣмъ было до операціи. При употребленіи этого средства, организмъ не приметъ въ себя ни одного грама лекарства, слѣдовательно, набѣжалъ лишняго вліянія на пищеварительные и на нѣкоторые другіе органы. Операцію эту, по мѣрѣ надобности, нужно повторить на новомъ мѣстѣ кожи, даже не дожидаясь, пока старое заживетъ. Мушки, горчичники и тому-подобные, очень-невыгодны въ этомъ случаѣ, потому-что составныя ихъ части, при дѣйствіи на кожу, всасываются въ тѣло и производятъ лишнее, не нужное дѣйствіе. Внутри при этомъ только и нужно употребить хорошую, удобоваримую пи-

щу, въ умѣренномъ, но не слишкомъ-маломъ, количествѣ, и приличное питье.

Если же у человѣка, расположеннаго къ бугорковой чахоткѣ, начинается, по временамъ, обнаруживаться одышка и сухой кашель, или, если уже замѣчаются и признаки, указывающіе на зарожденіе бугорковъ въ легкомъ, если больной чувствуетъ небольшія покальванія въ груди, то изъ наружныхъ средствъ нужно употребить ту же самую операцію, только непременно на груди, именно противъ болящаго мѣста. При производствѣ означенной операціи, или вскорѣ послѣ того, боль и тяжесть въ груди совершенно унимаются, а это-то и доказываетъ, что тамъ вовсе не было воспаления, но только накопленіе крови въ сосудахъ, окружающихъ чахоточные бугорки, которые приэтомъ, вмѣстѣ съ преполненными сосудами, сжимаютъ лежащія между ними нервы и производятъ боль въ легкомъ; быстрое раздраженіе кожи сначала заглушаетъ боль, а потомъ происшедшее ускореніе кровообращенія уменьшаетъ преполненіе въ легочныхъ сосудахъ. Правда, если боль въ груди продолжалась долго и противъ нея не было ничего употребляемо, то около бугорковъ въ легкомъ возникаетъ воспаление; но воспаление это не должно быть смѣшано съ обыкновеннымъ воспаленіемъ легкаго. Впрочемъ, чахоточное воспаление легкаго верѣдко уступаетъ сказанному средству.

Но при одномъ наружномъ леченіи въ этомъ періодѣ бугорковой чахотки, мы еще не будемъ имѣть полнаго успѣха: здѣсь потребно внутреннее употребленіе вещества, могущаго произвести слѣдующія вліянія на организмъ: 1) привести кровь въ такое качество, при которомъ она не отлагала бы бугорковой матеріи въ легкомъ; 2) доставить крови такія свойства, при которыхъ она нуждалась бы въ меньшемъ количествѣ воздуха: это необходимо для того, чтобъ легкое растягивалось объѣмами воздуха, меньшими обыкновен-

венныхъ объѣмовъ, втягиваемыхъ легкими при здоровомъ дыханіи; 3) ободрять и оживлять нервы, чтобъ органы, управляемые ими, удобнѣе могли исправиться, улучшить испорченные соки и уничтожить худосочіе въ тѣлѣ.

Химія открыла намъ такое лекарство, которое удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ; но, къ несчастію, оно крѣпко противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о бугорковой чахоткѣ. Лекарство это есть алкоголь въ маломъ приѣмѣ, сообразномъ возрасту, полу и тѣлосложенію больнаго. Аल्коголь, принятый внутрь въ небольшомъ количествѣ, прямо изъ желудка всасывается въ кровь и доставляетъ ей такія свойства, при которыхъ она нуждается въ меньшемъ количествѣ воздушнаго кислорода (Шульцъ); артеріальная кровь отъ примѣси къ ней алкоголя получаетъ свойства венозной крови (Шульцъ). Венозное же свойство крови препятствуетъ образованію чахоточныхъ бугорковъ въ легкомъ (Андраль, Шенлейнъ). Кроме того, алкоголь, вмѣстѣ съ кровью циркуируя въ жилахъ, ободряетъ, оживляетъ и приятно веселитъ нервы всѣхъ органовъ тѣла; разумѣется, здѣсь говорится о небольшихъ приѣмахъ алкоголя.

Въ первой половинѣ бугорковой чахотки, пока больной не выхаркиваетъ, при кашлѣ, бугорковой матеріи, небольшое, благотворное, внутреннее употребленіе алкоголя не только не вредитъ, но еще приноситъ пользу, ничѣмъ незамѣнимую.

С. Солошенко.

ПИЩЕВАРЕНІЕ САХАРИСТЫХЪ И КРАХМАЛИСТЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ. — ЖИВОТНЫЙ ИЛИ СЛЮННЫЙ ДЛАС-ТАЗЪ. *Исслѣдованія г. Милла.*—Всѣ физиологи принимали и принимаютъ, что твердая пища превращается въ желудкѣ, въ толстыхъ и тонкихъ кишкахъ, въ кашицу, молочко, которое переходитъ, чрезъ млечные сосуды, подключичную вену и сердце, въ легкія, гдѣ оно окончательно обращается въ кровь—жид-

вещь, питающую и поддерживающую организм. Мы рассмотрѣли, въ послѣдней книжкѣ нашего журнала, въ этомъ отдѣленіи, остроумные опыты французскихъ ученыхъ Бушарда и Сандра, которые первые потрасли всѣобщность этой теоріи, доказавъ, что сахаристыя и крахмалистыя вещества превращаются, въ пищеварительныхъ органахъ, не въ маннину и не въ молочко; но въ сахаръ виноградный, молочную кислоту, декстринъ, глюкозу, и въ этомъ видѣ, мимо лимфатической системы, мимо млечныхъ сосудовъ, переходятъ въ воротную вену, т. е. въ кровеносные сосуды печени.

Въ вѣходѣ прошедшаго мѣсяца (31 марта), г. Міаль представилъ Парижской Академіи Наукъ свои физиолого-химическія наблюденія надъ процессомъ пищеваренія; они составляютъ продолженіе исследований гг. Бушарда и Сандра, которые замѣтимъ мимоходомъ, также достояніе г-на Міаля. Онъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ занимается изученіемъ важнаго вопроса пищеваренія крахмалистыхъ и сахаристыхъ веществъ, и въ 1844 году обнаружилъ результаты своихъ наблюденій, которые гг. Бушарда и Сандра, въ 1843 году, выдали за свое собственное открытіе, хотя прежде были совершенно-противнаго мнѣнія. Но не будемъ входить въ споры этихъ ученыхъ за первенство, а изложимъ здѣсь послѣднія физиолого-химическія наблюденія г. Міаля, составляющія содержаніе означеннаго мемуара.

Въ этихъ послѣднихъ наблюденіяхъ, г. Міаль имѣлъ цѣлю опредѣлить, какія животныя жидкости, дѣйствуя на пищу крахмалистую и сахаристую, обращаютъ ее въ продукты броженія—декстринъ, глюкозу? Множество точныхъ опытовъ показало ему, что это химическое разложеніе производитъ слюна; онъ даже успѣлъ открыть въ ней и нѣзлѣчь изъ нея главнаго химическаго дѣтеля, совершающаго это превращеніе, который назвалъ онъ діастазомъ.

Въ 1838 году, Найенъ и Персоцъ от-

крыли въ зернахъ ячменя, овса, хлѣба, которые начали уже проростать, особое начало, названное ими діастазомъ; вещество это отдѣляетъ крахмалъ изъ муки, картофеля и другихъ крахмалистыхъ веществъ и превращаетъ крахмалъ въ сахаръ и камедь; оно также въ пивовареніи разлагаетъ солодъ или, точнѣе, его крахмалъ; но обратимся къ слюнному діастазу, который съ ячменнымъ діастазомъ представляетъ большую аналогію.

Вотъ свойства, полученіе и дѣйствіе его:

Слюнистый діастазъ—тѣло твердое, бѣлое или сѣроватое, некристаллическое; въ водѣ и въ слабомъ винномъ спиртѣ оно растворяется, но не растворяется въ крѣпкомъ алкогольѣ.

Водный растворъ животнаго діастаза безвкусенъ, не кислый и не щелочной; но если его оставить въ соприкосновеніи съ воздухомъ, онъ киснетъ; въ немъ образуется тогда масляная кислота.

Животный діастазъ не дѣйствуетъ на вещества азотистыя—фибрину, бѣлковину, сырное начало, желатину, клейковину и на вещества среднія, какъ: сахаръ, инулинъ, аравійская камедь и древесина; на крахмалъ же онъ оказываетъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень-замѣчательное дѣйствіе.

Если нагрѣть въ песчаной ваннѣ до 70 или 80 градусовъ смѣсь животнаго діастаза и крахмала, разведеннаго въ 6 или 8 частяхъ (по вѣсу) холодной воды, крахмалъ весь распустится. По прошествіи нѣзвѣснаго времени, мы найдемъ, что растворъ этотъ не имѣетъ цвѣта своего въ соприкосновеніи съ іодомъ, а теплое ѣдкое кали окрашиваетъ его въ бурый цвѣтъ; значитъ, весь крахмалъ въ этомъ растворѣ уничтожился и превратился въ декстринъ. Животный діастазъ необыкновенно-сильно дѣйствуетъ на крахмалъ: одна его часть растворяетъ и превращаетъ въ декстринъ и сахаръ 2,000 частей крахмала.

Явленія эти уже достаточно доказываютъ аналогію слюннаго химическаго

дѣтала и растительнаго дѣстава, — главнаго дѣйствующаго элемента ячменя.

Но вотъ еще признаки, подтверждающіе эту аналогію и оправдывающіе, слѣдственно, названіе животнаго дѣстава, которымъ пока на первый случай Міацъ окрестилъ свое новое начало.

При температурѣ 40 градусовъ, тапняъ и креозотъ уничтожаютъ химическое дѣйствіе животнаго дѣстава на крахмалъ.

Всѣ крѣпкія кислоты, всѣ растворимыя основанія въ достаточной пропорціи и большая часть металлическихъ солей остаются вѣднѣаютъ также разложены крахмала.

Міацъ получаетъ слѣдующимъ образомъ животный дѣстаазъ: онъ фильтруетъ человѣческую слюну и потомъ приливаетъ алкоголь, пока осадка болѣе не образуется. Животный дѣстаазъ въ алкогольѣ нерастворимъ и осаждается въ видѣ бѣлыхъ волоконъ; остается собрать его на фильтрѣ и высушить при температурѣ 40 или 50 градусовъ. Слюна человѣческая содержитъ въ себѣ около двухъ-тысячныхъ дѣстава; въ ячмень находится дѣстава растительнаго почти столько же.

МЕХАНИЧЕСКАЯ РУКА Фан-Петерсена, голландскаго скульптора. — Движеніе органовъ движенія — рука, ногу, которые человекъ, само можно сказать, обязанъ своимъ нравственнымъ и физическимъ совершенствомъ, — самое ужасное движеніе. Важная вещь, поэтому, изобрѣсти механическое орудіе, по-возможности исполняющее отирающіе мазуѣчавнаго органа; къ-несчастью, это полезное изобрѣтеніе сопряжено съ необыкновенными трудностями, и понятно почему: рука, нога живая, здоровая самыми простыми средствами рѣшатъ сложнѣйшія механическія задачи.

Механическая рука Фан-Петерсена, голландскаго скульптора, до-сихъ-порѣ, является, наиболѣе-удачное по-

дражаніе природѣ; она исполняетъ, безъ особеннаго труда и съ удивительною быстротою и точностью, многія очень-разнообразныя должности, какъ видно изъ слѣдующихъ опытовъ, которые произведены были въ Парижской Академіи Наукъ надъ совершенно-безрукимъ инвалидомъ.

Инвалидъ этотъ, съ помощію искусственныхъ рукъ Фан-Петерсена, бралъ стаканъ съ водою, подвosiлъ его ко рту, пилъ изъ него и потомъ опять ставилъ на столъ; онъ подымалъ съ полу пальцами булавки и самыя тонкія листы почтовой бумаги.

Не будемъ развѣрять до всей подробности изобрѣтеніе Фан-Петерсена, а представимъ читателямъ только краткое описаніе, изъ котораго бы они могли понять самый механизмъ.

Начнемъ съ того, что эта механическая рука годится для такихъ калекъ, у которыхъ осталась цѣла верхняя часть плеча; анатомія объясняетъ намъ совершенно необходимость такого условія: на концѣ плечевой кости, ближайшей къ лопаткѣ, прикрѣпляется множество мускуловъ, которые — главные производители всѣхъ движеній руки, и кукса, т. е. остатокъ утѣчнаго органа, еще совершаетъ всѣ эти движенія, отдѣляется отъ туловища, приближается къ нему, подымается, опускается. Фан-Петерсенъ сообразилъ, что можно употребить еще съ пользою послѣднія остаточныя дѣйствія утѣчныхъ мускуловъ и на нихъ-то основалъ свое изобрѣтеніе.

Механическая рука состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей, сочлененныхъ между собою, которыя представляютъ плечо, предплечье и кисть; эту кисть составляютъ также двѣ части — пясть и пальцы о трехъ составныхъ, подвижныхъ, связанныхъ пружинами. Вся рука вѣсомъ не болѣе одного фунта (500 граммовъ).

На концѣ прибора, противоположномъ кисти, находится углубленіе, куда вставляется кукса и прикрѣпляется ремнями, такъ-что она легко и совершенно-удобно передаетъ искусствен-

ной рукѣ всѣ движенія, которыя сама-по-себѣ производитъ, т. е. она подымается, опускается и двигается въ бокъ по сторонамъ; но это еще выгода и услуга неважныя: мы видѣли калекъ, которые привязывали палку къ куксѣ и съ помощью ея совершали тѣ же дѣйствія; главная трудность и главная задача въ приборахъ такого рода—передать движенія различнымъ частямъ и такъ, чтобъ передача эта была незамѣтна. Вотъ какимъ-образомъ фан-Петерсень дошелъ до этого важнаго результата:

На грудь калѣки надѣвается корсетъ; отъ него идутъ струны, которыя прикрѣпляются къ предплечью и пальцамъ. Когда калѣка заноситъ впередъ свою куксу, онъ тянетъ струнами предплечье и сгибаетъ его; отъ противнаго же движенія куксы, предплечье вытягивается. Такимъ-образомъ, кисть приближается ко рту и отходитъ по желанію калѣки.

Движенія пальцевъ, необходимыя для схватыванія предметовъ, исполняются подобнымъ же остроумнымъ механизмомъ: струны, идущія отъ корсета, прикрѣпляются къ пальцамъ, къ задней ихъ поверхности.

Кукса, отдѣляясь отъ туловища, тянетъ струны, пересиливаетъ сопротивленіе пружинокъ, распрямляетъ пальцы и раскрываетъ кисть. Для того, чтобъ схватить предметъ, остается только приблизить къ нему раскрытую кисть и куксу подвести къ туловищу; тогда струны ослабнуть, пружины согнуть пальцы, и предметъ схваченъ. Чобъ выпустить взятый предметъ, куксу надобно отвести назадъ; отъ-этого, предплечье вытянется; потомъ отдѣлать ее отъ туловища: этотъ маневръ распрямить пальцы, которые поставятъ предметъ на назначенное мѣсто.

ГАЛЬВАНИЧЕСКІЕ ТЕЛЕГРАФЫ.—Подъ словомъ телеграфъ мы обыкновенно разумѣемъ то устройство, которое даетъ возможность передавать условными знаками мысли лицу, находящемуся отъ насъ на значительномъ разсто-

яніи. Человѣкъ почувствовалъ эту потребность передачи мысли, какъ-только общество сдѣлало первые шаги на пути образованности; мысль человѣка всегда негодовала на разстояніе, которое приковывало его къ одному мѣсту; она всегда стремилась перелезть отъ одного лица къ другому такъ же быстро, какъ она зарождается. Много дѣлано было попытокъ достигнуть этой цѣли, но всѣ онѣ далеко не удовлетворяли ей. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ известное время могутъ служить сигналами колокола, выстрѣлы, ракеты и вспышки; во тотчасъ видно, какое ограниченное число знаковъ возможно передать этими ничтожными средствами. Болѣе-употребительныя телеграфы въ настоящее время сообщаютъ свои сигналы помощью флаговъ, шаровъ, или поворачивающейся рѣшетки: первые преимущественно употребляются на морѣ, а послѣдняя на сушомъ пути.

Устройство послѣдняго телеграфа такъ просто, что каждый легко можетъ понять его безъ всякаго чертежа: представимъ себѣ стрѣлу, которая вращается около своей середины, какъ около центра. Эта стрѣла можетъ, по-иному весьма простаго механизма, быть направлена или снизу вверхъ, или сверху внизъ, или справа налѣво, или съ лѣва направо, или наконецъ во всѣхъ промежуточныхъ положеніяхъ: и такъ, мы имѣемъ восемь различныхъ положеній и, слѣдственно, восемь различныхъ знаковъ; сочетавая ихъ по два, получимъ двадцать-шесть новыхъ знаковъ, а сочетавая по три, получимъ пятьдесятъ-шесть. Такимъ-образомъ, мы можемъ этими сочетаніями изобразить не только цѣлую азбуку, но даже и нѣкоторыя отдѣльныя слова.

Теперь, если представимъ себѣ отъ одного мѣста до другаго цѣлый рядъ такихъ телеграфовъ, изъ которыхъ каждый повторяетъ сигналъ и передаетъ его слѣдующему, то легко поймемъ, что эта передача можетъ быть произведена довольно-быстро отъ одного пункта до другаго. Чобъ сигналы

могли бытъ усматриваемы при значительныхъ расстояніяхъ, употребляютъ ардетельныя трубы; а въ ночное время на стрѣлу надѣваются фонари. Постройка такой телеграфической линіи стоитъ очень дорого, а содержаніе еще дороже; слѣдѣйся туманъ—и телеграфъ останется. Вотъ съ какими неудобствами сопряжено это истинно-человѣческое изобрѣтеніе.

Много было слѣдѣно попытокъ для того, чтобъ употребить электричество какъ телеграфическое средство. Еще съ половины прошедшаго столѣтія по этой части производили опыты Винклеръ въ Лейпцигѣ, Лемоньё въ Парижѣ, Уитстонъ въ Лондонѣ, Лонвудъ, Рейзеръ, Бетанкуръ, баронъ Шиллингъ. Всѣ эти опыты показали, что электричество, по быстротѣ своей, можетъ служить хорошимъ телеграфическимъ средствомъ; наконецъ, опыты г. Уитстона, который показалъ, что электричество пробѣгаетъ въ одну секунду 288,000 миль по проволоцѣ металлической, совершенно убѣдили, что оно — единственный источникъ телеграфическаго сообщенія. Но электрическіе телеграфы тоже имѣютъ большія неудобства и стоятъ довольно-дорого. Открытіе гальванизма показало новое средство для телеграфическихъ сообщеній.

Всѣ гальваническіе телеграфы основаны на двухъ главныхъ началахъ, именно на открытіи Эрштета и на открытіи Ампера. Открытіе Эрштета послѣдовало въ 1820 году; оно состояло въ слѣдующемъ: если надъ магнитною стрѣлкою, повѣшенной свободно, расположить проволоку именно въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находится эта стрѣлка, и съ концами ея соединить концы гальванической батареи, то въ тотъ самый моментъ, какъ это соединеніе произойдетъ, магнитная стрѣлка уклоняется отъ своего положенія или вправо или влѣво, смотря потому, который конецъ проволоки будетъ соединенъ съ цѣпковымъ и который съ мѣднымъ полюсомъ батареи. Такая стрѣлка одна

можетъ дать такимъ-образомъ два телеграфическіе знака; предполагая, что ихъ находится нѣсколько, мы получимъ отъ каждой также по два знака. Подобный телеграфъ былъ въ первый разъ устроенъ Александромъ. Онъ состоялъ изъ тридцати проволокъ, прирѣпленныхъ съ одной стороны къ клавишамъ, а съ другой стороны проходящихъ свободно надъ магнитными стрѣлками. У каждого клавиша есть снизу маленькій металлическій стержень, который сообщается съ батареею гальванической всякій разъ, какъ вы приложите клавишу, и такимъ-образомъ проводите черезъ соответствующую проволоку токъ, отклоняющій стрѣлку магнитную, находящуюся подъ нею. Наконецъ къ стрѣлкамъ прирѣпленъ бумажный кружокъ, который закрываетъ стоящую подъ нимъ букву, когда стрѣлка находится въ нормальномъ положеніи; но когда стрѣлка отклоняется отъ дѣйствія тока, то буква является тотчасъ передъ глазами; двадцать-шесть стрѣлокъ соответствуютъ двадцати-шести буквамъ англійскаго алфавита; остальные четыре — четыремъ знакамъ препинанія. Для того, чтобъ не имѣть для каждой буквы по двѣ проволоки, — всѣ онѣ, пройдя надъ стрѣлкою, соединяются въ одну, такъ-что по какой бы изъ нихъ токъ ни шелъ, онъ всегда возвращается по одной и той же. Кухъ и Уитстонъ уменьшили число проволокъ до восьми, передавая ими двадцать-восемь знаковъ, которые расположены въ треугольничь слѣдующимъ образомъ:

А
В С
D E F,
G H I K
L M N O P
Q R S T U V
W X Y Z .

Чертъ внизу означаютъ положенія стрѣлокъ. Положимъ, что мы отклоняемъ стрѣлку вторую вправо, а стрѣлку шестую на лѣво. Буква, которую покажутъ обѣ эти стрѣлки, бу-

дѣть Н, и тотъ, кому передаютъ эти знаки, тотчасъ записываетъ эту букву.

Въ послѣдствіи времени, чтобы не наблюдать постоянно наклоненій стрѣлокъ, старались въ означеннѣмъ особѣнно-телеграфическомъ дѣлѣ въ различныхъ усовершенствованіяхъ: такъ изобрѣли эти стрѣлки ударять въ молоточными различными токами; изобрѣдѣнное изобрѣненіе состояло въ томъ, что къ концу магнитной стрѣлки прирѣзали вервь съ чернилами; при наклонѣ отклоненіи, вервь съ чернилами ударяла въ бумагу и оставляла на ней точку. Бумага была приводима въ движеніе часовымъ механизмомъ; различнымъ числомъ точекъ, слѣдующихъ близко одна къ другой, соответствовало различнымъ буквамъ; этотъ телеграфъ имѣлъ то преимущество, что не требовало постоянного наблюденія, и самъ записывалъ всѣ знаки, телеграфомъ передаваемые. Но всѣ эти усовершенствованія не устраняли самаго важнаго неудобства тогдашнихъ гальваническихъ телеграфовъ; они требовали большаго числа уединенныхъ проводовъ; проведеніе которыхъ стоило очень дорого. Приятно вспомнить, что узнавъ, въ Петербургѣ, покойный баронъ Шиллингъ первый сдѣлалъ попытку устроить гальванической телеграфъ только о двухъ проводахъ, и эта попытка не была однимъ пустымъ предположеніемъ: онъ устремилъ таковой телеграфъ на разстояніи нѣсколькихъ верствъ, и хотѣлъ даже провести всюю телеграфическую линію между Ораниенбаумомъ и Кронштадтомъ, но прежде времени смерть похитила этого предприимчиваго человѣка весьма рано у науки.

Другая система телеграфовъ, какъ мы указали, основана на открытіи Ампера: открытіе это состоитъ въ томъ, что если уединенная проволока, соединяющая концы гальванической батареи, будетъ окружать мягкое желѣзо, то въ тотъ самый моментъ, когда это со-

единеніе происходитъ, желѣзо дѣлается сильнѣйшимъ магнитомъ; но какъ-скоро соединеніе прекращается, желѣзо теряетъ весь приобретенный магнетизмъ. Представимъ себѣ, что такая желѣзная полоса изогнута въ видѣ подковы, къ концамъ ея прилегаютъ кусокъ мягкаго желѣза, который мы назовемъ арматурой; эта арматура не находится въ соприкосновеніи съ концами подковы, но отдѣляется отъ нихъ пружиной. Какъ-скоро подкова получитъ магнетизмъ, подѣ влияніемъ гальваническаго тока, то притяженіе этого магнита преодолѣтъ упругость пружины и притянетъ къ себѣ арматуру; но когда токъ перестанетъ дѣйствовать, магнетизмъ въ подковѣ уничтожится, и пружина снова отдастъ арматуру. Понятно теперь, что, заставляя такимъ образомъ токъ дѣйствовать попеременно на подкову, мы заставляемъ желѣзную арматуру скользить вверхъ и внизъ. Представимъ же себѣ теперь, что въ этой арматурѣ укрѣпленъ карандашъ, который концомъ своимъ прилегаетъ къ бумажной подложкѣ; если въ эту полоску оставалась въ цоколь, то карандашъ чертилъ бы прямую линію, но эта полоска навита на цилиндръ, съ котораго свивалась, она навивается на другой цилиндръ, и это дѣлается равномерно помощію часоваго механизма; понятно, что въ этомъ случаѣ карандашъ будетъ чертить зигзаги. Число этихъ зигзаговъ можетъ соответствовать различнымъ буквамъ или цѣлымъ словамъ, но тогда уже надобно имѣть отдѣльный лексиконъ. Телеграфъ такого устройства въ первый разъ былъ придуманъ Моршемъ и въ первый разъ устроенъ въ 1839 году, въ Нью-Йоркѣ. Онъ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ лучшаго устройства какъ по своей простотѣ, такъ и по дешевизнѣ въ сравненіи со всѣми другими. Гаусъ и Веберъ сдѣлали въ немъ усовершенствованіе только въ томъ отношеніи, что замѣнили гальваническую батарею, требующую заряженія, постояннымъ электровозбудителемъ Клерва.

УЛУЧШЕНІЯ ВЪ ГАЛЬВАНИЧЕСКИХЪ БАТТАРЕЯХЪ, сдѣланныя Его Императорскимъ Высочествомъ Герцога Лейхтенбергскимъ. — Уже въскольکو мѣсяцевъ, Его Императорское Высочество Герцогъ Лейхтенбергскій, устроилъ въ Петербургѣ гальванопластическое заведеніе, гдѣ приготавлиются различныя издѣлія металлическія помощью гальванизма. Цѣль этого заведенія, — сдѣлать у насъ, въ Россіи гальванопластикѣ практическі-возможною на большихъ размѣрахъ и вообще довести это искусство до высшей степени совершенства въ художественномъ и въ промышленномъ отношеніяхъ. Разнообразные опыты показываютъ, что одни и тѣ же гальваническіе способы не одинаково удаются при всѣхъ операціяхъ; такъ они могутъ быть очень хороши для отливки мелочей и викада не годятся, когда дѣло идетъ о формованіи предметовъ значительныхъ размѣровъ; по-этому, еще необходимо разнообразить, измѣнить ихъ въ практическомъ употребленіи. Измѣненія эти составляютъ предметъ постоянныхъ изслѣдованій Его Императорскаго Высочества, Герцога Лейхтенбергскаго.

7-го марта Герцогъ представилъ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ техническія улучшенія, сдѣланныя имъ въ гальваническихъ батареяхъ — главныхъ орудіяхъ гальванопластическаго искусства. Спѣшимъ подѣлиться этою ученою новостью съ любителями гальванопластики, которые развелось у насъ теперь достаточное количество.

Мы предполагаемъ, что читателямъ нашимъ извѣстно устройство употребительнѣйшихъ гальваническихъ батарей Давыла и Бунзена, и потому, не описывая ихъ, перейдемъ прямо къ усовершенствованіямъ.

Батарею Давыла не удобно употреблять для большихъ операцій: цинкъ трудно и дорого покрывать ртутью; кромѣ того, она уничтожаетъ большое количество цинка, особенно, если мы вступимъ въ дѣло слабую сѣр-

ную кислоту, которая окисляетъ цинкъ и превращаетъ его въ бѣлый купоросъ — продуктъ, въ техникѣ немѣющийся большой важности и, слѣдственно, непокрывающій далеко издержекъ на содержаніе батарей.

Его Императорское Высочество пробовалъ замѣнить дорогой цинкъ дешовымъ желѣзомъ, которое болѣе выдерживаетъ дѣйствіе сѣрной кислоты и при разложеніи даетъ желѣзный купоросъ — продуктъ все-таки цѣнный въ техникѣ. Попытка эта совершенно утѣчалась успѣхомъ, и теперь, въ заведеніи Его Императорскаго Высочества, дѣйствуетъ большая *железная батарея*.

Для золоченія, Его Императорское Высочество употребляетъ земную батарею, изобрѣтенную княземъ Багратиономъ (см. Отец. Записки. 1844 года, февраль).

Подполковникъ Езеринъ, въ бунзеновой батарее замѣнилъ дорогіе каменноугольныя цилиндры коксовыми. Коксомъ называется обожженный каменный уголь.

Его Императорское Высочество дѣлалъ опыты и съ этою *коксовою-цинковою батареею*, и нашелъ, что она имѣетъ всѣ недостатки простой цинковой батареи Давыла. Его Императорское Высочество замѣнилъ въ ней цинкъ также желѣзомъ; только это улучшеніе не устраняло еще другаго важнаго недостатка: азотная кислота, обыкновенная жидкость въ этой батарее, отдѣляетъ газы непріятные и даже вредные для здоровья; желѣзный купоросъ содержитъ въ себѣ не малое количество азотной кислоты. Если мы употребимъ его, какъ проводящую жидкость, мы только уменьшимъ, но не устранимъ совершенно главнаго неудобства бунзеновой батареи.

Его Императорское Высочество замѣнилъ азотную кислоту — сѣрную, и эта батарея, смѣло можно завѣрить, имѣетъ преимущество передъ всѣми извѣстными; содержаніе ея очень дешево, а желѣзный купоросъ, образующійся здѣсь отъ важнаго дѣйствія

сѣрной кислоты и желѣза, рѣшительно покрываютъ все издержки.

ОЗОНЪ НЕ ЕСТЬ ЭЛЕМЕНТЪ АЗОТА. — Въ прошедшемъ году, въ декабрьской книгѣ нашего журнала, мы познакомили читателей съ знаменитымъ открытіемъ Шенбейна, который разложилъ, по увѣренію всѣхъ тогдашнихъ журналовъ, азотъ. Мы сообщили въ то время это ученое извѣстіе съ большою осторожностью, не вдаваясь ни въ какія соображенія. Осторожность наша теперь оправдывается; вотъ изслѣдованія Мариньяка, предложенныя Парижской Академіи Наукъ, которые въ половину пока уничтожаютъ справедливость открытія Шенбейна.

Мариньякъ собственно хотѣлъ удостовѣриться — озонъ есть ли продуктъ разложенія азота? и всѣ его опыты рѣшительно опровергаютъ это главное положеніе Шенбейна; они доказываютъ напротивъ, что присутствіе азота не есть необходимое условіе образованія озона.

Вотъ нѣсколько фактовъ, совершенно подтверждающихъ заключеніе Мариньяка.

Озонъ отдѣляется, если разлагать съ помощью вольтова столба воду, смѣшанную съ сѣрною кислотой, въ которой нѣтъ никакого азотистаго соединенія — нѣтъ воздуха. Этотъ опытъ Мариньякъ дѣлалъ въ безвоздушномъ пространствѣ.

Самый обыкновенный и самый лучший способъ добыванія озона — пропустить струю воздуха изъ газометра черезъ стеклянную трубку съ фосфоромъ; но, замѣтимъ, воздухъ совершенно-сухой не дастъ озона, точно такъ же, какъ и чистый кислородъ, азотъ, водородъ, чистая углекислота и кислота азотистая.

Кромѣ атмосфернаго воздуха, озонъ можно добывать еще изъ углекислоты,

смѣшанной съ кислородомъ, и изъ водорода, смѣшаннаго съ кислородомъ.

Изъ этого ясно видно, что азотъ не принимаетъ никакого участія въ образованіи озона. Вѣроятно все предположить, что онъ отдѣляется изъ кислорода или изъ новаго, особеннаго, неизвѣстнаго еще соединенія кислорода и водорода. Впрочемъ, только новые опыты могутъ рѣшить этотъ спорный вопросъ.

Повторяя наблюденія Шенбейна, Мариньякъ открылъ еще слѣдующее свойство озона: металлъ и растворъ іодистаго потассія сильно поглощаютъ его.

ВЛІЯНІЕ АТМОСФЕРНОЙ ТЕМПЕРАТУРЫ НА КОЛИЧЕСТВО УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ, ОТДѢЛЯЕМОЙ ЖИВОТНЫМИ ВЪ ПРОЦЕССѢ ДЫХАНІЯ. — Явленія химическія дыханія, со времени Лавуазье и Сегена, были предметомъ изслѣдованія множества ученыхъ: нѣсколько лѣтъ назадъ, Праутъ доказалъ, что люди въ различныя времена дня выдыхаютъ различныя количества угольной кислоты; этотъ результатъ недавно еще подтвердилъ Шарлингъ, датскій ученый; Андраль и Гаварэ открыли также множество очень-интересныхъ фактовъ, наблюдая у человѣка вліянія главныхъ физиологическихъ условій: возраста, пола, тѣлосложенія, пищеваренія, и проч., на количества углерода, сжигаемаго въ процессъ дыханія.

Буссенго, желая опредѣлить количество азота выдыхаемаго, — съ своей стороны показалъ, что образованіе углекислоты у птицъ зерноядныхъ, зависитъ отъ временъ сутокъ — дня и ночи.

Эти важные труды открываютъ намъ, что процессъ дыханія подъ различными вліяніями представляетъ многочисленные измѣненія. Естественно

предположить что, разнообразя эти влияния, мы можем дойти до новых, не менее-важных результатов. Летелье недавно обратил внимание на то, какое дѣйствіе имѣетъ температура на процессъ дыханія. Животная теплота есть слѣдствіе этого процесса; повятво, если мы будемъ животное содержать въ температурѣ, равной его собственной естественной теплотѣ, мы остановимъ совершенно или по-крайней-мѣрѣ уменьшимъ выдыханіе угольной кислоты. Съ цѣлю, чтобъ подтвердить или опровергнуть это апіорическое заключеніе, Летелье предпринялъ рядъ опытовъ надъ птицами и млекопитающими. Вотъ результаты, до которыхъ дошелъ онъ и которые представилъ Парижской Академіи Наукъ.

Летелье дѣлалъ наблюденія при слѣдующихъ условіяхъ: онъ подвергалъ животныхъ температурамъ, вообще не ниже пяти градусовъ холода и не выше сорока-трехъ градусовъ тепла. При сорока-трехъ градусахъ, даже и при сорока, большая часть животныхъ, надъ которыми дѣланы были опыты, быстро умирали. Кромѣ-того, болѣзненное и безпокойное ихъ состояніе явно указываетъ на расстройство жизненныхъ отправленій. Летелье утверждаетъ, что животныя, по-крайней-мѣрѣ имъ наблюдаемыя, выдерживаютъ температуру не выше ихъ животной теплоты; за эту границу слѣдуетъ уже мгновенная смерть. Этотъ результатъ довольно-страненъ; онъ видимо противорѣчитъ явленіямъ, замѣченными у человѣка: Тиллѣ замѣчается, что женщины, находившіяся при хлѣбопекариѣ Ларошефуко (four banal de Larochefoucault) выдерживали десять минутъ температуру 112 градусовъ и полчаса температуру кипѣнія воды; Карлъ Влагденъ самъ высидалъ семь минутъ въ комнатѣ, которую нагрѣвали до 99 град. стоградуснаго термометра. Отступленіе это легко объяснить, если мы примемъ въ расчетъ значительность процесса дыханія и значительную массу животныхъ, на-

блюдаемыхъ Летелье, чрезъ которую теплородъ, такъ-сказать, произкасть гораздо-быстрѣ къ центрамъ жизни.

Что касается до углекислоты, количество ея уменьшается, если температуру окружающую возвышать, и увеличивается съ пониженіемъ этой температуры.

Вотъ таблица, въ которой соединилъ Летелье свои наблюденія:

	При темп. отъ 15° до 20°	Отъ 30° до 40°	При 0°
Г р а м м ы:			
Чижъ выдыхаетъ	0,250	0,129	0,326
Горлица	0,684	0,366	0,974
Двѣ мыши	0,498	0,268	0,531
Индійская свинья	2,080	1,453	3,066

При 0° выдыхаютъ эти животныя вдвое болѣе, чѣмъ при температурѣ возвышенной.

СТАТИСТИКА БЕЗУМІЯ ВЪ ЧЕРНОМЪ ПЛЕМЕНИ. — Много было слѣдано попытокъ опредѣлить число безумныхъ въ различныхъ племенахъ рода человѣческаго; только даныя, собранныя до-сихъ-поръ, по ограниченности своей не вели къ точнымъ результатамъ и, слѣдственно, не имѣли большой важности ни въ ученомъ, ни въ государственномъ отношеніяхъ. Въ 1841 году, въ Соединенныхъ-Штатахъ представился благоприятный случай прояснить этотъ интересный вопросъ; въ Соединенныхъ-Штатахъ два племени, бѣлое и черное, живутъ въ очень-близкихъ сношеніяхъ, почти перемѣшаны и въ рабскомъ въ свободномъ состояніи. Здѣсь, слѣдственно, удобнѣе всего искать рѣшенія нашего вопроса. Въ 1841 году, была дѣлана тамъ десятилѣтняя ревизія, и правительство непремѣнно хотѣло опредѣлить число безумныхъ и слабоумныхъ (идіотовъ) въ черномъ и бѣломъ племени.

Числовыя данныя этой ревизіи составляютъ цѣлый томъ въ листъ; но вотъ перечень изъ многочисленныхъ документовъ, относящихся собственно до нашего вопроса.

	Бѣлое народонаселеніе.	Число безумныхъ.	Пропорція.
Штаты сѣверные	9,537,068	9,693	1 на 995
— южные	4,682,158	4,900	1 — 945
Итого	14,189,218	14,503	1 — 978
	Черное народонаселеніе.	Число безумныхъ.	Пропорція.
Штаты сѣверные	171,894	1,191	1 на 444
— южные	2,701,491	1,731	1 — 1,558
Итого	2,873,385	2,922	1 — 985

Въ этихъ числовыхъ результатахъ поражаетъ странная несоразмѣрность въ количествѣ безумныхъ чернигао племена въ сѣверныхъ и южныхъ штатахъ, особенно, если припомнимъ, что въ первыхъ освобождено чѣрное племя, а въ послѣднихъ оно находится въ состояніи рабства. Въ сѣверныхъ штатахъ, между черными племенемъ расположеніе къ сумасшествію въ одиннадцать разъ сильнѣе, нежели въ южныхъ. Въ предложенной таблицѣ, всѣ штаты развиты на двѣ категоріи; но если мы обратимся къ числовымъ показаніямъ для каждого штата, то дойдемъ до результатовъ еще болѣе поразительныхъ: такимъ образомъ мы откроемъ, что

Въ штатѣ Мэнъ считается 1 безумный на 14;
 — — Мичиганѣ 1 безум. — 27;
 — — Нью-Гемпшейрѣ 1 — 28;
 — — Массачусеттѣ . . . 1 — 43.

Эти числа говорятъ не въ пользу свободнаго состоянія чернаго племени и вотъ что находимъ мы по атому случаю въ сѣверо-американскомъ журналѣ «*Sud Messenger*» (Южный Вѣстникъ): «Теперь рабы могутъ утѣшиться въ своей несчастной долѣ; рабство спасаетъ ихъ разумъ отъ безумія и отъ скотскаго безмыслія, въ которыхъ такъ часто впадаютъ свободные сосѣдья ихъ, живущіе въ сѣверныхъ штатахъ.»

ВЛІЯНІЕ СОЛНЕЧНЫХЪ ПЯТЕНЪ НА ТЕМПЕРАТУРУ ЗЕМЛИ. — Сэръ Уильямъ Гершель первый сталъ говорить объ этомъ вліяніи; онъ первый утверждалъ, что чѣмъ болѣе пятенъ покрываетъ солнце, тѣмъ болѣе отдѣ-

ляется отъ него теплоты на землѣ. Интересно было бы подвергнуть критикѣ это апіорическое положеніе Гершеля, подтвердить или опровергнуть его помощью точныхъ наблюденій, которыхъ до сихъ поръ еще не имѣетъ астрономія.

Астрономъ Швабе, извѣстный своими наблюденіями надъ кольцомъ Сатурна и прохожденіемъ кометы Энке, начиная съ 1826 года и по 1843 годъ постоянно почти-ежедневно наблюдаетъ число, пятенъ, затмѣвающихъ солнце. Въ 495 номерѣ журнала «*Astronomische Nachrichten*» помѣщены результаты этого семнадцатилѣтняго труда.

Швабе открылъ нѣкотораго рода періодичность въ явленіи солнечныхъ пятенъ: въ первыя пять и даже шесть лѣтъ, онъ не замѣтилъ ни одного дня, чтобъ солнце не было совершенно-чисто; потомъ наступали три-четыре года, въ-теченіе которыхъ пятенъ было менѣе, въ слѣдующіе за ними годы число пятенъ возрастало.

Такимъ-образомъ, въ 1826 году, когда Швабе началъ свои наблюденія, 22 дня солнце было чисто; а въ остальные дни среднимъ числомъ пятенъ было только 118. Въ слѣдующія пять лѣтъ (1827—1831), которыя составляютъ, такъ сказать, первый періодъ, напротивъ, пятна покрывали постоянно солнце, и ихъ было среднимъ числомъ въ годъ 185. Во второй періодъ (1832—1835) Швабе нашелъ, что солнце было чисто въ-теченіе года 81 день, и пятенъ было 85. Въ третій періодъ (1836—1840), число солнечныхъ пятенъ для каждого года возрасло до 240, и на одного не было чистаго дня. Наконецъ, въ четвертый періодъ (1841 — 1843) есего-

дно чистыхъ дней было 76, а пятенъ 68; если мы отнесемъ сюда и 1836 годъ, который представляетъ цифры довольно-подобныя, то получимъ только 62 чистыхъ дня и 81 пятно.

Нисибитрамъ теперь, какова была температура на высотѣ въ эти промежутокъ.

Возьмемъ среднюю температуру за двѣнадцать, составляющихъ первый и третій періодъ наблюдений Швабе, когда солнце почти-постоянно загибавалъ пятна, тогда число этихъ пятенъ въ теченіе года возрасло до 212. Температура эта, найденъ ны, равна $10^{\circ}, 51$ Цел. терм.

Для остальныхъ восьми лѣтъ, состоящихъ изъ двухъ другихъ періодовъ; когда пятенъ было только 82, а чистыхъ дней 72, средняя температура въ Царикъ равнялась $11^{\circ}, 15$ Ц. терм.

Разница, найзъ видно, $0^{\circ}, 66$ Ц. терм., или почти пол-градуса.

Возьмемъ для сравненія другія мѣстности.

Въ Женевѣ средняя температура для первого и третьего періода равнялась $9^{\circ}, 33$ Ц. терм., а для второго и четвертого $9^{\circ}, 66$ Ц. терм.; разница въ $0^{\circ}, 33$ Ц. терм., почти треть градуса.

На вершинѣ Сен-Бернара средняя температура для первого и третьего періода $1^{\circ}, 3$ Ц. терм., для второго и четвертого $1^{\circ}, 12$ Ц. терм.; разница въ $0^{\circ}, 18$ Цельс. терм.

Изъ этого слѣдуетъ можно заключить, что годы, въ которые число пятенъ было наибольшее, были холоднѣе тѣхъ, которые содержатъ въ себѣ болѣе чистыхъ дней.

Заключеніе—прямо опровергающее положеніе Гершеля.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОТКРЫТІЯ, ОПЫТЫ, НАБЛЮДЕНІЯ.

Французскій инженеръ Фурсеръ (Foursert) доказалъ теоретически, что подъ всею алжирскою стѣнью Сахары находится подземное море. Онъ уже представилъ Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ исследованийъ по этому предмету.

— Профессоръ Бидерманъ, въ Лейпцигѣ, предложилъ всѣмъ германскимъ литераторамъ собираться ежегодно въ какомъ-нибудь городѣ для общихъ совѣщаній по примѣру собраній натуралистовъ, филологовъ, архитекторовъ, и проч. На первое предварительное литературное совѣщаніе, Бидерманъ приглашаетъ въ Лейпцигъ всѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ и прозаиковъ.

— Англійскій ботаникъ Стенъ напелъ въ Мехикѣ въ горахъ алон (sactus) исполинскаго размѣра. Колочій алон (Stachelkactus) находится во множествѣ и въ Европѣ; онъ имѣетъ круглую форму и въ величину большой дыни; но въ Мехикѣ Стенъ нашелъ алонъ въ 3 сажени вышиною и въ 7 или 8 сажень въ окружности. Одно изъ такихъ исполинскихъ растений ботаникъ хотѣлъ отправить въ Англію. Двадцать человекъ едва могли сдвинуть его съ мѣста, потомъ ввалили на телегу, запряженную шестью парами быковъ. Эта огромная растительная масса отправлена была прямо въ Вера-Крусъ, но не достигла мѣста своего назначенія, ибо длинный путь составлялъ 300 часовъ ѣзды по гористымъ и очень-худымъ дорогамъ. Не смотря на такую неудачу, г. Стенъ, однакоже, привезъ въ Англію, въ ботаническій садъ Кея алонъ въ 700 фунтовъ вѣсомъ, болѣе сажени вышиною и имѣющій въ объемѣ девять локтей. Мехиканцы называютъ это исполинское растеніе Vignaza. Надѣются, что оно въ Англіи начнетъ цвѣсти, и всѣ ботани-

ки съ потеряннѣмъ ожидаютъ этого времени, чтобъ посмотреть на исполненіе нѣтъ. ады.

— Въ Берлинѣ, въ артиллерійскомъ депо, дѣлали недавно опыты надъ пушечными желѣзными лафетами. Чугунные лафеты часто лопаются при стрѣльбѣ изъ пушекъ въ большіе морозы. На практикѣ же оказалось, что желѣзные кованые лафеты при 10 градусахъ мороза ни мало не повредились во время стрѣльбы. Въ слѣдствіе этого опыта, прусское правительство намѣрено во всѣхъ своихъ крѣпостяхъ завести желѣзные лафеты вмѣсто деревянныхъ, которые скоро приходятъ въ гнилость и ветхость отъ разныхъ переѣнъ погоды.

— Французскій художникъ Фланденъ, срисовалъ въ древней Ниневіи 150 барельефовъ, а Ботта скопировалъ 200 древнихъ надписей. Они уже кончили свои поиски въ Ниневіи и теперь заботятся о томъ, какъ бы найденными ими древніи статуи и барельефы доставить въ Парижъ. Огромные каменные быки, составляющіе порталъ одного древняго храма въ Ниневіи, вѣсятъ каждый 500 центнеровъ, а мраморные барельефы отъ 80 до 200 центнеровъ. Эти массы камня надобно сперва перевезти до рѣки Тигра сухимъ путемъ, гдѣ нѣтъ вовсе проѣзжихъ дорогъ, потомъ нагрузить на особо-устроенные платформы и препроводить въ Бассору, а оттуда уже на корабляхъ во Францію. Надѣются, что Ботта, какъ неутомимый археологъ, успеетъ счастливо окончить это предпріятіе.

— Англійскій инженеръ, сэръ Уильямъ Геррисъ, живущій въ Бомбей, представилъ Остиндской Компаніи проектъ соединенія Средиземнаго-Моря съ Чернымъ. По его плану, на Суэзскомъ Перешейкѣ должно сдѣлать желѣзную дорогу, вмѣсто предполагавшагося прежде канала. Корабли, поднимающіе не болѣе 800 тоннъ, будутъ перевозимы чрезъ перешеекъ по желѣзной дорогѣ на особыхъ машинахъ съ маленькими колесами, называемыхъ trucks. Одна паровая машина будетъ поднимать та-

кіе корабли на рельсы, а друшіи спускать ихъ съ дороги прямо въ море, такъ-что товары безъ перегрузки будутъ перевозиться прямо изъ одного моря въ другое. Желѣзная дорога, въ 28 англійскихъ миль длиною, устроенная на перешейкѣ, обойдется только въ 1 милліонъ фунтовъ стерлинговъ, и можетъ быть готова въ три года.

— Лучшее средство для испытанія будущаго качества винограда вина осенью слѣдующее: надобно сварить изъ виннаго жорса супъ, безъ всякой примѣси сахара, и если такой супъ окажется вкуснымъ, то можно заключить, что и вино будетъ хорошо. Одну кварту жорса надобно вскипятить и снять съ него осторожно весь накипь и пѣну, потомъ прибавить два личныя желтка, столовую ложку шуми и все это смѣшать съ квартою молока во время кипяченія жорса. Надобно также положить въ эту смѣсь палочку корицы и мелко-варѣзаннаго бѣлаго хлѣба.

— Г. Бикесъ, извѣстный изобрѣтатель системы хлѣбопашества безъ помощи уваживанія, напелъ себѣ въ Вросселѣ поощреніе и значительную помощь для произведенія на практикѣ своихъ опытовъ. Отъ соединился для этой цѣли съ извѣстнымъ агрономомъ, барономъ Ланерузомъ, и уже презратилъ нѣсколько акровъ самой бесплодной и песчаной почвы въ плодородную землю. Они намѣрены также продолжать удачные свои опыты на большомъ пространствѣ безплодныхъ земель въ Каминѣ и Фландріи. Г. Бикесъ отправился на-дняхъ во Францію, чтобъ обработать, по новозобрѣтенному имъ способу, обширные пустыри, лежащіе въ окрестностяхъ Бордо.

— Нѣкто Пеннингтонъ, въ Лондонѣ, получилъ отъ англійскаго правительства привилегію на устройство воздухоплавательной машины, которая состоитъ изъ аэростата, лодочки и паровой машины силою въ полторы лошади. Паровая машина поставится на гондолѣ, изъ которой также придѣланъ воздушный руль.

— Для волости желѣзные дороги весьма-важныя инструменты, который бы измерилъ съ математической точностью скорость поѣзда вагоновъ. Для этого недавно придумана въ Англии машина въ родѣ часовъ, съ центробѣжной силой Уатта, которая придѣлана къ машинѣ и находитса въ сообщеніи съ вертящеюся осью паровоза. Стрѣлка часовъ показываетъ скорость ѣзды.

— Французъ Шазаллонъ (Chazallon) изобрѣлъ новый астрономическій инструментъ для точнаго измѣренія прилива и отлива морскаго. Этотъ снарядъ называется мареографъ (mareographe), и посредствомъ его дѣланы уже были опыты надъ приливомъ и отливомъ въ Тулонѣ и Алжирѣ. Шазаллонъ воспроизвелъ всѣ прежнія поточныя теоріи объ этомъ явленіи и своимъ новымъ снарядомъ доказалъ всю пользу его для мореходцевъ.

— Придворный берлинскій механикъ, Амуэль, усовершенствовалъ двойныя зеркала, выставляемыя у окошекъ домовъ для перспективныхъ видовъ на улицѣ. Доселѣ они употреблялись какъ неподвижныя вещи, но Амуэль, посредствомъ новаго устройства этихъ зеркалъ съ подвижными пружинами, далъ имъ какое угодно направленіе. Теперь можно, не раскрывая окошна, видѣть все, что происходитъ на улицѣ во всѣхъ ея углахъ.

— Деревянные рельсы для дорогъ употреблялись въ Германіи въ некоторыхъ горныхъ округахъ уже съ XVII столѣтія, но въ малыхъ размѣрахъ, единственно для перевозки руды изъ шахтъ въ плавильныя печи. Теперь въ Англіи обратили на деревянные рельсы особенное вниманіе, ибо многіе инженеры согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что дерево, употребленное для дороги по усовершенствованной методѣ въ этомъ родѣ построекъ, можетъ совершенно замѣнить желѣзо съ горавдо-желѣзными подержками. Англійскій инженеръ Протсертъ досталъ уже привѣтствіе на возобновленные имъ деревянные рельсы, которые въ нѣско-

лькихъ уже устроены въ Лондонскомъ водовѣ.

— Чтобы оберегать женскія платья отъ грязи и пыли, въ Парижѣ издумали агреа-вы или крючки, которые безъ помощи рукъ поднимаютъ шлейфъ платья и не даютъ ему волочиться по землѣ. Доселѣ дамы будутъ упорствовать въ томъ, чтобъ не показывать своихъ ногъ на гуляньяхъ, доколѣ эти крючки, называемые «pans», не выйдутъ изъ моды. Изобрѣтатель этихъ замысловатыхъ вещей получилъ привилегію; следовательно, длинныя дамскія платья, такъ усердно мотущія тротуары и мостовыя, будутъ еще долѣе въ модѣ.

— Ножевицы въ Сент-Этьенѣ изобрѣлъ весьма-замысловатую, но простую машину для разрыванія жарнаго за обѣдомъ, какъ-то разовой дичи и домашнихъ птицъ. Машина состоитъ изъ пяти весьма-острыхъ пилочекъ, соединенныхъ въ тонкомъ цилиндрѣ. Этотъ цилиндръ вкладывается внутрь жареной или вареной птицы, и отъ него только помать пружинку, пилочки въ ту же минуту выйдутъ наружу и однимъ мгновѣнн разрѣжутъ жарнаго на куски, отдѣливъ всѣ кости отъ мяса.

— Въ Парижѣ составлена французско-англійская компанія для учрежденія линіи пароводнаго сообщенія между Гавромъ и Дувромъ. Пароходы будутъ также въ сообщеніи съ желѣзною дорогою изъ Гавра въ Парижъ и съ англійскою желѣзною дорогою въ Фальстокѣ. Три раза въ день пароходы будутъ отправляться изъ Франціи въ Англію, и особые пакетботы ночью. Если устроится эта линія сообщенія, тогда можно будетъ, выйдя изъ Парижа въ шесть часовъ утра, въ тотъ же день въ девяти часамъ вечера прѣхать въ Лондонъ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Британскій музеумъ въ Лондонѣ недавно купилъ, посредствомъ своего агента въ Римѣ, 33 оригинальные кир-

очень знаменитого живописца Корреджіо, которые случайно найдены были въ одномъ частномъ домѣ въ Парижѣ. Картины представляютъ воскресеніе Христа, и Корреджіо отдавалъ съ нихъ фрески, которыми и расписала куполъ Церкви св. Іоанна въ Парижѣ въ 1520 и 1524 годахъ. Означеныя картины расписаны на пергаментѣ красными и красными, свѣтлыми мѣста означены шпательною масляною краскою.

— Въ Парижѣ, извѣстный любитель и покровитель художествъ, баронъ Тейлоръ, учредилъ общество, составленное изъ парижскихъ живописцевъ, рисовальщиковъ, гравёровъ, ваятелей и архитекторовъ для вспоможенія бѣднымъ изъ собранія ихъ. Численность уже въ обществѣ считается до 400 членовъ, у которыхъ въ президенты выбранъ баронъ Тейлоръ. Самый малый взносъ вспоможенія ограниченъ 6 франками, но бѣдные члены общества могутъ уличивать этотъ незначительный взносъ не впрямую, а косвенно, по 50 сантимовъ.

— Самый изотомный въ свѣтѣ очинщикъ можно назвать швейцарскую опичкошедлю, которая начала издаваться со времени Фридриха-Великаго, подъ его особеннымъ покровительствомъ, докторомъ Кринициемъ, и продолжалась безъ остановки по сіе время, достигнувъ уже 100 возраста. Буваръ *F. side* не похвасталъ, следовательно, къ этому изотомному сборнику надобно еще прибавить томовъ съ гражданъ. Націонный издатель, св. І. В. Краузе, прибавляетъ къ ней ежегодно по три тома.

— Въ Глазгоу книгопродавецъ Флемингъ издалъ недавно превосходный атласъ всего свѣта, состоящій изъ 80 картъ большаго формата. $\frac{1}{2}$ этихъ картъ изображаютъ Европу и составлены по новѣйшимъ источникамъ съ необыкновенною аккуратностью. Рекомендуемъ этотъ атласъ, какъ лучший и полнѣйшій изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ.

— Джамартия Фросиль вышло дописку, удаляясь къ своимъ замкамъ и селамъ, а также и въ мѣстахъ, гдѣ онъ провѣдывалъ. Въ

одинъ день ему очинъ доносилъ одна старука, развалина первой француской революціи, бывшая до вѣка его любовницею Робеспьера.

— Тьеръ, приготовляя свою Исторію Консулата и Имперіи, пользовался огромными историческими источниками и документами, хранящимися въ разныхъ архивахъ Парижа. У него было въ рукахъ до 40,000 писемъ самого Наполеона, множество фамильных рукописей знаменитыхъ и извѣстныхъ людей тогдашней эпохи, неопечатанные черновики канцлера Канцлерова, маршала Даву, Журдана, Макдональда, генерала Дюпона, графа Мюлена и графини Ремюза. Известно, что Тьеръ для этой же дѣли путешествовалъ, въ 1841 году, по Германіи и лично обозрѣвалъ поля сраженій: маренбургскаго, гогенлиндскаго, ульмскаго, аустерлицкаго, денскаго, ваграмскаго, дрезденскаго и лейпцигскаго.

— Въ Пруссіи выдается 454 газеты и журналовъ, изъ которыхъ только 42 политическаго содержанія, 104 газеты по части государственнаго управленія издаются само правительствомъ, 109 газетъ литературныхъ, которыхъ строго запрещено помѣщать въ своихъ листахъ политикъ; всѣ же остальные — принадлежатъ для учебнаго содержанія. Берлинъ, имѣющій 400,000 жителей, довольствуется только 3 политическими газетами.

— Въ Лондонѣ одинъ домохозяинъ, у котораго жилъ прежде знаменитый композиторъ Веберъ, нашелъ между старыми бумагами неоконченную его оперу подъ названіемъ: *Адъ на Землѣ*. Музыка первая, третьяго и четвертаго актовъ сохранила, во второмъ актѣ на дореволюціоннаго, и оркестра для хора ангеловъ. Веберъ написалъ эту оперу во время похвальной своей бѣлѣны; въ музыкѣ видна печать его гениа. Многія сцены очень хороши на «Роберта-Давлода». Желательно было бы, чтобы эту гениальную композицію докончилъ кто-нибудь изъ современниковъ или послѣднихъ знаменитостей.

— Въ Майнцѣ живетъ жена одного врача, по имени капитанша Цитцъ (Zitz), которая почти однимъ разомъ пера составила себѣ литературное имя въ Германіи. Она работаетъ вдругъ для пятидесяти разныхъ литературныхъ журналовъ, пишетъ единственно для славы, не требуя вовсе платы отъ издателей, но только отъ каждаго изъ нихъ получая по даровому экземпляру журнала. Въ рѣдкихъ нѣмецкихъ журналахъ вы не встрѣтите имени капитанши Цитцъ. Эта неутомная и всесвѣтная сотрудница пишетъ всѣ статьи собственною рукою. Одинъ нѣмецкій журналъ предлагалъ писательнице назвать: *генералъ-проектантъ-мастеромъ журнальной перчаточной провизіи*.

— Знаменитый живописецъ Корнелиусъ окончилъ картоны фресокъ, подлежащихъ украшать общій павильонъ, воздвигнутый въ Шарлоттенбургѣ покойному прусскому королю Фридриху-Вильгельму III и его супругѣ, королевы Шарлотты.

— Въ Кёттенѣ сооружается памятникъ извѣстному германскому гомеопату Гавеманну. Сколько намъ известно, въ всѣхъ когда-либо жившихъ на свѣтѣ врачей, одинъ Гавеманнъ удостоился чести перейти въ потомство въ образѣ бронзовой статуи; даже знаменитый Дженнеръ, изобрѣтатель прививочной оспы, истинный благодѣтель челоѣчества, не имѣетъ въ память свою никакого монумента.

— Въ Пестѣ появился новый музыкальный гений, подобный парижскому Феликсу Давиду. Теперь у Венгерцовъ не достаетъ только своего Берліоза, чтобъ прославить новаго композитора, котораго имя Брандтъ. Онъ приводитъ своими симфоніями въ истинный восторгъ всѣхъ туземныхъ знатоковъ музыки; нѣкоторые даже утверждаютъ, что симфоніи Брандта достойны занять мѣсто подлѣ симфоній Бетховена.

— Въ Анжерѣ поступила недавно на сцену новая опера подъ названіемъ «Юсифъ Гайдцъ, или Буря». Нѣкто, Шарль Гетраль, молодой композитъ,

написалъ музыку къ этой оперѣ, а либретто сочинилъ Боньеръ (Bonnières).

— Извѣстный романистъ Поль-де-Кокъ написалъ весьма-забавный водевилъ, подъ названіемъ: *Быкъ Карнавала*, который дѣйствительно подается на сценѣ во всей своей природной красотѣ. Теперь опять дошла мода представлять животныхъ на сцену: въ Гамбургѣ нѣсколько разъ въ одной веселой пьесѣ выдвинули живаго верблюда, но онъ недавно околѣлъ отъ германской стужи.

— Въ Мюнхенѣ, въ концѣ прошедшаго года, отлита изъ бронзы колоссальная голова къ статуѣ Багарии. Можно себѣ вообразить, какова будетъ вся статуя, если только въ головѣ ея, при поднятій ея изъ литейной ямы, легко помѣстится 25 челоѣкъ работниковъ!

ЗАГАДКИ:

Отъ загадокъ (rebus) теперь нѣтъ счисленія. Сначала онѣ начали являться въ литературныхъ журналахъ и газетахъ, а нынче уже появились въ общественныхъ салонахъ. Весь парижскій модный свѣтъ говоритъ теперь загадками, которыя заступили мѣсто драматическихъ шарадъ; ихъ даже хотятъ ввести на сцену театра. Въ Парижѣ во многихъ частныхъ обществахъ представляютъ загадки (rebus) въ видахъ. На-примѣръ, въ залѣ дождется господинъ, имѣющій въ рукѣ книгу, на которой написано: *Iliade*. Другой, въ платѣ аббата, держитъ чашку чая, а къ нимъ обоняетъ присодинившаго ребенка, одѣтый амуромъ. Что же значатъ эти три лица? Il y a de la bêtise à nier l'amour (*Iliade l'abbé-tisandier l'amour*).

— Въ Константинополѣ находится 35 публичныхъ библиотекъ; въ каждой въ каждой не болѣе 2,000 книгъ, которыя болѣею частію состоятъ изъ рукописей. Въ Турціи такая писаная книга стоитъ отъ 100 до 150 пиастровъ, а еслибы она была напечатана, то про-

давалась бы по четыре франка за экземпляр. Кроме вторника и пятницы, константинопольскія бібліотеки открыты для публики во всѣ другіе дни недѣли круглый годъ. Лучшія сочиненія въ разныхъ родахъ литературы, находятся тамъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ; особенно «Коранъ» и книги богословскаго содержания. Большая часть книгъ, составляетъ статистическія свѣдѣнія о Турціи и о собственномъ бытѣ и о нравахъ Турковъ. Всѣ турецкія книги писаны красивымъ почеркомъ, на пергаментѣ, каждая страница обведена золотомъ рамкою, каждая глава книги начинается строкою, писанною золотыми буквами. Самую полную и интересную бібліотекою почитается серальская, гдѣ хранятся множество греческихъ и латинскихъ манускриптовъ; но для христіанъ она недоступна. Каждая книга переилетена въ сѣфали, и названіе ея помѣщено не на корешкѣ, но на обрѣзѣ книги. Книги положены одна на другую въ шкафахъ за стеклами.

— Недавно продавались въ Парижѣ съ аукциона 32,000 писемъ и автографовъ знаменитыхъ людей. Въ этомъ собраніи находилось длинное письмо Гесснера о весьма-незначительномъ предметѣ, которое продано за 50 франковъ; коротенькая записка Іоахима Мюрата къ Наполеону, писанная въ 1818 году, пошла за 42 франка. Письма Генриха IV продавались по 45 франковъ за штуку; а прежде за письма того же Генриха платили по 100 франковъ. Вольтеръ также упалъ въ цѣнѣ: за письмо его къ Вовенаргу, собственноручную записку къ Тиріо, и за манускриптъ «Rosairé». — венапечатанной повѣсти, которой сочиненіе археологи приписываютъ Вольтеру, одинъ Англичанинъ заплатилъ 30 франковъ. Любовное письмо Генриха VIII къ Аннѣ Бoleвъ—продано за 251 франкъ. Интересное письмо Лютера, при которомъ былъ приложенъ вѣрный рисунокъ головы его, сдѣланный знаменитымъ Крапахомъ, продано за 540

франковъ. Письмо Исаака Ньютона, писанное объ одномъ ученномъ предметѣ, продано за 745 франковъ, потому-что автографы Ньютона весьма-рѣдки. Для любителей такихъ манускриптовъ мы должны замѣтить, что извѣстный французскій писатель, бібліофилъ Жакобъ (Лакруа), намѣренъ издать вѣрное руководство къ точному распознаванію истинныхъ и подложныхъ автографовъ знаменитыхъ людей.

— На островѣ Барбадосѣ произошелъ ужасный пожаръ, причинившій жителямъ убытка на 5 милліоновъ гульденовъ. Причиною пожара былъ ребенокъ, который неосторожно игралъ фосфорными зажигательными спичками. Пожаръ продолжался сразу три дня. — Недавно въ Карлсруѣ вспыхнуло-было пожаръ въ домѣ Баденскаго министерства финансовъ отъ самой ничтожной причины: чиновникъ, куря сигару, бросилъ горящій кончикъ ея въ плевательный ящикъ, наполненный, вмѣсто песка, древесными опилками.

— Въ сербской деревнѣ Біоски живетъ и здравствуетъ старикъ 135 лѣтъ отъ роду. У него четыре сына, изъ которыхъ старшій прожилъ уже 95 лѣтъ. Потомство этого почтеннаго старца составляетъ 182 человѣка, изъ которыхъ 99-женскаго пола.

— Цивилизація Арабовъ въ Алжирѣ дѣлаетъ большіе успѣхи. Арабы танцуютъ уже на балахъ французскія кадрили съ милыми Француженками, сами даютъ балы, вечеринки, и пьютъ шампанское за здоровье французскаго короля. Короче, Алжирцы становятся самымъ смѣрымъ, образованнымъ и танцующимъ народомъ; что не могли изъ нихъ сдѣлать Французы; то привели въ дѣйствіе Француженки.

— Въ лондонскомъ мирномъ судѣ производилось недавно дѣло о нарушении обѣщанія жениться. Судья Альдерсонъ объявилъ при этомъ, что дѣвица, достигшая 32 лѣтъ, не можетъ уже называться ни дѣвицею, ни молодою женщиною.

— Недавно въ Кларгамѣ (Clarham) родился ребенокъ съ четырьмя руками и ногами, съ двойнымъ туловищемъ, съ одною головою, но о двухъ лицахъ. Этотъ уродъ жилъ на свѣтѣ только 10 минутъ. Въ Левенбергѣ корова отелилась теленкомъ, у котораго голова совершенно похожа на львиную. Говорятъ, что корова, въ чреватомъ своемъ состояніи проходила какъ-то мимо городской заставы, гдѣ увидѣла льва сидящаго въ клеткѣ, и испугалась.

— Какой-то Шотландецъ, чтобъ продать въ-три-дорога старую библію, не имѣвшую, однакоже, никакого археологическаго достоинства, подыался пастѣдующую хитрость. Онъ нашелъ между старыми своими бумагами заглавный листъ весьма-рѣдкаго и древняго издавія библіи, и приклеилъ его искусно къ книгѣ. Одинъ антикъ въ пыли ходячій купилъ у Шотландца въ сумеркахъ библію за дорогую цѣну, но на другой день, рассмотрѣвъ внимательно покупку, увидѣлъ обманъ. Оторвавъ переплетъ отъ библіи, онъ, къ величайшему своему удивленію, нашелъ, что въ немъ положено было нѣсколько сотенъ фунт. серл. ассигнаціями, каждая въ 500 ф. Антикварій былъ такъ честенъ, что объявилъ въ газетахъ о своей находкѣ; но плутъ Шотландецъ не являлся за полученіемъ ассигнацій, боясь, что антикварій схитрилъ и разставилъ ему силки.

— Въ Каирѣ молодая Англичанка знатной фамиліи, влюбившись въ ловкаго и красиваго Египтянина, рѣшилась на отреченіе отъ христіанскаго закона и вступленіе въ мухаммеданство. Друзья ея обратились съ просьбою къ англійскому генеральному консулу Барету, который, по счастью, отсылкалъ законъ, что дѣвица несовершеннолѣтняя не имѣетъ права перемѣнять свою вѣру. На основаніи этого, влюбленную дѣву англійскій консулъ насильно посадилъ на корабль и отправилъ обратно въ Англію.

— Въ Германіи недавно появилась книга, которая до-смерти испугала

всѣхъ пивоваровъ. Въ ней сказано со всѣми возможными доказательствами, что пиво — ядъ. Пивовары, однакоже, скоро успокоились, ибо чрезъ нѣсколько дней послѣ того появилась критика на означенную книгу, въ которой одинъ ученый аптекарь разобралъ химическимъ анализомъ пиво и доказалъ свѣту, что не пиво настоящій ядъ, а невѣжество. Разузнѣтся, пиво, употребляемое въ непомѣрномъ количествѣ, становится ядомъ, какъ вообще все, дѣлаемое неумѣренно.

— Въ Марселѣ ночью на одного прохожаго напалъ мошенникъ и отнялъ у него карманные серебряные часы. На другое утро ограбленный получилъ отъ невѣстнаго бѣглетъ сохранный кассы съ просьбою, чтобъ онъ выкупилъ отнятыя у него наканунѣ часы.

— Мода на старинныя мѣбели рококо распространяется болѣе и болѣе въ Парижѣ; богатые люди тратятъ на эту роскошь огромныя суммы. Журналы увѣряютъ, что эта мода переплыла во Францію изъ Англіи и именно отъ Вальтера Скотта, а изъ Германіи по милости поэта Гёте. Король Луи-Филиппъ особенно любитъ такую мѣбель и наполнилъ ею свои замки Э, Фонтенбло, Версаль, По, и проч. Извѣстное древнее зданіе въ Парижѣ, Autel Clu-пу, отличается роскошною старомодною мѣбелью. Вывѣски нѣкоторыхъ модныхъ парижскихъ столяровъ, дѣлающихъ мѣбель рококо, весьма-наивны. На одной изъ нихъ написано: *Ici on fabrique des meubles anciens dans le genre le plus moderne*.

— Доселѣ городъ Брюссель снабжалъ всю Германію дешевыми перепечатками французскихъ романовъ, а нынче вздумалъ даже взять оптовую поставку политическихъ статей для всѣхъ нѣмецкихъ газетъ. Въ Брюсселѣ составилось общество переводчиковъ, которые будутъ переводить на нѣмецкій языкъ всѣ замѣчательныя политическія статьи изъ французскихъ и англійскихъ газетъ для редакцій нѣмецкихъ газетъ и журналовъ; следовательно, эти изданія сэберегутъ деньги,

которые нынче платят своим со- трудникамъ.

— Въ Англіи на изданіе періодиче- скихъ журналовъ выходитъ ежегодно около 2 милліоновъ талеровъ, а на 447 политическихъ газетъ 9 милліоновъ талеровъ. Особая отрасль періодиче- ской литературы заключается тамъ въ ежемѣсячныхъ журналахъ, которыхъ выходитъ въ Англіи 227. Въ первое число каждого мѣсяца, появляются ак- куратно такого рода журналы въ чи- слѣ 500,000 экземпляровъ на сумму 175,000 талеровъ. Все это отправляет- ся въ одинъ день, въ 2,000 посылкахъ, во всѣ концы свѣта. Вообще въ Англіи употребляется ежегодно на литератур- ные произведенія до 15 милліоновъ талеровъ.

— Старшины Острововъ-Фиджи (Fid- chi), въ Южно-Океанѣ, занимаются прическою своихъ волосъ такъ же тщательно, какъ самыя модныя кокет- ки Европы. Для уборки своихъ головъ они держатъ особыхъ парикмахеровъ, которые, по закону, вникающъ другимъ дѣломъ заниматься не могутъ, ибо должность эта почитается святою, и каждый дикій парикмахеръ посвя- щается въ это званіе главнымъ жре- цомъ. Они не смѣютъ даже ѣсть соб- ственными руками: ихъ кормятъ другіе, какъ малыхъ ребятъ. Долго бы надобно описывать всѣ препараты и снадобья, которые употребляются для завивки и умященія волосъ дикихъ старшинъ, но мы только скажемъ, что прическа такого рода продолжается не менѣе трехъ часовъ каждый разъ.

— Известно, что въ Англіи, а теперь даже и во Франціи, писательницы на- зываются въ насмѣшку «синими чул- ками» (blue-stockings). Это слово про- изшло отъ-того, что въ Лондонѣ есть общество устарѣлыхъ дѣвъ, которыя поклялись вѣчною ненавистью мужчи- намъ и почитаютъ за великій грѣхъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ въ брачной жизни. Члены общества хо- дятъ въ одинакой одеждѣ и собирают- ся въ одной общей огромной залѣ, гдѣ пьютъ кофе, чай, сплетничаютъ и вл-

жутъ синіе шерстяныя чулки для бѣд- ныхъ; онѣ извѣстны подъ именемъ «Сестеръ Синихъ Чулковъ». Англій- скій же юморъ далъ это названіе сво- нимъ писательницамъ, изъ которыхъ особенно молодыя сердятся, когда ихъ въ журналахъ называютъ «синими чулками».

— Въ Эльбингѣ, въ гостинницѣ, по- селился проѣздомъ какой-то герман- скій виртуозъ-флейтграверсистъ, у ко- тораго ночью воры украли все его иму- щество. Музыкантъ подалъ въ поли- цію объявленіе слѣдующаго содержа- нія: «Я всего лишился, что могъ ско- пить въ-теченіе двадцати лѣтъ неимо- вѣрными трудами и стараніями. Все мое имущество состояло изъ дорожна- го ящика, въ которомъ находились мои композиціи для флейты, старый фут- ляръ для того же инструмента, явтъ для нотнаго пульта, два нумера нѣмец- кой газеты, въ которыхъ критика раз- бирала мою игру, черный поношен- ный галстухъ, черный шелковый чу- локъ (другой прежде украденъ былъ въ Вѣнѣ), 100 штукъ концертныхъ би- летовъ, одна контр-марка данцигскаго театра, одна рубашка, колпакъ, сотня зажигательныхъ спичекъ, да чистыми деньгами 13 прусскихъ грошей. Все это имущество у меня украли въ про- шедшую ночь, и я сдѣлался совершен- но нищимъ! Къ-счастью, флейту я заранѣе отдалъ въ починку столыарю; безъ нея я умеръ бы съ голода». Полиція, получивъ объявленіе, пожалѣла о во- рѣ, который польстился на такую дрянь, и, въ угѣшеніе виртуоза за по- несенный имъ убытокъ, послала ему два талера изъ городскихъ доходовъ.

— Въ самомъ разгарѣ сраженія при Исли, французскій батальионъ пѣхо- тцы, бывъ окруженъ запальчивою не- пріятельскою конницею, началъ стро- иться въ карѣ. Марокканцы, замѣтивъ, что первая шеренга стала на колѣни, вообразили, что Французы струсили и хотятъ сдать въ плѣнъ. Непріятель поспѣшилъ воспользоваться этимъ слу- чаемъ и съ увѣренностью приблизил- ся шага на три къ батальиону, чтобъ

отобрать отъ него оружіе и ввать въ плѣвъ всѣхъ солдатъ. Но въ эту минуту, по командѣ полковника, батальионъ пустилъ батальонный огонь, и конница марокканская была уничтожена.

— Въ лондонскомъ приходѣ St. Georges in the East есть особое заведеніе, гдѣ воспитываются 40 бѣдныхъ дѣвушекъ, выбранныхъ изъ другихъ приходскихъ училищъ. Онѣ учатся быть исправными и четвыми служанками и воспитываются въ заведеніи четыре года. Всѣ семейные люди съ большою охотою берутъ къ себѣ въ услуги такихъ горничныхъ, ибо увѣрены въ ихъ отличномъ нравственномъ образованіи. Каждая воспитанница, достигавуя 19-ти лѣтъ и особенно отличившаяся своимъ поведеніемъ, беретъ отъ дирекціи школы лотерейный билетъ для выхода замужъ, т. е. она получаетъ на свое приданое 100 фунт. стерлинговъ (2,500 рублей) и можетъ по своему произволу выбрать себѣ мужа изъ бѣднаго сословія народа, но не католика, а протестанта. Лотерея бываетъ каждый годъ два раза, въ началѣ мая и ноября. Женихъ можетъ въ день свадьбы, на-счетъ дирекціи означеннаго училища, угостить десять своихъ пріятелей, а невеста столько же пріятельницъ. При заключеніи брака, директоръ школы даетъ новобрачной шелковый зеленый кошелекъ, въ которомъ положено 100 суверенъ-дородовъ (100 фунт. стерл.).

— Французскою арміею командуютъ нынѣ 8 маршаловъ, 79 генерал-лейтенантовъ и 115 генерал-майоровъ (marchaux de camp). Самый старшій изъ маршаловъ—Сультъ, герцогъ далматскій; онъ произведенъ въ этотъ чинъ 19 мая 1807 года. Старшій изъ генерал-лейтенантовъ графъ Релль (Reille), произведенный въ этотъ чинъ 30 декабря 1806 года. Изъ генерал-майоровъ старшій графъ Рошшуаръ (Rochesouart), находящійся въ этотъ чинъ съ 16 іюля 1814 года. Отставныхъ генераловъ считается 58. Старшій изъ нихъ графъ Лароуизъ (Larouze), получившій генеральскій чинъ 15 мая 1793 года.

Но старѣйшимъ изъ генераловъ французской арміи считается графъ де-Ламетъ. (de Lameth), который получилъ чинъ marechal de camp 28 ноября 1791 года.

— Новое укрѣпленіе Парижа состоитъ теперь изъ 187 валовъ, окружающихъ городъ, отдѣльныхъ фортовъ, люнетовъ и пр. На каждомъ валѣ надобно поставить 20 пушекъ, следовательно, на всѣхъ укрѣпленіяхъ 3,740 пушекъ. Для каждаго орудія необходимо въ запасъ 600 картузовъ пороха и ядеръ, следовательно, для всѣхъ укрѣпленій 2,240,000 ядеръ и болѣе 50 милліоновъ фунтовъ пороха.

— Нынѣшняя жестокая зима распространила свое владычество на Италію и Испанію; но одну страну Европы она, однакожь, пощадилла, а именно Ниццу и Антиби, гдѣ была постоянная весна во все время, когда въ окрестности лежалъ снѣгъ пѣлыми горами. Въ Ниццѣ, въ продолженіе всей зимы, термометръ постоянно показывалъ 6 град. тепла. Весь заблудшій путешествующій народъ туристовъ собрался, на житье въ благопріятную Ниццу, и квартиры тамъ ужасно вздорожали. Въ этомъ райскомъ уголкѣ Европы жители принялись за особую промышленность и начали разводить цѣлые огороды петрушки, ибо въ этомъ растеніи оказался большой недостатокъ въ Парижѣ, и петрушки зимою вельзя было достать ни за какія деньги. Французскіе журналы совѣтуютъ всѣмъ любителямъ зелени, живущимъ во Франціи, запасаться петрушкою на зиму въ Ниццѣ, гдѣ она растетъ безъ остановки круглый годъ.

— Въ извѣстной огромной картинѣ Ораса Вернѣ «Ваятіе Силлы Абд-эль-Кадера», между многими фигурами помѣщенъ Жидъ, убѣгающій съ поля сраженія съ своимъ сокровищемъ. Это вѣрный портретъ одного жидъ-милліонера, живущаго въ Парижѣ. Жидъ-банкиръ однажды пришелъ къ Вернѣ, чтобъ заказать ему свой портретъ. Живописецъ требовалъ за работу 4,000 франковъ. Жидъ испугался такою

огромной цѣны и началъ вѣрноп торговаться, а Вернѣ все набивалъ цѣну и наконецъ потребовалъ съ него 6,000 франковъ. Миллионеръ схватилъ шляпу и бросился къ дверямъ. Вернѣ, провожая его, сказалъ съ улыбкою: «Вижу, что съ вами не скоро сторгуетесь; но успокойтесь, я хорошо замѣтилъ черты вашей фizioноміи и общаю написать вашъ портретъ даромъ. Будьте благонадежны: не только вся ваша родня, но и публика увидѣтъ знакомое ей лицо въ моей картинѣ». Живописецъ сдержалъ слово, и изображеніе жидо-банкира перейдетъ въ потомство.

— Въ Парижѣ общество театральныхъ хлопальщиковъ (claqueurs) существуетъ уже съ 1826 года. Въ то время, нѣкто Сентонъ основалъ контору подъ названіемъ: Assurance des succès dramatiques и привелъ это ремесло въ извѣстную систему. Если, наприм., дебютантъ при первомъ появленіи на сцену, хотѣлъ пріобрѣсти себѣ благосклонный пріемъ публики, то онъ высылалъ въ означенную контору извѣстную сумму — pour soigner l'entrée. Если завистливый актёръ хотѣлъ на сценѣ уронить талантъ своего соперника, онъ платилъ также деньги конторѣ — pour empêcher la vogue. Клакёрамъ также платили — pour faireoucher ou échauffer la salle. Они, какъ извѣстно, сидятъ всегда подъ люстрою, а потому и называются chevaliers de lustre, ибо во всѣхъ французскихъ театрахъ рѣшаеть судьбу

пьесъ преимущественно партеръ. Парижскіе хлопальщики имѣютъ разныя подраздѣленія: le tarageur громко и сильно аплодируетъ актёру за всякую даже посредственную его игру. Le connaisseur помѣщается обыкновенно въ ложѣ, въ дорогой галерей или на балконѣ: онъ знаетъ часто назвустъ стихи представляемой пьесы, ворчитъ или улыбается кстатн, настраиываетъ своихъ сосѣдей къ аплодисманамъ, замѣчая имъ удачныя мѣста въ пьесѣ, рассказываетъ интересные анекдоты объ актёрахъ во время антрактовъ. Le rigeur хохочетъ отъ всякой даже плоской шутки дѣйствующаго лица; le pleigneur дѣйствуетъ на публику своею притворною саниментарностью, вздохами и стѣнаніями; le chatouilleur, предъ начатіемъ пьесы и въ между-дѣйствіяхъ, потчиваетъ зрителей табакомъ, конфетами, даетъ имъ читать аффишу, и, такъ-сказать, располагаетъ въ свою пользу сосѣдей по мѣстамъ; le chauffeur, въ день представленія новой пьесы, съ восторгомъ читаетъ на углахъ улицъ приклеенныя аффиши, и когда собирается вокругъ его толпа народа, онъ восклицаетъ: «Ахъ, сегодня играютъ безподобную пьесу! надобно заранѣе достать билетъ; актрисса N. N. играетъ, какъ ангель. Le bisseur при всякой спѣтой ариѣ непременно повторяетъ «bis», «dasaro». Эти господа бѣгаютъ обыкновенно въ оперные театры.

М О Д Ы.

Было время, когда мужскіе наряды отличались самою причудливою узкостью: щегольской нарядъ долженъ былъ обтягивать всѣ части тѣла, и все спокойное, свободное, уютное было изгнано изъ туалета. То было время, выньче другое! Нынѣшніе мужскіе костюмы отличаются своею роскошною просторностью и изящною простотою.

Первое мѣсто въ мужскомъ нарядѣ занимаетъ вынѣ пальто, но уже не пальто-сакъ, а пальто-сюртукъ (paleto an tweed droit) съ двойными швами и только четырьмя пуговицами наперед, съ маленькимъ груднымъ карманкомъ на лѣвомъ боку.

Также утренніе фраки (habit de matin) въ большомъ употребленіи; они превосходно рисуютъ всю талию и притомъ весьма-щеголеваты; въ такомъ фракѣ можно явиться какъ къ обѣду, такъ и на вечеръ, не преступая правилъ приличія.

Панталоны широкіе, круглые, обтягивающіе часть сапога; цвѣта свѣтые разнообразѣйшихъ рисунковъ; клѣчатые и полосатые наиболѣе употребительны. Такъ-называемые бри-

стократы моды носятъ панталоны съ темными лампасами на боку (une bande d'une couleur plus foncée).

Жилеты длинныя съ маленькимъ круглымъ воротникомъ, довольно-открытые.

Шляпы низкія съ маленькими полями (у насъ щеголи предпочитаютъ шляпы г. Циммермана, которыя отличаются какъ легкостію, такъ прочностью и красивыми формами).

Въ приготовленіи мужскихъ нарядовъ известна мастерская г. Оливье, (на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Бургимова), которую Парижъ и Лондонъ ежемѣсячно снабжаютъ своими новостями; въ ней можно найти всѣ потребности мужскаго туалета въ новѣйшемъ вкусѣ.

Для дамскихъ нарядовъ можемъ мы указать богатая мастерскія г-жъ Сихлеръ, Мерà, Мальпаръ, гдѣ наши щеголихи могутъ вполне удовлетворить всѣ свои потребности и прихоти. Въ шляпкахъ же и головныхъ уборахъ отличается, какъ и прежде, Mad. Guillelmé.

ОПЕЧАТКИ.

ВЪ 4-Й КНИЖКѢ «ОТЕЧ. ЗАПИСОКЪ» НЫНѢШНЯГО ГОДА, ВЪ СТАТЬѢ
«ПИСЬМА ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ПРИРОДЫ» (ОТДѢЛ. II), ЗАМѢЧЕНЫ СЛѢДУ-
ЮЩІЯ ПОГРѢШНОСТИ:

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
90	8 сверху:	теологическихъ	теоретическихъ
94	2 снизу:	дондѣтъ	не идѣтъ
96	12 —	реализмъ	дуализмъ

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНЯЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛИОТЕКЪ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

Я. ИСАЕВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны на серебрѣ.)

	P. K.		P. K.
LA FRANCE AU 19 SIÈCLE , illustrée dans ses monumens et ses plus beaux sites, dessinés d'après nature par T. Allom, avec un texte descriptif, par Ch. Delille. L'ouvrage parait par livrais. in 4, publiés tous les quinze jours, chaque livrais. composée de 2 gravures sur acier avec le texte. L'ouvrage aura environs 50 liv. au prix de	35	par Fertault. Un vol. in 8. orné de gravures. Paris. 1844.	1 70
HISTOIRE DE ST. JÉRÔME , père de l'église au 4 Siècle; sa vie, ses écrits et ses doctrines, par Colombet. 2 vol. 8. Paris. 1844.	4 25	PHYSIOLOGIE DE LA TERRE , études géologiques et physiologiques appliquées aux principes généraux de l'agriculture, par le Marquis de Travanel. Un vol. 8. Paris. 1844.	2 15
DES TRIBUNAUX DE COMMERCE , des commerçans et des actes de commerce, par Nouguiet. 3 vol. in 8. Paris. 1844.	6 85	LE BON JARDINIER , almanach pour 1845, par M. M. Poiteau, Vilmorin, Naeman etc. Un gros vol. 12. Paris. 1845	2
DÉFENSE DE L'UNIVERSITÉ et de la philosophie, par V. Cousin. Un vol. 8. Paris. 1844	1	RÉCHERCHES SUR L'OPÉRATION DU STRABISME . Un vol. 8. Paris. 1844.	35
ESSAI sur les principes de population, par Malthus, nouv. édition avec une introduction, par M. Rossi. Un fort vol. gr. in 8. Paris. 1845.	2 80	TRAITÉ DE STÉRÉOTOMIE , comprenant les applications de la géometrie descriptive à la théorie des ombres, la perspective linéaire, la gnomonique, la coupe des pierres et la charpente. Un vol. in 4, avec un atlas de 74 pl. folio. Paris. 1844	10
PAQUERETTES ET BOUTONS D'OR ,		DE L'ÉTAT DE LA QUESTION sur le système d'ensemble des places fortes, brochure in 8. Paris. 1844.	60

	P. K.		P. K.
RAPPORT SUR LES MACHINES DU BRANDON, par Reech. Un vol. in 4. avec pl. Paris. 1845.	4 30	DE L'ACTION DU CAFÉ, DU THÉ ET DU CHOCOLAT sur la santé, et de leur influence sur l'intelligence et le moral de l'homme, par St. Arroman. Paris. 1845.	30
DROIT HINDOU. Traités des successions et de l'adoption, trad. du Mitaeshara, par Orianne. Un vol. 8. Paris. 1844.	2 15	LOIS DE L'ALGERIE, du 5 juillet 1830 à 1844, par Franque. 3 vol. 8. Paris. 1844.	4 30
EXTRAIT DE L'HISTOIRE DES MONGOLS de Raschid-Eldin, publiée par Quartremère (texte persan), in 8. Paris. 1844.	1 30	REVUE PITTORESQUE, Musée Littéraire; abon. pour 12 cahiers, in 4, ornés de gravures.	2 50
ESQUISSES ET PORTRAITS, par M. de la Rochefoucauld, Duc de Doudeauville. 3 vol. in 18. Bruxelles. 1844.	1 80	HISTOIRE DES DUCS D'ORLÉANS de la Maison de Bourbon. 6 vol. in 8, ornés de 24 portrait. Paris. 1845.	12 85

Въ томъ же магазинѣ Я. А. Исакова, поступила въ продажу и раздается гг. подписавшимся

ДВѢНАДЦАТАЯ КНИЖКА

МЕДИЦИНСКАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО ЛЕКЦИОНА,

украшенная 136 рисунками. Все изданіе будетъ заключаться въ 24 книжкахъ, по 90 коп. сер. за каждую.

Печатать позволено, 25 апрѣля 1845. Старшій цензоръ Рочертъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ У М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой - Морской,
въ домѣ Паскаля № 11.

Пьесы для скрипки.

	Серебрянъ	P.	K.
BERIOT, C. de, 4-me Concerto p. violon avec. acc. d'Orchestre op. 46.	4	58	
— idem idem avec acc. de piano op. 46.	2	.	
ARTOT, J. Grande fantaisie sur l'hymne national russe p. violon avec acc. de piano op. 11.	2	.	
— Variatons concertantes pour violon et Chant avec acc. de piano op. 17.	2	29	
ALARD, D., fantaisie sur la Norma pour violon avec acc. de piano op. 9.	2	29	
BAZZINI, A. fantaisie sur la Romance et un chœur de la favorite de Donizetti, pour violon avec acc. de piano. op. 17. № 4.	1	29	
— final du 2-me acte de l'opéra Oberon de Weber pour violon avec acc. de piano op. 17. № 5.	1	43	
— Air de l'opéra: i Puritani pour violon avec acc. de piano. op. 17. № 6.	1	72	
HARTMANN, f. 3 grands Duos pour 2 violons arr. d'après les Sonates de Beethoven. (op. 13. 14. 29 № 2) liv. 1 № 1 à 3 каждая по 1 p. 43 коп.	4	29	
— 3 grands Duos pour 2 violons arr. d'après les Sonates de Beethoven (op. 27 № 13 26. 29 № 3). liv. 2 № 1 à 3 каждая по 1 p. 43 коп.	4	29	
HAUSER, M. Chanson d'amour, chanson de berceau, 2 Chants sans paroles pour le violon avec. acc. de piano op. 11.	.	85	
JANSA, L. Six Duos pour 2 violons. op. 64 № 1 à 7 каждая 1 p.	6	85	
— 3 thèmes de Rossini variés pour piano et violon. op. 67, № 1 à 3 каждая по 1 p. 50 коп.	4	50	
KAYSER, H. E. Duos faciles et agréables d'après des thèmes jolis d'opéras favoris pour 2 violons. Liv. 1 à 6 каждая по 1 p.	6	.	
LIPINSKI, Ch. 3 Caprices pour violon seul op. 29.	.	86	
ONSLow, G. 35-ème Quatuor pour 2 violons, alto et velle op. 66.	2	86	
— 26-me Quintetto pour 2 violons, alto et 2 velles (ou velle et contrebasse) op. 67.	4	58	
PRUME, f. Concertino pour violon avec acc. de piano op. 4.	3	43	
RIEFSTAHL, C. Introd. et variations pour violon avec acc. de piano op. 5.	2	.	
— Deux Romances sans paroles pour le violon avec acc. de piano op. 6.	1	15	
SIVORI, C. fantaisie-Etude pour violon avec acc. de piano. op. 6.	2	29	
<i>Для одного фортепьяно.</i>			
AZHAREVITSCH, J. fantaisie et Variations sur l'air bohémien: koca. . .	1	.	
BERNARD, M. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Petersburg.			
№ 1 Bellini, Quin'tetto de la Sonnambula.	.	50	
№ 2 Rossini, Canzonetta du Barbier de Seville.	.	30	
№ 3 Donizetti, Air final de la Lucia (chanté par Rubini).	.	75	
№ 4 Donizetti, Sextuor de la Lucia.	.	50	
№ 5 Bellini, Air final de la Sonnambula (chanté par M-me Viardot).	.	60	
№ 6 Bellini, Cavatine de la Sonnambula (chantée par Tamburini).	.	30	
№ 7 Bellini, Duo de la Sonnambula (chanté par Rubini et M-me Viardot).	.	40	
№ 8 Donizetti, Cavatine de l'opéra Maria di Rohan (chanté dans la Lucrezia par M-lle Alboni).	.	30	

№ 9 Beriot, Air chanté dans l'Elisire d'amore par M-me Viardot-Garcia.	V	60
№ 10 Baffe, Air favori chanté dan Don Pasquale par M-me Viardot-Garcia.		75
BEYER, f. fantaisie brillante sur des thèmes de la Sonnambula.	1	
CZERNY, C. Etudes de la Vélodité (nouvelle Edition) op. 299.	2	85
— 100 Exercices faciles et progressifs. op. 453 liv.	1	
DAMCKE, B. Romance sans paroles. op. 17 № 2.		50
— 5 Mélodies. op. 26 № 1. Un Souvenir de Voyage. № 2 l'espérance. № 3. Chansonnette allemande, № 4. Réverie, № 5 Barcarolle.	1	30
DÖHLER, Th. Souvenirs de Naples. Tarantelle op. 46.	1	
— Grande Valse brillante op. 47,	1	72
— Fantaisie sur des motifs de l'opéra Sapho. op. 49.	2	29
— Mazurka favorite tirée de l'opéra 53.		40
— la Carlotta 1-ère Polka originale. op. 56 N° 1.		50
DREYSCHOCK, A. le Ruisseau. Romance sans paroles. op. 24.		50
— la Coupe, Chanson à boire op. 25.		60
— le Vallon, Idylle. op. 26.	1	60
FESCA, A. Le Désir, Romance sans paroles.		50
GORPFERT, G. C. Cavatine de Maria di Roban de Donizetti, transcrite.		60
HABERBER, E. La Cascade. Etude caractéristique.		85
HENSELT, A. 2 Romances du Comte M. Wielhorsky, transcrites.	1	
HERZ, H. la Polka nationale. Morceau de Salon. op. 135.		75
— Fantaisie et Variations sur plusieurs motifs de la Sirène d'Auber op. 141.	1	72
— Lutine. Valse brillante. op. 145.	1	
KALKBRENNER, f. la Solitude. Nocturne.		43
— Causeries de jeunes filles. Pensée fugitive.		30
KULLAK, Th. La Gazelle. Pièce caractéristique. op. 22.	1	
— Morceau de Salon sur un air allemand.		60
LÉGRAND, I. Air final de la Lucia di Lammermoor transcrit.	1	
— Cujus animam. Air favori du Stabat mater de Rossini, transcrit.		85
LISZT, f. Faribolo Pastour. Chanson tirée du Poème de Françonnetto de Jasmín, transcrite.		86
— Chanson de Bearn, transcrite.		86
MAYER, Ch. Seconde Toccata. op. 75.		86
— Romance sans paroles tirée de l'op. 77.		50
— Chanson de Printemps. op. 79.		60
MEYER, L. de, Machmudier, air guerrier des Turques. op. 22, connu à Paris sous le titre: Marche marocaine.	1	15
— Bajazeth, air national des Turques. op. 23.	1	15
ROSELLEN, H. fantaisie et Variations brillantes sur la Sirène. op 66.	1	43

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.* пользуются означенною уступкою, время того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодю этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ канонъ либо-каталогъ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла первая мая пятая тетрадь Музыкальнаго Журнала «*НУВЕЛИСТЪ*», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: Kullak, La Gazelle, Pièce caractéristique. Mayer, Ch. La Gentille. Valse nouvelle (inédite). Lacombe, Douces pensées, Mélodie. Kalkbrenner, véritable Mazurka. — К** Н. П. Т. Жалоба, слова Жуковскаго, Романсъ. (inédite) Masini, petite fleur des bois. Romance, Музыкально-литературное Прибавленіе № 5

Годовая подписка 40 руб. сер. Съ пересылкою 44 руб. 50 коп. серебромъ.

40²

1845

* QCA

EXHIBIT OF DOCUMENTS
OF THE
EXHIBIT

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ЮНЬ.

№ 6.

1845.

I. СЛОВЕСНОСТЬ. Стихотворенія. 1) Дядѣ Кроносу. **Н. П. ОГАРЕВА.** Стр. 173.
— 2) «Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ». **А. ФЕТА.** Стр. 282.

Проза: 1) Жанна. Романъ **ЖОРЖА ЗАНДА.** Часть вторая и послѣдняя. Стр. 175.
— 2) Мѣлочка. Повѣсть. **С. П. ПОВѢДНОСЦЕВА.** Стр. 283.

II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. 1) Реформація. *Статья первая и послѣдняя.* (Реформація въ нижне-германскихъ городахъ. — Оппозиція противъ Австрій. — Уступки императора. — Смерть Иоганна-Саксонскаго. — Сеймъ въ Регенсбургѣ. — Событія въ Виртембергѣ. — Походъ ландграфа гессенскаго. — Возстаніе Любека. — Вулленбергеръ. — Христианъ III. — Состояніе наукъ и литературы въ XVI-мъ вѣкѣ. Стр. 83. — 2) Консульство и Имперія. Соч. **ТЬЕРА.** *Статья вторая (Марено: Бѣдствія гарнизона въ Генуѣ. Переходъ черезъ Альпы. Обходъ крѣпости Баръ. Меласъ. Сдача Генуи. Сраженіе при Маренго. Деза. Александрійская конвенція. Первый консулъ въ Миланѣ. Папа Пій VII. Возвращеніе перваго консула въ Парижъ. Побѣда при Гогштедтѣ. Перемиріе въ Германіи и въ Италіи. Переговоры о мирѣ. Праздникъ 14 іюля. — Геліополь: Состояніе Египта послѣ отбытія генерала Бонапарте. Тоска по родицѣ. Дешени Клебѣра. Истинное состояніе Египта. Свръ Сидней-Смитъ. Кровавое пролитіе въ форгъ Эль-Аршѣ. Эль-аршеская конвенція. Эффектъ, произведенный въ Европѣ дѣшевыми Клебѣра. Рѣшеніе англійскаго министерства. Прокламація Клебѣра. Сраженіе при Геліополѣ. Возстаніе Каира и усмиреніе его. Покореніе Египта. Фаватикъ Сулейманъ. Смерть Клебѣра. Характеръ Клебѣра и Деза).* Стр. 126.

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ. 1) Обзорніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за апрѣль 1845 года. Стр. 11. — Событія въ отечествѣ за тотъ же мѣсяцъ. Стр. 18.

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ. Вода. Происхожденіе ея; улучшенія ея, физическое и химическое; удобреніе и употребленіе; упавоживаніе сѣмьей. *Статья третья (Упавоживаніе почвы).* Стр. 1.

V. КРИТИКА. Тарантась. Путевыя впечатлѣнія. Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. Стр. 29.

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. 1) Русскія книги, вышедшія въ мартѣ 1845 года: Стихотворенія, **Э. Губера.** — Памятники Московской Древности, тетр. 9, 10 и 11-я послѣдняя). — Творенія Св. Отцовъ; годъ 3-й, кн. 1. — Краткое Описаніе суевѣрій Чудашъ, **А. Протопопова.** — Путеводитель по государственнымъ архивамъ, **П. Иванова.** — Очеркъ Литературы Русской Исторіи, **А. Старчевскаго.** — Опытъ Исторіи Русской Литературы, **А. Никитенко.** — Русская Исторія, **Н. Устрялова,** 3-е изд. — Русскіе Полководцы, сост. **Н. Полевскаго.** — Взглядъ на современное положеніе уголовнаго законод., **П. Давыдъ.** — Словарь Русскихъ Святскихъ Чинателей, соч. митроп. **Евгенія,** изданіе Москвитинина. — Генеральная Карта европейской части Россіи. — Галерея портретовъ царствующихъ особъ. — Теорія Фивансовъ, **В. Горлова.** — Краткое Изчертаніе топограф. анатоміи, **Зетера.** — Холодная Вода, соч. **Гросса.** — Отчетъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. — Отчетъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства въ Москвѣ, за 1844 годъ. — Отчетъ Вольнаго Экономическаго Общества, за 1844 годъ. — Объ оброчныхъ работникахъ, **П. Полюнина.** — Мысли о поддержаніи сроднихъ цѣвъ на хлѣбѣ. — Бѣсѣды Русскаго купца о торговлѣ. — Объ Ирригаціи, **И. Шопена.** — Библиотека для Воспитанія, отд. II, часть I-я. — Альманахъ для Дѣтей. — Новая Латинская Азбука. — Сѣвѣйшій Французскій Самоучитель, сост. **Е. Се...ица,** изд. 2-е. — Новый Французскій Букаръ. — Географія, составл. **А. Чертковымъ.** — Библиотека Романовъ («Похожденіе Геркулесса Арди», часть II-я). — Приятель мой Пиффаръ, **Поль-де-Кока.** — Эльвира, романъ, **В. М-ва.** — Юрьевъ День, **И. Никифорова.** — Полночь 1844—1845. 3... **Адльсона.** — Галатейная книжка. — Вѣстникъ въ Потомствѣ, **Ө. Кузмичева.** Стр. 47. — 2) Книги, вышедшія въ Россіи на иностранныхъ языкахъ: l'Étranger à Venise. — Tableau Mnémotique, par M-me Minzloff. — Le Livre de l'enfance, par Th. Courtener, 9-е изд. Стр. 81.

VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Современная драматическая литература въ Англии. 1) ДРАМА: *Шериданъ Нольс:* «Виргиній», «Кай Гракхъ», «Видальиъ Телль»;

— *Томас Нунь Тальфурез*: «Юнъ», «Ленинская Пѣтница», «Гленкоз»; — *Эдвардъ Липтонъ Болверъ*: «Кромвель», «Герцогиня де-ла-Вальеръ», «Ришль», «Капитанъ «Девигъ»». — 2) Водевиль и мелкія пьесы: *Дуласъ Джерольдъ*, *Букстонъ*, *Бернеръ Оксенфоръ*, *Планиъ*, *Дансъ*, *Ридъ*, и другихъ. — 3) Драма въ стихахъ: *Броуниинъ «Парапельсъ»*, «Страфордъ», «Король Викторъ и Король Карлъ», «Возвращеніе Друзовъ», «Сорделло»; — *Марстонъ*: «Дочь Патриція»; — *Поусилъ*: «Слѣпая», «Мшевіе Жешинны», «Маргарита», «Маріонъ»; — *Тайлоръ*: «Филиппъ Артефельтъ»; — *Вэлъ «Фестъ»*; — *Сара Флоуеръ* Адамсъ: «Вивія». — 4) *Макреди и его кругъ дѣятель*. Стр. 51.

VIII. СМѢСЬ. 1) Биографія знаменитыхъ современниковъ: 1) Сальваторъ Тончи. Стр. 71. — 2) Беранжѣ. Стр. 73.

ii) Нравы, обычаи и понятія въ Сѣверо-Американскихъ - Соединенныхъ - Штатахъ. **Статья Р. ВЕССЕЛЬГЕФТА.** Стр. 80.

iii) Свѣдѣнія о Европѣ, сообщенныя Китайцамъ католическими въропроповѣдниками. **О. ІАКИНОА.** Стр. 91.

iv) Литературныя и Журнальныя Замѣтки. 1) Замѣчанія на статью «Библиотека для Чтенія» «Страбонъ» и «О Иберіи нынѣшняго Закавказья». Стр. 97. — 2) Критическія замѣчанія г. Буслева на изданіе «Слова о Полку Игоревомъ» изданномъ Дубенскимъ («Москвитинъ» 1845, №1, Крит. стр.29). **Д. ДУВЕНСКАГО.** Стр. 103. — 3) Размышленіе по поводу нѣкоторыхъ явленій въ иностранной журналистикѣ. Стр. 115. — 4) Нѣсколько словъ о фельетонистѣ «Сѣверной Пчелы» и «Хвровъ». Стр. 119.

v) Театральная Лѣтопись. *Французскій Театръ въ Парижѣ*: 1) *La Vierge*, опера; 2) *Napoléon*, драма; 3) *Une soirée à la Bastille*, ком.; 4) *le Samoëns*, драма; 5) *Jeanne et Jeanneton*, ком.; 6) *le Petit Poucet*, картины; 7) *la Tour de Ferrare*, драма. Стр. 119.

vi) Ученныя Извѣстія: Географическое распределеніе рода человѣческаго. — 1) стіе поджелудочной желѣзы въ процессѣ пищеваенія. — Дыханіе лягушекъ. — Живое электричество; мускульные токи. — Вліяніе пола рождающагося на самые органы. — Происхожденіе органическихъ красильныхъ веществъ. — Акустическія явленія электрическаго тока. — Свѣтоносные метеоры. — Поверхность луны. — Анастатическое цѣлтаніе. Стр. 123.

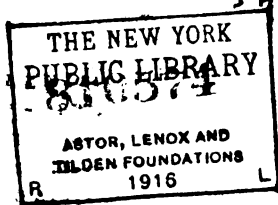
vi) Разныя Извѣстія. (Искусства и литература. — Открытія и изобрѣтенія. — Нравы и обычаи. — Хозяйственныя и общепользныя замѣчанія. — Мелочи). Стр. 135.

vii) Моды (съ *парижскою картинкою моды*).

Всѣ желающіе помѣщать статьи свои въ «Отечественныхъ Записокъ» благоволятъ доставлять ихъ въ Контору этого журнала, адресуя на имя доктора, *Андрея Александровича Краевскаго*. Статьи, принятыя редакторомъ напечатываются при первой возможности; тѣ же, которыя сочтены будутъ все-неудобными къ напечатанію, возвратятся отъ него, безъ всякихъ объясненій, въ Контору, гдѣ доставившіе могутъ обратно получить ихъ; но въ какомъ случаѣ, ни самыя статьи, ни объясненія о причинѣ ненапечатанія ихъ не будутъ пересылаемы по почтѣ изъ Редакціи. *Стихотворенія*, и знанія неудобными къ напечатанію, возвращаемы не будутъ.

Каждая книжка «Отечественныхъ Записокъ» 1845 года доставляется изъ Конты Редакціи въ Газетную Экспедицію въ конвертѣ, заклеенномъ на-глухо со всѣхъ сторонъ обклеенномъ бандеролемъ, къ которому прикладывается печать Санктпетербургскаго Шамта; сверхъ-того, на всякомъ пакетѣ Контора Редакціи выставляется печатнымъ штепелемъ то число мѣсяца, когда книжка сдана отъ нея въ Газетную Экспедицію. Въ видѣ всѣхъ гг. иногородные подписчики должны получать адресованныя на имя ихъ книжки «Отеч. Записокъ» изъ почтовыхъ конторъ, которыя, съ своей стороны, для удобства ренія, возвращаютъ въ Газетную Экспедицію посланныя имъ при тѣхъ картѣ, съ вѣсками получателей каждой книжки журнала.

Все это Редакція считаетъ пужнымъ сообщить публикѣ для того, чтобъ, въ случаѣ несправнаго полученія «Отеч. Записокъ», — т. е. если на получаемомъ пакетѣ не будетъ печати Газетной Экспедиціи и штемпеля Конторы журнала, равномерно если бандеролы пакеты будутъ изорваны; если, наконецъ, самая книжка будетъ разрѣзана, изорвана, продержана лишнее время, или и совсѣмъ не доставлена, — о всѣхъ такихъ несправностяхъ гг. подписавшіеся благоволятъ немедленно уведомить редакцію. Справедливый лобъ ихъ будетъ тотчасъ же доводима до свѣдѣнія почтоваго начальства, и несправно поправится въ наискорѣйшемъ времени.

ДЯДЬ КРОНОСУ.

(Изъ Гѣте.)

Ну, скорѣй, Кронось!
Шумною рысью впередъ!
Внизъ по горѣ все дорога;
Что жъ? Голова у меня
Съ тихой вѣды закружилась.
Живо, хоть тряско, впередъ
Рысью по камнямъ и кочкамъ
Въ жизнь поскорѣй выѣжай!

Ну! ужь опять ты
Шагомъ несноснымъ съ трудомъ
Въ гору поѣхалъ, лѣнивый!
Ну же, проснись и пошелъ
Къ верху, стремись и надѣйся!

Взглядъ необъятный, но чудный,
Взглядъ открывающій жизнь:—
Вдаль, внизъ и вверхъ черезъ горы
Вѣчный проносится духъ
Съ предчувствіемъ вѣчнаго жизни.

Въ сторону манить тебя
Тѣнь подъ навѣсомъ,
Манить живительный взоръ
Дѣвы, что тутъ у порога.
Здѣсь наслаждайся! О! мнѣ
Дѣва шиплящій манитокъ,
Мнѣ жизни исполненный взоръ!

Внизъ поскорѣе поѣдемъ!
Солнце садится, смотри!
Вдемъ, пока меня старца
Холодъ не обдалъ болотъ,
Кости дрожать не заставилъ,
Зубы объ зубы стучать.

Вит Скеканд. ф. р. с. 5/17/16

Ты меня свѣтомъ послѣднимъ
 Дня — упоеннымъ вези,
 Море огня передъ взоромъ
 Мутнымъ монимъ ты разлей, —
 Пусть ослѣвленный добѣду
 Къ гартара мрачнымъ вратамъ.

Дада! труби же ты въ рогъ свой,
 Громкую рысь протруби,
 Оркучь чгобъ рышавъ: мы вдемъ,
 Тотчасъ у двѣрей бы насъ
 Принимъ радушный хозяинъ.

Н. ОГАРЕВЪ,

СЕРИОЗНОСТЬ

ЖАННА.

Романъ Жоржа Занда.

Часть вторая из шестой книги.

1.

Видеда горы Барло.

Марсилья пріѣхалъ подь-вечерь. Не стараясь пріобрѣсть себѣ большое число кліентовъ въ Герэ, онъ не былъ связанъ подобно другимъ адвокатамъ той провинціи. Намѣреваясь только начать карьеру въ той странѣ, гдѣ родился, и защищая только процессы значительныя и извѣстныя, онъ могъ довольно-часто пріѣзжать на нѣсколько дней въ Буссакъ. Честолюбіе свое онъ скрывалъ подь видомъ равнодушія, почти презрѣнія къ славѣ судебного поприща, но въ душѣ стремился къ тому, чтобъ, со-временемъ, сдѣлаться депутатомъ.

Трудно повѣрить, чтобъ человекъ съ такимъ характеромъ могъ сильно и страстно полюбить женщину, подобную Жаннѣ. Влеченіе Марсилья къ эп-нелльской пастушкѣ значительно уменьшилось, но настойчивость его воли инстинктивно отражалась въ его желаніяхъ. Неудовлетворенная прихоть беспокоила его, можетъ-быть, болѣе, нежели сколько онъ желалъ бы, и въ-продолженіе двух-лѣтнихъ усилій овладѣть красивѣйшею изъ комбральскихъ дѣвушекъ, съ нимъ время отъ времени бывали припадки досады на самого-себя и на нее, при мысли, что изъ всѣхъ его предпріятій подобнаго рода во всю жизнь не удалось только это, тогда-какъ онъ употреблялъ тутъ больше усилій, нежели когда-либо. Марсилья съ удовольствіемъ узналъ о вступленіи Жанны въ замокъ Буссакъ; надѣясь, что тамъ она будетъ у него подь рукою, и, во время болѣзни Гильйома,

придумывалъ разные предлоги, чтобъ чаще посѣщать его. Онъ подстерегалъ Жанну въ обширныхъ галереяхъ замка, чрезъ которыя она спѣшила къ своему милому крѣстному, ввечеру на дворъ или въ коровникъ, даже у кровати больного, по слабости котораго Марсіля бывалъ иногда почти наединѣ съ Жанною; онъ истощалъ все свое живое и сильное краснорѣчіе, всѣ соблазнительныя предложенія и покушенія фамиллярности, не успѣвъ ни на одну минуту тронуть или испугать ее. На все его краснорѣчіе Жанна отвѣчала пожатіемъ плечъ.

— Не понимаю, говорила она:—какъ вы рѣшаетесь шутить подобнымъ образомъ, тогда какъ моему крѣстному такъ дурно, а крѣстная въ такомъ горѣ. Вы, кажется, ихъ любите, потому—что очень-услужливы въ домѣ; но вы такой взбалмошный человекъ, что вамъ непременно надобно бѣсить кого-нибудь. Я думаю, вы увидались бы около дѣвушекъ стоя по колѣни въ огнѣ. Оставьте меня въ покоѣ, вы все говорите пустяки. Если опять начнете, я пожалуюсь Людѣ.

Хладнокровіе Жанны было лучшею защитою, чѣмъ гнѣвъ или страхъ. Марсіля чувствовалъ, что она говоритъ правду и думаетъ о немъ не хуже того, чего онъ заслуживаетъ; онъ въ-самомъ-дѣлѣ любилъ Гильйома, и не одно лицемеріе было основаніемъ его поведенія.

И такъ, онъ ничего не добился отъ той, которую полустрастно, полупшутя называлъ «комбральскою жемчужиною». Горожане рѣдко серьезно ухаживаютъ за деревенскими дѣвушками. Они сохраняютъ съ ними въ обращеніи тонъ превосходства, отзывающагося презрѣніемъ, котораго тѣ не понимаютъ, когда въ-самомъ-дѣлѣ влюблены, а это иногда бываетъ къ ихъ несчастію, такъ—что корыстолюбіе (не скажу тщеславіе) не играетъ тутъ никакой роли. Наши горожане, очень-развращенные, основываясь на своемъ богатствѣ и нѣкотораго рода зависимости, въ которой держатъ бѣдныя семейства, присвоили себѣ надъ ними нѣкоторыя права феодальныхъ владѣтелей.

Когда Гильюмъ началъ выздоравливать, Марсіля замѣтилъ, что онъ оказываетъ своей крестницѣ исключительное покровительство и, чтобъ не показаться смѣшнымъ, притворился совершенно-равнодушнымъ къ Жаннѣ. Бывали минуты, когда, угадывая въ своемъ другѣ страсть гибельную, но истинную, онъ желалъ великодушно помогать его любви. Ему хотѣлось бы только, чтобъ Гильюмъ попросилъ помощи и совѣтовъ его развратной опытности; но молодой баронъ согласился бы скорѣе умереть, чѣмъ открыться ему.

Притомъ, Марсіля льстило вниманіе, которое предпочтительно предъ другими лицами одного съ нимъ класса оказывали ему дамы,

жившія въ замкѣ. Это слабость всѣхъ честолюбивыхъ горожанъ, хотя нигдѣ нѣтъ менѣе дворянства, чѣмъ въ этой провинціи, и хотя въ эту эпоху было въ модѣ смѣяться надъ дворянствомъ и унижать его болѣе, нежели сколько бы слѣдовало. Обстоятельства освободили Жанну отъ преслѣдованій Марсіля: онъ уѣхалъ, занялся своими дѣлами, своею репутаціею, своею будущностью; желаніе обладать молодою по-селянкою пробуждалось не на долго, тѣмъ болѣе, что возможность говорить съ нею представлялась все рѣже и рѣже и становилась опаснѣе для репутаціи «человѣка съ вѣсомъ». Съ каждымъ днемъ шалости юности, на которыя смотрять съ снисхожденіемъ, становились болѣе-и-болѣе неприличны для извѣстнаго адвоката. Можетъ-быть, при занятіяхъ гораздо-важнѣйшихъ, у Марсіля прошла бы къ нимъ и охота. Однимъ словомъ, влеченіе къ Жаннѣ утихло въ груди его, быть-можетъ для того, чтобъ при удобномъ случаѣ пробудить-ся съ болѣею силою.

Однажды, передъ обѣдомъ, онъ увлекъ Гильйома и сэра Артюра на лугъ, на которомъ Жанна обыкновенно пасла своихъ коровъ. Предлогомъ къ этому была охота за зайцами въ прибрежныхъ горахъ. На дѣлѣ же, Марсіля хотѣлъ увидѣть сэра Артюра съ предметомъ его мыслей. Люди столько подслушала у дверей Артюра, что почти-наизусть знала странное признаніе, стороною сдѣланное имъ Жаннѣ, а Марсіля столько еще былъ привязанъ къ Людѣ, что провелъ съ нею четверть часа наединѣ. Люди, не-имѣвшая съ своимъ прежнимъ любовникомъ другихъ сношеній, кромѣ удовольствія поболтать отъ времени до времени, и видя, что его всегда забавляетъ это болтанье, охотно рассказывала ему все случавшееся въ домѣ, а Марсіля, любившій все знать, заставлялъ ее служить въ своей тайной полиціи такъ, что она этого и не подозрѣвала.

Молодые люди достигли до конца луга, но ни проникательный взглядъ Марсіля, ни меланхолическій и тревожный взглядъ Гильйома не открыли Жанны. Однакожь, коровы паслись на лугу, и пастушка не могла быть далеко. Имъ пришлось отказаться отъ встрѣчи съ нею, и Леонъ принужденъ былъ пойдти между скалъ, чтобъ поднять съ мѣста дичь, обѣщанную ружью сэра Гарлея.

Тогда только открылъ онъ Жанну, спавшую глубокимъ сномъ подъ защитою огромной скалы. Это состояніе изнеможенія и лѣности было совершенно-противно привычкамъ Жанны и деревенскому предрасудку, что опасно засыпать на поляхъ. Но она не спала ночью и двухъ часовъ и усталость побѣдила волю; прялка была еще привязана къ боку Жанны, но веретено выпало изъ рукъ, и нитка порвалась. Ея прекрасная головка склонилась къ скалѣ, и пенка прялки служила подушкою непорочной щекъ ея. Она сидѣла въ

самой скромной позѣ и правая рука, вися вдоль тѣла, время-отвремя дѣлала слабыя движенія какъ-бы для того, чтобъ привести веретено въ дѣйствіе.

Марсилья остановился въ нѣсколькихъ отъ нея шагахъ и далъ своимъ товарищамъ знакъ приблизиться. Сердце Гильйома сжалось, когда онъ увидѣлъ свою чистую Жанну подъ жгучими взорами этого человѣка. Но сэръ Артуръ, посмотрѣвъ на Жанну нѣсколько минутъ въ молчаніи, по-видимому вдругъ смутился и, положивъ свои руки на руки Гильйома и Марсилья, сказалъ шопотомъ:

— Го!.. помните?

— Что такое? спросилъ Марсилья. — Кажется, вы вспомнили что-то очень-пріятное.

— Го! сказалъ Англичанинъ, съ чувствомъ простирая руку къ головѣ Жанны: — я все помню. Она была прекраснѣйшимъ на свѣтѣ дитятей — теперь она прекраснѣйшая изъ дѣвушекъ.

— Боже мой! вскричалъ Гильюмъ, проведя рукою по лбу: — я вспоминаю будто сквозь сонъ о чемъ-то... Помогите мнѣ, напомните!..

— Гильюмъ, сказалъ Гарлей: — помните вы камни жоматры и друидессу Велледу, три наши подарка и три наши желанія?

— Да, вскричалъ Леонъ: — теперь я припоминаю; не знаю только, какіе именно подарки мы ей сдѣлали. Это были три различныя монеты. Что же касается до трехъ желаній.. желаніе сэра Гарлея — «добрый мужъ», мое «дужій любовникъ»... Не помню, что пожелалъ Гильюмъ.

— И я тоже, сказалъ Гильюмъ: — помню только, что далъ золотую монету.

— А я все помню, какъ-будто-бы это случилось вчера, вскричалъ сэръ Артуръ.

— И вы думаете, что это была Жанна? спросилъ смущенный Гильюмъ.

— Отъ-чего же нѣтъ? возразилъ Леонъ: — я ничего не знаю, но можно въ этомъ увѣриться.

Онъ сказалъ это довольно-громко; Жанна проснулась, покраснѣла отъ удивленія и стыда, потомъ протерла глаза, встала, улыбнулась и посмотрѣла на своихъ коровъ. Онъ быди довольно-далеко. Жанна хотѣла бѣжать и догнать ихъ, но Марсилья остановилъ ее.

— Жанна, сказалъ онъ ей: — ты никогда и никому не говорила о томъ, что сдѣлала съ тремя монетами, которыя однажды, во время твоего сна на камняхъ-жоматрахъ, фавы горы Барло положили тебѣ въ руку.

Въ первый разъ послѣ пожара въ эп-дэльской хижинѣ Гиль-

Взвѣтъ увидѣвъ на лицѣ Жанны выраженіе величайшаго смущенія и глубокаго ужаса.

— Великій Боже! вскричала она, поблѣднѣвъ какъ смерть; — какъ вы это узнали? Я сказала объ этомъ только матушкѣ, и она никогда никому не говорила этого.

— Вероятно, твоя тѣтка знала объ этомъ.

— Нѣтъ! не знала. Кто могъ сказать вамъ? Не я виновата, если вы знаете, не я вамъ говорила.

— Не зачѣмъ ты такъ старательно скрывала дѣло очень-обыкновенное? сказалъ Гильиомъ. — Не понимаю, милая Жанна, отъ-чего ты приписываешь такую важность пустому случаю?

— И вы тоже знаете, крѣстный? спросила испуганная Жанна.

— И я, сказалъ Англичанинъ, взявъ руку Жанны съ видомъ отеческимъ и почтительнымъ: — и я знаю, и прошу сказать, не неприятно ли вамъ это, и не огорчаетъ ли это васъ?

— Нѣтъ, сударь, сказала Жанна съ видомъ странной гордости; — я никогда этимъ не огорчалась.

— Но зачѣмъ же ты скрывала? сказалъ Марсилья, нарочно говоря ей ты, чтобъ заставить страдать своихъ соперниковъ. — Развѣ ты въ-самомъ-дѣлѣ думала, что это тебѣ досталось отъ фады?

— Мнѣ нечего говорить вамъ объ этомъ, господишь Марсилья, отвѣчала Жанна съ недовольнымъ видомъ. — Вы, ученые, думаете по-своему, а мы по-своему. Мы просты, пожалуй, но видимъ въ поляхъ, на которыхъ живемъ день и ночь, вещи, которыхъ вы не видите и никогда не узнаете. Оставьте насъ такими, какъ мы теперь. Когда вы насъ переименуете, это дѣлаетъ насъ несчастными.

— Такъ ты думаешь, что это фады? повторилъ Марсилья. — Ты видишь, Гильиомъ! прибавилъ онъ, говоря и ему ты, что онъ дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ его добъсить: — вотъ каковы умъ нашихъ предѣстныхъ пастушекъ! У нихъ тысячи нелѣпыхъ предразсудковъ, и твоя крестница не могла вылечиться отъ нихъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, употребленныхъ твоею сестрою на то, чтобъ очистить мозгъ ея. Жанна, если хочешь, я скажу тебѣ...

— Нѣтъ, сударь, я хочу, чтобъ вы ничего не говорили, отвѣчала Жанна съ горестью, которая у ней служила выраженіемъ негодованія. — Довольно объ этомъ. Смѣйтесь, если вамъ угодно, надо мною и надъ вещами, которыхъ не знаете, если вы ничего не боитесь. Я ничего не сказала, ничего не сдѣлала дурнаго.

— Го! вскричалъ сэръ Артуръ, опечаленный грустью, изображающеюся въ чертахъ Жанны: — я ничего не понимаю... Но если Жанна ошибается, ей надобно сказать правду. Не должно смѣяться надъ ней, а надо объяснить...

Сэръ Артуръ остановился, увидя, что лицо Жанны омочено сле-

зами. Ему стало больно, что онъ способствовалъ появленію этихъ слезъ, и, не смотря на все желаніе разувѣрить и успокоить ее, онъ могъ сказать только «го!..»

Грусть и смущеніе Гильйома были еще-замѣтнѣе, но въ присутствіи Марсилля онъ не осмѣлился ни сдѣлать шага впередъ, ни сказать хоть одно слово, чтобъ удержать Жанну, которая поспѣшно удалилась.

— Что скажете, сэръ Артуръ, объ этой странности? началъ Марсилля, который одинъ, по-видимому, не былъ тронутъ. — Не правда ли, это довольно-любопытное явленіе въ нравахъ нашихъ деревень? Вы путешествовали по отдаленнымъ и необразованнымъ странамъ; бьюсь объ закладъ, вы и не подозрѣвали, чтобъ въ центрѣ Франціи могло быть столько грубыхъ предразсудковъ.

— Скажите столько фантастической поэзіи, отвѣчалъ сэръ Гарлей. — Я не нахожу во всемъ этомъ ничего смѣшнаго или достойнаго презрѣнія, и очень-хорошо помню все, что вы мнѣ когда-то рассказывали о феяхъ или фадахъ, посѣщающихъ древнія галльскія капища. Но объясните мнѣ, отъ-чего плачетъ эта молодая дѣвушка?

— Отъ-того, что разговоры о фадахъ и обнаруженіе сношеній, которыми онѣ удостоили смертныхъ, приносятъ несчастіе. Это преступленіе въ-отношеніи къ нимъ и съ этой минуты онѣ преслѣдуютъ и мучатъ нескромныхъ, которымъ оказали довѣріе. Вы видите, этой дѣвушкѣ не можетъ прійти въ голову, что мы — три феи горы Барло. Она упорствуетъ въ мысли, что получила милостыню отъ добрыхъ геніевъ, и опасаясь, чтобъ ея тайна не была разглашена, плачетъ и старается убѣдить насъ, что не она открыла ее. Что касается до такъ-называемой фантастической поэзіи, то на ея счетъ, сэръ Артуръ, я не такъ снисходителенъ, какъ вы. Я ненавижу суевѣріе и сожалею о грубыхъ заблужденіяхъ, въ какомъ бы видѣ они ни являлись, никогда не пропускаю случая посмѣяться надъ ними и думаю, что это долгъ нашъ въ-отношеніи къ простымъ людямъ, которые, быть-можетъ, сдѣлаются намъ равными въ тотъ день, когда захотимъ мы ихъ просвѣтить, вмѣсто того, чтобъ держать ихъ во тьмѣ невѣжества.

— Вы сдѣлались филантропомъ съ того времени, какъ я не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, сказалъ съ колкостью Гильюмъ.

— Я всегда имъ былъ, отвѣчалъ Марсилля: — думаю даже, что былъ болѣе васъ, Гильюмъ, потому-что продолжать невѣжество бѣднаго для удержанія его въ повиновеніи, есть идея вашей касты. Поэтому-то вы, претендуя на званіе поэтовъ, восхищаетесь сверхъестественнымъ, которымъ набиты эти бѣдныя головы.

— О, Марсилля, вы правы въ одномъ отношеніи, и неправы въ другомъ, отвѣчалъ сэръ Гарлей. — Подобно вамъ, я желалъ бы,

чтобъ крестьянинъ освободился отъ своего страха, такъ же, какъ и отъ бѣдности... Но если, научивъ его читать, вы ничего не дадите ему, кромѣ Вольтера, то мнѣ жаль будетъ, если онъ утратитъ свои поэтическія легенды и вѣрованія въ чудесное. Жанна сказала нѣчто довольно-важное, чего вы не поняли. «Крестьяне, живущіе на поляхъ день и ночь», сказала она: «видятъ вещи, которыхъ вы никогда не увидите», т. е. ихъ умъ болѣе склоненъ къ поэзіи, нежели нашъ—и въ этомъ, не знаю, должны ли мы имъ завидовать или сожалѣть о нихъ,—разочаровывать ихъ или восхищаться ими.

— Да, да, вы ими восхищаетесь какъ любопытные, какъ любители! отвѣчалъ Марсилья. — Вы бы охотно собрали ихъ легенды, чтобъ переложить въ стихи, въ пѣвущую прозу, или положить на музыку. Но вы не желали бы, чтобъ ваши дѣти питались подобными сказками, и очень-усердно старались бы разуверитъ ихъ, если бы они не въ шутку повѣрили тѣмъ сказкамъ, которыя слышатъ отъ кормилицъ.

— Можеть-быть, вы и ошибаетесь, сказалъ Гильйомъ.—Дитяти, какъ и крестьянину, нужна поэзія; его можно учить только съ помощію символовъ. — Я былъ вскормленъ сказками, которыя вы столько презираете, и былъ бы очень-недоволенъ, еслибъ всосалъ въ себя духъ Вольтера вмѣстѣ съ молокомъ матернимъ.

— Знаю, что вы были вскормлены тѣмъ же молокомъ, какъ и Жанна, сказалъ Марсилья улыбаясь:—и повѣствованія Тюлю такъ же могли вамъ нравиться, какъ мнѣ нравились вѣкогда рассказы моей бабушки, которая, съ вашего позволенія, была просто крестьянка. Но теперь въ этихъ символахъ вы стараетесь находить смыслъ, тогда-какъ Жанна и подобные ей видятъ въ нихъ великія и ужасныя истины, составляющія занятіе, безпокойство, идіотство и униженіе ихъ жизни. — Что скажетъ объ этомъ нашъ философъ? прибавилъ онъ, обращаясь съ ироніею къ сѣру Гарлею.

— Я скажу, что надобно бы съ крестьянами поступать такъ, какъ поступали съ Гильйомомъ: оставить имъ ихъ поэзію и пособлять имъ открывать смыслъ символовъ.

— Тогда не было бы вѣры въ поэзію, вскричалъ Леонъ, любившій поспорить.—Они забавлялись бы ею такъ же, какъ вы забавляетесь. Кто похолодѣе, сдѣлался бы критикомъ, другіе стали бы литераторами... чего жъ лучше? Но съ той же минуты они утратили бы ту доверчивую наивность, которую вы называете ихъ поэзіею, и которая, въ глазахъ вашихъ, составляетъ всю прелесть ихъ суевѣрія.

Сѣръ Гарлей хотѣлъ отвѣчать, но былъ встрѣченъ опроверженіями и вскоре побѣжденъ Марсилья, который свободнѣе выражался и имѣлъ на своей сторонѣ логику болѣе-ясную. Однако, онъ не убѣдилъ Англичанина, который, отдавая справедливость его критикѣ,

находить его чувства черствыми и съ ужасомъ смотрѣлъ на материализмъ его философіи. Но умы, довольствующіеся извѣстною небольшою и отдѣльною частію узнанной ими истины, въ спорѣ всегда будутъ имѣть много наружнаго перевѣса надъ тѣмъ, кто ищетъ въ неизвѣстномъ истину болѣе-обширную и идеальную. Сэръ Гарлей скоро принужденъ былъ уступить адвокату пальму первенства, и Гильюмъ, на котораго талантъ Леона подѣйствовалъ болѣе, нежели онъ сознавался, становился все печальнѣе и печальнѣе, и наконецъ замолчалъ.

Этотъ разговоръ возобновился ввечеру за рабочимъ столомъ, за которымъ хозяйки и молодые гости обыкновенно говорили отдѣльно, въ то время, какъ ихъ родители играли въ карты съ какими-нибудь городскими чиповниками или гражданами-роллистами. Артюръ и Гильюмъ желали бы говорить о Жаннѣ только съ Марй, но не было возможности помѣшать Марсилья рассказать при Эльвирѣ приключеніе на горѣ Барло, открытіе Гарлеемъ тождества Жанны съ маленькою пастушкой, названною друидессою каменной-жоматровъ, и грусть этой суевѣрной дѣвушки при рассказѣ о монетахъ, положенныхъ ей въ руку. Дѣвица де-Буссакъ выслушала рассказъ съ большимъ вниманіемъ и хотѣла знать все подробности. Сэръ Гарлей одинъ помнилъ ихъ вѣрно и вполне. Гильюмъ былъ очень-молодъ во время этого происшествія и припоминалъ его частности по мѣрѣ того, какъ рассказывалъ Артюръ. Память Марсилья была лучше; но поэтическая сторона маленькаго романа поразила его менѣе, нежели его товарищей, и онъ, подобно Гильюму, не вспомнилъ бы о немъ безъ помощи г. Гарлея. Это различіе въ впечатлѣніяхъ, которыя производитъ и оставляетъ одинъ и тотъ же фактъ въ разныхъ людяхъ, доказывается ежедневнымъ опытомъ.

Сэръ Артюръ только разъ въ жизни былъ у каменной-жоматровъ. Дикое мѣсто запечатлѣлось въ его воображеніи, и малѣйшія подробности, къ нему относящіяся, остались у него въ памяти. Марсилья, сто разъ прежде и послѣ проходившій близъ этого мѣста, съ большимъ трудомъ вспомнилъ бы одинъ отдѣльный случай. Онъ часто подстерегалъ и захватывалъ, быть-можетъ не столь-невинно, пастушекъ, засыпавшихъ между скалами и подъ кустарниками этихъ мало-посѣщаемыхъ мѣстъ. Однако, отдаленное жилище и дикость Жанны держали ее такъ долго въ отдаленіи отъ пламеннаго охотника, что онъ забылъ ея черты, очень-измѣнившіяся въ періодъ времени, протекшій между встрѣчею на горѣ Барло и эпохою, когда черные глаза Люди привлекли молодого адвоката къ жилищу Тюлы и эп-нелльскимъ долинамъ. Что же касается до Гильюма, то четыре го-

да, проведенные въ Парижѣ, положили беззвучно между воспоминавшаго его юности и ощущеніями новой жизни.

Когда, по обыкновенію обитателей замка Буссаковъ, всѣ ушли спать довольно-рано, Артуръ, Гильюмъ и Марі остались еще на нѣсколько времени въ залѣ. Англичанинъ упорствовалъ въ своей любви къ Жаннѣ, и двяца де-Буссакъ, вовсе-нежелавшая его разубѣрять, восхищалась такъ-называемою ею мудростью его и видѣть съ нимъ приходила въ энтузіазмъ отъ его проектовъ на-счетъ женитьбы. Гильюмъ былъ молчаливъ, но съ страннымъ волненіемъ переворачивалъ въ каминѣ уголья. Сэръ Гарлей хотѣлъ довести его до полного одобренія его намѣреній; но молодой человекъ сперва говорилъ объ опасности неразрывно соединить просвѣщенный умъ съ инстинктами хотя и прекрасными, но слѣпыми, потомъ о борьбѣ, быть-можетъ вѣчной, которую прійдется его другу выдержать противъ общественнаго мнѣнія, пугался насильствъ и порицаній, которыя будутъ возбуждены такимъ поступкомъ. Артуръ опровергалъ эти возраженія доказательствами, противъ которыхъ со стороны чувства и естественнаго разума нечего было сказать, и Гильюмъ былъ растроганъ, подавленъ, какъ-бы побѣжденъ въ глубинѣ души своей. Тогда онъ находилъ тайное облегченіе въ надеждѣ, что Жанна, вѣрная своей странной рѣшимости, отвергнетъ бракъ, и заклиналъ сэра Артура не отирываться прежде, нежели его сестра, или, въ случаѣ нужды, онъ самъ, узнаютъ мысли таинственной настушки, а Марі бранила его за холодность и слабость. Наконецъ было рѣшено, что на слѣдующій день двяца де-Буссакъ, во что бы ни стало, выведастъ у Жаннѣ ея тайну.

II.

ВЕЛИКАЯ НАСТУШКА.

Солнце еще не взошло, когда романтическая Марі пошла въ хлѣвъ къ Жаннѣ, доившей коровъ, и, свѣвъ на краю яслей, приступила къ дѣлу разговоромъ о промѣстившіхъ на горѣ Барло. Когда она объявила Жаннѣ, что Гильюмъ, Артуръ и Марсилья были виновниками дѣйствія, принятаго ею за главный фактъ въ ея жизни, прекрасная молочница оставила свое занятіе и почти обезпамятѣла отъ этого извѣстія. Великому другому она бы не повѣрила, но она благоговѣла передъ своею молодою госпожею почти столько же, сколько и передъ ея неповинительною, Двою Марію:—холодная действительность навесла ей чувствительный ударъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, от-

нимая у крестьянина его вѣру въ чудесное, кажется, берешь у него часть души.

— Что, Жанна? сказала Марі: — ты очень сожалѣешь о потерѣ своей мечты?

— Да, милая госпожа моя, жалю, отвѣчала Жанна: — я привыкла думать о ней каждый день. Но если это отнимаетъ у меня удовольствіе, то избавляетъ и отъ печали.

— Говори яснѣе. Ты можешь все сказать мнѣ, Жанна. Ты знаешь, какъ я тебя люблю, знаешь, что я никогда надъ тобою не смѣюсь, и хотя до-сихъ-поръ мнѣ не была известна твоя сильная вѣра въ существованіе фадъ, но теперь менѣе нежели когда-нибудь я въ состояніи тебя мучить и унижать.

— О! я знаю; у васъ такое доброе сердце! Но вы не вѣрите тому, чему мы вѣримъ.

— Правда; за то я могу тебя слушать и согласиться съ твоими убѣжденіями, если они мнѣ покажутся справедливыми. Сообщи мнѣ свои вѣрованія; представь себѣ, что я язычница, и что ты хочешь меня обратить на путь истины. Скажи мнѣ, что такое фады?

— Э, это очень-просто! Онѣ дочери Бога, или дьявола. Онѣ насъ любятъ, или ненавидятъ, помогаютъ намъ, или мучатъ насъ, охраняютъ, или повергаютъ въ несчастія, смотря по тому, которымъ изъ нихъ—добрымъ или дурнымъ, мы предаемъ себя. Когда человекъ знаетъ ихъ, то спасается, оставаясь умнымъ, а когда ничего не знаетъ, то ему приходятъ дурныя мысли, и онъ дѣлаетъ дурное, самъ не зная почему такъ дѣлаетъ.

— Когда ты послѣ своего сна на камняхъ—жоматрахъ наша въ рукъ монету, то сочла ли ты это подаркомъ добрыхъ фадъ, или западнею, поставленною злыми фадями?

— Постойте; я вамъ все расскажу. Знаете ли вы, что въ нашей сторонѣ спрятанъ кладъ?

— Знаю. Всѣ его ищутъ, и никто не находитъ. Говорятъ также, что подъ горою Туль зарытъ цѣлый золотой теленокъ; что этотъ золотой теленокъ, или, какъ вы называете его, золотой быкъ, встаетъ, выходитъ изъ своего тайнаго убѣжища въ известное время, преимущественно въ ночь на Рождество, и бѣгаетъ по деревнямъ, извергая изъ глазъ и ноздрей пламя.

— Да, сударыня, такъ рассказываютъ.

— Говорятъ, что если кто-нибудь, виновный въ худомъ дѣлѣ, встрѣтитъ быка, то быкъ его пугаетъ, преслѣдуетъ и можетъ убить; что, напротивъ, если человекъ непороченъ и идетъ прямо къ нему на встрѣчу, то не долженъ бояться. Наконецъ, говорятъ, если такой человекъ встрѣтитъ его въ ночь на Рождество, во время церковной службы, то можетъ схватить его за рога и усмирить; тогда золо-

той быкъ преклонить колѣни и поведеть его къ своей ямъ, въ которой хранится кладъ, деньги древняго города Туллы, потеряныя и тщетно отыскиваемыя нѣсколько тысячъ лѣтъ.

— Да, сударыня; такъ вы знаете все это?

— Мнѣ рассказывали это въ шутку, а вчера вечеромъ Марсилья сообщилъ намъ много подробностей и увѣрялъ, что почти все жители Туллы и окрестностей твердо вѣрятъ этой глупости и скрываютъ ее. А ты, Жанна, вѣришь?

— Вы говорите, что это глупость, а я ничего не говорю. Я не могу считать неправдою того, чему вѣрила мать моя. Не хочу называть справедливымъ то, чему священникъ Туллы запрещаетъ вѣрить подл опасеніемъ грѣха. Но я всегда старалась не дѣлать зла, чтобъ не быть убитою *быкомъ*, если его встрѣчу, и найдти кладъ, если на то будетъ Божья воля.

— Значить, ты вѣришь, добрая Жанна. Что же дальше?

— Дальше?... Вамъ говорили, что, для избѣжанія опасности, не надо во всю жизнь имѣть ни пылинки золота въ своей власти?

— Правда, и это мнѣ говорили. Такъ вы думаете, что золото приноситъ несчастье?

— Въ этомъ я увѣрена! Всякій разъ, какъ какой-нибудь господинъ показывалъ дѣвушкамъ золото, она какъ-бы теряла рассудокъ и *отдавалась ему*, хоть бы онъ былъ старъ, дурень и золъ. Нашедши въ своей рукѣ золото, я сперва бросила его, но потомъ, чтобъ оно не принесло несчастья другимъ, вырыла ножомъ въ землѣ, подл большимъ камнемъ, ямочку, и башмакомъ засунула въ нее лундоръ. Серебро же, котораго я не боялась, я тотчасъ отнесла матушкѣ.

— Ты тотчасъ же подумала о фадахъ?

— Нѣтъ, я не думала — я не знала ихъ; мнѣ было извѣстно только, что золото приноситъ несчастье, и я не хотѣла его. Когда я рассказала матушкѣ о случившемся со мною и показала ей двѣ монеты, она начала меня учить; много бранила за то, что я заснула на камняхъ-жоматрахъ, на дурномъ мѣстѣ, и сказала, что я должна дѣлать, чтобъ спастись отъ злыхъ духовъ, которые поступили со мною такъ, какъ-будто-бы купили меня. Она была довольна тѣмъ, что я оставила лундоръ на горѣ Барло, не положила его въ карманъ, не смотрѣла на него съ удовольствіемъ и не пожелала его сохранить. Она не знала, что сказать о большомъ бѣдомъ эку. Онъ могъ быть хорошъ или дурень, или ни хорошъ, ни дурень, потому-что есть маленькія фады, которыя любятъ забавляться и дѣлають разные шутки досадныя, но не очень-злыя, на-примѣръ, заставляють искать веретено, или часто рвать нитку, когда прядешь. Мы освятили эку въ церкви и положили въ круж-

ку для бѣдныхъ. А на монетѣ въ пять су, очень-блестящей, маленькой, хорошеенькой... былъ императоръ Наполеонъ. Маменька очень любила его. Она часто говорила, что еслибъ не была кормилицею, то хотѣла бъ сдѣлаться маркизантшею, чтобъ пойдти на войну противъ Англичанъ, которые въ древнія времена, во время *свѣтлой пастушки*, покорили и разорили нашу землю.

— Ну, такъ что же случилось съ монетою императора?

— Добрая покойница сказала мнѣ: «Жанна, эта монета хорошая — она принесетъ счастье и почести. Добрая фада, видя, какъ злая хотѣла тебя искутить золотомъ, положила тебя въ руку этотъ су, чтобъ защитить тебя. Это навѣрно эп-нелльская фада; она желаетъ тебѣ добра; ей извѣстно, что ты ищешь добра, а не зла, никогда не огорчала мать и никому не вредила. Надобно беречь этотъ подарокъ и никогда не покидать его». — После этого, она проколола маленькой су и привязала его къ кресту монхъ четокъ вмѣстѣ съ изображеніемъ Богородицы. Посмотрите, я всегда ношу его при себѣ. Вотъ онъ на концѣ четокъ, въ моемъ карманѣ; ночью я его надѣваю на шею и такимъ-образомъ никогда съ нимъ не расстаюсь.

Жанна показала своей госпожѣ маленькія четки изъ свѣрыхъ зеренъ, къ которымъ приношеніе сѣра Артюра было прикрѣплено небольшимъ желѣзнымъ колечкомъ.

— Вотъ, сударыня, продолжала Жанна:—исторія трехъ монетъ, въ-слѣдствіе которой я много молилась, думая, что это чудо, часто приводившее меня въ ужасъ. Вы говорите, что тутъ нѣтъ ничего чудеснаго. Вы, можетъ-быть, ошибаетесь: фады могли вмѣшаться въ это дѣло и заставить трехъ господъ, безъ ихъ вѣдома, выбрать монету, которая могла принести мнѣ счастье или несчастье.

— Знаешь ли ты, бѣдная Жанна, отъ кого ты получила дорогой свой бѣлый су?

— Должно быть отъ крестнаго?

— Совсѣмъ нѣтъ! отъ Англичанина.

— Отъ Англичанина? А!... сказала удивленная Жанна: — развѣ Англичанинъ можетъ принести счастье христіанкѣ?

— Развѣ ты думаешь, что Англичане не христіане?

— Не знаю.

— Увѣряю тебя, что они такіе же хорошіе христіане, какъ и мы.

— Знаю, что теперь такъ говорятъ; но при нашемъ батюшкѣ, котораго вы не знали, говорили иначе. Знаете ли, для чего жатущка хотѣла, чтобъ я поймала быка и нашла кладъ?

— Для чего?

— Она говорила, что кладъ очень-великъ, никто не увидитъ ему конца; его достало бы для счастья всѣхъ живущихъ на свѣтѣ людей и на наемъ большой арміи для изгнанія изъ Фран-

ция Англичанъ; они, кажется, владѣли Парижемъ въ то время, какъ она мнѣ это говорила.

— За что же она такъ ненавидѣла Англию?

— Гм! ей сказали это тогда, какъ она кормила нашего брата. Вашъ покойный отецъ, славный офицеръ, какъ говорятъ, сражался съ ними, и ваша маменька, боявшаяся, чтобы его не убили, смертельно ихъ ненавидѣла. Когда императоръ былъ отосланъ и посаженъ Англичанами въ желѣзную клетку, матушка много плакала, и я плакала, глядя на нее. Поэтому говорили, что Англичане привезли изъ своей стороны англійскаго короля и посадили въ Парижъ управлять Французами; она сердилась и говорила: «Ахъ! бедная госпожа де-Вуссакъ должна быть очень-печальна». Поэтому я удивилась, когда здѣсь услышала отъ вашей маменьки; что она любитъ Людовика XVIII, англійскаго короля; я не знала, что подумать, когда увидѣла его портретъ въ ея комнатѣ, и узнала, что портретъ императора на чердакѣ. Я тайкомъ отъ нея взяла его въ свою комнату, и не думаю, чтобы это было дурно.

— Конечно, нѣтъ. И я удивляюсь великому императору и жалью о немъ. Смотри, однако, чтобы госпожа де-Шармуа не открыла нашего уваженія къ его портрету, тогда она не отстанетъ отъ маменьки до-тѣхъ-поръ, пока она не велитъ его сжечь.

— Всякое утро я закрываю его передникомъ, а вечеромъ, возвращаясь въ комнату, смотрю на него, и это доставляетъ мнѣ удовольствіе. — Мой отецъ также былъ солдатомъ во времена республики и при императорѣ, ходилъ въ страну, называемую Италией, и хорошо сражался; я тоже не много его помню, но знаю, что и онъ не любилъ Англичанъ, и что у насъ былъ портретъ императора, сгорѣвшій вмѣстѣ съ домомъ.

— Такъ ты думаешь воевать съ Англичанами, Жанна?.. Когда ты найдешь кладъ, то наймешь большую армию и выступишь въ походъ на белой лошади, какъ древняя Жанна, прелестная пастушка, освободившая нашу землю отъ Англичанъ?

— О, сударыня! какъ вы можете знать все это? Я думаю объ этомъ цѣлыя ночи, и даже иногда наяву, пася стадо, воображаю, будто вижу все это въ-самомъ-дѣлѣ; однако, я объ этомъ никому не говорю.

— Но я угадываю тебя, Жанна, и, быть-можетъ, сама мечтаю о томъ же. Мы такъ близки къ Сен-Северу, что не можемъ равнодушно слушать о происходившемъ тамъ. Говорятъ, въ Фуль сражались львы, высланные Англичанами изъ камня, чтобы уничтожить страну, и что до-сихъ-поръ всякой день тамъ бьются эти львы.

— Ахъ, сударыня! я вижу, что вы похожи на меня! Матушка

говорила мнѣ, что вашъ дядь былъ большой другъ великой пастушки, и что онъ тоже ненавидѣлъ Англичанъ.

— Мой дядь?

— Да, одинъ изъ Буссаковъ. Она слышала это здѣсь.

— Эти происшествія старье, нежели ты думаешь, Жанна; но не въ томъ дѣло. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ нашей фамилии былъ маршалъ де-Буссакъ, сподвижникъ Дѣвственницы, и я, подобно тебѣ, Жанна, чувствую, какъ было пріятно вести подобную жизнь. Но этого не можетъ быть въ наше время, дитя мое; мы въ мирѣ съ Англіею надолго, быть-можетъ навсегда. Говорятъ, что мы свободны, и Англичане не прійдутъ болѣе открыто предписывать намъ законы. Тебѣ, какъ доброй христіанкѣ, неприлично ненавидѣть Англичанъ и думать о собираніи противъ нихъ войска.

— Вамъ не нравится то, что я сказала? Простите меня, Бога ради!

— Напротивъ, твои мысли нравятся мнѣ, добрая моя Жанна, и я еще болѣе люблю тебя за это. Но все это невозможно; притомъ же, есть добрые Англичане, которые насъ любятъ и оплакиваютъ императора Наполеона.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Есть такіе? О, этихъ надобно пощадить!

— Конечно, Жанна, и ты должна начать съ сэра Гарлея, который удивляется великой пастушкѣ и императору столько же, какъ и ты.

— Да, однако... сказала Жанна качая головою: — Англичане умертвили ихъ обонхъ. Они сожгли великую пастушку, потому что она знала...

— Увѣрю тебя, что сэръ Гарлей уважаетъ ее какъ мученицу и какъ святую.

— Да? такъ этотъ Англичанинъ очень-хорошій человекъ.

— Лучшій, умнѣйшій, благороднѣйшій изъ людей, Жанна.

— Это мнѣ пріятно. Я не сниму его блага, маленькаго су съ монхъ четокъ.

— Не снимай ни подъ какимъ видомъ! Ты бы очень огорчила его.

— Отъ-чего, сударыня?

— Отъ-того, что онъ тебя любитъ, Жанна.

— Онъ меня любитъ! Такъ это правда, что онъ зналъ матушку?

— Не знаю, дитя мое, но онъ очень тебя любитъ.

— За что же?

— За то, что онъ любитъ все доброе и прекрасное. Добрые сходятся между собою, Жанна, не правда ли?

Дѣвица де-Буссакъ продолжала разговоръ въ этомъ же томѣ, къ величайшему удивленію Жанны, которая благодарила ее, ни-

сколько не понимая привязанности, которой была предметомъ. Она принимала ее, какъ знакъ большой доброты и простодушно слушала панегирикъ молодой своей госпожи сэру Артуру. Но Марі, начавъ объяснять Жаннѣ чувства, ею ему внушенныя, замѣтила въ ней признаки недоверчивости и страха.

— Вотъ уже два раза вы хотите заставить меня высказать мои мысли, сказала она. — Не знаю, почему вы объ нихъ заботитесь.

— Видишь ли, Жанна, продолжала дѣвица де-Буссакъ: — мнѣ пора уже выходить замужъ, и не сегодня-завтра, за меня могутъ освататься.

— О! если вы меня спрашиваете объ этомъ для того, чтобъ заставить говорить, отвѣчала Жанна простодушно, давшись въ обманъ:—то мнѣ надобно удерживать языкъ, потому-что я могу огорчить васъ, сама того не подозревая.

— Нисколько, Жанна; я, какъ и ты, не слишкомъ спѣшу выйти замужъ и ни въ кого не влюблена. Я хочу съ тобою посоветоваться; ты можешь смѣло говорить.

— О! я не позволю себѣ давать вамъ совѣты.

— Стало-быть ты меня не любишь?

— Можетъ ли вы сказать это?

— Такъ говори, вскричала Марі, обнявъ ея шею рукою и привлекая къ себѣ въ ясли.— Представь себя на моемъ мѣстѣ и вообрази, что сэръ Гарлей хочетъ на тебѣ жениться.

— Какъ же я могу?...

— Ты можешь, однако, представить себѣ!

— Я представляю все, что вамъ угодно, сказала Жанна:—и буду отвѣчать по истинѣ. Я никогда бы не вышла за этого господина; во-первыхъ, потому-что онъ Англичанинъ, — а я ни за что не хотѣла бы произвести на свѣтъ дѣтей-Англичанъ. Я не могу ненавидѣть его, уважаю его, потому-что онъ хорошій человекъ; но выйти за него замужъ... нѣтъ, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ былъ равнымъ мнѣ, я бы не захотѣла возбудить негодованіе праха покойнаго моего отца и покойной матушки. Во-вторыхъ, я отказала бы ему, потому-что онъ богатъ, а это принесло бы мнѣ несчастіе. У насъ говорятъ, что деньги дѣлаютъ гордымъ и злымъ. Я говорю не про васъ, добрая госпожа моя; на свѣтѣ нѣтъ никого добрее васъ. Но немногія похожи на васъ, и я очень-хорошо вижу, что мамзель Эльвира не въ васъ. Притомъ же, я такъ проста, что не сдѣлаю пользоваться деньгами. Я, можетъ-быть, надѣлаю съ ними много дурнаго. Да и матушка велѣла мнѣ быть бѣдною. Наконецъ, это невозможно, и еслибъ сорокъ тысячъ Англичанъ сватались за меня, клянусь вамъ, я не захотѣла бы выйти за лучшаго изъ нихъ.

Жанна говорила съ большею противъ обыкновенія живостію. Въ ней былъ родъ патриотическаго негодованія, отъ котораго горѣли глаза ея, и это дѣлало ее прелестнѣе обыкновеннаго. Марі, воспринимчивая какъ поэтъ, не могла удержаться отъ восхищенія, хотя глубоко огорчалась упорствомъ Жанны, и внутренно сравнивала ее съ Жанною д'Аркъ. Ей казалось, что она видитъ и слышитъ Девственницу во всей простотѣ ея деревенскаго языка, которымъ она, вѣроятно, говорила прежде, чѣмъ промѣняла посохъ на мечъ. Смѣсь кротости и твердости, ангельской откровенности и скрытаго энтузіазма должествовала быть отличительною чертою характера героини вокулёрской и романтической отрасли де-Бросса воображала, что душа прекрасной пастушки возродилась въ Жаннѣ, чтобъ въ безвѣстной и спокойной жизни отдохнуть отъ всѣхъ прежнихъ трудовъ, въ ожиданіи того, какъ новое преобразование призоветъ ее снова проявиться въ грустномъ блескѣ силы и славы.

Разказавъ брату и сѣру Гарлею свой утренній разговоръ, Марі улыбаясь прибавила, что сэръ Артуръ не долженъ отчаиваться въ возможности смягчить свою «жестокою пастушку», но что для этого нужны время, старанія и терпѣніе.

Сэръ Артуръ рѣшился дать своему роману ходъ болѣе-медленный, нежели тотъ, какимъ началъ. Неожиданная трудность победы увеличила его любовь, и онъ сталъ влюбленъ и сантименталенъ, какъ двадцатилѣтній мальчикъ. Съ умомъ, наполненнымъ поэтическими мечтами, съ сердцемъ, проникнутымъ романтическими чувствами, но неловкій и робкій, онъ былъ для Марі—предметомъ удивленія и симпатіи, для Марсилля, который слѣдилъ за всеми его движеніями—совершеннымъ типомъ сѣвшнаго. Правду сказать, добрый сэръ Гарлей былъ отчасти тѣмъ и другимъ, и за исключеніемъ печальной фигуры и престарѣлости донъ-Кихота, очень подходилъ на сервантесова героя, слагающаго съ себя шлемъ, чтобъ увѣнчаться цвѣтами и преобразиться въ пастуха.

Съ души Гильйома будто гора свалилась; онъ даже сталъ очень-любезенъ съ Эльвиною, такъ-что госпожа де-Шармуа, изумленная и обрадованная тѣмъ, что не открываетъ ни малѣйшей дружбы между нимъ и Жанною, начала питать серьезныя надежды.

III.

Сѣнокосъ.

Дни и недѣли прошли въ наружномъ спокойствіи. Сэръ Артуръ почти обожалъ деревню и не заставилъ себя упрашивать остаться на лѣто въ Буссакъ. Госпожа де-Буссакъ, думая, что онъ ищетъ

Большое вліяніе на ея сына, надѣялась, что онъ уговоритъ его выйти изъ апатическаго состоянія и выбрать себѣ каррьеру. Гильйомъ съ каждымъ днемъ показывалъ больше-и-больше отвращенія къ должностнымъ мѣстамъ, которыя ему предлагали, и его мать потеряла надежду доставить ему блестящее положеніе въ свѣтѣ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ выгодной женитьбы. Она возила его по окрестнымъ замкамъ и приглашала къ себѣ благородныхъ сосѣдокъ; но, къ величайшему ея неудовольствію, Гильйомъ не замѣчалъ ихъ прелестей, а видѣлъ одни недостатки, и когда она передавала свои печали подирефектшѣ, — та упорно утверждала, что Гильйомъ имѣетъ жалкую склонность къ кому-нибудь ниже его стоящему, и по-этому не можетъ сознаться въ своей привязанности. Она даже нѣсколько разъ называла Жанну, но по-видимому ничто не оправдывало этого обвиненія, и г-спожа де-Буссакъ не хотѣла ему вѣрить.

Сэръ Гарлей былъ дурнымъ помощникомъ въ ея честолюбивыхъ замыслахъ. Иногда, впрочемъ, онъ сообразовался съ ея желаніями; но когда Гильйомъ спрашивалъ, почему примѣръ его противорѣчитъ его совѣтамъ, то добрый Артуръ умолкалъ, улыбался и наконецъ создавался, что при бракѣ, по его мнѣнію, не можетъ быть другихъ соображеній, кромѣ любви. Онъ принадлежалъ къ числу Англичанъ, женившихся на той, которая имъ понравилась, будь она актрисса, пѣвица или даже танцовщица; а какъ Жанна нравилась ему болѣе по существеннымъ, нежели по блестящимъ своимъ качествамъ, то онъ считалъ дѣломъ столь же высокаго благоразумія, какъ и вкуса, упорствовать въ намѣреніи жениться на ней.

Любовь его была терпѣлива. Онъ не хотѣлъ испугать Жанну неожиданнымъ предложеніемъ и рѣшился изучать ее издали, чтобъ сблизиться съ нею мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ будетъ находить случаи внушать ей къ себѣ довѣренность и говорить ей языкомъ для нея понятнымъ. Съ рѣдкою неловкостью, но съ трогательною добросовѣстностью старался онъ отгадывать способы правиться ей и быть ею понятнымъ: развѣдывалъ о ея родственникахъ, мѣстахъ, гдѣ она жила, и тульскихъ друзьяхъ. Былъ въ Тульѣ, чтобъ познакомиться съ священникомъ Аленомъ, сообщить ему свое намѣреніе и склонить его на свою сторону, съ условіемъ, однакожь, чтобъ онъ ничего не говорилъ Жаннѣ до-тѣхъ-поръ, покуда обращеніе ея не подастъ ему какой-нибудь надежды. По этому же случаю, онъ взялся отвезти отъ имени Жанны деньги, ею пріобрѣтенныя, тѣтъ ея Большой-Готѣ и учтверилъ эту небольшую сумму, не говоря о томъ никому ни слова, не безпокоясь и не подозревая того, что эта женщина, не смотря на наружную бѣдность, бывшая, можетъ-быть, богаче всѣхъ въ странѣ, подумаетъ, что онъ

счастливый любовникъ Жанны, которая поняла наконецъ выгоду, какую можетъ извлечь изъ своей молодости и красоты. Потомъ, услышавъ, какъ Жанна говорила дѣвицѣ де-Буссакъ, что она болѣе всего жалѣла о своей собакѣ, которую должна была оставить Леонару—отцу, видя, что она ему нравится,—сэръ Артуръ купилъ и привелъ эту собаку. Леонаръ и безъ того уступилъ бы ее Жаннѣ, но не отказался отъ денегъ *милорда*, и весь Туль пришелъ въ движеніе, разгадывая, для чего красивый господинъ покупалъ дрянную пастушью собаку. Но какъ изъ города не доходило никакихъ дурныхъ вѣстей о нравственности эп-нелльской дѣвушки, то изъ этого заключили, что Англичанинъ немножко рехнулся, и всякая обитательница Туля, приходя два раза въ недѣлю на рынокъ де-Буссакъ и встрѣчая тамъ Жанну, закупавшую для замка припасы, съ насмѣшкою говорила о сэрѣ Гарлеѣ. Однако, отдавали справедливость его щедрости, потому-что онъ усыпалъ свои шаги деньгами и старался доставлять бѣднымъ жителямъ этихъ бесплодныхъ мѣстъ случаи оказывать ему разныя бесполезныя услуги: держать его лошадей, пока онъ ходилъ пѣшкомъ, давать свѣдѣнія, съ которыми ему нечего было дѣлать, срывать для него цвѣтоты или продавать птицу; все это дѣлалъ онъ для того, чтобъ имѣть возможность платить оборваннымъ бѣднякамъ. Но поселянинъ этихъ странъ такъ рѣдко получаетъ вспоможеніе, что состраданіе удивляетъ его, даже тревожитъ, какъ сумасшествіе или ловушки, хотя онъ и пользуется имъ съ радостью.

Жанна отъ природы не была насмѣшлива, и шутки, предметомъ которыхъ былъ Англичанинъ, внушали ей къ нему родъ почтительнаго состраданія. «Бѣдный челоувѣкъ!» говорила она: «надъ нимъ смѣются, потому-что онъ добръ!» Она разговаривала съ нимъ очень-почтительно и, прислуживая ему, оказывала ему дочернее усердіе и заботливость, но, по-видимому, не болѣе любила его, какъ и въ первый день, и онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ ожидалъ дня, въ который пробудится ея чувство, — дня, который все-таки не наступалъ...

Хотя онъ не повѣрялъ своей тайны никому, кромѣ Гильйома и сестры его и позволялъ шутить надъ своимъ письмомъ къ г-жѣ Шармуа, не приписывая ему ничего серьезнаго, однако, постоянныя посѣщенія луга, сада, въ которыхъ Жанна собирала траву для своихъ коровъ, и лѣса, въ который онъ ходилъ изучать, безъ всякаго успѣха, животныхъ въ натурѣ—все это не избѣжало комментаріевъ Ліодн и даже Кадѣ, немножко влюбленнаго въ Жанну и ревновавшаго ее, хотя онъ и не зналъ навѣрно, въ кого онъ влюбленъ, въ нее или въ Ліодн. Сперва Ліодн говорила, что Жанна имѣетъ надежду, и что Тюла не даромъ предсказала, что она най-

деть золотую трещину, потому-что у Англичанина болѣе экую, нежели сколько можетъ уміститься подъ тульскою горою; но вида, что бракъ, ею нервою предсказанный, не совершается, Ліуди не знала, что и подумать, и предположила бы, что сэръ Артуръ поступитъ съ Жанною такъ, какъ Марсилья сдѣлалъ съ нею, еслибы Жанна, въ откровенности которой она не могла сомнѣваться, не утѣряла ея, что Англичанинъ никогда не позволялъ себѣ сказать ей ни одного слова о любви.

Но Марсилья, проводившій у Буссаковъ субботы и воскресенья, очень-хорошо примѣтилъ любовь сэра Гарлея и не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посмѣяться надъ нею съ двумя или тремя городскими пріятелями, которые повторяли эту новость во всемъ городѣ; оттуда разнеслась она по всей площади рынка, а потомъ верхомъ и пѣшкомъ отправилась гулять по окружнымъ городамъ и селамъ съ такою поспѣшностью, что черезъ мѣсяцъ во всемъ округѣ и даже далѣе, знали, что въ замкъ де-Буссакъ живетъ оригиналь-Англичанинъ, мильйонеръ, довольно-красивый мужчина, который до того прельстился горничною, что хочетъ на ней жениться. Провинціалки, по природѣ и положенію своему завидующія красотѣ поселянокъ и гризетокъ, вознегодовали на Англичанина. Мужья вторили имъ, говоря, что изъ служанки можно сдѣлать любовницу, но жениться на ней — глупость и верхъ безнравственности. Молодые люди любопытствовали видѣть красавицу, одержавшую подобную побѣду и, какъ говорили, игравшую роль скромницы для того, чтобъ вѣрнѣе заставить на себѣ жениться. Изъ Шамбона, Гузона, Сен-Севера и даже изъ Шатра, гдѣ народонаселеніе остроумнѣе и празднѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, пріѣзжали посмотрѣть прекрасную Буссакину, и какъ это удавалось довольно-рѣдко, то, не желая обнаруживать неудачу своего путешествія, утверждали, что она совсѣмъ не хороша, а Англичанинъ разочарованный развратникъ, который не знаетъ, что сдѣлать отъ скуки—зарваться, или жениться на горничной.

Всѣ эти слухи только тайкомъ входили въ замокъ де-Буссакъ, благодаря Ліуди и Кадѣ, которые остерегались говорить что-либо громко, имѣя строгое запрещеніе передавать дѣвицѣ де-Буссакъ или ея брату глупости, ходившія изъ замка. Жанна пожинала плечами, когда Ліуди передавала ихъ ей, и одна во всемъ городѣ не хотѣла или не могла вѣрить, что была предметомъ всѣхъ разговоровъ и точкою соединенія всѣхъ взглядовъ. Г-жа Шармуа сообщала всѣ слухи г-жѣ де-Буссакъ, кричала, что это соблазнъ, и настоятельно требовала изгнанія Жанны. Но г-жа де-Буссакъ, которая въ пятьдесятъ лѣтъ вела въ своемъ старомъ замкѣ жизнь молодой женщины времямъ имперіи: вставала поудно, проводила три часа

за туалетомъ и дремала на кушеткѣ, нѣжа свою мигрень, — была очень-непроницательна, ненавидѣла рѣшительныя мѣры и притомъ считала вѣроятнымъ, что сэръ Артюръ думаетъ жениться на ея дочери, а не на горничной. Искренняя и открытая дружба Марри и сэръ Гарлея въ-самомъ-дѣлѣ могла иногда ввести въ заблужденіе; случилось, что даже сама г-жа Шармуа думала это. Гильйомъ также вводилъ ее по-временамъ въ пріятныя мечты любезничаньемъ съ Эльвиною. Правда, когда ему надоѣдало принуждать себя, онъ внезапно прекращалъ свою горькую забаву, и тогда-то г-жа Шармуа (которую уже ненавидѣли въ городѣ за ея гордость, сметни и ханжество) снова погружалась въ подозрѣнія и скрытый гнѣвъ.

Однако, романъ сэра Артюра имѣлъ важное вліяніе на двухъ особъ, изъ которыхъ одна злобно смѣялась надъ нимъ, а другая, казалось, съ грустью порицала. Первою былъ Леонъ Марсилля. Раздраженный борьбою, онъ былъ готовъ отдать лучшую свою лошадь и, быть-можетъ, лучший процессъ, чтобъ приобрести на Жанну правъ, которыя Англичанинъ старался купить своимъ имениемъ и состояніемъ. Марсилля уже сожалѣлъ о томъ, что способствовалъ вступленію Жанны въ Буссакъ, гдѣ она могла ему достаться только по собственной волѣ, въ чемъ онъ уже не имѣлъ успѣха. Еслибъ она была еще эп-нелльскою пастушкою и Артюръ съ Гильйомомъ пришли оспаривать ее у него, — онъ преслѣдовалъ бы ее въ поляхъ и льстилъ себя надеждою, что она недолго противилась бы смѣлымъ попыткамъ соблазна. Но теперь надобно было измѣнить систему, хитрить, ждать. На это у Марсилля не было времени. Онъ говорилъ самъ себѣ, что смѣшно ему думать о глупой болтунѣ, когда у него много другихъ дѣлъ, другихъ удовольствій. Однако, ему иногда снилось, что она идетъ изъ церкви подъ руку съ своимъ мужемъ, сэромъ Гарлеемъ, и онъ просыпался съ проклятіями на самого-себя за то, что не сумѣлъ сдѣлать его смѣшнымъ. Его гордость была оскорблена смертельно.

Другая особа, на которую романъ сэра Артюра производилъ сильное впечатлѣніе, былъ Гильйомъ. Молодой человекъ пыталъ къ Жаннѣ то, что, слогомъ романа, можно назвать страстью, не болѣе, потому-что въ истинной любви, способной на всякія пожертвованія, онъ былъ далекъ отъ сэра Артюра, котораго внутренно обвинялъ въ любви слишкомъ-холодной и въ незначіи любви восторженной. Такъ всегда обманываются: принимаютъ за привязанность простое волненіе желанія и называютъ холодною ясность истиннаго чувства. Гильйому не пришло бы на умъ жениться на поселянкѣ. Его воображеніе было поражено необыкновенною красотою Жанны, ея трогательною кротостію и романтическими про-

исшествіями первой встрѣчи ихъ въ Туллѣ. Преданность, показанная ею во время его болѣзни, польстила его невинному тщеславію, и онъ думалъ, что ему стоить сказать только слово, и она упадетъ въ его объятія. Изъ состраданія, онъ удерживался произносить это слово, и отъ удивленія собственной своей добродѣтели дошелъ до любви къ предмету своего пожертвованія. Однако, рѣшившись измѣниться отъ своего безумства, онъ удалился, выздоровѣвъ, даже забывъ все; но видъ Жанны, украшенной поэзіею привязанности его сестры, смутилъ его со дня его возвращенія, а теперь любовь сэра Артюра пробуждала въ немъ страсть. Жанна, внушавшая чувства столь глубокія, намѣренія столь рѣшительныя, приобрѣла въ его глазахъ новую прелесть, новую цѣну; онъ считалъ долгомъ не мѣшать ей замужству, но продолжалъ подстрекать желанія свои способами самыми ребяческими и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣревался отказаться отъ нея. Его мечта становилась постоянною идеею, лихорадочнымъ страданіемъ, однимъ словомъ, страстію, какъ мы выразились, за неизмѣнимъ слова для означенія привязанности вмѣстѣ животной и романической, принадлежащей собственно положенію нашего молодого человѣка и образу его мыслей. Иногда онъ не-шутя пробовалъ развлечься, стараясь ухаживать за дѣвицею Шармуа; но Эльвира, имѣвшая очень-мало достоинствъ, странно-одѣвавшаяся и говорившая только то, что говорятъ другіе, была столько ниже Жанны, что Гильйому становилось стыдно, что онъ сравнивалъ свѣтскую дѣвушку съ поселянкою. Эльвира не могла нисколько очаровывать. Въ ней развили только эгонистическіе инстинкты, охоту къ чванству и мелкіе предрасудки. Даже добрая Марі, порицавшая злыя насмѣшки Гильйома, не могла полюбить ее.

Однажды, волненіе, бушевавшее въ сердцѣ Гильйома, стало столь сильно, что едва не выказалось наружу. Это было въ сѣнокосѣ; когда свозили сѣно съ большаго и прекраснаго сосѣдняго съ замкомъ луга, по краямъ котораго Жанна пасла своихъ коровъ весною. Для всей молодежи замка, господъ и служителей, было большою забавою влѣзть на телеги, запряженные волами, и съ большею или меньшею ловкостью дѣйствовать вилами и граблями. Кадѣ, съ рогагиной въ рукахъ, предводительствовалъ поѣдомъ съ гордостью римскаго императора. Сэръ Артюръ, будучи сильнѣе другихъ, занималъ вершину копны, искусно сложенной и поставленной имъ на телегу. Добрый Англичанинъ даже немного гордился легкостью, съ какою приобрѣлъ это умѣнье, смотря на работниковъ фермы. Онъ надѣлъ блузу изъ толстаго голубаго полотна и соломянную шляпу, сдѣланную ему маленькими пастухами,—нарядъ, выказывавшій силу его мускуловъ,—и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ загорали его

прекрасныя руки (бывшія прежде предметомъ его заботъ), боясь, что Жаннѣ не понравится женственная близзна ихъ.

— Вы очень-хорошо работаете, говорила ему Жанна, наивно удивлявшаяся его силѣ и искусству: — мнѣ не случалось видѣть господина, который умѣлъ бы такъ хорошо работать. Посмотри, Люди: можно подумать, что этотъ господинъ такой же человѣкъ, какъ и мы.

Ничто не могло быть для сэра Артура пріятнѣе этихъ словъ. Онъ уже видѣлъ себя владѣльцемъ фермы въ Маршѣ или Берри, селянникомъ, живущимъ по своему желанію, вдали отъ свѣта, который ему надоѣлъ уже; мечталъ, что самъ будетъ свозить свою жатву, работать какъ *человѣкъ* съ своими мызниками, обогащать работниковъ, составлять счастье всего околodka и вкушать величайшее блаженство подлѣ своей прекрасной и здоровой подруги. «Вотъ жизнь, о которой я всегда мечталъ» думалъ онъ: «и Богъ долженъ дать ее мнѣ за то, что я остался вѣрнѣе своему простому вкусу и любви къ природѣ, украшенной трудами человѣка». Въ то время, какъ Артуръ, облитый потомъ, съ глазами, блестящими надеждою, раздвигивался съ Жанною благосклонными взглядами, веселыми словами и большими клокками сѣна, быки, по колѣно въ травѣ, которой даютъ имъ въ это время въ волю, чтобъ заставить сносить жала насѣкомыхъ, ихъ мучащихъ, время-отъ-времени потряхивали красивыми головами и приводили телегу въ движеніе, отъ котораго добрая Марі, уцѣпившаяся подлѣ сэра Артура, часто падала на колѣни. Молодая дѣвушка, слишкомъ-слабая и немогшая сносить жаръ, порхала возлѣ работниковъ, взлѣзала на телеги и слѣзала, ступая ногами на плечи своего брата; потомъ брала подлѣ Люди два или три клокка сѣна и уже запыхавшись, сибясь, садилась на маленькіе временные скирды, называемые *miloches*. Люди, живая, одѣтая въ короткое платье, была красна какъ вишня и, подобно сэру Артуру, кокетливо выказывала свою ловкость и усердіе. Эльвира, сильная какъ поселанка, но слишкомъ-стянутая въ своемъ корсетѣ, не могла свободно двигаться и была поминутно призываема матерью, которая, сидя на сѣнѣ и жарясь подъ зонтикомъ, находила, что дочь ея, пригрѣтая іюньскимъ солнцемъ, становилась не къ-лицу красна, какъ макъ.

Гильюмъ снялъ жилетъ и, показывая тонкую батистовую рубашку, открывалъ шею бѣлую и тонкую, какъ у женщины. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ былъ очень-красивымъ молодымъ человѣкомъ; но Люди находила его слишкомъ-слабымъ, и видѣ нѣжнаго состраданія, съ которымъ она говорила ему: «у васъ разболится голова, г. Гильюмъ», унижалъ его, когда онъ сравнивалъ свою нѣжную организацію съ крѣпкимъ сложеніемъ Англичанина.

Раздосадованный тѣмъ, что Жанна не переставала подавать сѣно и такимъ-образомъ постоянно смотрѣла на сѣра Артюра и говорила съ нимъ, онъ взялъ вѣтку и, ставъ противъ быковъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто-бы отгонялъ отъ нихъ мухъ, заставляя ихъ сильно трясти телегу, а слѣдовательно и своего соперника. Но сѣръ Артюръ не терялъ терпѣнія, и ничто не могло довести его до смѣшного паденія.

Госпожа де-Буссакъ стояла въ отдаленіи подъ тѣнью деревъ и говорила съ Марсилля о дѣлахъ своихъ. Наконецъ, Марсилля подошелъ къ Гильйому и спросилъ, что нашелъ онъ занимательнаго въ мордахъ быковъ, и зачѣмъ стоитъ онъ передъ ними, не обращая вниманія на другія лица, болѣе-интересныя по ихъ одушевленію.

— Вы не артистъ, сказалъ Гильйомъ: — и не можете восхищаться этими бычьими мордами, у насъ такъ хорошо убранными и спокойными своею силою, отвѣчалъ Гильйомъ, притворяясь, что не разумѣетъ его и стараясь развлечься отъ занимавшихъ его мыслей. — Я понимаю, почему во времена поэзіи Юпитеръ принялъ на себя образъ быка. Есть что-то величавое въ широкомъ его лбѣ, крѣпко-вооруженномъ, и въ черныхъ глазахъ, выражающихъ гордость и вмѣстѣ доброту, что-то дѣтское въ короткихъ ноздряхъ, тонкомъ и бѣломъ пухѣ, окружающемъ его нѣжную губу; что-то напоминающее поселянина въ широкихъ и сблизженныхъ коленяхъ, въ медленности его спокойнаго шага; что-то львиное въ мощномъ хвостѣ, который колотитъ сухую и костлявую спину. Дѣ, это прекрасное животное! Подгрудокъ его прелестенъ, бока удивительно развиты. Говорятъ, что его морда имѣетъ выраженіе глупости; это не правда: она выражаетъ невинность и силу и имѣетъ отношеніе къ фizioноміи чelовѣка, обрабатывающаго землю и покоряющаго себѣ животное. Посмотрите, какъ наши крестьяне понимаютъ искусство, не зная его! Какой живописецъ, какой скульпторъ изобрѣлъ бы украшеніе стила болѣе-величественнаго и простаго! Этотъ валобникъ, свитый изъ соломы, похожій на діадему; эти ремни, искусно переплетающіе рога и ярмо, должны быть преданіемъ древности. Волъ Аписъ никогда не былъ увѣнчанъ величественнѣе...

— То, что вы говорите, прекрасно, отвѣчалъ Марсилля улыбаясь. — Это поэзія, искусство; но есть поэзія въ другомъ, и мое артистическое чувство предпочитаетъ это другое. Посмотрите, Гильйомъ, на Жанну, дѣвушку нѣжную и сильную, — сильную, какъ мужчина! Посмотрите: одною рукою она поднимаетъ пятьдесятъ фунтовъ сѣна, и поднимаетъ каждыя три минуты отъ восхода до захода солнца...

— О! я думаю! вскричалъ Кадѣ, съ изумленіемъ слушавшій

речь Гильйома о быкахъ, но гораздо-лучше понявшій похвалы Марсилья Жаннѣ.—Г. Леонъ, это самая сильная дѣвушка изъ всѣхъ, которыхъ я знавалъ когда-нибудь. Она поднимаетъ шесть мѣръ хлѣба и кладетъ ихъ себѣ на плечо съ такою же легкостью, какъ и я, — честное слово. Славная дѣвка!

— У Калѣ поэтическое чувство своего рода, продолжалъ Леонъ: — и не уже-ли, Гильюмъ, вы не найдете словъ, чтобъ похвалить Жанну такъ же иснусно, какъ этихъ рогатыхъ животныхъ? Развѣ въ Жаннѣ нѣтъ большей частицы божества, — въ ней, сильной подобно Юнонѣ или Палладѣ, свѣжей подобно Гебѣ, граціозной подобно Бридѣ, посланницѣ боговъ. Но я не поэтъ и не дѣлаю этихъ сравненій, когда защищаю какое-нибудь дѣло; но будь я на вашемъ мѣстѣ, я замѣтилъ бы въ этомъ деревенскомъ созданіи тысячи прелестей, на которыя вы не хотѣте обратить вниманія! Какъ она хороша въ своемъ нарядѣ! Богъ долженъ бы былъ направлять на насъ солнечные лучи для того, чтобъ всѣ женщины приняли этотъ первобытный костюмъ. Ничего, кромѣ короткой юбки и рубашки... согласитесь, что это прекрасно! Вы говорите о древнихъ! Это вмѣстѣ скромно и сладострастно, какъ древнеѣ: ничего не видишь, но угадываешь все прелестное туловище: рубашка закрыта до шеи, рукава до кисти руки; матерія одежды ни тонка, ни прозрачна, но толстая, истертая пеньковая ткань бѣлизною и мягкостью подобна греческимъ драпировкамъ! Жанна превосходная статуя Фидія! Ея прекрасныя формы обрисовываются въ легкихъ и быстрыхъ движеніяхъ. Посмотрите: молодая Шармуа въ сравненіи съ нею восковая кукла! Да, да, повторяю вамъ, это красивѣе быка; тутъ столько же божественнаго, сколько и дѣтскаго. Вспомните друидессу кампей-жоматровъ; это была Велледа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Лизета. Красивыя короткія ноздри и нѣжная губа быка, клянусь, не привлекаютъ моихъ губъ, тогда-какъ этотъ олимпійскій профиль и розовыя губки...

Гильюмъ обернулся спиною къ Леону, не дослушавъ его фразы, и побѣжалъ предложить свою руку матери, возвращавшейся въ замокъ. Марсилья сдѣлался ему ненавистнымъ. Во все время его восторженнаго описанія, сатанинскіе взгляды и улыбка не сходили съ лица его, и казалось, говорили Гильюму: видишь ли это образцовое произведеніе природы, предметъ тайныхъ твоихъ мыслей? Восхищайся и желай! восторжествую надъ ея дикимъ цѣломудріемъ, а ты жалко обманешься, говоря о поэзии, которой она не пойметъ.

Гильюмъ не возвратился на лугъ, а пошелъ въ свою комнату, и, наклонясь на балконъ, господствовавшій надъ долиною, предался врачнымъ мыслямъ, между-тѣмъ, какъ смѣхъ работницъ и крики пастуховъ терялись въ отдаленіи.

IV.

ЛЮБОВЬ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

Тотчасъ послѣ обѣда, во время котораго Гильйомъ объяснилъ свое печальное расположеніе духа мигренью, онъ возвратился въ свою комнату, и въ-самомъ-дѣлѣ, чувствуя себя нездоровымъ, старался заснуть. Его голова кружилась, онъ страдалъ, и мыслящая способность его какъ-бы перестала дѣйствовать. Сестра навѣстила его, и, замѣтивъ у него лихорадку съ бредомъ, побѣжала сказать объ этомъ матери. Послали за докторомъ. Въ полночь сдѣлался съ нимъ первическій припадокъ, но принятыя противъ болѣзни мѣры уменьшили ея силу. Въ часъ, больной успокоился, а въ два уснулъ крѣпкимъ сномъ, и лихорадочная дрожь прекратилась. Докторъ уѣхалъ. Въ три часа, Марі уговорила мать свою лечь спать, а въ четыре часа и сама, по обычной слабости своей небывшая въ состояніи провести ночь безъ сна—уронила начатый ею романъ *Коннетабль Честерскій*: читая этотъ романъ, она чувствовала еще большую дружбу къ Жаннѣ, съ любопытствомъ слѣдя за прелестными характерами молодой обитательницы замка и ея преданной повѣренной, Розы Флемингъ. Но даже Вальтеръ Скоттъ не могъ разогнать усталости нѣжной Марі. Жанна, увидѣвъ, какъ блѣдна *милая госпожа я*, умоляла ее также пойдти отдохнуть, и Марі, увѣрившись, что руки ея брата свежи и сонъ совершенно-спокоенъ, уступила просьбамъ своей сельской подруги. У Жанны было желѣзное сложеніе; она столько ночей провела на креслѣ, бодрствуя во время болѣзни своего крестнаго, что одна ночь не составляла для нея никакого счета. Притомъ, она увѣряла, что Люди прійдетъ ее смѣнить, а сэръ Артуръ, неспавшій до трехъ часовъ, обѣщалъ воротиться въ шесть. Марі обожала брата, но на ея глазахъ лежала завѣса. Тихая и напущеская поэма, героемъ которой былъ сэръ Артуръ, скрывала отъ нея безпокойную и мрачную драму молчаливыхъ страданій Гильйома. Если ей и приходили иногда на умъ какія-нибудь подозрѣнія,—она отталкивала ихъ какъ оскорбительныя для братней дружбы. Ей казались очень-естественными и любовь къ Жаннѣ богатаго и благороднаго человѣка, и желаніе его жениться на ней, такъ-что она не хотѣла допустить въ сердцѣ брата любви менѣе-благородной. Молчаніе Гильйома, откровеннаго во всѣхъ другихъ случаяхъ, и неодобреніе, высказанное имъ на-счетъ намѣреній сэра Артура, не позволяли ей сомнѣваться въ чистотѣ его привязанности къ крестницѣ.

Жанна, оставшись одна съ больнымъ, подняла романъ и, чтобъ не терять времени или не заснуть, прочла по складамъ нѣсколько строкъ, которыхъ не поняла, — но вдругъ вдрогнула и встала, услыша, что крѣстный называетъ ее по имени слабымъ голосомъ, исполненнымъ глубокой грусти.

Увидѣвъ ее передъ собою, Гильюмъ вскрикнулъ и закрылъ лицо руками.

— Я испугала васъ, крѣстный, сказала Жанна:—а вѣдь вы меня звали.

— Я тебя звалъ, Жанна, сказалъ блѣдный молодой человѣкъ, открывъ лицо и взявъ руки Жанны:—хотя и спалъ! Я думалъ о тебѣ и жестоко страдалъ! Но что ты здѣсь дѣлаешь, Жанна? Зачѣмъ ты пришла сюда? О! Боже мой! отвѣчай мнѣ...

— Я здѣсь потому, что вы были нездоровы; но это ничего, крѣстный; вамъ теперь лучше, слава Богу!

— И ты хочешь уйти? вскричалъ Гильюмъ, сильно сжимая ея руки:—ты хочешь меня оставить?

— О, нѣтъ, крѣстный! я останусь съ вами; вы знаете, я не оставляю васъ, когда вы больны.

— Да! я страдалъ... я помню это! отвѣчалъ молодой баронъ.— Ты не была тогда здѣсь?

— Какъ же, крѣстный!

— Правда, я тебя видѣлъ. Извини меня, Жанна; голова моя очень-слаба.

— Надобно принять лекарство.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно; не отходи, Жанна. Твоя рука, когда она въ моей, дѣлаетъ мнѣ больше пользы, нежели лекарство. Однако... ты мнѣ сдѣлала много зла съ-тѣхъ-поръ, какъ я тебя знаю!

— Я, крѣстный? я сдѣлала вамъ зло? сказала испуганная Жанна.—Какъ я могла быть такъ несчастлива, когда, напротивъ, готова умереть, чтобъ васъ вылечить?

— Жанна! о, милая Жанна! вскричалъ Гильюмъ, не имѣя силъ удерживать долѣе свою страсть:—ты заставляешь меня очень страдать съ нѣкотораго времени... съ того времени; какъ ты перестала любить меня.

— Я перестала васъ любить? вскричала въ свою очередь Жанна, заливаясь слезами. — Кто могъ сказать вамъ такую неправду? Развѣ здѣсь есть такіе негодные люди?

— Ты не любишь меня съ того времени, какъ полюбила другого... Жанна, признайся! я не могу долѣе удерживаться... Я обожаю тебя...

— Какое слово сказали вы, крѣстный?

— Развѣ ты не знаешь этого слова? Сэръ Гарлей навѣрно говорилъ его тебѣ.

— О! нѣтъ, крѣстный! господинъ Англичанинъ никогда не говорилъ мнѣ подобнаго слова; оно говорится только Богу; но зачѣмъ говорите вы, что я люблю другаго? Вы хотите сказать этимъ, что я не хочу васъ любить?

— Развѣ ты любила меня, Жанна? О! скажи мнѣ...

— Да я васъ и теперь люблю.

— Ты меня любишь и говоришь мнѣ это такъ спокойно?

— Нѣтъ, крѣстный, я не говорю вамъ этого спокойно, отвѣчала Жанна, думая, что ее обвиняютъ въ холодности и плача съ меланхолическимъ спокойствіемъ оклеветанной невинности.

— Нѣтъ, ты не любишь меня! сказалъ Гильюмъ, оставляя руку Жанны и съ отчаяніемъ взявъ себя за волосы.—Ты не понимаешь меня, ты не знаешь даже, о чемъ я тебя спрашиваю.

— Ахъ, милый крѣстный! сказала Жанна, становясь на колѣни у изголовья Гильюма: — не раздражайте себя; вы теперь, какъ и во время болѣзни, упрекаете меня, что я недовольно къ вамъ привязана, хоть я заботилась о васъ, сколько могла. Не моя вина, что я проста и нехорошо понимаю слова, которыя вы мнѣ говорите.

— Ты понимаешь все, Жанна, исключая одного слова—любовь!

— Ахъ, Боже мой! еслибъ вы не были больны, я сказала бы вамъ, что вы несправедливы. Но теперь, если вамъ пріятно бранить меня, браните.

— Жестокое, жестокое дитя, непонимающее любви! вскричалъ Гильюмъ, ломая руки.

— Вы сказали дурныя слова, крѣстный. Это слова господина Марсилля.

— О! да, я знаю. Марсилля тоже говорилъ тебѣ о любви.

— Онъ говорилъ о ней всѣмъ дѣвушкамъ, но онъ говоритъ очень-дурно.

— Какъ? онъ смѣлъ тебя обидѣть.

— О, нѣтъ. Я не позволила бы себя обидѣть; вамъ не должно на него сердиться. Онъ человекъ не глупый и слушается умныхъ совѣтовъ. Ужъ давно онъ не надоедаетъ мнѣ и даже, когда разъ я ему выговаривала за его глупости, онъ обѣщалъ мнѣ оставить меня въ покоѣ, и съ-тѣхъ-поръ я не могу на него пожаловаться.

— Отъ-чего же тебѣ непріятно, когда я говорю о любви? Скажи, отвѣчай.

— Не знаю, какъ бы это сказать... Но мнѣ кажется, что вы меня уже не любите, когда говорите подобныя вещи.

— Я понимаю тебя, Жанна; ты думаешь, что я хочу тебя обмануть, оболстнуть...

— О! нѣтъ, я не думаю этого объ васъ; вы такъ добры и честны, что не можете имѣть подобныя мысли.

— Однако моя любовь тебя оскорбляетъ, пугаетъ!

— Извините меня, крѣстный, если я глупа. Можетъ-быть, мы не одинаково понимаемъ это слово. Мы употребляемъ его, когда говоримъ о влюбленныхъ.

— Ну, а еслибъ я былъ влюбленъ въ тебя, Жанна?

— О нѣтъ, этого не можетъ быть! сказала Жанна, печально опуская глаза: — болѣзнь заставляетъ васъ такъ говорить.

— Положимъ, болѣзнь; она, какъ видно, заставляетъ насъ говорить то, что мы думаемъ.

— Нехорошо такъ обращаться со мною, крѣстный, сказала Жанна строгимъ голосомъ: — я не заслужила этого.

— Такъ ты меня отвергаешь, ты ненавидишь меня?

— Возможно ли это? отвѣчала Жанна, закрывая передникомъ омоченное слезами лицо.

— Я тебя оскорбляю, печалю! Несчастный! я ошибался: ты не любишь меня.

— О! Я никогда бы себя этого не позволила; я бы лучше умерла, чѣмъ забрала это себя въ голову.

— Что ты говоришь? Ты думала, что оскорбишь меня этимъ, окажешь неуваженіе? Говори, говори ради Бога.

— Не знаю, оскорбила ли бы я васъ, но увѣрена, что это оскорбило бы мою крѣстную мать, и быть можетъ нашу милую барышню. Но, слава Богу, я неспособна на это! Прійди въ вашъ домъ, получать деньги, ѣсть вашъ хлѣбъ и потомъ влюбиться въ своего господина, своего крѣстнаго... Да это былъ бы грѣхъ, а Богу известно, что никогда, никогда у меня не было объ этомъ ни малѣйшей мысли!

— Кончай, Жанна, скажи мнѣ все. Я рѣшился все выслушать: еслибъ я былъ влюбленъ въ тебя, какъ ты говоришь, еслибъ умолялъ тебя влюбиться въ меня, ты никогда бы не согласилась?

— О! не говорите этого: можно подумать, что это правда — а тогда мнѣ бы должно было оставить васъ и уйти далеко-далеко въ свою сторону, чтобъ никогда съ вами не встрѣтиться.

— То, что ты говоришь, ужасно! Ты хотѣла бы, ты могла бы удалиться отъ меня... У тебя стало бы на это силы! Я думалъ это про себя, но напрасно. Я долженъ былъ возвратиться, думалъ, что выздоровѣлъ... но увидѣлъ тебя—и мое страданіе возобновилось гораздо-ужаснѣе.

— Ахъ, Боже мой! что вы говорите? Вы вмѣшиваєте меня въ

свою болѣзнь, какъ-будто я была всему причиною! За что Богъ обратилъ ваши мысли противъ меня!..

— Жанна, ты убиваешь меня своими словами, такъ-какъ прежде медленно истомляла своимъ присутствіемъ. Твоя красота гложетъ мое сердце, твоя добродѣтель уничтожаетъ меня.

— Если я васъ убиваю, то должна удалиться отсюда, сказала Жанна опечаленная и даже оскорбленная, но все продолжая говорить съ кротостью, въ твердомъ убѣжденіи, что Гильюмъ въ бреду. — Никто другой не будетъ ухаживать за вами съ большею дружбою, не можетъ-быть будетъ счастливѣе меня, потому-что я вывожу васъ изъ терпѣнія, и вы на меня всегда сердитесь, когда больны. Я пойду за Люди или за господиномъ Англичаниномъ, и общаю вамъ, милый крѣстный, что любовь моя къ вамъ не уменьшится, хоть я и не буду приходить въ вашу комнату и не стану вамъ прислуживать... это мнѣ будетъ очень-тяжело.

— Я ждалъ этого, Жанна, вскричалъ Гильюмъ въ отчаяніи. — Ты искала случая оставить меня и оставляешь спокойно: ты убиваешь меня подъ предлогомъ возвращенія жизни. Иди же! прощай! оставь меня!... оставь меня!

И молодой человекъ началъ рыдать, вздыхать и судорожно ломать себѣ руки.

Жанна, испуганная, встала, чтобъ позвать госпожу или дѣвцу де-Буссакъ, сообразно съ приказаніемъ ихъ немедленно извѣстить, если возобновится какой-нибудь припадокъ. Однако, уstraшенная состояніемъ больного, она остановилась, не смѣя оставить его одного, и, снова подошедъ къ нему, старалась его успокоить нѣжными упреками и материнскими просьбами. Но Гильюмъ былъ гораздо-менѣе боленъ и болѣе влюбленъ, чѣмъ прежде. Онъ прижалъ Жанну къ сердцу, оросилъ слезами ея холодныя, дрожащія руки и когда вынудилъ у нея обѣщаніе остаться подлѣ него весь день и всю жизнь, то сдѣлался смѣлье, или лучше сказать до того впалъ въ бредъ, что ясно высказалъ ей свою любовь, свою ревность и свои восторги двадцатилѣтняго юности. Это не былъ животный языкъ Марсилья, но просьбы болѣе-жаркія, пылкій бредъ первой любви, которая чувствуетъ свою виновность и, послѣ долгаго колебанія надъ бездною, бросается въ нее, съ гоговоруженіемъ, страхомъ и увлеченіемъ.

Жанна отвѣчала однѣми слезами, и эта искренняя печаль была принята Гильюмомъ за любовь, быть-можетъ безъ страсти, но съ преданностью, готовою на всякія пожертвованія. Тогда только Жанна вырвалась изъ его объятій и подбѣжала къ дверямъ, въ которыхъ увидѣла себя лицомъ-къ-лицу съ сэромъ Артюромъ и почти въ его объятіяхъ.

— Го! вскричалъ Англичанинъ, удивленный ужасомъ Жанны и задушаемыми криками больного, въ которомъ, при видѣ его, снова пробудились ревность и отчаяніе.

— Это ничего, сэръ Гарлей, сказала Жанна, которой разстроенныя черты противорѣчили словамъ. — Мой крѣстный немного боленъ, и вы его утѣшите. Я сержу его, и потому уйду.

Она побѣжала въ свою комнату и бросилась на колѣни передъ обожаемыми ею изображеніями: Богородицы, Жанны-великой-пастушки, которую она считала канонизированною и предъ святою Жанною, воображая, что это ея патронъ, и императора Наполеона, котораго она считала архангеломъ Михаиломъ Франціи и мученикомъ Англичанъ. Она долго молилась и плакала, но когда почувствовала себя спокойнѣе, просила Бога внушить ей, что она должна дѣлать при обстоятельствахъ, въ ея глазахъ столь жестокихъ и ужасныхъ.

Люди застала ее въ этомъ размысленіи.

— О чемъ думаешь ты? сказала она ей: — твои коровы еще ничего не ѣли, а ты здѣсь молишься, какъ-будто въ воскресенье въ церкви.

— Ты права, Люди, отвѣчала Жанна:—я могу точно также молиться работая.

И красавица, о которой вздыхали достойный мужчина, прелестный молодой человекъ и блистательный адвокатъ, пошла позаботиться о завтракъ Лани, Гранаты и Королевы, трехъ красивыхъ коровъ, ввѣренныхъ ея попеченіямъ.

Пробывъ часа два на лугу, Жанна увидѣла сэра Артюра Гарлея, приближавшагося къ ней по скаламъ, которыя свѣсились надъ рѣкою. Она хотѣла уйдти отъ него. *Господи* начали уже внушать ей недоувѣрчивость и страхъ; но физиономія Англичанина выражала, особенно въ это время, столько доброты и благородства, что она немного успокоилась и продолжала вязать, между-тѣмъ, какъ онъ сѣлъ на скалу въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи.

— Милая Жанна, сказалъ онъ ей:—я пришелъ поговорить съ вами о дѣлѣ очень-щекотливомъ, и во вниманіе къ доброму намѣренію, вы простите мнѣ, если я буду дурно объясняться по-Французски.

Сэръ Гарлей говорилъ по-Французски очень-хорошо и ошибался иногда только въ родѣ именъ и спряженіяхъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ старался выставить себя невѣждою въ глазахъ Жанны, надѣясь такимъ-образомъ заставить ее хоть нѣсколько забыть неравенство ихъ состояній. Но теперь, Жанна, менѣе нежели когда-нибудь, могла забыть, что должна была оказывать много уваженія другимъ, чтобъ много внушить его къ себѣ. Она понимала, что только этого равенства можетъ она желать безъ опа-

сенія; сэръ Артуръ, впрочемъ, заслуживалъ лучшаго: она понимала это инстинктивно, не смѣя впрочемъ полагаться на свои ощущенія.

Сэръ Артуръ говорилъ ей съ чувствомъ отца, голосомъ, который внушалъ къ нему въ сердца Жанны нѣжность и уваженіе. Онъ ясно далъ ей понять, что угадалъ, быть-можетъ вырвалъ у Гильйома его тайну, и хотѣлъ знать, отвѣчаетъ ли она на любовь своего молодаго крѣстнаго, чтобъ помочь ей, совѣтовать и покровительствовать въ этомъ случаѣ, каковы бы ни были ея чувства. Жанна долго старалась скрывать тайну своего крѣстнаго, но наконецъ, видя, что ея молчаніе бесполезно, сказала:

— Хорошо, сударь! вы мнѣ говорите объ этихъ вещахъ такъ, какъ говорилъ бы господинъ Алень, и я отвѣчу вамъ, какъ честному человѣку, какими вы мнѣ кажетесь. Правда, мой крѣстный несчастенъ изъ-за меня, но я только сегодня узнала объ этомъ; мнѣ очень-грустно, и я готова уйти изъ замка, если вы мнѣ это посоветуете и если полагаете, что это поможетъ ему. Что касается до меня, то видитъ Богъ, я его очень люблю, но люблю только такъ, какъ должна, и могу поклясться вамъ и моею крѣстной матери, что не влюблена въ него. О! этого не было и никогда не будетъ... Увѣрю васъ, я ни минутой объ этомъ не думала.

— Вы объ этомъ не думали, Жанна; вы не считали возможнымъ, чтобъ вашъ крѣстный отецъ влюбился въ васъ; но теперь, когда это вамъ извѣстно, не думаете ли объ этомъ хотя немного?

— Нѣтъ, сударь.

— Потому-что вы горды и умны, вы божитесь презрѣнія другихъ и своего собственнаго. Но еслибъ вашъ крѣстный отецъ могъ и хотѣлъ жениться на васъ, согласился ли бы вы?

— Нѣтъ, сударь, никогда.

— Вы вѣрно полагаете, что родные его будутъ противиться и не хотите опечалить свою крѣстную мать. Но если бы она согласилась?

— Все равно, сударь.

— Вы говорите мнѣ правду, Жанна... какъ другу, какъ брату, какъ духовному отцу?

— Да, сударь.

— Однакожъ то, о чемъ я вамъ говорю, не невозможно. Я имѣю вліяніе на госпожу де-Буссакъ и могу поправить несправедливость судьбы въ-отношеніи къ вамъ. Я сказалъ вамъ это однажды, и теперь болѣе нежели когда-нибудь вашъ слуга и вашъ другъ.

— О! сударь, вы такъ добры ко мнѣ, такъ благородны, что я не могу васъ понять и не умѣю благодарить. Но все напрасно. Я никогда не выйду замужъ за моего крѣстнаго, даже если бы его мать приказала мнѣ это.

— О! Жанна, подумайте! г. Гильдомъ прекрасный молодой человекъ. Онъ любезенъ и добръ. Онъ уменъ; онъ оказалъ вамъ большія услуги, и любитъ васъ до безумія.

— Я готова умереть, сказала Жанна:—пусть только не говорятъ о мѣмъ замужствѣ.

И она начала плакать.

— Жанна! вскричалъ Англичанинъ: — вы замужемъ!..

— Я, сударь? сказала Жанна, съ удивленнымъ видомъ поднимая голову:—что за мысль пришла вамъ въ голову? Еслибъ я была замужемъ, то не-уже-ли бы я не знала этого?

— Но вы уже общали кому-нибудь.

— Кому-нибудь? Нѣтъ, сударь; вы ошибаетесь.

— Но вы любите кого-нибудь?

— Нѣтъ, сударь, отвѣчала Жанна, опуская свои длинныя рѣсницы, какъ-будто это предположеніе оскорбило ее.

— Возможно ли, продолжалъ Англичанинъ:—чтобъ вы, прекрасная, любимая всеми женщи до двадцати-двухъ лѣтъ,—и ни одинъ человекъ не видалъ счастья заслужить ваше предпочтеніе.

Жанна молчала съ минуту. Она казалась оскорбленною, и Артуръ примѣтилъ какъ на щекахъ ея, блѣдныя отъ слезъ и усталости, появились слабыя, мимолетныя румянца.

— Нѣтъ, сударь, сказала она наконецъ:—вы меня огорчаете, дѣлая подобныя вопросы; я никогда не возобновляла противъ себя моей совѣсти и ни разу во всю жизнь не была влюблена. Вижу, что вы хотите узнать, могу ли я утѣшить моего крѣпкого; но это невозможно. Если онъ *удержитъ меня съ собою* *мыслятъ*, я должна буду удалиться.

— Жанна, сказалъ сэръ Артуръ, глубоко расстроенный:—въ эту минуту я не могу, не долженъ вамъ ничего совѣтовать; я другъ Гильдома и люблю его болѣе самого-себя; его страданіе тѣснитъ мою душу, и я не знаю, какъ его вылечить. Прошу васъ объ одномъ: не забывайте, что во мнѣ вы имѣете друга самаго преданнаго, самаго вѣрнаго. Общайте навѣстить меня, гдѣ вы будете, и позвольте навѣстить васъ, если вы оставите этотъ домъ, или я самъ не буду въ немъ. Я долженъ сообщить вамъ тайну; но она не заставитъ васъ покраснѣть, и я нисколько не касался моего честию.

— Куда же мнѣ идти, какъ не на мою родину, въ Туль-Сентъ-Круа? отвѣчала Жанна.—Тамъ я наймусь въ какой-нибудь фермѣ подлѣ Комбрала, потому-что въ той сторонѣ хороши травы, а я люблю, чтобы скотъ, который я пасу, былъ сытъ. Что же касается до желанія вашего меня видѣть, это невозможно, сударь: стануть дурно говорить и обо мнѣ и объ васъ; но если вамъ угодно будетъ что-нибудь приказать мнѣ, то напишите тульскому свя-

ценнику: онъ хорошо читаетъ писанное и скажетъ мнѣ, что вы мнѣ пишете.

— Хорошо, Жанна, отвѣчалъ сэръ Гарлей и сдѣлалъ движеніе, чтобъ на прощаніе взять ея руку, но побоялся, при обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась стыдливая Жанна, уничтожить этимъ ея довѣренность и, подождавъ ей почтительно, какъ-будто самой важной дамъ, испрошивъ удаленія, рѣшась оставить Буссака въ тотъ же день, чтобъ забавить своего друга хоть отъ мученій ревности.

Оставшись одна, Жанна думала о томъ, что смертельно пожелавши спонсированіе ея жизни, и о лишкомъ участіи Англичанина, когда ливну скалы замѣтила дурно-адвѣгаго человѣка, который лезъ и карабкался какъ лисица. Въ рукахъ у него были удочка и кѣренки, которую время-отъ-времени онъ ставилъ предъ собою, когда ему удавалось достигать до уступа какаго-нибудь утеса. Это дѣло было такъ круто, что никто не ходилъ по немъ. На границѣ оно было бы трѣпанію контрабандистовъ; близъ города это было проходъ для воровъ и шпионовъ. Грязная и нездоровая шкура этого человѣка была надвинута на глаза, и Жанна не могла рассмотреть лица его. Однако, на казирой походивъ, та шкой, то скорой, она предполагала, что это Рагъ. Она не увидѣла рыбы, а, начавъ, научалъ извѣстность иди стѣржиль преходившихъ по противоположному берегу.

Встревоженная Жанна удалилась и перегнала коня въ другую сторону дуга. Рагъ внушалъ ей безотчетливый страхъ. Онъ всегда жилъ съ ея тѣткою и вѣроятно дѣлилъ съ Большою-Рѣтою деньги, посылаемыя ей Жанною, обманутою наружностію ея нищенствомъ.

Пришедъ въ замокъ, она спросила о здоровьи крѣстнаго. Марі была печальна; она находила брата то убитымъ, то взволнованнымъ. Онъ говорилъ странныя вещи, тревожился при малѣйшемъ шумѣ въ домѣ, и сколько разъ спрашивалъ, гдѣ Жанна. Жанна, вопреки желанію Марі, уклонялась отъ прихода къ нему подл разными предлогами. Сэръ Артуръ писалъ письма, казался озабоченнымъ. Онъ поминутно ходилъ къ больному и совѣтовался съ докторомъ; наконецъ, послѣ обѣда, сказавъ, что у него есть дѣло до нотаріуса въ Шамбронъ, взявъ маленькій чемоданъ, сѣлъ на лошадь, и обѣщавъ возвратиться черезъ два или три дня, пустился по дорогѣ въ Бурбоннѣ.

По наступленіи ночи, Жанна пошла на дугъ собрать куски новаго полотна, которые тамъ бѣлились и иногда оставались на ночь; но она вспомнила о человѣкѣ, примѣченномъ ею между скалами,

и не хотѣла допустить, чтобъ отъ ея нерадѣнія пропахло полотно ея хозяйствъ.

Луна поднималась и бросала длинныя, неопредѣленныя тѣни на дуга; въ то время, какъ Жанна начала поднимать и свертывать полотно. Но она едва не уронила ихъ и не побѣжала, услышавъ голосъ Рагэ, прошептавшій съзади ея:

— Постой, прекрасная Жанна, постой! я тебя помогу.

— Что вамъ здѣсь надобно? что вы здѣсь дѣлаете? спросила Жанна, стараясь говорить твердымъ голосомъ и положила на плечо перевернутое полотно, нутавшее ея ноги.

— Ты не меня думала здѣсь встрѣтить? продолжалъ называвшійся Рагэ.— Не твой любезный, Жанна, ужкалъ. Онъ теперь ѣдетъ на большой желтой лошади.

Жанна не хотѣла разговаривать и скорымъ шагомъ пустилась во тропинку, которая вела въ садъ.

— Ты боишься воровъ, которые крадутъ полотна; прелестная Жанна? сказалъ Рагэ, слѣдуя за нею.— Ты бы лучше боялась тѣхъ, кто крадетъ сердца дѣвушекъ.

Проехавъ три шага, онъ сказалъ:

— Такъ правда, что ты выходишь замужъ за Англичанина, прелестная Жанна? Чѣмъ бы сказала объ этомъ мать твоя?

— Вы много, сказала Жанна, становясь смѣлѣе по мѣрѣ приближенія къ саду:— я ни за кого не выхожу.

— Однако, говорятъ, что ты будешь богата, что ты ужъ теперь богата. Надюсь, ты не забудешь родныхъ, когда сдѣлаешься госпожою?

— Вы мнѣ не родственникъ, сказала Жанна:— и это до васъ не касается...

— Англичанинъ, навѣрно, ѣдетъ въ Туль-Сент-Круа, чтобъ огласить бракъ, продолжалъ Рагэ, которому было приятно пугать людей, слѣдуя за ними по ночамъ и интригуя ихъ своими словами.— Но ты бы должна была вѣнчаться въ другомъ приходѣ, Жанна: это будетъ очень-прискорбно отцу Алену. Вѣроятно и ты пойдешь завтра въ нашу сторону? Вотъ уже двадцать мѣсяцевъ, какъ мы тебя не видали, и тѣтка твоя все больна. Лихорадки не покидаютъ ея. Я полагаю, ты прійдешь сказать ей здравствуй прежде, нежели она умретъ.

— Не-уже-ли вы говорите правду? спросила Жанна, остановясь, потому-что она достигла уже до калитки сада и держала ее полурастворенною между собою и ночнымъ бродягою.— Тѣтушка больна?

— Твой Англичанинъ ѣдетъ въ Туль: ты можешь приказать ему спросить у кого-нибудь, правда ли это.

— Да этотъ господинъ не ѣдетъ въ Туль.

— Ты очень-хорошо знаешь, что ѣдетъ! Я его встрѣтилъ на право отъ камней-жоматровъ.

— Онъ поѣхалъ въ Шамбонъ или Бона... не знаю куда, но узнаю, не лжете ли вы, и точно ли больна тѣтушка.

— О! да, отвѣчалъ Рагэ: — ты узнаешь это, когда она умретъ.

— Но если она больна, отъ-чего жъ вы не съ нею? Она очень-дурно сдѣлала, что переселилась къ вамъ; вы совсѣмъ о ней не заботитесь.

— Я? сказалъ Рагэ: — да, я не живу съ нею. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я ее оставилъ.

— Гдѣ же живетъ теперь она, бѣдная?

— Гдѣ ей угодно; въ норѣ садъ или въ садкѣ съ рыбами — мнѣ, право, все равно.

— Вы дурной человекъ, я знала это! отвѣчала Жанна, запирая ему подъ носъ калитку. Воротясь, она не могла рѣшить, должна ли она вѣрить словамъ Рагэ и на другой день отправиться къ тѣткѣ?

V.

Прощаніе съ говодономъ.

Вечеру Гильюмъ всталъ. Онъ многое передумалъ, и казался спокойнѣе; узнавъ объ отъѣздѣ сэра Артюра, онъ понялъ великодушіе и деликатность поступка своего друга и почувствовалъ угрызения совѣсти. «Кто знаетъ, до чего можетъ дойти величіе души благороднаго Артюра? Онъ угадалъ мою тайну и, быть-можетъ, навсегда отказывается отъ Жанны. Онъ видитъ, что я ее люблю, и думаетъ, что я, подобно ему, въ состояніи на ней жениться... Жениться — что жъ? Если она меня любитъ, если можетъ быть счастлива со мною, — отъ-чего и мнѣ не имѣть его рѣшимости, его благородства? Несчастный безумецъ! я попробовалъ соблазнить ее, а мысль предложить ей любовь, достойную ея и меня, не можетъ утвердиться въ моемъ безпокойномъ, трусливомъ умѣ! Притомъ, могу ли я принять жертву моего друга, могу ли идти противъ него и для своей пользы разрушать его надежды? Могу ли предложить Жаннѣ невѣрное и безпокойное сердце, негодование моей матери, тысячи препятствій, быть-можетъ, тысячи преслѣдованій въ замѣнъ безоблачной будущности, предлагаемой ей сэромъ Артюромъ?»

Терзаемый всеми муками своей слабости и упреками совѣсти, грустный юноша пошелъ скрыть волненіе и слезы въ постель. О немъ продолжали беспокоиться. Докторъ снова пріѣхалъ и, не находя въ немъ настоящей болѣзни, сказалъ, что расстройство его происходитъ отъ какой-нибудь моральной причины. Гильюмъ употреблялъ неслыханныя усилія, чтобъ скрыть свое страданіе. Нѣжно-разспрашиваемый матерью и сестрою, онъ, вмѣсто того, чтобъ излить передъ ними свои чувства, притворствомъ уничтожалъ всякую возможность признанія на будущее время. Онъ заклиналъ ихъ не беспокоиться о немъ, надвѣясь, что къ нему пришлютъ Жанну, и онъ будетъ имѣть случай поправить свой безумный проступокъ, приписать его лихорадочному бреду. Но, вмѣсто Жанны, люди заняла большое кресло, говоря, что Жанна слишкомъ устала. Гильюмъ, видѣвшій, что она была неутомима въ-теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ, понялъ ея рѣшимость и покорился ей съ горькою печалью.

— Любезный другъ! говорила на слѣдующее утро госпожа де-Буссакъ подирефективъ:—я убита горестью. Какая-то черная мысль видимо овладела всеми способностями души моего сына; докторъ, не находя въ немъ болѣзни, удивляется и говоритъ о нравственномъ расстройствѣ. Не-уже-ли мнѣ суждено видѣть Гильюма мало-помалу впадающимъ въ состояніе, худшее самой смерти? Пожалуйте обо мнѣ, разувърте меня, и, наконецъ, вы, отгадывающая столько вещей, просвѣтите меня, если можете.

— Я сто разъ говорила вамъ, моя милая, отвѣчала подирефективъ:—что единственное лекарство для вашего сына—бракъ. Вы воспитали его какъ дѣвушку, сдѣлали его благочестивымъ и умнымъ, это прекрасно; но если продлится его холостая жизнь, которую онъ какъ-будто старается продолжить, то онъ навѣрно сойдетъ съ ума.

— Не произносите этихъ ужасныхъ словъ и скажите мнѣ: вы въ-самомъ-дѣлѣ думаете, какъ уже и говорили мнѣ много разъ, что Гильюмъ влюбленъ тайно отъ меня?

— Можетъ-быть; но съ того самаго времени, какъ я за нимъ наблюдаю каждый день, мнѣ все кажется, что онъ болѣе влюбленъ вообще, нежели въ частности.

— Что хотите вы сказать этимъ?

— Что онъ, какъ молодой послушникъ, влюбленъ во всѣхъ женщинъ; которыхъ видитъ. Я не удивилась бы, узнавъ, что красивая Жанна, которую вы такъ балуете, и съ которою здѣсь обходятся какъ съ равною, заняла его мысли. Вы не хотите мнѣ вѣрить, у васъ бельма на глазахъ... Гильюмъ цылаетъ къ этой дѣвушкѣ страстью, по намъреніямъ очень не цѣломудренною... хотя на дѣлѣ, можетъ-быть, оно совершенно иначе; объ этомъ я не могу гово-

рши решительно. Не поверите на искренность этого молодого человека! Онъ любитъ сѣра Артура, какъ любилъ въ средневѣка братьевъ по оружію. Онъ любитъ свою сестру почти какъ любовника... любитъ также и мою дочь...

— Вы полагаете?

— Это вамъ неприятно, но справедливо. О! я очень-хорошо знаю, что подъ тихимъ и скромнымъ видомъ вы скрываете сильнѣе честолюбіе относительно вашихъ дѣтей. Вы надеетесь, что Маріа выйдетъ замужъ за сѣра Гаррея. Для Гильюма хотѣте найти въ канонъ-нибудѣ углу своей провинціи большое приданое. Я не такъ богата, какъ вы, однако Эльвира у меня одна дочь, и могу васъ увѣрить, что не позже, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ, префектура дастъ намъ, по-крайней-мѣрѣ, тридцать тысячъ ливровъ. Пусть Гильюмъ идетъ по этой же карьерѣ и со-временемъ онъ будетъ гораздо-богаче, нежели могъ бы быть, оставшись при сельскихъ занятіяхъ.

— Вы ошибаетесь во мнѣ, мой другъ, отвѣчала госпожа де-Буссакъ. — Хотя я иногда и мечтаю устроить ему блестящую будущность, но тѣмъ не менѣе больше всего забочусь о его счастьи и добровѣ. Еслибъ я знала, что онъ влюбленъ въ Эльвиру, то не колеблясь попросила бы руки ея.

— Онъ навѣрное влюбленъ. Но, говоря откровенно, это чувство перемежается у него странностями и капризами. Вы видите, онъ то цѣлые дни занимается Эльвирою, то вдругъ начинаетъ думать о другомъ, пишетъ стихи, читаетъ съ своей сестрой романы, смотритъ на луну и на Жанну, видитъ, что этотъ сорваецъ Англичанинъ влюбленъ въ нее — и теряетъ рассудокъ. Рѣшитесь удалить двухъ болтушекъ; возьмите двухъ служанокъ, которымъ вдвоемъ было бы сто-пятьдесятъ лѣтъ, бросьте въ огонь всѣ романы, прикажите, чтобъ Гильюмъ, вмѣсто уединенныхъ вечернихъ прогулокъ по полю, сидѣлъ постоянно съ нами, и я васъ увѣрю, что, до истеченія двухъ мѣсяцевъ, онъ признается, что любитъ дочь мою. Жените ихъ, заставьте попутешествовать вдвоемъ, и вы увидите...

— Вижу, что вы считаете Жанну препятствіемъ вашему намѣренію, отвѣчала госпожа де-Буссакъ:— и если я увѣрюсь въ это, то — не смотря на большія услуги, оказанныя ею во время ея болячки... я отошлю ее.

— Устройте ея судьбу, выдайте замужъ за крестьянина, за дурака Кадэ — и все кончено.

— Охотно; но если это приведетъ Гильюма въ отчаяніе?... Право, не знаю, на что рѣшиться. Всю ночь онъ спрашивалъ Жанну и, признаюсь, это заставило меня подумать, что вы не ошибаетесь. Красота ея уже черезъ-чуръ много волнуешь его.

— Если такъ, сказала Шарму послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: — отдайте ему Жанну на нѣсколько времени, и онъ успокоится.

— Мнѣ отдать ее ему! Да ваши слова противны нравственности и благочестію!

— Когда я говорю отдайте ему ее, я хочу сказать: предоставьте ему взять ее; добрая мать должна обо всемъ думать, и когда великая строгость правилъ гибельна, она должна закрывать глаза на некоторые проступки часто полезные, всегда необходимыя.

— Какъ можете вы мнѣ совѣтовать подобныя вещи, когда только-что говорили о бракѣ его съ Эльвирою?

— Это доказываетъ вамъ, какъ мало думаю я при этомъ случаѣ о собственныхъ выгодахъ, и еще то, что забочусь только о спасеніи вашего сына. Притомъ, какое мнѣ дѣло, что у моего будущаго зятя будетъ передъ бракомъ любовница? Если она должна быть, то пусть будетъ ею Жанна, а не другая кто-нибудь. Жанна молода и скромна; у ней нѣтъ интригъ; она не будетъ уметь возбудить въ немъ страсть; ея тупость скоро его утомитъ; она тиха и покорна... мы удалимъ ее потомъ безъ шума. Вашимъ дѣломъ будетъ заплатить ей довольно-щедро, чтобъ она не жаловалась. Эту жертву мы можемъ принести вѣсть, когда Эльвира и Гильюмъ будутъ мужемъ и женою. Впрочемъ, если угодно, и г. Леонъ Марсилья избавитъ васъ отъ нея.

— Замолчите, моя милая! сказала испуганная госпожа де-Буссакъ. — Все это мнѣ кажется чрезвычайно-безнравственнымъ... у васъ неистово-селевскій умъ.

Подпрофектна посмѣялась надъ совѣстью госпожи де-Буссакъ, очень-слабо защищавшейся. Двѣ дамы еще долго разговаривали, но такъ тихо, что и Люди напрасно бы подслушивала въ замочную скважину.

Тотчасъ послѣ этого разговора, Жанна была позвана отъ имени своей крѣстной матери въ садъ, подъ грабину, но нашла тамъ одну госпожу Шарму. Это безсовѣстное твореніе дѣйствовало тайно отъ госпожи де-Буссакъ, и согласно съ своими циническими чувствами, справедливо говорила самой-себѣ, что ея намѣреніе будетъ рѣшительнымъ ударомъ.

— Жанна, сказала она молодой дѣвушкѣ, удивленной при видѣ такого судьи:—я вамъ скажу важную вещь; будьте откровенны, и къ вамъ будутъ снисходительны. Ваша крѣстная мать все знаетъ.

Жанна покраснѣла и опустила глаза; но истиннѣе покорности, замѣнявшій у нея хитрость и благоразуміе — заставилъ ее молчать. Если она говоритъ ложь, чтобъ узнать правду, подумала она, то ничего у меня не выпытаетъ: я не измѣню тайнъ моего крѣстна-

го, не буду на него жаловаться. Пусть лучше меня отошлютъ, нежели его побранятъ.

— Мы знаемъ, что ваша голова вскружена глупостями сэра Гарлея, продолжала г-жа Шармуа:—и вы думаете, что вамъ такъ же легко заставить на себѣ жениться г-на де-Буссакъ, какъ этого Англичанина. Повѣрьте, милая, что то и другое невозможно, что васъ обманываютъ, надъ вами смѣются... У сэра Гарлея есть жена въ Италиі, я это знаю; что же касается до г. барона, то мать никогда не позволитъ ему жениться. Онъ самъ покраснѣлъ бы отъ подобной мысли.

— Если сэръ Гарлей женатъ на хорошей женщинѣ, то мнѣ пріятно узнать объ этомъ, сказала Жанна съ скрытымъ презрѣніемъ:— а что касается до моего крѣстнаго, то я еще не сошла съ ума и, подобно ему, никогда не думала о томъ, что вы говорите.

— Вы лжете, Жанна, снова начала подпрефектша, тщетно стараясь устрашить Жанну своими черными глазами.—Мы все знаемъ; онъ во всемъ признался въ бреду горячки. Онъ обѣщалъ вамъ жениться, чтобъ уговорить васъ...

— Вѣрно мой крѣстный очень-болѣвъ, потому-что сказалъ совершенную неправду.

— Вы не станете, по-крайней-мѣрѣ, отпираться отъ того, что онъ за вами волочится?

— Мнѣ нечего говорить вамъ на этотъ счетъ, сударыня.

— Но я поведу васъ къ вашей крѣстной матери, и она уличитъ васъ.

— Я не думала и не дѣлала ничего дурнаго, и потому ничего не боюсь, сударыня.

— Въ васъ много увѣренности, госпожа Жанна; вы, можетъ-быть, хотѣли бы надѣлать шуму. Напрасно! изъ этого ничего не выйдетъ: никто не обратитъ вниманія на вашу наружную добродѣтель. Отбросьте мысль о бракѣ — на прочее будутъ смотреть сквозь пальцы, лишь-бы это не было продолжительно и дѣлалось съ тѣмъ же благоразуміемъ и такъ же тайно, какъ дѣлали вы доселѣ.

Жанна была въ такомъ негодованіи, что не могла отвѣчать.

— Я пойду къ крѣстной, сказала она — и, быстро повернувшись спиною къ г-жѣ Шармуа, вышла, не слушая болѣе ея словъ.

Къ несчастію Жанны, госпожа де-Буссакъ была въ комнатѣ сына, и Жанна не осмѣлилась войти туда. Она ждала ее въ корридорѣ, но госпожа Шармуа умѣла во-время предупредить свою слабую пріятельницу.

— Я надѣлала чудесъ, сказала она, увлекая ее на балконъ комнаты Гильйома. — Я говорила съ Жанною, напугала ее: если

она виновата, то будетъ покорна; если нѣтъ — будетъ пошнваться.

— Что хотите вы сказать? что вы дѣлали? сказала госпожа де-Буссакъ:—вы меня пугаете.

— Вы всегда пугаетесь и никогда не дѣйствуете! Дайте мнѣ право дѣйствовать. Потребуйте, чтобъ Жанна просидѣла ночь при нашемъ сынѣ. Если они уже сблизились, она ему скажетъ, что нѣтъ возможности васъ обмануть, и они подумаютъ о томъ, какъ кончатъ все миролюбиво. Если же еще не сблизились, то сблизятся, и нѣтъ связи не будетъ опасна впередъ. Вы увидите! Если Гильиомъ не будетъ завтра споможенъ и кретенъ, то не слушайте больше моихъ совѣтовъ.

— Но все это преступно...

Это былъ послѣдній крикъ совѣсти безумной матери. Г-жа Шармуа подавила ея сомнѣнія.

— Ну, сказала она: — если вы хотите, чтобъ все шло само-собой, то ждите, что вашъ сынъ снова придетъ въ состояніе, въ которомъ находился передъ отъѣздомъ въ Италію, или приготовитесь отправить его снова отъ себя: быть-можетъ, путешествіе и разсыаніе еще разъ его вымечать. Для этого нужны только деньги много дѣе.

— Ахъ, это ужасно! вскричала госпожа де-Буссакъ:—снова потерять его, провести безъ него всю жизнь, только этою цѣною покупать надежду на его здоровье,—это свыше моихъ силъ.

— Я это знала, подумала г-жа Шармуа.—Душа моя! продолжала она: — повѣрьте моей опытности и моей къ вамъ привязанности. Позвольте мнѣ руководить вами; особенно, не говорите съ Жанною сегодня; устройте ей свиданіе съ-глазу-на-глазь съ вашимъ сыномъ — и я вамъ обещаю, что завтра ни онъ, ни она не будутъ васъ беспокоить.

Госпожа де-Буссакъ уступила. Жанна три раза просила позволенія поговорить съ нею, но получила отказъ.

Жанна пошла къ своимъ коровамъ и, приготовивъ имъ всего вдоволь до утра, поласкала молодую бѣлую корову, особенно ея любимую, выбрала ей самыхъ мягкихъ травъ, какъ-будто для того, чтобъ полакомить ее въ послѣдній разъ, потомъ привела все въ порядокъ и, остановясь съ минутою на порогѣ хлѣва, въ которомъ столько часовъ посвящала простымъ занятіямъ, освѣнила себя большимъ крестомъ какъ-бы для того, чтобъ набожно заключить свою труженническую жизнь.

Потомъ она вошла въ свою комнату, въ башнѣ, связала самыя необходимыя вещи въ узелокъ и положила въ сундукъ Людмилы украшения, данныя ей прѣстною матерью, которая хотѣла

подарить своей подругѣ, взявъ съ собою только одну цѣнную вещь — золотой крестъ, полученный ею отъ Маріи въ день ангела... Потомъ вошла въ комнату Маріи, хотя чрезъ окно видѣла, что она въ саду. Хорошо зная, что не можетъ ей ничего повѣрить и не чувствуя въ себѣ силы проститься съ нею, она хотѣла видѣть, по крайней-мѣрѣ, на кой и постель своей «милой госпожи»; преклонила въ послѣдній разъ колѣни передъ алебастровой Мадонною, которой нѣ въ вмѣстѣ возсылали столько непорочныхъ молитвъ; отдѣлила одинъ увядшій цвѣтокъ отъ гирлянды, повѣшенной ею накануне, и положила его на грудь вмѣстѣ съ четками. Потомъ, когда, передъ выходомъ, ей попалось подъ руку платье и шаль ея любезной госпожи, она долго ихъ цаловала, проливая горькія слезы...

Сходя внизъ, она встрѣтилась на лѣстницѣ съ Люди и молча ее обняла.

— Куда ты идешь? спросила Люди, удивляясь ея краснымъ глазамъ и печальной улыбкѣ.

— Въ поле, отвѣчала Жанна.

— Время для этого уже прошло, сказала Люди.

— Нѣтъ, нѣтъ, время пришло, отвѣчала Жанна и быстро сошла внизъ.

У воротъ замка она встрѣтилась съ Кадѣ.

— Ты идешь гулять, Жанна?

— Я иду къ себѣ, домой. Тѣтка моя очень-больна; мнѣ саждало уйдти еще утромъ.

— Ты идешь одна? Ночь застигнетъ тебя дорогою.

— О! я знаю дорогу; притомъ со мною Финно.

— Собака Финно хорошее животное; но защититъ ли она тебя, когда ты встрѣтишь дурныхъ людей?

— О, да! не безпокойся.

— Зачѣмъ ты мнѣ не сказала объ этомъ поутру? Я бы запротестовала позволенія проводить тебя.

— Тогда бы двухъ не было въ работѣ; это очень затруднило бы Люди. Прощай, спокойной ночи, Кадѣ; не задерживай меня.

— Ты вернешься завтра, Жанна?

— Ворочусь какъ-можно-скорѣе, сказала Жанна, посылая ему улыбку, но потомъ; отворотясь, она снова заплакала при мысли, что никогда не вернется.

Десять минутъ спустя послѣ ухода Жанны, кто-то тихонько постучалъ въ дверь кабинета Леона Марсилья.

— Кто тамъ? спросилъ онъ сердито.

— Вы одни, г. адвокатъ?

— Это опять ты, негодяй! Чего ты хочешь?

— Маленькаго разговора съ г. адвокатомъ.

— Мэтръ Рагё, мнѣ надобно твои грязныя дѣла. Притомъ мнѣ нѣтъ времени. Убрайся къ чорту!

— Вы слишкомъ честны, г. адвокатъ; но вы меня выслушаете.

— Нисколько. Пошелъ вонъ! говорю я; я не защищаю тебя болѣе; ты несправимъ.

— О! когда вы меня выслушаете, то убѣдитесь, что я бѣгъ, какъ снѣгъ.

— Да, какъ обыкновенно! Еще ночное воровство? или ищение негодяя?

— Совсѣмъ нѣтъ. Злые всегда на меня сердятся. Не выдумали ли они теперь, что я одѣваюсь женщиною, и ночью хожу съ бѣдною Готою къ копямъ представлять прачку?

— Тебя можно подозрѣвать и въ этомъ и въ томъ еще, что ты бросаешь камни въ тѣхъ, кто хочетъ тебя исправить.

— Совсѣмъ нѣтъ, сударь, никогда! Это не я. Въ то время, когда горѣлъ домъ Жанны, я слышалъ, будто негодяи сдѣлали эту штуку для того, чтобъ красть старое желѣзо изъ развалинъ; но я не знаю кто, а на меня взвалили.

— Взваливаютъ только на богатыхъ... притомъ же, я узналъ тебя, мэтръ Рагё, — и потому молчи.

— О! вы думаете? вы ошиблись! А Жанна...

— Молчи, говорю я!

— Только-что ушла изъ замка. Знаете ли вы это?

Марсилья вдрогнулъ. Рагё глазомъ коршуна примѣтилъ его нерѣшимость, его отвращеніе отъ разспросовъ и желаніе узнать, и продолжалъ:

— Да, сударь, ушла одна съ своею собакою... Она пошла въ Туль. Теперь должна быть у выхода изъ города... Она скоро ходитъ!

— Что мнѣ за дѣло до этого! сказалъ Леонъ. — Ты мнѣ надѣдаешь; пошелъ вонъ.

— Иду и скажу вашему лакею, чтобъ онъ поскорѣе приготовилъ вамъ лошадь.

— Негодяй! сказалъ Марсилья, видя, что онъ пошелъ въ конюшню: — онъ дѣлаетъ, что сказалъ.

— Пять минутъ спустя, Марсилья сѣлъ на лошадь, проклиная злую судьбу, которая снова привела къ нему гнуснаго сообщника его распутства, но не стараясь, впрочемъ, преодолѣть силы, которая его толкала.

Крупною рысью проѣхалъ онъ черезъ городъ; потомъ, думая, что не долженъ спѣшать, чтобъ нагнать Жанну въ сумерки, умиривъ шагъ и тихо спустился съ крутой горы, которою выѣзжаютъ изъ Буссака по этому направленію. Пріѣхавъ на мѣсто раздѣленія дороги, онъ нашелъ Рагё, опернагося на одну изъ лѣмкихъ и про-

зрачныхъ ствѣтъ, замѣняющихъ кружевами изъ сухихъ камней кустарники, которыхъ лишена тамошняя бесплодная земля.

— Она пошла по дорогѣ въ Сен-Сильвенъ, сказавъ онъ, когда Леонъ хотѣлъ повернуть по савоской дорогѣ.

Марсилья воспользовался его совѣтомъ, притворяясь, что не слышитъ. Ратѣ сталъ передъ его лошадыю, говоря:

— За подобную услугу, кажется, можно было бы что-нибудь и дать!

— Прочь! отвѣчалъ Леонъ: — или узнаешь, изъ какого дерева сдѣлана ружка моего кнута.

— Боже мой! проворчалъ изумленный бандитъ: — на этомъ свѣтъ только и есть, что неблагодарные!

— Этотъ разбойникъ—мой злой духъ, подумалъ Леонъ, ускоряя шагъ: — для меня истинное наказаніе неба принимать его помощь, когда я ее отвергаю!.. Но Жанна такъ хороша!..

VI.

МАРЬЕВО.

Жанна шла скоро; ей надобно было пройти четыре мѣ до Тулля, но она не беспокоилась. — Если будетъ слишкомъ поздно, думала она: — и меня не впускать къ Гитѣ или къ отцу Леонару, я войду и дождусь разсвѣта въ пещерѣ фадъ. Это *хорошее мѣсто*, и ничто *дурное* не осмѣлится обезпокоить меня тамъ.

Не смотря на все свое суевѣріе, или, можетъ-быть, благодаря своему суевѣрію, Жанна не знала страха. Съ-дѣтства мать наводила ее голову чудесными разказами, и она надѣялась на *знанія*, сообщенныя ей матерью о томъ, какъ удалять злыхъ фадъ и дурныхъ духовъ. Она часто оставалась въ первыя осеннія ночи на полѣ до полуночи, сообразно съ существующимъ въ тѣхъ странахъ обыкновеніемъ, пасты овецъ при вечерней росѣ съ половины іюля до конца сентября, чтобъ сдѣлать тучными тѣхъ овецъ, которыя назначаются въ продажу.

Въ это время, маленькія дѣвочки, которыя обыкновенно храбрѣе большихъ, перекликаются съ одного дуга на другой, громко разсывая древнія баллады и восхитительныя мелодіи Бурбоннѣ или Берри, печальныя и нѣжныя, о которыхъ такъ мало заботится тамошній большой свѣтъ. Благодаря Бога, крестьяне сохраняютъ ихъ и сочиняютъ вновь; и въ то время, какъ *барышни* поютъ при фортепьяно плоскія и отвратительныя арии новыхъ оперъ, пастухи за-

ставляютъ эхо поля и повторять навивныя и прекрасныя мелодіи, отъ которыхъ не отдавались бы лучшіе композиторы.

Хотя время вечернихъ пѣсень еще не настало, но Жанна не могла быть на полѣ ночью, не перенесась къ этой эпохѣ, полной величій и поэтическихъ воспоминаній. Она живо представила себѣ время, когда дитятею, сторожа свое небольшое стадо, выучила у слонъ подругъ лучшія ихъ пѣсни: «Шесть мѣсяцевъ тому назадъ была весна», «Пой, соловей, пой», и проч.

Потомъ вспоминала дни болѣе важныя, когда, посвященная матерью въ таинственныя знанія, она удалилась отъ вѣтренныхъ пастушковъ, собиравшихся заговаривать страхъ и пѣть довольно-вольныя припѣвы, деревенскія неблагопристойности, которыхъ напѣвы и слова принадлежали восемнадцатому вѣку. Ученая Тюла внушила своей любимой дочери, что не должно пѣть вещей, которыхъ не понимаешь, потому-что это принадлежитъ слухъ духовъ вмѣсто того, чтобъ удалять ихъ, а потомъ они сводятъ съ ума безразсудныхъ пѣвицъ, — какъ случилось съ Люди и другими. Жанна, вполне убѣжденная, что не все равно, какую пѣсню пѣть ночью въ уединеніи, часто повторяла на дикцѣ холмахъ Ла-Марша, или на гучныхъ скатахъ Бурбоннѣ старыя напѣвы историческаго содержанія, на-примѣръ, жалобы крестьянина во времена безпорядковъ и бѣдствій военнаго и феодалнаго владычества:

Je maudis le sergent
Qui prend, qui pille le paysan.
Qui prend, qui pille
Jamais ne rend.

(Проклинаю сержанта, который обираетъ и грабитъ крестьянина; обираетъ, грабитъ, никогда не отдаетъ), или наивный воинскій напѣвъ, сочиненіе котораго Тюла приняла вала ослиной-пастушки:

Petite bergarette
A la guerre tu t'en vas.
.....
Elle porte la croix d'or,
La fleur de lis au bras, etc.

(Маленькая пастушка, ты идешь на войну. Она носитъ золотой крестъ, а въ рукѣ лилию).

И когда эхо горъ повторяло послѣдніе звуки, Жанна вздрагивала отъ религіознаго ужаса (имѣвшего для нея свою прелесть), воображая, что чистый и слабый голосъ доброй феады соединяется съ ея голосомъ и приветствуетъ появленіе луны, галльской Гека-

ты, которую друидессы боялись оскорбить, и которая ужасно наказывала нецеломудренных и клятвопреступниковъ. Жаннѣ не были извѣстны ни названія, ни эпоха, къ которой относились ея неопредѣленные, но твердыя вѣрованія. Отъ матери она узнала только, что когда-то святые женщины, проводя жизнь въ дѣвствѣ, покровительствовали странѣ и посвящали народъ въ таинства. Этихъ жрицъ она смѣшивала съ фадями, да и вообще, въ мѣстахъ, покрытыхъ камнями друидскими и гротами, посвященными вѣкогда друидессамъ, донынѣ часто не дѣлаютъ различія между *фадями* и *женщинами*. Священникъ Алень увѣрялъ, что, во времена Карла-Великаго, епископы и судьи были принуждены грозить наказаніями и употреблять энергическія мѣры, чтобъ препятствовать крестьянамъ публично оказывать имъ религіозное поклоненіе. Если, въ эту эпоху, друидизмъ и христіанство боролись другъ съ другомъ, то не удивительно, что въ наше время двѣ эти религіи смѣшиваются въ головахъ, распаленныхъ чудесными преданіями. Французскіе поселяне такъ мало понимаютъ христіанство; религіозное воспитаніе, которое они могутъ получить, такъ недостаточно, или, лучше сказать, ничтожно, что таинства католицизма и безыменныя таинства прежнихъ вѣрованій равно имъ недоступны. Тюла нисколько не убѣждалась увѣщаніями г-на Адена, говорившаго, что она неможнко язычница, а Жанна думала, что она такая же католичка, какъ и мать ея. Друидессы, святые фады и святые женщины въ глазахъ ея были истинными христіанками, посланницами неба, отшельницами, враждебными Англичанамъ, и еслибъ ея мать сказала ей, что видѣла, какъ онѣ приносили жертвы на эр-неддскихъ камняхъ, она повѣрила бы, ни мало не колеблясь. Она не знала даже всего имени Жанна д'Аркъъ, но называла ее прекрасною Жанною, великою-пастушкою — и считала фадю или друидессою. Что за дѣло крестьянину до послѣдовательности фактовъ? Для него идея не старѣется. Вѣчно-юною и блестящею получаетъ онъ ее, питаетъ ею и передаетъ своимъ дѣтямъ, которыя живутъ и умираютъ такими же дѣтьми, какъ и онъ. Прошлаго года, я узналъ отъ стараго нищаго, какъ во времена Филиппа-Августа Англичане были прогнаны изъ крѣпости, сосѣдней съ моимъ жилищемъ. Онъ удивительно зналъ стратегію и подробности происшествія, съ какой стороны было нападеніе, какія вылазки дѣлали осажденные, сколько было сражающихся и убитыхъ. Какой антикваріи или историкъ могъ бы мнѣ рассказать это? Въ его рассказъ была только одна ошибка — онъ утверждалъ, что былъ личнымъ свидѣтелемъ всего этого *передъ революцію*. Тѣмъ не менѣе, рассказъ его былъ вѣренъ; онъ переходилъ въ его семействѣ отъ отца къ сыну.

Жанна съ сокрушеннымъ сердцемъ оставила замокъ де-Буссажъ

и благородное семейство, къ которому привязалась всюю душою, хотя ей не оплатили тѣмъ же. Несправедливость возбудила въ душѣ ея глубокую горестъ и удивленіе. Но твердо убѣжденная въ благодати Бога и въ силѣ истины, она была увѣрена, что вскорѣ будетъ прощена. Однакожъ, въ эти минуты она вспомнила слова матери: «нехорошо покидать свою родину и свое семейство», упрекала себя за то, что забыла ихъ и обѣщала себѣ не преступать никогда этого изрѣченія небесной премудрости, переданнаго ей устами покойницы.

По мѣрѣ того, какъ она удалялась, сердцу ея становилось легче, и вечерній вѣтерокъ осушалъ ея глаза; живительный воздухъ горъ, который она давно уже не вдыхала на свободѣ, возвратилъ ей бодрость и надежду. Ей стоило большаго труда разстаться съ деревней; остаться въ городѣ—было большою жертвою, на которую безъ болѣзни Гильйома она никогда бы не рѣшилась. Дикое растеніе, привязанное къ необработанной землѣ, которая произвела его, она только прозябала съ-тѣхъ-поръ, какъ ее пересадили на воздѣланную почву. Она жаждала укорениться въ своей настоящей стихіи и обнять родную скалу. Ей казалось, что при каждомъ шагѣ ея небо становится обширнѣе, звѣзды свѣтлѣе. Колокольня Сен-Марсіала въ Туллѣ высилась на горизонтъ, какъ спасительный маякъ и, ясно обозначаясь на темно-голубомъ небѣ, росла какъ великанъ. Два года казалась она Жаннѣ, смотрѣвшей на нее съ высоты замка де-Буссакъ, маленькою и отдаленною! Жанна начала мечтать о тихомъ счастьи. Тѣтка ея бросила Рагэ, и теперь она будетъ за ней ходить и вылечить ее. Потомъ сдѣлается пастушкою, все равно у кого бы то ни было, и будетъ имѣть овецъ и козъ, покорныхъ животныхъ, которыхъ она любила болѣе, нежели коровъ, часто непослушныхъ. Какое ей было дѣло до того, принадлежить ли ей стадо, или нѣтъ? Отъ этого не уменьшится въ ней любовь къ животнымъ и къ работѣ. Она снова приобрететъ безматежную свободу и безконечныя мечты ея, приобрететъ возможность пѣть, не опасаясь быть подслушанною горожанами, молиться и вѣрить, не будучи осмѣяною свѣтскими умниками. Городъ становился день-отъ-дня непріятнѣе для Жанны. Она не говорила сама-себѣ, что едва не потеряла въ немъ своей поэзіи, но чувствовала, что дѣлалась поэтому по мѣрѣ углубленія въ пустыню. Погруженная въ тихій восторгъ, она слышала легкій шумъ природы, заглушаемый человѣческими голосами и работою, всегда кипящею около жилищъ богачей. Полевые насекомыя и болотныя лягушки едва приостанавливали свою однообразную рѣчь, когда она проходила по ихъ владѣніямъ, а потомъ начинали съ новымъ жаромъ таинственныя пѣ-

сни, которая вдохнула въ нихъ ночь. Вдали мычалъ быкъ, и крикъ любви перепеловъ парилъ надъ равнинами.

Вдругъ, зловѣщій крикъ *птицы смерти* (*le corcaud volant*) погружалъ въ боязливое молчаніе всѣ эти счастливые голоса, и Жанна вздрогнула. Фино остановился и ворчаніемъ отвѣчалъ на гибельный крикъ. Грустная мысль промелькнула въ головѣ Жанны. Она посмотрѣла на тульскую колокольню, но туча закрывала ее, и ей показалось, что она никогда болѣе ее не увидитъ, никогда до нея не достигнетъ. Холодный потъ выступилъ на челѣ ея; она посмотрѣла вокругъ себя и увидѣла на право гору Барло и мрачные камни-жоматры.

— Это дурное мѣсто, подумала она. — Не удивительно, что у меня безпокойныя мысли, когда прохожу мимо этихъ гадкихъ камней. На нихъ прежде убивали людей, и души, умершія безъ исповѣди, требуютъ молитвъ.

Она перекрестилась и начала читать *Ave*, единственную молитву, которую знала наизусть, какъ вдругъ Фино залаялъ и сталъ сзади ея поперегъ дороги, какъ-бы для того, чтобъ помѣщать приближенію врага. Жанна обернулась, и, увидя верхового, ѣдущаго шагомъ по крутой тропинкѣ, посторонилась, чтобъ дать ему дорогу и опустила капюшонъ, желая скрыть свою молодость.

— А! Фино! Фино! Чего ты хочешь? сказалъ Марсилья, голосъ котораго собака узнала и подошла понюхать его стремя махая хвостомъ. — Куда ты идешь такъ поздно, Жанна? спросилъ онъ, удерживая свою лошадь, чтобъ быть возлѣ Жанны, которая продолжала идти. — Еслибъ я не узналъ твоей собаки, то проѣхалъ бы мимо не замѣтивъ тебя. Добрый вечеръ, Жанна.

— Добрый вечеръ, сударь, добрый вечеръ, сказала Жанна голосомъ кроткимъ, но рѣшительнымъ, который выражалъ: «повзжайте своей дорогою».

— Ты удивляешь меня, продолжалъ Марсилья, удерживая Фаншону. — Такая дѣвушка, какъ ты, не должна идти такъ далеко безъ друга, который бы защитилъ ее.

— Я ничего не боюсь, господинъ Леонъ, Богъ со мною.

— И твой любовникъ, быть-можетъ, не вдалекѣ.

— Хорошо, хорошо, забавляйтесь! Вы знаете, что любовники и я — это не идетъ одно къ другому.

— Вижу, что идетъ отдѣльно, но можетъ встрѣтиться.

— Не мучьте меня, господинъ Леонъ, я не весела.

— Право, бѣдная Жанна? Развѣ тебя огорчили въ замкѣ?

— О! нѣтъ, сударь! тамъ всѣ такъ добры. Но тѣтка моя очень больна, и я иду закрыть ей, быть-можетъ, глаза. Не знаете ли вы чего-нибудь объ ней, господинъ Марсилья?

— Отъ-чего ты у меня объ этомъ спрашиваешь?

— Потому-что вы видите людей всякаго рода и могли видеть кого-нибудь изъ нашихъ.

— Только часа два какъ я пріѣхалъ въ Герѣ и былъ принужденъ тотчасъ же отправиться въ свое имѣніе ла-Вильетъ. Кто тебѣ сказалъ о болѣзни тѣтки?

— Гм! злой Рагѣ! Можетъ-быть, онъ солгалъ, чтобъ досадити мнѣ.

— Онъ въ-самомъ-дѣлѣ злой человекъ, сказалъ Марсилья, тотчасъ понявъ хитрость своего звѣрскаго сообщника и съ удивительною быстротою приготовясь воспользоваться ею.—Онъ не долженъ бы былъ говорить тебѣ этого; я давно зналъ, но никогда не сказалъ бы тебѣ.

— Вы бы худо сдѣлали, г. Марсилья; я не могла бы исполнить моего долга.

— Правда; но что жъ дѣлать? У меня могли быть свои причины, по которымъ мнѣ не легко было объяснить тебѣ эту неприятную новость.

— Развѣ тѣтушка въ опасности?

— Не знаю. Она была очень-плоха недѣлю назадъ, когда я оставилъ ее у себя.

— У васъ, г. Марсилья? гдѣ у васъ?

— Въ Монбра; ты не знала, что она тамъ уже двѣ недѣли?

— Право, я ничего не знала. Зачѣмъ же она была у васъ?

— Она и теперь у меня. Она злая женщина, и я не люблю ее, потому-что видѣлъ, сколько зла она тебѣ дѣлала; но теперь она сама такъ несчастна, что я сжалялся надъ нею. Послѣ того, какъ негодяй Рагѣ выгналъ ее отъ себя, она просила милостыню и пришла въ Монбра, когда я тамъ былъ. Больная и слабая, она умерла бы на моемъ дворѣ, еслибъ я не приказалъ ввести ее въ кухню и дать ей вина и супу. Тамъ моя старая служанка, прекрасная женщина, которой ты не знаешь, изъ состраданія попросила у меня позволенія оставить ее у себя на нѣсколько дней, пока она будетъ въ состояніи взять свою котомку и палку и уйдти. Я съ ехотою согласился, отчасти и для тебя, Жанна, и съ этого времени она въ Монбра, подъ довольно-хорошимъ присмотромъ, но все слабѣетъ и особенно жалуется на то, что тебя не видитъ.

— Ахъ, Боже мой! бѣдная тѣтушка! Вы раздражаете мое сердце своими словами, г. Леонъ! Еслибъ я знала это прежде! Я почти не хотѣла вѣрить... Однакожъ, я послала ей денегъ черезъ господина Англичанина, послѣ того, какъ получила ихъ въ послѣдній разъ. Онъ ѣхалъ къ эп-недльскимъ маньямъ и былъ такъ добръ, что

принялъ на себя это порученіе... но этому не прошло еще двухъ недѣль, г. Леонъ. Старикъ Рагэ солгалъ.

— Старикъ Рагэ... сказалъ смущенный Марсидья:—старикъ Рагэ солгалъ, въ-самомъ-дѣлѣ! И очень-просто! Онъ, безъ-сомнѣнія, взялъ деньги себѣ, а тѣтку твою прогналъ, чтобъ не отдать ихъ ей. Вѣрно только то, что Гота у меня уже... двѣ недѣли, я думаю; да, есть двѣ недѣли!

— Можеть-быть, отвѣчала довърчивая Жанна:—въ-теченіе долгаго времени я не имѣла о ней извѣстій. Г. Леонъ, вы были очень добры. Это не удивляетъ меня. Я знаю, что у васъ доброе сердце. Благодарю васъ за тѣтушку. Завтра поутру я пойду къ ней въ Монбра, если вы позволите, и постараюсь достать лошадь, чтобъ ее перевезти.

— Куда же ты хочешь ее перевезти?

— Къ кому-нибудь изъ родныхъ. У меня есть еще немного денегъ; притомъ они такъ добры, что не оставятъ старухи въ нищетѣ.

— Какъ тебѣ угодно, Жанна; но увѣрю тебя, что она мнѣ не въ тягость.

— Вы слишкомъ-великодушны, г. Леонъ... Но прощайте! благодарю васъ! не опаздывайте изъ-за меня. Я не могу подвигаться такъ скоро, какъ вы, а вамъ не для чего ѣхать такъ тихо.

— Но куда ты теперь идешь?

— Въ Туль?

— Зачѣмъ, когда твоей тѣтки тамъ нѣтъ?

— Можеть-быть, она и тамъ, г. Леонъ. Вы не увѣрены въ томъ, что она еще у васъ.

— Какъ же, какъ же... въ ла-Вильетъ мнѣ сказали, что она еще у меня.

— Ну! такъ я прийду завтра поутру, при восходѣ солнца.

— Для чего же не тотчасъ? это близко отсюда, а до Туля еще двѣ льѣ. Когда ты прийдешь туда? Тебя никто не пуститъ къ себѣ.

— О! вы ошибаетесь, г. Леонъ; я прийду до шести часовъ, возразила Жанна, взглянувъ на звѣзды—пастушья часы, въ которыхъ, по положенію *большой и малой медведицы*, пастухи узнаютъ время довольно-приблизительно.

— Но къ чему тебѣ изнуряться въ бесполезной ходьбѣ? Иди къ тѣткѣ въ Монбра; ты спокойно переночуешь и завтра рано утромъ, если захочешь, воротись въ Буссакъ,

Жанна покачала головою.

— Нѣтъ, г. Леонъ, сказала она:—я не могу ночевать въ Монбра.

— Кого ты боишься? можеть-быть, меня?

— Я не говорю этого, г. Леонъ; но будутъ говорить...

— А что могутъ сказать? Я не ночую въ Монбрá.

— Вы не остаетесь тамъ?

— Нѣтъ? въ одиннадцатъ часовъ мнѣ надобно воротиться въ Буссакъ. Я ѣду въ Монбрá за бумагами, которыя тамъ оставилъ, и возвращусь работать ночью.

— Въ такомъ случаѣ, г. Леонъ, повзжайте впередъ, я приѣду въ Монбрá, когда вы уѣдете, и все будетъ хорошо.

— Какъ тебѣ угодно, Жанна; но знаешь ли ты дорогу?

— О! я найду ее, сударь; я не заблужусь, не беспокойтесь.

— Иди туда, сказалъ Марсилья:—мы подлѣ Барло. Надо повернуть на-лѣво.

Онъ пришпорилъ лошадь, но, проѣхавъ тридцать шаговъ, остановился и слѣзъ, какъ-будто бы искалъ чего-нибудь. Жанна вскорѣ догнала его и наивно помогала ему отыскивать хлысть, который онъ держалъ въ рукахъ. Ночь стала очень-темна. Едва виднѣлось нѣсколько звѣздъ; дорога, усыпанная камнями, о которые бѣдала Жанна поминутно спотыкалась, была ужасна.

— Не хочешь ли съѣсть сэди? сказалъ Марсилья.—Ты не найдешь дороги въ такую темень, а сейчасъ пойдетъ дождь.

— Ничего; у меня есть капюшонъ.

— Помилуй, да для молодой дѣвушки безумство бѣгать одной въ такую ночь. Знаешь ли, Жанна, что я буду отвѣчать, если съ тобою случится какое-нибудь несчастье? Ну, садись же; и ты и я приѣдемъ получасомъ раньше.

— Да не ждите меня, г. Леонъ.

— Напротивъ, я буду ждать тебя и провожать; я боюсь, чтобъ съ тобою чего-нибудь не случилось.

— А что можетъ со мною случиться?

— Чего боишься ты со мною? Право, ты опасешься меня, какъ будто я негодяй Рагè!

— О, нѣтъ, г. Марсилья; я очень-хорошо знаю, что вы честный человекъ; но вы любите шутить, а мнѣ слишкомъ — грустно сегодня...

— Не беспокойся, бѣдная Жанна, я не стану шутить. Развѣ я не оставляю тебя въ покоѣ уже болѣе года? Развѣ ты могла когда-нибудь пожаловаться на меня?

— О, нѣтъ, сударь, я не могу этого сказать.

— Ну, такъ садись же, сказалъ Марсилья, взявъ ее въ объятія и посадивъ на свой плащъ, тщательно сложенный имъ на спинѣ Фаншоны.

Жанна боялась воспламенить Марсилья своимъ сопротивленіемъ и преувеличеніемъ страха, впрочемъ ни на чемъ не основаннаго, и

рѣшилась возложить надежду на Бога и на честь благодѣтеля своей тѣтки. Леонъ ловко съѣз на Фаншону, не обезпокоивъ прекрасной амазонки.

— Держись за меня хорошенько, сказалъ онъ:— надобно спѣшить; дождь накрапываетъ.

— Нѣтъ, дождь не идетъ, г. Леонъ, сказала Жанна.

— Сейчасъ пойдетъ проливной. Обними меня своею рукою, а не то упадешь, предупреждаю тебя.

И онъ пришпорилъ лошадь, которая пустилась крупною рысью. Жанна, принужденная крѣпко держаться, одной рукою взялась за ремень нахвостника, а другою за жилетъ Марсилья. Едва почувствовалъ онъ руку молодой дѣвушки на груди своей, какъ бѣшеніе его сердца задушило послѣднія колебанія совѣсти. Чтобъ не испугать Жанны, онъ не говорилъ ей ни слова, и, полчаса спустя, не смотря ни на темноту ночи, ни на дурную погоду, они доѣхали до горы Монбра.

Замокъ Монбра, также называемый крестьянами крѣпостью *мысачи рукъ*, — величественная развалина, стоящая на горѣ. Эта феодалная развалина опирается на римскій фундаментъ, который занялъ мѣсто прежней галльской крѣпости. Это мѣсто видѣло ужасныя битвы камбювисенскихъ Тулловъ противъ Фабія. Я думаю, что въ окрестностяхъ до-сихъ-поръ примѣтны слѣды римскаго лагера и *vallus* Галловъ. Эти почтенныя вещи надобно видѣть глазами антикваріевъ, которые, какъ священникъ Аленъ, смотрятъ на нихъ глазами вѣры.

Леонъ Марсилья былъ богатъ. У него было много владѣній около Буссака и между-прочимъ мыза со стороны Лавофранша, на которой находилась эта обширная развалина, нейпридававшая мызѣ никакой цѣнности въ странѣ, гдѣ камень и работа очень-дешевы.

Ферма была расположена у подошвы горы, и Жанна, никогда не бывавшая въ Монбра, не примѣтила, какой кругъ сдѣлалъ Марсилья, чтобъ объѣхать это жилище. Леонъ пустился по крутой тропинкѣ и привезъ ее прямо въ замокъ, о древнемъ величїи котораго онъ не жалѣлъ, но гордился его прїобрѣтеніемъ. Его дядь, каменщикъ, купилъ это жилище, въ которомъ навѣрно не властвовали его предки; по-этому чувство грусти, раждающееся у дворянъ при видѣ дикихъ обитавшихъ погасшей силы, не могло коснуться плебея Марсилья. Однако, съ удовольствіемъ, исполненнымъ иронїи и мщенія противъ гордости дворянства, видѣлъ онъ себя владѣльцемъ замка и охотно написалъ бы на изломанномъ щитѣ крѣпости, въ насмѣшку благочестиво-смѣлымъ девизамъ: «*Mon argent et mon droit*».

Хотя не осталось ни одного корпуса замка, ни одной цѣлой башни, однако площадка, еще окруженная стѣнами, болѣе или менѣе обрушившимися,—благодаря стараніямъ, приложеннымъ къ загражденію главнаго входа, прежде закрывавшагося желѣзною рѣшетчатою дверью, была очень-плотно заложена крѣпкими деревянными брусками, плотно вставленными. Эта загорода служила въ лѣтнія ночи мызникамъ мѣстомъ выгона кобылъ съ ихъ «свитою», т. е. жеребятами. На дворѣ, нѣкогда утоптанномъ волами, какъ полъ гумна, росла высокая и густая трава.

— Подожди, Жанна, сказалъ Леонъ, помогая молодой дѣвушкѣ соскочить на траву: — я затворю входъ, а потомъ другою дверью проведу тебя къ тѣткѣ.

— Двери нѣтъ здѣсь? спросила Жанна, нища глазами другаго выхода, о которомъ ей говорили и котораго она не прихватила бы, еслибъ онъ и существовалъ.

— Есть; будь покойна, отвѣчалъ Леонъ, запирая дверь и спрятавъ ключъ въ трещину стѣны, изъ которой вынулъ его. — Дай мнѣ время запереть эту сторону, чтобъ у меня не украли Фаншоны.

— Но вѣдь вы сейчасъ побѣдете, г. Леонъ?

— Для этого-то я и не ставлю ее въ конюшню. Еслибъ я ее не разнуздалъ, она бы все сломала.

Фаншона, избавленная отъ узды и даже отъ сѣдла, проворно-тиглато съ нея ее господиномъ, пошла обнюхать и привѣтствовать дружескимъ ржаніемъ ширную хозяйку—кобылу мызника. Леонъ, взявъ Жанну за руку, повелъ ее ко входу въ низкое и безобразное отъ обрушившихся верхнихъ частей зданіе. Небольшая низкая дверь и корридоръ, сжатый стѣнами въ пятнадцать футовъ толщины, вели въ небольшую круглую комнату, довольно-похожую на ту, которую занимала Жанна въ Замкѣ де-Буссакъ, съ тою разницею, что длинная и узкая щель, ее освѣщавшая, могла считаться однимъ, и мебель, хоть не богатая, была довольно-удобна. Въ этой комнатѣ стояла прекрасная кровать, нѣсколько креселъ; на столѣ краснаго дерева разбросаны были книги; на стѣнѣ висѣли два вхотничьи ружья, скрипка, рапиры и соломенная шляпа. По темнотѣ, царствовавшей въ комнатѣ, Жанна не могла сдѣлать никакого замѣчанія, и хотя немного испуганная молчаніемъ и темнотою этоѣ жилища, она была далеко еще отъ мысли, что она въ комнатѣ Марселья и наединѣ съ нимъ въ замкѣ, въ которомъ ее тѣтя никогда не просила и не получала гостепріимства.

VII.

Башня Монбра.

На фермѣ Монбра, какъ и въ большей части фермъ, удаленныхъ отъ местопребыванія владѣльца, была маленькая квартира, называвшаяся коматюю хосяина. Но Марсилья предпочелъ помѣститься въ замкѣ. Онъ приказалъ очистить и убрать единственную комнату, въ которой можно было жить, и привѣзжалъ то изучать въ удивленіи эффекты краснорѣчія, предназначеннаго для другихъ мѣстъ, то предаваться другимъ занятіямъ не столь почетнымъ. Его монбраская башенка была и рабочимъ кабинетомъ и загороднымъ домомъ развратнаго мѣщанина. Мѣсто было хорошо выбрано; никакое нескромное сосѣдство не могло подсматривать за тайнами его поведенія, и фермеры, жившіе на разстояніи четырехъ ружейныхъ выстрѣловъ, очень-хорошо знали, что будутъ дурно приняты, если прибѣгутъ на небольшой шумъ.

— Подожди меня здѣсь, сказалъ Марсилья трепещущей Жаннѣ.
— Я пойду за свѣчею и разбужу старую служанку, которая, кажется, дожится вмѣстѣ съ своими курами.

— Я выйду съ вами, г. Марсилья, сказала Жанна, которая не могла свободно дышать въ этой башнѣ и начинала опасаться, что во владѣніяхъ Леона нѣтъ ни служанки, ни куръ.

— Нѣтъ, нѣтъ; ты не знаешь мѣстности и можешь упасть. Этотъ старый притонъ наполненъ ямами и опасными мѣстами. Не трогайся, Жанна; я сейчасъ возвращусь.

Онъ поспѣшно вышелъ и заперъ Жанну, которая начала серьезно страшиться, когда увѣрилась, что дверь заперта снаружи. Однако, она не могла повѣрить, чтобъ Марсилья былъ способенъ на преступленіе, и говорила самой-себѣ, что никакое предложеніе, никакія обещанія не будутъ имѣть на нее дѣйствія.

Марсилья, въ-самомъ-дѣлѣ, не приходило на мысль совершить преступленіе. Онъ былъ большой скептикъ и потому не предполагалъ необходимости его въ подобномъ случаѣ. Всегда, обращаясь къ кокетливымъ или слабымъ поселянкамъ, онъ не встрѣчалъ жестокихъ и, показывая глубокое презрѣніе къ добродѣтели женщинъ, не хотѣлъ допустить хотя въ одной возможности сопротивляться ему. Дикость Жанны казалась ему слѣдствіемъ чрезвычайной недоувѣрчивости. «На эту надобно болѣе времени и словъ, нежели на другихъ» говорилъ онъ самъ-себѣ: «но вотъ наконецъ случай, лучше котораго я не могу найти. Въ четыре или пять часовъ я воспламеню эту холодную Галатею, и

если только она не мраморная, восторжествую надъ нею безъ борьбы и шума. Прочь, скотское насиліе!» говорилъ себѣ Марьямъ: «предоставимъ его тѣмъ, кто не имѣетъ хитрости и краспорѣчи, ума и лжи. Нетерпѣливые и грубые, они не могутъ обуздать своихъ желаній; они оскорбляютъ, вмѣсто того, чтобъ увѣрять; они властвуютъ и навлекаютъ на себя проклятія, вмѣсто того, чтобъ побуждать и заставить себя любить... Заставить себя любить!..» думалъ адвокатъ, съ живостью прогуливаясь по площадкѣ въ ожиданіи, когда утихнетъ волненіе его ума. «Страхъ превратить въ любовь... въ нѣсколько часовъ! Это важное дѣло... надобно его выиграть!.. Если Жанна уйдетъ изъ моихъ рукъ, предпріятіе мое будетъ смѣшно и жалко. Благодаря ей, я сдѣлаюсь посмѣшищемъ цѣлаго околodka. Жанна не должна выйти отсюда, не желая болѣе меня сохранить въ тайнѣ все происходившее. Это дуэль, въ которой не побѣдить — значитъ погибнуть. Между противниками нѣтъ сдѣлки.»

— Жанна, сказалъ онъ, входя въ комнату:—твоя тѣтка уѣхала сегодня съ моею служанкою, которая хотѣла сама отвезти ее въ Туль.

— Уѣхала! такъ она не больна?

— Она почувствовала себя немного-лучше и, кажется, скучала въ этомъ старинномъ домѣ. Мой фермеръ взялъ ее на лошадь и отвезъ къ одному изъ твоихъ родственниковъ, не знаю, къ кому именно. Теперь мы можемъ возвратиться въ Буссакъ. Дай мнѣ только найти въ столѣ мои бумаги.

— Я пойду скажу, чтобъ принесли огня, сказала Жанна, немного-успокоенная послѣдними словами Марсилья. — Вы не найдете бумагъ въ темнотѣ.

— Напротивъ, найду очень-легко... я знаю, гдѣ онѣ; я найду ихъ съ закрытыми глазами. Не выходи, Жанна; фермеры на дворѣ, и какъ они не видѣли твоего приѣзда, то я хочу, чтобъ не видѣли и твоего ухода.

— Да это, можетъ-быть, хуже! сказала Жанна. — Зачѣмъ прятаться, когда нѣ въ чемъ себя упрятать?

— У этихъ людей очень-злые языки, и, признаюсь, если ты не заботишься о ихъ толкахъ на твой счетъ, то я не очень буду доволенъ, если они станутъ острить на мой. Подобные негодяи составили мнѣ репутацію вѣтренника, хотя ты видишь, что я гораздо-благоразумнѣе, нежели былъ бы 'на моемъ мѣстѣ твой крѣстный Гильюмъ, и, быть-можетъ, твой женихъ Англичанинъ.

— Не говорите такихъ вещей, господинъ Леонъ, и ушлите вашихъ фермеровъ, чтобъ я могла выйти.

— Они теперь дали Фаншонъ мѣрку овса, а сами уйдутъ, когда она его съестъ. Я сказалъ имъ, что у меня есть работа.

— Но вамъ нѣтъ надобности заператься.

— Какъ же! Служанка моя любопытна какъ муха, и непременно пришла бы сюда полъ предлогомъ разговора о ягпятахъ или видѣйкахъ, а въ сущности для того, чтобъ подсмотрѣть, одинъ ли я.

— Это доказываетъ, г. Леонъ, что вы пріѣзжали иногда съ товарищами...

— Ба! два или три раза съ Люди, ты знаешь; прежде она была помѣшана.

— Бѣдная Люди! вы ей надѣлали много горя. Это нехорошо съ вашей стороны, господинъ Леонъ.

— Чтò же дѣлать? она имѣла бы, если не меня, такъ другаго любовника—и лучше меня, чѣмъ другаго; я остался ея другомъ и никогда ея не брошу.

— Да! вы думаете, что деньгами и подарками можно во всемъ утѣшить. Вы ошибаетесь. Люди плачетъ каждый вечеръ. Но довольно объ этомъ, господинъ Леонъ; уйдемте отсюда.

— Дай же мнѣ время перевести духъ! Не бойшься ли ты, что я тебя задержу вопреки твоего желанія? Ты меня считаешь дурнымъ человѣкомъ, Жанна!

— О, нѣтъ, сударь.

— Ну, такъ сиди смирно. Черезъ четверть часа мы будемъ свободны; садись и не говори такъ громко; я ищу бумагъ.

— Вы ихъ долго ищете, господинъ Леонъ... Я опоздаю въ Туль...

— Въ Туль?.. Ты развѣ не хочешь воротиться сегодня вечеромъ въ Буссакъ?

— Нѣтъ, сударь, я хочу видѣть тѣтушку!

— Послушай, Жанна, тутъ что-нибудь кроется. Ты поссорилась съ владѣльцами замка?

— О нѣтъ, сударь, вы очень ошибаетесь! Я ихъ такъ люблю, что не могу на нихъ сердиться.

— Ну, такъ они па тебя сердятся?

— Можетъ-быть, сударь... Но если и сердятся, такъ это пройдетъ.

— Жанна, расскажи мнѣ, чтò случилось.

— Ничего, сударь; мнѣ нѣчего рассказывать.

— Ты бы должна имѣть ко мнѣ довѣренность. Ты хорошая дѣвушка, но не умѣешь отличать благородныхъ людей, и если не спросишь добраго совѣта, то можешь, сама того не зная, сдѣлать что-нибудь вредное для своей репутаціи или для своихъ выгодъ.

— Вы мнѣ говорите такъ, какъ-будто бы я хотѣла на нихъ

просить, господинъ Леонъ. Не трудитесь мнѣ совѣтовать: мнѣ не нуженъ адвокатъ.

— Адвокаты какъ исповѣдники — люди, передъ которыми ничего не скрываютъ и совѣты которыхъ всегда полезны. Будь увѣрена, Жанна, мнѣ известны всѣ секреты дома, изъ котораго ты вышла, и завтра же расскажутъ мнѣ все, что ты хочешь скрыть сегодня. Госпожа де-Буссакъ обо всемъ со мною совѣтуется, и ты увидишь, что, можетъ-быть, завтра я буду посланъ къ тебѣ, чтобъ объяснить все, или потребовать у тебя объясненій. Если ты первая расскажешь мнѣ свои неудовольствія, то примиреніе ускорится и твоя польза будетъ лучше сохранена.

— Ахъ, Боже мой! Вы, господинъ Леонъ, дѣлаете изъ этого настоящее дѣло; увѣряю васъ, вы напрасно трудитесь. Если въ-самомъ-дѣлѣ вамъ все расскажутъ, то вы можете отвѣчать, что я все прощаю.

— Жанна, ты совсѣмъ-неоткровенна со мною, сказалъ Марсилья, до-сихъ-поръ говорившій въ довольно-большомъ отъ нея разстояніи и непримѣтно приближавшійся по-мѣрѣ-того, какъ отвлекалъ ее отъ мысли объ отъѣздѣ. — А если я тебѣ скажу, что уже знаю въ чемъ дѣло?

— Если вы знаете, то не говорите мнѣ объ этомъ, отвѣчала Жанна:— у меня и безъ того много горя.

— Я не хочу тебя огорчать, моя бѣдная Жанна; я бы этимъ огорчилъ самого-себя. Напротивъ, мое единственное желаніе — избавить тебя отъ новыхъ горестей. Я говорю, что все знаю, потому-что, не болѣе недѣли тому, госпожа де-Буссакъ спрашивала у меня о томъ, ухаживаетъ ли за тобою Гильюмъ.

— Ахъ, Боже мой! сказала Жанна, огорченная въ глубинѣ сердца этимъ извѣстіемъ, къ-сожалѣнію совершенно-справедливымъ: — крѣстная рѣшилась говорить вамъ объ этомъ?

— Она не вѣрила, но толстая Шармуа такъ часто повторяла ей это, что она начала беспокоиться. Это не должно тебя удивлять, Жанна: мать всегда опасается, чтобъ сынъ ея не страдалъ, и...

— Видно непремѣнно хотятъ мнѣ приписать все дурное, случившееся съ господиномъ Гильюмомъ?

— Г-жа Шармуа, по-крайней-мѣрѣ, такъ говоритъ; но я старался разувѣрить твою крѣстную и внушить ей, что ты ни въ чемъ не виновата.

— Вы можете это сказать, господинъ Марсилья. Я ни въ чемъ не виновата, и не изъ-за меня страдаетъ мой крѣстный. Это невозможно.

— О! за это, Жанна, ты не можешь отвѣчать. Я знаю, что ты

не кокетка; но можешь ли поклясться Богомъ, что никогда не обнадживала своего крѣснаго?

— О, да, сударь! да, клянусь Богомъ, и по совѣсти вы сами можете поклясться.

— Молодая дѣвушка часто подаетъ надежду вопреки своему желанію и часто сама того не зная. Ты любишь, Жанна, и тотъ, кто внушаетъ любовь, видитъ ее, не смотря на всѣ твои усилія скрыть...

— Но это неправда! вскричала Жанна. — Я ни на минуту не любила моего крѣснаго.

— Ты можешь дать мнѣ честное слово, Жанна? воскликнулъ изумленный Леонъ.

— О, да, господинъ Леонъ!... Но чтѣ вамъ до этого за дѣло? Вы тоже мнѣ не повѣрите.

— Я повѣрю тебѣ, Жанна; я столько тебя уважаю, что не могу не вѣрить. Я твой другъ, твой единственный другъ, и хочу быть твоимъ защитникомъ противъ тѣхъ, кто тебя несправедливо обвиняетъ. Дай мнѣ честное слово, протяни мнѣ руку...

— Затѣмъ, сударь?

— Затѣмъ, что я обяжусь честью защищать тебя, — а это важная вещь. Ты не захочешь, чтобъ я ложно поклялся. Видишь ли: завтра я увижу твою крѣстную; она позоветъ меня, чтобъ рассказать о твоихъ ухѣдѣ, и, можетъ-быть, пожаловаться на тебя; я притворюсь, будто не видалъ тебя сегодня вечеромъ, но скажу, что мнѣ хорошо известны твои чувства къ Гильйому, и что я ручаюсь за твою откровенность. Тогда твоя крѣстная спроситъ, могу ли я поклясться, заставить меня положить свою руку въ ея руку, и я не рѣшусь этого сдѣлать, потому-что ты не хочешь меня увѣрить. Дай же мнѣ руку, Жанна, какъ-будто-бы мы были передъ судьями или священникомъ, и поклянись, что не любишь Гильйома де-Буссакъ.

— Для успокоенія вашей совѣсти, пожалуй, сказала непорочная Жанна, давая Марсилья руку. — Не могу сказать, чтобъ я не любила моего крѣснаго, но могу поклясться, что люблю его какъ должно любить брата, отца и крѣснаго.

— Добрая и благородная Жанна! сказалъ Леонъ, искусно удерживая руку, которую она хотѣла отнять: — къ тебѣ очень-несправедливы; грѣшно такъ мучить тебя. Твоя печаль доходитъ до моего сердца, и твои слезы терзаютъ меня. Въ эту минуту, я смотрю на тебя, какъ на мою питомицу и клиентку; я буду защищать тебя не передъ судилищемъ, но противъ неблагодарнаго семейства, доправшаго святыя чувства признательности и чести. Когда я вспоминаю всѣ твои заботы о Гильйомѣ...

— Я не виню крѣстнаго, г. Леонъ; онъ одинъ разъ только дурно говорилъ мнѣ, и я увѣрена, что теперь сердится за это на самого-себя. Г-жа Марі—добра какъ ангелъ, я буду плакать о ней всю жизнь. Крѣстная также добра... и я не понимаю, какъ она могла повѣрить, что я уговаривала ея сына не слушаться ея и жениться на мнѣ. О! какъ можетъ допускать до себя подобную ложь крѣстная, за которую я готова отдать всю кровь свою!

Бѣдная Жанна залилась слезами и, вполне предавшись горести, не замѣтила, что Леонъ сидитъ подлѣ нея на софѣ, готовый прижать къ груди, окруживъ ее руками, и что его жгучее дыханіе касалось въ темнотѣ ея алебастровой шеи, наклоненной къ его груди.

— Милая Жанна, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — ты права, сожалѣя о Гильюмѣ, вмѣсто того, чтобъ осуждать его. Онъ довольно-несчастливъ тѣмъ, что не любимъ тобою. Кто бы не влюбился въ лучшую и красивѣйшую изъ дѣвушекъ?

— Не говорите этого, г. Леонъ, отвѣчала Жанна вставая: — я не красивѣе и не лучше всякаго другаго, а несчастна тѣмъ, что такъ ухаживаютъ за мною. Но поѣдьте, г. Леонъ; мнѣ пора въ Туль.

— Дождь ливня льетъ, Жанна. Подождемъ, пока онъ перестанетъ.

— Сегодня ввечеру дождь не поѣдетъ; есть тучи, но вѣтеръ силенъ.

— Послушай-ка, вода льетъ ручьями.

Жанна стала слушать. Въ небольшомъ разстояніи отъ башни вытекалъ изъ скалы ручеекъ, шумъ котораго очень походилъ на крупный дождь. Обманутая Жанна продолжала однако настаивать.

— Я не прошу васъ выходить и мокнуть со мною, сказала она: — но мы идемъ въ разные стороны, и я не могу долѣе оставаться. Прощайте, г. Леонъ.

— Такъ подожди, я найду тебѣ зонтикъ...

— Я не умѣю его носить... Благодарю васъ, г. Леонъ.

— Въ такомъ случаѣ, Жанна, возьми маленькій пакетъ для тульскаго священника. Я его сейчасъ запечатаю... Но противъ тебя есть еще другое обвиненіе, продолжалъ онъ, показывая видъ, что ищетъ свѣчу: — и ты не сказала, что я долженъ буду отвѣчать.

— Не отвѣчайте ни на что, г. Леонъ; пусть меня обвиняютъ, отвѣчала Жанна.—Зло уже сдѣлано, и теперь я не захочу воротиться въ замокъ, хоть бы и сознались передо мною, что были неправы. Меня не уважаютъ; ко мнѣ не имѣютъ довѣренности—этого довольно: я унижусь, если стану защищаться отъ этихъ обвиненій.

— Однако, есть одна особа, которой презрѣніе было бы для тебя тягостно, и которой уваженіе ты желала бы сохранить; эта особа—Марі.

— О! она не будетъ обвинять меня!

— Слыша безпрестанно, что ты виновата...

— Ей не осмѣлятся говорить о подобныхъ вещахъ.

— Г-жа Шармуа на все способна; дай мнѣ возможность зажать ей ротъ и оправдать тебя передъ твоей молодой госпожою. Послушай, Жанна, говорятъ, что Англичанинъ также волочится за тобою, и, въ доказательство твоего честолюбія, приводятъ твое кокетство и непреклонность къ нему, которыя наконецъ довели его до того, что онъ рѣшился на тебѣ жениться.

— Чтѣ мнѣ отвѣчать вамъ, г. Леонъ? Все это выдумка госпожи Шармуа. Господину Англичанину никогда не приходило въ умъ на мнѣ жениться, потому-что онъ женатъ...

— Женатъ?

— Это говоритъ г-жа Шармуа. Слѣдовательно, она признаетъ его безчестнымъ человѣкомъ, думая, что онъ хочетъ жениться въ другой разъ. Я ничего этого не знаю; мнѣ известно только, что Англичанинъ никогда не говорилъ мнѣ ни слова ни о любви, ни о женитьбѣ.

— Можешь ли ты мнѣ поклясться въ этомъ, Жанна? можешь ли дать мнѣ руку въ залогъ искренности?

— Довольно пожатія руки, г. Леонъ; если вы не хотите мнѣ крѣпить на-слово, то клятвы не помогутъ.

— Все это гораздо-важнѣе, нежели ты предполагаешь. Еслибъ честный человѣкъ захотѣлъ на тебѣ жениться и пришелъ посоветоваться со мною, какъ адвокатомъ дома Буссаковъ, которому хорошо извѣстны и ихъ дѣла и твое поведеніе...

— Ему надобно было бы посоветовать не беспокоиться объ этомъ; я не хочу выходить замужъ. Я всегда это говорила и теперь скажу то же.

— О! въ этомъ ты не поклянешься, Жанна!

— Клянусь Богомъ и душою моею покойной матери! вскричала Жанна, выведенная изъ себя подозрѣніями, которыя въ ея глазахъ были нелѣпы и оскорбительны.—Да! да! клянусь, и сегодня охотнѣе, нежели когда-нибудь.

— Чортъ возьми, тѣмъ лучше! подумалъ Леонъ.—Я могу избавить себя отъ скуки лгать... Ты права, Жанна, сказалъ онъ, снова приближаясь къ ней:—ты совершенно-права. Дворяне надѣялись соблазнить тебя обещаніемъ брака, и ты показала имъ свой умъ и свою гордость, отвергая глупое честолюбіе... Крестьянинъ или работникъ также никогда не будутъ достойны такого сокровища,

какъ ты... Сбереги свою силу и свободу для любви чедовѣка, который тебѣ понравится, и не огорчайся первыми неудовольствіями, тебя преслѣдующими. Несправѣдливость Буссаковъ и глупость Англичанина не повредятъ тебѣ въ глазахъ всѣхъ другихъ. Ты можешь быть еще любима, и любима истинно...

— Я не нуждаюсь ни въ чьей любви, г. Леонъ. Богъ добръ и любить всѣхъ своихъ дѣтей.

— Да, Богъ добръ, но Онъ приказалъ своимъ дѣтямъ любить другъ друга. Когда узнаютъ, что тебя выслали изъ замка, это повредить тебѣ...

— Меня не выслали,—я сама ухожу.

— Все равно, тебѣ не повѣрять. Нѣсколько времени тебя будутъ обвинять, преслѣдовать. Ты бы хорошо сдѣлала, еслибъ удалилась отсюда и нанялась въ Шатрѣ... или Герѣ... да, въ Герѣ. Слухъ о твоихъ несчастныхъ приключеніяхъ въ замкѣ Буссаковъ не дойдетъ туда. Я бы могъ рекомендовать тебя и сыскать тебѣ мѣсто лучше того, которое ты оставила. Еслибъ ты не была такъ подозрительна, Жанна, я предложилъ бы тебѣ служить у меня... Но нѣтъ, ты откажешься: меня считаютъ вѣтрикомъ и ты всегда была предубѣждена противъ меня... Однако, подумай и скажи, не одинъ ли я всегда уважалъ тебя и не вредилъ твоему доброму имени?.. Прежде я шутилъ съ тобою... но когда ты мнѣ сказала, что это тебя огорчаетъ, я пересталъ—отдай мнѣ въ этомъ справедливость. По мѣрѣ того, какъ я узнавалъ тебя, я убѣждался, что ты не похожа на другихъ. О! я тебя уважаю, Жанна, одинъ я уважаю тебя, потому—что знаю, чего ты стоишь. Я не пойду кричать про свою любовь къ тебѣ, чтобъ возбудить о тебѣ всюду толки. Признайся, что изъ-за меня никогда не говорили о тебѣ дурно и я не обижалъ тебя съ памѣреніемъ, даже въ то время, когда позволялъ себѣ обходиться съ тобою вольно, въ чемъ я себя упрекаю и отъ всей души прошу у тебя прощенія.

— Правда, г. Леонъ, отвѣчала добрая Жанна, неспособная къ продолжительной недовѣрчивости: — я не упрекаю васъ; вы даже оказывали милости моей тѣтушкѣ и мнѣ, и я очень вамъ за это благодарна.

— Милости, Жанна!.. Принимай это, какъ тебѣ угодно, и благодари меня, если думаешь, что чѣмъ-нибудь одолжена мнѣ. Я же въ твоихъ глазахъ могу поставить себя въ заслугу только то, что не волочился за тобою, и что даже въ эту минуту, будучи наединѣ съ тобою, уважаю тебя, какъ сестру.. Не смотря на то, Жанна, и я былъ влюбленъ въ тебя, но иначе, нежели другіе и въ тысячу разъ сильнѣе. Ты не знала этого; я никогда не говорилъ тебѣ о любви съ-тѣхъ-поръ, какъ моя любовь стала глубока

и истина, и теперь говорю только для того, чтобъ тебя успокоить. Мысль употребить во зло твоё несчастіе далеко отъ меня! Я прошу у тебя только немного довѣренности, немного дружбы, и буду вознаграждёнъ этимъ за свои пожертванія, за страданія... Я страдаю болѣе твоего крѣстнаго, Жанна, но не притворяюсь больнымъ, не привожу, какъ избалованное дитя, въ покойство свое семейство, не стараюсь возбудить твоего состраданія, говоря тебѣ, что умираю... Нѣтъ, напротивъ, я живу моею любовью. Она восхищаетъ меня, волнуетъ, но даётъ мнѣ силу уважать тебя; и я не жалуясь на свое несчастіе, лишь бы ты не была несчастлива!

Жанна встала еще разъ и попробовала отпереть дверь.

— Г. Леонъ, сказала она:—вы говорите со мной очень-уважительно, но я немного понимаю изъ всѣхъ этихъ разсказней о любви, и, извините меня, но мнѣ все кажется, что это насмѣшки. Отворите же дверь, я хочу идти.

— Ты сломала замокъ, сказалъ Марсилья, дѣлая видъ, что не можетъ отворить двери. Теперь я не знаю, какъ быть. Подожди, я попробую. Ключъ упалъ: поищемъ его.

Жанна не могла представить себѣ, что ключъ въ карманѣ у Марсилья, и въ простотѣ души стала искать. Марсилья приближился къ ней и, въ припадкѣ нетерпѣнія, обнялъ ее.

— Оставьте меня, сударь, сказала Жанна, съ силою отталкивая его:—или я подумую, что вы самый большой лжецъ изъ всѣхъ людей!

— Право, я не видалъ тебя, Жанна, сказалъ Марсилья, отходя:—и твой испугъ кажется мнѣ немного-страннымъ. Чого ты боишься? Я прошу у тебя немного дружбы, а ты мнѣ отвѣчаешь самымъ страннымъ презрѣніемъ.

— О! сударь, я не позволю себѣ презирать васъ, сказала Жанна:—но я бы хотѣла воротиться въ Туль, и вы нѣсколько досажаете мнѣ, удерживая меня!

— Клянусь, я ищу ключа... Пойдемъ, попробуемъ сломать замокъ!.. Ай! я испортилъ себѣ руку... Право, Жанна, ты жестоко поступаешь, заставляя меня спать и обвиняя такимъ образомъ...

— Вы ушиблись, г. Леонъ! Ахъ! мнѣ очень-жаль! Какъ же мнѣ выйдти отсюда? Ужъ поздно...

Жанна приблизилась къ окну и, выставивъ руку наружу, сказала:

— Дождя нѣтъ; это течетъ внизу ручей, который обманулъ насъ. Послушайте, г. Леонъ, я пролѣзу въ окно. Оно должно быть невысоко, потому-что мы всходили сюда не по лѣстницѣ.

— Боже мой! Жанна, остановись! вскричалъ Леонъ, бросаясь къ ней и схвативъ ее руками:—тамъ пропасть.

— Ну, такъ оставьте меня, г. Леонъ, и не жмите меня такъ сильно; я не хочу убится до смерти.

— О, какъ ты испугала меня! сказалъ Марсилля, падая на софу. — Жанна, Жанна, ты не знаешь, сколько я тебя люблю; я самъ не зналъ этого... При одной мысли, что ты упадешь туда, я почувствовалъ, что мое сердце разрывается. Ахъ! если бъ ты слышала, какъ оно бьется! Право, я точно умираю...

Смушенная Жанна, болѣе и болѣе задумываясь, молчала; Леонъ также. Черезъ нѣсколько минутъ, видя, что онъ не шевелится, она еще разъ попробовала отворить дверь, но тщетно. Леонъ былъ неподвиженъ и придумывалъ, какою бы новою хитростью усыпить ея бдительность.

— Вы больны или спите, господинъ Леонъ? сказала Жанна съ нѣкоторымъ нетерпѣнiемъ.

— Я въ-самомъ-дѣлѣ страдаю, отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ: —сильно страдаю; я испортилъ себѣ руку, стараясь отворить дверь, и не могу больше владѣть ею. Къ-несчастiю, въ лѣвой рукѣ у меня нѣтъ никакой силы. Постой, Жанна, не трогай двери; я буду въ отчаянiи, если съ тобою случится то же, что со мною.—Есть способъ выпустить тебя отсюда: я выпрыгну изъ окна и отворю дверь снаружи, если не убьюсь прыгая.

— О! не дѣлайте этого, господинъ Леонъ! сказала испуганная Жанна.

— Чтѣ же дѣлать? Мы не можемъ выйдти отсюда, а ты не хочешь оставаться ни минуты дольше.

— Вдвоемъ мы выломаемъ дверь, господинъ Леонъ.

— Если бы насъ было и десятеро, то мы бы ее даже не раскочаили; это старая тюремная дверь, окованная желѣзомъ.

— Господинъ Леонъ, сказала Жанна, объятая внезапнымъ ужасомъ:—Богъ накажетъ васъ, если вы обманули меня, чтобъ завести сюда!

— Ахъ! это подозрѣнiе ужасно! сказалъ Леонъ:—это слишкомъ! Жанна, отойди отъ окна и прощай.

Жанна стояла наклонившись къ окну. Небо немного прояснилось, и приближенiе луны разливало по горизонту бѣлый цвѣтъ; но тѣнь, кидаемая сосѣдними холмами, увеличивала темноту, и, покрытая верескомъ поверхность земли, представлялась глазамъ Жанны въ такомъ смутномъ видѣ, что она не могла сказать на десять или на пятьдесятъ футовъ отстояло окно отъ основанiя башни. Общительный и полный отчаянiя тонъ Леона испугалъ ее. Она сдѣлала движенiе, чтобъ остановить его.

— Жанна, сказалъ онъ, прижимая ее къ груди:—прощай на эту ночь, прощай, быть-можетъ, навсегда! Другіе старались обольстить тебя обещаніями. Я подвергаю опасности жизнь свою, чтобъ доказать тебѣ, что не хочу тебя обольстить. Простись же со мною, по-крайней-мѣрѣ, и не откажи въ одномъ поцалуй, первомъ и последнемъ въ моей жизни.—Ты боишься поцалуя, Жанна? Вотъ уже часъ, какъ я могу взять ихъ у тебя тысячи, и я униженно прошу одного, готовясь броситься въ пропасть, чтобъ ты меня не боялась... Не откажи мнѣ въ немъ... Послушай: оставаясь здѣсь долже, я могу обезумѣть; твоя недоувѣрчивость, твой испугъ затмили мой разумъ. О, Жанна! безъ своихъ подозрѣній, ты могла бы безопасно провести ночь подлѣ меня... Теперь же... прогони меня,—да, прогони меня... я дрожу, я безумствую... Прощай, Жанна! но... поцалуй, одинъ поцалуй!

— Нѣтъ, сударь, сказала Жанна, освобождаясь изъ его объятій:—никогда! Не потому, чтобъ я считала это большимъ преступленіемъ; я не обвиняю Люди. Но не скрываю отъ васъ, что для меня это было бы смертнымъ грѣхомъ, и, согласившись, я потомъ выпрыгнула бы изъ окна, не для того, чтобъ спастись, но чтобъ умереть.

— О! это ненависть ко мнѣ! смертельная ненависть... или вызовъ! сказалъ Марсилья съ сосредоточенной яростью, видя, что хитрости его не удаются.—Жанна, это слишкомъ-неблагоразумно съ твоей стороны; ты, кажется, находишь удовольствіе, чтобъ потѣшаться надъ моимъ разумомъ и моими желаніями.

— Нѣтъ, господинъ Марсилья, сказала съ кротостью Жанна:—это не ненависть. У меня нѣтъ ея къ вамъ. Боже сохрани меня ненавидѣть кого-нибудь! Но дѣлать нечего; скажу вамъ, что это обѣтъ, нарушеніе котораго навлекло бы на меня проклятіе.

— Обѣтъ! вскричалъ Марсилья, въ которомъ это слово зажгло новый жаръ.—О, Жанна! безъ этого обѣта ты бы, можетъ-быть, любила меня?... Такъ пусть на меня падетъ проклятіе! Ты не можешь позволить мнѣ поцалуя, я это понимаю, и не прошу его у тебя. Но ты не можешь запретить мнѣ взять его силою, и весь грѣхъ падетъ на меня одного... Нѣтъ, нѣтъ, не ты виновата, что я сильнѣе тебя... Отказывай—это долгъ твой... но дай мнѣ воспользоваться моимъ правомъ.

Марсилья преслѣдовалъ Жанну, которая бѣгала вокругъ комнаты; вдругъ сильные удары потрясли дверь башни.

VIII.

Бродяга.

Въ то же время, какъ Жанна оставила замокъ, Каде, дѣвясъ ея внезапному уходу, извѣстилъ о немъ Ліуду. Ліуду цеспѣшила сказать Марі, а испуганная Марі въ безпокойствѣ не замедлила попросить у матери объясненія этому случаю. Госпожа де-Буссеиъ прибѣгла къ высокої политикѣ госпожи де-Шармуа; а г-жа де-Шармуа, находя, что подобная развязка лучше всѣхъ, ею придуманныхъ, взялась, не объясняя какимъ способомъ, убѣдить Гильйона въ необходимости подобной разлуки.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ тотъ же вечеръ, госпожа де-Шармуа съ четверть часа говорила наединѣ съ Гильйомомъ, и видно было, что молодой человекъ сталъ больше убитъ духомъ, но покорился судьбѣ. Между-тѣмъ, какъ подирефекта хранилась хозяйкѣ дома своею побѣдою, Гильйомъ на-скоро одѣлся, сѣшелъ въ колюшню, самъ, безъ всякой посторонней помощи, пользуясь минутою, когда слуги обѣдали, осѣдлалъ Спорта, тихо вывелъ его въ заднюю калитку, сѣлъ верхомъ и поскакалъ по дорогѣ въ Туль.

Жанна имѣла передъ нимъ цѣлый часъ времени, и онъ спазъ лошадь, желая догнать ее и заставить отказаться отъ принятаго ею намѣренія, прежде, нежели она дойдетъ до Туля. Но онъ уже провхалъ гору Барло и камни-жомарры, не догнавъ ея, и на поворотѣ дороги встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ серомъ Артуромъ.

Ночь была еще довольно-темна; но такъ-какъ Англичанинъ вхалъ выше Гильйона, то онъ узналъ его по силуэту его большой соломенной шляпы и по воротнику его непримѣнаемаго каррика, рисовавшемуся на прозрачномъ фонѣ воздуха.

— Постойте, любезный другъ, сказалъ онъ, подѣшкая: — узнайте меня.

— Вѣрхомъ и дѣ дорогѣ? вскричалъ серъ Артуръ:—слава Богу! мой милый Гильйомъ выздоровѣлъ!

— Да, Артуръ, выздоровѣлъ, совершенно выздоровѣлъ, отозвалъ Гильйомъ измѣнившимся голосомъ. — Мнѣ надобно многого рассказать вамъ; но прежде всего скажите, не встрѣчала ли вы дорогѣй Жанны?

— Жанны? На дорогѣ, въ это время? Я еду прямо изъ Туля и не встрѣтилъ ни души. Цѣлый день проболталъ я съ священникомъ Аленомъ, и никто въ Туль не ждалъ Жанны. Объясните мнѣ...

— Артуръ, вы все знаете. Вы угадали, что я люблю Жанну,

и для этого удалились; но вы, можетъ-быть, не знаете, что я оскорбилъ ее и что поэтому она ушла. Боже мой! Боже мой! Какая страшная мысль пришла мнѣ въ голову! Гдѣ она можетъ быть?

— Но давно ли она отправилась?

— Съ часъ, съ два, я навѣрное не знаю; минуты мнѣ кажутся годами съ-тѣхъ-поръ, какъ я ишу ее...

— Она должна быть недалеко, сказалъ сэръ Гарлей. — Слушайте: разъедемся; я возвращусь въ Туль и буду спрашивать о ней по дорогѣ во всякой хижинѣ, а вы то же сдѣлаете, возвращаясь въ Буссакъ. Мы непременно гдѣ-нибудь найдемъ ее.

— Ваша правда, Артюрь; разъедемся.

— Постойте, Гильюмъ; зачѣмъ вы такъ сильно беспокоитесь? Какой опасности можетъ подвергнуться Жанна въ этой сторонѣ, гдѣ ее знаютъ, гдѣ крестьяне такъ кротки и гостепримны?

— Другъ мой, я боюсь, не оскорбилъ ли кто-нибудь Жанны еще больше, нежели я. Я не знаю... я подозреваю... но не могу обвинять моей матери... Я опасаясь отчаянія Жанны!

— Но что вы можете сказать ей для ея успокоенія, Гильюмъ? Дано ли вамъ право привести ее опять домой?

— Артюрь, ея мѣсто у меня въ домѣ, возлѣ меня, между моей сестрой и мною! Она больше не покинетъ насъ, и я знаю, что сказать ей, чтобъ утѣшить ее послѣ той неприятности, которую ей сдѣлалъ.

— Если вы рѣшились предложить ей любовь, достойную ея и васъ, Гильюмъ, вы меня знаете, вы можете быть увѣрены...

— Нѣтъ, вы меня не понимаете, Артюрь. Я все объясню вамъ... Но теперь не время; надобно искать и найти Жанну.

— Вы долго можете прѣмскать ее! провѣсьте около ихъ глухой годось.

И Гильюмъ, обернувшись, увидѣлъ человѣка, съ виду похожаго на нищаго, который, согнувшись подъ сумою и опираясь на палку, медленно проходилъ между его лошадей и лошадей Артюра.

— Кто ты? вскричалъ Англичанинъ, схвативъ его за воротникъ своею атлетическою рукою. — Знаешь ли ты, гдѣ та, о которой мы говоримъ?

— Если вы прежде залущите меня, то мнѣ мудроно будетъ сказать вамъ это, отвѣчалъ Рэгъ съ большимъ хладнокровіемъ.

Темнота мѣшала Гильюму разглядѣть черты лица дяди-Бривада, да и сомнительно, чтобъ онъ вѣрзался въ его памяти. Однако, ему показалось, что этотъ злобный голосъ былъ ему нѣсколько-знакомъ. Видя, что сэръ Артюрь готовъ былъ отпустить его,

онъ въ свою очередь ухватился за воротникъ его оборванной курт-ки, повторяя вопросъ, сдѣланный ему Англичаниномъ:

— Кто ты?

— Я бѣдный человѣкъ, который ищетъ себѣ бѣднаго пропитанія, отвѣчалъ Рагѣ: — но не дѣлайте мнѣ насилія и не рвите моего платья, добрый господинъ; это вамъ ни къ чему не послужитъ.

И Рагѣ сталъ быстро вертѣть своей сухой и ловкой рукою ручку палки, готовясь, въ случаѣ нужды, отвѣсить Спорту жестокий ударъ по головѣ и тѣмъ заставить всадника выпустить его изъ рукъ.

— Послушай, молодецъ, кротко сказалъ сэръ Гарлей: — если ты видѣлъ дѣвушку, проходившую по этой дорогѣ, скажи намъ, гдѣ она можетъ быть, и я награжу тебя.

— Какую дѣвушку вы ищете? возразилъ Рагѣ, показывая видъ, будто забылъ, о чемъ идетъ дѣло. — Если Жанну, дочь тѣтки-Тюлы, прекрасную эп-нелльскую пастушку, какъ ее называютъ въ этой сторонѣ, то я ее видѣлъ, очень-хорошо видѣлъ и знаю, по какой дорогѣ она пошла. Но вы ошиблись, господа, и можете гулять всю ночь между Туллемъ и Буссакомъ, не встрѣтивъ ея.

— Скажи же, гдѣ она? вскричалъ Гильюмъ. — Ну, скорѣе!

— А если я вамъ скажу и отъ этого мнѣ будетъ худо, что мнѣ въ томъ прибыли?

— Что тебѣ за это надобно? сказалъ Англичанинъ.

— Ба! вы, сударь, разсудительны, знаете, что одна услуга стоить другой. А за эти услуги платится и даже дорого платится въ настоящее время. У васъ не слишкомъ-добрыя намѣренія въ-отношеніи къ этой дѣвушкѣ, потому-что васъ двое, и ей нельзя будетъ отъ васъ защититься, если она васъ не хочетъ.

— Мерзавецъ! Оставь при себѣ свои поясненія и говори, или я задушу тебя! вскричалъ Гильюмъ внѣ себя, тряся бродягу.

— Тихе, малютка, тихе! сказалъ Рагѣ: — не горячитесь! Такъ не обижаютъ бѣдныхъ людей; рано или поздно прійдется рас-каяться.

— Успокойтесь, Гильюмъ, продолжалъ сэръ Артуръ: — и дайте этому старому дураку объясниться. Ну, ты вѣрно хорошо знаешь, кто мы такіе, и хочешь денегъ. Тебѣ дадутъ ихъ; говори скорѣе, или мы подумаемъ, что ты хочешь надуть насъ, и больше не станемъ тебя слушать.

— Я не знаю, кто вы, отвѣчалъ осторожный Рагѣ: — я васъ не знаю. Бѣдняга, подобно мнѣ, можетъ ли знать большихъ горожанъ? Но всѣмъ извѣстно, что большіе горожане гоняются по ночамъ за хорошенькими дѣвушками, и также всѣмъ извѣстно, что Жанна славится красотою. Даже вы не первые ее здѣсь ищете; сейчасъ передъ вами я уже встрѣтилъ здѣсь другаго...

— Другаго? вскричалъ Гильиомъ, дрожа отъ гнѣва: — говори же, гдѣ онъ?

— Онъ увезъ дѣвушку въ такое мѣсто, гдѣ вы ея никогда не найдете! злобно отвѣчалъ Рагѣ. — Прощайте, любезные господа; да поможетъ вамъ Господь Богъ!

И быстрымъ движеніемъ, съ силою, къ которой, казалось, никогда не былъ способенъ слабый скелетъ его, онъ вырвался изъ судорожной руки Гильиома и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, отряхавъ какъ волкъ, вырвавшійся изъ засады.

— Хочешь ты луи, два луи, чтобъ сказать правду? вскричалъ спокойный и благоразумный Гарлей, быстро нагоняя его.

— Пятьдесятъ франковъ на вашу долю и столько же на долю вашего товарища, больше мнѣ не надо! Но сказать вамъ, гдѣ любовники, это не доведетъ васъ туда, если вы не знаете здѣшней стороны; да еще надобно проѣхать по нашимъ дорогамъ больше ста разъ, чтобъ не ошибиться.

— Веди насъ, и тебѣ будетъ сто франковъ!

— О! сто франковъ, чтобъ мнѣ такимъ-образомъ свернуть съ своей дороги? чловѣку, какъ я, въ лѣтахъ? Нѣтъ, сударь, вы объ этомъ не подумали!

— Скажи же, что тебѣ надобно, и ступай впередъ.

— Это очень стѣнитъ вдвое...

— Будетъ тебѣ вдвое, и, если ты говоришь правду, будетъ еще прибавка. Но смотри, не обмани насъ; не думай завести насъ въ засаду. Мы вооружены и недоувѣрчивы.

— Это значить, что вы боитесь? Что жъ! и я также боюсь... Волки боятся людей, люди боятся чорта; всѣ боятся на этомъ свѣтѣ...

— Ты чего боишься?

— Боюсь быть обманутымъ. Ну если, вмѣсто платы, вы мнѣ покажете пистолеты!... Мнѣ хочется знать ваши имена, чтобъ прійти къ вамъ за своими деньгами завтра, если вы не исполните вашего обещанія нынѣшнею ночью.

— Этотъ молодецъ только тѣшитъ надъ нами, сказалъ Гильиомъ своему другу. — Невозможно, чтобъ Жанна не была одна, Артуръ; отбѣгайтесь отъ этого нищаго, и поѣдемъ.

Увидѣвъ, что сэръ Гарлей колеблется, Рагѣ перемѣнилъ намѣреніе. Онъ очень-хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не опасался несостоятельности: недоувѣрчивость эта была только игрою его ума, исполненнаго насмѣшливости и презрѣнія.

— Послушайте, сказалъ онъ: — для меня въ этомъ есть опасность, навѣрное больше, чѣмъ на двѣсти франковъ опасности; но мнѣ все равно: я съумѣю найти васъ и пристыжу передъ всѣми,

если вы не расплатитесь со мною честнымъ образомъ. Ну, въ по-ходъ, сюда!

И онъ отиравился по дорогъ въ Лавофраншъ, которую сторожилъ съ полчаса, какъ бдительный часовой.

— Увѣряю васъ, что этотъ злодѣй надуваетъ насъ, сказалъ Гильюмъ сэру Артуру. — Онъ хочетъ завести насъ въ какую-нибудь разбойничью берлогу, и все это только замедлитъ наши поиски.

— Все-таки попробуемъ! сказалъ сэръ Гарлей.

— Ну же, господа! сказалъ Рагè: — вы вовсе не подвигаетесь, хоть у васъ и восьмеро ногъ.

— Это ты не идешь, сказалъ Англичанинъ. — Укажи намъ дорогу, вмѣсто того, чтобъ задерживать насъ, тащась какъ лягушка передъ нашими лошадьми.

— Вы думаете? сказалъ Рагè, кладя свой мѣшокъ подъ огромный камень, съ увѣренностію опять найдти его, потому-что этотъ камень былъ отмѣченъ крестомъ, освящавшимъ «проклятый перекрестокъ», гдѣ сходились четыре дороги, — мѣсто, всегда посвященное шабашу и посѣщаемое дьяволомъ, если только оно не охранено знакомъ религіи. И согбенный нищій тотчасъ же выпрямился, слабый старикъ, казалось, надѣлъ сапоги-самоходы и съ такою легкостью пустился бѣжать передъ всадниками, что лошади едва могли за нимъ слѣдовать.

Достигнувъ подошвы горы Монбра, онъ остановился.

— Здѣсь, господа, сказалъ онъ: — и заплатите мнѣ, или я разбужу народъ на фермѣ, и вы не дойдете такъ, какъ хотите, до дверей замка г. Марсилья.

— Марсилья! вскричалъ Гильюмъ, узнавъ наконецъ руину, куда онъ прѣвѣжалъ нѣкогда завтракать съ молодымъ лиценціатомъ правъ. И онъ быстро поскакалъ по тропинкѣ, ведшей на гору, между-тѣмъ, какъ сэръ Артуръ отсчитывалъ Рагè двѣнадцать золотыхъ монетъ, не выпуская изъ рукъ пистолета, который, во все время пути держалъ съ наведеннымъ куркомъ на всякой случай.

— Теперь отпусти мой поводъ, или я раздроблю тебѣ голову, сказалъ онъ бродягѣ, отдавая условленную плату.

Рагè видѣлъ, какъ въ темнотѣ блеснуло золото Англичанина и сталъ его пистолета. Онъ повиновался, медленно оцупалъ и пересчиталъ лун, потомъ кинулся назадъ, по своимъ слѣдамъ, сказавъ:

— Ключъ отъ дворовыхъ воротъ вы найдете въ первомъ камнѣ направо; безъ этого вы никогда не попадете туда. Башенка также направо; на лугу есть корридоръ, а за нимъ одна дверь, которая не такъ крѣпка, какъ кажется. Вы хорошо заплатили мнѣ, я доволенъ. Марсилья скрѣга, который дастъ человѣку уме-

реть съ голода у его дверей. Если вы продадите меня ему, я погибъ; но прежде вы обо мнѣ услышите.

И онъ исчезъ.

Артуръ скоро догналъ Гильюма. Владѣя собою, онъ остановилъ молодого человека у дверей замка.

— Другъ, сказалъ онъ ему:— что вы хотите дѣлать? Очень можетъ быть, что насъ обманули; это даже очень-вѣроятно. Правда-подобно мнѣ, чтобъ Марсилья увлечь сюда Жанну противъ ея желанія съ фульсейской дороги? А вы вѣрно не предполагаете, что такое благородное созданіе добровольно посѣдовало за похитителемъ! Къ-тому же, развѣ вы считаете Марсилья способнымъ на злодѣйство?

— Я считаю его способнымъ на все! Поспѣшите, сэръ Артуръ. Предчувствіе говоритъ мнѣ, что Жанна здѣсь, и что она въ опасности.

— А между-тѣмъ, это вовсе-невѣроятно. Успокойтесь, Гильюмъ, и поищемъ предлога, чтобъ явиться въ такое позднее время и такъ внезапно къ вашему другу.

— Онъ мой другъ! онъ имъ никогда не былъ, подлецъ!

— Милый Гильюмъ, ревность васъ волнуешь и заставляетъ ошибаться. Можетъ-быть, Марсилья невиненъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь необходимо хладнокровіе. По какому праву будемъ мы дѣлать, вооруженной рукою, домовый обыскъ у человека, съ которымъ мы до-сихъ-поръ были въ хорошихъ отношеніяхъ? Гильюмъ! думаю, я смѣю сказать, что Жанна мнѣ по-крайней-мѣрѣ такъ же дорога, какъ и вамъ, что честь ея для меня священнѣе моей собственной... А между-тѣмъ, я не могу рѣшиться, положить на слова бандита, идти сюда и требовать ея съ пистолетомъ въ рукѣ. Я не колеблюсь сѣдловалъ за этимъ брдаггой, не колеблюсь готовъ я искать Жанны въ самомъ жилищѣ г. Марсилья; но желалъ бы, чтобъ при этомъ были соблюдены законы чести, приличія и справедливости.

— Сэръ Артуръ, сказалъ Гильюмъ, сильно сжавъ руку своего друга:— мнѣ невозможно быть покойнымъ; голова моя горитъ, кровь кипитъ у меня въ жилахъ... а между-тѣмъ, я не ревную Жанны и не влюбленъ въ нее... по-крайней-мѣрѣ не влюбленъ больше... можетъ-быть, никогда и не былъ влюбленъ... Это бытъ обманъ моего воображенія; священныи инстинктъ, который говоритъ во мнѣ противъ воли! Сэръ Артуръ, вы одинъ въ мнрѣ можете и должны быть повѣренными этой тайны, потому-что вы хотите и должны быть мужемъ Жанны... Жанна—дочь моего отца! Жанна—сестра моя... Посудите теперь, имѣю ли я право искать ее

всюду, даже въ объятіяхъ Марсіаль, и не обязанъ ли я осноривать ее у злодѣя съ оружіемъ въ рукахъ.

Сэръ Гарлей на минуту остолбенѣлъ отъ этого открытія, но вскорѣ кланнокровіе и присутствіе духа возвратились къ нему.

— Гильйомъ, сказалъ онъ: позвольте мнѣ говорить первому; поручите мнѣ это дѣло и удерживайтесь, что бы ни случилось.

Онъ слѣзъ съ лошади, отыскалъ ключъ, о которомъ говорилъ Рагè, и отперъ ворота. Желая помѣшать своему молодому другу дѣйствовать первому, онъ пустилъ его взять влѣво и обойти лугъ, а самъ, не предупредя его, отправился къ башнѣ. Онъ проникъ въ корридоръ, столкнулся съ Фино, которая около часа терпѣливо скребла дверь, приложился ухомъ къ этой двери и услышалъ звучный голосъ Марсіаль, который энергически проносилъ слѣдующія слова:

— Ничего, Жанна! противъ твоей воли! Ты не будешь осуждена за погалуй!

И быстрые шаги раздались подъ звучнымъ сводомъ. Артуръ услышалъ, какъ-будто двѣ руки въ отчаяніи кинулись на дверь и старались потрясти ее.

— Оставьте меня, г. Леонъ, вы мнѣ страшны! сказала въ то же время Жанна измѣнившимся голосомъ. — Если вы шутите, это очень-жестоко; я лучше лишу себя жизни, нежели стану шутить подобными предметами.

Тогда сэръ Гарлей, чтобъ помѣшать преступнымъ намѣреніямъ Марсіаль, вдругъ застучалъ въ дверь съ необыкновенной энергіей. Гильйомъ уже былъ за нимъ.

— А! слава Богу! вскричала Жанна: — вотъ люди! они пристыдятъ васъ, г. Леонъ.

— Жанна, тихо сказалъ Марсіаль: — молчи, или я убью тебя!

— О! убейте меня, если хотите, сказала Жанна: — я не замолчу.

Однако она замолчала, слыша, что Марсіаль взводитъ курокъ своего охотничьяго ружья, наскоро вынутого изъ чехла, уставивъ его дуломъ противъ осаждающихъ.

— Жанна, сказалъ онъ, продолжая говорить въ-полголоса: — первый, кто войдетъ сюда противъ моей воли, дорого заплатитъ!.. Если ты только скажешь слово, закричишь, пошевелишься... я отворю дверь... и убью!..

— Г. Марсіаль, отвѣчала Жанна также тихо: — ради самого Бога, отворите безъ шума. Я ничего не скажу; я не буду на васъ жаловаться. Не дѣлайте несчастія! я прошу только позволенія выйти такъ, чтобъ меня не видали, и я никогда не стану рассказывать, что вы хотѣли пострадать меня.

Въ дверь все еще стучались и такъ сильно, что она готова была слетѣть съ петель. Но такъ-какъ еще никто ничего не говорилъ, то Марсилья серьёзно подумалъ, что это воры. Онъ сказалъ объ этомъ Жаннѣ и посоветовалъ, на случай выстрѣла, спрятаться въ альковѣ.

— Если это воры, сказала Жанна: — я помогу вамъ отъ нихъ защититься, г. Леонъ. Я не робка. Только бы мнѣ потомъ выйдти: вотъ все, что мнѣ нужно.

— Ну, храбрая дѣвушка! съ рѣшимостью и хладнокровіемъ сказалъ ей Марсилья: — возьми другое ружье, что виситъ на стѣнѣ надъ каминномъ; стань около двери и подай мнѣ его, когда я выстрѣлю изъ перваго. Кто тамъ? прибавилъ онъ громко: — что нужно?

— Отворите, г. Марсилья, сказалъ сэръ Артуръ: — мнѣ очень надобно переговорить съ вами немедленно о весьма-важномъ дѣлѣ.

— О, о! милостивый государь, отвѣчалъ Марсилья: — вы говорите слишкомъ-громко и стучите слишкомъ-сильно! Развѣ вы имѣете обыкновеніе будить людей такимъ-образомъ? Дайте мнѣ одѣться. Ты, быстро сказалъ онъ Жаннѣ: — спрячься за занавѣсы моей постели, если не хочешь, чтобъ я выбилъ зубы твоему ревнивцу Англичанину.

— Я! чтобъ я спряталась за вашу постель? отвѣчала Жанна. — О! нѣтъ, сударь, никогда! Я не хочу прятаться.

— Какъ хочешь, сказалъ Марсилья. — Ты все-таки прослывешь моею любовницей и увидишь, что изъ этого выйдетъ. Какъ тебѣ угодно, красотка! Ну, сэръ Гарлей, продолжалъ онъ громко: — когда вамъ надоѣстъ гладить кулаками мою дверь, скажите мнѣ. Предупреждаю васъ, что я не одинъ и не отворю вамъ. Пойдите, подождите меня на лугу, и подалее, прошу васъ. Я приду узнать, чѣмъ я могу служить вамъ.

— Вы отворите, сударь! вскричалъ Гильюмъ, не въ силахъ будучи долѣе удерживаться: — и тѣмъ избавите насъ отъ труда ломать двери.

— А! а! васъ двое? продолжалъ Марсилья холоднымъ и презрительнымъ тономъ. — Что жъ! ломайте дверь, милостивые государи, если васъ влечетъ сердце. У меня есть четыре пули къ вашимъ услугамъ, потому-что я не хочу показывать вамъ своей любовницы.

— Такъ бой будетъ смертельный! вскричалъ Гильюмъ: — потому-что и мы вооружены и хотимъ войдти непремѣнно.

И онъ потрясъ дверь дрожащей отъ гнѣва рукою.

Марсилья, видя, что дверь уступаетъ и засовъ выходитъ изъ только-что оштукареной стѣны, отказался отъ намѣренія защищаться. Ему казалось недостойнымъ мстить ревнивому ребенку

чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ презрѣнія и насмѣшки. Онъ отодвинулся; чтобъ дать упасть двери, и искалъ въ темнотѣ Жанны, чтобъ предохранить ее отъ удара. Но Жанна исчезла, какъ очарованная. Онъ подумалъ, что она рѣшилась спрятаться за кровать и хотѣлъ въ томъ увѣряться, когда дверь съ шумомъ повалилась. Сэръ Артуръ кинулся нервный, съ пустыми руками, защищая собой Гильйома, не смотря на ярость молодого человѣка, который старался перегнуть его, держа въ обѣихъ рукахъ по пистолету.

— Прекрасно, милостивые государи, чудесно! сказалъ Марсилья. — Я могъ бы встрѣтить васъ какъ разбойниковъ, потому-что вы соединили вмѣстѣ свои ревнивые порывы и вторгаетесь неприличнымъ и грубымъ образомъ въ мое жилище. Но мнѣ жалко видѣть ваше смѣшное поведеніе, и я прошу у каждаго изъ васъ удовольствія, которое будетъ благороднѣе и храбрѣе убійства; двое противъ одного, въ потьмахъ!

— Тотчасъ же, если вамъ угодно, сударь! вскричалъ Гильиомъ. — Луна поднимается, и на вашемъ дворѣ довольно мѣста, чтобъ стать на приличное разстояніе.

— Нѣтъ, господá, завтра, сказалъ Марсилья: — у меня здѣсь женщина, которую я не хочу больше пугать. Я буду покоенъ до-тѣхъ-поръ, пока вы сдѣлаете мнѣ честь, выйдете вонъ.

— Мы не уйдемъ, не убѣдивъ васъ, какъ я надѣюсь, и не взявъ съ васъ обѣщанія выпустить отсюда эту женщину, сказалъ чрезвычайно-холодно сэръ Гарлей: — мы знаемъ, г. Марсилья, что она находится здѣсь противъ своей воли.

— Вы лжете! вскричалъ Леонъ: — и такъ-какъ вы принуждаете меня къ защитѣ, то я объявляю вамъ, что вы не такъ легко подойдете къ моей постели, какъ подошли къ моей двери.

— Жанна! закричалъ Гильиомъ: — выйди изъ того мѣста, гдѣ ты спрятана, отвѣчай! Не бойся ничего; мы пришли защитить тебя.

— Видите, господá, иронически сказалъ Леонъ: — что особы, которую вамъ угодно называть Жанной, нѣтъ здѣсь, или, если она здѣсь, то вовсе не желаетъ вашего покровительства, потому-что не отвѣчаетъ.

— Если она не отвѣчаетъ, вскричалъ Гильиомъ: — это потому-что она безъ чувствъ или мертва; но оскорбили ли вы ее, или убили, все-таки она будетъ вырвана отсюда, хотя бы для этого нужно было тотчасъ же наказать въ васъ послѣдняго изъ злодѣевъ и подлецовъ.

Луна начинала подниматься надъ холмами горизонта, и свѣжій вѣтерокъ, часто сопровождающій появленіе этого свѣтила, разгонялъ передъ нею тучи. Свѣтъ ея проникалъ во внутренность баш-

ни, и сэръ Артуръ, котораго зрѣніе было такъ же зорко и ясно, какъ умъ, тотчасъ удостовѣрился, что постель была непомята, занавѣсы открыты, и что въ этой маленькой старинной комнатѣ не было ни шкапа, ни кабинетца, куда можно было бы спрятать Жанну. Стало-быть, она вышла украдкой въ то время, какъ онъ съ Гильйомомъ кинулся въ комнату, и воспользовалась минутнымъ смятеніемъ, чтобъ ускользнуть скорѣе. Эти соображенія возвратили сэру Артуру спокойствіе, которое начинало покидать его.

— Гильйомъ, сказалъ онъ молодому барону: — не предавайтесь такимъ-образомъ подозрѣніямъ и страху. Жанны здѣсь нѣтъ; она убѣжала на лугъ; пойдите къ ней и оставьте меня поговорить съ г. Марсилья.

— Жанна не умѣетъ лгать, Жанна скажетъ мнѣ правду, вскричалъ Гильйомъ, кидаясь вонъ изъ комнаты. — Горе вамъ, Марсилья, если ея свидѣтельство обвинить васъ!

— Г. Марсилья, сказалъ Артуръ, оставшись съ нимъ наединѣ: — я не позволяю себѣ ни слова о вашемъ поведеніи, потому-что не знаю, какими хитростями вы завели сюда Жанну. Но знаю, что она вышла отсюда чистою, и мнѣ пріятно думать, что вы надѣялись убѣдить ее словами, не имѣя намѣренія употреблять силу.

— Избавьте меня отъ вашихъ комментаріевъ на-счетъ моего поведенія и моихъ намѣреній, милостивый государь, отвѣчалъ Леонъ. — Я никому не обязанъ давать отчета, и скорѣе вамъ слѣдуетъ объяснить мнѣ ваше собственное поведеніе и ваши намѣренія. Я жду отъ васъ немедленнаго извиненія, или скорого удовлетворенія.

— Еслибъ я поступилъ легкомысленно, сказалъ сэръ Гарлей: — еслибъ я вошелъ сюда, не бывъ увѣренъ, что найду здѣсь Жанну, еслибъ я не слышалъ, какъ она сопротивлялась вашимъ намѣреніямъ; наконецъ, еслибъ я обманулся, я извинился бы передъ вами какъ вамъ угодно, прежде, нежели вы потребовали бы отъ меня удовлетворенія. Но я слушалъ у вашей двери, — я слышалъ это въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ въ своей жизни. Не стыжусь этого, потому-что теперь я въ-правѣ защищать честь бѣдной дѣвушки противъ вашихъ преступныхъ и недостойныхъ разглашеній. Впрочемъ, такъ-какъ въ вашихъ глазахъ я помрачу эту драгоценную честь, легкомысленно объявивъ себя ея защитникомъ, то съ радостью объявлю вамъ, по какому праву я становлюсь здѣсь между Жанной и вами.

— Да, сказалъ Марсилья съ горькимъ смѣхомъ: — именно это-то мнѣ и хочется знать. Почему вы имѣете больше меня правъ на прекрасную дѣвушку, на которой вы, безъ-сомнѣнія, не хотите жениться, потому-что вы женаты?

— Женаты? я? Кто разсказалъ вамъ эту смѣшную сказку? Васъ

обманули, сударь: я свободенъ и намѣренъ просить Жанну выйти за меня замужъ даже послѣ деликатнаго испытанія, которому она здѣсь подвергалась, даже не смотря на посмѣяніе, которое вы, безъ-сомнѣнія, имѣете намѣреніе излить на меня по этому случаю. Итакъ, не удивляйтесь, что, претендуя на руку Жанны, я пришелъ защитить ее отъ оскорбленій. Самъ собою я не вошелъ бы къ вамъ такимъ-образомъ. Мнѣ пріятно думать, что послѣ нѣсколькихъ переговоровъ вы отворили бы мнѣ эту дверь, которую сгоряча нашъ молодой другъ выломилъ противъ моей воли. Но Гильомъ былъ въ горячности, составляющей основу его характера; онъ былъ побуждаемъ чувствомъ негодованія я, можно сказать, отеческой заботливости. Опъ, какъ крестный братъ, то-есть единственный покровитель и духовный родственникъ сироты, явился сюда, чтобъ отдать мнѣ ея руку и вмѣстѣ съ тѣмъ дать право быть ея защитникомъ. Я знаю, что все это кажется вамъ чрезвычайно-смѣшнымъ и чувствую, какимъ сарказмамъ подвергаюсь, говоря вамъ съ такою откровенностью; для того-то, считая васъ съ нынѣшняго дня врагомъ моего спокойствія и моей чести въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, я прошу васъ назначить мнѣ день и часъ, когда вамъ угодно будетъ дать мнѣ удовольствіе.

— Такъ вы, милостивый государь, вы, зачинщикъ, считаете себя человекомъ обиженнымъ и вызваннымъ, потому-что вамъ угодно жениться на дѣвушкѣ, которую маленькій баронъ не сумѣлъ обольстить? Превосходно! Я принимаю роль, которую вамъ угодно назначить мнѣ; только бы мнѣ драться съ вами, — вотъ все мое желаніе.

— Принимайте это какъ вамъ угодно, милостивый государь; я предоставляю вамъ выборъ оружія и всѣ преимущества дуэли. Только прошу васъ назначить ее завтра же утромъ.

— Нѣтъ, послѣ-завтра я защищаю въ судѣ дѣло, отъ котораго зависятъ честь и существованіе одного почтеннаго семейства. Нынче у насъ понедельникъ. Съ разсвѣтомъ я ѣду въ Герэ. Мы отложимъ дуэль до моего возвращенія, то-есть до утра среды.

— Я согласенъ, и надѣюсь, что до-тѣхъ-поръ вы не потребуете ни отъ кого другаго и никому не дадите удовлетворенія.

— Я васъ понимаю, Артуръ, сказалъ Марсіля тономъ чловѣка совершенно-спокойнаго и смѣлаго.—Вы хотите спасти своего молодаго друга отъ моего мщенія. Убѣдите его взять назадъ тѣ обидныя слова, которыми ему угодно было недавно наградить меня, и я обещаю вамъ, что прошу его.

— На это онъ никогда не согласится, сударь, и я не стану дѣлать къ тому попытокъ. Но ваше мщеніе должно удовольствоваться

ся въ настоящее время однимъ поединкомъ, и честь ваша будетъ удовлетворена, если я паду на немъ.

— Я знаю, что Гильюмъ ребенокъ и я столько училъ его стрѣльбѣ и фехтованью, что могу желать встрѣчи съ нимъ, въ которой буду играть навѣрняка. Надѣйтесь на мое великодушіе и по-крайней-мѣрѣ убедите его, чтобъ онъ не выводилъ меня изъ терпѣнія хоть нынѣшній вечеръ.

— Такъ-какъ въ этомъ отношеніи я не могу ни за что ручаться, то сдѣлайте одолженіе, не подвергайтесь больше горячности этого молодого человѣка; я пойду къ нему и уведу его. Пожалуйста, прошу васъ, не выходите изъ этой комнаты.

— Хорошо, я вамъ обещаю это, Артуръ. Но мы не назначили ни мѣста, ни оружія.

— Отъ васъ будетъ зависеть выборъ. Завтра утромъ я жду отъ васъ записки и буду сообразоваться съ вашими намѣреніями. Я не силенъ ни на какомъ оружіи, и потому мнѣ рѣшительно все равно.

— Чортъ возьми! ваше признаніе сердить меня! Я такъ же хорошо владею шпагою, какъ и пистолетомъ.

— Знаю; тѣмъ лучше для васъ.

— Мы бросимъ жребій.

— Какъ вамъ угодно.

Сэръ Гарлей поклонился Леону и поспѣшно удалился. Гильюмъ въ безпокойствѣ возвращался къ башнѣ. Онъ былъ одинъ.

— Артуръ, вскричалъ онъ: — Жанна нѣтъ! Я обыскалъ все эти развалины. Она должна быть въ башнѣ. Марсилья гдѣ-нибудь спрятала ее. У ней вѣрно завязанъ ротъ, или она умираетъ! Здѣсь должно быть ужасное преступленіе... Пустите, пустите меня войти! Я задушю этого злодѣя: я вырву изъ него истину; я все разобью въ его мерзкой берлогѣ!

— Нѣтъ, Гильюмъ, нѣтъ! сказалъ Гарлей. — Я наблюдалъ за всѣмъ: за его видомъ, голосомъ, за всѣми мелочами въ его комнатѣ. Собака Жанны вошла въ башню вмѣстѣ съ нами, а ея нѣтъ ни тамъ, ни здѣсь. Когда я говорилъ съ Леономъ, мнѣ казалось, что она лаетъ и воетъ снаружи. Нѣтъ сомнѣнія, что Жанна убѣжала. Мы найдемъ ее дорѣгой.

— Довѣрчивость ваша безсмысленна, Артуръ! Если Жанна здѣсь, мы оставляемъ ее во власти этого мерзавца! Нѣтъ, нѣтъ, я не выйду отсюда безъ нея!

— Смотрите, сказалъ Артуръ, указывая ему на темный порталъ древней башни: — видите ли, тамъ кто-то стоитъ? Навѣрное, это Жанна!

И они кинулись къ рѣшеткѣ, гдѣ въ-самомъ-дѣлѣ быстро промелькнула человѣческая тѣнь.

Но это была не Жанна: это былъ Рагѣ Бридвашъ, дѣлавшій имъ знаки, чтобъ они за нимъ слѣдовали.

IX.

НЕСЧАСТІЕ.

Рагѣ шелъ, осторожно озираясь назадъ, и вскорѣ вывелъ Гильйома и друга его вонъ изъ замка.

— Вы ищите дѣвушки, сказалъ этотъ бдительный шпіонъ:— и безъ меня никогда не найдете. Что вы мнѣ за это дѣдите?

— Что ты хочешь, другъ! отвѣчалъ Гильйомъ. — Ты насъ не обманулъ, мы не будемъ считаться съ тобою.

— Нѣтъ, любезный, считайтесь! считайтесь! сказалъ Рагѣ, подставляя шляпу.

Гильйомъ захватилъ горсть серебра у себя въ карманъ, и дѣйствительно, не считая, бросилъ ее въ оборванную шляпу нищаго.

— Хорошо, ночь недурна, сказалъ Рагѣ: — пойдите со мною, дѣтки!

И онъ повелъ ихъ вдоль верхнихъ стѣнъ замка до одного мѣста, гдѣ онъ остановился. Насыпь, образовавшаяся изъ осыпавшихся развалинъ, была въ этомъ мѣстѣ расчищена и расчепана, какъ-будто для того, чтобъ сдѣлать выше отъ поверхности земли узкое, но лишенное своихъ старинныхъ желѣзныхъ рѣшетокъ окно, осѣщавшее башню, которая служила временнымъ жилищемъ для Марсилья. Земля и щебень, засыпавшіе первый этажъ, были откинута дальше, и такимъ-образомъ это окно находилось на возвышеніи около двадцати-пяти футовъ надъ какою-то острою канавою, которая была не что иное, какъ возобновленная въ этомъ мѣстѣ часть рва, окружавшаго замокъ. Марсилья, часто проводя ночи въ этомъ уединенномъ и пустомъ жилищѣ, укрѣпалъ самъ маленькій уголокъ сколько могъ.

— Куда ты ведешь насъ? сказалъ Гильйомъ, видя, что Рагѣ указываетъ ему концомъ своей палки въ глубину рва.

— Она тамъ, сказалъ Рагѣ какъ-можно-тише и причась за груду щебня, чтобъ не быть видиму изъ окна башни. Потомъ онъ поднялъ палку, указавъ на это окно, сдѣлалъ ею движеніе сверху внизъ и прибавилъ тономъ жестокаго равнодушія:

— Одного только немного жаль: дѣвушка-то мертвая!.. Впрочемъ, идите, посмотрите... Я не могу объ этомъ судить... Я хорошо видѣлъ, какъ она упала, но не хотѣлъ подходить къ ней... о! я

не так глупы!.. Если дело пойдет въ судъ, то пожалуй и это на меня свалить.

И Рагэ исчезъ какъ въ первый разъ. Отъ боялся Марсилья; но Марсилья, съ порога башни проводивъ глазами Гильёма и Артюра, искалъ Жанны на лугу и потиралъ себѣ руки при мысли, что найдетъ ее гдѣ-нибудь въ углу дрожащую отъ страха.

Артюръ и Гильёмъ были уже въ глубинѣ канавы. Напрасно, болѣе мертвые, чѣмъ живые, суетились они въ темнотѣ: Жанны тамъ не было.

— Слава Богу, сказалъ Артюръ: — на этотъ разъ бродяга обманулъ насъ.

— Увы, нѣтъ! сказала Гильёмъ: — потому-что вотъ капюшонъ Жанны!

И онъ поднялъ головной уборъ молодой дѣвушки.

Слѣдуя по направленію канавы, они достигли до дна этого рва, все ища, но не смѣя уже сообщать другъ другу свои мрачныя мысли:

Во глубинѣ этого узкаго рва течетъ струя кристальной воды, журчащая между скалами. Ключъ бьетъ изъ-подъ земли, между толстыхъ слоевъ благаго камня, изливаясь наружу съ шумомъ, похожимъ на шумъ постоянно-идущаго дождя. Гильёмъ побѣжалъ къ этимъ камнямъ и вскрикнулъ отъ радости, увидѣвъ ясно женщину, которая сидѣла на берегу источника. Луна, вышедъ изъ облаковъ, освѣщала ее. Это была Жанна, неподвижная, блѣдная какъ смерть, но съ улыбкою на губахъ и съ руками, сложеными одна на другую, какъ-будто-бы она весьма-спокойно предавалась мечтаніямъ и покою. Фино лежалъ у ногъ ея.

— Жанна! вскричалъ Гильёмъ, падая подлѣ нея на колѣни: — ты жива! Да будетъ благословенъ Господь!

— О! это ничего, совсѣмъ ничего, крѣстный, сказала Жанна, позволяя ему взять и цаловать ея руки. — Здравствуйте, г. Артюръ. Такъ вы вернулись изъ путешествія? Мнѣ хорошо; благодарствуйте.

— Жанна, Жанна, откуда ты пришла? Гдѣ ты была спрятана? Такъ ты не упала? сказалъ Гильёмъ.

— Упала? Дѣ, мнѣ кажется, что я упала немного-сильно... Это кобыла г. Марсилья... Нѣтъ... я, привѣ, не знаю, крѣстный; я немного свала на землѣ; но собака до того меня тарбила, что разбудила. Потомъ я встала; у меня ничего не сломано, потому-что я немного прощла. Но я упала въ обморокъ отъ усталости и села здѣсь, чтобъ крошечку отдохнуть. Я не вижу большаго корецъ. Вѣрно ихъ загнала Люди. Пойдите, крѣстный; должно быть уже время возвратиться домой.

— Да, домой! добрая Жанна, милая Жанна, милая сестра моя!

— Ваша сестра? Такъ она здѣсь, милашка? Я ея не вижу! Беже мой! Я совсѣмъ потерялась, крѣстный... Я не знаю, откуда я пришла.

— Гильюмъ, тихо сказалъ сэръ Гарлей:—не заставляйте ее говорить, не волнуйте ее. Она выбросилась въ окно, это вѣрно...

И Артюръ, обернувшись, съ ужасомъ посмотрѣлъ на высоту этого окна, которая въ отдаленіи казалась еще ужаснѣе.

— Какая вышина! сказалъ онъ:—и какое чудо Богу угодно было совершить для насъ! Надѣюсь, что это не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. Но вы видите, что она безъ памяти. Попробуемъ вести ее и не будемъ стараться слишкомъ-скоро приводить ее въ память. По пріѣздѣ въ Буссакъ не мѣшаетъ пустить ей кровь.

— Мы идемъ отсюда, не правда ли, крѣстный? сказала Жанна, свободно вставая на ноги.—Мнѣ какъ-будто страшно въ этомъ мѣстѣ, сама не знаю почему; но я не узнаю, гдѣ мы. Не на лугу ли мы, у замка? Не выдали ли вы лядю Рагэ?

— Рагэ! сказалъ Гильюмъ, вспомнивъ наконецъ, гдѣ онъ встрѣтилъ бродягу. — Нѣтъ, Жанна, Рагэ здѣсь нѣтъ. Пойдемъ, твоя милашка ждетъ тебя, чтобъ проститься прежде, нежели ляжетъ спать.

Жанна пошла безъ усмія, опираясь на руку Гильюма, и Артюръ, приведши лошадей, которыхъ онъ по пріѣздѣ привязалъ къ воротамъ замка, посадилъ ее къ себѣ за сѣдло. Они отправились по дорогѣ въ Буссакъ, обогнувъ долину Малой-Крѣзы. Гильюмъ узнавалъ мѣстность, освѣщенную луною; но они ѣхали шагомъ, какъ-можно-тише, потому-что сэръ Артюръ опасался произвестъ у Жанны нервическій припадокъ, который могъ быть приготовленъ сильнымъ потрясеніемъ тѣла во время паденія. Растроганный, печальный и нѣжный, добрый Гарлей осмѣливался только время-от-времени обращаться къ ней съ вопросомъ о томъ, какъ она себя чувствуетъ.

— Да я здорова! съ удивленіемъ отвѣчала Жанна.—Зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете, г. Гарлей? Я не больна.

Жанна забыла всѣ свои огорченія. Она, казалось, размышляла, а между-тѣмъ, дѣйствіе ея мысли было только тихимъ и приятнымъ сновидѣніемъ. Ночь сдѣлалась ясна, и луна блистала. Жанна еще слышала крикъ лягушки, какъ въ то время, когда шла по направленію въ Туль. Но теперь она удалялась отъ колокольни своей деревушки и не замѣчала этого. Все сливалось передъ ея глазами, все мѣшалось въ ея воспоминаніяхъ и привязанностяхъ: бессонная некогда ночь на лугахъ Бурбонна, утрен-

нее мечтаніе на росѣ около замка, ея эп-нелльскія козы, ея буссакскія коровы, добрый священникъ Алень, дорогая барышня Марі, и даже мать ея Тюла, которая не умирала, какъ ей казалось въ этомъ счастливомъ сновидѣніи съ открытыми глазами. Иногда она склоняла свою слабѣющую голову на плечо сэра Артура, и боязливая стыдливость ея не замѣчала присутствія этого друга, хотя она невольно и неопредѣленно чувствовала на себѣ вліяніе его любящей, чистой души.

Когда трое молодыхъ людей пріѣхали въ замокъ Буссакъ, было уже за полночь. Домъ былъ почти пустъ. Одна Ліуди, въ безпокойствѣ и страхѣ, плакала въ углу кухни; не было Кадэ; чтобъ принять лошадей. Онъ самъ, по приказанію госпожи де-Буссакъ, сѣлъ на лошадь и отправился искать Гильйома, котораго быстрый отъездъ и продолжительное отсутствіе возбудили живѣйшее безпокойство.

— Матушка ваша до десяти часовъ вечера ждала васъ по дорогѣ въ Туллъ. Она только-что пришла, и мамзель Марі еще у ней, вмѣстѣ съ госпожою Шармуа.

— Я пойду успокою сестру вашу, сказалъ сэръ Гарлей Гильйому: — подите утѣшите матушку и прикажите Ліуди хорошенько позаботиться о Жаннѣ. Я зайду къ доктору и попрошу посмотреть ее.

— Докторъ еще здѣсь, сказала Ліуди. — Такъ ты сдѣлалась больна, Жанна?

— Это ничего, сказала Жанна, обнимая ее.

Госпожа де-Буссакъ со слезами бранила своего сына. Противъ обыкновенія, Гильйомъ слушалъ нѣжные упреки матери съ нѣкоторымъ высокомеріемъ и нетерпѣливостью. Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, почему уже нѣсколько дней всѣ стараются увѣрить его, что онъ боленъ; увѣрялъ, что онъ чувствуетъ себя какъ-нельзя-лучше, что ему вздумалось, — какъ очень-часто и прежде случалось, — ѣхать посмотреть съ камней-жоматровъ на восходъ луны, что дорогой, встрѣтись съ сэромъ Артуромъ, онъ остановился поговорить съ нимъ; потомъ они встрѣтили Жанну, навѣщавшую въ Туллѣ свою больную тѣтку; что онъ посадилъ свою крестницу къ себѣ за сѣдло и имѣлъ несчастіе уронить ее; что наконецъ они возвратились шагомъ, нижней дорогой, чтобъ не утомить бѣдной дѣвушки, разбитой этимъ паденіемъ.

Такимъ образомъ, эта исторія была правдоподобіе и естественнѣе самой истины. Госпожа де-Буссакъ не усомнилась въ ней; она только замѣтила сыну, что смѣшно и неприлично сажать къ себѣ за сѣдло служанку; что это обычай мелкаго тамошняго мѣщанства, которымъ не годится подражать. Такъ-какъ она, казалось, болѣе принимала къ сердцу это неприличіе, нежели несчастіе,

етѣ, случившемся съ Жанною, то Гильдонъ съ досадою высказалъ, что Жанна — равна ему во всехъ отношеніяхъ, и что она удивляется разницѣ, которую, слѣдуя свѣтскимъ предразсудкамъ, хотѣтъ установить между однимъ лицомъ и другимъ. Госпожа де-Бустакъ нашла, что это похоже на возмущеніе, избрала его, еще пошлакала и не могла убедить его дослушать до конца ея повѣдь.

— Милая маменька, сказала она ей: — есть одна вещь, которая беспокоитъ меня несравненно-болѣе: это несчастіе, случившееся съ моею мелочной сестрою, съ вашей крестницею, съ этими другими, съ этой дочерью нашего семейства, съ которою я никогда не буду въ состояніи обращаться какъ съ служанкой, ни почитать ее за служанку, послѣ всѣхъ заботъ ея обо мнѣ во время моей бѣлѣзи. Позвольте мнѣ сходить освидѣнаться о ея здоровьи и отложить до завтра нашъ споръ о высотѣ моего званія и прелестьхъ моей персоны. Дѣйствительно, я очень-дурно сдѣлалъ, что посадилъ Жанну къ себѣ на лошадь, потому-что имѣлъ несчастіе уронить ее. Признаюсь вамъ, это единственный поступокъ, въ которомъ я горько раскаиваюсь.

Нѣсколько минутъ спустя, госпожа де-Бустакъ, Гильдонъ, Марі, Артуръ и докторъ собрались около Жанны, перенесенной; по приказанію Марі, въ ея комнату и удивлявшейся ихъ безпокойству. Ему удивлялся также и докторъ. Жанна не помнила откуда она упала и считая истиною то, что рассказывали о случившемся съ нею, припоминала ясно, однако, что она упала на ноги, на твердую землю, потомъ на колѣни и осталась како-бы спавшею, сколько времени — она не могла опредѣлить:

— Боже мой! да это маленькое отъщепеніе; удиліеніе, можетъ-быть страхъ. Она ни на что не жалуется: стало-быть, не ушиблась; стало-быть, стаять не стоитъ и заниматься.

— Милостивый государь; сказалъ сэръ Артуръ; отъеди его въ сторону: — это паденіе важнее, нежели какъ представлять его себѣ Жанна. Когда лошадь испугалась, они были на краю тульской дороги, въ самомъ крутомъ мѣстѣ. Жанна упала съ высоты около тридцати футовъ, правда, на траву, но она была безъ чувствъ около четверти часа и съ-тѣхъ-поръ не можетъ еще хворьничать обмятоваться. Она едва знаетъ гдѣ она и что съ ней случилось.

— Это изменить въпрямь; сказалъ докторъ, и я тотчасъ же пусти ей кровь. Въ подобныхъ случаяхъ, всегда надобно снѣгать перемѣну смѣшаннаго мозга, разрыть оболочку сердца; отрясѣнн мозга.

Послѣ промученій, Жанна мало-по-малу получила наступившій мозгъ лица и векоръ устнула на постель, которую прикѣтила при-

готовить ей Марі рядомъ съ своею. Безпокоясь о здоровьѣ своей «милей пастушки», какъ она ее называла, она не хотѣла подинуться ни на минуту: Сэръ Артуръ, бывшій здоровье Гильёма, за сильными движеніями котораго всегда слѣдовала большая слабость, и не думалъ ложиться спать. Онъ часто на-щипочнахъ приходилъ въ корридоръ, прислушиваясь къ малѣйшему звуку, и тогда только успокоился, когда на зарѣ увидѣлъ Жанну, выходящую изъ комнаты своей *милашки*, чтобъ подышать полевымъ воздухомъ. Жанна думала, что и онъ также только-что всталъ, и, предельная вѣрять, что онъ женатъ, не чувствуя больше къ нему никакой недовѣрчивости, она отъ всего сердца пожала ему руку, благодаря за все, что онъ для нея сдѣлалъ.

— Развѣ вы обо всемъ вспомнили? спросилъ онъ ее.

— Да, да, сударь, нынѣшнимъ утромъ я обо всемъ хорошо вспомнила. Но все равно, все-таки нужно будетъ говорить такъ, какъ вы говорили вчера. Это все устроиваетъ и избавляетъ г. Марсилья отъ дурной исторіи.

— Такъ вы прощаете этому злому человеку, Жанна?

— Богъ приказываетъ все прощать, и къ-тому же, г. Марсилья не золъ. Онъ немножко-глупо хотѣлъ посмѣяться надо мною. Вы знаете, это молодой человекъ, у котораго дурныя манеры. Онъ всегда хочетъ цаловать дѣвушекъ. Я этого не хотѣла и, увѣряю васъ, принудила бы его отстать. Я сильнѣе, нежели онъ думаетъ, и онъ никогда не поцаловалъ бы меня. Но онъ забавлялся тѣмъ, что заперъ меня въ своей комнатѣ и рассказывалъ мнѣ всякаго рода сказки, чтобъ помѣшать мнѣ выйти. Подумаютъ, пожалуй, будто-бы онъ хотѣлъ, чтобъ обо мнѣ пошли дурныя слухи, продержавъ меня тамъ цѣлую ночь. Зато, узнавъ вашъ голосъ и голосъ крѣстнаго, я очень обрадовалась. Но, мнѣ кажется, онъ какъ-будто хотѣлъ застрѣлить за меня васъ обонхъ? Онъ взялъ свое ружье, и сказалъ мнѣ: «Если ты не хочешь показать, что находишься здѣсь по согласію со мною, я раздроблю голову Англичанину.» Я не хотѣла несчастья; въ эту минуту онъ былъ какъ сумасшедшій и то, что вы говорили ему черезъ дверь, до того сердило его, что онъ сказалъ мнѣ очень-жесткія и очень-злыя слова. Тогда, съ одной стороны, страхъ, чтобъ онъ въ гнѣвъ не сдѣлалъ дурнаго дѣла, съ другой стыдъ, что вы меня тамъ найдете и что мнѣ нельзя будетъ защититься отъ того, что онъ вамъ про меня скажетъ,—все это заставило меня выброситься въ окно. Окно было такъ узко, что я едва могла пролѣзть къ нему; но съ некоторыми усиліемъ я до этого достигла. Онъ мнѣ правду говорилъ, что окно высока. Я уже прежде хотѣла въ него выскочить: онъ сказалъ мнѣ, что я ушибусь до смерти. Но

я лучше хотѣла умереть, чѣмъ быть причиною смерти крѣстнаго и вашей. Къ-тому же, все это была ложь. Онъ не хотѣлъ дѣлать вамъ зла, теперь я въ этомъ совершенно увѣрена, и окно не было такъ высоко, потому-что я не ушиблась, и еслибъ меня не ослабили кровопусканиемъ, я была бы какъ всегда. Все-равно, я очень-рада, что все это уже кончено, и теперь я иду въ поле. Я была очень-проста, повѣривъ всемъ вздорамъ, которые мнѣ вчера наговорили. Я очень-хорошо вижу, что крѣстный и крѣстная также добры ко мнѣ и что миладка моя все меня любитъ. Меня ненавидитъ только госпожа Шармуа, за что — не знаю; я всегда служила ей какъ-нельзя-лучше, ей и ея дочкѣ.

Сэръ Артуръ хотѣлъ узнать отъ Жанны, что происходило между ею и госпожою де-Шармуа; но ему должно было угадывать это изъ робкихъ и неполныхъ отвѣтовъ молодой дѣвушки, до-того стыдливой и гордой, что она не могла употреблять выраженія, которыми оскорбляла ее подпрефекта.

— Милая моя, говорила подпрефектшѣ госпожа де-Буссакъ, пивъ съ нею шоколадъ въ своей спальнѣ, куда рано пришла г-жа де-Шармуа, любившая лакомиться на чужой счетъ:—вы ни въ чемъ не успѣли. Я не знаю, что вы придумали сказать Гильйому вчера вечеромъ, но въ вашемъ секретѣ не было нисколько здраваго смысла. Гильйомъ влюбленъ въ Жанну больше чѣмъ когда-либо. Мои дѣти оба питаютъ къ этой дѣвушкѣ смѣшную страсть; видите, что Гильйомъ гонялся за нею какъ сумасшедшій. Она едва не сломила себѣ шею, и это увеличило его безуміе. Моя дочь дошла до того, что положила ее въ своей комнатѣ! Если я позволю себѣ замѣчаніе, то дѣти, экзальтированныя, не знаю по какому случаю, готовы возстать противъ меня, и, что еще хуже, противъ всего общества. Они кидаютъ мнѣ въ лицо заслуги и добродѣтели Жанны; я, я слаба, и во глубинѣ души люблю ее, эту Жанну. Я никогда не забуду, что она спасла моего сына. Когда вы вчера прогнали ее, я сердилась на васъ; я, думаю, немного сердита и нынѣшнимъ утромъ, потому-что вы сдѣлали зло всемъ и ничему не помогли.

— Что дѣлаетъ Гильйомъ нынѣшнимъ утромъ? спросила съ видомъ спокойнаго торжества толстая подпрефекта.

— Онъ спитъ.

— Ужъ девять часовъ, а онъ спитъ еще? А ночью спалъ ли онъ?

— Кадѣ, по моему приказанію, провелъ ночь въ его комнатѣ, хотя онъ не зналъ того, и увѣряетъ, что онъ спалъ какъ-нельзя-лучше.

— Э! возразила г-жа Шаруа: — если онъ такъ хорошо спитъ, то вылетѣлся отъ своей любви.

— Вы надѣетесь?

— Даю вамъ честное слово; вчера я сказала ему магическія слова... Онъ гонялся за Жанной, это очень-просто; онъ обращается съ Жанной какъ съ равной себѣ: это должно было случиться. Онъ хочетъ, чтобъ ее любили и уважали, я этого ожидала. Но онъ больше не влюбленъ и женится на Эльвирѣ, когда мы захочемъ.

— Я васъ не понимаю.

— Вы не догадываетесь? Такъ надобно помочь вамъ. Передъ вашимъ замужствомъ, кормилица Гильёма была служанкой въ этомъ домѣ. Она была прекрасна, я это помню; можетъ-быть, она была цѣломудренна, я объ этомъ вовсе не забочусь; послѣ двухъ или трехъ лѣтъ замужства, вы стали ревновать ее къ мужу: вы могли ошибаться... но наконецъ, Жанна могла быть дочерью вашего мужа и сестрой Гильёма.

— Праведный Боже! такъ эту-то сказку рассказали вы моему сыну?

— Отъ-чего жъ и не такъ?

— Но это бессмыслица, это ложь! Г. де-Буссакъ былъ въ арміи и ни разу не видалъ Тюлы до рожденія Жанны.

— Мнѣ что до этого за дѣло? Кто дастъ эти подробныя свѣдѣнія Гильёму? Самъ онъ такъ деликатенъ, что не будетъ собирать справки. Я ему сказала только одно слово, полслова,—и онъ угадалъ.

— Но вы клеветаете на память честной женщины!

— Честь тѣтки-Тюлы? Большое несчастье! Вы похожи на своихъ дѣтей, моя милая!

— Но вы обвиняете въ проступкѣ отца Гильёма! Вы унижаете моего мужа во мнѣніи его сына!

— Чѣмъ же? Еслибъ я сказала, что Жанна ваша дочь, это было бы совсѣмъ-другое дѣло. Но моя догадка какъ-нельзя-лучше приходилась къ тому положенію, въ которомъ былъ Гильёмъ. Я объ этомъ мечтала, ораторствовала. Предметъ былъ для этого удобенъ! Гильёмъ влюбленъ въ крестьянку... Также влюбленнымъ могъ быть и отецъ его. Гильёмъ готовъ былъ уступить своимъ желаніямъ... Отецъ его уступилъ имъ. Мораль выходила та, что отъ подобныхъ связей происходятъ бѣдныя дѣти, которыхъ воспитываютъ въ домѣ, которыя, не выныче завтра, впадаютъ въ бѣдность, которыя подвергаются опасности паденія, могутъ встрѣтиться съ своими братьями и... На это Гильёмъ вскричалъ: «Благодарю, благодарю васъ, сударыня! этого очень-довольно. Я вылетѣлся; вы

сдѣлали мнѣ большое одолженіе. Но пусть мать моя не знаетъ этого; пусть она будетъ убѣждена въ вѣрности моего отца. Бѣдный отецъ! имѣю ли я право укорять его, когда самъ едва не сдѣлалъ того же? и пр. и пр. Ну же, Элли, улыбнись немного и поблагодари меня!

Госпожа де-Буссакъ не заставила долга просить себя, чтобы улыбнуться, и кончила тѣмъ, что стала удивляться г-жѣ Шармуа и благодарить ее.

— Если я васъ одобряю, сказала она ей: — то съ услешивъ, чтобъ вы обѣщали мнѣ вскорѣ вывести Гильюма изъ заблужденія, оказавъ ему, что вы ошиблись на-счетъ мнимаго родства его съ Жанною.

— Хорошо! хорошо! сказала г-жа Шармуа: — когда онъ будетъ нужеиъ Эдвиры и когда Жанна будетъ очень-далеко. Если же, вопротивъ того, вы оставите ее здѣсь, то будьте увѣрены, Гильюмъ всегда будетъ считатьъ себя ея братомъ, что я достану доказательства, свидѣтелей, если будетъ нужно.

— Въ васъ сидитъ дьяволъ! сказала госпожа де-Буссакъ,

Между-тѣмъ, Гильюмъ, проснувшись, позвонилъ, чтобъ узнать о здоровьи Жанны. Велико было удивленіе его, когда онъ узналъ, что она пасетъ свовъхъ коровъ, какъ-будто ничего не случилось. Онъ побѣжалъ къ сестрѣ и такъ говорилъ ей:

— Марі, мечта нашего друга о счастіи должна наконецъ осуществиться. Должне также, чтобъ участь Жанны была возвышена, такъ же какъ возвышена душа ея. До-сихъ-поръ, Гарлой былъ робокъ, Жанна подозрительна или недоверчива, а мы, мы были слабы и нерѣшительны. Время выйти изъ нашего нейтралитета. Время стараться открыто и дѣятельно сблизить эти два сердца, созданныя понимать другъ друга, и эти два существованія, которыя, если прѣмотрѣть на нихъ безъ предубѣжденія, кажется, созданы другъ для друга.

— Ты пугаешь меня, отвѣчала Марі:— я ничего не конижаю въ тѣхъ, что вчера случилось, потому-что узнала случайно, но изъ вѣрнаго нетонника, что тѣтка Жанны вовсе не больна. Стало-быть, съ ея стороны это былъ только предлогъ, чтобъ насъ оставить. Должно быть что-нибудь не понравилось ей въ насъ и очень огорчало ее. Мнѣ кажется, ее заставили покинуть насъ всѣ эти слухи о замужствѣ, распространившіеся противъ нашей воли. Ты успѣлъ привестъ ее къ намъ опять. Какъ я тебя благодарна, другъ мой! потому-что чувствую, что не могу больше жить безъ Жанны. Я люблю ее, Гильюмъ, люблю, какъ-будто-бы она была сестра моя! И если ты хочешь, я скажу тебѣ, что вчера вечеромъ, когда я съ безпокойствомъ ожидала васъ, мнѣ приходили въ голо-

ву тысячи романтических желаний, тысячи безумных мечтаний. Поверьшь ли, мнѣ противъ воли приходило на мысль намѣривше покинуть свѣтъ, сбросить съ себя званіе, которое тяготитъ меня, убраться отсюда, надѣть сабо и стеречь козъ вѣсть съ Жанной на эи-нелльскихъ пугтырахъ? Да, у меня была эта пріятная мечта, и я на поклонюсь, что никогда не приведу ея въ исполненіе, если мнѣ придется жить здѣсь, вдали отъ моей прелестной пастушки, отъ моей Жанны д'Арку, героини всѣхъ неизданныхъ жемъ, которыя я уже годъ ношу въ головѣ и въ сердцѣ!

— Милая Марі, милая мечтательница! отвѣчалъ молодой баронъ, улыбаясь, съ растроганнымъ видомъ: — твоя мечта осуществится безъ потрясеній, безъ гласности и безъ горя для людей тебѣ близкихъ. Жанна выйдетъ замужъ за сара Артюра; они будутъ жить близъ насъ, съ нами. Они купятъ необработанныя земли, удобрятъ ихъ мало-по-малу, и ты долго еще будешь бродить на этихъ земляхъ съ твоей прелестной пастушкой, распѣвая сельскія пѣсни и глядя, какъ бѣгаютъ молодые козлята. Тебѣ даже можно будетъ, въ дождливые дни, ѡчентъ сабо и считать себя пастушкой. Но, чтобъ все это случалось поскорѣе, мы должны поспѣшить привести Жанну къ той довѣренности, которую она должна имѣть къ намъ. Надобно, чтобъ она знала, что здѣсь никто не хочетъ обольщать ее, но что честный человекъ хочетъ на ней жениться. Въ-особенности надобно, чтобъ она кинула своихъ коровъ и провела нынѣшній день въ своей комнатѣ, съ нами тремя. Наконецъ, надобно, чтобъ нынѣшнимъ же вечеромъ былъ окончательно рѣшенъ этотъ странный, но счастливый бракъ, такъ, чтобъ сэръ Артюръ серьезно могъ просить руки Жанны у нашей матушки, ея крѣстной матери и съответной покровительницы.

— О! сказала Марі: — у меня бьется сердце, и мнѣ страшно проснуться отъ такого пріятнаго сновидѣнія!

Трудно описать настоящее и продолжительное удивленіе Жанны, когда, въ то время, какъ она сидѣла въ комнатѣ Марі, между своей дорогой миладшкой и своимъ крѣстнымъ, съ жаромъ съ ней говорившимъ, сэръ Гарлей, согнувшись и почти ставъ передъ нею на колѣни, просилъ у ней согласія на замужство. Трудно было побѣдить ея скромную недовѣрчивость и дѣйствіе, произведенное въ ней выдумками госпожи Шармуа. Однако, когда Артюръ далъ ей честное слово, что онъ никогда не будетъ женою и когда крѣстный Жанны и ея миладшка перутились за добросовѣтность ихъ пріятеля, она сдѣлалась серьезна, задумалась, скрестила руки на колѣнѣ, наклонила голову и ничего не отвѣчала. Казалось, она ничего больше не слыхала и внутренне молилась, чтобъ получить отъ неба свѣтъ и вдохновеніе. Никогда не была

она такъ прекрасна, и Марсилья, часто сравнивавшій ее съ Гала-теєю, сказалъ бы, что она въ первый разъ только-что получила огонь жизни.

Но этотъ взрывъ былъ непродолжителенъ. Мало-по-малу, Жанна сдѣлалась блѣдна, какъ была наканунѣ, послѣ своего паденія. Остановившіеся глаза ея потеряли свой блескъ, и уста снова приняли обычное выраженіе скромности и твердости.

— Ну! Жанна, сказала Марі, тряся ее какъ-бы для того, чтобъ пробудить отъ мечтаній: — развѣ ты не хочешь быть счастливою?

— Драгоценная моя, отвѣчала Жанна, палуя ей руки:—вы желаете мнѣ больше счастья, нежели самимъ-собою и я люблю васъ такъ же, какъ любила покойную мать свою. Посудите же, какъ желала бы я сдѣлать вамъ удовольствіе! Вы, крѣстный, вы дѣлаете все, чтобъ утѣшить меня отъ небольшого огорченія, которое мнѣ нанесли, и о которомъ, увѣряю васъ, я уже забыла. Будьте увѣрены, я имѣю къ вамъ столько же довѣренности, сколько къ вашей сестрицѣ. Чтѣ же до васъ, сударь, сказала она сѣру Артуру, взявъ его дружески за руку: — я очень вижу, что вы прекрасный человѣкъ, добраго сердца и истинный христіанинъ. Я чувствую къ вамъ столько же дружбы, какъ-будто-бы вы не были Англичаниномъ. Не подумайте же, чтобъ я имѣла что-нибудь противъ васъ. Но такъ же, какъ справедливо, что я называюсь Жанной и что Богъ добръ, справедливо и то, что еслибъ я и желала выйти за васъ замужъ, то мнѣ это запрещено. Не сердитесь на меня и не думайте, что мнѣ пріятно отказать вамъ; я сказала бы, что это для меня горе, еслибъ только не грѣшно было говорить, что мы недовольны, исполняя волю Божию.

— Жанна, сказалъ сѣръ Гарлей: — я не знаю вашихъ причинъ, но, кажется, угадалъ ихъ. Вчера я цѣлый день говорилъ съ г. Аленомъ и хотя онъ не измѣнилъ вѣренной ему вамъ тайны, но далъ мнѣ понять, что вы находитесь подъ вліяніемъ религіозныхъ сомнѣній. Я полагаю, что сама религія можетъ прекратить эти неосновательныя сомнѣнія. Позвольте мнѣ привезти къ вамъ завтра тульскаго священника, чтобъ онъ переговорилъ съ вами и окончательно рѣшилъ, должны ли вы отказать мнѣ, или позволить надѣяться.

— Я очень-рада увидѣть опять г. Алена, сказала Жанна. — Это добрый священникъ и справедливый человѣкъ; но онъ только священникъ и ничего не можетъ измѣнить въ томъ, чѣмъ мы обязаны Богу. Пригласите его, сударь, если вамъ угодно. Я буду сколько хотите говорить съ нимъ. Но не думайте, чтобъ это заставило меня рѣшиться на замужство. Выслушавъ меня, г. Аленъ скажетъ вамъ то же, что говорю и я, — я не могу выйти замужъ.

— Жанна, надѣюсь, что ты ошибаешься, сказала дѣвица де-Буссажъ:—и твой священникъ заставитъ тебя переменить намѣреніе. Ты очень-блѣдна, моя милая пастушка, и я боюсь, не насилуешь ли ты своего сердца, отказывая.

Жанна слегка покраснѣла и потомъ поблѣднѣла еще больше.

— У меня невозможно болить голова, сказала она: — я не могу оставаться такъ, безъ заботы, въ запертой комнатѣ. Видите ли, сэръ Гарлей, что изъ меня вышла бы пресмышная дама! Позвольте мнѣ идти къ моему дѣлу, милашка.

X.

ЗАВЛЮЧЕНІЕ.

Предметъ и результатъ разговора Жанны и трехъ друзей ея остались тайною. Жанна явилась опять въ замокъ только по заходженіи солнца.

— Никогда не видывалъ я такой дѣвушки, говорилъ Каде, когда она возвратилась: — она почти при смерти, а все работаетъ! Такъ ты хочешь очень-скоро доконать себя, дрянная Жанна?

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь это, дрянной Каде? улыбаясь отвѣчала Жанна.—Развѣ ты умираешь всякій разъ, какъ большая лошаадь моего крѣстнаго сбрасывала тебя на землю?

— Все равно, сказала Люди, смотря на Жанну: — я не знаю, упала ты или нѣтъ, не знаю, гдѣ ты была вчерашнимъ вечеромъ, но лицо твое и губы бѣлы, какъ полотно; и еслибъ ты такъ осталась, тебя всѣ стали бы пугаться. Ты похожа на большую фалу.

На слѣдующее утро, Жанна опять отправилась въ поле. Но она призналась Люди, что не смыкала глазъ цѣлую ночь. Дѣвица де-Буссажъ опять положила ее въ своей комнатѣ, и Жанна, чтобъ не разбудить своей дорогой барышни, лежала тихо и молча, не смотря на мучительную бессонницу. Впрочемъ, она увѣряла, что у ней только немножко болить голова. Можетъ-быть, Жанна была такъ создана, что могла геройски переносить страданія. Можетъ-быть также, у ней была одна изъ тѣхъ исключительныхъ организацій, столь совершенныхъ, что физическая боль, кажется, не имѣетъ надъ ними власти. Докторъ, разспрашивавшій ее утромъ, насколько-обезпокоенный ея блѣдностью и не доверяя спокойствію ея отвѣтовъ, спросилъ у Люди, что она объ этомъ думаетъ.

— Ахъ, что дѣлать, сударь! отвѣчала она:—есть люди, которые

жалуются, есть друзья, которые не жалуются. Жанна шеп глѣхъ, которые никогда ничего не говорятъ. Вы знаете! Никогда нельзя сказать, точно ли они не больны или не чувствуютъ своей болѣзни.

Гильйомъ и Артюръ до разсвѣта сѣли на коней, чтобы ѣхать къ тульскому священнику пригласить его на завтракъ въ замокъ. Сперва это утро назначено было для встрѣи Марсилья и сэра Гардея. Но какунѣ вечеромъ, Марсилья присоудилъ нарочнаго сказать, что ему удобно *отвѣчать* въ своемъ процессѣ, и что ему можно будетъ отвѣтить Герѣ только черезъ два дня, когда онъ проиграетъ или выиграетъ дѣло. Физическая храбрость Марсилья и умъ его владѣть всякаго рода оружіемъ были извѣстны, такъ что онъ не могъ бояться обвиненія въ нерѣшительности или въ произвольной медленности, и дѣйствительно, онъ горько нетерпѣніемъ встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ сэромъ Артюромъ. Но онъ думалъ, что эта дуэль и обстоятельства, подавшія къ ней поводъ, вскорѣ разнесутся въ мѣль, что будутъ ворочать его поведение, что, можетъ-быть, будутъ смѣяться надъ нимъ, — а этого опасался онъ гораздо больше Рагѣ. Этотъ негодяй, долго старавшійся услуживать ему противъ его воли, въ надеждѣ награды, увидѣлъ, что корыстолобивыя мечты его обмануты отвращеніемъ и презрѣніемъ къ нему адвоката. Онъ былъ раздосадованъ тѣмъ, что Марсилья воспользовался его уязвимости, на заплатилъ за нихъ, и такъ-какъ онъ бродилъ въ темнотѣ между скалами горы Барло въ то время, когда Леонъ угрожалъ Жанну идти въ Монбра, то, можетъ-быть, онъ слышалъ, какъ отсылался объ немъ адвокатъ. Онъ обратился противъ него столько же изъ мщенія, сколько изъ кары, и убѣждалъ его, отсаживъ слѣдствій его досады, но Леонъ никогда не знаетъ. Онъ предполагалъ, что Жанна на-секрету намаловалась на него искутъ житьямъ замка Буссакъ, что всѣ они осуждали его, что скоро цѣлый городъ будетъ надъ нимъ смѣяться, и, не будучи въ состояніи смѣять съ себя своего, какъ онъ называлъ, *l'aise*, онъ по-крайней-мѣрѣ хотѣлъ перевѣсить его огромнымъ ораторскимъ уездомъ. У него на рунахъ было важное дѣло; онъ старался защищать его, выспрашивать его блистательнымъ образомъ и скрыть, какъ говорилъ онъ, раны своего самолюбія подъ завражи славы.

Гильйомъ, весь занятый Жанной и Артюромъ, казался, забылъ о Марсилья. Онъ скрывалъ противъ него болѣе яростныя проекты мщенія, нежели Артюръ, но скрывалъ ихъ, соперничая въ благородствѣ съ тѣмъ, котораго считалъ уже своимъ братомъ и котораго, съ своей стороны, постоянно оставался при томъ же неизреченнѣ спастись жизни своего друга, кинувшійся первымъ на бой, алчнаго-опасный для нихъ обманъ.

После завтрака, медалье люди ушли г. Алена, подь видячи прогулки, на лугъ, и въ то время, какъ Артуръ, Гилльомъ и Марри старели, чтобъ не пришли мѣшать имъ обѣ Шармуа, добрый тульскій священникъ за скалами разговаривалъ съ Жанной. Г. Аленъ въ уединеніи успѣлъ утишить бурю своихъ мыслей. Онъ рылся во всѣхъ трюнахъ тульской горы и на нашолъ минеральнаго источника, заваленнаго паршею жадонъ. На тѣмъ съ болѣею страстію желалъ онъ этого открытія, и, роясь въ землѣ, собиравъ монеты и легенды, дѣлался совершеннымъ антикваріемъ, тогда-то вовсе забылъ свою молодость и ея грустныя водненія. Онъ уже съдѣлъ, в будучи тридцати-двухъ лѣтъ, имѣлъ всю нѣружность старика. Марциуаская дихоралка также придава важности манерамъ и грусти мыслямъ бѣднаго и честнаго пастыря.

— Дочь моя, говоритъ онъ Жаннѣ: — ты дала обѣтъ чистоты, нищеты и смиренія, я это знаю; но...

— Тутъ нѣтъ *но*, г. аббатъ, отвѣчала Жанна.— Это обѣтъ, который дать мнѣ приказала покойная мать моя, когда мнѣ было еще пятнадцать лѣтъ, и который вы мнѣ потомъ позволили возобновлять ежегодно на праздникъ пасхи, принимая мою исповѣдь.

— Да, дитя мое; первый обѣтъ носилъ отчасти слѣды язычества; ты поклялась на эп-нелльскомъ камнѣ, а это жертвенникъ, святости котораго я не могу признать. Такимъ-образомъ, этотъ первый обѣтъ въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой силы и не связываетъ тебя, тѣмъ болѣе, что главная причина его была воображаемая и совершенно-пустая. Теперь ты знаешь это.

— Причина, причина, г. священникъ!.. это была не дурная причина. Мать моя думала, что фады горы Барло желали мнѣ зла, потому-что положили мнѣ въ руку эти три монеты; она говорила, что мнѣ, для избѣжанія этого зла, надобно было дать три обѣта Пресвятой Дѣвѣ: обѣтъ нищеты за положенный мнѣ лундоръ; обѣтъ чистоты за большой эку; обѣтъ смиренія за монету въ пять су... Вотъ какъ это случилось... Я ничего не хочу перемѣнять въ этомъ.

— Но ты не понимала этихъ обѣтовъ? Ты была ребенкомъ.

— О! да, я ихъ хорошо понимала!

— Но ты это дѣлала изъ покорности къ матерѣ!

— Мнѣ было пріятно ея слушаться и въ то же время быть угодною Пресвятой Дѣвѣ, быть похожею на великую-пастушку, которая черезъ свои обѣты слѣдала чудо: выгнала Англичанъ изъ нашей земли.

— Ты думала также, что она поможетъ тебѣ отыскать кладъ и поймать золотого быка.

— Она помогала же великой-пастушкѣ завосыывать города и

выигрывать сраженія! Она могла и мнѣ помочь найти золотую трещину, которая должна обогатить всѣхъ живущихъ на землѣ. Я этого желала не изъ жадности, г. священникъ, потому-что для себя я дала обѣтъ нищеты,—и не для того, чтобъ найти себѣ мужа, потому-что я дала обѣтъ дѣвства, — не для того даже, чтобъ заставить говорить о себѣ, потому-что я дала обѣтъ смиренія и хочу остаться пастушкой.

— Но теперь, Жанна, всѣ эти мечты о кладѣ, о войнѣ противъ Англичанъ и о всеобщемъ богатствѣ, такъ долго баюкавшія тебя, должны исчезнуть. Ты видишь, что объ этомъ нечего больше думать и ты была бы, можетъ-быть, счастливѣе и сдѣлала бы лучше, еслибъ вышла замужъ за человѣка богатаго, человѣколюбиваго и благодѣтельнаго, который обработалъ бы наши земли, сдѣлалъ здоровѣе нашу страну и составилъ бы счастье ея жителей, заставляя ихъ трудиться.

— Я этого не знаю, г. священникъ. Все можетъ быть, и если это такъ, то очень радуюсь добрымъ намѣреніямъ этого человѣка. Но не могу нарушить своего обѣта. Я дала его съ полною свободою воли, и какъ-бы вы ни говорили, что три монеты достались мнѣ отъ трехъ господъ, а не отъ трехъ фадъ, что по этому причина обѣта ничтожна,—я говорю, что самый обѣтъ остается въ своей силѣ, и что такими предметами не шутятъ.

— Не дай Богъ, чтобъ я посоветовалъ тебѣ шутить ими! Общанія, данныя Богу нашей совѣстью, въ тысячу разъ святѣе тѣхъ, которыя мы даемъ людямъ. Но есть дерзкіе обѣты, которые церковь не признаетъ имѣющими силу и которые отвергаетъ Богъ, когда причина ихъ ничтожна или преступна.

— Преступна, г. аббатъ? Когда мой обѣтъ имѣлъ цѣлю доставить счастье всѣмъ бѣднымъ, какіе только живутъ на землѣ!

— Согласись, что основаніемъ твоего обѣта было заблужденіе, грубое суевѣріе. У тебя сердце удивительно-доброе, намѣреніе твое было превосходно; но умъ твой, Жанна, не образованъ, и повѣрь, что я немножко-больше тебя знаю въ дѣлѣ совѣсти.

— Однако, г. аббатъ, когда вы позволили мнѣ возобновить обѣтъ въ церкви, стало-быть вы считали его хорошимъ!

— Я и до-сихъ-поръ считаю его такимъ; но тѣмъ не менше причина обѣта ничтожна. Въ то время, я не зналъ столько, сколько теперь знаю о тульскихъ суевѣріяхъ; а вы все имѣете обычай исповѣдываться метафорами, такъ-что думаешь иногда, что вы говорите о Богѣ, тогда-какъ вы говорите о дьяволѣ.

— О нѣтъ! г. священникъ, сказала Жанна, нѣсколько разсердившись:—я не почитаю дьявола!

— Я не говорю этого, моя добрая Жанна; но говорю, что те-перь церковь можетъ снять съ тебя весь твои обѣты.

— Церковь, г. аббатъ? Церковь Туль-Сент-Круа?

— Нѣтъ, дѣтя мое, римская церковь.

Жанна съ покорнымъ видомъ потупила глаза. Она часто слыжала отъ своего священника о римской церкви; но это слово представляло для нея, такъ же какъ и для другихъ крестьянъ, только понятіе о прекрасномъ зданіи, предметъ особаго почитанія, въ которое могли зайти на богомолье одни богатые.

— Я очень вѣрю въ силу римской церкви, сказала она: — но какъ бы то ни было, нѣтъ церкви, которая была бы выше Бога.

Священникъ старался истолковать свои слова. Онъ сталъ говорить о папѣ. Крестьяне слышать иногда и о папѣ. Они зовутъ его *великимъ* священникомъ, и Жанна не могла привыкнуть называть его иначе.

— Я дала свои обѣты не *великому священнику*, такъ же, какъ не римской церкви и не тульской церкви святаго Марсіала, сказала она: — но Богу небесному, Пресвятой Дѣвѣ и моей покойной матери. Она не всегда такъ говорила, какъ вы, г. священникъ, и на счетъ обѣтовъ всякій день повторяла, что они даны мною на всю жизнь, и что для меня лучше умереть, нежели измѣнить имъ.

Священникъ говорилъ еще о главѣ церкви, о преемникѣ апостоловъ, получившемъ ключи съ неба и власть связывать и разрѣшать души на землѣ. Жанна была удивлена, даже нѣсколько, противъ своей воли, оскорблена тѣмъ, что г. Алень приписывалъ столько власти человѣку.

— Все это не переизмѣнить того, сказала она, въ чемъ я поклялась на эп-нелльскомъ камнѣ въ то время, какъ тамъ лежало тѣло моей бѣдной матери, и догаралъ домъ нашъ, — поклялась никогда не измѣнять своимъ обѣтамъ, никогда не выходить замужъ и даже никогда не цаловать мужчины изъ любви. Видите ли, г. аббатъ, что душа моей матери придетъ упрекать меня, великая Дѣва отниметъ у меня свое покровительство, и Господь Богъ накажетъ меня. Чтò однажды сдѣлано, того нельзя переизмѣнить, и бесполезно о томъ думать.

Ничто не могло поколебать святой и фанатической рѣшимости Жанны; г. Алень, спрашивавшій ее еще болѣе для того, чтобы испытать ее, нежели чтобы убѣдить, оставилъ ее, проникнутый къ ней удивленіемъ, которое онъ сообщилъ молодымъ друзьямъ своимъ, но которое не помѣшало сѣру Артуру впасть въ глубокую грусть. Онъ подошелъ къ Жаннѣ, взглянулъ на нее долгимъ и грустнымъ взоромъ и удалился, не сказавъ ни слова, рѣшившись

уважать ее вѣру и, если odstать силы, продолжать свою любовь.

Священникъ простился съ госпожою де-Буссакъ, которая, не зная настоящей причины его посвященія, нашла его чрезвычайно забавнымъ и оригинальнымъ. Она хотѣла заставить его еще говорить объ этимологій, но никто больше не помогаль ей. За часъ передъ тѣмъ надежда на успѣхъ придавала веселость друзьямъ Жанны; теперь они тщетно старались улыбнуться.

Г. Алень собирался домой, и уже подвели ему къ крыльцу лошади; когда Марі вышла изъ свою комнату, чтобъ взять тамъ книгу, которую ему обещала. Она нашла Жанну стоящую на кофѣнкахъ за ея нагосемъ, блѣдную какъ алебастровая статуя Мадонны, передъ которой она молилась, съ открытыми, какъ-будто безцвѣтными глазами, со сложенными руками, оцѣпенѣлую, наклоненную впередъ всѣмъ тѣломъ. Оцѣпенѣлость ея взгляда и тѣла испугала дѣвицу де-Буссакъ.

— Жанна! вскричала она, что съ тобою? отвѣчай мнѣ; о чемъ ты думаешь? не больна ли ты? Слышишь ли ты меня?

Жанна оставалась неподвижною, съ полуоткрытыми устами. Марі дотронулась до нея — она была холодна какъ ледъ, и члены ея были тверды, какъ у статуи. Все сбѣжались на крикъ дѣвицы де-Буссакъ. Сперва думали, что Жанна умерла. Докторъ былъ недалече; онъ еще разъ пустиль ей кровь, и Жанна опомнилась. Но она сдѣлала знакъ, что хочетъ тайно говорить съ священникомъ, и когда ее просили подождать говорить, потому-что она была еще очень-слаба, она произнесла невнятнымъ голосомъ:

— Это мнѣ приказано свыше.

Когда все удалились, Жанна сказала г. Алену голосомъ до того тихимъ, что онъ едва могъ слышать:

— Я чувствую себя нездоровою и легко могу умереть; хочу извѣдываться вамъ, г. аббатъ, какъ только могу... Вы знаете... этого Англичанина? гдѣ онъ? я объ немъ думала, я объ немъ думала слишкомъ-часто.

— Разумѣется, противъ собственной воли, дочь моя!

— О! разумѣется. Но я не могла заставить себя не думать, и особенно со вчерашняго дня, всю ночь онъ былъ у меня передъ глазами. Смертный ли это грѣхъ, г. священникъ?

— Разумѣется, нѣтъ, дитя мое. Это даже не грѣхъ, потому-что было дѣло невозможное.

— Но еще сейчасъ, въ тугу, говоря съ вами, я чувствовала какъ-бы сомнѣніе о томъ, что должна сохранить обѣтъ свой. Но то, чтобъ я хотѣла было занузить — объ этомъ я не думаю;

но мнѣ не хотѣлось бы сдѣлать такую неприятность этому господину, который такъ добръ.

— Что же! Какъ ты думаешь, Жанна? Не спросить ли мнѣ у святѣйшаго отца, чтобъ онъ разрѣшилъ тебя отъ твоихъ обѣтовъ?

— О, никогда, г. аббатъ! Да и не въ томъ дѣло: дѣло въ томъ, чтобъ успокоить мою душу. Мать моя, которая тебѣ на небѣ, безъ всякаго сомнѣнія стала бы упрекать меня за мое чувство къ Англичанину, и мнѣ стыдно, что я такъ слаба. Но когда онъ взглянулъ на меня на лугѣ, какъ-будто прощаясь со мною, взглядъ его разорвалъ мнѣ сердце. Вы должны разрѣшить меня отъ этого, г. аббатъ.

— Имѣла ли ты подобныя же чувства къ кому-нибудь другому, Жанна?

— О! нѣтъ! сударь, никогда. Мнѣ жаль было моего крестнаго, но это было не то же самое. Въ этомъ я себя не упрекаю.

— И... прости меня за вопросы, дочь моя, но въ ту минуту, какъ я готовлюсь дать тебѣ разрѣшеніе, я долженъ помочь твоей, можетъ-быть, ослабшей памяти; г. Леонъ Марсилья...

— О, этотъ... произнесла Жанна. Но она была такъ истощена, что не могла продолжать; она только улыбнулась съ ангельской кротостью, къ которой примѣшалось немножко злой женской гордости. Священникъ разрѣшилъ ее и она, казалось, заснула. Когда она пробудилась, Марі держала ее за руку; Гилльомъ, блѣдный и смущенный, стоялъ возлѣ нея на колыбеляхъ; саръ Гарлей былъ неподвиженъ, какъ парализированный. Докторъ сказалъ ему ужасныя слова:

— Болезнь опасна; эта дѣвушка легко можетъ умереть съ минуты на минуту.

Однако, казалось, Жанна преодолѣла этотъ кризисъ. Лежа на постели своей «драгоценной мишашки», которая сама за ней ходила, она, казалось, была весьма-спокойна и увѣрала, что совѣсь не больна. — Это удивляетъ меня, говорилъ докторъ: — она должна или спать, или страдать. Но никто не зналъ, какъ объяснить это явленіе. Люди уже говорили, что Жанна принадлежала къ числу тѣхъ, которые не жалуются; была ли она изъ числа тѣхъ, которые страдаютъ? Марі думала, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ существъ, которые не чувствуютъ другаго страданія, кромѣ себя-любленія о смертныхъ.

Послѣ исповѣди, Жанна, казалось, пересилила свое сожалѣніе или покинула свои сомнѣнія; она поглядѣла на сара Гарлея безъ волненія и, прощаясь съ г. Аленомъ, который долженъ былъ возвратиться до наступленія ночи въ приходъ свой, сказала ему, что душа ея

покойна. Около солнечнаго заката, она приподнялась и сдѣлала знакъ Кадѣ и Людѣ, чтобъ они подошли къ ней.

— Дѣти моя, сказала имъ она:—еслибъ я умерла, вы стали бы ходить за Фино, не правда ли?

Кадѣ отвѣчалъ одними рыданіями; Людѣ изъ глубины души воскликнула:

— Не умирай, Жанна! лучше я умру вмѣсто тебя.

— О! я не хочу умирать! сказала улыбаясь Жанна.—Ступайте, подавайте обѣдъ, дѣти мои; довольно его откладывали для меня. Крѣстный, милашка моя, вамъ должно идти кушать. Мнѣ очень хорошо, слава Богу! Вы придете ко мнѣ, если хотите, послѣ.

— Дѣ, дѣ, ступайте обѣдать, сказалъ докторъ, державшій Жанну за руку. Пульсъ хорошъ. Нынче ничего не будетъ. Сэръ Гарлей, сказалъ онъ сэру Артуру, вышедъ за нимъ въ корридоръ:—черезъ четверть часа эта дѣвушка умретъ. Дѣвица де-Буссакъ чрезвычайно-чувствительна и очень ее любитъ. Гильомъ, кажется мнѣ, сильно влюбленъ въ нее. Эти бѣдняжки такъ слабы здоровьемъ, что не должны присутствовать при подобномъ зрѣлищѣ. Уведите ихъ и не подавайте имъ никакого вида—вы человекъ спокойный и твердый. Прикажите Людѣ сойти внизъ и тамъ оставаться; она встревожитъ весь домъ своимъ крикомъ... Потомъ приходите назадъ! Можетъ быть, насъ двоихъ будетъ не слишкомъ-много, чтобъ удержать больную въ послѣднихъ ея конвульсіяхъ.

Сэръ Гарлей, убитый въ душѣ, съ совершенной точностью исполнилъ благоразумныя распоряженія доктора. Когда онъ возвращался назадъ, Кадѣ, остававшійся съ докторомъ при Жаннѣ, смѣясь, вышелъ къ нему на встрѣчу.

— О! Жаннѣ гораздо-лучше, сказалъ онъ, хлопая въ ладоши:—она поетъ. О! какъ я доволенъ! Я просто думалъ, что она умретъ!

— Ступай служить за обѣдомъ! закричалъ ему докторъ.—Видишь, что ты намъ не нуженъ. Сэръ Гарлей, прибавилъ онъ:—затворите двери и окна, чтобъ не слышно было этой агоніи, и будьте мужественны. Подобная кончина бываетъ жестока и ужасна. Это сотрясеніе мозга; кризисъ готовится... Онъ не будетъ продолжителенъ.

Страшное хладнокровіе доктора обдавало несчастнаго Артура ужасомъ и отчаяніемъ. Жанна, сидя на постели, съ посинѣвшими щеками и сверкающими глазами, ласкала свою собаку и плака сильнымъ, звучнымъ голосомъ:

— Гдѣ же зрѣя то,
Какъ вся въ бѣломъ я
У дверей своихъ сидѣла...

Но докторъ ошибся. Кошчина Жанны должна была быть такъ же тиха и спокойна, какъ жизнь ея. Голосъ ея сдѣлался тише и привалъ небесное выраженіе, напѣвая стихи другой мѣстной пѣсни:

Пролетая облаками,
Слышу смерть мою поютъ.
Надъ морскими берегами
Обо мнѣ все слезы льютъ...

— *О моя ля! о моя ля! Фино, собачка моя! моя собачка Фино! Траншь, траншь, ауле, ауле! ант сю, ант сю... вирь, вирь, вирь...*

— Боже мой, что она говорить? вскричалъ сэръ Гарлей, складывая руки.

— Она собираетъ свое стадо, чтобъ отправиться; она погоняетъ свою собаку, сказалъ докторъ: думаетъ, что она на лугу... Это бредъ.

— Сэръ Гарлей, я хочу говорить съ вами, вдругъ сказала Жанна твердымъ голосомъ. — Вы достойный человекъ, человекъ, какимъ должно быть передъ Богомъ... Моя драгоценная милашка — ангелъ небесный... Я поручаю вамъ, именемъ Бога и Пресвятой-Дѣвы, жениться на ней... Потомъ, послушайте, вы отправитесь въ Туль-Сент-Круа, соберете всѣхъ тамошнихъ жителей и скажете имъ отъ моего имени: въ землѣ есть кладъ. Онъ никому не принадлежитъ — онъ принадлежитъ всемъ. Пока каждый будетъ искать его для того, чтобъ захватить и присвоить одному себѣ, никто не найдетъ его. Тѣ, которые захотятъ раздѣлить его между всѣми людьми, тѣ найдутъ его, и тѣ, которые это сдѣлаютъ, будутъ богаче всѣхъ на свѣтѣ, хотя бы у нихъ было только пять су... какъ у меня... и какъ у святой Терезы... Вы это мнѣ скажите; это *знаніе, истинное знаніе*, которое сообщила мнѣ мать моя и которое она приказала мнѣ передать всему свѣту, когда я найду кладъ. Если они васъ не слушаются, то долго еще могутъ пѣть старую пѣсню:

— Скажи мнѣ, родная,
Что нынче Французы?
— Все такъ же, какъ были,
Все то жъ, въ нищетѣ.

Голосъ Жанны имѣлъ небесный звукъ, но все слабѣе болѣе и болѣе.

— Сэръ Гарлей, сказала она: — пойдите, не уходите еще, положите мнѣ въ руки мои четки... Тамъ ли они? Я ихъ не чувствую; у меня руки мертвы. Вы будете любить мою драгоценную милашку, не правда ли? О, Боже мой! вотъ передо мной большая фада: какъ

она была! Она светитъ какъ солнце!.. У ней подъ ногами золотой быкъ! Прощайте, друзья мои!.. прощай, Мадэ! прощай, Люди!.. Здесь ли вы? Помолитесь за меня Господу Богу. Поручите мою бедную тётку крѣстному... и моей драгоценной мамашкѣ? Ахъ! я вижу ее!.. Покойной ночи, моя милая барышня... Вотъ солнце заходить... и показывается тульскія колокольня. Вотъ я пришла, слава Богу!..

Жанна простерла руку и хотѣла взять за руку сѣра Артура, котораго она принимала за Марі. Но, какъ она сказала, руки ея были мертвы, и рука оцѣпенѣла, протянувшись съ кровати. Артуръ покрылъ ее поцалуями, которыхъ она не чувствовала. Она перестала существовать...

Гильюмъ, Артуръ и Марі, сперва убитые горемъ, нашли въ себѣ довольно присутствія духа, чтобъ отправиться похоронить тѣло Жанны на тульскомъ кладбищѣ, рядомъ съ тѣлами Тюлы и другихъ ея родственниковъ.

Не смотря на всѣ предосторожности сѣра Артура, Гильюмъ дрался на дуэли съ Марсилья. Послѣдній, узнавъ о нападѣнн и смерти Жанны, потерялъ всю свою гордость; онъ чистосердечно обвинилъ себя и плакалъ на груди Артура, который все простилъ ему, находя, что онъ достаточно наказанъ угрызѣніями собственной совѣсти. Но Гильюмъ продолжалъ быть противъ него взбѣшеннымъ. Мать вывела его изъ заблужденія, сказавъ, чтобъ утѣшить его въ потерю Жанны, что эта дѣвушка не была и не могла быть его сестрою. Это новое открытіе только раздражило молодого человека. Онъ обвинилъ госпожу Шармуа и Марсилья въ смерти этой чистой жертвы, и ярость его противъ Леона не знала больше границъ. Онъ такъ жестоко вызывалъ его, что, не смотря на терпѣливость и великодушіе, которыя выказалъ всплывшій адвокатъ въ этомъ случаѣ, — принудилъ его драться съ собою у канцелярской проматрохъ. Марсилья сдѣлалъ все, чтобъ избавиться этой крайности. Онъ имѣлъ слишкомъ много преимуществъ надъ Гильюмомъ и, не смотря на то, Гильюмъ жестоко ранилъ его въ лѣжку. Марсилья остался хромымъ, что чрезвычайно вредило успѣхамъ его между городскими и сельскими красавицами. Для крестьянъ, уродство или безобразіе тѣла, какъ бы оно ни было незначительно, гораздо-отвратительнѣе самаго большаго безобразія въ лицѣ при хорошо-сложенномъ тѣлѣ. Люди испытали на себѣ вліяніе этого несчастія своего любовника, или, лучше сказать, узнавъ или угадавъ настоящую причину смерти Жанны, она никогда не могла этого простить ему.

Марі и Артуръ долго были безутѣшны. Но Жанна объявила сѣру Гарлоу свою послѣднюю волю, и онъ сталъ обязанностью ис-

познать ее. После Жанны, Марі была для него лучшею изъ всѣхъ женщинъ. Общая привязанность ихъ къ милой покойницѣ образовала священную связь между ними. Черезъ годъ послѣ ея смерти, они обвѣнчались и путешествовали нѣсколько времени съ Гильйомомъ, чтобъ разсѣять его мрачную печаль. Наконецъ, молодой баронъ поправился и не женился на Эльвирѣ Шармуа, которая долго оставалась въ дѣвкахъ, къ большому неудовольствію своей матери.

Гильйона мучила совесть. Онъ горько обвинялъ себя въ томъ, что любилъ Жанну нѣрвнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или слишкомъ мало, что не умѣлъ во время преодолѣть своей страсти, или героически ей подчиниться, предложивъ своей крестницѣ любовь благородную и преданную прежде сэра Гарлея. Говорить, что несчастье бываетъ для чего-нибудь хорошимъ. Это правда, если раскаяніе очищаетъ насъ. Гильйомъ былъ тому примѣромъ. Онъ ничего не сдѣлалъ блестящаго; онъ остался мечтателемъ и любилъ уединеніе; но во всѣхъ сношеніяхъ его съ людьми, которые предрассудками общества были поставлены ниже его, съ его стороны замѣтны были величайшая доброта и благосклонность. Въ этомъ онъ только подражалъ своей сестрѣ и отцу, которые благороднымъ образомъ мыслей и поступками, казалось, на цѣлый вѣкъ опередили несчастное время, въ которое живемъ мы.

Марсилья получилъ жестокий урокъ. Онъ оставилъ волокитство; но въ глубинѣ души его было такъ много горюха, что онъ не могъ замѣнить одной дурной страсти другою. Политическое честолюбіе сдѣлалось дѣятелемъ ума его и мечтою его жизни.

* * *

Тонкий шорох тихо шьет,
Желтые ситовой драпеты шепет,
И курганы въезжают
Убгающая клянь.

И далеко меж кургановъ
Темноброю швей
До блуждающих тумановъ
Пролетает нуть родной.

Къ безотчетному веселью
Поднимаясь въ небеса,
Слышнотъ съ неба трель за трелью
Вншихъ птичекъ голоса.

Съ душой легкой, душой страстной,
Я глажу на дальній нуть
И надеждою напрасной
Молодая шьетъ грудь.

А. СЕГЪ

М И Л О Ч К А.

Поедемъ.

—

Ejno, kochane chłopczyku,
Zapomnijmy dziś o biódzie;
Dajcie z podkówkek ogniska:
Nocna Kocia za nami idzie.
Н а с я.

Omamienie — to jest życie:
Wiadomość śmierci jest naszą.
КАЗНИРЪ БРОДЗЕНЬСКІЙ, Изъ Школы.

—

Ф И З И О Л О Г И Я Ч И Н О В Н И К А.

Имѣть, кажется, въ истинчкѣ оракулъ?

Николай Ивановичъ — чиновникъ, какихъ мало. Если вы его встрѣтите, вы непременно скажете, что это чиновникъ. И въ самомъ-дѣлѣ, это чиновникъ душою и тѣломъ. Чуть вошелъ въ его существо, какъ кровь въ вены, — полонилъ его морально и эстетически, преобразовалъ его совершенно. Мягкая, первобытная натура его, необдуманная старательнымъ воспитаніемъ, уступила вліянію чина, дала ему обольстить себя. Какъ чиновникъ, онъ переноситъ терпѣливо, съ самоотверженіемъ стояка, всѣ тягости и труды своего званія. Атмосфера департамента есть единственная атмосфера, съ которою знакомы его легкія. Въ этой ат-

москере онъ свободенъ, какъ птица въ воздухъ, какъ рыба въ водѣ. Зданіе департамента — ковчегъ, въ которомъ онъ носитъ по бурному океану свѣта, и какъ фантастическій корабль суетныхъ матросовъ, ковчегъ его будетъ носиться по безмѣрному океану до конца его жизни. Онъ умретъ чиновникомъ, какъ жилъ. Хороши его будутъ товарищи; на гробъ его поставятъ треугольную шапку и шпагу. Вѣковѣчный памятникъ воздвигнется ему... не на Смоленскомъ-Кладбищѣ—нѣтъ: въ архивахъ департамента, въ темныхъ углахъ подвала, воздвигнется, ему этотъ вѣковѣчный памятникъ. Это—скръпи бумаги; которыя онъ подписывалъ пятьдесятъ лѣтъ сразу!..

Наружность Николая Ивановича — наружность чиновника, которая вамъ такъ знакома, которую вы встрѣчаете на улицахъ Петербурга ежеминутно. Выраженіе лица его всегда одинаковое — всегда равнодушное и холодное. Черты лица его довольно-привѣльны, какъ черты лица русскаго человѣка. Незамѣнное въ своей неизмѣнности, какъ петербургскій климатъ, выраженіе это одушевляется изрѣдка какою-то мимолетною веселостію, какинъ-то юморомъ. Эти мимолетныя проблески юмора—хорошіе дни петербургской погоды. Они дороги для каждаго, потому-что рѣдки. Безъ этихъ прекрасныхъ дней, безъ этихъ проблесковъ юмора, жизнь Николая Ивановича была бы вѣчной распутицей, вѣчнымъ осеннимъ дождемъ и грязью; — какинъ-то безконечно-длиннымъ путемъ, скучнымъ и грустнымъ, какъ дорога къ кладбищу.

Николай Ивановичъ принадлежитъ къ разряду чиновниковъ ставныхъ, замѣте это. Есть, видите ли, два разряда чиновниковъ: счастливые и несчастные. Однимъ служба и жизнь (служба и жизнь—синонимы) улыбаются; другимъ дѣлаютъ самую глупую гримасу. Въ департаментскомъ мѣрѣ, первые пользуются уваженіемъ и вниманіемъ, — другіе, какъ парн, остаются никѣмъ-незамѣченными, слоняются весь свой вѣкъ около столовъ своихъ, какъ тиши умирнаго, который вѣвчелый Харонъ отталкиваетъ отъ береговъ Стикса.

Счастливые и несчастные чиновники разнятся между собой во всѣхъ отношеніяхъ... По-этому, и наружность ихъ не одинакова. Одни—цвѣтущіе здоровьемъ и силою, другіе—усталые, истощенные жаждой и голодомъ путники. Лицо однихъ кругло, какъ наполоуніе, свѣжо и розово, какъ лѣсное зрѣлое яблоко, тогда-какъ лицо другихъ блѣдно и вытянуто, какъ та же луна, только въ первой четверти... Глаза однихъ живы и быстры, другихъ—тусклы и мертвенны.

Николай Ивановичъ имѣлъ точно такую физиономію. Лицо иршельца или бѣлаго просителя, котораго насущный кусокъ хлѣба

насилно загналъ въ департаментъ, останавливался на ней, какъ на чемъ-то отрадномъ, возвѣщающемъ надежду, успѣхъ, или облегченіе. Взоръ прищельца, обезкураженный видомъ столькихъ пасмурныхъ физиономій, серьезно занятыхъ своимъ дѣломъ, — слухъ его, притупленный немилосерднымъ скрипомъ стальныхъ перьевъ, грозно повиснувшихъ надъ бумагой, оглушенный рѣзкимъ шумомъ безпрестанно перевертываемыхъ листовъ полновѣсныхъ дѣлъ, — отдыхали на единственной оживленной физиономіи Николая Ивановича, на звукъ его голоса, въ которомъ пробивалась какая-то фистула, довольно-пріятная уху.

Одежда Николая Ивановича постоянна, какъ его характеръ. Зимую и лѣтомъ, въ погоду и въ непогоду, онъ всегда является въ департаментъ въ одномъ и томъ же платьѣ. Никто бы не определялъ срока этому платью. Всякій день все тотъ же вицъ-мундиръ, тотъ же черный галстухъ и форменный жилетъ съ гербовыми пуговицами, та же шляпа, та же шинель, къ которой зимою пришивался мѣховой воротникъ, тѣ же резиновыя калоши. Лѣтомъ, не смотря на погоду, Николай Ивановичъ имѣетъ обыкновеніе носить съ собою зонтикъ. Зонтикъ этотъ до того приглядывался сторожамъ, что они считали его тѣмъ-то нераздѣльнымъ съ особою Николая Ивановича, и если кто-нибудь спрашивалъ у нихъ, пришелъ ли Николай Ивановичъ, они молча указывали на его зонтикъ.

О происхожденіи Николая Ивановича едва-ли стоить и говорить. Это происхожденіе цѣлой генерации чиновниковъ. Сынъ приходскаго священника въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Московской-Губерніи, онъ попалъ въ Московскій Университетъ, откуда, по истеченіи опредѣленнаго университетскимъ уставомъ срока, вынужденъ съ ученою степенью... Николай Ивановичъ постоянно гордился своею ученою степенью... двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Даже долговременная, безпорочная служба не могла ослабить въ немъ этой ученой гордости: университетскій дипломъ двадцатыхъ годовъ былъ для него тѣмъ же, чѣмъ для петербургскаго ремесленника и фабриканта гербовая вывѣска. Однакожь, ученая гордость Николая Ивановича допускала и іерархію. На чиновниковъ, которымъ ассессорскій чинъ представлялся въ безконечномъ отдаленіи, какъ для Жидовъ приходъ Мессіи, Николай Ивановичъ смотрѣлъ едва-ли не съ презрѣніемъ. Въ его глазахъ это были не люди: это были недоростки и уроды животнаго царства. Они не имѣли ученой степени... Въ его глазахъ это были вѣчные, общіе журналисты съ сѣдыми волосами на головѣ. На молодыхъ чиновниковъ, окончившихъ курсъ въ университетъ, Николай Ивановичъ смотрѣлъ съ чувствомъ собственнаго достоинства. Въ его мнѣніи, это было что-то среднее между настоящимъ чело-

вѣкомъ и презабваемымъ—амѣбія, животно-растеніе. Современная ученая степень имѣла въ глазахъ Николая Ивановича апокрифическое значеніе. Большою-частью эти молодые чиновники носили виц-мундиры совершенно-иного покроя, чѣмъ виц-мундиры чиновниковъ, имѣвшихъ университетскіе дипломы двадцатыхъ годовъ,—завивались, по воскресеньямъ, у французскихъ парикмахеровъ, на Невскомъ-Проспектѣ — и страшно сорили деньгами, платя по двѣ рубля серебромъ за кресло въ итальянской оперѣ по одному разу въ мѣсяцъ. Эти молодые чиновники толковали о закулисныхъ таинствахъ какъ о таинствахъ собственной своей холостой квартиры, и танцевали польку, какой-то возмутительный танецъ, занесенный изъ самой спокойной страны въ свѣтъ, Богеміи. Николай Ивановичъ не могъ дать себѣ отчета въ этихъ безчисленныхъ противоположностяхъ, какія представлялись для него въ новомъ поколѣніи чиновниковъ. Соображать покрой жилета и фрака и не имѣть соображенія при наведеніи справки; знать вкусъ въ какихъ-нибудь тамъ растегайчикахъ Иалера, и не находить ничего усладительнаго въ смѣло-начертанномъ докладѣ; танцевать польку, и не восхищаться прелестью отношенія по какому-нибудь важному, щекотливому предмету, не находить эстетическимъ выговора, который можно проглотить, какъ подслащенную пилюлю — все это казалось Николаю Ивановичу несообразнымъ въ самой высокой степени .. На молодыхъ людей, поступающихъ на службу изъ высшихъ учебныхъ заведеній, Николай Ивановичъ смотрѣлъ весьма-нисходятельно, даже съ признаками какого-то нѣмого, ничѣмъ необъяснимаго уваженія. Онъ допускалъ возможность существованія бюрократической аристократіи, и смотрѣлъ на нее, какъ на неизбежное зло. Обращеніе этихъ молодыхъ людей, чуждое всякой напыщенности, оставляло въ немъ какое-то пріятное впечатлѣніе и безотчетную мысль о превосходствѣ хорошаго воспитанія. А между-тѣмъ, они имѣли столько причинъ гордиться передъ нимъ, передъ другими, передъ всѣми: вице-директоръ и начальники отдѣленій пожимали имъ руки, а директоръ говорилъ съ ними особенно-благосклонно.

Но на кого особенно налегало щекотливое ученое самолюбіе Николая Ивановича, такъ это на военныхъ, особенно на тѣхъ военныхъ, которые мѣняли обер-офицерскіе эполеты на виц-мундиръ гражданскихъ чиновниковъ. Люди, истребляющіе бѣдное человѣчество посредствомъ желѣза и пороха, по его мнѣнію, не могли уже заниматься благороднымъ ремесломъ истребленія писчей бумаги посредствомъ пера и чернилъ. Въ этомъ случаѣ, Николай Ивановичъ никакъ не могъ помириться съ фактами, которые явно и при каждомъ случаѣ ему противорѣчили.

Каждый год оставшие военные садили на шею Николаю Ивановичу, что и было приписываемо имъ слѣпому случаю съ привѣсью военной отваги, или, какъ онъ выражался, «настоянія». Въ заключеніе, Николай Ивановичъ, въ литературномъ мнѣніи котораго (онъ имѣлъ свое литературное мнѣніе, какъ свой зонтикъ и свои калоши) одинъ газетчикъ съ компаніею держалъ въ повинновеніи разбрыкавшихся лошадокъ русской литературы, — никакъ не могъ объяснить, какимъ образомъ этотъ знаменитый наездникъ вышелъ на аван-сцену литературы не изъ-за канцелярскихъ столовъ, а съ боеваго поля или съ плац-параднаго мѣста; какимъ-образомъ сдѣлался онъ пасынкомъ литературы, вышедши не изъ-подъ университетской ферулы, а изъ-за учебной скамьи Кадетскаго-Корпуса, — заведенія, въ которомъ россійское юношество, какъ извѣстно, обучается, между-прочимъ, искусству маршированія и дѣланію ружьемъ?..

Кромъ этой антипатіи къ военнымъ, Николай Ивановичъ былъ очень-обходительный человекъ. Вы съ нимъ могли говорить о многихъ вещахъ, не касающихся департамента и теченія дѣлъ... Особенно онъ любилъ говорить объ ученыхъ предметахъ. Это уже его конекъ. Университетскій курсъ оконченъ былъ имъ по физико-математическому факультету. Отъ этого имени ученыхъ и ихъ замѣчательнѣйшія произведенія знакомы ему болѣе или менѣе. Онъ любитъ виѣшивать въ свои ученые разсужденія имена Деви, Гэ-Люссака и Декарта, любилъ приводить цитаты, въ вольномъ переводѣ, изъ тѣхъ авторовъ, которые ему извѣстны. Всѣ грамматическіе и этимологическіе термины знакомы ему, и память его сохранила свѣжо много теоремъ начертательной геометріи, которыя онъ готовъ доказывать со всѣмъ жаромъ прилежнаго школьника. Наслушавшись однажды ученыхъ предметовъ, Николай Ивановичъ вспоминалъ всегда университетъ и тогдашнихъ его корифеевъ. Воображеніе его тутъ разыгрывалось. Онъ вспоминалъ многолюдныя университетскія аудиторіи, гдѣ, бывало, среди громкаго храпѣнія раздавался голосъ профессора—гласъ вопіющаго въ пустыню; вспоминалъ студентскую жизнь, полную лишеній и нищеты, задушевную бесѣду съ товарищами въ дыму трубокъ, за стаканомъ пунша и при тускломъ свѣтѣ нагорѣвшаго огня...

Частная жизнь Николая Ивановича покрывалась непроницаемымъ мракомъ. Въ квартирѣ его никто никогда не бывалъ, не смотря на то, что она извѣстна швейцару и сторожамъ департамента. Никто не зналъ много ли у Николая Ивановича знакомыхъ и у кого изъ нихъ бывалъ онъ. Николай Ивановичъ внѣ департамента мнелогическое лицо. Вся жизнь его сосредоточена въ департаментѣ. И надобно сказать правду, во всемъ департаментѣ не было чинов-

ника исправиле Николая Ивановича. Онъ приходилъ раньше всѣхъ и уходилъ съ захожденіемъ солнца. Во все время долговременной службы своей, онъ ни разу не былъ боленъ, по-крайней-мѣрѣ никто не могъ припомнить подобнаго обстоятельства. Изъ праздниковъ одни воскресенья строго наблюдались Николаемъ Ивановичемъ. Другихъ праздниковъ онъ не зналъ, и въ эти дни зонтикъ и казенны Николая Ивановича единственные, какіе вы могли встрѣтить въ прихожей департамента.

Я уже сказалъ выше, что Николай Ивановичъ имѣлъ свое литературное мнѣніе. Стало-быть, и литература была ему болѣе или менѣе знакома. Литературу эту, которую такъ тщеславился Николай Ивановичъ, по справедливости надобно было назвать *додлечо* литературою. Не читая рѣшительно ничего (въ этомъ Николай Ивановичъ сознавался безъ зазрѣнія совѣсти), онъ зналъ по наслышкѣ о главныхъ революціяхъ, которыя вспыхивали иногда въ нескладной посполитой рѣчи обшихъ нашихъ столичныхъ литературъ. Не хочется вѣрить, а вѣришь неволью: всѣ литературныя мнѣнія и новости Николай Ивановичъ выносилъ изъ департамента. Ключомъ къ этимъ мнѣніямъ и новостямъ былъ одинъ изъ его товарищей, литературный прозелитъ степенныхъ лѣтъ, который писалъ на срокъ въ одинъ изъ неизвѣстныхъ публикѣ журналовъ казенныя повѣсти въ правоописательномъ, юмористическомъ родѣ и — изъ скромности — подписывался псевдонимомъ. Литературная слава этого поставщика громко распространилась по всему департаменту послѣ одного случая, въ-слѣдствіе котораго... но объ этомъ не стоить и говорить.

Это обстоятельство, вѣроятно, охладило жаръ неприваннаго литератора, потому-что извѣстный департаменту псевдонимъ не сталъ уже появляться подъ юмористическими повѣстями неизвѣстнаго публикѣ журнала. Причина, впрочемъ, была рчеъ естественная: неизвѣстный публикѣ журналъ обанкрутился и о банкротствѣ его даже ничего не говорили, такъ точно, какъ и о прошломъ его существованіи, а другіе мало-извѣстные журналы, довольствовавшіеся скромныи средствами и своими привилегированными поставщиками, и не изъявили желанія приобрести для себя псевдонима, извѣстнаго одному департаменту.

Одъ этого-то гениальнаго челоуька въ миниатюрѣ Николай Ивановичъ, въ свободныя отъ служебныхъ занятій минуты, почерпалъ всю сокровищницу литературныхъ свѣдѣній. Отъявленный партизанъ «Няблки», которую онъ иногда пробѣгалъ въ кабинетъ директора, до прихода или по уходѣ его онъ не могъ достаточно нахваляться острою и глубокимъ знаніемъ народнаго духа этой газеты, особенно ея субботняго фельетона. Изрѣдка Николай Ива-

новичъ забѣгалъ къ Доминику или Излеру, гдѣ просматривалъ и другіе журналы, не позволяя себѣ, однакожъ, подобно другимъ почитателямъ, подслащивать назидательное чтеніе ухищреніями канцелярскаго искусства.

Принимая въ соображеніе свои учено-литературныя свидѣнія, Николай Ивановичъ имѣлъ всѣ претензіи на хорошаго канцелярскаго стилиста и хотя, по привычкѣ, былъ ревностнымъ партизаномъ смелъ и омытъ, за-ж-че похорошенныхъ «Библиотекю для Чтенія» и ея послѣдователями, но и допускалъ иногда новомодныя эмы, единственно изъ желанія не показаться передъ директоромъ и вице-директоромъ челоушкомъ отсталымъ. Съ однимъ никакъ не могъ сладить Николай Ивановичъ, это съ пунктуацией, которая вообще не правилась его начальникамъ. Пробирыные камни русской орфографіи, знаменитыя ѣ и е, Николай Ивановичъ ставилъ всегда тамъ, гдѣ имѣлъ обыкновеніе ставить ихъ начальники. Въ этомъ случаѣ умолкала строгая критика и всякое задушевное убѣжденіе Николая Ивановича...

Драматическія и театральныя новости (мы уже хотимъ истощить терпѣніе читателя въ описаніи физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ качествъ Николая Ивановича) Николай Ивановичъ черпалъ изъ того же источника—изъ департамента. Молодые чиновники, постоянно посѣщавшіе александровскій храмъ русской Мельпомены и Терпсихоры, доставляли ему не только все необходимое по этому предмету свидѣнія, но даже и свидѣнія пестороннія, касавшіяся частной жизни жрицъ и жрецовъ обнхъ мужъ, которыхъ мы назвали выше. Не безъ участія слушалъ Николай Ивановичъ эти любопытныя извѣстія, которыя иногда замѣтно потрясали самыя сокровенныя пружины его чувствъ и сердца...

Чувства и сердце... Мы коснулись ихъ съ намѣреніемъ: значе читателя могли бы подумать, что природа лишила Николая Ивановича этихъ прекрасныхъ принадлежностей нашей природы. И то и другое было у Николая Ивановича, въ этомъ мы убѣждены совершенно и постараемся убѣдить читателей...

Идея о женщинѣ, объ этомъ прекрасномъ существѣ (вѣдь чувства и сердце неразлучны съ этой идеею, и ею, какъ термометромъ, должны мы намѣрять силу и степень тѣхъ и другаго?) была знакома Николаю Ивановичу. Какимъ образомъ обнаруживались въ Николаѣ Ивановичѣ эти чувства и мысли? кто подстерегъ ихъ въ немъ? кто подмѣтилъ?..

На это трудно было бы отвѣчать положительно. Тотъ, кому удавалось наблюдать натуру Николая Ивановича, могъ замѣтить въ немъ какое-то тайное, неясное проявленіе этихъ чувствъ. О женщинахъ Николай Ивановичъ никогда не говорилъ и забѣгалъ по-

добнаго разговора. Частной жизни его никто не зналъ. Правда, Николай Ивановичъ любилъ прислушиваться къ толкамъ молодыхъ чиновниковъ, съ претензіею на *gentry*, когда они, до прихода начальника отдѣленія, собирались въ кружокъ потолковать о вчерашнемъ спектаклѣ въ Михайловскомъ-Театрѣ, о миловидности мадамъ Майеръ или мамзель Пажъ, о графинѣ, съ какою танцуетъ польку дѣвица Левкѣева, и о прочемъ. Съ другой стороны, замѣчали, что Николай Ивановичъ любилъ останавливаться передъ магазинами Дазіаро и Фельтена, на Невскомъ-Проспектѣ, и разсматривать выставленные за стеклами головки Греведона и портреты оперныхъ парижскихъ знаменитостей. Въ эти минуты нѣмало эстетическаго созерцанія, лицо Николая Ивановича принимало особое выраженіе: глаза блестяли и края губъ покрывались влагою. Кромѣ этого, товарищи Николая Ивановича, къ великому ихъ удивленію, частенько встрѣчали Николая Ивановича, весною и лѣтомъ, въ боковыхъ аллеяхъ Лѣтняго-Сада. Съ какииъ-то мелкимъ, усиленнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ тутъ взоромъ за каждымъ миловиднымъ личикомъ, за каждою тонкою таліей, за каждою маленькою ножкою, оставлявшею на сыромъ пескѣ неясный миниатюрный слѣдъ свой! Николай Ивановичъ одѣвался, если не съ претензіею на моду, то чистенько и казался порядочнымъ человекомъ. Болѣе никто ничего не замѣчалъ за нимъ.

Николаю Ивановичу случалось быть и въ театрахъ. Изъ любопытства, какой-то услужливый пріятель затащилъ его однажды даже въ Михайловскій, гдѣ, на этотъ разъ, давали слезливую, постную драму и два жирные скромные водевиля. Николай Ивановичъ сидѣлъ во все время представленія благоприлично, какъ подобаетъ чиновнику, и хотъ сидѣлъ, какъ на нѣмецкой проповѣди, но умѣлъ привноравливать себя къ большинству, т. е. дѣлая жалкую гримасу, когда сосѣдъ его, какой-то юноша, украдкою отиралъ платкомъ слезу, и улыбался, когда весь театръ оглашался хохотомъ, но улыбался такъ привѣтливо, такъ невинно-умильно, какъ-будто бы самъ директоръ потрепалъ его по плечу и поздравилъ съ наградой. Раза два-три, когда весь партеръ наступленно хлопалъ, Николай Ивановичъ рискнулъ и самъ апплодировать, хотя отъ апплодисмана его не слетѣла бы муха, еслибъ сидѣла у него въ то время на пальцѣ. Французскіиъ театромъ Николай Ивановичъ остался совершенно-доволенъ. Актриссы понравились ему болѣе всего. «Это куклы, рѣшительно куклы», повторялъ онъ про себя, проталкиваясь сквозь толпу въ корридоръ, при выходѣ: «такихъ талій имѣть невозможно! Такихъ маленькихъ ножекъ не можетъ создать природа!» При этомъ, Николай Ивановичъ вспоминалъ о прекрасныхъ таліяхъ, видѣнныхъ

нимъ въ Лѣтнемъ-Саду и порою на Невскомъ, вспоминалъ про талію одной блондинки, на которую засмотрѣлся онъ въ Клубъ-Соединеннаго-Общества (прогрессъ, какъ увидимъ ниже, завелъ его и туда),—вспоминалъ, припоминалъ, и махнулъ рукою, какъ-будто бросая мечту для существенности, давно-прошедшее для настоящаго. Однакожь, въ этомъ отчаянномъ движеніи рукою сквозила мысль, выступившая на лобъ Николая Ивановича вмѣстѣ съ крупнымъ мѣтомъ: блондинка теряла двадцать процентовъ противъ прежней цѣны. Какъ-будто для контраста, Николай Ивановичъ припоминалъ тутъ еще талію Настасьи Ивановны — одной знакомой дамы, чиновницы (смотри ниже), и лицо его вытягивалось въ многозначущую гримасу, которая, кажется, проговаривалась: «Настасья Ивановна боченокъ, кубышка!» Настасью Ивановну Николай Ивановичъ уважалъ безусловно, и мы увидимъ, какой значительный переворотъ въ судьбѣ его произвела эта дама, съ которою познакомиться читателя предстоить намъ впереди тяжкая обязанность.

На балетъ пошелъ однажды Николай Ивановичъ самъ. Тутъ онъ былъ весь зрѣніе, весь сочувствіе. Онъ сидѣлъ, какъ прикованный къ креслу, сидѣлъ даже въ антрактахъ и глазами такъ бы и хотѣлъ прорвать намалеванную холстину, на которой, ни къ селу, ни къ городу, втесала кисть декоратора фирмантъ и атрибуты пейзажа, небо и мнѣологію. Но когда поднималась эта завѣса и открывала за собою цѣлый додалъ египетскихъ таинствъ, фантазмагорію святотаніи, огня и блеска, алебастровыхъ набѣленныхъ плечъ, насурьленныхъ щекъ, черныхъ, сверкающихъ глазъ, обаятельныхъ улыбокъ, сладострастныхъ жестовъ и позъ... позъ, которыя колыкали чувственность, какъ девятый валъ углую шлюбку, — тогда разбѣгались глаза Николая Ивановича. То тутъ, то тамъ манили его сладострастные взгляды танцовщицъ, или обнаженные руки; въ другомъ мѣстѣ увлекала его живописная группа этихъ одночасныхъ красавицъ; здѣсь вытягивалась, передъ нимъ ножка, рисуясь на зеленомъ фонѣ ярко-освѣщенной декораціи—ножка, вся какъ она есть, со всѣми ея пластическими контурами. Какая бездонная пропасть соблазна являлась тутъ въ одной этой ножкѣ бѣдному Николаю Ивановичу! И — бѣдный, тысячу разъ бѣдный, въ порывѣ увлеченія, онъ не замѣчалъ изнанки этихъ лицъ, плечъ, рукъ и ногъ, онъ не подозрѣвалъ этого маскарада живой природы... И вотъ, кажется Николаю Ивановичу, одна изъ богинь устала на него два черные, какъ уголь, глаза... Да, онъ убѣжденъ въ этомъ, она смотритъ на него, точно на него прямо — смотритъ и улыбается, и какъ улыбается, плутовка! Вотъ подняла ногу, завертѣлась, какъ волчокъ, и только газовая туника ея зашепестала едва слышно, и опять она стала, врытая въ землю, какъ статуя, и опять смо-

тратить на него, впилась въ него глазами и только-что не говоритъ ему: «Кѣ мнѣ, ко мнѣ, Николай Ивановичъ, въ мои объятія! Ни полетимъ съ тобой вмѣстѣ туда, туда!..» И въ-самомъ-дѣлѣ, указала рукою на кустъ розановъ и порхнула, легкая, какъ серна, какъ птица, и скрылась за нимъ.

Николай Ивановичъ отеръ потъ съ лица. «Такъ она на меня смотрѣла, мигала мнѣ глазами, улыбалась мнѣ», думалъ онъ; и въ то же время, по чувству ли ревности, или по чувству сомнѣнія, оглянулся назадъ; за нимъ сидѣлъ какой-то старичишка. Глубокія, полувзвковыя морщины окаймляли по краямъ его стиснутыя наслажденіемъ губы; два огромныя стекла очковъ упирались на мѣстахъ глазъ на пергаменномъ фронтѣ увеличавшаго вѣракомъ лица, какъ двѣ огромныя впадины въ желтомъ черепѣ столѣта. Николаю Ивановичу показалось даже, что старичокъ кивалъ головою. Онъ снова приросъ глазами къ сценѣ, и снова увидѣлъ тамъ свою соблазнительницу. Она опять улыбалась ему, — ему, непременно ему, въ этомъ онъ уже не сомнѣвался; она опять манила его къ себѣ.. Счастье ослабило Николая Ивановича; въ глазахъ у него потемнѣло; онъ забылъ обо всемъ въ свѣтѣ, даже о департаментѣ...

Въ это время, кордебалетъ составлялъ послѣднюю живописную кружну. Густыя облака спускались съ неба; на нихъ сидѣли боги, богини, амуры и гении. Бенгальскій огонь освѣщалъ всю эту сцену яркимъ, несущественнымъ свѣтомъ. Послѣдніе звуки финала были настоящимъ музыкальнымъ сценопреставленіемъ. Валторны, тромбоны, рожи, ревъ басовъ, пискъ скрипокъ, плачь виолончелей, удары там-тама и литавръ — все это слилось вмѣстѣ, смѣшалось... и среди послѣднихъ адюрдовъ этой сумятицы шумно уналъ замѣсь.

Грустенъ и задумчивъ выходилъ изъ театра Николай Ивановичъ — выходилъ едва-ли не послѣдній. Самъ не зная какъ, вышелъ онъ въ одинъ изъ боковыхъ подъездовъ. Тутъ стояла старая, истасканная, зеленая карета, запряженная парой извозничьихъ клачь. Ее окружала толпа молодыхъ людей, военныхъ и статскихъ, фамилии которыхъ замѣтилъ Николай Ивановичъ въ театрѣ. Немного поодаль, Николай Ивановичъ увидѣлъ и старичишку съ очками, на которомъ остановилась недавно его ревность. Старичокъ оказывалъ замѣтное нетерпѣніе и бранилъ жандарма за то, что будто-бы тотъ поставилъ слишкомъ-далеко его экипажъ, котораго онъ не можетъ дожидаться, не переставая въ то же время то-и-дѣло поглядывать на двери, гдѣ стоялъ въ нерешимости Николай Ивановичъ. Вкругомъ его раздавались короткія, бы-

смысленныя фразы на русскомъ, чаще на французскомъ языкѣ, изъ которыхъ онъ не могъ понять ничего. Онъ догадывался, однакожъ, что дѣло шло о чемъ-нибудь важномъ, и любопытство удержало его на мѣстѣ. Скоро въ толпѣ обнаружилась какая-то дѣятельность, и изъ дверей вышло нѣсколько молодыхъ женщинъ, въ сарапахъ и шляпкахъ, бабьихъ, хулыхъ, безобразныхъ. Одна изъ нихъ несли въ рукахъ большіе узлы; за другими такія же узлы несли служанки. Женщины стали усаживаться въ карету, и среди этой суматохи, одна изъ нихъ, повыше ростомъ и менѣе-безобразная, скользнула въ сторону. Въ это же время старичокъ съ бичкомъ махнулъ рукою и съ противоположнаго конца улицы подѣхала двумѣстная карета. Лакей ловко отворилъ дверцы и опустилъ подножку, по которой, какъ кошка, вспрыгнула въ карету женщина, а за ней, кричтя, поднялся и старичокъ. Раздалось: «пошелъ!» и карета скоро исчезла изъ вида.

Взглянувъ нечаянно на эту женщину, Николай Ивановичъ былъ пораженъ чрезвычайнымъ сходствомъ ея съ очаровавшей его куцусной богиней. Тѣ же большіе черные глаза; только румянецъ вѣдъ! Румянецъ остался за куцусами. Но этотъ приметный пергаментъ, въсто лица, тотчасъ же разуврѣлъ его.

Между-тѣмъ, другая карета все еще стояла на дворѣ. Шумъ и говоръ изъ окружающей ея толпы не умолкали. Изрѣдка доходили до Николая Ивановича женскія имена съ отчествами или подробныя фразы: «Какъ вы были сегодня милы, Марья Сергѣевна! Какъ вы были очаровательны, Амфиса Николаевна! — Когда же къ вамъ, Марья Любимовна?» Изъ кареты выставлялись шляпки и отъ кляжи на вопросы короткими, но значительными фразами: «Вы шутили!... — Правда?... — Ахъ, Боже мой! — Завтра...» и т. д. Николай Ивановичъ уже собирался идти, но шумъ и смятеніе, обнаружившіяся въ толпѣ, удержали его.

— Какой нѣтъжа! сказала громко одна изъ женщинъ, слѣзавъ изъ каретѣ.

Одинъ изъ прозядающихъ отбѣгалъ ономъ-значительномъ, малопонятномъ въ пеналь фразомъ.

Въ каретѣ раздались крики и восклицанія. Отвертокъ изъ былаго хохота. Много любопытныхъ присоединилась къ толпѣ. Въ разговорѣ, сибялись, остряли, какъ могли и какъ умѣли — невѣстно, толпа, которая готова разбить даже своихъ кумиромъ, еслибъ увидѣла, что они изъ глинны, а не изъ золота. Двое уличныхъ мальчишекъ вообразились на заплатахъ, и одинъ изъ нихъ отгадывалъ разбѣгалъ на шипорѣ. Карета ждала еще одной пассажирки.

Николай Ивановичъ стоялъ недалеко отъ дверей, противополо-

ложныхъ тѣхъ, въ которыя входили актриссы. У опущеннаго окошка, облокотившись на него, стоялъ какой-то франтъ съ длинной гривой и пресамильярно разговаривалъ съ желтою и сухою, какъ мушя, актриссой.

— Замѣтила ты браслетъ, который былъ нынче на Сантѣ?

— Видѣла, отвѣчала та съ кислой гримасой.

— А знаешь ли чей подарокъ? Вани. Вѣдь ты знаешь, она бросила старика.

Актрисса громко засмѣялась.

— Ха! ха! да она сейчасъ съ нимъ ускакала, въ его каретъ. Сію минуту; только-что передъ твоимъ приходомъ. Всѣ мы видѣли.

Темная мысль блеснула тутъ въ головѣ Николая Ивановича. Явившись блудящимъ огонькомъ въ болотной степи минутныхъ надеждъ его, она разгоралась и, разгорѣвшись пламенемъ, вдругъ освѣтила всю истину. Этого было слишкомъ-достаточно, чтобъ разочароваться совершенно. Николай Ивановичъ пошелъ домой. Къ этому побудило его и то, что сцена, которой онъ былъ свидѣтелемъ, подходила къ развязкѣ довольно-драматической. Изъ-за угла показалась фигура полицейскаго офицера съ нѣсколькими солдатами. Изъ кареты, по-прежнему, доходили до Николая Ивановича восклицанія. Ему даже послышался плачь. Толпа, окружавшая карету, шумѣла по-прежнему...

Спустя четверть часа, карета обогнала Николая Ивановича въ одномъ изъ узкихъ, смрадныхъ переулковъ, которыми изобилуютъ петербургскія захолустья. Замѣтивъ ее, Николай Ивановичъ невольно остановился и долго слѣдилъ за ней взоромъ по какому-то безотчетному чувству.

Николай Ивановичъ не вспоминалъ никогда объ этомъ случаѣ, оставившемъ въ немъ въ этотъ памятный вечеръ столько разнообразныхъ впечатлѣній.

Николай Ивановичъ ходилъ смотреть и Итальянцевъ. И Итальянцы ему нравились. «Соловьи, просто соловьи!» думалъ онъ, выходя изъ театра. «Віардо-Гарсія—душка. И Кастелланъ—душка». Альбони онъ находилъ очень-похожею на Настасью Ивановну. И ростъ, и талія были у нихъ совершенно-одинакіе, хотя породность, наперекоръ природѣ, оставалась за Итальянкою, — не за русской барыней и чиновницей. Видно уже такъ было угодно природѣ... Прислушиваясь къ толкамъ департаментской молодежи, Николай Ивановичъ усвоилъ себѣ и музыкальное мнѣніе. Онъ зналъ о достоинствахъ и недостаткахъ каждаго изъ артистовъ итальянской оперы, — зналъ, въ какихъ роляхъ они совершенны и въ ка-

кихъ слабѣе. Въ пѣніи и въ игрѣ Полины Гарсиа, онъ находилъ столько прелести, что готовъ былъ влюбиться въ нее до безумія. Наружность пѣвицы становилась тутъ пустымъ, ничего-пезначающимъ обстоятельствомъ. Николай Ивановичъ рѣшался иногда входить въ разговоры объ оперѣ и говорилъ точно такъ же, какъ всѣ, —увѣряю васъ,—сулилъ о музыкѣ точь-въ-точь, какъ судять о ней почти во всѣхъ петербургскихъ салонахъ. Видите ли, до какой степени развитъ былъ въ природѣ Николая Ивановича—чисто-русской природѣ—талантъ подражательности! При болѣе-счастливыхъ, при болѣе-благоприятныхъ ему обстоятельствахъ, Николай Ивановичъ могъ сдѣлаться какъ и *всл*,—даю вамъ честное слово! И, Боже мой! если подумать, сколько Николаевъ Ивановичей сдѣлались какъ и *всл*, благодаря этому счастливому таланту подражательно-сти...

Мы сказали мимоходомъ, что Николай Ивановичъ былъ въ Клубъ-Соединеннаго-Общества, гдѣ вниманіе его полонила блондинка съ чрезвычайною таліей. Не знаю хорошенько, какимъ-образомъ Николай Ивановичъ попалъ въ клубъ, но знаю, что этотъ памятный вечеръ былъ для Николая Ивановича тѣмъ же, чѣмъ для Генуэзца Колумба день открытія новаго свѣта. И въ-самомъ-дѣлѣ, Николай Ивановичъ открылъ въ этотъ вечеръ новый свѣтъ, о которомъ онъ бредилъ, какъ настоящій Колумбъ. Николай Ивановичъ, по обыкновенію, былъ одѣтъ скромно и благопрстойно. По совѣту пріятеля, онъ купилъ пару бѣлыхъ перчатокъ, не надѣвалъ ихъ, а держалъ весь вечеръ въ рукахъ вмѣстѣ съ шляпою, изъ опасенія, какъ онъ говорилъ, чтобъ дамы не выбрали его на танецъ. Его обтягивалъ мундирный фракъ, только-что взятый отъ портнаго, — съ иголки; сапоги свѣтились необыкновеннымъ образомъ, вычищенные блестящей ваксой Христофорова. Счастливая звѣзда Николая Ивановича привела его въ клубъ именно на тотъ вечеръ, котораго члены клуба ждали съ нетерпѣніемъ, о которомъ даже было писано въ «Сѣверной Пчелѣ», и о которомъ до-сихъ-поръ не могутъ забыть прекрасныя чиновницы и ихъ дочки и племянницы. Судьба многихъ изъ нихъ рѣшена была въ этотъ вечеръ.

Еще въ передней повяло на Николая Ивановича запахомъ надшули и всѣхъ возможныхъ «bouquet»: желая подбить сердца, чиновницы раздушились ужаснымъ-образомъ; даже отъ салоновъ ихъ пахло, какъ отъ парижскихъ сашетокъ. Николай Ивановичъ долго шевелилъ ноздрями, долго впивалъ въ себя ароматы, къ которымъ не привыкло его обоняніе. Потомъ свѣтъ обилгъ его съ головы до ногъ, когда онъ вошелъ въ танцевальную залу. Десятки зеркалъ, то тамъ, то сямъ, отражали его скромный образъ. Столько блес-

ка ошеломило Николая Ивановича, и онъ будто приросъ къ полу. Въ залѣ вальсировали подъ звуки германскаго оркестра. Нѣсколько толчковъ, полученныхъ Николаемъ Ивановичемъ, заставили его подвинуться ближе къ танцующимъ, и тутъ только онъ могъ окинуть робкимъ взглядомъ всю залу...

Зала, какъ мы сказали, наполнена была танцующими и зрителями. Казалось, весь департаментъ — что я говорю! — всё министерства, нѣсколько министерствъ, со всеми ихъ департаментами и отдѣленіями, были тутъ на лицо, выбритыя, причесаныя, завитыя, помаженныя и раздушенныя, въ черныхъ фракахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ лакированныхъ сапогахъ. Крестовъ на этихъ фракахъ было больше, чѣмъ на могилкахъ Смоленскаго-Кладбища. Другой бы подумалъ, что весь орденскій капитулъ разсыпался тутъ своими крестами и пряжками за примѣрную, безпорочную службу. Серьезные директора, степенные начальники отдѣлений, озабоченные столоначальники, примазанные и завитые ихъ помощники... всё они тутъ были какъ на смотру. Николаю Ивановичу стало даже страшно, и боязливый взоръ его отыскивалъ уже, среди карточныхъ столовъ, директора и начальника отдѣленія... Потомъ, когда страхъ разсыялся, заговорило тщеславіе и чувство собственнаго достоинства. Николаю Ивановичу захотѣлось пройти мимо ихъ, будто невзначай, и поклониться имъ, — поклониться не такъ какъ онъ кланялся съ ними въ департаментъ, а иначе — съ болѣею свободою, — поклониться слегка пришаркнувши... Что бы они объ немъ подумали?.. Николай Ивановичъ посылаетъ хорошее общество, подумали бы они: Николай Ивановичъ танцуетъ; Николай Ивановичъ порядочный человекъ!..

Съ какою отрадою, съ какими увлеченіемъ остановился молодой взоръ Николая Ивановича на живой гирляндѣ дамъ, сидѣвшихъ около стѣнъ, или, подобно отдѣльнымъ цвѣточкамъ, разбросанныхъ танцами въ разныхъ мѣстахъ залы. Прелестныя чижовницы были въ совершенномъ упоеніи отъ своего счастья... Глаза Николая Ивановича не были поражены блескомъ драгоценныхъ камней, богатыхъ матерій, всего того, что порождаетъ избытокъ или тщеславіе, — нѣтъ, глаза, блестяшіе ярче брилліантовъ, плечи бѣлыя атласа, непритворная веселость, увлеченіе, граціозность въ танцахъ — все это во мнѣніи Николая Ивановича было дороже пышности и всей тѣнеты мірскаго величія. Не роскошными, искусственными садами, гдѣ тропическіе цвѣты поражаютъ своими яркими колерами, своими дивными развитіями, любовался тутъ Николай Ивановичъ: дѣти натуры, онъ предпочиталъ широкій лугъ, гдѣ прихотливо разбросаны скромныя сіялки и цѣлая гвоздика.

гдѣ разливаютъ свое благоуханіе ароматныя травы, гдѣ все на волю человека, гдѣ надъ всемъ бдитъ сама мать-природа.

Николай Ивановичъ вмѣшался въ тѣсный кругъ зрителей, которые окружали танцующихъ. Съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за каждою проходившею мимо его парой! Онъ не могъ надивиться ловкости и искусству танцующихъ... Онъ изучалъ каждое ихъ движеніе, каждый оборотъ, каждую фигуру. Вотъ тутъ-то бросилась ему въ глаза одна стройная, молоденькая блондинка, въ кисейномъ розовомъ платьицѣ. Какая милашка! А какъ она танцевала, какъ танцевала, праведные боги! Это настоящая грація! Въ вальсѣ она кружилась, какъ вихрь, въ галопѣ неслась какъ мечта, какъ призракъ. Николаю Ивановичу хотѣлось подмѣтнуть, касается ли она ногами пола: безъ этого онъ готовъ былъ побожиться въ противномъ. Была минута, когда онъ подсмотрѣлъ ея ножку, — маленькую, стройненькую — совершенство изъ всѣхъ имъ видѣнныхъ на-яву и во-снѣ ножекъ. Когда танцевали вальсъ, Николай Ивановичъ выдвинулся нѣсколько-впередъ: ему хотѣлось, чтобъ блондинка коснулась его своимъ платьемъ; Николай Ивановичъ почелъ бы себя счастливымъ отъ одного этого прикосновенія. А какая талия у этой блондинки! Николай Ивановичъ сроду не видалъ такой талии (тогда онъ еще не былъ во французскомъ театрѣ). — Во весь вечеръ Николай Ивановичъ не спускалъ глазъ съ блондинки. Съ какою завистію смотрѣлъ онъ на мужчинъ, которые обхватывали эту талию, которые смѣялись, шутили, разговаривали съ блондинкой! И она была такъ счастлива! она улыбалась имъ всѣмъ такъ приветливо! Была минута, когда Николаю Ивановичу хотѣлось самому сдѣлать съ блондинкою кругъ вальса, для того только, чтобъ коснуться рукой этой дивной талии. Въ молодые годы, онъ вальсировалъ, и вѣрно не разучился вальсировать до-сихъ-поръ. Рѣшимость его возросла до того, что онъ надѣлъ уже одну перчатку, но тотчасъ же и снялъ ее, какъ-будто пристыженный своимъ малодушіемъ. Скоро заиграли польку. Блондинка пошла въ первой парѣ съ однимъ военнымъ. Николай Ивановичъ разинулъ ротъ отъ изумленія: сама Терпсихора не протанцуетъ бы лучше польки.

Какъ все на свѣтѣ, и этотъ вечеръ долженъ былъ кончиться для Николая Ивановича. Онъ и кончился, увы! слишкомъ-скоро. Въ полночь Николаю Ивановичу надобно было возвращаться домой — иначе пришлось бы почевать на улицѣ. Ворота дома, въ которомъ онъ жилъ, запирались въ часъ полночи и открывались съ разсвѣтомъ. Дворникъ былъ неумолимъ, какъ Харонъ, и не отперъ бы ихъ никому въ свѣтѣ. Николай Ивановичъ остановился на порогѣ сада и въ-последніе созерцалъ тутъ свой идеалъ. Къ-несчастью, одне ничтожное обстоятельство омрачило до-сихъ-поръ невозму-

тимый ничѣмъ горизонтъ его душевнаго спокойствія. Какой-то военный, еще никакъ тотъ самый, что ходилъ съ блондинкою полку, попросилъ Николая Ивановича принести ему стаканъ оржада: опъ очевидно принялъ его за официанта! Это такъ разстроило Николая Ивановича, что онъ тотчасъ же пошелъ отыскивать въ передней свою шинель и калоши...

На другой день, товарищи Николая Ивановича замѣтили въ немъ большую разсыянность и трунили надъ нимъ... Въ этомъ ничего не было мудренаго: Николай Ивановичъ думалъ о вчерашней блондинкѣ...

Но кто же была эта Настасья Ивановна, о которой мы не разъ вспоминали, и которая должна была произвести внезапный переворотъ въ судьбѣ Николая Ивановича? спросать насъ читатели.

Въ отвѣтъ мы сдѣлаемъ довольно-длинное отступленіе отъ нашей исторіи — и читатели да извинятъ насъ.

II.

МАМЕНЬКА И ДОЧКИ.

А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьбѣ всему — надъ ними нѣтъ судей,
За картами, когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣніе — вѣдь самъ я былъ жеманъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ,
Присутствовать пошлите ихъ въ Сенатъ...
Ирина Власѣвна, Лукерья Алексѣвна,
Татьяна Юрьевна, Пульхерія Андреевна...

Настасья Ивановна, дама уже не въ первой молодости, но еще не старая, владѣтельница восьмидесяти душъ въ Костромской-Губерніи, была законною супругою Андрея Ивановича, чиновника душой и тѣломъ, вотъ уже двадцать-шестой годъ подвизающагося на шаткомъ поприщѣ службы. Андрей Ивановичъ и Настасья Ивановна, по разуму евангельскаго слова, составляли, какъ супруги, такое нераздѣльное цѣлое, какое могло существовать развѣ только въ математикѣ. Андрей Ивановичъ былъ созданъ для Настасьи Ивановны такъ же точно, какъ Настасья Ивановна могла найти свое счастье только съ однимъ Андреемъ Ивановичемъ. Второй экземпляръ гоголевскихъ Пульхеріи Ивановны и Аеанасія Ивановича (экземпляръ столичный, на веленовой бумагѣ и въ сафьянномъ переплетѣ) — они, какъ некогда Филемонъ и Бавкида, были

настоящимъ первообразомъ супружескаго счастья, въ противность всемъ кривымъ толкамъ и умозрѣнїямъ нынѣшнихъ романтиковъ, отвергающихъ существованіе супружескаго счастья. И какъ невозможно было это счастье! Пять лѣтъ супружеской жизни, жизни однообразной и тихой, какъ теченіе ручейка, пролетѣли для нихъ незамѣтно, какъ пять счастливыхъ дней, какъ пять минутъ. Ничто не потемнило, въ-теченіе этихъ пяти лѣтъ, чистаго зеркала ихъ жизни. Ни тѣни раздора, ссоры, неудовольствїя! Съ обѣихъ сторонъ были отстраняемы малѣйшія недоразумѣнія, которыя могли бы возбудить споръ и, въ-слѣдствіе его, неудовольствіе. Миролюбивый принципъ обѣихъ супруговъ видимо руководилъ ихъ счастьемъ. Андрей Ивановичъ былъ во всемъ согласенъ съ Настасьей Ивановной; Настасья Ивановна соглашалась во всемъ съ Андреемъ Ивановичемъ. Самая утонченная деликатность означала всѣ отношенїя ихъ между собою; какъ у Гоголя, Андрей Ивановичъ называлъ всегда Настасью Ивановну по имени и по отчеству; Настасья Ивановна слѣдовала тому же примѣру, позволяя себѣ иногда, при чужихъ, назвать Андрея Ивановича по-французски: André. Такое исключеніе дѣлалъ и Андрей Ивановичъ, называя Настасью Ивановну: та сѣге и Настенькою. И Андрей Ивановичъ и Настасья Ивановна были характера мягкаго, спокойнаго.

Дѣдъ Настасьи Ивановны былъ сельскимъ священникомъ въ одной изъ помѣщичьихъ усадебъ Вологодской-Губерніи. Дѣтей у него было только двое: сынъ да дочь. Сынъ, окончивъ курсъ въ губернской семинаріи, предпочелъ, согласно отцовскому желанію, гражданское званіе духовному и, при протекціи помѣщика, вступилъ писцомъ въ дворянскую опеку. Понаторѣвъ въ канцелярскомъ искусствѣ «шить и вязать, распарывать и зашивать», онъ добился мѣста секретаря опеки, и тутъ ловкости и смыслѣности парня представилось обширное поприще. Скоро онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ для каждаго помѣщика. Обязывая ихъ то тѣмъ, то другимъ по дѣламъ въ опеку, онъ между-тѣмъ собиралъ и крупки, изъ которыхъ въ-послѣдствїи составилось нѣчто цѣлое. По пословицѣ «съ міра по ниткѣ — голому рубашка», онъ имѣлъ предусмотрительность не пренебрегать этими крупками. «Крупка къ крупкѣ, а будетъ купка, копейка къ копейкѣ — проживетъ и семейка», говаривалъ онъ всегда, запирая въ окованный желѣзомъ дѣдовскій сундучокъ посильныя лепты привносителей. Старикъ-отецъ радовался, глядя на сыновній достатокъ, потиралъ морщинистыя руки и говорилъ: «Изъ малаго будетъ прокъ; онъ пойдетъ далеко!» Дочь выдана была имъ замужъ за одного петербургскаго чиновника, отличавшагося, какъ носились слухи, трудолюбіемъ и

способностями. Устроивъ дѣтей, довольный и счастливый, старикъ закрылъ глаза и отошелъ къ праотцамъ.

Между-тѣмъ, секретарь опеки успѣшно пожиналъ то, что ему было заблаговременно посвято. Счастіе видимо благопріятствовало ему: одинъ изъ достаточныхъ помѣщиковъ, наскучивъ хозяйствомъ, предложилъ ему идти къ нему въ управителя. Онъ не задумался и тотчасъ же, оставивъ службу, переселился въ деревню. Имѣніе было прекрасное: мужички чуть не лопались съ жиру, — было омоло чего потереть руки. Новый управитель принялся за дѣло съ свойственною ему осторожностью, руководствуясь тѣми же правилами, какимъ слѣдовалъ онъ и на службѣ. Превнія крупки начали принимать громадныя размѣры. Подряды и спекуляціи, веденныя съ расчетомъ и осторожностью, скоро удвоили и даже утроили его пріобрѣтеніе. Однимъ словомъ, спустя семь лѣтъ по вступленіи въ званіе управителя, у Ивана Степановича было уже куплено своихъ 250 душъ, душъ съ вголочки, тѣвженскихъ, чистенскихъ, незаложенныхъ; Иванъ Степановичъ имѣлъ приличный чинъ, крестикъ въ петлицѣ, стяжанный трудами по опекѣ, пользовался общимъ расположеніемъ сосѣдей и въ первые выборы избранъ былъ въ засѣдателя.

Въ тѣ счастливыя времена было не то, что нынче. Земскіе чиновники сидѣли какъ слоны на воеводствѣ. Старики со слезами вспоминаютъ объ этомъ золотомъ времечкѣ. Кто садился въ исправники, тотъ уже навѣрное могъ считать себя, лѣтъ черезъ шесть, помѣщикомъ славныхъ тысячи душъ; засѣдателямъ доставались сотенки, — извѣстное дѣло: дрова рубятъ, щепки летятъ. Черезъ три года воеводства, Иванъ Степановичъ къ 250 душамъ прикупилъ еще сотню и вышелъ въ отставку. Къ этому послѣднему обстоятельству побудило его назначеніе новаго губернатора: надобно было убираться заблаговременно, по-добру, по-здорову.

Тогда уже онъ задумалъ жениться, и выборъ его палъ, какъ водится, на сосѣдку. У этой сосѣдки, дѣвушки лѣтъ 25-ти, было 70 душъ. Иванъ Степановичъ заслалъ свахъ, и дѣло было покончено въ недѣлю времени.

Авдотья Николаевна, какъ бѣдная дворянка (то-то, повторяемъ, было счастливое время: невѣста съ 70 душами считалась бѣдною и не получала никакого образованія; а нынче, нынче — милосердые боги! — нынче невѣсты съ приданымъ въ 50 душъ ѣздятъ въ четверомѣстныхъ каретахъ и абонированы на ложи итальянской оперы. О прогрессѣ! куда-то приведешь ты наконецъ нынѣшнихъ невѣстъ, съ ихъ трикраты-заложенными душами!), — Авдотья Николаевна не получила почти-никакого образованія. Все ея образованіе ограничивалось бѣглымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ и не столь-бѣглымъ — книгъ

печати гражданской. Писать она также умѣла, если судить по поминанью, въ которомъ нетвердою рукою вписывала она, каждую субботу, имена всѣхъ «въ Бозѣ почившихъ» предковъ своихъ для вынутія, за ранней обѣдой, за упокой души ихъ, частички, и всѣхъ родныхъ, обрѣтающихся во здравіи, для вынутія частички за здравіе, — если судить, говоримъ, по скверному, истертому и затасканному, съ оторваннымъ переплетомъ, альбому, гдѣ было вписано пять-шесть стиховъ, чуть ли не блаженной памяти Сумарокова, и два державинскіе анакреонтика, — если судить, наконецъ, по письмамъ, которыя она писала по два раза въ годъ къ двумъ своимъ тѣткамъ, столѣтнимъ дѣвицамъ, въ Солигаличъ и въ Кивешму, — писала стилемъ временъ предъисторическихъ и почеркомъ... почеркомъ, какимъ могли писать развѣ только сами изобрѣтатели письменности, Финникіане. Не смотря на это, Авдотья Николаевна имѣла въ некоторый навѣкъ въ обращеніи съ людьми порядочнаго общества и ни манерами, ни привычками не отличалась отъ прочихъ. Въ качествѣ сироты и бѣдной барышни, она была принята въ домахъ помѣщиковъ и цѣлаго уѣзда, гдѣ гащивала по цѣлымъ недѣлямъ, развигрывала навѣстную нашему прежнему поколѣнію роль *барской-барышни*, угождая всѣмъ и каждому, разливала чай при гостяхъ, просиживала по цѣлымъ часамъ за картами (она играла въ дурачки и въ фоханы) съ беззубыми старухами. Такимъ угодничествомъ Авдотья Николаевна умѣла провникнуть даже въ лучшія общества, и сама губернаторша, прїѣзжая изъ города въ деревню на лѣтніе мѣсяцы, всегда посылала за Авдотьей Николаевной экипажъ свой.

«Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ чуть ли не всемірная пословица. Примѣнить ее къ нашей Авдотьѣ Николаевнѣ можно было въ совершенно-противномъ значеніи: «нѣтъ добра безъ худа». Отъ этихъ столкновеній съ людьми, выше ея по состоянію, воспитанію и образованію, прескверное сѣмя зародилось въ воспримчивой и влодотворной почвѣ Авдотьи Николаевны. Она припустила къ себѣ искусительнаго бѣса тщеславія, позволила себя обмануть ему, предалась ему совершенно. Съ этой минуты, все, чтѣ, по ея мнѣнію, носило на себѣ признаки хорошаго тона, хорошей фамиліи, богатства, знатности, имѣло право на ея безграничное уваженіе, на сляпую подражательность. Съ этой минуты началъ гложуть въ ея умъ и сердце всѣ убѣжденія, всѣ чувства, которыя, какъ нерас-траченное наслѣдіе, достались ей отъ цѣлой генераціи предковъ.

Характеръ и склонности Авдотьи Николаевны развились во всемъ блескѣ со времени ея замужства. Иванъ Степановичъ, при такихъ условіяхъ, долженъ былъ необходимо попасть въ опеку. Такъ и сдѣлалось. Авдотья Николаевна взяла его, какъ говорится, въ руки. Иванъ Степановичъ, не крутой отъ природы, покорился без-

условно. Надобно сказать, что, къ чести Авдотьи Николаевны, она не была ни злою, ни сварливою. Любила она только поставить на своемъ, и ужь ставила, ставила, матушка, миръ ея праху! Прибавьте къ этому, что особая манера, тонъ и привычки, подсмотрѣнные ею по разнымъ домамъ въ дѣвичество, рѣзко уже обозначали первыя ея распоряженія, какъ хозяйки и главы дома.

Плодомъ мирной и согласной жизни обоихъ супруговъ были двѣ дочки: Прасковья Ивановна и наша Настасья Ивановна. Обѣ дѣвочки имѣли характеры совершенно-противоположные. Параша была вся въ маменьку: страшная егоза и болтушка. За то уже Настя была молчалива, какъ статуя. Какъ водится, первородную дочку баловали на чемъ свѣтъ стоитъ и сдѣлали ее, въ-слѣдствіе того, своенравною и капризною. Параша была педурна собою (по-крайней-мѣрѣ такъ утверждали тѣ, кто помнилъ ее въ молодости); Настя и въ этомъ случаѣ представляла противоположность. До семи лѣтъ, дѣвочки были предоставлены самимъ-себѣ и кучкѣ крестьянскихъ босыхъ дѣвчонокъ, да полдюжины кормилицъ, нянекъ и мамокъ, тоже, какъ водится, изъ крѣпостныхъ. Воспитаніе ихъ началось съ французскаго языка. Авдотья Николаевна только и думала о томъ, какъ бы скорѣе дочкамъ ея научиться лепетать по-французски. Безъ французскаго языка не могло быть спасенія. Авдотья Николаевна не затруднилась сманить у сосѣдки *говорильнику* (такъ называла она гувернантку, но послѣ, прислушавшись, стала называть правильнѣе), слывшую во всей околицѣ за *Французенку*, шестидесяти-лѣтнюю старушку, нюхавшую табакъ и до страсти любившую все спиртуозное. Хорошо ли, дурно ли, только дѣвочки начали болтать на чужеземномъ нарѣчій. Авдотья Николаевна и Иванъ Степановичъ (добрякъ также допустилъ обольстить себя тщеславію и *хорошему тону*) не знали предѣловъ своему восхищенію... Восторгъ ихъ, однакожъ, не былъ продолжителенъ. Желая похвастать успѣхами дочекъ, Авдотья Николаевна созвала сосѣдей, въ присутствіи которыхъ должно было произойти испытаніе во французскомъ языкѣ. Читатели представляютъ себѣ изумленіе гостей и изступленіе Авдотьи Николаевны, когда тѣ объявили ей, что Параша и Настя говорили по-нѣмецки, не по-французски. Въ-самомъ-дѣлѣ, двѣ объяснились сквернѣйшимъ нѣмецкимъ нарѣчіемъ. Открылось, что Шарлотта Карловна, *Французенка*, была чистой Нѣмкой изъ Риги. На бѣду, въ этотъ памятный день экзамена, для приданія себѣ бодрости, Шарлотта Карловна подкрѣпила себя немпожко не въ мѣру пастоечкой. Ожесточенная Авдотья Николаевна выгнала ее изъ дома въ тотъ же день, не доплативъ, какъ водится, жалованья.

Тогда рѣшено было переселиться, подъ предлогомъ воспитанія дочерей, въ Москву.

По прїѣздѣ въ Москву, Авдотья Николаевна наняла гувернантку, натурально, не изъ дорогихъ. Когда дѣвочки подросли, ихъ отдала въ пансіонъ. Тогда по всей Москвѣ и ея окрестностямъ славился пансіонъ мадамъ Дебошъ. Главное вниманіе обращено было, какъ и слѣдовало, на нравственность. Танцамъ и всѣмъ наукамъ обучали особые учителя—все иностранцы. Скоро воспитаніе было окончено, и дѣвушки оставили пансіонъ—невѣстами.

Авдотья Николаевна не могла насмотрѣться на своихъ дочекъ, не могла ихъ послушаться, когда онѣ, бывало, начнутъ лепетать между собою и съ гостями по-французски. Наконецъ, Авдотья Николаевна дождалась осуществленія всѣхъ надеждъ своихъ: дочки ея говорили по-французски, даже переписывались съ своими прїятельницами все по-французски. Чтѣ онѣ тамъ писали въ этихъ запискахъ, до этого дѣла не было Авдотьѣ Николаевнѣ. Воспитаніе на этомъ, однакожь, не кончилось. Проницательность Авдотьи Николаевны, въ одной изъ дочекъ, и именно въ Настю, открыла великій музыкальный талантъ. Надобно было развить этотъ талантъ, дать ему настоящее направленіе. Въ то время доживалъ въ Москвѣ свой вѣкъ старичокъ Фильдъ и собиралъ по московскимъ гостиницамъ лань удивленія и ассигнацій. Рѣшено было нанять Фильда и, скрѣпя сердце, платить ему по бѣленькой бумажкѣ за урокъ. На какія пожертвованія, подумаешь, не способно сердце матери! Наняли Фильда, и Настя взяла у него десять уроковъ. Богъ-знаетъ, какіе успѣхи оказала Настя, но Авдотья Николаевна не уставала трубить про эти успѣхи при каждомъ удобномъ случаѣ. Ея Настя была великій музыкальный талантъ, какого не видала и не слыхивала Москва. Самъ Фильдъ, если вѣрить Авдотьѣ Николаевнѣ, не могъ слушать игры Насти безъ слезъ. Такимъ-образомъ, Настя, наша Настасья Ивановна, осталась съ монументальною музыкальною репутаціей.

Къ-сожалѣнію, Авдотья Николаевна не могла того же сказать о первородной своей дочкѣ: ея склонности и таланты направлены были совершенно анти-музыкально. Параша во-снѣ и на-яву бредила балами, собраніями, спектаклями, гуляньями на Прѣсенскихъ Прудахъ и на бульварѣ, каретами и ливрейными лакеями, и тому-подобнымъ. Отъ напеньки она приняла какой-то спекулятивный духъ; она уже напередъ рассчитывала по пальцамъ, чтѣ ей будетъ стоить такое-то и такое-то платье на первый зимній балъ собранія, да чтѣ могла бы стоить карета, да хорошая сбруя, съ армякомъ кучеру и съ ливреей лакею. Таковы были мечты семнадцати-лѣтней дѣвушки.

Авдотья Николаевна не уставала вывозить своихъ дочекъ всюду, куда только можно было вывезти. Ихъ видали вездѣ, считали ихъ

придансе, которое, благодаря пронипательности мамѣшки, представлялось въ очень-пльнительномъ видѣ. Какъ-разъ на звѣря вышелъ и ловець. Отвѣзжимъ полемъ было собраніе.

Параша родилась подъ счастливой звѣздой. Въ собраніи увидѣлъ ее отставной корнетъ, владѣлецъ тысячи душъ въ степной губерніи, — увидѣлъ и влюбился, какъ крокодилъ. Не было никакихъ средствъ удержать любовные порывы этого аллигатора, и даже сама Прасковья Ивановна, обольщенная приманкою 1000 степныхъ душъ, испугалась этой страстной любви, о которой она не могла составить себѣ даже темнаго понятія. Женихъ былъ хоть-куда: дѣти на ростомъ съ коломенскую версту, толстый, какъ бочка, говорилъ густымъ басомъ, игралъ въ вистъ славно, кѣшалъ съ рѣдкимъ аппетитомъ, а спалъ еще лучше. Одинъ замѣчали въ немъ недостатокъ: былъ глухъ, и хоть глухота, со времени «Горя отъ Ума», считается большимъ порокомъ, но все же большой порокъ не уголовное преступленіе, особенно когда онъ прикрытъ 1000 душами въ степной губерніи. Родня отставнаго корнета забила тревогу, закричала вело на сеймѣ гостиныхъ. Ни за что въ свѣтъ не соглашалась она принять въ свою семью мѣщанку съ какими-нибудь тамъ обораниыми полторастами душами, да еще и въ Вологодской-Губерніи. Родню эту составлялъ цѣлый звѣринецъ капризныхъ старухъ. Противъ этой когорты не могли дѣйствовать никакія убѣжденія. Влюбенный аллигаторъ, ожесточенный отказомъ, объявилъ старухамъ, что онъ повѣсится тутъ же, въ ихъ присутствіи. Старухи (набожныя, какъ все московскія старухи) не хотѣли принять на свои души такого тяжкаго грѣха, испугались не на шутку и согласились. Ударили по рукамъ, и тотчасъ же сыграли свадьбу.

Авдотья Николаевна была, по этому поводу, вознесена заживо подъ седьмое небо блажества. Препятствія, о которыхъ говорили мы выше, замедлившія свадьбу, она успѣла перетолковать въ свою сторону: увѣряла всѣхъ, что не могла дать своего согласія, опасаясь за будущность любимой дочери, что въ нравственныхъ качествахъ жениха она не имѣла удовлетворительныхъ свѣдѣній, и что наконецъ усиленные просьбы родныхъ его и слезы ихъ вынудили ее дать, скрѣпя сердце, свое на вѣки ненарушимое родительское благословеніе.

Прасковья Ивановна, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлалась московскою барыней. То, о чемъ она думала, что загадывала, — осуществилось для нее такъ нечаянно... Она увидѣла свое счастье во очію. Она имѣла карету и восемь лошадей на конюшнѣ. У ней было тысяча душъ! Теперь вся политика ея сосредоточилась на мужъ: она задумала управлять этой машиной — и успѣла въ

томъ, послѣ немовѣрныхъ, впрочемъ, съ ея стороны усилій. Правда, машина эта спала восемнадцать часовъ въ сутки, но тѣмъ не менѣе въ остальные шесть часовъ она немилосердо стучала испорченными своими колесами. Для смазки этихъ колесъ, машина употребляла водку — обстоятельство чрезвычайно-важное: Прасковья Ивановна превозмогла и это препятствіе. Такимъ образомъ, годъ-отъ-году, все шло какъ-нельзя-лучше. Съ родными мужа она также умѣла сладить. Сначала ее держали въ черномъ тѣлѣ и позволяли прѣзжать только въ большіе праздники и въ именинные дни съ поздравленіями, потомъ къ ней привыкли и допускали къ себѣ почаще. А родня была все такаа знатная—все князья, да княгини: Тряпкины, Тяпины, Ляпкины, Мочалкины, Ветошкины, и другіе, которыхъ не упомяну. Прасковья Ивановна гордилась этой родней, и передъ родными по матери хвасталась ими немилосерднымъ образомъ. Сегодня она собиралась обѣдать къ графинѣ Попрошайкиной, вчера обѣдала у своей кузины, княгини Ветошкиной, а завтра звана на дѣтскій балъ къ графинѣ Глушошкиной. Авдотья Николаевна слушала ее всегда разиня ротъ и смотря на нее во вѣѣ глаза. Передъ ней и передъ ея родными она играла роль аристократки. Ѣздила она не иначе, какъ въ каретѣ, и всегда четверней, но — Боже мой! что это была за карета и что за четверня!.. Парой она боялась ѣздить, изъ опасенія, чтобъ ее не приняли за купчиху второй гильдіи. Москва, какъ извѣстно, держится однажды-принятаго всеми обычая, какъ старовѣрка, и ей дѣла нѣтъ до качества, лишь бы соблюдено было количество. Введите моду ѣздить восьмеркою, и она впряжетъ въ свою карету восемь водовозныхъ клячъ,—впряжетъ непременно. Домъ Прасковьи Ивановны былъ монтированъ точно такимъ же образомъ. Приемныя комнаты были еще туда-и-сюда; но ужъ въ заднія комнаты, гдѣ жалось все народонаселеніе дома, лучше и не заглядывайте: шатающіеся музыканты на мочлеги представили бы вамъ въ своемъ временномъ хозяйствѣ гораздо-болѣе чистоты и порядка, чѣмъ спальня владѣтельница тысячи душъ; каждый курятникъ, конечно, показался бы вамъ опрятнѣе дѣтской. Все это было въ порядкѣ вещей, и все это маскировалось только передъ чужими. При звукѣ колокольчика исчезали со столовъ вонючіе салныя огарки и зажигались початыя калетовскія свѣчи. Мальчишка, одѣтый казачкомъ или жокеемъ, становился на часахъ у дверей залы, смотрѣлъ въ замочную скважину, и когда гости снимали сапоги и шинели, онъ торжественно отворялъ обѣ половинки дверей и провозглашалъ ния, отчество и фамилію прѣзжавшихъ. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, было сигналомъ, по которому должна была скрываться дѣвка съ желѣзной курильницей и лакей съ пологою щет-

кой. По отъездѣ гостей, все входило въ прежнюю колею, не исключая и сальныхъ огарковъ, замѣнявшихъ калетовскія свѣчи.

Духъ спекуляціи овладѣлъ нашею дамою безвозбранно. Удивлялись, какъ успѣвала она все дѣлать. Она безпрестанно покупала деревни, продавала ихъ; закладывала, перезаклаывала, покупала подмосковныя, домъ въ Москвѣ, торговалась со всеми на убой, печатала въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» объявленія, шмыгала по аукціонамъ, по гостиному двору и магазинамъ Кузнецкаго-Моста. Всѣ сидѣльцы знали ее въ лицо. Въ Опекунскомъ-Советѣ чиновники боялись ея, какъ огня. Карету ея и четырехъ худыхъ клячь съ оборванной сбруей вы могли встрѣтить по нѣскольку разъ въ день на московскихъ улицахъ. Въ еоминъ-понедѣльникъ она была первая на приступѣ къ магазину Сатиаса, въ жажды къ дешевымъ товарамъ, — проталкивалась во весь уголъ, была съ утра до вечера, торговалась до истерики и, въ заключеніе, привозила домой дешевыхъ товаровъ на три съ полтиной ассигнаціями.

Зимой она давала у себя вечера, дѣтскіе балы и даже концерты. Описывать эти вечера, дѣтскіе балы и концерты—значило бы растянуть нашу исторію до завтра. Если вы отъ роду не играли на скрипкѣ, то могли бы дать на ней концертъ у Прасковьи Ивановны, могли бы играть на вашей скрипкѣ, что вамъ угодно и какъ вамъ угодно, — васъ слушали бы и очень-усердно аплодировали. А балы? а вечера?.. Объ этомъ ужъ я не стану вамъ и рассказывать. Остается сказать только, что Прасковья Ивановна, страшная охотница до преферанса, готова играть съ утра до вечера — хоть по копейкѣ мѣдью. Впрочемъ, она играетъ и по 3 копейки серебромъ, если ей составится партія. Боже васъ сохрани съестъ играть съ Прасковьей Ивановной, особенно если ей не йдутъ карты. Это сущее наказаніе!.. Она или наговоритъ вамъ тысячу грубостей, или — если вы зазываетесь — обсчитаетъ васъ, немилосердо обсчитаетъ!

А ея умственная жизнь? захотите вы, можетъ-быть, спросить меня. Образованная женщина, въ вышнемъ XIX вѣкѣ, при общемъ стремленіи къ прогрессу, къ знанію, даже при владычествѣ моды, должна читать, слѣзая за ходомъ вѣка, за современными вопросами, — скажете вы. Читать?.. Прасковья Ивановна читаетъ... каждыя вторникъ, четверкъ и субботу—«Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ»!.. Современный вопросъ?.. Какъ вы играете: семь, восемь, или безкозырную?.. Ходъ вѣка?.. По новому курсу, на серебро. — Вотъ вамъ отвѣты на вопросы.

Воспитаніе дѣтей идетъ однажды-заведеннымъ порядкомъ. Есть гувернантка, которая, какъ водится, перемѣняется по нѣскольку разъ въ годъ; есть учитель, maître; есть Намощъ, шépin; бываютъ

дѣтскіе балы, какъ мы уже говорили, и ѣлки передъ Рождествомъ... Развѣ мало всего этого? Къ довершенію, Авдотья Николаевна души не видитъ въ своихъ внучатахъ и балуетъ ихъ на пропалую.

А мужъ, а супругъ, а корнетъ въ отставку?.. Онъ просыпается въ одиннадцать часовъ, завтракаетъ, читаетъ «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ», ѣдетъ отъискивать по нимъ одинъ разъ пролетныя дрежки, продающіяся за отъездомъ хозяина, другой разъ жеребца, мебель, домъ, карету — все, что вздумается. После объѣда ложится спать и спитъ до семи, а въ семь ѣдетъ въ Дворянскій-Клубъ. Лѣтомъ, въ деревнѣ, разумеется, онъ съ утра до вечера въ отъѣздѣхъ полѣ.

И это не жизнь, — и это не счастье, читатель?

III.

Чета Молчалиныхъ.

Молчалинъ. — Нѣтъ-съ; свой талантъ у всѣхъ...

Чацкій. — У васъ?

Молчалинъ. — Да-съ:

Умѣренность и аккуратность.

Между-тѣмъ, время шло, а сестрица Прасковья Ивановны, Настасья Ивановна, все еще сидѣла въ дѣвушкахъ. Ей уже пошелъ тридцать-второй годъ. Маменька, Авдотья Николаевна, призадумалась, и наконецъ уже бросила всякую надежду видѣть свою возлюбленную дочку замужемъ. Разбирать жениховъ теперь никто бы и не подумалъ: крепость сдавалась на капитуляцію, не зная силъ непріятеля. Авдотья Николаевна наконецъ наскучило ѣздить по гуляньямъ и собраніямъ; ей совѣстно было показываться въ людяхъ съ своимъ залежалымъ товаромъ Имѣніе значительно поразстроилось, и спекуляціи Ивана Степановича какъ-то не удавались. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было переселиться въ деревню, или, по-крайней-мѣрѣ, въ ближайшій отъ Москвы губернской городъ. Переселились. Неудачи эти всего менѣе, кажется, имѣли вліянія на перезрѣлую Настиньку. Съ утра до вечера она погружена была въ мертвое безмолвіе, въ совершенную апатію, родъ сомнамбулизма. Фортеньяно ей надобно; она садилась играть только по усиленной просьбѣ и слушала потомъ похвалы и удивленія. Эти похвалы ей были острымъ ножомъ. Хвалили ее будто изъ милости, изъ состраданія и въ этихъ улыбкахъ, полу-словахъ, восклицаніяхъ, она примѣчала ѣд-

кій сарказмъ. Не играй она на фортепьяно—куда бы дѣвались всѣ эти похвалы, насильно вынужденныя, подавныя какъ подачка съ барскаго стола, какъ милостыня Христа-ради? Самолюбіе ея было гадко за живое: она бросила фортепьяно и стала думать о монастырѣ.

Десятилетняя жизнь въ провинціи, съ рѣдкими поѣздками въ Москву, оставила на ней свою печать. Она сдѣлалась провинціальною барышней. Ея русскій акцентъ носилъ на себѣ всѣ слѣды провинціализма. Въ рѣчи ея васъ поразило бы множество мѣстныхъ плеоназмовъ. Она отставала замѣтно отъ вѣка и отъ времени, но, отставая, тѣмъ крѣпче держалась узаконенныхъ въ провинціи обычаевъ, что еще больше бросалось въ глаза отолченнымъ ея пріятельницамъ и знакомымъ. Не облизываясь ни съ кѣмъ особенно, она однакожь только и думала, что о связяхъ и знакомствахъ въ лучшемъ кругу губернскаго общества. Лишнее приглашеніе на балъ къ губернатору или предводителю, участіе въ пикникѣ, въ лотерей на бѣдныхъ — были сухими поблеклыми листочками, какіе влетала она въ свой терновый вѣнецъ. На лицѣ ея ярко отпечатались всѣ волновавшія ее чувства: бореніе самолюбія съ привычками молодыхъ лѣтъ, — внутренняя истома, неизвѣстность будущаго, и все это снаружи прикрыто было мертвеннымъ равнодушіемъ, апатією, какимъ-то сомнамбулизмомъ. Судьба ея оказывала сильное вліяніе на Авдотью Николаевну. Въ послѣднія десять лѣтъ она будто прожила тридцать, — посѣдѣла, постарѣла ужасно. Она дрожала и гасла съ каждымъ днемъ. Сплетни и преферансъ поддерживали ея существованіе, за отсутствіемъ всякихъ надеждъ. Старушка бодрилась, какъ могла, не манкировала ни однимъ приглашеніемъ, летала въ Москву на почтовыхъ каждую зиму — и за всѣ эти усилія старости плачывалась потомъ одышкой. Иванъ Степановича уже не было въ живыхъ. Въ своей Парашѣ, старушка, — все та же нѣжная мать, — не видѣла души и, Боже мой! чѣмъ платила ей за эту любовь московская барыня!.. Старушку держали въ черномъ тѣлѣ: старушка компрометтировала московскую барыню своими провинціальными привычками... Отъ равнодушія дѣло перешло къ прятшеніямъ, къ оскорбленіямъ — къ худшему еще. Кто винокъ бы хорошенько въ положеніе этой старушки, въ ея жизнь среди этой прикрытой избыткомъ грязи, тотъ могъ бы ужаснуться. Передъ глазами у него разыгрывалась бы драма не хуже Лира или дѣда Горіо... Сердце тутъ сжималось невольнo, и умолкалъ сарказмъ самаго гадкаго ума, пораженнаго убійственной мыслію о глубокой порчѣ этого еще-несоарѣзанаго, черазвившагося общества...

На тридцать-третьемъ году возраста рѣшилась судьба Настаси

Ивановны. Въ губернскомъ городѣ, гдѣ поселилась съ ней Авдотья Николаевна, въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ, служилъ Андрей Ивановичъ. — За отсутствіемъ всякихъ блестящихъ способностей, судьба одарила его качествами, ничѣмъ на службѣ незамѣтными: умеренностью, точностью, аккуратностью, трудолюбіемъ и безграничнымъ терпѣніемъ. Подъ эгидой этихъ качествъ, Андрей Ивановичъ выдержалъ тяжкій испусъ въ одномъ изъ московскихъ сенатскихъ департаментовъ и перешелъ въ губернію, приготовивъ себя тамъ напередъ приличное мѣстечко. Въ этой губерніи была у Андрея Ивановича скромная деревенька изъ ста душъ. Въ губерніи Андрей Ивановичъ могъ считаться женихомъ хотѣ-иуде. Характера Андрей Ивановичъ былъ необыкновенно-скромнаго и несколько-непостояннаго. Въ обществѣ и дома онъ былъ молчаливъ и серьезенъ. Въ карты Андрей Ивановичъ не игралъ и трубки не курилъ. Родня у Андрея Ивановича была небольшая. Всего ихъ было трое братьевъ, изъ которыхъ, какъ это случается на Руси за-частую, двое было умныхъ, а третій дуракъ. По странному случаю, оправдывающему убѣжденія старинныхъ нашихъ сказочниковъ, дуракъ выходилъ всегда лучше обоихъ умныхъ, которые были не безъ порока. Которымъ именно былъ Андрей Ивановичъ — мы не скажемъ, представивъ отгадать этотъ секретъ самому читателю.

Какется, въ собраніи увидѣлъ въ первый разъ Андрей Ивановичъ Настасью Ивановну, увидѣлъ — и сердце застывало подъ его форменнымъ жилетомъ, какъ маятникъ. Говорите, послѣ этого, что въ природѣ не существуетъ симпатіи, этой таинственной связи двухъ душъ, непонятнаго влеченія одной къ другой! Андрей Ивановичъ весь вечеръ смотрѣлъ на Настасью Ивановну — и молчалъ. Настасья Ивановна во весь вечеръ не замѣтила Андрея Ивановича — и также молчала. Молчаніе Андрея Ивановича было красивѣе словъ. Вопросъ цѣлой жизни заключенъ былъ для него въ этомъ молчаніи. Скоро онъ познакомился съ Авдотьей Николаевной, и съ перваго же раза далъ замѣтить ей о своихъ намереніяхъ. Авдотья Николаевна посмотрѣла на него большими глазами. Она не вѣрила своему счастью и счастью своей безнадежной Насти... На другой визитъ, молодые были представлены другъ другу. Авдотья Николаевна нарочно ушла, оставивъ ихъ однихъ. Это «самъ-на-самъ» было очень-оригинально. Андрей Ивановичъ смотрѣлъ на Настасью Ивановну — и молчалъ. Настасья Ивановна сидѣла опустивъ глаза — и молчала. Только муха, жужжавшая на оконномъ стеклѣ, производила ужасный шумъ. Наконецъ, Андрей Ивановичъ, наскучивъ, въроятно, безмолвіемъ, сбравъ съ себя, и — кашлянулъ. Настасья Ивановна въ эту ми-

нугу также собралась съ силами и — робко взглянула на Андрея Ивановича. Андрей Ивановичъ собирался уже что-то сказать, какъ дверь отворилась, и вошла Авдотья Николаевна. Такимъ-образомъ объясненіе не состоялось.

Многихъ усилій стояло Авдотью Николаевну свести молодую пару и заставить ихъ объясниться. Наконецъ, и это препятствіе было побѣждено. Настасья Ивановна выслушала объясненіе молча: молчаніе есть знакъ согласія. Эта оригинальная партія надѣлала много шума въ муравейникѣ губернскаго города и породила множество анекдотовъ, одинъ другаго забавнѣе. Такая гласность, въ противность всѣмъ желаніямъ Авдотьи Николаевны, была причиною, что свадьба сыграна не въ городѣ, а въ-тихомолку, въ деревнѣ. Можно сказать, что жертвенникъ Гименея возженъ былъ Иппократомъ. По цѣлымъ днямъ молодые сидѣли рядкомъ, въ безмолвномъ созерцаніи другъ друга. Авдотья Николаевна скучала съ ними, какъ на нѣмецкой проповѣди. Безмолвный медовый мѣсяць прошелъ въ деревнѣ. Для Авдотьи Николаевны это былъ цѣлый вѣкъ скуки; для молодыхъ... но спросите ихъ сами, что они чувствовали во весь этотъ мѣсяць безмолвія. Конечно, чаще всего отъ избытка сердца глаголятъ уста; но развѣ нѣтъ такихъ чувствъ, которыя предпочитаютъ замыкаться въ себя, какъ устрица въ раковинѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что молодые были счастливы—по-свѣдѣу.

Когда прошелъ медовый мѣсяць въ ничѣмъ-невозмутимомъ безмолвіи, надобно было подумать о будущности. Андрей Ивановичъ предоставилъ самого-себя и свою службу въ распоряженіе Настасьи Ивановны... Настасья Ивановна пожелала жить въ Петербургѣ... Петербургъ всегда представлялся ей такою блестяшею мечтою!.. Это городъ молчанія, тогда-какъ Москва городъ болтовни и сплетней. Тамъ дворъ, тамъ моды, настоящій хорошій вкусъ, изящныя манеры, совершенство; тамъ желѣзныя дороги, пароходы, всѣ дива мануфактуръ и промышленности. Прошлая жизнь Настасьи Ивановны, неудачи на ловлѣ жениховъ, насмѣшки пріятельницъ — все это поссорило ее съ Москвою окончательно. Къ-тому же, въ Москвѣ такъ любятъ говорить, а говорить, на московскомъ нарѣчьи — все-равно, что злословить. Да притомъ, въ Петербургѣ нѣтъ ни Прѣсенскихъ-Прудовъ, ни бульваровъ, ни дешевыхъ товаровъ!.. Москва — городъ Прасковьи Ивановны; Петербургъ — резиденція Настасьи Ивановны.

Итакъ, предположено было, чтобъ Андрей Ивановичъ служилъ въ Петербургѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Андрей Ивановичъ тотчасъ же принялся искать мѣсто. Ему посчастливилось, и онъ получилъ одно изъ тѣхъ мѣстъ, которымъ такъ завидуютъ департаментскіе чиновники—мѣсто экзекутора, стряпчаго, или что-то въ этомъ

родъ. Настасья Ивановна умѣла по-немногу передать Андрею Ивановичу свой взглядъ на вещь, свой аристократическій тонъ и манеру. Андрей Ивановичъ не получилъ почти-никакого образованія. Въ молодости (теперь ему было сорокъ-пять лѣтъ) онъ сидѣлъ на университетской скамьѣ; но отсутствіе ли способностей, природная ли лѣнь, часто встрѣчаемая въ характерѣ русскаго человѣка, не допустили его вступить въ святилище наукъ, и Андрей Ивановичъ оставилъ университетъ точно такимъ же, какимъ и вступилъ въ него, съ тою только разницею, что теперь, вмѣстѣ съ темными воспоминаніями о какихъ-то лекціяхъ, онъ выносилъ и чинъ 12 класса вмѣстѣ съ форменнымъ патентомъ. Претензіи на московскій провинціальный *bon genre*, поддерживаемыя въ немъ безмолвную по-прежнему Настасьею Ивановною, сбили добраго человѣка совсѣмъ съ толку. Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, всѣ поступки его, слова, мысли и даже движенія, были соображаемы и рассчитываемы. Эта жизнь «заднею мыслью», если такъ можно выразиться, заимствуя у Французовъ ихъ *aggrégé pensée*, дѣлала Андрея Ивановича лицомъ чрезвычайно-оригинальнымъ и типическимъ, и наблюдательному, острому уму оставалось только «принимать къ свѣдѣнію» всѣ особенности, какими отличалась нарумяненная и набѣленная натура Андрея Ивановича, чтобъ составить изъ нихъ нѣчто цѣлое, которое могло и разсмѣшить васъ и заставить подчасъ призадуматься. Къ-сожалѣнію, всѣ мы, встрѣчая ежеминутно кругомъ себя, едва-ли не на каждомъ шагу, множество Андреевъ Ивановичей съ ихъ переначанными, перековерканными натурами, проходимъ мимо безъ вниманія, тогда-какъ при небольшомъ усилии могли бы разоблачить ихъ, подвергнуть анализу и представить обществу новый урокъ, который во всякомъ случаѣ могъ бы быть поучительнымъ и назидательнымъ.

Андрей Ивановичъ не былъ ни злымъ, ни дурнымъ человѣкомъ. Сначала недостатокъ воспитанія, потомъ образованія, наконецъ, всякаго принципа, — слѣпая подражательность и сильное желаніе показаться передъ людьми какъ и *est*, т. е. не быть оригинальнымъ, — дѣлали его такимъ, и очень-естественно, что оригинальность эта обозначалась на немъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе, съ его стороны, дѣлано было усилій избѣгнуть ея. Это исторія всѣхъ оригинальностей, надъ которыми обыкновенно любятъ полемизироваться.

Воображеніе Настасьи Ивановны представляло ей Петербургъ какимъ-то Эльдorado, въ которомъ она найдетъ полное, совершенное счастье. Нужно ли говорить, что она нашла въ немъ по приѣздѣ?.. Сначала, какъ водится, Петербургъ ей понравился. Все въ немъ было для нея ново: и природа, и люди, и дѣло рукъ

ихъ—городъ. Какъ бразильскій намъся, какъ луговныя степи южной Америки, въ которыхъ все ново, все колоссально, все немезгьдово, гранитный гбродъ изумлялъ ее; потомъ, присмотрѣвшись, она сдѣлалась равнодушною и знала въ прежній соннамбулизмъ. Въ дѣломъ городѣ, во всемъ его полумиллионномъ населеніи, ни у ней, ни у Андрея Ивановича не было ни одного знакомаго: пасивные характеры обомъ супруговъ клали непреодолимую преграду всякому новому знакомству, всякому сообщенію съ людьми... Они были одни среди этого муравьиного населенія столицы. Причина такого разобщенія съ людьми и съ обществомъ заключалась не въ одномъ характерѣ счастливой, безвольной четы. Зародышъ разобщенія таился въ старыхъ провинціальныхъ претензіяхъ Настасьи Ивановны. Знакомытъ она, по московскому обычаю, хотѣла бы имѣть только между князьями и графами: между ними и другимъ кругомъ общества не было середины. Въ ожиданіи княгинь и графинь, текли однообразно дни Настасьи Ивановны и Андрея Ивановича. На третій годъ петербургской ихъ жизни, суждено было осуществиться ихъ ожиданіямъ. Въ одномъ съ ними домѣ нанявали скромныя четыре комнаты какія-то княжны изъ Вологды, или изъ Москвы: Москва или Вологда выбросила ихъ въ Петербургъ, какъ ненужныя вещи. Княжны эти ѣдили на извозничьихъ дрожкахъ, а чаще ходили пешкомъ, съ лакеемъ въ такой полнѣной ливреѣ, какую можно только встрѣтить на княжескихъ людяхъ въ Москву или Вологду. Князь—мужъ, или братъ—былъ перчаточнымъ фабрикантомъ, чѣмъ и поддерживалось существованіе цѣлаго княжескаго дома. Случайному знакомству этому Настасья Ивановна обрадовалась, какъ кладу, и съ первою же мечтою написала въ Москву сестрѣ и матери о драгоценной находкѣ. Осчастливленные извѣстіемъ, Авдотья Николаевна и Прасковья Ивановна принялись разсказывать всѣмъ, между прочимъ, что Настасья приобрѣла въ Петербургѣ огромныя свизи, что подружилась съ княгинею ...ой (фамилія эта, къ несчастію, была столько же известна, сколько многочисленна), и что чуть ли не ѣздитъ съ ней ко двору. Черезъ день, на другомъ концѣ Москвы, говорили уже утвердительно, что дочка Авдотьи Николаевны не жалована въ штатс-дамы, что объ этомъ уже и напечатано въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Ведомостямъ», и что Андрей Ивановичъ на-дняхъ будетъ сдѣланъ директоромъ департамента.

Въ то время, какъ расходились по Москвѣ подобныя слухи, въ Петербургѣ совершалъ обычное свое путешествіе изъ департамента въ пятый часу по-полуночи чинюшій Андрей Ивановичъ, неси шбдъ одной мышкою двѣ переманенныя въ камешной лавкѣ книги, а подъ другою купавшіяся по дорогѣ въ вандитерской и эзер-

нутые въ бумагѣ для предстоящей домашней трапезы два десяти-копеечные пирожка. Разница между московской мечтой и петербургской существенностью была ужасная!

Квартира Андрея Ивановича носила на себѣ отпечатокъ тѣхъ же претензій. Настасья Ивановна всегда изъявляла желаніе жить въ бель-этажъ и гдѣ-нибудь поближе къ центру города. Квартира, но ея желанію, была нанята очень-близко отъ центра города — чего ближе? — въ Большой-Мѣщанской, и въ бель-этажъ... Квартира эта была такъ обширна и удачно расположена, что Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ не могли сдѣлать шага, чтобъ не столкнуться другъ съ другомъ. Въ квартирѣ не было передней, но за то лѣстница отличалась всѣмъ щегольствомъ петербургскихъ лѣстницъ. Андрей Ивановичъ любилъ соединить хорошій тонъ съ дешевойною... Этотъ хорошій тонъ являлся въ его квартирѣ съ дешевойною самымъ страннымъ и оригинальнымъ образомъ. Мѣбель была подъ ореховое дерево и новаго фасона — со Щукина-Двора; столовые часы подъ стекляннымъ колпакомъ, отъ Вентергальтера и изображали Китайца подъ зонтикомъ, съ собачкою; лампа съ коловратнымъ движеніемъ — отъ Кюмбюгеда. И часы и лампа были самыя миньютюрныя размѣры. Со стекляннаго колпака часовъ сметалъ ежедневно пылъ самъ Андрей Ивановичъ. Лампу съ коловратнымъ движеніемъ онъ зажигалъ также самъ — одинъ разъ въ два года, — по поводу визита тѣхъ заштатныхъ князей, о которыхъ мы говорили. На столѣ, подлѣ столовыхъ часовъ, лежала единственная визитная карточка съ княжескою короною — перчаточнаго фабриканта и князя.

Въ числѣ мебели былъ и рояль, привезенный изъ Москвы, на которомъ Настасья Ивановна, во времена быя, брала уроки у Фильда. Рояль былъ открытъ постоянно; на пиюитрѣ его постоянно разложены были вариации Черни. Настасья Ивановна даже и не подходила къ фортепьяно. Отъ-чего? Спросите у ней самой, — спросите у тысячи барынь, которыя, превратившись

• Въ Настасіи Ивановны изъ Настя •,

имѣютъ привычку бросать все, чему онѣ учились были двушниками, — и вязальную спичку, и книгу, и инструменты. Такова уже, видно, натура русскихъ барышень!

Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ вѣдали шурьда въ благородное собраніе и въ оперу. Безъ собранія Настасья Ивановна не могла обойтись. Весь лучший петербургскій кругъ ѣздитъ въ собраніе. На этотъ конецъ она шила себѣ всякій разъ бѣлое атласное платье и нанимала съ Невского-Проспекта французскаго парикмахера убирать голову. Андрей Ивановичъ одевался de rigueur: въ бѣлый жилетъ

и бѣлый галстухъ. Въ одиннадцать часовъ, наемная двухъэтажная карета подвозила счастливую чету къ энгельгардтову дому. Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ, подъ ручку, молча прогуливались по заламъ среди блестящей толпы, или чинно сидѣли рядкомъ, также молча. Ни одного поклона, ни одного привѣта не встрѣчало ихъ въ залѣ: княжны не звали въ собраніе! Походивъ и посидѣвъ, супруги тѣмъ же порядкомъ и въ той же каретѣ возвращались домой, въ Мѣщанскую. На другой день, Настасья Ивановна писала въ Москву, сестрѣ и матери, о своихъ петербургскихъ удовольствіяхъ, о вчерашнемъ балѣ въ собраніи, гдѣ она провела время чрезвычайно-весело; Авдотья Николаевна и Прасковья Ивановна опять начинали бить въ набатъ, и опять, черезъ день, на другомъ концѣ Москвы, говорили утвердительно, что Настенька Авдотьи Николаевны на послѣднемъ петербургскомъ собраніи танцевала съ иностраннымъ принцемъ, а Андрей Ивановичъ, на томъ же балѣ, игралъ въ преферансъ, по червонцу фишку, съ французскимъ посланникомъ.

Этотъ слухъ былъ едва-ли не послѣдней жертвой, которую принесла говорливая старушка тщеславію и *хорошему тону*. На масляницѣ она покушала неосторожно блиновъ, засидѣлась слишкомъ-долго за преферансомъ, въ гостяхъ, и одышка задушила ее. Она оставила этотъ міръ послѣ страшнаго ремиза въ червяхъ, въ каретѣ, на пути изъ гостей домой. Кончина ея надѣлала много шума въ городѣ и много хлопотъ Прасковьѣ Ивановнѣ... Черезъ день послѣ похоронъ, о старушкѣ всѣ и забыли... Вспоминалъ о ней, правда, сельскій священникъ въ молитвахъ за упокой, да усадебные мужички, когда дошла и до нихъ вѣсть о ея кончинѣ. «Царство тебѣ небесное, наша кормилица!» говорили они, крестясь. — «Любила ты насъ и жаловала—грѣхъ не вспомнать тебя добромъ.» А дочка? а Прасковья Ивановна? Тяжелый камень отвалился у нея отъ груди: отнынѣ уже нѣкому было компрометтировать ее въ обществѣ. Не столько доволенъ былъ молодой повѣса, у котораго умиралъ дядюшка изъ Америки, оставляя послѣ себя милліоны, сколько была довольна Прасковья Ивановна. Птица, вырвавшаяся изъ клѣтки, не могла быть болѣе счастлива! Что касается до милліоновъ наслѣдства (оставалось послѣ старушки сто перезаложенныхъ душъ и нѣсколько сотенъ денегъ), оно, по завѣщанію покойной, перешло къ Настасьѣ Ивановнѣ, и это возбудило зависть Прасковьи Ивановны, владѣтельницы тысячи душъ въ степной губерніи. А наслѣдница, а Настасья Ивановна? Кто могъ измѣрить степень ея горести?... Она надѣла трауръ—и молчала. Андрей Ивановичъ нашилъ на шляпу флеръ — и молчалъ...

Такъ, среди молчанія и претензій, текла жизнь петербургскихъ

Филемона и Бавкиды. Все утро Андрей Ивановичъ проводилъ въ департаментѣ, за то уже вечеръ посвященъ былъ домашней жизни и супружескимъ обязанностямъ. Вставая изъ-за стола, послѣ обѣда, Андрей Ивановичъ молча цаловалъ руку Настасьи Ивановны, которая, также молча, отвѣчала ему тѣмъ же. Потомъ Андрей Ивановичъ и Настасья Ивановна брали въ руки по книжкѣ и садились на диванъ, передъ круглымъ столомъ, на которомъ, какъ потухшій жертвенникъ, стояла лампа съ коловратнымъ движеніемъ. Цѣлый часъ посвященъ былъ ничѣмъ-невозмутимому спокойствію и дижестіи. Андрей Ивановичъ, правда, чистилъ зубы перышкомъ, которое всегда носилъ въ боковомъ карманѣ жилета. Иногда они вступали въ разговоръ. «Какъ вы думаете, та сѣге», говорилъ Андрей Ивановичъ: «можно отворить форточку?» — Какъ вамъ угодно, отвѣчала обыкновенно Настасья Ивановна, и потомъ погружалась въ прежнее безмолвіе. Черезъ часъ, разговоръ возобновлялся. «Я хочу приказать Марѣ немного покурить, Настасья Ивановна?» говорилъ Андрей Ивановичъ. — Пожалуй, прикажите, отвѣчала Настасья Ивановна. Тогда Андрей Ивановичъ очень-осторожно звонилъ въ колокольчикъ, чтобъ позвать человека или служанку, хотя оба они были въ другой комнатѣ и могли явиться, еслибъ позвали ихъ даже шепотомъ. За полчаса до вечерняго часа, Андрей Ивановичъ имѣлъ обыкновеніе спрашивать Настасью Ивановну, не прикажетъ ли она ставить самоваръ, и на «какъ угодно» Настасья Ивановна колокольчикъ опять звенѣлъ и на порогъ дверей являлся человекъ или служанка. Иногда, что, впрочемъ, случалось очень-рѣдко, разговоръ начинала Настасья Ивановна. «Мнѣ бы хотѣлось лѣтомъ жить въ Павловскѣ, Андрей Ивановичъ...» говорила она. — Наймете въ Павловскѣ, отвѣчалъ Андрей Ивановичъ... Въ антрактахъ этихъ разговоровъ, Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ читали книжки. Книжки были все французскія; русской печати вы не увидѣли бы въ квартирѣ Андрея Ивановича. Настасья Ивановна читала модные «Mystères». Андрей Ивановичъ предпочиталъ легкому чтенію серьезное: Вильмена, Гизо, Тьерри. Андрей Ивановичъ не былъ силенъ во французской грамотѣ, и Богъ его уже знаетъ, что онъ понималъ въ Вильменѣ и Гизо, но только онъ читалъ ихъ — читалъ съ первой страницы до послѣдней. Не было жертвы, какой бы не принесъ онъ общепринятымъ условіямъ и хорошему тону. Большая часть времени проходила въ мертвомъ молчаніи. Супруги клали развернутыя книжки на столъ и предавались размышленію. Зеркало, стоявшее напротивъ, отражало ихъ задумчивость и ихъ идеи — потому что въ идеяхъ заключалась совершенная пустота, олицетвореніе помехонскаго двустипшія:

Ожидаетъ, да поглядитъ,
Какого-то ны свидитъ.

Въ хорошую погоду и въ праздники, Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ выходили на Невскій, шли въ Лѣтній-Садъ прогуливаться. Они прогуливались также послѣ весношней, наканунѣ праздниковъ, и послѣ обѣдин, въ праздники. Къ чести обоихъ супруговъ надобно сказать, что они были чрезвычайно-богомольны и во весь ностъ питались, по смыслу писанія, акридею и дикимъ мядомъ...

За это, Богъ, какъ говорится, далъ имъ сына. Андрей Ивановичъ не чувствовалъ себя отъ радости. Не менѣе радовалась и Настасья Ивановна. При мысли о предстоящемъ крещеніи, чета обоихъ супруговъ омрачилась грустною мыслию: кого имъ избрать въ кумовья, въ кумы?.. Книгини,—единственной знакомой имъ дамы,—на бѣду, не было въ Петербургъ. Рѣшено было пообождать крестиваца и пригласить изъ Москвы сестрицу Прасковью Ивановну. Такъ и сдѣлали.

Недѣля двѣ спустя послѣ этого приглашенія, въ квартирѣ Андрея Ивановича кипѣла необыкновенная дѣятельность: сестрица повелѣла прѣхать. Время это останется надолго памятнымъ Андрею Ивановичу и Настасьѣ Ивановнѣ. Весь домъ въ три дня перевернулся вверхъ дномъ. Въ этомъ жилищѣ тишины и безмолвія вдругъ обнаружилась кипучая дѣятельность. Передняя загроздилась картонками, салопами, ящиками, сундучками — всякою дрянью. Въ предшествовавшіе три дня такая же революція вспыхнула на московскомъ шоссе, на всемъ его семисотверетномъ протяженіи, между обѣими столицами. Причиной этой революціи—какъ читатель уже, безъ сомнѣнія, и догадывается—было не что иное, какъ Прасковья Ивановна, помѣщица тысячи душъ въ степной губерніи, московская дама *soi-disant* хорошаго тона. Длинжансь, въ которой прѣстала съ служанкою Прасковья Ивановна (Прасковья Ивановна ѣхала въ Петербургъ впервые), на каждую станцію приносилъ брань, крики, раздоръ и несогласіе. На каждой станціи, Прасковья Ивановна бранилась съ ящиками и кондукторомъ, — бранилась съ трактирщикомъ, бранилась даже съ станціоннымъ смотрителемъ, которому не было никакого дѣла до частнаго длинжанса. По русской поговоркѣ, тотъ не прожилъ бы и трехъ дней, кто поварилъ бы Прасковью Ивановнѣ. Вся дорога была для нея непрерывною цѣпью бѣдствій. Въ одномъ мѣствѣ, у ней чуть-было не отрѣзали чемодана, — въ другомъ, длинжансь едва не опрокинулся въ бездонныя пропасти Валдайскихъ-Горь; — тутъ ее обсчитали въ трактирѣ, — тамъ жизнь ея висѣла на волоскѣ отъ неосторожности пьянаго ящика и безопасности неменьше-пьянаго кондуктора длин-

шанса. Досталось же тутъ Петербургу, полнини, — даже министрамъ, между ними будь сказано. Прасковья Ивановна ожесточилась, какъ жарбарий. По всей дорогѣ кормили ее такъ скверно, что ужасъ, и за каждую порцію брали — разбойники — по бѣленькой! да! по бѣленькой, ни больше, ни меньше: такъ, по-крайней-мѣрѣ, рассказывала Прасковья Ивановна.

Съ перваго дня прѣзда въ Петербургъ, Прасковья Ивановна облетала все магазины Невскаго-Проспекта и Морскихъ, весь Гостинный-Дворъ, Блестящія магазины съ ужасомъ и впервые увидѣла въ стѣнахъ своихъ эту московскую Марю-Посадницу. Заформованные, модные коммѣ не знали, что и подумать объ оригинальной достятельницѣ. Она пероворочала у нихъ все товары, торговалась до изступленія, — и не покупала ничего: все казалось ей немарше-дорогимъ. То ли дѣло Москва и дешевые товары! Въ одномъ магазинѣ, куда она показала въ третій разъ, ей отказали оменъ-въжизню, объявивъ съ улыбкою, что все товары уже закуплены, и что, роуг le moment, они продать ничего не могутъ. Прасковья Ивановна вышла изъ магазина раздѣрянною женщиною. Въ Гостинный-Дворѣ, она немножко отвела душу: тамъ ей можно было торговаться сколько угодно. Тамъ, наконецъ, купила она и гостинцы для Москвы — гнилой полушолковой матеріи себѣ на платье, бронзовую брошку, бронзовую буданку съ камеей для мужа и двѣ дѣтскія французскія книжки у Исакова. Исаковымъ она не могла называться. Во-первыхъ, русскій купецъ, который очень-свободно и правильно объяснялся по-французски и говорилъ о Сю и о Жанеттѣ, какъ мы съ вами говоримъ о вчерашней погодѣ, — во-вторыхъ, за двѣ книжки, на оберткѣ которыхъ означена была ильва по 70 сантимовъ, онъ взялъ съ Прасковьи Ивановны только два двугривенника, рубль-сорокъ копейекъ на ассигнаціи. Тутъ только рѣшила Прасковья Ивановна, что Готтѣ и Монигетти разбойники, и настоящій книгопродавецъ въ цѣлой Россіи есть Я. А. Исakovъ. Прасковья Ивановна рашла по сосѣдству и къ книжничій магазину Ольхиной (какъ написано на вытѣскѣ); тамъ она торговала одну книжечку, и, долго не сходясь въ цѣнѣ, прорвала повязь саму мадамъ Ольхину: она вѣроятно бы ей уступила. Прасковья Ивановна очень сожалѣла, что не застала ее прилавочку мадамъ Ольхину: ей еще никогда не случалось видеть, чтобы лава продавала русскія книги. Въ Москвѣ, правда, у à la Renommée и у Люккѣ сидятъ за конторками дамы, — но эти дамы Французскія, и притомъ торгуютъ конфетами! Прасковья Ивановна очень хотѣлось видеть мадамъ Ольхину. Какъ она одѣта? Молода ли? Хороша ли собой? Чай, descolletée, какъ все конторщицы на Невскомъ и на Кузнецкомъ-Мосту? — Прасковья Ивановна отелась

очень-довольною магазиномъ Ольхиной и оттуда поворотила къ Маринину — взять десять фунтовъ кофе. Прасковью Ивановну кто-то увѣрилъ, что настоящій хорошій кофе можно найти только въ Петербургѣ, — въ Москвѣ все композиція. Въ-слѣдствіе этого, Прасковья Ивановна купила у Маринина десять фунтовъ кофе, выторговавъ, впрочемъ, по копейкѣ съ фунта противъ цѣнъ, означаемыхъ въ прейс-курантѣ, которымъ она также запаслась на всякій случай. Прасковью Ивановну очень-непріятно поразила эта новость: рѣхнѣ въ русскомъ магазинѣ чая и сахара. Она очень-косо посмотрѣла на прилично-одѣтаго сидѣльца съ европейскою физиономіею. «Вотъ» подумала она про себя: «выбрилъ бороду, надѣлъ фракъ, затесался на Невскій — и не хочетъ ужь торговаться! Подите съ нимъ!»

Прасковья Ивановна успѣла облетать всѣхъ родныхъ своего мужа, отыскала ихъ во всѣхъ концахъ Петербурга и надоела всѣмъ имъ съ перваго раза. Многіе изъ нихъ не вѣдали людямъ принимать ее. Новыя петербургскія знакомства ея не имѣли никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Послѣ крестинъ, Прасковья Ивановна уѣхала обратно въ Москву. Тамъ рассказы ея о Петербургѣ были вѣнстошмы. Въ Петербургѣ, видите ли, все ей не понравилось. Невскій-Проспектъ нашла она не такимъ широкимъ, какъ воображала; на хваленыхъ петербургскихъ троттуарахъ она то-и-дѣло спотыкалась; Лѣтній-Садъ показался ей ни на что непохожимъ; а между петропавловскимъ шпицомъ и колокольной Ивана-Великаго не могло быть никакого сравненія. Гдѣ же Петербургу тягаться съ Москвой! Чтѣ противъ Москвы!..

Теперь, когда читатель познакомился съ Настасьей Ивановной и Андреемъ Ивановичемъ, мы прийдемся за прерванную нить похождения Николая Ивановича.

Николай Ивановичъ былъ старый университетскій пріятель Андрея Ивановича. По выходѣ изъ университета, они надолго потеряли другъ друга. Встрѣча ихъ въ Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, была совершенно-случайная. Если не старая дружба, то старое знакомство возобновилось. Андрей Ивановичъ просилъ Николая Ивановича бывать у него почаще. Николай Ивановичъ почелъ себѣ пріятнымъ долгомъ исполнить желаніе Андрея Ивановича.

Повѣрятъ ли? Картина тихаго, безмятежнаго домашняго счастья поразила до глубины души Николая Ивановича. Какъ Архимедъ, онъ готовъ былъ воскликнуть: «эврика! нашелъ!» И умъ и сердце его сочувствовали этому счастью. Первая мысль о женитьбѣ запаала тутъ въ душу Николая Ивановича, возмутила ее — и съ-тѣхъ-поръ

не давала ей покоя. Ни наяву, ни во-снѣ не могъ Николай Ивановичъ разстаться съ этою мыслию. Онъ пригрѣлъ ее, какъ змѣю, которая жалила его безпрестанно; поддался ей, какъ обольстительному призраку, какъ кошмару. Тяжелою, пудовою гирею налегла эта мысль на все существо Николая Ивановича.

Жениться?.. Но какъ жениться? На комъ жениться? — Вотъ вопросы, отъ которыхъ зависѣло *быть или не быть* Николаю Ивановичу. Онъ былъ одинокъ въ цѣломъ мѣрѣ. Никакое звено не связывало его съ обществомъ.

Настасья Ивановна не разъ говорила ему: «что вы не женитесь, Николай Ивановичъ?» Андрей Ивановичъ всегда повторялъ этотъ вопросъ въ-слѣдъ за Настасьей Ивановной. Что могъ отвѣчать на это Николай Ивановичъ? Онъ молчалъ; молчала и Настасья Ивановна; молчалъ и Андрей Ивановичъ; молчали даже столовые часы съ бронзовымъ Китайцемъ, потому-что Андрей Ивановичъ, изъ опасенія разбить стѣкланный колпакъ, не заводилъ ихъ.

Среди этой жертвой тишины, въ этой атмосферѣ счастья, которою дышали Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ, вставалъ призракъ прелестной блондинки, видѣнной Николаемъ Ивановичемъ въ Клубѣ-Соединеннаго-Общества...

Кто она? Гдѣ отыщеть ее теперь Николай Ивановичъ?.. Онъ, профанъ, потерялъ ее безвозвратно. Николай Ивановичъ готовъ былъ прійти въ отчаянiе.

Онъ рѣшился отыскивать ее въ Петербургѣ, искалъ ее на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ церквахъ. На улицахъ онъ обгонялъ каждую даму съ хорошею таліею и робко заглядывалъ ей подъ шляпку, какъ молодой прапорщикъ. Въ два часа, онъ украдкою выходилъ изъ департамента на Невскій-Проспектъ. Исканія его были тщетны: нигдѣ не встрѣчалась прелестная блондинка. Тогда онъ рѣшился ждать зимы и танцевальныхъ вечеровъ въ Клубѣ-Соединеннаго-Общества.

IV.

Встрѣча.

Не ждали? Говорите:
 Что жь, рады? Нѣтъ? Въ лицо мнѣ посмотрите!
 Удивлены? И только! Вотъ пріемъ!

Между-тѣмъ, Николаю Ивановичу готовился сюрпризъ по службѣ. Въ одну изъ среднихъ губерній требовалось командировать опытнаго чиновника, и выборъ директора палъ на Николая Ива-

ловца. Его командировали. Эта поездка могла разогнать кочку Николая Ивановича, могла расбѣить его, и онъ былъ радъ ей. Дорога не представляла ему никакихъ неудобствъ: начальникъ отдѣленія, которому нужно было переслать въ Москву юхимовскій доримбѣтъ, просилъ Николая Ивановича доставить его туда. Николай Ивановичъ не могъ не согласиться и выѣхалъ изъ Петербурга, какъ знатный баринъ.

На другой день, Николай Ивановичъ рѣшился поехать къ Зайцовъ, за Новгородомъ. Дорога утомила его.

Огромный, вышше перестроенный имъ Зайцово тянется на двѣ версты. Зеленая кровля колокольни и красныя крыши чистыя, нарядныя изѣбъ приветствуютъ прѣѣзжаго еще издалека. Мѣстность, ровная, скучная и однообразная отъ самаго Новгорода, — замѣляется. Глубокій яръ, живописно онаяженный холмами, замыкаетъ имъ съ юга; къ сторонѣ Петербурга, широкая лощина, въ которой течетъ быстрый ручей, отдѣляетъ его отъ посада. Ясскія изѣбы, вытянутыя по обѣимъ сторонамъ шоссе, въ шпиренгу, какъ строй новобранцевъ, рисуются передъ вами оригинальностью и четкостью своей сельской архитектуры. Но широкой площади подѣзжаете вы къ большому каменному двухэтажному дому. Это — путевой дворецъ, почтовая станція и гостиница.

Вечеръ былъ превосходный — одинъ изъ несравненныхъ лѣтнихъ вечеровъ нашего сѣвера. Движеніе и жизнь яма сосредоточены были на площади передъ гостиницей. У подѣзда толпились ямщики, стояли выпряженные, взмыленные почтовые лошади. Станціонный смотритель хлопоталъ съ ямщиками. Полновѣсная трактирщица, подбоденная фертомъ, стояла на крыльцѣ и кружась цѣребривалась за что-то съ яскимъ старостей. За нею видѣлся большій колпакъ повара, вокругъ котораго увивались двѣ большія охотничьи собаки. Передъ гостиницей стоялъ выпряженный тарантасъ...

Выходя изъ доримбѣза, Николай Ивановичъ съ любопытствомъ заглянулъ во внутрь этого дивнаго произведенія бойкаго, смышленнаго русскаго ума. Тарантасъ набитъ былъ внутри подушками, тюфяками, перинами и всякой всячиной. Хулые бока его топырились отъ привязанныхъ чемодановъ, суйдуновъ, ящиковъ, узловъ и картоновъ, возвѣщавшихъ несомнѣнно присутствіе прекраснаго пола. Верхъ тарантаса былъ поднятъ. Здоровая, краснощекая служанка сидѣла въ тарантасѣ на грудѣ узловъ и страшно чавкала, жуя баранки, которыхъ связка висѣла у ней на рукѣ. Два молодые ямщика, опершись другъ о друга, стояли недалѣ и арно подтрунивали надъ аппетитомъ дородной служанки.

Николай Ивановичъ презаимо вышелъ изъ доримбѣза. У крыльца

уже успѣлъ встрѣтить его ямщикъ, соскочившій съ козель. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ и, почесываясь другою рукою, повторялъ въ третій разъ обычное: «на водочку, ваше превосходительство!»

Николай Ивановичъ подалъ ямщику мелкую серебряную монету.

— Маловато, ваше превосходительство! продолжалъ тотъ, снова почесываясь.

Николай Ивановичъ далъ ему еще. Онъ вхалъ въ дермбѣзъ и хотѣлъ казаться щедрымъ. Къ-тому же, ямщикъ называла его превосходительствомъ!..

Переваливаясь съ боку на бокъ, какъ утня, толстая трактирщица проводила Николая Ивановича наверхъ, гдѣ отведена была ему особая комната. Николай Ивановичъ расположился въ ней очень комфортабельно, заказалъ ужинъ и велѣлъ подать себѣ чай.

Сосѣдняя комната была занята прѣзжими и, какъ Николаю Ивановичу показалось не безъ основанія, владѣтелями тарантаса. Оттуда доходило до слуха Николая Ивановича однообразное шипѣнiе самовара, звонъ чашекъ и стакановъ и изрѣдка тонкій женскій голосъ, прерываемый густымъ басомъ, который покрывалъ его, какъ стукомъ барабана покрывается нѣжный голосъ флейточки. Часто слышалъ Николай Ивановичъ скрипъ отворяемыхъ дверей и тяжелый стукъ подкованныхъ гвоздями сапоговъ. Отъ нечего-дѣлать, Николай Ивановичъ сталъ прислушиваться къ разговоръ.

— Васька! позови Людмилу Павловну кушать чай, заговорилъ тонкій голосокъ.

— Онъ нечивають-сь, отвѣчалъ фистулой Васька.

— Скажи Матрени, чтобъ разбудила ее.

Раздался стукъ подковъ, и дверь скрипнула.

— Дама! подумалъ Николай Ивановичъ:— и еще не одна... можетъ-быть, хорошенькія?.. Любопытство подстрекнуло Николая Ивановича. Онъ подошелъ на циночкахъ къ двери и посмотрѣлъ въ замочную скважину. Прѣзжіе расположились въ углу комнаты, и Николай Ивановичъ не увидѣлъ ничего, кромѣ стула, на которомъ вѣсила шляпка изъ голубой матеріи съ чернымъ вуалемъ, и стола, на которомъ лежалъ огромный кнестъ съ табакомъ, свръцныя спички, да недопитый стаканъ пива.

Чашки и ложечки все стучали. Тяжелые вѣски сахара падали въ нихъ, брошенные, вѣроятно, женскою ручкою.

Когда шумъ утихъ, Николаю Ивановичу послышались тяжелые «пѣфъ! пѣфъ! пѣфъ!»

Кто-то курилъ.

— Васька! закричалъ хриплый басъ.

Дверь скрипнула.

— Набей трубку! Да лучше набивать, бестія! Не то у меня

смотри: отдеру, какъ сидорову козу. Я еще не поквитался съ тобой за давишній сахаръ...

— Какой сахаръ? Я и не дотрогивался до вашего сахара.

— Не дотрогивался? Вотъ я тебя, ракалаю! А у кого я нашелъ въ карманъ куски сахара? а?.. Бестія! Еще постится! Вашъ, мясо ѣсть грѣхъ, а воровать не грѣхъ! Натрескаться шей да селянки — это не грѣхъ, и барина обмануть да обчитать не грѣхъ... Ракалин! живодѣры! канальскій народъ! Гроша не стоите!..

— Перестань, Павелъ Тимоенчъ! раздался тоненькій голосокъ.
— Охота тебѣ съ ними браниться!

— Да какъ же не браниться, матушка? Ужъ давно бы слѣдовало выдрать бестію... Да вотъ доберемся до деревни, такъ ужъ не проси милости! на конюшню сейчасъ! Отдеру, слышишь ли, бестія! отдеру! Вотъ, будь я аваема-проклятъ, если не отдеру!

— Воля ваша-съ, а я сахаръ не бралъ, отвѣчалъ Васька, и въ то же время снова послышался тяжелый топоть, и снова дверь скрипнула.

— Мила! Милочка! ступай пить чай! закричалъ знакомый тоненькій голосокъ.

Послышался новый голосъ, голосъ служанки Матрены, какъ кажется: «Барышня приказали сказать, что онѣ уставши, что легли почивать и не хотятъ кушать чаю.»

— Ну, Богъ съ нею! замѣтилъ тоненькій голосокъ.

Павелъ Тимоенчъ пускалъ тяжелые пuffs табачнаго дыма.

— Барышня? подумалъ Николай Ивановичъ: — стало-быть, дѣвушка, дѣвица, невѣста... можетъ-быть, хорошенькая? — Николай Ивановичъ не могъ противиться любопытству, подошелъ къ двери и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ. Онъ увидѣлъ все то же: тотъ же недопитый стаканъ пива, тотъ же полновѣсный кisetъ, ту же шляпку. Вся разница состояла въ томъ, что на столѣ былъ немилосердо разбросанъ табакъ и сѣрные спички разсыпаны, какъ бирюльки. Съ особеннымъ чувствомъ Николай Ивановичъ присматривался къ шляпкѣ. Чья она? Маменьки, или дочки? Тюлевая оборка приколота была виѣсть съ увядшею китайскою розою. На дворѣ уже смерклося, и въ комнатѣ былъ этотъ полусвѣтъ, этотъ фантастическій свѣтъ лѣтнихъ сѣверныхъ ночей, въ которыхъ обѣ зари сливаются одна съ другою. Густой табачный дымъ заволокъ всѣ предметы своею туманною пеленою.

— Чай простынетъ, замѣтилъ тоненькій голосокъ.

— Иду, Соня; дай докурю трубку... Пфѣ... пфѣ... пфѣ... И чубука, бестія, никогда не прочистить; горечь такая, что въ ротъ взять скверно!

Скоро полъ затрещалъ подъ тяжеловѣсными стопами, и что-то

тяжелое ввалилось на диванъ. Раздался звуки ложечки, размѣшивавшей сахаръ въ стаканъ, и потомъ шумъ, похожій на тотъ, когда пожарная труба втягиваетъ въ себя воду.

Стаканъ наполнялся неоднократно, и ложечка размѣшивала въ слѣдъ за тѣмъ сахаръ.

— Всего разломало, говорилъ хриплый басъ:—славную же я дамъ всхрипку! А ты устала, Соня? Прошла твоя голова? а? Васька! трубку! (Явился Васька.) Да прикажи, Соничка, душенька, стлать постель вонъ хоть на томъ диванъ; пусть придвинуть стулья; авось помѣстимся... Пѣфъ, пѣфъ...

Скоро въ комнатѣ раздался шумъ нѣсколькихъ шаговъ: вносили тюфяки, нерны, полушки. Столы и стулья отодвигались, передвигались; стланью постелей конца не было. Наконецъ, все утихло, кромѣ табачныхъ пуховъ Павла Тимоѣевича. Убаюкиваемый мечтами, одна другой привлекательнѣе, вздремнулъ и Николай Ивановичъ. Самоваръ у сосѣдей его переставалъ кипѣть и звучалъ, какъ трель отдаленной пѣсни, какъ тихая, усыпительная гармоника. Звуки эти постепенно измѣнялись. То походили они на мурлыканье кота, засыпающаго передъ печкою, то вдругъ отзывались дребящимся дискантомъ, какъ голось столѣтняго старца, напѣвающаго пѣсню о бѣдномъ Лазарѣ. Наконецъ, звуки эти становились все рѣже, все слабѣе, пока не пропали въ безмолвіи ночи.

Отрадный сонъ охватывалъ уже Николая Ивановича. Хриплый басъ сосѣда нарушалъ по-временамъ его усыпленіе. Тогда Николай Ивановичъ открывалъ глаза и прислушивался, но уже не съ прежнимъ вниманіемъ. Замѣтно было, что Павелъ Тимоѣевичъ окончилъ свой чай. Стаканъ ударился о блюдечко, ложечка зазвенѣла и въ слѣдъ за «спасибо, Соничка», раздался оглушительный поцалуй, какъ-будто свѣжо-испеченный блинъ свалился со сковороды на полъ. Супруги начали укладываться. Тогда легъ и Николай Ивановичъ. Онъ скоро началъ засыпать и въ полу-просонкахъ неясно доходили до его утомленнаго слуха изліянія супружеской нѣжности сосѣдей, хриплый басъ Павла Тимоѣевича и нѣжный голосокъ его супруга.

— Ты спишь, Соня?..

— Соня! а, Соня!..

— Спишь, Соня? А мнѣ что-то не спится, Соня... Кусаютъ, бестія...

— Соничка... душечка...

— Дай же мнѣ покой, Павелъ Тимоѣевичъ... отстань...

Скоро все умолило. Молчаніе прерывалось ивѣрными храпѣніемъ Павла Тимоѣевича и тикъ-таккомъ маятника стѣнныхъ часовъ, да

маршда звономъ колокольчика, топотомъ коней, стукомъ колесъ и крикомъ деревенскихъ пѣтуховъ, возвѣщавшихъ зарю.

Сладостно-тревоженъ былъ сонъ Николая Ивановича. Обольстительныя грѣзы носились надъ нимъ. То ему снилось, что онъ въ Клубъ-Соединеннаго-Общества несется въ вальсъ съ нею... съ блондинкою; рука его судорожно обвила ея гибкую талию; онъ впивается ея дыханіе; онъ чувствуетъ жаръ разгорѣвшихся щечекъ, слышитъ ароматъ шелковистыхъ кудрей; видитъ бурное колебаніе дѣтственной груди. То вдругъ встаютъ передъ нимъ строгія, классическія фигуры его начальниковъ, директора, вице-директора, начальника отдѣленія, съ упрекомъ во взорахъ, съ выговоромъ на устахъ. То вдругъ передъ нимъ необозримый, безконечный горизонтъ и чистое лазурное небо, а на немъ радуга,—а на радугъ, какъ на орденской лентѣ, гордо покачивается гигантская Анна съ короной, покачивается и будто дразнить Николая Ивановича... Потомъ опять очаровательная блондинка, теперь уже въ голубой шляпкѣ съ увядшею китайскою розою; теперь уже она не въ клубъ, а на Невскомъ, среди густой толпы гуляющихъ, среди эполетъ, аксельбантовъ, штыхъ воротниковъ, шляпъ и султановъ, касокъ, шпоръ и сабель...

По утру, по пробужденіи, первымъ дѣломъ Николая Ивановича было—подойти къ двери, прислушаться, посмотреть въ замѣчную скважину... Великіе боги! что онъ увидѣлъ!..

Прямо противъ него, спиной къ нему, у стола, на которомъ вчера лежалъ кисеть съ разсыпаннымъ табакомъ и спички, передъ зеркаломъ, сидѣла блондинка... Дѣ, блондинка, та самая очаровательная блондинка, которая плѣнила Николая Ивановича въ Клубъ-Соединеннаго-Общества, которая не выходила у него изъ памяти, о которой онъ только и думалъ и которую уже мнилъ потерять навсегда. Блондинка, какъ мы сказали, сидѣла передъ зеркаломъ и чесала свою длинную-длинную бѣлокурую косу... Коса эта чуть не доставала до полу. Шелковыя кудри, взятыя ночнымъ безпорядкомъ, спускались по обѣимъ сторонамъ лица, въ той прихотливой небрежности, въ какую никогда не привело бы ихъ кокетство или искусство парикмахера. Бѣлыя, обнаженные выше локтя руки то-и-дѣло отводили ихъ отъ лица, которое, будто ревнуя къ зеркалу, поминутно заслоняли они... Прелестное личико блондинки отражалось въ зеркалѣ, и Николай Ивановичъ могъ одними мимолетнымъ взглядомъ обнять ее всю, всю, со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть ее такъ, какъ не удалось разсмотрѣть прошлой зимой, въ Клубѣ. Большия, лазурныя, какъ небо, которое стояло тогда надъ Зайцевымъ, глаза, отблескныя длинными ресницами, блестя въ зеркалѣ и отаивая какъ два туркуса. Блондинка бы-

ла короша, какъ Ада Байрона, какъ Миньйома Гбте... На ней была бѣлая канифасная кофточка... Даже ножку ея, обутою въ туфлю, увидѣлъ Николай Ивановичъ — прелестную ножку, такую маленькую, такую уютную, какъ на модной картинкѣ... Кофточка, какъ на бѣду, была небрежно надѣта и открывала часть яморогнаго, округленнаго, какъ яблочко, плечика и всю лебединую шейку. Это плечико и эта шейка были сущее объядѣнье!..

Можно себя представить удивленіе, счастье, блаженство Николая Ивановича. Онъ почти обезумѣлъ отъ неожиданности... Въ порывѣ восторга, онъ коснулся неосторожно замочной ручки... Это заставило его отскочить отъ двери, какъ отъ раскаленнаго угля, прежде, чѣмъ блондинка могла обратить на нее свое вниманіе... Ему вдругъ стало стыдно своего любопытства... Оно показалось ему святотатствомъ. Чтѣ, еслибъ она узнала объ этомъ?.. Вѣдь дѣвушка такъ стыдливы, такъ осторожны!.. Не безчестнымъ ли, не низкимъ ли показалось бы ей такое любопытство?.. Николай Ивановичъ бросился на диванъ и закрылъ глаза руками... Сердце его сильно билось.

Стукъ чашекъ, стакановъ и кипящее самовара, прерываемое густымъ басомъ Павла Тимофеевича, преслѣдовавшимъ, по вчерашнему, Ваську, возвѣстили Николаю Ивановичу, что пріѣзжіе были уже на ногахъ и сѣли за чай. Николай Ивановичъ ведѣлъ также подать себѣ чая и выпилъ двѣ чашки его безъ всякаго аппетита. Все вниманіе, всѣ мысли его сосредоточены были на одномъ предметѣ. Онъ не могъ преодолѣть лукавыхъ нашептываній любопытства и посмотрѣлъ въ замочную скважину... Увы! блондинка исчезла какъ призракъ. Только на столѣ примѣтилъ онъ косяной гребень и небольшой комокъ бѣлокурыхъ волосъ, вычесанныхъ изъ него. Въ эту минуту, Николай Ивановичъ хотѣлъ бы быть гребнемъ, чтобъ впиться въ бѣлокурую косу, расчесать серебрястыя кудри... И какъ расчесалъ бы онъ, гребень, эту косу и эти кудри!.. Онъ не вырвалъ бы ни единого волоска... Нѣтъ, одинъ волосокъ онъ вырвалъ бы, но вырвалъ бы такъ тихо, такъ осторожно, что красавица и не услышала бы... онъ обвилъ бы этимъ волоскомъ свое сердце, онъ привилъ бы его, какъ отростокъ. Такъ думалъ Николай Ивановичъ; такъ разыгрывалась его фантазія.

Между-тѣмъ, хриплый басъ Павла Тимофеевича уже абсолютно дѣрилъ за стѣною. Какъ и вчера, послышався Николаю Ивановичу оглушительный поцалуи, который замѣтно сопровождали другіе, не такъ громкіе: здоровались.

— Ну, Мила, хорошо ли ты спала? началъ Павелъ Тимофеевичъ, опустившись на диванъ.

Серебряный голосокъ отвѣчалъ на вопросъ (голосъ этотъ отдавался въ сердце Николая Ивановича какъ звуки золотой арфы).— Хорошо, папенька.

— Ну, а что видѣла во снѣ, Мила?

— Много; и все такой вздоръ, папаша. Не стоить рассказывать.

— Что видѣла? отозвался тутъ знакомый Николаю Ивановичу голосъ маменьки.

— Видѣла... что бишь я видѣла?.. Да все вздоръ!.. стыдно и рассказывать...

Серебряный голосокъ разсыпался хохотомъ. Николай Ивановичъ наострилъ слухъ... Онъ былъ весь вниманіе.

— Расскажи, Милочка...

— Ну, ну, Мила... Васька, набей трубку!..

— Мнѣ снилось... продолжала Людмила Павловна: — будто бы я... замужемъ, прибавила она шопотомъ. Николай Ивановичъ слышалъ это прибавленіе,—слышалъ, злодѣй! Въ эту минуту слухъ его былъ такъ чутокъ, какъ у кошки, которая прислушивается къ скрѣбу мыши въ подпольѣ.

— Ну, ну, ну... захрипѣлъ Павелъ Тимоѣевичъ.

— За кѣмъ же?.. За Иваномъ Алексѣичемъ? За Аркадіемъ Михайлычемъ?.. спросила торопливо маменька.

— Не угадала, мамаша... За... (Людмила Павловна произнесла эти слова еще тише). За того господина, который пріѣхалъ вчера въ каретъ...

Сердце Николая Ивановича такъ и ёкнуло. Даже ноги его затряслись отъ внутренняго волненія.

— Хе, хе, хе... Не худо бы!.. Пфѣ!.. пфѣ!.. (Павелъ Тимоѣевичъ замѣтно старался произнести слова эти шопотомъ, но шопоть этотъ былъ... какъ-бы вамъ сказать?.. нѣжное мурлыканье медвѣжонка, стукъ барабана, маленького китайскаго барабана въ конногвардейскомъ хорѣ музыки, если вы его слышали.

— И снилось мнѣ, что будто я ѣду съ нимъ вмѣстѣ въ этой прекрасной каретѣ... ѣду не то по Торговой, не то по московскому шоссе... продолжала Милочка также шопотомъ.

— Дорѣга? Къ чему-бишь дорѣга, Соня? забасилъ Павелъ Тимоѣевичъ.

— Какой ты странный, Павелъ Тимоѣичъ! Почему же я знаю, къ чему дорѣга? Вотъ, если, на-примѣръ, плачешь во снѣ, или видишь кровь, это значитъ къ дорѣгѣ, а дорѣга, ну, разумѣется, дорѣга и значитъ дорѣгу...

Николай Тимоѣевичъ былъ удовлетворенъ этимъ отвѣтомъ какъ нельзя-болѣе и пустил пучокъ дыма.

Не станемъ пересказывать всего разговора, который переходилъ съ одного предмета на другой и Николаю Ивановичу казался чрезвычайно-занимательнымъ. Ни одно слово Людмилы Павловны не было имъ пропущено. Удивительный былъ слухъ у Николая Ивановича. Весь департаментъ, бывало, удивляется этому слуху. Черезъ двѣ комнаты, бывало, Николай Ивановичъ слышитъ, когда кашлянетъ въ своемъ кабинетъ директоръ, или прикрикнетъ на начальника отдѣленія за докладомъ. Въ этомъ случаѣ, Николай Ивановичъ былъ настоящимъ барометромъ расположенія духа, въ которомъ находился директоръ. Таково уже было свойство тонкаго органа Николая Ивановича... Овому талантъ, овому два...

— Васька! вели закладывать тарантасъ, да принеси изъ низу счетъ! захрипѣла куращая машина.

Подковы застучали по полу, и дверь скрипнула.

— И вѣрно не слыхалъ, бездѣльникъ! продолжалъ Павелъ Тимоеевичъ.—Васька!

Дверь скрипнула опять, и опять застучали подковы.

— Чтѣ я тебѣ приказалъ?

— Закладывать тарантасъ-съ, отвѣчалъ сиповато Васька.

— Ну, а еще?..

Молчаніе.

— Бестія! ракали!.. тарантасъ ты канальскій!.. Гдѣ у тебя уши-то?.. Вели заложить тарантасъ и принеси изъ низу, изъ трактира, счетъ... Слышишь ли?.. Счетъ... счетъ... счетъ... Слова «счетъ» сопровождались тремя ударами чубукомъ объ полъ.

И Николай Ивановичъ приказалъ закладывать карету. Ему непременно хотѣлось выѣхать въ одно время съ проѣзжими, ему хотѣлось взглянуть еще на Людмилу Павловну. Къ-тому же, надобно было навести справку, кто такіе эти пріѣзжіе, гдѣ живутъ, откуда и куда ѣдутъ. Не удастся ли ему познакомиться съ ними?.. Еслибъ!.. о, еслибъ!.. думалъ Николай Ивановичъ. Сосѣди начали укладываться.

Васька, вмѣсто счета, принесъ счеты. Это quiproquo привело въ ярость Павла Тимоеевича, и удары чубукомъ посыпались на нагольный тулупъ Васьки проливнымъ дождемъ. Мила и мать принялись успокоивать Павла Тимоеевича. Павелъ Тимоеевичъ былъ очень-встревоженъ. Онъ ходилъ большими шагами по комнатамъ: отъ шаговъ его вся гостиница, кажется, потряслась на своемъ основаніи. Тутъ только увидѣлъ его Николай Ивановичъ въ замѣчную скважину. Павелъ Тимоеевичъ былъ дородный мужчина, огромнаго роста, необъятныхъ размѣровъ. Засаленный нанковый сюртукъ облекалъ его. Широкіе нанковые же шаровары, болтавшіеся

на немъ, какъ на Туркѣ исподнее платье, не доходили далеко до щиколотокъ ноги и позволяли видѣть рыжіе спальные сапоги во всей ихъ красѣ. Огромный кистеть съ табакомъ, привѣшенный къ пуговицѣ сюртука, качался, какъ маятникъ, или — лучше — какъ языкъ колокола. Руки его были засунуты въ огромные карманы шароваровъ, набитыхъ биткомъ разными дорожными принадлежностями.

Николай Ивановичъ, съ свойственнымъ ему любопытствомъ, разсматривалъ эту колячую машину. Ему хотѣлось посмотреть и на судругу; онъ не разъ подходилъ къ двери — но все напрасно... Онъ уже не отходилъ отъ двери, и при каждомъ шорохѣ платья, при новомъ шумѣ шаговъ прикладывалъ глазъ свой къ замѣтной щельки. Вотъ, слышитъ онъ, кто-то тихонько подходитъ къ двери. Взглянулъ, — и какъ вы думаете, что онъ увидѣлъ?.. Нулевый голубой глазъ — больше онъ ничего не увидѣлъ. Чей былъ глазъ?.. Николай Ивановичъ тарахля въ догадкахъ.

Николай Ивановичъ сошелъ внизъ. На лѣстницѣ онъ цапнулъ Ваську, согбеннаго подъ тяжестью перинъ и подушекъ. Николай Ивановичъ узналъ отъ него все, что такъ интересовало его: фамилію профессора, кто они, откуда и куда ѣдутъ. Теперь потерянный имъ кладъ былъ отысканъ. Онъ сунулъ Васькѣ двугривенный и поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы.

Въ это время, одно неожиданное происшествіе собрало на крыльцо все, что было живаго въ гостиницѣ. Одинъ изъ трактирныхъ служителей, въ припадкѣ бѣлой горячки, бросился въ прудъ, вырытый для домашняго обихода на заднемъ дворѣ. Обстоятельство это хотя и не могло имѣть слишкомъ трагическихъ послѣдствій, потому что прудъ переходили въ бродъ малыя ребята, но тѣмъ не менѣе возводило почти весь лѣтъ. Дѣтвора, бабы, дѣти бѣжали со всѣхъ сторонъ къ трактиру, какъ на пожаръ. Съ ними бѣжалъ и землемѣръ, проживавшій въ лѣтѣ, юноша лѣтъ пятнадцати, выпущенный на — дняхъ изъ петербургской школы и уже игравшій съ трактирщикомъ и смотрителемъ въ профессоръ въ совершенствѣ, — бѣжалъ и сельскій священникъ съ подьячимъ и со всѣмъ причтомъ, распустивъ по вѣтру длинныя свои волосы... Зрѣлище было чрезвычайно разнообразное и оживленное, когда Николай Ивановичъ показалося на крыльцѣ. Четыре дюжіе мужика несли больнаго, который бился у нихъ въ рукахъ надъ всѣхъ силъ, стараясь вырваться. Густая толпа, тѣснѣвшаяся со всѣхъ сторонъ, едва давала имъ дорогу. Въ прелестномъ полѣ амскаго населенія обнаружилось особенное любопытство. Всѣмъ женщинамъ хотѣлось видѣть больнаго, и онъ лезли къ нему, какъ на приступъ, проталкиваясь, какъ водится, и руками, и боками, и плечами. Насколько

припадковъ, обнаруживавшихся неоднократно, породили молву, что больной одержимъ злымъ духомъ... Всѣ смотрѣли на него со страхомъ и трепетомъ, пересыпая свои наблюденія болѣе или менѣе приличными замѣчаніями. Двѣ-три бабы крестились, и одна изъ нихъ, въ добавокъ, выла, какъ на похоронахъ, и причитывала...

— Эвона! какъ его закрутило! отсывались въ толпѣ.

— Господи Иисусе Христе!.. Поцуталъ Госнодь, видно, за грѣхи, говорила одна изъ бабъ.— Не даромъ хозяйка-то жалилась, что изъ сосѣдкѣ Феклѣ сталъ похаживать! Вотъ и покаралъ Богъ.

— Правда, правда ваша, Ивановна, замѣчалъ деревенскій пономарь. Не даромъ въ писаніи-то сказано: не пожелай жены ближняго твоего... да благо ти будетъ и долготѣнъ будешь на земли...

— Рѣдной (*) сердешной! — завопила другая баба.

— Да держи крѣпче, Аюнька! Аль не совлада ль?.. Вишь, какъ его опять съѣжило! замѣчалъ одинъ изъ стариковъ.

— Ахти, бѣда какая! Стѣпанъ! Стѣпанъ!.. говорила баба, поталкивая въ плечо больного.

— Не замай, Борисовна! Не ровень часъ—руку выдернетъ, такъ простись и съ животомъ... Видишь, какъ его лукавый ворочаетъ!..

Больной похожъ былъ на вываливагося въ грязи борова. Лицо и руки его покрыты были густымъ слоемъ грязи и болотной гины. Онъ былъ объ одномъ сапогѣ, безъ галстука и безъ жилета; страшно изорванный сюртукъ его висѣлъ клочьями... Во всю дорогу онъ кричалъ, что его рѣжутъ, и проклиналъ на чемъ свѣтъ стоитъ окружаюгаго, котораго, по какимъ-то причинамъ, считалъ личнымъ своимъ непріателемъ.

Хриплый басъ Павла Тимофеевича заставилъ оглянуться Николая Ивановича... Колоссальная фигура Павла Тимофеевича стояла въ дверяхъ... За нимъ, немного поодаль, прижавшись отъ страха къ стѣнѣ, стояли дочка и маменька... Сердце Николая Ивановича снова забилось... Павелъ Тимофеевичъ вступилъ съ ямщиками въ разговоръ.

— Поднимите ему, братцы, голову-то повыше...

— Слышь, дядя Вахрамей! голову-те Стѣпану подними! отозвался кто-то изъ толпы. — Барину-то лучше насъ знать... Мы люди темные...

— А что, міряне, часто ли съ нимъ такіа оказія случаются? продолжалъ Павелъ Тимофеевичъ, возвышая голосъ.

— Да вотъ, рѣдной, отвѣчала баба, которая стояла подлѣ него, подпирая ладонью щеку и пригорюпившись! — съ вешняго Нико-

(*) Прилагательное, составляющее необходимую принадлежность новгородскаго нарѣчія. Проязносится какъ *нежданно*.

лы... Попуталъ, видно, Господь, сердечнаго... Хозяйка-то съ нимъ животки надорвала...

— Самъ, батюшка - баринъ, ваше благородіе, всему причиною... Сталъ больно пошалывать... отвѣчалъ десятскій.

— Пошалывать? А что же старшина-то смотрѣлъ? говорилъ Павелъ Тимоѣевичъ. — Вѣдь у васъ, православные, теперь свое начальство. За судомъ да за расправой не ходить стать, какъ было, къ капитану-исправнику, да къ секлетарямъ... Вы, я вижу, вольные?..

— Екомоническіе, батюшка, ваше благородіе, отвѣчалъ, почесываясь, десятской...

— Какіе екомоническіе, дядя Осипъ, перебилъ его другой ямщикъ:— екомоническіе-то мы были, а теперь осударственные... Ишь ты, — еще начальникъ, а не знаешь, какъ насъ и звать...

— Вѣстимо, осударскіе...

— Сталъ испивать, ваше благородіе, продолжалъ десятскій. — Бывало, изъ кабака до первыхъ пѣтуховъ и палкой не выгоняшь... Говорили, что не кончитъ ему добромъ... Пытался и отецъ Петръ уговаривать, да куда-те!.. И голова не разъ наказывалъ, — и въ расправу таскали, и самъ окружной грозилъ — да что ты станешь съ нимъ дѣлать. А покуда не испивалъ былъ смирѣной парень.

— Послушайте-ка, православные, мірскіе люди (тутъ голосъ Павла Тимоѣевича загремѣлъ, какъ судная труба), свесите его поскорѣй домой, да прикройте хорошенько, да напоите чѣмъ-нибудь потеплѣе... Авось пройдетъ. Да присмотрѣть за нимъ хорошенько — не то опять убѣжить. Не худо бы руки и ноги-то связать по-крѣпче.

— А нѣтъ ли гдѣ по близости доктора?.. спросилъ стоявшаго подлѣ него мужика Николай Ивановичъ...

— По близости-то нѣтъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ ямщикъ, снимая шапку...

— Да-съ, я вамъ доложу, не худо бы и за докторомъ послать, сказалъ Павелъ Тимоѣевичъ, подходя къ Николаю Ивановичу. — Болѣзнь, знаете, не какая-нибудь.

— У насъ въ деревняхъ всѣ терпятъ недостатокъ въ докторяхъ... скромно замѣтилъ Николай Ивановичъ, доправляя, будто невзначай, орденскую ленточку въ петлицъ дорожной бекешы.

— Смыю спросить, вы, вѣрно, изволите ѣхать въ деревню? — продолжалъ Павелъ Тимоѣевичъ, переходя такимъ образомъ нечувствительно къ болѣе-интересному разговору.

— Нѣтъ-съ, я ѣду по службѣ, въ—скую губернію. При этомъ Николай Ивановичъ повернулся такимъ-образомъ, чтобъ нѣрѣдка можно было бросать косвенные взгляды на Людмилу Павловну...

Разговоръ завязался. Николай Ивановичъ вооружился всею осторожностью: дѣлалъ вопросы и отвѣчалъ обдуманно, скромно и притомъ не теряя собственного достоинства. Онъ помнилъ, что дѣло шло о собственной судьбѣ его. Павелъ Тимоѣевичъ успѣлъ уже разспросить его о томъ, гдѣ онъ служить и зачѣмъ ѣдетъ, и долго ли пробудеть въ командировкѣ, — успѣлъ сообщить нѣсколько собственныхъ замѣчаній о погодѣ, объ урожаѣ, объ устройствѣ казенныхъ селеній по шоссе, — и во всемъ обнаружилъ большую опытность.

Между-тѣмъ, больного унесли, и толпа, постоявъ на площади, начала расходиться. Лошади были уже запряжены и въ тарантасъ и въ карету... Дородная Матрена и Васька возились около тарантаса, привязывали коробки, узлы и всякую дрянь. Супруга Павла Тимоѣевича и Людмила Павловна подошли къ тарантасу. Милочка (отнынѣ мы будемъ такъ называть Людмилу Павловну, руководствуясь правилами о сокращеніи переписки, если не вкусомъ нашихъ читателей) была необыкновенно-авантажна. Лиловый дорожный капотъ сидѣлъ на ней, какъ на картинкѣ, Изъ-подъ голубой шляпки съ увядшею китайскою розою выставлялись бѣлокурыя кудря — дивныя кудри, которыми такъ восхищался по-утру Николай Ивановичъ. Лицо Милочки дышало всею свѣжестью лѣтняго деревенскаго утра, а глаза — глаза ея мы давеча сравнивали съ лазурью неба — и теперь повторимъ это сравненіе, какъ бы ни было оно истаскано. Николай Ивановичъ такъ засмотрѣлся на талию Милочки, что не слышалъ вопроса, предлагаемаго ему въ ту минуту Павломъ Тимоѣевичемъ (это обстоятельство не ускользнуло отъ пронипательности Павла Тимоѣевича, и онъ самодовольно улыбнулся). Николай Ивановичъ, однакожъ, скоро поправился.

— Соничка, посмотри, все ли уложено въ тарантасъ; пора ѣхать, сказалъ Павелъ Тимоѣевичъ своей супругѣ, когда та проходила мимо его къ тарантасу.

— Это моя жена. Мнѣ очень-пріятно васъ съ ней познакомиться... Позвольте узнать ваше имя и отчество?..

— Николай Иваичъ, отвѣчалъ немного сконфузившись Николай Ивановичъ.

— Мнѣ очень-пріятно, Николай Иваичъ, васъ познакомиться съ мовимъ семействомъ. А это моя старшая дочь... воспитывалась въ петербургскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ... (Николай Ивановичъ покраснѣлъ и поклонился обѣимъ дамамъ. Милочка скромно опустила глазки и едва-замѣтно присѣла). Смѣю сказать, прекрасное даютъ воспитаніе въ этихъ институтахъ, внушаютъ, знаете, этакъ (тутъ Павелъ Тимоѣевичъ показалъ что-то рукою, какъ-будто воспитаніе представлялось ему въ видѣ геометрической

фигуры), нравственные правила, — отличное направление, и многое... (Павел Тимошеевич тут что-то замаялся и тотчас же перешел на другой предмет). — Вы меня много обяжете, продолживъ ваше пріятное знакомство... Жительство я буду вѣсть въ Грязной-Улицѣ, въ домъ дѣйствительнаго штатскаго совѣтника Твитаатрипкина. Вы не знакомы ли съ его превосходительствомъ?

— Не имѣю этой чести... отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Жаль, очень-жаль. Отличнѣйшій человекъ... Я васъ познакомлю съ его превосходительствомъ, когда вы къ намъ пожалуете... Отличнѣйшій человекъ...

Въ эту минуту, лихая четверка подкатила къ крыльцу прелестный іохимовскій дормезъ. На него можно было полюбоваться какъ на игрушку. Солнце обливало его лучами, какъ золотомъ; отражалось на зеркальныхъ его стеклахъ, играло на вытербренной ручкѣ дверецъ; на каждой металлической бездѣлкѣ, украшавшей его снаряженіе. Онъ былъ выкрашенъ темнозеленою краскою; внутри обитъ красною шелковою матеріею... Статный; красивый ящикъ, въ снѣгъ аршикъ, въ шапкѣ; надътой на-бекрень, сидѣлъ на козлахъ бочкомъ и ловко подбиралъ возжи съ пристяжныхъ, которыя встрѣхивали гривами и нетерпѣливо рыли копытами землю; Бубенчики, привязанные къ ихъ шевъ, звенѣли; изрѣдка отзывался, будто на голосъ ихъ, и привязанный къ дышлу колокольчикъ.

При видѣ дормеза, физіономія Павла Тимошеевича ослабилась. Онъ началъ внимательно его разсматривать.

— Очень-удобная у васъ каретка, Николай Ивановичъ; скажите мнѣ.—Смѣю спросить; петербургскаго или московскаго мастера?

Вопросъ этотъ поставилъ Николая Ивановича въ-тупикъ. Во-первыхъ, ему предстояла крайняя необходимость солгать, т. е. сказать, что дормезъ его собственный; во-вторыхъ, онъ не зналъ фамиліи ни одного петербургскаго мастера. Подумавъ немногѣ, онъ рѣшился отвѣчать.

— Петербургскаго-съ...

— Смѣю спросить, какого-съ?

— Англійскаго мастера. . все забываю его фамилію... Очень-трудная англійская фамилія... Блям... Бляма... Блямаяже...

— Позвольте... что-то знакомое имя!.. я что-то слыхалъ объ автакомъ Бланманжѣ... Не позволите ли припомнить, какъ его зовутъ?

— Иванъ Ивановичъ; смѣло отвѣчалъ переступившій уже Рубиконъ и ободренный удачею Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ-съ, такого не знаю. Въ Москвѣ, я вамъ доложу, также дѣлаютъ прекрасные экипажи... Противъ петербургскихъ, конечно, и фасона, знаете, такого не дадутъ; и ужь деликатности въ работѣ такой не отъищете. За то уже, доложу вамъ, прочности, проч-

вость... Отличный долженъ быть мастеръ тотъ, кто дѣлалъ вамъ эту карету? Вѣрно первый мастеръ во всемъ Петербургъ...

— Одинъ изъ первыхъ мастеровъ въ Петербургъ. Поставляетъ кареты къ Высочайшему двору.

Смѣлость Николая Ивановича росла съ каждымъ словомъ, по слову: «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ».

— Мой хозяинъ, продолжалъ Павелъ Тимофеевичъ: — его преемственность Иванъ Ивановичъ Типтаптрикинъ, также покупаетъ экипажи у отличнаго петербургскаго мастера... Премудреннаго фамилія; хотѣ убейте не вспомню... Доложу вамъ, что его преемственность жаловался мнѣ на непрочность петербургскихъ экипажей... А еще беретъ у самаго лучшаго мастера во всемъ Петербургъ... Этотъ мастеръ также поставляетъ къ Высочайшему двору сельдгегерскія повозки...

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ имскаго старосты съ докладомъ, что лошади въ карету и въ тарантасъ давно припряжены. Павелъ Тимофеевичъ началъ раскланиваться съ Николаемъ Ивановичемъ, повторяя свою просьбу о продолженіи знакомства. Николай Ивановичъ пожалъ ему руку и благодарилъ его въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Потомъ онъ поклонился маменькѣ и дочкѣ, хлопотавшимъ около тарантаса. О, еслибъ вы знали, какъ взглянулъ на него Милочка!.. Николая Ивановича этотъ взглядъ прожегъ насквозь.

— Милочка! думалъ онъ: — и природа и люди назвали тебя этимъ чудеснымъ именемъ!..

Онъ довольно-развязно вошелъ въ карету по подножкѣ, опущенной наемнымъ его человѣкомъ. Ему удалось еще взглянуть на Милочку. Подъ этимъ предлогомъ онъ раскланялся изъ кареты съ Павломъ Тимофеевичемъ. Безчисленными поклонами отвѣчалъ ему изъ тарантаса Павелъ Тимофеевичъ.

Лошади тронулись. Валдайскій колокольчикъ залился, колеса зашуртвели, поднимая за собою облака пыли, и черезъ минуту тарантасъ и дормезъ неслись по шоссе въ двѣ противоположныя стороны.

Отъѣхавъ съ четверть версты, Николай Ивановичъ велѣлъ ямщику остановиться. Ему хотѣлось взглянуть еще разъ на тарантасъ, уносившій съ собою все его будущее. Онъ высунулся изъ окошка. Тарантасъ переваливался съ бока на бокъ, подпрыгивалъ по неровному шоссе и все удалялся, все уменьшался. За спинкой его виднѣлся клеенчатый картузь Павла Тимофеевича и синій дымокъ его трубки; виднѣлась голубая шляпка съ черною вуалью. Долго не могъ оторвать взора отъ этой шляпки Николай Ивановичъ. Вотъ уже исчезли и картузь, и синій дымокъ, и голубая

шляпка... одинъ тарантасъ, какъ жукъ, ползъ по желтой лентѣ шоссе. Вотъ уже, вмѣсто жука, тарантасъ сдѣлался едва-примѣтною черною точкою. Наконецъ исчезла и эта точка, слившись съ сумракомъ безконечной дали. Слышался только одинъ отдаленный, дребезжащій звонъ колокольчика; умолять наконецъ и онъ, и все замѣнилось тишью, однообразіемъ дороги, лѣтнимъ жаромъ и пылью.

Николай Ивановичъ бросился въ уголъ дормеза и велѣлъ ямщику ѣхать. Ямщикъ натянулъ возжи, махнулъ кнутомъ, крикнулъ — и карета понеслась какъ стрѣла.

Во всю дорогу Николай Ивановичъ только и думалъ, что о Мишочкѣ. Могъ ли онъ думать о чемъ-нибудь другомъ? Эта неожиданная встрѣча рѣшила судьбу его. Онъ теперь уже ощущалъ въ себѣ новое чувство, которое называютъ любовью и котораго симптомы появились въ немъ еще съ памятнаго танцевальнаго вечера въ Клубъ-Соединеннаго-Общества, и къ которому пришелъ наконецъ и нашъ рассказъ, какъ къ чему-то конечному, неизбѣжному. Таково назначеніе всѣхъ рассказовъ, повѣстей, романовъ. Безъ этого чувства, безъ любви, они не могли бы показаться на свѣтъ Божій; не могли бы существовать, какъ мотъ безъ денегъ. Николай Ивановичъ увѣренъ теперь въ существованіи любви, которое, бывало, отвергалъ духъ его бюрократическаго скептицизма, духъ анализа — слѣдствіе университетскаго ученаго диплома десятыхъ годовъ... Какъ всѣ бюрократы и высшихъ и низшихъ слоевъ бюрократіи, министеріализма, департаментованіи, Николай Ивановичъ смотрѣлъ на любовь, какъ на принадлежность однихъ печатныхъ романовъ — плодовъ сумасбродства и пламенно-восторженнаго воображенія голодныхъ писателей — людей положительно-бесполезныхъ обществу, скомороховъ, шарманщиковъ, фигляровъ и балагуровъ, драматическихъ актѣровъ съ деревянными кинжалами, съ намалеванными ранами, проливающими, вмѣсто крови, подкрашенную сандаломъ водицу. На женитьбу смотрѣлъ Николай Ивановичъ, какъ на желаніе имѣть на столѣ горшковъ горлячихъ шей, да полдюжины ребятъ, которыхъ, кажется, сама природа повелѣвала сунуть потомъ въ мужское или жепское казенныя учебныя заведенія. Въ послѣдствіи, встрѣчи съ Андреемъ Ивановичемъ и Настасьей Ивановной измѣнили въ немъ нѣсколько эту ипотезу, и на супружескую жизнь онъ сталъ смотрѣть снисходительнѣе. Счастіе молчаливой четы становилось наперекоръ всѣмъ слышаннымъ имъ или вычитаннымъ изъ книгъ плачевнымъ исторіямъ супружества. Супружество измѣнило въ глазахъ Николая Ивановича первобытный свой характеръ. Онъ уже начиналъ его слитать родомъ какого-то отдохновенія послѣ суеты и тревоженій міра, какия-то вознагражденіемъ свѣше за добрые поступки и примѣрную жизнь, какою-

то обособленную монастырскою жизнью, вдали от всего, что могло возмутить страсти, воспламенить чувства. Супружество становилось тут неразлучно съ известными мѣстами, съ мѣстомъ начальника отдѣленія, съ пряжкой, по-крайней-мѣрѣ, за пятнадцатилѣтнюю службу, съ орденомъ на шеѣ. Видно, однакожь, что прелесть супружеской жизни, усмотрѣнная имъ въ-тихомолку въ домъ Андрея Ивановича, оказала на него вліяніе: Николай Ивановичъ тогда же оглянулся на самого-себя. Что онъ? Ничтожество, nihil! Онъ еще только началъ пробѣгать свое поприще, раздѣленное на 14 стадій, и еще малую часть изъ нихъ оставилъ онъ за собою, а уже утомился — гнутса его колѣни, захватываетъ его одышка... Что онъ? Столоначальникъ, съ тремя тысячами содержанія, съ едва-замѣтнымъ орденкомъ въ петличкѣ!.. И нѣтъ у него поддержки, нѣтъ всемогущей протекціи, которою, кажется, держится на болотѣ весь Петербургъ со временъ Петра-Великаго.

Вѣдь все же онъ былъ рядовой въ этомъ чиновничьемъ «посполитомъ рушеніи», рядовой, которому предстоитъ впереди мало надежды... Всѣ эти и подобныя имъ мысли не могли, однакожь, подавить въ немъ духа сомнѣнія, какой породила идея о ничѣмъ-невозмутимомъ счастіи цокровительствуемой Гарпократомъ четы, счастья Андрея Ивановича и Настасьи Ивановны. Затаившись однажды въ душѣ Николая Ивановича, сомнѣніе это не могло потухнуть. Встрѣча съ блондинкой Клуба-Соединеннаго-Общества раздула этотъ огонь въ сокрушительный пламень.

Тысячу плановъ замышлялъ Николай Ивановичъ, — и половина изъ нихъ разлеталась и лопалась какъ мыльные пузыри. Онъ самъ не зналъ, на чемъ остановиться. Наконецъ онъ рѣшился скорѣе возвратиться въ Петербургъ, и тамъ уже, смотря по обстоятельствамъ, начертать планъ своимъ дѣйствіямъ.

Онъ узналъ, что отецъ Людмилы Павловны, тверской помѣщикъ, живетъ постоянно въ деревнѣ и изрѣдка посѣщаетъ столицы. Людмила Павловна, напротивъ, проводила въ деревнѣ вѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, — постоянно же жила въ Петербургѣ, у тѣтки, которой мужъ, по словамъ Павла Тимоѣевича, служилъ въ которомъ-то изъ этихъ трехъ департаментовъ: горчичныхъ, соляныхъ или уксуныхъ дѣлъ, — въ которомъ именно, онъ не помнилъ. О состояніи Павла Тимоѣевича онъ не могъ узнать ничего, но догадывался, что оно не могло быть значительнымъ.

На первой станціи, Николай Ивановичъ не выходилъ изъ дормеза: онъ такъ предался любимой мечтѣ, что не замѣтилъ ни пріѣзда на станцію, ни перепряжки лошадей. Въ эти минуты въ цѣломъ свѣтѣ не существовало для него ничего и никого, кроме Мілочки. «Мілочка! Мілочка!» говорилъ онъ то-и-дѣло и про-

себя и вслух. Мечтаетъ и фантазируетъ его не было конца и предельно. Ему казалось, что вотъ уже рядомъ съ нимъ, въ этомъ прелестномъ дормезѣ, сидитъ Милочка, — то вдругъ онъ представитъ себе, что прохаживается съ ней по Невскому, и что все останавливаются, пораженные ея красотой и смотрятъ далеко ей въ слѣдъ, и спрашиваютъ другъ у друга, кто она: смертная ли, или небожительница? И — вѣдь можетъ случиться и очень-легко даже — встрѣчается съ нимъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ праздникъ, директоръ и также остановится, пораженный изумленіемъ. И у него будутъ о немъ спрашивать, и онъ отвѣтитъ, присекая и сънисходительно улыбаясь: «это мой чиновникъ, Николай Ивановичъ.» — «А какое занимаетъ онъ у васъ мѣсто?» продолжаютъ спрашивать у него. — «Столоначальника» говоритъ: «но я его лучшею помѣстятъ на первую вакансію начальника отдѣленія.» — «По всему видно» продолжаютъ: «что онъ отличный и примѣрный чиновникъ.» И потомъ начинаютъ спрашивать о женой Иванъ, откуда она, кто она, и давно ли я женился и есть ли у меня дѣти, — ну, однимъ словомъ, все такое, что обыкновенно говорится о женатыхъ людяхъ. При этихъ мысляхъ, Николай Ивановичъ улыбается и даже готовъ былъ плакать отъ радости, отъ сердечнаго умиленія.

v.

Сонъ въ руку.

Бываютъ страшны сны, а на-саму страшнѣе:
Себя искала ты травы,
На друга набрела скорѣе.

Какъ автору, намъ не стоило бы, конечно, большого труда догнать тарантасъ и мимоходомъ заглянуть въ него. Мы предоставимъ читателю отгадать самому то, что происходило въ тарантасѣ, и увѣрены, онъ не обманется въ своихъ догадкахъ. Разумѣется, во всю дорогу Павелъ Тимофеевичъ и Софья Аейнасьевна только и думали, что о Николаѣ Ивановичѣ и его дормезѣ. Какъ большая часть вѣжныхъ родителей, которыхъ судьба наградила невѣстками-дочками, на все мужское поколѣніе, во свѣтѣ сорокалѣтняго возраста, они смотрѣли, какъ на беззаботныхъ, игривыхъ и всегда прожорливыхъ звѣрковъ, готовыхъ понастѣть въ западню на жирную и вкусную приманку. Вы знаете, какого рода эта приманка и какъ часто попадаемся мы въ силки, обольщаемся ею, какъ

призракомъ. Открытая опзіономія Николая Ивановича показала намъ съ перваго раза человека, способнаго отъ природы идти на приманку, какого бы рода она ни была. У многихъ родителей, награжденныхъ съ избыткомъ невестами-дочками, есть даръ провидѣнія, это шотландское двойное зрѣніе, которое рѣдко ихъ обманываетъ, и которое, какъ зрѣніе змѣи, влечетъ прямо къ намъ бѣдную, неопытную жертву. Будущая судьба Людмилы начала уже возбуждать въ нихъ нѣкоторое опасеніе. Не смотря на необыкновенно-моложавое лицо, которое, въ случаѣ крайности, могло дать поводъ скинуть долой съ плечъ десятокъ годовъ, Мила была ужъ далеко не въ первой молодости. Семь лѣтъ назадъ, оставила она институтъ, и многимъ это было хорошо извѣстно, — тѣмъ болѣе, что большая половина ея пріятельницъ успѣла выйти замужъ и обзавестись порядочнымъ количествомъ ребятъ обоего пола. Причина такой пресрочки слишкомъ-понятна. Засаживаются обыкновенно или слишкомъ-богатыя, или слишкомъ-хорошенькія невесты; ихъ средства дѣлаютъ ихъ разборчивыми. Надъяс на эти средства, онѣ забываютъ и о всеоключающемъ времени, и о слѣпомъ случаѣ — объ этихъ черныхъ дняхъ, которые, какъ извѣстно, не минуютъ не только каждаго изъ насъ грѣшныхъ, но даже и великихъ міра сего. Милочка, — что уже и извѣстно читателю, — была очень-недурна собою и чувствовала силу своего оружія, нападая имъ безъ милосердія на каждое встречное самолюбіе. Въ этомъ упражненіи прошло семь лѣтъ. Тѣ выгодные женихи, которые встречались сначала и которыхъ терзала Мила кинжаломъ кокетства, разочаровывались и переносили и мечты и расчеты свои въ другія мѣста. Потомъ выгодные женихи какъ-то все стали рѣдѣть, рѣдѣть и наконецъ исчезли вовсе. А Милочка все-еще была хороша, и мы видѣли, что Николай Ивановичъ влюбился въ нее, какъ въ пансіонерку. Подите, послѣ этого, разберите сердце женщины!

И такъ, вотъ о чемъ думали Павелъ Тимофеевичъ и его супруга. Эти думы, однакожъ, не унесли Павла Тимофеевича въ ту отдаленную область фантазіи, въ которой виталъ Николай Ивановичъ. Надо сказать правду, никакія думы въ свѣтъ не могли выдвинуть Павла Тимофеевича изъ глубокихъ и вязкихъ полей существенности, куда поставили его воспитаніе и обычная деревенская жизнь. Поэтому, мечтая о своихъ внучкахъ и внукахъ, которые будутъ развѣзжать въ дормезъ Николая Ивановича, онъ въ то же время не забывалъ выбивать чубукомъ нагольный тулупъ дремавшего на козлахъ Васьки, сопровождая этотъ процессъ приличными эпитетами, которыхъ образчики мы представили выше, и о которыхъ на сей разъ умоляемъ, столько же изъ свойственной намъ скромности, сколько и въ опасенія, чтобъ этотъ простой и безъ пре-

тенѣй разсказъ нашъ не причтенъ былъ нѣкоторыми занесеннѣ-
лымъ журналистами къ произведеніямъ такъ-называемой *грязной*
литературы, основанной будто-бы одною изъ первыхъ нашихъ ли-
тературныхъ знаменитостей. Теперь свѣти на зѣрѣ были уже раз-
ставлены и надобно было ждать удобнаго времени. «Не пожалу-
еть къ намъ первый, то и мы къ нему пожалуемъ, по-деревен-
ски, безъ перемовій.» А что Мила понравилась Николаю Ивано-
вичу, въ томъ онъ былъ почти увѣренъ. Софья Аванасьева, въ
этомъ отношеніи, вполне раздѣляла образъ мыслей монументаль-
наго своего супруга.

А Мѣлочка? О чемъ думала Мѣлочка?—Она думала... она дума-
ла о дормѣзѣ, въ которомъ ѣхалъ Николай Ивановичъ, и потомъ, по
поводу дормѣза, подумала немножко и о самомъ Николаѣ Ивано-
вичѣ.—Мѣлочка, мы должны высказать эту горькую истину,—Мѣ-
лочка давно уже предалась духу эгоизма и пустоты, characterizing
юющему большую часть современнаго намъ общества. Давно уже
червь загнился въ ее молодомъ сердечкѣ и точитъ его. Слѣды
этой порчи съ лѣтами становились все примѣтнѣе. Это уже не
была та милая дѣвушка, очаровательная наивностью, ослѣпитель-
ная свѣжей дѣвственной красотой, благоухающая, какъ первая ве-
сенняя роза, которую выпустилъ институтъ изъ четырехъ мона-
стырскихъ стѣнъ своихъ. Семь лѣтъ жизни, жизни безотчетно-пу-
стой, какой-то фальшивой и нарумяненной, какую вело то семей-
ство, куда она, по-несчастію, попала,—измѣнили ее совершенно, на-
гладили въ ней первоначальный типъ, уничтожили зародышъ пре-
краснаго. Семь лѣтъ—не бездѣвица въ жизни цѣлой націи: что же
они въ жизни дѣвушка?.. Для Мѣлы, эти семь лѣтъ были семью
годами душевной засухи и сердечнаго голода, какъ тѣ семь несча-
стныхъ для Египта лѣтъ, о которыхъ предсказывалъ Фарао-
ну Іосифъ. Изъ института Мѣлочка попала въ домъ тѣтки, гдѣ
и жила постоянно... Павелъ Тимошеевичъ, обремененный се-
мействомъ, охотно согласился на желаніе сестры, согласился тѣмъ
болѣе, что годъ былъ неурожайный, а поездка въ Петербургъ
за Мѣлочкой нашла не одной тысячей. Тысяча рублей, посылае-
мыхъ сестрѣ ежегодно на гардеробъ Мѣлочкѣ, обеспечивали ее
въ этомъ отношеніи и позволяли хоть нрѣдка посѣщать театры,
собранія и танцевальныя вечера.

Сестра Павла Тимошеевича, Марья Тимошеевна, была замужемъ
за чиновникомъ, занимавшимъ мѣсто начальника отдѣленія въ од-
номъ изъ петербургскихъ департаментовъ. Онъ жилъ службою и,
какъ большая часть семейныхъ петербургскихъ чиновниковъ, без-
цвѣтно влачилъ однообразную жизнь свою между департаментомъ
и преферансомъ. Одинъ разъ въ недѣлю были у него вечера, на

которыхъ играли въ карты и танцевали подъ фортепьяно. Остальные шесть дней недѣли, по вечерамъ, онъ игралъ у тѣхъ, которыхъ обыкновенно приглашалъ къ себѣ. Марья Тимоѣевна, отцѣвѣвшая балъзаконская сорокалѣтняя красавица, не смотря на свои сорокъ лѣтъ и четырехъ дочекъ, изъ которыхъ двѣ уже смотрѣли невѣстами, не оставляла старыхъ претензій — затагивалась въ шнуровку, французила немилосердо и перенимала все манеры; привычки и обыкновенія большаго свѣта, Богъ-знаетъ-гдѣ ею видѣннаго. Въ своемъ кругу Марья Тимоѣевна считалась дамою очень-образованною. На самомъ же дѣлѣ все такъ-называемое у насъ на Руси «воспитаніе» ея ограничивалось обыкновеннымъ въ среднемъ кругу плохимъ французскимъ языкомъ. Марья Тимоѣевна читала французскіе романы, и это обстоятельство было причиною, что въ томъ же самомъ кругу, изъ колен котораго она не выходила, ее считали «отлично-образованною» и едва-ли еще не ученою дамою, *has-bleu*. Соображаясь съ этими данными, читатель можетъ составить себѣ идею о цѣломъ обществѣ, какое составляло кругъ знакомства Марьи Тимоѣевны. По буднямъ къ нимъ рѣдко кто заходилъ; въ «ихъ дни», къ обѣду собиралось человекъ пять-шесть короткихъ знакомыхъ, людей степенныхъ, съ крестами въ петлицахъ и на шеѣ, по-большой-части товарищей хозяина и начальниковъ отдѣленія, которые тотчасъ же послѣ обѣда усаживались за преферансъ, ткнувшійся безъ антрактовъ далеко за полпочъ, а иногда и до ранняго утра. Вечеромъ собирались гости, дамы и кавалеры. Объ этихъ вечерахъ нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ. Каждого, сколько-нибудь наблюдательнаго пришельца, поражало огромное число кавалеровъ, которыхъ ни въ какое время вы не встрѣчали въ гостиной Марьи Тимоѣевны. По-большой-части, кавалеры эти были военные разныхъ полковъ, мундировъ и именованій, люди все молодые, которые говорили очень-мало, а танцевали очень-много и нѣкоторые ловко. Были тутъ и молодые чиновники, съ чинами и безъ чиновъ, дѣйствительно служившіе, или только считавшіеся на службѣ, въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ; были даже студенты въ своихъ мундирахъ, завитые и раздушенные. И все это вальсировало, галопировало, полькировало, съ большими претензіями на ловкость, на *bon-genre*. На фортепьянахъ играли обыкновенно, чередуясь, какія-нибудь обязательныя дамы пожилыхъ лѣтъ, и по окончаніи каждаго танца принимали кучи привѣтствій, благодарностей, пожатія рукъ, поцалуевъ. Угощеніе было не разорительное, и, какъ говорится, приличное. Подавали чай съ сухарями, домашнее варенье (присылаемое вмѣстѣ съ ежегодной провизіей изъ тверской деревни Павломъ Тимоѣевичемъ), мармеладъ, взятыи по книжкѣ изъ мелочной лавочки, и яблоки чрезвычайно-

твердые и мало-сочныя. Вообще всѣ расходы и освѣщеніе покрывались выручаемыми за карты деньгами на угощеніе. Дѣвицы и дамы, прѣзжавшія на вечеръ, являлись въ разныхъ туалетахъ, смотря по степени ихъ претензій и мнимыхъ приданыхъ, о которыхъ распускала между молодежью очень-прилетательные слухи Марья Тимофеевна. Почти всѣмъ кавалерамъ извѣстно было число душъ, составлявшихъ приданое молодыхъ дѣвицъ. Число этихъ душъ не было, однакожъ, постояннымъ и увеличивалось къ явному ущербу лѣтъ претендентки на чепчикъ и на другую фамилію. Нѣчего и говорить, что дѣвицы съ большимъ количествомъ душъ выбирались кавалерами предпочтительнѣе передъ тѣми, у которыхъ число душъ было менѣе-значительно. Нѣкоторыя изъ молодыхъ дамъ отличались въ обращеніи чрезвычайною развязностью, доходившею до смѣлости, если не до удалства, и кавалеры, собираясь въ антрактахъ танцерь въ кабинетъ козыяна затягиваться трубками и курить сигары, рассказывали другъ другу много интересныхъ анекдотовъ, относившихся къ домашнему быту и поведенію этихъ молодыхъ дамъ. По всему нами сказанному можно судить, какъ мало выбора дѣлала Марья Тимофеевна въ своихъ знакомыхъ. Съ одною изъ такихъ дамъ подружилась наша Людмила Павловна. Въ-послѣдствіи, дружба эта достигла крайнихъ предѣловъ. Дама, о которой говоримъ мы, въ-слѣдствіе какихъ-то семейныхъ непріятностей, въ которыхъ была, если вѣрить молвъ, замѣшана и честь ея — жила врознь съ мужемъ. Подруги, по обыкновенію всѣхъ подругъ, завели переписку, и рѣдкій день не пересылались по городской почтѣ письма и записочки. Потомъ, когда Людмила Павловна стала наскучать жизнь, отравленная нѣсколькими неудачами, подруги завели дневникъ, который уже и пересылался отъ одной къ другой, вмѣсто прежнихъ писемъ и записочекъ. Въ этихъ письмахъ и дневникѣ отражались, какъ въ зеркалѣ, всѣ чувства дѣвушекъ и дамъ — одной еще неопытной, но уже обаянной пустотою жизни — жизни безъ мыслей и безъ отлета; другой — уже пресыщенной этою жизнью, уже сошедшей съ того piedestala, на которомъ каждая женщина кажется кумиромъ, доступнымъ только взору и мысли. Марья Тимофеевна не читала этихъ писемъ и дневника, хотя и знала о корреспонденціи подругъ. Она предоставляла племянницѣ полную свободу во всемъ, что не касалось ея отношеній къ своему семейству, и обращалась съ ней очень-свободно, особенно, если провизія и деньги высылались Павломъ Тимофеевичемъ аккуратно и къ сроку. Къ-несчастью, постоянные неурожая были причиною, что количество провизіи и денегъ уменьшалось съ каждымъ годомъ, а по мѣрѣ ихъ уменьшенія уменьшалось и расположеніе вѣтки къ племянницѣ. Неразположеніе это увеличивалось еще и

тѣмъ, что племянница какъ-то не уживалась съ кузинами... Марья Тимофеевна сначала намекала брату, а потомъ уже написала наряднѣе, изъ она, къ крайнему сожалѣнію, не можетъ держать ея Милочку, что квартира ихъ становится ананъ-тѣсною при увеличивающемся съ каждымъ годомъ семействѣ, что средства ея мужа весьма-незначительны, а жизнь въ Петербургѣ дорога, и пр. Все эти обстоятельства приняты были Павломъ Тимофеевичемъ «къ сведѣнію», и въ отвѣтъ къ сестрѣ онъ просилъ поддержать Милочку до весны, когда обыкновенно она уѣзжала въ деревню. Весною за Милочкой присланы были лошади. Прощаніе съ тѣткой и кузинами было очень-сухо. Съ одной изъ кузинъ она даже не простилась вовсе. Въ деревню отправилась она вмѣстѣ съ подругою, которая и прожила у нихъ все лѣто. Признательная къ гостепримству, она неотступно просила Папаа Тимофеевича отпустить Милочку на зиму въ Петербургъ, но только не къ тѣткѣ, а къ ней. Павелъ Тимофеевичъ согласился. Это была шестая зима ея петербургской жизни.

Ни одна зима не пролетѣла для Милочки такъ скоро, какъ эта памятная зима. Баламъ и вечерамъ не было счета. Бѣгъ-знаешь-откуда доставало у подруги средствъ—удовлетворить всѣмъ притязаніямъ моды и принятымъ обычаямъ, но онѣ удовлетворялись безостановочно. У ней было небольшое имѣніе подъ Петербургомъ, и оно-то, по всрѣмъ сребраженіямъ Милочки, доставляло всѣ средства къ веселой и разнообразной жизни. Милочка сдѣлала визитъ къ тѣткѣ; но такъ-какъ та приняла ее очень-сухо и не заплатила видѣть, то знакомство и прекратилось. Подруга ея также не явилась къ Марьѣ Тимофеевнѣ. Она говорила, что ей тамъ скучно, но тамъ она не видитъ ничего порядочнаго. При этомъ она находила всегда смѣяться надъ вечерами Марьи Тимофеевны, надъ подарками, надъ приличнымъ угощеніемъ, надъ туалетомъ самой Марьи Тимофеевны и ея дочерей. Подруга занимала очень-хорошую, прекрасно-мѣблированную квартиру и вообще вела довольно-открытую жизнь. Дамъ ѣздило къ ней немного: она вообще любила женскаго общества и предпочитала ему мужское. Мужчинъ ѣздило къ ней много, и одинъ чаще прочихъ. Подруга называла его близкимъ родственникомъ. Онъ былъ богатъ, рткупщикъ и страшно сорилъ деньгами. Подруга при немъ держала себя такъ осторожно, что Милѣ и въ голову не могла придти никакая темная мысль. Да и когда ей было ему-нибудь думать! Сегодня собраніе, завтра спектакль, тамъ вѣтъ собраніе, или концертъ, или опера... Утромъ надобно было ѣхать къ вечернему туалету, ѣздить къ швеѣ, пръ магазинамъ. Мужчины не подавали комплиментовъ, ухаживали за Милочкой, влюблялись

въ нее, по-видимому, — и все-таки это нисколько не подвигало вперед дѣла. Ни одинъ изъ нихъ не посватался къ Милѣ... Впрочемъ, Мила все еще жила надеждою. Не сегодня, такъ завтра, думала она, — и это завтра проходило такъ же, какъ вчера, и проходило безвозвратно, не оставляя даже по себѣ воспоминаній... Не разъ уже подиѣчала въ себѣ Мила какое-то равнодушіе, близкое къ безнадежности и конечному разочарованію; но чувство это, къ несчастію, заглушалось на первомъ вечерѣ, гдѣ опять являлись новыя надежды, вмѣстѣ съ новыми знакомыми, новыми тавцорами, — являлись для того, чтобъ исчезнуть тотчасъ же и, по-необходимости, замѣниться другими... Такъ, какъ мы сказали, пролетѣла вся зима. Настала весна, эта грязная, холодная, безхарактерная петербургская весна, которую всѣ бранять и которой между-тѣмъ ждутъ съ нетерпѣніемъ... Въ началѣ мая, Мила поѣхала въ деревню... Она прощалась съ Петербургомъ навсегда. Она горько плакала... Отецъ и мать писали къ ней на-прямикъ, что не могутъ содержать ее въ Петербургѣ, что надобно ей попытать счастья въ деревнѣ, если не удалось въ столицѣ, что въ ихъ окрестностяхъ стоятъ пѣхотный полкъ и хоть богатыхъ жениховъ тамъ не найдется, но все же лучше пристроиться хоть какъ-нибудь, чѣмъ таскаться по свѣту да тратить деньги. Отецъ и мать Милы, какъ мы уже видали, были простые, добрые люди и любили Милу. Въ словахъ и увѣщаніяхъ ихъ нельзя было не видѣть истины, хоть и горькой, но все же истинны. «Деревня, сосѣди, пѣхотный полкъ, собраніе и билетны уѣзднаго города!» думала Мила и заливалась слезами. Бѣдная Мила!

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, наша Людмила Павловна хотѣла взглянуть впослѣдніе на оставленный ею Петербургъ, — Петербургъ, въ которомъ погребены были за-живо и надежды ея и молодость. Она оглянулась, и не увидѣла ничего. Сердце ея сжалось отъ горести. Какая-то неясная, темная черта обозначала на горизонтѣ пышный, гранитный городъ. Туманъ и густыя болотныя испаренія поднимались надъ нимъ — и въ этой пустой атмосферѣ мерцалъ золотой куполъ Исаакія, какъ раскаленное солнце на закатѣ, послѣ жаркаго лѣтнаго дня... А на дворѣ стояло роскошное майское утро...

Вотъ Мила и въ деревнѣ, въ кругу родныхъ, которые такъ любили ее! Не легче Милѣ; грустить и скучаетъ Мила. Она увидѣла себя одну, совершенно одну, въ безграничной пустотѣ деревенской жизни, какъ въ степи. Могло ли ей правиться провинціальное общество ея сверстницъ, наивныхъ, простенькихъ деревенскихъ дѣвушекъ, которыя съ утра до вечера занимались хозяйствомъ, ходили въ лѣсъ за грибами, да ѣздили по сосѣдкамъ Богъ-знаетъ для чего и зачѣмъ! О чемъ она станетъ говорить съ ними?.. Объ

опера, собраніяхъ, павловскомъ воксалѣ, о Жоржѣ Зандѣ?.. Отъ, бѣдненькія, едва-ли слышали обо всемъ этомъ, и говорить имъ объ этомъ не все ли равно, что пускать слова на ветеръ!.. Пожалуй, еще наскучишь имъ; пожалуй еще, чего добраго! возбудишь въ нихъ зависть! А провинціальныя женихи и кавалеры? а уѣздныя эlegantы и фешёнеблы? Одинъ видъ ихъ былъ невыносимъ Милѣ... И изъ нихъ, изъ среды ихъ предстояло ей выбрать себѣ суженаго! Отъ одной этой мысли сердце Милы готово было разорваться на части.

Безмолвною была для Милы и деревенская природа. Голосъ ея не былъ знакомъ ей. Равнодушно встрѣчала она золотой, княжій жизнію лѣтній день; равнодушно провожала его. Этотъ длинный, знойный день томилъ ее... приносилъ ей только удушье, мухъ, да пыль... Не знала она цѣны прелестному деревенскому ландшафту, который былъ у ней передъ глазами, которому окно ея комнаты служило рамою... Смѣшными казались ей эти барышни, проводившія цѣлый день въ саду, въ рошѣ, въ полѣ: столько приторнаго находила она въ ихъ любимыхъ вечернихъ прогулкахъ, при свѣтѣ мѣсяца, по берегу ручья, въ тѣни таинственной рощи!

Почти весь день проводила Мила въ своей комнатѣ, за книгою, или за письмомъ... Мила худѣла; за то журналъ ея росъ съ каждымъ днемъ... За отсутствіемъ предметовъ для описанія, Мила принималась мечтать, мечтать, мечтать... Какая-то страшная философія, какіе-то афоризмы начали проскакивать то тамъ, то сямъ въ журналъ ея—истомъ журналъ петербургской Деліи... Какъ въ петербургской жизни, такая же сумятица и безпорядокъ видны были въ мечтахъ, умозрѣніяхъ и афоризмахъ Милы... Въ этомъ натискѣ полу-русскихъ, полу-французскихъ словъ и фразъ, напрасно хотѣли бы вы сѣискать хоть одну чистую, свѣжую мысль. Было тутъ много претензій на все — и нисколько толку. Къ-несчастью, Мила взяла изъ Петербурга три компактные тома сочиненій Жоржа Занда и прочитала ихъ отъ доски до доски, не понимая, какъ водится, того, что составляло неоспоримое достоинство твореній великой, гевіальной женщины, и замѣтивъ со вниманіемъ то, что было въ сущности второстепеннымъ, — то, въ чемъ общее мнѣніе (весьма у насъ щекотливое и деликатное) находило и грязь и безнравственность!.. Глубоко-обдумавшая основная идея каждаго, даже самаго мелкаго творенія Жоржа Занда, ускользала отъ Милы, и она восхищалась немногими подробностями, отрывками, картинками, шевелившими ея чувство и матеріализмъ. «Жизнь — мученіе!» готова была восклицать Мила, подражая непонятой ею Деліи? «Зачѣмъ я стремлюсь ко всему и ничего не могу уловить: зачѣмъ отгадываю все и ничего не могу себѣ усвоить?» Въ первомъ

писемъ къ петербургской подружѣ своей, обильная тоску и грусть свою. Мила называла себя Леліей, подругу же — Виолой, Виолой — жертвой любви и страсти!

Вотъ какъ Людмила Павловна понимала Жоржа Занда!

Перечитавъ Жоржа Занда, Мила умирала со скуки: читать больше было нечего. Къ-счастію, одинъ изъ услужливыхъ кавалеровъ, по всей вѣроятности скромный и безмоливый обожатель Милы, общалъ достать ей книжечку и прислать при первой оказіи. Долго ждала этой оказіи Мила и наконецъ дождалась. Безмоливый обожатель прислалъ ей три разрозненные книжки прошлагоднихъ журналовъ, — русскихъ журналовъ, долженъ я прибавить. Тутъ только Мила узнала о существованіи русской литературы. Со времени блаженной памяти института, гдѣ что-то говорили ей о Державинѣ и Ломоносовѣ, она ничего не слыхала о русской литературѣ, и вотъ теперь, въ деревнѣ, она стала знакомиться съ ней случайно лицомъ-къ-лицу. Въ журналѣ Мила нашла большую русскую повѣсть и окончаніе какой-то иностранной повѣсти, и прочла и то и другое. Русскую повѣсть поняла она, конечно, больше, чѣмъ Лелію. Въ русской повѣсти какой-то заслуженный въ литературѣ писатель размахисто описывалъ иностранные нравы, и героиня его повѣсти была дурочка. Это показалось очень-оригинальнымъ и новымъ Людмилѣ Павловнѣ... Читать было нечего, и Мила, по волею, принялась перечитывать журналы съ начала до конца, не пренебрегая даже случайно, непонятною для ней статьею по предмету сельскаго хозяйства. Эта статья принесла ей пользу: деревенская жительница, она въ первый разъ узнала, что такое дрожь и что овинной хлѣбъ. Людмила Павловна прочтала и статьи критическія. Критика одного журнала она разпительно не поняла; за то другая критика написана была такъ забавно, такъ уморительно, что Мила поминутно хохотала. Чѣмъ за любовный молодой человекъ былъ авторъ этой критики!..

Мила все тосковала и все грустила по Петербургѣ. Туда стремились все ея желанія... И сбудутся ли когда-нибудь для ней эти желанія? Людмила Павловна была близка къ отчаянію.

Счастливыи случай замѣнилъ отчаяніе живѣйшею радостію: въ началѣ августа, Павелъ Тимофеевичъ рѣшился ехать въ Петербургъ — закупить о дѣлѣхъ, пережить деревню и продать прошлагодній хлѣбъ, отправленный туда водою. Сосѣдъ Павловна и Мила должны были ехать съ нимъ...

Милъ встрѣтили нѣтъ въ дорогѣ; мы выдвинули всѣхъ нѣтъ на почтостъ, въ Зандовъ... Людмила Павловна не могла не замѣтить впечатлѣнія, произведеннаго ею на Николая Ивановича. Задумчивый взоръ Николая Ивановича останавливался на ней съ такою страстію, съ

такимъ увлеченіемъ. Она замѣтила и замѣшательство его каждый разъ, когда взгляды ихъ встрѣчались, и разсыянность его въ разговорѣ съ папенькой. Чего не замѣтитъ дѣвушка въ порвѣ замужества! А пора эта настала уже такъ давно, такъ давно, что ей, какъ утопающему, простительно было схватиться за соломенку... Допустивъ однажды идею возможности переменъ судьбы своей, она не могла не подумать и о прекрасномъ дормезѣ, фальшиво выказывавшемъ состояніе Николая Ивановича въ такомъ яркомъ свѣтѣ. Мудрено ли, послѣ этого, что во всю дорогу она думала объ этомъ прекрасномъ дормезѣ?

Между-тѣмъ, съ своей стороны, Николай Ивановичъ рвался въ Петербургъ духомъ и мыслию. Незвѣстность будущаго томилъ его. Онъ уже снова воображалъ свое счастье потеряннымъ... Сомнѣнія мучили его.—Вотъ, думалъ онъ: —какой-нибудь богатъ влюбится въ Милу и возьметъ ее, вырветъ у него изъ рукъ... А можетъ-быть, Мила уже сговорена; можетъ-быть, и безъ того брачный вѣнецъ ждетъ ее въ Петербургѣ. Николай Ивановичъ не терялъ времени и спѣшилъ какъ-можно-скорѣе окончить данное ему порученіе. Препятствій къ окончанію не представилось, и черезъ двѣ недѣли Николай Ивановичъ «летѣлъ въ пыли на почтовыхъ». Полонъ сомнѣнія и страха въѣхалъ онъ наконецъ въ Петербургъ.

Какая разница съ выѣздомъ! Онъ выѣзжалъ, какъ равнодушный ко всему на свѣтѣ, пресыщенный жизнью, разочарованный въ надеждахъ, сибаритъ. Каждый подумалъ бы такъ, увидѣвъ его въ прелестномъ новенькомъ іохимовскомъ дормезѣ... Теперь онъ въѣзжалъ, какъ полный надеждъ юноша, оставлявшій безмятежную деревенскую жизнь для сомнительной, но блестящей карьеры столичной. Когда-то онъ увидитъ Милу, какъ встрѣтитъ она его!.. О, еслибъ сбылись его предположенія!.. Еслибъ!.. Все будущее заключалось для Николая Ивановича въ одномъ атомѣ—еслибъ!.. Онъ заранѣе видѣлъ радость Андрея Ивановича и Настасьи Ивановны—единственныхъ людей въ свѣтѣ, кому онъ могъ сообщить и надежды свои, и опасенія, и радость, и горе. То-то порадуются добрые люди!

На другой день по приѣздѣ въ городъ, Николай Ивановичъ отправился съ визитомъ къ Павлу Тимофеевичу. Павелъ Тимофеевичъ принималъ не у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Типтаптрипкина, а въ гостиницѣ, на Мѣшанской. Приняли Николая Ивановича съ распростертыми объятіями, не знали куда посадить его, чѣмъ подчивать. Мила показала Николаю Ивановичу еще болѣе очаровательною. Она, какъ Геба, разливала въ софѣдней комнатѣ кофе, и Николай Ивановичъ выпилъ чашку этого кофе, какъ нектаръ. Онъ даже рѣшился заговорить съ Милой—о кофе, или о погодѣ—не помню.

Визиты Николая Ивановича становились все чаще и чаще. Въ нихъ уже явственно обозначалось что-то опредѣленное, какая-то невысказанная мысль,—цѣль и намѣреніе. Каждый визитъ былъ новымъ звеномъ, которое приковывало Николая Ивановича къ Милѣ... Его пригласили обѣдать, и, по поводу этого обѣда, Николай Ивановичъ въ первый разъ манкировалъ въ департаментѣ. Какъ школьникъ, какъ только-что поступившій помощникъ столоначальника, какой-нибудь маменькинъ сыночекъ, онъ сказался больнымъ, не будучи боленъ нисколько. Все отдѣленіе при этой вѣсти рвануло ротъ. Во всемъ департаментѣ ходила молва о болѣзни Николая Ивановича, и въ первый разъ зонтикъ и калоши его не заняли обычнаго своего мѣста въ передней...

Павелъ Тимошеевичъ успѣлъ уже съ своей стороны навести о Николаѣ Ивановичѣ надлежащія справки. Прекрасные отзывы доходили до него о Николаѣ Ивановичѣ отсюду; онъ зналъ о средствахъ Николая Ивановича, какъ о собственныхъ. На службѣ Николаю Ивановичу улыбалась будущность. Онъ былъ на вакансіи начальника отдѣленія; ходили даже слухи, что директору хотѣлось сдѣлать его экзекуторомъ и казначеемъ, и слухи эти не ускользнули отъ Павла Тимошеевича. Казначейское мѣсто—теплое мѣсто... Къ-тому же, казенная квартира съ освѣщеніемъ и отопленіемъ... Даже самыхъ сокровенныхъ тайнъ допытался Павелъ Тимошеевичъ: онъ узналъ, что у Николая Ивановича въ ломбардѣ лежала малая-толика деньжонокъ,—плодъ отеческаго наслѣдія или бережливости. Павелъ Тимошеевичъ самодовольно потиралъ руки, сообщая обо всемъ этомъ своей супругѣ.—«Сонъ въ руку, Милочка!»—говорила та, раскладывая пасьянсъ.

Что же удерживало Николая Ивановича отъ ожидаемаго Милою и ея родителями съ минуты на минуту объясненія?.. Робость, робость—качество всѣхъ влюбленныхъ... По цѣлымъ часамъ иногда просиживалъ Николай Ивановичъ наединѣ съ Милою; тысячи случаевъ представлялись ему для объясненія, но онъ не рѣшался медлить... «Мнимая нерѣшительность есть осторожность», сказалъ Карамзинъ, а Николай Ивановичъ былъ остороженъ...

Наконецъ, почти-насилно, вынудили у него объясненіе и признаніе... Въ скромныхъ, но приличныхъ выраженіяхъ Николай Ивановичъ просилъ у Павла Тимошеевича и Софьи Аванасьевны руки Людмилы Павловны... Павелъ Тимошеевичъ и Софья Аванасьевна приняли предложеніе Николая Ивановича съ благодарностію и спросили Милу,—которая въ задумчивости сидѣла у окна и что-то шила,—спросили, согласна ли она принять такое лестное для нихъ предложеніе Николая Ивановича... Милочка опустила глазки, закусила губку, медлила отвѣтомъ и наконецъ пробормо-

тала нѣсколько словъ, которыя съ трудомъ можно было разслышать: «Какъ вамъ угодно... маменька... папенька... я... согласна...» Ответъ этотъ былъ приговоромъ, возмѣщавшимъ Николаю Ивановичу жизнь или смерть... Слезы брызнули у него изъ глазъ, когда онъ слышалъ его... Павелъ Тимоеевичъ и Софья Аванасьевна прослезились. Не плакала одна Мілочка: она только казалась блѣднѣе обыкновеннаго. Принесли образъ,—молодыхъ благословили... Николай Ивановичъ подошелъ къ Мілѣ, взявъ ея бѣлую ручку и поцаловалъ ее! Богъ знаетъ, какъ достало у него на это смѣлости! У Павла Тимоеевича и Софьи Аванасьевны онъ цаловалъ также руки. На завтра назначенъ былъ сговоръ, а черезъ двѣ недѣли свадьба. Дѣла Павла Тимоеевича шли какъ-нельзя-лучше: хлѣбъ былъ проданъ, и всѣ вырученныя деньги должны были идти на приданое, о которомъ и не намекнулъ Николай Ивановичъ. До того ли было ему!

Онъ не побѣжалъ, онъ полетѣлъ къ Андрею Ивановичу и Настасьѣ Ивановнѣ — сообщить имъ свою радость, просить ихъ совѣтовъ, просить Настасью Ивановну въ посаженныя матери. Безмолвно, съ улыбкою на устахъ выслушала молчаливая чета эту новость: предметъ былъ такъ важенъ—и обычное безмолвіе замѣнилось отрывочнымъ разговоромъ. Николай Ивановичъ слушалъ Настасью Ивановну, какъ оракула...

Прошеніе, поданное Николаемъ Ивановичемъ директору о женитьбѣ, надѣлало много шума во всемъ департаментѣ. Николай Ивановичъ вступаетъ въ законный бракъ! Николай Ивановичъ дѣлаетъ такъ-называемую «приличную» партію: онъ беретъ дочь тверскаго помѣщика! Шуткамъ и замѣчаніямъ тсваршей Николая Ивановича, чиновниковъ, не было конца. День этотъ былъ докладной день у министра, и директоръ пріѣзжалъ въ департаментъ весьма-поздно. Отъ-этого весь чиновный народъ, начиная съ начальниковъ отдѣленій, собирался весьма-поздно, а собравшись расхаживалъ по комнатамъ, громко смѣялся и разговаривалъ, вспоминая вчерашній день и оставленныя имъ впечатлѣнія. Можно себя представить, какой обильный матеріалъ для разговора, шутокъ и замѣчаній представляла имъ женитьба Николая Ивановича. Николай Ивановичъ не зналъ, какъ отдѣлываться. Едва-ли не каждый подходилъ къ нему поочередно, поздравлялъ его, закидывая вопросами, на которые Николай Ивановичъ отвѣчалъ съ большимъ затрудненіемъ. Многіе изъ чиновниковъ посматривали на Николая Ивановича очень-завистливо. Одинъ изъ нихъ, съ лицомъ круглымъ, какъ полная луна, котораго до того снѣдало чиновничье честолюбіе и желаніе обогатиться какъ-можно-скорѣе, что онъ готовъ былъ считать непримиримымъ врагомъ всѣхъ тѣхъ,

кому сколько-нибудь улыбалось счастье, прошел мимо Николая Ивановича, не поклонившись ему, тогда-какъ прежде онъ всегда съ нимъ раскланивался. То же невниманіе оказано было Николаю Ивановичу и адептомъ честолюбца низшаго слоя, юношею лѣтъ 19, съ узенькими дѣломъ, покрывавшимъ жиденькій мозгъ съ умомъ на двѣ докладки записки, съ гладко-примазанными волосами, — незначительнымъ созданіемъ, выведеннымъ случайно изъ журналистовъ (этихъ вѣчныхъ журналистовъ) въ столоначальники... Николай Ивановичъ, бѣдный Николай Ивановичъ, невиноватый ни душою, ни тѣломъ, долженъ былъ проглатывать эти неподдающиеся цылюли...

Безконечно тянулись для Николая Ивановича двѣ недѣли; онъ не зналъ ни минуты покоя: онъ долженъ былъ поспѣвать и успѣвать вездѣ и во всемъ, не смотря на то, что служба, по обыкновенію, отнимала у него все утро. Каждый день бывалъ онъ у невѣсты и у Андрея Ивановича. Подъ его-то руководствомъ нацѣта была скромная, но приличная квартира, въ Коломнѣ. Пять тысячъ рублей — плодъ экономіи и бережливости цѣлой жизни Николая Ивановича, взятая изъ Ломбарда, едва удовлетворяла требованіямъ. Надобно было заводить множество вещей, о которыхъ и въ годовую никогда не приходило Николаю Ивановичу. Мѣбель куплена была новенькая, вѣмецкой работы. Щегольской туалетъ и широкія, обитыя бархатомъ кресла, украшали уборную Людмилы Павловны, отдѣленную отъ спальни хорошенькою перегородкою изъ пуццоваго драдеама. Квартира была какъ игрушка. По цѣлымъ часамъ любовался ею Николай Ивановичъ. — Вотъ тутъ она будетъ сидѣть, думалъ онъ, пробуя подушку кресла: — здѣсь разливать чай, тамъ принимать гостей. Николай Ивановичъ завелъ и лошадей съ пролѣтными дрожками. Выборъ подарковъ предоставленъ былъ Настасьѣ Ивановнѣ. Она сама покупала ихъ въ Англійскомъ-Магазинѣ. По ея же совѣту Николай Ивановичъ бралъ для невѣсты ложи въ театрахъ — Александринскомъ и Французскомъ. Павелъ Тимофеевичъ былъ въ восхищеніи отъ александринскихъ актѣровъ и надъ фарсами нашихъ доморощеныхъ комиковъ смѣялся до истерики. Французскій театръ ему менѣе нравился. «Представляютъ, я вамъ доложу» говорилъ онъ Николаю Ивановичу: «очень-натурально; только, знаете, досадно, что говорятъ-то не по-русски». Софья Аванасьевна, которая съ молодости училась немножко по-французски, замѣчала, что если актѣры и актриссы говорили не такъ скоро, то она поняла бы всю пьесу... Николай Ивановичъ не видалъ и не слышалъ ничего: онъ все любовался Милочкой; онъ не сводилъ съ нея глазъ. Не одинъ онъ, впрочемъ, любовался Милочкой: десятки зрительныхъ трубокъ, биноклей, лорнетовъ направлены были на нее изъ ложъ

и шаг партера... Она даже поклонилась нескольким знакомым, которых жалко отыскивала въ пестромъ партерѣ... Мила была одѣта съ большимъ вкусомъ, лорировала съ большою смѣлостью... Не какъ-то странно было видѣть въ обществѣ людей, которыми она окружила себя... На Софьѣ Аванасьевнѣ былъ очень оригинальный чепецъ и еще болѣе оригинальный ридикюль... Павелъ Тимофеевичъ также не могъ не обращать на себя особеннаго вниманія: онъ былъ въ губарнскомъ дворянскомъ видмундирѣ, спитомъ рудою узданаго портнаго, въ жилеткѣ, какую носилъ двадцать лѣтъ назадъ, въ желтомъ шелковомъ платкѣ, порыванномъ со всею претензією на моду... Къ-тому же, онъ говорилъ такъ громко, что почти каждое слово его было слышно въ партерѣ.— Къ довершенію несчастія Милочки, въ антрактѣ, Павелъ Тимофеевичъ купилъ аблочки, которыми онъ позаботился набить кармапъ еще дома... Онъ подчивалъ ими Софью Аванасьевну и Милочку, которая, естественно, отказывалась. Никодай Ивановичъ велъ себя очень-благоприлично и также, по примѣру Милочки, отказывался отъ аблочки Павла Тимофеевича... Страшное чаяканье Павла Тимофеевича не разъ приводило въ красну Милочку, не разъ заставляло ее закусывать губки...

Съ Николаемъ Ивановичемъ Милочка была очень-обходительна. Она такъ мило улыбалась на каждое привѣтствіе, на каждое слово его, къ нему бы оно ни относилось. Она веда себя очень-прилично и скромно. Это ангелъ скромности и девичности! думалъ, глядя на нее, Николай Ивановичъ.

Наконецъ наступилъ въздѣленный день свадьбы. Николай Ивановичъ получилъ увольненіе на цѣлую недѣлю... Подруга Милочки принимала во всѣхъ приготовленіяхъ къ свадьбѣ большее участіе, и радій день не встрѣчалъ ее Николай Ивановичъ въ квартирѣ Павла Тимофеевича. Она усердно помогала дѣлать приданое и безпрестанно ѣдила съ Милочкой по моднымъ магазинамъ. Павелъ Тимофеевичъ охалъ, но вынималъ деньги. Наканунѣ свадьбы, онъ таинственно показалъ Николаю Ивановичу казатъ, купецный для него, по выбору Милочки, въ магазинъ Богосова, и при этомъ сказалъ какое-то двухсмысленное привѣтствіе, отъ котораго Николай Ивановичъ покраснѣлъ, какъ ракъ... Послѣ свадьбы и ушныя молодые должны были ѣхать къ себѣ. Гостей звано было немного: семейство Марьи Тимофеевны, Андрей Ивановичъ и Настасья Ивановна, и неизбѣжная подруга. Посаженою матерью была безмолвная Настасья Ивановна. У Николая Ивановича былъ шаферомъ его помощникъ, юноша съ лорнетомъ на фракѣ, въчный членъ бальярдныхъ Излера и Доманика, страшный любитель растегайчиковъ и шампанскаго, франтъ средней руки, какихъ встрѣчаете

вы безпрестанно на Невскомъ и, въ добавокъ, отчаянный театралъ и стихотворецъ. У Милочки былъ шаферомъ гвардейскій кавалерійскій офицеръ, красивый какъ Марсъ и ловкій какъ бѣсъ...

Людмила Павловна была очаровательна. Въ церкви на нее не могли насмотрѣться. Кузины убрали ее къ вѣнцу... Всѣ торжественно признали ее красавицей. Со слезами на глазахъ любовалась ею добрая мать; Павелъ Тимошеевичъ поцаловалъ ее въ обѣ щечки и назвалъ купидончикомъ, игрушечкой... Въ-самомъ-дѣлѣ, Мила была хороша. Атласное бѣлое платье сидѣло на ней чудесно. Вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, блонды и покрывало украшали голову. Мила была блѣдна; но какая же дѣвушка избѣжала этой блѣдности въ день свадьбы; и къ какой дѣвухкѣ не идетъ блѣдность?..

А Николай Ивановичъ?.. Сверхъ чаянiя, онъ былъ грустенъ и скученъ. Какое-то странное, непонятное раздумье овладѣло имъ въ эти рѣшительныя минуты. Онъ похожъ былъ на путника въ день снятiя съ якоря корабля: онъ повѣрялъ свою жизнь бурному морю. Выйдетъ ли онъ невредимъ изъ него? Или, можетъ-быть, свирѣпыя валы разобьютъ корабль его въ щепки, а его, какъ Робинзона, выбросятъ на необитаемый берегъ?..—Что ты дѣлаешь?—спрашивала его совѣсть... И какой отвѣтъ могъ онъ дать на этотъ законный вопросъ совѣсти?..

Кто взглянулъ бы на Милочку и на Николая Ивановича въ то время, когда они стояли передъ церковнымъ наосемъ и подъ вѣнцомъ, тотъ сейчасъ указалъ бы на одного изъ нихъ, какъ на жертву... Николай Ивановичъ стоялъ, какъ убитый, Милочка была весела и те-и-дѣло перешептывалась съ своимъ шаферомъ... Замѣчали, кто изъ нихъ первый вступитъ на коверъ. Николай Ивановичъ, скучный, робкiй, разсѣянный, вступилъ первый, вступилъ даже прежде назначеннаго обрядами времени...

— Тиранъ! замѣтила одна изъ зрительницъ, старая дѣва, присутствовавшая на всѣхъ свадьбахъ.

— Она будетъ несчастлива! шепнула своей сосѣдкѣ сантиментальная дама.

— Попалась горлица въ когти коршуну! проворчала какая-то мѣщанка-кумушка.

VI.

МЕТАМОРФОЗА.

Скромна, а ничего, кроиѣ
Проказъ и лести на умѣ.

Мы привели читателя къ развязкѣ нашей исторіи, развязкѣ, которую такъ нетрудно отгадать. Исторія женитьбы Николая Ивановича—одна изъ тѣхъ многочисленныхъ, совершающихся у насъ на глазахъ исторій, которыя мы даже не замѣчаемъ: такъ онѣ обыкновенны! Мы даже и не вспоминали бы о нихъ, еслибъ, порою, не насунули ихъ намъ на глаза перо писателя, кисть живописца, театральная сцена. Тутъ только, углубляясь на минуту въ самихъ—себя, анализируя, такъ сказать, жизнь ближняго, со всеми ея страстями и чувствами, со всеми ея рѣзкими противоположностями,—обнаруживаемъ мы тѣнь сочувствія, жалѣемъ того, радуемся другому, и черезъ минуту опять забыто и то и другое, и опять свѣтъ и люди пошли мимо насъ обычной колеєю, и по-прежнему становимся мы равнодушны и нечувствительны...

Медовый мѣсяцъ, который для многихъ проходитъ такъ быстро и незамѣтно, тащился для Николая Ивановича, какъ похоронное шествіе. Чтò набрасывало чернѣйшій флёръ на эту лучшую картину въ жизни?.. Та же мысль—черная, грустная мысль, запавшая, какъ мы видѣли, въ душу Николая Ивановича со дня свадьбы. Онъ предался ей безотчетно, берегъ ее, какъ воръ бережетъ неправомъ добытое достояніе; раздувалъ, какъ искру—и вотъ искра эта превратилась въ ничѣмъ неугасимое пламя, охватила его пожаромъ. Правда, были минуты, выше которыхъ не могло вознестись воображеніе Николая Ивановича; но то были минуты, которыя вели за собой часы, дни, мѣсяцы агоніи и смертной тоски...

На другой день свадьбы, Николай Ивановичъ увидѣлъ признаки того холоднаго равнодушія жены, которое должно было свести его въ могилу. Не будучи физиологомъ, не зная маскарада челоувѣческой жизни, не имѣя и дѣтскаго понятія о натурѣ и вѣдомѣнностяхъ испорченнаго жизнью и воспитаніемъ женскаго сердца, онъ, однакожъ, чувствовалъ всю сдѣланную имъ ошибку. Все счастье жизни измѣнически предалъ онъ одной минутѣ обольщенія,—непонятой мечтѣ, неослазему призраку... Какъ непроказавшій ребенокъ, хотѣлъ бы онъ спрятаться отъ людей, бѣжать отъ нихъ, проститься навсегда съ ними. Его собственная совѣсть мучила его непрерывно. Эта постоянно-усиливающаяся грусть имѣла на него страшное, ничѣмъ-неотвратимое вліяніе. Она точила его

сердце, какъ червь, какъ гробовой червь, который разрушаетъ бронные останки человѣческіе въ невозмутимой тиши сираднаго, полусгнившаго гроба, — пожирала его за-живо, какъ хроническая болѣзнь, наследственная, и потому неотвратимая...

Не будемъ представлять читателю всѣхъ подробностей новаго быта Николая Ивановича, не развернемъ передъ нимъ грустной картины семейной жизни, не покажемъ ему всей этой цѣпи сдѣшъ, обстоятельствъ, цѣлыхъ приключеній, славовавшихъ другъ за другомъ въ систематическомъ, непреложномъ порядкѣ. Довольно того, если скажемъ, что Мила была счастлива, — счастлива заращеннымъ счастьемъ, которое висѣло надъ головой ея мужа, какъ мечъ Дамоклеса... Она была все такъ же хороша, какъ мы ее видали, — цвѣла здоровьемъ и красотой. Улыбка не сходила съ ея розовыхъ губъ — и какая улыбка, еслибъ вы знали!.. Мудрено ли, что за эту улыбку отдалъ Николай Ивановичъ все свое счастье? Какъ и прежде, не цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на Милу Николай Ивановичъ, и не могъ насмотрѣться... и только смотрѣлъ! Мила была для него божествомъ недоступнымъ, явившимся ему для созерцанія, палящей купиной, къ которой онъ не дерзалъ приблизиться. Въ ней все для него было непостижимо и недоступно! Сколько разъ, мучимый бессонницей, вставалъ онъ съ постели и смотрѣлъ на нее, на Милу, которую люди звали «его Милою».. Онъ прислушивался къ ея ровному дыханію, присматривался въ отставанъ румянца на блѣдныхъ щекахъ, любовался шелковистыми прядями блондурыхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ ночнаго чепчика: онъ былъ весь слухъ, весь созерцаніе.

Жизнь Милы была прихотлива, весела, разнообразна. Подруга ея была неразлучна съ нею и дѣлила всѣ радости и удовольствія этой жизни. Мила была полною хозяйкою въ своемъ домѣ. Ея желанія имѣли для Николая Ивановича всю силу закона, и не было жертвы, которой бы онъ не принесъ ей. Обоюдное согласіе ихъ не нарушалось ничѣмъ. Въ свѣтъ (конечно, въ томъ свѣтѣ, въ которомъ обращалась Мила) не могли надѣяться счастью Николая Ивановича. Говорили даже, что онъ не стоить такого счастья, — такой золотой жены... Такъ было сначала, въ первое время замужества... Потомъ... потомъ люди стали недоумчиво покачивать головою, глядя на Милу и на Николая Ивановича, — потому улыбались какъ-то странно и вмѣстѣ многозначительно, — потому говорили еще страннѣе, еще многозначительнѣе... наконецъ, перестали заниматься ими вовсе, перестали о нихъ говорить, не знали, вѣроятно, въ ихъ жизни ничего необыкновеннаго, чего бы они не знали, не видали въ другихъ... Известно, какъ люди, — какъ свѣтъ: вѣдь люди вѣдѣтъ одинъ, во всѣхъ слояхъ общества одинаковы.

Мила располагала своимъ временемъ, какъ хотѣла. Утромъ, въ отсутствіе Николая Ивановича (бѣдный труженикъ просиживалъ въ департаментѣ до пяти, до шести часовъ вечера), она дѣлала визиты, или сама принимала своихъ знакомыхъ... Обѣдала она обыкновенно до прихода Николая Ивановича (она привыкла обѣдать не позже четырехъ часовъ), съ подругою или съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ. Чаще всѣхъ ѣзжалъ къ ней ея шаферъ, тотъ кардериійскій офицеръ, котораго мы знаемъ. Вечеромъ, Мила выѣзжала въ театръ, или на вечеръ. Случалось иногда, что по пѣлымъ днямъ не видалась она съ Николаемъ Ивановичемъ... Когда ее спрашивали о Николаѣ Ивановичѣ, она отвѣчала съ видомъ искренняго участія: «Онъ занятъ; онъ съ утра до вечера занятъ работою. Эта неблагодарная служба убьетъ его!»

Еслибы вы видѣли, какъ одѣвалась Мила!.. Туалетъ ея былъ всегда свѣжъ; а съ какимъ вкусомъ, съ какими вкусомъ она одѣвалась! Модисткѣ оставалось только выполнять, осуществлять, посредствомъ иглы и нитки, идею, созданную Милою. А какъ танцевала Мила! Знаете, какъ молодая красавица на первыхъ порахъ замужства: вся — грація, вся — одушевленіе. Въ это лѣто, на балахъ павловскаго воксала только и говорили, что о ней. Блестящіе гусары ангажировали ее наперерывъ. Дамы съ тонкими талиями и пронзительными взглядами проклинали ее внутренно и распускали о ней, еще не зная ея, разные небывальцы, которыхъ и вѣрили и не вѣрили. Павловскъ далъ Милѣ извѣстность, ввелъ ее въ моду, доставилъ ей пропасть знакомствъ, и какихъ еще знакомствъ! Аристократическая молодѣжь, военные и статскіе, домогались наперерывъ одни передъ другими, какъ особеннаго счастья, случая быть ей представленными. Многие генералы, сановники вписались насильно въ длинный списокъ ея обожателей. Ее всѣ знали подъ именемъ *la belle inconnue, la belle blonde*. Всѣ спрашивали другъ у друга: кто она такая? откуда?—Чиновница! отвѣчали нѣкоторые фаты съ гримасою.

Чиновница!.. О, еслибы могла слышать это слово Мила!

Въ домашнемъ быту, Мила старалась слѣдовать той же модѣ, которая уже вкружила ей голову. Въ комнатахъ безпрестанно являлось что-нибудь новое: то богатая хрустальная газовая лампа, то модный бронзовый канделябръ, кресла, столикъ, какая-нибудь бездѣлица. Уборная ея убрана была рококо. Въ кабинетъ ея стояло множество дорогихъ цвѣтовъ... Все это, конечно, стоило большихъ денегъ, и за все это даже не покосился на Милу добрый Николай Ивановичъ. Онъ удивлялся вкусу, съ какимъ Мила умѣла все уставить, все подобрать одно къ другому, соблюсти изящ-

ную симметрію, гармонію. Сердце Николая Ивановича было бездною доброты и любви...

Настала глубокая осень, начались вечера, собранія, спектакли итальянской оперы. Вы помните прошлую зиму съ ея удовольствіями, когда весь блестящій Петербургъ съѣзжался въ залу Большаго-Театра слушать дивнаго Рубини, несравненную Віардó. Противнымъ дождемъ сыпались на Итальянцевъ деньги, цвѣты и аплодиссманы; восторгъ публики не зналъ мѣры; она уже начинала забывать свое достоинство, утрировала восторгъ до-нельзя. Балы, собранія и маскарады при прежнемъ ихъ блескѣ и многолюдствѣ, были веселѣе, оживленнѣе прошлогоднихъ. Мотивы итальянскихъ оперъ и полька были лозунгами этой зимы, рѣдкой въ лѣтописяхъ петербургскихъ удовольствій. Осиротѣлъ даже любимый публикою Михайловскій-Театръ. Много состояній лопнуло въ эту зиму, — многихъ выгнала она изъ Петербурга на вѣчную ссылку въ деревню. Казалось, весь Петербургъ ставилъ тутъ ребромъ послѣднюю свою копейку... Карманы мужей страшно пустѣли.

Можно себѣ представить, какъ провела эту зиму Людмила Павловна, — первую зиму замужства. Зима эта дала ей сотни побѣдъ и успѣховъ. Ничто не противостояло чарующей силѣ ея красоты и любезности, — да, любезности, потому-что Людмила Павловна могла поспорить въ этой любезности съ любою свѣтской женщиной. Она сдѣлалась львицей петербургскаго fashion; про нее говорили, какъ про феноменъ, какъ про комету, въ первыхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда она не могла имѣть входа. Людмила Павловна была настоящимъ question du jour, какъ люпервскіе возмущенія, какъ новая религіозная секта въ Германіи, какъ ожидаемая въ Пруссіи перемѣна... Кругъ знакомыхъ ея увеличился значительно, и она уже въ мысляхъ начертывала планъ собственныхъ вечеровъ на будущую зиму.

Николай Ивановичъ, по-прежнему, работалъ съ утра до вечера въ департаментъ... Онъ сталъ приходить домой еще позже... Случалось, что иногда онъ сталкивался у себя съ знакомыми Милы, которая очень-сухо рекомендовала его имъ. Николай Ивановичъ спѣшилъ оставлять это общество, котораго ни языкъ (французскій, какъ водится), ни манеры не были ему знакомы. Потомъ, Людмила Павловна уже не стала и рекомендовать Николая Ивановича и не обращала на него никакого вниманія. Если ему случалось нечаянно проходить черезъ ту комнату, гдѣ сидѣли гости, онъ проходилъ ее робко, на-цыпочкахъ, какъ нѣкимъ-незамѣченный официантъ... И онъ молчалъ, терпѣлъ; онъ чувствовалъ, если не всю муку казни, то большую часть ея; догадывался о многомъ — и все молчалъ, все терпѣлъ. Одинъ Богъ могъ видѣть его

думу, могъ оцѣнить великость добровольной его жертвы... Департаментъ былъ для него прибѣжищемъ, спасеніемъ: туда бѣжалъ онъ отъ дому, отъ жены. Ему хотѣлось забыться въ потовомъ трудѣ и работѣ; онъ предался службѣ съ жаромъ, съ увлеченіемъ честолюбца-юноши. Но трудъ этотъ далеко не приходилъ въ мѣру его усилій... Онъ видѣлъ, что ему нечего дѣлать, некуда дѣвать время. Дѣла все были въ примѣрномъ порядкѣ, — бумага не залеживалась ни минуты, а изъ доклада онъ вѣдь не могъ же сдѣлать гомеровою эпопеи, поэмы изъ отношенія, драмы изъ докладной записки!.. Директоръ справедливо оцѣнивалъ труды Николая Ивановича. Удачная лѣтняя командировка его вознаграждена была годовымъ жалованьемъ, — къ веснѣ обѣщано было мѣсто начальника отдѣленія... Тутъ только началъ олицетворяться въ Николаѣ Ивановичѣ совершеннѣйшій типъ чиновника, какихъ въ Петербургѣ множество, какихъ до-сихъ-поръ не изслѣдовала наблюдательность нашихъ писателей, — чиновника въ полномъ, въ совершенномъ значеніи этого слова: живое олицетвореніе труда, египетскаго труда, самоотверженія сверхъестественнаго, — рѣшимости, передъ которой исчезаетъ рѣшимость Колумба въ первое его путешествіе къ неизвѣстному міру, — рѣшимость Аннибала и Наполеона, перешагнувшихъ Альпы.

Успѣхи Николая Ивановича, его чрезвычайныя успія, трудъ, самоотверженіе, не могли не возбудить мелкой, но тѣмъ не менѣ сильной зависти его сотоварищей. Они ужаснулись, предвидя послѣдствія такого труда. Николай Ивановичъ долженъ былъ опередить ихъ, обогнать ихъ — мелкихъ торговцовъ службы, скомороховъ ея, — лизоблюдовъ, питавшихся крохами, падавшими съ роскошнаго стола богача. Низкая зависть, говоримъ, подняла тутъ свою змѣиную голову. Зависть взялась за обычное свое оружіе — клевету; нападала въ тиши и въ темнотѣ ночной сзати, какъ сбирръ, и ранила мѣтко. Слухи о красотѣ Людмилы Павловны, объ образѣ ея жизни, давно уже дошли до департамента. Уличный Франтъ, помощникъ, бывшій у Николая Ивановича шаферомъ, распускалъ первый самыя нечѣпые слухи о тайнствахъ домашняго быта Николая Ивановича... Людмилу Павловну называли довольно-громко *малочкою* (имя, которое между модною молодѣжью замѣнило прежнее — *la belle inconnue*). Не разъ доходило до слуха Николая Ивановича это такъ-дорогое ему имя... При этомъ имени, полуохладѣвшая кровь вскипала въ жилахъ его, сердце дрожало, какъ осенній листъ, и готово было выпрыгнуть изъ груди; тусклые глаза загорались огнемъ... И онъ долженъ былъ подавить въ себѣ тотчасъ же чувство мести — новое чувство, котораго всю сладость онъ начиналъ чувствовать, хотя и не понималъ его совершенно.

Онъ еще не зналъ, что месть — последнее приближеніе, послѣдній отрада несчастливца. Едва обнаруживалось, какъ уже и потушалъ въ немъ это чувство, переставало биться сердце, охлаждалась кровь, потухалъ огонь глазъ. Слабая, пассивная натура Николая Ивановича поборола въ немъ всякое чувство, всякую страсть. Между-тѣмъ, клевета росла, шипѣла, какъ змѣя, поднимала свое ледяное жало. Говорили, что успѣхамъ по службѣ, наградамъ и отличіямъ Николай Ивановичъ обязанъ не трудамъ и способностямъ (Николай Ивановичъ никогда не слылъ за человѣка способнаго), а той же Мѣлочкѣ, которая приносила ему все его счастье; говорили, что директоръ ѣздитъ въ домъ Николая Ивановича; говорили Богъ-знаетъ еще что...

Такимъ-образомъ, все оставляли Николая Ивановича — родные, знакомые, сослуживцы. Онъ видѣлъ себя одинокимъ въ мірѣ. Родные Павла Тимофеевича, сестра его, давно уже разорвали съ нимъ всю связь; даже молчаливая чета, Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ, перестали къ нему ѣздить, какъ-скоро замѣтили претензіи и grand train, какими начинала слѣдовать Людмила Павловна, съ которою они не сошлись съ перваго раза. До новыхъ знакомыхъ Людмилы Павловны не было никакого дѣла Николаю Ивановичу. Онъ, какъ мы уже говорили, даже не зналъ ихъ, хотя многихъ изъ нихъ встрѣчалъ дома очень-часто. Особенно бросался ему въ глаза кавалерійскій офицеръ, шаферъ Мѣлочки. Онъ сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ, своимъ. Офицеръ этотъ былъ богатъ, тратилъ пятьдесятъ тысячъ ежегодно и сыпалъ деньгами, какъ Крезъ. Число принадлежавшихъ ему душъ удивляло Николая Ивановича значительностью цифры; конный заводъ его извѣстенъ былъ въ цѣлой Россіи. Людмила Павловна называла его кузеномъ, близкимъ родственникомъ, и Николаю Ивановичу никогда не приходило въ голову спросить, съ которой стороны онъ ей родственникъ, съ отцовской или съ матерней. Павелъ Тимофеевичъ не разъ развивалъ передъ ними хартію своей родословной, и онъ не помнилъ, чтобъ на этомъ родословномъ древѣ висѣло такое золотое яблочко. Кузень осыпалъ подарками Николая Ивановича. Въ день именинъ его, онъ прислалъ ему прелестную докторскую карету на низкихъ рессорахъ, съ парю кровныхъ лошадокъ собственнаго завода, съ серебряною наборною сбруею. Николай Ивановичъ принялъ этотъ подарокъ съ безмолвною благодарностью. Онъ никогда не пользовался этимъ подаркомъ и прѣоставилъ его въ полное распоряженіе Мѣлы. Людмила Павловна всегда ѣздила въ этой каретѣ. Въ Петербургѣ все помнитъ эту прелестную вѣнскую карету; все засматривалось на нее, когда она катилась по гладкой паркетной мостовой Морской или Невскаго

Проекта. Въ послѣдствіи, карета эта сдѣлалась извѣстною подъ названіемъ кареты *Малочки*. Одно было дорогимъ для Николая Ивановича въ этой каретѣ: она напоминала ему дѣрмѣзъ начальника отдѣленія, который рѣшилъ его будущность. Онъ вспоминалъ тогда эти счастливейшія минуты своей жизни, вспоминалъ Милу, прежнюю Милу, прелестную, скромную и наивную, какъ ангелъ, вспоминалъ тарантасъ, Павла Тимоѣевича, зайцовскій поплавокъ, мечты, утоненіе прошлаго... Игрушка, которою мы играли и которую домаля мы съ вами въ дѣтствѣ, читатель, не могла бы насъ на столько дорогихъ воспоминаній, на сколько теперь навела Николая Ивановича эта карета. И давно ли, скажите, давно ли было это прошлое? Не прошло и полугода; но эти полгода стѣбли полувѣка! Бывали, впрочемъ, минуты, когда видъ этой кареты разрывалъ душу Николая Ивановича. Онъ вспоминалъ о дѣрмѣзѣ; но что-то говорило ему, что въ дѣрмѣзѣ этомъ погребъ онъ свое счастье. Тогда онъ плакалъ, плакалъ, какъ ребенокъ, какъ женщина... Къ счастью Николая Ивановича, онъ могъ еще плакать.

За клеветою, другой, гораздо-опаснѣйшей, непріятель постучался въ двери Николая Ивановича — нищета. Могильнымъ холодомъ схватило душу Николая Ивановича, когда онъ приметилъ эту страшную, невзваную гостью. Будь онъ одинъ, онъ перенесъ бы всѣ лишенія; но теперь, вдвоємъ, — теперь, когда онъ все на свѣтѣ хотѣлъ отдать Милѣ, — теперь нищета эта показалась ему нѣрѣй небесною. Мы забыли сказать, что за Милой онъ не ведалъ ничего, кромѣ приданнаго, состоявшаго изъ однихъ лоскутьевъ. Павелъ Тимоѣевичъ, какъ человекъ осторожный и сметрительный, отклонялъ всякій разговоръ о приданомъ... Сначала было-проговорился о 50 заложенныхъ душахъ, но послѣ обѣ этихъ душахъ и поминка не было. Сиромность, робость и вмѣстѣ любовь къ Милѣ не позволяли Николаю Ивановичу напомнить о такомъ щекошливомъ предметѣ. Къ-тому же, для его счастья, какъ онъ понималъ его, нужна была одна Мила, — что ему было въ ея пятидесяти заложенныхъ душахъ?.. Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ напоминали ему о нихъ не разъ, — софѣтовали объясниться прямо и безъ церемоній съ Павломъ Тимоѣевичемъ, но Николай Ивановичъ не думалъ объясненіемъ, или даже не хотѣлъ приступить къ нему вовсе. Сама Людмила Павловна никогда ничего не говорила ему о подобномъ предметѣ, и это еще болѣе усиливало его нерешительность. Не обидѣть бы тѣмъ ее, — думалъ онъ, — поврадите ли ей этотъ торгъ, эти ни на чемъ неоснованныя требованія?.. При прощаніи, Павелъ Тимоѣевичъ сказалъ ему, однакожъ, что не приводя въ деревню онъ поспѣшитъ обезпечить свою дорогую Милу.

лу, что онъ не забудетъ о нихъ. Чего было больше для Николая Ивановича! Къ-тому же, онъ зналъ, что для скромной жизни достаточно бы и собственныхъ средствъ его. Въдѣ живетъ же Андрей Ивановичъ — живетъ безъ недостатка и прилично?.. Онъ завелся всѣмъ, что было необходимо въ хозяйствѣ; въ шкатулкѣ его оставался запасецъ; награды онъ ждалъ со-дня-на-день, а тамъ жалованья, еще награды, — достанетъ для нихъ обоихъ. Расчетливый и осторожный, онъ предусматривалъ всѣ расходы, а итогъ ихъ не превышалъ его средствъ. Въ первые мѣсяцы, Мила не требовала отъ него денегъ на гардеробъ свой, на прхоты и удовольствія: она тратила свои, какія у ней были. О своихъ деньгахъ она никогда не говорила Николаю Ивановичу. На немъ лежали одни расходы на содержаніе дома и стола. Въ первый мѣсяцъ, они не были значительны, но потомъ постепенно возрастали. Николай Ивановичъ платилъ и платилъ... Маленькій капиталокъ его исчезалъ постепенно. Къ веснѣ изъ него уже почти не оставалось ничего. Тутъ только увидѣлъ онъ бездану, на краю которой стоялъ, — и ужаснулся. Годовое жалованье, полученное имъ въ награду, отдавало на нѣсколько времени минуточку кризиса. Онъ рѣшился наконецъ написать къ Павлу Тимофеевичу и напомнить ему объ обещанномъ, — отвѣта не было. Другое письмо его также осталось безъ отвѣта. Николай Ивановичъ видимо упалъ духомъ, терялся... Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда Милочка была одна, онъ намекнулъ ей о чрезмѣрныхъ расходахъ, о недостаткѣ средствъ удовлетворять ихъ... При этихъ словахъ, лицо Милочки изменилось: она поблѣднѣла, какъ полотно; глаза ея засверкали: «Дѣлайте, какъ хотите!» сказала она: «мнѣ нужны нѣтъ до вашихъ расчетовъ, до вашихъ средствъ!» На этомъ и кончилось все объясненіе. Николай Ивановичъ бѣжалъ въ департаментъ заглушить свое горе работою. Тамъ его встрѣтили такіе намеки и насмѣшки товарищей...

Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя было не подумать о деньгахъ. Но гдѣ ихъ взять? Занять?.. Мысль — войти въ долги всегда ужасала Николая Ивановича. Онъ рѣшился, тайкомъ отъ Милы, продать свою лошадь и дрожки, и продалъ ихъ, какъ водится, за полцѣны. Этими деньгами онъ удовлетворилъ хозяина дома, давно уже требовавшаго платы за квартиру. Потомъ, когда нужда подступала все ближе и ближе, онъ рѣшился занять. Вся надежда его лежала на Андрѣе Ивановичѣ. Онъ зналъ, что у него были деньги; къ-тому же это былъ единственный человѣкъ, который его хорошо зналъ, а потому могъ ссудить деньгами, ссудить безъ процентовъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ пошелъ онъ къ Андрѣю Ивановичу. Супруги предавались въ эту минуту посаб-

облагодному обычному кейфу. Они сидели на диванѣ. Развернутыя французскія книги лежали, по обыкновенію, передъ ними, за круглымъ столомъ, на которомъ стояла, какъ потухшіи жертвенникъ, невозжигаемая лампа съ колоратнымъ дѣшевиномъ. Когда колокольчикъ зазвенѣлъ въ передней, Андрей Ивановичъ очень-справедливо замѣтилъ Настасью Ивановну, что къ нимъ кто-то пришелъ, на что Настасья Ивановна процѣдила сквозь зубы, что точно къ нимъ кто-нибудь пришелъ. Они уже давно не видали Николая Ивановича и не мало удивились, когда тотъ вошелъ въ комнату — блѣдный, худой, съ впадыми, тусклыми глазами. Волосы на немъ всклоочены; въ одеждѣ замѣтны небрежность и безпорядокъ. Настасья Ивановна и Андрей Ивановичъ испугались и взглянули другъ на друга; потомъ, когда смущеніе ихъ разсѣялось, просили Николая Ивановича садиться. Настасья Ивановна даже спросила о здоровьи Людмилы Павловны. Послѣ непродолжительнаго разговора, который, по обыкновенію, ввязался очень-позко, Николай Ивановичъ перешелъ къ предмету своего визита и просилъ Андрея Ивановича судить его на короткое время деньгами. При словѣ «деньги», Настасья Ивановна поблѣднѣла, какъ смерть, а лицо Андрея Ивановича вытянулось аршиномъ... Онъ замаялся, взглянулъ на Настасью Ивановну, и ободренный пасивнымъ ея взглядомъ, отвѣчалъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, что вчера отдали они послѣднія... Какъ громомъ поразило Николая Ивановича этимъ отвѣтомъ. Онъ замолчалъ. Супруга также молчала. Спустя несколько минутъ этого мертвого, но многозначащаго молчанія, Николай Ивановичъ взялъ шляпу, простился, и ушелъ... Супруги обмѣнялись значительными взглядами, которые сопровождались улыбкой, и погрузились по-прежнему въ шептъ-ненарушаемѣй кейфъ.

Николай Ивановичъ выбѣжалъ на улицу. Столько эгоизма, столько равнодушія къ несчастію ближняго изумили его. И въ комъ же онъ видѣлъ этотъ убійственный эгоизмъ, это мертвящее равнодушіе?.. Въ людяхъ, которыхъ считали образцомъ добродѣтели, честности, доброты и сочувствія къ ближнему. — «Вотъ люди!» говорилъ Николай Ивановичъ. «Девалье съ нихъ презрѣнія: они не стоятъ в неважнѣсти!.. нога моя не будетъ въ этомъ безстрастномъ гнзядѣ!» Въ послѣдній разъ переступилъ онъ порогъ этого дома. Последнее звено цепи было разорвано...

Въ-самомъ-дѣлѣ, безмолвная чета единстворяла собою эгоизмъ, достигшій крайняго предела. Этотъ двойственный эгоизмъ, развивавшійся прежде, до свадьбы ихъ, на свободѣ, каждый изъ своего начала, слился теперь во-едино, какъ двѣ капли ртути, составивъ одно цѣлое, достойное наблюдешій сердцаевѣдца-физиолога.

Далеко-то збѣгая, выпенюченный въ вены цѣлой вѣтѣ жизни, — такъ та же дѣлится ртуть, отдавая ихъ отъ всего міра, разобщая съ людьми, съ которыми у нихъ не было ничего общаго, — погружалъ въ какую-то пассивную, животную жизнь, жизнь, въ которой не было ничего человѣческаго. Во всемірномъ потоки страстей, чувствъ, усилій ума и воли, и взаимной борьбы ихъ, они плавали одни, въ скорлупѣ своего эгоизма, какъ въ кончегъ невоми... Такіе люди проходятъ мимо насъ незамѣченными; но если бы мы замѣтали ихъ, если бы они раскрыли передъ нами свои сердца и чувства какъ книги — какую грязную страничку прочли бы мы!..

Между-тѣмъ, время шло, а съ ними вмѣстѣ подходила уже ближе и ближе нужда... Какъ нищій, покрытый лохмотьями, протягивала она костлявую свою руку... Мелкіе долги съ каждымъ днемъ увеличивались; одинъ счетъ прачки не на шутку заставлялъ задумываться Николая Ивановича... Должники начали приступать, требовать, грозить. Мелочной лавочникъ отказался давать на книжку... Голова ходила кругомъ у бѣднаго Николая Ивановича... Прибавьте къ тому, что все это надобно было скрывать отъ Милы, успокоивать или удовлетворять медныхъ кредиторовъ, удалять ихъ...

И Мила ихъ не слыхала, или показывала видъ, что не слышитъ. Да и когда ей было видѣть и слышать ихъ! Ея почти никогда не было дома. По цѣлымъ днямъ проводила она съ своей подругою, — даже ночевала у ней... Великимъ постомъ, она не пропускала ни одного концерта. Она царяла на этихъ концертахъ, окруженная блестящей толпой свѣтскихъ любовниковъ. Въ клубы она показывалась съ своей подругою, или съ кузеномъ. Кузенъ былъ ея постояннымъ, неизмѣннымъ чичисбео... Такъ промчалъ постъ.

Наступила свѣтлая недѣля, а съ нею весна — возжелѣнная гостя суровой петербургской природы. Весеннее солнце давно уже растопило снѣгъ, высушило троттуары и улицы. На страстной зашевелился Гостиный-Дворъ: мелкая промышленность возшевелила его своею грошевою мануфактурою, забилась подъ безконечными его аркадами, окружила его длинною цѣпью. Весь Петербургъ, и старыи и малый, толпился въ Гостиномъ-Дворѣ съ утра до вечера. То были дни какого-то римскаго карнавала. На гранитномъ паркете троттуаровъ Невскаго-Проспекта непамятно было увастъ яблоку. Вся улица загромождалась экипажами. Мундры, армяки, фракы, ливреи, дамскія шляпки и платья — все смѣшалось, слилось въ одинъ шумный потокъ въ этомъ водоворотѣ жизни и дваталяности. Миліоны денегъ посыпалась въ эту недѣлю на Невскій-

Проспектъ. Казалось, все ошело: и природа, и люди, все радосталось...

Целно все ли?.. Вся ли были довольны и счастливы въ веселой, беззаботной толпѣ этой? Вглядѣвшись повнимательнѣе, вы начинали въскалывать блѣдныхъ лицъ, на которыхъ горе, какъ неуловимый, безчувственный палачъ, положило расклевенное клеймо свое. Все обнаруживало въ этихъ людяхъ несчастливцевъ, пасынковъ славной богини. Безчувственный, равнодушный взглядъ, блуждающіе взоры, нетвердая поступь, во многихъ беспорядокъ и нищета одежды. Незваные и непрощенные приходили они сюда, увлеченные общимъ стремленіемъ, на этотъ ниръ избытка и безграничной роскоши, — приходили какъ-будто для того, чтобъ увидѣть свое несчастье, свое ничтожество, встрѣтиться съ нимъ лицомъ-къ-лицу.

Въ числѣ этихъ лицъ, на которыхъ невольно и съ грустію останавливалось ваше вниманіе, вы могли встрѣтить и Николая Ивановича. Рано утромъ и передъ вечеромъ проходилъ онъ лучшую часть Невского-Проспекта, между Полицейскимъ и Аничковымъ Мѣстами: кратчайшій путь въ департаментъ лежалъ ему черезъ эту часть города. Съ перваго раза вы бы не узнали его: такъ онъ измѣнился! Это былъ уже не тотъ цвѣтушій здоровьемъ и силою Николай Ивановичъ, съ которымъ познакомились вы, читатель, въ началѣ нашего разсказа. Тяжью того Николая Ивановича показался бы вамъ теперешній Николай Ивановичъ. Горе придавило его всей своей тяжестью. Онъ не имѣлъ силы вынести его — и изнемогалъ, таялъ, какъ отъ огня свѣчка. Онъ страшно похудѣлъ. Видундиръ сидѣлъ на немъ, какъ на вѣшалкѣ. Въ волосахъ показались пряди; лицо изрыли морщины; глаза потухли. Онъ шелъ, не обращая вниманія ни на что, съ поникшей головою, со взоромъ, безмысленно-устрашеннымъ на гранитъ троттуара. Онъ не слышалъ, не примѣчалъ этой шумной толпы, которая толкала его со всѣхъ сторонъ, шла къ нему на встрѣчу, обгоняла его, счастливая, беззаботная. При переходѣ черезъ Караванную-Улицу, его чуть не задавила карета. Кучеръ кричалъ, что есть мочи: Николай Ивановичъ не слышалъ ничего и шелъ прямо подъ дышло. Кто-то оттолкнулъ его въ сторону — и тутъ только онъ поднялъ голову. Боже! его карета! въ каретѣ Мила и какой-то военный, — кажется, кузень. Николай Ивановичъ оцѣпывалъ и долго-долго смотрѣлъ въ слѣдъ за каретой. Колѣни его подогнулись; едва дотащился онъ до стѣны, оберся на нее, — перевелъ духъ. Оправившись, онъ опять пошелъ далѣе.

Въ департаментѣ въ этотъ день предавали жидовиню. Начальство обращало на чиновниковъ истинно-отеческое вниманіе и, зная

по опыту, какъ нужны деньги къ празднику, разбирало разницу жалованья, хотя мѣсяцъ былъ еще въ началѣ. Въ этотъ день значительная сосредоточивала въ себѣ все народонаселеніе департамента. Экзекуторъ и казначей являлся въ полномъ блескѣ своей силы и своего величія. Какъ изъ рога избытка осыпалъ онъ всѣхъ приходящихъ къ нему, изъ окованнаго желѣзного сундука, ассигнаціями и денежными билетами. Страшный доспехъ съ чиншомъ мелочью, онъ былъ чрезвычайно-привѣтливъ съ начальниками отделеній и съ некоторыми почетными староначальниками, състрѣвными въ начальники отделеній. Онъ ласково пожималъ имъ руки и съ улыбкою отсчитывалъ ассигнаціи. Казначей, очевидно, умѣлъ жить въ свѣтѣ и зналъ людей, какъ свои пять пальцевъ.

Въ передней, Николай Ивановичъ встрѣтилъ прачку и мелочникъ лавочника: они пришли за своимъ добромъ и поджидали директора, чтобъ принести ему челобитную. Это до того смутило Николая Ивановича, что онъ не зналъ, что ему дѣлать, куда идти. Онъ видѣлъ себя обезпеченнымъ въ глазахъ всего департамента. Утраченнымъ уже показалось ему все его служебное счастье! Многіе чиновники, въ глазахъ его, подходили къ страшнымъ кредиторамъ, разспрашивали ихъ съ участіемъ и долго говорили имъ что-то, размахивая руками. Николай Ивановичъ, молча, предался судьбѣ своей. Глубокія оскорбленія ожидали его. На лестницѣ, швейцаръ, вмѣсто обычнаго поклона, взглянулъ на него съ улыбкою, не отворилъ ему дверей, даже не попросилъ его записаться въ тетрадь, въ которой чиновники, по просьбѣ его, записывали для него пожертвованія на праздникъ... Николай Ивановичъ сѣлъ за свой столъ, какъ убитый. Когда онъ входилъ, молодые чиновники стояли у окна. Одинъ изъ нихъ, — тотъ самый, который былъ шефромъ у Николая Ивановича, читалъ во всеуслышаніе напечатанными въ «Русскомъ Инвалидѣ» имена особъ, замѣнившихъ визиты на праздникъ денежнымъ пожертвованіемъ въ пользу петербургскихъ дѣтскихъ пріютовъ... Николай Ивановичъ встрѣченъ былъ многозначными улыбками. Никто не поклонился ему. Экзекуторъ продолжалъ читать:

«Людмила Павловна — ева, урожденная — т!» провозгласилъ онъ торжественно.

Николай Ивановичъ задрогнулъ. Кругомъ его раздавались смѣхъ, шумъ, привѣтствія.

— Ваша супруга не будетъ дѣлать визитовъ на праздникъ? — спросилъ у него кто-то.

— Какое прекрасное имя у вашей супруги! Сказала другъ.

— Она красива! замчалъ третій.

— Къ ней будутъ дѣлать визиты... прачка и лавочникъ! говорилъ въ полголоса третій.

— Она дѣлаетъ визиты сегодня!

Эти слова провознесены были довольно-громко экс-шаферомъ и заключали въ себя таинственный смыслъ одного обстоятельства, о которомъ онъ уже успѣлъ разгласить по всему департаменту. Дале заключалось въ томъ, что, проходя, по пути въ департаментъ, мимо казармъ, онъ замѣтилъ, что изъ дверей ихъ вышла какая-то дама, прекрасно-одѣтая. Лицо ея было закрыто чернымъ вуалемъ. Экс-шаферъ обладалъ непреодолимою страстью заглядывать подъ шляпки всѣхъ дамъ, которыхъ встрѣчалъ на улицѣ. Ну, какъ послѣ этого утерпѣть, чтобъ не заглянуть подъ шляпку прекрасно-одѣтой дамы, вышедшей изъ казармъ? Экс-шаферъ ускорилъ шаги и обогналъ даму... Обогнавъ, онъ тотчасъ же обернулся, чтобъ взглянуть на даму... Кого же онъ увидѣлъ?.. Милу! — Милу!..

Дама отворотилась, всныхнувъ вся, какъ розанъ. Экс-шаферъ взглянулъ на нее еще разъ: онъ подумалъ, что его обманываетъ следствие... Когда онъ оглянулся, дама уже не было: она исчезла въ воротахъ дома, мимо котораго шла. Тамъ все и кончилось...

Во все продолженіе этой сцены, Николай Ивановичъ сидѣлъ, какъ прикованный къ стулу. Товарищи его съ некотораго времени стали замѣчать въ немъ странности. Его рсаніе къ службѣ вдругъ охладилось. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ надъ бумагою, — протѣивалъ ее тысячу разъ и не понималъ ея, какъ-будто, читалъ, думалъ совсѣмъ о другомъ. Иногда онъ вдругъ принимался писать и писалъ нѣсколько часовъ сразу. Никому не удалось подсморгнуть, что онъ писалъ; но еслибъ кто-нибудь заглянулъ въ бумагу, то увидѣлъ бы, что она чистѣйшая: Николай Ивановичъ велѣлъ по ней сухимъ перомъ; иногда, онъ пресаживалъ цѣлые часы, не принимался ни за что, уставивъ глаза неподвижно въ какой-нибудь предметъ.

Въ этотъ день и вскоре послѣ сцены, которую мы описали, Николай Ивановичъ ушелъ изъ департамента гораздо-ранѣе срочнаго часа. Никто не видалъ, когда и какъ онъ вышелъ. Онъ даже забылъ о жалованьи, которое долженъ былъ получить... Домой пришелъ онъ далеко за-полночь. Никто не смѣлъ, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. На другой день, онъ вышелъ изъ дома чѣмъ-свѣтъ и вернулся тамъ же поздно. Въ департаментѣ его не видали... Такъ прошли послѣдніе дни страстной-недѣли и первый день праздника...

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Съ ума сѣдѣлъ? Прому покороче!
Да невзначай, да какъ проворно!

Безумишь ли меня провозгласила хороня,
Вы правы: видъ огня ротъ выйдетъ поспрашивъ,
Кто съ вами день пробить успѣеть,
Подышать воздухомъ однимъ,
И въ немъ рассудокъ угадать!

Петербургская весна, всегда непостоянная, капризная, въ нынѣшнемъ году осталась болѣе, чѣмъ когда-нибудь, вѣрна своему характеру. Въ нынѣшнемъ году, предзнаменіе явилась въ Петербургъ въ маскарадномъ платьѣ — въ платьѣ зимы. Вы помните, какой задача она намъ праздникъ на свѣдѣй-подъѣлъ! Мы встрѣтили ее на-легкѣ, въ однихъ шурткахъ, беззаботно и доверчиво, и вдругъ заставила она насъ закутаться снова въ тяжелыя шубы. Что съ нею прикажете дѣлать!

16-го апрѣля, послѣ прелестныхъ весеннихъ дней, наступила зима, зима во всей формѣ, со свѣгомъ на дол-аршина, съ санками, съ морозомъ. Всю ночь и весь день шелъ густой свѣгъ; поднялась вьюга, мятежница. Послѣ перваго дня шумныхъ вихровъ, Петербургъ притихъ, заверя въ своихъ каменныхъ теплицахъ, затопилъ каминныя и печи. Чистый понедѣльникъ не былъ скучнее и мертвѣе. Одна только крайность могла вытравить человека на улицу. Каждый сидѣлъ запершись дома и въ молчаливомъ ожиданіи ждалъ у моря погоды.

Къ вечеру усилилась вьюга. Тучи снега кружились въ улицахъ Петербурга, заслоняя собою свѣтъ Большой; вѣтеръ широко разгуливалъ по нимъ; будто въ глубокую олею.

Въ шестъ-то бурный вечеръ, часовъ въ десять, пробрался по Невскому-Проспекту нашъ Николай Ивановичъ. Свѣгъ засыпалъ ему глаза, вѣтеръ хлесталъ въ лицо свѣговыми хлопьями: онъ все шелъ. Невскій-Проспектъ опустѣлъ совершенно, и еслибъ кто-нибудь невзначай увидѣлъ, при свѣтѣ газоваго фонаря, блѣдное, ис-

худалое лицо Николая Ивановича, то, даже при слабей наклонности къ суевѣрью, подумалъ бы, что это вампиръ, вырвавшійся изъ холодной могилы, съ кладбища. Его шляпа, вся занесенная снѣгомъ, надвинута была на глаза; руками онъ придерживалъ полы шинели, которыя то-и-дѣло распахивалъ вѣтеръ. Онъ шелъ довольно-скоро и все шевелилъ губами, какъ-будто разговаривалъ съ кѣмъ-нибудь дорогомъ.

Странные люди, странныя вещи встрѣчались Николаю Ивановичу дорогомъ. Ему даже показалось, что онъ не въ Петербургъ, а гдѣ-то въ Италіи. Онъ не встрѣтилъ ни одного знакомаго лица, ни одного знакомаго костюма, какіе привыкъ встрѣчать и видѣть на Невскомъ-Проспектѣ. У крыльца одного дома стоялъ какой-то Франтъ съ Испанцемъ: оба курили сигары. Испанецъ былъ одѣтъ какъ мадритскій матадоръ и стоялъ живописно облокотившись на какую-то бочку. И Франтъ и Испанецъ были безъ плащей, а Николай Ивановичъ и въ шинели дрожалъ отъ холода. Онъ остановился и взглянулъ на нихъ съ удивленіемъ, но они рѣшительно не обратили на него никакого вниманія и преспокойно продолжали курить. «Какой гордый народъ эти Испанцы!» подумалъ Николай Ивановичъ: «вотъ бы посадить такого молодца въ директоры, въ начальники отдѣленія... о, о, о!» Николай Ивановичъ замоталъ головою и продолжалъ свой путь. Немного-далѣе онъ встрѣтилъ прехорошенькую Итальяночку: она стояла на одной ножкѣ, поднимая другую, какъ-будто дѣлала антрша, и держала въ рукѣ закурешную папирскую. Около ней вертѣлась, мотая пушистымъ хвостомъ, маленькая собачка, точь-въ-точь такая, кака была у Людмилы Павловны. Онъ даже принялъ ее за свою и назвалъ по кличкѣ; но та не отрывала глазъ отъ Итальянки. «Нѣтъ, это не наша Кадѣ; она только очень-похожа на нашу Кадѣ» сказалъ Николай Ивановичъ. На Итальянку онъ такъ-посмотрѣлъ: прехорошенькая и одѣта была такъ, что прелесть. На ней былъ вумцовый спенсеръ съ коротацкою, по коленн, юбочкою, точь-въ-точь какъ въ баетѣ. Она была въ чулочкахъ и башмачкахъ — на такомъ морозѣ, на такомъ снѣгу... Бррр! Николай Ивановичъ задрожалъ и запахнулся полами шинели. «Вотъ какова эта Италія!» сказалъ онъ самъ себя: «дрожишь отъ стужи, какъ у насъ въ Петербургѣ. Видно, горячая кровь у этихъ Итальянцовъ, когда они ходятъ по снѣгу въ башмачкахъ и чулочкахъ!» Въ эту минуту, пламя газоваго фонаря колыхнуло вѣтромъ въ сторону, и Николаю Ивановичу показалось, что Итальянка потчуетъ его папирскою. «Я не курю-съ!» отвѣчалъ онъ, снимая шляпу и кланяясь: «вотъ Людмила Павловна такъ курить этикія сигарки.»

Николай Ивановичъ нешелъ dalje.

Вдругъ видать онъ — передъ нимъ красавица, какой ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Это уже была не Итальянка; по одеждѣ, она могла принадлежать къ каждому изъ образованныхъ народовъ Европы. На ней было прелестное большое платье изъ фиолетоваго бархата, съ открытымъ корсажемъ, отороченнымъ около шеи и плечь широкими блондами. Густые, черные, какъ смоль, волосы были зачесаны по послѣдней парижской модѣ и убраны бриллантовой наколкой и кистью изъ голубаго шелка. Осглантальной блязаны шея открыта; обнаженные выше локтя руки украшались золотыми браслетами; въ одной рукѣ она держала розу. Обитая яркимъ свѣтомъ огня, она медленно поворачивалась кругомъ, и каждый разъ, когда голубые глаза ея останавливались на Николай Ивановичѣ, ему казалось, что что-то знакомое было для него въ этихъ голубыхъ глазахъ. Это были глаза его Милы, ни дать, ни взять, — и смотрѣли на него такъ приветливо, съ такою участіемъ! «Мила! Мила! Мила!» говорилъ Николай Ивановичъ, робко подвигаясь къ красавицѣ. Николай Ивановичъ не могъ понять, отъ-чего такъ перемѣнилась Мила: отъ-чего блонкурые ея волосы почернѣли, какъ вороново крыло; отъ-чего сама она такъ поцвѣтѣла, такъ посвѣжѣла, такъ изумительно похорошѣла! И какъ она смотритъ на него, душка! Такъ смотрѣла она на него только передъ свадьбой; послѣ ужъ не встрѣчалъ онъ приветливаго взгляда ея!

Тихимъ, прерывистымъ голосомъ произносилъ онъ заветныя слова «Мила, Мила, Мила!» и все подвигался къ красавицѣ.

Красавица по-прежнему все поворачивалась кругомъ.

Читатель, если онъ только знакомъ съ Невскимъ-Проездомъ, безъ сомнѣнія догадался, что франтъ, Испанецъ и Итальянка съ папирской — были фигуры, написанныя на вывѣскахъ, всѣхъ намъ знакомыя, а вертящаяся красавица — восковая кукла, выставленная въ окошкѣ мастерской парижскаго парикмахера Вотье. Правда, существуютіе петербургскіе флаверы до-сихъ-поръ любятъ изумительнымъ совершенствомъ, съ какими сдѣлана и убрана эта механическая кукла. Простой народъ съ утра до вечера толпится подъ окошкомъ магазина Вотье, ахаетъ отъ изумленія, не забывая при этомъ пересыпать свои замчанія двусмысленными шуточками, съ смысломъ на-изнанку или, пожалуй, безъ всякаго смысла. На этой-то куклѣ остановилось теперь вниманіе нашего бѣднаго страдальца. Цѣлый часъ стоялъ онъ передъ куклою. При каждомъ переливѣ пламени газоваго рожка, освѣщающаго куклу, онъ видѣлъ новое ва-

раженіе въ лицѣ ея, новое ободніе. Ноги его окоченѣли отъ холода; но онъ не чувствовалъ этого. Голова и грудь его горѣли. Вѣтромъ сорвало съ него шляпу: онъ не замѣтилъ и этого. Онъ уже передѣвъ черезъ мѣдную балюстраду, ограждавшую парикмахерское окно отъ напора любопытной публики,—не спускалъ глазъ съ куклы и каждый разъ, когда она поворачивалась къ нему лицомъ, тихо повторялъ: «Міла! Міла! Міла!»

Вдругъ нога его поскользнулась на мокромъ снѣгу и онъ ударился головой о стекло. Зеркальное стекло разбилось въдребезги; осколки его, звеня, посыпались на троттуаръ.

— Au feu! au voleur! hola! раздалось изъ мастерской, и въ ту же минуту дверь хлопнула, колокольчикъ зазвенѣлъ и пара сильныхъ рукъ схватила Николая Ивановича.

Его привели въ магазинъ, гдѣ царствовало ужасное смятеніе. Весь домъ былъ на ногахъ. Крики, бѣготня, топанье раздавались со всѣхъ сторонъ. Никто не зналъ, что случилось и, какъ водится, въ первыхъ попыткахъ тревоги кричали Богъ-знаетъ о чемъ,—кричали о vol audacieux, о смертоубійствѣ. Больше всѣхъ кричала Француженка. Пробужденная тревогой, съ заспанными глазами, въ ночной кофѣ и чепчикѣ, вбѣжала она въ комнату и, замѣтивъ Николая Ивановича, бросилась на него съ крикомъ: «Scélérat! assassin! meurtrier! brigand!...» Ее наслы успокоили.

Николаю Ивановичу связали руки. Онъ не сопротивлялся; онъ былъ тихъ, какъ дитя; мутнымъ, боязливымъ взоромъ обводилъ онъ всѣхъ присутствующихъ и тихо говорилъ: «Міла! Міла! Міла!» Лицо его было изрѣзано стеклами.

— Это сумасшедшій, сказалъ хозяинъ.

— Притворяется сумасшедшимъ! Знаемъ мы ихъ! замѣтилъ его товарищъ.

— Мазурикъ! говорилъ одинъ изъ рабочихъ мальчишекъ, проталкиваясь въ толпу, чтобъ взглянуть на Николая Ивановича.

Явился квартальный офицеръ съ полицейскими. Увидѣвъ Николая Ивановича, онъ тотчасъ же послалъ за частнымъ докторомъ. Черезъ часъ все было кончено...

Николая Ивановича свезли въ городскую больницу. При осмотрѣ, увидѣли, что одна нога его расшибена. Доктора открыли въ немъ неизлечимую ergotomania и всѣ признаки сильной нервной гот.

рячки. Черезъ три дня, его уже не стало. Последнее слово, сошедшее съ искривленныхъ предсмертными судорогами посинѣлыхъ губъ его, было — «Мила!»

И никто не пожалѣлъ о немъ! никто не улыбнулся ему въ эти страшныя, послѣднія минуты жизни!..

А Милочка?

Лучше не спрашивайте!

СЕРГѢЙ НОВЫДОНОСЦЕВЪ.

РЕФОРМАЦІЯ.

Статья пятая и последняя

РЕФОРМАЦІЯ ВЪ НИЖНЕ-ГЕРМАНСКИХЪ ГОРОДАХЪ. — ОППОЗИЦІЯ ПРОТИВЪ АВСТРИИ. — УСТУПКИ ИМПЕРАТОРА. — СМЕРТЬ ЮГАННА-САКСОНСКАГО. — СЕЙМЪ ВЪ РЕГЕНСБУРГѢ. — СОБЫТІЯ ВЪ ВИРТЕМБЕРГѢ. — ПОХОДЪ ЛАНДГРАФА ГЕССЕНСКАГО. — ВОЗСТАНИЕ ЛЮБЕКА. — ВУЛЛЕНВЕРГЪ. — ХРИСТИАНЪ III. — СОСТОЯНІЕ НАУКЪ И ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ XVI ВѢКѢ.

Мы говорили уже объ отношеніяхъ верхне-германскихъ городовъ къ Швейцаріи: во время смутеній, они приблизились сколько могли къ релігіозному принципу шмалькальденскаго-союза. Собственная опасность являлась имъ еще грознѣе послѣ бѣдствій, понесенныхъ Швейцаріею; наконецъ верхне-германскіе города приступили къ рѣшительнымъ мѣрамъ и стали готовиться къ войнѣ: это случилось въ Нордгаузенѣ въ 1531 году. Но прежде, чѣмъ изложимъ слѣдствія этого союза, необходимо бросить взглядъ на успѣхи реформаціи въ нижне-германскихъ городахъ.

Первый городъ, приступившій къ союзу евангелическихъ князей, былъ Магдебургъ. Тамъ господствовало непосредственное вліяніе имперіи; тамъ еще недавно жители потерпѣли много бѣдъ отъ самовластия архіепископа; тамъ ходилъ въ школу Лютеръ и съ того времени пріобрѣлъ друзей, которые успѣли уже достигнуть важныхъ должностей въ городѣ и идеи его распространить по всей общинѣ. Однажды, у памятникка Оттона-Великаго, старый суконщикъ запѣлъ лютеранскій гимнъ и предлагалъ желающимъ купить у него нѣсколько экземпляровъ этого гимна. Возвращаясь отъ обѣдни, бургомистръ Рубинъ увидѣлъ его и велѣлъ задержать. Этого уже достаточно было, чтобъ раздуть огонь, тавившійся подъ пепломъ: волненіе распространилось по всему городу. Граждане, начавшіе принимать участіе въ свѣтскихъ дѣлахъ еще въ 1330 году, сочли себя въ правѣ вмѣшаться и въ дѣла духовныя. Прежде всѣхъ община св. Ульриха, 6-го мая 1521 года, избрала изъ сре-

ды своей восемь человекъ, которые обязаны были заботиться о делахъ церкви и назначеніи проповѣдниковъ; этому примѣру последовали другія общины, и городскій советъ не считалъ себя въ правѣ имъ противиться. На ряду съ католическими священниками получили мѣста и проповѣдники евангелическіе.

Такое состояніе не могло быть продолжительно; скоро между духовенствомъ возникли раздоры, и общины торжественно отреклись отъ католицизма. 17 іюля 1524 года установлено было лютерово богослуженіе. Тогда собрались ратсгеры и сотники, одѣтые въ свои панцири, бюргеры всѣхъ частей города, вооруженные саблями и ружьями, и поклялись другъ другу отстаивать свое исповѣданіе: никто не сомнѣвался, что архіепископъ-кардиналъ Альбрехтъ объявить права свои. Они твердо рѣшились, не щадя жизни, сопротивляться насилію и защищать принятое ими церковное преобразование.

Года два спустя, почти то же произошло въ Брауншвейгѣ. Граждане читали книги Лютера и библію въ его переводѣ; болѣе же всего нравились имъ гимны лютеровы: во всѣхъ домахъ раздавались они... Вскорѣ потомъ Брауншвейгцы не хотѣли слышать другихъ проповѣдей, кромѣ евангелическихъ: схоластическіе доводы были ими всегда прерываемы громкими шумомъ; одинъ цитаты изъ св. писанія заслуживали одобреніе; католическіе священники не знали, что имъ дѣлать, и рѣшились наконецъ просить защиты у городскаго совета. Тогда еще тѣсно соединились общины. Городскія части и предместья назначали уполномоченныхъ, во главѣ которыхъ выступилъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣйствователей въ религіозномъ движеніи, Зандеръ, человекъ, принадлежавшій къ реформаціи еще въ-сладствіе прежняго литературнаго направленія; они, съ своей стороны, требовали, чтобъ советъ удалилъ католическихъ священниковъ.

Сначала, советъ склонился—было къ старому порядку дѣлъ, но скоро народное движеніе увлекло и его. Въ то самое время, по рѣшенію сейма 1526 года, въ окрестныхъ областяхъ совершилось преобразование, и герцогъ Гейнрихъ Брауншвейг-Вольфенбюттельскій не могъ ничѣмъ воспрепятствовать имъ, потому-что находился тогда съ войскомъ въ Италіи. При такихъ обстоятельствахъ, 13 марта 1528 года советъ принялъ рѣшеніе, по которому впредь должно было процѣлывать только одне св. писаніе, принимать св. причащеніе подъ видомъ тѣла и крови и при богослуженіи употреблять нѣмецкій языкъ. Изъ Виттенберга прибылъ докторъ Бугенгагенъ, чтобъ новому порядку вещей придать форму, согласную съ ученіемъ Лютера; герцогъ люнебургскій обѣщаль городу свое протекторство.

Въ томъ же духѣ совершилось преобразование и въ большей части соседнихъ земель: вездѣ появлялись отдѣльные проповѣдники, раздавались лютеровы пѣсни, и общины оказывали имъ горячее участіе; советы сначала болѣе или менѣе сопротивлялись нововводителямъ и въ концѣ соглашались съ общиною: такъ было въ Госларѣ, Гёттингенѣ, Зибургѣ и проч.

Мы говорили уже (см. «Реформація», статья 1, стр. 28), что благо-

щеніе духовенства произвело сильныя волненія во всѣхъ имперскихъ городахъ; еще 1510 — 1516 они потрясли и города ниже-германскіе. Теперь возникъ вопросъ, въ какой степени религиозное движеніе соединится съ демократическимъ направлениемъ, и не получить ли господства начало политическое?

Въ этомъ отношеніи, города представляютъ великое различіе; между ними были такіе, въ которыхъ община и советъ соединились еще во-время. Когда обнаружилось волненіе, городскія постановленія стояли еще твердо; сильно сопротивлялись они вліанію чуждыхъ прелатовъ, которое все болѣе и болѣе тяготило ихъ, и, свергнувъ несносное для нихъ иго, приняли участіе въ управленіи дѣлами и церковными имуществами. Въ Магдебургѣ, изъ членовъ прежняго совета и вновь-избранныхъ представителей общинъ, составились церковныя collegii, усилившія демократическое начало и безъ того могущественное въ городскомъ управленіи. Замѣчательнѣе всѣхъ городовъ былъ Гамбургъ; и здѣсь граждане послѣдовали совету Лютера, совету, который Бугенгагенъ распространилъ теоретически въ книгахъ (*) и практически въ учрежденіяхъ своихъ; въ Брауншвейгѣ назначили евангелическихъ проповѣдниковъ и церковныя имущества распредѣляли на содержаніе проповѣдниковъ и училищъ, равно и на пособіе бѣднымъ; для чего избрано было изъ числа гражданъ 12 представителей, къ которымъ присоединили 24 члена изъ каждаго прихода. То же самое происходило и въ другихъ городахъ; только въ Гамбургѣ постановленія эти получили политическую организацію: представители приходовъ составили советъ сорока-восьми, образовавшій, съ присоединенными къ нимъ новыми членами двѣ collegii (въ числѣ 144 чел.), которыя можно назвать истинными представительницами прочнаго гражданства. Кроме того, наряжена была особенная коммиссія, въ рукахъ которой должно было сосредоточиться управленіе церковными имуществами. Все это произошло съ полнаго согласія городского совета въ день св. Михаила 1528 года. Collegiia эта была многозначительна для дальнѣйшаго развитія города; по прошествіи трехъ лѣтъ, день перваго постановленія торжествовалъ цѣлый городъ (**).

Также въ Ростокѣ советъ и граждане соединились тѣсно другъ съ другомъ противъ мекленбургскихъ князей, которые, въ 1531 году, приняти на нѣкоторое время сторону католическаго духовенства.

Но не вездѣ дѣло обошлось такъ мирно. Въ Бременѣ (гдѣ церкви съ 1525 года пали во власть лютеранскихъ проповѣдниковъ, и оба монастыря въ 1527 году превращены были одинъ въ школу, другой въ госпиталь), между гражданами, въ-продолженіе непрерывныхъ споровъ

(*) Въ предисловіи къ описанію объ истинной вѣрѣ, которое Бугенгагенъ выдалъ въ Верхней и Нижней-Германіи и посвятилъ бургомистру, ратсгерманъ и всей общинѣ «достопочтеннаго» города Гамбурга.

(**) Лиценбергъ. Въ программѣ къ трехлѣтнему празднованію гражданскаго постановленія города Гамбурга, въ которой указано, что значили въ народѣ рѣчи бургомистра Бартельса и протуса Рюкера.

духовенства, возникло такое озлобленіе противъ него, что имъ не довольно казалось лишити его духовной власти: они объявили притязаніе на большое количество луговъ, садовъ и полей, которыми католическое духовенство несправедливо завладѣло; а такъ-какъ совѣтъ не вступался въ это требованіе, то граждане избрали демократическихъ представителей въ числѣ 104 человекъ; имъ поручено было не только заняться дѣломъ духовенства, но даже преобразованиемъ всего городского управленія: они начали дѣйствовать такъ насильственно, что усмирить ихъ можно было только вооруженною силою (*).

Еще значительнѣе было движеніе въ Любекѣ. Здѣсь знатнѣйшія семьи тѣсно соединились съ католическимъ духовенствомъ; капитулъ, совѣтъ и богатые негоціанты составляли одну партію (**). Не смотря на то, религиозное движеніе обнаружилось между бюргерами въ такой же силѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ; за то ихъ преслѣдовали съ примѣрною ревностью; цѣлыя семейства, въ которыхъ дѣла нѣмецкіе псалмы, были подвергнуты наказанію: на общественной площади предавы были соженію проповѣди Лютера.

Къ несчастію городскихъ правителей, они допустили безпорядокъ въ финансовомъ управленіи, и потому принуждены были созвать гражданъ и выслушивать ихъ необыкновенныя требованія. Граждане не замедлили воспользоваться этимъ: они нарядили, въ 1529 году, комиссію, которая мало-по-малу составила изъ 64 членовъ и распределяла денежные поборы; она тотчасъ же употребила случай этотъ въ свою пользу и не только увеличила политическую власть свою, но произвела и религиозныя перемѣны. Граждане требовали, чтобъ комиссія ихъ имѣла участіе въ приходѣ и расходѣ, и чтобъ имъ дозволена была свободная проповѣдь. Къ этому присоединился общій голосъ: всѣ громко начали требовать возстановленія проповѣдниковъ, изгнанныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ; псаломъ «ach Gott vom Himmel sieh darein» прерывалъ католическое богослуженіе; по улицамъ раздавались насмѣшливыя пѣсни противъ прелатовъ и священниковъ; когда же, наконецъ, при многочисленномъ собраніи гражданъ, предложено было отойти къ сторонѣ тѣмъ, которые рѣшились остаться вѣрны католицизму, — это сдѣлалъ только одинъ!

Стѣсненный подобными изъявленіями народной воли и по состоянію финансовъ своихъ лишены всѣхъ средствъ къ сопротивленію, городской совѣтъ долженъ былъ уступать шагъ за шагомъ.

Въ декабрѣ 1529 года, онъ призвалъ изгнанныхъ проповѣдниковъ, въ апрѣлѣ 1530-го отдавалъ католиковъ отъ всѣхъ кафедръ, въ іюнѣ того же года принужденъ былъ отдать монастыри и церкви въ распоряженіе гражданъ. Въ то самое мгновеніе, когда Карлъ V въ Аугсбургѣ мечталъ о возстановленіи католицизма, католицизмъ пагъ въ одномъ

(*) Раллера «Geschichte von Bremen. II, стр. 390 и далѣе.

(**) Духовенство умножилось послѣ учрежденія викаріатовъ. Въ половинѣ XV вѣка, въ Любекѣ во всѣхъ церквахъ было до 169 викаріевъ, большою частію родственниковъ тѣхъ, которые составили капиталъ, назначенный на заупокойныя обѣды. Распределеніе капитала зависѣло отъ настоятелей церквей.

изъ важнѣйшихъ сѣверныхъ городовъ. Это не осталось незамѣченнымъ въ Аугсбургѣ; императоръ требовалъ возстановленія древней вѣры и повелевалъ городскому совету требовать у сосѣдственныхъ князей помощи противъ еретиковъ: тогда волненіе возстало съ удвоенною силою и достигло наконецъ такой степени, что советъ самъ просилъ комиссію 64 членовъ сохранить власть свою. Тогда докторъ Іоаннъ Бугенгагенъ былъ призванъ въ Любекъ, чтобъ, вмѣстѣ съ комиссіею, составить новый советъ и новый церковный уставъ. Монастыри превращены были въ больницы и училища; монахини св. Іоганниса назначены были воспитательницами дѣтей; во всѣхъ приходахъ поставлены настоятели и проповѣдники, принадлежавшіе къ аугсбургскому исповѣданію; во главѣ стоялъ суперинтендентъ Германъ Баннусъ.

Разумѣется, комиссія 64-хъ, основанная на политически-религіозныхъ началахъ, не могла довольствоваться церковными уступками; советъ вынужденъ былъ обещать безъ ея согласія не заключать никакого союза, не начинать войны — словомъ, не предпринимать ничего важнаго. Неохотно подчинились этому правители, привыкшіе дѣйствовать неограниченно; правда, бургомистры торжественно примирились съ представителями 64-хъ и ста (которые были приняты въ новую комиссію и значительно ее усилели); но такіа торжественныя дѣйствія вообще ни къ чему не служатъ и никогда не могутъ устранить споръ; двѣ недѣли спустя, главные бургомистры Брёмзе и Пленніесъ, находя невыносимымъ безсиліе, въ которое привело ихъ новое распоряженіе, и обижаясь недовѣрчивостью, которую имъ выказывали граждане, оставили городъ во время пасхи 1531 года.

Какую бурю подняло между жителями это удаленіе бургомистровъ! Распространился слухъ, что они, вмѣстѣ съ советомъ, завели сношеніе съ сосѣдственными князьями, и что они немедленно устроятъ нападеніе на городъ. Тогда созваны были 64, потомъ сто, наконецъ всѣ члены общины; городскія ворота заперты; задержавы члены совета или въ домахъ ихъ или въ самой ратушѣ, и наконецъ советъ этотъ, стѣсненный, ограниченный, измученный рѣшился отдать большую печать города представителямъ 64-хъ. Община не хотѣла уничтоженія совета: къ этому не допустили бы ея сами лютеранскіе проповѣдники. Но когда поставили они изъ среды своей новыхъ членовъ въ союзъ и назначили двухъ бургомистровъ на мѣсто выбывшихъ, имъ удалось измѣнить советъ въ самомъ его составѣ и упрочить преимущество побѣдоноснымъ идеямъ реформаціи.

Генрихъ-Эрихъ-Люнебургскій изъявилъ великую радость, когда, по возвращеніи изъ Аугсбурга домой, услышалъ, какъ водворялись перемены вокругъ его владѣній, какъ мало обращали вниманія на немилость императора, и какъ усилилась проповѣдь евангелія во всѣхъ сосѣдственныхъ городахъ. Императоръ особеннымъ письмомъ увещевалъ городъ Люнебургъ возвратиться въ вѣдра древней вѣры: граждане не обратили на это никакого вниманія, только просили герцога своего оставить ихъ на некоторое время Урбана Регіуса, реформатора, привезеннаго имъ

изъ Аугсбурга, чтобъ онъ установилъ порядокъ въ церковномъ управленіи, — и действительно онъ занялся этимъ дѣломъ.

Какъ сильно проникнулъ духъ реформаціи въ ниже-германскіе города! За него подвизались пять княжествъ; его господству торжественно подчинились ганзейскіе города; мощно ввинулся онъ въ Вестфалию и стремился подчинить себя весь сѣверъ.

Легко было предвидѣть, что такое стремленіе не обойдется безъ сильныхъ бурь.

Реформаціонныя стремленія, усиленные покровительствомъ политической власти, развились тамъ, гдѣ всего сильнѣе были угрозы императору; развитію ихъ болѣе всего способствовалъ шмалькальденскій союзъ.

Магдебургцы увлечены были въ общія событія времени: когда въ 1531 году, архіепископъ потребовалъ, чтобъ они безпрекословно приняли рѣшеніе аугсбургскаго сейма, единственное спасеніе свое возложили они на курфирста саксонскаго и умоляли его о помощи «ради вѣчнаго божественнаго Слова». Не медля ни минуты, приступили они къ союзу. Въ слѣдъ за тѣмъ, Бременъ объявилъ герцогу люнебургскому готовность свою прислать ему необходимую помощь. Съ Любекомъ герцогъ долженъ былъ открыть переговоры; это случилось въ то время, когда старшій совѣтъ имѣлъ еще некоторую власть, и потому предложенія его не были приняты, но тѣмъ легче было герцогу приобрести согласіе коллегій—ста-шестидесяти-четырёхъ. По распоряженію ея, на второмъ собраніи въ Шмалькальденѣ, въ мартѣ 1531 года, явился отъ нихъ уполномоченный, который желалъ только знать предварительно, какую помощь дадутъ ему князья противъ изгнаннаго короля датскаго, если императоръ вздумаетъ возстановить его; не смотря на то, что уполномоченный не получилъ удовлетворительнаго отвѣта, Любекъ приступилъ къ переговорамъ; такимъ образомъ, все три города подписали условія союза.

Въ слѣдующее собраніе приступили къ нему Гёттингенъ и Брауншвейгъ, потомъ Госларъ и Эмбекъ. Такъ могущественно распространилось вліяніе евангелическихъ князей на обѣ части Германіи: въ числѣ союзниковъ ея было семь верхне-германскихъ и семь ниже-германскихъ городовъ. Долго еще не рѣшались дать общее постановленіе союзу; наконецъ съ этою цѣлію предварительно собрались въ ноябрѣ 1531 года въ Нордгаузенъ и окончательно въ декабрѣ того же года во Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Прежде всего возникъ вопросъ, кому поручить начальство надъ союзомъ? Послѣ некоторыхъ переговоровъ, положено было назначить двухъ предводителей: курфирста саксонскаго и ландграфа гессенскаго: если война возгорится въ Саксоніи и Вестфалии, предводителемъ будетъ первый, если же въ Гессенѣ и Верхней-Германіи, то второй; оба обязались немедленно оказывать другъ другу помощь.

Невозможно было требовать, чтобъ только одни предводители имѣли власть дѣйствовать неограниченно; потому вторымъ предметомъ разсужденія было распределеніе городовъ, въ случаѣ, если войны будутъ несласны.

Первое предложеніе послѣдовало со стороны князей; они требовали установленія пяти голосовъ: двухъ для Саксоніи и Гессена, двухъ для городовъ, и одного для прочихъ князей и владѣтелей Германіи.

Постоянное вспомогательное войско должно было состоять изъ 2,000 конницы и изъ 10,000 пѣхоты, на содержаніе которыхъ ежемѣсячно назначалось 70,000 гульденовъ: изъ нихъ 30,000 должны были доставить князья и 40 города. Такое предложеніе, дававшее рѣшительный перевѣсъ князьямъ, не было принято; при новомъ разсужденіи, положили, чтобъ до 35,000 гульденовъ доставлялось съ каждой стороны, и чтобъ изъ восьми голосовъ каждая имѣла на своей сторонѣ четыре.

Что же должно было предпринять въ случаѣ равенства голосовъ? Города предложили предоставить въ такомъ случаѣ рѣшеніе Іоганну-Фридриху саксонскому, но на это невозможно было склонить ландграфа: онъ возразилъ, что желаетъ другу и брату своему всякаго блага; «пусть» говорилъ онъ: «Іоганнъ-Фридрихъ будетъ римскимъ королемъ и императоромъ, но въ настоящемъ дѣлѣ должно быть свершенное равенство!» Для устраненія разногласій, установили наконецъ девять голосовъ, четыре для Саксоніи и Гессена, четыре для городовъ, и одинъ для прочихъ германскихъ владѣтелей. Города выиграли только раздѣленіе издержекъ на равныя части.

Такой-образомъ, въ первый еще разъ, составилъ прочный союзъ на защиту реформаціи; въ немъ выразился вполне оборонительный принципъ лютерана преобразованія; онъ же, соединивъ въ одно до-сихъ-порѣ раздѣленные области Верхней и Нижней-Германіи, былъ многозначителенъ для единства и развитія германскаго духа. Наряду съ сейшимъ образовалась другое средоточіе, другое единство, непредписанное величіемъ высшихъ властей и вознившее само-собою въ-слѣдствіе внутренней необходимости. Лютеръ былъ виновникомъ разумнаго соединенія обихъ частей Германіи и одинаковаго ихъ образованія. Такого-образомъ, союзъ распространился по обѣ стороны ея до крайнихъ предѣловъ. Подобно близкому Магдебургу, подобно Страсбургу въ Эльзасѣ, бургомистръ и ратманы отдаленной Риги, вмѣстѣ съ Ревелемъ и Дерптомъ, вскаки вкровательства и защиты у курюрста саксонскаго противъ насилій своего архіепископа, который грозилъ имъ введеніемъ правилъ аугсбургскаго сейма. Въ то же время, союзъ приобрѣлъ великое политическое значеніе: все, что болѣло австрійскаго дома, что было имъ недозволено, сблизилось съ союзниками; герцогъ гельдернскій; Юлихъ, король датскій, ожидавшій безпрерывно нападеній Христіана II, котораго поддерживалъ австрійскій домъ, и наконецъ баварская оппозиція противъ избранія короля римскаго.

Въ октябрь, собрались все чины анти-фердинандовой партіи въ Заальфельдъ; здѣсь обещали они другъ другу сопротивляться избранію и управленію Фердинанда и, въ случаѣ нападенія, оказывать обоюдную помощь.

Замѣчательно, какое впечатлѣніе произвели эти дѣла на постороннихъ артефелей; и между прочимъ, вотъ, что говорилъ о нихъ Генрихъ VIII, съ посломъ датскимъ Петромъ, Швабеномъ: «Императоръ

«можетъ уступить въ некоторыхъ пунктахъ, гдѣ невозможно соединеніе; Кампеджи можетъ ему махать, сколько хочетъ. Императоръ не-«образованъ, онъ даже не знаетъ по-латини. Меня бы и короля фран-«цузскаго должно было назначить посредниками: мы бы созвали уче-«нѣйшихъ людей со всей Европы, и они скоро рѣшили бы дѣло». По-«томъ, онъ говорилъ объ избраніи Фердинанда: «Зачѣмъ князя не ве-«брали королемъ кого-нибудь другаго, хоть бы герцога баварскаго? Онъ «не допустилъ бы императора обмануть себя, какъ тотъ обманулъ на-«пу! Послушайте» прибавалъ онъ какъ бы испугавшись самъ своей от-«кровенности: «никто не долженъ знать, что мы говорили; вѣдь я союз-«никъ императора. Дѣйствительно» продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія: «стыдно будетъ императору оставить Германію, не усмиривъ «безпокойствъ. Близко время, когда прославится или императоръ или кур-«фюрстъ саксонскій».

Такова была сила курфюрста саксонскаго, что соседственный умный государь могъ поставить его наряду съ императоромъ. Разумѣется, онъ льстилъ враждъ своей къ императору, но со всемъ тѣмъ, онъ былъ правъ: положеніе, принятое старымъ курфюрстомъ при концѣ его жизни, заключало въ себя смена великой будущности.

И если швейцарская реформація должна была отступить отъ правъ своихъ, то этого не могло случиться въ Германіи,—не легко было императору и Фердинанду справиться съ могуществомъ, до какого достигъ германскій протестантизмъ; другія обстоятельства сдѣлали это совершенно-невозможнымъ.

Не станемъ упоминать снова о силѣ евангелическихъ чиновъ и ряздорахъ, возникшихъ въ самой католической партіи; гораздо-важнѣе ихъ была опасность, которая явилась въ лицѣ прежняго врага, не разъ грозившая гибелью Германіи: Сольманъ готовился къ новому нападению. Передъ этою страшною бурей, равно грозною для католиковъ и протестантовъ, должны были умолкнуть религиозныя распри. Войско турецкое выступило уже въ походъ, когда открылись переговоры въ Нюрнбергѣ; тамъ протестанты, которыхъ необходимо долженъ былъ привлечь на свою сторону императоръ, явились уже не просителями: они объявили, что не отступятся ни отъ протеста своего, ни отъ аугсбургскаго исповѣданія, и что отчетъ во всемъ отдадутъ только передъ общимъ христіанскимъ соборомъ. Императоръ требовалъ возстановленія епископовъ, таинства эвхаристіи въ прежнемъ видѣ, и наконецъ утвержденія избранія короля римскаго; разумѣется, протестанты не согласились ни на одинъ изъ этихъ пунктовъ.

Переговорами этого рода наполнены всѣ архивы; непрерывно переписывались курфюрстъ пфальцскій съ ландграфомъ, курфюрстъ майнцскій съ саксонскимъ; Филиппъ и Иоганнъ между собою и съ своими союзниками. Иногда императорскіе послы являлись въ Веймаръ; но ни что не помогало, и посредники предложили не упоминать болѣе о дѣлѣ избранія; а такъ—какъ получены были извѣстія о несомнѣнномъ приближеніи султана, о необыкновенныхъ силахъ, имъ собранныхъ, то

императоръ рѣшился сблизиться съ протестантами во что бы то ни стало.

Никто не думалъ о совершенномъ примиреніи: протестанты требовали только, чтобъ императоръ призналъ положеніе, ими принятое, требовали общаго мира и устраненія процессовъ камергерихта, ихъ учившаго. Послѣ многихъ затрудненій и переговоровъ, необходимость заставила Карла V уступить, но не исполнѣ, какъ желали того протестанты; они требовали, чтобъ императоръ ни чрезъ своего фискаля, ни чрезъ камергерихтъ, ни чрезъ другіе какіе-либо суды и жалобы частныхъ лицъ, не начиналъ процессовъ противъ Саксоніи и ея союзниковъ, но онъ обѣщалъ только всѣ эти процессы—оставлять до общаго собора.

Довольные такою уступкою, протестанты надѣялись, что имъ не только упрочатъ свободу исповѣданія, но допустить проповѣдь евангелія и отправленіе лютерова богослуженія во всѣхъ областяхъ Германіи. На это невозможно было ожидать согласія императора. Самъ Лютеръ, проникнутый идеею неограниченной власти княжеской въ областяхъ, не могъ одобрить такого требованія своихъ послѣдователей; онъ говорилъ, что оно касалось правъ имперіи, и что требованіями такого рода преступали предѣлы самозащиты, и какъ-будто вмѣшивались въ общественное управленіе чужихъ земель. Онъ чувствовалъ глубокое удовольствіе, «что императоръ, высочайшая Богомъ-поставленная власть, поступаетъ такъ милостиво и даетъ такое кроткое повелѣніе къ поддержанію мира». Его не безпокоили препятствія къ распространенію его ученія; онъ полагалъ, что каждый долженъ вѣровать на свой собственный страхъ, т. е. вѣра каждого должна быть такъ сильна, что онъ можетъ устоять противъ всякой опасности (*).

То же мнѣніе принялъ курфирсть Іоганнъ; оно соответствовало оборонительному положенію, которое онъ принялъ въ самомъ началѣ своего поприща. Блестательное распространеніе союза, во главѣ котораго онъ находился, не уничтожило правилъ, на основаніи которыхъ онъ всегда дѣйствовалъ. Подобно Лютеру, онъ былъ убѣжденъ, что для будущаго успѣха невозможно жертвовать настоящимъ, высочайшимъ на землѣ благомъ—сохраненіемъ общаго мира. По его содѣйствію, приняты были условія императора на настоящее время—на будущее онъ не считалъ въ правѣ связывать своихъ союзниковъ; въ Нордгаузенѣ и Гамбургѣ изъявили согласіе всѣ князья и города, участвовавшіе въ шмалькальденскомъ-союзѣ. Ландграфъ гессенскій соединился съ нимъ нѣсколько времени спустя. Особенною милостію Провидѣнія почиталъ старшій курфирсть саксонскій, что онъ могъ дожить до радостнаго для него мира.

Мы видѣли уже, какую услугу оказалъ евангелическому ученію этотъ прямой, добросердечный государь. Въ имперіи онъ пользовался всеоб-

(*). Размышленія Лютера и Юста Ионаса. «De Wette», I, V, стр. 339. Нѣсколько позже онъ напоминаетъ государю своему относительно его содѣйствій правило: *quod tibi non vis fieri, alteri ne faceris*.

щимъ уваженіемъ; даже одинъ изъ членовъ императорскаго двора, графъ фон-Нуэваръ, называетъ его единственнымъ отцомъ германскаго отечества въ дѣлахъ божественныхъ и человѣческихъ! Но духъ его, исполненный идеею обязанностей имперскаго князя, не былъ спокоенъ, пока господствовалъ раздоръ между нимъ и императоромъ. Къ довершенію судьбы его необходимо было, чтобъ они снова сдѣлались друзьями, чтобъ онъ снова приобрѣлъ въ-отношеніи высшей власти въ имперіи признаванную законность, которой хотѣли-было лишить его: этимъ слѣланъ былъ большой шагъ къ прочности религіознаго устава, имъ воздвигнутаго. Въ августѣ появились общественные манифесты, такъ же, какъ и частныя уступки императора. Скоро послѣ этого, по возвращеніи съ охоты съ двумя дочерьми и изгнанною курфирстиною бранденбургскою, курфирстъ Юганъ пораженъ былъ внезапною смертію. «Кто только можетъ надѣяться на Бога», сказалъ Лютеръ въ его надгробной рѣчи, «тотъ останется всегда добродѣтельнымъ.»

Между-тѣмъ, положеніе императора совершенно измѣнилось: стѣсненный необходимостью, онъ рѣшился сдѣлать протестантамъ уступки, безъ согласія большинства имперскихъ чиновъ; за то и большинство, не находя болѣе въ немъ покровителя, оказало, на сеймѣ, бывшемъ въ Регенсбургѣ, такое сопротивленіе, какого онъ еще никогда не испытывалъ. Чины представили императору множество неудовольствій; они порицали все его управленіе, медленность въ дѣлахъ, передачу иностранцамъ важныхъ должностей въ имперіи, честолюбивыя планы его относительно Вуртемберга, Маастрихта и Утрехта. Сопротивленіе ихъ было такъ сильно, что многіе предсказывали уже соединеніе обѣихъ религіозныхъ партій противъ императора. Рѣшеніе сейма—требовать общаго собора, не произрело большого впечатлѣнія, но важно было по своимъ слѣдствіямъ. Еще лѣтомъ 1531 года, Гессенъ соединился съ Баваріею; на свиданіи ландграфа Филиппа съ докторомъ Леонардомъ Экомъ поможено было, если папа будетъ долѣе медлить созваніемъ собора, то созвать его въ Германіи, безъ согласія папы; оппозиція противъ императора соединила двухъ начальниковъ враждебныхъ партій, но тѣмъ не менѣе удивительно такое соединеніе. Дѣйствительно, не по доброй волѣ, императоръ общалъ на регенсбургскомъ сеймѣ, въ случаѣ, если папа въ-продолженіи шести мѣсяцевъ не назначитъ общаго собора, созвать его въ Германіи и рѣшить все дѣла, касающіяся до германской національности: онъ самъ чувствовалъ, какъ опасно подобное общаніе, и потому восемь лѣтъ не рѣшался созвать сеймъ, боясь, чтобъ онъ не началъ дѣйствовать, какъ народное собраніе, независимо отъ него (*).

Такъ измѣнилось состояніе дѣлъ въ Германіи; не однѣ религіозныя партіи были вооружены одна противъ другой, — въ самомъ средоточіи

(*). Объявленіе императора папѣ въ 1539 году. *Remposse periculi plenam, alla iudicare comitia, perpensa, maxime sanctione ordinum imperii ut Op. Clemens de convocanda ocosillo rogaretur; quo non convocato Caesar illud convocaret, ac si huic mneri is deesset ut concilium nationale cogereat.*

ихъ возникли раздоры. Католическое большинство было недовольно императоромъ: ландграфъ гессенскій въ это самое время велъ обидную, непріятную переписку съ Іоганномъ-Фридрихомъ саксонскимъ, занявшимъ мѣсто отца своего. Гессенъ и Баварія были въ близкомъ, политическомъ отношеніи между собою; императоръ и Саксонія согласились дѣйствовать вмѣстѣ, но подобныя союзы представляли множество затрудненій.

И самъ императоръ явился уже не тѣмъ, чѣмъ былъ въ Аугсбурга, во всей полнотѣ силы, во всемъ цвѣтѣ мужественнаго возраста: все это онъ томился болѣзнію. Рана на ногѣ, полученная имъ при паденіи съ лошади, приняла такой опасный оборотъ, что боялись за жизнь его, думали уже отнять ногу, и разъ ночью, когда боль усилилась, приобщили его св. тайнъ. Въ-послѣдствіи, неосторожное участіе его въ процессіяхъ, а можетъ-быть надшества Другаго рода, развили еще болѣе его болѣзнь; во время сейма, онъ не допускалъ къ себѣ даже брата. Когда имперскіе чины явились къ нему съ предложеніемъ помощи противъ Турковъ, онъ принялъ ихъ въ спальнѣ, сядя на простой необитой скамьѣ безъ всякаго украшенія и отмахивая мухъ березовою вѣткою, «въ такомъ простомъ одѣваніи», говоритъ франкфуртскій уполномоченный, «такъ смиренно, какъ самый простой служитель».

И противъ этого слабаго таланта императора, выступилъ съ многочисленными отрядами мощный султанъ — и долженъ былъ отступить предъ стройнѣйшми отрядами германскаго воинства, собраннаго полеткою Карла. Католики и протестанты вмѣстѣ бились за свою независимость и обманули ожиданія Солimana, который надѣялся на раздѣленіе имперскихъ силъ: онъ принужденъ былъ очистить Венгрію и сверхъ-того потерпѣлъ сильныя потери на морѣ отъ ударовъ знаменитаго генуэзскаго адмирала Доріа.

Казалось несомнѣннымъ, что после аугсбургскаго сейма соединеніе папы и императора, упрочивъ господство католицизму, уничтожитъ всѣхъ, отъ него отпавшихъ. Но, вмѣсто того, одинъ изъ верховныхъ властителей долженъ былъ, при нападеніи вѣнскихъ враговъ, сблизиться съ еретиками для обоюдной помощи; и не одніе положительныя уступки пріобрѣтены протестантамъ: успѣху нѣмъ содѣйствовало участіе въ великомъ національномъ предпріятіи, въ счастливой защитѣ отечества.

Въ самомъ католическомъ мірѣ обнаружилась еще новая, или, лучше сказать, возобновилась старая вражда. Король Францискъ, по силѣ договоровъ, обязанъ былъ помогать австрійскому дому противъ Турковъ; но гордость его не допустила исполнить это, согласно съ желаніемъ императора. Не желая дѣйствовать вмѣстѣ, Францискъ предлагалъ напасть на Турковъ въ Египтѣ; но имперцы увѣрены были, что онъ хочетъ только воспользоваться случаемъ и сдѣлать нападеніе на Неаполь и Геную, потому и планъ его былъ отвергнутъ; мы говорили уже, что онъ рѣшительно отказался отъ войны съ Швейцаріею; относительно же собора онъ счелъ выгоднѣе держаться стороны папы, который хотѣлъ истрочить его, нежели императора, который требовалъ его созванія; считая уважительнымъ исполненіе условій амбрескаго договора, онъ при-

ступилъ къ союзу съ папою, тогда-какъ между папою и императоромъ открылись разныя неудовольствія: Климентъ VII былъ недоволенъ, что повелѣній его не исполняютъ въ Германіи, и потому склонился на предложеніе Франциска выдать племянницу свою, Екатерину Медичи, за сына его Генриха, герцога орлеанскаго, и въ придачу дать значительныя земли въ Италіи.

Императоръ, услыша о подобныхъ переговорахъ, грозившихъ отложеніемъ отъ его владѣній Милана и Генуи, явился лично въ Италію.

Недостатокъ въ деньгахъ, опасность, грозившая брату его, если онъ останется безъ значительнаго войска, — все это принудило императора искать личнаго свиданія съ папою, что и послѣдовало въ Болоньи 5 декабря. Прежде всего, надо было переговорить о соборѣ: онъ зналъ, что папа хочетъ отложить его (*), но надвясся, что личное его присутствіе, разсужденіе о дѣлахъ Германіи и опасность, грозившая католицизму въ случаѣ народнаго собранія, подѣйствуютъ на папу. Дѣло это передалъ папа на рѣшеніе конгрегаціи кардиналовъ, которые, къ великому неудовольствію императора, отсрочили созваніе собора, а рѣшили только отправить вѣстниковъ, которые должны были, не назначая времени, сообщить въ Германію, что соборъ во всякомъ случаѣ непременно будетъ созванъ.

Слѣдующею осенью папа самъ провожалъ въ Марсель свою племянницу и еще тѣснѣе сблизился съ королемъ французскимъ, который, чтобъ воздвигнуть на императора враговъ со всѣхъ сторонъ, завелъ сношенія съ германскими князьями; преимущественно поддерживалъ онъ оппозицію противъ избранія короля Фердинанда. Когда принадлежавшіе къ оппозиціи князья, въ мѣзъ 1532 года, соединились, съ намѣреніемъ напасть на Фердинанда, Францискъ обязался, въ случаѣ войны, вручить сто тысячъ кронъ герцогамъ баварскимъ на военныя издержки. Королевскіе агенты безпрестанно ѣздили по Германіи, чтобъ поддерживать духъ оппозиціи; король рѣшился напасть въ одно время на владѣнія Карла въ февралѣ 1533 года, тогда-какъ германскіе князья и Заноды нападутъ на Фердинанда.

Но важнѣе этого избранія были событія въ Виртембергѣ.

Съ самаго дня изгнанія герцога виртембергскаго, начались попытки къ восстановленію прежней династіи; но все это было напрасно, потому — что швабскій союзъ былъ всегда готовъ этому воспрепятствовать. На сеймъ аугсбургскомъ, Фердинандъ торжественно облеченъ былъ званіемъ леннаго владѣтеля виртембергскаго.

Въ 1532 году случилось провсшествіе, давшее новыя надежды притязаніямъ прежней династіи. По изгнаніи герцога Ульриха, былъ также вывезенъ изъ Виртемберга пятнадцатилѣтній сынъ его, Христофъ. Рассказывали, что на последнемъ ночлегѣ своемъ въ отечествѣ игралъ онъ съ агненкомъ, и при прощаніи убедительно просилъ хозяина побѣ-

(* Ужъ 29 іюля 1531 года писалъ онъ брату своему слѣдующее: «Plus va l'on avant, plus l'on aperçoit que le pape n'y (т. е. относительно собора) a volenté et que le roy de France luy ne veut déplaire, pensant par ce moyen le tenir gagné».

сечь его, обѣщая по возвращеніи щедро вознаградить его за труды. Эта ребяческая мечта долго должна была остаться безъ исполненія. Мальчикъ росъ въ Инспрукѣ и Нейштадтѣ подѣ надзоромъ Фердинанда; о воспитаніи его тамъ вовсе не заботились, можетъ-быть, и не по злому умыслу, а только потому, что содержаніе двора было всегда въ безпорядкѣ; онъ часто терпѣлъ недостатокъ, и въ-послѣдствіи самъ рассказывалъ, что положеніе его возбуждало всеобщее участіе; разъ онъ былъ даже въ опасности попасть въ плѣнъ къ Туркамъ. Разумѣется, раннія лишенія были полезныя молодому принцу, чѣмъ лѣсть и удовольствія двора; впрочемъ, счастье благопріятствовало ему въ самомъ существенномъ: онъ нашелъ наставника, который богатъ былъ прекрасными свѣдѣніями и полюбилъ его всею душою; это былъ Михаилъ Турфинусъ. Судьба этого человека характеризуетъ время, въ которое онъ жилъ. Когда Михаилъ былъ еще ребенкомъ, неизвѣстно откуда Турки унесли его, и потомъ бросили: бѣднаго ребенка привезли въ Тибейнъ, недалеко отъ Триеста, тамъ его воспитали сострадательные люди, и потомъ отдали въ одно изъ училищъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ и получилъ свое образованіе. Въ минуту опасности онъ спасъ своего пѣтомца и потомъ сдѣлался его руководителемъ. Мало-по-малу, онъ былъ принятъ ко двору и, вмѣстѣ съ императоромъ, находился въ Аугсбургѣ. Чувство права начало возрастать въ немъ, по мѣрѣ развитія мужественнаго возраста и силы; но онъ долженъ былъ скрываться, тѣмъ свои намѣренія; съ ними-то онъ долженъ былъ принять предложенія императора сопутствовать ему въ Испанію и въ Италію; онъ съ своимъ наставникомъ нашелъ случай отстать отъ свиты и направить путь свой въ Зальцбургъ. Они обманули посланную за ними погоню, и, вѣроятно съ помощію герцоговъ баварскихъ, достигли безопаснаго убѣжища; оттуда внезапно раздались жалобы Христофа, который предъ лицомъ всего свѣта требовалъ своего наслѣдія.

По состоянію дѣлъ чрезвычайно-важно было явленіе принца, объявившаго несомнѣннымъ права свои на Виртембергъ, тѣмъ болѣе, что онъ происходилъ изъ того рода, который пользовался преданностью природныхъ подданныхъ Виртемберга. Много способствовало ему содѣйствіе герцоговъ баварскихъ, которые, изгнавъ отца за соединеніе его съ швабскимъ союзомъ, оказывали покровительство сыну, готовому уничтожить этотъ союзъ. Императоръ и король всѣми силами старались поддержать его, и съ этою цѣлію уполномоченный ихъ, епископъ аугсбургскій, отправленъ былъ весною 1533 года. Но никто не хотѣлъ слушать его прежде окончанія дѣлъ Виртемберга; Баварія объявляла, что она считаетъ дѣло герцога Христофа своимъ собственнымъ.

Въ декабрь 1533 года, еще разъ собрались имперскіе князья въ Аугсбургъ для окончательнаго рѣшенія этого дѣла.

Бѣдный, ограбленный юноша явился теперь настоящимъ княземъ въ сопровожденіи блистательной свиты; съ нимъ прибыли уполномоченные Саксоніи, Брауншвейга, Люнебурга, Гессена, Мюнстера, Юлиха, Мекленбурга и Пруссіи. Коммисары Фердинанда тотчасъ же увидѣли необходимость завести съ нимъ переговоры, но онъ не уступилъ ни шага, твер-

до поддерживалъ права свои, и когда окончилось собраніе, несомненно уже было, что распадется великій союзъ, главная опора австрійскаго владычества въ Верхней-Германіи.

Король французскій не замедлил воспользоваться обстоятельствами и возобновилъ германскимъ князьямъ предложеніе, въ случаѣ войны принять на свою долю третью часть издержекъ. Прежде всего сошелся съ нимъ ландграфъ Филиппъ, принимавшій дѣятельное участіе въ дѣлѣ Христоса и желавшій утвердить его въ Виртембергѣ; въ Барлеюкѣ было свиданіе Франциска I съ ландграфомъ. Вся интересъ Германіи были предметомъ ихъ переговоровъ; король объявлялъ себя защитникомъ германской независимости и заключалъ союзъ съ Филиппомъ, обязуясь выплатить известную сумму, съ тѣмъ однакожъ, чтобы участіе его было тайною, потому-что оно противорѣчиво общапію, которое онъ далъ при заключеніи мира въ Камбрѣ.

Ободренный такою помощію, ландграфъ началъ собирать союзниковъ, некоторыхъ князей посещалъ самъ, къ другимъ отправлялъ пословъ, и такъ успешно дѣйствовалъ, что король Фердинандъ оставленъ былъ всми! Императоръ былъ далеко, король французскій обнаруживалъ рѣшительную неприязнь; расположеніе папы было очень-сомнительно; имперскіе князья, духовные и свѣтскіе, все были вооружены противъ него: никто не хотѣлъ, не могъ одобрить лишенія княжескаго рода его наследственнаго достоинства, потому-что каждого могла постигнуть участь Виртемберга.

Собравъ своихъ рейтаровъ и получивъ помощь отъ союзниковъ, ландграфъ выступилъ въ поле; 5 мая получилъ онъ извѣстіе, что непріятель собралъ также войско въ Штутгарть и готовится отразить силу сіюю. Войско ландграфа князю желаніемъ битвы; самъ ландграфъ верхомъ, съ копьемъ въ рукѣ, ободрялъ своихъ солдатъ; вся армія его состояла изъ 20,000 пѣхоты и 4,000 конницы—войско чрезвычайно-значительное для одного имперскаго князя; сверхъ-того, оно было первое, выступавшее съ религіозно-политическою цѣлію противъ австрійскаго дома.

Противники ихъ не могли собрать болѣе 10,000 человекъ; король Фердинандъ не выступилъ самъ въ поле; предводителемъ ихъ былъ наместникъ виртембергскій, Филиппъ-Поальдскій, снискавшій себя громкую славу при защитѣ Вьны. Не смотря на малочисленность войска, онъ не замедлил выставить его противъ ландграфа: они сошлись при Дауфенѣ, на Неккарѣ; первый натискъ ландграфа, 12-го мая, мужественно выдержало войско Фердинанда; но, къ несчастію, предводитель его ландграфъ былъ раненъ; другіе начальники старались какъ-можно-болѣе собрать рейтаровъ къ утру слѣдующаго дня, и принять твердое положеніе. Но пламенный ландграфъ не медлялъ; онъ двинулся самъ на разсвѣтъ; на случая возраженій своихъ совѣтниковъ, онъ видѣлъ, какое преимущество было на сторонѣ его, и никакъ не хотѣлъ пропустить случая воспользоваться превосходствомъ своего войска и оружія. Прежде всего онъ разбилъ нестройныя толпы поселянъ, потомъ ланцихехтовъ, которые были опыты въ войнѣ и имѣли храбрыхъ предво-

дителей, но терпѣли недостатокъ въ конницѣ и смѣты были отступленіемъ первыхъ отрядовъ. Не долго длилась битва: ландграфъ торжествовалъ рѣшительную побѣду и удивлялся самъ, что она такъ легко ему досталась.

День битвы часто бываетъ важенъ, потому—что въ немъ сосредоточиваются всѣ моменты внутренняго развитія. Ландграфъ Филиппъ имѣлъ на сторонѣ своей юную, счастливую комбинацію европейскихъ отношеній, тайное или явное одобреніе дѣлой Германіи и религіозную симпатію. Фердинандъ же былъ за сомнительное право, за не-популярныя идеи, и потому оставался слабѣйшимъ въ государствѣ. Эта битва заслуживаетъ еще большаго вниманія по своимъ слѣдствіямъ: она рѣшила судьбу одного изъ важнѣйшихъ германскихъ княжествъ. Вся страна пала въ власть побѣдителей. Послѣ долгаго отсутствія, снова явился герцогъ Ульрихъ и принять былъ Штутгартонъ, а потомъ всѣми жителями Виртемберга. Въ политическомъ отношеніи, важно было то, что въ самую средину Верхней-Германіи вступилъ князь, въ которомъ тверда была оппозиція противъ Австрій; относительно же религіозныхъ дѣйствій никто еще не зналъ его намѣреній.

Странны дѣйствія Кlementa VII при этомъ случаѣ: посолъ короля Фердинанда просилъ его помощи въ опасности, которая грозила и церкви и Италіи. Папа передалъ дело консисторіи, но дѣйствовалъ самъ такъ слабо, что прелаты, составлявшіе ее, объявили, что они не въ состояніи дать какую бы то ни было помощь Фердинанду; безуспѣшному дѣйствию посла способствовалъ слухъ, что ландграфъ, при нападѣнн своемъ, ничего не предпринимаетъ противъ церкви. Папа объявилъ, что война эта частная, и что онъ не видитъ надобности вступаться въ нее; если же князья нанесутъ оскорбленіе церкви, тогда, не смотря на разстроенныя финансы римскаго двора, онъ пришлетъ денежное пособіе; ни убжденія, ни угрозы посла не помогали: папа рѣшился смотрѣть на войну въ Германіи съ политической точки зрѣнія. Французскій король, съ своей стороны, требовалъ Генуи, Монсerrата и по-крайней-мѣрѣ части Милана.

Получивъ извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ, императоръ отправилъ въ Германію уполномоченнаго съ значительною суммою денегъ, чтобъ собрать войско и выставить его противъ ландграфа.

Князья, такъ храбро выступившіе въ поле, чувствовали, что они не въ состояніи выдержать продолжительной борьбы; еще менѣе желали они сражаться за чуждые интересы, и помощь французскаго короля они приняли какъ средство къ достиженію своей цѣли. Не противъ избранія короля римскаго взялся ландграфъ за оружіе; онъ объявлялъ это при самомъ началѣ похода; герцоги баварскіе не принимали участія въ его дѣйствіяхъ, и пособіе Франциска оставалось у нихъ неприкосновеннымъ. Слѣдовательно, все дѣло заключалось въ томъ, чтобъ принудить Фердинанда отказаться отъ Виртемберга. Самому Фердинанду обладаніе Виртембергомъ представляло множество затрудненій: долженъ ли былъ онъ для возвращенія ненадежнаго и уже утраченнаго владѣнія подвергать

опасности все, что неоспоримо принадлежало ему? Вся советники его предлагали ему отказаться отъ Виртемберга.

Для разсужденія объ этихъ дѣлахъ открыто было собраніе германскихъ князей въ Аннабергъ. Желая лично участвовать въ переговорахъ, Фердинандъ отправился въ Каданъ, мѣстечко, находившееся по близости отъ Аннаберга. Онъ не хотѣлъ совершенно отказаться отъ правъ своихъ на Виртембергъ, потому-что они торжественно дарованы были ему императоромъ, но соглашался, чтобъ герцогъ Ульрихъ принялъ его въ свое управленіе, какъ васаллъ Австріи, съ тѣмъ однако, чтобъ ему упрочено было право участія въ дѣлахъ и голосъ въ имперіи. Ландграфъ Филиппъ, и потомъ герцогъ Ульрихъ согласились на это предположеніе. Тогда и курфирстъ саксонскій объявилъ себя готовымъ признать Фердинанда королемъ римскимъ. 27-го іюня онъ явился лично въ Каданъ и засвидѣтельствовалъ ему покорность свою, какъ королю римскому; за нимъ последовали и прочіе его приверженцы.

Уполномоченный Карла заключилъ съ ландграфомъ окончательный миръ въ то самое время, когда король французскій былъ увѣренъ, что распри въ Германіи только возгораются, и строилъ честолюбивыя планы относительно итальянскихъ государствъ.

По-видимому, предпріятіе ландграфа, возникшее въ-слѣдствіе европейскихъ событій, не произвело того дѣйствія, какого можно было ожидать отъ него; результаты его ограничились германскими границами и не имѣли ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ отношеніи великаго вліянія; но въ Каданъ явились на свѣтъ вопросы, рѣшеніе которыхъ навсегда упрочило важность и значеніе протестантизма.

Быстро начала распространяться реформація и отъ 1532 до 1534 года водворилась въ Виртембергъ, Аугсбургъ, въ Ангальтъ, въ Помераніи, въ Вестфаліи; въ Мюнстерѣ произвела она секту перекрещенцовъ, сильно-колебавшую самыя протестантскія общины и послужившую началомъ великихъ безпорядковъ.

Но не одни безпорядки перекрещенцевъ грозили спокойному развитію германской реформы: изъ тѣхъ же источниковъ возникли новыя движенія, принявшія иное направленіе, но пугавшее не меньшею опасностію. Демократическія начала, соединяясь съ религіозными, начали дѣйствовать съ неукротимою силою.

Вообще принципъ германской реформы состоялъ въ непоколебимости политическихъ установленій; во многихъ городахъ законныя власти сохранили свое господство. Только два большіе города совершенно изменили старыя городскія совѣты — Мюнстеръ и Любекъ.

Въ Мюнстерѣ, гдѣ духовенство было всегда господствующимъ элементомъ народонаселенія, были попытки къ введенію правленія теократически-соціального. Въ Любекѣ же, средоточіи ганзейскаго-союза, дѣйствовали интересы воинственно-торговые; невозможно объяснить, какимъ-образомъ изменилось управленіе въ Любекѣ, если неизвѣстны будутъ условія, при которыхъ развилось его существованіе.

Прежде всего необходимо припомнить, что могущество древней ганзы утвердилось на двухъ основаціяхъ: во-первыхъ, на соединеніи всѣхъ

приморскихъ торговыхъ городовъ отъ Нарвы до Брюгге; во-вторыхъ, на превосходствѣ, въ которое поставили себя средніе, такъ-называемые, вендскіе города, относительно скандинавской монархіи.

Въ XVI столѣтіи, Скандинавія была весьма-важна для всей германской торговли: въ современныхъ таблицахъ исчислено все, что горы, долины и лѣса Скандинавскаго-Полуострова доставили ганзы; произведенія ея обогатили и возвысили города прибалтійскіе. Но такъ-какъ теперь формы прежняго государства исчезли, то новые государи сами хотѣли воспользоваться дарами, которыми природа обогатила ихъ земли, и естественно между ними возникло сопротивленіе ганзейскимъ городамъ; но вражда сѣверныхъ монарховъ не грозила такою опасностью, какъ раздоръ, возникшій между самими городами. Въ распрѣ, которую въ 1427 году начали вендскіе города съ королемъ соединенныхъ сѣверныхъ государствъ Эрикомъ, отделились отъ нихъ Нидерланды, получили особенныя привилегіи и начали заботиться о своихъ отдѣльныхъ интересахъ. Правда, въ XV вѣкѣ Любекъ былъ еще такъ силенъ, что могъ не уступить первенство Нидерландамъ, но онъ не могъ подавить вліянія ихъ на востокъ!

Последній король соединенныхъ монархій, Христіанъ II, женившись на сестрѣ Карла V, не только возымѣлъ намѣреніе приобрести политически-сильныхъ союзниковъ, но желалъ также упрочить за собою и торговое первенство. Получивъ отъ Нидерландовъ помощь противъ Швеціи, онъ началъ стѣснять привилегіи Ганзы: задерживалъ ганзейскихъ купцовъ въ Сканиіи, налагалъ огромныя пошлинны на корабли, проходившіе изъ Риги. Намѣреніе его было совсѣмъ отложено отъ Любека и сдѣлать Копенгагенъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ сѣверной торговли.

Любекъ смѣло взялся за оружіе. Въ Швецію отправилъ онъ королю соперника, который долженъ былъ сокрушить ея власть—Густава-Вазу, и помогалъ ему всеми своими средствами. Когда Стокгольмъ покорился Густаву, ключи отъ него переданы были ратсгерамъ, начальствовавшимъ надъ любекскимъ флотомъ; ратсгеры уже передали ихъ новому королю и за то получили множество привилегій.

Не менѣе-сильное участіе приняли ганзейскіе города въ событіяхъ, совершившихся въ Даніи: когда Фридрихъ-Гольштейнскій принялъ корону, предложенную ему вельможами Датскаго-Королевства и вступилъ въ Копенгагенъ, его сопровождало любекское войско на сушѣ, и съ моря флотъ любекскій готовъ былъ на его защиту. Северный Норби, долго еще ходившій въ Балтійскомъ-Морѣ подъ флагомъ Христіана II, долженъ былъ уступить флоту любекскому, который сжегъ у береговъ Сканиіи многіе изъ его кораблей.

Съ-тѣхъ-поръ Христіанъ непрерывно грозилъ нападеніемъ своему оставленному королевству. Онъ вступилъ въ союзъ съ Англіею, при помощи родственниковъ и друзей своихъ, собралъ войско въ Германіи. Изъ Зеландіи и Брабанта отправилъ онъ корабли противъ Ганзейцевъ, а такъ-какъ внутри городовъ прибалтійскихъ всегда существовала императорская партія, то намѣреній его начали сильно опасаться. Любекъ

пользовался данными привилегіями преимущественно потому, что король датскій и шведскій не могли ему отказать въ помощи противъ врага, грозившаго имъ обоимъ. Еще-тѣснѣе сдѣлался союзъ ихъ, когда Христіанъ, ревностный прежде къ евангелическому ученію, обратился своимъ къ католицизму для того, чтобъ имѣть право на помощь императора. Впрочемъ, между обоими родственниками, Христіаномъ II и Карломъ V, не всегда господствовало согласіе.

Когда Христіанъ явился въ Фрисландію, императорскій посолъ старался заключить перемиріе между имъ, королемъ Фридрихомъ датскимъ и Ганзою. Фридрихъ объявилъ, что онъ готовъ на это, если Христіанъ прекратитъ свою вражду: посолъ поспѣшилъ въ Фрисландію и сдѣлалъ то же предложеніе изгнанному королю. Христіанъ отвечалъ только жестокими жалобами, что столько лѣтъ онъ былъ далеко отъ своей земли, что онъ и теперь не знаетъ, когда возвратится туда, когда отладутъ ему права его (*). Въмѣсто того, чтобъ освободить народъ свой отъ бѣдствій войны, онъ началъ собирать приверженцевъ въ Голландію; города доставили ему флотъ, за что получали отъ него бластныя права и привилегію. 15-го октября 1531 года, онъ выступилъ въ море.

Въ собраніи шамалькальденскаго-союза, граждане Любена уговарили, что Христіанъ находится въ связяхъ со всеми епископами и грозитъ разрѣшеніемъ протестантизму. Король Фридрихъ обещалъ принять сторону шамалькальденскаго-союза, если главные члены его согласятся сдѣлать съ нимъ отдѣльный святскій союзъ для поддержанія правъ его на престолѣ; не смотря на приверженность къ евангелическому ученію, онъ находился въ зависимости отъ могущественныхъ епископовъ своего королевства. Вскорѣ, однакоже, въ этомъ союзѣ не предвидѣлось необходимости. Любекцы сожгли флотъ Христіана, овладѣвшій Норвегіей, и потомъ самого короля-изгнанника принудили вступить въ переговоры и сдаться врагу, который для безопасности своей долженъ былъ затѣять его.

Такъ-какъ корабли, сожженные Любеницами, принадлежали Голландцамъ, то послѣдніе хотѣли отмстить имъ тѣмъ болѣе, что нидерландскіе корабли обложены были пошлинами при входѣ въ Вяттискѣе-Море. тогда-какъ Любекъ получалъ безпрерывно новыя права. Самые значительные города въ Голландіи снарядили большой флотъ для нападѣнія на гражданъ Любека, «измѣнниковъ и враговъ его величества». Мекльбургскими частями древней Ганзы дѣло должно было кончиться оружіемъ: тогда демократическая партія въ Любекѣ, возникшая во время републіканскихъ распрій, приняла участіе въ этихъ происшествіяхъ.

При основаніи Любека, въ первобытныя простыя времена, когда такъ-какъ въ Венеціи, считалось тягостію принимать участіе въ общественныя дѣла и присутствовать въ совѣтѣ, состоялся статутъ, что каждый, кто пребудетъ тамъ два года, можетъ остаться по желанію своему и

(*) *Litterae Bamberi ad Scazarum de gentis apud Vandalicas civitates.* «Архивъ Врѣдльскій».

на третій. Съ-такъ-поръ, давно уже привыкли считать эту тяжесть почетомъ; не смотря на то, возникшая партія требовала исполненія стату-та во всей его силѣ, съ тѣмъ, чтобъ никто не могъ долѣе двухъ лѣтъ оставаться членомъ совета. Предложеніе это болѣе всего поддерживалъ Георгъ Вулленвеберъ, одинъ изъ представителей 164-хъ; онъ почиталъ это лучшимъ средствомъ утвердить власть свою подъ видомъ законо-сти: возмущенные граждане всѣми силами помогали ему. Въ февраля 1533 года, советъ составилъ изъ новыхъ членовъ, и Вулленвеберъ одинъ изъ первыхъ вступилъ въ него, а чрезъ четырнадцать дней былъ избранъ бургомистромъ. Такимъ-образомъ совершилась въ Любекѣ перемѣна правительства: Вулленвеберъ соединилъ въ лицѣ своемъ мо-гущество главы народа и законное правительство. Несомненно было, что онъ прійдется съ жаромъ за войну голландскую: онъ началъ уже готовиться къ ней, когда произошли перемѣны, давнія дѣятельности его другое направленіе.

Сѣверныя государства, избавившись отъ грознаго врага, не имѣли намѣренія тѣснѣе соединиться съ ганзейскими городами, грозившими уничтоженіемъ ихъ собственной торговлѣ; въ побѣдѣ Любека надъ Голландією они предвидѣли возрастаніе опасной для нихъ власти; къ-тому же, въ немъ получала перевѣсъ демократическая партія, къ кото-рой они чувствовали естественную антипатію, и которая, имѣя едино-мысленниковъ между гражданами Даніи и Швеціи, могла причинить вредъ ихъ могуществу.

Между-тѣмъ, въ 1533 году, умеръ король Фридрихъ, и на престолѣ датскій явилось нѣсколько претендентовъ: сыновья Фридриха, Христіанъ, преданный евангелическому ученію, и Иоганнъ, воспитанный въ католи-ческой вѣрѣ, имѣли сильныя партіи, особенно послѣдній между выс-шимъ духовенствомъ. Сверхъ-того, многие имѣли въ виду Іоахима Бран-денбургскаго, курфирста саксонскаго и цезаря Фридриха.

Видя такое сомнительное состояніе Даніи, Любекъ счелъ себя въ правѣ вступить въ дѣла ея. Вулленвеберъ явился въ Копенгагенъ и сообщилъ государственному совету о намѣреніяхъ своихъ относительно войны съ Голландією, но не приобрѣлъ никакого успѣха. Онъ обратилъ къ протестантскому претенденту Христіану и предложилъ ему по-мощь, но Христіанъ былъ слишкомъ остороженъ и отклонилъ отъ себя это посobie. Вулленвеберъ увидѣлъ, что ему не доставитъ выгоды борьба съ Голландією, если въ это время онъ потеряетъ Данію. Онъ вздумалъ воспользоваться замышательствомъ, и прежде всего основать господство своей общины и свое собственное.

Часть любекскаго флота, отправленная въ море противъ Голландіи, задержана была у англійскихъ береговъ; капитанъ ея, Маркъ Мейеръ, не имѣя позволенія, вышелъ на берегъ, былъ задержанъ и посаженъ въ Тууръ. Не такъ-какъ это случилось въ то самое время, когда Генрихъ VIII разорвалъ вся сношенія съ папою и вслѣдъ за-сѣлъ ему врагомъ, то я не удивительно, что онъ вступилъ въ переговоры съ пред-водителемъ флота, идущаго противъ Нидерландовъ: онъ заключилъ до-говоръ съ Марксомъ Мейеромъ, обещавъ Любеку помощь рода 1533

и подавая ему надежду на союзъ съ королемъ французскимъ; съ своей стороны, Мейеръ обещалъ ему, во имя своего города, что безъ согласія Генриха VIII ни одинъ принцъ не вступитъ на престолъ датскій.

Исполненный радостію отъ такого неожиданнаго успеха въ своемъ походе, возвратился капитанъ въ Любекъ.

Марксъ Мейеръ былъ прежде кузнецомъ въ Гамбургѣ, потомъ при-
ялся за ремесло воина. Сначала, онъ вступилъ въ ряды наемнаго вой-
ска, набраннаго Христіаномъ II во Фрисландіи, и опустошившаго Нор-
вегію. Вместе съ многими товарищами, онъ попалъ въ плѣнь, но умалъ
воспользоваться имъ и вступилъ на службу въ Любекъ. Состояніе ра-
тующей общины было для него благопріятно: онъ соединился съ воз-
ставшими начальниками гражданъ; уже въ 1532 году, поручено было
ему начальство надъ отрядами, назначенными для турецкой войны, и
онъ во главѣ ихъ прошелъ всю Германію; готовый на войну всякаго
рода, онъ вступилъ во флотъ и теперь возвращался въ Любекъ укра-
шенный почетною золотою цѣпью короля англійскаго. Съ-этихъ-поръ
онъ началъ играть важную роль, держалъ множество лошадей и при-
служниковъ, одевался съ роскошью, которая могла нравиться только
въ тотъ вѣкъ пышности и безвкусія; онъ былъ молодъ, одаренъ пре-
красною наружностью, славился храбростью, и потому обращалъ на се-
бя взоры любекскихъ гражданокъ. Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ
Англіи, онъ вступилъ въ супружество съ богатою вдовою незадолго
до того умершаго бургомистра Лунте, и такимъ-образомъ приобралъ
связи съ туземными фансіліями.

Еще прежде Марксъ Мейеръ былъ въ дружбѣ съ Вулленсбергомъ;
теперь они соединились еще тѣснѣе. На сеймы ганзейскіе являлись
они во главѣ многочисленной свиты, въ блестящихъ атакахъ, предше-
ствующие трубачами; счастье улыбалось имъ, и они съ доверчивостью
глядели на будущее. Больше всего они желали господствовать въ Лю-
бекѣ. Сдѣйствіемъ ихъ удалены были изъ совѣта, въ 1534 году, пре-
жніе члены, сопротивлявшіеся нововводителямъ. Такое неуваженіе къ
господствовавшей власти было противно ученію Лютера; суверантен-
дентъ Боннусъ удаленъ изъ Любека, не желая быть свидѣтелемъ,
какъ изгоняютъ и смѣщаютъ правителей.

Первою цѣлію ихъ было упрочить себѣ свободу дѣйствованія въ
политикѣ и въ войнѣ; въ-слѣдствіе этого они рѣшились заключить пере-
миріе съ Голландцами на четыре года, даже подъ условіемъ свободнаго
пропуска чрезъ Зундъ, котораго требовала Голландія. — Теперь они
могли устремить всѣ мысли и планы свои къ северу, гдѣ дѣла приняли
благопріятный для нихъ оборотъ.

Въ датскихъ городахъ, даже въ столицѣ Швеціи, существовалъ
классъ бюргеровъ, которые желали освободиться отъ ига угнетающей
ихъ аристократіи.

Въ Даніи граждане увидали, что имъ немного помогло изгнаніе
Христіана II; Фридрихъ не исполнилъ обещаній, имъ сдѣланныхъ, и
привилегіями одѣралъ одно дворянство. Бургомистры въ Мальмё и

Копенгагенъ раздѣляли демократическія намѣренія Вулленвебера; они общались Любекцамъ при появленіи ихъ кораблей отстать отъ совѣта и присоединиться къ нимъ; кажется, оба города положено было принять въ ганзейскій союзъ.

То же самое обнаружилось и въ Стольгольмѣ; всѣ нѣмецкіе граждане и часть шведскихъ были согласны съ Любекцами.

Стоитъ вспомнить только, что демократическій принципъ былъ необыкновенно силенъ въ ганзейскихъ городахъ и вообще въ Нижней-Германіи; и неудивительно, что новое возстаніе еще разъ, подобно крестьянской войнѣ, потрясло ее: тогда нѣкоторые города приняли только участіе въ возмущеніи, — теперь они сами начали его. Чего было ожидать, если смѣлые демагоги удержатъ мѣста и приведутъ въ исполненіе свои планы! Какъ прежде крестьяне, такъ теперь города не могли обойтись безъ искуснаго и опытнаго предводителя. Они поручили начальство надъ войскомъ Христофу-Ольденбургскому, который былъ каноникомъ въ Кельнѣ, что не мѣшало однако ему быть храбрымъ воиномъ и ревностнымъ протестантомъ. Въ юности, учитель его Шюгверъ читалъ ему много исторій, потомъ онъ попалъ ко двору Филиппа-Гессенскаго и усвоилъ себѣ воинственно-религіозный духъ, тамъ господствовавшій; онъ воевалъ съ поселянами, помогалъ освобожденію Ваны; характеръ его не лишенъ былъ одушевленія и отличался неустрашимостью.

Невозможно было предположить, чтобъ членъ ольденбургскаго дома рѣшился, безъ благовиднаго предлога, вступить въ распрю нѣсколькихъ бургомистровъ и отстаивать ее. Чтобъ склонить его на свою сторону, Любекцы предложили ему освободить короля Христіана, котораго прежде преслѣдовали они съ такимъ ожесточеніемъ, и возвратить ему корону. Истины не было въ этомъ предлогѣ. Разумѣется, въ договорѣ ихъ съ Христофомъ, рѣчи не было о меркантильныхъ интересахъ, которыми онъ всегда сопротивлялся: говорили только о демократическихъ или, правильнѣе, анти-аристократическихъ стремленіяхъ, которыя онъ раздѣлялъ съ ними. Какъ бы то ни было, но графъ Христофъ принялъ условія, обѣщая передать Любекцамъ Готландъ, Гельзингеръ и Гельзинборгъ, слѣдовательно упрочить могущество ихъ на Балтійскомъ-Морѣ и въ Зундѣ; королю Христіану они могли назначить условія по ихъ произволу.

Въ мав 1534 года, явился графъ Христофъ въ Любекъ, немедленно началъ военныя дѣйствія, и прежде всего захватилъ оставленныя владѣнія епископа; потомъ онъ овладѣлъ двумя голштинскими замками, чтобъ обезпечить себя со стороны герцога Христіана, и безъ препятствія двинулся въ Давію къ достиженію предположенной цѣли.

Не забывая о войскѣ, собранномъ герцогомъ Христіаномъ, вышелъ графъ Христофъ, 19 іюня 1534 года, съ 21 кораблемъ изъ Травермюнде.

Можетъ-быть, никогда еще нападающее войско не находило земакъ болѣе-готовой къ его принятію. Бургомистръ Минтеръ явился на встрѣчу къ флоту съ вѣстіемъ, что онъ возмущалъ Мальмё и овладѣлъ цитаделью. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Копенгагена, Христофъ сталъ на

жорь; едва появился онъ, въ Зеландіи обнаружилось возстаніе народа, который какъ-бы ожидалъ его прихода, чтобъ возмутиться противъ дворянства и духовенства. Въ Рошильдъ толпа разграбала епископскій дворъ, нападала на замки дворянъ и предавала ихъ опустошенію. Только для спасенія жизни своей рѣшилось дворянство возобновить старую присягу Христіану II; 15 іюля съ Христефомъ соединился Ковенгагенъ; примѣру Зеландіи не замедлили послѣдовать Лаландъ, Лангеландъ и Фальстеръ. Въ Фіоніи нѣсколько времени казалось, что возмущеніе поселенъ будетъ подавлено государственнымъ съѣздомъ и дворянствомъ; но посолье графа упростило побѣду поселенцамъ, которые признали кородемъ изгнаннаго Христіана. Оставалась только одна Ютландія. Морской разбойникъ, по имени Клемдигъ, присталъ въ Мальмѣ къ графу Христефу, пошелъ на Аальборгъ и собралъ вокругъ себя ютландскихъ поселенъ, съ помощію которыхъ разбилъ дворянство и его тяжелою конницу.

По полученіи извѣстія объ успехахъ своего войска, любекскій синдикъ, докторъ Ольдендорфъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ партіи нововведенія, «человѣкъ безпokoйнаго духа», какъ называетъ его Манцовъ въ своей хроникѣ, подвигнулъ вендскіе города къ участію въ предпріятіяхъ Любека. Самъ по себѣ онъ былъ представителемъ демократическихъ интересовъ: теперь онъ могъ предсказать имъ самую блестящую будущность и списать одобреніе народа. Въ некоторыхъ мѣстахъ оказала сопротивленіе старыя ратсгеры, но ихъ не слушала. Стральзундъ и Ростокъ принудили бургомистровъ своихъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ; прочіе города изъявили желаніе помогать Любеку; даже Ревель и Рига предлагали свое содѣйствіе.

При всемъ томъ Любекцы не отступились отъ союза съ Англіею: они отправили трехъ ратсгеровъ къ королю англійскому и возобновили условія, предложенныя Маркомъ Мейеромъ. О впечатлѣніи, произведенномъ на Европу ополченіями Любека, можно судить по письму архіепископа лундскаго, въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе на союзъ Ганзы съ Англіею, предлагаетъ ему разстроить его и начать войну для уничтоженія демократовъ, успѣхъ которыхъ можетъ имѣть вредное вліяніе на имперію. Но прежде, чѣмъ императорскій дворъ рѣшился на принятіе строгихъ мѣръ, Любекцы на самомъ сѣверѣ встрѣтили сопротивленіе не менѣе грозное и опасное.

Герцогъ Христіанъ-Голштейнскій принадлежалъ къ тѣмъ спокойнымъ северо-германскимъ натурамъ, которыя не легко возбуждѣтъ къ дѣятельности, но которыя, разъ приващясь за дѣло, преслѣдуютъ его съ терпѣніемъ и твердостью. Способности свои онъ выказалъ въ успѣшномъ введеніи реформаціи въ герцогствѣ; вообще онъ глубоко проникнутъ былъ релігіозными и моральными элементами германской реформы. Онъ занимался лютеровыми гимнами такъ же ревностно, какъ занимались иныя благочестивые ремесленники имперскихъ городовъ; клятвопреступникамъ онъ назначалъ жестокаго наказанія. Читалъ библію, слушалъ рассказы, бесѣдовалъ за столомъ съ богословами и государственными

людьми, слѣдить за астрономическими открытіями,—вотъ что составляло его любимыя занятія. Его политическое и воинственное направленіе не лишены были внутренняго основанія, высшаго стремленія.

Когда любекскіе демократы предложили ему королевское достоинство, онъ отказался, не желая насильемъ пріобрѣсти корону; за то они прежде всего напали на его земли; разгнѣанный нападеніемъ, онъ рѣшился дѣйствовать; съ помощію своихъ сосѣдей и преимущественно ландграфа гессенскаго, онъ смѣло выступилъ въ поле для отмщенія Любекцамъ. Въ сентябрѣ явился онъ передъ городомъ и, не теряя времени, предпринялъ запереть рѣку Траве, чтобъ отрѣзать жителей отъ сообщенія съ моремъ. Марксъ Мейеръ увѣрялъ всѣхъ, что это не удастся ему. По распоряженіямъ Маркса Мейера, можно только судить о неспособности его къ правильной войнѣ. Сначала Гольштейнцы овладѣли берегомъ Траве у Уремслюле, потомъ утвердились на противоположномъ берегу, и оба берега соединили мостомъ, который дѣйствительно заперъ рѣку; Любекцы никакими средствами не могли захватить моста ни съ суши, ни съ моря; передъ глазами жещъ и дѣтей своихъ, они были нѣсколько разъ разбиты и потеряли всѣ важныя прибрежныя пункты. Городъ, мечтавшій о господствѣ надъ сѣверомъ, увидѣлъ себя отрѣзаннымъ отъ моря у самыхъ воротъ своихъ.

Прежде всего Любеку необходимо было освободиться отъ этихъ враговъ. Въ городѣ обнаружались уже недоразумѣнія; граждане были невольны; комиссія 164-хъ разошлась; даже въ совѣтъ правителя встали новыя сопротивленія. Они принуждены были приступить къ переговорамъ съ Гольштейномъ, при чемъ должны уже были отказаться отъ прежнихъ плановъ. Подробности этихъ переговоровъ неизвѣстны; но результатомъ ихъ было согласіе герцога Христіана на нѣкоторыя уступки, и Вулленверберъ увѣрялъ, что онъ давно бы заключилъ миръ, еслибы не мешалъ ему докторъ Ольдендорпъ. Рѣчь шла только о дѣлахъ гольштейнскихъ: Любекцы возвратили все, что заковано ими было въ Гольштейнѣ. Едва ли существовалъ когда-нибудь мирный трактатъ германскаго настоящаго: условливаясь о дѣлахъ въ Гольштейнѣ, каждая сторона предоставляла себѣ право, по своему благоусмотрѣнію, отстаивать интересы свои въ Даніи.

На датскія дѣла личность герцога Христіана имѣла также большое вліяніе.

Съясненное положеніе, въ которое приведены были датскіе чины нѣшними нападеніями и возмущеніями внутри государства, рѣшило ихъ наконецъ, не смотря на сильное сопротивленіе духовенства, избрать королемъ своимъ герцога. Тогда исчезли всѣ опасенія протестантизма; въ манифестѣ своемъ, Любекцы объявляли, что главною цѣлію ихъ было поддержаніе евангелическаго ученія; манифестъ этотъ при астоющемъ положеніи дѣлъ не имѣлъ смысла и не пріобрѣлъ имъ никакой симпатіи.

Сверхъ-того, защитникомъ датскихъ интересовъ явился человекъ му-
ественный. Подобно тому, какъ въ лагерь подъ Любекомъ онъ съ-

лазь нѣсколько уступокъ, онъ и въ-послѣдствіи обнаружилъ еще болѣе снисхожденія и распространилъ привилегію Любекцевъ; но они хотѣли распорядиться датской монархіею и самою короною; споръ можно было рѣшить однимъ мечомъ. Не теряя времени, Христіанъ съ своими побѣдоносными войсками обратился изъ Любека въ Ютландію; еще въ декабрь 1534 года удалось ему взять Аальборгъ и возстановить спокойствіе во всей провинціи. Оба родственника, король шведскій и герцогъ прусскій, вооружились за него на морѣ и на сушѣ; герцогъ померанскій прислалъ ему денежное пособіе, безъ котораго трудно бы ему было дѣйствовать. Два гессенскіе отряда были уже съ нимъ подъ Любекомъ и съ нимъ же двинулись къ сѣверу. Большая часть Норвегіи уже признала власть герцога Христіана.

Любекцы, съ своей стороны, еще разъ сосредоточили весь свои силы и привлекли къ союзу своему одного соседственнаго князя, герцога Альбрехта-Мекленбургскаго.

Альбрехтъ-Мекленбургскій 9 апрѣля выступилъ изъ Варнемюнде въ море; по-видимому, онъ намеренъ былъ навсегда остаться въ Даніи: онъ вѣвалъ съ собою супругу свою, весь дворъ, даже охотниковъ и собакъ, намереваясь позабавиться охотою въ густыхъ лѣсахъ Даніи. Для Любекцевъ было уже большимъ пріобрѣтеніемъ, что значительный имперскій князь принялъ ихъ сторону; и самыя датскіе города пріобрѣли новое мужество и увѣренность. Вулленеберъ, сопутствовавшій герцогу, сблизился снова съ графомъ Христофомъ; нѣсколько времени спустя, онъ вывелъ новую эскадру любекскихъ кораблей подъ начальствомъ графовъ Гои и Текленбурга. Съ другой стороны, Маркъ Мейеръ велъ успѣшныя дѣла въ Сканин.

Такимъ-образомъ обѣ партіи возрасли въ силахъ; можетъ-быть, любекская была еще многочисленнѣе. Теперь вопросъ уже не заключался болѣе въ церковной реформѣ Даніи; она достаточно утверждена была возведеніемъ на престолъ протестантскаго принца; дѣло состояло въ томъ, возможно ли соединеніе церковной реформы съ политическими перемѣнами, одержитъ ли побѣду демократическое начало, распространившееся изъ Любека по всему сѣверу?

Рѣшеніе этого вопроса послѣдовало 11 іюня 1535 года на островѣ Фіоніи, недалеко отъ Ассена при Оксенбергѣ, гдѣ нѣкогда приносилась жертвы Одіну, гдѣ господствовали легенды о славѣ дома ольденбургскаго, сокрушенной раздорами, возникшими въ недрахъ его. Съ обѣихъ сторонъ были Германцы и Датчане. Предводителемъ королевскихъ войскъ былъ Гансъ Ранцау, который вывезъ рыцарскій санъ свой изъ Іерусалима, прошелъ всю Европу, и который еще болѣе государя своего соединялъ ревность къ протестантизму, любовь къ наукѣ и образованности съ мудростью въ совѣтѣ и храбростью въ полѣ. Войсками городовъ начальствовалъ графъ Гои; Ранцау одержалъ побѣду, какъ одержалъ ее ландграфъ Филиппъ при Лауфенѣ, какъ одержали ее князья во время возмущенія поселянъ, т. е. превосходствомъ конницы и орудіи. Успѣху его способствовала неожиданность: онъ напалъ въ то самое вре-

мя, когда враги сами готовились къ нападенію, и разстроили ихъ ряды; войско городовъ потерпѣло полное пораженіе.

Въ тотъ же день произошла морская битва при Борнгольмъ; буря разлучила сражающихся, но перевѣсъ остался на сторонѣ королевскаго флота. Христіанъ III торжествовалъ побѣду на морѣ и на сушѣ; Фіонія тотчасъ же покорилась ему, и въ Одензе жители присягнули ему въ вѣрности. Съ помощію флота, онъ овладѣлъ Зеландіею, гдѣ его съ радостію приняло дворянство. Вся завоеванія городовъ ограничивались Копенгагеномъ и Мальмё.

Разумѣется, обладаніе такими важными пунктами легко могло возобновить старыя планы; но, при первой неудачѣ, дѣло, начатое въ Любекѣ, разстроилось. Имперская власть вступилась во внутреннія распоряженія Ганзы: камергерихтъ требовалъ восстановленія всѣхъ изгнанныхъ бургомистровъ и прежнихъ членовъ совѣта. Само-по-себѣ, повелѣніе это ничего не значило, но оно подкрѣплено было согласіемъ многихъ городовъ Нижней-Германіи; къ-тому же, Любекцы были разбиты и этого достаточно было для ихъ паденія: съ своими всеобъемлющими мировыми планами, они встрѣтили непоколебимое, побѣдоносное сопротивленіе; энергія демократическая распалась сама собою.

14 августа 1535 года, совѣтъ созвалъ общину и представилъ ей повелѣніе камергерихта. Не безъ намѣренія избрали они время, когда Вулленвеберъ отлучился по дѣламъ въ Мекленбургъ. Община, принимая въ соображеніе, что въ повелѣніи нѣтъ еще ничего о водвореніи католической вѣры, объявила согласіе свое на уничтоженіе всѣхъ нововведеній, происшедшихъ въ свѣтскомъ управленіи. При первомъ засѣданіи совѣта, Георгъ Хёвеленъ, противъ воли избранный бургомистромъ, оставилъ свое мѣсто и сѣлъ на старое—между ратсгерами. Избранные общиною ратсгеры увидѣли, что они не въ состояніи будутъ держаться при такихъ обстоятельствахъ, составили совѣтъ и сложили съ себя свое званіе. Какъ изумился Вулленвеберъ, когда онъ возвратился и увидѣлъ такую неожиданную перемену? Прошло много времени съ-тѣхъ-поръ, какъ община, возвысившая его, оказала ему расположеніе; но онъ ничего не дѣлалъ, чтобы поддержать любовь народную, и отъ-того палъ!

Нельзя уже было ожидать ревностнаго продолженія датской войны, и действительно, она шла медленно, безъ энергіи и одушевленія.

Читая допросъ Вулленвебера, можно предположить, что онъ мечталъ еще о возобновленіи своего предпріятія; ясно, что планы его не созрѣли еще, но существованіе ихъ высказалось въ его отвѣтахъ; передъ смертію онъ отрекся отъ всего ему сказаннаго. Трудно отрицать достовѣрность признанія, когда въ существенной части своей оно совершилось безъ мученій пытки; но совершенно невозможно основаться на показанія, отъ котораго отрекся осужденный въ минуту казни. Каковы бы ни были планы его, они имѣли плачевный конецъ. Не смотря на предостереженіе друзей, Вулленвеберъ повхалъ чрезъ владѣнія злѣйшаго врага своего, архіепископа бременскаго, и былъ задержанъ его людьми; какъ особа духовная, архіепископъ не хотѣлъ пятнать рукъ своихъ кро-

нью и передалъ его для суда брату своему, герцогу Гейнриху-Брауншвейгскому. Тамъ подвергнули Вулленвебера упомянутому нами допросу въ-судствіе обвиненій Даниа и Любека, и такъ-какъ онъ не отрекся отъ всахъ взводимыхъ на него обвиненій, то, по древнимъ законамъ Германской-Имперіи, его приговорили къ смерти. Приговоръ гласилъ, что «онъ не могъ безнаказанно совершить того, что онъ совершилъ!» Ему отрубили голову и потомъ четвертовали трупъ его.

Вулленвеберъ олицетворилъ собою мятежный духъ, господствовавшій въ современныхъ ему городахъ. Онъ началъ дѣйствовать подобно многимъ предводителямъ народа; способность направлять по-своему легко-воспламеняемыхъ граждавъ и естественную силу религіозно-политическихъ интересовъ, возвысила его на такое мѣсто, на которомъ онъ долженъ былъ упрочить самостоятельность свою между властями міра. Но онъ не зналъ умеренности; неудачи не сдѣлали его прелюдотри-тельнымъ; еще разъ вызвалъ онъ на свѣтъ духъ древней Ганзы, завелъ сношенія съ германскими князьями, заключилъ союзы съ иностранными государями. Демократическія, религіозныя, меркантильныя и чисто-политическія начала равно дѣйствовали въ немъ; онъ возымѣлъ намѣреніе поставить реформированный Любекъ главою демократическаго сѣвера; самъ онъ хотѣлъ управлять кормиломъ этого новаго міра, созданнаго на мечтѣ его. Питая подобное намѣреніе, онъ перешелъ кругъ идей, очертанный германской реформаціею; силы, съ которыми столкнулся онъ, преодолѣли его; пораженіе демократовъ въ Даниа подѣйствовало и на его отечество; онъ потерялъ дорогу, по которой намѣревался идти и нагъ въ руки враговъ. Онъ не въ состояніи былъ покорить сѣверъ — и сложилъ голову на эшафотъ.

Вообще, замѣчательно поколѣніе, выступившее тогда на бой. Отсталыя демагоги, сами поддерживавшіе себя, упорные патриции, неуступавшіе ни на шагъ отъ правъ своихъ, государи и владѣтели, искавшіе къ роинъ одной войны, другіе же, имѣвшіе определенную цель передъ собою и преследовавшіе ее съ необыкновенною твердостью, — все представляло сильныя, могущія, высокія натуры, соединившія общіе интересы съ своими частными, и между ними неустранившій никому въ уи-ственныхныхъ свободностяхъ, старый король, которому по праву принадлежало все, за что онъ ратовалъ, имя котораго раздавалось какъ призывный кличъ къ оружію, и который въ вѣчной темницѣ искупалъ грѣхъ своей кривости. Победа склонилась на сторону сильнѣйшаго; она досталась на часть герцога, который сражался твердо собственно за себя, и который политикою своею связалъ былъ съ настоящимъ и прошедшимъ, а религіею съ прогрессомъ и будущностью.

Въ 1536 году, Христіанъ III занялъ столицу и удержалъ ее за собою.

Независимо отъ личностей, предпріятіе Любека возникло не въ духъ вѣка. Великіе союзы, соединявшіе города въ-продолженіе среднихъ-вѣковъ, были разрушены. Рядомъ съ могущественнымъ монашескимъ орденомъ, съ рыцарствомъ, соединявшимъ западное дворянство въ одну

касту, могли существовать союзы городов и имѣть притязаніе на распространеніе торговой монополіи въ близкихъ и далекихъ государствахъ. Но съ паденіемъ первыхъ должны были пасть и послѣдніе.

Принципъ новой исторіи заключается въ утвержденіи самостоятельности отдѣльныхъ государствъ и народовъ во всѣхъ ихъ политическихъ отношеніяхъ. Всемирно-историческое противорѣчіе заключается въ томъ, что Любекъ, отложившись отъ іерархій, мечталъ еще сохранить владѣтельство своей торговли, и сохранить не чрезъ естественное преимущество ремесла, капитала или мануфактуръ, а посредствомъ политическихъ договоровъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ вліяніе Германіи на сѣверъ было уничтожено; напротивъ, теперь-то оно и приобрѣло новыя силы. Ослабленіе Любека не повредило протестантизму; едва Христіанъ III занялъ Копенгагенъ, какъ приступилъ къ введенію евангелическаго ученія въ томъ видѣ, какъ его проповѣдывали въ имперскихъ областяхъ, подъ руководствомъ виттенбергскаго теолога доктора Вугенгагена, который ввелъ уже реформу во многихъ городахъ Нижней-Германіи. Въ слѣдствіе глубокаго и быстраго утвержденія реформаціи, въ Давіи основался тѣсный союзъ всей духовной жизни сѣвера съ духовною жизнью Германіи; на сѣверъ, какъ и въ Германіи, отдѣлился наконецъ религіозный и церковный элементъ отъ политическихъ стремленій: дѣйствіе свое онъ совершалъ уже въ области духа.

Тотъ же самый принципъ проявился во всѣхъ послѣднихъ событіяхъ, изложенныхъ нами въ этой статьѣ. Цвингліи, который, вмѣстѣ съ реформою ученія, предпринималъ преобразование швейцарскаго-союза въ духъ демократическихъ идей, палъ; его политическое предпріятіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ; волненіе перекрещенцевъ было подавлено въ Германіи совершенно; общее движеніе средняго класса въ торговыхъ городахъ равно не достигло своей цѣли. Религіозный принципъ, возставшій въ собственной силѣ, не могъ выдержать такого близкаго соединенія съ политикою.

Большая часть протестантовъ старалась очистить ученіе и предохранить его отъ новыхъ уклоненій. Впрочемъ, протестанты не объявляли исповѣданія единства, вѣчною нормою. Въ союзъ, который Саксонія заключила съ Верхне-Германцами и въ сближеніи религиозныхъ идей видно уже вліяніе верхне-германской реформы на саксонскую.

Примыру Саксоніи послѣдовали и ниже-германскіе города. Въ апрѣль 1535 года, проповѣдники Бремена, Гамбурга, Любека, Ростока, Стральзунда и Люнебурга составили конвентъ, по которому положено было не допускать къ проповѣди тѣхъ, которые проповѣдаютъ несогласно съ истиннымъ ученіемъ, изложеннымъ въ исповѣданіи; этимъ онъ хотѣлъ устранить перекрещенцевъ и другихъ сектаторовъ.

Всѣ дѣйствія соотвѣтствовали принципу, произведшему реформу.

Никто не думалъ давать міру новые законы, никто не хотѣлъ потрясти основанія политической и гражданской жизни, прочно-образовавшейся: хотѣли только освободиться отъ ига односторонней, самовла-

стной и требовавшей безусловнаго повиновенія іерархіи. Успѣхъ этого намѣренія мы видѣли въ изложеніи предъидущихъ событій.

Этимъ заключается третій томъ превосходнаго сочиненія Ранке; трудно въ журнальныхъ статьяхъ представить все богатство фактовъ, которыми наполнены два остальныхъ тома: переводы эти два тома, въ 600 страницъ каждый, не предстоитъ никакой возможности; отбросить что-либо, значить разорвать нить событій, тѣсно между собою связанныхъ; мы рѣшились остановиться здѣсь, тѣмъ болѣе, что въ послѣднихъ, наложенныхъ нами происшествіяхъ, проясняется тотъ великій моментъ, когда реформація отрѣшилась отъ политическихъ цѣлей и достигла прямого назначенія своего — области духа; читатели «Отечественныхъ Записокъ» видѣли возникновеніе ея, быстрое распространеніе ея по Западной-Европѣ, интересы, которые пробудило ея появленіе въ германскомъ мірѣ; слѣдовательно, въ шести статьяхъ «о Реформаціи» мы исполнили обѣщаніе наше — представить развитіе великаго религіознаго преобразованія, начатаго Лютеромъ; но картина эта останется нецѣлою, если мы не присоединимъ къ ней очерка современнаго состоянія наукъ и литературы, которыми Ранке заключаетъ свою «*Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation*», и потому рѣшаемся дополнить имъ наше извлеченіе.

Въ началѣ XVI столѣтія, германскій духъ мощно подвинутъ былъ къ внутренней дѣятельности посредствомъ знакомства съ классическою древностью; оно началось еще во времена Каролинговъ, было прервано или поставлено въ тѣни во время владычества іерархіи и теперь досталось ему въ удѣлъ во всей полнотѣ своей. Мы видѣли, какъ началось это изученіе въ грамматическихъ школахъ, сколько трудовъ оно стоило, и какое значеніе приняло оно, водворившись въ университетахъ.

И въ этомъ отношеніи многозначительно было положеніе Меланхтона. Въ томъ же духѣ, въ какомъ распространялъ онъ древнюю литературу въ Виттенбергѣ, дѣйствовали и ближайшіе друзья его: Камераріусъ въ Лейпцигѣ, Сабинусъ въ Кѣнигсбергѣ и во Франкфуртѣ-на-Одерѣ; ученики его въ Марбургѣ, Тюбингенѣ, Гейдельбергѣ. Въ Ростокѣ, этому изученію покровительствовалъ Іоганнъ-Альбрехтъ-Мекленбургскій, который съ политическими и военными планами соединялъ открытое стремленіе къ высшей образованности. Меланхтонъ говорилъ, что у него на сѣверѣ нашли убѣжище греческія музы (*).

Сверхъ-того, нѣкоторые училища содѣйствовали этому великому призванію.

(* *Ergo, per extremam Germani litoris oram hospitium miseræ supplice voce petunt.* Corp. Refor. Germ. № 219.

Прежде всего, въ 1531 году, открываются передъ нами дѣйствія Валентина Тротцендорфа въ Гольдбергъ; онъ составилъ родъ юношеской республики съ консулами, сенаторами, цензорами, и среди нихъ поставилъ себя безсмѣннымъ диктаторомъ.

Последній аббатъ Ильфельда, по собственному убѣжденію превратившій монастырь свой въ школу, нашелъ въ воспитанникъ Гольдберга человека, который болѣе всѣхъ способенъ былъ по смерти его поддержать это заведеніе и общую дѣятельность—Михаила Неандера, тихаго, ученаго, слабого тѣломъ, глубоко-проникнутаго религіознымъ стремленіемъ, неутомимо-дѣятельнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько сильнаго и предусмотрительнаго, что онъ могъ предохранить свое монастырское училище отъ притязаній мощныхъ сосѣдей. Прежде всего онъ распространилъ знаніе греческаго языка въ нижне-саксонскихъ областяхъ: его называютъ вторымъ учителемъ Германіи (*).

Еще болѣе европейское, чѣмъ германское значеніе приобрѣло училище, которое Іоганнъ Штурмъ основалъ въ Страсбургѣ въ 1537 году. Іоганнъ Штурмъ принималъ въ общественныхъ дѣлахъ живое, постоянное участіе, но отъ-того нисколько не теряло его училище, которому онъ посвящалъ труды свои на обширнѣйшемъ планѣ. Оно сдѣлалось въ то же время общею свѣтскою академіею протестантскаго міра, какъ женевское было его академіею теологическою; потому-то оно усердно посвящено было германскимъ дворянствомъ, потребности котораго основатель опредѣлялъ въ своихъ собственныхъ сочиненіяхъ.

При такомъ серьезномъ направленіи, какое приняли эти училища, не могла болѣе держаться шумная, беспорядочная дѣятельность прежнихъ поэтическихъ школъ. Судьба Симона Лемпія, который вздумалъ держаться ею передъ глазами Лютера и былъ за то изгнанъ, имѣетъ значеніе для всего времени. Новый Олимпъ, воздвигнутый этими поэтами, разрушился. Провицательный и граціозный Мицмалъ знаетъ только одну «цѣломудренную музу». Онъ и ученики его, дѣйствительно, не знали другой цѣли, кромѣ той, чтобъ соответствовать направленію, которое сосредоточило въ себя все интересы націи.

Вездѣ видны были прочныя и постоянныя труды къ распространенію и объясненію созданій классическаго міра.

Латинскія сокровищницы германскихъ монастырей, каковы были Гиршфельдъ или Лорштъ, не были еще исчерпаны; дѣтели литературнаго міра оказали столько участія къ своему дѣлу, что приобрѣли съ востока много греческихъ рукописей; такъ, на-примарь, Аугсбургъ, въ 1545 году, отправилъ для этого въ Корфу значительную сумму денегъ; многое вывезли послы короля римскаго и агента дома Фуггеровъ. Вин-

(* *Inventus formandae artifex juxta dexterimus ac felicissimus. Родаманъ, который употребляетъ эти выраженія и прибавляетъ къ тому: «у него учились и писать по-гречески; правду говорятъ: plures ex eo gymnasio graece doctos, quam proceges ex eodem Itajano.» Галеккингъ, «Жизнь Неандера», стр. 23 и 24.*

центъ Опсопеусъ, учитель маркифа Альбрехта, ревностно заботился о напечатаніи классическихъ авторовъ. Воспользовавшись рукописью, случайно перешедшею изъ Константинополя въ Нюрнбергъ, онъ представилъ міру одного изъ великихъ историковъ древности, Полибія, и трудъ этотъ исполнялъ съ такимъ тщаніемъ, что онъ и до-сихъ-поръ составляетъ егo славу (*). Все болѣе и болѣе живая дѣятельность развивалась въ этой отрасли знаній. Іосифъ Флавій и Птоломей, замѣчательныя мѣста изъ Діодора-Сицилійскаго, Амміанъ, Ливій и множество другихъ писателей вышли изъ-подъ типографскихъ станковъ Германіи. Другіе авторы явились съ своими схолиасти, позднѣйшими продолжателями: латинскіе съ исправленнымъ текстомъ, греческіе съ переводами, оставшимися частію и при нынѣшнихъ изданіяхъ. Можетъ-быть, труды эти нерѣдко лишены были критически-грамматической точности, но между ними встрѣчаются и такіе, въ которыхъ виднo глубокое знаніе дѣла, сила и вѣрный взглядъ. Болѣе всѣхъ издателей Павта заслуживаетъ вниманія Іоахимъ Камераріусъ.

Рѣшительнымъ филологическимъ талантомъ можно назвать Іеронима Вольфа изъ Этингена;—то была пѣжная, слабая, раздражительная натура: неправда, сказанная другимъ въ его присутствіи, заставляла его краснѣть; онъ затрепеталъ съ головы до ногъ, когда въ первый разъ увидѣлъ знаменитаго Меланхтона; всегда въ страхъ отъ людской ненависти и тяжкаго вліянія тайной сатанинской силы, при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, онъ предавался учению съ прележавіемъ пустыльника, и, будучи истиннымъ знатокомъ своего дѣла, никогда не былъ исполнъ доволенъ, что взялся за него. Онъ отважился на переводъ Демосеена, трудъ, котораго устранились Эразмъ и Булеусъ, и исполнилъ его такимъ блестятельнымъ образомъ, что навсегда соединилъ имя свое съ именемъ великаго оратора. Безъ его трудолюбія Византійцы долго бы еще остались неизвѣстными; онъ первый представилъ значительное собраніе византійскихъ историковъ. Не менѣе вниманія заслуживаетъ автобіографія, имъ написанная (**). Въ ней онъ говоритъ какъ истинный патриотъ, часто недовольный тѣмъ, что его окружаетъ, какъ настоящій христіанинъ, убѣжденный въ истинѣхъ евангелическаго ученія и неулакаемѣ думомъ партій, какъ филологъ, превратившій древность въ живое сознаніе; превосходными изреченіями украсившая его память и доказавши, что всѣ эти элементы не противоречатъ другъ другу.

Никто не имѣетъ права сказать, чтобы ученіе древнихъ пришло въ упадокъ во второй половинѣ столѣтія: къ ней болѣею частію принад-

(*) Швейгеръ. Præfatio: Non paucæ lectiones in hac editiōne reperiuntur probatissimæ, et ex hac, in Eosibensæ transierunt, a quibuscumque deinde recessit Casaubonus (LXXIV ed. Oxon.).

(**) Hieronymi Wolfii, ad. II. v. Ioannem Opprianum, commentariolus de vitæ sua ratione ac potius fortuna (ex Oratt. Attic., у Рейха, т. VIII, стр. 773).

лежать Штурмъ, Неандеръ и Вольфъ; тогда же процвѣтали послѣдователи ихъ Родоманъ и Зильбургъ.

Но все это не ограничивалось однимъ распространениемъ наукъ. Объ этомъ времени справедливо говорили, что въ основаніи своемъ вся четыре Факультета превратились въ одинъ грамматическій. Отъ возстановленія чистоты текста зависѣлъ весь успѣхъ дѣла.

Измѣненнымъ будетъ повторять, какое значеніе приобрѣла учная теологія, опиравшаяся на однихъ основаніяхъ древняго текста. Обнародованіемъ сочиненій духовенства, даже латинскаго, разработкой которыхъ; по слѣдамъ Эразма, прославились и другіе германскіе филологи, болѣе всего утвердилось убѣжденіе протестантовъ. Предъ изученіемъ христіанской древности исчезли правила іерархическія.

Сходственная съ этимъ, хотя не столь многообъемлющая разработка матеріаловъ относится къ правовѣднію. Глоссаторы его возобновленію; замкнувшіе дѣятельность свою востановленіемъ юридическими книгами, которыми имъ обязаны возстановленіемъ и распространеніемъ своимъ; шли гораздо-тѣснѣйшій кругъ дѣйствія, чѣмъ схоластическіе теологи. Текстъ ихъ основанъ на старѣхъ рукописяхъ; примѣчанія ихъ не всегда дѣльны. Несомненно, впрочемъ, что подъ руками ихъ продолжателей, къ нимъ присоединялись все болѣе и болѣе чуждые имъ элементы и постепенно затемняли смыслъ ихъ (*). Не смотря на всѣ недостатки ихъ юридическія прианія, они одна только, наравнѣ съ императорскими эдиктами, почитались достойными уваженія и могли быть практически-полезными. Пізанская рукопись «Пандектовъ», какъ ни высоко цѣнили ея достоинство (къ ней приближались съ нѣкотораго рода суевѣрнымъ страхомъ), не была еще въ общемъ употребленія.

Только благодаря счастливому случаю, молодой Германецъ Григорій Гюффманъ, изъ Цвикау, названный Голландеромъ, во время путешествія своего по Италіи, нашелъ въ Болоньи списокъ этой рукописи; тамъ же ему удалось скѣпировать рукопись «Новеллъ», которыя до-сихъ-поръ заключались въ такъ-называемыхъ Authentica, болѣею частью въ нѣболѣномъ переводѣ; списокъ этотъ, не смотря на недостатки и пробѣлы, въ немъ находившіеся, былъ основой новаго изученія.

Съ этими пособіями явился Голландеръ въ 1528 году въ Нюрнбергъ, гдѣ одинъ протестантскій аббатъ дружески принялъ его и ссудилъ его довольно-значительною суммою денегъ, при пособіи которой онъ немедленно могъ пристуиить къ изданію; Голландеръ, по мнѣнію ученѣйшихъ людей, каковы, на-примѣръ, Савиньи, выказалъ въ этомъ трудѣ

(*) Бебель Цазіусу: «Creverant Glossatorum commentaria super omnes constitutiones, nec ullus finis est sperandus, nisi lazar... verbo sita utem nodosissimam atque obscurissimam in compendium reducat.

историческую ученость и критическій талантъ. При изданіи «Пандектовъ», онъ умѣлъ воспользоваться коллаціею Поллиціана, которая, будучи сама-по-себѣ недостаточною, была сверхъ-того грубо искажена первыми переписчиками, и устранилъ великое множество ошибокъ; ему удалось объяснить мѣста, которыя до него и понять никто не могъ. Кодексъ «Институцій» онъ возстановилъ въ его 12 книгахъ; онъ говоритъ объ удовольствіи, которое доставила ему возможность пополнить такое множество пробѣловъ, исцѣлить столько ранъ. Въ 1529—1531 годахъ, появились отдѣльныя части «Corpus Juris» — потому-что и «Institutiones» могли быть легко исправлены послѣ разработки «Пандектовъ», — изложенныя съ такою ясностью, какой невозможно было и ожидать.

Съ великою радостью даръ этотъ былъ принятъ учеными. Императору Карлу, который въ Юстиніанѣ видѣлъ своего предшественника и въ правахъ его собственное право, Іоганнъ Ольдендорфъ замѣтилъ, что искаженные прежде законы исказили и самое примѣненіе права, но что теперь возвращена законамъ и постановленіямъ ихъ первобытная чистота; въ-продолженіи многихъ столѣтій, ни одинъ народъ не переживалъ событія болѣе-славнаго (*). Ольдендорфъ не скрывалъ, что многое еще надлежало совершить для достиженія цѣли. Съ горестію услышалъ онъ о потерѣ древнихъ источниковъ, которые должны были придать праву полную ясность и определенность. По мнѣнію его, система права должна была развиваться наукообразно на основаніяхъ, теперь ей положенныхъ, и возвыситься до общаго права всѣхъ народовъ.

Даже люди, незашедшіе такъ далеко, видѣли улучшеніе въ примѣненіи къ дѣлу писаннаго права. Открыли болѣе-обширный кругъ воззрѣнія: тогда уже стали отвергать законность пытки, думали объ ограниченіи конфискацій, порицали злоупотребленіе привилегій, вывели на свѣтъ множество волеъ, которыя издавна вкоренились. Габріэлю Мудеусу, одному изъ замѣчательнѣйшихъ преподавателей въ многолюдной юридической школѣ въ Лувенѣ, принадлежатъ та заслуга, что онъ съ гражданско-юридической точки зрѣнія выступилъ противъ инквизиціи.

Однимъ словомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ теоріи, и практика пріобрѣла новое, мощное примѣненіе, которое болѣе всего имѣло вліяніе на законодательство германскихъ областей.

Если мы бросимъ взглядъ на третью факультетскую науку, медицину, то и въ ней увидимъ значительныя измѣненія.

Медицина искажена была болѣе, чѣмъ самое право. Греческая врачебная наука, которую Галенъ понималъ систематичѣе своихъ предшественниковъ, но уже не въ полной ея оригинальности, совершила длинный путь прежде, чѣмъ достигла Германіи, въ томъ самомъ видѣ, какъ понимали ее арабскіе компиляторы, какъ потомъ перешла она

(*) *Variarum lectionum libri III, 1440.*

через посредство кастильскихъ ученыхъ въ варварскую латинь и насколько приспособлено было къ дѣлу итальянскими комментаторами, такъ преподавалась въ германскихъ университетахъ; канопъ Авиденны, комментарий Юганна д'Арколли на сочиненіе Арразія была драгоценнѣйшими изъ учебныхъ книгъ, употреблявшихся въ Виттенбергѣ въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка. Понятно, что на такомъ основаніи искусство не могло развиваться; служенію его посвящали себя одни посредственные умы, безъ труда получавшіе докторскіе дипломы. Не объяснивъ этого состоянія медицины, невозможно понять оппозиція Парацельза. Возросшій на высокихъ горахъ, гдѣ удержались еще многія повсюду-исчезнувшія знанія, въ обществѣ духовныхъ, богатыхъ таинственными опытами, въ кругу друзей, занимавшихся химическими изслѣдованіями (какъ напр., Сигизмундъ Фуггеръ въ Швацѣ), въ постоянномъ обращеніи съ горцами и вообще съ простолюдинами, Парацельзъ не только нашелъ средство научиться и испытать науку счастливыми излеченіями, но образовалъ себя знаніемъ міра, которое противорѣчило всему, что преподавалось въ высшихъ учебницахъ.

Прибывъ въ Базель въ 1527 году, онъ прежде всего объявлялъ, что по чужимъ авторитетамъ учить не будетъ. Онъ смѣялся надъ процессомъ наследственныхъ рецептовъ, торжественно бросилъ въ огонь канонъ Авиденны, и не хотѣлъ слышать ни о чемъ, кромѣ природы — «нотому» говорилъ онъ: «что только тѣ книги истинны и не заключаютъ въ себя лжи, которыя писаны Богомъ: изучать должно стихіи природы, путешествуя изъ одной страны въ другую, потому-что каждая страна составляетъ только отдѣльный листъ великой книги; глаза, привыкшіе къ опыту, лучше всѣхъ профессоровъ въ свѣтъ. Вездѣ выказываетъ онъ нерасположеніе свое къ письменной учености. Все, сообщенное имъ, прослывило его въ новѣйшее время; на того, кто пробѣгаетъ его книги, производитъ преимущественно впечатлѣніе понятіе его о постепенно-развивающейся энергіи разъ-начатой жизни, о силѣ природы, врожденной организму и поддерживающей его внутреннее основаніе. Въ сочиненіяхъ его виднѣтъ умъ острый, глубокой, исполненный радкими знаніями, посредствомъ которыхъ съ одной точки, имъ усвоенной, онъ мечтаетъ завоевать цѣлый міръ; проникнутый самонадѣянностью, увѣренностью въ самомъ-себѣ, безграничною преданностью своимъ фантазіямъ, онъ слишкомъ-далеко простираетъ свои гипотезы: много подобныхъ ему въ этомъ отношеніи являлось изъ среды германскаго народа. Тогда въ общемъ движеніи духа господствовало стремленіе сбросить иго воспитанія, правила древняго церковнаго и государственнаго порядка. Мюнцеровы вдохновенія, социальныя попытки искрежденцовъ и эти парацельзовы теоріи совершенно соответствуютъ другъ другу; соединившись, они образовали свой особенный міръ, но достигнуть господства не могли никогда; для этого они были слишкомъ-запутаны и затемнены посторонними вліяніями: они прервали только великое всемірно-историческое стремленіе къ образованности.

Въ медицинѣ, какъ и въ прочихъ наукахъ, прежде всего выказалась потребность обратиться къ изученію источниковъ. Путь къ этому прежде

всѣхъ указавъ былъ соотечественникомъ Галандера, Иоганномъ Корнарусомъ. Сдѣлавшись известнымъ въ Виттенбергѣ стараніями своими доказать необходимость изученія Иппократа, предпринялъ онъ путешествіе въ Италію, и уже въ Базель, авторъ его вышелъ такъ-сказать, къ нему на встрѣчу: въ 1526 году, былъ напечатанъ, хотя весьма-неправильно, греческій текстъ Альда. При первомъ изученіи его, Корнарусъ еще болѣе убѣдился, что Греки были единственными знатоками врачебнаго искусства, и что ихъ должно изучать прежде всего. Съ помощію некоторыхъ рукописей, отысканныхъ Фробеномъ, онъ исправилъ текстъ и могъ тогда же приняться за переводъ — твореніе, которое восхваляетъ его жизнеописатель, говоря, что цѣлыя два тысячелѣтія его не доставало на латинскомъ языкѣ: такъ сильно еще чувствовали себя ученые принадлежащими къ древней латинской образованности.

Тогда появились въ университетахъ лекціи о Иппократѣ и Галенѣ, котораго въ настоящемъ видѣ съ такимъ же тщаніемъ изучалъ Корнарусъ; при экзаменѣ для полученія степени доктора предлагали всегда объяснять какое-нибудь мѣсто изъ афоризмовъ или какое-нибудь опредѣленіе Галена. Началась совершенная реакція противъ Арабовъ. Деонардъ Фуксъ, счастливый соперникъ Корнаруса, смотрѣлъ на ихъ науки съ какою-то національною враждою: онъ видалъ въ нихъ такой началъ, который, при дальнѣйшемъ развитіи, могутъ причинить вредъ христіанству. Никогда Греки не были поняты ими настоящимъ образомъ; ихъ теоріи и самыя врачебныя средства равно ошибочны; онъ съ своей стороны никогда не перестанетъ воевать противъ Сараценовъ.

Но въ медицину нельзя было держаться возстановленнаго текста, какъ держались его въ юриспруденціи: отъ изученія древнихъ перешли собственно къ наблюденію природы, только совершенно-нымъ образомъ, чѣмъ предположилъ Парацельсъ.

Прежде всего, важныхъ результатовъ достигли въ анатоміи, когда рушилась преграда судебныхъ приговоровъ, которые до того времени препятствовали удовлетворительному изслѣдованію человеческого тѣла. Изумительнымъ нововведеніемъ показалось предпріятіе виттенбергскаго доктора Шурфа, вздумавшаго, въ іюль 1526 г., анатомировать голову. Сходные съ этимъ опыты предпринялъ въ Парижѣ другой Германецъ, Иоганнъ Гюнтеръ изъ Андернаха, но не хотѣлъ оставить совершенно ни Арабовъ, ни Галена. Одинъ изъ учениковъ его, Андрей Везаліи, уроженецъ брюссельскій, приступилъ наконецъ къ рѣшительному шагу. По-видимому, сама природа назначала Везаліа къ анатоміи; еще въ ребячествѣ, во время игръ своихъ, онъ дѣлалъ опыты надъ животными; въ Парижѣ съ опасностію жизни бродилъ онъ ночью по кладбищу des Innocentis, или по вершинамъ Монфокона, чтобъ изъ найденныхъ тамъ костей составить скелетъ по-возможности-полный. Въ то же время онъ изучалъ Галена, и скоро мужественный юноша увидалъ ошибки древняго учителя. Ему было двадцать-девять лѣтъ отъ роду, когда онъ, въ 1543 году, показалъ въ Базель сочиненіе свое о строеніи тѣла человеческого, и сочиненіе это сдѣлалось основаніемъ познѣйшей анатоміи. Большому распространенію его сочиненія содѣйствовала ученіи Глилана.

Іоганнъ Калькаръ, объяснившій текстъ превосходными рисунками. Еслибъ Везалій не былъ скованъ обязанностями своими, какъ придворный врачъ Карла V, то вѣроятно довершилъ бы открытія, имъ начатыя, или по-крайней-мѣрѣ не нападалъ бы на учениковъ своихъ, которые оставили его далеко за собою. Даже при дворѣ онъ терпѣлъ много неприятностей отъ послѣдователей Галена.

Во всякомъ случаѣ, совершенъ былъ великій шагъ, отъ котораго зависѣла будущность медицины: внутренняя сила духа, пробужденнаго древними, разорвала границы науки, ими завѣщанной. Во всѣхъ различныхъ отрасляхъ естествознанія, начали собирать и объяснять свѣдѣнія древнихъ.

Отличительныя свойства этого стремленія яснѣе всего высказываются въ зоологическихъ трудахъ Конрада Геснера. Геснеръ много трудился для удовлетворенія потребностей литературной публики, переводилъ и издавалъ словари. Онъ былъ счастливъ, если ему удавалось утвердить предметы своихъ изслѣдованій; такова, напримѣръ номенклатура извѣстныхъ древнимъ растений, которыми онъ не безъ большаго труда придалъ новыя названія. Наконецъ, онъ усвоилъ себѣ цѣль болѣе-высокую: вознамѣрился къ именамъ присоединить описанія и представить въ обширномъ видѣ все, что извѣстно было о царствѣ животныхъ. Извѣстія древнихъ писателей, духовныхъ и свѣтскихъ, составляютъ основаніе этого труда; къ нимъ присоединены факты, открытые позднѣйшими учеными, въ числѣ ихъ арабскими, и всѣ распределены по различнымъ рубрикамъ; тамъ же находятся изреченія, взятые изъ различныхъ языковъ и относящіяся къ міру животныхъ. Авторъ принялъ за правило ничего не повторять, ничего не выпускать изъ вида (*). Но часто встрѣчается такое умѣнье компилировать; если компиляція можетъ когда-нибудь принести пользу наукъ, то она должна происходить не отъ одного многосторонняго чтенія, но основаніемъ своимъ принять настоящіе интересы и собственное искусство и подчиниться прочному образу воззрѣнія. Рѣшительнымъ талантомъ такого рода обладалъ Конрадъ Геснеръ. По собраніи всего, обнаружилась недостатки. Геснеръ собудилъ литературныхъ друзей своихъ — Итальянцевъ, Французовъ, Англичавъ, Поляковъ и преимущественно Германцевъ, помогать ему описаніями предметовъ еще неизвѣстныхъ и рисунками ихъ. Такимъ образомъ, составилъ онъ сокровищницу зоологическихъ свѣдѣній, въ которыхъ ученость соединена съ общепользовными цѣлями, которая положила прочное основаніе наукъ и до нашего времени необходима для ученыхъ.

То же самое намѣревался совершить Геснеръ и для царства растений; но ему не удалось окончить трудъ свой. Къ этой отрасли естествознанія подалъ общія надежды Валерій Кордъ, который, будучи еще ученикомъ и потомъ преподавателемъ въ Виттенбергѣ, углубился въ описанія расте-

(*) Conradi Gesneri historiae animalium libri: opus philosophis, medicis, grammaticis, philologis et poetis et omnibus rerum linguarumque studiosis simul jucundissimum mandis satiarum. Tiguri 1551.

ній, сохранившіеся у древнихъ, и присоединилъ къ тому неутомимую ревность въ собственныхъ наблюденіяхъ: онъ цѣлый день пробѣгалъ иейссенскую возвышенность, чтобъ найти какое-нибудь полезное растеніе; но самая эта страсть къ ученію увлекла его въ Италію, гдѣ онъ палъ жертвою климата (*).

Теперь можно было идти далѣе. Ученые того времени имѣли естественное преимущество передъ древними, потому-что у нихъ были для изслѣдованія зѣмли, прежде неизвѣстныя. Въ гербаріяхъ Грунфельса и Фукса туземныя растенія приведены въ общую извѣстность преимущественно передъ прочими. Въ то же время наука, возникшая изъ древности посредствомъ соприкосновенія съ почвою Германіи, приобрѣла новую область вѣдѣнія, еще несовершенно утвердившуюся — царство минераловъ.

Возобновленіе извѣстій о врачебныхъ пособіяхъ, которыми древніе лечили наружныя болѣзни, и къ которымъ возвращались опять, побудило молодого, проникнутаго классическими направленіями врача Георга Агриколу основать жилище свое между горцами въ Іоахимсталъ (**). Собирая всѣ свѣдѣнія древнихъ о минералахъ и сравнивая ихъ съ находившимися у нихъ передъ глазами, онъ угадалъ, что его окружаетъ мѣръ, о которомъ и понятія не имѣли классическіе писатели, по-крайней-мѣръ тѣ, которые дошли до него. Онъ началъ также возстановленіемъ древней науки, но скоро отложился отъ нея и даже принялъ намѣсткія названія въ ученый языкъ. Первобытное производство германскаго горнаго дѣла открыло обширныя свѣдѣнія о желѣзѣ и камняхъ; о многообразныхъ металлическихъ операціяхъ, издавна предпринимаемыхъ, сохранились въ хижинахъ рукокопѣвъ любопытные факты, которые нужно было только собрать и принять въ ученый языкъ, чтобъ доставить имъ, въ ряду наукъ, достойное ихъ бластательное мѣсто. Совершеніе этого по собственному побужденію съ необыкновенною ревностью, которая одна можетъ упрочить успѣхъ ученыхъ опытамъ — принадлежатъ Георгу Агриколѣ. Ему удалось представить не одни только начала и сомнительные опыты, но твердыя и положительныя знанія, близко подходящія къ стройной системѣ минералогіи и металлургіи.

Участіе, которое принимали Германцы въ образованіи наукъ и въ развитіи ученаго саропейскаго міра, могло бы служить превосходнымъ предметомъ обширному сочиненію, и сочиненіе это составило бы существенную часть исторіи народа: не только въ образованіи государства и церкви, — въ поэзіи и искусствѣ проявляется духъ великой націи; нерадко лучшія силы ея сосредоточиваются въ ученой сферѣ; необходимо

(*) *Per mare sic rutilarpius latura cohortes*

Ante diem rapido fulmine mota cadit;

говорить о немъ Круцигеръ, потому-что смерть его оплакивали, какъ общую потерю.

(**) *Georgii Agricolae Bergmannus: Quid mirum, si ulcera quaedam non sanamus, cum pauca admodum emplastra, praesertim ex metallicis composita, quibus veteres... uti sunt... conficere possimus. Quae sane praecipua fuit causa, quam ob rem me ad loca quae metallis abundaret contulerim.*

знать, что они создали и совершали, чтобы понять общія стремленія какой-нибудь эпохи. Время, которое мы разсмотримъ, было одно изъ самыхъ богатыхъ въ этомъ отношеніи. На-примѣръ, у Парацельза являются уже начала химіи, возникаютъ дѣльныя и разительныя физическія наблюденія. Георгъ Гартманъ изъ Нюрнберга, занимавшійся изготвленіемъ компасовъ, открылъ склоненіе магнитной стрѣлки; онъ замѣтилъ, что магнитная сила сѣвернаго полюса отъ тренія производитъ южную полярность; кажется, онъ зналъ еще болѣе того, что определенно могъ высказать. Охотно бесѣдовалъ онъ съ государями, принимавшими участіе въ наукахъ, съ королемъ Фердинандомъ во время сейма, или письменно съ герцогомъ Альбрехтомъ-Прусскимъ, о таинственной силѣ и достоинствахъ магнита. Любознательность Карла-Пятаго, побуждаемая положеніемъ его въ обоихъ полушаріяхъ, повела математическую географію къ открытіямъ, которыя принесли пользу всемъ націямъ. Со времени Меркатора начинаются первыя правильныя карты суши и моря. Невозможно исчислить всѣхъ отдѣльныхъ направленій; мы ограничимся здѣсь только нѣкоторыми явленіями, имѣвшими всеобщее значеніе.

На восточныхъ границахъ, гдѣ германскіе элементы соприкасались съ польскими, изъ того же тщательнаго изученія древности, подъ вліяніемъ тайной духовной атмосферы, произошло одно изъ величайшихъ открытій, обезсмертившее этотъ вѣкъ, — открытіе истинной солнечной системы.

Птоломей исключительно господствовалъ какъ въ географіи, такъ и въ астрономіи: въ-продолженіи нѣсколькихъ столѣтій онъ былъ оракуломъ востока и запада. Только въ то время, когда начали лучше по-нимать его, дѣлать снова собственныя наблюденія, возникло сомнѣніе на-счетъ его непогрѣшительности. На-примѣръ, новыя вычисленія полярной высоты нѣкоторыхъ городовъ несогласны были съ его данными; но таково было почтеніе къ нему и къ древнимъ вообще, что скорее вѣрили измѣненію въ систему міра, чѣмъ въ ошибочности прежнихъ наблюденій.

Николай Коперникъ, изъ Торна, каноникъ фрауенбургскій, человекъ, много занимавшійся государственными дѣлами въ прусской области, отторгнутой отъ тевтонскаго ордена, — нашелъ, что не только эти наблюденія недостаточны, но что даже вся система непонятна и не объясняетъ многихъ явленій. Онъ справедливо предполагалъ, что лучшія наблюденія могли исчезнуть, что гипотезы перемѣнились по произволу; углубляясь въ созданія древнихъ, онъ приобрѣлъ понятіе о системѣ, совершенно-отличной отъ системы птоломеевой (*). Въ древности говорили уже, что земля движется, что она имѣетъ не одно только вращательное движеніе около своей оси, но и поступательное; сму естественно пред-

---

(*) *Incertitudinem mathematicarum traditionum cum diu mecum revolverem... hanc mihi operam sumpsi ut omnium philosophorum quas habere possem, libros relegerem... ac reperi quidem apud Ciceronem primum Nicetam dixisse terram moveri. (Copernicus de revolutt. orbb. coelestium. Praefatio.)*

ставился вопрос: что если въ этомъ-то и заключалась невѣдомая истина? Коперникъ схватился за эту идею со всюю силою гевія, предчувствующаго истину. Въ жилищѣ своемъ при соборѣ Фрауенбургскомъ, изъ котораго открывался предъ нимъ обширный горизонтъ, онъ наблюдалъ высоту планетъ, луны, солнца и неподвижныхъ звѣздъ, съ помощію инструментовъ, часто недостаточныхъ, перѣдко-затрудняемыхъ туманами, которые, поднимаясь съ Фриш-Гафа, закрывали передъ глазами его небо; онъ убѣдился, что явленія, казавшіяся всегда непонятными, можно было объяснить однимъ принятіемъ отвергнутой гипотезы движенія земли и соединеніемъ ея съ движеніями другихъ планетъ и луны. Такимъ образомъ, понятны стали ежедневное обращеніе небесной сферы, годовое движеніе солнца по эклиптикѣ, перемена годовыхъ временъ и разность въ долготѣ дней, прямое и возвратное теченіе планетъ. Объясненіе всѣхъ этихъ явленій послужило ему отвѣтомъ на предложенный имъ вопросъ. Правда, объясненіе его было еще несовершеннымъ; не отъ всѣхъ заблужденій освободился Коперникъ, но онъ возымѣлъ идею такой несомнѣнной истины, что недостатки въ некоторыхъ понятіяхъ не помѣшали ей мало-по-малу вступить въ свои права. Что говорили некогда объ Аристотель-Самосскомъ, то действительно совершилъ Коперникъ: онъ привелъ въ движеніе рычагъ міра. Земля явилась ему тѣмъ, чѣмъ она была действительно, въ отношеніи ея къ цѣлому; мощно перешагнувъ онъ за предѣлы міра видаемаго. Но въ этой идеѣ, противорѣчившей всему, во что вѣрили люди, было что-то такое, что воспрепятствовало самому изобрѣтателю обнародовать ее. Подобно Пифагору, Коперникъ считалъ за лучшее преподавать ученія свое изустно.

Виттенбергскому-Университету принадлежитъ честь, что одинъ изъ молодыхъ профессоровъ его, Ретикъ, услышавъ объ открытіи Коперника, отправился къ нему, раздѣлялъ съ нимъ первое вѣрное свидѣніе объ открытіи истинной системы міра, и представилъ свѣту дивное созданіе, почти-отглощенное къ сторонѣ самимъ творцомъ его.

Вообще, Виттенбергскому-Университету теологія не препятствовала заниматься другими науками. Мы видимъ ревностѣйшихъ теологовъ (каковъ на-примѣръ Вигандъ изъ Эйслебена), которые пробѣгаютъ соседнія горы для разсмотрѣнія чудесъ Вожіихъ, разлитыхъ по царству растений; Михайль Неандеръ, изъ Ильфельда, съ ботаникою соединялъ врачебныя изслѣдованія. Иоганнъ Матезіусъ обладалъ отличными свидѣніями о металлахъ и пропзрастеніяхъ. Большое уваженіе при жизни и невозмущаемую память по смерти заслужилъ Каспаръ Круцигеръ, профессоръ богословія, извѣстный физическими и математико-астрономическими изслѣдованіями (*).

Меланхтонъ принималъ живое участіе во всѣхъ успѣхахъ образованности, и въ лекціяхъ его, между прочимъ, Валерій Кордъ приобрѣлъ охоту къ ботаническимъ изысканіямъ, посвятилъ самыя ревностныя труды свои изученію философіи.

(*) Landes Cruicigeri Corp. Prefer. 171, 228.

Еще въ Тюбингенѣ, въ юности своей, задумалъ онъ очистить творенія Аристотеля отъ прибавленій, которыми обезобразили ихъ въ средніе вѣка, и изслѣдовать истинныя идеи этого философа. Какъ ни отличію было призваніе, которое назначено ему было въ жизни и исторіи, онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ занятій. Въ твореніяхъ его находятъ полемическія возраженія противъ арабскаго пониманія аристотелевыхъ идей и новыя попытки объяснить истинный смыслъ ихъ, которому нередко противорѣчили греческіе толкователи. Здѣсь дѣлю его было не одно возстановленіе писателя, но воспроизведеніе прочной науки. Во многихъ изданныхъ имъ учебникахъ—діалектики, психологіи, даже физики, онъ всегда сравниваетъ прочихъ философовъ съ Аристотелемъ. Не смотря на превосходство Аристотеля, въ которомъ онъ былъ убежденъ, онъ принимаетъ все, что находитъ хорошаго и у другихъ философовъ; въ Аристотеля же рѣшительно отвергаетъ все, что противорѣчитъ началамъ Откровенія (*). По общему духу вѣка, невозможно было ожидать и у него безусловной самостоятельности мысли, стремящейся къ высочайшимъ проблемамъ. Задача міра была уже разрѣшена, предметъ философіи уже извѣстенъ; общее положеніе ея состояло въ томъ, что «всемогущую силу божественнаго величія невозможно изслѣдовать». Глубокая мысль выражена въ словахъ Елизаветы, герцогини брауншвейгской: «если бъ мы могли изслѣдовать Бога по нашему разуму, тогда настала бы конецъ божеству». Стремленіе Меланхтона заключалось въ приведеніи результатовъ философскаго мышленія къ гармонію съ св. писаніемъ. Впрочемъ, некоторыя представленія преимущественно о существѣ духа, въ философскихъ сочиненіяхъ Меланхтона, облекаются необыкновенною силою. Онъ съ твердостью отвергаетъ мнѣніе, что душа принимаетъ понятіе только посредствомъ слуха; онъ указываетъ два рода врожденныхъ понятій: спекулятивный — чистаго мышленія и практической нравственности; цѣлый рядъ положеній того и другаго рода выводитъ онъ на святы; о богоподобномъ существѣ духа говоритъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ. Въ взглядѣ этого, не касаясь другихъ доказательствъ о существованіи Бога, онъ занимается одними нравственными. Естественное различіе между добромъ и зломъ, врожденное человеку, тягостное состояніе души, слѣдующее за преступленіемъ, довольство, наполняющее ее послѣ добраго дѣла, наконецъ, героическое стремленіе къ дѣятельности государственной или ученой, считаетъ онъ доказательствами божественнаго происхожденія и слѣдами высочайшаго духа, къ которому соприкасается духъ человѣческій. Почти два столѣтія идеи эти и основанная на нихъ простая, скромная система, господствовали во всѣхъ протестантскихъ училищахъ, тогда—какъ въ католическихъ побѣдоносные монашескіе орденъ умѣли удержать нестройное зданіе прежнихъ столѣтій вмѣстѣ съ Аристотелемъ, уже объясненнымъ. Въ—послѣдствіи, на рубежѣ обихъ

(*) Quodlibet est aut non est; omnia que oriuntur, ab aliqua causa oriuntur; effectus non est praestantior causa; veritas amanda est; pacta sunt servanda. De Anima, стр. 265.

мировъ, развились другія направленія всеобщаго духа. Во всякомъ случаѣ, протестантскіе ученые преимущественно дѣйствовали на характеръ пробудившагося движенія.

Каково бы ни было отношеніе, въ которомъ теологія находилась къ другимъ наукамъ,—одна изъ нихъ чрезъ ея посредство приобрѣла новое обширное поприще дѣятельности, наука исторіи.

Чтобъ однимъ взглядомъ окинуть успѣхъ энциклопедическаго преподаванія исторіи, стѣишь только сравнить общеупотребительный въ началѣ столѣтія учебникъ «Fasciculus temporum», Ролевинка, съ книгою Слейдана «О четырехъ монархіяхъ», появившеюся въ половинѣ того же вѣка. Въ первомъ рѣчь идетъ преимущественно о папахъ, мученикахъ и святыхъ; во второмъ все основано на изученіи писателей, которыми занимались въ то время. Слейданъ хорошо знакомъ съ древними и приводитъ изъ нихъ цитаты, по которымъ можно составить себѣ понятіе о сообщаемыхъ ими извѣстіяхъ; такъ-какъ онъ изучалъ вѣсть и большую часть средневѣковыхъ хроникъ, то и могъ распространить кругъ возрѣнія во все стороны; немного найдется сборниковъ, которые при такомъ маломъ объемѣ представляли бы такую основательную разработку матеріаловъ.

Изученіе древнихъ историковъ важно было въ другихъ отношеніяхъ. По-арайней-мѣрѣ, при изложеніи современной науки, приняли ихъ за образцы; между прочими, замѣчательнъ Урсинъ Веліусъ; огромное вліяніе на языкъ того времени имѣлъ Слейданъ, который такъ-далеко распространялъ результаты своихъ изысканій.

Со всѣмъ тѣмъ, не открытъ еще былъ путь къ истинной исторіи, особенно исторіи средняхъ-вѣковъ. Весь объемъ ея затемненъ былъ или пристрастіемъ партій, или поэтическими образами. Тогда-какъ въ другихъ отрасляхъ вѣдѣній, критика возвысилась до распознаванія истины въ исторіи со времени появленія ложнаго Бероза, ложныя идеи не переставали распространяться. Напрасно возражали нѣкоторые голоса,—обманъ былъ такъ ловокъ, что сбивалъ съ толку всю ученость того времени: разъ вступивъ на ложный путь, ученые не могли оставить его; провинціальныя хронисты, между которыми не было недостатка въ настоящихъ талантахъ, которые въ разсказахъ своихъ достигали иногда геродотовой дикой поэзіи, считали почти своею обязанностью распространять басни гдѣ только могли. При такихъ обстоятельствахъ, требовалась строгая критика; направленіе протестантизма обратило ее преимущественно къ религиознымъ цѣлямъ.

Флацій и друзья его Вигандъ, Юдексъ, Базиль Фаберъ, соединились между собою для составленія полной церковной исторіи. Преимущественно занимались они собираніемъ достовѣрныхъ матеріаловъ о ходѣ христіанскаго ученія, объ обрядахъ, объ управленіи церковью въ различныя времена, и уже такое расширеніе историческаго взгляда можно назвать великою заслугою. Конечно, ихъ воспламеняли полемическая вражда къ папству; но разсѣвая туманъ, которымъ іерархическая власть запада облекала свое происхожденіе, они въ то же время оказали великую услугу всеобщей исторіи. Безъ ихъ опытовъ невозможно было бы

достигнуть правильнаго пониманія исторической истины: они, по-крайней-мѣрѣ, въ одномъ пунктѣ пробили ей свободный путь. Къ прилежному собиранію матеріаловъ присоединилась строгая критика, а это соединеніе составляетъ основу всякой исторіи. Ничто не могло быть сильнѣе побѣдоносной битвы противъ заблужденій и ложныхъ выводовъ. Распознавіе истины въ одной точкѣ сдѣлало ее необходимою во всѣхъ и вызвало соревнованіе. Все болѣе и болѣе духъ критицизма обнаруживался въ каждой отрасли наукъ.

Мы указали трудъ, къ которому устремился духъ германскаго народа. Во всѣхъ областяхъ своего дѣйствованія онъ оторвался отъ преданій, въ высшей степени искаженныхъ и наполненныхъ суевѣріемъ. Не достигая настоящихъ источниковъ знанія, онъ вслѣдовалъ, чего не достасть имъ; онъ повсюду стремился распространять знанія древнихъ; системъ, ими созданной, онъ противопоставилъ ихъ же отдѣльные факты и приспособилъ ихъ къ своему собственному опыту. Приобретеніе религіознаго убѣжденія внушало ему довѣренность къ дальнѣйшему дѣйствованію: вслѣдованіе и критика сдѣлались его отличительными свойствами. Изъ этого не должно заключать, однако, что стремленіе его возникло изъ одной только народности, безъ вліянія чуждыхъ элементовъ: германскій духъ преимущественно ищетъ для науки почвы, основанной на опытѣ столѣтій, и старается усвоить себя и принять дѣятельное участіе въ трудахъ своего вѣка.

Латинскій языкъ оставался исключительнымъ языкомъ для науки; но и народъ, знавшій только отечественный языкъ, не исключенъ былъ изъ общаго движенія. Уже теологическія брошюры, проповѣди, поднимавшія всегда тяжкіе вопросы, привлекали вниманіе неученыхъ. Большая часть произведеній древней литературы была передана имъ въ переводахъ. Замѣчательно также и то, что избирали для переводовъ, что опускали. Брала, на-примѣръ, «Энеиду», «Метаморфозы», но не касались ни Горация, ни Катулла. Много занимались Теренціемъ, по причинѣ его поучительнаго содержанія, гораздо-менѣе Плавтомъ; не переводили рѣчей Цицерона, а передавала только его философическія сочиненія. Тщательнѣе всего, можетъ-быть, разрабатывались тѣ произведенія, которыя назначены были для непосредственнаго употребленія.

Если не было недостатка въ оригинальныхъ произведеніяхъ, то еще болѣе видно усвоеніе чуждыхъ твореній, и это составляетъ характеръ германской литературы того времени. Тотъ же самый элементъ составляетъ существенную часть богатыхъ содержаніемъ сочиненій «суммаго, искуснаго и опытнаго учителя» Ганса Сакса.

Большую часть священныхъ книгъ ветхаго и новаго завета переложили онъ въ рифмы; къ нимъ присоединилъ онъ исторію мучениковъ; потомъ сочиненія свѣтскихъ историковъ, въ числѣ которыхъ въ древнемъ мірѣ «греческій мудрецъ Геродотъ» или Юстинъ, упоминаются какъ люди, заслуживающіе вѣроятія; изъ новыхъ временъ представлены хроники французская и верхне-бургундская; далѣе находимъ рассказы о народныхъ легендахъ, на-примѣръ, о Зигфридѣ-Рогатомъ, или о прекрасной Магелонъ; нѣтъ также недостатка и въ изреченіяхъ древнихъ

философовъ и въ басняхъ; иногда предлагаются теологическіе вопросы, и на каждую часть ихъ есть особенныя доказательства.

Примыкал почти-вездѣ къ предшествовавшимъ ему писателямъ, Гансъ Саксъ умѣетъ всегда избѣгнуть ихъ формы. Собственные опыты его совершенно противоположны поэтическимъ созданіямъ другихъ. Иногда онъ беретъ древнія комедіи, но также вкратцѣ; участіе его привлекаютъ преимущественно одніе ситуаціи, ихъ послѣдовательность и выводы, изъ нихъ протекающіе. Драматическія произведенія его странны въ высшей степени: почти можно сказать, что имъ не достаетъ діалога; по-крайней-мѣрѣ, діалогъ исчезаетъ въ разсказъ. То же самое видно и въ его повѣствованіяхъ, въ которыхъ онъ сокращаетъ только народныя книги. Тамъ только развиваются поэтическія дарованія его, гдѣ онъ дѣйствуетъ въ области ему свойственной: густоту зеленыхъ лѣсовъ, весеннюю прелесть луговъ, красоту дѣвницъ умѣетъ онъ представить съ необыкновенною важностью и пріятностью. Вообще, при чтеніи его надо вооружиться терпѣніемъ: начало у него всегда прозаическое, неровное; но чѣмъ далѣе, тѣмъ плавнѣе становится дикція, тѣмъ яснѣе возникаютъ мысли. Съ чистосердечнымъ одушевленіемъ говоритъ онъ о наукѣ. Ему кажется недостаточнымъ, что онъ насадилъ въ саду своемъ рѣдкіе и привлекательныя цвѣты: онъ хочетъ извлечь изъ нихъ цѣлительныя соки, для укрѣпленія слабыхъ духомъ. Религіозное убѣжденіе и нравственная цѣль для него составляютъ одно и то же. Теологи могли спорить объ отдѣльныхъ пунктахъ — его не касались эти распри: онъ приобрѣлъ прочный взглядъ на міръ, взглядъ, который обнимаетъ все, подчиняетъ все, что приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Онъ любитъ прелесть земныхъ благъ и съ тѣмъ вмѣстѣ его часто занимала ненадежность ихъ; вездѣ видно, что эта противоположность производитъ на него сильное впечатлѣніе; но изъ размышленій его истекаетъ упованіе вѣчное и несомнѣнное.

Понятія и чувства, выраженныя Саксомъ, внушаютъ уваженіе къ тогдашнему состоянію германскихъ ремесленниковъ, изъ среды котораго они возникли. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ процвѣтала некогда поэзія, существовали еще мастерсенгеры. Разсказываютъ, что около Ганса Сакса ихъ собралось, въ Нюрнбергѣ, до 200. Охотно повторяли они сказаніе своихъ предшественниковъ, что общество ихъ при самомъ основаніи избавлено было отъ всякихъ подозрѣній въ ереси и утверждено императоромъ и папою; но въ духовныхъ пѣсняхъ соображались всегдѣ съ текстомъ библіи, переведенной Лютеромъ.

Изъ поэтическихъ и художественныхъ памятниковъ этого времени, большее достоинство имѣютъ тѣ, въ которыхъ выражается религіозное чувство. Церковная пѣснь развивалась съ каждымъ годомъ: она соединяла въ себѣ простоту истины съ стремленіемъ и глубиною восторженнаго духа; она привикнута тѣмъ чувствомъ борьбы, которая напечатлала въ ней различныя эпохи своей жизни и одушевила ее увѣренностью въ побѣду; нерѣдко звучитъ она подобно воинственному клику противъ врага, все-еще грознаго; вмѣстѣ съ пѣснями составились къ нимъ мелодіи, и неизвѣстно откуда получали онѣ свое начало. Только

слабыя начинанія ихъ содержатся въ первыхъ сборникахъ пѣсень 1524 года; въ 1545 году, явились уже 98 мелодій; въ 1573 число ихъ возрасло до 165. Сюда же относится художническое образованіе церковныхъ хоровъ: исчезло все лишнее, чѣмъ наполнена была прежняя музыка; старались воспроизвести основные тоны въ ихъ строгой гармонической простотѣ: такимъ образомъ гармоническія идеи выразились въ царствѣ звуковъ.

И въ этомъ случаѣ все основано было на прошедшемъ; новая музыка получила свое начало отъ древнихъ пѣсней латинской церкви, и, не смотря на то, въ ней въяло дыханіе новой силы.

Вотъ что составляетъ характеристику реформаціоннаго движенія: оно не отталкивало прошедшаго, но оживляло новою жизнію все, что могло еще спасти и сохранить для дальнѣйшаго развитія.

Въ-слѣдствіе этого, оно и сдѣлалось существенною частію всемірно-историческаго прогресса, связывающаго вѣка и народы.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья вторая.

Маренго: Бѣдствія гарнизона въ Генуѣ. Переходъ чрезъ Альпм. Охолодъ крѣпости Баръ. Меласъ. Сдача Генуи. Сраженіе при Маренго. Дѣя Александрійская конвенція. Первый консулъ въ Миланѣ. Наполеонъ VII. Возвращеніе перваго консула въ Парижъ. Поездка при Гогштедтѣ. Имперіе въ Германіи и въ Италіи. Переговоры о мирѣ. Праздникъ 14 іюля. — **Геліополь:** Состояніе Египта послѣ отечія генерала Бонапартя. Тоска по родицѣ. Денежны Клевера. Истинное состояніе Египца. Сэръ Сидней Смитъ. Кровопротіе въ форте Эль-Арншъ. Эль-Арншская конвенція. Эфектъ, произведенный въ Европѣ дѣйствіемъ Клевера. Рѣшеніе англійскаго министерства. Прокламація Клевера. Сраженіе при Геліополѣ. Восстаніе Каира и усмиреніе его. Покореніе Египта. Фанатикъ Сулейманъ. Смерть Клевера. Характеръ Клевера и Десса.

Первый консулъ ждалъ съ нетерпѣніемъ успаховъ рейнской арміи, чтобъ сойти на равнины Италіи, потому-что до-тѣхъ-поръ онъ не могъ требовать отъ Морô отряда его войскъ, да и Край не былъ еще вполне отдѣленъ отъ Меласа, чтобъ можно было отважиться на все въ тылу его арміи. И такъ, ожидая, первый консулъ рѣшился оставить Парижъ и принять начальство надъ резервною арміею, лишь-только получитъ вѣрныя совершенно-утѣшительныя вѣсти о дѣйствіяхъ Морô. И действительно, кромѣ не терпѣло отлагательства, потому-что Массена былъ доведенъ въ Генуѣ до самой ужасной крайности. Мы оставили его выдерживающаго борьбу противъ всахъ силъ Австрійцевъ, съ войскомъ, изнуреннымъ трудами, и, несмотря на свою невѣроятно-мѣншую численность, наносившимъ непріятелю ежедневно значительные уроны. 10 мая, генераль Оттъ позволилъ себѣ неприличную выходку, объявивъ Массенѣ, что стрѣлеть изъ пушекъ въ честь победы, одержанной надъ генераломъ Сюшэ, что было, впрочемъ, ложною вѣстью. Знаменитый защитникъ Генуи приготовилъ на эту выходку славный отвѣтъ: онъ вышелъ въ

Генуи двумя колоннами, храбро напавшими на Австрійцевъ, которые были опрокинуты въ овраги и потеряли эту важную позицію съ 1500 человекъ плавными. Вечеромъ, Массена съ торжествомъ вошелъ въ Геную, и, на слѣдующій день утромъ, написалъ генералу Отту, что онъ страдалъ изъ пушекъ за вчерашнюю победу: отищеніе героическое, и достойное этого великаго сердца!

Но это было предѣломъ его успѣховъ, потому-что истощенные солдаты его едва могли выносить тяжесть своего оружія. Попытка овладѣть важною позиціею Австрійцевъ при Монте-Крето, чтобъ отбросить ихъ далеко отъ Генуи, попытка, на которую онъ рѣшился протѣять своего обыкновенія, почти противъ воли, склонясь на убѣжденія своихъ генераловъ, была безуспѣшна. Ужасная буря, продолжавшаяся нѣсколько часовъ, сломила силы Французовъ, умиравшихъ отъ голода и усталости. Генераль Сультъ, считая дѣломъ чести устроить такъ, чтобъ экспедиція, которую онъ присовѣтовалъ самъ, имѣла успѣшный исходъ, собралъ вокругъ себя третью полу-бригаду, храбро двинулъ ее на непріятеля, и можетъ-быть успѣлъ бы, еслибъ ядро не раздробило ему ноги. Онъ остался на полѣ сраженія. Солдаты хотѣли унести его, но не успѣли, и этотъ генераль, такъ много споспѣшествовавшій Массенѣ во все время осады, остался въ рукахъ непріятеля.

Армія уныло возвратилась въ Геную, но при всемъ томъ, она привела съ собою плавныхъ. Между-тѣмъ, какъ она сражалась, внутри гѣрода взбунтовались женщины: онѣ бѣгали по улицамъ, требуя хлѣба. Эти несчастныя были разсыяны, и французскому генералу осталось съ-тѣхъ-поръ заботиться единственно о томъ, какъ бы прокормить населеніе Генуи, которое впрочемъ показывало къ нему самую благородную приверженность. Блокада началась съ 5 апрѣля и продолжалась уже болѣе мѣсяца. Видя, какъ средства продовольствія уменьшаются, Массена уменьшилъ порціи, ежедневно раздаваемыя народу и войску. Ихъ пополняли похлѣбкою, которую дѣлали изъ травы и небольшого количества мяса, еще остававшагося въ гѣродѣ. Богатые жители еще находили средства прокормить себя, покупая на вѣсъ золота скрытые привасы, которыхъ не могли открыть никакіе розыскы полиціи для того, чтобъ пожертвовать ихъ на общее прокормленіе. И потому Массенѣ надо было заботиться только о бѣдныхъ, которые особенно чувствовали голодъ. Въ ихъ пользу онъ наложилъ контрибуцію на богатый классъ, и чрезъ то расположилъ ихъ къ Французамъ. Большинство населенія, пораженное энергіею характера Массены, имѣло къ нему столько же покорности, сколько и удивленія. Массена, для удержанія въ повиновеніи партіи олигарховъ, расположилъ биваками на главныхъ площадяхъ гѣрода часть своихъ батальоновъ, которые шли при орудіяхъ зажженные фитили. Но вскорѣ долженъ былъ уже истощиться хлѣбъ, которымъ еще существовали и который былъ приготовляемъ изъ овса, бобовъ и какихъ-ни-попало зербѣнъ: скоро долженъ былъ истощиться и запасъ мяса. Къ 20 мая не должно было оставаться ничего, кромѣ предметовъ, которые невозможно употребить въ пищу. И потому, необходимо было, чтобъ пришли осво-

бодить Геную отъ блокады до 20 мая, если не хотѣли, чтобъ Массена со всеми своимъ войскомъ сдѣлся въ плѣнь, и чтобъ баронъ Меласъ, который бы могъ тогда располагать лишними тридцатью тысячами человекъ, возвратился въ Пьемонтъ за тѣмъ, чтобъ запереть всѣ альпійскіе выходы.

Адъютантъ Франчески, которому удалось, при помощи ловкости и смѣлости, пройти сквозь Австрійцевъ и Англичанъ, извѣстилъ перваго консула о плачевномъ состояніи Генуи. И первый консулъ старался всеми силами дать возможность резервной арміи перейти Альпы. Для этого-то онъ послалъ въ Германію самого военнаго министра Жербо, съ формальнымъ приказаніемъ консуловъ отправить отрядъ, назначенный перейти черезъ Сен-Готаръ (*). Самъ онъ, работая день и ночь, сносясь съ Бертье, который сформировывалъ пехотныя и кавалерійскія дивизіи, съ Гасенди и Мармономъ, которые устроивали артиллерию, съ Мореско, который производилъ рекогносцировку по всей линіи Альповъ, — торопилъ всѣхъ съ тѣмъ увлекательнымъ жаромъ, который помогъ ему перенести Французовъ съ береговъ По на берега Иордана, съ береговъ Иордана на Дунай и Борисенъ. Онъ долженъ былъ покинуть Парижъ, самъ своею особою, только въ последнюю минуту, не желая оставить политическое управленіе Франціею и дать свободный просторъ интригантамъ и заговорщикамъ. Между-тѣмъ дивизіи, отправившіяся изъ Бандей, Бретани, Парджа, съ береговъ Роны, проходили по обширному пространству территоріи республики, и головы ихъ колоннъ уже показывались въ Швейцаріи. Въ Дижонѣ все по-прежнему старались поддерживать мнѣніе Европы, что дижонская армія была только пустою баснею, выдуманною единственно на страхъ Меласу. До-сихъ-поръ все шло какъ-нельзя-лучше; обманъ Австрійцевъ былъ совершенный. Движенія войскъ къ Швейцаріи мало были замѣтны, корпуса были разсыяны; почитали эти войска подкрѣпленіями, посланными германскою арміею.

Наконецъ, когда все было готово, первый консулъ сдѣлалъ свои послѣдніе распоряженія. Онъ получилъ посланіе отъ Сената, Тривуната и Законодательнаго Сословія, возвыщавшее ему о мольбахъ націи, чтобъ онъ возвратился скоро побѣдителемъ и миротворцемъ. Онъ отвѣчалъ съ разсчитанною торжественностію. Его отвѣтъ долженъ былъ, имѣть съ статьи *Монитёра*, доказывать, что путешествіе его, о которомъ возвыщено съ такою пышностію, было, подобно резервной арміи, не болѣе, какъ обманъ. Онъ поручилъ консулу Камбасересу представлять вмѣсто его въ Государственномъ Совѣтѣ. Консулъ Лабрентъ долженъ былъ имѣть наблюденіе за финансами. Первый консулъ сказалъ каждому изъ нихъ: «Будьте спокойны; если что-нибудь случится, не тревожьтесь. Я возвращусь съ быстротою молніи, и нападу на дерзкихъ, которые осмѣлятся наложить руку на правительство». — Въ особенност

(*). Море отрядилъ наконецъ, но не Декурба съ 25,000 человекъ, а отъ 15 до 16,000, подъ начальствомъ графа генерала Лоржа.

поручилъ онъ своимъ братьямъ, которые были связаны съ нимъ личнымъ интересомъ, уведомлять его обо всемъ, и дать ему знакъ возвратиться, когда его присутствие сдѣлается необходимымъ. Между-тѣмъ, какъ онъ печатно разглашалъ о своемъ отъѣздѣ, консулы и министры должны были, напротивъ, сообщать за тайну разносчикамъ новостей, что первый консулъ оставляетъ Парижъ всего на нѣсколько дней, и единственно за тѣмъ, чтобъ сдѣлать смотръ войскамъ, готовымъ выступить въ походъ.

Въ довершеніе всего, онъ отправлялся полный надежды и душевнаго удовольствія. Его армія заключала въ себя много новобранцевъ, но въ ней были также, и въ гораздо-большомъ числѣ, солдаты, закованные въ бою, привыкшіе побѣждать подъ начальствомъ офицеровъ, образованныхъ въ его школы; кромѣ того, онъ имѣлъ совершенную увѣренность въ глубокой задуманности своего плана. По вновь-полученнымъ извѣстіямъ, Меласъ упорствовалъ углубляться въ Лигурию, половиною своихъ силъ противъ Генуи, половиною противъ Вара. Первый консулъ, не сомнѣваясь болѣе при этихъ извѣстіяхъ въ успѣхъ предпріятія, видѣлъ въ своемъ пламенномъ воображеніи даже пунктъ, гдѣ онъ встрѣтитъ и порази́тъ австрійскую армію. Однажды, передъ отъѣздомъ, лежа на картахъ, разставляя на нихъ разноцвѣтные значки для обозначенія позицій французскихъ и австрійскихъ корпусовъ, онъ говорилъ въ присутствіи своего секретаря, который слушалъ его съ удивленіемъ и любопытствомъ: «Этотъ бѣлизна Меласъ пойдетъ на Туринъ, удалится къ Алессандріи... Я перейду По, настигну его на пѣщанной дорогѣ, на равнинахъ Скривія, и раздѣлю его тутъ, тутъ...» и, сказавъ эти слова, онъ поставилъ одинъ изъ своихъ значковъ на мѣстѣ Сан-Джульяно. Тотчасъ увидимъ, какъ чуденъ былъ въ немъ этотъ даръ предвидѣнія.

Онъ оставилъ Парижъ 6 мая утромъ, до разсвѣта, увезя съ собою своего адъютанта, Дюрока, и секретаря, Буррьева. По прибытіи въ Дижонъ, онъ обозрѣлъ депо, сдѣлалъ смотръ новобранцамъ, которыхъ собралъ туда, но безъ артиллеріи и безъ обоза, необходимыхъ для арміи, готовой идти въ походъ. После этого смотра, который долженъ былъ еще болѣе увѣрить шпіоновъ, что дижонская армія была чистою выдумкою, онъ отправился въ Женеву, а изъ Женевы въ Лозанну, гдѣ все было серьезно, гдѣ все происходившее должно было наконецъ образумить невѣрующіхъ, но образумить ихъ уже поздно въ такомъ случаѣ, еслибъ они вздумали еще подавать въ Вѣнѣ полезныя совѣты.

13 мая, генералъ Бонапарте сдѣлалъ смотръ части своихъ войскъ и вступилъ въ совѣщаніе съ офицерами, которые были имъ призваны, чтобъ дать отчетъ въ томъ, что они сдѣлали, и получить отъ него послѣдніе приказанія. Генерала Мареско, на котораго возложена была раздѣлка Альпъ, онъ ожидалъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Сравнивъ всѣ переходы чрезъ горы, этотъ инженеръ отдавалъ предпочтеніе Сен-Бернару, но считалъ подобную операцію чрезвычайнотрудною. «Трудная? пусть такъ», отвѣчалъ первый консулъ: «но возможна ли она?» — Я думаю, возразилъ генералъ Мареско: — но съ усн-

дѣлами неизвѣрными. — «И такъ, идемъ!» было единственнымъ отвѣтомъ вераго консула.

Теперь время дать уразумѣть причины, заставившія его рѣшиться выдѣлать Сен-Бернаръ. Сен-Готаръ былъ оставленъ для войскъ, шедшихъ въ Германію. Этотъ проходъ лежалъ имъ на пути и могъ прокормить не болѣе 15,000 человекъ, потому-что долины Верхней-Швейцаріи были совершенно разорены пребываніемъ въ нихъ воюющихъ армій. Оставались проходы чрезъ Симплонъ, Большой-Сен-Бернаръ, гору Сені. По нимъ не проходили еще, какъ нынѣче, большія дороги. Должно было у водоема ущелья распрягать повозки, ставить ихъ на полозья, чтобъ перенести на другую сторону горъ. Эти три прохода представляли почти одинаковыя трудности. Однакожь гора Сені, чаще другихъ посѣщавалась, была болѣе другихъ протоптана, и представляла, можетъ-быть, потому менше матеріальныхъ препятствій; но она открывала выходъ на Туринъ, т. е. въ среду Австрійцевъ, слишкомъ-близко къ нимъ, и не довольно согласовалась съ намѣреніемъ окружить ихъ. Симплонъ, напротивъ того, отдаленнѣйшій изъ трехъ, относительно къ пункту отправления, представлялъ противоположныя невыгоды; онъ открывалъ выходъ, правда, въ окрестности Милана, въ прекрасную сторону, довольно-далеко отъ Австрійцевъ, совершенно въ тылъ ихъ; но онъ представлялъ очень-большое затрудненіе, именно относительно разстоянія. Дѣйствительно, чтобъ дойти туда, надо было подыматься съ обозами вломъ всего Валлиса, что потребовало бы такихъ средствъ для перевозки, какихъ Французы не вѣдали въ своемъ распоряженіи. Посреди долинъ безлюдныхъ и покрытыхъ льдами, чрезъ которыя готовились переходить, надо было нести на себя все, и въ такомъ случаѣ что-нибудь да значило сократить путь какими-нибудь двадцатью лѣ. Напротивъ въ случаѣ перехода чрезъ Сен-Бернаръ, надо было пройти путь только отъ Вальнѣва до Мартиньи, т. е. отъ оконечности Женевского-Озера, пункта, гдѣ прекращалось водное сообщеніе, до подножія ущелья. Тутъ представлялось для перехода очень-небольшое пространство. Сен-Бернаръ открывалъ потомъ выходъ въ долину Аосты, на Иаръ, между двухъ дорогъ, туринскою и миланскою, въ очень-выгодномъ направленіи для того, чтобъ охватить Австрійцевъ. И хотя болѣе-трудный, можетъ-быть болѣе-опасный, этотъ переходъ заслуживалъ предпочтеніе по причинѣ краткости пути.

Итакъ, первый консулъ рѣшился вести главную массу своихъ силъ чрезъ самый Сен-Бернаръ. Онъ повелъ съ собою все, что было лучшаго въ резервной арміи, около 40 тысячъ человекъ, 35 тысячъ пѣхоты и артиллеріи, 5 тысячъ кавалеріи. Между-тѣмъ, желая раздѣлить вниманіе Австрійцевъ, онъ придумалъ приказать отправиться чрезъ другіе переходы нѣсколькимъ отрядамъ, которымъ нельзя было соединиться съ главною арміею. Недалекъ отъ Большаго-Сен-Бернара, находятся Мелль-Сен-Бернаръ, который съ высотъ Савон также открываетъ выходъ въ долину Аосты. Первый консулъ направилъ по этому пути генерала Шабрана съ 70 полубригадою и нѣсколькими восточными батальонами, которые наполнены были новобранцами. Это былъ отрядъ

въ 5 или 6 тысячъ человекъ, долженствовавшій соединиться на Ивра съ главною колонною. Наконецъ, генералъ Тюрро, защищавшій съ 4 тысячами лагурійскими войсками гору Сені, получалъ приказаніе появиться на этомъ проходе и попытаться проникнуть къ Турину. Такимъ-образомъ французская армія должна была спуститься съ Альпъ разомъ четырьмя проходами: чрезъ Сен-Готаръ, Большой и Малый Сен-Бернаръ, и гору Сені. Главная масса, состоявшая изъ 40 тысячъ человекъ, дѣйствуя въ центрѣ этого полукруга, могла рассчитывать на то, что къ ней примкнутъ 15 тысячъ человекъ, шедшихъ изъ Германіи, также войска генерала Шабрана, и можетъ-быть отрядъ генерала Тюрро, что должно было составить общую силу почти въ 65 тысячъ человекъ и привести въ смятеніе непріятеля, который не будетъ знать, при видѣ всѣхъ этихъ корпусовъ, на какой пунктъ направить свое сопротивленіе.

Когда былъ рѣшенъ выборъ пунктовъ перехода, надо было заняться самою операціею, состоявшею въ томъ, чтобы перекинуть 60 тысячъ войска съ обозами на другую сторону Альпъ, безъ проложенныхъ дорогъ чрезъ скалы, ледники, и въ самую страшную эпоху года, во время таянія снѣговъ. Чрезвычайно-затруднительно везти съ собою артиллерійскій паркъ, потому-что каждое орудіе требуетъ при себѣ много повозокъ, а при 60 орудіяхъ надо было тащить за собою повозокъ до 300. Въ этой бесплодной странѣ нужно имѣть съ собою и продовольствіе и фуражъ. Итакъ, трудности были немовѣрны. Надо было перейти сорокъ-пять льѣ, и изъ нихъ на протяженіи десяти льѣ не было прозда для повозокъ.

Деньгами первый консулъ приобрѣлъ себѣ содѣйствіе сильныхъ альпійскихъ горцевъ, которые явились съ своими мулами, шарабанами и перевезли изъ Вильнёва въ Мартинь, изъ Мартинь въ Сен-Пьерръ, къ подножію ущелья, хлѣбъ, сухаря, фуражъ, вино, водку, доставленные въ Вильнёвъ по Женевскому-Озеру. Сюда же пригнано значительное количество скота. Сюда была привезена и артиллерія съ своими пороховыми ящиками. Въ Сен-Пьерръ орудія были сняты съ лафетовъ, которые были разобраны на перекумерованныя части, для перевоза ихъ на мулахъ. Самые же орудія должны были быть перевезены на каткѣхъ (*traineaux à goulettes*), изготовленныхъ въ Осонѣ. Для припасовъ пѣхоты и артиллеріи были сдѣланы небольшіе ящики, удобные для перевоза на мулахъ. По другую сторону горы, въ селеніи Сен-Реми, гдѣ начиналась прозжая дорога, орудія должны были быть опять воставлены на лафеты. Къ арміи была присоединена цѣлая рота понтоверовъ, которые не имѣли матеріаловъ для дѣланія мостовъ, а должны были употребить тѣ, которые удасться завоевать въ Италиі.

Первый консулъ думалъ, сверхъ-того, воспользоваться пособіемъ страннопримныхъ отшельниковъ, живущихъ на Большомъ-Сен-Бернарѣ. Онъ отправилъ къ нимъ сумму денегъ, чтобъ они могли закупить большое количество хлѣба, сыра, вина. Въ Сен-Пьерръ, у подножія ущелья, былъ устроенъ госпиталь; другой по ту сторону горъ, въ Сен-Реми.

По окончаніи всѣхъ этихъ распоряженій, войска начали появляться; генералъ Бонапарте, остановившійся въ Лозаннѣ, дѣлалъ всѣмъ имъ смот-

тры, говорилъ съ ними, одушевлялъ огнемъ, которыми быть такъ исполненъ и приготовлялъ ихъ къ безсмертному предпріятію, которое должно было занять мѣсто въ исторіи наряду съ великимъ подвигомъ Аннибала. Онъ приказалъ немедленно исправить упущенія, слѣдствія поспѣшности и злоупотребленій: часто старые солдаты нѣмали плохую одежду и негодныя оружія. Первый консулъ простеръ свою предусмотрительность даже до того, что приказалъ устроить у подножія ущелья мастерскія шорниковъ, для починки артиллерійской упряжи. Онъ писалъ собственноручныя письма объ этомъ по-видимому столь желочной предметъ: примаръ, доказывающій, что все могущее способствовать успѣху операций и обезпеченію солдатъ не бываетъ презрѣно геніемъ полководца. Успокоенный на счетъ Меласа, по-прежнему предававшася своимъ мечтамъ, первый консулъ отдалъ приказъ начать переходъ. Самъ онъ остался по-сю-сторону Бернара, чтобы какъ-можно-долье вѣсть сношенія съ правительствомъ и при себѣ все переправить за горы. Вертѣ, напротивъ, долженъ былъ по другую сторону Сен-Бернара принимать дивизіи и военные припасы.

Лантъ перешелъ первый, во главѣ авангарда, въ ночь съ 14 на 15 мая (24—25 флореала). Двинулись въ путь между полночью и двумя часами утра, чтобы предупредить время, когда солнце, растопляя снѣга, могло бы обрушить горы льдовъ на голову отважныхъ путниковъ, врывающихся въ эти ужасныя ущелья. Потребно было восемь часовъ для достиженія вершины, и только два часа для схода въ Сен-Ремі. Итакъ, было время пройти до наступленія самой опасной минуты. Солдаты съ жаромъ преодолевали вся трудности пути. Они были очень-обременены, потому-что несли съ собою сухарей на нѣсколько дней и большое количество патроновъ. Они всходили по крутымъ тропинкамъ, распывая пѣсни посреди пропастей. Пахотинцамъ было легче, нежели кавалеристамъ, которые шли слѣдившись, ведя коней въ-поводу. При исходе это было безопасно, но при спускѣ, лошади, которыхъ они вели за собою по узкой тропинкѣ, увлекали ихъ за собою, при малѣйшемъ шагѣ, въ пропасти. И действительно, было нѣсколько подобныхъ случаевъ, но весьма-немного; погибло нѣсколько лошадей, но не погибъ почти ни одинъ кавалеристъ. Къ утру, пришли въ страннопріимную обитель отшельниковъ, и тамъ сюрпризъ, приготовленный для нихъ первымъ консуломъ, снова оживлялъ силы и бодрость этихъ храбрыхъ войскъ. Иноки, запасшись напередъ необходимыми припасами, приготовили накрытые столы и подавали каждому солдату порцію хлѣба, вина и сыра. Отдохнувъ съ минуту, оный тронулись въ путь и спустились въ Сен-Ремі безъ всякихъ несчастій.

Каждый день должна была переходить одна изъ дивизій арміи. Операция необходимо было продолжаться много дней, потому-что вѣсть съ дивизіями надо было переправить и военные припасы: они были перевезены въ лѣскахъ, поставленныхъ на муловъ. Катки, изготовленные для перевозки орудій, оказались негодными. Придуманъ новый способъ, тотчасъ же приведенный въ исполненіе: раскалывали на-двое стволы орудій, выдѣлывали ихъ, а этими двумя полустволами обертывали орудія, кото-

рыя безъ поврежденія, по оврагамъ и рывинамъ, встаскивались мулами. Но при спускѣ надо было дѣйствовать руками солдатъ, что было сопряжено съ ужасными опасностями, потому что надлежало удерживать орудіе, чтобъ оно не скатилось въ пропасть. Предлагали сосѣднимъ поселянамъ по тысячь франковъ за пушку, чтобъ доставить ее изъ Сен-Пьера въ Сен-Реми. Сто человекъ должны были цѣлый день встаскивать одно орудіе, и также цѣлый день спускать его. Нѣсколько сотенъ поселянъ явились, и перетаскали дѣйствительно нѣсколько орудій, подъ надзоромъ артиллеристовъ. Но вскорѣ и приманка корысти не могла заставитьъ ихъ возобновить эти усилія. Солдатамъ были предложены за это такія же деньги, но они отказались отъ всякаго награжденія, говоря, что долгъ чести требуетъ отъ войска, чтобъ оно спасло свои пушки. Отряды по сту человекъ, вышедшіе тотчасъ изъ рядовъ, принялись за покинутыя орудія. Веселая музыка ободряла ихъ въ этихъ новыхъ, еще неизвѣстныхъ опасностяхъ (*).

Французскія войска, по спускѣ въ долину Аосты, встрѣтили на пути неприступную крѣпость Баръ (*Bard*). Въ этомъ мѣстѣ, долина суживается; дорога, идущая между подошвою горы и русломъ рѣки, дѣлается все уже, и наконецъ скала почти-совсѣмъ запираетъ долину. Рѣка течетъ тогда съ одной стороны скалы, дорога проходитъ съ другой. Эта дорога, окаймленная домами, составляетъ весь городъ Баръ. На вершинѣ скалы—плохо-построенная крѣпость, но неодолимая по своему положенію.

Первый консулъ, 20-го мая, самъ совершилъ переездъ черезъ Сен-Бернаръ. Его сопровождали адъютантъ Дюрокъ и секретарь Бурьеннъ. Живописцы изобразили его переезжающимъ по снѣгамъ Альповъ на бурномъ конѣ; вотъ простая истина. Онъ взѣхалъ на Сен-Бернаръ на мула, одѣтый въ свой всегдашній сѣрый сюртукъ. На этомъ трудномъ пути, онъ былъ разсѣянъ, какъ человекъ, котораго мысли заняты другими, вступалъ въ разговоры съ офицерами, находившимися на дорогѣ, и по-временамъ разспрашивалъ своего проводника, заставляя его разсказывать себѣ его жизнь, радости, печали, подобно празднему путешественнику, которому нѣчего больше дѣлать. Этотъ проводникъ, молодой горецъ, простодушно разсказывалъ ему о своей скромной долѣ, и въ особенности о своемъ горѣ, что онъ, по недостаточному состоянію, не можетъ жениться на одной изъ дѣвушекъ этой долины. Первый консулъ, то слушая его, то дѣлая вопросы проходящимъ, которыхъ было много разсыпано по горѣ, достигъ страннопріимной обители, гдѣ добрые иноки приняли его радушно. Сошедъ съ мула, онъ тотчасъ написалъ записку, которую вручилъ своему проводнику, приказавъ ему доставить ее непременно начальствующему армію, оставшемуся по ту сторону Сен-Бернара. Вечеромъ, молодой человекъ, возвратившись въ Сен-

(*) «Эти подвиги», замѣчаетъ Ле-Ба, авторъ *Annales de l'histoire de France*: «совершались не съ робкою покорностью судьбѣ, а съ веселіемъ, съ увлеченіемъ, съ этою *furia francese* (*furia francesca*), которая вошла въ Италию въ послѣднюю».

Шьерръ, съ изумленіемъ услышалъ, какого знаменитаго путешественника провожалъ онъ утромъ, и узналъ, что генералъ Бонапарте приказалъ дать ему поле, домъ, наконецъ вся средства жениться, и такимъ образомъ осуществилъ мечты его скромнаго честолюбія. Этотъ особенный случай благотворительности, въ минуту такихъ важныхъ размышлений, достоинъ вниманія. Еслибы это была не болѣе, какъ чистая прихоть завоевателя, раскидывающаго наудачу добро и зло, то низпровергающаго имперіи, то создающаго хажану, такія прихоти не мѣшаютъ отмѣчать въ исторіи; но подобный поступокъ показываетъ еще другое. Душа человѣческая, въ тѣ минуты, когда испытываетъ пламенные желанія, расположена къ добру: она творитъ благо, какъ средство заслужить тѣмъ просимое ею у Провидѣнія.

Первый консулъ остановился на нѣсколько минутъ у вноковъ, поблагодарилъ ихъ за стараніе объ арміи, и далъ имъ богатый подарокъ для обезпеченія бѣдныхъ и странниковъ.

Онъ спустился быстро, по обычаю страны, скатаясь по снѣгу, и прибылъ вечеромъ въ Этрубль.

Крѣпость Баръ напрасно пытались взять приступомъ. Тогда первый консулъ провелъ всю пѣхоту и кавалерію въ-обходъ по тропинкѣ Альбаредо. Полторы тысячи рабочихъ исправляли на-скоро этотъ путь: въ слишкомъ-узкихъ мѣстахъ сдѣлали насыпи, въ мѣстахъ очень-крутыхъ высѣкли ступеньки, надъ глубокими оврагами накинута мостами срубленные деревья. Армія перешла чело́вѣкъ за чело́вѣкомъ; кавалеристы вели лошадей въ-поводу.

Напрасно пытались провезти орудія, ночью, подъ огнемъ крѣпости. Шумъ, производимый орудіями, открывалъ отважныхъ, которые гибли отъ выстрѣловъ непріятеля. Наконецъ, придумали накидать на дорогу соломы и навоза, подложить подъ орудія пакли, чтобъ уничтожить звукъ металла. Выпрыгали лошадей, и храбрые артиллеристы протащили артиллерию сами подъ батареями крѣпости по барской дорогѣ. Такимъ образомъ былъ побѣжденъ этотъ опасный проходъ, забравшій перваго консула болѣе самого Сен-Бернара. Артиллерійскія лошади были проведены по тропинкѣ Альбаредо.

Наконецъ, по прошествіи тринадцати дней, чудное предпріятіе удалось совершенно. Войско въ 40 тысячъ чело́вѣкъ перешло чрезъ Большой-Сен-Бернаръ. Дивизія въ 5 тысячъ чело́вѣкъ сошла съ Малаго-Сен-Бернара. Другая, въ 4 тысячи, спустилась съ горы Севі; отрядъ войска занималъ Симплонъ; наконецъ, 15 тысячъ Французовъ, подъ начальствомъ генерала Монсэ, находились на вершинѣ Сен-Готара. Такимъ образомъ, на равнинахъ Италіи явилось 60,000 неожиданныхъ воиновъ. Не имѣя болѣе причинъ поступать скрытно, первый консулъ пріѣхалъ лично въ Кивассо, обратился съ рѣчью къ воинамъ, поздравляя ихъ съ совершенными доселѣ подвигами и пророча имъ великіе успѣхи. Онъ показывался теперь не только своимъ солдатамъ, но и Итальянцамъ, и Австрійцамъ, чтобъ привести въ ужасъ своимъ страшнымъ присутствіемъ врага, котораго онъ еще недавно усыплялъ въ такомъ глубокомъ невѣдѣніи.

Меласъ, все въ прежней увѣренности, продолжалъ осаду Генуи и атаку на мостъ на Варь. При вѣсти о появленіи непріятеля съ Альпъ, онъ думалъ, что это было подкрѣпленіе корпусу генерала Сюшэ, стоявшему на Варь. Онъ и не мечталъ, чтобъ то былъ самъ генераль Бонапарте во главѣ огромной арміи. Но вскорѣ эта послѣдняя иллюзія была разсѣяна, и Меласъ узналъ истину. Этотъ почтенный старецъ, указывавшій свои неоспоримыя качества въ предшествовавшую войну, предался жестокой грусти. Всякій день усиливалось его смущеніе: онъ скоро узналъ, что головы колонны генерала Монсэ показались у подошвы Сен-Готара.

Силы Меласа были разбросаны; не будучи въ состояніи угадать плана перваго консула, онъ дѣлаетъ диспозиціи на-удачу: переноситъ свою главную квартиру въ Туринъ; но не туда стремился генераль Бонапарте. Французская армія подступаетъ къ Верчелли, беретъ этотъ городъ; 29 мая (9 преріала) переходитъ Тессину; на другой день Ланъ входитъ въ Павію; 2 іюня (13 преріала) генераль Бонапарте вступаетъ въ столицу Ломбардіи, Миланъ, между-тѣмъ, какъ Монсэ занимаетъ Беллинзону, и всѣ другіе подчиненные генералы съ удивительною точностью выполняютъ предписанныя имъ движенія.

Съ энтузіазмомъ, какъ спасителя, встрѣтилъ Миланъ знаменитаго генерала, котораго столько разъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ. Генераль Бонапарте далъ временное управленіе Цизальпинской Республикѣ. Но эти успѣхи, эти пѣсни торжества, эти ликованія торжествъ не мѣшали ему не упускать изъ вида своей цѣли. Армія овладѣла Кремоною и Лоди, и Меласъ былъ окруженъ силами Французовъ. Теперь онъ съ ужасомъ разгадываетъ планъ, замышленный противъ него. Къ довершенію несчастія, онъ узналъ о бѣдствіяхъ Края и объ отступленіи его на Ульмъ. Наконецъ, Меласъ оставилъ свою систему полумъръ и отдалъ приказаніе генералу Эльсниццу оставить мостъ Варь, и генералу Отту снятъ осаду Генуи, и соединиться обонимъ въ Алессандрію. Этого-то и ожидалъ генераль Бонапарте. Но было predeterminedо, чтобъ благородная и несчастная лигурійская армія заплатила до конца своею кровью, своими страданіями, а наконецъ и слачею, которая была горестна для ея сердца, — чтобъ она заплатила всѣмъ этимъ за торжество резервной арміи.

Высокій характеръ Массены былъ выдержанъ до конца. *Прежде, нежели сдаться*, говорили солдаты: *онъ дастъ намъ съѣсть даже свои сапоги*. Когда была потреблена вся говядина, стали ѣсть конину; когда уже не хватало и ея, питались мясомъ самыхъ нечистыхъ животныхъ. Жалкій хлѣбъ изъ овса и бобовъ былъ также погранъ. Послѣ 23 мая (3 преріала), Массена, собравъ изъ генуэзскихъ магазинновъ крахмалъ, льняное сѣмя, какао, приказалъ готовить изъ всего этого хлѣбъ, который солдаты едва могли глотать, и который очень-немногіе изъ нихъ могли переварить въ желудкѣ. Народъ, ограничивавшійся одною травяною похлебкою, испытывалъ всѣ муки голода. Улицы были усыпаны несчастными, издыхавшими отъ истощенія силъ, пзнуренными жевщинами, поручавшими общественному призрѣнію дѣтей, ко-

торыхъ онъ не въ состояніи были болѣе кормить. Еще другое зрѣлище приводило въ ужасъ и городъ и войско: это многочисленныя плѣнники, взятые Массеною, которымъ ему нѣчего было давать въ пищу. Онъ не хотѣлъ болѣе отпускать ихъ на слово съ-тѣхъ-поръ, какъ было замѣчено, что тѣ, которые были отпущены такимъ образомъ, снова появлялись въ рядахъ непріятелей. Онъ предлагалъ генералу Отту, потомъ адмиралу Кейту, чтобъ они поставили продовольствіе, необходимое для насущнаго прокормленія плѣнныхъ, и давалъ свое честное слово, что изъ этого ни одна росинка не будетъ удѣлена гарнизону. Слову такого человѣка, кажется, можно было повѣрить. Но жесточеніе было такъ велико, что непріятельскіе генералы имѣли варварство осудить своихъ солдатъ на ужасныя страданія голода, чтобъ увеличить бѣдствіе Генуи, оставивъ тамъ нѣсколько тысячъ лишннихъ потребителей. Массена давалъ этимъ плѣннымъ травяную похлебку, которую давалъ в жителямъ. Но и этого не было достаточно для людей сильныхъ, привыкшихъ къ обилію богатыхъ селеній Италіи: они всегда были наготовѣ взбунтоваться. Чобъ отнять у нихъ и помышленія о томъ, Массена приказалъ запереть ихъ въ старыхъ остовахъ кораблей, поставленныхъ въ срединѣ порта, въ которые были направлены орудія. Эти несчастные испускали ужасныя завыванія, глубоко потрясшія народъ, уже измученный собственными страданіями.

Французы издыхали отъ голода на улицахъ. На всѣхъ главныхъ площадяхъ были разставлены орудія: опасались возмущенія Генуэзцевъ.

Массена, раздѣлявшій съ пародомъ и войскомъ всѣ физическія страданія, внушилъ несчастной Генуѣ восторженное удивленіе къ своей великой душѣ.

Черезъ отважныхъ адъютантовъ генерала, доходили до осажденных свидѣнія, все еще цитавшія надежду. Позднѣйшее свидѣніе привезъ Франчески, который оставилъ перваго консула переходившимъ черезъ Сен-Бернаръ. Но съ 20 мая еще не получали новостей. Не знали, чему приписать, что генералъ Бонапарте до-сихъ-поръ не могъ спасти Геную. Думали, что онъ смотрѣлъ на лигурійскую армию, какъ на корпусъ, принесенный въ жертву для успѣха большой операціи. «Итакъ» говорили Генуэзцы и самые солдаты: «насъ приносятъ въ жертву для славы Франціи: пусть такъ; но теперь цѣль уже достигнута: неужели хотятъ, чтобъ мы погибли все до единаго? Пусть бы еще на полѣ битвы, съ оружіемъ въ рукахъ, а то отъ голода, отъ болѣзней—это невозможно!» Пришло время сдать. Массена, въ своей прокламаціи къ солдатамъ, напоминалъ имъ объ обязанностяхъ война, состоящихъ столько же въ перенесеніи лишеній и страданій, какъ и въ преодолѣніи опасностей; показывалъ имъ на геройскіе примѣры ихъ офицеровъ, говорилъ, что первый консулъ идетъ выручать ихъ; что сдать теперь на капитуляцію значило въ одну минуту потерять результаты двухъ-мѣсячныхъ усилій. Еще нѣсколько дней, можетъ-быть, нѣсколько часовъ, говорилъ онъ,—и вы будете освобождены, оказавъ столько великихъ услугъ отечеству!

Однажды, изступленная радость овладѣла всѣми. Послышався громъ

ружью. Самъ Массена вышелъ на валы. Тщетная мольба; то была гроза, разражающаяся въ Апеннинахъ! Снова все впади въ самое мрачное уныніе...

Наконецъ, къ 4 іюня, должно было оставаться на челювѣкѣ по двѣ унціи этого отвратительнаго хлѣба, приготовленнаго изъ крахмала и мака. Необходимо было слать городъ. Войско было убѣждено, что оно сдѣлало все, чего только можно было ожидать отъ его мужества. Оно начало вѣрять, что первый кондулъ заботится болѣе о своихъ общихъ плавахъ, нежели о томъ, чтобы идти на помощь къ Генуѣ. Массена раздѣлялъ это чувство, но обнаруживая того. Наконецъ, были сдѣланы и эти двѣ унціи, и Массена, съ горестью въ сердцѣ, рѣшился слатся. «Дайте мнѣ» говоритъ Массена Генуэзцамъ: «за два дня хлѣба, на одинъ только день, и я спасу васъ отъ вѣхъ Австрійцевъ, спасу мою армію отъ горестной необходимости слатся.»

Массена настоялъ на томъ, чтобы его войско выступило изъ Генуи не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ, съ распущенными знаменами. Хотѣли, чтобы онъ самъ остался пѣшимъ. Массена не хотѣлъ о томъ и слышать. На все подобныя предложенія онъ отвѣчалъ, что пробьется силою сквозь ряды Австрійцевъ. Массена выговорилъ обещаніе неиркосновенности несчастныхъ жителей Генуи. Онъ настаивалъ также и на томъ, чтобы имъ оставили настоящій образъ управленія. Въ этомъ ему было отказано. «Ну!» сказалъ Массена: «давайте, что хотите; но объявляю вамъ, что немыслимо, чѣмъ черезъ два недѣли я возвращусь въ Геную!» Пророческія слова, на которыя австрійскій офицеръ, Сен-Жильонъ, отвѣчалъ съ благородствомъ и деликатностью: «Вы увидите, господи геноералъ, на этомъ мѣстѣ людей, которыхъ вы научили вѣрнопачать.»

4 іюня вечеромъ было заключено условіе о сдачѣ Генуи, при которомъ тщательно было избегаемо слово «капитуляція». Массена все медлилъ подписывать, надѣясь, что авось подойдетъ искушитель...

Такъ кончилась эта достопамятная осада, во время которой 15,000 Французовъ взяли въ плѣнъ или истребили болѣе 18,000 непріятелей. У нихъ—самыхъ изъ 15,000 осталось всего 8,000, отправившихся соединиться съ действующею арміею. Двѣ недѣли ранѣе, и эта капитуляція обратилась бы въ пользу Австрійцевъ. Теперь было уже поздно. Слава храбрости несчастливцевъ, своею безпредельною преданностью способствовавшихъ торжеству храбрости счастливыхъ воиновъ, которыхъ подвиги теперь готовы возникнуть передъ нами!

Средствъ для предельнаго статьи, мы не имѣемъ возможности владѣться въ подробности военныхъ дѣйствій. Постараемся въ краткихъ чертахъ представить положеніе дѣлъ.

Мюратъ овладѣлъ Пьяченцою и прогналъ Австрійцевъ до Пармы, взявъ у нихъ 2,000 пѣшихъ; Дандъ сталъ въ Страделло и 9 іюня (20 преріала), вспомошествоваемый Викторомъ, далъ знаменитое сраженіе при Монтебелло, стѣдующее непріятелю 4,000 челювѣкъ пѣшими и 3,000 конными и ранеными. Въ этотъ день 12,000 Французовъ бились съ

18,000 Австрійцами, подъ начальствомъ генерала Отте, тѣми самыми, которыхъ Массена приучилъ подъ Генуею къ жестокимъ битвамъ.

Эта победа дала Ланну славный титулъ герцога Монтебелло.

Но вся эти успѣхи не были окончательны. 11 іюня прибылъ въ главную квартиру одинъ изъ самыхъ превосходныхъ генераловъ этой эпохи, Дезэ, который военными талантами равнялся, можетъ-быть, съ Морб, Массеною, Клебѣромъ, Ланномъ, но который затмивалъ всѣхъ ихъ радкими совершенствами своего характера. Онъ покинулъ Египеть, гдѣ Клебѣръ совершилъ политическія ошибки, о которыхъ мы должны будемъ скоро говорить, которыя Дезэ тщетно хотѣлъ предупредить, и отъ печальнаго зрѣлища которыхъ онъ бѣжалъ въ Европу. Эти ошибки были потомъ поправлены со славою. Дезэ, задержанный у береговъ Франціи, испыталъ самое гнусное обращеніе со стороны Англичанъ. Онъ прибылъ раздраженный негодованіемъ и просилъ позволенія отомстить за себя съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ любилъ перваго консула съ некоторымъ родомъ страсти; и первый консулъ, тронутый правдивостію этого благороднаго сердца, платилъ ему живѣею дружбою, какую когда-либо чувствовалъ въ жизнь свою. Они провели вѣсть цѣлую ночь, рассказывая другъ другу о событіяхъ въ Египтѣ и Франціи, и первый консулъ далъ ему тотчасъ начальствованіе надъ двумя соединенными дивизіями Монньѣ и Будѣ.

Первый консулъ сталъ на непріятельскихъ сообщеніяхъ, и баронъ Меласъ принужденъ былъ вступить въ решительное сраженіе. Обширная долина Маренго, пересѣкаемая большою дорогою изъ Алессандріи въ Пьяченцу, находится между рѣками Скравією и Борнидою. Французы, идя отъ Пьяченцы и Скравіи, встрѣтили на пути сперва Сан-Джильяно, потомъ Маренго, пунктъ, которымъ Австрійцы должны были овладѣть непременно, чтобъ выйдти изъ Алессандріи.

14 іюня (25 преріала), равнина Маренго ознаменовалась въ исторіи безсмертною славою. Битва завязалась съ раннаго утра, и долго результатъ ея былъ нерѣшителенъ. Уже дивизія Викторъ, тѣсными превосходными силами, отступали въ безпорядкѣ, восклицая, что все потеряно. Ланнъ, открытый съ лѣваго фланга отступленіемъ Викторъ, не могъ держаться и также началъ отступление.

Тогда генералъ Бонапарте выдвигаетъ на равнину 800 гренадеровъ консульской гвардіи и даетъ имъ приказаніе задержать австрійскую кавалерію до прихода трехъ полубригадъ Монньѣ. Эти храбрецы, построенные въ каре, съ удивительнымъ хладнокровіемъ отразили неоднократно атаки многочисленныхъ кавалеристовъ. Въ то же время генералъ Бонапарте самъ подкрѣпляетъ лѣвое крыло Ланна. Присутствіе перваго консула, видъ маховыхъ шапокъ его конной гвардіи, ободрилъ войска. Битва завязалась съ новымъ ожесточеніемъ.

Но не смотря на все мужество войскъ, невозможно было держаться болѣе. Генералъ Бонапарте отдаетъ приказаніе отступать по-немногу.

Въ это-то время Ланнъ и его четыре полубригады совершили подвиги, достойные удивленія потомства. Непритель изрыгалъ изъ восьмидесяти орудій градъ ядеръ и картечи. Ланнъ, подъ выстрѣлами

страшной австрийской артиллерии, нападаетъ на него въ штыки. Въ консульской гвардіи, выдержавшей атаки кавалеріи, Австрийцы стараются картечью пробить брешь, какъ въ стѣнѣ. Вся равнина представляетъ обширное поле кровопролитной сѣчи; къ выстрѣламъ орудій присоединяются взрывы: Ланнъ взрываетъ на воздухъ пороховыя ящики, которыхъ не могъ увести.

Протекла половина дня. Меласъ думаетъ, что за нимъ осталась победа, такъ дорого имъ купленная. Этотъ старецъ, который, по-крайней-мѣрѣ по мужеству, показалъ себя въ этотъ достопамятный день достойнымъ своего противника, усталый вступилъ въ Алессандрію. Онъ оставляетъ начальство своему начальнику штаба Цаху и возвращаетъ всей Европѣ свою победу и пораженіе генерала Бонапарте при Маренго.

Уже три часа: если не явится на помощь какое-нибудь новое обстоятельство, сраженіе можетъ почестъся потеряннымъ для Французовъ. Дезэ, который былъ посланъ открыть непріятеля при Нови на генуэзской дорогѣ, услышавъ отдаленный гулъ пушекъ подъ Маренго, остановился, заключивъ, что непріятель весь тамъ. И потому, не раздумывая, пошелъ къ Маренго, полавъ впередъ себя своихъ адъютантовъ для того, чтобъ возвѣстить первому консулу о своемъ походѣ. Онъ шелъ цѣлый день, и къ тремъ часамъ, действительно, головы его колоннъ начали показываться при входѣ въ долину, въ окрестностяхъ Сен-Джувьяно. Самъ онъ, опередивъ ихъ въ галопъ, прискакалъ къ первому консулу. Вдохновеніе подчиненнаго, столь же разумнаго, какъ и преданнаго... Счастливая судьба молодости! Что, еслибъ, пятнадцать лѣтъ спустя, первый консулъ, теперь такъ хорошо вспомоществуемый генералами, нашелъ другаго Дезэ на полѣ битвы Ватерло!

Прибытіе Дезэ измѣнило положеніе дѣлъ. Его окружаютъ, ему рассказываютъ провѣстія дня. Генералы образуютъ кружокъ около него и перваго консула и съ живостью разсуждаютъ о своемъ положеніи. Большая часть изъ нихъ подаетъ мнѣніе въ пользу отступленія. Первый консулъ не разделяетъ этого мнѣнія и съ живостью торопитъ Дезэ, чтобъ онъ высказалъ свое собственное. Дезэ, окинувъ медленно взоромъ это опустошенное поле битвы, потомъ, вынувъ изъ кармана свои часы и посмотрѣвъ на нихъ, даетъ въ отвѣтъ генералу Бонапарте эти простые и благородныя слова: «Да, сраженіе проиграно; но еще только три часа, есть еще время выиграть новое.» Генералъ Бонапарте, очарованный мнѣніемъ Дезэ, рѣшается воспользоваться новыми силами, имъ приведенными, и выгодами занятой утромъ позиціи.

Сраженіе началось въ третій разъ. Дезэ на конѣ кинулся въ атаку; пуля поразила его въ грудь. «Скройте мою смерть» сказалъ онъ генералу Будѣ: «потому-что это можетъ поколебать войска.» Напрасная предосторожность героя! Видѣли, какъ онъ палъ, и его солдаты, подобно солдатамъ Тюренна, громкими криками требуютъ отомстить за своего начальника. Генералъ Келлерманнъ съ своею кавалеріею бросается во флангъ колонны гренадеровъ и разрываетъ ее на-двое; драгуны рубятъ справа и слева; 2,000 гренадеровъ, и въ главѣ ихъ генералъ Цахъ, сдаются плѣнными. Келлерманнъ не останавливается, кидается

на драгуновъ Лихтенштейна и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Французы идутъ впередъ, упренные радостью и энтузіазмомъ, видя, что побѣда возвращается къ нимъ. Смятеніе перешло на сторону Австрійцевъ.

Австрійцы стремятся къ берегамъ Бормиды. Мостовъ мало для такого множества бѣгущихъ; кидаются въ бродъ. Артиллерія также сдѣлалась перейти этимъ путемъ; но часть повозокъ взяла. Французы берутъ людей, коней, орудія, обозы. Несчастный баронъ Меласъ, за два часа предъ тѣмъ оставившій свою армію побѣдоносною, прискакалъ при вѣсти объ этомъ поражениіи и не могъ вѣрить собственнымъ своимъ глазамъ. Онъ былъ въ отчаяніи.

Таково было кровопролитное сраженіе при Маренго, имавшее, какъ увидимъ вскорѣ, великое вліяніе на судьбы Франціи и міра. Дѣйствительно, оно доставило теперь миръ республикѣ, и, нѣсколько позже, имперію первому консулу. Потери относительно къ числу сражавшихся были огромны и превышали обыкновенныя пропорціи. Австрійцы потеряли около 8,000 убитыми и ранеными, и болѣе 4,000 пленными. И такъ, они потеряли треть своей арміи, которая заключала въ себѣ отъ 36,000 до 40,000 человекъ. Что до Французовъ, у нихъ было убито и ранено 6,000 человекъ, пленными взято человекъ съ тысячью; все это составляетъ потерю четверти ихъ 28-мь-тысячной арміи. У Французовъ были ранены четыре генерала, и въ числѣ ихъ Шадро — смертельно. Важнѣйшею была потеря Дезэ. Буррьенъ, поздравляя первого консула съ этою чудною побѣдою, сказалъ ему: «какой прекрасный день!» — «Да, истинно-прекрасный» отвѣчалъ первый консулъ: «еслибы въ этотъ вечеръ я могъ обнять Дезэ на полѣ сраженія. Я хотѣлъ его сдѣлать» присвоившійся онъ: «военнымъ министромъ; а сдѣлать бы его государемъ, еслибы могъ.» Побѣдитель при Маренго еще не поздравлялъ, что онъ скоро будетъ раздавать своимъ слугамъ короны... Несчастный Дезэ лежалъ близъ Сен-Джульиано, посреди обширнаго поля сѣчи. Аджютантъ Савари, отыскивая своего генерала между убитыми, узналъ его по длиннымъ волосамъ, поднялъ, окуталъ въ плащъ какого-то гусара, и, положивъ на свою лошадь, перевезъ въ главную квартиру Торре-ди-Гарофоло.

Цѣль первого консула была достигнута, потому-что Италия была отнята у Австрійцевъ одною этою битвою. Онъ могъ бы заставить побѣжденныхъ положить оружіе и сдаться военнопленными. Но, увидѣвъ честь атакъ храбрыхъ людей, можно было довести ихъ до отчаянныхъ поступковъ. Это значило бы проливать напрасно кровь, а главное — терять по-пустому время. Будучи уже болѣе мѣсяца въ отсутствіи изъ Парижа, первый консулъ хотѣлъ какъ-можно-скорѣе туда возвратиться.

Австрійцы, при переговорахъ, не хотѣли согласиться на отлачу Генуи. «Мои условія неизмѣнны» сказалъ первый консулъ парламентѣру: «я не со вчерашняго дня веду войну; ваше положеніе мнѣ такъ же хорошо извѣстно, какъ вамъ-самимъ. Я могъ бы требовать всего; но я щажу славы вашего генерала и храбрость солдатъ вашихъ.»

15 іюня была заключена знаменитая алеоссандрійская конвенція, на условіяхъ, предложенныхъ генераломъ Бонапарте. Австрійскія войска

огли удалиться съ военными почестями. Франція возвратила себе разомъ всю Северную-Италію, что влекло за собою и возвращеніе всей вообще Италіи.

Напрасно стараются доказывать, что истинный победитель при Маренго былъ генералъ Келлерманнъ. Истинный победитель — тотъ, кто окорилъ судьбу своими соображеніями глубокими, дивными, безпричными въ исторіи великихъ полководцевъ.

Правда, ему отлично содѣйствовали его генералы Массена, Дезэ, Ланнъ, Келлерманнъ. Онъ наградилъ всѣхъ ихъ блдстательнымъ образомъ; а то до Дезэ, онъ изъявлялъ чувство самаго благороднаго сожалѣнія о его смерти. Первый консулъ повелѣлъ воздать великолѣпныя почести словяку, оказавшему Франціи такую великую услугу; онъ взялъ къ себѣ обонхъ его адъютантовъ, полковниковъ Раппа и Саварі.

Съ поля сраженія при Маренго первый консулъ написалъ новое письмо къ императору съ изъявленіемъ желанія мира. «Я отправилъ письмо къ императору» писалъ онъ консуламъ: «которое вамъ сообщить министръ въшнихъ сношеній. Вы найдете его немного-оригинальнымъ; но оно писано на полѣ битвы» (22 іюня).

Распространившійся съ арміею, онъ отправился 17 іюня въ Миланъ, утромъ, три дня спустя послѣ победы при Маренго. Его ожидали съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Онъ прибылъ туда вечеромъ, къ ночи. Все населеніе вышло къ нему на встрѣчу, испускало радостные крики, кидало вѣты въ его карету. Городъ иллюминировали великолѣпно, по-итальянски. Генералъ Бонапарте провозгласилъ тотчасъ возстановленіе Цизальнской-Республики и комиссаромъ при временномъ правительствѣ ставилъ генерала Журдана.

Первый консулъ увидался въ Миланѣ съ кардиналомъ Мартиньяноу, другомъ вновь-избраннаго папы Пія VI (кардинала Кіарамонти), и изъявилъ ему свое желаніе жить дружно съ Римомъ и примирить французскую революцію съ церковью.

Итальянцы приготовили торжественное *Te Deum* въ старинномъ миланскомъ соборѣ. Генералъ Бонапарте хотѣлъ присутствовать тамъ, и 8 іюня (29 преріала) написалъ консуламъ слѣдующія слова: «Сегодня, какъ бы ни толковали о томъ наши царскіе атасты, я иду съ большою церемоніею слушать *Te Deum*, которое будутъ пѣть въ миланскомъ кафедральномъ соборѣ» (Бумаги государственнаго секретарства.) Первый консулъ назначилъ генерала Массену начальникомъ итальянской арміи, состоявшей изъ 80,000 испытанныхъ солдатъ. Армія была оставлена на богатыхъ равнинахъ По, чтобъ посреди обилія отдохнуть съ понесенныхъ трудовъ.

Съ обыкновенною своею предусмотрительностью первый консулъ привалъ взорвать форты и цитадели, заграждавшіе пути между Франціею Италіею. Наконецъ, Генуя слана Французамъ. Итакъ, сбылось пророческое слово Массены: «яланусь вамъ, что возвращусь меньше, чѣмъ разъ два недѣли».

Наконецъ, первый консулъ оставилъ Миланъ съ Дюроккомъ, своимъ любимымъ адъютантомъ, Бессьеромъ, начальникомъ консульской гвар-

дип, Буррьеномъ и Саварй, остановился на вѣсколько часовъ въ Туринъ, перѣхалъ чрезъ гору Сенй и вступилъ въ Лионъ въ триумфальныя ворота, посреди народа, изумленнаго совершенными имъ чудесами. На другой день, онъ отправился въ Парижъ. Генералъ Бонапарте, къ которому судьба была теперь такъ благосклонна, наслаждался вполне своимъ счастьемъ. Слѣдующія слова его спутникамъ хорошо выказываютъ его ненасытимое желаніе славы. «Да» говорилъ онъ имъ: «я покорилъ менѣе, чѣмъ въ два года Каиръ, Миланъ, Парижъ; пу, еслибъ я умеръ завтра, обо мнѣ не было бы и пол-страницы въ какой-нибудь всеобщей исторіи». Ночью со 2 на 3 іюля онъ прибылъ въ Парижъ.

Тамъ распространились ложные слухи, будто онъ погубъ подъ Маренго. Честолюбивые люди привязались за дѣло. Одни хотѣли сдѣлать Карно, другіе Лафайетта президентомъ республики. Конечно, въ этихъ интригахъ не принимали участія ни Лафайеттъ, ни тѣмъ болѣе Карно. Юсифъ и Люсианъ Бонапарте передали свои несправедливыя опасенія брату, и первый консулъ, позже, отнялъ у Карно министерскій портфель.

Народъ, узнавъ о пріѣздѣ перваго консула, собѣжался подъ окна Тюльери и цѣлый день тѣснился на дворахъ и въ саду этого дворца. Первый консулъ долженъ былъ вѣсколько разъ показываться народу. Вечеромъ жители добровольно иллюминировали городъ; праздновали чудную побѣду, претечу желаннаго мира. День этотъ такъ глубоко тронулъ того, кто былъ предметомъ почестей, что, двадцать лѣтъ спустя, одинъ изгнанный, узникъ посреди пустыни Атлантическаго-Океана, онъ приводилъ его себѣ на память, какъ одинъ изъ лучшихъ дней своей жизни.

На другой день, привесли ему въ Тюльери поздравленія сенатъ, законодательное сословіе, трибунатъ и другія власти. Вся была исполнена самаго чистосердечнаго энтузіазма. Дѣйствительно, въ вѣсколькихъ мѣсяцевъ измѣненный порядокъ вещей, безопасность, смѣтившая глубокія тревоги, неслыханная побѣда, надежда на скорый миръ, наконецъ всюду-возникавшее благоденствіе,—всѣ эти быстрые, великіе результаты не должны ли были привести умы въ восторгъ?

Между-тѣмъ, германская армія, подъ начальствомъ Мордъ, битвою при Гогштедтѣ, прославившею и Мордъ и Лекурба, заставила фельдмаршала Края оставить позицію при Ульмѣ. Французское правительство оставило Мордъ дѣйствовать по произволу и положить оружіе, когда ему вздумается. Наконецъ, онъ увидѣлъ, что неприлично ему одному продолжать вѣстную войну. Солдаты въ Германіи завидовали покою итальянскихъ солдатъ. Наконецъ, 15 іюля (26 мессидора) Мордъ заключилъ перемиріе въ Пилдорфѣ, почти-сходное съ перемиріемъ въ Италиі по александрійской конвенціи.

Радость была всеобщая. И потому, праздникъ 14 іюля, одно изъ республиканскихъ торжествъ, сохраненныхъ конституціею, былъ торжествомъ съ большимъ великолѣпіемъ. Выслушавъ пѣніе итальянскихъ пѣвцовъ въ Домѣ-Инвалидовъ, первый консулъ, сопровождаемый многочисленнымъ штабомъ, посреди Марсова-Поля встрѣтилъ консульскую гвардію. Она только-что утромъ пришла въ Парижъ, покрытая пылью

ь рубищъ, не останавливавшись на дорогѣ со втораго дня послѣ мавггскаго сраженія, чтобъ прійти въ назначенный первымъ консуломъ рокъ. Она принесла съ собою знамена, отбитыя у непріателя въ погднюю кампанію. Вся толпились видѣть героевъ Маренго.

Наконецъ, прибылъ отъ германскаго императора графъ Сен-Жульянъ, ривезшій ратификацію александрійской конвенціи и имѣвшій полномое уговориться съ первымъ консуломъ объ условіяхъ мира. Франція, ожно сказать, никогда не видала дней болѣе-прекрасныхъ...

Здѣсь мы немного остановимся, чтобъ взглянуть назадъ и предстаить положеніе египетской арміи.

Въ августъ 1799 г., генералъ Бонапарте, рѣшившись, по полученіи звѣвшихъ извѣстій изъ Европы, немелленно покинуть Египеть, отдалъ приказаніе адмиралу Гантому вывести изъ александрійскаго порта фрегаты Миуронъ и Каррьеръ, единственныя суда, остававшіяся у него послѣ ичтоженія флота, и кинуть якорь въ небольшомъ марабутскомъ рейдѣ, въ духъ льѣ къ западу отъ Александріи. Онъ увозилъ съ собою генераловъ ьртѣ, Ланна, Мюрата, Андреосси, Мармона, и двухъ ученыхъ экспедиціи, иболѣе имъ любимыхъ, Монжа и Бертоле. 22 августа (5 фрюктидора II года), онъ отправился въ Марabu и поспѣшно сѣлъ на фрегатъ, все асаясь появленія англійской эскадры. Лошади, служившія для переа и оставленныя на берегу, помчались въ-скачь къ Александріи. Видъ ихъ лошадей, осѣдланыхъ, но безъ всадниковъ, встревожилъ всѣхъ; лагали, что приключилось какое-нибудь несчастіе съ офицерами гаризона, и потому отрядили изъ лагеря отрядъ кавалеріи. Вскорѣ турецкй копейщикъ, бывшій свидѣтель посадки на фрегаты, объяснилъ чьмъ состояло дѣло, и Мену, который одинъ была посвященъ въ йну, возвѣстилъ въ Александрію объ отбитіи генерала Бонапарте и о значеніи имъ себѣ въ преемники генерала Клебера. Клеберу было значено свиданіе въ Розеттѣ 23 августа, но генералъ Бонапарте, топясь ухватъ, отправился, не дожидаясь его. Къ-тому же, налагая

Клебера тяжелое бремя начальствованія, онъ былъ радъ оставить у рѣшительное приказаніе, недопускавшее ни возраженій, ни отказа. Эта новость произвела въ войскъ скорбное взуменіе. Сначала не хоти тому вѣрять; однакожь, вскорѣ сомнѣніе сдѣлалось невозможнымъ Клеберъ былъ оффиціально провозглашенъ преемникомъ генералу напарте. Офицеры и солдаты были поражены смущеніемъ. Необхоа была та сила, которую имѣлъ надъ ними побѣдитель Италіи, чтобъ ечь ихъ въ-слѣдъ за собою въ страны отдаленныя и невѣдомыя: обходимо было все его вліяніе, чтобъ удержать тамъ. Тоска поинъ — страсть, которая дѣлается неодолимою, когда ее раздраютъ еще разстояніе, новость мѣсть, страхъ, основанный на возможности возвращенія. Часто, въ Египть, эта страсть обнаруживалась ютомъ, иногда даже самоубійствами. Но присутствіе главнаго вождя, рьчи, его непрестанная дѣятельность разсѣвала эти черныя мысли. яи всегда занимать самого-себя и другихъ, онъ плѣнилъ въ самой окой степени умы и не допускалъ заражаться, или разсѣивать ругъ себя тоску, которая была недоступна душѣ его. Правда, сол-

даты переговоров иногда, что больше не видать изъ Франціи, что нельзя более переѣхать чрезъ Средиземное-Море, особенно теперь, когда флотъ уничтоженъ при Абукиръ; но генералъ Бонапарте былъ здѣсь, съ нимъ можно было идти всюду, можно было найти снова путь на родину или завоевать себѣ новое отечество. Теперь онъ ухажь, и все изменилось. Отъ-того вѣсть о его отбытіи была громовымъ ударомъ, и отъездъ его честила самыми оскорбительными выраженіями. Не умевъ истолковать себѣ этого непреодолимаго чувствованія патриотизма и честолюбія, чувствованія, которое, при вѣсти о злополучіяхъ республики, принудило его возвратиться во Францію. Видѣли только, что онъ покинулъ несчастную армію, которая имѣла столько вѣры въ его геніи, что шла за нимъ всюду. Толковали, что очевидно онъ постигъ безрассудность этого предпріятія, невозможность успѣть въ немъ, потому-что бѣжалъ, предоставляя другимъ то, что ему самому казалось уже невыполнимымъ. Но спастись одному, оставивъ за тридцать морей тѣхъ, которыхъ онъ подвергалъ такимъ-образомъ опасности, былъ жестокостью, низостью, какъ говорили некоторые клеветники: потому-что онъ всегда имѣлъ клеветниковъ довольно, и очень-близко при своей особѣ, даже въ самыя блистательныя эпохи своей жизни!

Клеберъ не любилъ генерала Бонапарте, и выносилъ его превосходство съ какимъ-то нетерпѣніемъ. Если онъ воздерживался въ его присутствіи, за то вездѣ въ другомъ мѣстѣ наливалъ свое негодованіе неприличными рѣчами. Недовольный и причудливый, Клеберъ пламенно желалъ принять участіе въ египетскомъ походѣ, чтобы выйти изъ опалы, подѣ которую онъ жилъ во время Директоріи, и теперь жалелъ, что промѣнялъ берега Рейна на берега Нила. Онъ это высказывалъ съ слабостью, недостойною его характера. Этотъ человекъ, столь великій въ опасности, упалъ духомъ, какъ самый послѣдній изъ солдатъ. Главнокомандованіе не утѣшало его въ необходимости остаться въ Египтѣ, потому-что онъ не любилъ начальствовать. Ожесточенъ противъ генерала Бонапарте, онъ сдѣлалъ ошибку, которую должно бы назвать преступною, еслибъ геройскія дѣянія не загладили этой ошибки, состоявшей въ томъ, что онъ самъ способствовалъ зарожденію въ арміи недовольства, которое вскорѣ сдѣлалось всеобщимъ. По его примѣру, все принялись говорить, что нельзя более оставаться въ Египтѣ, и во что бы то ни стало, надо возвратиться во Францію. Къ этому страстному желанію возврата присоединились другія чувствованія, портавшія духъ арміи и порождавшія въ ней самое опасное раположеніе.

Мнѣніе Клебера и его многочисленныхъ послѣдователей встрѣтилъ противорѣчіе; некоторые генералы, особенно Ланжесъ, Мену, Дезе, осмыслились обнаружить иныя чувствованія. Съ-тѣхъ-поръ шли двѣ партіи: одна называлась партіей колонистской, другая антиколонистской. Къ-несчастью, Дезе былъ въ отсутствіи. Онъ довершилъ покореніе Верхняго-Египта, гдѣ давалъ славныя сраженія, управлялъ мудро. И такъ, его вліяніе не могло быть въ эту минуту противоположно вліянію Клебера. Къ довершенію несчастія, онъ

долженъ былъ оставаться въ Египтѣ. Генералъ Бонапарте, желая его имѣть при себѣ, сдѣлалъ ошибку, не назначивъ его главнокомандующимъ, а оставивъ приказаніе очень-скоро возвратиться въ Европу. Дезз, котораго имя было вообще любимо и уважаемо въ арміи, котораго административныя таланты равнялись талантамъ военнымъ, превосходно бы управилъ колоніей и предохранилъ бы себя отъ всехъ слабостей, которыя по-крайней-мѣрѣ на минуту предался Клеберъ.

Между-тѣмъ, Клеберъ былъ у солдатъ самымъ популярнымъ изъ всехъ генераловъ. Назначеніе его главнокомандующимъ несколько успокоило умы. Заговорили другое: признавали, что, не смотря на все, генералъ Бонапарте долженъ былъ лѣзть на помощь Франціи, находившейся въ опасности, и что, сверхъ-того, утвердивъ развѣ-навсегда армію въ Египтѣ; одно, что только при настоящихъ обстоятельствахъ наилучшаго могъ для нея сдѣлать, — онъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ, чтобъ живо представить тамъ ея положеніе и нужды, и требовать помощи, которую одинъ онъ могъ исторгнуть у нерадиваго правительства.

Клеберъ возвратился въ Каиръ, и помѣстился въ прекрасномъ арабской домѣ, который занималъ его предшественникъ. Онъ окружилъ себя некоторою роскошью, не столько для удовольствія своего вкуса, сколько для внушенія уваженія обитателямъ востока, и хотѣлъ дать почувствовать свою власть. Но скоро заботы начальствованія, для него невыносимыя, новыя опасности, которыя Турки и Англичане угрожали Египту, тоска изгнанія, сдѣлавшаяся всеобщеею, наполнили его душу самымъ мрачнымъ уныніемъ. Онъ отправилъ къ Директоріи депешу, исполненную ошибокъ, заблужденій, и присовокупилъ въ ней рапортъ управляющаго финансами, Пуссельга, рапортъ, въ которомъ вещи были представлены въ самомъ ложномъ свѣтѣ, особенно-жестокими обвинялись генералъ Бонапарте.

Въ этой депешѣ и этомъ рапортѣ, отъ 26 сентября (4 вандемьера VIII г.) генералъ Клеберъ и Пуссельгъ говорили, что армія, уже уменьшившаяся на половину, въ эту минуту заключала въ себя около 15,000 человекъ; что она была почти-нагая, а это весьма-опасно въ этомъ климатѣ, по причинѣ различія въ температурѣ днемъ и ночью; что не было ни пушекъ, ни ружей, ни огнестрѣльныхъ снарядовъ; а заимствовать ихъ было трудно, потому что чугунъ, свинець, стрѣлы, матеріалы для пороха не существовали въ Египтѣ; что въ финансахъ былъ значительный дефицитъ, ибо должны были солдатамъ за жалованье четыре милліона, и семь или восемь милліоновъ разнымъ поставщикамъ; что средства налоговъ уже истощены, и что вся страна готова возмутиться, если наложить новыя налоги; что такъ-какъ наводненіе не было въ этомъ году обильно, и потому жатва будетъ дурная, то Египтяне не будутъ въ состояніи уплатить свои подати; что опасности всякаго рода угрожали колоніи; что два старинныя предводителя Мамелюковъ, Мурадъ-Бей и Ибрагимъ-Бей, все держатся, съ многими тысячами всадниковъ, одинъ въ Верхнемъ, другой въ Нижнемъ-Египтѣ; что займешитый паша Анрби, Джеззаръ, послалъ турец-

кой арміи подкрѣпленіе въ 30,000 превосходныхъ солдатъ, старшихъ защитниковъ Сен-Жан-д'Акры противъ Французовъ; что самъ великій визирь, отправившійся изъ Константинополя, уже достигъ окрестностей Дамаска съ сильнымъ войскомъ; что Русскіе и Англичане должны соединить регулярную силу съ нерегулярными силами Турковъ; что въ этой крайности оставалось одно средство—вступить въ переговоры съ Портою, и что, такъ—какъ генералъ Бонапарте далъ тому примѣръ и ясное полномочіе въ инструкціяхъ, оставленныхъ имъ своему преемнику, то попробуютъ заключить съ великимъ визиремъ договоръ о совмѣстномъ владѣніи страной, въ силу котораго Порта займетъ доли Египта и будетъ собирать миря, или поземельный налогъ, а Франція займетъ города и крѣпости, и будетъ взимать таможенный сборъ. Клеберъ присовокуплялъ, что главнокомандующій ясно видалъ кризисъ, и что это было истинною причиною его быстраго отъѣзда. Пуссельгъ заключалъ свой рапортъ клеветою, будто—бы генералъ Бонапарте, оставя Египетъ, увезъ съ собою два милліона. Надо прибавить, для довершенія всего, что Пуссельгъ былъ облагодѣтельствованъ генераломъ Бонапарте.

Въ этихъ депешахъ говорили о генералѣ Бонапарте, какъ о чело­вѣкѣ, котораго считаютъ пропавшимъ и съ которымъ болѣе не церемонятся. И дѣйствительно, полагали, что онъ или захваченъ Англичанами, или жестоко осужденъ директоріею за то, что покинулъ свою армію. Каково было бы смущеніе писавшихъ эти депеши, еслибы они знали, что депеши будутъ вскрыты и прочитаны чело­вѣкомъ, предметомъ этихъ клеветъ, сдѣлавшимся теперь верховнымъ правителемъ?

Клеберъ, слишкомъ—беззаботный, нестаравшійся увариться въ истинномъ положеніи вещей, не подумавъ даже заглянуть въ штаты, нѣ посылаемые, были ли они сходны съ его собственными показаніями, Клеберъ не думалъ лгать: онъ давалъ по небрежности и дурному расположенію духа публичную гласность слухамъ, которые страсть раз­ножила вокругъ него. Эти депеши были вѣрены племяннику директора Барраса, вмѣстѣ съ множествомъ частныхъ писемъ, въ которыхъ офицеры арміи выражали отчаяніе столь же несправедливое, сколько и без­разсудное. Этотъ племянникъ директора Барраса былъ остановленъ Англичанами; онъ попышалъ бросить въ море вѣренный ему пакетъ съ депешами; но этотъ пакетъ всплылъ, былъ замѣченъ, пойманъ и отправленъ въ британскій кабинетъ. Вскорѣ увидимъ, что вышло изъ этихъ извѣстій, попавшихъ въ руки Англичанъ и обнародованныхъ во всей Европѣ.

Но Клеберъ и Пуссельгъ отправили свои депеши въ Парижъ двумя путями. Второй экземпляръ дошелъ во Францію и былъ врученъ первому консулу.

Что было истиннаго въ этой картинѣ, начертанной болынымъ воображеніемъ? Объ этомъ вскорѣ можно будетъ судить по самымъ событіямъ; но въ ожиданіи, поправимъ эти ложныя показанія.

Армія, по словамъ Клебера, уменьшилась до 15,000 чело­вѣкъ; но въ штатахъ, отправленныхъ къ директоріи, значилось 28,500 чело­вѣкъ.

Когда два года спустя, она возвратилась во Францію, въ рядѣхъ ея считалось 22,000 человекъ, и въ эти два года, она дала многія большія сраженія и безчисленныя менше-значительныя битвы.

Египетъ—страна здоровая, гдѣ раны излечиваются съ удивительною скоростію; въ этомъ году было мало больныхъ и на одного зачумленнаго. Египетъ былъ полонъ христіанъ, Грековъ, Сиріянъ или Коптовъ, которые просились въ ряды французскаго войска, и могли доставить собою превосходныхъ рекрутъ, числомъ отъ 15,000 до 20,000. Черные изъ Дарфура, купленные и выпущенные на волю, доставили до 500 хорошихъ солдатъ только одной изъ полубригадъ. Къ-тому же, Египетъ былъ покоренъ. Поселяне, воздѣлывавшіе землю, привычныя покорствовать всемъ владыкамъ, и не думали братья за оружіе. Кроме нѣсколькихъ бунтовъ въ городахъ, нѣкого было бояться,—развѣ Турковъ, немѣвшихъ дисциплины, пришедшихъ издалека, или англійскихъ наемниковъ, перевезенныхъ съ трудомъ на корабляхъ. Противъ такихъ непріятелей, французская армія была болѣе, нежели достаточна, еслибъ управлять ею не съ геніемъ, а съ простымъ здравымъ смысломъ.

Клеберъ говорилъ въ своей депешѣ, что солдаты были наги; но генералъ Бонапарте оставилъ сукно, чтобъ одѣть ихъ, и, мѣсяцъ спустя послѣ отправленія этой депеши, они были совершенно вновь экипированы. Во всякомъ случаѣ, Египетъ изобилывалъ бумажными тканями; онъ выдѣлывалъ ихъ на всю Африку. Было бы не трудно приобрести эти ткани, купивъ ихъ, или требуя ихъ, какъ часть налога. Чтѣ до продовольствія, то Египетъ—житница странъ, немѣющихихъ хлѣба. Пшеница, рисъ, говядина, баранина, живность, сахаръ, кофе, были тогда тамъ въ-десятеро дешевле, нежели въ Европѣ. Дешевизна была какъ велика, что армія, хотя ея финансы не были слишкомъ-богаты, могла платить за все, чтѣ потребляла. Клеберъ говорилъ, что у него не достаетъ оружія, а оставалось 11,000 сабель, 15,000 ружей, 1,400 или 1,500 орудій, изъ которыхъ 180 полевыхъ. Чтѣ до военныхъ припасовъ, то еще оставалось три миліона патроновъ, 27,000 картечей; и возможность приготовить ихъ, потому-что въ магазинахъ находилось еще 200,000 огнестрѣльныхъ снарядовъ, 1,100,000 фунтовъ пороха. И действительно, куда было дѣться огромному количеству военныхъ припасовъ, старательно заготовленныхъ генераломъ Бонапарте на флотъ, перевезшемъ армію въ Египетъ.

Относительно финансовъ, рапортъ Клебера былъ равнымъ образомъ ложень. Сборъ доходовъ долженъ былъ въ то время простираться до двестнадцати миліионовъ, а это могло удовлетворить необходимымъ потребностямъ. Относительно же кассы,—генералъ Бонапарте такъ мало обобралъ ихъ, что, отправляясь, не взялъ даже сполна своего жалованья.

Касательно опасностей, угрожавшихъ колоніи, вотъ въ чемъ заключалась истина. Мурадъ-Бей, упавшій духомъ, находился въ Верхнемъ-Египтѣ съ нѣсколькими мамелюками. Ибрагимъ-Бей, который, во время владычества мамелюковъ, раздѣлялъ съ нимъ верховную власть, былъ въ это время въ Нижнемъ-Египтѣ у предѣловъ Сиріи; у него

было не более 400 всадниковъ. Джомартъ-ваша былъ запертъ въ Сел-Жан-д'Анръ. Онъ не готовилъ для арміи визира подкрѣпленія въ 30,000 человекъ, а напротивъ смотрѣлъ съ неудовольствіемъ на приближеніе новой турецкой арміи, особенно теперь, когда его панталы были освобождены отъ Французовъ. Что до великаго визира, то онъ еще не перешелъ Тавра: Англичане имѣли свои войска въ Мисръ и думали въ это время употребить ихъ въ дело въ Тескль, Нисом или на берегахъ Франціи. Что до русской экспедиціи, — это была частая выдумка.

И такъ, Клеберъ уступилъ предъ опасными преувеличеніями, шквнмъ произведеніемъ ненависти, тоски и изгнанія.

Впрочемъ, каково бы ни было положеніе дѣлъ, Клеберъ и его партія были чрезвычайно-виновны, мечтая объ оставленіи Египта, потому-что не имѣли на то права. Генералъ Бонапарте, въ своихъ инструкціяхъ (отъ августа 1799 года) писалъ между-прочимъ: «И устрою Франціи такъ, чтобъ вамъ прислали помощь. Но если въ вышнихъ вѣснхъ вы не получите ни помощи, ни инструкцій, если чуя опасность у васъ болѣе 1,500 человекъ, независимо отъ потерь въ сраженіяхъ; если превосходящія силы, которымъ вы не будете въ состояніи сопротивляться, будутъ настоятельно тѣснить васъ, вступите въ переговоры, согласитесь даже, если нужно, на оставленіе Египта, но подъ однимъ условіемъ, — именно: просить разрѣшенія французскаго правительства, а между-тѣмъ все оставайтесь по-прежнему. Такимъ-образомъ, вы выиграете время, и невозможно чтобъ между-тѣмъ къ вамъ не подоспѣла на помощь.» Но ничего подобнаго еще не случалось, — не случилось и послѣ. И такъ, переговоры, начатыя безъ этихъ условій, были истинными преступленіемъ.

Клеберъ, въ мрачномъ расположеніи духа, отправилъ къ визирю вступившему въ Сирію, одного изъ своихъ офицеровъ, съ новыми предложеніями о мирѣ. Уже генералъ Бонапарте, въ мѣсячныхъ разсужденіяхъ съ Англичанами, думалъ допытаться вступитъ въ переговоры, которые съ его стороны были притворствомъ. Его предположенія приняты съ болѣею недоверчивостію и гордостью. Но Клеберъ имѣлъ лучший успѣхъ, въ-сладствіе вѣрному свѣдѣнію Сидней-Смита, котораго готовился играть важную роль въ дѣлахъ Египта. Этому офицеру англійскаго флота много способствовало воспріимчивостію уму въ сел-жан-д'анрской осады; онъ гордился тѣмъ, и ранился теперь восполноваться идущою слабостію, чтобъ исторгнуть у Французовъ драгоцѣнное изъ сокровищъ. Такъ-какъ, дѣйствительно, все переключеніе письма французскихъ офицеровъ ясно показывало, что они сильно желали возвратиться во Францію, то Сидней-Смитъ хотѣлъ, чтобъ они вступили въ переговоры, подписали капитуляцію, и намаревался, просить французское правительство имѣло бы время ратифицировать трактатъ и отказаться въ ратификаціи, послать эту армію немедленно на берегъ и высадить на берегъ Евровы. Съ этою-то цѣлью онъ расколочилъ и визиря въслѣдствіе предложенія Клебера. Смитъ же оспаривалъ пропускъ

къ французскимъ офицерамъ новости изъ Европы, но только тѣ, которыя предшествовали 18-му бромера.

Клеберъ, не всмотрѣвъ въ дѣло ближе, не зная, договаривается ли съ довольно-акредитованными (*) агентами, слабо бросился изъ этого опасный путь, куда его увлекло чувство, общее всей арміи, и гдѣ онъ нашелъ бы позоръ, еслибъ, къ счастью для него, небо не одарило его геройскою душою, которая должна была блистательно возвыситься, лишь-только онъ постигъ всю важность своей ошибки. Онъ выбралъ въострѣ для совѣщаній корабль *Тигръ*, на которомъ плавалъ сэръ Сидней-Смитъ (**).

Клеберъ назначилъ отъ себя Дезе и Пуссельга,—того самого, который такъ безсовестно оклеветалъ генерала Бонапарте, и котораго Египтяне называли *эмиремъ султана Клебера*. Дезе принялъ на себя это порученіе въ надеждѣ проволочить дѣло и дать время прибытію изъ Франціи помощи и приказаніямъ. Клеберъ, для оправданія себя въ глазахъ Дезе, говорилъ, что генераль Бонапарте первый началъ съ Турками переговоры, и что самъ же онъ предвидѣлъ и напередъ уполномочилъ заключить трактатъ объ оставленіи Египта въ случаѣ угрожающей опасности. Оба парламентаря взошли на бортъ *Тигра* 22 декабря 1799 г. (1 нивоза VIII г.). Въ это время генераль Бонапарте былъ облеченъ властію во Франціи.

Условія Клебера не могли быть приняты англійскимъ коммодоромъ. Онъ требовалъ, на-прим., чтобъ армія, удалившись съ военными почестями, съ оружіемъ и обозами, могла высадиться въ томъ пунктѣ материка, въ какомъ ей будетъ угодно, съ тѣмъ, чтобъ подать своимъ присутствіемъ помощь республикѣ тамъ, гдѣ она сочтетъ это полезнымъ. Онъ требовалъ, чтобъ Порта возвратила Франціи немедленно венеціанскіе острова, сдѣланныя французскою собственностью во кампю-юрдіоскому трактату, а именно Корфу, Занте, Кефалонію и проч., и иллію теперь русско-турецкими гарнизонами; чтобъ эти острова, и въ исключеніи Мальта, остались за Франціею; чтобъ французская армія, удаляясь, могла подкрѣпить свои гарнизоны; наконецъ, чтобъ неслучайно не былъ расторгнутъ тройственный восточный союзъ между Россіею, Англіею и Портою.

Надо признаться, что эти условія были безразсудны, — не потому, чтобъ ихъ можно было счѣтать преувеличеннымъ вознагражденіемъ за то, что перла Франціи, теряя Египетъ, но потому-что они были невыполнимы.

(*) Сэръ Сидней Смитъ въ своихъ сношеніяхъ принималъ титулъ *полномочнаго министра ево британскаго величества при Оттоманской-Портѣ* и *начальника ево скадры въ моряхъ Леванта*. Сэръ Сидней-Смитъ присвоилъ себѣ титулъ, который имѣлъ прежде, но котораго не имѣлъ болѣе съ прибытіемъ лорда Эльзона (*Elgin*) въ качествѣ посла въ Константинополь: дѣйствительно, онъ имѣлъ въ это время только власть, какую всегда имѣютъ военачальники, т. е. заключать военныя конвенціи, перемирія и проч.

(**) Скажемъ мимоходомъ, что сэръ Сидней крейсировалъ всего съ двумя кораблями (что достаточно доказывало возможность для Франціи имѣть сообщенія съ Египетомъ). Въ это время, у сэра Сиднея была только одна *Тигръ*; другой корабль, *Темъ*, бѣжалъ въ починки въ Каиръ.

Тутъ дѣло шло о трактатѣ между многими европейскими государствами, а не о простой военной капитуляціи.

Но до окончательнаго соглашенія надо было условиться о двухъ обстоятельствахъ настоятельной необходимости: во-первыхъ объ отправленіи въ Европу равенныхъ и ученыхъ, прикомандированныхъ къ экспедиціи; во-вторыхъ, о приостановленіи военныхъ дѣйствій, потому что армія великаго визиря уже стояла на сирійской границѣ, подъ фортами Эль-Аришемъ.

Первое обстоятельство зависело отъ сэра Сидней, и онъ согласился на то съ охотою и рыцарскою учтивостью. Относительно же перенятія, сэръ Сидней объявилъ, что будетъ ходатайствовать о немъ, но что это зависитъ не отъ него, ибо турецкая армія состояла изъ фанатическихъ и варварскихъ орлъ, и что было весьма-трудно заключать съ нею регулярныя конвенціи, особенно же завязать ихъ исполненіе. Онъ придумалъ отправиться самъ въ лагерь визиря, находившійся въ окрестностяхъ Газы. Вотъ уже цѣлыя два недѣли шли переговоры на Тиръ, плававшемъ по прихоти ветровъ между береговъ Египта и Сиріи; было высказано все, что можно было высказывать, и переговоры не могли быть продолжены съ пользою иначе, какъ въ присутствіи самого великаго визиря. Сэръ Сидней-Смитъ предложилъ французскимъ уполномоченнымъ, что онъ самъ приготовитъ тамъ для нихъ безопасный и почетный пріемъ.

Въ ту минуту, какъ англійскій коммодоръ прибылъ къ визирю, ужасное событіе совершилось въ Эль-Аришѣ: турецкая армія, состоявшая по меньшей части изъ янычаръ, и по большей изъ тѣхъ азіатскихъ ополченій, которыя по мусульманскимъ законамъ находятся въ полномъ распоряженіи султана, представляла собою массу нестройную и безъ дисциплины, весьма-опасную для всего, носящаго европейскую одежду. Она была собрана во имя пророка, съ возглашеніемъ, что это было последнее усиліе изгнать невѣрныхъ изъ Египта; что страшный *омекъ-султана*, Бонапарте, покинулъ ихъ; что они ослаблены, упали духомъ; что достаточно показаться предъ ними, чтобъ побѣдить ихъ; что весь Египетъ готовъ возстать противъ ихъ владычества, и проч. Все это собрало 70 или 80,000 мусульманъ-фанатиковъ вокругъ визиря. Къ Туркамъ присоединились мамелюки. Ибрагимъ-Бэй и Мурадъ-Бэй явились имъ на помощь. Англичане смастерили для этой арміи родъ полевой артиллеріи, запряженной мулами. Арабы-Бедуны, въ надеждѣ скоро ограбить побѣжденныхъ, кто бы они ни были, отдали въ распоряженіе визиря патнадцать тысячъ верблюдовъ, чтобъ пособить ему перейти пустыню, отдѣляющую Палестину отъ Египта. Турецкій полководецъ имѣлъ при своемъ полуварварскомъ штабѣ нѣсколько англійскихъ офицеровъ и многихъ французскихъ эмигрантовъ, которые научили Джеззара-Пашу искусству защищать Сен-Жан-д'Акру.

Фортъ Эль-Аришъ, предъ которымъ стояли теперь Турки, былъ, по словамъ генерала Бонапарте, однимъ изъ двухъ ключей Египта: Александрія былъ другимъ. Здѣшній гарнизонъ, снабженный продовольствіемъ и снарядами, состоялъ изъ 300 человекъ, подъ начальствомъ храбраго офицера

по имени Казала. Турецкій авангардъ подступилъ къ Эль-Аришу. Полковникъ Дугласъ, англійскій офицеръ въ службѣ султана, предложилъ коменданту Казалу сдаться. Перереженный французскій эмигрантъ былъ посланъ съ этимъ предложеніемъ. Начались переговоры; говорили солдатамъ, что безразсудно защищаться, потому-что оставленіе Французамъ Египта уже неизбежно. Солдаты, охранявшіе Эль-Аришъ, пламенно желавшіе, подобно всемъ своимъ товарищамъ, покинуть Египетъ, объявили коменданту, что не хотятъ защищаться, и что надо подумать о сдачѣ форта. Храбрый Казаль, исполненный негодованія, собралъ ихъ, сказалъ имъ, что если между ними есть трусы, то они могутъ отдѣлиться отъ гарнизона и отправиться въ турецкій лагерь, онъ предоставляетъ имъ въ этомъ полную свободу, но будетъ сопротивляться до смерти вмѣстѣ съ Французами, оставшимися верными своему долгу. Эти слова пробудили на минуту въ сердца солдатъ чувство чести. Предложеніе о сдачѣ было отвергнуто, и атака началась. Турки не могли овладѣть этою слабо-защищенною позиціею; но, направленные англійскими офицерами и эмигрантами, они близко подступили къ форту. Комендантъ приказалъ сдѣлать вылазку, однакожъ капитанъ Ферре, видя, что за нимъ слѣдуетъ всего три гренадера, возвратился. Въ этотъ промежутокъ времени, бунтовщики опустили знамя; но гренадерскій сержантъ опять водрузилъ его. За тѣмъ послѣдовала борьба. Во время этой борьбы, негодяи, хотѣвшіе сдаться, бросали нѣсколькимъ Туркамъ веревки: Турки, взобравшись въ фортъ, напали съ саблями въ руки на несчастныхъ, которые помогли имъ взойти, и вырвали большую часть изъ нихъ. Другіе, пришедшіе въ себя, соединились съ остальнымъ гарнизонамъ, отчаянно защищались, и почти все были истреблены. Очень-немногіе сдались на капитуляцію, благодаря полковнику Дугласу, и одолжены были жизнью посредничеству этого офицера.

Такъ палъ фортъ Эль-Аришъ. Это былъ первый плодъ, пожатый полководцами отъ ихъ собственныхъ ошибокъ.

Взвращеніе умерщвленія французскаго гарнизона возмутило благородныя чувства сэра Сидней-Смита, и заставило его въ-особенности опасаться прерванія переговоровъ. Онъ посвѣшилъ отправить объясненіе къ Клебѣру, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени великаго вѣзиря, и присовокупилъ къ тому формальное ручательство, что всякія непріязненныя дѣйствія будутъ прекращены во время переговоровъ.

При видѣ этихъ ордъ, сэръ Сидней-Смитъ сталъ опасаться за французскихъ уполномоченныхъ. Онъ потребовалъ, чтобъ палатка, предназначенная для ихъ принятія, была въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и палатки великаго вѣзиря и рейс-эфенди; чтобъ около поставлена была гвардія изъ отборныхъ войскъ; приказалъ поставить свою ставку въ соседствѣ, и наконецъ составилъ отрядъ изъ англійскихъ матросовъ, чтобъ предохранить отъ всякаго несчастія и себя и французскихъ офицеровъ, ввѣренныхъ его чести. Принявъ эти предосторожности, онъ отправилъ въ Яѳфу за Дезз и Пуссельгомъ.

Клебѣръ, узнавъ объ эль-аршшскомъ кровопролитіи, не обнаружилъ такого негодованія, какого бы надо было ожидать; онъ чувствовалъ,

что всѣ переговоры должны были бы прерваться, еслибъ онъ единственною воювала протязь этого. Онъ еще болѣе настаивалъ на прекращеніи военныхъ дѣйствій, и, чтобъ находиться ближе къ мѣсту совѣщаній, покинулъ Каиръ и перевелъ свою главную квартиру съ Салаіа, на самую границу пустыни, къ разстоянію двухъ переходовъ отъ Эль-Ариша.

Между-тѣмъ, Дезе, въ негодованіи, долженъ былъ прервать переговоры. Незажившіе варвары, по-свидѣнію истолковывая поступки Французовъ, выдвигали въ этомъ расположеніи договариваться не умеренное желаніе возвратиться во Францію, а страхъ сражаться. И потому они требовали, чтобъ армія сдѣлалась военно-пленнымъ. Сержъ Сидней удалось кое-какъ уговорить Дезе продолжать совѣщанія. Уже Клеберъ отступился отъ многихъ своихъ требованій. Вскорѣ стали торговать только о простомъ выводѣ войска изъ Египта, и о условіяхъ этого вывода. После долгихъ прерій, было постановлено, что всѣ непріязненные дѣйствія будутъ прекращены на три мѣсяца; что эти три мѣсяца будутъ употреблены въпрямь на собраніе въ портахъ Редутты, Абукира и Александріи кораблей, необходимыхъ для перевозки французской арміи, — а генераломъ Клеберомъ на очищеніе верховья Нила, Каира, окрестныхъ областей, и на сосредоточеніе его войскъ въ мѣстахъ посадки на суда; что Французы удалятся изъ Египта съ оружіемъ и военными припасами, т. е. со всею почестью; что они увезутъ съ собою припасы, сколько имъ будетъ нужно, и оставятъ все остальное; что, начиная со дня подписанія трактата, они перестанутъ налагать контрибуціи и предоставлять порты дѣлать тѣ, которые останутся науплаченными; но что французская армія получитъ 3,000 мѣднѣкъ пѣстроговъ, равняющихся по цѣнности 3,000,000 франкамъ — суммѣ необходимой для ея содержанія во время выхода и перевала. Форти на границахъ Египта должны быть сланы десять дней спустя после ретираціи, Каиръ спустя сорокъ дней. Было положено, что ретирація будетъ дана однимъ генераломъ Клеберомъ, безъ испрошенія согласія французскаго правительства. Наконецъ, сержъ Сидней-Смитъ принялъ на себя позаботиться о безопасномъ перевалѣ арміи въ Европу.

Французскіе комиссары сдѣлали весьма-важное упущеніе въ сформированіи трактата. Подпись сержъ Сидней-Смита была необходима, ибо, безъ этой подписи, все оставалось замертво. Мало-опытные въ дипломатическихъ обрядахъ, французскіе уполномоченные полагали, что сержъ Сидней, предлагая паспорты, могъ выдавать ихъ, и что эти паспорта имели силу.

Проектъ конвенціи былъ оконченъ; оставалось подписать его. Но благородное сердце Дезе возмущалось тѣмъ, что его обязывали дѣлать. Прежде чѣмъ подписаться подъ такимъ актомъ, онъ отправилъ къ Клеберу своего адъютанта Савара, съ извѣщеніемъ, что онъ не подпишетъ, доколѣ не получитъ отъ него формальнаго приказанія. Клеберъ, смутно чувствовавшій свою ошибку, хотѣлъ, для прикрытія ея, собрать военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ арміи.

Этотъ совѣтъ былъ собранъ 21 января 1800 г. (1 плювіоза V-III).

Протоколъ его еще сохранился: Здесь со всеми натяжками старались удержать себя и другихъ, что въ рашинности оставить Египетъ съобразно съ инструкціями генерала Бонапарте. Но въ это время былъ только январь мѣсяцъ 1800г., чумы не было, также вовсе не было настоятельной опасности отъ неприятеля, и къ-тому же рывались покинуть Египетъ безъ сношенія съ Франціею.

Нелюбовь, показавшій на войнѣ лучше, нежели храбрость, — характеръ, генераль Дану, въ-послѣдствіи маршалъ и князь акьюльскій, одинъ осмѣлился воспротивиться этому преступному увлеченію. Но его не выслушали, и онъ, по досадной снисходительности, согласился подписать рѣшеніе военнаго совета, позволивъ внести въ протоколъ, что оно было принято единогласно.

Дело, хотя съ грустью въ сердцахъ, но уступивъ общему стремленію, подписавъ 28 января свое имя на этой несчастной конвенціи, знаменитой въ-послѣдствіи подъ именемъ аль-арийской конвенціи (8 пловио).

Между-тѣмъ, готовились къ отправленію; большая часть арміи радовалась, что покидала эти далекіе берега и снова увидитъ Францію. Сэръ Сидней-Смитъ пошелъ на свой корабль. Вазиръ приближался и занималъ посадики, которыя Клеберъ, во исполненіе договора, съ точностію сдѣлалъ ему. Клеберъ возвратился въ Каиръ, чтобъ сдѣлать распоряженія на счетъ отъезда, сосредоточить вокругъ себя всѣ войска и отправить ихъ въ условленное время для посадки на суда.

Въ это время вотъ что происходило въ Еврѣи. Дѣйствительно, письма и депеши, отправленные въ дубликатахъ, были доставлены въ одно время въ Парижъ и Лондонъ. Генераль Бонапарте, сдѣлавшійся главою правленія, былъ возмущенъ такими слабостями и такою лживостію; но онъ чувствовалъ, какъ для арміи былъ необходимъ Клеберъ; онъ умишалъ величія качества этого генерала, и, не предвидя, чтобъ онъ могъ рѣшиться на оставленіе Египта, варилъ свое собственное оскорбленіе. И такъ, онъ спешилъ отправить изъ Франціи инструкціи и повѣщенія о великихъ икъ заготовляемыхъ пособіяхъ.

Съ своей стороны, британское правительство обнародовало и депеши Клебера и частныя письма сенаторовъ, съ цѣлью показать Европѣ настоящее положеніе Египта и перессорить между собой генераловъ Клебера и Бонапарте. Вѣра въ-слово показаній Клебера, и получивъ въ то же время извѣщеніе о начатыхъ переговорахъ въ Египтѣ, оно дало приказаніе лорду Кейту, главнокомандовавшему въ Средиземномъ-Морѣ, не подписывать никакой капитуляціи иначе, какъ чтобъ французская армія осталась военно-пленнымъ.

Сэръ Сидней-Смитъ былъ въ отчаяніи. Онъ дѣйствовалъ безъ опредѣленной инструкціи своего правительства, въ надеждѣ, что его дѣйствія будутъ одобрены. Онъ воспламялъ ирискитъ Клеберу, выразивъ ему свое горе, и съ благородною откровенностію извѣстилъ его, въ чемъ былъ дело; онъ предлагалъ ему немедленно прекратить сличу египетскихъ вѣсть великому визарю, и умолялъ ждать новыхъ повѣстій изъ Англій, предлагая, чтобъ рѣшиться на что-нибудь окончательно.

Къ-несчастію, уже было поздно: французская армія вывела отчасти эль-аритскую конвенцію. Дезэ, воспользовавшись полученнымъ приказаніемъ возвратиться во Францію и не желая принимать участія въ подробностяхъ этого постыднаго отступленія, ухажалъ вмѣстѣ съ Даву, который, съ своей стороны, не могъ долже ужиться съ Клеберомъ. Въ то самое время, какъ Дезэ и Даву отъезжали, Латуръ-Мобуръ, бывший изъ Франціи съ деньгами отъ первого консула, встрѣтился съ ними на берегу; онъ сообщалъ о революціи 18 бромѣра и объ облеченіи верховною властью генерала Бонапарте.

Но было уже довольно слабости для такого великаго характера. Отъ безчестнаго предложенія Клеберъ принялъ въ себя и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ во истину, — героемъ. Надо было или подвергнуться безчестію, или вступить въ отчаянную борьбу: Клеберъ не колебался, и мы увидимъ, что, не смотря на значительно-ухудшившееся положеніе, онъ смогъ совершить то, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ считалъ невозможнымъ, и чрезъ то благороднѣйшимъ образомъ изобличилъ себя во лжи.

Клеберъ немедленно отдалъ арміи приказанія, противныя уже дѣльнымъ. Въ это время, онъ получилъ отъ лорда Кейта письмо, въ которомъ, между-прочимъ, было сказано: «Я знаю положительное приказаніе отъ его британскаго величества не соглашаться ни на какую капитуляцію съ вашею арміею иначе, какъ когда она положитъ оружіе, «сдастся военнопленнымъ и оставитъ весь корабль, находящійся въ александрійскомъ портѣ.»

Клеберъ, въ негодованіи, прописалъ это письмо лорда Кейта въ приказъ солдатамъ, прибавивъ эти простые слова:

«Солдаты! на такія дерзости отплатите только побѣдами: готовьтесь сражаться!»

Этотъ благородный голосъ раздался во всякъ сердцахъ. Теперь всѣ значительныя посты были отданы; оставалась одна равнина; народонаселеніе было повсюду въ возстаніи. Французская армія готовилась сразиться на равнинѣ, прибрежной Нилу, имея предъ собою 80,000 чело-вѣкъ, а за собою 300,000 жителей Камра, готовыхъ возмутиться; и она ничего не страшилась! Славное искушеніе великой ошибкы!

Вмѣшательство сэра Сиднея-Смита между Клеберомъ и великимъ зрителемъ было безуспѣшно. Въ такомъ положеніи дѣлъ, оставалось одно средство — сражаться!

20 марта 1800 года (29 вантоза VIII г.), до разсвѣта, французская армія, менше нежели въ числѣ 10,000 чело-вѣкъ, выступила изъ Камра, и развернулась на богатыхъ равнинахъ, слава примыкавшихъ къ Нилу, справа къ пустынь; прямо передъ нею видѣлись вдали развалины древняго Геліополя. Ночь, почти-свѣтлая въ этихъ странахъ, облегчала движенія, не давая ихъ ясными непріятелю. Солдаты были бодры и спокойны.

Стало свѣтать. Клеберъ былъ одѣтъ въ богатый мундиръ. Сидя на высокомъ конѣ, онъ явился передъ солдатами съ своею благородною осанкою, которую они такъ любили видѣть, и которой благородная про-

егота внушала имъ доверенность. «Друзья мои!» сказалъ онъ имъ, про-
вѣщая по рядамъ: «вы владеете въ Египтѣ только тою землею, ко-
торая подъ вашими ногами. Отступите хоть на одинъ шагъ, и вы поги-
бли!» Величайшій энтузіазмъ встрѣчалъ всюду его и слова его; и лишь-
только наступилъ день, Клеберъ отдалъ приказъ двинуться впередъ.

Развалины Гелиополя, пальмовый лѣсъ, волнистая поверхность почвы
скрывали главныя силы турецкой арміи. Турковъ можно было полага-
ть всего отъ 70 до 80,000 человекъ, какъ въ главномъ корпусѣ,
такъ и въ корпусѣ, расположенномъ въ Эль-Матаріѣ, и въ отрядѣ, ста-
равшемся проникнуть въ Каиръ.

Клеберъ сначала опрощилъ этотъ отрядъ; Турки, обращенные въ
бѣгство, исчезли изъ глазъ Французовъ.

Потомъ, Клеберъ поспѣшилъ атаковать селеніе Эль-Матаріѣ, прежде
чѣмъ могли бы прійти сюда на помощь главныя силы непріятельской
арміи. Генералъ Реньѣ принялъ Турковъ въ штыки; послѣ кровопролит-
ной сечи, они ударились въ бѣгство, и, соединясь съ только-что разсы-
павшимся отрядомъ, побѣжали въ безпорядкѣ въ Каиръ, подъ предводи-
тельствомъ Нассифа-Паши, намѣстника великаго визиря.

Соленіе Эль-Матаріѣ доставило Французамъ богатую добычу. Но здѣсь
они не остановились: солдаты и генералы чувствовали необходимость
не быть застигнутыми посреди селенія массою турецкихъ силъ. Армія,
мало-по-малу приходя въ свой утренній порядокъ, шла впередъ по ра-
винѣ, составляя собою многіе каррѣ, съ кавалерією посреди. Она ми-
новала развалины Гелиополя и приматила за ними облако пыли, кото-
рое подымалось на горизонтъ и быстро приближалось къ Французамъ.
Вдругъ это движущееся облако пыли остановилось, потомъ разсыпалось
отъ дуновенія вѣтра, и явилась турецкая армія, вытянутая въ линію
между селеній Серіакусъ (*Seriaqueus*) и Эль-Мергъ. На оба крыла Кле-
беръ отправилъ по два каррѣ, подъ начальствомъ Реньѣ и Фриана. На
лѣвомъ крылѣ стоялъ самъ визирь, въ группѣ всадниковъ, которыхъ
блестательное оружіе сіяло на солнцѣ. Нѣсколько гаубицъ разсылаю эту
группу. Непріятель хотѣлъ отвѣтить выстрѣлами артиллеріи, но его ядра,
худо-направленные, пролетали надъ головами французскихъ солдатъ.
Вскорѣ турецкія пушки были сбиты и не могли болѣе употребляться въ
дѣло. Тогда зашевелились тысячи знаменъ турецкой арміи, и часть эска-
дроновъ ея устремилась изъ селенія Мергъ на каррѣ дивизіи Фриана.
Глубокія трещины почвы, обыкновенно производимыя солнечнымъ зно-
емъ на землѣ, много до того орошаемой, замедляли быстроту коней.
Всадники были встрѣчены картечью и удалились въ безпорядкѣ.

Это было только прелюдією къ общей атакѣ. Турецкая армія видимо
къ тому готовилась. По знаку, данному великимъ визиремъ, трону-
лась вся масса турецкой конницы. Французская пѣхота окружена ею
со всѣхъ сторонъ и не смущается отъ криковъ и шумныхъ движеній
турецкой конницы; каррѣ стоятъ спокойно, ружья на-перевась, прова-
водя безпрерывный и меткій огонь. Вотще суетятся вокругъ ихъ эти
тысячи грунствъ всадниковъ; они валятся отъ французскихъ картечъ и

пусть, редко достигают до штыковъ боеустройства, и останавливаются у ногъ ихъ, или поворачиваются коной и спасаются бѣгствомъ.

Послѣ долгаго и ужаснаго хаоса, небо, помраченное отъ дыма и вѣдъ, наконецъ проясняется, земля дѣлается видимою, и побѣдители идутъ впередъ собою кучи людей и лошадей, погнанныхъ или погибшихъ, и далеко, такъ далеко, какъ можетъ простираться взоръ, толпы бѣглецовъ, стремящихся во всѣхъ направленіяхъ.

Клеберъ преслѣдовалъ непріятеля, который бросилъ на пути продовольствіе и обозы, доставшіеся Французамъ очень-кстати.

На равнинахъ Гелиополя 10,000 солдатъ, превосходствомъ дисциплины и хладнокровнаго мужества, разсыла отъ 70 до 80,000 непріятелей, потерявъ ранеными или убитыми всего едва 200 или 300 человекъ.

Клеберъ, преслѣдуя визиря изъ мѣста въ мѣсто, прибылъ наконецъ въ Салаисъ. Денной жаръ былъ невыносимъ; вѣтеръ дулъ съ пустыни; съ раскаленнымъ воздухомъ грудь вликала въ себя тонкую и пронзительную пыль. Люди и лошади были истомлены усталостью. Наконецъ, подлѣ-вечеръ, прибыли въ Салаисъ. Такимъ образомъ Клеберъ стоялъ на самой границѣ Египта, при входѣ въ сирійскую пустыню, и ждалъ заграничнаго дѣла, чтобъ довершить пораженіе великаго визиря. Но на-завтра утромъ, 23 марта (2 жерминаля), жители Салаисъ вышли къ нему на встрѣчу, объявивъ, что визирь бѣжалъ въ величайшемъ беспорядкѣ: Клеберъ прислалъ и увидѣлъ самъ это зрѣлище, доказавшее ему, какъ онъ преувеличилъ опасность отъ турецкихъ войскъ.

Великій визиръ, взявъ пятьсотъ лучшихъ всадниковъ, углубился съ несколькими обозами въ пустыню. Остатокъ его войскъ обратился въ бѣгство во всѣхъ направленіяхъ; одна часть бѣжала къ Дельтѣ; другая, оставшаяся въ Салаисъ, на колѣняхъ молила о пощадѣ; третья, нападѣвъ, жала искать убійства въ пустынѣ, гнала подлѣ саблій Арабовъ. Въ минуту прибытія Клебера, Арабы слетались, какъ стаи хищныхъ птицъ, на покинутый лагерь визиря. При видѣ французской арміи, они уцѣлились на своихъ быстрыхъ коняхъ, оставивъ французскимъ солдатамъ богатую добычу. Тамъ на прострѣанствѣ извратной лѣе находилось бесчисное множество палатокъ, коней, пушекъ, большое количество сѣделъ и всѣмъ упряжи, 40,000 подковъ, обильное продовольствіе, богатые одежды, ладки, уже вскрытыя Арабами, но еще полныя благовоиій алая, шелковая ткань; наконецъ, всевозможные предметы благодѣтельной и здравской роскоши восточныхъ войскъ. Подлѣ двѣнадцати деревянныхъ рѣзныхъ и вызолоченныхъ носилокъ, находилась колесница съ кубкомъ, наивышнейшій по-европейски, англійскаго издѣлія, и пушка съ девизомъ: *Nonni soit qui mal y pense*; — вѣрное свидѣтельство очень-далекаго внимательства Англичанъ въ эту войну.

Чудно дѣйствіе притягивающихъ причинъ на человека! Теперь солдаты, побѣдоносные, не хотѣли болѣе покидать Египта и не считали себя осужденными погибнуть въ далекой сѣнлѣ.

Клеберъ, уверившись собственными своими глазами, что турецкая армія исчезла, рѣшился возвратитъ къ долгу городъ Маминго-Египта и въ-особенности Каира.

Онъ прибылъ въ Каиръ 27 марта. Здесь, въ его отсутствіе, совершились ужасныя событія. Населеніе этого города, въ которомъ считалось до 300,000 человекъ, поддавшись прельщеніямъ турецкихъ лазутчиковъ и кинулось на Французовъ, лишь-только услышало пушечный выстрѣлъ съ равнины Галиопола. Оно все сбѣжало на городскія станы во время сраженія и, видя Массифа-Пашу и Ибрагима-Пашу съ нѣсколькими тысячами всадниковъ и янычаровъ, думало, что они останутся побѣдителями. Тѣ остереглись выводить ихъ изъ заблужденія, а напротивъ, рассказали, что Французы все истреблены и что великій визирь ожергалъ совершенную побѣду. При этой вѣсти, 50,000 человекъ возстали въ Каирѣ, Буленѣ, Гизѣ. Вооруженные саблями, пиками, старыми ружьями, они предположили перерѣзать Французовъ, оставшихся посреди ихъ. Но 2,000 человекъ успѣли во-время запереться въ цитадель и форты города. Бѣлашій опасности подвергались 200 человекъ, составлявшіе гарнизонъ дома главной квартиры. Этотъ прекрасный домъ, занимаемый некогда генераломъ Бонапарте, потомъ Клеберомъ и главными правительственными мѣстами, находился на одной изъ околичностей города, обращенный одною стороною на площадь Дабенію, красивѣйшую во всемъ Каирѣ, другою въ сады, простиравшіеся къ Нилу. Турки и возмущившаяся чернь хотѣли ворваться въ этотъ домъ и вырвать тамъ всѣхъ Французовъ. Это могло улаться тѣмъ легче, что генералъ Вердье, изъ цитадели, находившейся на другой околичности Каира, не могъ прійти къ нимъ на помощь. Но храбрые солдаты отбились сами и дали время прибыть къ нимъ на помощь генералу Лагравижу.

Турки, не видя средства одолѣть сопротивленіе Французовъ, выжили на бѣдныхъ христіанахъ, которые были у нихъ въ это время подъ рукою. Они начали тѣмъ, что истребили часть жителей египетскаго квартала: убили многихъ негодяевъ, разграбили ихъ дома и похитили дочерей и женъ. Потомъ они съгноили тѣхъ изъ Арабовъ, которые были обвиняемы въ томъ, что жили въ дружбѣ съ Французами и пили съ ними вино. Они перерезали ихъ и, по обыкновенію, смѣшали кровопролитіе грабежомъ. Оттуда они перешли въ кварталъ Коптовъ. Копты, какъ извѣстно, происходятъ отъ древнихъ обитателей Египта и упорно остались въ христіанствѣ, не смотря на все мусульманскія владычества, смѣнявшія другъ друга въ ихъ странѣ. Богатство ихъ было огромно и происходило отъ взиманія налоговъ, которое имъ поручили мамелюки. Хотѣли наказать ихъ, какъ друзей Французовъ, и въ-особенности разграбить ихъ дома. Къ счастью для Коптовъ, ихъ кварталъ былъ близокъ къ главной квартирѣ. Къ-тому же, ихъ глава былъ богатъ и храбръ; онъ мужественно защищался и успѣлъ спасти ихъ.

Между-тѣмъ, прибылъ генералъ Фрианъ, потомъ и самъ Клеберъ. Побѣдителямъ арміи визиря предстояло значительное затрудненіе покорить огромный городъ, населенный 300,000 людьми, отчасти возмущившимися, занятый 20,000 Турками, построенный на восточный ладъ, т. е. пресѣченный узкими улицами и наполненный сплошными строениями, которые были настоящими крепостями. Эти сплошныя строения,

пропуская въ себя свѣтъ съ надворной стороны и представляя снаружки только высокія стѣны, низлы, вмѣсто кровель, террассы, откуда инсургенты производили убійственный огонь. Прибавьте къ тому, что весь городъ, за исключеніемъ цитадели и площади Эбекіа, былъ въ рукахъ Турковъ. Чтò касается до этой послѣдней площади, она некоторымъ образомъ блокировалась ея, заперевъ зубчатыми стѣнами улицы, на нее выходившія.

Французы могли атаковать двумя способами: производить съ высоты цитадели разрушительный огонь бомбъ до-тѣхъ-поръ, пока не смирится городъ, или выйти съ площади Эбекіа, испровергая все преграды, поставленныя въ улицахъ, и завоеывая пристуномъ одинъ за другимъ все кварталы. Но первый способъ могъ повлечь за собою разрушеніе огромнаго города, бывшаго столицей страны, и который былъ нуженъ, чтобъ жить въ немъ; другой представлялъ вѣроятность потерять болѣе солдатъ, нежели во что бы обошлись десять сраженій тѣхихъ, какое было при Геліонолѣ.

Клеберъ показалъ здѣсь столько же благоразумія, сколько обнаружилъ зверствъ въ битвахъ. Онъ рѣшился выигрывать время и дать восстанію уняться самому. Хотя бунтовщики снабдили себя продовольствіемъ, разграбивъ дома Египтянъ, обыкновенно наполненные провизіей, хотя они сами мастеряли ядра, лили даже пушки, — при всемъ томъ, однакоже, было невозможно, чтобъ вскоре голодъ не явился посреди ихъ. Они должны были разувериться наконецъ на-счетъ общаго положенія дѣлъ въ Египтѣ, узнать, что Французы всюду были побѣдителями, и что армія визиря разсыяна; сверхъ-того, они должны были въ наискорѣйшемъ времени раздѣлиться отъ несогласій, потому-что интересы ихъ были слишкомъ противоположны.

При помощи Мурада-Бѣя, признававшаго себя вассаломъ Франціи, Клеберъ вступалъ въ переговоры съ Турками, находившимися въ Каира. Нассифъ-Паша и Ибрагимъ-Бѣй начали въ-самомъ-дѣлѣ бояться, чтобъ ихъ не заперли въ города взятые въ плѣнъ Французы и наказанныя по-турецки. Они знали, что армія визиря совершенно разсыяна. Итакъ, они охотно приступали къ переговорамъ и согласились на капитуляцію, въ силу которой могли удалиться здравы и невредимы. Но въ это время кайрскіе бунтовщики, видя себя оставляемыми на ищеніе Французамъ, были объаты ужасомъ и яростью, заставили прервать переговоры, угрожали перерезать тѣхъ, которые хотали оставить ихъ, дали даже денегъ Туркамъ, чтобъ побудить ихъ сражаться. И потому, чтобъ довершить покореніе, необходимо былъ приступъ.

3 и 4 апреля (13 и 14 жерминала), отрядъ генерала Фріана началъ первую атаку. Войска съ величайшею храбростью вошли въ узкія улицы Каира, между-тѣмъ, какъ вокругъ самой площади Эбекіа влетали на воздухъ дома для открытія проходовъ во внутренность города. Въ это время, цитадель бросила нѣсколько бомбъ, чтобъ устрашить населеніе. До начала приступа, Клеберъ въ послѣдній разъ сталъ увѣщавать бунтовщиковъ: они не хотали ничего слышать. При всемъ томъ, желая штурмовать городъ, невинный, впрочемъ, въ нествѣствѣ нѣсколькихъ фа-

натиковъ, Клеберъ хотѣлъ подѣйствовать на души непокорныхъ ужаснымъ примѣромъ. Онъ отдалъ приказаніе атаковать Булакъ, отдѣльно стоящее предместье Каира, на берегахъ Нила.

15 апрѣля (25 жерминаля), градъ бомбъ посыпался на этотъ несчастный городъ. Благопріятствуемые огнемъ, солдаты бросились на приступъ. Всякая улица, всякій домъ сдѣлались театромъ ожесточенной битвы. Клеберъ приказалъ на минуту приостановить эту ужасную сѣчу, чтобъ предложить бунтовщикамъ помилованіе. Это помилованіе было отвергнуто. Тогда снова началась атака; огонь распространился изъ дома въ домъ, и Булакъ, объятый пламенемъ, испыталъ двойной ужасъ пожара и приступа. Между-тѣмъ, главы населенія бросились въ ноги побѣдителю, и Клеберъ, приказавъ прекратить кровопролитіе, спасъ остатки этого несчастнаго предместья. То былъ кварталъ, гдѣ находились торговые магазины; въ нихъ нашли огромное количество товаровъ, которые были спасены отъ пламени въ пользу арміи.

Это ужасное зрѣлище было видно всему населенію Каира. Воспользовавшись произведеннымъ такимъ-образомъ эффектомъ, Клеберъ приказалъ атаковать и самую столицу. Домъ, смежный съ главной квартирою и еще занятый Турками, былъ взорванъ на воздухъ. Это было сигналомъ атаки. Битва была жестокая. Ночь раздѣлила сражающихся. Погибло нѣсколько тысячъ Турковъ, мамелюковъ и бунтовщиковъ; четыреста домовъ были жертвою пламени.

Это было послѣднимъ усиліемъ бунта. Жители, долго удерживавшіе Турковъ, теперь настоятельно умоляли ихъ выйти изъ Каира, и дать имъ свободу вступить съ Французами въ переговоры. Клеберъ, которому противны были эти зрѣлища убійствъ, и который хотѣлъ сберечь своихъ солдатъ, только того и ждалъ. Вскорѣ заключенъ былъ трактатъ. Нассифъ-Паша и Ибрагимъ-Бэй должны были удалиться въ Сирію.

Такимъ образомъ окончилась эта кровопролитная борьба, начавшаяся сраженіемъ при Геліополѣ, 20 марта, и кончившаяся 25 апрѣля, послѣ тридцати-пяти боевыхъ дней, между 20,000 Французами съ одной стороны, а съ другой, всѣми силами Оттоманской-Имперіи, вспоможенными возстаніемъ египетскихъ городовъ. Важныя ошибки повлекли за собою это возмущеніе и были причиною ужаснаго кровопролитія. И дѣйствительно, еслибъ Французы не обнаружили желанія удалиться, никогда Египтяне не дерзнули бы возмутиться. Забудемъ ошибки Клебера и почтимъ его прекрасные, мужественные подвиги. Онъ считалъ невозможнымъ защитить отъ Турковъ Египетъ мирный и покорный, и покорилъ его въ тридцать-пять дней столь же энергически, сколько и благородно и человеколюбиво.

Всюду трепетали побѣжденные предъ побѣдителемъ, и ждали страшныхъ казней. Въ-особенности, жители Каира, такъ безчеловѣчно поступавшіе съ Арабами, правверженцами Французовъ, съ христіанами всѣхъ націй, были объаты ужасомъ. Клеберъ собралъ ихъ, сначала грозно посмотрѣлъ на нихъ, потомъ простылъ, ограничившись наложеніемъ контрибуціи на возмущившіеся города.

Каиръ заплатилъ десять милліоновъ — бремя не тягостное для тако-

по большаго города. Жители были рады, что отдавались такъ дешево. Еще восемь милліоновъ были наложены на бунтовавшіе города Нилнаго-Египта. Эта сумма дала средство уплатить недолажное жалованье, а также купить продовольствіе, въ которомъ нуждалась армія, и окончить начатыя укрѣпленія. Въ это же время, захвачены были семьдесятъ турецкихъ судовъ, которыхъ богатый грузъ былъ распроданъ въ пользу войсковой казны. Армія, гордая своими побѣдами, зная, что генералъ Бонапартъ находится въ главѣ правленія, не сомнѣвалась болѣе, что ей будетъ прислана помощь. И такъ, Клеберъ на подаяхъ Галисоя завоевалъ благороднѣйшее изъ оправданій въ своихъ минутныхъ ошибкахъ.

Онъ приступалъ къ устройству египетскихъ колоній. Взиманіе старыхъ налоговъ онъ поручалъ Контанъ, которые занимались этимъ и прежде. Сумма всѣхъ доходовъ должна была простираться до 25,000,000 и могла удовлетворить всѣмъ требованіямъ арміи, которая не превышала 18 или 20 милліоновъ. Ряды французскихъ полубригадъ наполнялись Контанми, Сиріанцами, даже черными, купленными въ Дарфура: эти новые солдаты сражались такъ же хорошо, какъ и Французы. Клеберъ приказалъ докончить начатыя укрѣпленія вокругъ Каира, устроить укрѣпленія въ Ассуанъ, Даміетта, Бурусъ, Розетта, лежащихъ на берегахъ. Онъ ускорилъ работы въ Александріи и далъ новую деятельность ученымъ изысканіямъ египетскаго института. Два мѣсяца спустя, начали появляться въ Каиръ караваны изъ Сиріи, Аравіи, Дарфура, и были приняты гостеприимно.

Еслибъ Клеберъ остался въ живыхъ, Египетъ былъ бы сохраненъ для Франціи, но-крайней-мѣрѣ до дня ея великихъ несчастій; но печальное происшествіе похитило этого генерала, поореди его подвигамъ и мудрости его управленія.

Весь исламизмъ возмущался отъ присутствія Французовъ въ Египтѣ. Сыны Мухаммеда почувствовали въ себѣ то же олушевленіе, которое дѣлало ими во время крестовыхъ походовъ. Въ Египтѣ, гдѣ видны Французовъ вблизи, гдѣ могли оцѣнить ихъ человеколюбіе, гдѣ ихъ могли сравнивать съ солдатами Порты и въ-особенности съ Мамелюками, въ Египтѣ, наконецъ, гдѣ были свидѣтелями ихъ уваженія къ пророку (уваженія, которое оказывать приказалъ генералъ Бонапартъ), отвращеніе было гораздо въ меньшей степени; и, когда позже они покинули эту страну, фанатизмъ уже значительно охладился. Но на востокахъ болѣе всего поражаемо это наводненіе неварными обширной мусульманской страны.

Молодой человекъ, родомъ изъ Алепа, по имени Сулейманъ, съ головою, восторженною въ высочайшей степени, совершившій странствіе на поклоненіе въ Мекку и Медину, упавшійся въ мечети Эль-Азариъ вѣроятнѣйшей и богатѣйшей въ Каирѣ, въ той, гдѣ изучаютъ Коранъ и турецкіе законы, и, наконецъ, хотѣвшій вступить въ сословіе учителей въры, — окитался по Палестинѣ, когда проходилъ по ней остатки арміи визиря. Онъ былъ свидѣтелемъ страданій; отчаянія своихъ соплеменниковъ; его большее воображеніе было этимъ поражено сильно. Ага

аппаръ, знавшій случаи видѣться съ нимъ, еще болѣе своими наученіями возбуждалъ его фанатизмъ. Этотъ молодой человекъ предложилъ умертвить *султана Французовъ*, генерала Клебера. Ему дали армадера и денегъ на дорогу. Онъ отправился въ Газу, перѣхалъ пустыню, прибылъ въ Каиръ и заперся на нѣсколько недѣль въ большую мечеть. Богатыя мечети на Востоку — то же, что были некогда въ Европѣ монастыри: здѣсь мѣсто молитвы, духовнаго образованія и гостеприимства. Молодой фанатикъ открылся, въ своемъ преданаваніи четыремъ пердѣйшамъ шейхамъ мечети, бывшимъ главными преподавателями. Они были испуганы его намѣреніемъ и слѣдствіями, которыя оно могло повлечь за собою; сказали ему, что онъ не успѣетъ и будетъ причиною великихъ бѣдъ въ Египтѣ, но при всемъ томъ остереглись извѣстить объ этомъ французскія власти.

Этотъ несчастный, достаточно уже укрѣпившійся въ своемъ намѣреніи, вооружился кинжаломъ, слѣдилъ за Клеберомъ, нѣсколько дней, и, не могши къ нему приблизиться, выдумалъ проникнуть въ дверь главной квартиры и тамъ спрятаться въ покинутой цитернѣ. 14 іюня онъ явился передъ Клеберомъ, который, прогуливаясь съ архитекторомъ, состоявшимъ при арміи, Протенемъ, показывалъ ему, какия надбѣды слѣдуетъ учинить въ домѣ главной квартиры, чтобъ изгладить тамъ славу Бомба и ядере. Онъ приблизился, какъ-бы проси милостыни, и въ то время, какъ Клеберъ располагался его выслушать, бросился на него и вонзилъ нѣсколько разъ кинжалъ въ его сердце. Клеберъ палъ отъ этихъ тяжкихъ ударовъ. Архитекторъ Протень, у котораго въ рукахъ была палка, кинулся на убійцу, сильно ударилъ его въ голову, но въ свою очередь былъ поверженъ на землю ударомъ кинжала. На крикъ обѣихъ жертвъ, сбѣжали солдаты, воцѣпили своего назидательнаго генерала, вскакали и схватили убійцу, котораго нанли спрятавшимся за кучу мусора.

Несколько минутъ спустя послѣ этой сцены, Клеберъ уже не существовалъ. Армія пролила не нѣтъ горькія слезы. Сами Арабы, удивлявшіеся его милосердію послѣ нѣхъ возстанія, жалели о немъ. Военная дисциплина, нещадленно наряженная, судила убійцу, признававшегося во всемъ. Онъ былъ осужденъ по законамъ этой страны и посаженъ на колѣ. Четыремъ шейхамъ, его повѣренными, отрубили голову. Въ Клеберъ армія потеряла генерала, а колонія основателя, котораго не могъ замѣнить ни одинъ изъ оставшихся въ Египтѣ генераловъ. Съ Клеберомъ, Египетъ былъ потерянъ для Франціи. Мену, назначенный ему въ преемники по старшинству, былъ пламенный защитникъ экспедиціи, но, не смотря на свое рвеніе, былъ совершенно неспособенъ къ такому посту. Оказъ только человекъ могъ равняться съ Клеберомъ, даже превзойти его въ управленіи Египтомъ: это былъ тотъ, кто, три мѣсяца назадъ, ухажъ изъ Александріи въ Италію, и который палъ при Марейго, въ тотъ же день, почти въ ту же минуту, когда Клеберъ былъ умерщвленъ въ Каирѣ: это Деза! Оба умерли 14 іюня 1800 года, жертвою выполненія обширныхъ предначертаній генерала Бонапарте. Страшна судьба этихъ двухъ людей, всегда, въ-продолженіе

всей своей жизни стоявших другъ подлѣ друга, обличенныхъ еще въ день своей смерти, и при всемъ томъ столь различныхъ по всей чертамъ души и тѣла!

Клеберъ былъ красивѣйшій мужчина во всей арміи. Его высокій ростъ и благородный видъ, въ которомъ дышала вся гордость души, его храбрость, вмѣстѣ отважная и спокойная; соображеніе быстрое и вѣрное, дѣлали изъ него на полѣ битвы генерала, внушающаго къ себѣ полное уваженіе. Умъ его былъ блистателенъ, оригиналенъ, но необразованъ. Онъ читалъ безпрестанно и исключительно Плутарха и Квинта-Курція: искалъ въ нихъ пиши великихъ душъ, исторіи героев древности. Онъ былъ капризенъ, непокоренъ, характера недовольнаго. Говорили про него, что онъ не хотѣлъ ни начальствовать, ни повиноваться, и это была правда. Онъ повиновался подлѣ начальствова генерала Бонапарте, но съ ропотомъ; иногда начальствовалъ, но во имя именованъ другаго, на-примѣръ, генерала Журдана, принимая по какому-то вдохновенію начальство въ самомъ огнѣ битвы, и выполнилъ это дѣло какъ человекъ съ высшими военными способностями, и послѣ победы принимая опять роль подчиненнаго генерала, которую предпочиталъ всякой другой роли. Клеберъ былъ неумѣренъ въ своихъ нравахъ и рѣчахъ, но чѣстенъ, безкорыстенъ, какъ люди бывали тогда, когда еще покореніе міра не растлѣло характеровъ.

Дезе былъ почти во всемъ противоположенъ Клеберу. Простой, робкій, даже немного-неловкій, съ лицомъ всегда открытымъ подлѣ длинными густыми волосами, онъ вовсе съ виду не походилъ на воина. Не герой въ сраженіи, добрый съ солдатами, скромный съ товарищами, великодушный съ побежденными, онъ былъ обожаемъ арміею и народомъ, покоренными французскимъ оружіемъ. Его умъ основательный и глубоко-образованный, военныя способности, строгое выполненіе обязанностей, безкорыстіе, дѣлали изъ него совершенный образецъ воинскихъ добродѣтелей; и въ то время, какъ Клеберъ, непокорный, не хотѣлъ выносить никакого начальства, Дезе умѣлъ повиноваться такъ, какъ-бы онъ никогда не знавалъ что значить самому начальствовать. Польскою наружностью онъ скрывалъ душу живую и очень-склонную къ восторженности. Генералъ Бонапарте уважалъ Клебера за его высокія воинскія качества, но никого не ставилъ ни по талантамъ, ни по характеру равнѣмъ съ Дезе. Сверхъ-того, онъ любилъ его: окруженный товарищами по оружію, которые еще не простили ему его возвышенія, хотя тщательно выказывали передъ нимъ свою покорность, — онъ любилъ въ Дезе приверженность чистую, безкорыстную, основанную на глубокомъ удивленіи. Во всякомъ случаѣ, храня про себя одного тайну своего предпочтенія, представляясь, что не замѣчаетъ погрѣшностей Клебера, онъ трактовалъ одинаково Клебера и Дезе и хотѣлъ, какъ удамъ вскорѣ, уравнять одинакими почестями этихъ двухъ человекъ, которымъ судьба дала одинакую участь.

Впрочемъ, все осталось спокойнымъ по смерти Клебера. Генералъ Мену, лишь только принялъ начальствованіе, успѣшилъ отправить изъ Александріи фрегатъ *Озирисъ*, чтобъ возвѣстить во Франціи хорошее настоящее положеніе дѣлъ колоній и плачевный конецъ ея втораго основателя.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АПРѢЛЬ 1845 ГОДА.

I. Государственные учреждения (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: 1) воспретить вывозъ платиновой монеты за границу; 2) привозъ платиновой монеты оттуда оставить свободнымъ, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, считая со дня изданія о томъ указа Правительствующаго Сената; по прошествіи же оныхъ считать запрещеннымъ и 3) съ вывозимой въ зернахъ, кускахъ, слиткахъ, полошкахъ и въ дѣлѣ платины взимать пошлины по пятидесяти копеекъ серебромъ съ золотника, дозволивъ таковой вывозъ по европейской и азіатской границамъ токмо чрезъ первоклассныя таможи; привозъ же платины во всякъ видахъ воспретить (Выс. повел. объяв. 16 февраля).

— По оказавшейся необходимости сдѣлать помѣщикамъ имѣніямъ Смоленской-Губерніи пособіе, по случаю бывшаго въ ней неурожае хлеба въ 1844 году, Высочайше разрѣшено: разрочить помѣщикамъ этой губерніи годовыи взносы платежей и недоимокъ въ кредитныя установленія на остальное время займовъ по имѣніямъ, находящимся въ Узлахъ: Смоленскомъ, Краснинскомъ, Рославльскомъ, Уховщинскомъ, Дорогобужскомъ и Поречьскомъ, не распространяя этого снисхожденія на прочіе шесть узловъ сказанной губерніи (Выс. повел. объяв. 18 марта).

— По тому же поводу разрѣшено: 1) подлежащіе съ помѣщиковъ имѣній Гдовскаго Уѣзда Санктпетербургской-Губерніи платежи по займамъ въ Опекунскихъ Совѣтовъ, Заемнаго Банка и Приказа Общественнаго Призванія, которыми наступать въ нынѣшнемъ году сроки, разумая въ томъ числѣ и льготныя мѣсяцы по 1-е ноября сего года, равно прежніи недоимки разрочить на три года, съ тѣмъ, чтобъ оныя вносились были по равнымъ частямъ съ причитающимися процентами, но чтобъ текущіе съ означеннаго 1-го ноября платежи по займамъ были производимы своевременно, недоимки же, которыя произойдутъ отъ раз-

сроченныхъ платежей, причислить на остальное время займовъ изъ банковыхъ установленій къ казначейному долгу и 2) тѣмъ изъ помѣщиковъ Гдовскаго-Уѣзда, имѣнія которыхъ находятся въ совершенно-затруднительномъ положеніи относительно продовольствія, дозволить выдавать на этотъ предметъ изъ Санктпетербургскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, преимущественно же для обезпеченія засѣва полей яровыми хлѣбомъ, отъ 2 до 4 рублей серебромъ на ревизскую мужескаго пола душу, въ видѣ добавочнаго займа, съ тѣмъ, чтобъ выдача таковая производима была безъ малѣйшаго промедленія, принимаясь, относительно обезпеченія и платежа сихъ ссудъ, къ Высочайше утвержденнымъ 18 июня 1840 года правиламъ для надбавочныхъ займовъ въ Тульской, Калужской и Рязанской Губерніяхъ; причемъ уплату этихъ ссудъ расположить на остальное время, по которому имѣнія приняты въ залогъ. (Выс. пов. 22 марта).

— По тому же поводу разрѣшено разсрочить помѣщикамъ Ершанскаго, Сеннинскаго и Копыскаго Уѣздовъ годовыи взносъ платежей и недоимокъ въ кредитныя установленія на остальное время займовъ, допустивъ эту мѣру въ Могилевскомъ, Мстиславскомъ, Чаусовскомъ, Быховскомъ, Чериковскомъ и Климовецкомъ Уѣздахъ Могилевской-Губерніи, только для тѣхъ владѣльцевъ, которые представать удостовѣренія уѣздныхъ предводителей дворянства, засвидѣтельствованныя начальникомъ губерніи, что имѣнія ихъ подверглись послѣдствіямъ неурожая и имѣютъ въ томъ необходимость; на остальные же два уѣзда, Рогачевскій и Бѣлицкій, мѣры этого пособія вовсе не распространять (Выс. повел. объявл. 22 марта).

— По случаю скуднаго сбора сахарнаго песку на островъ Кубъ, который обыкновенно снабжаетъ имъ Россійскую Имперію, преимущественно санктпетербургскій портъ, и для отвращенія могущаго отъ того произойти большаго возвышенія цѣны на сахаръ, Высочайше повелѣно: 1) привозъ сахара лумпа толченаго и въ мелкихъ кускахъ (crushed lumpus) разрѣшить изъ Англіи къ санктпетербургскому порту въ навигацію 1845 года, единственно для переработки на сахарныхъ заводахъ, съ пошлиною, определенной на сахаръ-сырецъ, по 3 рубля 80 коп. серебромъ съ пуда. 2) Выпускъ лумпа изъ таможи производить для однихъ сахарныхъ заводчиковъ, а потому купцы должны продавать оный однимъ заводчикамъ, и притомъ прежде выпуска изъ таможи. 3) При выпускѣ каждой партіи сахара лумпа изъ таможи, брать съ заводчика обязательство, что сахаръ этотъ будетъ имъ употребленъ для переработки, а отнюдь не для продажи въ видѣ лумпа, и что въ случаѣ обнаруженія выпущеннаго ему лумпа въ продажу, оный подвергается ответственности, установленной закономъ за контрабанду, то-есть взысканію цѣны открытаго въ незаконной продажѣ лумпа и сверхъ-того пѣтервой пошлины. 4) Вычетъ на тару предоставить определять управляющему Министерствомъ Финансовъ по действительному вѣсу тары, который по опыту окажется (Выс. пов. объявл. 19 марта).

— Высочайше повелѣно: надлежащіе съ помѣщичьихъ имѣній той части Лужскаго-Уѣзда (Санктпетербургской Губерніи), которая прелега-

еть къ Псковской-Губерніи, недолгими и срочные платежи за 1844—1845 годы, по ссудамъ изъ Ошкунскихъ Совѣтовъ, Заемнаго Банка и Приказа Общественнаго Призрѣнія, расположить на остальное время займовъ, съ причисленіемъ къ капитальному долгу и той недолжки, которая произойдетъ отъ этой рассрочки (Выс. повел. объявл. 5 апрѣля).

— Высочайше утверждены въ 9-й день января статьи въ дополненіе и измененіе Учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ, изъ которыхъ представляемъ извлеченіе. Министерство Государственныхъ Имуществъ состоитъ изъ четырехъ департаментовъ. Департаменты сіи суть: а) Первый Департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; б) Второй Департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, в) Департаментъ Сельскаго Хозяйства и г) Лѣсный Департаментъ. Ведомству Перваго Департамента принадлежать государственныя имущества и попечительство надъ государственными крестьянами въ губерніяхъ, состоящихъ на оброчномъ положеніи, а именно: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Санктпетербургской, Псковской, Новгородской, Тверской, Нижегородской, Московской, Ярославской, Костромской, Казанской, Вятской, Оренбургской, Пермской, Владимирской, Рязанской, Калужской, Орловской, Смоленской, Тульской, Пензенской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Курской, Черниговской, Херсонской, Харьковской, Полтавской, Екатеринославской, Таврической, Астраханской и Кавказской Области, въ губерніяхъ и областяхъ Западной и Восточной Сибири и въ Бессарабской Области. Въдѣлію сего же Департамента принадлежать состоящіе въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ свободныя хлѣбопашцы, иностранные поселенцы, кочевые народы и янородцы. Первый Департаментъ состоитъ изъ девяти отдѣленій и канцелярій. Второй Департаментъ управляетъ государственными имуществами и имѣетъ попечительство надъ государственными крестьянами въ губерніяхъ: Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Витебской, Могилевской, Минской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Волынской, Киевской, Подольской и въ закавказскомъ краѣ. Къ ведомству сего же Департамента принадлежить попечительство надъ всеми вообще свободными сельскими обывателями, живущими на казенныхъ земляхъ, какъ то: однодворцами, вольными людьми, свободными хлѣбопашцами и проч., а также надъ иностранными поселенцами, подворенными въ тѣхъ же губерніяхъ. Второй Департаментъ состоитъ изъ семи отдѣленій и канцелярій, и при немъ находятся: люстраціонная коммиссія, архивъ и чертежная. Департаментъ Сельскаго Хозяйства заведываетъ: 1) дѣлами по усовершенствованію, распространенію и поощренію разныхъ отраслей сельскаго хозяйства. 2) всеми учебными и образцовыми сельскохозяйственными заведеніями, состоящими при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ. 3) Корпусомъ Гражданскихъ Топографовъ и мѣжеваніемъ казенныхъ земель, производимымъ какъ чинами, въ составъ сего корпуса входящими, такъ и другими, Департаменту подчиненными. 4) Собраніемъ статистическихъ свѣдѣній по части сельскаго хозяйства и о состояніи государственныхъ имуществъ. 5) Уравненіемъ денежныхъ съ государственныхъ крестьянъ сборовъ и повинностей, посред-

ством переложени оныхъ съ душъ на землю и б) строительною и техническою частями по управленію Министерства Государственныхъ Имуществъ. Департаментъ Сельскаго Хозяйства состоитъ изъ пяти отдѣловъ, канцелярій и архива. Сверхъ-того при немъ находятся: а) комиссия для дѣлъ техническихъ и строительныхъ, б) центральная комиссия уравненія денежныхъ оборотовъ съ государственныхъ крестьянъ, в) ученый комитетъ, г) типографія съ литографіею и металлографіею. Ученый комитетъ занимается разсмотрѣніемъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя, заключая въ себѣ новое предположеніе, или исправленіе недостатка существующихъ учреждений по сельскому хозяйству и государственнымъ имуществамъ, требуютъ спеціальныхъ и соображеній ученыхъ. Онъ состоитъ подъ председательствомъ директора Департамента Сельскаго Хозяйства, изъ шести членовъ, которые избираются и утверждаются министромъ. Въ немъ постоянно присутствуютъ, въ качествѣ членовъ, вице-директоры Департамента Сельскаго Хозяйства и начальникъ статистическаго отдѣленія. Для такого же присутствованія могутъ быть назначены съ утвержденія министра и другія лица. Ученый комитетъ имеетъ, сверхъ-того, членовъ-корреспондентовъ, которые утверждаются въ сихъ званіяхъ министромъ.

II. ГУБЕРСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Бердянской таможенной заставѣ предоставлены въ видѣ опыта на три года, т. е. по 1849 годъ, всѣ права, присвоенныя второкласснымъ таможнямъ по статьѣ 7-й Св. Уст. Тамож. (изд. 1842 г.), за исключеніемъ только дозволенія отправлять товары для очистки пошляною въ первоклассныя таможни и сверхъ-того допускать по 1848 годъ привозъ къ бердянскому порту кофе, для очистки тамъ пошляною въ-тотчасіе общаго двух-мѣсячнаго срока, постановленнаго для второклассныхъ таможенъ (Выс. повел. объявл. 12 марта).

— Высочайше утвержденнымъ въ 12 день марта мнѣніемъ Государственнаго Совета повелѣно: 1) Бердянскаго полицеймейстера переименовать тамошнимъ портовымъ начальникомъ, съ оставленіемъ его по полицейскому управленію при тѣхъ обязанностяхъ, какія онъ имѣетъ по званію полицеймейстера; 2) для ближайшаго опредѣленія власти и обязанностей его по прочимъ частямъ, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, по сношенію съ новороссійскимъ и бессарабскимъ генерал-губернаторомъ, составить особую бердянскому портовому начальнику инструкцію, которую и привести въ дѣйствіе установленнымъ порядкомъ и 3) присвоить сей должности окладъ жалованья по 2,000 руб. сер. въ годъ, для чего къ 858 р., производившимся полицеймейстеру изъ государственнаго казначейства, добавить 1,142 рубля изъ доходовъ города Бердянска.

— Городъ Вазники, Владимірской-Губерніи, причисленъ къ разряду тѣхъ городовъ, которыхъ, на основаніи 1346 ст. Свода Зак. Гражд.

(изд. 1842 г.), дозволено представлять въ залогъ частныя казенныя домы и лавки но всякъ вообще откупать и подрядить съ казною, не распространяя впрочемъ этого права на цитейвые откупа, до истеченія настоящаго четырехлѣтія (Выс. повел. 11 марта).

— Новелью назначить во внутреннюю кавказскую орду врача на тѣхъ правахъ, какія вообще медицинскимъ чиновникамъ по службѣ предоставлены, съ жалованьемъ изъ суммъ Государственнаго Казначейства по 428 руб. 88 коп. сер. въ годъ и съ предоставленіемъ права замѣщать эту должность оренбургскому военному губернатору по сношенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ (Выс. повел. 22 марта).

— Государь Императоръ, обративъ всемілостивѣйшее вниманіе на послѣдствія выставки скота и разныхъ сельскихъ произведеній въ Одессѣ и Ярославѣ и признавъ учрежденія сія особенно полезными для народной промышленности, Высочайше повелѣлъ: принять мѣры къ распространенію ихъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи, а на новороссійскую выставку, предназначенную для одного скота, допустить приѣмъ всѣхъ сельскихъ произведеній; за тѣмъ, для направленія всѣхъ вообще выставокъ къ одной общей цѣли, Его Императорское Величество указать соизволилъ, въ дополненіе къ правиламъ, Высочайше-утвержденнымъ 9 декабря 1842 года, постановить слѣдующее: 1) Выставки сельскихъ произведеній учреждать по усмотрѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ состояніе сельскаго хозяйства и промышленности требуетъ. 2) Руководство выставками поручается каждый разъ особенному временному комитету, изъ начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, некотораго числа номинировъ и, по усмотрѣнію министра государственныхъ имуществъ, чиновниковъ, служащихъ по сельскимъ хозяйственнымъ заведеніямъ и членовъ или корреспондентовъ ученаго комитета, при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ учрежденнаго. 3) Къ состязанію на выставкахъ допускать всѣ сословія. 4) На издержки каждой выставки ассигновать изъ капиталовъ Министерства Государственныхъ Имуществъ по 1,000 руб. сер. 5) Въ поощреніе хозяевъ и промышленниковъ, за представленіе лучшихъ произведеній, выдавать по опредѣленію комитета выставки: медали, денежные преміи и похвальные листы, а равно удостоивать отличавшихся публичной похвалой. Число медалей должно быть предварительно опредѣлено министромъ государственныхъ имуществъ для каждой выставки, сообразно мѣстнымъ нуждамъ. 6) Подробныя наставленія и правила для каждой выставки, согласно вышеназложеннымъ общимъ началамъ, составить въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ по сношенію съ мѣстными начальниками (Выс. повел. 23 марта):

— Постановлено, что освѣщеніе гауптвахтъ и карауловъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ казармъ, и гдѣ, по сей причинѣ, военскіе чины не получаютъ оного ни отъ земства, ни отъ города, должно быть производимо на-счетъ городскихъ или земскихъ сборовъ, но общинамъ установленнымъ на сей предметъ правиламъ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 5 марта).

— Въ Пензенской-Губерніи, на тамбовскомъ трактѣ, отъ Каменской-Станціи до города Чембора учреждены двѣ станціи: одна въ деревнѣ Кикниной на 20-й верстѣ отъ села Каменки, а другая въ селѣ Кедз-Вершинной на 20¹/₂ верстѣ отъ Кикниной.

— Для существующей въ городѣ Новомосковскѣ, Екатеринославской-Губерніи, преобразенской армарки, назначенъ срокъ съ 1-го по 9 августа, вмѣсто 6 и 13 числѣ того же мѣсяца.

III. ЗАКОНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО СЛУЖБЫ ГРАЖДАНСКОЙ.

— Должность директора Школы Писарей Министерства Юстиціи отнесена по чиновпроизводству къ VIII классу (Выс. повел. объявл. 17 марта).

— Нижеслѣдующія должности Морскаго Министерства отнесены, по росписанію должностей: 1) Помощниковъ начальника Чертежной Строительнаго Департамента и чиновниковъ, состоящихъ у врасмотра за корабельными рошамъ: тамбовскими, оренбургскими в киргизскими и лужковскаго и петрозаводскаго лѣсничествъ — къ VIII классу. 2) Комиссіонера московскаго комиссіонерства управленія флота генерал-интенданта — къ IX классу. 3) Секретарей для управленія дѣлами по выдачу корабельныхъ рошъ — къ X классу в 4) письмоводителя при московскомъ комиссіонертвѣ управленія флота генерал-интенданта, помощниковъ корабельнаго мастера при правленіяхъ назоваго и сѣвернаго округовъ и практикантовъ корабельныхъ лѣсовъ — къ XII классу (Выс. повел. 16 марта).

IV. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

— Ст. 1044 т. IX Свода Зак. Сост., изд. 1842 года, повелѣно изложить слѣдующимъ образомъ: крестьяне в дворовые люди, отыскивающие свободу, въ-теченіи производства дѣла не могутъ быть удалены отъ хожденія по оному для переселенія въ Сибирь по волю помещика. Въ военную службу они могутъ быть отдаваемы токмо послѣ рѣшенія судебного мѣста первой степени, коимъ отказано имъ въ свободу, и на которое прокуроръ и стряпчій неудовольствія не изъявили (ук. Прав. Сен. 19 марта).

— Постановлено, чтобъ вся просительскія по капиталу сельской промышленности южныхъ губерній дѣла, не заключающія въ себя судебного производства, впродъ какъ въ канцеляріяхъ попечителей в въ правахъ общественнаго призрѣнія означенныхъ губерній, въ которыхъ упомянутый капиталъ хранится, такъ равно въ Департамента Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ в въ прочихъ присутственныхъ мѣстахъ, до коихъ дѣла сего рода могутъ относиться,

производимы были на простой бумага безъ взъисканія гербовыхъ пошливъ (ук. Прав. Сен. 2 апрѣля).

— Повелѣно взыскать въ непремѣнную обязанность ближайшему начальству всѣхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, находящихся въ дѣйствительной службѣ и въ безсрочномъ отпуску, руководствовать сихъ нижнихъ чиновъ въ производствѣ въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ исковъ, и безъ прѣимаго участія въ оныхъ, содѣйствовать къ скорѣйшему ходу сихъ дѣлъ посредствомъ надлежащихъ о томъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеній на томъ самомъ основаніи и въ тѣхъ границахъ, какія определены Свода Законовъ Гражданскихъ, т. X (изд. 1842 г.) въ статьяхъ 2974—2979 для покровительства государственныхъ крестьянъ въ тяжбныхъ дѣлахъ непосредственнымъ ихъ начальствомъ (ук. Пр. Сен., 2 апрѣля).

— Разрѣшенъ пріемъ въ залогъ акцій Общества Застрахованія Пожизненныхъ и другихъ Срочныхъ Доходовъ и Денежныхъ Капиталовъ, по всѣмъ вообще подрядамъ, поставкамъ и откупамъ по 40 рублей и подъ выдачи задатковъ по 30 руб. сер. за каждую. Разрѣшеніе это распространено въ одинаковой мѣрѣ и по содержанію казенныхъ населенныхъ мѣстъ и оброчныхъ статей (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 29 января).

— Военнымъ поселянамъ и нахатнымъ солдатамъ дозволено производить наравнѣ съ государственными крестьянами купеческую и мѣщанскую торговлю и промыслы внѣ округовъ, со взятіемъ установленныхъ свидѣтельствъ и съ заплакою пошливы соотвѣтственно обширности торговаго или промысла. Свидѣтельства эти выдаются имъ изъ уѣздныхъ канцелярій не иначе, какъ по предъявленіи каждый разъ особаго отъ окружнаго ихъ начальства удостовѣренія въ томъ, что оно дозволяетъ имъ вступить въ купеческую торговлю или промыслы. Военнымъ поселянамъ и нахатнымъ солдатамъ, для занятія торговлею внѣ округовъ по гильдейскимъ свидѣтельствамъ, выдаются изъ окружныхъ комитетовъ увольнительные письменные виды срокомъ не болѣе одного года (ук. Пр. Сен. 22 марта).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АПРѢЛЬ 1845 ГОДА.

— *Народное просвѣщеніе.* Въ 14-й день марта Высочайше утверждено положеніе о конвентѣ для бѣдныхъ при Валонской Губернской Гимназіи. Это заведеніе учреждается на счетъ благотворительныхъ фундашей Бейнарто-Корсаковского, Пальховскаго, Гава, Дунина-Славцова и Савелья. Поступающія въ конвентъ дѣти именуются воспитанниками тѣхъ фундашей, на счетъ которыхъ получаютъ воспитаніе. Конвентъ состоитъ въ заведеніи директора Валонской Губернской Гимназіи и подъ наблюденіемъ почетнаго попечителя оной. Полный комплектъ конвента, согласно сдѣланному учредителю фундашей назначенію и участвующимъ съ оныхъ доходамъ, составляетъ 65 воспитанниковъ, изъ которыхъ 34 на полный содержаніе, а 31 пользуются только поминутнымъ, столомъ и мытьемъ бѣлья, получая отъ родителей или родственниковъ костюмъ, одежду, обувь, бѣлье и учебныя пособія. Въ число сихъ 65 воспитанниковъ поступаютъ на счетъ фундашей: Бейнарто-Корсаковскаго 35, Пальховскаго 12, Гава 4, Дунина-Славцова 4 и Савелья 6. Изъ нихъ въ содержаніи 25 воспитанниковъ перваго и 6 послѣдняго фундаша должны, какъ сказано выше, принимать участіе родители или родственники ихъ. Въ случаѣ значительнаго сбереженія отъ опредѣленныхъ на содержаніе конвента суммъ, или приращенія доходовъ съ принадлежащихъ оному фундашей, число воспитанниковъ, получающихъ въ конвентѣ на счетъ Бейнарто-Корсаковскаго фундаша неполное содержаніе, можетъ быть увеличено до 36 такъ, чтобъ сложное число воспитанниковъ сего фундаша простиралось до 50. Директоръ губернской гимназіи, какъ непосредственный начальникъ конвента, имѣетъ главный надзоръ по всѣмъ частямъ управленія оного. Въ конвентѣ могутъ быть принимаемы дѣти бѣдныхъ дворянъ изъ уроженцевъ четырехъ западныхъ губерній, входящихъ въ составъ Белорусскаго Учебнаго Округа, преимущественно изъ родственниковъ и однофамильцевъ основателей фундашей, а въ случаѣ неимѣнія такихъ и изъ постороннихъ, исключая однако 6 воспитанниковъ фундаша епископа Пальховскаго, которые, согласно съ волею его, должны быть избираемы изъ дѣтей мѣщанъ города Вильны. Выборъ воспитанниковъ, поступающихъ на счетъ доходовъ съ фундаша каноника Гава, по точному смыслу духовнаго его завѣщанія, предоставляется старшему изъ его наследниковъ. Выборъ воспитанниковъ на счетъ доходовъ прочихъ принадлежащихъ конвенту фундашей, предоставляется

Совету Виленской Губернской Гимназій съ утвержденія попечителя округа. При избраніи изъ общаго числа кандидатовъ опредѣленнаго числа воспитанниковъ, оказывается предпочтеніе: а) дѣтамъ, происходящимъ отъ фамилиі основателей фундаша, на счетъ которыхъ конвиктъ содержится; б) остающимся безъ всякаго прязрѣнія и вообще сиротамъ; в) дѣтамъ училищныхъ и другихъ заслуженныхъ чиновниковъ изъ уроженцевъ западныхъ губерній; г) принадлежащимъ къ многочисленнымъ, совершенно-бѣднымъ семействамъ и д) бывшимъ уже въ какомъ-либо учебномъ заведеніи и заслужившимъ одобреніе отъ онаго отзывы. Воспитанники конвикта обучаются въ Виленской Губернской Гимназій, вмѣстѣ съ прочими учениками, всѣмъ предметамъ, какіе преподаются въ семъ заведеніи. Они могутъ поступать прямо во второй, третій и даже въ четвертый классъ гимназій, если по испытаніи окажутся того достойными. По окончаніи полнаго курса, воспитанники, получившіе одобреніе аттестаты въ наукахъ и поведеніи, пользуются одинакими съ учениками Виленской Губернской Гимназій преимуществами. Отличившіея особенными успѣхами въ наукахъ и поведеніи, могутъ, если пожелають, быть отправляемы для продолженія ученія въ университеты: Санктпетербургскій, Московскій, Харьковскій и Казанскій, на учрежденныя при оныхъ для воспитанниковъ гимназій Бѣлорусскаго Учебнаго Округа казенныя мѣста; но въ такомъ случаѣ они, по выходѣ изъ университета, обязаны прослужить не менѣе 6 лѣтъ въ учительскомъ званіи, по назначенію училищнаго начальства. Конвиктъ имѣетъ собственную печать съ изображеніемъ государственнаго герба и надписью: «Конвикта для бѣдныхъ при Виленской Гимназій».

Промышленность. — Воспоследовало Высочайшее соизволеніе на составленіе полковницею княгинею Васильчиковою, титулярнымъ совѣтникомъ Скуратовымъ и греческой службы полковникомъ Орфано, на основаніи заключеннаго между ними условія, товарищества по участкамъ для учрежденія «ваулинской бумагопрядильной фабрики» Московской-Губерніи, Можайскаго-Уѣзда, въ селцѣ Ваулинѣ. Это условіе заключается главнѣйше въ слѣдующемъ: капиталъ этой бумагопрядильни составляетъ товарищами въ девяносто тысячъ рублей серебромъ и дѣлится на тридцать паевъ, каждый въ три тысячи рублей серебромъ. Если этого капитала не достанетъ для совершеннаго устройства фабрики, то участники обязаны согласиться на заемъ нужной суммы, подъ залогъ земли и фабрики. Передача паевъ постороннимъ лицамъ допускается съ согласія всѣхъ товарищей. Управление фабрикою поручается полковнику Орфано, а дѣлами товарищества въ Москвѣ Скуратову. Товарищество платитъ галлейскія повинности по капиталу своему. Если полковникъ Орфано, какъ иностранецъ, предъ истеченіемъ десятилѣтняго существованія товарищества не вступитъ въ руссійское подданство, то обязанъ паче свое перелать русскому подданному.

— Выдана привилегія иностранцу Вильяму Просперу на изобрѣтенныя предохранительныя колеса въ паровозахъ и вагонахъ (Rous de sureté). По объясненію изобрѣтателя, усовершенствованія эти въ паровозахъ и

вагонахъ, относящихся къ паровозныхъ дорогамъ съ деревянными рельсами, капитальныя особыми составами, вместе употребленныхъ шпалъ железныхъ, представляютъ слѣдующія выгоды: 1) предохраняютъ паровозы и вагоны отъ соскакиванія съ рельсовъ; 2) въ случаѣ, когда сломается ось, или колесо паровоза или вагона, то эти послѣдніе безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій опускаются на предохранительныя колеса и продолжаютъ путь и 3) устраняется необходимость дѣлать колеса паровозовъ и вагоновъ съ оправками.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

П О Ч В А.

Происхождение ея; улучшение ея физическое и химическое; удобрение и унавоживание; унавоживание сѣменъ.

Сначала тропил.

Унавоживание почвы.

Чтобъ составить себѣ точное понятіе, какъ дѣйствуютъ навозы, или животныя испражненія, на почву, мы должны прежде всего припомнить себѣ происхожденіе этихъ веществъ.

Всѣмъ известно, что человекъ, равно какъ и животное, лишеныя пищи, постепенно худеютъ, и каждый день уменьшается вѣсъ ихъ тѣла. По прошествіи нѣсколькихъ дней, худоба эта становится очень замѣтною; сначала исчезаетъ весь жиръ, потомъ мясо, всасывается кровь, остаются кожа да кости.

Если животное, напротивъ, принимаетъ достаточное количество пищи, вѣсъ его не уменьшается, — не увеличивается замѣтно, ни уменьшается.

Явленія эти доказываютъ, что въ животной экономіи совершаются постоянныя превращенія, въ-слѣдствіе которыхъ часть органическихъ веществъ, составляющихъ обыкновенную пищу, изъившись известнымъ образомъ, всегда постоянно отдѣляется, и брасывается изъ организма.

Но организмъ непременно уменьшался бы въ весь, еслибы не вознаграждалась эта потеря, которую составляютъ органическія вещества отдѣляющіяся.

Пища вознаграждаетъ всѣ потери и возстановляетъ равновѣсіе.

Количество хлѣба, говядины и прочихъ питательныхъ веществъ, которое уничтожаютъ человекъ и животныя, по прошествіи годъ составляетъ массу въ семь гораздо-болѣе всего ихъ веса. Поэтому равномъ, они потребляютъ въ этомъ видѣ углеродъ, водородъ, азотъ, сѣру и значительную дозу минеральныхъ солей окисловъ, которые всегда находятся въ зола, остающейся послѣ сожженія питательныхъ веществъ.

Что дѣлается въ животномъ организмѣ съ этими элементами вшей пищи — углеродомъ, водородомъ, азотомъ и сѣрою? на какой конецъ служатъ они? въ какомъ видѣ отдѣляетъ ихъ нашъ организмъ? Почему количества этихъ элементовъ не измѣняются въ организмѣ животномъ, а остаются всегда въ одинаковой пропорціи?

Вопросы эти легко рѣшить, если мы припомнимъ, что пища не есть еще единственное условіе, необходимое для жизни животныхъ.

Экономія животная непременно требуетъ постоянного податка нія кислорода, находящагося въ атмосферѣ. Безъ воздуха, безъ кислорода, не можетъ жить ни одно животное.

Во время дыханія, кровь въ легкихъ усвоиваетъ себѣ известное количество кислорода. Этотъ кислородъ заключается въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ; воздухъ уступаетъ его элементамъ крови и при каждомъ вдыханіи, кровь у взрослога человека поглощаетъ изъ воздуха одинъ и два кубическіе дюйма кислорода. Въ-продолженіи же сутокъ, двадцати-четыреохъ часовъ, человекъ принимаетъ кислорода отъ десяти до четырнадцати унцій, что составляетъ, по истеченіи года, двѣнадцать сотъ фунтовъ.

Что дѣлается съ этимъ кислородомъ? Мы потребляемъ такую огромную массу ния и этого газа, а весь ншого тела, нмуть, едва прибавляется; у многихъ стариковъ, напротивъ, онъ уменьшается.

Явленіе это совершенно объясняется дѣятельностію кислорода, воздуха, на элементы питательныхъ веществъ, принимаемыхъ животнымъ организмомъ.

Весь кислородъ, который входитъ въ нашъ организмъ, отдѣляется изъ него въ видѣ воды и углекислоты. Организмъ самъ...

бе пищи и умереть и кислородъ, которые образуютъ съ кислородомъ эти соединения; а такъ какъ вся масса его составляется изъ элементовъ пищи, то мы можемъ совершенно-справедливо предположить, что все находящееся въ пище и все только соединяющееся съ кислородомъ, непременно окисляется, *сгораетъ* въ животной экономии.

Представьте себе чашу, въ которой лежатъ хлебъ, мясо, картофель, сало, овощи: если воздухъ никакъ не доступъ сюда свободный, следовательно, если конечно эти получаютъ достаточное количество кислорода, углеродъ ихъ превратится въ углекислоту, водородъ въ воду, азотъ отдѣлится въ видѣ аммоньяка, съра перейдетъ въ другую кислоту и т. д. и т. д., въ водѣ останутся минеральные элементы.

Между летучими газообразными продуктами получаются такъ-образомъ углекислота, углекислый аммоньякъ и вода. Если сожжение было не совершенное, то кромѣ того образуется еще сажа. Въ остаткѣ же несгораемомъ будутъ находиться минеральные соли и въ такой именно пропорции, въ какой содержали ихъ питательныя вещества.

Обольемъ золу водою—она растворитъ щелочи, фосфорнокислыя соли растворимыя, поваренную соль и сѣрнокислыя соединения. Въ нерастворимомъ осадкѣ останется известь, магнезия и кремнеземъ.

Совершенно-подобная операція, такое же сожжение происходитъ въ животной экономии. Черезъ кожу и легкія мы отдѣляемъ углеродъ и водородъ пищи въ видѣ углекислоты и воды, весь азотъ собирается въ мочевомъ пузырьѣ въ видѣ мочевины, которая, соединяясь съ элементами воды (кислородомъ и водородомъ), превращается въ углекислый аммоньякъ.

Такимъ-образомъ восстанавливается первоначальный весь организмъ, который отдѣляетъ углеродъ, водородъ и азотъ, и въ тѣхъ же самыхъ количествахъ, въ какихъ находились они въ принятой пищѣ.

Только въ молодомъ возрастѣ и при откармливаніи скота замѣчаемъ мы, что весь организмъ увеличивается; онъ удерживаетъ въ себѣ часть питательныхъ веществъ; но въ старости, напротивъ, онъ выдѣляетъ изъ себя болѣе, нежели сколько принимаетъ.

Весь азотъ пищи переходитъ въ мочу въ видѣ мочевины и аммоньякальныхъ соединений.

Каль, твердыя испражнения, содержатъ въ себѣ вещества негорючія, каковы: древесина, хлорофилъ, воскъ, которые не измѣняются въ организмѣ. Углеродъ, водородъ, азотъ содержатъ они въ ничтожныхъ количествахъ сравнительно съ пищею. Эти неперева-решимыя вещества изображаютъ здѣсь сажу, коготь, которая про-

исходить, какъ мы видѣли въ нашихъ примѣрахъ, отъ несовершеннаго сгаранія веществъ питательныхъ въ печи.

Химическія изслѣдованія мочи и кала доказываютъ, что эти испраженія заключаютъ въ себя всѣ минеральныя вещества пищи — щелочи, соли и кремнеземъ.

Моча содержитъ въ себѣ вещества минеральныя растворимыя, а нерастворимыя собираются въ калъ, такъ-что оба эти производенія животной экономіи можно принимать за пепелъ, золу — твердый негорючій остатокъ пищи, сожженной въ печи; и моча, следовательно, заключаетъ въ себя растворимую часть золы, а калъ — нерастворимую.

Въ-самомъ-дѣлѣ, анализы Воклена, Бранда, Жаксона и Гайдли показываютъ слѣдующее:

Моча лошади содержитъ въ себѣ:

Углекислой извести	11,
Углекислаго натра	9,
Гипсурно-кислаго натра	24,
Хлористаго потассія	9,
Мочевины	7,
Воды	940.
	<hr/>
	1000.

Моча коровы:

Хлористаго потассія и магнезія	15,
Сѣрно-кислаго кали	6,
Углекислаго кали	4,
Углекислой извести	3,
Мочевины	4,
Воды	650.
	<hr/>
	682.

Сухой калъ лошади:

Фосфорнокислой извести	5,
Углекислой извести	18,75,
Фосфорнокислой магнезіи	36,25,
Кремнезема	4.
	<hr/>
	60,00.

Сухой калъ коровы:

Фосфорнокислой извести	10,9,
Фосфорнокислой магнезіи	10,0,
Фосфорнокислаго желѣза	8,5,
Извести	1,5,

Сарнической известн.	3,1,
Хлористаго потассія, калн.	слѣды,
Кремниевана.	63,7,
Петери	1,3.
	<hr/>
	100,00.

Кромѣ того, лошади потребляютъ:

75 гектогр. (19 ф. 13 зол.) сѣна, кото- рые даютъ золы	581,8 гр. (1 ф. 32 зол.),
227 декагр. (5 ф. 51 зол.) сѣна	77,1 — (17 зол.),
11 декагр. (37 1/2 зол.) воды, которые даютъ сухаго осадка	13,3 — (3 зол.),
	<hr/>
	Всего золы 672,2 гр. (1 ф. 52 зол.),

и отдасть испражнений:

1330 грамм. (3 ф. 19 зол.) урины, гдѣ сухаго осадка	109,9 гр. (25 зол.),
14250 гр. (34 ф. 10 з.) кала, гдѣ золы	574,6 гр. (1 ф. 8 зол.),
	<hr/>
	Всего золы 684,5 гр. (1 ф. 33 зол.).

Корова потребляетъ:

15000 гр. (36 фун.) картофеля, которые даютъ золы	288,5 гр. (48 зол.),
7500 (18 ф.) оттавы	631,5 гр. (1,5 фун.),
60000 гр. (3,5 пуд.) воды, которые суха- го осадка даютъ.	50,9 гр. (12 зол.),
	<hr/>
	Всего золы 889,0 гр. (2 фун.).

А испражнений отдасть:

28413 гр. (1,5 пуд.) твердаго кала, гдѣ золы.	480 гр. (1 фун.),
8200 гр. (19 фунтовъ) мочи, гдѣ сухаго осадка	384,2 гр. (87 зол.),
8539 гр. (20 фунт.) молока.	56,4 гр. (13 зол.),
	<hr/>
	Всего золы 920,6 гр. (1 фунтъ).

Эти послѣдніе четыре анализа совершенно доказываютъ, что въ мочѣ и твердомъ калѣ лошади и коровы находятся всѣ вещества, составляющія золу, которая получится, если сжечь пищу, уничтожаемую немедленно этими животными.

Теперь раскрывается ясно, какъ дѣйствуютъ на почву и моча и твердые испраженія.

Минеральныя части пищи, потребляемой человекомъ и животными, происходятъ съ полей; мы собираемъ ихъ здѣсь въ видѣ зеренъ, травъ и корневищъ.

Части горючих пищи обращаются въ исключеніи животной въ кислородныя соединенія. Моча и калъ содержатъ въ себѣ элементы почвы, и, возвращая ихъ ей, мы возстановимъ первоначальное ея плодородіе.

Земля даетъ различные растительные продукты; одними кормяся и откармливается скотъ, который употребляется человекомъ въ пищу; другіе пожираетъ онъ прямо непосредственно въ видѣ муки, овощей; третью категорію составляютъ, наконецъ, остатки растений потребленныхъ, которые идутъ для различныхъ цѣлей, какъ, на-примѣръ, солома, и проч.

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что всѣ минеральныя части почвы, которыя переходятъ въ животный организмъ черезъ барьеръ и другіе земледѣльческіе продукты, могутъ быть возвращены почвѣ въ видѣ твердыхъ и жидкихъ испражнений, костей, крови битыхъ животныхъ; отъ насъ, по-этому, зависитъ возстановить равновѣсіе въ составъ нашихъ почвъ, если мы будемъ только передавать имъ эти вещества.

Можно вычислить количество минеральныхъ частей, которыя мы отнимаемъ у почвы въ видѣ растений и травоядныхъ животныхъ, — а составъ человеческого кала укажетъ намъ, сколько должно рассыпать его на ея поверхности, чтобъ вознаграждать убытокъ.

Впрочемъ, можно обойтись и безъ животныхъ испражнений; если только у насъ есть другіе источники, которые въ составѣ представляютъ именно ихъ существенныя, дѣятельныя элементы. Для почвы рѣшительно все равно, передадимъ ли мы ей аммиакъ въ видѣ мочи, или въ видѣ соли, извлеченной изъ дегтя, каменнаго угля, а фосфорно-кислую известь въ видѣ минерала апатита изъ толченыхъ костей.

Въ земледѣліи, главное, — замѣнять, передавать почвѣ только вещества, которыя атмосфера не можетъ доставить растениямъ. Когда эта замѣна, это вознагражденіе несовершенны, плодородіе почвы уменьшается; напротивъ, оно увеличивается, если вознагражденіе превышаетъ утрату.

Моча и твердые испраженія — представители хлѣба и скота по истеченіи известнаго времени, которое съ точностью можно опредѣлять заранее, они принимаютъ и самый видъ хлѣба, мяса и костей, снова переходятъ въ человеческій организмъ, откуда выбрасываются ежедневно въ переработкой своей формѣ.

Единственную, дѣятельную здѣсь потерю, освященную уже обычаями нашими, составляютъ фосфорно-кислыя соли нашихъ костей, которыя человекъ уноситъ съ собою въ могилу. А каждую частичку огромнаго количества пищи, которое человекъ потребляетъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ, можно опять получить и снова

отдать навоз почвѣ. Кости или кровь въ молодомъ животномъ удерживаютъ только известное количество фосфорно-кислой извести и фосфорно-кислыхъ щелочей и то очень-небольшое сравнительно съ тѣмъ, что истребляетъ оно каждой день. Прочія всѣ щелочныя соли, всѣ минеральныя части пищи переходятъ въ жидкія испражненія и въ калъ.

Можно опредѣлить поэтому безъ всякаго затрудненія количество и составъ этихъ испражнений, на двѣя даже изъ химическаго анализа. Лошадь ежедневно потребляетъ 9,25 килогр. (4 съ половиною фунта) овса и 7,5 килогр. (18 фунт.) сѣна; овецъ содержитъ золы четыре процента; сѣно — 9 процентовъ; отсюда прямо слѣдуетъ, что испражненія, выбрасываемыя ежедневно лошады, заключаютъ въ себѣ 650 граммовъ (полтора фунта) минеральныхъ частицъ, происходящихъ съ почвы.

Перемѣняя пищу, мы необходимо измѣняемъ и самыя минеральныя частицы, входящія въ составъ испражнений.

Если кормить корову свеклою и картофелемъ, не давать ей сѣна, ячменной соломы, въ калъ ея мы уже не откроемъ кремнезема, а вмѣсто его найдемъ большое количество фосфорно-кислой извести и магнезіи; моча будетъ также замочать въ себя углекислыя кали, натръ и соединенія этихъ щелочей съ другими неорганическими кислотами.

Если кормить животное пищею, которая содержитъ въ себѣ растворимыя фосфорно-кислыя соли, мы откроемъ непременно ихъ же въ мочѣ этого животного.

Если же пища заключаетъ въ себѣ фосфорно-кислыя соли неразтворимыя, то онѣ перейдутъ въ твердый калъ.

Моча челоуѣка, плотоядныхъ и зерноядныхъ животныхъ содержитъ въ себѣ щелочныя фосфорно-кислыя соли, которыхъ не заключаетъ моча травоядныхъ.

Выше мы представили анализы испражнений животныхъ травоядныхъ, лошади и коровы; чтобъ подкрѣпить это послѣднее предположеніе; вотъ еще для сравненія составы испражнений челоуѣка, соловья (птицы зерноядной) и гуано — известнаго удобрения, которое состоитъ изъ испражнений прибрежныхъ птицъ, питающихся рыбою. После мы будемъ говорить подробнѣе объ этомъ замѣчательномъ удобреніи.

Моча челоуѣка, по анализамъ Верпеліуса, содержитъ въ 1000 частяхъ:

Мочевины	30,10
Молочной кислоты свободной	} 17,14
Молочно-кислаго аммоньяка	
Вытяжныхъ веществъ	} 1,00
Мочевой кислоты	

Силициевого мочевина	0,92
Сърно-кислаго кали	3,71
— натрия	3,16
Фосфорно-кислаго натрия	2,94
— аммоньяка	1,65
Поваренной соли	4,55
Нашатыря	1,50
Фосфорно-кислой извести и магнези	1,00
Кремнезема	0,03
Воды	933,00
	<hr/>
	1000,00

1000 частей кала человеческого даютъ, по анализамъ Берцелиуса, при сжиганіи 150 частей золы, которыя заключаютъ въ себя:

Фосфорно-кислой извести	} . 100
— магнези	
Сърно-кислой извести (сгъды)	} 8
— кислаго натрия	
— — кали	
Фосфорно-кислаго натрия	} 8
Угле-кислаго натрия	
Кремнезема	
Угля (и потери)	
	<hr/>
	150

Составъ гуано:

	Гуано ливерпуль- скій, анализъ Бер- целиуса.	Гуано изъ Ливы, анализъ Фелло- ди.
Нашатыря	6,500	4,2
Известко-кислаго аммоньяка	13,351	10,6
Мочевина — —	3,244	9,0
Фосфорно — —	6,270	6,0
Воскового вещества	0,600	»
Сърно-кислаго кали	4,226	5,5
— натрия	1,119	3,8
Фосфорно-кислаго натрия	5,291	»
— аммоньяка и магнези	4,196	2,6
Поваренной соли	0,100	»
Фосфорно-кислой извести	9,940	14,3
Щевелево — —	16,360	7,0
Глинозема	0,104	»
Осадка нерастворимаго въ азот. кислотъ	5,800	4,7
Потеря	22,718	32,3
	<hr/>	<hr/>
	100,000	100,0

Пометъ соломенный, по анализамъ Браконо, въ 100 частяхъ содержитъ :

Нашатыря	0,2
Мочевино-кисл. аммоньяка и кали	52,0
Фосфорно — — — —	0,8
Сѣрно — кали	3,3
Фосфорно — аммон. и магнезин	0,2
Поваренной соли	0,8
Фосфорно-кислой извести . . .	4,3
Потера	37,7
	<hr/>
	99,3

Въ видѣ мочи и кала мы передаемъ такимъ образомъ почвѣ золу растений, которыя питали животныхъ. Зола эта содержитъ въ себѣ растворимыя и нерастворимыя соли, необходимыя для развитія растений и доставляемыя имъ почвою.

Слѣдственно, соединяя почву съ животными навозами, мы восстанавливаемъ первобытное равновѣсiе въ ея составѣ, сообщаемъ ей возможность питать еще новый засѣвъ.

Теперь, когда мы знаемъ, что минеральныя части пищи переходятъ въ мочу и въ калъ животного, легко опредѣлить достоинство различныхъ навозовъ, которое вообще выражается слѣдующею формулою :

Испражненiя животного жидкiя и твердыя составляютъ хороший навозъ для такихъ растений, которыми питалось животное.

Пометъ свиней, кормленыхъ горохомъ и картофелемъ, хороши собственно для унавоживанiя почвы подъ горохъ и картофель.

Если кормить корову сѣномъ и рьпою, въ ея испражненiяхъ откроятся минеральныя части злаковъ и рьпы.

Пометъ голубя содержитъ въ себѣ минеральныя части зеренъ; въ пометѣ кролика находятся минеральныя части травъ и овощей.

Моча и калъ человека заключаютъ въ себѣ минеральныя части всѣхъ зеренъ и въ большомъ количествѣ.

Обыкновенный навозъ, какъ извѣстно, есть смѣсь мочи и твердыхъ испражненiй, которыя сгниваютъ мало-по-малу въ ямахъ или кучахъ.

Въ-продолженiе гнѣнiя мочи, мочевины превращается въ летучий углекислый аммоньякъ. Отъ дѣйствiя воздуха органическiя части также разлагаются и принимаютъ форму газообразную, отдѣляя при этомъ теплоту. Количество этихъ частей такимъ образомъ уменьшается и возрастаетъ напротивъ содержанiе минеральныхъ веществъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если всѣ элементы горючiе соединятся

от минеральной, въ заключеніи остаются только те, что не могутъ гнить, то-есть части золы.

Такъ, на-примѣръ, свѣжій калъ коровы въ 100 частяхъ содержитъ:

Воды	85,000
Вещество горючихъ } — минеральн. }	14,100
	<hr/> 100,000

Шестимѣсячный же навозъ заключаетъ въ себя:

Воды	79,30
Вещество горючихъ . . } — минеральныхъ и 6,66 }	20,70
	<hr/> 100,00

По мѣрѣ того, какъ навозъ старѣетъ, содержаніе минеральныхъ частей въ немъ увеличивается: вотъ почему старшій навозъ такъ сильно дѣйствуетъ на почву и почему агрономы предпочитаютъ его.

Изъ всего предъидущаго слѣдуетъ, что соли, минеральныя частицы—главныя дѣйствующіе элементы навоза. Пльбжеши это очень-важно въ практическомъ отношеніи; оно отрицаетъ, что мы должны въ дѣло, для удобренія, употреблять не одни животныя испраженія, а вообще всякія вещества, которыя содержатъ въ себѣ эти минеральныя соли.

Такия вещества находимъ мы во всехъ царствахъ природы — животномъ, растительномъ и даже ископаемомъ.

Но здѣсь еще не оканчивается вся роль навоза въ земледѣліи, преимущественно животнаго. Кроме минеральныхъ солей, этотъ навозъ доставляетъ почвѣ еще азотъ, который, какъ видѣли мы въ первой статьѣ, имѣетъ важное назначеніе въ процессѣ жизни растений.

Пшеница, рожь, ячмень представляютъ ужасное различіе въ содержаніи клейковины. Зерна ихъ въ совершенной порѣ развитія не одинаково богаты этимъ главнымъ питательнымъ элементомъ. Темнымъ образомъ, Праутъ (Proust) нашелъ въ пшеницѣ французской: клейковины 12,5 процентовъ, а Фогель въ пшеницѣ баварской 24 процента. Анализы Деви показали, что озимая англійская пшеница содержитъ въ себѣ клейковины 19 процентовъ, сицилійская 21; варварійская 19; Буссонго въ нѣмецкой пшеничной мукѣ нашла клейковины 77,3 процентовъ; а въ озимовой пшеницѣ изъ Jardin de Voi—33,3 процента.

Культура, воспитываніе растенія составляетъ главную причину этой огромной разницы. Навозъ животный именно имѣетъ великое в

на обилье жатвы и еще на содержание клейковины, которая образуется из зернѣ.

Дѣйствіе животнаго навоза очень-многосложно; мы рассмотрѣли уже одну и самую важную часть; обратимся теперь въ другой. Азотъ въ навозѣ точно такъ же, какъ и въ атмосферѣ, находится въ видѣ аммоньяка. Сто частей пшеницы, которая возросла на почвѣ, унавоженной нѣрроуинымъ пометомъ (гдѣ аммоньяка меньше чѣмъ во всѣхъ другихъ навозахъ) содержала въ себѣ клейковины только 11,95 процентовъ и имѣла 62,34 процента; а наибольшее количество клейковины для пшеницы почва унавоженная человеческою мочою, именно 35,1 процента. Это потому, что гнилая человеческая моча содержитъ въ себѣ большое количество азота и въ видѣ растворенныхъ солей аммоніачныхъ солей—углекислаго, фосфорнокислаго и мочевинокислаго аммоньяка, и проч.

Во Фландріи гнилая моча употребляется для унавоживанія и съ большимъ успѣхомъ, и опять—таки потому, что при ея гніеніи образуются въ большомъ количествѣ и даже, можно сказать, исключительно соли аммоніачныя; мочевины, вещество азотистое, господствующее въ мочѣ, превращается отъ дѣйствія теплоты и сырости въ углекислый аммоньякъ.

Въ Перу, въ земляхъ прибрежныхъ, почва совершенно-бесплодна; ее унавоживаютъ посредствомъ гуано и этимъ самымъ придаютъ ей плодородіе. Достаточно прибавить малѣйшее количество этого сильнаго навоза къ почвѣ, исключительно состоящей изъ бѣлаго песка и гальки, и она принесетъ самую обильную жатву. Гуано—единственное органическое вещество, которое содержитъ въ себѣ эта подготовленная почва, и которое заключаетъ въ себѣ всѣ элементы отличнаго навоза; въ-самомъ-дѣлѣ, оно, какъ мы видѣли, состоитъ изъ мочевинокислаго-щавелевокислаго-фосфорнокислаго и углекислаго аммоньяка и землистыхъ солей.

Моча человека и плотоядныхъ животныхъ содержитъ въ себѣ наибольшее количество азота въ видѣ мочевины и фосфорнокислой соли; первая превращается, во время гніенія, въ дву-углекислый аммоньякъ, то-есть, принимаетъ именно ту форму, въ которой находится въ дождевой водѣ. Человѣческая моча самый сильный навозъ для растений, богатыхъ азотомъ; моча рогатаго скота, овечья, лошадиная не такъ богата азотомъ; но все-таки она содержитъ въ себѣ его несравненно болѣе, чѣмъ твердые испражненія животныхъ. Моча травоядныхъ, кромѣ мочевины, заключаетъ въ себѣ еще гниющую кислоту, которая при гніеніи разлагается на аммоньякъ и кислоту бензойную; изъ аммоньяка образуется клейковина, а бензойная кислота безъ измѣненія переходитъ въ растенія.

Въ твердыхъ испражненияхъ и человѣка и животныхъ содержаніе азота почти ничтожно сравнительно съ жидкими, и ничто быть не должно.

Пища тогда только можетъ поддерживать существованіе, когда она органамъ доставляетъ элементы, необходимыя для ихъ воспроизведенія. Хлѣба, сѣнныя и сухія травы, которыя употребляютъ животныя, все безъ исключенія содержатъ въ себѣ вещества, богатая азотомъ, и для животнаго тѣмъ больше нужно пищи, чѣмъ больше находится въ немъ азотистыхъ веществъ и наоборотъ, съ уменьшеніемъ ихъ содержанія увеличивается количество потребляемой пищи.

Такимъ образомъ, можно поддержать жизнь лошади, если кормить ее однимъ картофелемъ, который содержитъ въ себѣ мало азота; но жизнь эта—одно изнеможеніе, медленное истощеніе; лошадь не выигрываетъ ни въ массѣ, ни въ силѣ; напротивъ, она исхудаетъ, обезсилѣетъ совершенно.

Индійцы и вообще Азіатцы пожираютъ рисъ въ огромныхъ количествахъ; причина понятна: рисъ—хлѣбное растеніе, самое бѣдное азотомъ.

Теперь ясно, что азотъ травъ и зеренъ, которыми животныя питаются, идетъ собственно для образованія, поновленія различныхъ органовъ; испраженія послѣ пищеваженія, не содержатъ въ себѣ почти ничего азота; а ничтожное количество его, находящееся въ нихъ, происходитъ изъ желчи и другихъ пищеварительныхъ жидкостей.

Итакъ, твердые испраженія дѣйствуютъ на растительность не въ силу азота, въ нихъ заключающагося.

Въ этомъ отношеніи, гораздо-предпочтительнѣе испраженія жидкія; они представляютъ обильный источникъ азота, потому-что въ нихъ этотъ важный питательный элементъ находится почти въ такой же пропорціи, какъ и въ пищѣ.

Опытъ доказываетъ, что вѣсъ человѣка или животнаго взрослого, здороваго, по днямъ не уменьшается, ни увеличивается замѣтно. Увеличеніе въ объемъ и въ массу замѣчается только во время молодости животнаго, или когда откармливаютъ его, но въ старости оно уравновѣшивается постепеннымъ истощеніемъ.

Слѣдственно, въ организмъ нашъ азотъ не прибавляется въ теченіи двадцати-четыре-хъ часовъ, хотя и человѣкъ и животныя въ-продолженіи этого времени поглощаютъ много азота. И такъ, необходимо, чтобъ взрослое животное отдѣляло азота столько же, сколько находится его въ пищѣ, потому-что, какъ мы сейчасъ сказали, пища не прибавляетъ азота къ организму или прибавляетъ его въ очень-ничтожной пропорціи.

Извѣстно также, что вѣсъ тѣла уменьшается при совершенномъ постѣ. У субъектовъ, умирающихъ отъ истощенія, уменьшеніе это распространяется на всѣ части тѣла, исключая кожи и кости.

Куда же дѣвается азотъ мускуловъ и вообще всѣхъ органовъ, которые исчезаютъ такимъ образомъ?

Легко замѣтить, и это доказываетъ худоба организма, что у здороваго животнаго его части постоянно изменяются, переходятъ въ шертвенное состояніе и послѣ извѣстныхъ превращеній отдаляются изъ кожи, легкихъ и мочевыхъ органовъ.

Худоба всенедная вознаграждается принимаемою пищею. Азотистыя части пищи превращаются въ кровь. Кровь служитъ для питанія, то-есть, для возстановленія первобытнаго состоянія организма. *Постоянное разноепсіе предположаетъ, что изъ организма съдѣляется азота въ другой формѣ столько же, сколько приято его въ пищу.*

Кожа, легкія извергаютъ соединенія углеродистыя и водородныя; моча выноситъ весь азотъ, прошеходящій изъ превращенныхъ, разложившихся органовъ.

Когда вѣсъ тѣла увеличивается, въ мочѣ переходитъ меньшее количество азота; напротивъ, содержаніе его возрастаетъ, когда тѣло становится легче.

Итакъ, можно совершенно предположить, что въ мочѣ челоука и животныхъ мы находимъ большую часть азота, который растеніямъ передала атмосфера для ихъ питанія.

Если у насъ не потерется даромъ, не пропадетъ ни одна частичка навоза, соединяющаго въ себя и твердыя и жидкія испраженія, то мы непременно переведемъ опять на мочу почти столько же азота, сколько находилось его въ растеніяхъ, выросшихъ на ней.

Во всякомъ случаѣ, навозъ прибавляетъ новое количество аммоніака къ тому, который доставляетъ атмосфера; итакъ, для сельскаго хозяйства главное—умѣть употреблять съ пользою для своихъ растеній азотистую пищу, находящуюся въ гниющихъ испраженіяхъ челоука и животныхъ. Если сельскій хозяинъ перенесетъ эту пищу на вашу мало-подготовленную не въ надлежащей формѣ, она будетъ дѣйствовать гораздо-слабѣе: это будетъ совершенпо-потерянный капиталъ. Навозная куча, разбросанная безъ всякихъ правилъ на поляхъ, не приноситъ никакой пользы. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вы найдете на мѣстѣ ея углистые остатки сгнившихъ растительныхъ частей, но азота между ними не отыщите ни одного атома: онъ весь отдѣлится въ атмосферу въ видѣ углекислаго аммоніака.

Водное удобрение представляет само-по-себе неистощимый источник аммония и углекислоты; въ каждый период своего разложения; оно отделяет аммоньяк, который легко узнать по запаху. Этот аммоньяк просачивается въ почву такъ, что растеніе находитъ здѣсь новый источникъ азота болѣе-изобильный, нежели самая атмосфера.

Вотъ что пишетъ по этому случаю сэръ Гомеръ Дэй въ своей «Земледѣльческой Химіи»: «Въ октябрь 1808 года, взявъ я въ свои руки реторту гниющего теплаго навоза и привезавъ къ ней крие семникъ.

«Вскорѣ крие семникъ открыли у меня открыли капли воды, а чистота, которая перешла въ него, въ силахъ под-унца и содержала въ себѣ искусственный и углекислый аммоньякъ.

«Послѣ этого, я взявъ другую реторту, наполненную также аммоніемъ гниющимъ навозомъ, и направивъ ее отверстиемъ къ корнямъ травы и по прошествіи недѣли замѣтилъ, что трава эта развилась съ необыкновенной силой.»

Впрочемъ, это дѣйствіе навоза зависитъ не столько отъ количества аммоньяка, сколько отъ того, что здѣсь аммоньякъ находится именно въ видѣ углекислой соли.

Дикія растенія обыкновенно изъ атмосферы получаютъ аммоніакъ ка болѣе, нежели сколько нужно собственно для ихъ развитія; но крайней-мѣрѣ извѣстно, что вода, которая испаряется отъ камней или отъ другихъ минеральныхъ растеній, приходитъ въ гнилое броденіе, а это свойство принадлежитъ только веществамъ азотистымъ.

Атмосфера доставляетъ земледѣльческимъ растеніямъ столько же азота, сколько и дико-расушимъ, но для искусственнаго воздѣлыванія это количество далеко недостаточное.

Обратимся теперь послѣ такого долгаго отступленія къ практической части, гдѣ опять Англія, Франція и Бельгія будутъ нашими наставниками.

Навозы животныя.

Самыя дѣйствительныя навозы доставляютъ намъ животныя: лошади, коровы, овцы, образки лошади, сукія лошади, шерсть, шалки, исправленіе людей, ноши и, наконецъ, искусственные удобрения, приготовляемые изъ этихъ веществъ, которые составляютъ предметъ важной промышленности. Между ними первое мѣсто занимаетъ жемчужная червь. Эти удобрения можно перевозить на значительныя расстоянія и они съ пользою замѣняютъ естественныя навозы.

Вещества жемчужныя, прямо, отдельно, сами-по-себѣ не употребляются для удобриванія; но крайней-мѣрѣ до сихъ-поръ не дѣлаютъ еще въ этомъ отношеніи никто надъ ними изысканій.

Свои шкуры вообще трудно раздроблять; мелкій чавотъ изъ видъ паронка невозможно приготовить изъ нихъ, и следовательно обыкновенно разбиваютъ ихъ на куски.

Копыты, клыки, кости, рога составляютъ одинъ изъ богатѣйшихъ азотистыхъ навозовъ; но вещества эти употребляются въ другихъ фабричныхъ производствахъ болѣе-прибыльныхъ, болѣе-цѣнныхъ. Такъ куски большіе, безцвѣтные идутъ для гребеннаго производства, а изъ попорченныхъ мелкихъ кусковъ готовится известная голубая краска—берлинская лазурь. Обрѣзки, мелочь, которая остается на обихъ этихъ фабрикахъ, уже идутъ собственно для унавоживанія. Этотъ дорогой навозъ употребляется съ успѣхомъ подъ ольву, шелковицу и виноградъ; его раскладываютъ только на поверхности почвы около растенія, но такъ, чтобы вѣтеръ не разнесъ, а въ глубь почвы не запахиваютъ.

Шерсть, щетина, волосы, шерстяные и шелковые флокки, дурная, порченая шерсть, ни на что негодная, ни для перинъ, ни для пиджама, бочна такъ же, какъ щетина, волосы, шерстяные и шелковые флокки, которые не могутъ быть съ выгодой употребляемы въ различныхъ фабричныхъ производствахъ, составляютъ вообще отличный навозъ. Рядомъ съ растеніями на поверхности почвы прорываются борозды; въ нихъ-то кладутся эти вещества и потомъ втаптываются землею.

Мясъ жертвенный, дохлый животный. Обыкновенно сельскіе жители пренебрегаютъ вообще падалью, не привлекаютъ къ ней для себя никакой пользы, бросаютъ ее въ мѣстности, удаленныя отъ жилья, или зарываютъ въ землю; а между-тѣмъ, у шотландскаго королевого хозяина ничто не пропадаетъ даромъ; онъ оборочуетъ пророкъ отъ дохлой собаки, и употребить его съ пользою.

Отвращеніе и потомъ страхъ заразиться веществами гниющими—главныя причины этого пренебреженія къ полезнымъ и весьма-употребительнымъ остаткамъ умершихъ животныхъ.

Впрочемъ, эта послѣдняя причина, которая могла бы быть очень-важною, не имѣетъ никакого основанія. Если мы пересмотримъ всю отрасль промышленности, гдѣ перерабатываются вещества животныя, найдемъ, что эти ремесла ни между работниками, ни въ окрестности между сосѣдними жителями не возбуждаютъ никакой особенной болѣзни. Самые тщательные розыскы на этотъ конецъ были произведены французскимъ правительствомъ на жемчужныхъ, струнныхъ, напатырныхъ, пудретныхъ заводахъ, на бойняхъ, гдѣ соединены все причины, все обстоятельство, способствующія гніенію, и розыскы доказали важное положепіе, — что деревенскіе жители не рискуютъ гниительною матеріею, обращаемаю остаткомъ дохлыхъ животныхъ, даже полусгнившихъ.

Въ одной только случаѣ опасно возиться съ падалью: это послѣ зачумленнаго скота; но чума обозначается такими рвжкими признаками, что ее невозможно смѣшать съ другими недугами.

Чума открывается воспалительными наростами, покрытыми пузырьками, которые горятъ и возбуждаютъ сильную боль; мѣрніе гноевые пузырьки чернеютъ, сливаются вмѣстѣ и образуютъ черную кору, похожую на уголь. Животное зачумленное томится, бока его сильно двигаются отъ тяжелаго дыханія; на различныхъ частяхъ тѣла, особенно на груди, показывается опухоль, которая также болитъ; если коснуться ее, она издастъ легкій шумъ, какъ высохшая кожа. Животное зачумленное живетъ пятнадцать, или не болѣе тридцати часовъ, и, послѣ смерти, дзыкъ у него чернѣй, кровь и мясо — темнубураго цвѣта.

Надобно избѣгать соприкосновенія съ такою падалью: зараза легко можетъ передаваться, особенно если у работника есть на рукъ порывъ, который можетъ всосать въ себя ядовитый гной. Но и для ловкій хозяинъ можетъ извлечь себя прибыль: онъ падаль зарветъ и глубоко, мѣсто это отмѣтитъ, пожалуй засветъ его чѣмъ-нибудь, чтобъ не пропалъ даромъ клочокъ земли хорошо-унавоженный этимъ подземнымъ навозомъ, а по прошествіи двухъ-трехъ лѣтъ раскопаетъ его и найдетъ здѣсь кости и другія животныя части негниющія, совершенно очищенные, которые можетъ сбыть съ выгодною на разныя фабричныя производства.

Не немецкая аккуратность внушила намъ это отступленіе; вотъ какую выгоду можетъ извлечь хозяинъ изъ каждойдохлой лошади

Кожа съ шкурою обходится	13 р. 60 к.
Волось	10 —
Кровь, которая идетъ для кормленія собакъ, птицы и для унавоживанія почвы	2 — 70 —
Коньята	1 — 80 —
Внутренности, въ которыхъ зараждаютъ и воспитываютъ червей, чтобъ кормить птицу.	1 — 60 —
Нечистота изъ кишокъ, употребляемая для унавоживанія почвы.	1 —
Сухія жиры	30 —
Топленый жиръ	4 — 98 —
Мясо, которымъ кормятъ куръ, собакъ и унавоживаютъ также почву подъ растенія цѣнные.	34 —
Кости для выдѣлыванія животной черни.	2 — 30 —

Итого 63 — 60 —

Такимъ-образомъ дохлая, битая лошадь можетъ доставить хозяину слишкомъ 60 рублей. Нѣкоторыя цѣны, замѣтимъ, опредѣлены здѣсь относительно, такъ цѣнность внутренностей мяса, крови назначена по цѣнамъ кормовъ, которые они замѣняютъ. А этими кормами также зачѣмъ пренебрегать. Въ Швеціи, изъ крови битыхъ животныхъ готовится хлѣбъ очень-питательный, который ѣдятъ даже люди.

Но обратимся къ нашему предмету. Мяса, значительно уже испорченнаго, не даютъ въ пищу скоту, потому-что оно можетъ зараждать различныя болѣзни; но въ этомъ видѣ оно составляетъ, какъ мы упомянули выше, отличный навозъ. Его смѣшиваютъ обыкновенно съ шестью частями (по вѣсу) земли съ пашни, чтобъ употреблять въ меньшемъ количествѣ по почвѣ. Навозъ этотъ располагается по поверхности почвы рядомъ съ растеніями, но такъ, чтобъ онъ не касался ихъ стебля; онъ замѣчательно-сильно дѣйствуетъ на растительность. Можно также имъ унавоживать почву до посѣва: его разбрасываютъ тогда на поверхности почвы, какъ сѣмена.

91 пудъ смѣси мяса съ землею совершенно унавоживаетъ десятину земли; смѣло можно увѣрить, что оно, какъ вещество унавоживающее, имѣетъ гораздо-болѣе преимущества передъ сушеною кровью.

Эта навозная смѣсь идетъ для огородныхъ и промышленныхъ растеній, для винограда, картофеля, свекловицы и проч.

Кровь. Жидкость эта вообще представляетъ отличный навозъ. Вотъ легчайшій и простѣйшій способъ обрабатывать кровь на удобрение: чистый, простой черноземъ, только безъ комковъ, сушатъ въ обыкновенной печи и горячій обливаютъ кровью (одна часть крови на четыре и пять частей земли); потомъ смѣсь сажаютъ снова въ печь, размѣшиваютъ вилой, пока она совершенно не просохнетъ: тогда ее складываютъ въ ящики и сберегаютъ до употребленія въ сухомъ мѣстѣ. Земля здѣсь помогаетъ равному раздѣленію крови и замедляетъ ея разложене.

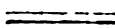
Въ этомъ видѣ кровь разбрасывается по поверхности почвы, какъ и мясо.

Шесть пудовъ кровавой навозной смѣси, какъ показываютъ точныя наблюденія, совершенно соответствуютъ шести возамъ хорошаго лошадинаго навоза, которые вмѣстѣ вѣсятъ пятьдесятъ пудовъ. Эта смѣсь дѣйствуетъ гораздо-сильнѣе пудрета и всѣхъ другихъ естественныхъ и искусственныхъ удобреній, исключая развѣ одного мяса.

Вся внутренности животныхъ — печень, легкія, мозгъ, сердце, почки изъ кишковъ также идутъ для унавоживанія почвы, а на

этотъ конецъ ихъ промать какъ-можно-мельче, смѣшиваютъ съ землею совершенно сухою (съ шестью частями по объему). Смѣсь эту разбрасываютъ по поверхности почвы въ пропорціи двухъ фунтовъ съ половиною на каждый квадратный аршинъ.

Навозъ этотъ даетъ очень-хорошіе результаты; особенно онъ дѣйствуетъ благотворно на хлѣбъ. Если онъ не идетъ прямо въ дѣло тотчасъ послѣ приготовления, то его необходимо сохранять въ ямахъ или во всякомъ другомъ свѣжемъ мѣстѣ, хорошо защищенномъ отъ непогоды и другихъ разрушительныхъ дѣятелей.

ТАРАНТАСЪ. *Путевыя впечатлѣнія.* Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. Санктпетербургъ. 1845.

Въ современной русской литературѣ, журналъ совершенно убилъ книгу. Между разнымъ балластомъ, все-таки только въ журналахъ, — разумѣется, лучшихъ (которыхъ такъ немного), — можно встрѣчать болѣе или менѣе замѣчательныя произведенія по части изящной литературы. Сюда должно отнести еще сборники, или альманахи: въ лучшихъ изъ нихъ, тоже попадаются иногда хорошія пьесы (*). Но хорошая книга теперь истинная рѣдкость, такъ-что критикамъ и рецензентамъ ех-офиціо приходится хоть совсѣмъ не упоминать о книгахъ и, вмѣсто ихъ, разбирать вновь-выходящія книжки журналовъ и даже листки газетъ. Тѣмъ большее вниманіе должна обращать критика на всякую книгу, сколько-нибудь выходящую изъ-подъ уровня посредственности. Нѣчего и говорить, что появленіе книги, которая слишкомъ-далеко выходитъ изъ-подъ этого уровня, должно быть истиннымъ праздникомъ для критики. Къ такимъ рѣдкимъ книгамъ принадлежитъ *Тарантасъ*, графа Соллогуба.

(*). Такъ, напримѣръ, въ альманахѣ *Вчера и Сегодня*, публика прочла два отрывка изъ двухъ сочиненій въ прозѣ, начатыхъ Лермонтовымъ, и прекрасный юмористическій рассказъ графа Соллогуба, *Собачка*.

Не смотря на то, что изъ *двадцати* главъ, составляющихъ это произведеніе, цѣлыхъ *семь* главъ были напечатаны въ *Отеч. Запискахъ* еще въ 1840 году, — *Тарантасъ* — столько же новое, сколько и прекрасное произведеніе, которое своимъ появленіемъ составило бы эпоху и не въ такое бѣдное изящными созданіями время, каково наше. Семь главъ *Тарантаса*, давно уже извѣстныхъ публикѣ, давали понятіе только о достоинствѣ цѣлаго произведенія, а не о идеѣ его, прекрасной и глубокой, которую можно познать только по прочтеніи всего сочиненія, пронизанутаго удивительною цѣлостностью и совершеннымъ единствомъ. Многіе видятъ въ *Тарантасѣ* какое-то двойственное произведеніе, въ которомъ сторона непосредственнаго, художественнаго представленія дѣйствительности превосходна, а сторона возрѣтній автора на эту дѣйствительность, его мыслей о ней, будто-бы исполнена парадоксовъ, оскорбляющихъ въ читателѣ чувство истинны. Подобное мнѣніе несправедливо. Тѣ, кому оно принадлежитъ, не довольно-глубоко вникли въ идею автора, — и объективную вѣрность, съ какою изобразилъ онъ характеръ одного изъ героевъ *Тарантаса*. — *Ивана Васильевича*, приняли за выраженіе его лучшихъ убѣжденій, — тогда-какъ на-са-

можно дѣлать авторъ «Тарантаса» столько же можетъ отвѣчать за мнѣнія героя своего юмористическаго разсказа, сколько, напримѣръ, Гоголь можетъ отвѣчать за чувства, понятія и поступки дѣйствующихъ лицъ въ его *Ревизора*, или *Мертвые Душманъ*. Между тѣмъ, ошибочный взглядъ лучшей части читателей на «Тарантаса» очень понятенъ: при первомъ чтеніи, можетъ показаться, будто-бы авторъ не чувствуетъ желанія, хотя и не прямо, а предположительно, высказать, черезъ Ивана Васильевича, нѣкоторыя изъ своихъ воззрѣній на русское общество, — и тѣмъ легче увлечься подобнымъ ошибочнымъ мнѣніемъ, что необыкновенный талантъ автора и его мастерство живописать дѣйствительность, лишаютъ читателя способности спокойно смотрѣть на картины, которыя такъ быстро и живо проходятъ передъ его глазами. Мы сами на первый разъ увлеклись рѣзкимъ противорѣчіемъ, которое находится между этими безпрестанно-поражающими новымъ удивленіемъ картинами, и между сравненіемъ — чтобы не сказать, нелѣпымъ мнѣніемъ Ивана Васильевича. Это заставило насъ забыть, что мы читаемъ не легкіе очерки, не силуэты, а произведение, въ которомъ характеры дѣйствующихъ лицъ выдержаны художественно, и въ которомъ нѣтъ ничего произвольнаго, но все необходимо проистекаетъ изъ глубокой идеи, лежащей въ основаніи произведенія. Такимъ образомъ, беремъ назадъ свое выраженіе въ рецензіи о «Тарантасѣ» (въ 4-й книжкѣ «Отеч. Записокъ»), что въ немъ, вмѣстѣ съ дѣльными мыслями, много и парадоксовъ. Только въ XV и XVI-ой главахъ, авторъ «Тарантаса» говоритъ съ читателемъ отъ своего лица; и вотъ — кстати замѣтить — эти-то главы больше всего сбиваютъ читателя съ толку, раздвояя въ его умѣ произведеніе графа Соллогуба и ужасая его множествомъ страшныхъ парадоксовъ. Но мы не скажемъ, чтобы это были парадоксы: это скорѣе

мнѣнія, съ которыми нельзя согласиться безусловно и которыя вызываютъ на споръ. Последнее обстоятельство даетъ имъ полное право на книжное существованіе: съ чѣмъ можно спорить и что стоить спора, — то нѣтъ право быть написаннымъ и напечатаннымъ. Есть книги, имѣющія удивительную способность смертельно наскучать читателю, даже когда все истину и правду, съ которою читатель исполнѣ согласуется; и, на оборотъ, есть книги, которыя имѣютъ еще болѣе удивительную способность заинтересовать и завлечь читателя именно противоположностію ихъ направленія съ его убѣжденіями; онѣ служатъ для читателя повѣркою его собственнаго вѣрованія, потому-что, прочитавъ такую книгу, онъ или вовсе отказывается отъ своего убѣжденія, или умѣряетъ его, или, наконецъ, еще болѣе въ немъ утверждаетъ. Такой книгѣ охотно можно простить даже и парадоксы, тѣмъ болѣе, если они искренны и авторъ ихъ далекъ отъ того, чтобы поддѣрживать въ нихъ парадоксы. Вотъ другое дѣло — парадоксы умысленные, порожденные эгонстическимъ желаніемъ поддержать вопиющую ложь въ пользу касты, или лица: такіе парадоксы не стоить опроверженія и спора; презрительная насмѣшка — единственное достойное ихъ наказаніе...

Не будемъ пускаться въ изслѣдованія — къ какому роду и виду поэтическихъ произведеній принадлежитъ «Тарантасъ». Въ наше время, слава Богу, признается въ мірѣ изящнаго только одинъ родъ — *хорошій*, запечатлѣнный талантомъ и умомъ, а обо всѣхъ другихъ родахъ и видахъ теперь никто не заботится. Наше время исполнѣ принимаетъ глубоко-мудрое правило Вольтера: «всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго». Но мы, въ отношеніи къ этому правилу, гораздо-послѣдовательнѣе самого Вольтера, который противорѣчилъ своему собственному принципу, держась преданій и повѣрій французскаго псевдо-классицизма. Въ правилу Вольтера: «всѣ роды хороши,

кромя скучнаго, наше время настоятельно прибавляетъ слѣдующее дополнение: «и несовременнаго», — такъ-что полное правило будетъ: «всѣ роды хороши, кромя скучнаго и несовременнаго». По-этому, мы, если не признаемъ безусловно-хорошимъ всего, что имѣло огромный успѣхъ въ свое время, то во всемъ этомъ видимъ хорошия стороны, смотря на предметъ съ исторической точки. Въ-слѣдствіе этого, удивляясь великимъ гениямъ Данте, Шекспира, Сервантеса, наше время не отрицаетъ заслугъ Корнеля, Расина и Мольера; не становясь на ковшъ передъ Ломоносовымъ, Державиннымъ, Озеровымъ, Карамзиннымъ, не видя въ нихъ слишкомъ-многого для себя собственно, — тѣмъ съ не меньшимъ уваженіемъ произноситъ имена ихъ, какъ людей, которыхъ творенія, въ ихъ время, были современно-хороши, т. е. удовлетворяли потребностямъ ихъ современниковъ. Чисто-художественная критика, недопускающая историческаго взгляда, теперь нигуда не годится, какъ односторонняя, пристрастная и неблагодарная. Художественность и теперь великое качество литературныхъ произведеній; но если при ней нѣтъ качества, заключающагося въ духѣ современности, она уже не можетъ сильно увлекать насъ. По-этому, теперь посредственно-художественное произведение, но которое даетъ толчокъ обществу, будитъ вопросы, или рѣшаетъ ихъ, гораздо-важнѣе самаго художественнаго произведенія, ничего-недающаго сознанию въ сферѣ искусства. Вообще, нашъ вѣкъ — вѣкъ рефлексіи, мысли, тревожныхъ вопросовъ, а не искусства. Скажемъ болѣе: нашъ вѣкъ враждебенъ чистому искусству, и чистое искусство невозможно въ немъ. Какъ во всѣ критическія эпохи, эпохи разложенія жизни, отрицанія стараго при одномъ предчувствіи новаго, — теперь искусство — не господинъ, а рабъ: оно служитъ постороннимъ для него цѣлямъ. Мы сказали, что «Тарантасъ» графа Соллогуба — произведение художествен-

ное; но къ этому должны прибавить, что оно, въ то же время, и современное произведение, — что составляетъ одно изъ важнѣйшихъ его достоинствъ, которому обязано оно своимъ необыкновеннымъ успѣхомъ. Слѣдовательно, «Тарантасъ» — художественное произведение въ современномъ значеніи этого слова. Отъ-того, въ него вошли не только разсужденія между дѣйствующими лицами, но и цѣлыя диссертаціи. Отъ-того, оно — не романъ, не повѣсть, не очеркъ, не трактатъ, не изслѣдованіе; но то и другое и третье вмѣстѣ. Пусть называется его каждый какъ кому угодно: тутъ дѣло въ дѣлѣ, а не въ названіи. «Тарантасъ» имѣлъ большой успѣхъ: его не только раскупили и прочли въ короткое время, но однимъ онымъ очень понравился, другимъ очень не понравился, третьимъ очень понравился и очень не понравился въ одно и то же время; одни его хвалятъ безъ мѣры, другіе бранятъ безъ мѣры, третьи и хвалятъ и бранятъ вмѣстѣ; авторъ черезъ него приобрѣлъ себѣ и друзей и враговъ; о его произведеніи говорятъ, судятъ и спорятъ. Это успѣхъ! По нашему мнѣнію, незаридеетъ успѣхъ произведенія, которое возбуждало бы одні похвалы, одну любовь, безъ отрицаній, безъ ненависти; подобный успѣхъ немногимъ лучше полнаго неуспѣха, т. е. когда произведение возбуждаетъ одну брань безъ похвалы, — хотя то и другое все-таки лучше, нежели не возбудитъ ни похвалы, ни брани, а встрѣтитъ одно равнодушное невниманіе.

Этотъ-то необыкновенный успѣхъ «Тарантаса» и нагагаетъ на критику обязанность — рассмотреть его внимательно, со всѣхъ сторонъ. Для этого необходимо прослѣдить все развитіе этого произведенія, безпрестанно выражающагося словами автора, или прибѣгая къ выпискамъ. Такой способъ критики нисколько не опасенъ для «Тарантаса», какъ книги: онъ упредилъ нашу статью слишкомъ тремя мѣсяцами, а въ это время его уже всадъ прочли, и едва-ли найдется хотя одна читатель, который прочелъ бы нашу

статью, еще не успѣвъ прочесть «Тарантаса».

Русская литература, къ чести ея, давно уже обнаружила стремленіе — быть зеркаломъ дѣйствительности. Мысль изобразить въ романѣ героя нашего времени не принадлежитъ исключительно Лермонтову. *Евгеній Онегинъ* тоже — герой своего времени; но и самъ Пушкинъ былъ упрещенъ въ этой мысли, не будучи никакъ упрещенъ въ искусствѣ и совершенствѣ ея выполнения. Мысль эта принадлежитъ Карамзину. Онъ первый сдѣлалъ не одну попытку для ея осуществленія. Между его сочиненіями есть неоконченный, или, лучше сказать, только-что начатый романъ, даже и названный *Рыцаремъ Нашего Времени*. Это былъ вполне герой того времени. Назывался онъ *Леонъ*, былъ красавецъ и чувствительный мечтатель. Любовь питала, согрѣвала, гѣшила, веселила его; была первымъ впечатлѣніемъ его души, первою краскою, первою чертою на *блѣдомъ листѣ ея чувствительности*. Онъ и родился не такъ, какъ родятся нынѣче, а совершенно-романически, совершенно въ духѣ своего времени. Судите сами по этому отрывку: «На луговой сторонѣ Волги, тамъ, гдѣ впадаетъ прозрачная рѣка Свѣга, и гдѣ, какъ извѣстно по исторіи *Наташи болгарской дочери*, жилъ и умеръ изгнанникомъ невинный бояринъ Любославскій, — тамъ, въ маленькой деревнѣхъ, родился прадедъ, дѣдъ, отецъ Леонъ; тамъ родился и самъ Леонъ, въ то время, когда природа, подобно любезной кокеткѣ, сидящей за туалетомъ, убиралась, наряжалась въ лучшее свое весеннее платье; бѣлилась, румянилась... весенними цвѣтами; смотрѣлась въ зеркало... водъ прозрачныхъ, и завивала себѣ кудри... на вершинахъ древесныхъ — то-есть, въ маѣ мѣсяцѣ, и въ самую ту минуту, какъ первый лучъ земнаго свѣта коснулся до его глазной перепонки, въ ореховыхъ кустахъ зашѣли вдругъ соловей и малиновка, а въ березовой роцѣ закричали вдругъ филинъ и кукушка:

«хорошее и худое предзнаменованіе! по которому осьмидесятилѣтняя повзвѣвшая бабка, привязанная Леонъ на руки, съ веселою усмѣшкою и съ печальнымъ вздохомъ предсказывала ему счастье и несчастье въ жизни, вѣдро и ненастье, богатство и нищету, друзей и неприателей, успѣхъ и любви и рога при случаѣ». Этого слишкомъ достаточно, чтобъ показать, что Карамзинъ имѣлъ бы полное право своего *Рыцаря Нашего Времени* назвать *Героемъ Нашего Времени*. Въ повѣсти *Чувствительный и Холодный* (два характера), Карамзинъ, въ лицѣ своего *Эраста*, тоже изобразилъ одного изъ героев своего времени. Въ юмористическомъ очеркѣ: *Моя Исповѣдь*, представилъ онъ еще одного изъ героев своего времени, хотя и совсѣмъ изъ другого родѣ, нежели въ какомъ былъ его *Леонъ* и *Эрастъ*. Послѣ *Ольганы Печорины*, въ наше время никто и брался за изображеніе героя нашего времени. Причина понятна: герой настоящей минуты — лицо въ одно и то же время удивительно-многосложное и удивительно-неопредѣленное, гдѣ болѣе требующее для своего изображенія огромнаго таланта. Сверхъ-того, наша современность кипитъ необыкновеннымъ разнообразіемъ героевъ въ этомъ отношеніи, Чичиковъ, какъ *приобрѣтатель*, не меньше, если еще не больше Печорина — герой нашего времени. И потому, вся современная русская литература, по необходимости принявъ исключительно юмористическое направленіе, устремилась на изображеніе героевъ современности, смотря по силѣ и средствамъ таланта каждаго писателя. *Иванъ Васильевичъ*, герой «Тарантаса», — тоже одинъ изъ героев нашего времени. Онъ до-того мелокъ и ничтоженъ, что авторъ не могъ рисовать его серьезно, и съ перваго же раза выводитъ его смѣшнымъ: явный знакъ, что это одинъ изъ второстепенныхъ героевъ нашего времени. Но въ то же время, нельзя не вѣнчать графу *Солжугубу* большую заслугу, что онъ именно *ис-*

на Васильевича, а не другого какого-нибудь героя, выбралъ для своего юмористическаго карандаша, потому-что современная дѣйствительность кипитъ такими героями, вѣрнѣе сказать, кипитъ *Иванами Васильевичами*...

Что такое *Иванъ Васильевичъ*? — Это вѣчто въ родѣ маленькаго донъ-Кихота. Чтобы объяснить отношенія *Ивана Васильевича* къ настоящему, къ большому, къ испанскому донъ-Кихоту, надо сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ. Донъ-Кихотъ—прежде всего прекраснѣйшій и благороднѣйшій человекъ, истинный рыцарь безъ страха и упрека. Не смотря на то, что онъ смѣшонъ съ ногъ до головы, внутри и снаружи,—онъ не только не глупъ, но, напротивъ, очень-уменъ; мало этого: онъ истинный мудрецъ. Потому ли, что такова уже натура его, или отъ воспитанія, отъ обстоятельствъ жизни, — но только фантазія взяла у него верхъ надъ всѣми другими способностями и сдѣлала изъ него шута и посмѣшище народовъ и вѣковъ. Отъ чтенія вздорныхъ рыцарскихъ сказокъ, у него, по русской пословицѣ, умъ за разумъ зашелъ. Живя совершенно въ мечтѣ, совершенно наивъ современной ему дѣйствительности, онъ лишился всякаго такта дѣйствительности и вздумалъ сдѣлаться рыцаремъ въ такое время, когда на землѣ не осталось уже ни одного рыцаря, а волшебникамъ и чудесахъ вѣрила только тупая чернь. И онъ свято выполнялъ свой обѣтъ — защищать слабыхъ противъ сильныхъ, остался вѣренъ своей воображаемой Дульцинеѣ, не смотря на всѣ жестокія разочарованія, которымъ подвергла его совѣтъ-верыцарская дѣйствительность. Еслибъ эта храбрость, это великодушіе, эта преданность, еслибъ всѣ эти прекрасныя, высокія и благородныя качества были употреблены на дѣло, во-время и кстати, — донъ-Кихотъ былъ бы истинно-великимъ человекомъ! Но въ томъ-то и состоитъ его отличие отъ всѣхъ другихъ людей, что сама натура его была парадоксальная, и что никогда не увидѣлъ бы онъ дѣ-

ствительности въ ея настоящемъ образѣ и не употребилъ бы кстати, во-время и на дѣло богатыхъ сокровищъ своего великаго сердца. Родись онъ во времена рыцарства, — онъ навѣрное устремился бы на уничтоженіе его, и если бы узналъ о существованіи древняго міра, сталъ бы корчить изъ себя Грека, или Римлянина. Но какъ не было уже и слѣдовъ рыцарства, когда онъ родился, то рыцарство сдѣлалось точкою его помѣшательства, его *idée fixe*. Когда ему случалось выходить на минуту изъ этой мысли, онъ удивлялъ всѣхъ своимъ умомъ, здравымъ смысломъ, говорилъ какъ мудрецъ. Даже, когда мистификація сильныхъ людей осуществила мечты его рыцарскихъ стремленій, — онъ, въ качествѣ судьи, обвараужилъ не только великій умъ, но даже мудрость. И между-тѣмъ, въ сущности, онъ тѣмъ не менѣе былъ сумасшедшій, шутъ, посмѣшище людей... Мы не беремъ примирить это противорѣчіе; но для насъ ясно, что такія парадоксальныя натуры не только не рѣдки, но даже очень-часты вездѣ и всегда. Онѣ умны, но только въ сферѣ мечты; онѣ способны къ самоотверженію; но за призракъ; онѣ дѣятельны, но изъ пустяковъ; онѣ даровиты, но бесплодно; имъ все доступно, кромѣ одного, что всего важнѣе, всего выше — кромѣ дѣйствительности. Онѣ одарены удивительною способностью породить изъ себя негѣпую идею и увидѣть ея подтвержденіе въ наиболѣе — противорѣчащихъ ей фактахъ дѣйствительности. Чѣмъ негѣпѣе запавшая имъ въ голову идея, тѣмъ сильнѣе пьянѣютъ онѣ отъ нея, и на всѣхъ трезвыхъ смотрятъ какъ на пьяныхъ, какъ на сумасшедшихъ, какъ на безумныхъ, а иногда даже какъ на людей безнравственныхъ, злонамеренныхъ и вредныхъ. Донъ-Кихотъ—лицо въ высшей степени типическое, родовое, которое никогда не переведется, никогда не устарѣетъ, — и въ этомъ-то обнаружилась вся великость генія Сервантеса. Развѣ изувѣрь по убѣжденію, въ наше время, не донъ-Кихотъ? Развѣ не донъ-

Кихоты — эти безумные бонапартисты, которых только смерть герцога рейхштадского заставила расстаться с мечтою о возможности восстановления империи во Францию? Развѣ не донъ-Кихоты — нынѣшніе легитимисты, нынѣшніе ультрамонтанисты, нынѣшніе тори въ Англіи? А этотъ вѣкогда великій мыслитель, который, въ молодости, дала такое сильное движеніе развитію человѣческой мысли, а въ старости вздумалъ разыграть роль какого-то самозваннаго пророка, этотъ Шеллингъ однимъ словомъ, — развѣ онъ не донъ-Кихотъ? Къ особеннымъ и существеннымъ отличіямъ донъ-Кихотовъ отъ другихъ людей, принадлежитъ способность къ чисто-теоретическимъ, книжнымъ, вѣв жизни и дѣйствительности почерпнутымъ убѣжденіямъ. Есть люди, по мнѣнію которыхъ не только Атилла, самъ Адамъ былъ Славянинъ... это ли не донъ-кихотство?... Другимъ не нравится созданная Петромъ-Великимъ Россія, и они, съ горя, вилно, мечтаютъ о реставраціи блаженной эпохи, когда за употребленіе табака рѣзали носы; другіе идутъ далѣе, и хотятъ реставраціи Руси до шестствія Татари, а третьи желаютъ о возвращеніи въ XIX вѣкѣ Руси гостомысловскихъ временъ, т. е. Руси баснословной... Это ли еще не донъ-кихотство?.. А между-тѣмъ, послушайте-ка этихъ господъ: если вы не согласитесь съ ними, они вамъ скажутъ, что вы отстали отъ вѣка, что вы невѣжда, апостатъ; человекъ безнравственный, вредный...

Теперь обратимся къ *Ивану Васильевичу*. Это донъ-Кихотъ маленкій, донъ-Кихотъ въ мнѣньюрѣ. У испанскаго донъ-Кихота достало души, чтобъ осуществить на-дѣлѣ свою мечту и великодушно пожертвовать ей всѣмъ существомъ своимъ. Только на смертномъ одрѣ понялъ онъ, что онъ — не донъ-Кихотъ, а мирный манчскій пошлякъ... У *Ивана Васильевича* стало силы воли только на то, чтобъ отъ Москвы до села Мордасъ провезти, въ чужомъ гарантасѣ, бѣлую тетрадь,

назначенную для путевыхъ записокъ. *Иванъ Васильевичъ* въ мужикѣ нашелъ идеалъ русскаго человекъ, и хотѣлъ даже дворянѣ нарядить въ костюмъ очень-похожіи на мужицкіи, за исключеніемъ желтыхъ сафьянныхъ сапожекъ (собственнаго его, *Ивана Васильевича*, изобрѣтенія), — а между-тѣмъ, самъ скорѣе рѣшился бы умереть, нежели на одну складку отступить отъ моднаго парижскаго костюма. Такихъ микроскопическихъ донъ-Кихотовъ въ наше время развелось на Руси много множество. Всѣ они, за исключеніемъ незначительныхъ, разнообразныхъ отбѣнокъ, похожи одинъ на другаго, какъ двѣ капли воды. Всѣ они — люди добрые, умные, сочувствующіе всему прекрасному и высокому, любятъ рассуждать и спорить о Байронѣ и матерьяхъ важныхъ, страшные либералы, и, въ дополненіе ко всему этому, пренебрежнѣе и прескучивѣе люди. Но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ и обратимся наконецъ исключительно къ ихъ достойному представителю — къ *Ивану Васильевичу*.

Иванъ Васильевичъ — одинъ изъ тѣхъ червячковъ, которые имѣютъ свойство блестять въ темнотѣ. Въ глуши провинціи, вы обрадовались бы, какъ неожиданному счастью, знакомству съ такимъ человекъ; даже въ столицѣ, куда вы недавно пріѣхали и всему чужды, вы поздравили бы себя съ подобнымъ знакомствомъ. Сначала вы очень полюбили бы *Ивана Васильевича* и не могли бы довольно нахвалиться имъ; но скоро вы съ удивленіемъ заметили бы, что въ немъ ничего не обнаруживается новаго, что онъ весь высказался и выказался вамъ, что вы его выгнали наизусть, и что онъ сталъ вамъ скученъ, какъ книга, которую вы, за неимѣніемъ другихъ, сто разъ перечли и наизусть знаете. Сначала, вамъ покажется, что онъ добръ, даже очень-добръ; но потомъ вы увидите, что эта доброта въ немъ — совершенно-отрицательное достоинство, въ которомъ больше отсутствія зла, нежели положительнаго присутствія добра. что эта

доброта похожа на мягкость, свидетельствующую объ отсутствіи всякой энергіи воли, всякой самостоятельности характера, всякаго рѣзкаго и опредѣннаго выраженія личности. И тогда вы поймете, что доброта *Ивана Васильевича* тѣсно связана въ немъ съ безсиліемъ на зло. Сначала вамъ покажется, что онъ умнѣ, даже очень умнѣ, вы и потомъ никогда не скажете, чтобъ онъ былъ глупъ, потому что это была бы вопиющая неправда; но вы скоро замѣтите, что умъ его—ограниченный, легкій и поверхностный, который неспособенъ долго и постоянно останавливаться на одномъ предметѣ, неспособенъ къ сомнѣнію и его мукамъ и борьбѣ. Тогда вы поймете, что его умъ чисто-страдательный, т. е. способенъ раздражаться и приходитъ въ дѣятельность отъ чужихъ мыслей, но неспособный самъ родить никакой мысли, ничего понять самостоятельно, оригинально, неспособный даже усвоить себѣ ничего чужаго. Такъ же скоро исчезнетъ и ваше мнѣніе о его талантахъ—и исчезнетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше вы въ нихъ видѣли. Если вы и замѣтите въ немъ способность къ чему-нибудь, то скоро увидите, что она служитъ ему для того только, чтобъ все начинать, ничего не окончивая, за все браться, ничѣмъ не овладѣвая. Но всего болѣе пріобрѣлъ онъ ваше расположеніе, вашу любовь, даже ваше уваженіе—избыткомъ чувства, готоваго откликнуться на все человеческое, и что же! съ этой-то стороны всего болѣе и долженъ потерять онъ въ вашихъ глазахъ, когда вы лучше разсмотрѣте и узнаете его. Его чувство такъ чуждо всякой глубины, всякой энергіи, всякой продолжительности, и между-тѣмъ такъ-легко воснаменяется и проходитъ, не оставляя слѣда, что оно похоже болѣе на нервическую раздражительность, на чувствительность (susceptibilité), нежели на чувство. Умъ, сердце, дарованія, словомъ, вся натура *Ивана Васильевича* такъ устроена, что онъ неспособенъ понять ничего такого, чего не испыталъ, не видѣлъ, и потому его

могутъ беспокоить или радовать однѣ случайности, однѣ частныя факты, на которые ему приходится натываться. Слѣдствіе занимаетъ его безъ причины, явленія останавливаютъ его вниманіе, но идея всегда проходитъ мимо его, такъ-что онъ и не подозреваетъ ея присутствія. Онъ не можетъ жить безъ убѣжденій и гоняется за ними; впрочемъ, ему легко имѣть ихъ, потому что въ сущности ему все равно, чему бы ни вѣрить, лишь бы вѣрить. Когда чье-нибудь рѣзкое возраженіе, или какой-нибудь фактъ разобьетъ его убѣженіе, — въ первую минуту ему какъ-будто больно отъ-того, но въ слѣдующую за тѣмъ минуту, онъ или самъ сочинитъ себѣ новое убѣженіе, или возьметъ на-прокатъ чужое, и на этомъ успокоится. Сильное сомнѣніе и его муки чужды *Ивану Васильевичу*. Умъ его—парадоксальный и бросается или на все блестящее, или на все странное. Что дважды-два—четыре, это для него истина пошлая, грустная, и потому во всемъ онъ старается изъ двухъ, умноженныхъ на два, сдѣлать четыре съ половиною, или съ четвертью. Проста истина невыносима ему, и, какъ всѣ романтики и страдательно-поэтическія натуры, онъ предоставляетъ ее людямъ съ холоднымъ умомъ, безъ сердца. Во всемъ онъ видитъ только одну сторону,—ту, которая прежде бросится ему въ глаза, и изъ-за нея ужъ никакъ не можетъ видѣть другихъ сторонъ. Онъ хочетъ во всемъ встрѣчать одно, и глота его никакъ не можетъ мирить противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Такъ, на-примѣръ, во Франціи, онъ увидѣлъ борьбу корыстныхъ расчетовъ и мелкихъ интригъ,—и съ-тѣхъ-поръ Франція, его прежній идеалъ, вовсе перестала существовать для него... Онъ неспособенъ понять, что добро и зло идутъ о-богъ, и что безъ борьбы добра со зломъ не было бы движенія, развитія, прогресса, словомъ—жизни; что историческое лицо можетъ въ одно и то же время дѣйствовать и по искреннему убѣженію и по самолюбію, и что исторія—говоря

метафизически есть гущина, на которую цепанми анализа отдѣляются зерна отъ мякины человѣческихъ дѣяній, и что количество мякины, хотя бы и превосходящее количество зеренъ, никогда не можетъ уничтожить цѣны и достоинства самихъ зеренъ. Нѣтъ, ему давайте или одно бѣлое, или одно черное, но тѣней и разнообразія красокъ онъ не любитъ. Для него не существуютъ люди такъ, какъ они суть: онъ видитъ въ нихъ или демоновъ, или ангеловъ. Все это происходитъ отъ бѣдности его природы, рѣшительно неспособной ни къ убѣжденіямъ, ни къ страстямъ, способной только къ фантазіямъ и чувствованьямъ. А между тѣмъ, съ тѣхъ-поръ, какъ только началъ онъ себя помнить, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на человѣка, отиѣченнаго перстомъ провидѣнія, назначеннаго къ чему-то великому, или, по крайней-мѣрѣ, необыкновенному... Это очень-обыкновенное явленіе въ обществахъ неустановившихся, полуобразованныхъ, гдѣ все пестро, гдѣ невѣжество идетъ рядомъ съ знаніемъ, образованность съ дикостью. Въ такомъ обществѣ, всякому человѣку, который обнаруживаетъ какое-нибудь стремленіе, или хоть просто претензію на образованность, который живетъ не совсемъ такъ, какъ всѣ живутъ, и любитъ разсуждать, — всякому такому человѣку легко увѣрить себя (и притомъ очевидно) и другихъ, что онъ — гениальный человѣкъ. Если же, при этомъ, онъ не глупъ и не тупъ, одаренъ способностью легко скватывать со всего вершки, много читаетъ, обо всемъ говорить съ жаромъ и рѣшительно, бранить толпу, да собирается путешествовать, или уже и путешествовалъ — то онъ гений, непремѣнно гений! Въ слѣдствіе этого, онъ всю жизнь къ чему-то готовится... Прежде, *Иваны Васильевичи* носились съ своими непонятными толпѣ внутренними страданіями, восторгамъ и разочарованіями, корчили изъ себя Фаустовъ, Манфредовъ, корсаровъ; теперь мода на эти глупости проходить, — и

потому *Иваны Васильевичи* теперь пустились изучать Западъ и Россію, чтобы разгадать будущность отечества и узнать, чѣмъ они могутъ быть ему полезны. Въ томъ и другомъ случаѣ, главную роль играетъ непоправимое самолюбіе бѣдной природы; самолюбіе — единственная страсть такихъ людей. Прежде, *Иваны Васильевичи* съ истинно-гениальнымъ самоотверженіемъ доходили до грустнаго убѣжденія, что толпѣ не понять ихъ, и что имъ нечего дѣлать на землѣ: теперь это слѣдось пошло, и потому теперь *Иваны Васильевичи* рѣшились убѣдиться, что Западъ гниетъ...

Вотъ нашъ взглядъ на *Ивана Васильевича*, какъ на лицо, на характеръ. Когда мы прослѣдимъ нить событій, развивающихся въ «Тарантасѣ», — читатели увидятъ сами, до какой степени вѣренъ нашъ взглядъ. Но прежде, намъ надобно сказать, что авторъ «Тарантаса» очень-умно и ловко далъ своему ильскому донъ-Кихоту спутника, — не Санчо-Пансу, а олицетворенный посредственный азравый смыслъ, въ лицѣ *Василія Ивановича*, медвѣдеобразнаго, но весьма-почтеннаго казанскаго номіщика. *Иванъ Васильевичъ* — неправанный, самозванный гений, питающій реформаторскія нахѣренія на счетъ толпы; *Василій Ивановичъ* — толпа, которая своими пошлыми здравымъ смысломъ обиваетъ восковыя крылья самозванному гению. Здравый смыслъ толпы кажется пошлымъ истинному гению и, рано или поздно, падаетъ во прахъ передъ его высокими безуміемъ; но онъ — бичъ самолюбивой посредственности, и немилосердно бьетъ ее, даже иногда самъ не зная, какъ и чѣмъ. Таковы отношенія другъ къ другу обомъ героевъ «Тарантаса». Первую и главную роль играетъ, безъ сомнѣнія, *Иванъ Васильевичъ*; но *Василій Ивановичъ* необходимъ для *Ивана Васильевича*: безъ перваго, послѣдній не былъ бы такъ опредѣлительно, ярко, рельефно обрисованъ, — извѣство, что ничто такъ рѣзко не выказываетъ истины, какъ противоположность. Въ нрав-

ственномъ отношеніи, между *Василомъ Васильевичемъ* и *Василіемъ Ивановичемъ* существовала такая же противоположность, какъ и между героями извѣстной повѣсти Гоголя: у одного голова похожа на рѣдкую хвостомъ внизъ: у другого — на рѣдкую хвостомъ вверхъ. Впрочемъ, нельзя рѣшить, кто изъ нихъ правъ и съ кѣмъ изъ нихъ должно соглашаться; мы даже думаемъ, что, въ дѣйствительности, истинно-дѣльный человѣкъ убѣжитъ отъ того и другаго: отъ одного, какъ отъ неуклюжаго, колосапаго медвѣдя, — отъ другаго, какъ отъ кривляваго ученаго попугая. Но книга — не жизнь; въ книгѣ можно съ кѣмъ-угодно ужиться, въ книгѣ очень милы даже и герои *Ревизора*. И потому, мы не убѣжимъ отъ *Васильевича* и *Василія Ивановича*, а напротивъ побѣжимъ къ нимъ. Они очень-интересны для изученія, а изучать ихъ можно только обонихъ вмѣстѣ. Итакъ, къ нимъ, — но не на Тверской-Бульваръ въ Москвѣ, гдѣ они встрѣтились, даже не въ тарантасѣ, въ которомъ они ѣхали, а въ ихъ деревнѣ — посмотримъ, какъ они родились, выросли и стали такими, какими встрѣчаетъ ихъ читатель на Тверскомъ-Бульварѣ, въ первой главѣ «Тарантаса».

Итакъ, мы начнемъ даже и не съ середины, а чуть-ли не съ конца — съ XV и XVI главъ, отъ которыхъ уже перейдемъ къ первой главѣ. Начнемъ, какъ это сдѣлалъ и самъ авторъ, съ медвѣдя:

«Василій Ивановичъ родился въ Казанской-Губерніи, въ деревнѣ Морласахъ, въ которой родился и жилъ его отецъ, въ которой и ему было суждено и жить и умереть. Родился онъ въ восьмидесятыхъ годахъ и мирно развѣлся подъ сѣнью отеческаго крова. Ребенку было привольно расти. Бѣгалъ онъ весело по господскому двору, погоняя кнутикомъ трехъ мальчишекъ, изображающихъ тройку лошадей и постигая всяма-порядочно пристяжныхъ, когда онъ недостаточно закидывал головы на сторону. Любилъ онъ также гѣбить вѣчный свой досугъ чуркомъ, бабками, свайкой и городками, но главное основаніе системы его воспитанія

заключалось въ голубятнѣ. Василій Ивановичъ провелъ лучшія минуты своего дѣтства на голубятнѣ, смазывалъ и ловилъ крестьянскихъ чистыхъ голубей и прибрѣдалъ весьма-обширныя свѣдѣнія касательно козырныхъ и турмановъ.

Отецъ Василія Ивановича, Иванъ Федотовичъ, нѣлъ какъ-то несчастье испортить себѣ въ молодости желудокъ. Такъ-какъ по близости доктора не обрѣталось, то какой-то сосѣдъ присовѣтовалъ ему прибрѣгнуть для поправленія здоровья къ постоянному употребленію травничка. Иванъ Федотовичъ до того пристрастился къ своему способу леченія, до того уславливалъ приемы, что скоро прибрѣдалъ въ околосѣдъ весьма недюжинную славу человѣка пьющаго запоемъ. Со-временемъ, барскій запой сдѣлался постояннымъ, такъ-что каждый день утромъ, аккуратно въ десять часовъ, Иванъ Федотовичъ съ хозяйской точностью былъ уже немножко подшофео, а въ одиннадцатъ совершенно пьянъ. А какъ пьяному человѣку скучно одному, то Иванъ Федотовичъ окружилъ себя дурами и дураками, которые и услаждали его досугъ. Торговалъ онъ, правда, себѣ карлу, но карла пришлось славкомъ-дорого, и былъ тогда же отправленъ въ Петербургъ къ какому-то вельможѣ. Надлежало, слѣдовательно, довольствоваться взрослыми глупцами и уродами, которыхъ одѣвали въ затрапезныя платья съ красными фигурами и заплатами на спишѣ, съ рогами, хвостами и прочими снѣшными украшеніями. Иногда мордали ихъ голодомъ для смѣха, били по носу и по щекамъ, травили собаками, кидали въ воду и вообще употребляли на всѣ возможныя забавы. Въ такихъ удовольствіяхъ проходилъ цѣлый день, и когда Иванъ Федотовичъ ложился почивать, пьяная старуха должна была разсказывать ему сказки, оборванные казачки шекотали ему легошко пятки и обѣяли кругомъ его мухъ. Дураки должны были ссориться въ уголку и отнюдь не спать или утомляться, потому-что кучеръ вдругъ прогонялъ дремоту и оживлялъ ихъ бесѣду звонкимъ прикосновеніемъ арапника.

Мать Василія Ивановича, Арина Анкимовна, нѣла тоже свою дуру, но ужъ больше для приличія и, такъ сказать, для штата. Она была женщина серьезная и скупая, не любила заниматься пустяками. Она сама смотрѣла за работами, знала

когда выдвигать и кому водки долести, присутствовала при молотбѣ, свидѣтельствовала на мельницѣ закормы, подсматривала трапцую, мужчинъ приказывала наказывать при себѣ, а женщинъ иногда и сама трепала за косу. Само собою разумеется, что кругомъ ея образовалась пѣлая куча разношерстной дворни; приживалокъ, наущиницъ, кумушекъ, нянекъ, дѣвокъ, которыхъ, какъ водится, цаловали у Василия Ивановича ручки, кормили его тайкомъ медомъ; поили бражкой и угождали ему всячески, въ ожиданіи будущихъ благъ» (стр. 174 — 176).

Говорятъ о такомъ произведеніи, какъ «Тарантасъ», нѣтъ никакой возможности избѣжать выписокъ, и частыхъ и довольно полныхъ; у какого рецензента поднимется рука — пересказывать своими словами, на-приим., содержаніе сейчасъ выписаннаго вами отрывка, заключающаго въ себѣ такую вѣрную, такъ мастерски-написанную картину русскаго семейства? Здѣсь не знаете, чему больше удивляться въ авторѣ: глубокому ли его знанію действительности, которую онъ изображаетъ, или его мастерству изображать! Но обратимся къ Василию Ивановичу. Онъ росъ-себѣ, говоритъ авторъ, по простымъ законамъ природы, какъ растетъ капуста, или горохъ. Десяти лѣтъ началъ онъ учиться у дѣячка грамотѣ, и два года долбилъ азбу; писать онъ выучился прескверно, и кончилъ свой курсъ наукъ катихизисомъ и арифметикою въ вопросахъ и отвѣтахъ. Кромя дѣячка, у него былъ еще учительскій отставной унтеръ-офицеръ, изъ Малороссіянъ, Вухтичъ.

Получалъ онъ (Вухтичъ) жалованья сорокъ рублей въ годъ, да отсыпной муки по два пуда въ мѣсяцъ, да издешевное платье съ барскаго цѣпа и нѣчто изъ обуви. Кромя того, такъ-какъ платья было не много, потому-что Иванъ Федотовичъ вѣчно ходилъ въ халатѣ, то Вухтичу было еще предоставлено въ утѣшеніе держать свою корову на господскомъ корнѣ. Василий Ивановичъ мало оказывалъ почтенія учителю, ѣздилъ верхомъ на его спинѣ, дразилъ его языкомъ и веревкою швырялъ ему книгой

прямо въ носъ. Если же терпѣливый Вухтичъ и выдѣлывалъ, какъ-нибудь дѣлѣ, терпѣливъ и схватится за линейку; Василий Ивановичъ кувиркомъ избѣжитъ жаловаться тѣмъ-какъ; что учитель его такой, слякой, бьетъ-де его палкой и бранитъ его дурными словами. Тѣмъ-какъ съ языка раскричится на Вухтича: «Ахъ, ты, сѣдой этакій пещъ, а тебя кормлю и одѣваю, а ты у меня въ дому шумѣть задумалъ. Вотъ я тебя... смотри по шеемъ велю выпроводить. Не давай королю его сѣна... А кумушки и приживалки окружатъ Василия Ивановича и начнутъ его утѣшать... Непатладное ты наше красное солнышко; съгнъ наша радость, барашъ мы нашъ, позвольте ручки цѣловать... Не слушайтесь, агода, золотой вы нашъ, хотя поганаяго. Онъ мужикъ... нашъ братъ... Гдѣ ему знать, какъ съ знатными господами обиходъ имѣть...

— Что же въ-самомъ-дѣлѣ, думалъ Вухтичъ, не ходить же по міру... Зналъ-человекъ всего этого обидѣ то, что Вухтичъ женился на дворовой дѣвкѣ, получилъ въ награжденіе двѣ желтныя земли и воспитаніе Василия Ивановича было оканчено» (стр. 177).

Изобразивъ съ такою поразительною вѣрностью воспитаніе *Василия Ивановича* и сказавъ, что дѣждъ и онъ не испортило его доброй натурѣ; — авторъ удивляется тому, что всѣ наши дѣды и прадеды воспитывались такъ же, какъ и *Василій Ивановичъ*, и между-тѣмъ не въ примѣръ намъ были отличнѣйшіе люди, съ твердыми нравствами, — что особенно доказывается тѣмъ, что они крѣпко хранили, не по логическому убѣжденію, а по какому-то странному (?) внушенію (?) любовь до смерти нашимъ отечественнымъ постановленіямъ» (стр. 179). Здѣсь авторъ что-то темновато рассуждаетъ; но, сколько можемъ мы понять, подлѣ отечественными постановленіями онъ разумѣетъ старыя обычаи, которыхъ наши дѣды и прадеды, дѣйствительно, крѣпко держались. Кому не извѣстно, чего стоило Петру-Великому сбрить бороду только съ на-дѣйшей части своихъ подданныхъ? Впрочемъ, добродѣтель, которая возбуждается такой энтузіазмъ въ авторѣ «Тарантаса», и которая заливается

въ крѣпкомъ храненіи старыхъ обычаевъ, — именно изъ того и вытекала, что наши дѣды и прадѣды, какъ говоритъ графъ Соллогубъ, «были точно люди не грамотные» (стр. 179). Мы не можемъ прійти въ себя отъ удивленія, не понимая, чему же авторъ тутъ удивляется... Эта добродѣтель и теперь еще сохранилась на Руси, именно — между старообрядцами разныхъ толковъ, которые, какъ извѣстно, въ грамотѣ очень-несильны. Китайцы тоже отличаются этою добродѣтью, именно потому, что они, при своей грамотности, ужасные невѣжды и обскуранты. Но еще больше Китайцевъ отличаются этою добродѣтью безчисленныя породы безсловесныхъ, которыя совсѣмъ-неспособны знать грамоту, и которыя до-сихъ-поръ живутъ точь-въ-точь, какъ жили ихъ предки съ перваго дня созданія... Вотъ, если бы авторъ «Тарантаса» нашелъ гдѣ-нибудь людей просвѣщенныхъ и образованныхъ, но которые крѣпко держатся старыхъ обычаевъ, и удивился бы этому, — тогда бы мы нисколько не удивились его удивленію и вполне раздѣлили бы его...

Мы не будемъ говорить, какъ *Василій Ивановичъ* служилъ въ Казани, плясалъ на одномъ балу казачка и влюбился въ свою даму; но мы не можемъ пропустить *рацеи* его «дражайшаго родителя», въ отвѣтъ на «покорнѣйшую» просьбу «послушнѣйшаго» сына о благословеніи на бракъ: «Вишь, щенокъ, что затѣляе; еще на губахъ молоко не обсохло, а ужъ о бабѣ думаешь». Отъ матери онъ услышалъ то же самое. Воля мужа была ей закономъ. Даромъ, что пьяница, думала она, а все-таки мужъ. При этомъ, авторъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «такъ думали въ-старину!» Хорошо думали въ-старину! прибавимъ мы отъ себя. Когда милый «тятенька» *Василій Ивановича* умеръ отъ свухи, добрые его крестьяне горько о немъ плакали: картина была умилительная... Авторъ очень-остроумно замѣчаетъ, что «любовь мужика къ баринѣ есть

любовь врожденная и почти неизлечимая»: мы въ этомъ столько же увѣрены, какъ и онъ... Наконецъ, *Василій Ивановичъ* женился и поѣхалъ въ Мордасы; на границѣ помѣстья, всѣ мужики, стоя на колыняхъ, ожидали молодыхъ съ хлѣбомъ и солью. «Русскіе крестьяне» говоритъ авторъ «не кричатъ виватовъ, не выходятъ изъ себя отъ восторга, но тихо и трогательно выражаютъ свою преданность; и жалокъ тотъ, кто видитъ въ нихъ только лукавыхъ, безсловесныхъ рабовъ, и не въруеть въ ихъ искренность» (стр. 187). Объ этомъ предметѣ мы опять думаемъ точно такъ же, какъ самъ авторъ. Если бы *Василій Ивановичъ* спросилъ у своего старосты, отъ-чего крестьяне такъ радуются, — староста, навѣрное отвѣтилъ бы:

они

На радости, тебя увидя, пляшутъ.

Послѣ этого, *Василій Ивановичъ* сдѣлался, какъ и слѣдовало отъ такого воспитанія и такихъ примѣровъ, предобродѣтельнымъ помѣщикомъ. Онъ поправилъ мужиковъ, управляя ими по «русской методѣ», безъ агрономическихъ и филантропическихъ усовершенствованій. Учить сына поручилъ уже не дьячку, а семинаристу. Старые сосѣди говорили о *Василии Ивановичѣ*, что онъ — *продувная шельма*, а молодые, что онъ — *пошлый дуракъ*; но въ сущности онъ былъ — добродѣтельный помѣщикъ села Мордасы, въ которомъ пока и оставимъ его, чтобъ захватить въ сосѣдную деревню — къ родителямъ *Ивана Васильевича*.

Иванъ Васильевичъ родился черезъ тридцать лѣтъ послѣ *Василія Ивановича*. Это даетъ намъ надежду, что авторъ представитъ намъ совсѣмъ-другую картину воспитанія, въ которой будетъ видѣнъ прогрессъ пѣлыхъ тридцати лѣтъ — огромнаго періода времени для Россіи, которая такъ быстро развивается. *Василій Ивановичъ* родился въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; слѣдовательно, *Иванъ Васильевичъ* родился или около 1815 года, или немного-позже. Мать его была

какая-то княжна средней-руки, недавняго восточнаго происхожденія, какъ говорить авторъ, и была покинута на французскомъ языкѣ. Не смотря на всѣ свои претензіи, какъ старая дѣвка безъ приданаго, она принуждена была выйти замужъ за помѣщика, который не былъ похожъ на Малек-Адела или на Eugène de Rochefort, не былъ похожъ даже на лютаго тирана, а скорѣй на сурка: былъ, смѣлъ, да рыскалъ цѣлымъ дѣшъ по полю. Отъ этой-то достойной четы родился *Иванъ Васильевичъ*. Воспитаніе его поручено было французскому гувернёру. Всѣмъ извѣстно, говорить авторъ, что Французы долго мстили намъ за свою неудачу, оставивъ за собою несчётное количество фельд-фебелей, фельдшеровъ, сапожниковъ, которые, подъ предлогомъ воспитанія, испортили на Руси едва ли не цѣлое поколѣніе. (стр. 197). Замѣчаніе энергическое и остроумное, но, во-первыхъ, совсѣмъ не новое — оно уже тысячу-тысячъ разъ было предметомъ носильныхъ острогъ журналовъ и правоучительныхъ романовъ добраго стараго времени; во-вторыхъ, оно едва ли основательно. Человѣку, несчастною судьбою занесенному въ чужую страну, нѣчего жсть, а умирать съ голоду, естественно, не хочется: что жъ тутъ острить, что онъ схватился даже за воспитаніе, чтобы добыть кусокъ хлѣба? Авторъ могъ бы безъ всякихъ натяжекъ обнаружить свое остроуміе на-счетъ невѣждъ, которые Богъ знаетъ кому поручали воспитаніе своихъ дѣтей: все смѣшное на сторонѣ сихъ дражайшихъ родителей. Эмигрантовъ авторъ не смѣшываетъ съ этой саранчюю: да, французскіе эмигранты, конечно, люди почтенные въ глазахъ многихъ, и мы не станемъ спорить съ этими многими. Гувернёръ *Ивана Васильевича* былъ эмигрантъ. Съ удивительною проницею, авторъ рассказываетъ намъ, какъ *Иванъ Васильевичъ* узнавалъ, что Расинъ первый поэтъ въ мірѣ, а Вольтеръ такая тьма мудрости, что и подумать страшно. Воспитаніе

Ивана Васильевича, какъ и слѣдуетъ, было самое поверхностное и безтолковое, уже потому только, что его воспитывалъ человѣкъ, который случайно сдѣлался воспитателемъ. Это такъ естественно! А между-тѣмъ, мы далеки отъ-того, чтобы слишкомъ нападать и на родителей, поручившихъ своихъ дѣтей такимъ воспитателямъ. Гдѣ же нигъ было искать лучшихъ? Университеты русскіе тогда были совсѣмъ не те, что теперь, а ученые того времени, за слишкомъ-рѣдкими исключеніями, часто казались сродни *зеленому господу* въ Петербургскихъ Углахъ г. Некрасова. Слѣдовательно, въ такомъ состояніи воспитанія никто не былъ виноватъ, и намъ кажется, что даровитый авторъ обращаетъ на воспитаніе слишкомъ-исключительное вниманіе, почти-вовсе упуская изъ вида натуру своего героя. Въ такомъ воспитаніи, вся надежда на добрую натуру воспитанника. Вѣдь *Василій Ивановичъ*, по словамъ автора, не погибъ же отъ самаго ужаснаго воспитанія, благодаря добрымъ наклонностямъ его природы? Почему же съ *Иваномъ Васильевичемъ* не то сбылось? А вѣдь онъ, даже и во воспитаніи, имѣлъ огромныя преимущества передъ *Василіемъ Ивановичемъ*, потому-что зналъ хотя одинъ иностранннй языкъ (а это — совсѣмъ не пустяки) и имѣлъ хоть какія-нибудь позанія, какъ бы поверхностны и пусты они ни были. Будь у него добрая натура, ему не поздно было бы проснуться отъ своего ничтожества даже въ двадцать лѣтъ, и дѣльными трудами (который для него былъ такъ возможенъ, потому-что онъ зналъ уже иностранный языкъ) воротить потерянное въ дѣтствѣ время. И какую пользу принесло бы ему путешествіе въ Европу!... Но мы сейчасъ увидимъ, какъ воспользовалась этимъ путешествіемъ слабая голова *Ивана Васильевича*. Авторъ самъ чувствовалъ необходимость взглянуть на натуру своего героя, но сдѣлалъ это вскользь и не совсѣмъ впопадъ: *Иванъ Васильевичъ* былъ мальчикъ совершенно-славян-

«ской породы, то-есть дѣивый, но бойкій» (стр. 199). Такъ; русская дѣивъ — большая помѣха во всемъ русскому человѣку, но еще не непреодолимое препятствіе, и не въ ней корень зла: корень лежитъ глубже; его надо искать въ отсутствіи опредѣленнаго общественнаго мнѣнія, которое каждому указывало бы его путь, а не становило бы его на распутии, говоря: иди куда хочешь. Что же касается до *Ивана Васильевича*, корень зла его жизни заключался въ его слабой, ничтожной натурѣ, неспособной ни къ убѣжденію, ни къ страсти, и вѣчно гонящейся за убѣжденіями и страстями не по внутренней потребности, а по самолюбію и отъ скуки. Отъ гувернёра перешелъ онъ въ одинъ частный пансіонъ въ Петербургѣ, гдѣ наблюдалась удивительная чистота, а учили вздорамъ и плохо. *Иванъ Васильевичъ* дѣивился и молодецествовалъ трубкою, водкою и другими пороками взрослыхъ, а на выпускномъ экзаменѣ сръзался. Это заставило его подумать о себѣ. Онъ почувствовалъ, что не рожденъ для безсмысленнаго разврата, а что въ немъ таится что-то живое, благородное, просящееся на свѣтъ, требующее дѣятельности, возвышающее душу. Онъ бы не прочь былъ и прийтись за свое перевоспитаніе; но какъ начать учиться, когда нѣкоторые товарищи уже *титулярные советники* и веселятся въ свѣтъ? А! вотъ что! Мелкая натура сказала! Ступайте-ка служить, *Иванъ Васильевичъ* — куда вамъ учиться! Но оказалось, что онъ не годился и въ чиновники, и потому бросилъ службу; потомъ влюбился, — и тутъ толку не было; бросился въ свѣтъ, — и то надоѣло; хватался за повтовъ, за науки, принимался за все сгоряча, но горячность скоро проходила; онъ утомлялся и искалъ минутнаго раздѣнія, глушой забавы. Онъ сдѣлался истинно-жалкимъ человѣкомъ, не отъ-того, чтобъ положеніе его было несчастливое, но отъ-того, что онъ ни *св чьмъ не могъ принимать долю участія*, отъ-того,

что самъ собою былъ *недоволенъ*, отъ-того, что онъ усталъ самъ отъ самого себя. Наконецъ онъ отправился за границу. Сперва поѣхалъ Берлинъ. «Знаменитости, передъ которыми онъ готовился благоговѣть, произвели на него то же самое впечатлѣніе, какъ кассиръ его министерства или малеровскій парикёръ. *У одной знаменитости былъ носъ толстый, у другой — бородавка на щекѣ*. Ведума было посѣщать лекціи, но увидѣлъ, что безъ приготовленія нельзя ихъ понимать. Въ Германіи объяснилась ему тайна воспитанія. Онъ видѣлъ, какъ вѣдѣлъ каждый человѣкъ, отъ мужика до принца, вращается въ своемъ кругу терпѣливо и систематически, не заносится слишкомъ высоко, не падаетъ слишкомъ низко. Онъ видѣлъ, какъ каждый человѣкъ выбираетъ себѣ дорогу и идетъ-себѣ постоянно по этой дорогѣ, не заглядываясь на стороны, не теряя ни разу изъ виду своей цѣли. И жалкій бѣднякъ, который уже своею натурою осужденъ на вѣкъ остаться духовно-малолѣтнимъ, принималъ проклинать своего Француза-наставника, вмѣсто того, чтобъ ругать хорошенько самого себя... Потомъ онъ началъ ругать Нѣмцевъ за то, что они дѣлать его: для слабыхъ натуръ это не послѣднее средство утѣшиться въ горѣ! Но противъ того, вообще въ русской натурѣ — оправдываться въ своихъ недостаткахъ недостатками другихъ; одна изъ любимыхъ поговорокъ русскаго человѣка: *Славны бубны за юрами...*

Иванъ Васильевичъ вѣдалъ въ Парижѣ. Сначала онъ увлекся шумными и разнообразными движеніемъ парижской жизни, но скоро онъ увидѣлъ собственную исторію въ огромномъ размѣрѣ: вѣчный шумъ, вѣчную борьбу, вѣчное движеніе, звонкія рѣчи, громкіе вопли, бесѣрное хвастовство, желаніе выказаться и стать передъ другими, а на днѣ этой кипищей жизни тяжелую скуку и холодный эгоизмъ» (стр. 200). Подлинно, всякій во всемъ видитъ свое, въ оправ-

дние шеллинговской системы тождества, и въ то же время въ оправданіе басни Крылова, известная героиня которой, затесавшись на барскій дворъ, ничего не увидѣла тамъ, кромѣ навоза... Вѣдвѣй *Иванъ Васильевичъ!* ему вездѣ и во всемъ суждено видѣть ужасную драмъ — самого-себя... Нѣтъ — виноваты! — въ Италиі онъ увидѣлъ искусство, и оно освѣжило его. По-крайней-мѣрѣ, такъ увѣряетъ авторъ. Мы вѣримъ ему, хотя, въ то же время, вѣримъ и тому, что безъ приготовленія, безъ страсти, безъ труда и настойчивости въ развитіи чувства изящнаго въ самомъ себѣ, искусство никому не дается. Минутное раздраженіе первовъ — еще не проникновеніе въ тайны искусства; минутное развлеченіе новыми предметами — еще не наслажденіе ими.

Авторъ увѣряетъ (стр. 210), что Италия не пала, не погибла, не схоронена, и совѣтуетъ ей не вѣрить коварнымъ словамъ, истину которыхъ она сама хорошо понимаетъ. Впрочемъ, никто не станетъ спорить, чтобъ природа Италиі, развалины и обломки ея прежней богатой жизни не были обязательно-прекрасны. Къ ней идетъ сравненіе, сказанное Байрономъ о Греціи: это прекрасная женщина, которая еще прекрасна и въ гробѣ. Но Греція воскресла, и для нея это сравненіе ужъ не годится...

Непріязненные толки иностранцевъ о Россіи заставили *Ивана Васильевича* думать о своемъ отечествѣ и полюбить его. Черта вполне достойная *Ивана Васильевича!* Пустота составляетъ душу этого человѣка, и въ его пустотѣ есть какое-то тревожное, суетливое стремленіе безъ всякой способности достиженія. Въ немъ нѣтъ ничего непосредственнаго, живаго; ему нужно, чтобъ его толкали извнѣ, и только тогда можетъ онъ бросаться, на время и не надолго, то на то, то на другое. Такимъ образомъ, безъ повода за границу, ему никогда не пришлось бы въ голову полюбить Россію, даже никогда не подумалось бы что земля,

въ которой онъ живетъ, называется Россією, и что онъ самъ — гражданинъ этой земли. По-этому, какъ понятно, что и теперь, когда, благодаря путешествію, онъ полюбил Россію, — какъ понятно, что это — не чувство, а новая мечта его праздноватающей фантазіи! Тогда рѣшился онъ изучить свою родину основательно, и такъ какъ онъ привыкъ за все съ восторгомъ, то и отчизновѣ въ немъ загорѣлось бурными пламенемъ. Возвратившись въ Россію, онъ вооружился книгой для своихъ путешествій впечатлѣній и очинилъ перо. Но что будетъ изъ этого? что напишетъ онъ? Что откроетъ? что скажетъ намъ? — Кажется ничего! (стр. 212). Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что *Иванъ Васильевичъ* не привыченъ къ упорному труду: мы принимаемъ эту причину, но какъ одну изъ второстепенныхъ. Первая и главная причина — въ натурѣ *Ивана Васильевича*, неспособной ни къ убѣжденію, ни къ страсти, — въ его умѣ, неспособномъ выдерживать отрицанія и идти до послѣднихъ слѣдствій...

Теперь пойдемъ за нашими героями въ Москву, на Тверской-Бульваръ и подслушаемъ нѣкоторые отрывки изъ ихъ разговора.

- Откуда ты?
- Я былъ за границей.
- Вотъ-съ! а гдѣ, коль смѣю спросить?
- Въ Парижѣ шесть мѣсяцевъ.
- Такъ-съ.
- Въ Германіи, въ Италиі...
- Да, да, да, да... Хорошо... а разсмѣю спросить, много деньжонокъ надынь порастрасти?
- Какъ-съ?
- Много ли, братъ, промотыжничалъ.
- Довольно-съ.
- То-то... а батюшка-то твой, мой събѣдъ, что скажетъ на это. Вѣдь старикъ то не очень сговорчивъ на дѣтское неговство... Да и голы-то плохіе. Ты, шибъ, слышалъ, что у батюшки всю гречиху градомъ добило?
- Батюшка писалъ-съ; а самъ говоръ къ нему собираюсь.
- Хорошее дѣло старика утѣшить. А смѣю спросить, какого чина?

— Так и есть! подумал молодой человек. — 12 класса, отбывать онъ обязанъ...

— Ты... не важно... а ужъ въ отставку, жай?

— Въ отставку.

— То-то же. Вы, молодые люди, рбманъ себя въ голову, что надо пренебрегать службой. Усны слишкомъ, позволите видеть, стади. — А теперь, коли смѣю спросить, что вы намерены дѣлать-съ... Ась?

— Да я хотѣлъ бы, Василій Ивановичъ, познакомиться съ Россію, познакомиться съ нею:

— Какъ-съ?

— Я хотѣлъ бы изучить свою родину.

— Что, это, что...

— Я намеренъ изучить свою родину.

— Невольте, а не понимаю... Вы хотите изучать...

— Изучать мою родину... изучать Россію:

— А какъ это вы, батюшка, будете изучать Россію?...

— Да въ виду вѣдать... въ отношеніи ея древности и въ отношеніи ея народности, что, впрочемъ, тѣсно связано между собой. Разбиралъ наши памятники, наши монеты и преданія, прислушиваясь ко всѣмъ отголоскамъ нашей старины, ни въ удастся... виновать, Вамъ... мы, товарищи и я... мы дойдемъ до познания народнаго духа, нрава и требованія, и будемъ знать, изъ какого источника должно возникнуть наше народное просвѣщеніе, будемъ знать, какими средствами Кароны, но не принципа его за образца.

— По моему, сказалъ Василій Ивановичъ: — я начелъ тебѣ самое лучшее средство изучать Россію — жениться. Брось пустые слова, да пойдешь-ка, братъ, въ Казань. Чинъ у тебя небольшой, однако офицерскій. Житье у васъ дворянское. Парижъ ты легко найдешь. На женѣтъ у насъ, слова Богу, урожай... Женись-ка, пророкъ, да счастливъ жить съ старикомъ. Нордъ и обь немъ подумай. — Эхъ, братъ, право — ну! Ты вѣдь думаешь, въ деревнѣ скучно? Ни чуть! Не утру въ поле, а тамъ закусишь, да пообѣдаешь, да выспишься, а тамъ въ сосѣдствѣ... А женщины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... Ахъ... Житье, братъ... что твой Парижъ. Да гдѣ же, какъ заведутся у тебя ребята, да родится у тебя рожь самъ-собой, да на гунахъ столько хлѣба наберется, что му рѣдешь помогать, а въ

карманѣ столько пѣльковыхъ, что не сочтешь, какъ, по обьему, ты славно будешь знать Россію. Ахъ...

Видите ли: не правы ли мы, сказали, что приметомъ миньятирномъ доизъ Кихотѣ, *Василій Васильевичъ*, авторъ назначилъ *Василію Ивановичу* роль не Санчо-Пансы, а олицетвореннаго адрваго смысла, который, впрочемъ, и не подозреваетъ ни мало, что онъ — здравый смыслъ? — Мало этого: *Василій Ивановичъ*, въ отношеніи къ *Василію Васильевичу*, не только олицетворенный здравый смыслъ, но и олицетворенная прова. Все, что ни говоритъ онъ ему, можно перевести такъ: знаешь ли ты насъ, голубчикъ! вы и молничаешь, и умничаешь, и вѣдите за границу, пронываетеесь и доца и на чужбинѣ, и подымаете носъ кверху передъ нами, степными медвѣдами, — а вѣдь рожайте же тѣмъ, что сами омедвѣдятся не лучше нашего, и въ законномъ ожительствѣ съ какою-нибудь Авдотьею Петровной, съ кучею дѣтей, развѣшишь, разоспаннись и растоартѣшь, отъ полноты сердца будете говорить: «Въ деревнѣ скучно? Ни чуть! По утру въ поле, а тамъ закусишь, да пообѣдаешь, да выспишься, а тамъ въ сосѣдствѣ... А женщины-то, а псовая охота, а своя музыка, а ярмарка... Ахъ... Житье, братъ... что твой Парижъ! Еслибъ *Василій Ивановичъ* былъ хотя немного философски-образовавъ, онъ могъ бы прибавить къ этому: какъ ни заносись, мой милый, а дѣятельность возьметъ свое, — и быть тебѣ не рыцаремъ, но философемъ, не реформаторомъ, а помѣщикомъ, да еще женатымъ на какой-нибудь Авдотьѣ Петровнѣ, которая смолоду болгала по-французски, а въ-лѣтахъ будетъ держать дѣвчужью въ страхѣ не хуже моей Авдотьи Петровны. Я же тебя знаю: ты боишь только на словахъ, а натурна твоя жиденькая, и ты спускаешь впередъ провою жизни, даже и не попытаться въ побороты съ нею!.. Конечно, *Василій Ивановичъ* и не думалъ прощизировать, и самъ не по-

допрѣвалъ глубокаго смысла своихъ словъ; но вѣдь онъ — безсознательный, непосредственный здравый смыслъ; онъ уменъ, какъ дѣйствительность, какъ природа, которая никогда не ошибается, но которая сама не знаетъ ни того, что она разумна, ни того, какъ она существуетъ... Да и зачѣмъ *Василію Мелоскичу* сознание? онъ силенъ и безъ него — большинство, толпа, словомъ, дѣйствительность за него; а на сторонѣ *Юана Васильевича* только слова и фразы. Если хотите, на дѣйствицѣ нравственнаго совершенства, послѣдній стоитъ несравненно-выше перваго; но по особенному, исключительному свойству дѣйствительности, среди которой оба они живутъ, — въ сущности оба они сходятъ на нуль. Одинъ, какъ медвѣдь, мечтаетъ, или по Тверскому-Бульвару, о московскихъ удовольствіяхъ: «Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ поудачивъ, Английскій клубъ, Нѣмецкій клубъ, Коммерческій клубъ, и все столы съ картами, къ которымъ можно присѣсть, чтобъ посмотреть, какъ люди играютъ большую и малую игру. А тамъ лото, за которымъ сидятъ помѣщики, и бильярдъ съ усатыми игроками и шутивными маркѣрами. Что за раздолье!... а цыгане-то, а комедіи-то, а медвѣжья травля медвѣдскихъ мордашками у Рогожской Заставы, а гулянья за городомъ, а театр-то, театръ, гдѣ пляшутъ такія красавицы, и ногами такіе вензеля выдѣлываютъ, что просто глазамъ не вѣришь...» Другой, какъ попугай, мечтаетъ о парижскихъ удовольствіяхъ: «Господи, Боже мой, какъ жаль, что такъ мало здѣсь движенія и жизни... Nel furor!... то ли дѣло Парижъ... della tempesta. Ахъ, Парижъ, Парижъ! Гдѣ твои гризетки, твои театры и балы Мюзара... Nel furor. Какъ вспомнишь: Лаблашъ, Гриван, Фавия Эльслеръ, а здѣсь только-что спрашиваютъ, какой у тебя чинъ. Снажешь: губернской секретарь—ни что на тебя и смотрѣть не хочетъ... della tempesta! — Что за страшная пу-

стота, что за странное ничтожество въ чувствахъ этихъ двухъ представительей двухъ вѣковъ!...

Мы не будемъ распространяться о ливномъ экипажѣ, по имени котораго названо новое сочиненіе графа Соллогуба, о сундукахъ, сундучкахъ, коробкахъ, коробочкахъ, боченкахъ, которыми этотъ экипажъ загроможденъ и увязанъ снаружи, о перинахъ, тюфякахъ, подушкахъ, которыми онъ заваленъ внутри: скажемъ только, что талантъ автора неподражаемъ въ отношеніи всѣхъ этихъ подробностей. Тарантасъ готовъ двинуться; наконецъ явился и *Юанъ Васильевичъ*.

«Воротникъ его макинтоша былъ поднятъ выше ушей; подъ мышкой былъ у него небольшой темодажчикъ, а въ рукахъ держалъ онъ шелковый зонтикъ, дорожный шѣшокъ съ стальнымъ замочкомъ и прекрасно переплетенную въ керничевой сафьянъ книгу со стальными застежками и тонко очиненными карандашомъ.

— А, Иванъ Васильевичъ! сказалъ Василій Ивановичъ. — Пора, батюшка. Да гдѣ же кладъ твой?

— У меня ничего нѣтъ больше съ собой.

— Эва! да ты, братъ, эдакъ въ шѣшкѣ-то своемъ замерзешь. Хорошо, что у меня есть лишній тулупчикъ на зачѣмъ нѣбу. Да-бишь, скажи, пожалуйста, чтѣ подѣ тебя подложить, перину, или тюфякъ?

— Какъ? съ ужасомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Я у тебя спрашиваю, чтѣ ты больше любишь, тюфякъ или перину?

Иванъ Васильевичъ готовъ былъ бѣжать и съ отчаяніемъ поглядывалъ со стороны на сторону. Ему казалось, что вся Европа увидитъ его въ тулупѣ, въ перинѣ и въ тарантасѣ (стр. 20).

Да, было отъ чего въ отчаяніе прійти! И вотъ въ чемъ состоятъ европѣвизмъ господъ въ родѣ *Юана Васильевича*. Этими людямъ и въ голову не входитъ, что если въ Европѣ всѣ стремятся къ опозтеизированію своего быта, — за то никто, при недостаткѣ, при перелоротѣ обстоя-

тѣмъ, при случаѣ, не постыдится ли сѣсть въ какой угодно тарантасъ, или вычтотить себя, при нуждѣ, сапоги. Этого рода Европейцевъ, въ отличіе отъ истинныхъ Европейцевъ, не худо бы называть Европейцами-Татарами...

Ивану Васильевичу было грустно, но дѣлать нечего. Онъ промотался по-русски и нашелъ случай доплетись до дому; притомъ же, дорогою онъ можетъ изучать Россію, и вести своя записки... Всебы хорошо. — Но эта неблагородная перина, по эти ситцевыя подушки, по этотъ ужасный тарантасъ!...

Въ-самомъ-дѣлѣ ужасно!...

— Василій Ивановичъ?

— Чтѣ, батюшка?

— Знаете ли, о чемъ я думаю?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что такъ какъ мы собираемся теперь путешествовать...

— Чтѣ, чтѣ, батюшка... Какое путешествіе?

— Да вѣдь мы теперь путешествуемъ.

— Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, совсѣмъ нѣтъ. Мы просто ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасъ, черезъ Казань.

— Ну, да вѣдь это тоже путешествіе.

— Какое, батюшка, путешествіе. Путешествуютъ тамъ за границей, въ Нѣмечинѣ; а мы чтѣ за путешественники? Просто — дворяне, ѣдемъ-себѣ въ деревню.»

О *Василій Ивановичъ!* о великій практическій философъ, отъ-роду не философствовавшій! Какъ, съ своею безграмотностью, какъ умнѣ ты этого полуграмотнаго фартика! Потому умнѣ, что какъ бы ни были грубы твои понятія, ихъ корень въ дѣйствительности, а не въ книгѣ, и, вѣрный степовому началу своей жизни, ты знаешь, что въ степяхъ ѣдаютъ по дѣламъ и по нуждѣ, а не изъ любопытства, не для изученія! Ты называешь всѣ вещи ихъ настоящими именами, и ѣсядъ называешь просто и ѣсядомъ, а не воздушною, или небесною ночною лампадою! Ахъ, если бы зналъ ты, какъ умень твой глупый отвѣтъ: «мы не путешествуемъ, а ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасъ; мы не путешественники, а родъ...»

Т. XL. — Отд. V.

сто — дворяне, ѣдемъ-себѣ въ деревню!»...

Иванъ Васильевичъ, книжнымъ языкомъ, толкуетъ своему спутнику о пользѣ путешествій, — и *Василій Ивановичъ*, ничего не понимая, но смутно предчувствуя, что юноша несетъ страшную дичь, отвѣчаетъ ему: «Вотъ-съ». *Иванъ Васильевичъ*, съ риторическимъ восторгомъ, говоритъ о своихъ предполагаемыхъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, о пользѣ, которую сдѣлаетъ его книга; *Василій Ивановичъ* наконецъ объясняется на-прямки: «Ты все такое мелешь странное». *Иванъ Васильевичъ* толкуетъ о своей любви и своемъ уваженіи къ русскому мужику и русскому барину, и о своей ненависти и своемъ презрѣніи къ чиновнику. *Василій Ивановичъ*, человекъ умный по привычкѣ, и потому совершенно чуждый и благоговѣнія къ мужику и барину, и презрѣнія къ чиновнику — такъ-какъ всѣхъ ихъ онъ находитъ въ порядкѣ вещей, спрашиваетъ: «А отъ-чего же это, батюшка, ненавидите вы чиновниковъ?» *Иванъ Васильевичъ* прибѣгаетъ къ уловкѣ всѣхъ людей, которые ничего не въ-состояніи повѣть въ идеѣ, въ принципѣ, въ источникѣ, а все понимаютъ случайно, и раздѣляетъ чиновниковъ на благородныхъ, которыхъ онъ очень уважаетъ, и на такихъ, которыхъ онъ презираетъ за ихъ трактирную образованность, за отсутствіе въ нихъ всего русскаго, за взяточничество. Отсутствіе всего русскаго — и взяточничество! Какое?... Браня чиновниковъ, онъ восхищается мужиками, утѣряя, что ничего не можетъ быть красивѣе и живописнѣе ихъ. «Въ мужикѣ» говоритъ онъ «таится зародышъ русскаго богатырскаго духа, начало нашего отечественнаго (народнаго, національнаго?) величія» (стр. 23). — *Хитрыя бываютъ бестим!* замѣтилъ *Василій Ивановичъ*... Апологистъ не смѣшался отъ этого замѣчанія, совершенно чуждого всякихъ претензій на остроуміе или юморъ, по которое тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ недлиннѣе и простодушнѣе, — и поста-

видъ изъ огромную заслугу мужику его, будто-бы, способность сдѣлаться, по желанію (желательно бы знать, чему?), музыкантомъ, мастеровымъ, механикомъ, живописцемъ, управителемъ, чѣмъ угодно. Если хотите,—это, къ сожалѣнію, справедливо: изъ страха, или изъ корысти, русскій человѣкъ возьмется за все, вопреки мудрому правилу:

Бѣда, коль пирога начнетъ печь сапожикъ,

А сапоги тачать сапожникъ.

Покажите русскому человѣку хоть Аполлона-Вельведерскаго: онъ не сконфузится, и топоромъ и скобелью сдѣлаетъ изъ еловаго бревна Аполлона-Вельведерскаго, да еще будетъ богаться, что его работа настоящая *альмацкал*. Потому-то русские покупатели такъ страстны къ иностранной работѣ и такъ боятся отечественныхъ издѣлій. Конечно, способность и готовность ко всему, хотя бы и вынужденная, имѣетъ свою хорошую сторону и иногда творить чудеса: противъ этого мы ни слова. Но вѣдь иногда совѣтъ не тѣ, что *сеида*, и *tout de force*, какъ дѣло случайности и удачи, совѣтъ не тѣ, что свободное произведеніе таланта, или природной способности, развитой правильнымъ ученіемъ. Умы поверхностные любятъ увлекаться блестящими, бросающимися въ глаза, парадоксальными; но умъ основательный не позволитъ себѣ увлечься лживою стороною предмета, не посмотрѣвъ на изнанку; естественное и простое онъ всегда предпочтетъ насильственному и хитрому.

Есть, однакожъ, въ апологѣ *Ивана Васильевича* мысль очень умная и дѣльная—о гнусности и вредѣ существа, называемаго *дворовымъ человекомъ*; есть часть истинныя въ его одностороннемъ взглядѣ на чиновника, какъ потомка *двороваго* человѣка.

«Дворовый не что иное, какъ первый шагъ къ чиновнику. Дворовый обрѣтъ, хитрецъ въ дѣлахъ, а не добродѣтель, а не

милостивый судья. Дворовый слушаетъ вѣтхой праздовой лѣни, и притякиваетъ къ туманодову и разрагу. Дворовый умъ дѣлается и веруетъ, и дѣлится, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него мущицъ. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ въ конторщицки, въ вольноотпущенные, въ приказные; приказный презираетъ и дворового и мужика, и учится уже крѣпостворству, и потихоньку отъ исправника подбираетъ себѣ куръ да гризняки. У него сплутъ канцонакъ, вельможа прихвостенное. Онъ обучается дню вероуху сплетническому. Потомъ приказный спускается еще на ступень ниже, дѣлается писцомъ, вытчанкомъ, секретаремъ и наконецъ встаетъ на чиницкомъ. Тогда сѣбра его увеличивается; тогда получаютъ онъ другое бытіе: презираетъ и мужика, и приказнаго, потому-что они, вразумитъ вѣдѣтъ, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности, и потому владѣтъ уже ассигнаціями. Ему дѣла надо дѣлать доское, курить табакъ Жукова, играть на баянцѣ, ѣздить въ зарѣвѣ, выписывать для жены ценныя изъ серебрашки колосышки и шаллоны цѣтца. Для этого онъ безъ малѣйшаго заурядъ совѣсти вступаетъ на свое мѣсто, какъ муха вступаетъ въ лужу, и терзаетъ окошки вліянія, какъ поваромъ. Недалече отъ другой... «Ничего ему, говоритъ обрѣтъ. Беръ, да умѣй» (стр. 29—34).

Дѣйствительно, эта генералія, отъ дворовитого черезъ конторщицки и вольноотпущенныхъ, и приказнаго до чиницки, не только остроумна, но и отчасти-справедлива. Реформа Петра Великаго, которой основнымъ принципомъ было преимущество личнаго достоинства или способностей надъ породою, пересобладала двороваго въ обществѣ, подвѣтилъ родилъ приказнаго, приказный—чиницки. Итакъ, дворовый—мѣло, подвѣтилъ—чертъ, приказный—куколка, чиницки—бабочка! Тутъ, какъ видите, есть разнѣтъ, и найдѣтъ новая ступень выше и лучше прежней. Мы сами не охотники до «чиницки», но тѣмъ не менѣе, ни чужды всякаго несправедливаго и односторонняго недовольства къ нѣмъ.

оному нечестивому явлению нашего общества. Мы никакъ не можемъ согласиться съ *Иваномъ Васильевичемъ*, что лучшаго сословія у насъ — мужикъ и баринъ; а худшее — чиновникъ. Пусть образованіе чиновника транзитное, какъ утверждаетъ *Иванъ Васильевичъ*, пусть онъ имѣетъ дельское, куритъ муковскій, ѣдитъ въ тератасѣ и выписываетъ для жены швей чепцы съ серебряными мелочьями да шелковые платья: во всемъ этомъ есть своя хорошая сторона, которая состоитъ въ томъ, что формы жизни чиновника близко подходятъ къ формамъ жизни барина. Сынъ чиновника годится на все и всюду: онъ поступаетъ въ кадетскій корпусъ, и оттуда выходитъ хорошимъ офицеромъ; онъ поступаетъ въ университетъ, откуда для него открыты честные и благородные пути на все поприще жизни, и онъ всегда способенъ съ честію идти по одному разъ-выбранному изъ поприщъ; онъ можетъ быть ученымъ, художникомъ, литераторомъ, словомъ, всѣмъ, чѣмъ можетъ быть и баринъ. Скажутъ: кто же не можетъ, и почему это привилегія сына чиновника? — потому, отвѣчаемъ мы, что всадникъ-солдатецъ, чиновникъ, приговорившійся къ службѣ университетскаго образованія, ученикъ, врачеватель, учитель, художникъ, литераторъ иль мушкетеръ, иль купецъ, иль духовнаго званія, — всѣ они — больше исключены изъ общаго правила, нежели общаго правило, и всѣ они находятся въ прямой противоположности съ формами жизни сословій, изъ которыхъ вышли. И потому-то, образовавшись, она снѣдаться выйдти изъ своего сословія, съ которымъ чувствуетъ себя настолько разорванными черезъ образованіе, и, следовательно, снѣдаться увеличивъ собою чиновническое сословіе. Какъ? спросить насъ: да какое же отъношеніе между музыкантомъ, напригъръ, и чиновникомъ? — Очень-большое: иль связываетъ одинаковость юрты жизни. И потому-то сынъ чиновника, сдѣлавшись, напригъръ, ученымъ или художникомъ, какъ-будто

срвсѣмъ не выходитъ изъ своего сословія: его костюмъ тотъ же, комнаты тѣ же, образъ жизни тотъ же, отъ утренняго чаю или кофе — до поклона знакомой дамѣ, или до танца съ нею на балѣ. Скажемъ прямо: формы жизни чиновника могутъ быть нѣсколько-грубѣе, альявотѣе формъ жизни барина, но сущность тѣхъ и другихъ совершенно-одинакова, и чиновникъ изъ бѣдныхъ людей, котораго образованіе допустить въ свѣтскій кругъ, никогда не будетъ такимъ страннымъ исключеніемъ, какимъ былъ бы человекъ изъ другаго сословія, особенно купческаго. Чиновническое сословіе играетъ въ Россіи роль химической печи, проходя чрезъ которую люди мѣщанскаго, купческаго, духовнаго и, пожалуй, дворянскаго сословія, теряютъ рѣзкія и грубыя вышности этихъ сословій и, отъ отца къ сыну, выражаются въ сословіе баръ. Это потому, что въ Россіи чинъ, обязывая человека носить европейскій костюмъ и держаться европейскіхъ формъ жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ его во всемъ являться за бариномъ. Сверхъ того, между бариномъ и чиновникомъ — не во гнѣвъ будь сказано всѣмъ *Иванамъ Васильевичемъ* — существуетъ болѣе живая и крѣпкая связь, нежели между бариномъ и мушкетеромъ, купцомъ, духовнымъ или человекомъ изъ другаго какого-либо сословія: это — все чиновничество же. Развѣ баринъ — не чиновникъ? Много ли у насъ дворянъ неслужащихъ и немилующихъ чина? Скажутъ: они служатъ въ военной. Неправда! Ихъ болѣе въ статской, и статскою службою по-большей-части оканчиваютъ и тѣ, которые начали съ военной. А сколько теперь дворянъ, сдѣлавшихся дворянами черезъ службу? Два-три поколѣнія — и вы ни въ какой телескопъ не отличите ихъ отъ родовато дворянства. Что же касается до взяточничества, право, никому не легче давать взятки засѣдателю или исправнику, нежели стряпчему, или писцу вартальнаго, потому-что взятка — все взятка; кто бы ни взялъ ее съ васъ. Мы

уже не говоримъ о томъ, что въ Петербургѣ, на-примѣръ, служащіе въ министерскихъ департаментахъ чиновники не подвержены никакому упреку въ этомъ отношеніи. Вообще, это предметъ, о которомъ... о которомъ мы не хотимъ больше говорить, «чтобъ гусей не раздражить». *Иванъ Васильевичъ* — гусь породистый: маленька его была татарская княжна, — и потому для него важна генеалогія людей. Мы, съ этой стороны, совсѣмъ въ другомъ положеніи, — и намъ вислоко нѣтъ нужды до того, кто былъ отецъ этого человѣка; для насъ важно одно: каковъ самъ этотъ человѣкъ.

Иванъ Васильевичъ наговорилъ очень много хорошаго о состояніи, до какого дошли теперь дворянскіе выборы, и по своему верхогладству сложилъ всю вину на богатыхъ дворянъ (стр. 32). Мы не беремъ объяснить это явленіе, и скажемъ только, что все, что есть или что сдѣлалось, есть и сдѣлалось по причинамъ неотразимымъ и съ самаго начала носило въ себѣ сѣмена своего будущаго состоянія. Объ этомъ бы и слѣдовало говорить *Ивану Васильевичу*, или ничего не говорить. А іереміады-то мы слышали и не отъ него, и онъ всѣмъ надобно, потому что ихъ способенъ повторять всякій человѣкъ, не умѣющій порядочно связать двухъ идей. Что новаго въ этихъ, на-примѣръ, словахъ *Ивана Васильевича*? — Все старинныя имена наши исчезаютъ. Гербы нашихъ княжескихъ домовъ развалились въ прахъ, потому что нѣ на что ихъ возстановить, и русское дворянство зажиточное, радушное, хлѣбосольное, отдало родовыя свои вотчины оборотливымъ купцамъ, которые въ роскошныхъ палатахъ подѣлали себѣ фабрики (стр. 33). Какая же, по мнѣнію *Ивана Васильевича*, причина этого важнаго явленія? — Промотались на праздники, на театры, на любовницы, на всякую дрянь (ibid)... Знаете ли, на что похоже подобное объясненіе! Вопросъ: Отъ-чего умеръ этотъ человѣкъ? Отвѣтъ: Отъ болѣзни. — Хорошо; но отъ-чего онъ заболѣлъ, и по-

чему онъ умеръ отъ этой болѣзни, ни-да другой, у котораго была та же самая болѣзнь, не умеръ отъ нея? Но это сравненіе еще не совсѣмъ вѣрно: человѣкъ можетъ умереть отъ случайности, а случайность не объясняется общими законами; извѣненіе же, или умалоздѣлаго сословія не можетъ быть дѣломъ случайности, — и неостовно тутъ нлехое объясненіе. Что праздники, театры и любовницы богачей нашего времени передъ роскошью вельможи прошлаго вѣка! Однакожь, нѣтъ доставало своихъ средствъ... Нѣтъ; подобный вопросъ надо было или рѣшить поглубже и поосновательнѣе, или вовсе не братья за него. *Василій Ивановичъ* гораздо лучше рѣшилъ его. «Что думаете вы о нашихъ аристократахъ?» спрашиваетъ его *Иванъ Васильевичъ*. «Я думаю» — сказалъ *Василій Ивановичъ*: «что на ставціи намъ не дадутъ лошадей».

Описаніе ставціи превосходно: каждая строка такъ и хочется вскрикнуть: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!» Анекдотъ ставціоннаго смотрителя о генералѣ прекрасенъ и самъ-по-себѣ, и по тому восторгу, въ который привелъ онъ *Василія Ивановича*. Описаніе жилища, или, лучше сказать, логовища, въ которомъ живетъ станціонный смотритель и въ которомъ такъ вѣрно, какъ въ зеркалѣ отражаются его духъ, понятія и наклонности, — это описаніе — веркъ на стеревта, и хотя нѣкоторые право описательные романисты, они же и критики, объявили, ради весьма-популярныхъ причинъ, что графъ Соллогубъ пишеть въ поверхностномъ родѣ, — однако для насъ одна страница изъ «Тарантаса», которая знаменитъ читателя съ покоями станціоннаго смотрителя въ тысячу разъ лучше всѣхъ право описательныхъ и нравственно-сатирическихъ романовъ. Превосходенъ такъ же этотъ вскользь, но вѣрно — обрисованный майоръ, который, въ ожиданіи лошадей, всѣмъ говорилъ «ты» и всѣмъ рассказывалъ обстоятельства своей жизни, хотя о нихъ много у него не сфр-

иногда, и которого *Василій Ивановичъ* трепалъ по плечу, приговаривая: *соед-ная косточка!* (стр. 43). Никѣмъ-неподсвѣданный изъ чайныхъ движеній лошадей, висаванный проѣздъ тайнаю *соединенка*, для котораго у станціоннаго смотрителя нашлись лошади, есть истинно-художническая черта, которая удивительно-вѣрно доканчиваетъ картину «станціи». За станціею слѣдуетъ гостиница, но въ промежуткѣ этихъ двухъ любовныхъ фактовъ русской жизни, съ *Василіемъ Ивановичемъ* случилось несчастье: отъ тарантаса были отрѣзаны два чемодана и нѣсколько коробовъ, а съ ними пропали чепчикъ и турбанъ, отъ мадамъ Лебуръ, съ Кузнецкаго-Моста, пріобрѣтенные для *Авдотьи Петровны*.

«Пріѣхавъ на станцію, онъ бросился къ смотрителю съ жалобой и просьбой о помощи. Смотритель отвѣчалъ ему въ утѣшеніе: «Будьте совершенно спокойны. Ваши вещи пропали. Это ужъ не въ первый разъ. Вы тутъ въ двѣнадцать верстахъ пріѣхали черезъ деревню, которая гнѣзъ известна: все шалуны живутъ».

— Какіе шалуны? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Известно-съ. На большой дорогѣ шалатъ ночью. Коли заснетъ, какъ-разъ задній чемоданъ отрѣжутъ.

— Да это разбой!

— Нѣтъ, не разбой, а шалости.

— Хороши шалости, уныло говорилъ *Василій Ивановичъ*, отпраиваясь снова въ путь.— А чтѣ скажетъ *Авдотья Петровна?* (Стр. 47.)

Иванъ Васильевичъ торопится во Владиміръ, которымъ онъ, какъ древнимъ городомъ, прекрасно можетъ начать свои путевыя впечатлѣнія. «Я вамъ уже говорилъ, *Василій Ивановичъ*, что я... и не я одинъ, а васъ много, вы хотимъ выпутаться изъ *инуснаго* просвѣщенія Запада, и выдумать свое *блжнное* просвѣщеніе Востока» (*ib*). И эту дичь Иванъ Васильевичъ несетъ простодушню, безъ всякой задней мысли... Какой чудакъ!..

«— Да вотъ мы доѣдемъ до Владиміра.

— И отобѣдемъ, заѣмлялъ *Василій Ивановичъ*.

— Столица Древней Руси.
— Порядочный трактиръ.
— Золотыя верота.
— Только дорого деруга.
— Ну, поможь же, кучерь.
— Эхъ; баринъ, видишь, какъ стараюсь.»

Наконецъ, путешественники наши во Владиміръ, въ губернской гостиницѣ, которая изображена и вѣрно и оригинально.

«— Что есть у васъ? спросилъ Иванъ Васильевичъ у колового.

— Все есть, отвѣчалъ надменно коловой.

— Постели есть?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А чтѣ есть обѣдать?

— Все есть.

— Какъ все?

— Ши-съ, супъ-съ. Биштексъ можно сѣлать. Да вотъ на столѣ записка, прибавилъ коловой, гордо подавая сѣрый *аскутокъ* бумага.

Иванъ Васильевичъ принялся читать:

Обѣтъ!

1. Супъ.—Линотажъ.
2. Говядина.—Телятина съ гидрономъ.
3. Рыба.—Раки.
4. Соусъ.—Патиска.
5. Жаркое.—Курица съ рысью.
6. Хлѣбное.—Желе сапельсиновъ.»

На вопросъ о винахъ, коловой тоже съ увѣренностію отвѣчалъ: «Какъ не быть-съ? Всѣ вина есть: шампанское, полушампанское, бри-малера, лаэнтъ есть. Первѣйшія вина». Нѣчего и говорить, что онъ собиралъ на столъ до-го, переменялъ и встряхивалъ грязныя салфетки, и что ничего ни ѣсть, ни пить не было возможности. Это, однакожъ, не помѣшало *Василію Ивановичу* ѣсть за троихъ—русскій баринъ! Лежа на снѣгъ и поворачиваясь съ боку на бокъ, *Иванъ Васильевичъ* началъ съ гдѣ бранить русскія гостиницы на нѣмецкій ладъ и мечтать о заведеніи гостиницы на русскую статью. Много хорошихъ фразъ отпустилъ онъ на этотъ предметъ, но дѣла, по своему обыкновенію, не сказалъ. Гонимъ за

теоретическими, отдаленными причинами, онъ не умѣлъ ближайшихъ, практическихъ. Онъ никакъ не можетъ взять въ толкъ, что дѣло сдѣлано, и воротить его невозможно; что всё въ Руси, волею или неволею, тянется за европеизмомъ и коверкается его на монгольскую статью. *Иванъ Васильевичъ*, видно, не бывалъ въ губернскаго трактирахъ, гдѣ по-русски угощается русскій людъ: тогда бы онъ понялъ, почему всё дрянную гостиницу предпочитаютъ хорошему трактиру. А что наши губернскаго гостиницы северныя, въ этомъ виноваты не отсутствие національнаго элемента, не подражаніе вѣнскому европеизму, а просто-на-просто отсутствие конкуренціи между заведеніями такого рода. Въ какомъ губернскомъ городѣ одна гостиница и та плоха до невозможности, потому что пуста и рѣдко принимаетъ гостей; а Торжокъ — удивный городъ, и въ немъ двѣ гостиницы, одна отечная, а другая даже порядочная, отъ-того, что, по значительному числу проживающихъ, обѣ могутъ существовать, не подражая одна другой. Видите ли, «ларчикъ просто открылся»; но *Иванъ Васильевичъ* не любить простыхъ причинъ, которыя не даютъ предмета для реторикѣ и арчурно-умныхъ фразъ.

Отправившись осматривать историческій городъ, *Иванъ Васильевичъ*, по своему невѣдѣнію, немного нашелъ удовольствія въ созерцаніи древностей. Не понимаемъ, какъ не догадался онъ, что люди, живущіе среди этой древности, до того равнодушны къ ней, что даже не считаютъ за нужное пожалѣть, что не имѣютъ о нихъ никакого понятія. А вѣдь это фактъ, о которомъ можно пораздуматься. Тутъ естественно представляется вопросъ: кто виноватъ въ этомъ равнодушіи — люди, или древности?.. Вѣдь любовь къ родному, къ древностямъ, къ исторіи, должна быть непосредственная, живая, самородная, а не книжная, не искусственная, и если на что само-собой не откликается цѣлое общество,

это едва-ли стоить изученія и анализа не рѣко само-по-себѣ... Но если *Иванъ Васильевичъ* ничего не узналъ о реторіяхъ Владимира, за то хорошо узналъ его настоящее положеніе, какъ губернскаго города. Вотъ краснорѣчивый отрывокъ изъ его разговора съ пріятелемъ:

«— Скажи-ка, что же ты теперь подымаешь?»

— Я былъ четыре года за границей.

— Счастливый человекъ! А чай, что было возвращатся?

— Семейнъ жить, а съ материнскими ожиданьями возвращенія.

— Право?

— Мнѣ совѣстно было шататься по чужому свѣту, не зная собственного отчества.

— Какъ? Не-ужь-ли ты своего отчества не знаешь?

— Не знаю, а хочу знать, хочу учиться.

— Ахъ, братецъ, поехали мыши изъ утробы, и это только и знаю.

— Безъ шутокъ; а хочу почитать и посмотреть...

— На что же?

— Да на все: на людей и на предметы... во-первыхъ, я хочу видѣть всѣ губерніи города.

— Вѣдь?

— Какъ зачѣмъ? Чтобы видѣть ихъ жизнь, ихъ различіе.

— Да между ними нѣтъ различія.

— Какъ?

— У насъ всѣ губернскаго города одинаки другъ на друга. Несмотря на единство всѣ будешь знать.

— Быть не можетъ!

— Могу тебя увѣрить. Вездѣ одна большая улица, одинъ главный магазинъ, гдѣ собираются помѣщики и покупаютъ всякими матерья для жезъ и шашкетъ для себя; вотомъ присутственный и дворянское собраніе, аптека, рѣка, площадь, гостиница дворъ, два или три сенаря, будки и губернаторскій дворъ.

— Однакожъ, общества не похожи другъ на друга.

— Напротивъ, общества еще болѣе похожи, чѣмъ зданія.

— Какъ это?

— А вотъ какъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ есть губернаторъ. Но всѣ губернаторы одинаковы: передъ ними

обидены и оскорблены; ездятъ секретари, клерки, кучеры и мѣщане, а дворяне думаютъ съ некоторымъ страхомъ. Куда она ни явится, является и шампанское—вино, любимое въ губерніяхъ, и всѣ шлютъ съ поклонами за многолѣтне отпа губернн... Губернаторы вообще люди образованные и иногда нѣсколько вѣдущими. Она любитъ давать обѣды и балы—скандинавскія и нѣтъ съ откупщиками и богатыми помѣщиками.

— Это дѣло обыкновенное, замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— Постой. Кроме губернатора, почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть и губернаторша. Губернаторша—лицо довольно странное. Она обыкновенно образована стѣпной, жизнью и избалована губернскими низкопоклонничествомъ. Въ первые годы, она привѣтлива и учтивая; потому ей надобно безпрерывнымъ салюты, она привыкаетъ къ угожденіямъ и капризамъ въ требованіи. Тогда она окружаетъ себя толпою дворянскими, сдѣлаетъ съ вице-губернаторшей, катается въ Петербургъ, презрительно относится о своемъ губернскомъ другѣ и наконецъ держакать на себѣ общее негодование до самаго дня ея отъѣзда, въ какой день все забывается, все прощается и ее провозвѣстятъ со слезами.

— Да два лица не составляютъ города, прервалъ Иванъ Васильевичъ.

— Постой, постой! Въ каждомъ губернскомъ городѣ есть еще много лицъ: вице-губернаторъ съ супругой, разные представители съ супругами, и несчетное число служащихъ во разныхъ ведомствахъ. Женщины ссорятся между собой на словахъ, а мужья на бумагахъ. Предсѣдатели, большую частію люди старые и занятые, съ большими крестами на шеѣ, высовываются изъ присутствія только въ табельные дни для поздравленія начальства. Прокуроръ почти всегда человѣкъ холостой и замѣтный человекъ. Юандаритій шефъ—офицеръ—дворянъ, малый; Дворянскій прокуроръ—охотникъ до собакъ. Кроме служащихъ, въ каждомъ городѣ живутъ и помѣщики, обыкновенно скупые или промотавшіеся. Они постигли великую тайну, что какъ карты созданы для человѣка, такъ и человѣкъ созданъ для карты. А потому съ утра до вечера, а иногда и съ вечера до утра козыряютъ они себя въ карты да въ бубнары, безъ малѣйшей усталости. Разумѣется, что и служащіе

отъ нихъ не освобождаются. Ты играешь въ карты?

— Нѣтъ.

— Въ протереное?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ тебѣ и беззаботно же нужно, ты въ губерніи пропадаешь. Да, можетъ быть, ты жениться хочешь?

— Сохрани Богъ!

— Такъ и не сдѣлывай къ вамъ: Тебя насильно женятъ. У насъ барышни адовою: вскорѣ, по приговору мужей, поютъ варшавскіе романсы, и цѣлой порежкой расхаживаютъ по столовымъ, гдѣ толкуютъ о московскомъ дворянскомъ собраніи. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ есть вдова съ двумя дочерьми, принужденная прожить въ провинціи, послѣ мнимой блестящей жизни въ Петербургѣ. Прочія дамы обыкновенно надъ ней смѣются, но немнѣе тогда стараются жонгль въ ее партію, потому что въ губерніяхъ одні барышни не играютъ въ карты, да и гдѣ, правду сказать, играютъ въ дурачки на орѣхи. Нѣсколько офицеровъ въ отпуску, нѣсколько туземцевъ безъ состоянія и цѣлы губернскій острякъ, сочиняющій на всѣхъ стишки да прованія, одинъ старый докторъ, двое молодыхъ, архитекторъ, землемѣръ и иностранскій купецъ заключаютъ городское общество.

— Ну, а образъ жизни? спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Образъ жизни довольно скучный. Развѣять перепоившихъ мѣщанъ. Обѣдять, карты, карты; снѣжки... Иногда встрѣчаешь доброе, радужное семейство; но чаще наталкиваемся на карьеристическія ужинки, будто-бы подражающія какому-то большому свѣту. Общихъ удовольствій почти нѣтъ. Зимой назначаются балы въ собраніи, но по какому-то странному жеманству, на эти балы мало ѣздить, потому что никто не хочетъ привѣять провинціи. Въ гонимое время дома и играть въ карты; вообще, а замѣтилъ, что тогда пріѣзды нечланы съ губернскій городъ, те, это всегда какъ-то случается замаломъ, а еще чаще на другой день какого-нибудь замѣчательнаго событія. Тебя всегда встрѣчаютъ восклицаніями, «Какъ жаль, что васъ тогда-то не было; или что васъ тогда-то не будетъ. Теперь губернаторъ пріѣхалъ ревизовать уѣзды; помѣщики развѣхались по деревнямъ, и въ городѣ никого нѣтъ. Не потому ли ибнать въ благополучіи, минутъ шумно съѣзда.

Такия памятные эпохи бывают только во время выборов и сдачи рекрутъ, во время сбора волковъ, а иногда въ урожайные годы и во время святковъ. Самые приятные губернскіе города, въ особенности по нѣжной барашень, тѣ, въ которыхъ военный постой. Гдѣ офицеры, тамъ музыка, ученья, танцы, свадьбы, любовныя вытравы, словесы, такое раздолье, что чудо (стр. 64—68).

Сдѣлавъ такую яркую и вѣрную характеристику губернскаго города, которая, право, въ тысячу разъ стоить больше всякой, самой ученой диссертации о гнилыхъ древностяхъ, — пріятель *Ивана Васильевича* рассказываетъ ему свою исторію, по имени которой эта глава названа простою и глупою исторіею. Тутъ много вѣрнаго и правдиваго, хотя въ цѣломъ рассказъ преобладаетъ догматическій и правоучительный тонъ. Рассказъ начинается съ опредѣленія на службу въ Петербургъ. Жить въ Петербургѣ и не служить — все равно, что быть въ водѣ и не плавать. Весь Петербургъ кажется огромнымъ департаментомъ, и даже строенія его глядятъ министрами, директорами, столоначальниками, съ форенивыми стѣнами, съ вице-мундирными окнами. Кажется, что самыя петербургскія улицы раздѣляются, по табели о рангахъ, на благородныя, высокоблагородныя и превосходительныя (стр. 72). Но служба не далась пріятелю *Ивана Васильевича*, что онъ приписалъ своему невѣжеству. Странное уничиженіе!... Служба — лѣстница. По этой лѣстницѣ ползаютъ и шагаютъ, карабкаются и прыгаютъ люди зеленого цвѣта, то толкая другъ друга, то срываясь отъ неосторожности, то зацѣпляясь за балды надежнаго эквилибриста; немногіе идутъ твердо и безъ помощи. Немногіе думаютъ объ общей пользѣ, но каждый думаетъ о своей. Каждый помышляетъ, какъ бы схватить крепсникъ, чтобъ поважничать передъ собратіями, да какъ бы набить карманъ по-туже. Не думай, впрочемъ, чтобъ петербургскіе чиновники брали взят-

ки. Сохрани Богъ! Не сибирскій итербургскій чиновниковъ съ губернскаго. Взятки, братецъ, дѣло нелюбое, опасное и притомъ не совсѣмъ прибыльное. Но мало ли есть проселочныхъ дорогъ въ той же цѣли. Займы, аферы, акціи, облигаціи, спекуляціи... Этими способами, при нѣкоторомъ служебномъ вліяніи, при уличной снѣтливости въ дѣлахъ, состоянія точно также наживаются. Честь снѣса, а деньги въ карманѣ (стр. 72—75). Не поминаешь, зачѣмъ же, послѣ этого, нужны для службы науки и образованіе? Тутъ нужны, напротивъ, гибкая спина, ловкость акробата и практическая способность пріобрѣтать благонамѣренными и благородными образомъ...

Рассказчикъ пустился въ свѣтъ. Слѣдуютъ моральныя нападки на губельную страсть низшихъ сословій тапуться за высшими, бѣдныхъ за богатыми. Потерянное время, потерянные слова! Сколько ни толкуй знатный ничтожному, сколько ни утѣрай богатый бѣднаго, что онъ, ничтожный, такъ же осужденъ судьбою на ничтожество, какъ онъ, знатный, опредѣленъ на знатность; что онъ, бѣдный, такъ же осужденъ судьбою на нищету, какъ онъ, богатый, назначенъ для богатства: — ничтожный и бѣдный никогда не будутъ такъ глупы, чтобъ простодушно повѣрить подобнымъ увѣреніямъ. Никто изъ земнородныхъ не считаетъ себя ниже и хуже другаго, — и лѣзть наверхъ, гдѣ такъ спокойно и безопасно, вмѣсто того, чтобъ ползти внизъ, въ грязь, подъ ноги другихъ, служа имъ ностовою, — это такой же инстинктъ, какъ пить и ѣсть. Только сильные и богатые убѣждены, что хорошо быть слабымъ и бѣднымъ, и то дѣлать-поръ только, пока не ослабѣютъ и не обидѣютъ сами; но лишь случись это, они вдругъ измѣняютъ свое кровное убѣжденіе. И потому, право, давно бы пора оставить эту риторическую мораль, потому-что теперь уже нѣтъ такихъ людей, которые допустили бы обидѣть себя въ ней.

Свѣтскость пріятеля *Ивана Васильевича* кончилась тѣмъ, что онъ въ конецъ разорился, и для поправленія обстоятельствъ рѣшился жениться, а для этого еще болѣе сталъ прикидываться богачомъ. Но женившись, онъ узналъ, что и его супруга такнмъ же образомъ дѣлала спекуляцію, выходя замужъ. Жить было нмъ нѣтъмъ. Ему хотѣлось въ деревню, а она, какъ женщина образованная и свѣтская, не хотѣла и слышать о деревнѣ, и потому помирнлись на Москвѣ, гдѣ онъ попалъ въ особенный кружокъ, «составляющій въ огромномъ городѣ нѣчто въ родѣ маленькаго досаднаго городка. Этотъ городокъ — городокъ отставной, отечество усовъ и венгерокъ, пріютъ невѣдомыхъ всякаго рода, вертепъ самыхъ странныхъ разбоевъ, горнило самыхъ странныхъ разсказовъ. Въ немъ живутъ отставленные и отставные, сердитые, обманутые честолюбцы, вообще все люди гнѣвные и недоброежелательные. Отъ-того и господствуетъ между ними духъ праздности и празднословія, и не даромъ называютъ этотъ городъ старухой. Ему прежде всего надо болтать, болтать во что бы ни стало. Онъ разсказываетъ вамъ, что сѣрый волкъ гуляетъ по Кузнецкому-Мосту и заглядываетъ во всѣ лавки; онъ повѣдуетъ вамъ на ухо, что турецкій султанъ усыновилъ французскаго короля; онъ выдумаетъ особую политику, особую Европу, — было бы о чемъ поболтать» (стр. 80). Очень-неудно ещеэто замѣчаніе: «Пороки петербургскіе происходятъ отъ напряженной дѣятельности, отъ желанія выказаться, отъ тщеславія и честолюбія; пороки московскіе происходятъ отъ отсутствія дѣятельности, отъ недостатка живой цѣлы въ жизни, отъ скуки и тяжелой барской гнѣны» (стр. 83). На-счетъ жены пріятеля *Ивана Васильевича* пошли по Москвѣ слухи, за которые онъ трепалъ одинъ хождѣ и одинъ усы и вызвалъ ихъ на дуэль. А между-тѣмъ жить ему съ женой было совершенно нѣтъмъ, потому что онъ промоталъ все до копейки.

Такъ-накъ «русскій человекъ ирѣионъ задвннмъ умомъ», онъ тогда только заиѣтилъ, что у его жены есть и хорошія качества, и что онъ ее любитъ; жена его поняла то же въ-отношеніи къ нему. Вызванные нмъ на дуэль хождѣ и усы распорядились такъ, что его, за вызовъ, отправили на телегѣ во Владиміръ, гдѣ онъ и обрѣтается подъ взглядомъ полиціи, а жена его уѣхала въ Петербургъ къ отцу.

Этотъ разсказъ произвелъ на *Ивана Васильевича* тяжелое впечатлѣніе и заставилъ попризадуматься. Онъ вспомнилъ о своемъ путешествіи:

«Въ Германіи удивила меня глуность ученыхъ; въ Италіи страдалъ я отъ холода; во Франціи опротивѣла мнѣ безнравственность и нечистота. Вездѣ яшелъ я подлую алчность къ деньгамъ, грубое самодовольствіе, всѣ признаки испорченности и смѣшныя притязанія на совершенство. И по неволѣ полюбилъ я тогда Россію и рѣшился посвятить остатокъ дней на познаніе своей родины. И похвально бы, кажется, и нетрудно.

Только теперь вотъ вопросъ: какъ ее узнаешь? хватился я сперва за древности, — древностей нѣтъ. Думалъ изучить губернскія общества, — губернскихъ обществъ нѣтъ. Всѣ они, какъ говорятъ, «форменныя. Столичная жизнь — жизнь не русская, перенявшая у Европы и мелочное образованіе и крушныя пороки. Гдѣ же искать Россію? Можетъ-быть, въ простомъ народѣ, въ простомъ всеневномъ быту русской жизни? Но вотъ я їду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и хоть что хочешь дѣлай, ничего отиѣтитъ и записать не могу. Окрестность мертвая, земля, земля, земля столько, что глаза устаютъ смотрѣть, дорога скверная... по дорогѣ идутъ обозы... мужики ругаются... Вотъ и все... а тамъ, то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнамъ ползаютъ, то ши салными свѣчами пахнутъ... Ну, можно ли порядочному человекѣ заниматься подобною дрянью?.. И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомяетъ до чрезвычайности и отдохнуть не дастъ... Нѣтъ ничего новаго, ничего неожиданнаго. Все то же да то же... и завтра будетъ какъ нынче. Здѣсь стан-

вля, а тамъ еще тамъ старцы; а здѣсь старрета, который просить на водку, а тамъ одеть до безконечности все старосты, которые просать на водку... что же я стану писать? Теперь я понимаю Василія Ивановича. Онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ правъ, когда увѣрялъ, что мы не путешествуемъ и что въ Россіи путешествовать невозможно. Мы просто ѣдемъ въ Меридианъ. Прощаніе мое впечатлѣніямъ. (стр. 86 — 89).

Бѣдный Иванъ Васильевичъ! Жалкая карриатура на донъ-Кихота! У него города устрояетъ рѣшительно вверхъ ногами: тамъ, гдѣ земля устлана развалинами рыцарскихъ замковъ и готическими соборами, онъ выдѣлъ только мельницы в барановъ и сражался съ ними; а тамъ, гдѣ только мельницы и бараны, онъ ищетъ рыцарей!.. Въ уздой городишкѣ, онъ спрашивалъ у мужика:

«— А что здѣсь любопытнаго?— Да чему, батюшка, быть любопытному! Какіеся, ничего нѣтъ.— Древнихъ строеній нѣтъ?» — Никакъ нѣтъ-съ... Да-бишь... были точно деревянный острогъ, нѣча сказать, ъкуда же годился... да и тотъ въ прошедшемъ году сгорѣлъ.— «Давно, видно, былъ построенъ?» — Нѣтъ-съ, не такъ давно, а лѣсомъ мошеникъ подрядчикъ надулъ совсѣмъ. Хорошо, что и сгорѣлъ... право-съ.— «А много здѣсь живущихъ?» — Нашей братьи мѣшавъ довольно-съ, а то служашіе только.— «Городничій?» — Да-съ, извѣстное дѣло, городничій, судья, исправникъ и прочіе—весь комплектъ.— «А какъ они время проводятъ?» — Въ присутствіе ходять, пуншты пьютъ, картишками тѣшатся... Да-бишь:—теперь у насъ за городомъ цыганскій таборъ, такъ вотъ они повадился въ таборъ таскаться. Слово московскіе бара, или купецкіе сынки. Такой куражъ, что чудо. Судья на скрипкѣ играетъ. Артамонъ Ивановичъ, заздатель, открываетъ въприсядку; ну, и хмѣльнаго-то тутъ не занимать стать... Гуляютъ себѣ да и только. Этакая, знать, нація (стр. 90 — 91).»

И вотъ наши путешественники въ таборѣ. **Иванъ Васильевичъ** прежде всего огорчился, увидѣвъ на Цыганахъ жалкіе европейскіе костюмы: такой

чужды! Чтобъ былъ чуть не европейскъ отчаянія, когда Цыганы зашли на дикую кочевую нѣбю, а русскій медвѣдильный романсъ. Вынувъ изъ галстука золотую булавоуку, онъ поцарилъ ее ирасавишъ Наташѣ, съ тѣмъ, чтобъ она ходила въ своемъ національномъ костюмѣ и не шѣла русскія нѣсовѣ... Больше этого быть нѣтъ и не позволено челоуку, и сантиментальное, донъ-кихотское фрарѣрство **Ивана Васильевича**, въ этомъ смѣшномъ поступкѣ, дошло до послѣднихъ предѣловъ возможнаго. Чтѣ бы онъ могъ еще сдѣлать? — развѣ жериться на Наташѣ, зашѣтвъ въ ней какія-нибудь дѣбрыя качества... Но довольно и того, чтѣ уже сдѣлалъ онъ, чтобъ Наташа смѣялась надъ нимъ ибѣдую жизнь...

За то, стениая натура Василія Ивановича плавала въ блаженствѣ. Онъ забывалъ и себя и грозную свою Альтю Петровну, улыбался, приторывалъ, прищипывалъ, сыпалъ въ каждую толику дугриденными и четвертакими и прикривалъ: «а вотъ отъ нѣсмію, а вотъ ту», и т. д. Это для него была негннная итадьянская опера, единственная, доступная ему. Въключенію, онъ бросилъ Цыганами дѣржаврублевою ассигнацію... Это называется шароуикъ размѣтомъ русской души, богатѣрствомъ. Иностранецъ выдѣлетъ бутылку шампанскаго: Русскій одну выдѣлетъ, а другую выдѣлетъ на полъ; нѣзъ этого нѣкоторые выдѣлетъ такое сдѣдствіе, что у людей гнющаго Запада мыннивая натуры, а у насъ — вѣсто-медѣжжы...

Эпизодъ объ истритѣ мѣшавина съ женою частнаго пристава разказанъ съ неподражаемыми, истинно-художественными совершенствомъ и прелеходно заканчиваетъ собою картину жизни уфѣдлага города...

Теперь послушаемъ проповѣдь **Ивана Васильевича** противъ русской литературы, до которой, какъ и до всякой другой, **Василію Ивановичу** никакой нужды не было;—это однакожъ не гнѣшало его спутнику ораторствовать громко, фрарѣрство, инакже, съ вду-

знать восторгамъ и ласкнутымъ недоверіемъ. Подобно Ивану Александровичу Хлестякову, который безграмотныхъ людей объявлялъ рѣшительно, что все, что ни пишется и ни издается въ Петербургѣ, все это—его сочиненіе, — *Иванъ Васильевичъ* также рѣшительно объявляла безграмотному *Василію Ивановичу*, что литература теперь вслѣдъ — торговля и спекуляція; и что «въ Европѣ чистыя чувства вадущими пороками и расчеломъ» (стр. 110). Что нужды, что *Иванъ Васильевичъ*, какъ мы уже видѣли выше, нѣдому не учился, ничего не читалъ и — можно вѣрить о вадущемъ — понятія не имѣть о нравственномъ движеніи и литературѣ саратовской Европы: ему тѣмъ легче корчить судью грознаго и наукалагаго, и паразита приговоры рѣшительныя и немѣнныя! Видѣ *Василію Ивановичу*, который въ этомъ дѣлѣ ничего не понималъ и совершенно-равнодушенъ къ нему, видѣ ему все равно, а онъ не можеть бѣжать этому визавю, сражающагося съ маленькими и баранами... Всего больше досталось отъ нѣго русской литературѣ. Она раздѣлилась ее на двѣ литературы: на благородную и подлую, на безкорыстную и торговую, на даровитую и бездарную. «Одна даровитая, но усталая, которая показывается въ люди рѣдко, смиренно, — иногда съ улыбкою на лицѣ, а всего чаще съ тяжкою грустью на бранѣ». «Другая наша литература, напротивъ, — различна на всѣхъ перекресткахъ, чтобы только ее приняли за настоящую русскую литературу, и не узнали про настоящую... Отъ-того наши даровитые писатели всегда удалялись — и теперь удаляются отъ ея прикосновенія; опасаясь быть замѣшанными «въ ея странную дѣятельность» стр. 111). Вотъ какіе блеручи, подумавши! Никъ нельзя писать и дѣйствовать потому только, что наша литература, подобно всѣмъ литературамъ въ мірѣ, бывшимъ, сущимъ и будущимъ, имѣетъ свои патва, свои темныя стороны! Чтобы они могли писать, для

этого нужно сперва настроитъ вадретитъ писать всѣмъ, кто, по нѣмъ нѣбнью, недостойны писать въ то время, когда они сами изволеть писать! Иначе, они станутъ поглядывать на литературную поприщѣ рѣдко и смиренно, чуть не со слезами на глазахъ, будутъ удаляться отъ ея прикосновенія, опасаясь быть замѣшанными въ ея странную дѣятельность! *Иванъ Васильевичъ* и не подозреваетъ, что подобными обсахаренными и переслащенными кофимовыми онъ дѣлаетъ сѣтанныя тѣхъ, кого прославляетъ. Нѣтъ отъого видѣю, что онъ и о русской литературѣ имѣетъ такое же ясное понятіе, какъ в европейской, и что русскую литературу онъ изучалъ за границею — въ столбовымъ партамъ въ трактирахъ. У кого есть таланты, тотъ съ особеннымъ жаромъ дѣйствуетъ именно тогда, когда въ литературѣ вадтой, бездарность и духъ спекуляціи. Только маленькіе таланты, или таланты самовадные, прославленные въ своей кружкѣ и признанные за гениевъ своими вриетельми, удаляются отъ литературы въ ея вадномъ, безпомощномъ состояніи. Если наши таланты, истинные и большіе, рѣдко напоминаютъ о себѣ своими новыми произведеніями, — значитъ, или они лѣнны, или имъ нечего писать, или не о чемъ писать. Можеть-быть, нашлись бы и другія причины, только совѣтъ не тѣ; о которыхъ декламируетъ *Иванъ Васильевичъ*... Если ужъ предположить, что истинный талантъ можеть не писать нѣтъ презрѣнія къ настоящему положенію литературы, то ужъ не должеть писать совѣтъ и никого не смѣшить рѣдкими появленіями, какъ признаніи невудержаннаго таринтера. А между-тѣмъ, изъ живущихъ теперь литераторовъ и писателей, нѣтъ ни одного, который бы хоть нѣрѣдка не показывался, если ужъ не съ чѣмъ-нибудъ дѣльнымъ, то хоть со стихами — видѣ привычка другая литература! Когда начиналась «Библиотека для Читанія», въ нее всѣ бросались съ своими вкладами, отъ Пушкина и Жуковскаго до людей съ самы-

ни маленькими писателями. Пересчитывать же имена, для доказательства, что и теперь пишутъ всё, которые и прежде писали — трудъ совсѣмъ лишній: нѣтъ рѣшительно ни одного имени въ подтвержденіе такъ нелѣпо-выдуманнаго *Иваномъ Васильевичемъ* факта... Многимъ покажется странно, что мы такъ вооружились противъ лица, существующаго въ книгѣ, а не въ дѣйствительности. Въ томъ-то и горе, что *Иваномъ Васильевичемъ* слишкомъ-много въ дѣйствительности; мы не даромъ говорили, что даровитый авторъ «Тарантаса» слишкомъ-хорошо проникъ мыслию въ типъ людей этого рода и такъ художественно-вѣрно воспроизвелъ его. Эти-то *Иваны Васильевичи* издавна уже твердятъ и повторяютъ, время-отъ-времени, будто нашихъ даровитыхъ писателей тѣ нѣгдѣ печататься, тѣ вовсе нельзя писать, но причинѣ торговаго и недобросовѣстнаго направленія литературы, — и мы очень рады случаю обить охоту у этихъ господъ повторять подобныя нелѣпности. *Иванъ Васильевичъ* въ-особенности сердитъ на русскую критику, какъ въ «Горѣ отъ Ума» Скалозубъ сердитъ на басню, и навываетъ ее «чудовищной неблагопристойностью». Это повѣстно: мыши не любятъ кошекъ. Извѣстное дѣло, *Иванъ Васильевичъ* большіе охотники «пописать, иногда прозою, иногда стихами — какъ выкинется», (какъ говоритъ Хлестаковъ); но критика нѣмаетъ имъ попасть въ генит, т. е. выдавать всякій выдоръ за удивительныя красоты поэзіи. Разумѣется, и русская критика, подобно всякой отрасли русской литературы, имѣетъ свои патны и черныя стороны; но изъ этого не слѣдуетъ бросать анагему на всю критику, которая принесла и приноситъ столько пользы и литературѣ и публикѣ очищеніемъ вкуса, преслѣдованіемъ ложныхъ авторитетовъ и ложныхъ произведеній. Мы понимаемъ, впрочемъ, что разувѣютъ *Иванъ Васильевичъ* подъ критикомъ благородно и благопристойно: критику безъ убѣжденій, безъ принциповъ,

безъ энергіи, безъ жара, безъ души, безъ оригинальности, безъ таланта, холодную, мелочную, — критику, которая выѣзжаетъ на обихихъ нѣматяхъ, каждаго признаннымъ знаменитостямъ за все, что бы ни написали онѣ, не смѣетъ признать новаго таланта, рѣски угождаетъ своей партіи и бросаетъ камешки изъ-за угла только въ чужихъ, — наконецъ, критику, на которую никто не сердится, которой никто не ненавидитъ, потому-что всё прозираютъ ее. Такая критика есть полное выраженіе слабыхъ и пошлыхъ натуръ *Иваномъ Васильевичемъ*. Чтобы хорошенько поразить ненавистную ему критику, *Иванъ Васильевичъ* представляетъ ее въ видѣ закорсаго шута, который коверкается перелъ мужиками, а мужики на него не хотятъ и смотрѣть: очень-остроумно! жаль только, что ни мало не правдоподобно и натаяутъ, потому-что критика пишется не для мужиковъ, и мужики не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о ея существованіи. «Русскій человекъ» (продолжаетъ декламировать *Иванъ Васильевичъ*) «не отвѣтаетъ ни на одинъ голосъ ему незнакомый и непонятный. Ему не то надо. Ему двай родные звуки, родныя картины, чтобы забилось его сердце, чтобы засвѣтило въ его душѣ». Что за фразы! какая риторика!... Дагдѣ *Иванъ Васильевичъ* предлагаетъ рѣшительную мѣру: выбросить за окошко все, что сдѣлано слишкомъ столѣтіемъ и что дѣйствительно существуетъ, и замѣнить это глѣзъ, что проблематически существуетъ въ головахъ славноземскихъ... Какой яростный реформаторъ — ему все ни по чому! Сказано — и сдѣлано! Въ заключеніе, онъ зоветъ нашихъ поэтовъ и писателей въ жилищку бабу — набираться тамъ мудрости. Особенно совѣтуетъ онъ слушать со вниманіемъ слова умирающаго мужика: въ этихъ словахъ, по его убѣжденію, заключается богатое содержаніе для литературы... Что за русскій человекъ *Иванъ Васильевичъ*!...

Тарантасъ встрѣчалъ карету, у

которой спустился рессора и лопнула шина. Въ каретѣ *Иванъ Васильевичъ* узналъ русскаго князя, съ которымъ познакомился за границей. Этотъ князь варварскииъ русскимъ языкомъ, испещреннымъ галицизмами, кричитъ на ямщиковъ и ласкаетъ каждому судить по мнѣн-сору паломъ. Въ деревню ѣду (говоритъ князь *Ивану Васильевичу*). Нечего дѣлать. Бурминстръ оброка не высылаетъ; чортъ ихъ знаетъ, что пишутъ. Неурожай у нихъ тамъ какой-то, деревня кака-то спортъла. А мнѣ что за дѣло? Я человекъ европейскій, я не мѣшаюся въ дѣла своихъ крестьянъ; пускай живутъ какъ хотятъ, только чтобъ деньги доставляли аккуратно. Я ихъ наскрозъ знаю. Такіе мошенники, что ужаси. Они думаютъ, что я за границей, такъ они могутъ меня обманывать. Да я знаю, какъ надо поступать. Сыновей бурминстра въ рекруты, неплательщиковъ въ рабочій домъ, возьми весь доходъ на годъ впередъ, да на зиму въ Римъ. (стр. 122). Къ-несчастью, портретъ этого *Европейца* не совсѣмъ невѣренъ: бываютъ такіе. Хуже всего въ этихъ выродкахъ то, что многіе добродушные невѣжды по нимъ дѣлаютъ свои заключенія о русскихъ путешественникахъ и пользѣ путешествій вообще. Простодушныиъ невѣждамъ трудно растолковать, что люди бываютъ всякіе: одни, побывавъ за границей, дѣлаются еще хуже и дерутся еще больше; а другіе верещаются къ лучшему и научаются уважать человеческое достоинство даже и въ своемъ собственномъ лакеѣ...

Разъ *Иванъ Васильевичъ* былъ не въ духѣ и, презрительно поглядывая на своего слугушиа, говорилъ пре-себя: О, дубина, дубина, самозаръ безтелесный, подъяческая природа, ты самъ не что иное, какъ тарантасъ, уродливое соедавіе, начиненное дрянными предразсудками, какъ тарантасъ начиненъ перлами. Какъ тарантасъ, ты не видишь ничего лучше стени, аничего даѣе Москвы. Лучъ просвѣ-

щенія не пробилъ твоей толстою шкурры. Для тебя искусство сосредоточивается въ вѣтреной мельницѣ, наука въ молотильной машинѣ, а поэзія въ ботвиннѣ, да въ кулебякѣ. Дѣла тебѣ нѣтъ до стремленія вѣка, до современныхъ европейскихъ задачъ. Были бы у тебя лишь щи, да баня, да погребецъ, да тарантасъ, да плѣсень твоя деревенская. Дубина ты, Василій Ивановичъ! (стр. 143). Вся эта эмпирика устремлена противъ *Василія Ивановича* за то, что онъ не хотѣлъ поведать въ Нижнемъ и дать оратору время научать Россію на ярмаркѣ. Но *Василій Ивановичъ* тотчасъ же представился своему спутнику совѣтъмъ съ другой стороны—истиннымъ благодѣтельнымъ помѣщикомъ—точь-въ-точь какъ представляютъ ихъ въ дивертиссанахъ на нашихъ театрахъ. Тутъ все дѣло вертится на любви крестьянъ къ господамъ, внушенной имъ уже самою природою, и еще на томъ, что Авдотья Петровна сама лечитъ больныхъ простыми средствами. Изъ всего этого выводится слѣдствіе, что все хорошо, какъ есть, и никакихъ измѣненій къ лучшему, особенно въ иностранномъ духѣ, вовсе не нужно. Въ-самомъ-дѣлѣ, къ чему больница и докторъ, разращенный познаніями гнилаго Запада,—къ чему они тамъ, гдѣ всякая безграмотная баба умѣетъ лечить простыми средствами?.. Какъ бы то ни было, но *Иванъ Васильевичъ* (чувствительная душа!) чуть не расплакался при рассказѣ *Василія Ивановича* о томъ, какъ будетъ онъ встрѣченъ своими мужиками, которые на радости свиданія съ баринномъ, представятъ передъ его свѣтлыиъ очю, кто съ видюкою полъ мышкино, кто съ корригой хлѣба. Эта сцена изображена на картинкѣ: *Василій Ивановичъ* съ своею полу-русскою и полу-татарскою физиономіею, а мужички съ греческими лицами героевъ *Илиады*, можетъ-быть, въ ознаменованіе того, что всѣ мужики—красавцы, и неприятныхъ физиономій между ними не бываетъ.

Въ замѣткѣмъ городѣ неизвѣстнаго

звоня, тарантасъ наѣхавъ до фронтонности друга своего, *Василія Ивановича*, и потребовалъ починки. Кузнецъ, впрочемъ, незнакомый съ развратнымъ Запаломъ, запросилъ за починку 50 рублей, а согласился за три цѣлковыхъ. Съ-гора, путешественники наши зашли въ харчевню напиться чаю. Тамъ сидѣли купцы, чистые Русаки, висколько-незнакомые съ развратнымъ Запаломъ. Одинъ изъ нихъ хвастался, какъ онъ купилъ у проигравшагося въ карты помѣщика скверной муки, смѣшалъ ее съ хорошею, да и продалъ въ Рыбинскѣ за лучшей сорты. «Что жъ, коммерческое дѣло!» сказалъ одинъ. — «Оборотень извѣстный, прибавилъ другой» (стр. 162). Разумѣется, они пили чай, держа блюдечки на растопыренной ладони, и потъ ручьями капался съ ихъ физиономій, — но попадали да въ блюдечки, объ этомъ авторъ ничего не говоритъ. Вообще, купцы изображены превосходно, и наблюдательный талантъ автора торжествуетъ въ этомъ изображеніи такъ же, какъ и вездѣ, гдѣ приходится ему изображать. Очень ловко счумѣлъ онъ заставить ихъ высказаться передъ *Иваномъ Васильевичемъ*, который думаетъ, что онъ видитъ все это во снѣ — такъ пораженъ онъ былъ принципами этой особой «коммерціи», которая избѣгаетъ, по возможности, всеядей и всякихъ формальностей, и вертится на нарыкѣ, рутинѣ, обманѣ и плутовствѣ. Какъ ни убѣждалъ онъ ихъ въ превосходствѣ правильной, систематической европейской коммерціи передъ этимъ испорченно-восточнымъ барышничествомъ на аросѣ, — купцы остались при своемъ. Одинъ изъ нихъ, сѣдой, дощлякъ нѣсколько, сказалъ:

«— Вы, можетъ-быть, кое-что, признательно сказать, и справедливое тутъ говорите, хоть и больно грозное. Да позвольте видѣть, люда-то мы не грамотные. Дѣло въ сѣхъ расудить не въ состояніи. Какъ разъ подвернется Французъ, да фешетитъ, заведутъ кончанія, а тамъ глядишь и поклонился капиталу, Чего доброго, въ совершенствѣнно поведемъ.

Нѣтъ ужъ, батюшка, по старому-то она не такъ складно, да гладко. Нашъ народокъ съизстари такъ ведется. Отцы наши такъ дѣлали и не промотались, слава Богу, и капиталъ намъ оставили. Да вотъ-съ, и мы потрудились на своемъ вѣку, и тоже, слава Богу, не промотали отцовскаго благословенія, да и дѣтей своихъ надѣлали. А дѣти вумай дѣлаютъ намъ знать. Имуда будеть воля... Да не прикажили ли, судари, чашечку?

— Нѣтъ, спасибо.

— Одну хотѣ чашечку.

— Право не могу...

— Со сливочками!... (стр. 170)..»

Въ большомъ селѣ, гдѣ былъ праздникъ, *Иванъ Васильевичъ* пустился изучать русскую народность, по его аристократическій носъ безпрестанно отворачивался отъ народныхъ сценъ, которыми, какъ извѣстно, бываютъ грѣховиты не у насъ однихъ. Увидя молодца, онъ поправилъ на себѣ пальто, и въ надеждѣ вѣрнаго эффекта, подошелъ къ толпѣ.

«Однако онъ ошибся. Здоровая, румяная дѣвка ухватывала на него довольно нахально, обращаясь къ подручьямъ: «Види какой облазанный Ивонъ идетъ! Молодцы засмѣялись, а народъ въ красной рубашкѣ витавшая въ разговоръ:

— Эка зубастая Матрѣха. Смотри, рыло разобью!

Матрѣха улыбнулась.

— Види больно напужалъ... Озорникъ этакой. Я и сама такъ тресну, что слези не повороситъ. (стр. 180).»

Наслаждавшись этою спесивою сельскою шалашемъ и рыцарскою любезности, нашъ изыскатель наткнулся на раскольника и потребовалъ допроситься у мужика, что за сента, много ли у нихъ раскольниковъ, и проч. Но на всѣ свои вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: «во старинѣ книгачъ». Далѣе, цѣлый солдатъ рассказывалъ, какъ онъ ходилъ воль Турку и объяснял причину войны тѣмъ, что «турецкіи селетва», по ихъ нѣмецкому колыу «или» послударъ тѣмъ знавита, при-
«шла въ напсину Царю граматы: а

«Хочу же, чтобы ты пострадался, и те
«иства не даешь; да неволь-ка еще
«опрестить всѣхъ твоихъ православи-
«ныхъ въ нашу языческую поганую
«вѣру», и проч. (стр. 228). Долго еще
бродил *Иванъ Васильевичъ*, много еще
видѣлъ пьяныхъ сценъ, — а народности
все не нашеть. Мимо его промчался на
тройкѣ всадатель, и *Иванъ Васильевичъ*
вскликнулъ: «О чиновники! Ужь не
«вы ли, по привычкѣ къ воровству;
«украли у насъ народность!» (стр.
231). Вотъ-что называется съ боль-
ной-то головы да на здоровую! Ужь не
чиновники ли, по привычкѣ къ воров-
ству; украли у *Ивана Васильевича* спо-
собность смотрѣть прямо на вещи? Или
бѣзъ не получили ея отъ природы? По-
сѣднее вѣроятнѣе...

Какъ-нарочно, при входѣ въ избу,
на слѣдующей станціи, *Иванъ Василье-
вичъ* встрѣтилъ — чиновника. Это былъ
исправляющій должность исправника,
выѣхавшій на встрѣчу губернатору.
Василій Ивановичъ пригласилъ его съ
собою пѣить чаю и спросилъ, давно
ли онъ служитъ. — Съ восемь-сотъ-
четвертаго. «А почему вы служите по
выборамъ?» лукаво спросилъ его *Иванъ
Васильевичъ*. Чиновникъ объяснилъ
свое житье-бытье очень-просто, безъ
реторикъ — и *Ивану Васильевичу* отъ-
чего-то стало грустно... Народность
опять увернулаъ у него изъ-подъ
рукъ. Отдернувъ занавѣсъ стоявшей
въ сторонѣ кровати, онъ увидѣлъ на
ней больного старика съ дѣтми, и
первое чувство этого *Европейца*, кото-
рый такъ гнушается развратнымъ про-
свѣщеніемъ Запада, этого *либерала*,
который такъ любитъ толковать объ
отношеніяхъ мужа къ барину, — пер-
вое движеніе его было — обидѣться,
что простой станціонный смотритель
осмѣлился не встать передъ нимъ, *Ев-
ропейцемъ* и *либераломъ* 12-го клас-
са!.. Оказалось, что старикъ давно ли-
диделъ рогу, и, по малости начальства,
должностъ за него править его сынъ,
малышкѣ лѣтъ одиннадцати. *Ивану
Васильевичу* опять стало грустно, и его
гнѣвъ на чиновниковъ утихъ.

*Взвѣсивъ въ Назань, Иванъ Василье-
вичъ* словно помѣшался: такую дичь
слышалъ о Западѣ и Востокѣ, притис-
кнутыхъ между собою Обѣимъ славян-
ское начало, что у насъ рѣшительно
нѣтъ силы и смѣлости остановиться
на этой декламацин, въ которой на каж-
домъ словѣ ужъ за разумъ заходитъ. За
нее Востокъ, въ лицѣ Татаръ, надулъ
Ивана Васильевича: продалъ ему за
большія деньги разную дрянн, кото-
рую опытный *Василій Ивановичъ* не
хотѣлъ обѣять и въ 15 рублей ассиг-
націями.

Но вотъ мы уже у послѣдней главы,
которая оканчивается сномъ *Ивана Ва-
сильевича*. Это чудный сонъ: авторъ
истощилъ въ немъ всю иронию и чу-
десно дорисовалъ изъ своего мнѣн-
я турнаго донъ-Кихота. Вообще, ста-
рику *Дмитріевъ* сказалъ о снахъ вели-
кую истину: «Когда же складны сны
бываютъ? Прибавьте къ этому, что
сонъ этотъ видится такому человеку,
какъ *Иванъ Васильевичъ* — и трепещи-
те гаранте. А между-тѣмъ, дѣлать не-
чего — станемъ бредить съ *Иваномъ
Васильевичемъ*. Пропускаемъ подроб-
сти, какъ тарантасъ обратился въ пти-
цу и попалъ въ пещеру съ тѣнами,
какъ мертвые призраки подъячнхъ
гнали за *Иваномъ Васильевичемъ*, ру-
гали его подлепомъ и каналекъ, и хо-
тели растерзать живаго. Намъ лучше
хотѣлось бы пересказать все, что ви-
дѣлъ онъ на землѣ, ичавшись на таран-
тасѣ-птицѣ по воздуху, но не умѣемъ,
а выписывать цѣликомъ — слишкомъ-
много. И потому, пролею яли неволю,
пропускаемъ даже возрожденіе русска-
го тарантаса на европейскую стаю, и
спѣшимъ къ встрѣчѣ *Ивана Васильевича*
съ тѣмъ княземъ, который недавно ру-
галъ своихъ людей въ сломанной каретѣ.
Встрѣча воспослѣдовала въ Мос-
квѣ, которая, въ чудной свѣ, посвоей
архитектурѣ, перещеголяла Италию.
На головѣ его (князя) была бобровая
шапка, ставъ былъ плотно схваченъ
стойкимъ суконнымъ полушубкомъ на
собоюемъ мѣху, а на ногахъ желтые
сафьянные сапоги доказывали, по сла-

«васкому обычаю, его дворянское до-
 стинство» (стр. 274). Въ нравствен-
 номъ отношеніи, князь такъ же изиѣ-
 нился, какъ и наружно: онъ уже счи-
 таетъ глупостью путешествія... Поче-
 му? спросите вы: ужь не изъ патріо-
 тизма ли?—Отчасти такъ.—Но, скаже-
 те вы: если въ чемъ всего менѣе мож-
 но упрекнуть Англичавъ, такъ это въ
 отсутствіи или недостаткѣ патріотиз-
 ма; напротивъ, ихъ любовь къ отече-
 ству переходитъ даже въ недостатокъ,
 въ порокъ, въ какое-то слѣпое и
 фанатическое пристрастіе ко всему
 англійскому, — и между-тѣмъ вся Ев-
 ропы наводнена англійскими туриста-
 ми, особенно Парижъ и Римъ. Это пра-
 ва, но вѣдь не забудьте, что за чело-
 вѣкъ *Иоанн Васильевичъ*, и не забудьте,
 что все это онъ бредитъ во снѣ. Глав-
 ная же причина, почему князь съ гор-
 достію отвергаетъ въ Русскомъ даже
 возможность желанія путешествовать,
 состоитъ въ томъ, что Русскому, въ
 эти блаженные времена желтыхъ са-
 фьянныхъ сапожекъ (какъ жаль, что
 эта эпоха не означена цифрами!), что
 Русскому тогда нѣ вачѣтъ будетъ
 ѣхать ни на западъ, ни на востокъ,
 ни на югъ, ни на сѣверъ, ибо въ
 огромной Россіи есть свой западъ и
 востокъ, югъ и сѣверъ. Изъ этого мож-
 но навѣрное заключить, что въ это
 вождельнное время, которое можетъ
 только представиться во снѣ, и то раз-
 вѣ какому-нибудь *Ивану Васильевичу*,
 въ Россіи будетъ свой Римъ, свой Неа-
 поль, свой Везувій, свое Средиземное
 Море, свои Альпы, своя Швейцарія,
 свой Гималай и Индія, словомъ бу-
 детъ все, чего нѣтъ теперь, и что ма-
 нитъ и раздражаетъ любопытство пу-
 тешественниковъ всѣхъ странъ. Далѣе,
 въ сію вождельнную желто-сапожную
 эпоху уже не будетъ существовать
 между народами братскаго разнѣна
 идей, никакихъ связей торговли, на-
 уки, образованности, и новый Гум-
 больдтъ уже не поѣдетъ къ вамъ из-
 учать природу Уральскаго - Хребта!..
 Нѣтъ, ужь лучше бы князь по-преж-
 нему проматывался за границею и об-

наруживалъ свой европеизмъ паче-
 стами палокъ, чѣмъ вдаваться въ ту-
 кую дилую философію!... Да! чуть-бы-
 ло не забыли мы: въ желто-сапожную
 эпоху будетъ процвѣтать *арзамасская*
 школа живописи, которая, вѣроятно,
 сибѣнитъ собою нынѣшнюю *судель-*
скую... Князь исчезъ — и *Иоанн Ва-*
сильевичъ очутился въ объятіяхъ сво-
 его пансіонскаго товарища, — того са-
 маго, который на владимірскомъ бул-
 варѣ рассказывалъ ему о себѣ «пре-
 стую и глупую исторію». Этотъ такъ
 же исправился, какъ и князь, и съ
 своею милою сунругою сталъ иде-
 ломъ семейнаго блаженства. Но глав-
 ная его добродѣтель въ томъ, что онъ
 не завидуетъ богатымъ и безъ уи-
 рада, что бѣденъ... Позвольте! оный
 чуть-было не забыли мы одного изъ
 самыхъ характеристическихъ обсто-
 ятельствъ желто-сапожной эпохи (въ
 которую процвѣтаетъ Торжокъ, бойко
 торгующій сафьянными надѣлками): въ
 эту желто-сафьянную эпоху будутъ
 равно отератительны и тунелды, на-
 дувающіеся глупой надменностью, и
 жолчные завистники всякаго отлѣта
 (желтыхъ сапожекъ?) и всякаго уса-
 ха (наслѣдства?), и голодная зависть
 нищей бездарности (стр. 277). Жаль,
 что *Иоанн Васильевичъ*, посѣтившій во
 снѣ эту славянофильскую эпоху, не
 выгладѣлъ въ ней ничего на счетъ за-
 висти нищей даровитости, нищей ге-
 ніальности: вѣроятно, таланты и геніи
 будутъ ходитъ въ красныхъ сапож-
 кахъ, и потому имъ нѣчего будетъ за-
 видовать желтымъ. Обращаясь къ
 семейному блаженству пансіонскаго
 товарища *Ивана Васильевича*.

«— Есть на землѣ счастье! сказалъ
Иоанн Васильевичъ съ вдохновеніемъ: —
 есть чѣлъ въ жизни... и она заключает-
 ся...»

— Батюшки, батюшки, помогите!.. Ё-
 да... помогите... Валится, падаетъ!..

Иоанн Васильевичъ вдругъ потрусо-
 валъ сильнымъ толчкомъ, и нѣсколько
 обо что-то всей своею тяжестью, вдругъ
 проснулся отъ сильнаго удара.

— А... что?.. что такое?..

«Ватушки, помогите, умираю!» кричала Василій Ивановичъ: «кто бы могъ подумать... тарантасъ опрокинулся!»

Въ-самомъ-дѣлѣ, тарантасъ лежалъ во рту дверей колесами. Подъ тарантасомъ лежалъ Иванъ Васильевичъ, ошеломленный неожиданнымъ паденіемъ. Подъ Иваномъ Васильевичемъ лежалъ Василій Ивановичъ въ самомъ ужасномъ испугѣ. Книга путевыхъ впечатлѣній утонула на вѣки на днѣ влажной пропасти. (Туда ей и дорога! скажемъ мы отъ себя.) Семья нырнула внизъ головой, зацѣпясь ногами за колеса...

Однакъ дѣлать успѣлъ выпутаться изъ постромокъ и уже стоялъ довольно равнодушно у опрокинутаго тарантаса... Сперва оглядѣлся онъ кругомъ, нѣтъ ли гдѣ помощи, а потомъ кланюкомъ сказалъ вопиющему Василію Ивановичу:

«Ничего, ваше благородіе!»

Превосходно! Юморъ какого бы ни было автора, хотя бы съ талантомъ первой величины, не могъ лучше прервать вздорнаго сна и лучше закончить прекрасной книги... Нельзя не согласиться, что юморъ автора «Тарантаса» тѣмъ болѣе исполненъ глубины и жолчи, что онъ замаскированъ удивительнымъ спокойствіемъ, такъ что мѣстами читателю можетъ казаться, будто авторъ раздѣляетъ образъ мыслей своего жалкаго и смѣшнаго героя, этого маленькаго донъ-Кихота въ мивьятурѣ и въ каррикатурѣ. Между-тѣмъ, ясно, что эта книга, по ея тонкому и глубокому юмору, принадлежитъ къ разряду книгъ въ родѣ *Epistolae obscurorum Virorum*, *Писемъ Юлія* и *Lettres Persannes* Монтескьѣ. Славянофилы, въ лицѣ *Ивана Васильевича*, получили въ ней страшный ударъ, потому-что ничего нѣтъ въ мірѣ страшнѣе смѣшнаго; смѣшное—казнь уродливыхъ неглупостей. Какъ! эти люди... но оставимъ людей и поговоримъ объ одномъ человѣкѣ—объ *Иванѣ Васильевичѣ*... Какъ! этотъ человѣкъ съ жидкою натурою, слабою головою, безъ энергіи, безъ знаній, безъ опытности, съ одною мечтательностью, съ одними кошачьи фантазіями, могъ вообра-

зить, что отъ нашего дороги, на которую Россія должна свернуть съ пути, указаннаго ея великимъ преобразователемъ!.. Комары, мошки хотѣть поправлять и передѣлывать громадное зданіе, сооруженное исполнимо!... Вышурокіе, косые, кривые и слѣпые, они хотѣть заглядывать въ будущее и думать видѣть его такъ же ясно, какъ и настоящее! Ихъ маленькому самолюбію не приходитъ въ голову, что и настоящее-то въ ихъ головахъ отражается невѣрно, какъ въ кривомъ или разбитомъ зеркалѣ. Головы, устроенныя вверхъ ногами, они мыслятъ глѣбо заднихъ числами, и если нѣтъ удается замѣтить кое-что такое, что всѣмъ бросается въ глаза и что на всѣхъ производитъ грустное и тяжелое впечатлѣніе,—они ждуть исцѣленія не отъ будущаго, но, вычеркивая настоящее (какъ-будто бы его вовсе не было, или какъ-будто бы оно не есть необходимый результатъ прошедшаго), обращаются къ давно-прошедшему, котораго или вовсе не знаютъ, или плохо знаютъ, смотря на него въ очки своей фантазіи,—и посредствомъ какого-то невозможнаго, чудовищнаго salto mortale хотѣть выдвинуть это давно-прошедшее, мимо настоящаго, прямо въ будущее... Не понимая современнаго, не будучи гражданами никакой эпохи, никакаго времени (потому-что кто живетъ нѣтъ настоящаго, современнаго, тотъ нигдѣ не живетъ), новые донъ-Кихоты, они сочинили себѣ одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ убѣжденій, которыя такъ близки къ толкамъ старо-обрядческихъ сектъ, основанныхъ на мертвомъ пониманіи мертвой буквы, и изъ этого убѣжденія сдѣлали себѣ новую Дульциневу тобозскую, лонаютъ за нее перья и льютъ чернила. Не понимая, что у нихъ нѣтъ и не можетъ быть противниковъ (потому-что невинное поимѣшательство пользуется счастливою привилегіею не имѣть враговъ),—они выдумываютъ, ищутъ себѣ враговъ, и думаютъ видѣть главнаго своего врага въ просвѣщеніи Запада;

но Западъ не хочеть и знать о ихъ существованіи: онъ вдетъ-себѣ куда указало ему Провидѣніе, не замѣчая ни ихъ бумажныхъ шлемовъ, ни ихъ деревянныхъ копій... Подобныя нещепости давно уже требовали одной изъ тѣхъ жестокихъ и бьющихъ на-смерть сатиръ, которыми можетъ поражать только художественный талантъ... *Тарантасъ* графа Солдогоуба явился такою сатирою, исполненною ума, остроумія, мысли, юмора, художественности...

Мы все сказали. Прощайте же, *Иванъ Васильевичъ*! Спасибо вамъ: вы зажали насъ, вы и посердили и подаба-

вли насъ на свой счетъ. Прощайте, ошѣшмой и жалкій донъ-Кихотъ! Ваше спасибо вамъ за то, что вы сжали всему свѣту, какъ возутся пописки и по отчеству люди известного разряда: ихъ зовутъ *Иванами Васильевичами*...

Прощай, *Тарантасъ*! прощай, кинумная, даровитая и—что всего мнѣе книга *дальшая*!.. Благодарить тебя за наслажденія, которыми подарили насъ в которыхъ, вѣроятно, долго долго не дождаться намъ, потому-что такія книги и не у насъ рѣдко поминуются...

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

—
М А Й.

184) Стихотворения Эдуарда Губера. Санктпетербург. 1846. В 3 тт. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. В 8-ю д. л. 112 стр.

Что нужно человѣку для того, чтобы писать стихи? — Чувство, мысли, образованность, вдохновеніе, и т. д. Вотъ что отвѣтить вамъ всё на подобный вопросъ. По нашему мнѣнію, всего нужнѣе — поэтическое призваніе, художническій талантъ. Это главное; все другое идетъ своимъ чередомъ уже за нимъ. Правда, на одномъ талантѣ въ наше время не далеко уйдешь; но дѣло въ томъ, что безъ таланта нельзя и двинуться, нельзя сдѣлать и шагу, и безъ него ровно ни къ чему не служить поэту ни наука, ни образованность, ни симпатія съ живыми интересами современной дѣйствительности, ни страстная натура, ни сильный характеръ; безъ таланта, все это — потерянный капиталъ. Но въ чемъ же состоитъ талантъ? — Въ непосредственной способности поэтически воспринимать чувствами впечатлѣнія дѣйствительности, и воспроизводить ихъ дѣлательностью фантазіи въ поэтическихъ образахъ. Забудьте: непосредственной, г. е. такой способности, которую размышленіе и мысль вообще можетъ развивать и усиливать (а иногда заглушать и ослаблять), которую даетъ природа, а не размышленіе, не мысль. И

такъ, эта способность есть счастливый даръ природы, составляетъ свойство, качество личности, но не заслугу съ ея стороны, такъ же, какъ красота не составляетъ заслуги женщины. Чувство есть одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей поэтической природы; безъ чувства нѣтъ ни поэта, ни поэзіи; но тѣмъ не менѣе можно имѣть чувство, даже писать недурные стихи, насквозь проникнутые чувствомъ, — и нисколько не быть поэтомъ. Вы знаете романъ Мерзлякова — *Велизарій*, начинающійся стихомъ:

Малютка, шлемъ нося, просилъ?

Вы знаете пѣсню Мерзлякова: *Среди долины ровныя*? Развѣ въ нихъ нѣтъ чувства? Напротивъ, очень-много; а между-тѣмъ, объ 'эти пьесы, особенно послѣдняя, теперь больше смѣшны, нежели трогательны. То же самое можно сказать почти обо всѣхъ произведеніяхъ нашихъ старинныхъ поэтовъ, особенно карамзинской эпохи. Вспомните, или перечтите пьесы: *Выйду я на рѣчку; Раиса; Пой во мракъ тихой ночи; Кто могъ любить такъ страстно; Мы желали — и свершилось; Доволенъ я судьбою; Вьютъ осенніе вѣтры; Видѣлъ славный я дворецъ; О любезный, о мой милый; Безъ друга и безъ милой; Куда мнѣ, сердце страстно; Что съ тобою, амаи, стало; Стоюти сизый голубочки; Ахъ, когда бы я прежде знала,*

и пр. Всѣ онѣ въ свое время считались образцовыми произведеніями поэзій, восхищали цѣлую эпоху; ихъ читали, шѣли, покупали книгами, списывали въ тетради: всѣ онѣ написаны людьми съ душою и сердцемъ и проникнуты чувствомъ, — а между-тѣмъ, забыты: теперь и смѣшать насъ, какъ варшвы и флжмы. Чтѣ сгубило ихъ? — То, что для поэзій мало одного чувства, а нуженъ прежде всего талантъ. Стало-быть, у авторовъ этихъ пьесъ не было таланта? — Напротивъ, былъ талантъ, в еще замѣчательный; но талантъ чисто-бельетрическій и почти вовсе не поэтический. Выразить хорошими, по своему времени, стихами какое-нибудь ощущение, или чувство — еще не значитъ быть поэтомъ. Державина отличаетъ исключеніе изъ нашихъ старинныхъ поэтовъ. Многія его пьесы страшно-сухи и сухы, потому-что въ нихъ, кромѣ риторики, нѣтъ ничего, и потому теперь нѣтъ никакой возможности читать ихъ; но у него же есть много пьесъ, которые теперь устарѣли по языку, и стихамъ не чужды риторика, словость, заключаютъ въ себѣ большіе недостатки; но эти пьесы и теперь нѣсколько не забыты, потому-что стиль ихъ старинную форму, сквозь ихъ недостатки проблескиваютъ, какъ яркая жемчужина среди врачюной ночи, красоты исключительныя. У Державина есть пьесы, которые и стихами и теперь можно читать съ живѣйшимъ восторгомъ, съ истиннымъ наслажденіемъ, и есть другія, которые и въ цѣломъ прекрасны. Чтѣ же дало Державину такое ограниченное преимущество передъ всѣми поэтами его времени и даже появившимся послѣ него, когда уже взоръ русскій сдѣлалъ большой шагъ впередъ? — Непосредственный талантъ творчества. Поэзія Державина исполнена проблесковъ художественности, и если художественный элементъ не могъ освободить его отъ риторики и сдѣлать его поэтомъ вполне, — причина этого не недостатокъ, но слабость таланта, а время, въ которое Державинъ жилъ и которое не допустило развиться въ

полнотѣ его громадному, великому таланту. Художественный элементъ, проглянувъ въ поэзіи Державина, в долго скрылся вовсе изъ русской поэзіи. Карамзинъ, Нелединскій-Мелецкій и особенно Дмитріевъ и Озеровъ много сдѣлали, чтобъ приготовить и уладить дорогу для торжественной колесницы поэзій; но поэтами они не были, — они были только даровитыми и блестящими беллетристами въ области поэзіи. Явился Жуковский — и оплодотворилъ почву русской поэзіи стѣнами романтизма. Но тутъ заслуга состояла больше въ расширеніи круга содержания для русской поэзіи, доселѣ страдавшей скудостью содержания и по неволѣ прибѣгавшей къ риторикѣ, нежели въ соціальныхъ образахъ художественности. Впрочемъ, и съ этой стороны въ лицѣ Жуковского русская поэзія сдѣлала значительный шагъ впередъ. Его стихи, съ своею бѣдливою, далеко оставилъ за собою стихи Державина, Дмитріева, Озерова и сверхъ-того отличались оригинальностью, силою, уяругостью. Собственные его произведенія, особенно патристическія (и преимущественно *Жизнь св. Стефанъ русскій воиновъ*) принадлежатъ больше къ области краснорѣчія, нежели къ области поэзіи и, потому, представляютъ собою лишніе образцы поэзіи, которые являлись образцами не могутъ быть даже и сравняваемы съ лучшими пьесами Державина, хотя и далеко превосходятъ послѣднихъ по особенностямъ языка и вообще технической сдѣлки. Художественные переводы Жуковского (особенно изъ Шиллера, изъ новы: *Орлеанская Дѣва, Горюхины Небадильней, Жалобы Царя и пьесы другія*) относятся къ античной эпохѣ русской поэзіи. Почти въ то время, какъ Жуковский началъ вносить романтику въ содержаніе русской поэзіи, — Ватюшковъ началъ возводить ее до художественности въ чистѣ. Талантъ Ватюшкова гораздо-меньше таланта Державина; но, при всемъ сравненіи, это былъ замѣчательный, сильный талантъ. Благодаря услугамъ,

оказаннымъ лампу и стигу русскому Карамзинскимъ, Дмитриевымъ, Озеровымъ и собственной склонности къ классической поэзии Древняго міра, Батюшковъ въ художественности формъ ушелъ несравненно дальше Державина. Можно сказать, что художественный элементъ впервые выглянулъ въ поэзіи Державина, а въ поэзіи Батюшкова онъ уже силится взять перевѣсъ надъ безразличіемъ и риторикой. Но до полной художественности Батюшкову не дано было дойти: это было дѣло гения, а не таланта; хотѣ бы и большаго. Явился Пушкинъ — и русская поэзія перестала быть стремленіемъ къ поэзіи, какъ у Державина; перестала быть безразличіемъ, какъ у Карамзина, Дмитриева, Озерова; перестала быть исключительною поэзією одного только рода, какъ у Крылова; перестала быть одностороннимъ, нагляднымъ стремленіемъ къ непосредственному и туманному, какъ у Жуковского; перестала быть стремленіемъ къ художественности, какъ у Батюшкова; но двинулась истинною, художественною, творческою поэзією.

Вотъ этотъ-то элементъ, который такъ усильно стремился развиться въ русской поэзіи, и который въ поэзіи Пушкина сдѣлался самостоятельнымъ въ подобно саіту, проникающему всюду, — проникъ въ всѣ другія элементы его поэзіи, — этотъ-то элементъ и есть произведеніе непосредственной способности поэтически воспринимать впечатлѣнія действительности и воспроизводить ихъ, облачая ихъ фантазіи, въ поэтическихъ образахъ, — способности, которая составляетъ творческій талантъ. Этотъ талантъ продолжаетъ и въ концепціи дѣлаго создавая, и въ идеяхъ, и въ чувствахъ, и въ стихѣ, которые прежде всего должны быть поэтическими. Поэзія и стихотворство — двѣ вещи совершенно-различныя, потому-что въ стихѣ бывають достоинства внѣшнія и внутреннія: можно поддѣлаться подъ стиль Пушкина, но легче создать свой собственный стиль, поутрачиваю-

щій его стиль, нежели усвоить его стиль, потому-что сила, энергія, упругость, гибкость, прелесть, гармонія, живость, звучность, гармонія, живость, энергія и пластичность его стиха происходятъ не отъ внѣшней его оболочки, а отъ внутренней его живности, отъ тѣхъ идеаловъ изъ него творческая власть и сила поэта.

Вотъ мысли, на которыхъ названо дѣло насъ чтеніе стихотвореній г. Губера. Въ этихъ стихотвореніяхъ мы увидѣли хорошо-обработанныя стихи много чувства, еще больше неподдаваемой грусти и меланхоліи, ума и формы заданности; но, признаемся, очень мало замѣтили поэтическаго таланта, чтобы не сказать, совсѣмъ не замѣтили его, Владѣ ерши, которое чувствуетъ, какъ умъ, который на старомъ мыслить, сколько разрабатываетъ, а е. разумаешь о собственнакъ чувствѣхъ и собственнакъ мысляхъ, — и вдругъ фантазія, которая творитъ субъективности, какъ выраженіе личной личности, которая на все кладетъ свой отпечатокъ и все перерабатываетъ своею самостоятельностью, итъ и слѣдуетъ и признаковъ въ стихотвореніяхъ г. Губера; а между-тѣмъ, сколько найдется критиковъ, которые назовутъ его субъективнакъ поэтомъ, не понимая значенія этого эпитета! И не мудроно: г. Губеръ воспринимаетъ больше своимъ собственнымъ страданіемъ, своимъ ощущеніемъ, своимъ чувствомъ, своею судьбу, словомъ — самого-себя. Но это совсѣмъ не субъективность, хотѣ въ та же время совсѣмъ не объективность: это скорѣе объективированный эгоизмъ. *Мошля Матери, На Кладбищѣ, Три Словоидыя, Странленіе, Путь Живыи, Три Слова, Перевъ Бризантѣ, Почалъ Вдохновенія, Друзья, Моя Гробница, Перепутье, Душь, Ревность, Молитва, Благовѣсть, Одиночество, Мертвая Красавица, Жалоба, Въ минуты скорбныя и тѣла и волненій, На Походѣ, Мошля, Безсонница, Когда въ гонимы чепышамъ, Псалъ, Вассветѣ, Кладу А. И. Салтыкову, На чужой Мошля, Проклатіе, Стран-*

мих: вотъ 29 стихотвореній (изъ числа 30-ти, составляющихъ всю книжку), въ которыхъ авторъ говоритъ о самомъ-себѣ. Да какой же поэтъ больше всего не говоритъ о самомъ-себѣ? Вѣдь поэтъ потому и поэтъ, что онъ всю дѣйствительность проводитъ черезъ свое Я, чтобъ она прошла изъ него какъ очищенное золото изъ горнила? — Такъ; но на это нужно имѣть право. А не то тогда какъ-разъ скажетъ поэтъ: «Вы несчастны? — а намъ какое дѣло? Мы тоже несчастны». Въ-самомъ-дѣлѣ, что вы, поэтъ, скажете о себѣ столь интереснаго, чтобъ васъ могли съ участіемъ выслушать вотъ эти люди, которые сидятъ вѣсть съ вами въ этой комнатѣ, и каждый изъ нихъ занятъ своимъ разговоромъ, своимъ интересомъ? Вотъ этотъ изъ нихъ тоже рыдалъ надъ могилою матери; этотъ оцкакалъ кончину любимой женщины, составлявшей счастье его жизни; этотъ глуво влюблялся, нелѣпо тратилъ силы души; этотъ страдалъ по непреклонной красавицѣ, хотѣлъ застрѣлиться, а кончилъ женитьбою по разсчету и охладѣлъ къ женщинамъ и къ любви; этотъ обманулся въ своихъ идеалахъ, а этотъ въ разчетахъ своего самолюбія, и всѣ они, каждый по своему, озлоблены противъ жизни, людей и самихъ-себя... Что вы скажете имъ о себѣ такого, за что бы признали они васъ выше самихъ-себя? Нѣтъ, они сжажутъ вамъ:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или дѣтъ!

А не то, отвѣтитъ вамъ вашими же стихами:

Какое дѣло намъ до суетныхъ желаній
Любви восторженной твоей,
Или до жалкихъ ранъ, до мелочныхъ
страданій
Твоихъ бессмысленныхъ страстей?

Да прогнать они большому поколѣнью
Глаголомъ гнѣва и стыда:
Да соберутъ они бездѣйствіемъ и лѣнью
Вашею-же стада!
Въ годную тѣлкую, въ минуту близкой
брани

Мы ждемъ покаянія изъ мечу,
Но вы, недружные плѣцы своихъ страданій,

Вы дѣти, намъ не по плечу!
Что общаго у насъ? Намъ ваши пѣсни
чужды,

Намъ ваши жалобы снѣжны,
Вы платите шутя, а намъ другія
жизни,

Другія слезы намъ дамы.

Мимъ не хотимъ ни слезъ, ни покаяній,
вспомонокъ,

Долой, нустье воркуны!
Вы не нарушите святой, судьбы гра-
дусныхъ

Глухо-полной тишины.

Это будетъ жестоко съ ихъ стороны; но не забудьте, что, подобно вамъ, они люди озлобленные, и о глэдбницѣ и смерти думаютъ чаще, нежели о счастьи, любви и другихъ обманахъ сердца и фантазіи...

Поэтъ тогда только имѣетъ право говорить толпѣ о себѣ, когда его звуки покоряютъ ее невѣдомою силою, знакомятъ ее съ новыми страданіями, съ новыми блаженствами, нежели какое знала она, и даже ея собственное, знакомое ей страданіе и блаженство передаютъ ей въ новомъ, обогороженномъ и очищенномъ видѣ. Но для этого надо стоять цѣлою головою выше этой толпы, чтобъ она видѣла васъ наравнѣ съ собою... Таковы бывають истинно-субъективные поэты... Ощущенный эгоизмъ, въ-чужо рождающійся въ пустотѣ своего скучнаго существованія и выносящій оттуда одни стоны, хотя бы и искренніе, теперь никому не новость, и всѣмъ кажется послышимъ...

Для образчика поэзіи г. Губера и для повѣрши нашего сужденія о ней, выписываемъ цѣлыя три пьесы.

Началь Вдохновенія.

Остановись, мой грозный гений!
Зачѣмъ меня покинулъ ты?
Отдай мнѣ тайну вдохновенія,
Валдешный звукъ твоей мечты.
Ты прачелъ, спугнулъ мой суровый,

Ты чужды любви, ты врагъ людей;
 Но излюбилъ ты жизни новой,
 Ни новой радости моей.
 Но въ тяжкій часъ сердечной муки
 Ты бѣдняка не забывалъ,
 Ты приносилъ живые звуки,
 Ты вѣспѣвалъ грустнымиъ научалъ.
 О, сколько звучимыхъ вѣспѣній
 Моемъ печалю ты дарилъ,
 И сколько бурныхъ вдохновеній,
 Горючихъ слезъ, тоски, мученій,
 Ты вѣстѣ съ ними приносилъ!
 Прощая печаль души метежной;
 Среди волненій и скорбей
 Нежданый лучъ надежды вѣшной
 Всплеснулъ надъ жизнью моей.
 Я тихо гостю улыбнулся
 И сладко плакать стало мнѣ,
 И обновленный, я проснулся
 Въ святой, зачѣтной тишинѣ.
 Но вдругъ тогда, мой грозный гешъ,
 Меня съ тоской покинулъ ты!
 И на роскошныхъ мечтахъ
 Не стало прежнихъ вдохновеній.
 Ты отнял ихъ — онѣ твои
 О, возврати — мнѣ жаль разлуки —
 О, возврати мнѣ эти звуки
 И пѣсни грустными мои!
 Но нѣтъ! прости, ты жгешь, тревожишь,
 Страхую твоихъ волненій я:
 Ты тихій миръ мой уничтожишь,
 Разрушишь прелесть бытiя.
 Оставь меня, суровый гешъ,
 Въ моей зачѣтной тишинѣ;
 Твоихъ ужасныхъ вдохновеній,
 Твоей тоски не нужно мнѣ!
 Но если та же грусть, какъ прежде,
 Въ большое сердце упадетъ,
 И въ чудной, сладостной надеждѣ
 Душа отрады не найдетъ;
 Но если съ пышными мечтами
 Разстанусь я въ тоскѣ пѣмой,
 И горе жгучими слезами
 Покроетъ взоръ туманный мой:
 Тогда отдай, мой другъ суровый,
 Отдай мнѣ горести мои!
 И я проснусь для пѣсни новой,
 Неукротимой и суровой,
 Какъ вдохновенiя твои!

Расчетъ.

Когда развертываю я
 Печальный свитокъ жизни бѣдной,
 И тотъ пустаго бытiя,
 И бесполезный и безвредный,

И мимо памяти моей
 Пройдетъ обычной чередою

Холодный рядъ безвѣстныхъ дней,
 Съ его томительной тисотой;

Тогда рождается во мнѣ
 Вопросъ обиднаго сомнѣнiя:
 Ужели въ страшной тишинѣ
 Мой вѣкъ прошелъ безъ назначенiя?

Или окутанъ суетой
 Я цѣлм тайной не замѣтилъ,
 И ни единою чертой
 Духовной жизни не отбѣтилъ?

И мнѣ благая часть дана —
 Но я надъ нею тернъ посѣялъ;
 И ни одного зерна
 Не возрастилъ, не возлелѣялъ.

Я своевольно издержалъ
 Мои божественныя силы,
 И нилѣ мертвый капиталъ
 Несу къ дверямъ моей могилы.

У этой пропасти безъ дна
 Со страхомъ жизнь мою объясню:
 Я ни одного зерна
 Не положилъ въ родную землю.

Ни чѣмъ я жизни не вознесъ,
 Ни чѣмъ я жизни не украсилъ;
 Я дни мои отъ горькихъ слезъ,
 Отъ мыслей дѣнь обезначилъ.

Не ежели, какъ влдый сонъ,
 Мой вѣкъ и суетенъ и мраченъ,
 Зачѣмъ по крайней мѣрѣ онъ
 Грѣхомъ могучимъ не означенъ?

Зачѣмъ не внесъ онъ новыхъ радъ
 Въ глухую повѣсть человека? —
 И двинулъ бы благой обманъ
 Пружинамъ дремлющаго вѣка!

Но нѣтъ, и днкъ и темень онъ,
 Безъ вдохновенiя и силы,
 Однообразный, влдый сонъ,
 Могла жизни до могилы.

Проклятiе.

Я вижу, смерть близка; болѣзненные
 силы

Последней вымкнули борьбой.
 Я встрѣчусь наконецъ на ступеняхъ
 могилы

Съ неумолимою судьбой.

И нилѣ, рядомъ съ ней, мнѣ хочется
 повертѣ

Ихотъ пустого бытія.
 Не буду съезжать, не стану лицемерить
 И страхомъ не унижусь я.

Прощаясь съ жизнью, въ урочный часъ
 разлуки,

Надъ мною никогда шутить;
 Не полную тревогъ и слезъ и тайной
 муки

Я не могу благословить.

Я прокляну ее за то, что съ колобелю
 Я былъ игралищемъ судьбы,
 За то, что дни мои я превологъ безъ
 цѣли

Въ тревогахъ суетной борьбы.

Я прокляну ее за длинный рой видѣ-
 ній,

Игравшихъ жизнию моею,
 За безконечный рядъ кошмарныхъ заб-
 лужденій
 И неразгаданныхъ страстей;

За то, что всё мое мечты и утешенья
 Она презрѣнью обрвала,
 Что не повалила ни одного желанья
 И горькихъ слезъ не поняла;

За то, что душу я стравою сомнѣнья,
 Что, сердце аломъ нацѣвляя;
 За то, что никогда въ душѣ благопо-
 венья

Ни для кого не наводила;

Что для за толпой, я по тропѣ казирой
 Не бросаю яркаго слѣда;
 Что не оставляю я ни мысли плодотворной,
 Ни благороднаго труда.

Я прокляну ее, за все, что въ мірѣ ви-
 дѣлъ,

За все, что въ жизни презиралъ,
 За все, что я любилъ, за все, что неча-
 вивалъ;

Что съ тайнымъ страхомъ предвизвалъ.

Не одна ли и та же это пѣсня? А од-
 но и то же, воля ваша, наскучаетъ...
 И причиною, тутъ есть хорошій стихъ
 (который, впрочемъ, такъ обыкновен-
 нень въ наше время), есть чувство, ес-
 ли хотѣте, даже много чувства, и мы
 вѣримъ искренности поэта, вѣримъ его
 страданію; но гдѣ же поэзія? гдѣ же
 фантазія? гдѣ созданные ею образы?
 Общественныя пьесы г. Губера все-

го лучше поддосерждать строгости
 нашего сужденія. Вотъ дѣла
 нихъ.

Пыганка.

Жива какъ забавя, какъ свѣтъ юны,
 Несется волшебною дѣвою,
 Кружится и пляшетъ, быстротой
 ступицъ,

Подъ звуки роднаго напѣва.

Какъ востучъ легка, поносилъ и
 ступицъ

И тѣшился рѣзвой игрою;
 Дика какъ разарать, задрожавъ, де-
 ступицъ

И манить улыбкой живою.

Жаждой и гнѣ днша,
 Какъ любовь хороша,
 Горача какъ огонь подѣла,
 И мила и стройна,
 Пролетѣла она,
 Минувшею улыбкой днша.

И бѣжить и дѣтнть
 И дрожить и горнть,
 И ревнивый покровъ раздрнть;
 А съ нагаго плеча
 Сорвалася епанча,
 И шума передъ ней упасть.

Вотъ она, днша востока,
 Въ сладострастной красотѣ,
 Живца пышнаго порока,
 Въ цолной дикой наготѣ.

И зоветъ пальцими взоромъ,
 Манить бархатомъ ланнать,
 И любитсѣ позоромъ.
 И хохочетъ, и дрожить.

Вдругъ въ безмолвіи суровомъ
 И стыдлива и скромна,
 Подъ разодраннымъ покровомъ,
 Робко прячется она.

Такъ, настнгнута врагами,
 Чуя гибельную брань,
 Исчезаетъ за кустами
 Перепуганная лавь,

Мигъ — и снова вспыхнетъ дѣво,
 Сладострастія полна,
 И опять подъ звукъ напѣва,
 Какъ огонь, какъ стрѣла, прелетѣла
 ступицъ

Волга.

Безъ младенцевъ безвѣстно,
Одинокъ и дѣка,
Те тиха, то говорлива,
Простынается рѣка.

Оглянулась и выходитъ, —
Даль чужая передъ ней!
Вуря рѣки съ ней заводитъ,
Всегда вѣщи шепчетъ ей.

Вотъ она волной стыдливой,
Чуть колыша въ первый разъ,
Какъ ребенка безвѣстный
Выступитъ на показъ.

Вотъ цюцла и зашумѣла —
Ей подытца удалась,
Вотъ волнами закипѣла
И потокомъ разлилась.

Шобыткая, какъ море,
Широта и глубина,
Ватулилась на пресоры
Наша царская рѣка.

Передъ ней края чужбинны —
Но она не измѣнитъ;
Иногда чужой долины
Сыбайтъ вода не набойтъ.

За предѣлъ родной державы
Наша Волга не пойдетъ;
Свѣтлый поляръ русской славы
Чуждыя страны не обойдетъ.

Видите ли: какъ-скоро попребавалъ
вѣсть смѣтати изъ самого себя и по-
сморѣтъ на мѣръ и на жизнь, — въ его
отклики не стало и чувствъ, а вышлись
одни фразы, да и тѣ довольно-блѣдые
эпиграммы. Въ самомъ дѣлѣ, не-ужель
это мысль, а не фразы, что Волга
течетъ тамъ, гдѣ она течетъ, а не
течетъ, гдѣ она не течетъ?..

У г. Губера вѣселою нѣско посвя-
щенны мѣсту, т. е. дараторства въ
рѣка. Онъ смотритъ на него, правда,
какъ на чедовѣка очень-хорошаго и
прочтеннаго, но только поэта мы въ
немъ все-таки не видимъ. Намъ кажет-
ся, что значеніе поэта не довольно-
дѣрно, ясно и отчетливо понято г. Гу-
беромъ...

Итакъ, въ наше время трудно быть
поетомъ, — темъ же трудно, какъ лег-
ко дѣлать стихи!..

185) Памятница Московскои
Древности, съ пригласительными Очер-
ками междумѣстальной исторіи Москвы и
древнихъ видовъ и планомъ древней столич-
ны. Сочиненіе Павла Снегирева. Изданіе
Августа Семена. Москв. Въ тип. А.
Семена. 1844. Тетрадь десятая, деся-
тая и одиннадцатая. Въ 4-ю д. л.

Отныне тремя тетрадями озаглажен-
ся великолѣпное и въ полной мѣрѣ
нѣжное изданіе «Памятниковъ Мо-
сковскои Древности», вышло въ
1842-мъ году. Честъ и слава почтенио-
му и добросовѣстному издателю нѣтъ!
Г. Семѣвъ, Французъ происхождені-
емъ, поселившись въ Москвѣ и живя
въ ней безвѣстно около 35 лѣтъ,
обнаменовалъ свое пребываніе въ Рос-
сїи многими полезными дѣлами: топо-
графіа его всегда была у насъ одною
изъ лучшихъ; въ ней давно уже можно
было печатать книги даже и на ине-
странныхъ языкахъ, не опасаясь не-
исправности, столь обыкновенной въ
русскихъ топографіяхъ. Съ давнихъ
поръ, г. Семѣвъ былъ для Москвит-
нѣвъ же, чѣмъ нѣкогда былъ г. Пля-
шаръ (отецъ) для Петербурга: оба эти
иностранца нѣкогда содѣйствовали усо-
вершенствованію топографіи нѣ-
русства въ Россіи, и имена ихъ будутъ
всегда памяты въ исторіи русскаго
инженера дѣла. Но г. Семѣвъ, сверхъ
того, заслуживаетъ благодарности и
какъ издатель: много полезныхъ ине-
ратурныхъ предпріятій было издано
и конечно нѣтъ, и каждое отличалось,
какъ полезностью самою, такъ и нѣтъ-
нимъ изяществомъ. Довольно немо-
нить «Жизнисное Обозрѣніе», пред-
принятое имъ въ 1835 году и нѣтъ-
мѣстальныя усѣбхъ до-тѣкъ поръ,
пока г. Семѣвъ былъ его издателемъ.
Наконецъ долговременное пребываніе
свое въ гостепрїимной Россіи, кото-
рой, съ своей стороны г. Семѣвъ былъ
такъ полезенъ, онъ рѣшился остано-
новить изданіемъ конуменальнымъ, и
въ 1842-мъ году, при содѣйствіи по-
койнаго московскаго военнаго генерал-
губернатора, князя Д. В. Голицы-
на, предпринялъ печатаніе «Памят-

низовъ Московской Древности въ такомъ изящномъ видѣ, въ какомъ ни одна книга еще не являлась въ Россіи, — и вотъ начали появляться одна за другою тетради «Памятниковъ», изумля читателей невиданнымъ дотогѣ изяществомъ и вѣрностью рисунковъ. Видно было, что г. Семѣнъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ, чтобъ сдѣлать свое изданіе въ полномъ смыслѣ не только изящнымъ, но и великолѣпнымъ. Онъ взалъ рисунки древностей у знаменитаго академика Солнцева, который, если не ошибаюсь, былъ дѣла надати дѣтъ занимающаго внимательнымъ изученіемъ и копированіемъ древнихъ памятниковъ во всей Россіи: видѣвшіе собраніе рисунковъ въ его портфеляхъ не могутъ удивиться отчетливости и вѣрности его копій съ натурою. Г. Семѣнъ, взалъ нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ, отправился въ Парижъ, гдѣ ихъ отпечатали красками по совершенно-новому способу, который удивительно-вѣрно воспроизводитъ натуру. Дѣйствительно, возьмите любую изъ этихъ отпечатанныхъ красками 23-хъ картинъ, — будетъ ли это иконостазъ Успенскаго-Собора, образъ ли Владимірскаго Богоматери, оладъ ли Евангелія, — вы не только узнаете металлъ, изъ котораго сдѣлано украшеніе, или драгоценныя камни, его покрывающіе, но только прочтете всѣ надписи, но получите полное понятіе о характерѣ цѣлаго, о стилѣ живописи, о грубости или изяществѣ работы; передъ вами не очерки, не блѣдныя копія, но сами маммики, представленныя со всѣхъ сторонъ въ разныхъ видахъ. Смотри на нихъ, въ какъ-будто смотри на самые предметы, или изображаемые: до такой изумительной вѣрности въ копированіи достигъ г. Солцевъ, и съ такою безукоризненною точностью отпечатываютъ парижскіе художники по способу Эгермана! Сверхъ двадцати-трехъ картинъ, г. Семѣнъ далъ три плана Москвы и восемнадцать гравированныхъ и литографированныхъ рисунковъ, изображающихъ большую частію замѣчательныя мо-

сковскія зданія, и потому истребующихъ иллюминирован. Не говоримъ уже о красивомъ форматѣ тетрадѣ «Памятниковъ», чистотѣ оттиска, бумагѣ и пр., — все это вполне соотвѣтствуетъ достоинству цѣлаго изданія; но не можемъ не поблагодарить г. Семѣна за то, что онъ не хотѣлъ подарить русской публикѣ изданіе только изящное и великолѣпное по наружной отдѣлкѣ, съ какими-нибудь легонькими текстомъ, писаннымъ для картинокъ, какъ это обыкновенно дѣлается, — но придалъ ему все достоинство дѣльной, ученой и полезной книги. Самый выборъ литератора для составленія текста показываетъ, что г. Семѣнъ наиревался сдѣлать свое изданіе вполне-удовлетворительнымъ. Въ самомъ-дѣлѣ, ни къ кому лучше не могъ онъ обратиться съ этимъ, какъ къ Ивану Михайловичу Снегиреву, извѣстному нашему археологу и археологу, который знаетъ древнюю и новую Москву вдоль и поперекъ, который неутомимо роется въ архивахъ и въ живыхъ памятникахъ Москвы, и такъ добросовѣстенъ, что ни одного слова не скажетъ, не собравъ напередъ возможныхъ справокъ, не подтвердивъ его основательными доказательствами. Прочтите эти 463 страницъ (или 930 столбцовъ) текста, написаннаго Н. М. Снегиревымъ въ «Памятникахъ» съ разными *pièces justificatives* — это добрая книга почти въ 1000 страницъ, наполненная разнообразѣйшими, любопытными свѣдѣніями — плодомъ обширной начитанности и неутомимой изыскательности трудолюбиваго ученаго! Ода монументальная исторія Москвы занимаетъ у него 107 страницъ: тутъ вы найдете исторію русскаго водчества, церковнаго и гражданскаго, исторію русскаго итейнаго искусства, рудокопства, живописи и живописи разныхъ стилей, ваянія, рѣзбы на камнѣхъ, фризогранной, гѣпной, обральной работы, типографскаго искусства, гравированія, и пр. и пр. Далѣе, передъ вами — соборы: Успенскій, Архангельскій, Бла-

говѣдниковій, Иванъ-Великій, Спасъ-на-Бору, Чудовъ-Монастырь, Церковь Рождества-Предтечи, Церковь Ризъ-Положенія, Синодальный, прежній Патриаршій Домъ, Вознесенскій Дѣвичій Монастырь, Церковь св. Константина и Елены, Благовѣщеніе-на-Житномъ-Дворѣ, придворныя кремлевскія церкви (числомъ 10), Государевъ Дворецъ, Царскіе Терема, Оружейная Палата, Потѣшный Дворецъ, Арсеналъ, Кремлевскія укрѣпленія, Спаскія-Ворота, Кремлевскія-Никольскія-Ворота, Троицкія-Ворота, Покровско-Троицкіи-Соборъ, Лобное-Мѣсто... Все это почтенный археологъ представляетъ намъ съ мельчайшими подробностями, рассказываетъ исторію каждаго памятника и извѣщенія, который онъ подвергался. Вездѣ просвѣчиваетъ у него теплое чувство любви къ русскимъ древностямъ, къ древней Руси, — чувство, иногда доходящее до пристрастія, которое, разувѣется, должно бросать нѣкоторую тѣнь на все не-древнее. Но это простиительно: кто такъ, какъ И. М. Сивиревъ, свылся съ древностью, живя съ ней долго и безпрестанно изучая ее, тотъ легко можетъ къ ней пристраститься и грустить, что повизна тѣснитъ ее...

Спросить, можетъ-быть, почему г. Семѣвъ ограничился только *одинадцатью* тетрадами при изданіи «Памятниковъ» и *сорока-четырьмя* картинами, планами и рисунками, какъ-будто въ Москвѣ только и наберется памятниковъ, тогда-какъ можно было бы набрать не только 400, но хоть 4000? Виѣсто отвѣта, мы желали бы спросить г-на Семѣва: достойнымъ ли образомъ вознаградила его русская публика за всѣ труды и издержки по этому превосходному изданію? Если отвѣтъ его будетъ утвердительный, тогда мы прибѣгнемъ къ нему съ просьбою продолжить изданіе и дать намъ сотни тетрадей подобныхъ изданнымъ имъ теперь; если же онъ сомнительно покачаетъ головою и промолчитъ, — тогда, вздохнувъ о равнодушіи русскихъ чи-

тателей, когда прійдется на дѣлѣ доказать то, что такъ великолюбно говорится въ фразахъ, — поблагодаримъ его за изданное, тѣмъ болѣе, что г. Семѣвъ и общалъ издать только *одинадцать* тетрадей, — общалъ и исполнилъ... Многимъ русскимъ издателямъ можно было бы посоветовать подражать этому совѣстливому, почтенному чужеземцу...

186) Творенія Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіемъ духовнаго содержанія, издаваемыя при Московскои Духовнои Академіи. Годъ третій. Книжка I. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 8-ю д. л.

Третій годъ изданія «Твореній Святыхъ Отцевъ» начался сочиненіемъ Василія-Великаго, архіепископа Кесаріи-Каппадокійскія. Въ первой книжкѣ помѣщены его *Бесѣды на Шестоднезъ*, исполненныя глубоко-христіанскои мудростию, заключающія въ себѣ мудрое, проникнутое духомъ божественной силы, истолкованіе первой главы Бытійскихъ Книгъ Моисея, объясненіе творенія міра, совершившагося въ продолженіе шести дней. Въ прибавленіяхъ къ первой книжкѣ первое мѣсто занимаетъ жизнь Василія-Великаго, прекрасно и подробно составленная. Свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ св. Василія заимствованы изъ собственныхъ его писаній и особенно писемъ, изъ похвальныхъ словъ св. Василію святыхъ Григорія Богослова и Григорія Нисскаго, и изъ другихъ современныхъ и ближайшихъ памятниковъ. Изъ древней нашей духовной литературы помѣщены здѣсь *Правила Святая Геладія о вѣрѣ и жизни христіанскои*. Это писаніе патриарха константиновольскаго напечатано было по повелѣнію царя Алексія Михайловича, и по благословенію Іосифа, патриарха московскаго, въ лѣто 7157 (1647), въ Москвѣ, при *Краткои Катихизмѣ*, изданномъ подъ названіемъ: *Собраніе Краткіа Науки о Артикулахъ Вѣры*. Въ рукописяхъ оно извѣстно въ отечествѣ нашемъ горадо-ранѣе. Въ Троицкои-Сергіевои-Лаавѣ

ося списокъ его въ рукописной книгѣ, выходящей заглавіе: *Златая Цѣль*. писанной на пергаментѣ, но позже XIV столѣтія. Старинный текстъ этого сочиненія переложенъ для читателей на выѣтъное варѣчіе. Два Слова славнаго духовнаго згитіи московскаго, митрополита Филарета, изъ которыхъ, особенно одно, говоренное имъ 12 февраля 1845 года, въ день святителя Алексія, о духовномъ учительствѣ замѣчательно своимъ необыкновеннымъ смысломъ и поставительностію, составляютъ обычное благодѣтельное украшеніе вышедшей ввѣкъ книжки *Твореній Святыхъ Отцовъ*.

187) *Краткое Описаніе Сувѣрній Чувашъ, сочиненное въ 1828 году курляндскимъ соборомъ протоіереемъ Александромъ Протопоповымъ. Истинное и полное бодство и стремляющаяся душою истина. Москва. Въ тип. А. Селиванова. 1844. Въ 18-ю д. л., 24 стр.*

Благотворительная цѣль этой книжки достойна всякой похвалы, тѣмъ что еслибъ даже сама по-себѣ книга не имѣла никакого значенія, то уже одно благо помысленіе, съ которымъ она явилась въ свѣтъ, составило бы немаловажное ея достоинство. Но, крѣпъ этого, често оригинальнаго качества, она имѣетъ и другія болѣе-полезныя. Мелкое и дѣльное изложеніе сувѣрнскихъ понятій и обрядовъ народа, который до-сихъ-поръ остается на самой нижней ступени умственного развитія, показываетъ въ авторѣ человека, который ознакомившагося съ его суданіемъ бытомъ. Сочинитель благоразумно поступилъ, ограничившись краткимъ описаніемъ жизни людей, которыхъ грубая сѣра не представляетъ ничего заманчиваго для наблюдателя посторонняго даже и впередъ имѣющей силы человечества. Вотъ, въ-примѣръ, какими нечѣпными обрядами Чуваша встрѣчаютъ свѣтлое Христово воскресеніе:

«Каждогодно въ вечера субботы отрастныя седмицы во всякомъ домѣ стрѣтъ лачеркумъ кашу д. свѣзъ оной

по-вѣнному, вѣдѣтъ нѣбо, а послѣ, обравившись вмѣстѣ, съ ужасѣмия приконъ бѣгаютъ по аснѣ дворамъ съ рѣбнновыми налками, в. обѣговъ двѣры, выходятъ изъ деревень до какой-нибудь рѣчки или озера, гдѣ оставивъ малки, возвращаются домой, вѣра, что снмъ дѣйствителъ изгоняютъ оны, какъ изъ домовъ, такъ и изъ деревень своихъ, шомтаца нмъ діавола.»

188) *Путеводитель по Государственнымъ Архивамъ, составленный при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ. Составленъ П. Ивановымъ. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1845. Въ 8-ю д. л., 58 стр.*

Трудъ г. Иванова можетъ быть чрезвычайно полезенъ при современномъ направленіи литературной дѣятельности русскихъ ученыхъ, имѣющей цѣлю объяснить исторію нашего отечества. Обзоръ документовъ, хранящихся въ государственныхъ архивахъ, показываетъ явственно съ богатствомъ историческихъ и юридическихъ матеріаловъ отечественной древности. Многорые изъ нихъ драгоценны по своей глубокой давности, восходящей до XIV столѣтія. Государственные архивы при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ суть слѣдующія: Разрядный Архивъ, Архивъ Старыхъ Дѣлъ и Вѣтчаный Архивъ. Въ первомъ хранятся дѣла относительно древняго устройства военной, придворной и гражданской службъ въ неоконченномъ государствѣ, в судныхъ и разсудныхъ дѣлахъ по Разрядному Приказу, в сборѣ лавенныхъ доходовъ. Во второмъ помѣщены дѣла сорочкъ равныхъ присутственныхъ мѣстъ, приказовъ, коллегій, конторъ, канцелясій, комиссій, канцелярій, канцелярій. Здѣсь же хранятся древнія велико-княжескія и княжескія грамматы государей россійскихъ. Наконецъ въ третьемъ, въ Вѣтчаномъ Архивѣ, содержатся документы помѣстной и вѣтчанной системы. Здѣсь хранятся многія грамматы, судныя дѣла, писцовыя, откупныя, дозорныя и

приправочныя книги. Для большаго удобства въ приславіи документовъ, хранящихся въ государственныхъ архивахъ при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ, на концѣ Пудегова-телеа, приложенъ планъ ихъ размѣщенія. Остается только благодарить г. Иванова за его полезный и усердный трудъ.

189) *Очеркъ Литературы Русской Исторіи до Карамзина. А. Старчевскаго. Санктпетербургъ. Вѣстникъ К. Жернакова. 1845. Въ 8-ю д. л., 292 стр.*

Книга важная, полезная, написанная съ знаніемъ дѣла, умно и талантливо. Первоначально, это сочиненіе было напечатано въ журналѣ, и г. Старчевскій очень хорошо сдѣлалъ, издавъ трудъ свой отдѣльно. Для занимающихся русскою исторіею, этотъ «Очеркъ» будетъ настольною книгою; впрочемъ, онъ полезенъ для справокъ и всякому русскому литератору. Весьма-желательно, чтобъ г. Старчевскій не ограничился этою книжкою, но поларилъ русскую литературу и другую, въ которой обзорѣлъ бы литературу русской исторіи отъ Карамзина до нашихъ временъ. Впрочемъ, послѣднія строки первой книжки даютъ надежду, что мы увидимъ и вторую. Дай Богъ, чтобъ это было скорѣе!

190) *Опытъ Исторіи Русской Литературы. Сочиненіе г. профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета доктора философіи А. Никитенко. Книга первая. Введеніе. Санктпетербургъ. Во французской тип. 1845. Въ 8-ю д. л., 152 стр.*

Объ этой книгѣ мы поговоримъ въ отдѣлѣ Критики, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

191) *Русская Исторія. Н. Устрялова. Изданіе третье, въ 5 томахъ и 36 планами. Дѣя части. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 464, во II-й—482 стр.*

Мнѣніе объ исторіи г. Устрялова только одинъ разъ было высказано и полно и откровенно, назадь тому около восьми лѣтъ; съ-тѣхъ-поръ, оно остается неизмѣненнымъ и сдѣлалось общимъ мнѣніемъ. Поэтому, мы не считаемъ за нужное повторять его. Скажемъ только, что третья издачіе этой исторіи могло бы назваться предвосточнымъ въ типографическомъ отношеніи, еслибъ, къ-сожалѣнію, не было обезображено множествомъ опечатокъ, между которыми есть очень важныя: такъ, на-пр., на 102 страницѣ второй части, въ заглавіи, напечатанъ крупною капитальною, вмѣсто: Екатерина I, стоитъ: Екатерина II.

192) *Русскіе Полководцы, или Жизнь и Подвиги Россійскихъ Полководцевъ, отъ Времени Императора Петра Великаго до Царствования Императора Николая I. Изданіе Константина Жернакова. Живописанія составлены Николаемъ Полевымъ. Санктпетербургъ. Въ вѣстникѣ К. Жернакова. 1845. Въ 8-ю д. л., 353 стр.*

Настоящая эпоха русской литературы можетъ быть названа эпохою «предпріятій», безъ всякаго сомнѣнія полезныхъ, если не всегда для публики, то почти всегда для читателей. Типографское искусство въ Россіи много улучшилось въ послѣднее время и вступило въ союзъ съ гравировкою, но особенно съ литографіею или цинктыпажемъ. Намъ остается только научиться писать текстъ для «предпріятій»; но за этотъ дѣло не остается; но крайней-мѣрѣ, мы уже учимся, и достигли до того, что вышевъ его спора и ко времени, сообразно съ заказомъ. Богъ дастъ, окажемъ еще и не такіе усѣхи... По обыкновенію, г. Н. Полевой и тутъ впередъ всѣхъ, какъ застрѣльщикъ.

Русскіе Полководцы—книга, безъ сомнѣнія, полезная. Новыхъ фактовъ въ ней нѣтъ—это исторія чисто-официальная, газетная; но текстъ вообще не дуренъ, не смотря на ярлычатость. На

многое авторъ смотритъ лучше прежнихъ старыхъ писателей, и обо многомъ говоритъ языкомъ, болѣе или мѣнѣе сообразнымъ съ успѣхами нашего времени.

Но таково свойство всѣхъ «предпріятій», что они никогда не бываютъ ни полны, ни окончены, ни округлены. Оно и естественно: работа случайная и заказная, а не трудъ задушевный и свободный. Г. Полевой написалъ для книги г. Жернакова только двѣнадцать біографій: Петра-Великаго, Шереметева, Меншикова, Миниха, Румянцова, Потемкина, Суворова, Кутузова, Барклая де-Толли, Витгенштейна, Дибича и Паскевича. Не-уже-ли жгутъ всѣ русскіе полководцы, отъ Петра-Великаго до нашихъ дней? Нѣтъ, самъ составитель это знаетъ не хуже насъ; но странно, что онъ нашелъ достаточнымъ извѣщеніемъ въ неполнотѣ «предпріятія» слѣдующее объясненіе: «Объяснѣ нашихъ очерковъ не позволилъ намъ представить дѣяній многихъ памятныхъ *осежденачальниковъ* ополченій русской земли, каковы: князь *М. М. Голлицынъ, Ласси, Ферзенъ, Долгорукій-Крымскій, князь Н. В. Рюминъ, Батраковъ, Милорадовичъ, Беннигсенъ, Торماسовъ, Сакенъ*. Еще мѣнѣе могли мы исчислить подвиги героевъ, которые, какъ спутники планеты, всегда окружали полководцевъ русскихъ, отъ Петра до Николая, были въ честь и благоденствіе русской земли: на сотняхъ, тысячахъ полей Россіи, Европы, Азіи, и вносили знамена Русскія въ Парижъ, Варшаву, Берлинъ, Кенигсбергъ, Дрезденъ, Туринъ, Миланъ, Неаполь, Римъ, Амстердамъ, Кассель, Тавризъ и Адрианополь.» Хорошо; но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ не сказать было въ главѣ книги, вмѣсто *жизни и подвиги российскихъ полководцевъ*, — *жизни и подвиги* нѣкоторыхъ российскихъ полководцевъ? Развѣ для того, чтобы не повредить успѣху «предпріятія»?.. Заглавіе книги вообще составлено неловко: сперва *русскіе*, а потомъ *россійскіе* полководцы. Въ текстъ вставлено

много предлохихъ старинныхъ стиховъ, въ родѣ слѣдующаго:

Довольно таковыхъ сыновъ родитъ Россія!

Зачѣмъ это?—Изданіе книги соотвѣтствуетъ характеру «предпріятія», т. е. оно прекрасно и оригинально. Жаль только, что ненужное и противное нравламъ здравой орфографіи употребленіе заглавныхъ буквъ въ прилагательныхъ, происходящихъ отъ собственныхъ существительныхъ, и въ названіяхъ мѣсяцевъ, пестритъ и безобразитъ печать. Портреты очень хороши, по отдѣлкѣ, и должно быть, очесходны съ тѣми, съ которыхъ сняты.

193) Взглядъ на современное положеніе Уголовнаго Законодательства въ Европѣ. *Сочиненіе П. Дегаля. Въ тѣх. К. Крайя. 1845. Въ 8-ю д. л., 100 стр.*

Эта брошюра служитъ новымъ доказательствомъ, что авторъ ея и посреди важныхъ трудовъ государственныхъ не покидаетъ науки, которой съ такою успѣхомъ были посвящены первые годы его молодости. Взглядъ на современное положеніе уголовного законодательства былъ начатъ въ одномъ изъ журналовъ нынѣшняго года и теперь перепечатанъ отдѣльно. Какъ журнальная статья, этотъ взглядъ не безъ достоинствъ; даже въ видѣ отдѣльной брошюры онъ можетъ быть употребляемъ съ пользою въ учебныхъ заведеніяхъ, при повтореніи воспитанниками вѣтшей исторіи европейской кодификаціи. Безъ всякаго сомнѣнія, требованія журнальной статьи и самая краткость, о которой видимо заботился авторъ, были немаловажною причиною ея недостаточности во многихъ отношеніяхъ. Но съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что и самая задача, которую предположилъ себѣ авторъ, въ настоящее время рѣшительно невыполнима для силъ одного человека. О сравнительной юриспруденціи, или, лучше сказать, о наукѣ сравнительнаго законодѣвія, было писано очень много; не смотря на то, матеріаловъ, въ не-

торых со временем можно было бы воздвигнуть стройное ее здание, почти шты. Литература ее въ этомъ отноше- нии ограничивается весьма- незначи- тельнымъ количествомъ монографій, въ главѣ которыхъ стоитъ знаменитое сочиненіе покойнаго Гааса: «das Erb- recht in weltgeschichtlicher Entwik- kelung». И потому мы полагаемъ, что авторъ сдѣлалъ бы несравненно-луч- ше, еслибъ избралъ какой-нибудь от- дѣльный предметъ права и прослѣдилъ развитіе его во всѣхъ нѣвѣстныхъ за- коноводствахъ, присоединивъ къ нимъ и наше отечественное, необходи- мо ускользящее у западныхъ сочи- нителей монографій. Это былъ бы трудъ не блистательный, правда, но за то прочный, безкорыстный и основа- тельный, а это — не послѣднія каче- ства и въ наукѣ и въ литературѣ.

194) Словарь Русскихъ Свят- скихъ Писателей, *соотечественни- ковъ и иностранцевъ. Сочиненіе митро- полита Евгенія. Изданіе Москвитяни- на. Двѣ тома. Москва. Въ универси- тетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 328, во II-й 290 стр.*

Первый опытъ собранія нѣвѣстій о жизни и трудахъ писателей сдѣлалъ Николай Новиковъ: онъ выдалъ *Краткій Словарь*, писанный по азбучному порядку въ 1772 году. По его примѣ- ру, покойный кievскій митрополитъ Евгеній, въ томъ же порядкѣ, напеча- талъ въ *Другъ Просвѣщенія* 1805 и 1806 годовъ пространнѣйшій и полезнѣйшій, въ сравненіи съ первымъ, *новый опытъ такого словаря отъ А до К*, который служилъ матеріаломъ для нашихъ ли- тераторовъ. Отдѣливъ духовныхъ рус- скихъ писателей, митрополитъ Евгеній выдалъ *Словарь Историческій о бы- шихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской церкви*. Изданіе втораго словаря (писателей свѣтскихъ) представлялъ онъ Н. М. Снегиреву, который, вмѣстѣ съ покойнымъ кни- гопродавцемъ Ширшовымъ, и началъ было изданіе, доводя его до буквы Г включительно. Митрополитъ Евгеній

кончилъ первоначально своей трудъ еще въ 1812 году. Въ «Словарь» его во- шли: 1) Русскіе умершіе писатели, со- чинавшіе не только на природномъ, но и на другихъ языкахъ, и заслужив- шіе вниманіе публики изданіемъ сво- ихъ сочиненій; 2) самые иностранцы, въ Россіи водворившіеся и для Россіи- нивъ что-нибудь писавшіе, хотя бы то было и не на русскомъ языкѣ; 3) рус- скіе переводчики. — Г. Снегиревъ, на- давшій первый томъ «Словаря», сдѣ- лалъ, по соизволенію митрополита Еве- генія, многія дополненія къ его ста- тьямъ, присвокупилъ новыя статьи, привелъ нѣвѣіа нѣвѣстныхъ авторовъ о духѣ и достоинствахъ сочиненій и со- чинителей, указывая на источники. Источниками же ему служили русскія и иностранныя газеты и журналы, академическія записки, каталоги книгъ и лекціи. Для собранія свѣдѣній о жи- зни и трудахъ писателей, входилъ онъ въ сношеніе лично, намъ заочно, по- средствомъ переписки, съ ихъ род- ственниками, друзьями, сослуживца- ми, современниками. Однимъ словомъ, онъ исполнялъ свое дѣло честно, до- бросовѣстно и заботливо, какъ и сдѣ- дуетъ востунать изъ уваженія къ свя- тости науки и къ трудамъ писателей.

Послѣ Н. М. Снегирева принялся за дѣло г. Погодинъ вотъ какииъ обра- зомъ: «Я убѣдилъ владѣльца рукопи- си, г. Снегирева, уступить мнѣ свое право изданія и *мимрегадла* (!) обра- титься къ нашимъ академіямъ и уче- выиъ обществамъ съ просьбою о по- собіи для изданія; но послѣ, рассу- дивъ, что это обращеніе помететь незначуемо къ пространннмъ рассу- жденіямъ и перепискѣ, и отдалить время изданія книги, полезной и не- обходимой въ наше время, рѣшился воспользоваться *средствами Москви- тлики* (!?), и издаю теперь словарь, безъ малѣйшей перемѣны противъ ру- кописи сочинителя. Дополненія, при- надлежащія другимъ лицамъ, *могутъ и должны быть* (!!), по моему мнѣнію, изданы особо. Всякій, кто хотя сколько-нибудь знающъ съ манерою г. По-

голова доминать, переводить, наладить, — вслѣдствіе, безъ предисловія и нашихъ словъ, уже знаютъ, что намѣреніе осталось намѣреніемъ, что обращеній къ академіямъ и обществамъ никакихъ не было, что дополненій, которыми могутъ и должны быть, конечно не будетъ.

Мы не знаемъ, что разумѣлъ г. редакторъ подъ словами: «Я рѣшился воспользоваться средствами Московитина?» Довольно ли далъ ему «Москвитиницъ» на подаче, или помогъ ему издать кое-чего? По некоторымъ причинамъ нельзя допустить первого, и потому, вѣроятно, редакторъ разумѣлъ второе. Митрополита Евгеній, обремененный дѣлами и дѣлами, непрерывно совершенствовалъ свой трудъ (полезный и необходимый въ наше время): онъ вставлялъ вѣстия о оценщикахъ, которые означивали пришею свою жизнь, и даже тѣхъ, которые жили. Хотѣ бы этотъ прекрасный принципъ трудолюбія увлекъ г. Погодина, вставляющій его поименно или именованіемъ въ некоторые статьи объ умершихъ писателяхъ, прилежитъ вѣстия о тѣхъ, которыхъ умерли послѣ митрополита Евгенія, и представить хоть краткіе очерки литературной дѣятельности тѣхъ, которые и теперь вправда существуютъ. Ничего не было! Нѣтъ даже имени А. Пушкина! Живые едва-ли скажутъ ему спасибо за непочтительность изданія... При г. Федорѣ Главнѣ состоитъ, какъ его прозвѣдены, только: «Отрывки поэмы въ Русскомъ Вѣстникѣ», да «Письма Русскаго Оперера». Гдѣ же «Опыты Священной Певені», «Очерки Бородинскаго Сраженія», поэма «Карелія», и, когда она кончена, теперь забыта? Вотъ вамъ плоды обязательной дружбы!.. Дмитріевъ, Иванъ Алексѣевичъ, по извѣстію «Словаря», профессоръ геологіи, тогда-какъ извѣстно, что онъ читалъ лекцію, а потомъ богачику; и въ трудѣ его забытъ журналъ «Математическаго Естественныхъ Наукъ», издававшійся въ нѣсколько лѣтъ не безъ успеха. Все это умелъ ли по извѣ-

стие г. Погодину, большому члену университета, въ которомъ Дмитріевъ былъ секретаремъ общества, а потомъ редакторомъ?... А Дмитріевъ, Иванъ Алексѣевичъ? Полукажется, что онъ и теперь живетъ. Сочинитель говорить о немъ изъ 1806 году, а г. Погодина не представляетъ ничего послѣ 1806 года. И много множество подобныхъ небрежностей оказывается со стороны редактора, который долженъ знать не хуже другихъ, что «Словарь», написанный въ 1812 г., требуетъ дополненій въ 1884, чрезъ 72 года послѣ того, какъ былъ составленъ. Наконецъ, почтенный редакторъ не позаботился даже о томъ, чтобы свести совершенно бисеромъ митрополита Евгенія. На стр. 17, в 8-й строѣ, говорится: «Здѣсь означены собственныя вѣстия изъ Кирова...», а передъ этимъ словами, в 6-й строѣ, напечатано: «Митрополитъ Евгеній сманился отъ праткопрестольной болѣзни». Какъ же это могло? Не-умелъ ли въ собственныя жизнеисписанія митрополита находить вѣстия о его колѣннѣ?..

Вотъ какъ выдавались и выдаются г-нъ Погодинъ всѣмъ литературнымъ произведеніямъ, стоявшимъ наготовѣ трудовъ! Онъ, видите ли, не знаетъ никакихъ словъ, дѣлаетъ все по-нашему. Кому собственно принадлежатъ юны коротенькое предисловіе, написанное отрывками и урывками.

Впрочемъ, зрѣніемъ подобныя и подобныя отираются престо. «Желаю и нѣрѣ силъ и средствъ своихъ сдѣлать статью основательному наученію древней и старей Русской Словесности, подвѣржающейся нынѣ такъ величайшѣ (г. Погодина могъ бы прибавить: публицизму) толканію, а я рѣшилъ это изданіе, — но атомно не рѣшилъ свое право со всѣми именами и именами покуда угодно изъ вашихъ книгопродавцевъ и владельцев, съоруженно на тѣхъ же условіяхъ вѣстия о стенихъ изъ младашину и типографіи и нашихъ документально и самъ вѣстиямъ свое. Эти слова написаны

дана прибавный отъезд одного великого чиновника. Въ убаданомъ герольдическомъ востанъ какой-то губернской двавой человекъ, очень-ласковый, готовый на всѣ объѣды и вечерники, свисходительный! До того, что надобно до смерти радушнннть жителей. Мелкій чиновникъ, добрыйшій какъ-пельза-больше, прощансь съ нимъ вырзался такъ: «Много обявали насъ, вапе (здесь слы-хуетъ титулъ); вѣкъ не забудемъ вашиаъ ласкъ и милостей, и впередъ вросамъ пощщать насъ какъ-можно-чаще; *одлакожъ* прощайте.» Точно то же бынасть съ нѣкими вездателями: они желаютъ ревностно и безкорыстно со-дѣйствовать основательному изученію наукъ вообще, исторіи и словесности въ-особенности; *одлакожъ* охотно усту-пятъ и право и экземпляры — кому-угодно — на вѣдѣстныхъ документаль-ныхъ условіяхъ...

195) Генеральная Карта Евро-пейской Части Россійской Имперіи (.) *съ показаніемъ почтовыхъ дорогъ и раздѣленій на вѣрстахъ между городами. Дноиъ имперіални и имперіални (.) съ обозначеніемъ оселенной дороги отъ Петербурга до Москвы. Санктпетербургъ. 1845.*

Небольшая ручная карта, очеви-днѣе для справокъ, хотя и не со-вѣтнть-воинна (какъ, напр., обозначены не только Оренбургъ, но и Стрѣль-на и Гатчина, а Петергофа нѣтъ). Но особенный интересъ дваетъ этой картѣ то, что на ней показана желѣзная до-рога между Петербургомъ и Москвою, ставши на ней, съ означеніемъ числа верстъ, и. Велосипъ шоссе, должнъ-стнующія соединить съ нею разлнч-ныа вѣста. (въ сложности 186 верстъ). Это еще первая карта, на которой проведена между Петербургомъ и Мо-сквою: она рѣкала черная черта, прнма-кнть стрѣла, и только за Тверью къ Москвѣ помноже-выгнувшаяся въ об-веру, — эта черта, при взглядѣ на по-террнъ: шоссе и радостно бьется рус-ское сердце...

196) Галерея Портретовъ ннцо царствующиа особы. Изданіе второе, съ имперіалниъ. Москва. Въ тѣхъ, сна-роисчтанія В. Кириллова. 1845. Въ 18-ю д. л. 22 стр.

Это не портреты, а некаменія пор-третовъ, доходящее до невѣроятности. Гдѣ издатели подобныхъ книгъ от-казываютъ тѣмъ художникамъ или сврѣдлнма поедрнма: рыбахъ рыба-ла знатнть ннъ делена? Почаѣ, ннмѣду царствующей особы, слѣдуетъ потахъ число жителей и провинціалнй страны и календарь и географія вмѣстѣ — на 18 страницкахъ.

197) Творца Финансовъ. Сочиненіе Ивана Горлова, докт. филос., ордин. проф. полит. экном. и статистикн при Императорскомъ Казанскомъ Унвер-ситетѣ. Изданіе второе, имперіал-ное и умноженное. Санктпетербургъ. Въ тнхъ. Ц. Глазунова и Кома. 1845. 227 стр.

Сочиненіе г. Горлова для насъ ка-жется замѣчательнымъ по двумъ при-чинамъ: во-первыхъ, какъ довольно-рѣдкое явленіе въ нашей современной литературѣ, отнѣченное печатью ис-тнннчн-добросовѣтнаго, ученаго труда и азанія; во-вторыхъ, потому-что оно касается однихъ изъ живыхъ струнъ современной жизни, составляя, можно сказать, дополнение и приложение къ государственной жизни началъ поли-тической экноміи, о которой у насъ, къ-несчастію, нѣтъ ни одного порядоч-наго сочиненія. А потому мы преддо-дагнемъ когда-нибудь посвятить раз-бору его особую статью.

198) Краткое Начертаніе Топо-графической Анатоміи. Сочиненіе Зегера. Тетрадь вторая. Москва. 1845., Въ 8-ю д. л. 75—154 стр.

Въ первой тетради напечатано бы-ло описаніе органовъ головы. Во вто-рой ея описаніе кончало, и ннчато на-лаженіе составныхъ частей груди.

199) Хранитель Воды, или прозо-сходное діететическое и удивительное...

чебное средство, или лечебныя свойства холодной воды и ея употребленіе для сохраненія здоровья и ея возстановленія, соч. Гросса. Съ иллюстраціею, изображающею различныя способы употребленія воды, по методу Пристича, въ Грейфенбергѣ. Москва. Въ университетской тип. 1845.

Сочиненіе Гросса, въ свое время, имѣло блистательный успѣхъ. Первое его изданіе, напечатанное въ числѣ 1,500 экземпляровъ, разошлось въ три мѣсяца. Журналы назвали его народною книгою. Теперь манія неистоваго водолеченія поутихла; и нѣкоторые изъ коренныхъ Русскихъ даже предпочитаютъ ему систему винолеченія, и потому едва ли творенію Гросса придется также горячо теперь. Переводъ книги безграмотенъ и можетъ быть вреденъ, потому что подаетъ нѣкоторымъ особамъ мысль лечиться самоучкою, безъ совѣтовъ доктора, а съ помощью полу-судальской картинки, на которой ничего не увидишь, кромѣ голыхъ людей въ различныхъ положеніяхъ. Кстати о послѣднемъ словѣ. Переводчикъ, доказывая вредъ отъ употребленія горячихъ напитковъ, говоритъ, что «вредныя слѣдствія умирнаго (?) употребленія вина зависятъ отъ тѣлеснаго неохотенія (!) его употребляющаго». То-есть, зависятъ отъ-того, какъ ам его питье: стоя, сидя, или лежа. Такъ выходитъ по смыслу перевода. Дальше, по поводу употребленія вина дѣтми, прилагается слѣдующій совѣтъ: «если когда-либо случится имъ выпить стаканъ (!) цѣльнаго, то надобно, чтобъ въ слѣдъ за этимъ она выпивали двойное количество воды». Въ оригиналѣ, вѣроятно стоятъ «рюмка». Если дѣти пьютъ стаканами, чѣмъ же будутъ пить взрослые? бочками сороковыми?...

290) Отчетъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Главнаго Общества Улучшеннаго Овцеводства за 1844 годъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 3-ю д. л. 112 стр.

291) Отчетъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства въ Москвѣ, за 1844 годъ. Москва. 1845. Въ тип. Н. Смирнова. Въ 8-ю д. л. 29 стр.

Въ первомъ отчетѣ четыре статьи: Донесенія секретаря Общества о дѣйствіяхъ Общества Сельскаго Хозяйства и трудахъ его членовъ, и три отчета: по земледѣльческой школѣ и по учебно-практической хутору, по обществу овцеводства, въ денежныхъ суммахъ обществъ.—Во второмъ тоже четыре статьи, или отчета: по Обществу Садоводства, собственно, по школѣ Садоводства, по имѣнію Студенецъ, и о приходѣ, расходѣ и остаткахъ суммъ.

292) Отчетъ Волганаго Экономическаго Общества за 1844 годъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. Крайла. Въ 8-ю д. л. 46 стр.

Этотъ отчетъ былъ читанъ въ годовомъ собраніи общества, 13 марта нынѣшняго года, неперѣннымъ секретаремъ его и начинается словами: «Общество вступивъ въ 80 годъ своего существованія, чѣмъ ни одно изъ нынѣшнихъ земледѣльческихъ обществъ еще похвалиться не можетъ, и пр.... Конечно, и это уже важная заслуга: 80 лѣтъ существованія, ознаменованныя дѣятельностью, даже болѣе обширною и полезною, нежели дѣятельность Общества за послѣдніе годы, не бездѣлица. Но будемъ надѣяться, что Общество, вдохновенное воспоминаніемъ о прежней своей дѣятельности, выступитъ на новое поприще принятіемъ нѣрз существовавшия полезныя въ настоящемъ положеніи нашего сельскаго хозяйства. Въ истекшемъ году много Обществомъ сдѣлано, но еще болѣе остается сдѣлать», говоритъ г. неперѣнный секретарь въ заключеніи отчета. Такъ; еще много остается сдѣлать, и мы всегда съ радостію отмѣтимъ на своихъ страницахъ всякія начинанія Общества на поприщѣ богѣе дѣятельныхъ нѣрз къ успѣху нашей земледѣльческой промышленности.

293) **Объ Оброчныхъ Работникахъ, или совершенно новымъ образомъ взиманія помѣщичьихъ повинностей съ крестьянъ.** Сочиненіе П. Поздюнина, действительнаго члена Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л., 34 стр.

«Оброкъ» и «барщина» суть двѣ существующія у насъ формы взиманія помѣщичьихъ повинностей съ крестьянъ. Г. Поздюнинъ нашелъ и ту и другую неудобными и придумалъ «совершенно-новый образъ», который есть среднее между ними и, по утверженію сочинителя, имѣетъ удобства той и другой, не имѣя неудобствъ ни той, ни другой. «Да это истинная находка!» подумаете вы: «да такимъ-образомъ» г. Поздюнинъ разрѣшилъ самую трудную задачу русской политической экономіи; что же это такое, что? говорите скорѣе! Но позвольте, милостивые государи, дайте рассказать все дѣло по порядку; тогда вы увидите, что это не такая еще важная находка и не такое важное изобрѣтеніе. Г. Поздюнинъ началъ съ того, что сталъ разсматривать сравнительныя выгоды и невыгоды оброчнаго и барщиннаго положенія крестьянъ; онъ нашелъ, что, при барщинной системѣ, главная невыгода въ томъ, что трудъ крестьянъ не есть принужденный, направленный собственными правами и склонностями работника; сверхъ-того, барщинныя крестьяне не могутъ обойтись безъ пособій и подалій со стороны помѣщика, а это подаліе, по выраженію г. Поздюнина, «унижаетъ человека и дѣлаетъ его безправнейшимъ, дурнымъ». Оброчное положеніе крестьянъ не представляетъ этихъ неудобствъ, но за то имѣетъ другія. «Оброчные крестьяне несправно платятъ оброкъ; доходы помѣщика отъ оброчныхъ крестьянъ менѣе доходовъ, получаемыхъ съ издѣльныхъ имѣній, и наконецъ помѣщики, не имѣющіе возможности вести свое собственное хозяйство вольнонаемными работниками, всею его оставляютъ и

сами удаляются изъ помѣстья». Желая устранить невыгоды той и другой системы, г. Поздюнинъ придумалъ слѣдующій «совершенно-новый образъ» взиманія повинностей съ крестьянъ: онъ обложилъ ихъ всѣхъ оброкомъ въ хлѣбъ и заставилъ ихъ обрабатывать этотъ оброкъ по вольнымъ цѣнамъ и по доброй волѣ каждаго, въ собственномъ его хозяйствѣ. Благонамѣренность г. Поздюнина въ этомъ дѣлѣ заслуживаетъ полной признательности, и нельзя сомнѣваться, что принятый имъ порядокъ взиманія повинностей имѣлъ въ его имѣніи, по мѣстнымъ условіямъ, хорошій успѣхъ. Но да позволено намъ будетъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Конечно, у г. Поздюнина крестьяне отработываютъ оброкъ по доброй волѣ, по вольнымъ цѣнамъ; но, во-первыхъ, въ полномъ ли смыслѣ трудъ ихъ есть принужденный, чего такъ добивается г. Поздюнинъ? всегда ли они могутъ имѣть свободный выборъ между работою на сторонѣ и работою у своего помѣщика? Есть ли въ сосѣдствѣ такіа хозяйства, которыя могутъ имъ представлять выгодную работу земледѣльческую, ибо помѣщичьи хозяйства, если они есть въ сосѣдствѣ г. Поздюнина, будучи обрабатываемы барщиной, вѣроятно не нуждаются въ наемныхъ работникахъ? Конечно, скажутъ, что работники г. Поздюнина могутъ найти работу въ городахъ; но, во-первыхъ, не всѣ земледѣльцы имѣютъ склонность къ этимъ работамъ, а во-вторыхъ, города Оренбургской-Губерніи едва-ли могутъ дать занятіе многимъ работникамъ. И такъ, хотя г. Поздюнинъ предоставилъ своимъ крестьянамъ свободу работы *de jure*, то спрашивается еще: имѣютъ ли они ее *de facto*? Иначе, трудъ принужденнымъ назвать нельзя. Съ другой стороны, г. Поздюнинъ говоритъ, что барщинныя крестьяне всегда обременяютъ помѣщика пособиями, въ которыхъ они нуждаются. Но кто же поручится, что и оброчные работники г. Поздюнина не будутъ нуждаться въ пособияхъ, въ которомъ онъ ихъ, по смыс-

закона, да и по собственному убеждению, не откажет? Крестьяне могут нуждаться в пособии от бедности, которая отчасти может происходить от несообразности повинностей с получаемыми ими доходами. Главная задача состоит в определении повинностей *сообразно с предоставленными крестьянам от помещика средствами производительности*; но у г-на Поздюнина эта задача осталась без разрешения, потому что величину оброка он определял по ценности работы, которую крестьянин должен отбыть помещику в три барщинные дня, предоставленные ему законом. Следовательно, за придуманною г. Поздюниным системою, может быть, остается одно преимущество: доход владельца больше, чем при оброчном положении крестьян. Преимущество это такого рода, что многих в состоянии убедить...

204) Мысли о поддержании средних цен на хлеб как в урожайные, так и в скучные годы. Санктпетербург. В тип. К. Краа. 1845. В 8-ю д. л. 13 стр. (Соч. Ф. Дурасова.)

Г. Дурасов предполагает возможным поддержать средние цены на хлеб составлением компаний из помещиков губерний, прилегающих к Волге и ее притокам и к другим судоходным рекам. Компании эти должны составиться на паях и поставлять хлеб в казну для потребностей армии и флота, по средним ценам, взятым в сложности за 12 лет или 24 года. сверх-того, в губерниях, где нет судоходства, учредить магазины, в которые скушать хлеб по известной цене. На этот предмет продолжает автор: в каждой хлебобродной губернии правительство, вкратко, доверит дворянству сумму до миллион рублей серебром; а теми самыми учредятся губерские дворянские банки, которые не только послужат средством к переводу из одной губернии в другую денег посредством трансфертов, но и дадут

возможность, подобие как в остальных губерниях, через заклад сохранить итѣна при раздѣлѣ, не раздробля хозяйства. Отдали полную справедливость прериски цены автора, должно, однако, итѣнить, что предлагаемый итѣна требует обширных финансовых соображений. Чтобы помещики в какой массѣ могли принять непосредственное участие в хлебной торговлѣ, нужно, чтобы они пользовались кредитомъ, — а самъ же авторъ говоритъ, что нынче едва одна десятая часть итѣна не въ закладѣ. сверх-того, между помещиками нужно воединодушіе и согласіе, которые бываютъ плодомъ образования. Между-тѣмъ, еслибъ кредитъ на образование, то, можетъ-быть, и не представилось бы удобства въ образованіи компаний, потому-что эти два условія таковы, что въ состояніи дать совѣтъ-ной оборотъ и сельскому хозяйству и хлебной торговлѣ.

Не можемъ расстаться съ брошюрой г. Дурасова, не обративъ вниманія читателей на одну весьма-хорошую мысль автора. Для большого сбыта хлеба (по его итѣну), распродажу спирта для освѣщенія, а также и выдѣлу лака, можно отдѣлать отъ винной покупной продажи. Выдѣлку же спирта, съ привѣсью синицера, можно возложить на казенные и частные заводы, съ тѣмъ, что этотъ спиртъ, поступающій въ казну, будетъ продаваться по утреннимъ ценамъ. Выдѣлу спирта для освѣщенія и для лаковъ, по дешезности своей, можетъ быть важнѣйшею отраслею отпусковой торговли.

Эта мысль заслуживаетъ особенное вниманіе отдѣльно отъ цѣлаго предмета автора.

205) Бесѣды Русскаго Кушера о Торговлѣ, читанныя публично, по порученію Императорскаго Волгскаго Экономическаго Общества, илстомъ его, Фредриксгамскими первоначальными купцомъ Иваномъ Васильевичемъ Савиновымъ.

Сербурн. 1845. В 2-м т. Штаба Омд. Корн. Внутр. Стражи. В 8-ю д. л. Беседа девятая, отъ 141 до 187 стр., и Беседа десятая, отъ 187 до 226 стр.

Въ этихъ двухъ «Бесѣдахъ» говорится, безъ всякой системы, о слѣдующихъ предметахъ: о банкахъ; объ исторіи торговли Россіи; о статистикѣ торговли Россіи; о европейской сухопутной торговлѣ; о купеческомъ русскомъ переходѣ; о богатствѣ и силѣ Россіи въ коммерческомъ отношеніи; о товарообращеніи, и, наконецъ, представлены объясненія нѣсколькихъ техническихъ словъ, употребляемыхъ въ торговлѣ. По прочтеніи этихъ двухъ «Бесѣдъ», мы убѣдились только въ справедливости уже-выраженнаго нами мнѣнія о первыхъ «Бесѣдахъ» г. Вавилова. Въ нихъ много любознательныхъ практическихъ свѣдѣній, но неложныхъ безъ связи и безъ послѣдовательности, являющъ довольно-неправильнымъ; но такъ, гдѣ авторъ касается начала политической экономіи, онъ далеко отсталъ отъ новейшихъ учерій, или, лучше сказать, не усвоилъ себѣ никакого ученія, а потому всѣ его мысли въ этой части «Бесѣдъ» отбываются шаткостью и неуверенностью.

206) *Объ Иригаціи и о пользѣ распространенія искусственнаго орошенія полей въ большомъ размѣрѣ въ Россіи. И. Шоена. Санктпетербургъ. 1845. В 2-м т. Мин. Госуд. Имуществ. В 8-ю д. л. 69 стр.*

Малова признано за встану, что итъ нечего хужа получаваніа; но видѣ ата истина не бываесть такъ ошутительна, какъ въ дѣлѣ практическаго примѣненія науки. Тамъ, гдѣ въ докны выступить на поприща дѣятельствелемъ, участь нашего предпріятія ѣшена заранѣ, если вы обладаете только полуриваніемъ, или, по русской поговоркѣ, «сильнани зломъ, да не насте въ ядой керкен».

Искусственное орошеніе: дѣятельство есть одна изъ важнѣйшихъ предметовъ въ настоящемъ столѣтіи

нашего сельскаго хозяйства,—одно изъ нужнѣйшихъ улучшеній, потребность въ которомъ очевидна для всякаго расчислительнаго хозяина. Земледѣіе наше въ упадкѣ — это всѣмъ извѣстно; а въ упадкѣ оно потому, между прочимъ, что моточелныя зерновыя посѣвами, поля не получаютъ, при трехпольной системѣ и при недостаткѣ луговъ, достаточнаго удобренія навозомъ. Для увеличенія производства навоза въ хозяйствѣ необходимо улучшеніе скотоводства и увеличеніе добываемаго количества корма скоту; для умноженія кормовъ необходимо травосѣяніе и улучшеніе луговодства. Но введеніе травосѣянія невозможно безъ измѣненія цѣлой системы хозяйства: а для этого нужно много времени. И такъ, остается улучшеніе луговодства и здѣсь самое дѣйствительное и самое удобное для примѣненія въ большомъ видѣ средство — искусственное орошеніе. Вотъ цѣль явленій, связанныхъ между собою неразрывно и производящихъ, какъ изъ неизбежному результату,—къ орошенію луговъ. Съ такой-то точки зрѣнія этотъ предметъ и обратилъ на себя общее вниманіе въ Германіи, во Франціи и вездѣ, гдѣ занимаются дѣятельно улучшеніями по хозяйству, — даже, между прочимъ, въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ; въ этихъ-то видахъ и писали и пишутъ о немъ такъ много.

Но г. Шоена, вѣроятно, встрѣчая въ газетахъ и журналахъ безпрестанныя толки объ этомъ предметѣ, не далъ себѣ яснаго отчета въ существѣ разныхъ экономическихъ задачъ, и по-видимому чуждый свѣдѣніямъ сельско-хозяйственнымъ, во вѣсѣ съ тѣмъ увлекался желаніемъ высказать и свое слово о предметѣ, представляющемъ такой неоспоримый современный интересъ, вздумалъ доказывать пользу искусственнаго орошенія въ Россіи цитатани изъ Колумеллы, изъ Фирдоуси, изъ Диодора-Сицилійскаго, и другихъ столь же новыхъ твореній, съ которыхъ, по преданію, должны начинать всякая аграрія, хотя бы рѣш

шла не болѣе, какъ о навозѣ. Дѣло въ томъ, что г. Шопенъ, не смотря на особіе Колумеллы съ товарищи, не узналъ, почему именно искусственное орошеніе необходимо въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи, и потому, наговоривъ страннѣе сѣмьдесятъ разныхъ разностей о томъ и о сѣмъ, нисколько не доказавъ пользы орошенія и не послушавъ существенныхъ вопросовъ, представляемыхъ набраннымъ имъ предметомъ. Гораздо-лучше слѣдалъ бы авторъ, еслибы, желая писать о предметѣ столь-близко связанномъ съ сельскимъ хозяйствомъ, онъ изучилъ прежде это дѣло, а оставилъ въ сторонѣ Колумеллу и Фирдоуси, которые здѣсь играютъ довольно-странную роль.

• Не отвергая • говоритъ г. Шопенъ: • тѣсной связи луговодства съ земледѣліемъ • (авторъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать съ *амбонашествомъ*, потому-что луговодство есть отрасль *земледѣлія*) « вообще, нельзя однако не замѣтить, что мысль о преобладаніи скотоводства и луговодства въ сельскомъ хозяйствѣ *слишкомъ-односторонна* ». Эта темная и смутная мысль показываетъ только сбивчивость понятій. Никто изъ хозяевъ и не думаетъ о преобладаніи скотоводства ли, луговодства ли, или чего другаго; а дѣло въ томъ, что для сельскаго хозяйства необходимо скотоводство: чѣмъ лучше скотоводство, тѣмъ совершеннѣе земледѣліе; а для улучшенія скотоводства необходимо хорошіе луга. Кажется, это просто. Но г. Шопенъ этому не внимаетъ и продолжаетъ: « ограничивъ такимъ образомъ вліяніе скотоводства на плодородіе земель, должно указать на *аэриты* (?) болѣе могучій, отъ котораго *исключительно* зависитъ весь успѣхъ и неуспѣхъ успѣій земледѣльца, а именно — на *влажность* » (стр. 3). Это совершенно-ложно. Во-первыхъ, никто изъ знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ не скажетъ, что отъ влажности *исключительно* зависитъ весь успѣхъ и неуспѣхъ земледѣлія; во-вторыхъ, влажность, конечно, одно изъ необходимыхъ условій для созданія

влажныхъ растений, но она не замѣняетъ для нихъ необходимости въ удобреніи навозомъ. Это столь всякому извѣстно, что мы объ этомъ считаемъ лишнимъ распространяться. Но г. Шопенъ не далъ себѣ въ этомъ отчета, и въ доказательство того, что только она влажность нужна для успѣха земледѣлія, приводитъ примѣръ—какой бы вы думали? Какого-то верна гороха, вынутаго изъ носа какой-то египетской муми, и которое проросло, будучи полито (стр. 4). Вотъ, по-истинѣ, страннѣйшій способъ доказательства! Если г. Шопенъ знаетъ сколько-нибудь съ физиологіей растений, то онъ долженъ знать, что проростаніе, или развитіе ростка изъ сѣмени необходимо определяется извѣстною степенью влажности; и это столь извѣстно, что нѣчего было ходить въ египетскимъ муміямъ за доказательствомъ. Но вѣстѣ съ тѣмъ должно быть извѣстно г. Шопену, что цѣль земледѣльца состоитъ не въ томъ только, чтобъ возбудить проростаніе вѣренихъ землѣ зеренъ; нужно, чтобъ всходы выросли, выстояли противъ разныхъ неблагоприятныхъ явленій природы, цвѣли, налились и дали плоды, — а для этого нужны въ почвѣ питательныя части, нуженъ навозъ. Г. Шопену до того невѣдѣльны эти простыя истины, что онъ даже *може* считать признакомъ *плодородности почв* (стр. 4). Все воздвигающее г. Шопеномъ ученіе о томъ, что влажность самый *могучій аэритъ*, отъ котораго исключительно зависитъ весь успѣхъ и неуспѣхъ земледѣлія, есть, скажемъ съ сожалѣніемъ, — игра воображенія, несдерживаемаго положительными познаніями въ растительной физиологіи и въ наукѣ сельскаго хозяйства.

За тѣмъ авторъ говоритъ: « весь успѣхъ въ производствахъ (?) земледѣлія, зависитъ отъ удачнаго разрѣшенія двухъ задачъ: 1) какимъ образомъ осушать земли? и 2) какъ ихъ орошать? — и полагаетъ, что разрѣшеніе первой задачи необходимо для сѣвера Россіи, а второй — для юга (стр. 5).

Односторонность этого взгляда очевидна, особенно если читать дальше, какъ г. Шопенъ развиваетъ свою мысль, говоря, что на сѣверѣ Россіи - безплодная мертвая природа въ двухъ противоположныхъ облаченіяхъ, а именно—все затопляющая влажность *въ болотъ* и все пожирающая засуха *— на равнинѣ* (?). Отъ того въ Архангельской-Губерніи при 3 милл. десятинъ общаго пространства, числится только 115 т. дес. удобной земли (стр. 7). Частая игра воображенія и неясное пониманіе существа дѣла! Если какіе-нибудь статистики и сосчитали, что въ Архангельской-Губерніи всего 115 тыс. дес. удобной земли, при 3 милл. дес. пространства губерніи, то не-уже-ли это должно приписать *всезатопляющей влажности въ болотъ и всепожирающей засухѣ на равнинѣ*? Не-уже-ли г. Шопену неизвестно влияніе климатическихъ условій на населенность страны и на распространеніе земледѣлія. Удобною землею, по нашимъ статистическимъ документамъ, считается только земля, употребленная человѣкомъ на населеніе и для земледѣлія. Но, занесаясь на крыльяхъ воображенія въ *тундры глубокаго сѣвера*, авторъ выпустилъ изъ вида одно, весьма-мелочное обстоятельство—климатъ. Ясно, что такое путешествіе было только воображаемое; иначе тридцатиградусный морозъ, ущипнувъ автора, напомнилъ бы ему, что въ тундрахъ глубокаго сѣвера не одинъ набитокъ влаги препятствуетъ распространенію земледѣлія.

«Во многихъ мѣстахъ» (продолжаетъ авторъ) *по бдѣственному заблужденію, предпримимаются мѣры противъ разливовъ рѣкъ* (стр. 7)... Какъ, по бдѣственному заблужденію? Странное извѣстіе! Не-уже-ли, по вашему мнѣнію, нужно допустить, чтобы рѣки безпрепятственно затопляли города и селенія? Не-уже-ли — *бдѣственное заблужденіе* оградить цвѣтущій городъ отъ наводненія. Нѣтъ, воля ваша, а это уже такая игра воображенія, противъ которой языкъ не поворотится сказать что-нибудь, и мы довольствуемся

тѣмъ, что доводимъ до свѣдѣнія о той странной игрѣ воображенія...

Все, о чемъ мы имѣли честь вамъ до сихъ-поръ докладывать, составляетъ только какъ-бы сборы г. Шопена въ дальній путь, приготовленія къ тому, чтобы трактовать о своей задачѣ *ex professo* и черпнуть въ самой глубинѣ. Наконопецъ, приступая къ этой глубинѣ, авторъ задаетъ себѣ вопросъ: какими средствами можно было бы сообщить потребную влажность полямъ, безплоднымъ отъ засухи?—Но, вмѣсто простаго и яснаго отвѣта, на такой, самъ-по-себѣ простой вопросъ, авторъ счесть приличнымъ въ этомъ мѣстѣ метнуть громаы ярости въ *преподавателя рациональнаго земледѣлія* (стр. 8). Бѣдные преподаватели рациональнаго земледѣлія! отъ кого уже вамъ не достается, даже отъ г. Шопена, которому неизвестно рациональное земледѣліе, или которому изъ всего этого земледѣлія извѣстно только одно названіе его! «У насъ *изысканная* (?) теорія земледѣлія, кажется еще равновременна, потому-что у насъ *мале сильнаго земледѣльца*» (стр. 9), глубокомысленно замѣчаетъ г. Шопенъ, думая, что этимъ словомъ онъ на-показъ сразилъ все рациональное земледѣліе, которое онъ, въ гнѣвѣ, называетъ *романтизмомъ сельскаго хозяйства* (стр. 10), не подозрѣвая, что въ этихъ словахъ нѣтъ никакого смысла! По поводу того, что дальѣ слѣдуетъ у автора, на страницѣ 9, о сравненіи Европы съ Россією, мы только припомнимъ старинную пословицу *ne sutor ultra crepidam*. Что касается до *романтизма сельскаго хозяйства*, то это слово — просто находка; это самое приличное названіе для невежества въ сельскомъ хозяйствѣ, въ соединеніи съ игрой воображенія, ничѣмъ-необуздываемаго, —ни наукой, ни здравымъ смысломъ...

И такъ, какъ доставить влажность полямъ у насъ, сообразно разиѣрамъ *исполинскихъ (въ сравненіи съ западомъ) полей нашихъ поселянъ?* (стр. 10). Разсчитанные и толковыя системы хозяй-

ства созданы для богатых владельцев, а для поселенцев нужно, взовете, такъ что-нибудь попроще, поменше-рациональнаго, побестоловѣе... И вотъ г. Шюневъ прискалъ для нихъ выжельдующее, самое простое средство, которое все состоитъ въ томъ, чтобы двоякъ поляю теплоту и влажность. Сущая бездѣлица! •Эй, Фомка, Ерѣнка, прибавьте-ка къ этому полю нѣсколько градуловъ теплоты! •Фомка и Ерѣнка выпучили глаза и никакъ не могутъ понять этого простаго средства, и вѣрно въ душѣ думаютъ: •Этой, Господи прости, романтизмъ въ головѣ у нашего барина! — Если мы спросимъ г. Шюнева, какъ же это придать полю теплоту? то онъ отвѣтитъ намъ: • конечно, возвратитъ землѣ утраченную теплоту не всегда въ нашей власти • (стр. 12). Но мы опять спросимъ у него: когда же это во власти нашей?..

Впрочемъ, г. Шюневъ и самъ сознается, что намъ ничего и думать увеличивать теплоту поля, потому-что (по его выраженію) это достаточно обильно самою природою извнѣ лучами солнца, а изнутри—центральною теплотою земнаго шара (стр. 12). И такъ, г. Шюневъ еще вѣритъ въ центральную теплоту земнаго шара, хотя, вѣроятно, не имѣетъ на то твердыхъ доказательствъ. Но, что всего забавнѣе, г. Шюневъ до того пристрастился къ влажности, что безъ дальнихъ справокъ съ законами физики, приписываетъ ей свойство доставить грунту даже благотворную теплоту • (стр. 13). Вотъ ужъ истинно вавилонское смѣшеніе всѣхъ наукъ — физики, растительной физіологій, геологій, и tutti quanti.

Послѣ этой удивительной выходки, г. Шюневъ уносится воображеніемъ въ края гдѣхъ отдаленныхъ временъ, о которыхъ никто ничего не знаетъ, и повторяетъ старинную легенду о томъ, что прежде народы занимались охотою и скотоводствомъ, а потомъ обратились къ земледѣлію и тотчасъ же занялись ирригаціей, подробно повѣствуетъ о рожденіи этого искусства въ

Египтѣ, по его выраженію *Классическое государство* (стр. 23), переходить потомъ къ Ирану, вѣдывая, выписывая, что говорить объ этомъ Геродотъ, Плиній и Веронъ, рассказываетъ, какъ въ Римской Имперіи, при поливаніи земли, *старая баба легко упрямилась плутомъ, запряженнымъ въ одинъ оселъ* (стр. 24). Изъ древняго міра перешагнувъ въ новый, онъ говоритъ, что въ Шталіи ирригаціею занимались германцы, и что какая-то провинція Тосканія (вѣроятно Тоскана) всегда отличалась особеннымъ искусствомъ по этой части. Сказавъ нѣсколько словъ о Голландіи, Нидерландахъ, Франціи, Германіи, перекрестивъ нѣсколько географическихъ и собственныхъ именъ (*), авторъ толкуетъ объ островѣ Мадерѣ, о Китайской Имперіи, объ островѣ Цейлонѣ, откуда пускается къ древнимъ Персамъ, въ Бухарію и Ташкентъ, за тѣмъ въ Сибирь, къ Киргизамъ-Кайсакамъ; встаетъ, заговора о Киргизахъ, онъ прицѣпляется сюда Фирдоусъ и его *Шах-Наме*, и наконецъ возвра щается изъ этого путешествія въ свое отечество. Тутъ-то ирригаціею автора на новыхъ вѣтрахъ возблестала въ полной силѣ. Онъ говоритъ, и весьма-серьезно, что у насъ ирригацію должно поставить рядомъ съ желѣзными дорогами, и для этого всю Россію, отъ Бѣлаго-Моря до Чернаго и отъ Урала до Западной границы вдоль и поперекъ, должно прорѣзывать каналами, которые и раздѣлитъ на государственныя, губернскія, уѣздныя, волостныя и сельскія, поставить надъ ними чиновниковъ, которыхъ называть писементами поливанія или хоть пожалуй *мир-абами*, дать имъ

(*) Магрибъ, братья Дромахъ названы у него *Дюжанъ*; историкъ *Лудекъ* названъ *Лудекъ*, вѣсто— въ *Департаментъ Пиринейскихъ-Горъ*, — онъ пишетъ: у *Пиринейскихъ-Горъ*; вѣсто: въ *Департаментъ Воизскихъ-Горъ*, пишетъ: въ *Воизскихъ-Горъ*; а это большая разница въ томъ смыслѣ, въ какомъ слова эти употреблены авторомъ.

шумидры; чины; жалованье; пейсін и гресты...

Проектъ; какъ видно, весьма-полезный и зрѣло-обдуманый Г. Шопенъ даже беретъ опровергать разныя возраженія; напримеръ, говорятъ, что въ западныхъ южныхъ степныхъ губерніяхъ нѣтъ довольно рѣкъ для учрежденія ирригаціонныхъ каналовъ: вадоръ! (говоритъ г. Шопенъ) если Имперію накрыты правильною сѣткою ирригаціонныхъ каналовъ, то избытокъ воды переливался изъ высшихъ мѣстъ въ низшія, достигнетъ такимъ образомъ отъ сѣвера къ югу и до степныхъ пространствъ (стр. 49). Изъ этого видно, что Г. Шопенъ представляетъ себѣ землю нежною въ странномъ видѣ лимона, сплюснутаго у экватора, и удлиненнаго къ полюсамъ. Иначе себѣ нельзя объяснить вышеприведенной фразы. Но, вѣстѣ съ тѣмъ, очень было бы любопытно знать, какими астрономическими наблюденіями дошелъ авторъ до такого заключенія, — или это у него только игра воображенія? Г. Шопенъ думаетъ также, что моря мелѣютъ, и мелѣютъ отъ общаго обмеленія рѣкъ (стр. 60). — Любопытно знать, какія у него на это доказательства, тогда-какъ наука доказываетъ, что ни моря, ни рѣки въ общей экономіи земнаго шара не вступаютъ мелѣть:

Рѣку Днѣпъ авторъ совѣтуетъ повернуть въ казмышскую степь и для этого отырять ей новое русло, начиная отъ Качалинской-Ставицы (стр. 52); въ юганской степи совѣтуетъ продолжать накой-то каналъ; начатый Селевкидомъ Никиторемъ за 280 лѣтъ до Р. X., и отъ котораго не осталось почти и слѣдовъ, и въ простодушной увѣренности, что проектъ его осуществится, онъ придумалъ даже надпись для этого канала (см. эту любопытную надпись на стр. 53).

Если послѣ всего этого еще нужно что-нибудь прибавить къ отзыву нашему о твореніи г. Шопена, то скажемъ, что вся его брошюра можетъ только обить съ толка того, кто возмется за ея чтеніе не знала самого дѣла;

для знающихъ—въ ней ничего не найдется въ новаго, ни поучительнаго. Ново въ этой брошюрѣ только—замѣчательное смѣшеніе всѣхъ наукъ и прератное пониманіе физическихъ явленій, происходящее отъ незнакомства съ науками положительными и точными.

207) Библиотека для Воспитанія. Отдѣленіе второе. Часть I, Годъ второй. Изданіе А. Семенова. Москва. Въ тип. А. Семенова. 1845. Въ 12-ю д. л. 203 стр.

Содержаніе этой части не уступаетъ преждевышедшимъ по интересу статей. Здѣсь помѣщены: «Баратынскій»; «Очеркъ Черногорской Исторіи»; «Отрокъ Вячко»; «О вліяніи наружныхъ условій на жизнь животныхъ» (статья вторая); «Фукидидъ»; «Тринадцатъ лѣтъ царствованія Ивана Васильевича»; «Нѣмецкія народныя преданья».

Выборъ пьесъ Баратынскаго хорошъ, потому-что составленъ съ дѣтской точки зрѣнія, т. е. выбранный пьесы по плечу дѣтямъ, или, другими словами, въ нихъ нѣтъ того, чѣмъ существенно отличается поэзія Баратынскаго. Еслибъ не два-три стиха, въ которыхъ сказывается печальная муза поэта, вы могли бы приписать помѣщенные стихи перу другихъ поэтовъ, не-Баратынскихъ. Крайній очеркъ жизни и поэтической дѣятельности поэта, принадлежащій г-ну Н. К., написанъ умно, если не совершенно справедливо. Г. И. К. видитъ въ стихахъ Баратынскаго даже утонченность наружной отделки. Мы, признаемся, не видали этого, можетъ-быть потому; что на глаза наши не было очковъ дружбы. Дружба, какъ извѣстно, находитъ больше тогб, что есть; но истина, замѣчая только то, что есть, находила до-сихъ поръ въ поэзіи Баратынскаго многозначительное содержаніе, а художественности не отырала. Утонченность наружной отделки переходитъ иногда, у Баратынскаго; въ изысканность, въ натянутое построеніе фразъ и стиховъ. Впрочемъ,

мы судить о поэтѣ документально, основываясь на печатныхъ свидѣтельствахъ. Судить о немъ иначе позволено только тѣмъ, которые имѣли удовольствие знать его лично, бесѣдовать съ нимъ, быть его друзьями. Послушаемъ ихъ:

«Сколько ни замѣчательно ихъ (стиховъ) поэтическое достоинство, однако они еще не вполне высказываютъ тотъ міръ изящнаго; который онъ носилъ во глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, Баратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ, и тѣмъ заглушалъ въ себѣ иногда потребность выразиться для публики. Найдя свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстной шуткою, дальновидностію тонкихъ замѣчаній, поразительною оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни, — Баратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, не любя заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастье его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни.»

Вотъ еще нѣсколько интересныхъ строкъ:

«Молодость его (Баратынскаго) была несчастлива. Въ далекой Финляндіи, посреди дикой и прачной природы, въ разлукѣ съ родными и близкими ему людьми, съ неодолимою тоскою по роднѣ, вдали отъ тѣхъ, кто могъ бы познать его и угнѣнить сочувствіемъ, печально и одиноко провелъ онъ лучшіе годы своей юности. Это обстоятельство, вѣроятно, содѣйствовало тому, что его самыя свѣтлыя мысли, и даже въ самое счастливое время его жизни, остались навсегда проникнуты тихою, но неотразимою грустію. Впрочемъ, можетъ-быть, онъ и отъ природы уже былъ склоненъ къ этому направленію мысли, которое очень-часто замѣчается въ людяхъ, соединяющихъ

глубокій умъ съ глубокою чувствительностію. Оно происходитъ, вѣроятно, отъ того, что такіе люди смотрятъ на жизнь не шутя, разуміють ея высокую тайну, понимаютъ важность своего назначенія, и вмѣстѣ неотступно чувствуютъ бѣдность земнаго бытія. Оттого они, даже въ кругу забавъ и шумныхъ удовольствій, часто кажутся печальными; оттого самое чувство радости для нихъ бываетъ соединено съ непреодолимою задумчивостію и оупрѣе похоже на грусть, чѣмъ на веселость обыкновенныхъ людей.»

Драматическія сцены Н. Языкова «Отрокъ Вячко», вышли удачны. Читатель остановится на томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ, вдохновенный словами Григорія Пшениу (въ Борисѣ Годуновѣ), заставляетъ говорить отрока Берилту:

Сладко мнѣ,
Мнѣ весело душой переноситься
Съ тобой въ твои отважные негоды:
Въ толны бойницы, въ тревоги боины,
Въ разгульный станъ и братскій шумъ
и ширь,
Въ прохладные, воинскіе походы;
Въ чужихъ поляхъ, при блескѣ новыхъ
звѣздъ,
Летать съ тобой, въ ладяхъ вѣтрокри-
лятыхъ,
По скачущимъ, сверкающимъ полямъ
Безбрежнаго, лазореваго моря; и проч.

Должно думать, что эти драматическія сцены составляютъ только первый, начальный опытъ предпринятаго г. Языковымъ переложенія «Исторія Карамзина въ стихи и на славяно-фильскіе нравы».

Въ статьѣ г. Хомякова «Тринадцать лѣтъ царствованія Ивана Васильевича», проникнутой также славянофильствомъ, есть мѣста, которыми мы должны выписать:

«Кончивъ великій трудъ (Судебникъ), Иванъ Васильевичъ отдалъ на судъ избраннымъ людямъ земли русской собраныя законы, назначенныхъ для нея, дабы такимъ образомъ утвердился и полнѣйшее разумнѣе право и политичнѣе согласіе между народомъ и царемъ. Въ Москвѣ былъ созванъ соборъ знаменитѣйшихъ людей изъ чина святого и думо-

ного; Судебникъ былъ ими рассмотрѣнъ. Государю полюбился голосъ народа, и новыми уставными грамоты дали всѣмъ городамъ и волостямъ право избирать старостъ, цѣловальниковъ, или присяжныхъ, для суда по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, вмѣстѣ съ царскими наместниками. Въ то же время земская исправа была поручена сотскимъ и пятидесятникамъ, избраннымъ также волевыми выборомъ сельской общины. Такъ былъ восстановленъ древній русскій обычай, въ то время измѣненный почти вездѣ, за исключеніемъ Пскова и широкой области Новгородской.

И послѣ этого собора не разъ государями русскими, Иваномъ Васильевичемъ и его преемниками, созывались выборные люди отъ Русской земли въ Земскую Думу, или Земскій Великій Соборъ, — для обсужденія самыхъ важныхъ дѣлъ по законодательству или по сношеніямъ съ иностранными державами. Въ этихъ Земскихъ Думахъ или Соборахъ участвовали всѣ чины, отъ высшаго духовенства и боярства до ижеманъ и людей несадекихъ. И всѣ чины пользовались равными правами, хотя и не равнымъ почетомъ; приговоръ полагался единодушно, но писался отъ каждаго чина особенно, и утверждался подписями также по чинамъ. Возможность такого единодушія, удивительная по теперешнимъ понятіямъ, объясняется весьма-просто изъ тогдашняго быта. Основою житія были не личные, шаткія и произвольныя понятія, но древній обычай, который одинъ для всѣхъ русскихъ, и прямой законъ божественный, который одинъ для всѣхъ православныхъ.

Земская Дума не имѣла никакой власти и была только выраженіемъ народнаго смысла, призваннаго на совѣтъ государемъ; по этому самому, она не только не могла произвести никакого раздвоенія власти, но утверждала ее, связавъ воедино волю государя съ обычаемъ и нравственнымъ чувствомъ народа. Когда, послѣ смерти Годунова, наступила бѣдствія Россіи, ни Самозванецъ, ни Шуйскій, избранный противозаконно, не стали лицомъ къ лицу съ Земскою Думою; а во время слепотства государственнаго, она отдала снова всю власть, въ которую временно была облечена, новозбранному царю Михаилу Феодоровичу Романову; и онъ, и его преемники любилъ совѣщаться съ нею, саркавша государственную силу любовью

и смысломъ народа. Такъ надобно понимать значеніе Земскихъ Соборовъ; дабы легче разумѣть и пользу, принесенную ими, и многія дѣленія древней русской исторіи.»

Перемѣну въ правленіи и характерѣ Грознаго г. Хомаковъ объясняетъ такъ:

«Смена зла, послѣдняя въ душѣ царя воспитаніемъ и злыми примѣрами, окружавшими его дѣтство, принесла ужасные плоды. Едва вступивъ въ царскія права, онъ уже показалъ, каково должно было быть его царствованіе. Бракъ его съ прекрасною и кроткою Анастасіею, изъ рода Захарьевыхъ-Юрьевыхъ, или Романовыхъ, не могъ его укротить. Россію спасло на время самопожертваніе Сильвестра и выборъ Алашева въ ближніе царскіе совѣтники. Казалось, царь перемѣнился. Но душа царя не перемѣнилась: его видная перемѣна была только невольнымъ обманомъ, слѣдствіемъ сильнаго потрясенія, когда, еще будучи молодой и пылкой, онъ былъ пораженъ ужасомъ отъ бѣдствій московскаго пожара, пораженъ страхомъ отъ словъ Сильвестра, говорящаго именемъ Божиимъ, и исполненъ удивленія при видѣ его святаго мужества. Царь Иванъ Васильевичъ не могъ любить: чувство любви человѣческой, любви христіанской, было ему незнакомо; его страсти были злы, но онъ могъ понять все великое, могъ плѣниться и плѣниться великимъ образомъ царя — благодѣтеля, который представился для него въ словахъ Сильвестра, въ словахъ Алашева: онъ покаялся, но не запросто, не какъ христіанинъ, не какъ грѣшникъ, убитый своею совѣстію и плачущій передъ Богомъ въ чувствахъ своего духовнаго униженія, нѣтъ — самое его покаяніе, пышное и всенародное, было окружено блескомъ торжества. Такъ и въ преддверіи XIII лѣтъ благодѣтельствовалъ онъ Россіи не потому, что любилъ добро, но потому, что понималъ славу и, такъ сказать, художественную красоту добра на престолѣ. Онъ былъ, по его же словамъ, лѣльникомъ не насилія, котораго даже и предполагать нельзя, но обмана, который былъ невозможенъ при его великомъ умѣ; но плѣнникомъ понятія о великомъ христіанскомъ вѣщности, которое ему представляли Сильвестръ и Алашевъ и отъ котораго долго онъ не могъ освободиться.

«Если спросить: чѣмъ же различны ХНІ лѣтъ, съ 1541 до 1560 года; отъ послѣдующихъ, съ 1560 до 1584 года? Чѣмъ различно это время великихъ побѣдъ и великаго счастья, время котораго никогда не забывала Россія, благословляя царя Ивана Васильевича, отъ послѣдовавшей ужасной годины? Историческая правда отвѣчаетъ однимъ: это время было временемъ добраго совѣта.»

Мы рады-едемъ, можетъ-быть, въ-скоромъ времени, поговорить объ Иоаниѣ Грозномъ, и тогда увидимъ, сколько въ словахъ г. Хомякова правды или неправды.

Статьи г. Рѣдина: «Фукландъ», и г. Грановскаго «Нѣмецкія Народныя Преданія», прочтутся съ большимъ удовольствіемъ.

По лучшей статьѣ этой и предъидущей книжки считаемъ мы статью профессора К. Руде: «О вліяніи наружныхъ условій на жизнь животныхъ». Она послужила бы украшеніемъ любого ученаго журнала, не только «Дѣтской Библіотеки». Достоинства ея: современность свѣдѣній о важномъ предметѣ естествознанія и прекрасное изложеніе предмета, до того ясное, что каждый, вовсе-незнакомый съ исторією животнаго царства, прочтавъ статью, тотчасъ узнаетъ, въ чѣмъ дѣло. Вотъ какъ надобно передавать серьезное содержаніе любопытнѣйшей науки! Здѣсь интересъ содержанія даетъ силу рѣчи и слогу, которые, своею изобразительностью, начертываютъ въ памяти молодого читателя чрезвычайно-интересные факты изъ жизни животныхъ. Общія разсужденія идутъ впередъ, какъ главные положенія; за ними слѣдуетъ приложеніе общаго и главнаго — примѣры, взятые изъ сферы разныхъ породъ, живущихъ въ разныхъ странахъ, особенно въ Россіи, а изъ Россіи особенно въ Московской-Губерніи. Юный читатель, зная въ-которыя явленія инстинкта животныхъ по тѣмъ случаямъ, которые встрѣчались ему, здѣсь знакомится съ источниками этихъ явленій; нередко имъ открывается причина того,

на что онъ часто смотрѣлъ, не думая причинахъ, и онъ, даже въ первой порѣ размышленія, наполняется удивленіемъ къ премудрому устройству природы и вѣсть получаетъ охоту къ занятиямъ такою важною наукою, какою естественная исторія вообще, зоологія преимущественно. — Подъ наружными условіями разувѣтся все то, что дѣйствуетъ на животное снаружи, т. е. воздухъ, теплота, вода, почва, растущія на землѣ растенія, живущія на ней животныя и самъ человекъ. Хотя каждое явленіе, каждое измѣненіе въ животныихъ совершается непосредственно подѣ участіемъ наружныхъ условій, такъ-что представить себѣ животное, живущее отдаленно отъ нихъ, невозможно; однакожъ, въ жизни животныхъ есть явленія рѣзкія, многозначительныя, которыя замѣтитъ каждый, кто не равнодушенъ къ живымъ существамъ Божіимъ, кто смотритъ на нихъ не какъ на машины, подобныя произведеніямъ рукъ человѣческихъ, но какъ на живыя, *непрестанно измѣняющіяся* существа. Въ различныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются различныя физическія условія, въ одной и той же мѣстности онѣ до временнаго измѣняются; а потому весьма естественно, что зависящая отъ нихъ жизнь животныхъ также измѣняется. Такъ, когда у насъ зимою замерзаютъ воды, на водѣ живущія птицы должны, конечно, отъ насъ *отлетѣть* въ такія страны; тѣ воды во время нашей зимы открыты; если же животное, какъ на-примѣръ, летучая мышь, едва-ли падаетъ изъ-за пищи, а перейти въ теплѣйшую страну не можетъ, то и тогда даю ему природою средство не умереть зимою и воскреснуть ближайшею весною къ новой родинѣ своей жизни: оно *засыпаетъ спячкою*, въ-продолженіи которой лежитъ почти-замертво и мало нуждается или совершенно не нуждается въ пищѣ. Если какое животное перенесутъ въ домашній бытъ человека, или если животное изъ одной страны перенесутъ въ другую, то, конечно, оно *измѣнитъ*, какъ въ-нѣшнѣе

знаки свои; такъ и обратъ своей жизни: оно или *поработится* челоуку, или, по-крайней-мѣрѣ, *переродится*. Наконецъ, если физическія условія измѣнятся внезапно и существенно, то часто животное не можетъ продолжать жизни своей: оно умираетъ; иногда весь родъ умираетъ, выражается. Объясненію этихъ-то, столько замѣчательныхъ явленій посвящена статья г. Рульѣ, которая дѣлится на шесть частей: въ первой излагается *теченіе животныхъ*, во второй — *загниваніе спячку*, въ третьей — *лиманіе*, въ четвертой — *перерожденіе*, въ пятой — *вырожденіе*, въ шестой — о *первозданнхъ*, *павышаемыхъ* иногда испопаемыми, и совершенно-неправильно допотопными животными. Обращаемъ вниманіе читателей особенно на послѣднюю часть, весьма-любопытную.

208) *Альманахъ для Дѣтей. Украшенный рисунками и вышивками г. Керришиль, гравированными на деревѣ баронде Ноттельморетомъ. Санктпетербургъ. 1848. Во французской типографіи. Во 52 ю д. л. 140 стр.*

Съ нѣкотораго времени дѣтскія книжки сдѣлали у насъ большой успѣхъ: онѣ издаются теперь большою частью грамотно, опрятно, даже красиво и съ хорошенскими картинками. Политическое искусство больше всего подвинуло впередъ эту отрасль — не литературы (о литературѣ тутъ нѣтъ и вопроса), а книжнѣй торговли. *Альманахъ для Дѣтей* рѣшительно обогналъ всѣ другія дѣтскія книги и во всемъ блескѣ выказалъ, какъ легко теперь составлять и издавать подобныя книжки, такъ, чтобъ онѣ и со стороны содержанія и со стороны картинокъ казались удовлетворительными. Вотъ изъ чего состоитъ этотъ альманахъ. Пьеса первая: *Полеженіе Весны*: какъ вы думаете, что бы это такое было? — Первая строфа изъ седьмой главы *Евгенія Онегина*. Къ ней приложена вивьетка, изображающая качанье мужиковъ и бабъ на качеляхъ: согласитесь, что эта вивьетка очень идетъ къ

строфѣ Пушкина... Къ ней же, должно быть, приложена еще картинка, какъ-жестъ, изъ изданной г. Кириловымъ книжки — *Тили Современныхъ Правовъ*, представляющая разодѣтыхъ провинціальныхъ господъ, купцовъ и мужиковъ. Пьеса вторая: *Письмо отца къ сыну кадету* — весьма-плохая вещь! Приложенная къ ней картинка изображаетъ отца, запечатывающаго письмо свое къ сыну... И такимъ образомъ составлена вся книжка. Вы встрѣтите въ ней: *Другое письмо отца къ сыну кадету*, тоже препохое; сказку Пушкина *О рыбахъ и рыбкѣ*, нѣсколько басень Крылова, очень-неудачно выбранныхъ для дѣтей; стихотворенія и отрывки изъ стихотвореній Подолжскаго, Лермонтова, Хомякова, Петерсона, Шевцова и т. д. Большая часть картинокъ совсѣмъ не идетъ къ тексту. А между-тѣмъ, текстъ блистаетъ именами Крылова, Пушкина и Лермонтова (для тѣни вставлены имена гг. Петерсоновъ, Шевцовыхъ и подобныхъ имъ), картинки недурны — чѣмъ не книжка для дѣтей?.. Да здравствуетъ промышленность!..

Впрочемъ, изъ прозаическихъ статей этой книжки, можно замѣтить двѣ: недурной и полезной для дѣтей *Разсказъ о ночныхъ привидѣніяхъ и Отрывокъ изъ жизни И. А. Крылова* — просто анекдотъ о Крыловѣ, разсказанный г. Дубацовымъ. Анекдотъ, очень-милъ, и такъ-какъ онъ неведомъ, мы выпишемъ его:

«Когда удары отъ прилива крови въ головѣ начали поражать Ивана Андреевича такъ, что при второмъ ударѣ здоровье его сильно пострадало, доктора советовали ему прохаживаться въ полуденное время. Неохотникъ до лекарствъ и докторовъ, въ этотъ разъ онъ послушался ихъ. Дѣломъ отецъ ходилъ на разные дачи, иногда очень отдаленныя, на-примѣръ въ Приютино, принадлежавшее А. Н. Оленину. Однажды, пришедши ко мнѣ на Карповку, онъ сказалъ: «*До сего дому отъ Гостиного двора четыре версты и столько-то шаговъ.*» Онъ имѣлъ терпѣніе шагати взвѣрять расстоянія! Осенью, въ дождливое и неясное время, избралъ

онъ для прогулки второй ярусъ Гости-наго двора, который онъ обходитъ каж-дый день пять разъ кругомъ. Сидѣльцы нѣкоторыхъ лавокъ, — кому они не надобно! — докучливые крикуны, выхва-ляя свои товары, обыкновенно зызываютъ прохожихъ въ свои лавки. Разъ они же-стоко атаковали Ивана Андреевича. — «У насъ самые лучшіе мѣха; пожалуйте-сь, пожалуйста-сь»; схватили его за руки, и неволь-но втащили въ лавку. — Иванъ Андре-евичъ рѣшился ихъ проучить. «Ну, сказалъ онъ, съ терпѣніемъ разсѣвшись на скамей-кѣ, покажите же что у васъ хорошаго? Си-дѣльцы натаскали ему ямотовыхъ и мед-вѣжьихъ мѣховъ. Онъ развѣртывалъ, раз-глядывалъ ихъ: «Хороши, хороши; а есть ли еще лучше?» Есть-сь. Притащили еще. — «Хороши и эти; да илижъ ли еще лучше?» Извольте-сь, извольте-сь. Еще раз-заставилъ беречь лишь множество мѣховъ. Такимъ образомъ онъ перерылъ всю ихъ лавку. — «Ну, благодарствуйте, сказалъ онъ наконецъ, у васъ много прекрасныхъ вещей; прощайте». Какъ сударь, да развѣ вамъ не угодно купить? «Нѣтъ, мои друзья, мнѣ ничего не надобно; я прожа-живаюсь здѣсь для здоровья, и вы насиль-но заставляли меня въ вашу лавку.»

Не успѣвъ онъ выйти изъ этой лав-ки, какъ сидѣльцы слѣдующей подхватили его. «У насъ самые лучшіе, пожалуй-те-сь,» и втащили его въ свою лавку. Иванъ Андреевичъ такимъ же образомъ перерылъ весь ихъ товаръ, похвалилъ его, поблагодарилъ торговцевъ за показъ и вышелъ. Сидѣльцы слѣдующихъ лавокъ, перешептываясь между собою и улыбаясь, дали ему свободный проходъ. Они уже узнали о его проказахъ изъ первой лав-ки, и съ-тѣхъ-поръ онъ свободно и спо-койно прогуливался по Гостиному двору, и только откланивался на учтивые покло-ны и веселую улыбку своихъ знакомыхъ сидѣльцевъ.»

209) Новая Латинская Азбука съ приобщеніемъ краткою словаря употребле-тельными и простыми словами; начертанія эти-мологии и простыми словами разговоровъ. PRIMA LATINI SERMONIS RUDIMENTA. In usum tyronum. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Кошъ. 1845. Въ 42-ю д. л. 75 стр.

Азбука какъ азбука; хотя она и нова, но новизнѣ буквъ нѣтъ! Къ чему же

здѣсь приобщеніе словъ? Учить ихъ на-изусть—трата времени; отыскать сло-во—нельзя, потому-что слова не въ ал-фавитномъ порядкѣ. Потомъ слѣдуютъ: «Отче нашъ», по-латинѣ, правила про-воучительныя, за которыми такъ сла-во снитися дѣтямъ, и три басни Эзопа, неизбежные спутники всѣхъ букварей. Все это слышено Богъ-знаетъ какъ в почемъ. Слѣдующая за тѣмъ этиоло-гія начертана очень-кратко, — и пони-мѣствъ въ грамматикахъ языка мертво-го, которому не научиться у насъ в-уство, будетъ такое же отсутствіе жи-зни, то-есть просто изложеніе, а не ло-гическое изъясненіе формъ, какъ въ этой краткой грамматикѣ, — латин-ское конечно будетъ предметомъ ужаса и ненависти удѣтей. При такомъ изложе-ніи грамматики многое остается непонятнымъ и непонятнымъ. Память си-лится удержать формы, но прилагать къ дѣлу долженъ ихъ разсудокъ, а онъ при изученіи ихъ не участво-валъ, — и ученье не приноситъ поль-ды. Возьмемъ для примѣра хоть глаголы: какое понятіе о значеніи формъ imperfectum, perfectum и plus-quamperfectum будетъ имѣть ученикъ, когда по-русски есть только одна форма для обозначенія прошедшаго дѣйствія? Какъ пойметъ онъ различіе futuri sim-plicis и exacti (изъ которыхъ послѣд-нее, неизвѣстно почему, исчезло изъ разбираемой нами грамматики), когда у насъ нѣтъ соответствующихъ формъ? Что такое вообразить онъ себѣ модъ deponens, praeteritum и futurum, inf-initivi, gerundium, supinum, futurum participii,—если не объяснить ему зна-ченіе этихъ формъ, а сказать просто, что такая-то форма называется такъ-то и переводится такъ-то (т. е. нехѣро, за неизвѣніемъ ей соответствующей въ русскомъ языкѣ)?

А таково общепринятое изложеніе всѣхъ грамматикъ вообще и въ особен-ности латинской. Отъ-этого у насъ столь немногіе знаютъ древніе языки, получивъ еще въ дѣтствѣ отараченіе къ нимъ; отъ-этого же происстекла и

нелѣзная мысль о бесполезности этого знанія.

210) *Новѣйшій Французскій Самоучитель, или легчайшій способъ выучиться этому языку (?) безъ помощи учителя, съ указаніемъ правильнаго произношенія словъ, составленный по новѣйшимъ методамъ аббата Сенара, Ломонда, Лестелье, Ноэля, Шапсала и другихъ, Ев. Се...вичъ. Изданіе второе, вновь исправленное и дополненное. Въ трехъ частяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Гутенбергскою Правленія. 1845. Въ 8-ю д. л. 458 стр.*

211) *Новый Французскій Букварь, заключающій въ себя, кромѣ обыкновенныхъ началъ, наставленіе для самоучащихся въ правильномъ произношеніи буквъ, разныя реченія, полезныя разговоры, правоучительныя басни, избранныя повѣсти и ручной словарь, въ которомъ помѣщены самыя употребительнѣйшія прилагательныя и существительныя имена, также глаголы, мѣстоименія, союзы и предлоги. Новое изданіе. Санктпетербургъ. Въ тип. Ильи Глазунова и Комп. 1845. Въ 8-ю д. л. 92 стр.*

Заглавія этихъ двухъ самоучителей такъ поразительно-краснорѣчивы, что намъ нечего говорить о ихъ содержаніи; остается только воскликнуть вмѣстѣ съ однимъ господиномъ, выучившимся по-французски, вѣроятно, по самоучителю: «*сузъ акабль молъ интеллижанецъ!*»

212) *Географія, составленная Александромъ Чертковымъ. Санктпетербургъ: Въ Гутенберговой тип. 1845. Въ 8-ю д. л., 246 и XIII стр.*

Превеселая географія! Чтобы ученикамъ не скучно было учиться по ней, она то пренаивно любезничаетъ съ нами, то пренаивно смѣшаетъ ихъ. Потѣха начинается съ предисловія, а предисловіе начинается такъ:

«Сочинитель издаваемой географіи перемѣла деламъ считаетъ обязаннымъ въ своемъ

предисловіи (,) какъ о необходимости изданія географіи, такъ и о важности самого сочиненія.

Изданіе географіи возможно: ибо всякій, желающій издать въ свѣтъ географію, имѣетъ собственный взглядъ, свое умѣнье расположить предметы науки, большія или меньшія силы (,) чтобы воспользоваться матеріалами, наконецъ (,) имѣетъ свою цѣль (,) т. е. припророченіе (чего?) къ извѣстному возрасту учащихся и къ самому мѣсту воспитанія.

Изданіе географіи, въ которой выполнены всѣ эти условія, необходимо: потому-что учащійся, пользуясь такою книгою, можетъ имѣть полное понятіе о предметѣ сей науки.»

Справедливо, все справедливо, хотя и безграмотно! такъ справедливо и такъ всѣмъ извѣстно, что сочинителю не изъ чего было хлопотать о доказательствахъ, что зимою холодно, а лѣтомъ тепло.

«Изложилъ, какъ случится, возможность и необходимость изданія географіи, сочинитель имѣетъ съ тѣмъ полагаетъ необходимымъ отвѣтить на тѣ вопросы, кои предложить ему кратка, лишь только въ стѣтѣ помнится его сочиненіе, вопросы для него казавшіеся важными, какъ-бы не помнятлю сію тѣ вопросительныя пункты, отъ коихъ никогда не можетъ отказаться отвѣтъчикъ-подсудимый.»

Вопросы эти слѣдующіе:

Зачѣмъ кто-то, вовсе неизвѣстный, осмѣлился печатать географію?

Развѣ нѣтъ у насъ географіи?

Что новаго въ состояніи оны сказать?

Не есть ли сочиненіе его повторенная выписка изъ книгъ прежде изданныхъ?

Не для спекуляціи ли мнимо-ученый, подбираетъ въ свои руки нѣсколько географическихъ сочиненій, выписалъ въ одну книгу по нѣскольку строкъ и страницъ, то изъ одного, то изъ другаго?

По мнѣнію г. Черткова, нѣкоторыя изъ этихъ вопросовъ — не лишніе, и оны не обидѣли бы, если бы ихъ ему предложили. Вѣрнѣе ему не-слово; но не вѣрнѣе, чтобы гдѣ-нибудь могла существовать нелѣзная кратка, способная предлагать сочинителямъ такіе нелѣзные вопросы. Почему кто-то осме

докладомъ, не имѣть права писать своего сочиненія? Да и какой авторъ, самый знаменитый и славный, не былъ *къмъ-то совсѣ неизвестнымъ* до изданія въ свѣтъ своего перваго сочиненія? Если бы писать имѣли право только извѣстные авторы, то скоро перевелись бы всѣ извѣстные и даже неизвестные сочинители. Но г. Чертковъ этого этого вопроса не знаетъ, и потому вновь предлагаетъ глубокомысленный вопросъ: «Справедливо ли некоторые говорить, будто неизвестные люди не должны писать?» — и не менѣе-глубокомысленно, краснорѣчивымъ слогомъ, рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу неизвестныхъ людей. Соображеньемъ рѣшимъ, кому попадетъ въ руки «Географія» г. Черткова, прочесть вполне предисловіе къ ней, если они любятъ канвро-забавное.

«Географія» г. Черткова написана по самому нехорошему плану. Такъ, на-пр., географія математическая у него слѣдуетъ за политическою географією Вироны, — для того, чтобы дѣти, проходя шведскіяю, ушли въ то же время изучиться геометріи, безъ которой, дѣйствительно, невозможно основательное знаніе математической географіи. Но для этого, не лучше ли начинать вообще преподаваніе географіи не прежде, какъ учадіеся на столько узнать геометрію, сколько нужно это для изученія математической географіи? Политическая географія Вироны заложена у г. Черткова не по государству, а Богъ — знаетъ какъ. Сперва онъ излагаетъ границы государствъ, потомъ говоритъ о религіи, правительствѣ, постановленіяхъ, потомъ о городахъ, и т. д. Только географію Россіи излагаетъ онъ отдѣльно. Однимъ словомъ, новыхъ затей много, и толку имъ на волосъ! А сколько неуживыхъ и совершенно-лишнихъ разглагелстай! такъ, на-пр., во введеніи, сочинитель рассуждаетъ о пользѣ отъ науки вообще, а потомъ о пользѣ отъ географіи. Между прочимъ, очень — хорошо доказываетъ онъ, что географія наука: — она для насъ(а) изучается мно-

гому, чего прежде не знали. Изъ этого слѣдуетъ, что книжка *Правила игры въ Преферансъ* есть тоже наука, потому-что мы изъ нея научаемся многому, чего прежде не знали?..

Географія г. Черткова написана слогомъ неяснымъ, неточнымъ, неправильнымъ, а краснорѣчивымъ. Не краснорѣчиво ли, на-пр., это:

«Напиши учебную книгу отличную во всемъ (,) и притомъ такъ, чтобы она не отстала отъ сына, въ которомъ ты живешь, чтобы предметы науки были расположены съ выгодою для памяти учащихся и ихъ ума; — и повѣрь мнѣ, что сочиненіе твое само можетъ изъ подъ пера явиться въ Т(т)ипографію: оно не будетъ краснѣть за себя, не побояется критиковъ — и самъ послѣдніе, въ какой бы мѣрѣ не были строги, признаютъ достоинство разсмотрѣнной ими книги.»

Хорошо, сладко пишетъ г. Чертковъ. Жаль только, что это краснорѣчіе, столь пѣвническое въ романахъ гг. Бранта и Кузничева, не совсѣмъ прилично для географіи...

Вѣкъ Елисаветы и Екатерины произвелъ двухъ мужей — гениевъ: одинъ обезсмертилъ имя свое во всѣхъ родахъ поэзіи и прозы, другой *остался извѣстенъ*, какъ великій поэтъ. (стр. 167).

Какая великолѣпная фигура удержанія, или умолчанія! Увлеченный краснорѣчіемъ, г. Чертковъ не почелъ за нужное назвать по имени двухъ мужей-гениевъ, думая, что ученики его хорошо знаютъ ихъ и безъ его географіи. Впрочемъ можно догадываться, что онъ говоритъ о Ломоносовѣ и Державинѣ, не зная того, что первый теперь знаменитъ, какъ реформаторъ языка и литературы и ученый, а совсѣмъ не какъ поэтъ.

Вскорѣ явились Дмитріевы, Брюловы, Жуковскіе, Пушкины и другіе; — *самые даже художники совершено преобразовались* — явился Брюловъ, а съ нимъ новая слава для искусства. (стр. 168). Удивительно!

Описывая Москву, г. Чертковъ за-

говоришь, впрочемъ, отъ полноты души, вотъ-какія фразы:

«Путешественникъ (.) при въздѣ въ Москву черезъ Тверскую заставу, встрѣчаетъ картину природы (?) и искусства: передъ нами верхи домовъ; куполы церквей и шпицы съдрыхъ башенъ, кои тамъ черныюль, тутъ бѣлѣютъ и горятъ огнемъ. Съ поклоной горы прекрасно видна сія панорама; — здѣсь (на поклоной горѣ?) много серебра и всякихъ рѣдкостей, — живописныя дачи купаются въ зелени садовъ, облегающихъ Москву, какъ рамою, — строения сдѣланы (съ чѣмъ?) узорными крышами; колоссъ древній и обелискъ — великій Иванъ (обелискъ?) съ золотой головою довершаетъ картину.» (стр. 182 — 183).

Хороша вотъ и эта фраза, только уже не по краснорѣчивости своей, а по грамотности: «Со времени Іоанна Грознаго (.) Архангельскъ ведетъ торговлю съ Англіею, когда бурюю прибитъ былъ А(а)нглии(и)скій корабль (.) подъ начальствомъ К(в)аптана Ченслера.» (стр. 174). Г. Черниковъ, вѣроятно, хотѣлъ выразиться такъ: «Со времени Іоанна Грознаго, когда къ устью Двины бурюю прибитъ былъ англійскій корабль, подъ начальствомъ Ченслера, — Архангельскъ ведетъ торговлю съ Англіею.»

213) Библиотека Романовъ, повѣстѣй, путешествій и записокъ. Издаваемая П. Н. Улитнымъ. Выпускъ четвертый. Томъ третій. (Похождения Геркулеса Арам или Гаіана въ 1772 году. Романъ Евгенія Сю. Переводъ съ французскаго. Часть вторая). Москва. Въ тип. Ц. Станисова. 1845. Въ 12-ю д. 4. 144 стр.

Мы говорили о первой части «Геркулеса», и потому ни слова не скажемъ о второй, послѣдней, — на томъ основаніи, что отзывъ нашъ о началѣ романа Сю прилагается въ полной силѣ и къ его окончанію.

214) Читатель мой Циффаръ. Повесть Поль-де-Кока. Санктпетербургъ.

буря. Въ тип. М. Д. Оленина. 1844. Въ 12-ю д. 1., 193 стр.

Мы перевели, прочли и изучили всего Поль-де-Кока, такъ-что Поль-де-Кокъ столько же принадлежитъ намъ, сколько и Франціи, — съ тою только разницею, что на французскомъ языкѣ онъ всегда забавенъ, милъ, даже гротозвенъ въ самыхъ пошлостяхъ, а на русскомъ частенько тажемолатъ, плоскокочать и даже грязноватъ. Романы его все переведены; остаются новѣсти, такъ кое-что. Давайте намъ и это — мы будемъ покупать и читать! На эдворье!

Циффаръ переведенъ грамотно и изданъ опрятно и красиво.

215) Эльвира. Драма въ четырехъ действіяхъ В—ра М—ва. Въ пользу слѣпой. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Воробьевой. 1845. Въ 12-ю д. 1. 61 стр.

Пустяки, въ которыхъ развѣ ничего нельзя понять и вечерами напечатаны на дурной сѣрой бумагѣ, дурнымъ шрифтомъ, безъ всякихъ признаковъ орфографіи. Для слѣпыхъ эта книга еще и тула-седа, потому-что они не увидятъ ея безобразія; но горе врачамъ, которые обзавы читаютъ верный валоръ!

216) Юрьевъ День. Русскія повѣсти XV и XVI вѣковъ. Сочиненіе Ивана Никифорова. Москва. Въ тип. Академіи Императорской Медицинскаго-Хирургической Академіи. 1844. Въ 12-ю д. 1. Въ двухъ частяхъ. Въ 1-й 166, во 2-й 200 стр.

Русскія повѣсти XV и XVI вѣковъ, сочиненіе Ивана Никифорова! Это что за извѣстіе? Позвольте, такъ ли мы прочитали? Нѣтъ, вѣрно! Такъ какъ же это? Что изъ это такое? Идѣ если это правда, такое важное открытіе области нашей древней литературы будетъ драгоценною находкою. Для всѣхъ любителей русской исторіи, каковыя же образцы мы не знаемъ, да же не подозревали существованія этого рѣдкого и вѣроятно давно потерянаго

даже не слышали никогда объ имени Ивана Никифорова, сочинявшего русскія повѣсти еще въ XV и XVI вѣнахъ? Что жъ дѣлать! Такая вѣрно наша несчастная судьба; мало ли чего мы не слышали; а иногда приходится слышать такіа диковинки, т. е. дикія вещи, отъ которыхъ радъ бы зажать уши, да нельзя — надо слушать. Вотъ хоть бы безтолковое заглавіе сочиненія г. Никифорова дасть ясное понятіе о томъ, чего должно ожидать отъ его сочиненія, какиа недѣлостей наговорить онъ въ двухъ частяхъ своихъ собственныхъ русскихъ повѣстей, какиа пошлости и будетъ подчивать своихъ престодушныхъ читателей, какою болтовнею съ претензіями на остроуміе разведеть онъ свой безкусный соусъ, чтобъ пріаать ему пріятность. «Любите ли вы читать сказки и повѣсти русскія?» спрашиваетъ г. Никифоровъ своихъ будущихъ читателей, и отвѣчаетъ за нихъ: «Почему же нѣтъ? Одно прилагательное (а можетъ-быть нарѣчіе?) уже дасть нмъ право на вниманіе; для того, кто любить родину (а кто жъ крои сына изверга не любитъ матеря), для того драгоцѣнна каждая капля воды, черпаемая изъ источника древностей отечества?». Г. Никифоровъ требуетъ слишкомъ много самоотверженія отъ любя въ родившъ, такиахъ, везлосиныхъ подвергаетъ ее искушеніямъ, заставляя дорожить славою вздоромъ, какою бы ни стали ей называть услужливые и ревностные не по разуму люди. Русскія повѣсти XV и XVI вѣновъ, — сочиненія г. Ивана Никифорова; носятъ на себѣ слѣдующія названія: *Перстень, Разводъ и Жемчуга, Чара заставляла изъ стурового лица, Два Жемчуга*. Но, крои этихъ частныхъ, принадлежащихъ каждой повѣсти отдѣльно и составляющихъ ее неотъемлемую собственность, названій, всѣ онѣ, видѣтъ наглая, имѣютъ одно общее имя — *Юрьевъ День*. Невозможно никакъ догадаться, почему сочинитель далъ такое названіе своимъ русскимъ повѣстямъ. Мудрено, рѣшительно му-

дрено, непостижимо ниикому спорному уму. Развѣ только для г. Никифорова это ясно, какъ день. Посмотримъ: «что жъ за мысль пришла въ голову назвать книгу *Юрьевымъ Днемъ*»? спрашиваетъ опять тогъ же г. Никифоровъ, невѣзливо когъ — себя или читателей; должно думать, что себя. «Вотъ причина» отвѣчаетъ онъ: «права, присвоенныя древностью этому дню, къ счастью для многихъ, еще не потеряны въ области литературы. Историкъ, математикъ, химикъ служатъ одной строгой бо- рынѣ, извѣстной подъ названіемъ истины, на щитѣ ихъ начертано слово *очевидность*; сочинители сказокъ, напротивъ служатъ такъ же владимъ-цѣ не менѣе богатой, извѣстной подъ названіемъ лжи, неправды, ихъ эмблема *выдумка*. Наша братья сочинители повѣстей и романовъ историческихъ, селятся на рубежѣ владѣній этихъ помѣщичъ и, пользуясь правами Юрьева дня, имѣютъ право переходить отъ одной владѣльщицы къ другой, соединять, мирить между собою двѣ враждующія стороны, что можетъ быть благороднѣе, добродѣтельнѣе этого! На языкѣ нашемъ ярко блещетъ *спролтиость, правдеподобіе*. Скажите, пожалуйста, какъ хитро! нѣтъ нужды, что нелѣпо... Вотъ куда метнулъ, какого тумана вынулъ; разбери, кто хочеть!». Но читателямъ, можетъ-быть, желательно знать содержаніе русскихъ повѣстей XV и XVI вѣновъ. Мы готовы удовлетворить ихъ любопытству, только утѣраемъ напередъ, что они не найдутъ въ этихъ повѣстяхъ никакой занимательности. Много пустой, вздорной болтовни, и рѣшительно ни одной здравой, человѣческой мысли, ни одного удачно-сказочнаго вѣрно-обрисованнаго положенія, ни одного истиннаго характера, — вотъ все, что можно сказать объ этомъ сбродѣ всякой-всичины, объ этомъ винигретѣ. Въ оправданіе нашихъ словъ, а больше для потѣхи, возьмемъ первую повѣсть г. Никифорова, которая называется *Пер-*

стель. Великий князь Иванъ III Васильевичъ хочетъ женить сына своего Василія. Дѣвицы изъ всего Русскаго Царства, замѣчательныя своею красотою или внутренними достоинствами, собираются во дворецъ на смотръ. Великий князь Василій Ивановичъ, во время ночнаго посѣщенія этихъ дѣвъ, надѣваетъ одной изъ нихъ на руку перстень и такимъ образомъ избираетъ ее себѣ въ супруги. Но перстень этотъ, которому опредѣлено возвысить судьбу смиренной и несчастной Соломоніи, долженъ былъ напередъ попасть въ руки одного русскаго ювелира или гранильщика для того, чтобъ онъ вставилъ въ обручальное кольцо драгоценный камень изъ казны великаго князя. Работа эта заказана была не Нѣмцу какому-нибудь заморскому, а чисто-русскому человеку, по той причинѣ, что не все вѣдь Нѣмцамъ владѣться, можетъ-де скать и безъ нихъ обойдется, и сами сдѣлаемъ не хуже всякаго басурмана. Только вотъ бѣда: русскій мастеровъ. Максимъ Пятаячъ, которому отданъ былъ для обдѣлки перстень. Онъ вынулъ изъ него настоящей камень, приобщилъ его къ числу похищенныхъ имъ прежде у разныхъ лицъ, и на мѣсто его вставилъ подложный. Грекъ Юрій, любимецъ Василія, метилъ также свою дочь Елену за великаго князя. Онъ воспользовался подлѣкою камня, сложилъ всю вину на боярина Холмскаго, которому препорученъ былъ этотъ камень, и выставилъ его передъ великимъ княземъ главною пружиною подлога. Наконецъ, все дѣло было разобрано, какъ слѣдуетъ. Боярямъ сдѣланъ строгій выговоръ; они названы торгашами и сплетниками. Гранильщикъ сознался въ своемъ преступленіи и удавился. Василій Ивановичъ благополучно женился на Соломоніи. Повѣсть кончилась. Есть ли какая-нибудь тѣль вѣроятности и интереса во всей этой пустой, безжизненной интригѣ, которую завязалъ и развязалъ г. Никифоровъ? Возможна ли единственно для его фа-

татив оредетанн, — объ этомъ предоставляемъ судить самимъ читателямъ. Мы съ своей стороны, не видимъ никакой естественной, необходимой, разумной связи въ тѣхъ происшествіяхъ, которыя сочинитель русскіихъ повѣстей выводитъ на сцену. Чтò въ этихъ повѣсткахъ русскаго, мы рѣшительно также не принимаемъ. Наконецъ, чтò въ нихъ русскаго XV и XVI вѣковъ, этого вопроса не разрѣшить ни одинъ хитрецъ. Выписываемъ нѣсколько строкъ изъ одной сцены, на которую г. Никифоровъ вѣроятно очень-много рассчитывалъ, потому-что вѣдь въсей своей силѣ развигралось его плодовитое воображеніе: это — вытка гранильщика Пятаяча.

Преступникъ кричалъ в громкобормоталъ въдоръ. — Преставъ братецъ пѣтъ, у тебя голось прескверный, скажалъ дѣвкъ, а шавой охотникъ съ лубынкъ козломъ поспорить, тотъ шель, однакожь, на однихъ манерь, а этотъ то быкомъ, то медвѣдѣнъ, то собою; итѣ зѣря. котораго бы не передразнилъ, итѣ зкой мастеръ? Нурка, соловьемъ! Итѣ, другъ мой, это по-овечья, ха, ха, ха! а отъ чего бы. кажется, кричать! итѣ капля! А въ Москвѣ рѣкъ воды много, это сойдеть. еще поодольсь, намъ не жаль для друга. Посмотрите ребята, не подѣтъ итѣ ли ведра два?..

217) Полночь 1844—1845. So non so ben visto, come jo d'entrai. Inferno: Dante. Сочиненіе 3... Адельсонъ. Москва. Въ тип. Н. Друка. 1848. Въ 18-ю д. л. 15 стр.

Въ этой книжкѣ, приправленной ко вкусу вѣроятно итальянскимъ эмигрантомъ, хотя въ ней вовсе ничего итѣ похожаго на итальянскую мелодію, находится ни больше ни меньше, какъ только два стихотворенія. За те предметы, воснѣвасные г. Адельсонъ, очень-важны и вдохновительны. Полночь передъ новымъ годомъ в Вурд — должно быть, послѣ новаго года: кака богатая, роскошная канва для поэтическаго воображенія! какіе чудныя, очаровательныя звуки для музыкаль-

него уха! Послушаетъ, однако, какъ
мощь г. Адельсона, положимъ, хоть въ
полночь:

Раздался
Въ глубокую полночь унылый мѣди звукъ:
(Ихъ также у меня на сердцѣ отозвался,
И голъ, съизъ еремеи, уже совершилъ
свой кругъ!

И при своемъ полетѣ въ вѣчность
Того онъ жизнью одарилъ,
Тому онъ жизни далъ безчестность!
Того и гробомъ онъ сокрылъ!
Надежды старья помчались
За нимъ вслѣдъ пестрою толпой;
Ихъ призраки одни остались
Съ улыбкой на устахъ пустой!

Это еще что? Цѣлочка! У г. Адельсо-
на ось и игла — гайка, винтикъ и ве-
ртолтишь. А потому, мы опасаемся
угоспалить или читателю, чтобы чего
подобрать не случилось: пусть лучше
любуются цѣлочками...

218) Гадательная Книжка. Какъ
совершается гаданіе. Возьми въ руку
любопытное, или какое-либо другое хлѣб-
ное зерно, и держа твердо въ памяти
задуманное, выпусти зерно изъ рукъ
въ средину круга, и на которое число то
зерно упадетъ — прискажи въ кнѣж. Мо-
сква. Въ жин. скоротечанія В. Кири-
лова. 1845.

Эта гадательная книжка отдается
отъ другихъ своихъ сестеръ, которыхъ
у нея дочка и очень много, немаловаж-
ную одobenностью. Цѣль ея совѣтъ
не та, чтобъ служить забавою праз-
дства. Она мѣтилъ гирадо-выше она

хочетъ быть назидательною. На какое
бы число ни попало брошенное зерно,
тотъ, кто его бросилъ, не останется въ
убыткѣ. Онъ извлечетъ для себя очень-
полезные, хотя уже истаскавныя и
избитыя во многихъ забукахъ уроки
нравственности, въ родѣ слѣдующаго:
• Не грустишь много въ печали, не ра-
дуйся излишне въ радости, получивши
• — благодарн, потерявши — уповай; не
• стуй громко на недоброжелателей:
• придетъ время — они покорятся те-
• бѣ. Жаль только, что эта мудрая кни-
жка не достигнетъ своего назначенія:
ее отвергнутъ съ презрѣніемъ охотни-
цы до гаданья, которыя ищутъ въ
немъ совѣтъ не нравственности, а че-
го-то другаго, болѣе-пріятнаго и не-
нѣ-скупнаго.

219) Вѣстникъ въ Потомствѣ
или Милосердіе съ Небесъ. Сочиненіе
Федота Кузмичева. Второе изданіе.
Москва. Въ тип. Ивана Смирнова. 1845.
Въ 18-ю д. л.

Федотъ Кузмичевъ проповѣдуетъ
въ потомствѣ истины, которыя ни въ
чемъ не уступаютъ истинамъ гадатель-
ной книжки, и цѣль ихъ сочиненія од-
на и та же — моральная. Различіе меж-
ду ними заключается въ томъ, что творе-
ніе Кузмичева въ тысячу разъ
сильнѣе, по извѣстной причинѣ:
Кузмичевъ всегда говоритъ свысока,
какъ подобаетъ мужу велеречивому.
вѣстнику въ потомствѣ; въ простотѣ
словечка онъ не скажетъ: отъ-того у
него и выходитъ всегда галиматья

КНИГИ, ИЗДАВАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

25) L'ÉTRANGER A VENISE (Иностранецъ въ Венеціи). *Санктпетербургъ. Въ тѣхъ. Н. Глазунова & Кома. 1845. Въ 12-ю д. л. 88 стр.*

Подъ этимъ заглавіемъ только-что вышла книжка, очень полезная для тѣхъ, которые, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, отправляются въ Венецію, и вообще любопытная для всякаго, кто и не ѣдетъ туда. Это — родъ путеводителя по городу, предзнамененный для всякаго прѣѣзжаго, — но въ-особенности для больныхъ. Вотъ, что говоритъ авторъ въ предисловіи:

«Вопросъ о вліяніи венеціанскаго климата, относительно пользованія больныхъ, рѣшаемъ теперь, кажется, окончательно. Венеція единственное мѣсто въ Италіи, отъ котораго могутъ ожидать спасительнаго дѣйствія страдающіе хроническими золотушно-грудными болѣзнями (phthisis pulmo sum tuberculosa). Знаменитый венеціанскій докторъ Брера и французскій медикъ Тувенель, послѣ долгихъ и тщательныхъ наблюденій надъ климатомъ Венеціи, убѣдились въ этой истинѣ.

Неизвѣстный медикъ, авторъ статьи: «Impressions médicales d'un voyage en Italie», помѣщенной въ фельетонѣ парижской медицинской газеты, № 11, 1845 года, раздѣляетъ мнѣніе упомянутыхъ медиковъ касательно благотворнаго вліянія венеціанскаго климата на страдающихъ болѣзнями груди.

И такъ, удрученные этимъ родомъ недуговъ могутъ найти мѣсто, способное исцѣлить ихъ окончательно: это Венеція.

Въ предлагаемомъ сочиненіи изложено все, что вообще необходимо знать всакому путешественнику, обязанному провести въ этихъ мѣстахъ нѣсколькое времени. Эти свѣдѣнія извлечены изъ сочиненій Юліа Декома, томъ 28-й. «Италія свѣтскихъ людей» — сочиненія, вышедшаго въ Парижѣ въ 1844 году.

Впрочемъ, сокращая или измѣняя нѣкоторыя части этого труда и вставляя новыя статьи, эта книжка имѣетъ цѣлью соединить въ себѣ все, что надо знать о

Венеціи тѣмъ изъ иностранцевъ, живущихъ въ Санктпетербургѣ, которые захотятъ посѣтить этотъ городъ, единственный въ мірѣ по красотѣ своихъ зданій, по своей славѣ и несчастіямъ, и въ-особенности по своему мѣстоположенію, — городъ, о которомъ упомянутый авторъ говорить: «неблагодаренъ тотъ, кто, разъ увидѣвъ Венецію, забудетъ ее».

Въ этой книжкѣ можно найти слѣдующее: 1) Топографію Венеціи и статистическія свѣдѣнія, краткія, но зато полнѣйшія; 2) Описаніе четырехъ лучшихъ и выгоднѣйшихъ гостиницъ города; 3) Полицейскія правила, съ которыми необходимо сообразоваться прѣѣзжему; 4) Изъясненіе употребительныхъ монетъ; 5) Списокъ консуловъ, съ означеніемъ мѣста ихъ жительства; 6) Мѣблированные квартиры; 7) Рестораторы; 8) Кофейныя; 9) Гондолы; 10) Театры; 11) Климать, гигиена и пища Венеціи; 12) Медики (изъ которыхъ, впрочемъ, упомянутъ только одинъ); 13) Аптеки; 14) Бани; 15) Предметы моды: бѣлье, портные, швен, модистки, шляпные фабриканты, сапожники и башмачники, перчаточники и парикмахеры; 16) Древности, картины, произведенія искусства; 17) Книжные магазины и кабинеты для чтенія; 18) Галантерейныя вещи; 19) Свѣдѣнія, необходимыя для отъѣзжающихъ.

Все это изложено именно въ томъ объемѣ, какой нуженъ для того, кто хочетъ только ориентироваться въ Венеціи, руководствуясь книгою. Нѣтъ лишняго, есть все необходимое.

26) TABLEAU MNÉMONIQUE DE L'HISTOIRE UNIVERSELLE, *arrangé pour les élèves de l'Institut de St. Marie par M-me E. Minzloff, née Gallais* (Мнемоническая Таблица Всковщей Исторіи, составленная для воспитанницъ Института св. Маріи, г-жею Е.

Минцловъ, урожденною Галло). Санкт-петербургъ. Въ тѣх. Карла Крайя. 1846. Въ 8-ю д. л. 16 стр. Съ таблицою.

Сущность брошюрки составляетъ приложенная въ ея концѣ таблица. Она разделена на 42 квадрата, каждый для 100 лѣтъ, и обнимаетъ собою такимъ образомъ не только исторію, но и времена до-историческія, въ хронологіи которыхъ вѣвнія расходятся на тысячи и десятки тысячъ лѣтъ. Въ каждомъ квадратѣ находится изображеніе, символически-выражающее главнѣйшія событія и характеръ столѣтія. Подъ ними, въ нѣсколькихъ словахъ, исчисленіе важнѣйшихъ событій. Въ самой брошюрѣ заключаются изъясненія символическихъ изображеній.

Повогааетъ ли эта именованная таблица памяти, рѣшить не беремся. Вообще, эта книжка для игрушки слишкомъ-серьезна, а для науки слишкомъ-похожа на игрушку. Но какъ она назначена для общественнаго учебнаго заведенія, сѣкдаственно, и немыслима, какъ учебное пособіе, то и не стоитъ сомнѣнія, что принесеть пользу учащимся исторіи.

27) *Le livre de l'enfance ou lettres du premier age par Théodore Comteper. Neuvième édition. Moscou. Въ университетской тѣх. 1845. Въ 12-ю д. л. 145 стр.*

Въ этомъ изданіи нѣтъ никакихъ изреченій противъ вредныхъ нападкѣй.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ АНГЛІИ.

1) Драма. *Шериданъ Нольс*: «Виргиній», «Кай Грахъ», «Вильгельмъ Телль». — *Томасъ Вупъ Тальфурдъ*: «Юнъ», «Афинская Пѣвица», «Гленко». — *Эдвардъ Литтонъ Болсеръ*: «Кромвелль», «Герцогня де-ла-Вальеръ», «Ришль», «Капитанъ», «Дешагъ». — 2) Водевиль и мелкія пьесы. *Дугласъ Джеррольдъ*, *Букстонъ*, *Бернаръ*, *Оксенфордъ*, *Плакисъ*, *Дансъ*, *Ридъ*, и др. — 3) Драма въ стихахъ. *Брукингъ*: «Парацельсъ», «Страффордъ», «Король Викторъ и Король Карлъ», «Возращеніе Друзовъ», «Сорделло». — *Марстонъ*: «Дочь Патриція». — *Поуэлъ*: «Слѣвая», «Мицвіе Женщины», «Маргарита», «Маріонъ». — *Тейлоръ*: «Филиппъ Артевелль». — *Балсъ*: «Фестъ». — *Сара Флоуеръ Адамсъ*: «Вивіа». — 4) *Макредъ* и его групи дѣйствій.

Современная драма въ Англіи не оправдываетъ своего названія. Драма, по натурѣ своей, болѣе всѣхъ прочихъ родовъ искусства можетъ быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ современной жизни, — и она отказалась отъ этого преимущества. Въ ней мало вообще дѣйствительнаго, то-есть, вообще вѣрнаго природѣ человѣческой; а о современности почти не можетъ быть и рѣчи. Условные герои, наслѣдіе вѣка, когда господствовалъ непонятно-ложный взглядъ на искусство, — слѣпое, рабское подражаніе образцамъ великимъ, но требующимъ и великихъ силъ, которыми природа одаряетъ, конечно, не слѣпыхъ подражателей, — вотъ поле, которое обрабатываютъ новѣйшіе драматурги. Есть исключенія, и мы о нихъ не забудемъ упомянуть; но они все же не такъ много-

численны, чтобъ выйдти изъ категоріи исключеній. Причиной такого состоянія драматической литературы очень-многоразличны; только къ нимъ вовсе не принадлежитъ невозможность воспроизведенія дѣйствительной, современной жизни на сценѣ, и не недостатокъ драматическихъ элементовъ въ этой жизни. Современная драма живетъ, — только она изгнана изъ театра и живетъ въ романахъ Диккенса, Гуда, мистриссъ Горъ и Троллопъ. Также нельзя приписывать всего сказаннаго и недостатку сочувствія въ обществѣ; доказательствомъ служитъ то, что публика драмы, живущей теперь въ романахъ, то-есть, драмы дѣйствительной и живой, а не воображаемой и ложной, въ-десятеро многочисленнѣе посѣтителей спеціальныхъ зрѣлищъ.

Изучая характеръ новѣйшей драмы, слѣдовало бы говорить о романахъ, и только для полноты коснуться театра. Но мы хотимъ рассмотреть здѣсь собственно только сценическую драму.

Шериданъ Нольсъ (Knowles), Тальфурдъ и саръ Литтонъ Болверъ составляютъ теперь триумвиратъ драматической республики. Первый изъ нихъ главный дѣятель и предводитель такъ-называемой романтической школы, второй—классической, а третій—элективъ: ему все хорошо, лишь бы вело къ успѣху. Туча другихъ драматурговъ окружаетъ этихъ писателей. Есть критики, которые кое-кого изъ этой толпы ставятъ выше триумвировъ, но мы говоримъ здѣсь съ голоса английской публики, предоставляя каждому лично признать его за справедливымъ или ложнымъ.

Шериданъ Нольсъ—самый народный изъ всѣхъ драматическихъ писателей. Это явленіе не можетъ имѣть другой причины, кромѣ симпатіи между стремленіями пылѣвшаго общества въ Англіи и талантомъ писателя. Стоитъ только взглянуть на его произведенія и на жизнь его соотечественниковъ, чтобъ сейчасъ же увидѣть точку, въ которой они соприкасаются. Эта точка — семейная жизнь, съ ея прѣсными счастіемъ и бурями въ стаканѣ воды. Это, впрочемъ, не уменьшаетъ ея интересъ для того, кто дѣйствительно видитъ тутъ бурю и штиль. А такова публика Шеридана Нольса. Англичанинъ у себя дома — король; здѣсь онъ живетъ истинно: вся внѣшняя его дѣятельность не цѣль, и ужъ нисколько не потребность его природы, а только средство. Отсюда прорастаетъ англійскій *комфортъ* — слово, пѣвкомъ перенесенное на всѣ прочіе языки, потому что оно національно, непереводаимо и незамѣнимо. Для такого общества поэтъ домашней жизни естественно больше прочихъ по-сердцу.

Драма Шеридана Нольса чужда ледорядочныхъ страстей необузданнаго воображенія, такъ же, какъ и глубокихъ социальныхъ коллизій. Все въ ней

движется въ тѣсныхъ раздѣлахъ семейной жизни. Поэтъ, по-видимому, иногда широко раздвигаетъ предѣлы своей драмы; но все это только великолѣпная рама, въ которую вставлена небольшая картинка, изображающая семью. Возьмемъ для примѣра самую народную изъ его пьесъ: *Виргиній*. Костюмы, декорации, весь *спектакль* говорить намъ о римской жизни, — но это только блѣстки, ложная часть драмы. Истинная драма происходитъ въ сердцѣ: а сердца, бьющіеся подъ этими туниками — чисто-англійскія. Движущая сила драмы въ привязанности отца къ дочери, въ чувствѣ гордости, которое пробуждаетъ въ сердцѣ дочери слава отца. Это-то и есть точка, въ которой поэтъ соприкасается съ своею публикою, въ этомъ заключается тайна народности *Виргиніи*. Истинно-римской драмѣ можетъ сочувствовать во всей Европѣ развѣ только Франція. Въ Англіи римская сторона драмы, то-есть лаваторы, декорации, туники, — возбуждаютъ только удивленіе, или, лучше сказать, составляютъ предметъ для развлеченія глазъ.

Нольсъ написалъ еще и другую римскую драму: *Кай Гракхъ*. Необытное поле для драмы! Но посреди этого поля стоитъ особнякомъ домъ, съ живущимъ въ немъ семействомъ. Вдали высятся Римъ, — но онъ занимаетъ только-развѣ третій планъ ландшафта. Гракхъ является не гражданиномъ, а семьяниномъ. Публика раздѣляетъ его интересы — и драма имѣетъ успѣхъ.

То же самое замѣтно и въ *Виллелмъ Телль*. Интересъ и здѣсь сосредоточенъ на второстепенныхъ предметахъ. Зрителя занимаетъ не участь Швейцаріи, но участь семейства Телля.

Стремленіе автора и сочувствіе публики электризоваемы, кажется, другъ друга. Талантъ его развивался по одному направленію, и въ послѣднихъ произведеніяхъ своихъ онъ создалъ нѣсколько живыхъ, вѣрныхъ дѣйствительности женскихъ типовъ. Впрочемъ,

нхъ сворѣя можно почестъ за плодъ тщательнаго маученія частныхъ, нежели ва глубокоу концепцію.

Вотъ источникъ народности Нольса. Пьесы его чаще прочихъ играются на театрѣ, в это не потому, чтобъ фантазія его была живѣе, знаніе человѣческаго сердца глубже, — нѣтъ! это просто слѣдствіе того, что онъ умѣлъ тронуть чувствительную струну публики. Онъ растетъ въ сердцѣ, какъ рудокопъ въ рудникѣ, — и тутъ бросился онъ не въ глубь, а въ сторону, въ забытый уголокъ — и нашель богатую жилу. Отъ этого ему удалось создать типы женщинъ, а не мужчинъ; семейство — государство женщины.

Вполнѣ должно отдать справедливость и похвалить Нольса за одно: слава не усыпляетъ, а пробуждаетъ его талантъ. Это вѣрный признакъ истиннаго дарованія, то-есть дарованія, которое, каково бы ни было его направленіе, есть не средство для пріобрѣтенія похвалъ, а потребность духа, съ негодованіемъ покоряющаяся сначала прихотямъ толпы, чтобъ овладѣть этою толпою и упрочить свою будущую свободу. Первые произведенія его, «*Виргиній*», «*Кай Гракхъ*», «*Вильгельмъ Телль*» не были свободнымъ произведеніемъ творчества; ими Нольсъ дебютировалъ и въ нихъ подчинился требованіямъ публики и дирекціи. Потому въ этихъ драмахъ такъ много ложнаго; многое, можетъ-быть, ложно и въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ, — но тутъ страшная разица: тутъ заблужденія ея, и для него они истина; а въ актѣ творчества это великое дѣло.

Такова драма его «*Горбатый*». Вѣрный, типическій характеръ Юліи выкупаеетъ многіе недостатки драмы. Ее встрѣтили съ тѣмъ же одобреніемъ, какъ и предъидущія пьесы, не смотря на то, что въ ней авторъ избавилъ себя отъ угодленія требованіямъ, по преданію считаемымъ публикою справедливыми. Это доказываетъ, что Нольсъ умѣлъ овладѣть отчасти публикою, — другой признакъ таланта.

Многіе (примѣры можно видѣть и у насъ) живутъ постоянною лестью и подлаживаніемъ подъ вкусъ публики; еяніама не жалѣютъ: по суду ва мопологъ. Публика нюхаеетъ съ удовольствіемъ: обонятельные нервы у ней крѣпки; поэтъ ваграждаетъ рукоплесканіями и вызовами. А попробуй тотъ же поэтъ написать пьесу безъ еяніама, — и та же публика его освищеть. Не то бываетъ съ истиннымъ дарованіемъ, не говоря уже о гениі. Свобода творчества—его потребность; угрожда ва началѣ капризамъ толпы, — послѣ онъ увлекаеетъ ее за собою.

Такимъ явился Шериданъ Нольсъ въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ. Натъсканность, эффектная, патетическія, но пустыя тирады, вся мишура—брошены. Тѣмъ не менѣе пьесы его имѣли успѣхъ.

Конечно, эта сила, увлекающая за собою людей, въ Шериданѣ Нольсѣ не слишкомъ велика, но все же она есть; она пересилила толпу, — а этого достигають немногіе. Передъ Шекспиромъ онъ, конечно, не больше, какъ земля передъ солнцемъ, но и у этой земли есть спутники: Роу, Соутернъ, Мурфи.

Говоря безъ всякихъ сравненій, Шериданъ Нольсъ человекъ замѣчательный, и извѣстность его заслужена, а не украдена у публики. Онъ долго и безкорыстно стремился къ лучшему въ области драмы, рука-объ-руку съ Макреди. Нольсъ былъ актѣромъ и только недавно оставилъ сцену.

Томасъ Нувъ Тальфурдъ долженъ былъ преодолѣть много препятствій, чтобъ сдѣлаться драматическимъ писателемъ. Родители его принадлежали къ сектѣ индепендентовъ. Самъ онъ былъ предназначенъ быть адвокатомъ. Эмида мѣшала Мельмоентъ; но ихъ примирилъ лордъ Брумъ, познакомившій съ Тальфурдомъ вскорѣ послѣ изданія его перваго сочиненія: «*Poems on various subjects*». Тальфурдъ трудился и по части критики: онъ первый оцѣнилъ востическое достоинство Уордсворта. Дѣятельность Тальфурда

вообще была чрезвычайно-разнообразна; его эластическая, богатая натура позволяла ему стремиться въ одно и то же время по разнымъ путямъ. Поэтъ не нѣмалъ адвокатъ; у Тальфурда всегда было много читателей и много клиентовъ. Трагедія его «Юль» была написана въ то самое время, когда онъ еще болѣе адался въ правоздѣліе, сдѣлавшись *sergeant at law*. Онъ съ успѣхомъ занималъ мѣсто въ парламентѣ, отъ котораго отказался въ 1841 году. Тутъ онъ отличался и какъ ораторъ; его рѣчи о литературной собственности и объ онеймѣ далъ дѣтскимъ навсегда останутся памятны. Ему англійскія узаконенія обязаны важною реформою, — именно исправленіемъ закона, предоставлявшаго, въ случаѣ развода, дѣтей безусловно мужу, не разбирая ни его личности, какъ челоука, ни его способности дать имъ воспитаніе.

Тальфурдъ выходилъ въ короткихъ связяхъ съ Годвиномъ, Гавлитомъ, Кольриджемъ, Ламбомъ и другими. Это много облегчало ему дебютированіе на литературномъ поприщѣ, гдѣ рѣдко узнаютъ талантъ съ перваго раза и равно бранятъ ошибки бездарности и промахи гения. Связи Тальфурда нѣмалъ вначалѣ тѣмъ-болѣе вліяніе на литературную судьбу его, что его направленіе явно противорѣчило общему стремленію, когда онъ явился на арену. Тогда всѣ старались воссоздать драму Шекспира; Тальфурдъ, напротивъ того, избралъ галло-греческую трагедію. «Юль» — дѣйствительно греческая трагедія, родомъ изъ Версаля. Она вся скроена по французской мѣркѣ. Драматизмъ хотѣлъ пересоздать англійскую поэзію, подчиняя ее законамъ французскаго псевдо-классицизма; его трудъ продолжали: Аддисонъ въ своемъ «Катонѣ», Джозонъ въ «Иривѣ», Гомъ въ «Дугласѣ». Къ этому классу произведеній принадлежитъ и «Юль» Тальфурда, превосходя ихъ вообще во многомъ, но тѣмъ не менѣе оставаясь ложнымъ. Съ перваго взгляда кажется, что древній *Fatium* дѣ-

лать нѣсей, — но это только субстратъ; христіанская покорность и самоотверженіе противорѣчатъ греческому догмату, и вы чувствуете отсутствіе призрака.

Трагедія «Юль» вѣнчалась не огласіе мысли съ выраженіемъ. Интересъ дѣйствія не ослабѣваетъ во все продолженіе нѣсы.

Второе произведеніе Тальфурда: *Ассиская Шаллица*, напоминаетъ собою «Юль». Это та же Греція на вѣнчійшій ладъ, тѣ же идеальныя добродѣтели, только въ другихъ столкновеніяхъ. Сначала, она нѣмала большой успѣхъ; Макрединъ превосходно исполнялъ главную роль. Но послѣ трехъ-четырехъ представленій, нѣса вдругъ исчезла съ репертуара. Почему? Этого никто не знаетъ.

Третья трагедія Тальфурда — «Гленко» основана на любви. Кометка пробуждаетъ страсть въ челоука, но чувствуя къ нему ни малѣйшей привязанности. Потому она равнодушно разрываетъ свои къ нему отношенія. Это стоитъ ему счастья цѣлой жизни. Конецъ не совсѣмъ соответствуетъ началу; ждешь не того. Впрочемъ, здѣсь много вѣрныхъ взглядовъ на челоука и челоука сердце.

Романы сэра Эдварда Литтона Болверъ извѣстны всѣмъ. «Пельганъ», «Поль Клиффордъ», «Бегелій Аранъ», «Завони», «Послѣдній изъ Бароновъ» — упрочили его славу, какъ романиста. Но Болверъ былъ, кромѣ того, еще журналистомъ; онъ съ успѣхомъ заведывалъ редакціею «New Monthly Magazine». Болверъ хотѣлъ быть и стихотворцемъ, и былъ имъ довольно-неудачно. Не смотря на то, что онъ издалъ свои стихотворенія, будучи уже извѣстнымъ народнымъ писателемъ, они исчезли и произвели особеннаго впечатлѣнія на публику. Это были: «Измаэль», восточная новѣсть; «О'Ніель», «Сіамскіе Бамбоцы», «Ква», разныя новѣсти. Въ его одахъ и патріотическихкихъ нѣсахъ господствуетъ сравненіе съ стариннаго англійскаго простодушія и здравыхъ понятій съ нѣмалою метафизикою.

Предприимчивый Бальзер не могъ не броситься и въ драму. Первымъ произведеніемъ его былъ «Кронвелль». Онъ трудился надъ нимъ много, передѣлалъ его, уже оконченнаго, почти заново, и пьеса уже совсѣмъ-готова была явиться на сценѣ, — какъ вдругъ общее ожиданіе было обмануто. Ея не играли. Причины этого мы не знаемъ.

Остальной репертуаръ Бальзера состоитъ изъ «Герцогини де-ла-Вальеръ», «Ришельё», «Капитана», и «Денегъ».

«Денги», пьеса, движущая сила которой есть истинно движущая сила нашего времени — золото, была сначала принята хорошо, но теперь дается очень-рѣдко. Нѣкоторые изъ критиковъ приписываютъ это недостаткамъ самой пьесы въ моральномъ отношеніи. Мы адѣсь не ставимъ входить въ причины ея паденія; замѣтимъ только, что нѣтъ лучшаго средства уронить пьесу, какъ начинить ее моралью.

«Ришельё» — ложно-историческая драма, нѣтъ такой же успѣхъ при своемъ появленіи, но потомъ вовсе исчезла со сцены.

Причина плохого успѣха Бальзера на драматическомъ поприщѣ скрывается въ другомъ: его произведенія — дѣла труда, а не вдохновенія; вѣстальнаго наученія, а не живой концепціи. Въ драмѣ это скрытъ труднѣе, чѣмъ въ романѣ, и притомъ, есть таланты, которымъ природа дала выливать свои идеалы только въ одну известную форму. Отъ этого прекрасный романъ или драматургъ, не смотря на то, что, принимаясь за несродную ему форму, чувствуетъ съ вѣрностью художческаго истиннита, что обратившись имъ сюжетъ требуетъ именно этой, а не другой формы. Но сознавать истину созданія и создавать — двѣ вещи разные.

Въ драмахъ Бальзера изысканность замѣняется фантазію; никакое вдохновеніе минуты не заставитъ его отступить отъ принятаго плана. Соображеніе замѣняется страсть. Словомъ — его

драма искусная машина, но не живой организмъ.

Вотъ корнемъ высокою драмы. Но драма въ жизни разыгрывается не только въ палатахъ, но и въ грязномъ закоулкѣ. Та же кровь течетъ и въ сердцахъ, и въ малѣйшей подкожной артеріи. Въ литературѣ привычки нахлѣто съ высокою смотрѣтъ на малевскія, импровизованныя пьески, точно какъ въ свѣтѣ богачъ неохотно заглядываетъ въ бѣдняку. Кто тутъ правъ, кто виноватъ, — пусть разбираютъ читатели сами; дѣло въ томъ, что какъ у однихъ нельзя отнять правъ на званіе челоюка, такъ и у другихъ права на званіе литературныхъ произведеній. Въ одномъ отношеніи, они стоятъ даже выше прочихъ произведеній искусства: говоря вообще, въ нихъ (въ настоящее время) больше истины, и по этому ли, или по тому, что они проще въ своемъ значеніи, только они пробуждаютъ въ народѣ гораздо-больше симпатіи, нежели драма высокая, или съ претензіями на высокое.

Законная драма, *legitimate*, какъ называютъ ее Англичане, живетъ теперь чужою жизнью, по какимъ-то преданіямъ. Мудрено назвать ее современною, хотя образчикъ ея и появляется въ настоящее время. Она не происходитъ изъ живаго источника современныхъ интересовъ, и ничьей творческой рукъ не удалось до-сихъ-поръ освободить ее отъ общихъ мѣстъ.

Мелочная драма, напротивъ, незнакома съ жертвнымъ преданіемъ. Пронесеніе вчерашняго дня, смѣшное, едва появившееся на свѣтъ, случайный интересъ живуты — вотъ предметы этой драмы. Она — истинный плодъ текущаго дня, въ ней все современно и легко понятно всякому. Она не требуетъ ни предварительнаго изученія, ни глубины эстетическаго вѣстника въ слушатель. Здѣсь не пронадесть ни одной остроты, ни одного намека, что нѣрѣдко случается въ пьесахъ Шекспира и другихъ, которые предвлагаютъ въ глубинѣ на-

крайней-мѣрѣ известную степень образованности.

Джеррольдъ, Планше, Бернаръ, Булстонъ, Оксенфордъ, Дансъ, Маркъ Лемонъ, Монкривъ, Коппъ, Ридъ, Лювиъ, Пинъ, Пуль, — и еще многие другіе составляютъ общество мелкихъ драматическихъ писателей. Конечно, при такомъ множествѣ пишущихъ, различіе талантовъ и направленій многообразно. Но одна рѣзкая черта соединяетъ всѣхъ во-едино: всѣ пишутъ для денегъ и всѣ ихъ произведенія, пропущенныя урочное время, исчезаютъ навсегда изъ репертуара. Последнее обстоятельство есть повѣжное слѣдствіе характера этихъ произведеній, изложеннаго выше. Первое — не должно принимать за отрицаніе всякой художественной цѣли.

Эти пьесы лишены, конечно, глубокаго взгляда въ обще-человѣческую натуру, но за то въ нихъ вѣрность взгляда на живыя общественныя отношенія, а это, и не въ литературномъ смыслѣ, что-нибудь да значить. Критика была вѣсть противъ нихъ; народъ за нихъ. Изъ этого факта можно бы сдѣлать много выводовъ, — но не здѣсь имъ мѣсто.

Эти пьесы даются на театрахъ: Олимпійскомъ, Алельфи, Гэй-Маркетъ, Странадъ, Суррей и Викторіи; тамъ можете вы видѣть ихъ эфемерный шумъ и блескъ. Хохотъ и слезы публики, вырванные у ней рѣзкою сатирою и истинно-трагическими коллизіями, выхваченными изъ современнаго состоянія общества, смѣняются только забвеніемъ. Сегодня народъ смѣется извѣстной шуткѣ, завтра онъ будетъ звѣтать за нею. Ему нужна новая шутка.

Неутѣшительно положеніе авторовъ, пишущихъ эти драмы. Золото и слава, одна явная, другая — тайная побудительная причина ихъ дѣятельности, никогда не бываютъ ихъ удѣломъ. Масса пришла въ театръ за свой кровный, иногда кровавый грошъ, и хочет наслаждаться; какое ей дѣло, кто ее забавляетъ, лишь бы забавлялъ ловко? А

засчетъ денегъ они могутъ утѣшаться призраками прошедшихъ лѣтъ: Нанъ, Марлювъ, Декнеръ, Уэбстеръ, Бонолтъ, Флетчеръ, Отмай — не всѣ ли они терпѣли самую поэтическую нужду? За то имена ихъ живутъ въ потомствѣ; это обстоятельство какъ-будто не позволяетъ ставить ихъ наравнѣ съ упомянутыми писателями. Выкинуть, омакоже, въ дѣло, ясно увидите, что богатая натура не исключительная принадлежность прошедшихъ вѣковъ. Намѣнились только обстоятельства — и, конечно, не въ пользу драматическихъ писателей.

Предшественники теперешнихъ составителей драмъ были люди, посвятившіе жизнь свою ученію, окруженные людьми умствующими. Эпоха, въ которой они жили, отличалась жаждою знанія, пробуждавшей спекулятивность духа, вызывавшей величайшіе вопросы, требовавшей дѣятельности ума и воображенія. Удовлетворителъстетическому чувству современниковъ Бэкона, людей, отыскивающихъ законы и начало міра, конечно было трудненько; окрѣпшіе духомъ въ этой борьбѣ, требовали даже и для своего удовольствія и развлечения предметовъ возвышенныхъ и искусной отдѣлки. Вѣра, тогда еще теплая и чистосердечная, сводила все къ вопросу о судьбѣ и назначеніи челоуѣка, метафизическіи образъ выраженія самъ собою вытекалъ изъ этого направленія умовъ — и былъ очень-обыкновененъ.

Талантъ тогда, какъ и теперь, часто бывалъ непризнанъ массою, и нужда, въ болышемъ или меньшемъ объемѣ, дѣйствительно есть рѣзкая черта, введенная сквозь жизнь всѣхъ этихъ новѣйшихъ и древнѣйшихъ драматическихъ писателей. Но въ настоящее время ко всему этому прибавилась трудность дебилизировать и соблазнить продолжать какъ-нибудь, а кончать и вовсе опустила руки. Поэта ждетъ при его появленіи критика, страшная критика, — страшная не потому, чтобы авторъ боялся правды, или по-крайней-мѣрѣ того, что говорящій почитаетъ

правдою, — но страшная потому что редко будучи добросовѣстною, она при вселютомъ руководить собою многихъ. Начать трудно; но какъ только начало сдѣлано, извѣстность приобрѣтена, — не думаете ли вы, что надо идти впередъ въ дѣлѣ науки и искусства, чтобы умножить, или только сохранить эту извѣстность? Наоборотъ! Писатель не потому извѣстенъ, что его сочиненія хороши, но сочиненія его хороши, потому что онъ извѣстный писатель. Приобрѣтши славу, остается поживать лавры, а потомъ спать на нихъ.

Вотъ разница въ положеніи писателя нашего современника, и писателя времени Бэкона. Тогда начинали смѣльце, не думая о страшномъ qu'en dira-t-on? и не льстя, въ слѣдствіе этого страха, явно и тайно. За то продолжать было труднѣе; надо было идти впередъ и трудиться, или обречь себя на забвеніе.

Презрѣніе критики къ мелкимъ произведеніямъ драматической литературы имѣло слѣдствіемъ то, что сами авторы смотрятъ на нихъ, какъ на дѣло, не стоющее особеннаго вниманія. Зная, что каждое произведеніе ихъ, будь оно хорошо или дурно, недолговѣчно, они выбрали девизомъ своимъ *какъ-нибудь*. Странно, что, при такомъ возвращеніи, въ ихъ пьесахъ много истины, — гораздо больше, чѣмъ въ высокой, привилегированной драмѣ. Это доказываетъ артистическую легкость духа и меткость глаза — качества, съ которыми эти писатели могли сдѣлать гораздо больше, если бы находились въ другихъ обстоятельствахъ.

Критика не признаетъ ихъ членами литературнаго міра. Демаркаціонная линія проведена такъ-опредѣленно и ясно, что одинъ изъ мелкихъ драматическихъ писателей, узнавъ, что пріятель и товарищъ его по занятіямъ гриняетъ въ сотрудники одного «Review», сказалъ ему: «А! такъ вы насъ ставите! Вы переходите въ литературу?»

Дугласъ Джеррольдъ произвелъ болѣе сорока драмъ. Сколько

здраваго смысла, наблюдательности, чувства, вѣрныхъ типовъ рассыпано въ этихъ микроскопическихъ созданіяхъ! И все это создано легко, скоро, безъ напряженія, на три дня! Лучшія изъ его пьесъ: «Голубя въ Клѣткѣ», «Свадебное Платье», «Нелль Гвинъ», «Военноплѣнный», сверкаютъ меткою сатирою надъ безмыслицами современнаго быта.

Дарованіе Букстона также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хотятъ тысячи зрителей, единодушный, какъ движеніе отъ электрическаго удара, не говорить ли въ его пользу? Многие не хотятъ призвать Букстона даже авторомъ какимъ бы то ни было. Говорятъ: у него нѣтъ ничего своего: онъ переводитъ, отрываетъ забытые анекдоты, передѣлываетъ остроты, извѣстныя съ сотворенія міра; словомъ, онъ только штопаетъ и перекраиваетъ. Отчасти это справедливо; но тутъ дѣло не въ томъ, что сдѣлано, а какъ сдѣлано. Въ перекраиваньи можно обвинить и Шекспира; а не угодно ли, господа-портные, попробовать перекроить по-шекспировски? Никто, конечно, не вздумаетъ выводить изъ этихъ словъ, что мы равняемъ Букстона съ величайшимъ драматургомъ Британіи. Мы хотѣли только яснѣе выразить ложность обвиненія. Переводъ Букстона есть истинная метаморфоза; въ старое вливаетъ онъ свѣжесть и силу новаго. Онъ смѣлъ, можно сказать, грубъ въ своей работѣ, — но онъ поставилъ требованія своей аудиторіи. Когда онъ веселъ — толпа смѣется; онъ груститъ — толпа плачетъ. Въ этомъ тайна его успѣха.

Бернаръ дебютировалъ сентиментальнымъ водевилемъ. Должно отдать ему справедливость, что онъ умѣлъ возвыситься надъ приторною сладостью этого рода произведеній, и образомъ мыслей и ихъ выраженіемъ. Онъ касался въ своихъ пьесахъ частной жизни, — точка, въ которой онъ сходится съ Шериданомъ Нольсомъ, и которая упрочила ему извѣстность по тѣмъ же самымъ причинамъ, какъ и

Номеу. Въ послѣдствіи времени, она владумала испытать силы свои въ шуткѣ. Успѣхъ былъ чрезвычайный, и съ тѣхъ-поръ она исключительно посвятила себя легкой комедіи.

Оксенфордъ, превосходный переводчикъ Кальдерона, составляетъ съ ловкостью и быстротою машины пьесы для второстепенныхъ театровъ. Въ нихъ видны умъ, знаніе, тщательная отдѣлка. Его «Непотерянный День» доказываетъ, что онъ не лишентъ дара милой шутки.

Планше написалъ по-крайней-мѣрѣ сто пьесъ. Изъ нихъ только три рѣшительно упали. Это драмы оригинальныя, переводы съ французскаго, итермедіи, фарсы, оперетки, все, что угодно. Планше человекъ на всѣ руки. Его гибкая натура легко примѣняется ко всѣмъ размѣрамъ. Планше изобрѣтателенъ, умѣетъ хорошо расположить пьесу; но въ его пьесахъ нѣтъ этого ѣдкаго сарказма и остроты, которая, какъ соль и пряности въ кушавѣ, утончаютъ настоящей вкусъ. Его дарованіе какъ-то отрицательно; это умѣнье набѣгать пронаховъ, понимать, что кстати и что нѣтъ, и не рѣшаться на смѣлыя выходы, которые могутъ и поднять и уронить пьесу.

Долго, и отчасти безволею было бы упоминать здѣсь отдѣльно о всѣхъ мелкихъ драматическихъ писателяхъ. Приведемъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ своихъ подражателей. Кажущаяся легкость ремесла соблазнительна, и подражатели смотрятъ на свое дѣло еще небрежнѣе оригиналовъ. Для нихъ не существуетъ никакихъ законовъ и правилъ. Все дѣлается съ-плеча. Бѣдная фантазія ихъ до того привыкла выѣзжать на эфемертахъ, что не производитъ уже никакого эфемента. Самые невѣроятныя невѣроятности, дѣтскія переодѣванья, чудовищныя каррикатуры, плоскіе паллабуръы, — всѣхъ всего этого дѣлается окрошка по правиламъ подражательнаго новара и дается подъ названіемъ драмы.

Вотъ оно, которое связало драму съ высочайшаго пьесотвора и которое зародило въ критикѣ не совсѣмъ-справедливое прервѣніе къ великимъ театральнымъ произведеніямъ.

Современная англійская драма сдѣлалась народною съ условіемъ сдѣлаться мелкою. Есть, однакожь, дѣла, — ихъ драмы не даются на сценѣ, — для которыхъ драматическое искусство есть дѣйствительно искусство, а не средство насладиться мимолетнымъ рукописаніемъ и сытно пообѣдать. Они отделились отъ настоящаго, и въ виду будущаго. Пьесы ихъ, какъ мы уже сказали, не даются на сценѣ; у нихъ нѣтъ ни зрителей, ни влабровъ, — но заслуга ихъ съ каждымъ днемъ признается больше и больше.

Къ числу ихъ принадлежатъ Робертъ Броунингъ, авторъ «Парацельса», и Марстонъ, авторъ «Джеральда».

Парацельсъ напоминаетъ собой Фауста Гёте. Слѣствіе ли это иученія великаго творенія германскаго поэта, или потому-что les beaux esprits se ressemblent, — только родство этихъ двухъ твореній очевидно. Парацельсъ, подобно Фаусту, мучимъ вѣчными желаніемъ; воображаемыми границами жизни раздвигаются впередъ и нѣтъ съ жаждою ищутся все больше и больше. Онъ думаетъ, что съ рѣшительностью и волею можно узнать все; каждый вопросъ безволеяго духа своего принимаетъ онъ за залогъ успѣха. Въ уединеніи и среди толпы народной, въ дѣлѣ и въ мечтахъ, онъ постоянно стремится къ одной и той же цѣли, — разгадать тайну природы и конечное назначеніе человека. Вся жизнь его сосредоточена въ этомъ стремленіи, и каждое открытіе, и каждый выводъ его анализирующаго ума влечетъ за собою новое разочарованіе. Въ ту минуту, когда онъ думаетъ, что исчерпалъ уже науку, она является ему еще только сѣмемъ, ждущимъ плодотворнаго прикосновенія любви. Это пробуждаетъ въ немъ новую рѣшимость; онъ бросаетъ уединеніе, онъ обмѣняется съ людьми, онъ дѣлается изъ

благодѣтелей. Но и это утѣшительное сознаніе не удовлетворяетъ его; оно далеко ниже того, чего требуетъ его натура. Онъ бросается на другую дорогу, стремится овладѣть тѣмъ-то не очень-опредѣленнымъ. Ясность духа его исчезаетъ, видѣнія преслѣдуютъ его; ему чудится, что за нимъ гонятся морскія волны, готовые поглотить его, что чья-то невѣдкая рука ловитъ его въ теннотѣ. Къ концу драмы, Парцельсъ, на краю могилы, чувствуетъ, что какой-то внезапный свѣтъ оваршилъ все его существованіе; онъ слышитъ дивную гармонию, предвкушаетъ вѣчное блаженство. Но и въ эту минуту онъ остается вѣрнѣй самому себѣ: онъ изучаетъ эту внезапную восторженность, силится разгадать ея причину. Но онъ сознаетъ, что прежній пылъ любовательности охладѣлъ; его замѣнила другая надежда. Предугадывая новое дѣтство и новую жизнь, онъ жалеетъ, что такъ безполезно расточалъ злые дары свои. Глаза его закрываются и — то, что было человѣкомъ, переходитъ въ высшія формы жизни.

Брунингъ написалъ еще нѣсколько драмъ. *Страфффордъ*, гдѣ онъ старался согласить свои художническія стремленія съ требованіями сцены, удался ему меньше другихъ трагедій: *Король Викторъ и Король Карлъ и Возращеніе Друзовъ*. Его *Сорделло* настоящая загадка, заданная любителямъ мистической поэзіи. Рѣдко кто истратитъ столько труда на столь загадочное сочиненіе. Страницы этого произведенія испещрены учеными цитатами изъ Тирабоски, Нострадама, латинскихъ сочиненій Данта, хроника Роландена, комментарія Бенвенуто д'Имолы на шестую пѣснь «Чистилища», и тому-подобныхъ. Надо имѣть большую рѣшимость, чтобъ проникнуть этотъ лабиринтъ.

Марстонъ задумалъ водкое дѣло: онъ хотѣлъ разомъ развѣнчать идеальную или, лучше сказать, живущую преданіемъ драму, и доказать, что дѣй-

ствительность, чистая современная дѣйствительность, есть лучшій источникъ драматической поэзіи. Мысль, пробудившая такое желаніе, была вѣрна, — но исполненіе, къ сожалѣнію, неудачно. «Дочь Патриція», драма, предвзначенная къ достиженію этой цѣли, была написана въ формахъ текснировской трагедіи, какъ повимають ихъ и подражаютъ имъ теперь. Противорѣчіе заключалось въ самой пьесѣ — и она упала. Нѣкоторые критики изъяснили причину этого паденія изъ того, что будто-бы трагическая героиня никогда не можетъ явиться на сценѣ въ видѣ современной, одѣтой по послѣдней модѣ женщины, и тому подобнаго. Ложность такого взгляда не требуетъ, кажется, опроверженія; дѣло въ томъ, что современный человѣкъ долженъ говорить современнымъ языкомъ, — ошибка никогда не можетъ быть въ одной формѣ, а только въ противорѣчій формы съ тѣмъ, что она выражаетъ.

Другой писатель пошелъ по этой дорогѣ еще дальше: это *Поуэль*; онъ началъ цѣлый рядъ пьесъ однородныхъ, которыя можно довольно-вѣрно назвать трагедіями дѣйствительности. Къ несчастью, онѣ написаны стихами; къ несчастью, говоряимъ мы, потому-что метрическая напыщенность часто противорѣчитъ въ нихъ простотѣ нѣкоторыхъ общественныхъ положеній. Тутъ опять-таки виновата не форма, а разногласіе ея съ внутреннимъ содержаніемъ. Кромѣ того, нужно замѣтить, что Поуэль пишетъ черезъ-чуръ-скоро — онъ просто импровизируетъ; это не можетъ повредить кощениці, — но исполненіе дѣло другое.

У Поуэла, напротивъ того, въ три приѣма готова трагедія; на пять актовъ — три часа. Правда, эти акты, произвольно-разграниченныя, не что иное, какъ пять интермедій, которыя не ведутъ постепенно къ развязкѣ. Мысль драмы, часто достойная лучшей обработки, является только въ пятый дѣйствіи, а иногда и просто передается

только на догадку зрителя. Доказательством слушать его «Слѣшая», «Мщевіе Женщины», «Маргарита», «Маріонъ», и другія пьесы.

Къ писателямъ, которыхъ пьесы не даются на сценѣ, принадлежатъ еще Генри Тайлоръ, Бейлей и Сара Флуоръ-еръ Адамсъ.

Тайлоръ написалъ огромную драму «Филиппъ Артеобльдъ». Это не столько настоящая драма, сколько романъ въ драматической, то-есть, разговорной формѣ. Въ прозѣ, онъ легко вынулъ бы собою три обычныхъ тома историческаго романа. Въ предисловіи, авторъ объявилъ, что, пораженный несообразностями, изъ которыхъ увлекаютъ новѣйшую поэзію гордые порывы мысли, онъ принялъ намѣреніе подчинить ее упрощеннымъ формамъ, дать ей болѣе-опредѣленныя границы и подчинить ее законамъ разсудка. Тайлоръ признаетъ равновѣсіе дарованій за необходимое условіе того, что называемъ гевіемъ. Потому его такъ и поражаетъ разрывчатость и отсутствіе единства въ новѣйшихъ произведеніяхъ мысли. Можетъ-быть, онъ и правъ отчасти; но онъ совершенно упустилъ изъ вида возможность существованія отдѣльныхъ дарованій и стремленій, которыя управляютъ человѣкомъ больше, нежели человѣкъ нимъ. И здѣсь-то проходить, кажется, черта, отдѣляющая гевія отъ простаго таланта.

Бейлей, авторъ «Феста», еще недавно явился на сценѣ. Онъ старается въ этой пьесѣ выразить ту мысль, что зло—не разрушающая, а бессознательно-создающая сила, — переходная форма отъ худшаго къ лучшему, — средство не къ уничтоженію, а къ улучшенію человѣческаго рода. Мы сказали: *бессознательно*, потому что, въ слѣдствіе мысли Бейлея, зло, то-есть, олицетворяющій его духъ не сознаетъ цѣли своего назначенія. Онъ говорить:

The arrow knoweth not its end and aim.

And I keep rushing, ruining along,
Like a great river rich with dead men's souls.

For if I know I might rejoice; and that
To me by nature is forbidden. I know
Nor joy nor sorrow; but a changeless
tone

Of sadness, like the night-wind's, is the
strain

Of what I have feeling.

(«Стрѣла не знаетъ, куда летитъ. Я бѣгу, какъ глубокая рѣка, катящая съ собою трупы людей. Съ знаніемъ я могу бы наслаждаться; но въ немъ отъ казано мнѣ природою. Мнѣ незнакомо ни радости, ни скорби; постоянный вопль унынія, подобный вѣчному вѣтру, — вотъ сущность моихъ ощущеній.»)

Тайлоръ неотменно оставляетъ арену дѣлъ;—Бейлей терлется въ метафизическихъ воззрѣніяхъ. Середину между ними занимаетъ Сара Флуоръ Адамсъ, сочинительница «Вивіи Пержетунъ»; въ ней высота мысли слита съ искусствомъ выраженія. Характеры очерчены вѣрно, слогъ—образецъ благородной простоты. Господствующій характеръ—ясность, тихая религиозная восторженность. Нѣкоторыя изъ колодежнѣй Вивіи глубоко-драматичны; вотъ отрывокъ изъ монолога, который даетъ понятіе о пьесѣ. Сцена происходитъ въ храмѣ Юпитера-Олимпійскаго; Вивія, у пылающаго жертвенника, передъ статуею божества, отрекается отъ боговъ своего отечества:

«Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, дрожащая, я преклоняла нѣкогда колѣни и молилась; здѣсь, гдѣ утромъ и вечеромъ приносила обѣты и приносила жертвы, чтобъ смирить гнѣвъ твой, великій Юпитеръ, я оставлю громъ твой и ужасное могущество твоихъ величественныхъ бровей, — здѣсь, безъ страха передъ твоею силою, отрекаюсь я отъ обожанія тебя; прійми послѣднее прощаніе, которое подвигаетъ взоры мои посылаютъ иррадиному челу твоему; вотъ руки мои, — онѣ дрожатъ не отъ страха, — взгляни: онѣ кладутъ на алтарь твой нечестыя вѣчнаго отреченія. Я христианка! Гдѣ же молнія твои? Гдѣ громъ и иститель? Не-уже-ли теплое сиропіе

•ириной души могла обезвредить ихъ въ твоей грозной десницѣ? Въ послѣдній разъ, мраморное божество, предъклонаюсь я передъ тобою.

Говоря объ англійской драматической литературѣ, во всей справедливости должно упомянуть о человѣкѣ, имѣвшемъ на нее сильное вліяніе, хотя и принадлежащемъ собственно къ сценѣ, а не къ литературѣ. Мы говоримъ объ актёрѣ *Макреди*.

Макреди долго занималъ только второе мѣсто, затѣмъ вѣдомый болѣе-армянъ талантомъ Кина. Когда Кинъ сошелъ со сцены, Макреди остался первымъ, — но все еще не могъ дѣйствовать съ полною свободою. Не смотря на свое дарованіе и вообще на превосходство во многихъ отношеніяхъ надъ директоромъ театра, онъ долженъ былъ повиноваться его слѣпой и часто недоброжелательной волѣ. Такое положеніе длилось нѣсколько лѣтъ, ставшая съ каждымъ днемъ тягостнѣе. Наконецъ, смислатія, которую онъ нашелъ въ публичнѣ, и всеобщій голосъ рѣшили дѣло въ его пользу. Макреди сдѣлался директоромъ театра, на которомъ игралъ.

Какъ директоръ, онъ оказался болѣе артистомъ, нежели спекулянтомъ. Онъ искусно ставилъ пьесы на сцену, умѣлъ придавать имъ силу, — но за всѣмъ тѣмъ финансовая часть была въ упадкѣ. Шекспиръ и другіе поэты обязаны ему многимъ; за то едва-ли благодарятъ его акціонеры.

Какъ актёръ, Макреди человѣкъ замѣчательный. Съ дѣтства изучая свое искусство, онъ узналъ всѣ его трудности и побѣдилъ ихъ, — побѣдилъ не порывами пылкой и сильной природы, но изученіемъ и трудомъ. Его можно упрекнуть только въ одномъ: въ отсутствіи произвольнаго, свободнаго творчества. Онъ все приобретаетъ постепенно, трудомъ, изученіемъ, навыкомъ. Въ немъ нѣтъ этой способности вдругъ схватывать идею во всемъ ея объемѣ и выражать ее непосредственно и какъ бы неволью, какъ нѣчто зародившееся прямо въ немъ-самомъ. Восприимчивость его слаба; онъ долго усваиваетъ

все, приобретаемое извнѣ, и передавая его опять отъ себя, онъ не можетъ дойти до той степени восторженности, чтобъ передавать въ то же время само-го-себя. Онъ всегда помнитъ, что онъ Макреди, а не то лицо, которое онъ представляетъ.

Въ его игрѣ не встрѣчаются геніальныя, неожиданныя минуты вдохновенія. Но въ очень-знакомыхъ, давно-изученныхъ имъ роляхъ, какъ, на-прим., въ Вальгельмѣ Теллѣ, Коріюланѣ, Яго, Кардиналѣ Вольсеѣ, королѣ Іоаннѣ, онъ удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ. Костюмировка его и знаніе гармоніи цвѣтовъ на сценѣ удивительны. Если онъ одѣтъ въ самое простое платье, онъ счумѣетъ такъ устроить всю обстановку сцены, что глазъ невольно оставаивается на немъ. Съ перваго раза кажется, что Макреди дурно произноситъ стихи; онъ разрываетъ, ломаетъ ихъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ эти паузы и ферматы (говоря языкомъ музыки) не нарушаютъ ни такта, ни гармоніи, и опытное ухо слышитъ рѣшмъ. Вообще, главные черты его игры суть ясность цѣли, къ которой онъ стремится, окончательность отдѣлки, изученіе, доведенное до такой степени, что многимъ оно кажется природою.

Макреди, во время своего директорства, много измѣнилъ въ театрѣ. Съ рѣшимостью художника и самоотверженіемъ антрепренѣра (т. е. сборщика денегъ), онъ удалилъ отъ театра лица, пятнавшія собою, по его мнѣнію, искусство. Онъ прервалъ пути къ необузданному наслажденію и рассчитывалъ только на доходы, которые можетъ принести чистое торжество драмы. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ желаніемъ ставить пьесы въ возможномъ совершенствѣ, не смотря на цѣнность постановки, значительно уменьшило доходы.

Онъ улучшилъ сцену и въ-особенности группировку статистовъ, этихъ болѣею частью отвратительныхъ живыхъ кулисъ. Ни на одномъ театрѣ не увидите вы такого вѣрнаго подобія на-

родной толпы, битвы, сельского праздника, и т. п. Онъ съ величайшимъ усиленіемъ старался выполнять, даже посредствомъ драматическихъ пособій, описанія, встрѣчающіеся у Шекспира и другихъ поэтовъ. Должно замѣтить, что эта роскошь обстановки вредила иногда самой вѣстѣ, чрезмѣрно развлекая зрителя. Не думаю, однакоже, чтобъ этотъ вредъ происекалъ прямо изъ возможно-близкаго подражанія природѣ; скорѣе можно приписать его наклонности толпы обращать вниманіе на всякую ловость, сколько бы она ни была ниже старой истины.

Макреди своимъ вліяніемъ пробудилъ драматическую дѣятельность въ Англіи, но при всемъ томъ не появилось на сценѣ ни одного первокласснаго произведенія, если не причислить къ нимъ «Юна» и «Виргинія». То же самое должно сказать, впрочемъ, и о Гаррикѣ, Камблѣ и Кивѣ. Трудно объяснить это явленіе. Не смотря на все стараніе, Макреди не удалось подвинуть новѣйшую драму впередъ. Не смотря на вспомогательные возгласы журналовъ, достоинство его драматическихъ открытій — оцѣнено по справедливости. «Марія Стюартъ», «Клятва», «Джизиппъ», «Мартинауци», — всѣ эти трагедіи, возмѣщенные съ ужаснымъ шумомъ, поставленныя на сцену съ огромными издержками, исчезли съ нея очень тихо и скромно. Мы не знаемъ ни одной современной пьесы въ пять актовъ, которая имѣла бы рѣшительный успѣхъ. Макреди, должно сознаться, боролся сколько было силъ; но об-

стоятельства, неблагопріятствующія драматической поэзіи въ Англіи, версились.

Пока актёры (говорить о нихъ изъ новѣйшихъ англійскихъ критиковъ) — чуждые по своему положенію тому, что истинно можетъ называться драматической литературою, — будутъ исключительными властелинами сцены; пока поэты, вмѣсто того, чтобъ предаваться стремленіямъ своего духа, будутъ заняты трудностью доступа къ сценѣ; пока директоромъ главнаго театра будетъ верховостепенный актёръ, личныя требованія котораго будутъ господствовать надъ вопросами искусства и истины — мы будемъ видѣть всегда одинъ и тѣ же факты: огромные капиталы будутъ предоставляемы въ распоряженіе директоровъ; директора всѣми средствами будутъ подкупать мнѣніе публики; шарлатанство будетъ доходить до крайней степени; журналы кричать съ голоса директора, акціонеры дѣлаться банкротами, труппы расходиться, и т. д.

Предпріятіе рушится, но на другой день является новое. У девяти изъ десяти антрепренёровъ нѣтъ ни гроша въ карманѣ. Управленіе театромъ для него кредитъ, которымъ онъ пользуется, какъ ему угодно, будучи обезпеченъ исключительною свободою этого рода промышленности. Директоръ театра въ Англіи не простой должникъ: онъ платитъ своимъ актёрамъ, если можетъ; если нѣтъ, онъ сидитъ надъ ними.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

САЛЬВАТОРЪ ТОНЧИ.

Сальваторъ Тончи родился въ Римѣ, въ 1756 году. Въ юности своей служилъ онъ въ королевской неаполитанской гвардіи. Занявшись литературою, онъ скоро обнаружилъ великій талантъ. Когда его поэтическія произведенія были обнаружены, онъ сталъ членомъ Академіи, такъ-называемой Аркадской (Arcadia), и секретаремъ другой Академіи Dei Forti, а въ-послѣдствіи и президентомъ ея. Подобно Монтини, который былъ его другомъ, Тончи не писалъ аркадскихъ пастушескихъ стихотвореній, которыя господствовали въ то время, хотя были лишены содержания и отличались только своею цѣлѣстностью: онъ могъ удовольствоваться только высокими полетомъ геміи. Станиславъ Понятовскій, сынъ послѣдняго короля польскаго, бывъ въ Римѣ, подружился съ Тончи, и онъ пригласилъ его съ собою въ Польшу. Тончи поѣхалъ. Тогда началась (1797) война Россіи съ Польшею, которой слѣдствіемъ было то, что Польша стала частью Россійской-Имперіи. Августъ IV, сложивъ съ себя корону, поселился не въ Варшавѣ, а въ Гродно. Тончи, видя, что король лучший литераторъ, чѣмъ правитель государства, сталъ читать съ нимъ Данте и объяснять его. Виѣсть съ королевемъ пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Августъ пережилъ паденіе Польши двумя годами, и его внуки удалились въ Италію, гдѣ два сына его, по матери Римляне, поселились во Флоренціи, а Тончи остался въ Петербургѣ, уважаемый и любимый всѣми, которые его сколько-нибудь знали. Тогда онъ предался живописи. Вотъ убѣдительное доказательство средства нувъ. Поэтъ — живописецъ, у котораго, виѣсто кисти, палитры и

красокъ, служить слово. Императора Александръ I, который удостоилъ его своего Высочайшаго уваженія, предложилъ ему почетное мѣсто въ Эрмитажѣ, съ тою только обязанностью, чтобъ каждый годъ за сходную плату написать для двора одну картину. Это уже доказываетъ, что Тончи былъ такой же хорошей живописецъ, какъ поэтъ. Переселившись въ Москву, гдѣ онъ живетъ до-сихъ-поръ, онъ женился на княжнѣ Натальѣ Гагариной. Князь Юсуповъ, которому въ-рентъ былъ Кремль, узнавъ опытность Тончи въ изящныхъ искусствахъ, поручилъ ему основать школу рисованія и архитектуры. Онъ принялъ эту пріятную для него должность и выполнялъ ее какъ человекъ честный, даровитый, и, конечно, усовершенствовалъ бы-ее, еслибъ тому не помѣшала внезапно-постигшая его болѣзнь.

Когда полчища Французовъ вторглись въ Россію и уже приближались къ Москвѣ, жители ея, вѣрные своему государю и страшные для врага, съ генерал-губернаторомъ графомъ Растопчинымъ бѣжали въ провинцію, и, чтобъ отнять у врага средство скрыться, было повелѣно зажечь городъ. Среди такого опустошенія и беспорядка, бѣжалъ Тончи во Владиміръ, съ канцеляріею графа, который его очень любилъ. Въ это смутное время, каждый видѣлъ въ неизвестномъ ему человекѣ врага или шпіона. Нашъ поэтъ, отставъ отъ товарищей и догоняя ихъ, попалъ въ руки казаковъ, которые сочли его за врага, потому-что онъ не говорилъ по-русски, арестовали его, и, какъ шпіона, заключили въ темницу въ небольшомъ городкѣ, недалеко отъ Владиміра. Судьбѣ угодно было, чтобъ графъ Соллогубъ, который очень-хорошо зналъ Тончи, проѣзжая черезъ этотъ городокъ во Владиміръ, услышалъ, что въ темницѣ заключенъ шпіонъ и на вопросъ: «Кто онъ такой?» ему отвѣчала: «Тончи». Графъ освободилъ его изъ заключенія и привезъ во Владиміръ къ Растопчину, который обласкалъ его и желалъ, чтобъ онъ жилъ въ его домѣ,

идетъ изъ Москвъ. Въ благодарность Богу за освобожденіе Россіи отъ врага и за свое избавленіе изъ темницы, Тончи написалъ превосходную картину для владимірскаго собора, на которой онъ изобразилъ св. Владиміра. («Крещеніе Руси при св. Владимірѣ-Великомъ»). Возвратившись въ Москву, Тончи увидѣлъ свой домъ съ прекрасными картинами и богатою библиотекою обращеннымъ въ пепель. Наконецъ, Москва, лишенная обитателей, — увидѣла врага, выходящаго изъ ея стѣнъ съ опущенными знаменами.

Нѣтъ почти ни одного образованнаго челоѣка въ Россіи, который бы не зналъ Тончи лично или по-слуху, который бы не удивлялся его обширной и глубокой образованности. Теперь, Арихлинъ отъ лѣтъ, съ слабою памятью, — этотъ почтенный старецъ употребляетъ свое время на дѣло самое благочестіе, самое похвальное, которое только доступно челоѣку. Каждое утро въ его домѣ гонятся бѣдныя, и каждому изъ нихъ онъ собственными руками даетъ науку-нибудь серебряную монету. Помогая своему несчастному ближнему, онъ пролагаетъ себѣ путь на небо.

У этого могучаго гениа много поблчественныхъ и живописныхъ произведеній, которыя отличаются богатствомъ содержания и чистотою отдѣлки. Между его стихотвореніями замѣчательны *L'Enaida ossia la verità, scoperta dalla ragione* (Энеида, или истина открытая умомъ), *La morte di Cesare* (Смерть Цезаря), *La morte di Frederigo II, re di Prussia* (Смерть Фридриха II, короля прусскаго), *Cristo al limbo* (Христовъ въ ѣмбѣ), *Il ridotto* (Уединеніе). Всѣ они имѣютъ много красоты, особенно же «Энеида», которая есть что-то въ родѣ дантовской «Божественной Комедіи». Св. Іоаннъ на колесницѣ Истины велеть поэта въ рай, объясняетъ ему ошибки его прежняго образа мыслей, и говоритъ ему подробно о истинной счастливости, которую составляетъ разумъ, уничтожившая въ немъ-самомъ заблужденіе невѣрія. Три дна

остаются они въ раю. Вся поэма раздѣлена на тридцать-три канта. Сверхъ того, достойны замѣчанія переводъ шестой эпопеи Виргилія, *Artis poeticae*, и особенно его басни. Тончи писалъ также въ прозѣ нисама и другія мелкія сочиненія. Онъ — умный философъ, что доказываетъ его энциклопедическая и богословская система, выказанная имъ въ поэтическихъ твореніяхъ. 1826 года, онъ воспѣлъ восшествіе на престолъ Императора Николая Павловича.

Между его картинами, самыя замѣчательныя — портретъ Державина, ея друга, графа Безбородко и Суворовъ. Всѣ они помѣщены въ собраніи портретовъ знаменитыхъ русскихъ людей, которое онъ составилъ и которое было помѣщено въ кабинетѣ графа Растворчина. Державинъ посвятилъ Тончи одну изъ своихъ одъ («Сочиненія Державина», 1843, томъ III, стр. 73). Вотъ ея начало:

Безсмертный Тончи! ты мое
Лицо въ томъ, слышу, нисомнѣю видѣ.
Въ какомъ бы мастерствѣ твоѣ
Въ Омирѣ древнемъ, Аристидѣ,
Сократѣ и Катонѣ, въ зѣкъ
Потомковъ позднихъ удивляю;
Въ сдѣланныхъ лысиной сіяло,
И въ немъ бы зрѣлся челоѣкъ.

Но лысина лѣ, или парикъ,
Но тога лѣ, или мундиръ кургузый,
Содѣлали, что ты великъ?
Нѣтъ! Философъ и музы:
Онъ насъ славными творитъ.
О! еслибъ сдѣлалъ духъ правый
И освѣщаль меня лучъ славы,
Врѣсталь бы великій нѣтъ иррадіе...

Такъ честилъ поэтъ поэта! Тончи, какъ живописецъ, увѣковѣчилъ славу свою въ Россіи образомъ святаго Владиміра, о которомъ мы сказали выше, и другимъ прекраснымъ изображеніемъ, которое находится въ Успенскомъ Соборѣ, въ Москвѣ. Оба эти памятника его таланта подарены хранамъ (*).

(*) Эта біографія заимствована нами изъ недавно-появившейся въ Москвѣ книги: «Антологія итальянской поэзіи XIX вѣка».

БЕРАНЖЕ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ молчать Беранжѣ. Шестидесяти-четырёх-лѣтний, средняго роста лысый старикъ, пѣсни котораго повторяетъ вся Франція, мирно проводитъ послѣдніе дни свои въ скромномъ уединеніи, въ пятидесяти миляхъ отъ Парижа, въ Турѣ, въ улицѣ Шануанд, гдѣ онъ ждетъ смерти, бесѣдуя съ музой, играя на воскресеньяхъ въ мячъ, и уда рыбу въ прозрачныхъ волнахъ Луары, какъ добрый турецкій фермеръ.

Франція почти не знаетъ этого Беранжѣ: она знаетъ другаго; въ 18 или въ 8 л. л., перешеденный въ сафьянъ, въ золотомъ обрѣзѣ, или просто въ сѣрой бумажной оберткѣ, этотъ Беранжѣ—ведѣтъ, во всѣхъ библіотекахъ, на всѣхъ чердакахъ, во всѣхъ лавочкахъ, во всѣхъ мастерскихъ, во всѣхъ карманахъ, и, что еще больше, во всѣхъ годовкахъ.

Въ Парижѣ, въ скромной квартиркѣ портнаго, въ улицѣ Монторгёль, родился 17 августа 1780 года Пьеръ-Жанъ де-Беранжѣ. Поэтъ позаботился сказать на память потомству годъ своего рожденія въ пѣсни *Tailleur*:

составленной преподавателемъ итальянской литературы въ Московскомъ-Университетѣ, I. Рубини (*Antologia Italiana poetica del secolo decimo nono da Giuseppe Rubini*). Въ ней собраны лучшія поэтическія произведенія Италіи нашего вѣка, притомъ не въ отрывкахъ, а въ цѣлыхъ высахъ. Трудныя мѣста объяснены любовитными примѣчаніями. Здѣсь же помѣщены біографіи писателей.

Эту книгу можно получать у самого автора, въ Москвѣ, у Второго-Александровскаго Сада, въ домѣ Талызина. Цѣна за обѣ части 12 р. асс.—Сверхъ-того, г. Рубини кончилъ свой восьмилѣтній трудъ — «Исторію Государства Россійскаго» (*Storia dell' Impero Russo*), составленную по вопросамъ Карамзина и г. Устрялова и доведенную до кончины Императрицы Екатерины II.

Dans ce Paris, plein d'or et de misère,
En l'an du Christ mil sept cent quatre
vingt,
Chez un tailleur, mon pauvre et vieux
grand-père,
Moi nouveau-né, sachez ce qu'il m'ad-
vint.

Что касается до дворянской частицы *de*, предшествующей имени Беранжѣ, то она ровно ничего не значить: онъ получилъ ее, не зная почему, отъ своего отца, который такимъ же образомъ получилъ ее отъ своего отца, и вовсе не претендуетъ на происхожденіе отъ графовъ прованскихихъ.

Moi, noble? oh! vraiment, messieurs,
non;

Non, d'aucune chevalerie
Je n'ai le brevet sur vélin,
Je suis vilain et très-vilain.

Отецъ и мать оставили его на попеченіи стараго портнаго, дѣда его, у котораго онъ прожилъ до десятилѣтняго возраста; дѣтство его прошло счастливо, въ правдности, въ бѣготѣхъ по улицамъ; на улицѣ, среди революцій, началось его воспитаніе; взятіе Бастиліи было первымъ его историческимъ урокомъ...

Спустя нѣсколько времени послѣ этого страшнаго дня, Беранжѣ отославъ былъ въ Перонну къ тѣткѣ съ отцовской стороны, содержавшей гостиницу; находясь въ званіи трактирнаго мальчика, молодой Беранжѣ употреблялъ свои досуги на чтеніе тайкомъ разрозненныхъ томовъ Вольтера, попадавшихъ ему подъ руку...

Четырнадцати лѣтъ, Беранжѣ пошелъ въ ученики къ перонскому типографщику Ленѣ. Въ этомъ новомъ званіи, набирая стихи другихъ, онъ занимался уже и самъ сочиненіемъ стиховъ. Хозяинъ его, никакъ не могши выучить его орфографіи, утѣшался въ неудачѣ тѣмъ, что давалъ ему уроки въ версификаціи и направлялъ его первыя поэтическія опыты.

Немного-позже, Беранжѣ слушалъ курсы патриотическаго института, основаннаго въ Пероннѣ г. Бадо де-

Беланглизъ, бывшимъ депутатомъ законодательнаго собранія. Въ этой школѣ, устроенной по системѣ Ж.-Ж. Руссо, учили дѣтей разсуждать, спорить, говорить рѣчи. Беражэ былъ однимъ изъ самыхъ бойкихъ говоруновъ. Древнимъ классическимъ языкамъ въ патриотическомъ институтѣ не обучали, и Беражэ не зналъ ихъ.

Семнадцати лѣтъ, Беражэ возвратился въ Парижъ къ отцу.

Странно было пестрое общество во время директорій, — обществѣннѣе и грандіозное и смѣшное, воинственное и преданное чувственности, эническое и анакреонтическое, пародировавшее Грецію время Перикла, Римъ время Цезаря, Францію время регентства, — общество болтливое, безпокойное, торопившееся пожить, смѣшное въ гостиницѣ, высокое на границѣ, въ виду непріятеля, изъ всей ночи распѣвавшее *la Marseillaise*, и въ то же время скучныя, монотонныя мелодіи, и съ равнымъ жаромъ стремившееся къ удовольствію и къ битвамъ.

Это двойное направленіе къ чувственности и славѣ, кажется намъ, совершенно выражается въ лицѣ нашего поэта; это — господствующій характеръ молодости Беражэ.

Ламартинъ и Беражэ, два поэта, оба столь великіе, нѣмѣ во многихъ отношеніяхъ сходные, въ началѣ своего поприща мало походили другъ на друга. Между-тѣмъ, какъ Ламартинъ, скромный, вабожный, но уже мечтательный юноша, бродилъ по безмольнымъ галереямъ Беллейскаго - Монастыря, вызывая, можетъ-быть, стыдливый образъ Эльвиры, — Беражэ, брошенный въ свѣтъ безъ руководителя, безъ подпоры, безъ состоянія, съ невольнымъ воспитаніемъ, съ каждою наивностию и пылкостью двадцати лѣтъ, задалъ свою молодость самыми честолюбивыми мечтами и просилъ у ученія образованія, котораго ему не доставало. Онъ чувствовалъ, что родился поэтомъ, но еще не нашелъ настоящей своей дороги и безпокойно искалъ ее, кидаясь то въ ту, то въ дру-

гую сторону. Такъ сочинилъ онъ комедію *les Hermafrodites* и кинулъ ее въ огонь; началъ большую эническую поэму, которая называется *Cloris*; писалъ дионрамбы, запечатлѣнные высокою религіозною важною, *le Déluge, le Jugement dernier, le Rétablissement du culte* и сочинилъ идиллическую поэму въ четырехъ пѣсняхъ: *le Pèlerinage*.

Утомлясь постоянною борьбою съ бѣдностью, онъ думалъ отправиться въ Египетъ, занятый въ то время французскими войсками; одинъ членъ экзекюціи, возвратившійся изъ Египта разочарованнымъ, заставилъ его покинуть эту мечту, и бѣдный, невѣстный поэтъ рѣшился остаться въ Парижѣ, съ новою энергіею ухватился за надежду и беззаботно предался вихрю жизни.

Это — эпоха увлеченія, упоенія, радости, бѣдности, невѣстности; эпоха созданія *Grenier, Roger Bontemps, la Gaudriole, les Gueux* и *Vieil habit*; это — прекрасное время Лизетты, Розетты, Жаннетонъ, Манонъ, Сюонъ, Фрегильонъ и множества другихъ веселыхъ нѣмѣ, съ вздернутыми носикомъ, съ плутовскими глазами, поочередно приходившихъ на смиренный чердакъ поэта и смѣшававшихъ шумный свой хохотъ съ весельемъ его пѣснями.

Беражэ описалъ въ послѣдствіи этотъ веселый періодъ своей жизни въ письмѣ, гдѣ онъ защищаетъ любимую свою музу, Лизетту, которую одна прекрасная дама обвиняла въ безстыдствѣ, основываясь на слѣдующихъ стихахъ въ пѣснѣ *Grenier*:

J'ai su depuis qui payait sa toilette.

«Такъ вы имѣете дурное понятіе объ этой бѣдной Лизеттѣ?» пишетъ старый эпикуреецъ: «она была такая добрая, такая веселая, такая милая, я долженъ сказать даже, такая нѣжная дѣвушка! И за что же она вамъ не нравится? За то, что имѣла роль муза, который заботился о ея гардеробѣ? Нѣтъ, у васъ не достало бы духа сердиться на нее, еслибъ вы видѣли

ее въ то время! Притомъ, она рада была бы имѣть отъ меня то, что необходима была покупать у другаго. Но что же дѣлать? Я былъ такъ бѣденъ; малѣйшее удовольствіе заставляло меня цѣлую недѣлю питаться хлѣбной похлѣбкой, которую готовилъ я самъ, подбирая между-тѣмъ рифму къ рифмѣ и полный надежды на будущую славу. Когда я только говорю вамъ объ этой веселой эпохѣ моей жизни, въ которую, безъ подпоры, безъ вѣрнаго насущнаго хлѣба, безъ образованія, я мечталъ о блестящей будущности, не пренебрегая удовольствіями настоящаго, на глазахъ моихъ выступаютъ невольныя слезы. Да, прекрасна молодость, потому что она можетъ проливать ограду даже на старость, на этотъ бѣдный и безплодный возрастъ! Пользуйтесь остальнымъ временемъ вашей молодости, любезный мой другъ; любите и позволяйте любить себя. Я зналъ это счастье; оно — величайшее въ жизни.

Эта разсѣянная, полная любовныхъ приключеній и шалостей жизнь, о которой воспоминаніе такъ дорого старику, имѣла, однакоже, свои часы унынія и огорченія. Когда проходилъ день упоенія, когда наставало роковое *завтра* и бѣдный поэтъ видѣлъ себя опять лицомъ-къ-лицу съ своею невѣстностью и нищетою, грусть водворялась на чердакъ его, веселье напѣвы улетали, и Беранжэ силится прорвать мрачную завѣсу, скрывавшую его будущность.

Въ одну изъ такихъ минутъ, счастливая мысль послужила для него источникомъ неожиданнаго благосостоянія; вотъ какъ разсказываетъ онъ самъ это событіе въ посвященіи своихъ произведеній Люсіану Бонапарте:

«Въ 1803 году, лишенный средствъ жизни, утоmlенный несбывавшимися надеждами, пища стихи безъ цѣли и поощренія, безъ образованія и безъ совѣта, я вздумалъ (а сколько подобныхъ думъ осталось безъ успѣха!), я вздумалъ вложить въ конвертъ свои стихотворенія и отослать ихъ по поч-

тѣ къ брату перваго консула, къ Люсіану Бонапарте, уже знаменитому по великому ораторскому таланту и по любви къ художествамъ и литературѣ. Я еще помню, что письмо, приложенное къ этой посылкѣ, достойное молодой, чисто-республиканской головы, носило печать гордости, оскорбленной необходимостью прибѣгнуть къ покровителю. Бѣдный, невѣстный, столько разъ обманывавшійся въ ожиданіяхъ, я не могъ надѣяться на успѣхъ поступка, котораго никто не поддерживалъ. Но на третій день, — вообразите мою радость, Люсіанъ призываетъ меня къ себѣ, освѣдомляется о моемъ положеніи, которое скоро улучшается, говоритъ со мной, какъ съ поэтомъ, расточаетъ мнѣ поощренія и совѣты. Къ несчастію, онъ принужденъ былъ удалиться изъ Франціи; я думалъ, что буду забыть, какъ вдругъ получаю изъ Рима позволеніе пользоваться жалованьемъ, какое получалъ Люсіанъ, какъ членъ Института, — получаю вмѣстѣ съ тѣмъ письмо, которое берегу до-сихъ-поръ, какъ драгоценность, и въ которомъ Люсіанъ говоритъ мнѣ: «прошу васъ принять мое жалованье отъ Института; я не сомнѣваюсь, что если вы станете обработывать свой талантъ трудомъ, то составите со-временемъ одно изъ украшеній нашего Парвасса. Не переставайте быть смѣлымъ, но будьте изящнымъ.»

Люсіанъ, самъ написавшій о Карлѣ-Великомъ эпическую поэму въ сорокъ тысячъ стиховъ, безъ сомнѣнія не поддѣривалъ, что слава этого Беранжэ, присылавшаго ему дионирамбы и буколическія стихотворенія, теперь совершенно-забытыя, начнется съ *le Roi d'Yvetot*, и что, въ послѣдствіи, онъ достойно заплатитъ за его благородную милостыню, разсыпая сокровища поэзіи на величіе и несчастье императорской фамилии.

Спустя нѣсколько времени, Беранжэ былъ рекомендованъ издателю *Annales de Musée*; два года онъ былъ невѣстнымъ сотрудникомъ этого изданія, и

наконецъ, въ 1809 году, благодаря покровительству Ариэ (республиканецъ Люсианъ былъ тогда въ немилости), получилъ мѣсто экспедитора въ канцеляріи университета, съ жалованьемъ по тысячѣ двѣсти франковъ въ годъ.

Для челоѣка, съ дѣтства боровагося съ бѣдностью, такое мѣсто было владъ. Притомъ, должность совершенно соотвѣтствовала независимому и прихотливому воображенію поэта; онъ отдавалъ на время въ наймы свою руку, а мысль берегъ для себя. Въ послѣдствіи, послѣ іюльской революціи, когда друзья его, сдѣлавшіеся министрами, хотѣли доставить поэту выгодное мѣсто, онъ простодушно отказался, объявивъ, что неспособенъ ни къ какой должностной работѣ, и годится развѣ только въ экспедиторы.

Пріютившись въ университетъ и копируя циркуляры и постановленія, Беражэ продолжалъ внутреннюю работу гевія, ищущаго своей дороги. Любовь къ поэзіи эпической и драматической еще не покидала его; но между тѣмъ, уже пѣсни, вырывавшіяся изъ души его во всѣхъ мѣстахъ и во всякое время, начинали заглушать всякій другой родъ вдохновенія. Въ эту эпоху, часто встрѣчая Дезожье на улицѣ, онъ говаривалъ про себя: «Ладно! я и самъ, еслибъ захотѣлъ, могъ бы писать пѣсни такъ же хорошо, какъ и ты, еслибъ не писалъ поэмъ.» (*)

Пріемъ его въ *Savau* (Пѣсенное Общество) въ 1813 году, наложивъ на него обязанность платить свою долю куплетами, окончательнo рѣшило его призваніе, и когда, въ концѣ 1815 года, вышло первое собраніе его сочиненій, то главныя пѣсни его, ходившія по рукамъ, уже были извѣстны публикѣ.

Предполагая представить здѣсь читателямъ не литературную оцѣнку, а біографическій очеркъ Беражэ, мы

самыми бѣглыми взоромъ взглянуть на эти стихи.

Пѣсни, помѣщенныя въ перьомъ собраніи, относятся къ тремъ, отличнымъ одна отъ другой, эпохамъ: когда онъ вышелъ въ свѣтъ, Беражэ видѣлъ послѣднія побѣды имперіи, перьую реставрацію, стодневное правленіе, и самъ позаботился объяснить намъ въ предисловіи политическія мысли свои въ эти эпохи.

«Восторженное и постоянное удивленіе мое къ гевію императора, обожаніе, какое онъ внушалъ народу, который все еще видѣлъ въ немъ представителя побѣдоноснаго равенства, это удивленіе, это обожаніе, должествовавшія послужить благороднѣйшимъ предметомъ моихъ пѣсней, и когда не ослѣпляли меня до такой степени, чтобъ я не видалъ безпрерывно возрастающаго деспотизма имперіи.»

Эти слова даютъ ключъ къ тойою сатиры, пробивающейея въ *le Roi d'Yvetot*.

«Въ 1815 году» прибавляетъ Беражэ: «въ паденіи колосса я видѣлъ только несчастія отечества, которое республика научила меня обожать. Когда возвратились Бурбоны, къ которымъ я былъ равнодушенъ, — ихъ слабость, казалось мнѣ, должна была облегчить возрожденіе народныхъ правъ. Намъ увѣряли, что Бурбоны сами хотѣли возстановить эти права; не смотря на хартію, я мало тому вѣрилъ... Что касается до народа, послѣ роковой развязки столь продолжительныхъ войнъ, мнѣніе его, казалось мнѣ, не было противъ повелителей, данныхъ ему Европой. Я пѣлъ тогда славу Франціи; я пѣлъ ее въ присутствіи иностранцевъ, задѣвая по-временамъ то, что казалось мнѣ смѣшнымъ, но еще не враждуя противъ возстановленною монархіи.»

Подъ вліяніемъ этой мысли, Беражэ написалъ полуроялистскія пѣсня, подъ заглавіемъ: *Le bon Français, La Requête des chiens de qualité, Vieux habits, vieux galons, Le Nouveau Diogène*, и проч.

(*) Этотъ фактъ заимствованъ изъ націанной неизвѣстнo кѣмъ біографіи Беражэ, помѣщенной въ началѣ послѣдняго изданія «*Oeuvres Complètes de Beranger*».

«Во время стодневнаго правленія», продолжаетъ Беранжé, «народный энгуизмъ не обманулъ меня; я видѣлъ, что Наполеонъ не могъ царствовать, какъ государь конституціонный: не для того онъ созданъ былъ на свѣтъ... Дурно ли, хорошо ли, — я выразилъ свои опасенія въ пѣснѣ, подъ заглавіемъ *Politique de Lise*, форма которой такъ мало соотвѣтствуетъ сущности. Какъ доказываетъ первый мой сборникъ, я не смѣлъ еще дать пѣсни почетъ божье-возвышенный; крылья ея подростали. Мнѣ легче было предать посмѣянію Французовъ, вѣстывшихся желать возвращенія и торжества иностранныхъ армій; я проливалъ слезы при первомъ вступленіи ихъ въ Парижъ, проливалъ и при второмъ. Есть, можетъ-быть, люди, которые привыкають къ подобнымъ зрѣлищамъ.»

Послѣ второй реставраціи, яма пѣнописца было уже народнымъ; его пѣснй, веселыя и грустныя, легкія и важныя, восторженныя и намѣшныя, повсюду встрѣчали живѣйшее сочувствіе. Во второмъ сборникѣ, вышедшемъ въ 1821 году, онъ заширилъ область пѣснй. Соперникъ Ланара и Колле сдѣлался соперникомъ Гомера и Тиртея, и Бенжаменъ-Констанъ справедливо сказалъ о немъ: Беранжé пишетъ возвышенныя оды, думая, что пишетъ только пѣснй.»

За это новое изданіе лишился онъ мѣста, и заплатилъ пятьсотъ франковъ тебй. Еще въ 1815 году, когда вышелъ первый сборникъ, экспедитора предостерегали, что онъ долженъ быть осторожнѣе. Въ 1821 году, Беранжé вспомнилъ предостереженіе и не явился въ канцелярію: министерство объявило ему отставку. Въ то же время, его погребовали въ судъ; онъ обвиненъ былъ въ оскорбленіи общественной и религіозной нравственности, въ оскорбленіи особы короля, въ возбужденіи народа къ мятежу. Любопытно, что во время этого процесса, Дюшенъ, защитникъ подсудимаго, старался представить своего клиента веселымъ, остро-

умнымъ, но вовсе-неопаснымъ пѣсенникомъ, тогда-какъ генерал-адвокатъ Маршавжи настоящимъ образомъ оцѣнилъ эти стихотворенія, которыя, говорилъ онъ, автору угодно называть пѣснями, и которыя собственно суть днєирамбы, оды, смѣло и прямо направленные противъ существующаго порядка вещей.

Дѣйствительно, оружіе пѣсенника было оружіемъ страшнымъ для Бурбоновъ; ни парламентскія рѣчи, ни заговоры, ни клубы, не наносили Бурбонамъ такихъ жестокихъ ударовъ, какъ эти пѣснй — шутивыя, веселыя, насмѣшливыя, смѣлыя, мятежныя, прямо шедшія въ душу.

Третій сборникъ пѣснй Беранжé вышелъ въ 1828 году, въ министерство Мартиньяка. *L'Ange Gardien, le Sacre de Charles-le-Simple* и *La Gérontocratie*, подали поводъ къ вторичному осужденію пѣсенника — къ уплатѣ 10,000 фр. пени. Либеральная партія заплатила за него пеню.

Въ июльскіе дни, Беранжé употребилъ все свое вліяніе для успокоенія умовъ. «Беранжé», говоритъ Бераръ въ *Souvenirs de la révolution de 1830*, «идолъ народа и молодежи, въ центральному собраніи, въ улицѣ Рашльё, старался доказать, что республика въ настоящее время невозможна, или не-крайней-мѣрѣ очень-опасна; и таково было раздраженіе умовъ, что «ему чуть не досталось плохо!»

Содѣйствовать божде, чѣмъ кто-нибудь, къ одержанію побѣды, Беранжé отказался отъ своей доли припадѣжъ богатой добычи: напрасно предлагали ему и титулы и должности... Отставной чиновникъ реставраціи отказался отъ выгодныхъ предложеній Ламитта. Тиртей июльской революціи отбѣчалъ своимъ друзьямъ, сдѣлавшимся министрами:

En me créant, Dieu m'a dit: ne sois rien!

Онъ удалился сначала въ Пасси, потомъ въ Фонтенблô, наконецъ въ Туръ. Въ послѣдніе годы онъ дополнилъ то, что называется своими *Mémoires chan-*

tants, изданіемъ четвертаго и послѣдняго сборника пѣсень. Носится слухъ, будто онъ готовится теперь къ изданію *Biographie des contemporains*. Я хочу составить говорить онъ родъ историческаго словаря, гдѣ, подъ каждаымъ изъ именъ нашихъ политическихъ и литературныхъ знаменитостей, помѣщены будутъ многочисленные мои воспоминанія и сужденія, мои собственныя или заимствованныя у надежныхъ авторитетовъ... Кто знаетъ, быть-можетъ, этому произведенію моея старости имя мое будетъ обязано тѣмъ, что переживетъ меня! Забавно было бы, еслибъ потомство сказало: разсудительный, серьезный Беранжэ! Отъ-чего жъ и не такъ?..

И дѣйствительно, отъ-чего жъ и не такъ? Отъ-чего потомству не сказать въ одно и то же время: безсмертный поэтъ, разсудительный историкъ? Всѣ знающіе Беранжэ говорятъ, что онъ любитъ такъ же тщательно скрывать глубокія свои знанія, какъ другой старался бы скрыть свое ничтожество. Беранжэ, какъ выразился кто-то, *est un grand ignorant à la manière de Montaigne*; если вѣрить его друзьямъ, если судить по нѣкоторымъ прозаическимъ статьямъ его о самыхъ серьезныхъ предметахъ, — у него есть качества историка, философа и государственнаго чловека.

Значитъ ли это, что поэтъ не понялъ своего призванія? значитъ ли, что гений его потерялся, замкнувшись въ тѣсномъ кругѣ пѣсней, и что потомство можетъ со-временемъ поставить его въ разрядъ второстепенныхъ соизвѣдій, которыхъ заимствованный блескъ уменьшается и исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ отъ него удаляешься? Однимъ словомъ, имѣетъ ли право Беранжэ съ такимъ пренебреженіемъ смотрѣть и на себя и на свои пѣсни, какое высказываетъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдняго своего предисловія? Мы этого не думаемъ. Каковъ поэтъ, такова поэзія. Дайте въ руки Геркулесу на-

ку, онъ сдѣлаетъ изъ нея рычагъ или палицу.

Здѣсь мы должны заключить нашъ неполный біографическій очеркъ общими взглядомъ на стихотворенія Беранжэ.

Въ Беранжэ заключаются четыре различные поэта и четыре великіе поэта: поэтъ эротическій и валихескій, поэтъ сатирический, поэтъ элегическій и поэтъ лирический.

Еслибъ Беранжэ завѣщалъ потомству только *la Bacchante*, *la Grande Orgie*, *la Gaudriole* и другія сочиненія въ томъ же родѣ, онъ занялъ бы мѣсто подлѣ или немного-повыше Анакреона, Тибулла, Парви, Панара, Колле, Дезюжъ, и тѣмъ бы все и кончилось. Признаемся, мы не пытаемъ безусловнаго удивленія ко всѣмъ этимъ прекраснымъ генимъ, исключительно посвятившимъ себя поэзіи чувственной. Этотъ родъ сочиненій можетъ нравиться, когда человекъ въ горячкѣ страсти или въ упоеніи; въ состояніи натуральному, онъ много теряетъ своей прелести; поэзія, говорящая однимъ чувствомъ, можетъ оставлять по себѣ только бѣглый и эфемерный слѣдъ; поэзія впрочемъ только при условіи, если опирается на благороднѣйшіе инстинкты чловека, — и еслибъ позволили ученые, то давно уже сластолюбивый еоосскій старикъ и вѣчная его Батшала погребены были въ мракъ забвенія.

Мы не думаемъ, чтобъ нѣкоторыя изъ разгульных пѣсней Беранжэ придавали большую красу его поэтическому цвѣтку. Досадно даже, что подозрительное сосѣдство Фретильионъ и Жантонъ мѣшаетъ скромнымъ дамамъ бесѣдовать съ великимъ поэтомъ, который умѣетъ иногда давать любви такой мелодическій, такой вѣжливый и чистый языкъ, какъ свидѣтельствуетъ очаровательная элегія его подъ заглавіемъ: *la Bonne Vieille*.

Поэтъ сатирический, Беранжэ имѣлъ сильное вліяніе на великія событія во Франціи въ минувшія десятилѣтія.

Пѣсенникъ металлъ также свои каменные ядра на католицизмъ. Не сравни-

вайте, впрочемъ, въ этомъ отношеніи, Беранжé съ Вольтеромъ. Вольтеръ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ дьявола; Беранжé обладаетъ иногда въ высокой степени религиознымъ вдохновеніемъ; прочтите удивительное созданіе его *Am Dieu des bonnes gens*. Въ католицизмѣ онъ нападалъ болѣе на форму, чѣмъ на сущность.

Подъ именемъ элегическихъ стихотвореній Беранжé мы разумѣемъ всѣ тѣ выраженія задушевныхъ его чувствъ, которыхъ сущность составляетъ грусть. Беранжé справедливо называетъ ихъ любимыми своими дѣтьми: это поэзія очаровательная, поэзія свѣжая, навивная, истинная, исшедшая изъ сердца! Прочтите *les Oiseaux, le Vieil habit, la Bonne Vieille, le Retour dans la Patrie, les Hirondelles*, прочтите особенно въ послѣднемъ сборникѣ, — который, неизвѣстно почему, принятъ былъ французской публикой довольно-холодно, — прочтите удивительную балладу на-манеръ Бюргера, подъ заглавіемъ *Jacques*. Какая рѣкая картина бѣдствій французскаго поселянина, подавленнаго налогами! Какъ превосходно расположены всѣ части этой небольшой драмы въ пятьдесятъ стиховъ! Можете ли вы остаться равнодушными, вида эту жалкую избушку, этого ребенка, лежащаго въ колыбели, этого поселянина, отъ нищеты и истощенія силъ умирающаго на соломенной постели, эту жену, которая думаетъ, что мужъ ея спитъ, и будитъ его; этого *huissier*, безстрашнаго свидѣтеля страшнаго зрѣлища? можете ли вы остаться равнодушными, слыша этотъ простодушный и раздирающій сердце крикъ:

Demande un mois pour tout payet,
Ah! si le roi pouvait attendre!

И потомъ, этотъ призывъ, отдающійся какъ звонъ колокола по умершемъ:

Lève-toi, Jacques, lève-toi;
Voici venir l'huissier du roi.
.....
Elle appelle en vain, il rend l'âme.
Pour qui s'épuise à travailler
La mort est un doux oreiller...
Bonnes gens, priez pour sa femme!

Ораторъ, который будетъ на парламентской трибунѣ доказывать несправедливость ариеметическаго раздѣла налога, пусть возьметъ балладу Беранжé и прочтаетъ ее. Это будетъ лучше всякой рѣчи.

Поэтъ лирической, Беранжé отличается особенно внезапностью и свободою вдохновенія. Чтобы достигнуть высокога, онъ не напрягаетъ своихъ силъ, не надрывается, подобно другимъ: онъ достигаетъ этого естественно, безъ усилія, однимъ скачкомъ. Рѣдко найдете вы въ его стихахъ широкую мысль подъ узкой оболочкой, — мысль шуточную, вставленную въ грандіозную форму; у Беранжé все гармонируется одно съ другимъ. Прочтите *Cinq mai, Mon âme, Louis XI, le Vieux drapier, la Déesse, le Pigeon messager, le Juif Errant, les Fous*.

И Беранжé, подарившій свѣту всѣ эти образцовыя созданія, которыя, какъ сказалъ г. Маршанжи, ему угодно называть пѣснями, Беранжé пренебрегаетъ своею славой! Онъ смиренно проситъ прощенія у публики, что дарома потратилъ свою жизнь, что не искалъ болѣе-прочныхъ успѣховъ въ болѣе-возвышенныхъ родахъ литературы!... Нѣтъ, этому никто не повѣритъ; она самъ клеветаетъ на свой гений, на свою музу. Не-уже-ли онъ не знаетъ, что изъ всѣхъ родовъ литературныхъ созданій самый прочный, негибнущій — пѣсня? Книги и памятники обращаются въ прахъ, а пѣсня переходитъ изъ рода въ родъ; она не боится ни времени, ни молніи, ни меча, ни огня, ни потопа, потому-что находитъ себѣ убѣжище въ сердцахъ людей, какъ въ ковчегѣ спасенія. Гомеръ, Пиндаръ, Тиртей, Антаръ, Персъ Фирдуси, царь Давидъ — были пѣснопѣвцы.

☆

ПРАВЫ, ОБЫЧАИ И ПОНЯТІЯ ДЪ СЪВЕРЪ-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИ- НЕННЫХЪ-ШТАТАХЪ.

(Статья Р. Вессельмюста.)

Формы жизни здѣсь довольно-просты и сходны съ английскими. Видящій долженъ подавать руку и обойти всѣхъ, если не хочетъ никого оскорбить. Это рѣшительно необходимо. При уходѣ, не то. При свиданіи послѣ разлуки, здѣсь никогда не целуются съ пріятелемъ или пріятельницей, — развѣ отъ избытка радости. Если пріятель или членъ семейства уходить изъ дома, ихъ провожаютъ не на улицу, но много, если до наружныхъ дверей. Какъ бы ни рады были гостю, его принимаютъ въ parlour (гостинной, салонѣ), а не идутъ встрѣчать. Разговоръ почти-исключительно и всегда начинается съ погоды; приличіе требуетъ поговорить о ней. Привѣтствіе при свиданіи постоянно одно и то же: «how do you do?». При каждой встрѣчѣ, при каждомъ пожатіи руки, оно непрестанно повторяется обонимъ сошедшимися. И послѣ, въ теченіе разговора, повторяется опять то же «how do you do?» или «how have you been?». Но эту фразу произносятъ съ большимъ выраженіемъ, дѣйствительно осѣдошляясь о здоровьѣ. Даже вовсе-незнакомые люди встрѣчаютъ другъ друга этииъ «how do you do?» и мелучаютъ въ отвѣтъ то же «how do you do?». За тѣмъ слѣдуетъ: «It is a fine day!», или: «we had quibe a storm!», или: «a fine day to day!» и тому подобное. Другой отвѣчаетъ: «Yes, indeed, very fine!», или: «very so!» и т. д. Случается, что двое незнакомыхъ долго сидятъ вмѣстѣ въ гостинницѣ или въ почтовой каретѣ; вдругъ одному вздумается завязать разговоръ, и бесѣда непрестанно начинается съ «a fine day to day!» или «how do you do!». Иностранцу кажется это странно, а иногда и невѣжливо, потому-что слѣдующіе за тѣмъ вопросы обыкновенно очень-

близко касаются личности и цѣли путешествія незнакомаго. Любимыиъ Американцевъ извѣстно всему свѣту, но его нельзя назвать оскорбительнымъ. Откровенные отгѣты на такіе вопросы раздраютъ обыкновенно болѣе-тѣсную и весьма-пріятную для иностранца связь съ собесѣдникомъ и все то время, которое случится изъ провести вмѣстѣ. Хорошо зная обычи и нравы страны, онъ доставляетъ своему новому знакомцу тѣ же выгоды, какими пользуется и самъ дорогов. Богѣ всего не по вкусу иностранцу необходимость спать съ одиимъ или даже съ двумя товарищами. Кромѣ почти-вездѣ двуспальные. На дорогахъ, гдѣ много проѣзда, часто бываетъ въ нихъ недостатокъ, и пріятншій позже ложится безъ околичностей къ вамъ на кровать. Американецъ, даже изъ низшихъ классовъ, въ дорогѣ очень-опытенъ и одѣтъ какъ джентльменъ. Въ дорогу онъ надѣваетъ лучшее, что у него есть. За то его вслѣ принимаютъ какъ джентльмена, и требованія его равны съ требованіями богатѣйшаго пассажира.

Гостю или гостѣмъ, при входѣ ихъ, подають стулъ, а хозяйка садится на диванъ. Даже и дамы, вошедъ въ комнату, рѣдко садятся на софу, а вселѣ на стулъ. Шляпы никогда не вносятъ съ собою въ комнату; ее оставляютъ на столѣ или на вѣшалкѣ, устроенной для этого въ прихожей. Дамы и въ комнатѣ остаются въ шляпкѣ и шали. Встрѣчаясь, только касаются шляпы, но не снимаютъ ее никогда, даже нерель дамами. При дѣловомъ посѣщеніи, осѣдуются съ покрытою головою и въ шляпкѣ. Люди простаго званія почти никогда не снимаютъ шляпы, даже и тогда, если случай заведетъ ихъ въ домъ дамы изъ богачу. Нельзя отрицать, что это оцень ихъ разнаеть, и названъ за это невѣжей было бы названіемъ равенства. Американецъ никогда не затрудняется, что ему дѣлать съ шляпкою или нуда ихъ дѣвать. Онъ держится просто, свободно, естественно, ему никогда не приходится нить въ

зѣшательствѣ шляпу. Дамы, напротивъ, не знали бы, что имъ дѣлать съ руками безъ вѣера и платка. Безъ перчатокъ не ходитъ никто, даже и изъ низшаго класса; исключеніе — одинъ работяки. Идти съ голыми руками считается очень-неприличнымъ. Каждая кухарка и служанка носитъ лайковыя перчатки.

Въ городѣ, Американецъ дѣлаетъ визиты отъ 11-ти до 2-хъ часовъ. Туалетъ, посѣщеніе знакомыхъ и пріемъ ихъ у себя занимаетъ все утро дамъ. Въ деревнѣ, ѣздить въ гости часто послѣ 9-ти часовъ вечера. Американецъ съ равнаго утра до поздней ночи совершенно одѣтъ. Халаты и туфли раздѣваются только для стариковъ. Даже больные, лежа днемъ въ постели, одѣты: дамы вполнѣ, мужчины въ галстухѣ и чистомъ бѣльѣ. То же и съ дѣтьми: больныя, они одѣты цѣлый день. Мать охотнѣе возьметъ больнаго ребенка къ себѣ на руки, чѣмъ положить его въ постель. Такъ всѣ выдержавъ съ-мѣрду.

Осанка Американца выказываетъ его самостоятельность. Какъ ни любопытенъ кажется онъ иногда, онъ остается равнодушнѣе при необыкновеннѣйшихъ событіяхъ. Отъ-этого, онъ кажется холоднымъ и апатическимъ. За то, онъ незнакомъ съ замѣшательствомъ; уже въ маленькиихъ дѣтяхъ нѣтъ и слѣда застѣчивости, которую у насъ встрѣчаешь во всѣхъ классахъ. При всемъ томъ, дерзость въ обращеніи здѣсь такъ же нетерпима, какъ и у насъ. Напрасно станете, впрочемъ, искать здѣсь ясной веселости, оживляющей наши общественныя собранія, и слово «веселье», такъ хорошо знакомое намъ изъ тысячи пѣсень, здѣсь неизвѣстно въ этомъ значеніи. Вообще, лица простые и серьезны, и потому холодны.

Холодность и жесткая важность — остатки стараго, бѣжавшаго сюда пуританизма, и потому они не столько приняты на югѣ. Этому способствуетъ и англійскій способъ праздновать воскресенье. Для Нѣмца и Француза, вос-

кресенье въ Новой-Англій и большей части Соединенныхъ-Штатовъ скучнѣйшій и несноснѣйшій день. Да едва ли и сами урожаецы не скучаютъ среди этой тишины. Отъ снуи, идутъ въ церковь и тамъ забавляются, кто перемигиваньемъ съ хорошенькими, кто критикой проповѣди; проповѣдникъ состоитъ подъ строгимъ контролемъ церковнаго и политическаго прихода. Молодой человекъ приглашаетъ хорошенькую дочку своего сосѣда идти вмѣстѣ къ обѣднѣ; это такъ же обыкновенно, какъ у насъ приглашеніе на таецъ или на прогулку въ воскресенье послѣ обѣда. Молодѣжь посѣщаетъ другъ друга свободно, лишь-бы знала объ этомъ родители. Если такія посѣщенія продолжаются долго и постоянно, ихъ считаютъ за намѣреніе объясниться и требуютъ опредѣленнаго объясненія. Если молодой человекъ, не давъ никакого объясненія, оставляетъ свою знакомую и начинаетъ ухаживать за другой, это принимается за оскорбленіе, и братья истязъ иногда побоями всенародно. Американецъ нисколько не думаетъ, чтобы это было оскорбительно для чести, и въ Новой-Англій дуэль почти-неизвѣстна. Побитый часто одумывается и женится на покинутой имъ дѣвушкѣ, которая за это не теряетъ своего къ нему уваженія. Сговоренныя ничѣмъ не связаны: жена и невѣсту безъ опасенія оставляютъ наединѣ. Но поцаловать невѣсту въ присутствіи родителей, или вообще третьяго лица — считается очень-непристойнымъ; за то ихъ оставляютъ даже и прежде помолвки до полуночи безъ всякаго надзора. *Nonny soit qui mal y pense!* О безчестіи слышно очень-рѣдко: его вносятъ дочерямъ бѣднѣйшихъ гражданъ только вольводумцы изъ богатыхъ аристократовъ. Впрочемъ, къ этому нѣтъ и ровада: молодые люди женятся часто на восемнадцатомъ году, и рѣдко приходится имъ ждать дольше двадцать-перваго; это случается только съ гордецами или бѣдняками, неимѣющими рѣшительно никакого состоянія и при всемъ томъ

нехотящими зарабатывать пропитаніе обыкновеннымъ трудомъ. Къ этому классу принадлежатъ молодые купцы въ городахъ.

Непонятно, какъ воспитаніе дочерей даже въ среднемъ классѣ направлено къ high life. Никого изъ нихъ не учатъ ни стряпать, ни хозяйничать; кто не можетъ нанять кухарки и горничной, тотъ не можетъ жениться. При такихъ условіяхъ, въ Америкѣ больше, нежели гдѣ-нибудь, старыхъ дѣвъ. Участь ихъ незавидна, потому-что нигдѣ въ мірѣ не связаны онѣ такимъ этикетомъ, какъ здѣсь. Дама не можетъ явиться безъ кавалера ни въ церковь, ни въ концертъ, ни на гулянь; это почли бы странною непристойностью. Такую же участь раздѣляютъ и вдовы. Только бѣднѣйшіе классы освободили себя отъ этого ига. Вечернія прогулки даже съ мужемъ или братомъ—дѣло неслыханное. Вообще, здѣсь мало ходятъ: всѣ ѣздятъ; экипажъ въ одну лошадь—самый употребительнѣйшій. Одноколки все больше и больше выходятъ изъ моды. Сортавъ экипажей очень-много, и каждый имѣетъ свое названіе. Прогулки за городъ, по-нашему, здѣсь неизвѣстны; за то дѣтомъ перебираются на нѣсколько мѣлъ со всѣмъ добромъ въ деревню. У богатыхъ есть свои прекрасныя дачи; бѣднѣйшіе переѣзжаютъ въ такъ-называемые boarding-houses, выстроенные среди лучшихъ мѣстоположеній. Здѣсь нѣ о чемъ заботиться, что касается до хозяйства, и дамы отдыхаютъ отъ своихъ тяжелыхъ обязанностей: call и house-keeping! (*). Даже семейства, живущія въ деревнѣ, переѣзжаютъ на другое мѣсто, къ морю или внутрь провинціи. Въ этомъ высказывается подвижность Американца и слабая привязанность его къ почвѣ, которую онъ воздѣлываетъ.

Возвратимся къ домашнимъ обычаямъ. За завтракомъ, обѣдомъ и чаемъ (такъ зовется здѣсь ужинъ), хозяйка и всѣ женщины садятся у верхняго кон-

ца стола; хозяйка съ мужичанушками. Мужъ и жена сидятъ настури-тивъ и заняты угощеніемъ. Эта форма сохраняется и при званыхъ обѣдахъ и естественно разрушаетъ веселость иленькихъ и большихъ deinetz и suppers. Принятый порядокъ нарушается рѣдко,—теперь, однакожъ, чаще, нежели прежде. Въ гостиницахъ привато допустить къ столу прежде женитыя съ ихъ половинками. Всѣ ужасались бы, еслибъ мужъ и жена сидѣли порознь. Такимъ-образомъ, всякое социальное сближеніе за столомъ уничтожено. Въ гостиницахъ по дѣль общія залы: одна для мужчинъ, другая для дамъ. Сюда не смѣетъ войти безъ аклада даже тотъ, чья жена взошла въ залъ. Для холостыхъ есть общій зала, и они отдѣлены отъ всякой общности; развѣ мужъ пригласитъ своихъ и жены своей пріателей пойти въ городъ посмотреть достопримѣтельности. Нѣтъ ничего скучнѣе американской гостиницы. Отдѣльными комнаты, какъ у насъ, устроены только для сна и такъ малы, что только что не приходится прыгнуть изъ дверей на кровать. Впрочемъ пріѣзжкіе, остающіеся по-крайней-мѣрѣ на нѣдѣлю, даютъ болѣе-просторныя комнаты, если они требуютъ ихъ настоятельно. Такъ раздѣленіе мужчинъ отъ женщинъ доведено до сѣншана. не смотря на всю свободу ихъ обращенія. Дамы называютъ это lady-like и воображаютъ, что играютъ важную и особенную, значительную роль, доводя строгость этикета до несносности. Понятно, что все это не очень-выгодно для мужчинъ: странное, оригинальное положеніе женщинъ дѣлаетъ ихъ искорными рабами женскихъ капризовъ. Женщина, какъ извѣстно, не имѣетъ никакихъ политическихъ правъ, и потому захватываетъ сколько-нибудь больше власти у себя дома. Мужъ вообще въ большой зависимости у женщины по-крайней-мѣрѣ каждому постороннему долженъ онъ показывать какъ будто носить жену на рукахъ. Никто не станеть утверждать, чтобъ брачные

(*). Гостей и хозяйства.

жизнь въ Америкѣ была счастливѣе, нежели въ другихъ странахъ: стоятъ только заглянуть за кулисы и разоб- рать, что написано на этихъ по-види- мому безпристрастныхъ лицахъ.

Обѣдъ бываетъ всегда очень-тихъ. Веселый или просто приличный разго- воръ поддерживаютъ только посторон- ние. Хозяйка и хозяинъ слишкомъ за- наты разрѣзываніемъ, угощеніемъ и управиваньемъ. Бѣдятъ удивительно- скоро. Всѣ кушанья подаются разомъ, и обѣдающій часто наваливаетъ себѣ на тарелку гору, отъ которой половина остается. Что остается, выбрасывается въ помой. Истребленіе тѣмъ больше, что бѣдныхъ, которымъ можно было бы отдать остатки, очень-немного. Раз- говоръ начинается только за десерт- омъ. Пьютъ вообще мало; любимое столовое вино мадера, иногда хересъ; къ десерту шампанское, разумѣется, столько же настоящее, какъ и у насъ, не смотря на клейменую пробку и над- пись: Sillery. Кушанья вообще сильно приправляются пряностями. Сперва подаютъ мясную пищу и супъ; потомъ пудингъ и паштетъ. Наконецъ десертъ: яблкомъ, яблоки, мандарины, разныхъ сор- товъ орѣхи, апельсины, и т. п. Па- штетты (лучше торты съ вареньемъ) бѣдятъ почти вездѣ съ сыромъ. Пасте- ты и другое пирожное обливаютъ ино- гда сиропомъ. Горячій хлѣбъ является всегда за завтракомъ и къ чаю. Кофе и чай пьютъ во многихъ домахъ по три раза въ день; кофе и чай варятъ, а не такъ какъ у насъ, — одинъ фильтру- ютъ, а другой настаиваютъ. Отъ этого эти напитки дѣлаются ужасно-крѣпки и при всемъ томъ не такъ вкусны и въдесятеро-вреднѣе. Къ-счастію, высшіе сорта кофе и чая употребляются здѣсь больше высокихъ, и черный чай пред- почитается прочимъ; безъ этого, тяже- лая, раздражительная пища американ- цевъ была бы еще вреднѣе. Пищу заиѣняютъ зимою овощи, и ихъ очень любятъ. Овощи варятся просто въ соле- ной водѣ. Спаржу снимаютъ, когда она уже зелена; многіе изъ нашихъ луч- шихъ овощей неизвѣстны, потому-что

ихъ не умѣютъ готовить. Сельде- рей подаютъ въ зеленыхъ стебляхъ и бѣдятъ его сырой. Мясо жарятъ очень- скоро и подаютъ на столъ очень-твер- дымъ. Надо имѣть хорошій желудокъ, чтобъ оно переварилось, потому-что его невозможно порядочно разжевать. Отъ этого диспенсія — здѣсь болѣзнь очень-обыкновенная; причиною ея ча- сто бываетъ полусырое мясо. Кромѣ того, въ большомъ употребленіи сладкіе соусы и овощи; для нихъ берется си- ропъ и нерафинированный сахаръ. Это производитъ въ желудкѣ болѣе- острое броженіе и вредно для зубовъ отъ развивающихся газовъ. По этому здѣсь рѣдко увидишь хорошіе природ- ные зубы, и зубныхъ врачей здѣсь больше, нежели другихъ медиковъ. А чтобъ имъ было чѣмъ жить, американ- цы очень дорожатъ бѣлыми зубами и дорого платятъ за чищеніе и пломби- рованіе ихъ и за вставляніе фальши- выхъ. Дѣтомъ ежедневно употребляютъ, для легчайшаго пищеваренія, содовую воду и ледъ. Дѣти, особенно дѣвочки, рано сидятъ уже въ кондиторскихъ.

Покрываются периною, считается здѣсь вреднымъ; зпрочемъ на перинахъ часто спятъ, какъ зимою, такъ и лѣтомъ. Если холодно, укрываются тремя, ше- стью и даже болѣе шерстяными одѣя- лами, которыя неприятны своею тяже- стью и производятъ какой-то сухой жаръ. Это считается здоровымъ! Зи- мою, когда человекъ потѣетъ такъ мало, укрываются периною, конечно, лучше, потому-что она производитъ легкую испарину. Тюфяки дѣлаютъ изъ лоша- диныхъ волосъ и пальмовыхъ листь- евъ. Наши соломенные тюфяки вызы- ваютъ улыбку; ихъ считаютъ призна- комъ большой бѣдности Нѣмцевъ. Кро- вати съ занавѣсами уже не въ модѣ; но съ господствующимъ вкусомъ рококо, онѣ опять начинаютъ входить въ упо- требленіе.

Къ страннымъ мѣбелямъ американ- скаго салона и столовой принадлежатъ rocking-chairs (*) и side-board. Пер-

(*) Стулъ, на которомъ можно качаться.

вое — кресла, съ круглыми дномъ или вставленіемъ, на которыхъ можно качаться взадъ и впередъ. Они чрезвычайно удобны, особенно для ученыхъ, потому что, переставъ писать, можно сейчасъ же вытянуться и низко наклониться назадъ. Здѣсь эти кресла въ особенномъ употребленіи у дамъ; каждакъ, оиѣ и шьютъ и штудируютъ. Штудировать — значитъ здѣсь читать романы, или вообще прилежно читать что-нибудь. Очень-странно смотрѣть на дамъ, когда ихъ нѣсколько вѣсѣтъ, и всѣ качаются. Впрочемъ, этотъ родъ креселъ не одобряютъ за то, что спинка слишкомъ поддерживаетъ поясницу и тѣмъ ослабляетъ ее и разгорячаетъ; это вредно для здоровья, и дамы не держатся прямо и бодро; въ нихъ не достаетъ этой граціи, спутницы здоровья и силы. Въ этомъ виноваты кресла-качалки и ранняя привычка къ корсету, который не снимается ни днемъ, ни ночью. Искривленія позвоночнаго столба здѣсь такъ обыкновенны, что нормальное его состояніе, особенно у женщинъ, съ каждымъ днемъ дѣлается рѣже. Этому без-сомнѣніи способствуетъ также употребленіе пюпитровъ для письма, введенныхъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такія пюпитры образуютъ, будучи поставлены на столъ, наклонную плоскость, и дѣти во время писанія кладутъ на нее только правую руку, сидя вкось или и вовсе бокомъ къ столу. Есть дѣти здоровыя и крѣпко сложенныя, съ искривленіями костей. Послѣдствія этого недостатка являютъ только въ періодъ возмужалости (pubertas), наступающей здѣсь очень-рано.

Къ американскимъ странностямъ принадлежитъ еще то, что небольшія семейства или молодые супруги предпочитаютъ жить въ такъ-называемыхъ boarding-houses (родъ гостиницъ), чтобъ набавиться отъ хлопотъ по хозяйству. Даже и старые супруги вѣрѣю покидаютъ свое хозяйство на цѣлые мѣсяцы и живутъ виною въ boarding-houses въ городѣ. Эта черта доказываетъ не только то, что Американецъ

вовсе не считаетъ своего дома своимъ исключительнымъ и неизмѣннымъ мѣстопробываніемъ. Общее броженіе и движеніе увлекаетъ всѣхъ въ своемъ водоворотѣ.

Гостепримство Американцевъ похоже на германское. Почти въ каждомъ домѣ есть комната, удобно-устроенная для гостей. На сѣверѣ и на югѣ, но въ деревнѣ больше, нежели въ большомъ городѣ, рады принять рекомендаціи путешественника, и въ этомъ случаѣ холодность и равнодушіе, въ которыхъ упрекаютъ Американцевъ, исчезаютъ. Образованный человѣкъ не жалуется на недостатокъ ласковости и радушія Владѣльцы плантацій на югѣ просто иногда охотятся за иностранцами, появившимися вблизи ихъ жилищъ, и путешественникъ не будетъ раскаиваться, если приметъ ихъ пригласеніе. На сѣверѣ все это какъ-то жестче, не-сообщительнѣе, но и эта жесткость исчезаетъ, если гость съумѣетъ только хорошо начать. Кромѣ того, путешественникъ находитъ теперь на большихъ дорогахъ все больше и больше хорошихъ гостиницъ; только въ отдаленныхъ, гористыхъ странахъ приходится останавливаться въ худыхъ постоялыхъ дворахъ.

Путешествіе пѣшкомъ—дѣло почти неслыханное. Пройти хоть одну милю—неприлично дамѣ не совсѣмъ-бѣдной. Около городовъ omnibusы безпрерывно ѣздятъ или на восемь и на десять во всѣ стороны. Безчисленное множество наемныхъ экипажей въ одну лошадь вѣчно въ движеніи: Верхомъ ѣздятъ также очень-много, и дамы любятъ это упражненіе такъ же, какъ и плаваніе. За то едва-ли выдали здѣсь когда-нибудь, чтобъ дамы катались на конькахъ. Верховая ѣзда Американцевъ похожа на англійскую: они упираются въ стремена и поднимаются въ тактъ; но есть и свои привычки: наклоняться назадъ и крѣпко тянуть за поводья. Мундштуковъ здѣсь не знаютъ; употребляютъ только уздечки. Такой способъ ѣзды довольно-страненъ, и вовсе-неудобенъ для войны,

или вообще для какого бы то ни было занятия на конѣ. Шеголи любят лошадей, дрессированных по-испански; эту дрессировку занимаютъ въ Виргиніи. Конечно, при этомъ опасность упасть съ лошади при курбетахъ уменьшается, потому что конь едва подымаетъ переднія ноги, и движенія его чрезвычайна-плавны. Смѣлыхъ ѣздоковъ тутъ не видно; дамы ѣздятъ въ длинныхъ платьяхъ и съ вуаземъ, непремѣнною принадлежностью шляпы даже у служанокъ и дѣтей. Американская лошадь отъ природы смиреннѣ и жещкой, и дамы могутъ ѣздить безъ всякой опасности. Даму всегда провожаетъ какой-нибудь джентльменъ; безъ него явится неприлично. Жюкен на сѣверѣ рѣдки. Республиканизмъ до-сихъ поръ удерживаетъ въ границахъ услужливости. Только немногія, образованныя въ Парижѣ вдовы сблизаются съ мужскою прислугою; это впрочемъ доказываетъ, что онѣ принуждены обезпечить для себя защиту, требующую стикетомъ. Ливреи здѣсь нѣтъ; нѣтъ тайтъ и дворянства.

Молодые богачи употребляютъ лошадей больше для экипажей, чѣмъ для верховой ѣзды. Вѣтъ въ экипажахъ—любимая забава, и почти при каждомъ большомъ городѣ устроена для этого особая дорога. Вѣтъ бываетъ рысью; замѣчательно, что при этомъ промѣняется въ краткихъ виргинскихъ бѣгунахъ, снаряженныхъ въ легкой двухколесный кабриолетъ, огонь и соревнованіе, которыхъ вовсе не ожидаешь. Это соревнованіе—общая черта здѣшнихъ лошадей, и оно причиною большей части несчастныхъ случаевъ. Вообще, вѣтъ привыкли ѣздить быстро. Вся жизнь движется скоро; все мчитъ, какъ будто малѣйшая медленность пагубна. Точно также спѣшатъ и наслаждаться. Мирное спокойствіе, такъ свойственное Пѣнсу, не видно здѣсь ни въ занятіяхъ, ни въ вѣтъ, ни въ чѣтъ. Жители деревни и горожанинъ, въ этомъ отношеніи, совершенно-равны. Это естественно истощаетъ человека, и много изъ нашихъ шестидеся-

ти-лѣтнихъ стариковъ могутъ пристыдить здѣшняго мужчину лѣтъ сорока. Нельзя не упомянуть объ этой отличительной чертѣ Американцевъ, потому что многие считали ее источникомъ жажду обогатиться, безпокойство неудовлетвореннаго сребролюбія. Но это ложно. Главная причина — шести-мѣсячная постоянная зима въ сѣверной половинѣ Штатовъ. Въ это время, поселянинъ очень-немногое можетъ сдѣлать для своей земли. Дожди горадо-сильнѣе, чѣмъ у насъ осенью, снѣгъ глубже и лежитъ дольше, чѣмъ въ Германіи; а западные вѣтры, дуящія зимою почти-ежедневно, такъ рѣзки, что никто не въ состояніи долго оставаться на воздухѣ. Вся работа сосредоточивается въ краткихъ мѣсяцахъ весны и лѣта, и кто не поспѣшитъ, тотъ не успеетъ собрать жатвы осенью. Май часто бываетъ очень-сыръ; но въ июнѣ растительность такъ сильна, что все поспѣваетъ въ четыре недѣли. Въ ноябрѣ нельзя разсчитывать на хорошую погоду; уже октябрь часто бываетъ суровъ. По-этому, всѣ полевныя работы разсчитаны на пять мѣсяцевъ. Въ счастливой Южной-Пенсильваніи относительно лучше, — впрочемъ, не болѣе, какъ на одинъ мѣсяць. Зимою, бездѣятельности больше, нежели у насъ. Въ городахъ торговля идетъ по тѣмъ же размѣрамъ. Главное время дѣятельности торговой—весна и осень, недѣль по шести въ каждое изъ этихъ временъ года. Въ эти періоды запасаются въ деревнѣ на лѣто и на зиму и сбываютъ свои произведенія въ городъ. Какъ-только это время миновало, вездѣ замѣтно больше тишины; ошозная торговля идетъ своимъ порядкомъ. Весною и осенью подумаетъ, что всѣ вошли съ ума; особенно неприятное впечатлѣніе производитъ это на иностранца. Какъ-только миновались май и июнь, все, что только имѣетъ къ тому средства, стремится въ деревню, и только въ концѣ августа начинается большая дѣятельность и приготвленія къ дѣламъ осени.

На югѣ лѣтъ царствуетъ въ-продол-

женіи дѣлаго года. Дѣла плантаторовъ не требуютъ ихъ личной дѣятельности; на это есть рабы. Вѣрно то, что сѣверная часть Соединенныхъ-Штатовъ въ продолженіи всего года выказываетъ больше дѣятельности; тутъ все живѣе, и дѣло дѣлается быстро. Сѣверъ трудится, чтобъ приобрести и посредствомъ приобретенія избавиться отъ труда. Трудъ для него не потребность, какъ для Нѣмца: онъ только средство въ достиженію цѣли, просто необходимость, отъ которой онъ старается освободиться какъ-можно-скорѣе. Отсюда проистекаетъ невѣроятная поспѣшность, быстрота труда. Постоянство Нѣмца производитъ въ годъ гораздо больше, потому-что для него трудъ и терпѣніе (Ausdauer) потребность. Но взвъ для сравненія день, ни одинъ Нѣмецъ не поспѣетъ за Американцемъ; въ недѣлю, впрочемъ, результатъ уже не тотъ. Стройные, мускулистые члены Американца одарены проворствомъ, свойственнымъ только южнымъ народамъ Европы. Рѣдко увидишь молодого человѣка или женщину, которая ходила бы согнувшись и медленно, какъ крестьяне въ Германіи. Въ прямой, твердой и ловкой походкѣ Американца проявляется что-то свободное, гордое, самостоятельное. На улицѣ вы никогда не замѣтите, чтобъ онъ сгибался, кланялся направо и налево, шаркая ногой; онъ привѣтствуетъ спокойно, безъ униженія и рабства. Въ черныхъ, быстрыхъ, сверкающихъ глазахъ его видна увѣренность въ самомъ себѣ, умъ и смѣлость. Красивый ротъ встрѣчается рѣдко, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ; но прекрасныхъ черныхъ глазъ множество. Въ глазахъ мужчинъ часто выражается хитрость и презрѣніе. Такихъ глазамъ можно безусловно отказывать въ довѣріи; владѣлецъ ихъ обыкновенно прошелъ огонь и воду; это лбедникъ или ростовщикъ, которыхъ здѣсь тысячи.

Глядя на этихъ людей во время работы, — какъ управляются они съ своимъ плугомъ, топоромъ, косомъ и дру-

гвинъ совершенно-отличными отъ нѣмецкихъ инструментами; какъ быстро идетъ работа; какъ приемы и ловкость облегчаютъ трудъ, такъ-что слабый работаетъ наравнѣ съ сильнымъ, — пожалѣешь о себѣ и землякахъ своихъ, которые все хотятъ взять силою и къ-сомъ. Сначала, Нѣмецъ засмѣется инструментамъ Американца. Скоро, однакоже, онъ замѣтитъ, что все хорошо рассчитано для быстрой работы, и что онъ не сдѣлаетъ того же съ своими инструментами. Едва-только обитаетъ инструменты, онъ дѣлается туземцемъ и ви за что въ свѣтѣ уже не измѣнится; для него непонятно, какъ Нѣмцы отстали въ этихъ вещахъ. Онъ видитъ, что Нѣмецъ, не смотря на все свое мужество, останется тяжелъ и ограниченъ, относительно простѣйшихъ вопросовъ жизни, между-тѣмъ, какъ Американецъ быстро идетъ впередъ, улучшаетъ и устроиваетъ все удобнѣе. Нельзя отрицать, что нѣкоторыя отрасли промышленности не процвѣтаютъ при свободѣ; къ нимъ причисляю я хлѣбопеченіе; смѣшутся, можетъ-быть, и другія. Искусные хлѣбники-Нѣмцы приобретутъ много выгоды во всякомъ городѣ Соединенныхъ-Штатовъ. Крупчатый, мягкій хлѣбъ, въ особенности такъ-хорошо приготовляемый въ окрестностяхъ Нюрнберга, и вообще пироги всякаго сорта здѣсь неизвѣстны. Въ Бостонѣ живетъ единственный хлѣбникъ, у котораго Нѣмцы-работники дѣлаютъ сухари; французскій хлѣбъ слава умѣютъ печь. Дрожжей не употребляютъ. Черный кислый хлѣбъ для Американца невыносимъ. Хлѣбъ приправляютъ такимъ количествомъ соды, *stemonis tartari* и поташа, что это обыкновенно можно бы принять за главнѣйшую причину столь частыхъ диспентическихъ болѣзней, еслибъ плохое поваренное искусство, особенно въ приготовленіи мяса, не вело къ той же цѣли.

Простота во всѣхъ дѣлахъ — другая отличительная черта американской жизни. Педаггскій, популярный слогъ почти отнимаетъ у нашего простолю-

дина возможность выдать вексель или квитавцію. Здѣсь для тысячи различныхъ дѣлъ существуетъ только одна форма и фраза, которую всякій можетъ легко выучить наизусть и слова и смыслъ которой просты и естественны. Скучная бухгалтерія, высокое искусство управлять канцеляріей, которыми гордятся иногда люди съ умомъ, — здѣсь почти-неизвѣстны; формы дѣлъ и судопроизводства очень — просты. Только первоклассные купцы держать книги, подобныя нашимъ. Дороговижна рабочихъ рукъ заставила Американцевъ изобрѣсти другія средства контролировать счета, и можно утвердительно сказать, что онъ управляется съ ними также безошибочно и гораздо скорѣе, чѣмъ Европейецъ. Намъ кажется это предосудительною небрежностью, потому-что мы педанты. Искусство вести счетныя книги, и именно двойную итальянскую бухгалтерію, требуемую законами, знаетъ здѣсь всякій, кто имѣетъ хоть малѣйшія дѣла; въ самыхъ мелочныхъ лавкахъ отдаленныхъ провинцій я находилъ у нихъ искусныхъ бухгалтеровъ, какъ у насъ въ конторахъ. Но Американецъ покупаетъ книгу готовую. Книжки вдоль и поперекъ проведены по бумагѣ на самой фабрикѣ. Типографщикъ дополняетъ формулы, и наконецъ переплетчикъ продаетъ совсѣмъ-готовую книгу: не нужно ничего ни писать, ни расграфлять, — остается только вносить дневной счетъ. И это упрощено. Въ большой торговлѣ кассаръ стоитъ за высокой, отгороженной конторкой. Онъ принимаетъ всѣ деньги. Продающій прикащикъ записываетъ проданное нѣ въ памятную книжку. Вечеру эти книжки передаются главному бухгалтеру, и касса должна согласоваться съ такою, потому-что никто не имѣетъ права отступать отъ установленной цѣны. Повѣрка легка, и ошибки случаются рѣдко. Точно также поступаютъ и въ меньшей торговлѣ, только здѣсь одинъ исправляетъ нѣсколько должностей. При кассѣ почти всегда состоятъ двое: одинъ постоянно

занять ея повѣркою; — касса ежедневно должна сходиться съ инвентурой, которая находится подъ надзоромъ другаго. Мнѣ говорили, что обманъ почти-невозможенъ и случается только тогда, когда самъ хозяинъ небреженъ. Но ему стоить только заглянуть въ книги — и все тотчасъ откроется, потому-что торговые счета сводятся ежедневно. Потому-то годовые расчеты здѣсь почти неизвѣстны.

Число лѣтъ на изученіе какого-нибудь дѣла не опредѣлено: оно измѣняется по способностямъ ученика и трудности изучаемаго предмета или ремесла. О принужденіи нѣтъ и поминна. Ученикъ тотчасъ же получаетъ плату за свои произведенія, и плата возвышается соразмѣрно приносимой имъ пользѣ. Цѣнность рабочихъ рукъ даетъ родителямъ средство легко пристроивать своихъ сыновей. Искусная рука зарабатываетъ въ городѣ столько, что кромѣ необходимыхъ средствъ къ жизни доставляетъ еще возможность къ дальнѣйшему образованію. Ученики прилежно посѣщаютъ частныя уроки, и превосходно выучиваются считать, писать, вести книги — и языкамъ. Школы, гдѣ учили бы торговлѣ или ремесламъ, почти-нѣтъ. Въ Германіи и не думаютъ о томъ прекрасномъ почеркѣ, который здѣсь найдете у всякаго деревенскаго жителя и вообще у всѣхъ дамъ. Учители чистописанія развѣзжаютъ повсюду, и мною вездѣ открываются школы чистописанія. Изъ сотни рукописей едва-ли найдется одна плохая. При всемъ томъ, Американцы пишутъ скорѣе и правильно. Конечно, при языкѣ, который приобрѣтается памятью, какъ авглійскій, это легче, чѣмъ при нѣмецкомъ, который заставляетъ думать того, кто хочетъ овладѣть имъ.

Ученіе въ школахъ состоитъ въ изучиваніи уроковъ, задаваемыхъ въ учебникѣ. Учитель заставляетъ ученика проговорить урокъ. Я не слышалъ даже ничего похожаго на изясненіе того, что ученикъ долженъ выучить. Отъ этого все достойное знанія очень-огра-

ничено; за то все, чему учать, удобно-прилагаемо къ дѣлу и балласта въ ученія нѣтъ. Отъ этого Американцу такъ легко жить и двигаться. Гдѣ заученное не помогаетъ, онъ думаетъ, чѣмъ помочь бѣдѣ, и дѣйствительно, средства, которыя онъ изобрѣтаетъ для облегченія всякаго дѣла, такъ многочисленны и часто такъ остроумны и просты, что нельзя имъ не радоваться. Только особенное, напряженное вниманіе техника могло бы, кажется, разобрать и узнать всѣ эти вспомогательныя средства для практическихъ дѣлъ; но такое изученіе было бы очень-полезно и интересно. Рычаги и вѣсы имѣютъ здѣсь во всякомъ хозяйствѣ чрезвычайное, обширное примѣненіе; нашъ крестьянинъ не въ состояніи понять, какъ одинъ человѣкъ можетъ исправлять такъ много обязанностей. Вѣсы занимаютъ мало мѣста и очень-удобны; ихъ можно начестъ сортовъ сто, — и каждый имѣетъ свое назначеніе. Почти всякую жидкость доставаютъ посредствомъ помпы; и помпы также множествомъ сортовъ. Техника и механика совершенно овладѣли жизнью и облегчаютъ и ускоряютъ работу. Стоитъ только пойти на огромныя кирпичныя заводы, находящіяся вблизи большихъ городовъ, и вы непременно встрѣтите 20, 30 машинъ, облегчающихъ дѣло. Каждый изобрѣтатель, или улучшатель уже-изобрѣтеннаго беретъ патентъ, и не успѣетъ оглянуться, какъ другой уже перехитрилъ его. Очень ошибаются тѣ, которые думаютъ, что изобрѣтатели всѣхъ этихъ машинъ искусныя техники; напротивъ, большая часть машинъ изобрѣтена просто практиками. Я недавно видѣлъ, какъ одинъ бѣднякъ устроилъ на рѣкѣ, въ которой много быстринъ, очень-простую машину для распиливанія большихъ массъ гранита на плиты. Онъ воспользовался для этого теченіемъ и на мельничномъ колесѣ удрѣпилъ пилы, такъ-что съ шести часовъ утра до вечера гранитъ былъ разрѣзанъ на двѣнадцать плитъ разной толщины, въ шесть футовъ длиною и въ два съ половиною-

шириною. Онъ продолжалъ устраивать и другія такія же машины и надѣялся, что черезъ недѣлю ихъ будетъ въ работѣ до восьми штукъ. Ширина теченія допускала устройство четырнадцати колесъ. Массы гранита лежали частью въ водѣ, частью на берегу. Этимъ средствомъ онъ думалъ обогатиться. Изобрѣтатель былъ иодельщикъ. Онъ ничего не рассчитывалъ; онъ зналъ только, что пила безъ зубовъ требуетъ немного силы. Посредствомъ небольшой ведерки, пилы обливались водою, — и потому не разгорчались. Когда машина работала, ему нечего было о ней заботиться. Бедокольникъ навѣщалъ, когда она останавливалась или гранитъ былъ окончательно разрѣзанъ. Не считая груза, каждое колесо и пила въ 12 дюймовъ стоили ему 27 долларовъ, и онъ вытѣлся выработать каждымъ колесомъ 6 долларовъ въ сутки. Такъ-какъ распиливаніе камня производится до сихпоръ посредствомъ дорогихъ паровыхъ машинъ, то онъ, глупо, получивъ много дохода, покаместъ одень будетъ пользоваться своимъ способомъ распиливанія. Конечно, при этомъ не должно упустить изъ вида, что свободный берегъ и вода къ услугамъ всякаго, — потому-что они составляютъ общее государственное достояніе. Какъ кстати была бы такая простая машина на водахъ Германіи! Но у насъ предпочитаютъ пилить камень и дереворубкою. Есть и машины на водѣ, но онѣ не такъ просты. Въ каменнодоломъ также употребляютъ здѣсь малыми подвижныя вѣтренныя мельницы. Съ нею одинъ человѣкъ работаетъ за шестерыхъ. Онъ двигаетъ ею всѣ каменные глыбы, обтѣкаетъ и обпиливаетъ ихъ; каменщикъ, указывающій форму, получаетъ отъ него предприсно-обдѣланные камни, изъ которыхъ ему остается только складывать стѣну. Для этого есть опять свои очень-простыя и удобныя рычаги, вѣдѣйствіемъ у насъ въ такомъ совершенствѣ. Всѣ эти вещи обозначаются здѣсь словомъ *yankee-inventions*, и дѣйствительно,

онъ несетъ на себѣ характеръ удивительной легкости и удобства. Благодаря имъ, гранитъ — обыкновенный строительный материалъ; его такъ же легко обдѣлывать, какъ и всякій известнякъ. Но цѣна его относительно-меньше другихъ материаловъ, потому что одинъ камень наполняетъ большее пространство. Теперь думаютъ о средствахъ обдѣлывать годные на мостовую камни, потому что деревянная мостовая непрочна, если шести-сторонніе торцы не толще четырехъ дюймовъ, а употребляютъ болѣе-толстые — дорого.

Какъ ни легко вообще Американецъ, но ему неизвѣстно то, что Нѣмцы называютъ веселье, радость (Freude). Онъ любитъ свои простыя, неподвижныя формы, и онъ особенно-ясно высказываются въ празднованіи воскресенья. Все тихо и пустынно въ этотъ день. Настоящіе «воскресники» ходятъ разъ пять въ церковь, если они въ городѣ: поутру, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, въ вечернѣ, и послѣ ужина. Для Нѣмца это ужасно-скучно, и, безъ сомнѣнія, также скучно и для Американца, который въ воскресенье рѣшительно ничего не дѣлаетъ, если даже всю недѣлю просидѣлъ сложа руки. Прислугу не заставляютъ стирать, а дѣять холодное кушанье. Въ домахъ едва слышнѣе говорятъ громко; много звянутъ, много спятъ, или елохаются къ угла въ уголъ. Это не отдыхъ, а какой-то ужасная апатія. Гдѣ много Нѣмцевъ, какъ, на-прим., въ Нью-Йоркѣ, Филадельфій, Балтиморѣ, Цинциннати, и т. д., тамъ все болѣе-и-болѣе освобождаются отъ ига ханжества и раздражательной безсмысленности; да и сами Американцы видятъ, что этотъ обычай вовсе не поддерживаетъ религиозности. Принащикъ, сидящій пѣлюю недѣлю въ конторѣ; мастеровой, трудящійся въ своей мастерской, которому некогда выглянуть за дверь, и множество другихъ, напряженно-занятыхъ своимъ дѣломъ, хотятъ въ этотъ день выйти на свободу, повеселиться. Богатый живетъ на дачѣ, и наслаждается цо-крайней-мѣрѣ природою

подъ тѣнью старыхъ деревьевъ: можетъ ли онъ требовать, чтобы бѣдный не наслаждался ничѣмъ? Этими ригоризмомъ думаютъ поддержать порядокъ и нравственность — и поддерживаютъ неудовольствіе, скрытые пороки и пльдство. Теперь смотрятъ больше сквозь пальцы, когда толпы появляются на свѣтъ Божій, и стараются только удерживать въ границахъ порывы веселья. Въ началѣ все это было хорошо; идея могла управить формую, но теперь, когда форма уже не соответствуетъ цѣли, права ея уже не существуютъ.

Пѣнье начинается здѣсь оживать все болѣе-и-болѣе. Янки поютъ мало. Суровость характера, зарожденная въ его предкахъ первоначальною жизнью среди дикой страны, постоянною готовностью къ битвѣ съ туземцами, трудомъ и работою въ каменистой, дѣистой землѣ, умомъ исключительно-религиознымъ религіею секты, — эта суровость подавляетъ и теперь всышки веселости. Мужчины рѣдко учатся пѣть. Женщины завладѣли и этимъ направлеиіемъ; онѣ увлекаютъ молодыхъ людей въ нѣмецкія школы, которыхъ вблизи вездѣ много. Народныя пѣсни сложены на шотландскій, ирландскій или англійскій ладъ. Есть, впрочемъ, прекрасныя, воинственные народныя пѣньи на четыре голоса.

Церковная музыка, или, лучше сказать, церковное пѣніе здѣсь въ странномъ положеніи. Вѣчно слышатся множество простонародныхъ мелодій прошедшихъ столѣтій. Французскіе, итальянскіе, нѣмецкіе, испанскіе, англійскіе веселье пѣньи раздаются здѣсь въ священномъ тактѣ, обыкновенно въ три-четверти. Темпъ вообще быстрое, чѣмъ у насъ, и я долженъ сознаться, что это лучше. Нѣмецкая пѣсня: «Nun ruhen alle Wälder», пропѣтая въ томъ тихомъ тактѣ, какъ поется въ Германіи, не производитъ никакого оживляющаго, утѣшительнаго чувства...

Прочія искусства также болѣею частью въ рукахъ женщинъ. Рисовать, играть на фортепьяно учатъ ирину-

щественно женщины. Легко догадаться, что отъ-этого дѣтскій возрастъ искусствъ не старѣетъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ образцовъ для дальнѣйшаго развитія. Немногіе Нѣмцы, взявшіеся за это дѣло, не могутъ похвалиться болшииъ успѣхомъ; впрочемъ, на нихъ все болше и болше обращаютъ вниманія. Нѣмецъ учитель музыки—предметъ моды. Рисованіемъ не мучатся. Въ ландшафтной живописи едва знаютъ различіе деревьевъ. Разныя американскія растенія, съ иглами или листьями, еще никогда не появлялись въ рисунки. Не постигаютъ возможности изобразить ихъ карандашомъ или кистью. Началомъ рисованія учатся у людей, которые сами не умѣютъ рисовать, но утверждаютъ, что могутъ преподавать основанія рисовальнаго искусства такъ же, какъ живописцы. Что они это утверждаютъ — не диво; но какъ имъ вѣрять!... Это доказываетъ, какъ легко Янки обо всемъ судить и какъ легко они все дѣлаютъ; понятно, какъ укоренилось мнѣніе, что женщина можетъ въ дѣлѣ искусства и науки сдѣлать то же, что и мужчина.

Портретная живопись въ томъ же жалкомъ положеніи. Едва-ли есть Американецъ, котораго портреты признавы были бы въ Европѣ за портреты. Можетъ-быть, теперь оно и лучше, чѣмъ было прежде, но вообще все-таки жалко. Глядя на портретъ, чувствуешь отвращеніе, или смѣешься безстыдству, съ которымъ живописецъ льститъ оригиналу. Дамѣ, напр., придѣлываютъ ручки, какъ у ребенка, и пальцы усыпанные перстнями. Американскій плоскій и широкій ротъ превращается въ итальянскій или греческій. Это такъ обыкновенно, что обь истинѣ въ искусствѣ и говорить нечего; а что же за искусство безъ истины!

Архитектура также замѣчательно плоха и безхарактерна. Простой, массивный домъ снаружи выведенъ хорошо; но внутри деревянная работа сдѣлана ребячески. Янки не станеть терять времени, чтобы сдѣлать дѣтскую.

Есть мѣсто—сдѣлаетъ большую, нѣтъ—такъ какую прійдется. Украшенія—безсмысленныя подражанія. Хорошо строятъ только Англичане, Французы и Нѣмцы. Въ деревнѣ, постройки вообще деревянныя; церкви, школы, дома—все изъ дерева. На деревѣ видны готическія или саксонскія украшенія. Отъ способа постройки, въ домахъ много резонанса и мало тепла. Полъ мало укрываетъ коврами, чтобы не забауъ. Лѣтомъ, впрочемъ, брусчатые дома очень-пріятны, не смотря на вѣчный сквозной вѣтеръ. Въ деревнѣ строятъ обыкновенно сперва главный домъ для жилья, въ два этажа; къ нему прилаживаютъ флигель для кухни и кладовыхъ, а къ флигелю прачечную. Въ главный домъ ступеня дѣлается изъ шести или семи ступеней. Подъ каждымъ домомъ есть погребъ безъ сводовъ, выступающій надъ землею. Выступъ фундамента обкладываютъ землею и дерномъ; это придаетъ домамъ красивый видъ. Въ каждомъ флигелѣ есть особая дверь: торговцы, приносящіе въ деревняхъ товаръ на домъ, не должны входить въ главный домъ, прохода въ кухню. Того же придерживаются по-возможности и въ городахъ. Въ первомъ флигелѣ обыкновенно находится кладовыя, гардеробъ и т. п. Въ нижнемъ этажѣ главнаго корпуса салоны; въ верхнемъ — спальни; онѣ же и комнаты для занятій. Удобства нашихъ спаленъ почти-неизвѣстны. Въ болшихъ домахъ бываетъ возлѣ кухни столовая. Въ кухнѣ почти безъ исключенія находится водяной насосъ; дома отдѣлены другъ отъ друга; каждый окруженъ своимъ садомъ и у каждаго свой насосъ. Катковъ для бѣлья не знаютъ. Изъ прачечной ведетъ дверь въ отхожее мѣсто, которое очень-рѣдко находится въ домѣ. Каждый домъ отодвинутъ нѣсколько отъ улицы и болшею частію окруженъ цвѣтникомъ и осѣнемъ деревьями. Это придаетъ деревнямъ чрезвычайно-красивый видъ, особенно отъ бѣлой масляной краски, которою выкрашены стѣны.

Не хочу распространяться далѣе;

наибрѣвнѣе мое только показать, какъ Американецъ старается упростить, облегчить жизнь. Эта легкость видна во всемъ, что требуетъ труда; за то Американецъ отягощаетъ себя множествомъ безполезныхъ вещей, предметовъ украшенія и наружнаго блеска. Но въ дѣлѣ онъ прибѣгаетъ къ простѣйшимъ формамъ. Старое платье онъ безъ околичностей бросаетъ и надѣваетъ новое: такъ точно не задумывается онъ ни надъ чѣмъ. Принимаясь за работу, онъ работаетъ быстро, чтобы скорѣе быть свободнымъ. Очень-естественно, что для Янки все кажется легко, и онъ предпринимаетъ многое, на что не отважится Нѣмецъ, вѣчно живущій подъ надзоромъ полиціи. Къ тому же, его не тревожатъ европейскія понятія о томъ, *прилично ли его званію* то, что онъ дѣлаетъ. Онъ берется за все, что можетъ доставить ему пропитаніе. Всѣ прочіе способы жизни въ его понятіи хороши, и онъ можетъ избрать любой изъ нихъ. Онъ отправляется *in the far West*, даже черезъ Орегонскій-Хребетъ, или *down East*, въ Мэнъ и Канаду; садится на корабль и затѣваетъ спекуляціи на югѣ, гдѣ прійдется. Вообще, эти странствующіе спекулянты не богатыютъ. Только торговля въ большихъ городахъ обогащаетъ. Если бѣднякъ разбогатѣетъ (что, при случаѣ, удается торгующимъ хлопчатого бумажного), онъ дѣлается членомъ высшаго круга. Онъ ѣдетъ въ Англію, Францію и Германію, заглядываетъ и въ Италію; возвращается съ нѣсколькими копіями, — и онъ знакомъ съ *high fashion*. Есть, правда, нѣсколько старинныхъ фамилій, которыя считаютъ неприличнымъ ставить каждаго выскочку наравнѣ съ собою; но ихъ такъ-мало, что они очутились бы отрѣшенными отъ остальнаго общества, еслибъ задумали прилагать свои понятія къ дѣлу. Такъ молодая Америка растетъ, старая падаетъ, и никто объ этомъ не заботится. Въ большихъ городахъ древнія фамиліи не имѣютъ никакого вѣса. Въ Виргиніи онъ еще нѣсколько его удерживаетъ.

ли. Остальные штаты — подвижнаго происхожденія.

СВѢДѢНІЯ О ЕВРОПѢ, СООБЩЕННЫЯ КИТАЙЦАМЪ КАТОЛИЧЕСКИМИ ВЪРОПРОПОВѢДНИКАМИ.

Китайцы, въ началѣ II столѣтія по рождествѣ Христовѣ, сокрушивъ могущество Хунновъ въ Монголіи, проникли въ Среднюю-Азію, которая до того времени столь же мало была известна имъ, какъ Америка Европѣ до перваго ея открытія. Мелкіе средне-азиатскіе владѣтели, и въ то время столь же падкіе на корысть, какъ нынѣ, съ подобострастіемъ встрѣчали китайскихъ посланниковъ, сопровождаемыхъ богатымъ караваномъ съ шелковыми тканями. Послѣ того, китайскіе государи, представляя себя повелителями міра, подобно римскимъ кесарямъ пожелали славу о своихъ побѣдахъ распространить далѣе на западъ. Вотъ почему въ концѣ втораго вѣка китайское посольство провело чрезъ Малую-Азію и Средиземное-Море въ Римъ; въ VII вѣкѣ, другое посольство было въ Константинополѣ. Члены посольствъ слегка замѣтили великолѣпіе дворцовъ въ поманутыхъ столицахъ, и нѣсколько коснулись обычаевъ народныхъ. Но въ то время Китайцы совершенно не знали, въ какой части свѣта лежали поманутые города. Имя Европы тогда еще не было известно въ Азіи.

Китай первый свѣдѣнія о Европѣ получилъ отъ католическихъ вѣропроповѣдниковъ уже въ началѣ XVII вѣка, и съ того времени донынѣ не замѣнилъ ихъ. Впрочемъ, Китайцы никогда не имѣли полной довѣренности къ тѣмъ свѣдѣніямъ, потому-что они считаютъ Европейцевъ *хвастливыми народами*. Конечно, Европейцамъ непріятно будетъ слово *хвастливый*, а зоркіе наши литераторы упѣются за слово *народъ*. Готовъ отвѣтъ, впритомъ самый откровенный. Не я дѣлаю

замѣчаніе о хвастливости Европѣйцевъ; а слово «народъ» также взято въ азіатскомъ значеніи. Западныя Азіатки всѣхъ Европѣйцевъ называютъ *Фраками*, т. е. Французами, а въ Китаѣ они извѣстны подъ общимъ названіемъ *Си-ли-земля*, что слово въ слово значитъ: «западнаго океана житель». И такъ, я правъ, потому-что въ понятіи Азіатцевъ всѣ Европѣйцы составляютъ одинъ народъ—точно такъ, какъ въ понятіи саронѣйскихъ ученыхъ Турки, Бухарцы, Монголы и Манчжуры—четыре разные народа—составляютъ одинъ народъ подъ общимъ названіемъ *Татары*. По этому понятію Европѣйцевъ объ Азіатцахъ недавно одинъ изъ ученыхъ даже сдѣлалъ по исторіи важное открытіе, что *Лазавскіе Татары* еще въ началѣ XI вѣка были какой-то пограничнымъ китайскій городъ, о чемъ и намекъ имѣтъ въ китайской исторіи. Но мы, кажется, мало-по-малу уклонимся отъ своего предмета. Возвратимся воспоминать на любопытныя свѣдѣнія, которыя католическими вѣропреновѣдниками сообщены Китаю о европѣйскихъ государствахъ.

По статистикѣ Китайской-Имперіи, подъ названіемъ *Да-цинъ* и-тхунъ-чжи, страна (*) *Си-ли-земля*, весьма удалена отъ Средняго-Царства. О древности ея состоянія нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Въ царствованіе династіи Минъ, въ девятый годъ правленія Ванъ-ли, 1581, нѣкто *Ли-ме-ду*, Риччи, моремъ прибылъ въ Ао, на островѣ Сянъ-шанъ (**). Въ 29 годъ, 1601, онъ пріѣхалъ въ столицу, Пекинъ, и чрезъ слуха Ма-тханъ поднесъ государю дары. Риччи объявилъ себя уроженцемъ страны *Да-си-ли-земля* (***).

(*) Съ этого мѣста идетъ китайскій текстъ.

(**) Сянъ-шанъ есть названіе острова, на которомъ лежитъ португальское селеніе Макао.

(***) *Да-си-ли-земля* значитъ большой западной океанъ. Такъ Китайцы называли

Въ то время Обрядова-Палата вошла къ государю съ слѣдующимъ представленіемъ: «въ собраніи законовъ упоминается только государство *Нас-ли*, въ странѣ *Си-ли-земля*, а о *Да-си-ли* ни слова не сказано, и показаніе Риччи еще подвержено сомнѣнію. Онъ представилъ дань послѣ двидлѣтняго пребыванія въ нашей землѣ: слѣдовательно, не должно пріимать его къ тѣмъ иностранцамъ, которые по долгу справедливости пріѣзжаютъ къ намъ изъ отдаленныхъ странъ съ данію. Сверхъ сего, пріезженныя имъ ибѣстныя произведенія представлены двору безъ освидѣтельствованія переводчиками въ Палатѣ Обрядовъ, а поднесены вашему величеству емухомъ незаконнымъ образомъ. По сему случаю мы подвергаемся строгой отвѣтственности и упушенію по должности. А хотя умомъ вашего величества предвидѣно ему, Риччи, явиться въ палату для объясненія; но онъ всею не явился, а злочине проживалъ въ одномъ хершанскомъ монастырѣ: почему просимъ ваше величество наградить его одеждою, и повелѣть возвратиться въ свое государство, дабы онъ, проживая въ нашихъ столицахъ, не вступилъ въ связь съ средними жителями и не затѣялъ какихъ-либо дѣлъ». На это представленіе не было отвѣта; напротивъ, государь былъ очень доволенъ пріѣздомъ Риччи изъ отдаленной страны и весьма щедро наградилъ его. Послѣ того прибыли къ Риччи товарищи, которые продолжали рассказы его, очень-похожіе на хвастовство.

Риччи имѣлъ при себѣ карты всѣхъ частей свѣта. По его рассказамъ, въ поднебесной находится пять частей свѣта: *Я-си-я*, Азія, *Еу-ло-баа*, Европа, *Ли-эй-я*, Ливія, *Я-мо-ли-та*, Америка, *Мо-ва-ла-ни-ка*, Магелланка—

Евруну; въ противоположность этому Индію называли *Сю-си-ли-земля*, что значитъ западный океанъ.

предѣлы населеннаго мира. Азія заключаетъ въ себѣ Средняе-Царство, Японію, Ань-пеня и всѣ владѣнія ванаднаго края (*). Европа на югъ простирается до Средиземнаго, на сѣверъ до Ледовитаго-Моря; на востокъ ограничивается Девонъ и Каспійскими-Моремъ, на западъ до Тихаго-Океана. Она содержитъ въ себѣ до семидесяти владѣній, въ которыхъ отъ царя до подданныхъ подданныя всѣ исповѣдуютъ христіанскую вѣру. Это есть отечество Риччи. Индія на югъ ограничивается Мысомъ-Доброй-Надежды—на китайскія до-ла-шаня, что значитъ бурныя горы; на сѣверъ простирается до Средиземнаго, на востокъ до Краснаго-Моря, на западъ до Тихаго-Океана. Она заключаетъ въ себѣ до ста большихъ и малыхъ владѣній. Америка разделяется на сѣверную и южную, соединенныя узкимъ перешейкомъ. Это одна изъ пространѣйшихъ частей свѣта. Магелланъ получилъ повѣреніе отъ мореходца Магеллана. Испанскій король предполагалъ, что земля должна имѣть круглый видъ, такъ-что, плывшиши моремъ на западъ, можно возвратиться съ восточной стороны: почему и отправилъ Магеллана для разрѣшенія этого предположенія. Магелланъ около года тонулъ на восточную сторону Америки, и наконецъ открылъ проливъ, длиною около 1000 миль; а на югъ отъ пролива открылось безпредѣльное море. Какъ Магелланъ первый открылъ эту страну, то я назвалъ ее его именемъ.

Въ 1616 году, члены Палаты-Обрядовъ въ представленіи своемъ государю силлись опровергнуть подобныя нагѣности, сообщенныя Риччи; и какъ все это приписывали вліянію Французовъ, то и просили немедленно выслать Европейцевъ изъ Китая. Государь указалъ выслать ихъ въ Гуанду въ отправленія въ ихъ отече-

(*) Подъ западнымъ краемъ Китайцы разумѣютъ всѣ владѣнія, лежащія отъ предѣловъ Китайской-Имперіи на западъ, исключая Россіи.

ство; но Европейцы, не смотря на этотъ указъ, долго не трогались съ мѣста. Въ 1628 году открылись погрѣшности въ астрономическихъ вычисленіяхъ: почему Сю-гуан-ци, президентъ Обрядовой-Палаты, просилъ государя предписать Европейцамъ Ло-дчу-хань и Жо-ванъ повѣрить китайскія вычисленія по правиламъ европейской астрономіи. Европейцы выполнили возложенное на нихъ порученіе; но смутныя обстоятельства того времени не позволили представить ихъ труды государю. Уже настоящая династія Цинъ воспользовалась ихъ трудами и указала Европейцу Жо-ванъ съ прочими развѣдывать дѣлами по астрономическому институту и частію по врачебной наукѣ.

Въ 1670 году, первый изъ Европы посланникъ Ма-ло-виль Са-ла-да-но прибылъ въ Китай съ данію и поздравительною грамотою. Въ 1678 году, король А-фын-су, Альфонсъ, прислалъ съ своимъ посланникомъ льва. Въ 1725 году, глава церкви Бо-на-ттики-до, папа Бенедикцій, прислалъ посланника съ поздравительною грамотою и данію. Въ 1727 году, король Жо-ванъ, Іоаннъ V, также прислалъ посланника съ поздравительною грамотою и данію.

Въ прежнихъ исторіяхъ нигдѣ не упоминается о великомъ разстояніи Европы отъ Китая. Нынь, по словамъ Риччи и другихъ Европейцевъ, открылось, что въ предѣлахъ Европы находится до 70 разныхъ владѣній, между которыми главнѣйшія суть:

1. И-сп-ан-ія (Испанія).

Это государство лежитъ на ванадномъ краю Европы; въ окружности содержитъ до 12,500 ли; съ трехъ сторонъ окружено моремъ; только къ востоку прилежитъ къ горамъ. Производитъ всѣ металлы, шелкъ, хлопчатую бумагу, тонкую шерсть, бѣлый сахаръ. Жители имѣютъ склонность къ наукамъ. Въ Испаніи находится двѣ общія училища, университета, мудрецы учась се всѣхъ сторонъ стекаются. Есть еще два знаменитые города:

одинъ изъ нихъ *Си-сай-ли-я* (Севилья), лежащій неподалеку отъ Средиземнаго-Моря. Сюда собираются корабли изъ Америки, и потому здѣсь можно найти горы золота и серебра и безчисленное множество рѣдныхъ вещей. Много родится маслинъ. Масличный гѣсъ простирается на 500 лн. Другой городъ есть Толедо, построенный на горѣ, на которую очень-трудно поднимать воду. Для этого — тамъ чудесно-устроенная машина, которая безъ помощи человѣческихъ рукъ доставляетъ воду въ городъ. Эта машина дѣнно и ночью непрерывно кругообращается. Еще находится небесная сѣра, пространствомъ въ большую комнату. Человѣкъ, вошедшій во внутренность ея, видитъ обращеніе всѣхъ круговъ небесныхъ. Размѣръ степеней, въ-отношеніи къ небу, весьма-вѣрнъ.

Въ Испаніи чрезвычайно-много христіанскихъ храмовъ. По близости королевскаго дворца сооруженъ огромный храмъ, вокругъ котораго живутъ духовные. Въ этомъ храмѣ находится 36 алтарей. По сторонамъ средняго алтаря стоить два органа, изъ которыхъ въ каждомъ 32 ряда, и въ каждомъ ряду до ста дудокъ, а всего болѣе 3,000 дудокъ. Каждая дудка имѣетъ свой голосъ, и движеніемъ воздуха одна за другою издають голоса подобно пѣвію множества птицъ. Въ западной части Испаніи лежитъ владѣніе *Ко-эр-ду-ва* (Кордова), куда приходятъ купеческіе корабли со всѣхъ странъ свѣта. Отсюда вывозятъ превосходные плоды, хлопчатую бумагу и шелкъ. Много и морскихъ произведеній. Европа сначала открыла морской путь, которымъ корабли, обогнувъ Ливію и Мысь-Доброй-Надежды, приходили въ Индію; отсюда европейскіе купцы проникли въ Среднее-Царство.

2. Фо-лан-ча (Франція).

Это королевство лежитъ отъ Испаніи на сѣверозападъ; въ окружности содержитъ 11,200 лн; раздѣляется на 16 дорожъ, т. е. провинцій, и сверхъ-того, имѣетъ подъ своею властію до 50 зависимыхъ владѣній. Столица назы-

вается *Бла-ли-сы* (Парижъ). Въ этомъ городѣ находится университетъ, въ которомъ бываетъ до 40,000 учащихся. Всѣхъ такихъ училищъ въ государствѣ считается семь. Еще находятся народныя училища для образованія бѣдныхъ. Всѣ эти училища содержатся издѣніемъ правительства. Въ древности Французы, воюя съ Турками, завладѣвшими Иудеею, изобрѣли пушки: почему Турки всѣхъ западныхъ ученыхъ назвали *Фа-лан-ча* (Франки). Французскій король есть божественный человѣкъ. Онъ врачуетъ раны однимъ прикосновеніемъ руки; даже отъ одного мановенія руки его онѣ излечиваются. Во Франціи почва земли тучная и во всемъ изобиліе.

3. И-тта-ли-я (Италія).

Италія лежитъ на юго-востокъ отъ Франціи; въ окружности содержитъ 15,000 лн; съ трехъ сторонъ окружена Средиземнымъ-Моремъ, а съ четвертой прилежитъ къ высокимъ горамъ. Она заключаетъ въ себѣ 1,166 городовъ. Самый большой изъ нихъ называется *Ло-ма* (Римъ), имѣющій 150 лн въ окружности. Здѣсь есть большой каналъ, который простирается отъ города до моря на 100 лн. Купеческіе корабли съ товарищами всѣхъ странъ свѣта собираются въ поминутномъ каналѣ. Въ Римѣ имѣетъ пребываніе глава церкви. Владѣтели разныхъ царствъ, хотя не зависятъ отъ него, прѣзказуютъ къ нему для изъявленія глубочайшаго почтенія, и признають его управлющимъ церковью въ лицѣ Бога. Въ этомъ городѣ очень-много рѣдкостей. Государственные люди имѣють великолѣпныя виллы съ фонтанами и вылитыми изъ мѣди разными птицами, которыя, какъ скоро тронуть пружину, распростирають крылья, и поютъ — каждая свойственнымъ ей голосомъ. Есть еще каменная колонна, на которой барельефною работою высѣчены прекрасныя виды. Во внутренности колонны могутъ помѣститься нѣсколко человѣкъ. Городъ весьма-многочеленъ и нуждается въ водѣ: почему сдѣлать мостъ, длиною въ 60 лн. На этомъ

посту устроенъ каналъ, который въ вода изъ горъ проведена въ городъ.

На сѣверовостокъ отъ Рима лежитъ городъ *Ву-но-ци-л* (Венеція), построенный въ морѣ. Сван въ этомъ городѣ изъ такого дерева, которое въ продолженіе тысячи лѣтъ не можетъ согнуть въ водѣ. Дома построены изъ камня чрезвычайно-искусно. Улицы въ городѣ составляютъ часть моря, а по сторонамъ устроены дорожки для пѣшеходовъ. Въ городѣ находится до 20,000 лодокъ; кромѣ лодокъ, находятся мосты столь широкіе, что на нихъ лежатъ по три улицы торговыя. Эти мосты столь высоки, что суда на парусахъ могутъ проходить подъ ними. Въ Венеціи дѣлаютъ стекло, которое считается первымъ въ мірѣ. Есть озеро *Уммо*, лежащее на вершинѣ горы; вода, вытекающая изъ озера чрезъ каменную разсѣлину, производитъ такой шумъ, который, подобно грому, разливается на 50 ли; а вода паденіемъ своимъ при солнечномъ сіяніи производитъ ослѣпительныя радуги. Еще находятся горячій ключъ, въ который нельзя опускать пальца. Скотина, если упадетъ въ него, немедленно сваривается.

Отъ Рима на югъ лежитъ *На-бпо-ли* (Неаполь), страна необыкновенно-плодоносная. Между Неаполемъ и городомъ *Цзо-ли* (Пуццуоли), стоитъ непроходимая каменная гора (*), сквозь которую протѣчена дорога длиною около пяти ли и столь широкая, что двѣ колески могутъ развѣхаться. Если ири входѣ въ этотъ проходъ посмотреть въ противоположную сторону, то отверстіе вдали представляется свѣтлою звѣздочкою. Помилуемая гора окружена небольшими горами, въ которыхъ безчисленное множество пещеръ. Въ этихъ пещерахъ можно пользоваться отъ болѣзней, но въ каждой отъ одной какой-нибудь болѣзни; на-примѣръ, кому нужно испотѣть, тотъ долженъ войти въ такую пещеру, которая производитъ потъ.

(*) Позиллиова-Гора.

Къ Италіи принадлежатъ три знаменитые острова, изъ которыхъ первымъ считается *Си-ци-ли-я* (Сицилія). На этомъ островѣ есть огнедышащая гора, со всѣхъ сторонъ покрытая лѣсомъ, а на вершинахъ ея лежатъ вѣчные снѣга. Въ этой горѣ образуется кристалльнй камень. Горячіе ключи здѣсь имѣютъ свойство потемнять вещи. Островитяне чрезвычайно-знающы въ астрономіи. Они изобрѣли солнечныя часы. Художникъ *Де-да-лу* (Дедалъ) дѣлалъ разныхъ птицъ, которыя могли летать; даже птички величиною съ муху могли летать. Еще былъ астрономъ *Я-эр-ци-и-и-о-дэ* (Архимедъ), который сдѣлалъ три удивительныя вещи. Нѣкогда пришелъ къ этому острову непріятельскій флотъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ кораблей. Архимедъ отливъ огромный стекло, которыми навелъ солнечные лучи на корабли, и этимъ средствомъ въ одинъ разъ сожегъ весь флотъ. Еще владѣтель этого острова приказалъ построить необыкновенно-огромный корабль. Когда начали спускать его въ море, то ни силою цѣлаго государства, ни сотнями тысячъ лошадей, лошаковъ и верблюдовъ не могли тронуть его съ мѣста. Архимедъ сдѣлалъ машину, посредствомъ которой однимъ движеніемъ руки поворотилъ корабль какъ гору, и въ мгновеніе сдвинулъ въ море. Тотъ же Архимедъ еще сдѣлалъ небесную сферу, которая сама собою обращалась. Она имѣла 12 поясовъ, одинъ за другимъ расположенныхъ. Семь планетъ шли въ нихъ по своимъ путямъ, и каждая обращалась съ такою точностью во времени, какую онѣ въ самомъ небѣ имѣютъ. Сфера была стеклянная, и каждый поясъ можно было сквозь видѣть. Неподалеку отъ Сициліи есть островъ *Ма-эр* (Майорка), на которомъ нѣтъ ядовитыхъ вещей; тамъ змѣи и скорпіоны не жалатъ людей, а отъ ядовъ изъ другихъ земель умираютъ. Въ Сициліи водятся собаки, употребляемыя въ сраженіяхъ. Когда предъ сраженіемъ выстраиваютъ боевую линію, то въ каждомъ промежут-

и между всадниками помѣщаютъ одну собаку, и каждая изъ нихъ забираетъ лучшаго всадника. Вблизи *Же-му-я*, (*Гевуи*), есть куриный островъ, который наполненъ курами. Эти куры сами собою распложаются и совершенно отличны отъ фазаньяго рода.

б. *Жо-эр-м-л-ни-я* (Германія).

Это государство лежитъ отъ Франціи на сѣверовостоки. Въ немъ государь не наследственный, а избирается владѣтелями семи сильныхъ независимыхъ царствъ. Избираютъ его изъ владѣтелей, а иногда изъ вельможъ: но утверженіе зависитъ отъ главы церкви. Германцы служатъ въ войскахъ разныхъ державъ. Они весьма кѣпны, и скорѣе рѣшаются принять смерть, нежели измѣнить. Гвардіи при иностранныхъ государяхъ и войска ихъ въ военное время по-большой-части наполняются Германцами. Въ Германіи находятся весьма-искусныя художники; въ церквяхъ дѣлаютъ часы съ боемъ. Есть одна страна, называемая *Фаландія* (Франкція), жители которой весьма добродушны и добѣры. Если путешественникъ минуетъ ихъ жилища, то невольны имъ; а если гость зайдетъ безъ привѣтствія, то бывають весьма-договорны, вводятъ въ комнаты, и стараются угостить. Много родится винограда, и жители дѣлаютъ изъ него вина и водки, но все это продаютъ путешественникамъ, а сами не употребляютъ. Въ Германіи зависима владѣнія суть: 1) *Бо-ль-ми-я* (Богемія), въ которой добываютъ золото. Иногда при копаніи колодца находятъ самородки вѣсомъ до 12-ти фунт.; а на днѣ рѣкъ нередко попадаются золотыя крупинки величиною съ горошину. 2) *До-дэ-минь-м-я* (Дотарингія), страна самая роскошная. Когда владѣтель дѣлаетъ столъ для гостей, то весь залъ гостиный уставленъ бываетъ вещами изъ коралла и шмарора.

5. *Фоландія* (Голландія).

Это государство лежитъ отъ Германіи на сѣверо-западъ. Земли не очень-пространная, и люди тѣсно живутъ. Здѣсь женщины торгуютъ варанья

съ мужчинами, бѣры тѣхъ же стани дѣлають золотыя нѣрры. Самое точное и легкое молоко выводитъ изъ Голландіи.

6. *Бю-ло-ни-я* (Польша).

Это королевство лежитъ отъ Германіи на сѣверо-востоки. Страна чрезвычайно холодная. Зимною тамъ море возмывается льдомъ. Путешественники иногда не вѣсколку дутокъ бѣгутъ по льду, смотря по вѣтрамъ. Къ Польшѣ принадлежитъ владѣніе *Бю-ло-м-я* (Подолія), хлѣбородѣйшая страна. Въ одинъ годъ собирають трехмѣсячную жатву. По берегамъ морскихъ вводятъ дитяръ. Это есть смола, вытекающая на днѣ моря изъ каменныхъ поселитъ. Въ первобытнѣ состояніи она подобна маслу, а твердеетъ уже по истеченіи. Дитяръ смѣляютъ волоніемъ вырабатывается на морскіе берега.

7. *Вунъ-г-л-и-я* (Венгрія).

Это королевство лежитъ отъ Немцы на югъ. Страна весьма-богатая разными произведеніями; воланы и бараны снабжаютъ всю Европу. Въ Венгріи находится четыре чудесныя источника. Первый изъ нихъ не выхлѣтъ изъ земли немедленно превращается въ камень; второй зимою свободное течетъ, а лѣтомъ превращается въ ледъ; третій опущенное въ его воду мѣло превращается въ грязь, которая при плавленнѣ даетъ чистую вѣль; четвертый имѣетъ гуртозеленую воду, которая зимою превращается въ вѣль алетѣ-малатитъ, и уже не довершается въ первобытнѣ состояніи.

8. *Д-л-и-а-чж-го* (Датскія владѣнія).

Въ сѣверо-западной части Европы находится четыре владѣнія: 1) *Д-ни-я* (Данія); 2) *Но-эр-су-сю-я* (Норвегія); 3) *Сю-цзи-я* (Швенія); 4) *Э-л-я* (кажется, Финляндія). Послѣдніи три отдѣляются отъ Германіи моремъ, которое затрудняетъ сообщеніе съ немъ. Въ южной части Даніи день въ лѣтній поворотъ имѣетъ 16½ часовъ, въ срединѣ 20½ часовъ; а въ сѣверной части солнце въ лѣтній поворотъ ост-

часть землю косвенно: и потому тамъ полгода продолжается день и полгода ночь. По морскимъ берегамъ Даниа родится весьма-много овоща, ишеницы, крупино и мелкаго рогатаго скота; а поверхность моря такъ покрыта рыбою, что, не употребляя сѣтей, руками не могутъ выбирать ее. Въ Даниа, каждый знаменитый домъ строитъ обсерваторію на вершинѣ высокой горы — для наблюденія небесныхъ явленій. Въ-продолженіе тридцати лѣтъ съ точностію производятъ наблюденія, и поему дѣлаютъ здѣсь превосходныя астрономическія орудія. Нынѣ Датчане считаются первыми астрономами въ Европѣ. Норвегія совершенно не имѣетъ хлѣба, вмѣсто котораго горы собирутъ лѣсомъ, заѣмъ и птицю, а въ морѣ много рыбы. Норвежцы крѣпки и добры; радушно принимаютъ путешественниковъ. У нихъ все имѣтъ разбоевъ и воровства. Швеція раздѣляется на семь областей и вънадцать зависящихъ владѣній; на вѣрѣ Европы считается богатѣйшею страню, превозобилуетъ всякимъ хлѣбомъ, всѣми металлами и многими другими предметами торговли. Торговля производятъ мѣною товаровъ. Народъ воинственный и склонный къ дальнимъ путешествіямъ. Э-ди-я лежитъ отъ Швеціи на югъ, и также есть привольная страна.

9. Э-де-ци-я (Греція).

Греція лежитъ на южномъ краю Европы и раздѣляется на четыре дорожки. Отсюда Европейцы заимствовали ряды, музыку, математику, письменныя книги. Греки любятъ ѣсть рыбу и угихъ водородныхъ; отъ мяса имѣтъ отвращеніе, но страстные охотники до хорошаго вина. Въ сѣверо-восточной части Греціи находится владѣніе *Ло-ма-ли-я* (Румелія). Столица вѣтъ обведена тройною стѣною, и вѣтъчаіно-многолюдна. Храмъ св. ны имѣетъ 360 вратъ — въ подобіе южности небесной. Въ Греціи есть высокая гора, называемая *А-ли-и-бо*

рѣка *А-ли-и-я*... Вѣтъль овцы, напившись ея воды, превращаются въ черныхъ. Есть другая рѣка *А-ма-ле* (*). Черныя овцы, напившись ея воды превращаются въ бѣлыхъ. Есть островъ *Еу-бо-я* (Евбея). У этого острова морской приливъ въ одинъ день бываетъ семь разъ. Еще есть островъ *Го-ор-фу* (Корфу), ширинной около 600 ли въ окружности. Отсюда вывозятъ вино, масло и медъ наилучшіе. Островъ наполненъ померанцовыми и лимонными деревьями.

Іакинвъ.

✱

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬИ «ВНЕШНО-ТЕКНИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ» 1838-ГО ГОДА: «СТРАБОМЪ», И «О ИБЕРІИ ИЛИ ИБЕРІИ ЗАКАВКАЗЬЯ» (**).

Страница 108: «Орезъ и Артокъ, царя албанскій и иберскій легли въ засаду у рѣки Кура съ семьюдесятью тысячами человекъ противъ Помпея и проч.»

Иберія, по исторіямъ Армянъ Моисея Хоренскаго, географа Вартаиа,

(*) Названія рѣкъ.

(**) Редакторъ «Отеч. Записокъ», получилъ эту статью при слѣдующемъ письмѣ: «Наслаждался тихою удивительною жизнью въ странноприимной Калугѣ, потянувшись прочесть я на стр. 168 «Библиотеки для Чтенія» (ч. 2, т. XIII, 1838 года) о Закавказскомъ - Краѣ разсужденія Страбона и замѣчанія г. Сенковского, и замѣтивъ нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся, вѣроятно, отъ недостаточнаго свѣдѣнія объ этомъ краѣ, я поставилъ долгомъ указать на ошибочныя понятія, какими часто пол-

Чинчана и по послѣднему землеописанию, изданному ученымъ обществомъ ориенталистовъ Венеціи, называется Вирріею или Вирринк; слово это означаетъ по-армянски верховье, или въ верхней части страны живущія племена. Такъ Грузины назывались въ древности и составляли подлѣ Царства-Армянскаго сперва особенный народъ, а потомъ царство; они всегда были въ зависимости отъ Армянъ, вели съ ними войны, и обязанность владѣтельнаго князя Иберіи-Виррин состояла въ томъ, что при коронаціи царей армянскихъ онъ держалъ мечъ или подпоясывалъ царя. Этою обязанностью чествовали грузинскихъ царей и персидскіе государи, которые включили Грузію въ число отдѣльныхъ своихъ владѣній (царей) Туркистанъ, Лористанъ, Афганистанъ и Гюрджистанъ.

«Но все не достигаетъ береговъ Каспія на три дня пути, за множествомъ змѣй и проч. Эти змѣи водятся, какъ говорятъ, особенно въ муганской степи...»

Въ Муганскомъ-Полѣ точно множество змѣй, и большихъ. Лѣтомъ проходитъ нѣтъ, а зимою всегда свѣжая трава и тысячи шатровъ шахсеванскихъ и шагахинскихъ племенъ съ нильйонами стадъ рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ населяютъ эту необитаемую лѣтомъ и необозримую равнину. Впро-

ваемый г. Сенковский край и говоря на многихъ языкахъ живущихъ тамъ племенъ, беру смѣлость препроводить прилагаемыя замѣчанія къ издателю «Отечественныхъ Записокъ», какъ наблюдателю всего, чтѣ относится до исторіи того обширнѣйшаго отечества, въ составъ котораго входитъ знаменитая древняя Иберія — Вирріа со всѣми сопредѣльными провинціями Азбановъ, Азановъ и лучшей частію Арменіи, за которую попеременно ухаживали и Греки, и Римляне, и Арабы, и Персы, и Османлы; и, если г. редакторъ найдетъ эти строки достойными вниманія хотя въ нѣкоторой степени, то прошу принять ихъ съ происхожденіемъ къ удивленному жителю города Калуги.»

чень, этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ временемъ года, въ которо Помпей дѣлалъ походъ къ этому мѣсту.

Стр. 111: «Которыя занимаютъ Среднюю Иберію и соединяются съ Армянскими и Москійскими горами.»

У восточныхъ историковъ не имѣте горъ подлѣ названіемъ Москія и Москійскихъ; горы же, начинающіяся отъ Арарата, называются Масійскими или Масисъ, и эти горы суть Армянскія.

«Простирающагося отъ Кохиды до Тимекари...»

Темис-Кари по-грузински значитъ «врата народа» и нынѣ это названіе сохранилось, а по преданіямъ древнему мѣсту Иберцами, потому что ихъ горскихъ жителей не считали народомъ, и нынѣ, если Грузинъ хочетъ кого порицать невѣжествомъ, скажетъ *мтиулхолом аракаре*, «вѣдь ты не грець».

«Видѣтъ лишь разрушенный замокъ устьи рѣчки Маршоръ...»

Не Маршоръ, а Маранъ; и нынѣ такъ именуется; тамъ была штаб-квартира Облевскаго и потомъ мингрельскаго пѣхотнаго полка; мѣсто нездоровое.

Стр. 112: «Отъ судохолета до Сарани.»

Не Сараниа, а Шараниа. Это было округъ прежней Имеретіи; тамъ и нынѣ онъ именуется и составляетъ уѣздъ Кутаисскаго-Уѣзда Грузинской-Имеретинской-Губерніи.

Іагъ. «Кваріла далѣ...»

Кваріла точно по-грузински именуется «шумная», и нынѣ эта рѣка именуется. Это слово происходитъ отъ глагола «кварир» — «кваріла», «кварі» — «плѣчу» — «летирала» (кваріла).

Іагъ. «Принимаетъ въ себя Хинцкале.»

Не Хинцкале, а Цхенискале. «Цхениска вода», — грузинское слово. Эта река и нынѣ такъ называется. Въ древности именовалась рѣкъ, но ихъ значенію, полагаютъ, что этотъ край и въ древности былъ обитаемъ Грузинами.

Стр. 114: «Чинчана и по послѣднему землеописанию, изданному ученымъ обществомъ ориенталистовъ Венеціи, называется Вирріею или Вирринк; слово это означаетъ по-армянски верховье, или въ верхней части страны живущія племена. Такъ Грузины назывались въ древности и составляли подлѣ Царства-Армянскаго сперва особенный народъ, а потомъ царство; они всегда были въ зависимости отъ Армянъ, вели съ ними войны, и обязанность владѣтельнаго князя Иберіи-Виррин состояла въ томъ, что при коронаціи царей армянскихъ онъ держалъ мечъ или подпоясывалъ царя. Этою обязанностью чествовали грузинскихъ царей и персидскіе государи, которые включили Грузію въ число отдѣльныхъ своихъ владѣній (царей) Туркистанъ, Лористанъ, Афганистанъ и Гюрджистанъ.»

падаетъ съ южнаго ската Кавкасскаго Хребта, выходя изъ земли Кабучевъ...»

Вовсе не изъ земли Канучи или Капудчи; это небольшое общество, состоящее изъ шести маленькихъ деревушекъ, обитаетъ между хребтами Анпухъ и Дидойскимъ; отъ нихъ нѣтъ ската, а потому и протока въ Кахетію, по равнинамъ которой протекаетъ Алазанъ. Этотъ вопросъ можно разрѣшить книгою «Обозрѣніе Россійскихъ Владѣній за Кавказомъ», «Дистанціи Тушинская, Пшавская и Хевсурская» (стр. 392) и книжкою «Нѣкоторыя Записки», составленною г. Ш. въ 1840 году, а всего ближе взглядомъ на топографическую карту Закавказья.

Изв. «Куръ вытекаетъ изъ Арменіи, тотчасъ спускается въ равнину и принимаетъ въ себя Арагузъ, выходящей изъ Кавказа.»

Прежде, чѣмъ у Мухета рѣка Арагва соединяется съ рѣкою Куръ, впадаютъ въ него многія рѣки и истоки изъ Кавказа, именно Діахви, Ксави, и пр., а по ущельямъ Борджомъ, Атени, Ховле, или Кядискарн, и Ахалкалаки; также множество истоковъ.

Изв. «Куръ, говоритъ Страбонъ, принимаетъ въ себя еще нѣкоторыя другія рѣки и входитъ узкимъ русломъ въ Албанію.»

Не подлежитъ сомнѣнію, что рѣка Куръ узкимъ русломъ входитъ въ предѣлы прежней Албаніи, ибо часть Кавказской и Шаншоданльской Дистанцій оны протекаетъ между гранитными скалами, гдѣ знаменитый порогъ препятствуетъ судоходству по Куру и съ тѣмъ вмѣстѣ къ расширенію торговли Тифлиса-Тбилиса (*). Эта рѣка, до впаденія въ Каспійское-Море, принимаетъ многія рѣки съ сѣвера: Іору, или, какъ называлъ Грузины называли, Шари, Алазанъ, Гогчу, Агеу, и проч.; съ юга: Агстафу, Тертеръ, Аракъ, и проч. Это все забыто гг. писателями.

Стр. 118: «Нин, храмъ съ протекающею въ Тебѣдею и Мушавери.»

Не Тебѣда, а Дебѣда; но всѣ вмѣстѣ имѣютъ названіе Кцин или Храмъ; рѣка же Дебѣда впадаетъ въ Кцию близъ Сѣраго-Замка, въ Борчалинской-Дистанціи.

Стр. 119: «Особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ г. проф. Сенковскій доказалъ изъ арабскихъ писателей, что Грузины пришельцы или всельники.»

Грузины Вирри или Иберцы вовсе не всельники, а коренные жители той земли. Въ горахъ Кавказа никогда они не жили; иначе были бы въ горахъ слѣды ихъ вѣронсповѣданія, какъ въ эпоху язычества, такъ и въ эпоху христіанства, какъ это находили мы въ настоящей Грузіи, гдѣ нѣсколько капищъ идоловъ Арамазда-Юпитера (*), уцѣлѣвшихъ послѣ многихъ переворотовъ, стоятъ тысячи-тысячи лѣтъ; Амцхетъ, Метехи и десятки сотенъ церквей христіанскихъ, которыя съ незапамятныхъ вѣковъ существуютъ о народности ихъ. Самостоятельный языкъ грузинскій сохранилъ неизмѣнно свое нарѣчіе при многихъ насильственныхъ переворотахъ и ничего не утратилъ при употребленіи даже письменъ Ассирійцевъ, Арабовъ, Персовъ и Грековъ, вождъ вліяніемъ которыхъ оны попеременно находились, пока въ IV столѣтіи изобрѣтенными святымъ Месропомъ буквами освободили его отъ этихъ нападковъ (**).

(*) Въ четырехъ верстахъ отъ Мухета по Дзегскому-Ущелю, на вершинѣ горы, къ западу, капище, на которомъ поставленъ былъ идолъ Арамазда, и который свергнутъ народомъ при царѣ Миріанѣ, по требованію просвѣтительницы св. Нини и ст. Моисей-Хоренскаго (письмо св. Григорія въ отвѣтъ на письмо къ нему св. Нини). Въ Тифлисѣ огромное капище на скалѣ близъ армянской церкви Веоданишъ, въ которомъ живутъ и нынѣ.

(**) Грузины и Армяне часто назывались за употребленіе буквъ и Греками и другими восточными востона.

(*) Тбили по-грузински значитъ «стенный», а тбилиси — «стенница».

Это обещание должно служить первоначальным доказательством самостоятельности быта Грузинъ.

Стр. 121: «Если предположить Албанію въ нынѣшнемъ Дагестанѣ.»

Албанію составляли въ древности Кубинская, Ширванская и Шонинская Провинціи, и эта дорога должна быть та самая, которую въ 1821 году предпологали проложить предприимчивый генералъ Ермоловъ чрезъ Куткашенъ (Шакинской-Провинціи), гдѣ работали четыре батальона съ тысячами рабочихъ туземцевъ около пяти вѣснцевъ; но уничтожающій потокъ Денур-Чая въ 26 часа истребилъ труды благодѣтельныхъ этихъ работъ.

Стр. 122: «Который ведетъ чрезъ Вазабдагъ отъ Каракиша до Лори, а потомъ чрезъ Ахталскій мѣдный рудникъ на Шуловери и далѣе чрезъ Коби на Тлелисъ.»

Но Каракишъ, а Каракиша нынѣшній, между Шуловери и Шураганомъ. Это оиска; ахталскій же рудникъ серебряный, а саманскій мѣдный.

Между Шуловери и Тлелисомъ нѣтъ Коби, а Коди; и это должно быть описка.

Стр. 126: «По этому она вѣроятно соответствуетъ большой стѣнѣ у Надоръ.»

У Надоръ нѣтъ рѣки Кери, а Алазанъ и большихъ рѣчицъ тамъ не существуетъ; все это разрѣшится однимъ взглядомъ на топографическую карту Закавказья.

Ів. «Мы видимъ изъ этого, что подл Албанцами должно разумѣть кавказскихъ горцевъ вообще, следовательно нынѣшнихъ Дагестанцевъ, и именно: тѣхъ, что живутъ въ Ширванскомъ-Ханствѣ и въ Горахъ Шахванскихъ и Карабагскихъ.»

Въ Карабагскихъ-Горахъ иногда не знали Дагестанъ и Карабагъ не назывался Албанією; онъ назывался Сюникъ, отъ имени Сиса. (См. Исторію Чамчанъ, Географію Вартава и послѣднее землеописаніе ученаго общества Венеціи.

Стр. 127: «Гелки и Дагц, о которыхъ подчасъ другіе географы.»

Гелкины точно назывались Даками

и нынѣ такъ сами именуютъ себя. Переводчикъ Страбона, вѣроятно, вмѣсто буквы к употребилъ твердымъ выговоромъ букву г, и потому, вмѣсто Делки, написалъ Даги.

Івд. «Обитателей нынѣшней Гилани, къ югу отъ Албаніи.»

Не Гилани, какого названія не отыщемъ мы въ кавказскихъ горахъ, а Гилани (*), именно къ югу отъ Албаніи и не въ Гиегвахъ (**), которыхъ Клапротъ называетъ Галгаемъ, а близъ нынѣшняго Кавыкумыка и Гилани, не къ югу отъ Албанцевъ, а къ сѣверу.

Стр. 128. «Почти можно бы подумать, что нынѣшніе Кабучи...»

«Кабучи смежны съ извѣстными грабжежомъ Белоканами, которые до сихъ поръ умѣли сохранять духъ необузданной вольности и живутъ въ горахъ на сѣверо-западѣ Кахетіи, можетъ быть родоначальниками Белокашцевъ и другихъ...»

Капудчи вовсе не смежны сосѣди съ Белоканами; во время же путешествія Страбона, Белоканъ не принадлежалъ къ Албаніи, а былъ, какъ и всегда, провинціей Иберіи подъ названіемъ Кухета, какъ и смежное съ нимъ владѣніе виллусуйскаго султана, Курмухсти, смежный съ Кахетією, и Белоканами живутъ не въ горахъ, а на склонахъ у подошвы горъ; и лежитъ онъ не на сѣверо-западѣ, а на сѣверо-востокѣ Кахетіи. Камудчлици же обитаютъ у горцевъ подъ названіемъ не улаьцовъ, а тусовъ; она, Дядойцы и Цунты и всѣ эти три общества, между собою смежны.

Стр. 143. «Народецъ этотъ самъ себя называетъ Емуди и долго не хотѣлъ принять крещенія.»

Народъ этотъ всегда назывался и нынѣ называется Удами, а не Емуди.

(*) Прочтите редакцію дѣлъ съ Германіи, вѣсною 1844 года.

(**) Гиегви близъ Владикавказа; прочтите Экспедицію генерал-майора князя Абхазова въ 1830 году, въ іюль мѣсяцѣ.

ни; языкъ у него точно особенный, переходящій ни на какой восточный, но болѣе составной изъ разныхъ языковъ, въ которыхъ вкрались и латинскія слова: онъ, по составу своему, имѣетъ характеръ молдавскаго и польскаго языка. Армянами никогда они не назывались (Исторія Чанчавъ говоритъ о многолюдствѣ ихъ); нынѣ остались только въ двухъ армянскихъ селеніяхъ, Варташенъ и Нидажъ, и куда этотъ народъ дѣлся—неизвѣстно. И понынѣ онъ тамъ называется Удами; религія его греческая, и это доказывается старинными полуразрушенными церквами, престолъ которыхъ отличается отъ армянскихъ. Отъ насилія владѣтельнаго хана Хаджи-Чалаби, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, часть этихъ остатковъ удскаго народа обращена была въ мухамедавство, а другія упѣзли подъ крыльями Армянъ, которыхъ самоотверженная привязанность къ религіи сохранила ихъ во всѣхъ земляхъ щедрѣйшійми пожертвованіями. Это — отличительный характеръ утратившаго саибытность народа армянскаго, а къ этому тщательно были они направлены монахами, которые, принявъ посредничество между народами и правителями во всѣхъ земляхъ, получая въ рѣки бразды управленія, боялись утратить ихъ при возобновеніи народности. Подобный примѣръ можно видѣть на западѣ въ средніе вѣка. При покойномъ Теофилактѣ, митрополитѣ-епископѣ Грузіи, учредителѣ семинаріи (*) и прочаго устройства православной грузинской церкви, когда ничтожилось правленіе Шаквинскаго княства, обращены они въ христиан-

скую вѣру и вполненіемъ этого знаменитаго, предприимчиваго іерарха положено основаніе церкви во имя св. Александра-Невскаго въ Варташенѣ. Эта церковь достигла до окончательнаго сооруженія тщаніемъ еписарха, въ послѣдствіи митрополита Іоны, наследовавшаго во всѣхъ отношеніяхъ настоятскія добродѣтели и вполненія своего предшественника, и бывшаго начальника, заслужившаго въ десятилетнее свое въ Грузіи пребываніе отъ народа любви и благословенія. Служеники же этой церкви водятъ и въ Нидажъ для потребъ, гдѣ также между Армянами живутъ Уды; языкъ ихъ для Армянъ и Грузинъ такъ же непонятенъ, какъ и для Русскихъ; а чтобъ убѣдить гг. писателей, что эти несчастные Уды жаждали днемъ раньше обратиться къ сабту христіанской религіи, то цуютъ заглавную оны въ отчетѣ еписарха Грузіи и увидать, что въ 1821 году, 30 августа, въ день тезоименитства въ Бозѣ-почившаго Императора Александра, среди дня, старшина Варташена, Юсуфъ Юзбаши, былъ крещенъ въ Нугдѣ, и восприимникомъ его былъ коменд. подполков. Назимовъ; онъ названъ Александромъ, и съ нимъ вѣсть въ Варташенѣ крещены его семейство и другія 182 души.

Стр. 145. «За Гениолами простирается Колхидъ по Кавказскому и Москійскому хребту.»

Не Москійскій, а Месхійскій; подлѣтливъ названіемъ есть и дворяне грузинскіе Месхисъ - Цвиля Месхеламъ (списокъ трактата Царя Иракліа 1787 года).

Стр. 154. «И только въ прошломъ столѣтіи одинъ изъ царей, Вахтангъ VI, составилъ для нихъ родъ многорѣчной крепки, которую сѣдъ дозель отъ Шелъ до начала XIV вѣка.»

Что касается до чиселъ годовъ исторіи грузинской, то имъ въ одной истопни восточныхъ писателей Татаръ и Армянъ не найдете, а этотъ вопросъ

(*) Восплативши этой, устроенной митрополитомъ для Грузіи Теофилактомъ семинаріи, нель неусиливать надзоромъ его ректоровъ Италія и Иринея, имѣвшихъ въ виду гражданскія мѣста въ вавленіи Закавказья, а духовенство переродилось. Имъ же приведены въ извѣстность ходы церквей, построены и возобно-

вопреки тому должны согласиться в томъ, что въ глубокой древности упоминались о томъ, что было прежде, сохранились или въ живомъ преданіи, или въ наметкахъ. «Вопроси отнаго твоего и возвѣстать тебѣ старцы твои и рекутъ тебѣ». (2 Зах. 32 гл. 7 стихъ).

Стр. 135. «Что Грузины, которыхъ политическое имя, какъ кажется, не должно быть старше XI вѣка, существовали прежде подъ другими названіями, именно подъ названіемъ Иберовъ».

«Конечно, если они Иберы, и если притомъ Иберія была вымышленная Грузія, то есть Карталинія, Сомхетія и Кахетія. Далѣе происходитъ отъ того, что прежніе географы и критики не видѣли предъ глазами вѣрной карты кавказскаго края, и принуждены были дѣлать свои заключенія почти наугадъ, потому-что внимательное чтеніе позднѣйшихъ писателей классической древности всегда приводило меня къ тому убѣжденію, что Иберія собственно была вымышленная Имеретія, Роча, Осетія и значительная часть Лезгистана, и что самая большая широта Иберіи заключалась между Владикавказомъ и Михаефомъ».

Что Грузины существовали прежде XI вѣка нашей эры, въ томъ достаточно убѣдительно исторія Моисея Хоренскаго, принятая просвѣщенными міромъ за основу восточной лѣтописи, а просвѣтительница Нина, ученица великаго св. Григорія, и царь грузинскій Миріанъ (*), обращенный ею въ святую христіанскую вѣру (**), который до того именовался Мана-Сахлисомъ (отецъ семейства) увѣрять долженъ г. Сонковского, что политическое существованіе Грузинъ было еще въ IV вѣкѣ. Сомхетія не можетъ быть Иберіею: она Армения (по-грузински Сумехи значитъ Армилія, а Сомхети Армения); на-примѣръ, Спарси — Спарсети, Кахи — Кахети, Раса — Расети и проч. Да и въ соб-

ственныхъ словахъ г. Сонковского, кажется, видна, невнимательность. Г. Сонковский приписываетъ эти ошибки невѣрности картъ у прежнихъ писателей, но самъ едва-ли гадать на новую карту.

Стр. 136. «И наконецъ, что вся эта страна за Куромъ, гдѣ нынѣ Тифлисъ, и самая значительная часть Грузинъ, всегда принадлежала Арменіи, и населена была Армянами, Меданами, Малагетанами или Турканами, и нѣсколькими изъ тѣхъ покатій, которыхъ древніе давали другое общее названіе, Албановъ».

Имеретія и Грузія всегда были однимъ краемъ, правились одною династією Багратіоновъ; къ Имеретіи принадлежали и другія земли Иберіи, какъ то Гурія, Адчара, Ливана и самый Ахалцыхъ съ Джавахетіею, и народы этихъ земель, будучи вынуждены отъ жестокаго ига мухаммеданства въ концѣ XVI столѣтія принять эту вѣру, сохранили и нынѣ языкъ природный, такъ-что женщины ихъ, кромѣ молитвы, ни слова по-турецки не знаютъ, и дѣти мужскаго пола до 8 — 10 лѣтняго возраста говорятъ по-грузински, а потомъ начинаютъ учиться языку турецкому; персиску же между собою и счеты ведутъ они на грузинскомъ языкѣ, — въ этомъ можно сослаться на прокламацію предъ знаменитымъ приступомъ Ахалцыха въ 1828 году, писанную на грузинскомъ языкѣ, и собственноручное письмо къ главнокомандующему отъ адчарскаго Ахмета-Паши. Самостоятельный языкъ ихъ, сохранинный и нынѣ, и неотличающійся однимъ отъ другаго, даже въ нарѣчіи, какъ это допускается у многихъ народовъ, и единовѣріе Имеретянъ, Мингрельцевъ в Гурійцевъ обнаруживаетъ эту истину не оставая и тѣни сомнѣнія. Лезгиняни Грузины никогда не были (*). Лезгиняни или Лезгинны, составляютъ особенный народъ, который, по исторіи

(*) Армянскій царь Аршахъ, сынъ Вагаршака, женился на дочери царя Миріана.

(**) Письмо св. Нины къ св. Григорію, просвѣтителю Арменіи, и отвѣтъ его къ Нинѣ. «Исторія Моисея Хоренскаго».

(*) Впрочемъ, и Тацитъ происхожденіе ихъ относитъ къ Фессалийцамъ по имени Язонъ, Аппян. Иб. VI. 33.

всѣхъ изслѣдователей Востока, назывался Аланами. До Дербента ихъ географическое положеніе простираться не могло, потому что между Дегнинами, Аланами и Дербентомъ существовала Албанія (Плиній, Геродотъ и географъ Варганъ); а что касается до географическаго протяженія Иберіи, какъ нынѣ опредѣляютъ, между Владикавказомъ и Мцхетомъ, простирающагося не болѣе 130 верстъ, оно не соотвѣтствуетъ не только громкому наименованію древней Иберіи, но даже должно казаться страннымъ, по тѣмъ усиліямъ и ревности, какія имѣли къ ней обладатели востока и запада. Турки же никогда не были коренными жителями ни Иберіи, ни Арменіи. Миди или Мидяне, Персы и Арабы, при покореніи этого края, поселили колоніи свои, остатки которыхъ и по нынѣ существуя, сохранили свое наименованіе Муганду отъ Монголовъ, Арабъ отъ Аравитянъ, и проч., а эти послѣдніе сохранили даже и цвѣтъ своего народа, конечно нѣсколько измѣненный отъ смѣшенія крови. Татары или Турки покорили и взяли столицу Ани въ 1029 году нашей эры.

Стр. 163. «Нужно ли еще къ свидѣтельству классиковъ прибавить показанія Аравитянъ въ подтвержденіе того, что нынѣшняя Грузія была частію Арменіей?»

Что Грузія была отдѣльнымъ народомъ и существовала подлѣ Царства Армянскаго, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, а чтобъ историкъ Навибъ называлъ Кура Гурваномъ, очень сомнительно; а чтобъ Аравитяне называли Грузіянъ по имени рѣки Гурванъ или Джурванъ, это совершенная небыллица тѣмъ болѣе, что Куръ у нихъ *Клиге*, равно какъ и у Турковъ, и у Персовъ, и у всѣхъ европейскихъ изслѣдователей; Грузія же у Арабовъ, Персовъ и Турокъ именуется Гурджитанъ, а Грузины Гурджи, и на это, кромѣ исторіи персидской, — *Djahannamé, Shah-namé, Mahsoudy, Nabil, Baadoure*, есть и армянскія лѣтописи: *Relation de Jean Ous-K'herdjan prêtre de Vagarscharpat*, p. 53; ученый *Saint-Martin, Mém. sur l'Arménie*, t. 11.

Т. XL. — Отд. VIII.

стр. 247, да и многія грамоты, пожалованныя отъ восточныхъ государей царямъ и дворянамъ Грузіи, гдѣ они названы Гурджи, а земля ихъ Гурджистаномъ.

Стр. 163. «Ясно также, что въ странахъ, гдѣ поколѣнія принимали имена предводителей, успѣвшихъ соединить ихъ подъ свои знамена и гдѣ имя Георгія было столь обыкновеннымъ, неоднократно могли являться породы Юрьщевъ, Гуражъ».

Сказано выше, что Имеретія и Грузія были населены однимъ народомъ, Абхазія же принадлежитъ племени Черкесовъ, и если вѣрить тому, что этотъ народъ возымѣлъ начало свое въ 1048 году при Георгіи II, то куда же мы дѣнемъ знаменитые города, на-пр. Иберію—Мцхетъ, гдѣ есть гробницы царей, жившихъ много за тысячу лѣтъ предъ симъ, не говоря о прочихъ цвѣтущихъ торговлею городахъ древней Иберіи, о которыхъ Геродотъ, Плиній, Птоломей, Плутархъ, Чамчанъ и Страбонъ повѣствуютъ, гдѣ Римляне и Греки состязались одинъ противъ другаго расширеніемъ торговли, — и царь Миріанъ, принявшемъ въ IV вѣкѣ христіанскую вѣру. Этотъ край въ древле былъ яблокомъ раздора на Востокахъ.

Все это происходило и происходить отъ того, что гг. изслѣдователи-путешественники и любители древности посѣщаютъ этотъ край безъ знанія языка его, или жалѣютъ къ большимъ издержкамъ своего путешествія присовокупить еще немного, то-есть, запастись хорошимъ переводчикомъ, и то-ропясь удовлетворить своему любопытству лишь изложеніемъ однихъ поверхностныхъ замѣчаній, ловятъ старожилъ туземныхъ, непонимающихъ ни слова языка, любителей древности, и посредствомъ туземнаго же переводчика рыночнаго, бродящаго кругомъ тридцати словъ того языка, на которомъ говоритъ путешественникъ, и обратно чрезъ переводчика, привезеннаго съ собою, ходящаго около пятидесяти словъ языка того

края, собираютъ неосновательныя свидѣнія и спѣшатъ передать потомству. Et voila comme on écrit l'histoire! А что претерпѣваютъ собственныя имена городовъ, дорогъ, рѣкъ, да и самыхъ народовъ, которыя совершенно перековерканы, это восточный Азлахъ только въ силахъ разобрать.

Нѣкоторыя событія.

Знаменитая грузинская царица Тамара, которая въ началѣ XIII вѣка владела не только всею Иберіею, но и Арменіею, Азербиджаномъ до Коплан-Ку, всѣми племенами до Трабизона и Киликіи, и повелѣвала всѣми жителями горъ кавказскихъ, была въ супружествѣ за великимъ княземъ русскимъ Феодоромъ.

Въ 1787 году въ Н. Кайседки, при свиданіи императрицы Екатерины съ императоромъ Іосифомъ, въ присутствіи принца де-Линя и Сегюра и прочихъ сановниковъ, однажды, въ бесѣдѣ, когда отдавали Фридриху-Великому первенство въ воинской славѣ и въ твердости духа, императоръ Іосифъ напомнилъ, что они забыли одного побольшого царя, который, при всей ограниченности владѣній и средствъ, будучи въ союзствѣ между двумя грозными и по религіи враждебными государствами—Цары Оттоманской и Персіи, окруженный дикими горами безпокойнаго Кавказа, сохраняетъ и религію, и царство, которому признаетелемъ и самъ Фридрихъ-Великій, прибавилъ принца де-Линя. Этотъ грузинскій царь Ираклій-Второй. Царствуя 42 года независимо, онъ разбилъ, подъ Арагатомъ, съ 8-ю тысячами Грузинъ, 28 тысячную армию шаха Азата-Хана и обложилъ Эриванское-Ханство (провинцію) 55-тью тысячами рублей серебромъ въ годъ данью, которую и платили ему около 25 чѣтъ; громилъ турецкія границы въ одно время, когда Россія потеряла Тавриду, за что Великая Екатерина послала андреевскіе алмазные знаки царю, орденъ св. Екатерины, царицѣ Дарѣ и 12 паръ пла-

тъ; въ то же время Каримъ-Ханъ, шахъ персидскій, по скромности называвшій себя великимъ (повтореннымъ), получилъ письмо отъ турецкаго султана, который проситъ его, чтобы онъ привязалъ дѣла Васіа-гюрджистанскаго на цѣпи, ибо онъ опустошаетъ сопредѣльные съ Грузіею пашалыки (провинціи), и прислалъ, при жалованной грамотѣ, пару платья своего, мечъ, княжалъ драгоцѣнный, лошадь съ уборомъ и 12 тысячъ червонцевъ своего чекана керехани. Эта монета и понынѣ такъ именуется. Вотъ фактъ, которымъ подтверждается имя Гурджи и Гурджистана.

Нѣкоторыя свидѣнія для хроники восточныхъ переворотовъ:

	Прошли лѣтъ до 1844 г.
Отъ призыва Авраама.	3761
Отъ исхода Нараилтанъ изъ Египта.	3331
Отъ сооруженія храма соломонова.	2845
Отъ разрушенія его.	2447
Отъ возобновленія его.	2870
Отъ начала Царства-Ассирійскаго Ниневіи.	2664
Отъ начала царства израилева.	2330
Отъ начала царства Тайковъ (армянскаго Шаруйра).	2594
Отъ начала царства Марозъ-Курдовъ.	2588
Отъ начала царства Персовъ.	2180
Отъ вторичнаго возобновленія царства Армянскаго Вагаршакомъ.	1994
Отъ принатія христіанской вѣры Грузинами.	1545
Отъ изобрѣтенія буквъ грузинскихъ.	1442
Отъ третьяго возобновленія Царства Армянскаго Ашотомъ Багратіономъ.	954
Отъ покоренія столицы Амъ-Татарами.	915
Отъ занятія Іерусалима Европ- пейцами.	716
Отъ покоренія Татарамъ.	659

Отъ обладанія Турками Константинополя	392
Отъ уничтоженія Царства Армянскаго	471
Отъ введенія книгопечатанія въ Грузію	278

II.

О КРИТИЧЕСКИХЪ ЗАМѢЧАНІЯХЪ Г. БУСЛАЕВА НА ИЗДАНІЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ» МАГИСТРОМЪ ДУБЕНСКИМЪ (в *Москвитинѣ* 1845, № 1, Критика, стр. 29).

По мнѣнію г. Буслаева, трудами издателя «Слова о Полку Игоревомъ» явленъ только одинъ вопросъ: какъ понимать отдѣльныя выраженія въ пѣсни и чѣмъ доказать подлинность памятника? Другой вопросъ остается, будто-бы, искомымъ, — именно внутреннее содержаніе «Слова» (*), или отношеніе его къ народной поэзіи и погрѣшамъ, что взялъ въ достаточное соображеніе одинъ только г. Максимовичъ. Съ такимъ требованіемъ приступилъ г. Буслаевъ къ разсмотрѣнію третьей части «Русскихъ Достопамятностей», гдѣ помѣщено «Слово о Полку Игоревомъ», объясненное магистромъ Дубенскимъ.

Обязанность благонамѣреннаго критика безпристрастно оцѣнивать трудъ по идеѣ трудившагося: зачѣмъ же г. Буслаевъ винить комментатора тѣмъ, чего нѣтъ въ его изданіи и чего онъ не имѣлъ и не долженъ имѣть въ виду? Издатель взялся прискать слова пѣсни въ славяно-русскихъ письменныхъ памятникахъ, и мѣстами изъ нихъ поясняя языкъ древняго чтенія, столь

(* То-есть, историческая часть «Слова»? Но вопросъ о ней, по словамъ критика стр. 32), достаточно объясненъ комментаторами; на стр. 33, у него сказано: «историческій фактъ далъ содержаніе Слово о Полку Игоревомъ»; у г. Буслаева, следовательно, не оливо: внутреннее содержа-

труднаго въ лексикографическомъ отношеніи: могъ ли онъ, послѣ этого, указывать на санскритское происхожденіе русскаго «Слова»? Въ правѣ ли былъ говорить (чего настоятельно требуетъ г. Буслаевъ), что слово *солнце* есть санскритское *sūris, sūpas*, происходящее отъ глагола *sur* — бросать копье, лучи; что *сварогъ* имѣеть средство съ санскритскимъ *svaḡu* — стрѣла, перешедшимъ въ кельтское *shwael* въ томъ же значеніи, — съ миромъ Индры, именуемымъ *Сваргою*? Въ правѣ ли Дубенскій говорить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что въ Пѣсни Игоревой упоминается о *Дажьдь-богѣ*, и то въ производной формѣ: *Дажьдь-божъ*, а о *Сварогѣ* нѣтъ и слова? Къ чему повело бы это, еслибъ всѣ реченія Пѣсни Игоревой, съ прикосновенными къ нимъ по лѣтописямъ, мы стали толковать по средству ихъ съ санскритскими, которыхъ не понимаемъ, и съ другими, оставивъ въ сторонѣ отечественныя сокровища, болѣе до насъ доступныя во всѣхъ отношеніяхъ? Г. Буслаевъ съ своимъ санскритскимъ толкомъ, желая вразумить чтецовъ старины, самъ впалъ въ погрѣшность. Ипатьевскій списокъ говорить, что *Солнце-царь, сынъ Свароговъ, иже есть Дажьдь-богъ*; г. Буслаевъ, напротивъ, утверждаетъ, что *Сварогъ*, ииѣя средство съ санскритскимъ *svaḡu* — стрѣла, есть лучи солнечныя, особенная сила солнца-бога, его стрѣлы: *чему, господине, простре горячую лучю на ладъ вои* (приводитъ критикъ слова Ярославны)! У него *сварогъ*, какъ сынъ солнца, зависитъ отъ него, какъ отъ своего начала, следовательно, поставленъ не въ надлежащемъ отношеніи къ сыну своему — *Дажьдь-богу*, солнцѣцарю, вопреки сказанію лѣтописца и древнему «Слову противъ христіанъ двувѣрныхъ нѣкотораго христіолюбца» (см. «Слово о Полку Игоревомъ» Дубенскаго, стр. 199, примѣч. 201), утверждающему также, что *Сварогъ* отецъ *Дажьдь-богу*, богу солнца.

Странно встрѣчаться съ подобными недоумѣніями въ рецензій трудъ доб-

выразиться критику. «Цѣль надате-лей» говоритъ г. Буслаевъ: «объяснить отдѣльными выраженіями Слова о Полку Игоревомъ, почти достигнута; мѣста изъ древнихъ произведеній нашей литературы, объясняющія Слово, собраны; впрочемъ, насколько выраженій все еще остаются необъяснимы» (стр. 29). Ниже, на той же страницѣ, прибавлено: «что касается до объясненія отдѣльных словъ, то комментаторы заготовляли только матеріалы для общаго словаря; для нихъ Слово о Полку Игоревомъ было не цѣлью, а средствомъ, т. е.» (самъ себя поясняетъ г. Буслаевъ) «нѣтъ пріятно было къ нему привязать свои (неужели?) этимологическія знанія даже при такихъ словахъ, смыслъ которыхъ понятенъ (*) каждому и теперь; и потому (стр. 30) со многими въ изданіи г. Дубенскаго нельзя согласиться». Или (стр. 29): «Въ объясненіе Слова вошло много изысканныхъ и натянутыхъ утонченностей: работа надъ нимъ была до сихъ поръ болѣе отрицательно-полезною, ибо въ результатъ остается единственно (*) то, что оно undoubtedly принадлежитъ своему времени». Теперь какъ прикажете понимать эту отрицательность и единственность? Такъ, что гдѣ сказано да, тамъ разумѣть надобно нѣтъ, и наоборотъ: это уже значить, что въ Слово о Полку Игоревомъ ничего не объяснено. Такъ въ своей критикѣ г. Буслаевъ говоритъ: «въ Слово о Полку Игоревомъ почти всѣ отдѣльныя выраженія объяснены... нѣсколько выраженій не объяснено... много отдѣльныхъ словъ не объяснено... ничего не объяснено...» Чему тутъ долженъ вѣрить читатель, когда авторъ самъ себя уничтожаетъ? Такой судъ можно дать четыре человека, а если одинъ, то слишкомъ-забывчивый или въиска-тельный. ●

(*) Кромѣ объясненія, издатель старался приискать каждое слово у лѣтописцевъ и др.; для чего г. Буслаевъ упустилъ это изъ вида?

«Линиимъ, кажется намъ», говоритъ г. Буслаевъ, «производство общепонятныхъ словъ... особенно, если производствъ эти сомнительны». Въ примѣръ такихъ неумѣстныхъ и взлещенныхъ поясненій, г. Буслаевъ приводитъ четыре слова изъ изданія Пѣсни Игоря, *рокошати, полкъ, иду, союг*. Выше видно было, какъ удачно самъ рецензентъ объяснялъ слово *сварогъ* для будущаго изданія Слова съ изложеніемъ внутренняго содержанія: посмотримъ, основательно ли онъ судитъ о чужихъ поясненіяхъ.

Производство замѣчательнаго глагола въ Слово о Полку Игоревомъ *рокошати* отъ глагола *реку*, *реши*, говоритъ г. Буслаевъ, сомнительно; оно звукоподражательное, неимѣющее никакой связи съ глаголомъ *реку*. Производство сомнительное! Развѣ здравый умъ позволитъ почитать столько за сомнительное по сомнительному доказательству? Почему же слово *реку* не звукоподражательное? Если слова: *рокъ, рекоста* (у пѣвца игорева), *ротъ* (ос), *рота, ротитиса* произошли отъ *реку*, почему не глаголъ *рокою* (*), со вставкою коренной согласной — *рокою* и съ благозвучною *рокою*, *рокошати* (**)? Притомъ, не-уже-ли слова звукоподражательныя остаются безъ вѣтвей?

Поясненіе слова *полкъ*, замѣчавшее столько умовъ европейскихъ, славянскихъ глаголомъ *плюю*, *плюю*, *плюю*, *плювати*, означающему по-русски — *паломъ*, находитъ г. Буслаевъ, кажется, или неумѣстнымъ, или неосновательнымъ, или неполнымъ (**); по его

(*) Употребляющійся въ составѣ словъ, напримеръ, *пророкою*.

(**) Другой примѣръ: *стрекаю*, *стречю*, *стреклю*, *стрекочю* (ч, изъ учащательнаго — т?).

(***) У г. Буслаева выражено это такъ обильно, что мудрено понять, что хотѣлъ онъ сказать? Выписать поясненіе М. Дубенскаго, г. Буслаевъ прибавляетъ: «Г. Издатель очень можетъ выставить частное мнѣніе г. Бодянского о производствѣ

миѣнію оно лучше объясняется сравненіемъ съ нѣмецкимъ Volk, латинскимъ vulgus, летскимъ (латышскимъ?) pulks, литовскимъ pulkas, принимающимся даже въ значеніи стада (*). Не привязываетъ ли здѣсь силою г. Буслаевъ своего этимологическаго знанія къ «Слову о Полку Игоревомъ», что ставить онъ въ вину вообще издателямъ, и тѣмъ не роняетъ ли себя и своей критики? Не-уже-ли аналогія (средство) двухъ вѣтвей лучше ихъ поясняетъ, чѣмъ ихъ корни?

Въ третьемъ словѣ у Дубенскаго Буслаевъ находитъ весьма-страннымъ обличеніе глагола *иду* съ первообразною его формою: *хиду*, откуда, по Добровскому и Юнгману, образовался неупотребительный глаголъ *шеду*, мѣсто *хеду*: коренная буква *х* (**) и теперь удержалась въ прошедшемъ времени этого глагола—*шелъ*, вмѣсто *хелъ*; еще на лицо, какое тутъ сомнѣніе? Къ-тому же, гдѣ у комментатора объяснено слово *ход* глаголомъ *иду*? Гдѣ сказано, одинакихъ они корней или

вова — *полкъ*, для чего же не упомянулъ въ общепринятаго? Чего? производства, ли миѣніа? Если производства, то почему же объясненіе г. Бодянского не можетъ быть общепринятымъ, когда оно новаторство? Если миѣніе, то почему же мнѣніе Юнгмана, что слово *полкъ* значитъ *падо*, есть общепринятое? Если г. Буслаевъ хотѣлъ сказать общепринятаго значенія, какъ нынѣ слово *полкъ* принимаетъ съ смыслъ латинскаго *legio*, то этого значенія нельзя вывести изъ поясненія Бодянского: оно выставлено въ текстѣ (стр. 15): *храбрыс полки*. Къ-тому же г. Буслаевъ запрещаетъ пояснять извѣстное.

(*) Можно ли повѣрить, что литовское *ikas* взято съ нѣмецкаго, когда слово *ikas* находится во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, а въ индо-европейскихъ языкахъ литовскій есть ближайшій къ русскому.

(**) Что это такъ, обратимся къ санскритскому языку, столько знакомому для

различныхъ? Критикъ самъ отъ себя придумалъ это ошибочное предположеніе, самъ его рѣшилъ, какъ хотѣлъ, и безъ вины обвинилъ издателя. Весьма-любопытно послѣ этого видѣть, какъ объясняетъ самъ г. Буслаевъ глаголъ *иду* (въ неопредѣленномъ наклоненіи, будто бы, и *-ти*)—латинскимъ (?) и санскритскимъ корнемъ *i*, имѣющимъ то же значеніе: производство чрезвычайно-новое и важное для непонятнаго мѣста въ «Словѣ о Полку Игоревомъ», на-прим., *-идти дождю*! Такъ поясненъ для всѣхъ темный глаголъ *идти*—санскритскимъ, всѣмъ извѣстнымъ глаголомъ *i*.

Касательно производства отъ существительнаго *сонъ* глагола *оусну*, выставленнаго у Дубенскаго противъ слова *сонъ* (стр. 117; пр. 3) для ссылокъ на параллельныя мѣста въ словѣ: I, пр. 159 и 353, пусть г. Буслаевъ прочтетъ «Граматику языка Славянскаго по древнему нарѣчію», Добровскаго, часть I, стр. 417 (въ переводѣ). Знаменитый чешскій филологъ имѣлъ весьма-уважительныя причины сдѣлать такое словопроизводство, наоборотъ общепринятому нынѣ, для нѣкоторыхъ глаголовъ. Есть правило, есть и исключеніе. Взявъ его грамматику за основаніе при изслѣдованіи формъ «Слова о Полку Игоревомъ», могъ ли комментаторъ выступить изъ его правилъ?

Войдемъ теперь во внутреннее содержаніе «Слова о Полку Игоревомъ».—по понятію г. Буслаева, вопросъ рѣшеніемъ котораго, по его замѣчанію, не занимался ни одинъ издатель Пѣсни Игоревой, кромѣ г. Максимовича (*).

(*) Г. Максимовичъ смотрѣлъ на «Слово» не въ томъ духѣ, въ какомъ г. Буслаевъ. Эстетическій взглядъ перваго, дѣльный и свѣтлый, настроенный глубокимъ изученіемъ памятника и русской старины: это отчетъ о духѣ, формѣ, народной символикѣ пѣни и звѣрей, о языкѣ и подлинности Пѣсни, какъ о поэтическомъ выраже-

Что называлъ г. Буслаевъ внутреннимъ содержаніемъ Слова о Полку Игоревомъ? не былины времени, пѣвцомъ прославленный, но отношеніе слова его къ народной поэзіи, т. е. внѣшніе элементы рѣчи: языкъ и украшенія, или поэтическое значеніе этого памятника. Ниже прибавлено: какъ понимали Слова о Полку Игоревомъ наши предки, люди грамотные; еще ниже: мифологическій элементъ, или отношеніе Пѣсни къ древней мифологіи и народнымъ повѣртіямъ, преданію, которое туманною пеленою тянется по всему произведенію, иногда заслоняетъ собою исторію, иногда же такъ перепутывается съ нею, что доводитъ комментаторовъ до натянутыхъ объясненій. Въ старину пишутъ г. Буслаевъ, поэзію (народныя пѣсни?) считали дѣломъ бѣсовскимъ, вдохновеніе—навожденіемъ дьявола (положимъ, въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ введены припѣвы съ именами языческихъ идоловъ): что же выводитъ изъ этого г. Буслаевъ? Будто-бы, въ глазахъ нашихъ предковъ, сочинитель Слова о Полку Игоревомъ казался *вольнодумцемъ, еретикомъ*: это стѣбитъ новости! Слово о Полку Игоревомъ отъ прикосновенія къ нему внутренней силы древнихъ языческихъ пѣсней, по взгляду на нихъ г. критика, стало дьявольскимъ навожденіемъ! Какъ могла продолжаться оныя примириться со вѣсть чтецовъ, съ Словомъ о Полку Игоревомъ, гдѣ съ такимъ уваженіемъ (вольнодумецъ и еретикъ) воспоминаетъ о какомъ-то Боявѣ, внукѣ Велеса, т. е. дьявола? и гдѣ сами Русскіе называются внуками Дажь-бога, стало-быть тоже дьявола?

Пѣвцы у стародавнихъ языческихъ Славянъ были предводителями, поэтами, защитниками религіи, законодателями, забавниками, колдунами, музыкантами, мудрецами (вѣщими) и проч.; пѣсни языческія въ послѣдствіи, по введеніи христіанства, ежели почитались дѣломъ бѣсовскимъ, то между не-любогими, самыми благочестивыми христіанами; народъ долго считалъ ихъ святынею, долго оставался двубѣр-

нымъ; все это утверждаетъ г. Буслаевъ (стр. 30—31): какъ же послѣ этого пѣвецъ игоревъ могъ показаться современникамъ своимъ и г. критику вольнодумцемъ и еретикомъ? — непонятно!

Припавъ такіа положенія, г. Буслаевъ выводитъ, что комментаторы Слова о Полку Игоревомъ смѣшали въ немъ два элемента: преданіе и исторію, и въ некоторыхъ мѣстахъ объяснили историческую часть (стало-быть, историческую) въ ущербъ поэтической (стало-быть, какъ историческую—такъ и должно быть)! Чтoby доказать это и увѣрить, что мифологія въ пѣснѣ является не риторическимъ украшеніемъ (чего въ ней нѣтъ, а дѣйствительнымъ вѣрованіемъ, г. Буслаевъ требуетъ, чтoby *дыкъ въ Пѣсни Игоревой непременно былъ духомъ тьмы; дѣвица люба, дѣва—божествомъ мифологическимъ, лебединыя крылья—скандинавскими вакириями въ лебединыя сорочкахъ и другими женскими дѣльями среднихъ вѣковъ въ образѣ лебедей; солнце, къ которому обращается съ мольбою Ярославна,—сварогомъ, столпымъ съ литовскіймъ *Сотарбогомъ*; или *Стутаромъ*, богомъ дневнаго свѣта. Элементъ мифологическій подмѣчаетъ г. Буслаевъ даже въ отдѣльныхъ словахъ. Такъ въ выраженіи *лелюхъ мести Шарокаю*, видитъ онъ *Лелю*; въ словахъ *молодатычъ челами булатными*, понимаетъ онъ *молоды-самолеты*, а въ *молотъ*; кажется, *шолнѣю* (*shólniv*), неотъемлемую принадлежность Тора, бога грома. Даже прилагательное *синий* у него по-крайней-мѣрѣ полубогъ, ибо синиши бичами въ одной прусской (sic) сказкѣ гроза бьетъ дьявола, и синевъ пламя въ вѣтвахъ почиталось божественнымъ. Употребленіе творительнаго падежа дѣйствія: *идти дождю стрѣлами, колесо землицею*, въ основаніи своемъ для него не есть просто сравненіе, но языческое преданіе объ оборотняхъ (бѣдная Ярославна!). Къ мифологическому разряду г. Буслаевъ причисляетъ даже иривизъ пѣсни, аллегоріи, народныя*

предрасудки и поэтическую символику птиц и зверей. Основательно ли это, когда вся эта роскошная игра воображения и движения живаго чувства, равно как и повѣрья, досель остаются и господствуютъ въ народѣ и литературѣ нашей и составляютъ, такъ сказать, неотъемлемую черту русскаго омира и характера? Русь XII вѣка та же въ отношеніи, что Русь XIX. После этого, всѣ наши реторическія краснѣя суть божества мифологическія, и все у насъ въ быту общественномъ и литературномъ — языческое.

Поднимемъ теперь туманную пелену — преданіе, или мифологию, которая, по мнѣнію г. Буслаева, тянется по сему «Слову о Полку Игоревѣ», иногда вовсе заслоняетъ исторію, иногда перепутывается съ нею. «Солнце-огъ», увѣряетъ г. Буслаевъ, — затмѣлось въ то время, какъ Игорь возвращалъ на него, вступая въ непріятельскую землю. Предназначеніе этого божества, оправданное гибелью дружины игоревой, послужило идеею всего «Слова», такъ что всѣ части онаго истекаютъ (?) изъ этой идеи, и сонъ Святославовъ, и обращеніе къ князьямъ, и плачь Ярославъ! Даже богъ толкуетъ г. Буслаевъ «явился неблагоприятнымъ Игорю, предвозвѣстивъ своимъ затмѣніемъ гибельный конецъ его предпріятію» (начало пѣни); вѣтры, стрибоговы (*) внуки, то же враждебно наносили своими крыльями стрѣлы на воиновъ игоревыхъ — середина пѣсни; — жечая себя вѣщею кувушкою, птицею, имѣвшею для язычничковъ силу сверхъестественную, Ярославна (язычница) умиляетъ своею пѣсней и солнце, и вѣтры, и воды, какъ-бы привораживаетъ ихъ благосклонность къ своему Ладѣ. И действительно, не даромъ она плакалась: какъ-бы въ отвѣтъ ея мольбамъ, Игорь возвращается изъ пѣна, и сама рѣка благосклонно охраняетъ его

на волнахъ своихъ, и шлетъ ему при-вѣтствіе» (конецъ пѣсни, стр. 35).

Допустимо, что въ стихотворномъ смыслѣ можно сказать: Ярославна приворожила къ себѣ солнце, вѣтры и воду, въ началѣ и срединѣ пѣсни будто-бы враждовавшіе съ Игоремъ: но у пѣвца игорева сказано иначе въ концѣ «Слова» — *Игореви Богъ кажетъ путь*: какъ же язычница или двувѣрная мола къ себѣ приворожитъ его? Такъ прираокъ мифологическій, созданный воображеніемъ г. Буслаева, туманно вторгающійся во внутреннее содержаніе «Слова», исчезаетъ при одной словѣ пѣвца! Войдемъ въ нѣкоторую подробность о словахъ, подавшихъ поводъ г. критику къ такимъ заключеніямъ, служащимъ, впрочемъ, тѣмъ же всей его критики.

Г. Буслаевъ говоритъ, что изреченія Бояна и имъ подражаніе слѣдуетъ почитать равносильными выраженіямъ пѣвца игорева: *старыми словесы, по замышленію Бояню*, которыя въ самомъ началѣ «Слова» противопоставляетъ онъ былинамъ своего времени; «по этому» говоритъ г. Буслаевъ «и необходимо отдѣлять въ объясненіи этого памятника элементъ историческій — былину того времени отъ преданія или *старыхъ словесъ*». Страннымъ образомъ сближены здѣсь г. критикомъ предметы совершенно-различныя: пѣвецъ игоревъ писалъ свое «Слово» *старыми словесы* трудныхъ повѣстій по былинамъ своего времени, а не по замышленію Бояню, т. е., — а не писалъ старыми словесы трудныхъ повѣстій по замышленію Бояню. Следовательно, слова — *старыми словесы*, равно идутъ къ былинамъ, какъ и къ замыслу боянову: зачѣмъ же г. Буслаевъ исключительно говоритъ, что *стария словеса* и *замышленіе бояново* есть одно и то же — преданіе, мифологическіе намеки, когда *стария словеса* и *былины*, можно сказать, есть еще исторія, или (у древнихъ) *эпосъ*? Пѣвецъ противопоставлялъ здѣсь замышленіе бояново по

точность? Смѣшавъ форму (слогъ) и содержание (материю), г. Буслаевъ путаетъ исторію съ мнѳологіею. Можно ли называть затмѣніе солнца, дѣйствительно случившееся въ то время, какъ Игорь выступилъ въ походъ (см. « Слово о Полку Игоревѣ » Дубенскаго, стр. 16, пр. 42), мнѳологическимъ преданіемъ и даже божествомъ? Нѣтъ, г. критикъ, пѣвецъ игоревъ, рѣзко и совѣтъ-иначе означилъ въ пѣсни своей *духъ болгарскій*, или замышленіе его, и *свой собственный*, какъ онъ намѣревался описывать Игоря. Въ « Слово » (стр. 22 и 26) читаемъ: « О Болнъ, соловей стараго времени!.. Когда бы ты захотѣлъ прославить походъ Игоревъ, ты бы воспѣлъ: *не буря соколовъ унесла за широкія поля, галки станницами летать къ Дону великому* ». Пѣвецъ за этимъ прибавляетъ: но не то ли же это (чили), что сказать (духъ пѣвца Игорева, или пѣснь по былинамъ): стр. 29 — *кожи рожуть за Сулою; тремитъ слава въ Киевъ, трубы трублятъ въ Новъградъ; стоятъ знамена въ Путицкы: Игорь идетъ милаю брата Всеволода*. Что же замышленіе бояново? Поэтический образъ и чувство, или изобразительность и одушевленіе рѣчи? а развѣ, повторю, поэтический способъ описывать предметы и средства украшеннаго слога—мнѳологія? и преданіе, и все, какъ писали язычники, также—басни?

« Солнце », по мнѣнію г. Буслаева, было неблагопріятно Игорю, предвозвѣстивши своимъ затмѣніемъ гибельный конецъ его предпріятія; Ярославна умилостивляетъ это солнце въ « пользу своего супруга ». Солнце открылось иракомъ по представленной — вѣчной гармоніи во вселенной вещественнаго міра съ духовнымъ для того, чтобы навести страхъ на дружину предстоящимъ бѣдствіемъ и отвлечь Игоря отъ похода (повятія вѣка), слѣдовательно по любви къ созданію Божію, безразсудно стремившемуся на смерть явную; Игорь погибъ не отъ враждовавшаго съ нимъ солнца, но отъ своей пылкой юности—*не въздржаеши юности*, говоритъ лѣтописецъ; соли-

це ост
что ж
славн
тельн
также
маеть
было,
сила.
номъ
откло
таком
Игор.
скры
явить
звань
божи.
самъ
что с
языч
поган
вступ
черта
чески
ную
тѣмъ.
зываетъ.
болва
анска
вымы
(стр.
ваети
на ве
нихъ
такъ
« Сло
(стр.
чи сл
мбаи
кляме
скрап
ла от
Здѣс
доусс
чиво
же в;
номы

(*)
Яросл
было
мя ро
крыл

ни Половцами (св. той же Каллы... Жизнь Дажь-божа внука), покрывшіе рупани родное пепелище, предавши пламени Божіи церкви, дома, житницы и гумны (по лѣтописцу), погибали аки на ряду съ дѣтими бѣсовскими и княжескихъ раздорахъ! Во второмъ глѣбѣ сказано: *стала обида въ силахъ Дажь-божа внука*,—тамъ, гдѣ пѣвецъ переходитъ къ изложенію причинъ, приотвиншихъ несчастье Игорю; смыслъ отъ же: зло (обида) вышло отъ некретей, наемныхъ Половцевъ (силы Дажь-божа внука), и отъ-того, что не было единомыслія между кивязями, ружившимися съ погаными (*усобица мяземъ на поганымъ позыбе*) — погибли юлки игоревы! *Жизнь, силы Дажь-божы*, по весьма-вѣроятному соображенію, то же, что наемные Половцы поганые, дѣти бѣсовскіи), на что намеаетъ пѣвецъ, кажется, словомъ—*даждь*, акъ и въ предъидущихъ выраженіяхъ. и вообще крамольные князья Ожвой-Руси (*), съ ними вступавшіе въ союзъ, противъ которыхъ въ раничвыхъ мѣстахъ съ такимъ жаромъ гихотворецъ вооружался. Далѣе (на гр. 198) сказано: *«великому Хрсови лкомъ путь прерыскаше»*. Значеніе, о-видиному одинаковое: *Хрсе, Хорсе, жели Хозарія, Херсонестъ, нынѣшній рымъ*, чрезъ который пробѣгалъ сеславъ Полотскій (о коемъ здѣсь деть слово) изъ Кіева на Тьмуторвань,—то все же земля поганая въ вѣкъ горевъ. Можно и такъ пояснить это вѣсто: пѣснопѣвецъ ниже прибавляетъ: *ому въ Полотскѣ позволиша заутрею рано у Селтмы Софем, а олъ* (вѣго того, чтобъ мати молиться Богу) *въ іевъ зволъ слыша*—посканалъ на Кіевъ, гѣдовательно, поступилъ богопротивно акъ двугрѣецъ. За это, и вообще за ривязанность его къ волхвамъ (по вѣтописцу), пѣвецъ примѣнилъ къ нему, можетъ-быть, по тогдашнему времени пословицу: *«хрсови влкомъ прерыскаше путь»*.

(*) Этимъ пополняю мнѣніе мое въ изданіи на стр. 80 пр. 263.

Вотъ все, что есть языческаго въ «Словѣ о Полку Игоревомъ». Замѣтнѣе, что языческія эти черты у пѣвца наравнѣ съ прочими словами едва являются, какъ исчезаютъ: онѣ не оставляютъ по себѣ слѣдовъ глубокихъ и продолжительныхъ,—идея призвала ихъ и съ слѣдующею идеею авторъ и читатель ихъ забываютъ. Чудесное есть въ игоревой пѣсни, но оно держится не на миеологіи языческой или болвавахъ, но взято изъ сердца русскаго, можетъ-быть, таясь во всемъ человѣчествѣ и съ нимъ никогда не разлучалось.

Мысль г. Буслаева, что пѣвецъ игоревъ казался въ свой вѣкъ вольнодумцемъ, еретникомъ, приводитъ къ слѣдствіямъ истинно-комическимъ, уничтожающимъ все важное значеніе. Слова о Полку Игоревѣ въ нашей письменности. Самый походъ, кончившійся, будто-бы, неудачно погибъву враждующаго Сварога или Дажь-бога, дѣлается не естественнымъ, ребяческимъ и даже безобразнымъ, если сравнить этотъ гвѣвъ съ гвѣвомъ Ахиллеса и Юноны въ «Иліадѣ» и «Энеидѣ», сонъ святославовъ—дьявольскимъ навождевіемъ, гаданіемъ бѣсовскимъ (уг. Буслаева стр. 35), плачь Ярославны—богопротивнымъ сплетеніемъ всякихъ нечѣпостей. И это все сатанинское навожденіе употреблено средствомъ (вмѣсто крестоносной хоругви?) пробудить въ христіанахъ XII вѣка патріотическую ревность къ истребленію поганыхъ Половцевъ! Не-уже-ли такъ понимали золотое слово Святослава грознаго, великаго, кіевскаго наши предки? Нѣтъ, г. критикъ, вы шутите: ваша внутренняя сторона есть или *литературная ересь*, или пародія на «Слово о Пълку Игоревомъ»!

Наконецъ, г. Буслаевъ замѣчаетъ, что Дубенскій неясно себѣ представилъ отношеніе «Слова» къ народной поэзіи, сравнилъ его съ бойкимъ и мѣткимъ «Словомъ Давида Заточника... Издатель не вникъ настоящимъ образомъ въ слогъ пѣсни игоревой, который совершенно соотвѣтствуетъ поэтиче-

ски-миеологической идеѣ. Народныя, нравственныя послыяды и изрѣченія библейскія (?), прикрывающія сатирическую (?) картину двора (?) и общества тогдашняго времени — вотъ сущность и характеръ посланія Даниилова. Издатель Слова о Полку Игоревѣ не думалъ утверждать, что слово Заточника писано однимъ слоюзомъ (*) съ пѣснью Игоря: отъ сходства въоторыхъ выражений въ обоихъ памятникахъ далеко до слога. У Дубенскаго была одна цѣль въ этомъ мѣстѣ разсужденія—указать, что рядомъ съ пѣснью игоревой есть современныя ей другія замѣчательныя произведенія отдаленной древности, по которымъ, не красясь, можно заключить, что въкъ игоревъ не былъ безграмотнымъ, что Слово о Полку Игоревомъ могло быть написано въ то время, къ которому его относятъ. Съ этою цѣлю указано на древнѣе остатки болѣе или менѣе украшенной рѣчи: на Патерикъ Нестора, на Поученіе Мономаха, на Похвальное Слово Никифора Владимиру II; въ числѣ ихъ упомянуто о Слово Заточника. Пусть перечитаешь г. Буслаевъ историческій взглядъ на литературу Слова, при изданіи припечатанный, и увѣрится: тамъ тамъ опредѣлена чѣтко. Г. Максимовичъ, при изложеніи языка Слова о Полку Игоревѣ, не боялся говорить, что онъ въ лексико-грамматическомъ отношеніи сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха, и особенно съ языкомъ Кіевской и Волынской Лѣтописей,—это еще смѣлѣе. Г. Буслаевъ самъ говоритъ (стр. 36), что языкъ Заточника болѣе русскій, какъ и въ Слово о Полку Игоревомъ; если онъ нашелъ между обоими памятниками старинны разительное сходство, почему же запрещаетъ другимъ ихъ сравнивать по силѣ (духу)

мышленія, языку и формамъ грамматическимъ?

Можно бы еще кое-что сказать г. Буслаеву на его: *стало-быть, по-знаку, такимъ образомъ, ибо, на дѣлу съ лебдинымъ крыльми, которой не бывало въ Слово о Полку Игоревѣ*—предполагать можно все: но оставлюсь на одномъ замѣчаніи. Въ историческомъ взглядѣ на литературу Слова о Полку Игоревѣ, Дубенскій сказаво: *мой взглядъ на древнее русское произведеніе былъ только внимателю — отысканіи въ немъ самою доказательство его подлинности. Изъ этихъ словъ г. критикъ вывелъ сѣдствие, что изданіе Дубенскаго есть результатъ и собранія предидущихъ изданій, тщательное собраніе всѣхъ предшествовавшихъ изданій, и имѣетъ тотъ же характеръ. Почтая несправедливымъ — брать на свою душу чужія мнѣнія, Дубенскій долго бы почитаетъ вразумить г. Буслаева, что изъ числа 718 примѣчаній его къ Слово, въ 81 выставлены мнѣнія господъ предшествовавшихъ Издателей и филологовъ, но такъ, что они сравнены и критически обсужены; сходственно съ чтеніемъ подлинника: можно ли въ этомъ укорить издателя? Худыя или посредственныя его примѣчанія, но они его собственныя. Иные этихъ другихъ принадлежатъ г. Каравину, первымъ Издателямъ—Максимовичу (10), Грамматину, Болотскому (12), Пожарскому, Сабидину, Имидъ, Гав. Шашкову, Волгину, Снегиреву, Велижану (11), Вуткову, Френу, Яковл. Эрлану, Шафарку, Полевому Э. Иподоцеву, Муханову, Сивильну, Шевыреву, Копитару, Кизановичу, Алексеву, Востокору, Дубровскому. До изданія Слова о Полку Игоревѣ. Напер. Обществомъ Истор. и Древн. Росс. при Императорскомъ Императорѣ было 81 примѣчаніе, у г. Шашкова 41 безъ счета и 22 выноски, у Пожарскаго 52 (безъ счета), у Грамматина 171, у Велижана 50, у Снегирева 121, всего 518. Количество ничего не значить, во какъ*

(*) Кто бы сказалъ—есть проза Жуковского и стихи, значить ли это, что онъ сказалъ бы: проза и стихи Жуковского

честь народу, то истинные любители дорого цѣнятъ и одно дѣльное примѣчаніе комментатора. Чтобы угодить имъ, при чужомъ мнѣніи, издатель выставлялъ имя счастливаго труженника.

Д. Дубовскій.

III.

РАЗЫШЛЕНІЯ ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХЪ МНѢНІЙ ВЪ ИНОСТРАННОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

Въ литературномъ, или, лучше сказать, журнальномъ мѣрѣ Западной-Европы часто случаются презабавныя исторіи. Какъ извѣстно, тамъ журналъ можетъ существовать и держаться только *мнѣніемъ*, и потому тамъ стараются имѣть литературное или политическое мнѣніе даже такіе люди, которые способны имѣть только кухонное или туалетное мнѣніе. Многие съ умысломъ хватаются за какую-нибудь лживую нелѣпость и всѣми силами поддерживаютъ ее, вопреки приличію, нравственности и здравому смыслу, чтобы только казаться людьми съ мнѣніемъ. О такихъ людяхъ нечего и говорить: ясно, что это безсовѣстные промышленники. Но между ними есть и невинные люди, которые, по вѣжливости, легко могутъ быть сѣтаны съ торгашами мнѣнія, но которыхъ, ради истины и справедливости, должно отличать отъ продавцовъ жи. Это люди очень неглупые, иногда даже умные, съ познаніями и не безъ дарованій, но которые, при большомъ честолюбіи, не имѣютъ довольно силы, чтобы вырваться изъ-подъ уровня посредственности. Еслибы ихъ самолюбіе не превосходило ихъ интеллектуальныхъ средствъ, они ограничивались бы второстепенною ролью—развивать мнѣніе, основанное человекомъ выше ихъ, и эту роль они выполняли бы прекрасно и отличались бы въ ней отъ толпы, какъ люди съ умомъ и талантомъ, — потому что на сѣтѣ гораздо больше генераловъ, которые

весьма-способны помочь подвѣдному одержать блистательную побѣду, а сами могутъ одержать верхъ развѣ только въ стычкѣ, гдѣ нужна личная храбрость, а не искусство стратега. И благо имъ, если они, не претендуя на предводительство арміями, скромно остаются не предводителями, а участниками битвы! Но жизнь—комедія, люди—актёры, и рѣдкіе изъ нихъ такъ благоразумны, что честь—съ умомъ и талантомъ выполнить *мнѣніе*кую; или незначительную роль въ пьесѣ, предпочитаютъ безчестію нечѣно и бездарно выполнить въ ней первую роль... Обратимся къ литературнымъ актёрамъ, о которыхъ заговоримъ. Имъ хочется, во что бы ни стало, быть основателями доктрины; но она не рождается свободно изъ ихъ головы, подобно Палладѣ, вышедшей во всеоружіи изъ головы Зевса, хотя голова у нихъ болитъ не меньше зевсовой, и они стучатъ по ней не легче гефестова молота. Тогда они хватаются за первую нелѣпость, которая можетъ имѣть видъ, или призвать истины. Если они не въ состояніи изобрѣсти новой нелѣпости, то даютъ особенный отгѣвокъ чужой, и свѣтятся основать особую, отдѣльную секту въ сферѣ этой нелѣпости. Разумѣется, все это происходитъ въ предѣлахъ пріятельскаго кружка, и за эту роль берется главное лицо въ кружкѣ, первенствующее въ немъ своимъ нравственнымъ или умственнымъ превосходствомъ, или характеромъ. Кружокъ радъ, что у него есть свой геній, который долженъ прославить его въ свѣтѣ и преобразовать современную дѣйствительность. Надо издавать журналъ, безъ котораго пропаганда невозможна. Для журнала нужны деньги. Такия исторіи случаются только въ Германіи, гдѣ деньги, какъ извѣстно, не только куры не клюютъ; но и люди мало видятъ. Во Франціи и Англій журналы издаются на акціяхъ, капиталистами, и характеръ журналовъ—по-большой-части политическій. Въ Германіи, для торговли капиталы бѣваютъ; но на журналы, которые,

особенно теперь, шитье характеръ теологическій, капиталовъ тамъ не тратятъ. И потому, гению-реформатору общаются денежное содѣйствіе два или три члена кружка, если въ него заглядываютъ и богатые люди. Гений принимается за дѣло; вся работа взваливается на него, особенно черновая; приятели его пишутъ больше стишки (въ Германіи до-сихъ-поръ свѣрѣистуетъ ярость виршенлѣтства), и только варѣдка раздражаютъ тощими статейками въ прозѣ. Выходятъ книжки, двѣ, три, иногда и больше; журналъ отличается ультра-свѣрѣистостью: всѣ раздѣляющіе его мнѣнія—гении; всякое драмное стихотвореніе, перелагающее это мнѣніе на стихи, есть гениальное произведеніе; за то, противниковъ этого мнѣнія журналъ объявляетъ людьми бездарными, глупыми, низкими, спекулянтами, торгашами; всякое произведеніе, какъ бы ни было прекрасно и чуждо всякой котерин, безопасно разругивается уже не за то, что оно противнаго мнѣнія, а за то только, что оно держится не его (журнала) мнѣнія. А мнѣніе? А force de forger, гений-реформаторъ больше и больше въ немъ убѣждается, потому что въ немъ дѣйствительно есть жажда убѣжденія и способность къ нему, — словомъ, есть душа, есть сердце, и со-дня-на-день онъ приходитъ въ большее и большее свѣрѣистство, глубже и глубже впадая въ нелѣпность, которую выдаетъ за мнѣніе; наконецъ, это мнѣніе дѣлается его idée fixe, и самъ онъ становится рѣшительнымъ мономаномъ. Искренно, добросовѣстно, безкорыстно, чисто, свято убѣжденъ онъ, что спасеніе міра только въ его мысли, и что всѣ, кто не раздѣляетъ его доктрины — погибшіе люди, а всѣ, кто отвергаетъ, оспариваетъ ее, или смѣется надъ нею — враги общественнаго спокойствія, враги человѣческаго рода, изверги и злодѣи... И bon-homme не замѣчаетъ, что основа его вѣрованія, столь искреннаго, столь безкорыстнаго, заключается въ его самолюбіи, а не въ любви къ истинѣ, и что сила и энергія его убѣжденія вы-

ходятъ изъ болѣеменно-страстнаго желанія прославиться реформаторомъ... Человѣкъ добрый и любящій по натурѣ, онъ дѣлается теперь, по своимъ чувствамъ, настоящимъ инквизиторомъ и готовъ бы былъ довести на своихъ противниковъ, жечь ихъ на кострахъ... да, къ счастью, вѣкъ инквизицій прошелъ, да и бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ... Но публика остается равнодушною къ мнѣнію, возмущаетъ плечами и носится надъ гениемъ - реформаторомъ; подписчиковъ такъ мало, что третьей книжки журнала не на что выкупить изъ типографіи... Гений-реформаторъ обращается къ богатымъ друзьямъ, которые, если вѣрять ихъ статейкамъ и стихамъ, готовы за мнѣніе пожертвовать женою и дѣтьми, жизнью и честью, не только всѣмъ своимъ мнѣніемъ. Но, увы! какое разочарованіе! Вместо денегъ, ему даютъ — стихи! Мало этого: на него сыплются упреки, что онъ дурно перевелъ дѣло, ошибся тамъ, не то сказалъ здѣсь, и т. д. Бѣдняку остается съ-горя и отчаянія или удавиться, или—что еще хуже — начать писать стихи... Журналъ падаетъ, переходитъ въ другія руки, и съ четвертой книжки начинается толковать уже совсѣмъ о другомъ мнѣніи, а иногда и умирать медленною смертію просто безъ всякаго мнѣнія. Публика смѣется, а враги мнѣнія лукаво повторяютъ:

Надѣяла снѣжка славы,
А моря не зажгла!

Вотъ какія забавныя исторіи случаются въ иностранныхъ литературахъ. Какъ счастливы мы, что наша литература совершенно-чужда такимъ уродливымъ явленіямъ!

IV.

Но, къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ есть свои нелѣпности, которыми стѣбать всѣхъ другихъ. Къ числу ихъ принадлежитъ дурная привычка нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ при-

сывать своимъ противникамъ такіа мнѣнія, которыхъ тѣ никогда и не думали имѣть. Это особенно худо тѣмъ, что есть много читателей, которые добродушно вѣрятъ всему печатному и справокъ наводить не любятъ (да и всякій ли можетъ имѣть для этого время?), и прочтя будто-бы *выписанную* изъ того или другаго журнала фразу, повторяютъ: «какая неглѣзость! какъ не стыдно утверждать такіе вздоры!». Или — что еще хуже — восклицаютъ: «какъ можно это печатать! какъ позволяютъ это печатать!». Въ прошломъ мѣсяцѣ мы представили печатныа доказательства, что нашему журналу приписываются мнѣнія совершенно противоположныа его мнѣніямъ. И что жъ? Какъ воспользовались этимъ урокомъ наши противники?—Они прибѣгли къ другому средству: вырвали тамъ и самъ по нѣскольку строкъ изъ страницы, по нѣскольку словъ изъ фразы,—и дѣйствительно перепечатали наши слова, безъ всякихъ искаженій, или замѣненій, словомъ, поступили въ этомъ случаѣ съ возможною (для нихъ) добросовѣстностію; но худо то, что эти-вырванные фразы, будучи отдѣлены отъ цѣлой статьи, цѣлой страницы, цѣлаго періода, явились съ такимъ смысломъ, что, читая ихъ не въ нашемъ журналѣ, по-неволѣ воскликнешь: «что за вздоръ!» или: «какъ это можно печатать!». Вотъ доказательства: въ фельетонѣ 106-го номера «Сѣверной Пчелы», вышедшаго 12 мая нынѣшняго года, вырвана изъ четвертой книжки «Отеч. Записокъ» фраза: «Молодое поколѣніе опытниѣ и мудреѣ прежняго». Подобная фраза, взятая отдѣльно, безъ связи съ статьею, изъ которой вырвана, — и *рыбка и сельдь*. И потому да позволено намъ будетъ вновь повторить наши слова вполнѣ, чтобъ читатели могли видѣть сами: то ли говорили мы, что приписываетъ намъ благонамѣренный фельетонистъ, «Сѣверной Пчелы».

«Самодлюбіе играетъ большую и чуть-ли не главную роль въ нерасположеніи стариковъ ко всему новому. Видя, что все на

свѣтѣ идетъ и дѣлается не такъ, какъ бы имъ хотѣлось, не такъ, какъ все шло и дѣлалось въ ихъ время, старики *обжигаются* и говорятъ шлохамъ: «что же мы глуше васъ, а вы умне насъ? Развѣ мы затѣмъ прожили вѣкъ свой, набрались уму - разуму, богатѣли мудрою опытностію, чтобъ на старости лѣтъ неопытные мальчишки вздумали учить насъ?» Люди молодого поколѣнія должны были бы отвѣчать на это старикамъ: «каждый изъ насъ, отдѣльно взятый, можетъ-быть не имѣть опыта и мудрѣ, нежели каждый изъ васъ отдѣльно-взятый; но наше молодое поколѣніе и опытниѣ и мудреѣ вашего, потому-что оно старше вашего, и къ вашей опытности приложило свою собственную». Но, къ-сожалѣнію, молодые люди такъ же имѣютъ свои *молодые* слабости и недостатки, какъ старые люди имѣютъ свои *старые* слабости и недостатки, — и почти каждый юноша готовъ смотрѣть на старика, какъ на ребенка, и на себя, какъ взрослого человѣка, не считая, что всѣ его заслуги и все преимущество передъ старикомъ состоятъ только въ томъ, что онъ позже его родился, и что это вѣдь совсѣмъ не заслуга... Итакъ, было бы несправедливо утверждать, что старики всегда не правы въ-отношеніи къ молодымъ, и молодые всегда правы въ-отношеніи къ старикамъ. Но борьба между ними не прекращается ни на минуту, и одно время рѣшается безъ лицепрятія, кто правъ, кто виноватъ, хотя немногіе доживаютъ до рѣшенія своей тяжбы, и старики по большой-части умираютъ съ убѣжденіемъ, что они правы, что ихъ тяжба выиграна, и что горе новому поколѣнію, которое пошло новою дорогою...

Другая фраза: «Наполеонъ есть вверхъ ногами поставленный Карлъ Великій», надѣмся, никому не покажется странною, если ее прочтутъ не отдѣльно, а въ этомъ отрывкѣ:

«Не помню, гдѣ и когда я читалъ какую-то статью Эдгара Кинѣ о нѣмецкой философіи; статья не очень-важная, но въ ней было интересное сравненіе нѣмецкой философіи съ французскою революціею. Кантъ — Мирабо, Фихте — Робеспьеръ, а Шеллингъ — Наполеонъ; вообще, это сравненіе не чуждо нѣкоторой вѣрности; я самъ готовъ сравнить Шеллинга съ Наполеономъ, только обратно Эдгару Кинѣ. Ни имперія Наполеона, ни философія

Шеллинг устоять на ногах — и по одной причине: ни то, ни другое не было вполне организовано и не имело в себѣ твердости ни отбѣзаться отъ прошлыхъ односторонностей, ни идти до крайняго послѣдствія. Наполеонъ и Шеллингъ явились миру, провозглашая примиреніе противоположностей и снятіе ихъ новымъ порядкомъ вещей. Во имя этого новаго порядка вещей, признали Бонапарте императоромъ; душевный дымятъ не понималъ наконецъ разгадать, что Наполеонъ остался въ душѣ человекомъ прошедшаго. Историческій маскарадъ à la Charlemagne, въ которомъ Наполеонъ одѣлся отечъ не къ лицу, окруженный своими герцогами-солдатами — былъ *intermedia buffa*, за которой слѣдовало Ватерлоо съ настоящимъ герцогомъ во главѣ. Шеллингъ въ своей области постуилъ такъ, какъ Наполеонъ: онъ обѣщалъ примиреніе мышленія и бытія; но провозгласилъ примиреніе противоположныхъ направленій въ высшемъ единствѣ, остался идеалистомъ въ то время, какъ Окенъ учреждалъ шеллинговское управленіе надъ всей природою, и Шанда — монитеръ натурфилософіи, громко возбѣждалъ свои побѣды, Шеллингъ одѣвался въ Якова Вѣма и начиналъ задумывать реакцію самому себѣ, для того, между прочимъ, чтобъ не содѣлаться, что онъ обѣщавъ. Шеллингъ вышелъ вверхъ ногами постраженный Вѣмъ, такъ какъ Наполеонъ вверхъ-ногами постраженный Карлъ-Великій. Это худшее, что можетъ быть, потому что чрезвычайно-сильно.

Прочитавъ эти строки, кто не согласится, что онѣ написаны не Фельетонистомъ Сѣверной Пчелы, а человекомъ новаго поколѣнія, который владѣетъ умомъ, свѣдѣніями и талантомъ? Кто не согласится, что Фельетонисту въ этой статьѣ все должно казаться нецѣлостно, потому что человѣческому, и особенно, старческому самолюбію отрадно считать вадорнымъ все, что понять оно не въ состояніи...

Но самый сильный *tour de force* благоденствіеннаго Фельетониста заключается въ выписи словъ Наполеона и замѣчанія «Отецъ Записокъ» на эти слова. Наполеонъ назвалъ народъ пескомъ и считалъ нужнымъ сбросить въ море песокъ гравитыны массы рели-

гій и аристократіи. Мы замѣтили, что эти слова показываютъ въ Наполеонѣ отсутствие чувства порядка, который у него былъ замѣненъ только чувствомъ дисциплины. Что жъ тутъ страннаго? Источники религіи — народъ, который совѣтъ не песокъ, а плодотворная почва, изъ которой возникаютъ цѣлыя вѣтъхъ нравственныхъ установленій. Религія не дается приказомъ. Такъ думать могъ только Наполеонъ, который уважалъ всѣ религіи изъ политическихъ разсчетовъ, даже мухаммедавскую, во время своего египетскаго похода, и лѣстилъ Арабовъ мыслию, что онъ можетъ сбѣзаться мухаммеданомъ. Если во Франціи возстановили католицизмъ, то не волею Наполеона, а тѣмъ, что большая часть народа осталась вѣрна католицизму. Чего нѣтъ въ народѣ, того нельзя дисциплинировать. Доказательство — аристократія: не смотря на всѣ усилія Наполеона возстановить ее, не смотря на то, что онъ призвалъ во Францію эмигрантовъ и дѣлалъ своихъ солдатъ герцогами, — теперь господствующее и правительствующее сословіе во Франціи не аристократія, а *bourgeoisie*. Не-уже-ли это неизвѣстно г. Фельетонисту? Гдѣ же соизмы въ нашихъ словахъ? Не-уже-ли въ томъ, что «порядокъ основывается на удовольствіи, на равновѣсіи всѣхъ законныхъ интересовъ, всѣхъ жизненныхъ силъ?»

Велика сила привычки: отъ нея не легко отставать! Сдѣлавъ такія выписки, Фельетонистъ не могъ удержаться, чтобъ не приписать намъ кое-чего такого, чего мы вовсе не говорили, или не дѣлали. Ему почему-то очень не понравилась напечатанная въ «Отецъ Записокъ» басня *Хаврошка*. О вусахъ спорить нечего! Онъ нашелъ крайне-неприличными слова: *грязная щетина, запахи и вонь*. И объ этомъ не спорить. Кому не извѣстно, что и басня Крылова *Свѣцья*, въ блаженной-памяти доброе старое время, показала неприличною, и что въ провинціальныхъ обществахъ даже теперь, по свѣдѣтельству Горькаго, дамы, вместо того,

чтобы сказать: *стаканъ сохнетъ, говорятъ? стаканъ дурно ведетъ себя; въ сто выморкаться, говорятъ: обойдитесь погредствомъ платка?..* И потому, не будемъ объ этомъ спорить съ чопорными и жеманными вкусомъ некоторыхъ людей; а замѣтимъ вотъ что: фельетонистъ увѣряетъ, будто стихотвореніе *Хавронья* не означено въ заглавіи книжки, и будто *страница, внесенная въ книгу послѣ стр. 326, не нумерована*. Все это чистая выдумка: стихотвореніе *Хавронья* означено и на оберткѣ четвертой книжки «Отеч. Записокъ», и въ общемъ оглавленіи къ 39-му тому «Отеч. Записокъ»; слѣдующая за 325 (а не 326, какъ утверждаетъ фельетонистъ) страница не означена, это правда, но не по той причинѣ, чтобы башня незаконно явилась въ печати, а по той, что въ «Отеч. Запискахъ», какъ и во многихъ другихъ журналахъ, никогда не означаются цифрами тѣ страницы, на которыхъ начинается новая статья, — а такъ-какъ на страницѣ, слѣдующей за 325-ю, напечатано стихотвореніе *Современная Ода*, то 326-я страница и не означена цифрами, — и такъ-какъ это стихотвореніе оканчивается на 326-ой же страницѣ, а на 327-й начинается новое стихотвореніе, именно оскорбившая фельетониста *Хавронья*, то и 327-я страница тоже не означена цифрами. Зачѣмъ же выдумывать? Зачѣмъ стараться придавать кришнальскій характеръ такому вздорному дѣлу, какъ цифровка страницъ?.. Поневоля вспомнишь эти сильные стихи:

Странная вещь!

Непомыслила вещь!

Г. фельетонистъ выдумалъ еще, будто мы сказали, что «Гоголь гораздо-выше Карамзина и всѣхъ писателей его эпохи» и даже нѣмалъ смѣлость выставить, въ выноскѣ страницы (26 и 27 *Библиографической Хроники* 4-й книжки «Отеч. Записокъ»), на которыхъ будто-бы мы сказали это. Но ничего даже подобнаго нѣтъ ни на 26, ни на 27 и ни на какой другой страницѣ

«Отеч. Записокъ»: это чистая выдумка фельетониста. Да и какъ бы могли мы сказать такую нелѣпость? Какъ можно Карамзина, литератора, журналиста, историка, сравнивать съ поэтомъ Гоголемъ? Правда, Карамзинъ писалъ стихи и повѣсти, по своему времени очень-замѣчательныя и даже прекрасныя, но все-таки и въ стихахъ и въ повѣстяхъ онъ былъ только литераторомъ, и совсѣмъ не поэтомъ. Гдѣ жъ тутъ возможность какого-нибудь сравненія? Сказать, что Пушкинъ выше Державина — тутъ есть смыслъ, потому-что Державинъ поэтъ и Пушкинъ поэтъ; но сказать, что Пушкинъ выше Карамзина — это чистая нелѣпость, потому-что Карамзинъ былъ только стихотворецъ, а не поэтъ, а Пушкинъ былъ поэтъ. Сравниваются предметы однородные; можно сказать, что шампанское лучше донскаго, или, пожалуй, и рейнвейна (хоть это и совсѣмъ различныя вина); но нельзя сказать, что шампанское лучше телки... Карамзинъ въ своихъ стихахъ былъ только стихотворцемъ, хотя и даровитымъ, но не поэтомъ; такъ точно и въ повѣстяхъ, Карамзинъ былъ только беллетристомъ, хотя и даровитымъ, а не художникомъ, — тогда-какъ Гоголь въ своихъ повѣстяхъ — художникъ, да еще и великій. Какое же тутъ сравненіе?... Фельетонистъ увѣряетъ, что «просвѣщенные Нѣмцы, Финляндцы и Поляки находятъ наслажденіе только въ чтеніи сочиненій Карамзина и писателей его эпохи и не могутъ постигнуть тѣхъ прелестей, которыми постоянно востыщаются наши журналы, служащія отголоскомъ литературной партіи, называющейя *новыми поколѣніемъ*, къ которому примкнули(?) нѣсколько старыхъ писателей, не имѣвшихъ успѣха во время полной своей дѣятельности». Мы не знаемъ, о какихъ это старыхъ писателяхъ, примкнувшихъ къ новому поколѣнію, говорить г. фельетонистъ, ни того, какая литературная партія называется у насъ новымъ поколѣніемъ, и какая старымъ, — а потому не будемъ раз-

гадывать этих загадок. Равнымъ образомъ, мы не знаемъ и не можемъ знать, одного ли Карамзина и писателей его эпохи читаютъ просвѣщенные Нѣмцы, Филандцы и Поляки, презирая новыхъ писателей, какъ-вы Жуковский, Пушкинъ, Грибоедовъ, Лермонтовъ и Гоголь: кто знаетъ вкусъ людей, разсѣянныхъ по лицу такихъ совсѣмъ-небольшенькихъ земель, какъ Польша, остзейскія губернія и Филандія? Но-крайней-мѣрѣ мы за это не беремъ. Если же это правда, мы поздравляемъ просвѣщенныхъ Нѣмцевъ, Филандцевъ и Поляковъ, и не хотимъ имъ мѣшать въ такомъ невниманномъ удовольствіи. Мы сами въ дѣтствѣ были такъ счастливы отъ чтенія Карамзина и современныхъ ему писателей, и даже теперь иногда заглядываемъ въ ихъ сочиненія, которыя интересуютъ насъ, какъ мемуары эпохи, которой мы не застали.

Далѣе, г. фельетонистъ говоритъ о зависти къ талантамъ и стремленіи къ ихъ униженію, намекая на насъ. Но какихъ писателей унижали мы? Назовите ихъ. Рѣшительно никакихъ, ни старыхъ, ни новыхъ. Крыловъ, конечно, не новый писатель, потому-что пользовался славою въ то время, когда мы еще и не родились, — и по нашему мнѣнію, Крыловъ въ своемъ родѣ, т. е. въ баснѣ, дошелъ до такого же совершенства, какъ Пушкинъ, Грибоедовъ, Лермонтовъ и Гоголь въ своемъ родѣ. Если бы кто въ наше время сталъ писать басни по влеченію таланта, мы первые посоветовали бы ему выучить навзустъ дедушку Крылова; но въ другихъ родахъ, мы указали бы молодому таланту не на Карамзина, а на Пушкина, на Лермонтова, на Гоголя, советуя не быть незнакомымъ ни съ Державиннымъ, ни съ Фонвизиннымъ, ни съ Дмитриевымъ, ни съ Озеровымъ, и тѣмъ болѣе ни съ Жуковскимъ (какъ гениальнымъ переводчикомъ, создавшимъ себѣ свой языкъ и свой стихъ, достойные глубокаго изученія) и Батюшковымъ, да кое-съ-кѣмъ еще и изъ новыхъ.

Странно, однакожь! Г. фельетонистъ почему-то какъ-будто небѣгаетъ унижать имя Пушкина и все толкуетъ, вотъ уже сколько времени, объ одномъ Карамзинѣ и современныхъ ему писателяхъ. Тутъ что-то не даромъ! И какъ сдается, что фельетонистъ хлопочетъ не столько о Карамзинѣ (который вовсе не нуждается въ его защитѣ), а о другихъ писателяхъ, не столь старыхъ, но уже и далеко не молодыхъ, — на-примѣръ, объ авторѣ *Нева* и *Петра Выжикимылъ*... Право, такъ! Но кто же станетъ завидовать романамъ г. Булгарина? Въ свое время они могли на минуту показаться новыми, и потому воспользоваться минутнымъ успѣхомъ; но имъ былъ нанесенъ страшный ударъ еще романами гг. Загоскина и Лажечникова, а появленіе Гоголя просто заставило публику даже совсѣмъ забыть, что были на свѣтѣ романы г. Булгарина, и что она, публика, не то читала ихъ когда-то и гдѣ-то, не то слышала о нихъ отъ кого-то. Неужели же молодое поколѣніе должно читать ихъ и по нимъ учиться писать... Но довольно о романахъ г. Булгарина: имъ люди снисходительны и сдѣлаютъ латинскую послословицу *de mortuis aut bene, aut nihil*...

Къ совершенію всего, г. фельетонистъ позволилъ себѣ отпустить слѣдующую изъидвную фразу на счетъ «Иллюстраціи», издаваемой г. Кукольникимъ, а «Отеч. Записокъ»: нападая на дурной вкусъ «Иллюстраціи», перечатавшей изъ «Отеч. Записокъ» стихотвореніе *Хасрома*, фельетонистъ говоритъ: «Мы бы не прикоснулись ни къ «Иллюстраціи, ни къ *Отеч. Запискамъ*, чтобъ не уподобиться *Хасрому* Крылова, искавшей только сора въ барскихъ палатахъ, еслибъ и проч. Нельзя не согласиться, что эта фраза какъ-будто подслушана фельетонистомъ у какой-нибудь *Хасромы*... Далась же ему эта *Хасрома*! И за что это онъ такъ ополчился на нее, какъ-будто на самаго страшнаго врага своего?...

★

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

65) *La Valseuse ou L'Amour et la Musique* (Баркарола или Любовь и Музыка). *Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, текстъ* Скриба, *музыка* Обера.

Парискій дворъ въ состояніи бѣшеной меломаніи: баркарола въ устахъ всѣхъ, отъ послѣдняго бѣдняка до перваго министра. Первый министр, который подражаетъ во всемъ герцогу Ришельё, волокита, волочится за великой герцогиней, именно потому что Ришельё влочился за Анной-Австрійской. Графъ Физело влюбленъ въ дочь перваго министра, которую обожаетъ также и бѣдный музыкантъ Фабіо, побочный братъ графа. Первый министр приказалъ нѣкому Кафарелли, соборному органисту и сосѣду Фабіо, сочинить объясненіе, которое завтра хочетъ онъ положить въ рабочую корзину герцогини. Кафарелли беретъ мотивъ, который онъ считаетъ сочиненіемъ Фабіо, когда этотъ мотивъ сочинилъ его снѣтальнымъ братомъ, отдавшимъ его Фабіо для просмотра и исправленія. Это—первая баркарола. Министръ осмѣлился положить ее въ корзину, и великій герцогъ увидалъ ее тамъ. Онъ ревнуетъ, онъ страшенъ въ своей ненависти; онъ ищетъ автора этого объясненія. Министръ, разумѣется, и не сказывается; вина падаетъ на Фабіо, который, вовсе безъ намеренія, рассказываетъ, что авторъ баркаролы—его братъ. Графъ оказывается соперникомъ министра, и этотъ послѣдній очень-радъ случаю погубить его. Онъ заключаетъ графа въ парискую цитадель. Дочь министра оскорблена точно такъ же, какъ отецъ, ибо Клелія любитъ графа. Фабіо въ отчаяніи; онъ рѣшается на все, чтобъ спасти брата вмѣстѣ съ племянницею Кафарелли, которой сердцемъ онъ влѣ-

дѣетъ, самъ того не подозревая. Джина—ниа прекрасной Шведки, была ангеломъ-хранителемъ Фабіо, который самъ, впрочемъ, спасъ ее отъ большой опасности, думая спасти Клелію, дочь перваго министра. Она была въ каретѣ Клеліи, когда Фабіо остановилъ лошадей, которыя несли карету въ пропасть. И часто, въ жилетѣ молодого человѣка, съ этого времени, какъ-нибудь чудомъ, являлись золотыя монеты... Но Фабіо подслушиваетъ разговоръ о немъ Джинны, и съ той минуты, отрывается отъ любви къ Клеліи, и думаетъ только объ освобожденіи брата. Надобно непремѣнно говорить съ первымъ министромъ и напугать его; но ни его, ни Джину не пускаютъ во дворецъ. Чтò жъ дѣлать Фабіо? При дворѣ назначенъ концертъ; онъ переписываетъ для оркестра баркаролу и кладетъ ее на юпитръ музыкантовъ. Вдругъ уши великаго герцога поражены этою несносною для него музыкою. Первый министр выходитъ изъ дворца, чтобъ велѣть замолчать музыкантамъ. Этого только и ждалъ Фабіо. Онъ останавливаетъ министра, и знает его тайну, очень-легко устраиваетъ все дѣло такъ, что братъ его женится на Клеліи. Интрига пьесы ведена чрезвычайно-искусно; музыка отличается всѣми обыкновенными достоинствами Обера.

66) *Napoléon* (Наполеонъ), *драма въ пяти дѣйствіяхъ и десяти картинахъ, соч. и. Автони Бери и Дюмерсона.*

Можно ли представить себѣ что-нибудь скучнѣе, какъ смотрѣть театральныя движенія пятнадцати или двадцати человѣкъ, приправленныя гренадерскими ругательствами? можетъ ли быть что смѣшнѣе, какъ слѣдовать за этою арміею въ ея переходахъ по горамъ и рѣкамъ, театральнымъ, разумѣется, смотрѣть на штурмъ полотняныхъ городовъ — и въ заключеніе всего, видѣть въ грубой карриатурѣ величавую фигуру великаго импера-

тора въ образѣ антира Гобера? Содержаніе этой чудовищной драмы нельзя и пересказывать.

67) *UNE SOIRÉE À LA BASTILLE* (Вечеръ въ Бастиліи), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. г. Адриана де-Курсель.

Герцогъ Ришельё, воспитанный Вольтеромъ, слишкомъ дорого заплатилъ за эту честь. Театръ завладѣлъ имъ совершенно и приписалъ ему тысячу небывалыхъ приключеній. Въ-самомъ-дѣлѣ, Ришельё — это Алкивиадъ XVIII вѣка, человекъ съ тысячею фizioноміями, о которомъ можно говорить все доброе и все худое, не боясь никогда сказать слишкомъ-много. Самый первый, самый смѣлый изъ всѣхъ этихъ опасныхъ и блестящихъ умовъ, которые св. Августинъ называетъ *praedicatores verpentis*, онъ всегда то, чѣмъ хочетъ быть; онъ въ состояніи даже дѣйствовать согласно съ разсудкомъ и какъ честный человекъ; еще болѣе, онъ былъ бы всегда таковъ, еслибъ присутствовала всегда воля Людовика XIV. Но нѣтъ ея, и Ришельё является съ другою фizioноміею: въ немъ все блестяще, но все опасно, его ничто не останавливаетъ и ничто не изумитъ... Онъ является и въ этой комедіи. Здѣсь его вторично сажаютъ въ Бастилію. Онъ уже разъ познакомился съ этимъ пріятнымъ мѣстоцъ за дуэль, которую читалъ, выходя изъ Оперы; но его освободили черезъ два мѣсяца. Во второй разъ — дѣло серьезнѣе прежняго: четыре письма, написанные къ кардиналу Альберони, вынуждали его въ заговоръ Селлямара, и регентъ сказалъ, что хотя бы у г. Ришельё было четыре головы, то, по его приказанію, могутъ упасть и всѣ четыре. Но регентъ — человекъ добрый: онъ не хотѣлъ бы отнять г-на Ришельё у дамъ и у двора; онъ слишкомъ монилизируетъ съ этимъ молодымъ человекомъ, достойнымъ быть бдѣннѣе изъ его вѣкъ. Хотя Ришельё обвиненъ въ государственной измѣнѣ, но регентъ, увлеченный своею сла-

бостью, позволяетъ носить къ нему въ тюрьму книги, триактракъ и пазлочель; такимъ-образомъ и самая Бастилія дѣлается не такимъ ужаснымъ мѣстомъ, чѣмъ болѣе, что когда г. де-Ришельё прогуливается на платоэри, всѣ придворныя дамы поочередно гуляютъ подъ нею. Дѣвица де-Донё, какъ и герцогиня де-Мель, вынуждены въ этотъ заговоръ и кружаты въ тюрьмѣ всѣмъ головами. Буклавидъ, арестованный также за этотъ заговоръ, является въ нее. Губернаторъ тюрьмы считаетъ ей четверостишія: г. де-Ришельё не можетъ, разумѣется, въ этомъ не участвовать; онъ слышитъ, какъ Дѣвица де-Донё поетъ пѣсню подъ окномъ; онъ начинаетъ также пѣть; она поетъ о свободѣ, онъ о любви; но, разумѣется, они скоро поймутъ другъ друга. Ришельё нужно удалить своего соперника Буклавидо. Онъ вѣнчалъ, что Буклавидъ не слишкомъ храбръ; онъ заставляетъ его пѣть съ собою превосходный чересъ, и тотъ называетъ ся и дѣлаетъ тысячу глупостей, которыя дѣвица де-Донё видитъ и слышитъ изъ окна. Когда Буклавидо оконпрометировалъ себя достаточно, Ришельё, получившій прощаніе, заставляетъ его, вѣнство себя, въ своей плащѣ вынести изъ Бастиліи, и остается побѣдителемъ. Комедія, хотя и первое произведеніе молодого человека, ведена умно и живо.

68) *LE CLAMOEN* (Камоненъ), драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. и. Перро и Арнапа Дюмениль.

Камоненъ, въ своей «Лурядѣ», разсказывалъ о смерти Пачеко Перейры, побѣдителя въ семи битвахъ, во-кляцавъ: «люди, которые замѣщали короля и отечество, будутъ умирать въ госпиталяхъ». Камоненъ былъ пророкомъ, говоря такимъ образомъ. Ему, какъ и Перейрѣ, назначена была эта участь. Камоненъ жилъ въ самую рыцарскую эпоху Португаліи. Слѣдъя аптомцы Лиссабона стремившемъ въ новыя мѣры, по отдаленнымъ морямъ. Камоненъ участвовалъ въ этихъ ново-

дети и цѣль ихъ. Говорятъ, что онъ любилъ знатную даму, Катарину д'Аманде, и потому Индіанину, по имени Барбару. Авторы новой драмы оставили въ сторонѣ Индіанину, чтобъ не затмить образа Катаринны. По праву авторовъ, они надѣлили Катарину ея жею пламенною любовью къ поэту и дали ей въ мужа министра короля Себастиана, — короля, который отправился въ Африку за героическою и безумною смертью. Поэтъ и министр борются другъ съ другомъ за любовь этой женщины; король помогаетъ поэту: онъ изгоняетъ своего министра-инфинна, который продаетъ Португалію Испаніи; но судьба побѣждаетъ; Португалия въ такомъ состояніи, что королю некогда думать о поэтѣ и его любви. Оставленный войми, кромѣ друга своего Антонію, Камонсъ умираетъ въ бѣдности. Къ счастью и утѣшенію его, Катарина отравляется и раздѣляетъ его жребій. Драма имѣла успѣхъ.

69) JEANNE ET JEANNETON (Анна и Аннушка), комедія *en deux actes* действительна, соч. Скриба и Варнера.

Въ одной бѣдной хижинѣ живутъ двѣ молодые дѣвушки, Анна и Аннушка, двѣ дочери честнаго работника Галюшѣ. Анна получивъ въ недѣлю пятнадцать франковъ, хотя прожила уже семьнадцать. Но Галюшѣ завидиается по отцѣмъ — и дѣвушки также. Анна чрезвычайно-жива и весела, и въ нее влюбленъ герцогъ, — но нельзя вести себя лучше и сиромѣе ея, хотя она и воекетка. Аннушку любитъ сынъ золотыхъ-дѣлъ-мастера, Комбера, и она противится нешѣ Анны. Вы думаете, что увидите на сценѣ что-нибудь въ родѣ обыкновеннаго пеллаго вохмщенія. Ошиблись — вы еще не знаете Скриба. Интрига замышляется. Жена Галюшѣ была пріятельницею г-жи де-Валенкуръ, аристократки старыхъ временъ. Валенкуръ, капитанъ великой арміи, убитъ при Ватерло; жена его родила дочь и потому умерла. Въ токъ же годъ родила и г-жа Галюшѣ;

и черезъ восемь дней она унесла съ собою двухъ дѣтей, потому-что г-жа Валенкуръ умерла. У Галюшѣ — двѣ дочери; которая изъ нихъ его дочь, онъ этого не знаетъ, да и не беспокоится о томъ. Но у дѣвицы Валенкуръ есть бабка, г-жа д'Урвилльеръ, которая ищетъ и находить внучку въ Аннѣ, по нѣкоторымъ примѣтамъ.

70) LE PETIT ROUSSET (Малычикъ съ Пальчикъ), *пять картинъ*, соч. и. Дюмануара и Клервилля.

Эти пять картинъ написаны для извѣстнаго карлика, называемаго генераломъ Томомъ Пусомъ, и Парижъ апплодировалъ ему въ этомъ представленіи.

71) LA TOUR DE FERRADE (Феррарская Башня), драма *en пяти дѣйствіяхъ*, соч. и. Карла Лафона и Соважа.

Эта башня заключаетъ въ себѣ около пятнадцати лѣтъ герцогиню Маргариту и сына ея, Астольфа. Какое преступленіе было причиною этого? Никакое. Альфонсъ I, герцогъ феррарскій, названный итальянскимъ *Людвигомъ XI*, боится своего наследника, — и вотъ причина заключенія молодого Астольфа. Альфонсъ, по завѣщанію, оставляетъ вѣнецъ своему двоюродному брату, Андреа, который, не желая долго ждать его, отравилъ своего генерала и послѣ его смерти объявилъ себя наследникомъ въ силу завѣщанія. Но здѣсь начинается новая исторія. Хитрый Альфонсъ сдѣлалъ завѣщаніе только для того, чтобъ дать Андреа надежду, а между-тѣмъ оставилъ другое въ пользу законнаго наследника, и хотя нѣсколько ошибся въ расчетахъ, но тѣмъ не менѣе завѣщаніе существуетъ. Разумѣется, послѣ многихъ перемѣнъ судьбы, благодаря теоріи мелодрамъ, пороки наказываются и добродѣтель торжествуетъ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РОДА ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.—Среди этого множества созданій, населяющихъ поверхность нашей планеты, первое мѣсто по организаціи занимаетъ классъ млекопитающихъ. Этотъ классъ самый малочисленный; роды и виды его намъ совершенно-извѣстны, — и наши настоящія заключенія относительно географическаго распредѣленія этого класса, можно сказать, не измѣнятся, если даже повдѣйшіе натуралисты прибавятъ къ нему еще нѣсколько совершенно новыхъ группъ.

Мы теперь знаемъ около двухъ-сотъ родовъ млекопитающихъ. Между ними сто-шестьдесятъ составляютъ животныя спеціальныя, которыхъ существованіе ограничивается извѣстною мѣстностью, извѣстною страной, двадцать живутъ во всѣхъ полосахъ и двадцать свойственны только поясамъ умѣренному и жаркому. Сорокъ родовъ, слѣдственно, не подходятъ подъ одну норму съ наибольшимъ количествомъ; исключеніе слишкомъ-большое! Но обратимся къ этимъ родамъ, которые состоятъ изъ животныхъ космополитныхъ, мы найдемъ, что въ строгомъ смыслѣ они не составляютъ исключенія, потому-что тѣ же самые законы управляютъ видами этихъ родовъ: существованіе этихъ видовъ такъ же ограничивается извѣстною мѣстностью, извѣстнымъ климатомъ. Такимъ-образомъ, родъ медвѣдей распространенъ на всей поверхности земнаго шара; но бѣлый медвѣдь составляетъ только принадлежность сѣверныхъ полярныхъ странъ; другіе виды его живутъ въ климатѣ умѣренномъ, въ гористыхъ мѣстностяхъ Европы и Америки; наконецъ медвѣдь малайскій встрѣчается только въ знойномъ климатѣ.

Эта неподвижность, привязанность къ одному мѣсту, свойственная соза-

нѣе въ млекопитающихъ животныхъ, которыя живутъ въ океанѣ. Вода не представляетъ никакихъ препятствій: здѣсь нѣтъ этихъ мѣстныхъ условий, мѣстныхъ обстоятельствъ, которыя и сумѣе разнообразятъ климатъ *ad infinitum*, даже подъ однимъ параллельнымъ кругамъ; здѣсь температура почти-одинакова, измѣняется нечувствительно только по градусамъ широты; но эти градусы едва-замѣтны; кромѣ того, водныя млекопитающія имѣютъ сильныя органы движенія. Все это невидимому заставляеть предполагать, что во всѣхъ климатахъ, во всѣхъ широтахъ, отъ одного полюса до другаго, мы будемъ находить въ океанѣ одинакіе роды, одинакіе виды. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Между водными хищными млекопитающими иными живутъ исключительно въ сѣверныхъ моряхъ, а именно роды — тюлень желтый, моржъ; южныя же моря заселяютъ отарія, узурорыль, ширококрыль. Всѣ млекопитающія, слѣдственно, имѣютъ опредѣленное мѣстожителство на земномъ шарѣ и не переступаютъ за границы его; и каждая страна въ этомъ отношеніи носитъ на себѣ особый отпечатокъ. Какой контрастъ представляютъ млекопитающіе старго и новаго-свѣта! какое рѣзкое различіе находимъ между специфическими животными Новой-Голландіи и Мадагаскара!

Причина усидчивости, осѣлости млекопитающихъ заключается въ ихъ самихъ, — въ ихъ темпераментѣ, въ ихъ внутренней организаціи, которая тѣсно связана съ окружающимъ миромъ; и точно, въ этомъ мирѣ, который ихъ окружаетъ, они находятъ для себя все необходимое для ихъ существованія; природа совершенно предупредила всѣ ихъ потребности. Негласное — истиннѣе, — эта слѣпая, невольная сила, привязываетъ ихъ къ мѣстности, гдѣ въ первый разъ они родились.

Въ человѣческомъ родѣ представляются намъ исключенія изъ общего за-

са млекопитающих; но эти отступления, во-первыхъ, слишкомъ-малочисленны и, во-вторыхъ, нисколько не измѣняютъ первобытнаго характера творения.

Въ-самомъ-дѣлѣ, рассматривая отрядъ дву-рукихъ въ отношеніи географическомъ, мы находимъ и здѣсь тотъ же инстинктъ, который человѣка привлекаетъ къ одной мѣстности. Въ дикомъ его состояніи привязанность къ своей землѣ, къ своему климату обнаруживается сильнѣе, нежели у прочихъ млекопитающихъ. Перевезите дикаго человѣка въ другую страну изъ его родины, онъ сохнетъ, чахнетъ, умираетъ. Это заключеніе слѣдуетъ изъ тысячи примѣровъ. Дикій человѣкъ не разстанется съ самою бесплодною почвою, съ самымъ суровымъ климатомъ; не пойдетъ искать плодородныхъ земель, климата благопріятнаго, и Гренландецъ не проявляетъ своихъ вѣчныхъ мятелей и китоваго жира на комфортъ цивилизованнаго человѣка.

Отъ дикаго перейдемъ къ полуобразованному состоянію: здѣсь также истиннѣе этотъ находимъ во всей первобытной его силѣ. Кому неизбѣстны печальныя слѣдствія ностальгивъ молодой крестьянинъ, котораго мѣстныя учрежденія часто отрываютъ отъ родимой земли, томится, чахнетъ и умираетъ, повторяя тихонько названіе своей родины; а покажите ему только эту родину, и онъ опять здоровъ.

Этотъ инстинктъ мы даже встрѣчаемъ у народовъ, которые достигли высшей степени цивилизаціи: онъ только принимаетъ другое названіе — названіе любви къ отчизнѣ, чувства, изъ-за котораго люди образованные проливаютъ кровь и жертвуютъ жизнью. Иногда, впрочемъ, страсть къ открытіямъ, любостыжаніе пересиливаютъ и это чувство; человѣкъ тогда бросаетъ свое отечество, но все-таки съ надеждою вернуться и еще разъ его увидѣть.

Истиннѣе этотъ есть главная причи-

на, еще многіе народы живутъ въ мѣстахъ, которыя были ихъ колыбелью. Такимъ-образомъ низкая степень образованности племенъ, населяющихъ теперь Америку, Океанію и большую часть Африки, отсутствіе исторіи и преданій, — все заставляетъ предполагать, что они никогда не покидали своего мѣстожителства. Другое явленіе по-видимому представляетъ старыи свѣтъ. Здѣсь войны, колонизація, шестствіе чужестранныхъ народовъ, должны пронести смѣшеніе между первородными племенами и стереть такимъ-образомъ всякій слѣдъ первобытныхъ типовъ.

Но многіе этнографы утверждаютъ, и совершенно-справедливо, что и въ старомъ-свѣтѣ первородныя племена до-сихъ-поръ еще обитаютъ въ тѣхъ-самыхъ мѣстахъ, гдѣ исторія нашла ихъ въ первый разъ. Сравнительное изученіе языковъ привело къ этому заключенію Кларота, Ремюза и Бальби. Демуленъ, Борн-де-Сан-Винсенъ, Эдвардсъ дошли до него же, сравнивая характеры зоологическіе.

Результатъ этотъ очень-важенъ въ историческомъ и географическомъ отношеніи. Бросимъ теперь взглядъ на обиталища различныхъ отраслей рода человѣческаго: — этотъ географическій очеркъ наведетъ насъ также на новыя замѣчательныя заключенія, очень-важныя собственно для естественной исторіи человѣка.

Восточная часть Азіи отъ 65° сѣверной широты почти до самаго экватора представляетъ всѣ степени температуры, начиная отъ стужи полярной до жгучаго зноя жаркаго пояса. Всѣ возможныя условія, измѣняющія господствующій климатъ, какъ то: огромныя рѣки, горныя цѣпи, обширныя обработанныя равнины, лѣса — соединены на этомъ пространствѣ, которое населяется однимъ монгольскимъ племенемъ. На сѣверѣ живутъ народы этого семейства, имѣющіе смуглый

Другая половина сѣвернаго материка, Европа и остальная Азія, можетъ быть раздѣлена на двѣ части: сѣверную и южную; первая тянется отъ арктическаго полярнаго круга до 45 или 50 градуса сѣверной широты, то-есть отъ Скандинавіи до Каспійскаго Моря; адѣсь живетъ грунна людей бѣлокуроыхъ, бѣлолицыхъ, румыныхъ, голубоглазыхъ и проч. Южная часть идетъ отъ Острововъ-Британскихъ до Бенгала и конечности Индостана. Жители этого обширнаго пространства имѣютъ волосы черные, блестящіе, лицо круглое, и проч.

Африка отъ 25 градуса сѣверной широты до 33 градуса южной широты, населена людьми болѣе или менѣе черными; волосы у нихъ кудрявые, шерстистые. Жители туземные составляютъ множество поколѣній, рѣзко различающихся между собою.

Средству Африки занимаютъ Фула-сы, люди желтокожіе.

По всей длинѣ Америки, начиная отъ 60 градуса сѣверной широты до 55 градуса южной широты, то-есть до мыса Горна, живетъ множество поколѣній, въ общихъ характерахъ совершенно-похожихъ на племена старогосвѣта; только въ немногихъ частныхъ признакахъ представляютъ они слабое отличіе, которое многіе натуралисты нашего времени, однакожъ, приняли за отличіе видовое, и такннхъ-образомъ составили изъ всѣхъ этихъ поколѣній цѣлое, отдѣльное племя.

Новая Голландія, послѣ этихъ материковъ, самая обширная часть свѣта. Здѣсь, отъ 10 градуса до 40 южной широты, живутъ люди черные съ отвратительною наружностью; волосы у нихъ не шерстанистаго свойства, какъ у негровъ африканскихъ, а только жесткіе и кудрявые.

Южнѣ лежатъ Фан-Дименова-Земля. Климатъ на этомъ островѣ умеренный, почти такой же, какъ и во Франціи и, удивительное дѣло! жители его совершенно - непохожи на Ново-Голландцевъ, но болѣе приближаются къ поколѣніямъ африканскимъ.

Еще южнѣ находится Новая-Зеландія. Здѣсь начинается красивое племя малайское, смуглолицое, съ волосами черными и блестящими, съ лицами круглыми. Племя малайское начинается отъ 50 градуса южной широты и доходитъ до экватора: оно населяетъ огромное пространство шириною почти въ 300 верстъ, разбитое на бесчисленное множество островковъ, и нигдѣ не имѣетъ своихъ зоологическихъ характеровъ—цвѣта кожи и наружныхъ формъ.

Этотъ бѣлый топографическій взглядъ, кажется, достаточно свидѣтельствуетъ, что каждая грунна людей, —назовите ее племенемъ, видомъ, всеравно,—можетъ жить въ различныхъ даже противоположныхъ климатахъ, сохраняя свой типъ, не имѣя зоологическихъ характеровъ.

Истина эта, въ которой убѣдится всякій при первомъ взглядѣ на глобусъ или карту, уничтожаетъ совершенно положеніе Бюффона и Флурана, что цвѣтъ кожи зависитъ отъ температуры.

Различіе въ цвѣтѣ кожи, которое досихъ-поръ считали главнымъ, лучшимъ признакомъ для дѣленія рода человеческого, совсѣмъ не имѣетъ такой важности и не такъ постоянно, какъ полагали и полагаютъ вообще натуралисты.

Въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ въ такъ-называемомъ кавказскомъ племенн цвѣтѣ кожи не представляетъ всѣхъ оттѣнковъ, начиная отъ бѣлаго до самаго чернаго? Финны, Славяне имѣютъ бѣлый цвѣтъ кожи и волосы бѣлокурые, а жители Малабара черны какъ негры воионскіе; среднну между ними представляютъ Кельты, Иберы, имѣющіе бѣлнну матовую и волосы черные,—смуглые Арабы и различные народы Индіи.

У восточныхъ азіатскихъ народовъ, которыхъ относятъ къ монгольскому племенн, мы находимъ опять тѣ же самые оттѣнки, начиная отъ совершенной бѣлнны, соответствующей болѣе-

ной бѣдности Европейцевъ, до черно-го негра.

Наконецъ, самые негры представляють множество переходовъ въ цвѣтъ кожи: Готтентоты и Бошиманы желты, какъ и многие монгольскіе народы. Эеіопцы—совершенно-черные. Что касается до цвѣтовъ краснаго, желтаго, мѣдно-краснаго, которые, собственно говоря, суть оттѣнки одного и того же цвѣта черно-желтаго, то мы находимъ ихъ, безъ различія, въ одинаковой степени у Арабовъ, Индусовъ, Китайцевъ, австраійскихъ негровъ, Американцевъ и Маллінеговъ, то-есть, во всѣхъ почти племенахъ.

Изъ всего этого можно смѣло заключить:

1) Что цвѣтъ кожи—характеръ не точный, который нельзя принять за основу для раздѣленія рода человѣческаго.

2) Что названія племенъ—кавказское, негрское, эеіопское не соответствуютъ бѣлому, черному и желтому.

3) Что эти послѣднія названія, какъ несомнѣнно значенія ложное, должны быть изгнаны изъ науки.

УЧАСТІЕ ПОДЖЕЛУДОЧНОЙ ЖЕЛЧЫ ВЪ ПРОЦЕССѢ ПИЩЕВАРЕНІЯ. *Новое продолженіе изслѣдованій Бушардъ и Сандра.*—Пищевареніе крахмалистыхъ и сахаристыхъ веществъ совершается въ тонкихъ кишкахъ, откуда переходятъ продукты ихъ превращенія въ вѣтки приворотной вены. Это былъ конечный результатъ первыхъ изслѣдованій гг. Бушардъ и Сандра, съ которыми познакомили мы читателей во второй книжкѣ «Отчественныхъ Записокъ» нынѣшняго года. Оставалось еще французскимъ физиологамъ изучить, при какихъ условіяхъ превращается крахмалъ? какая жидкость совершаетъ это превращеніе? какой органъ отдѣляетъ эту жидкость? Рѣшеніе этихъ важныхъ вопросовъ составляетъ содержаніе послѣдшаго демуара, который представили Бушардъ и Сандра Па-

рижской Академіи Наукъ и который вкратцѣ намѣрены мы здѣсь сообщить читателямъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы привели наблюденія Міаля надъ пищевареніемъ крахмалистыхъ веществъ. Міаль утверждалъ, что слюна или, точнѣе, особое вещество, находящееся въ ней, дѣйствующее на подобіе діастаза, разлагаетъ и растворяетъ крахмалистыя вещества. Бушардъ и Сандра въ-половину только согласны на это заключеніе Міаля. «Слюна» говорятъ они: «точно можетъ превращать крахмалъ, и фактъ этотъ не новость: наблюденія Бурлаха, Лейкса, Демарэ, Швапа давно уже утвердили его въ физиологіи; но она не принимаетъ никакого участія въ процессѣ пищеваренія крахмалистыхъ веществъ, потому-что мы въ пищеводѣ и въ желудкѣ находимъ эти вещества совершенно-неизмѣнившимися.»

«Сокъ, отдѣляемый поджелудочною желѣзою (pancréas), продолжаетъ они: «какъ показываютъ наши наблюденія, исключительно совершаетъ превращеніе крахмала.»

До-сихъ-поръ неизвѣстно было прямое назначеніе поджелудочнаго сока. Мы совершенно не знаемъ, какъ поступается пища въ тонкихъ кишкахъ; здѣсь дѣйствуютъ на нее желчь, поджелудочный сокъ, сокъ, отдѣляющійся изъ слизистой внутренней оболочки кишокъ; но какіе производятъ они химическіе процессы?—это отъ насъ скрыто. Опыты Бушардъ и Сандра раскрыли отчасти эту физиологическую тайну и показали настоящее назначеніе поджелудочнаго сока.

Перейдемъ къ этимъ опытамъ.

Бушардъ и Сандра первоначально брали поджелудочный сокъ прямо изъ желѣзы: они обвязали ее, тщательно отдѣляли ея выводящій каналъ, перерѣзывали его тамъ, гдѣ онъ вливается въ двѣнадцатиперстную кишку, и черезъ него выжимали сокъ, который приготовляетъ желѣза.

Этотъ сокъ, какъ открыли они, прозрачный, вязкій; онъ растворяетъ крахмальный клейстеръ и превращаетъ

его въ сахаръ; съ алкоголемъ чистымъ этотъ сокъ даетъ осадокъ, который совершенно такъ же разлагаетъ клейстеръ, какъ и самый сокъ.

Осадокъ этотъ, по-видимому, есть главная причина, превращающая крахмалистыя вещества въ тонкихъ кишкахъ.

Прямо изъ желѣзы Бушардъ и Сандра получили небольшое количество сока, котораго не ставало нигдѣ для опытовъ; но они другимъ способомъ умѣли извлечь дѣйствующій элементъ поджелудочнаго сока.

Изрубленная желѣза, нашли они, обрабатываетъ клейстеръ въ бесвязную жидкость; что это свойство принадлежитъ не всѣмъ желѣзнымъ тканямъ, Бушардъ и Сандра удостовѣрились опытами надъ печенью, языкомъ, пропитаннымъ еще слюною, подязычными желѣзками, которыя не оказывали никакого дѣйствія на клейстеръ; изъ этого прямо они заключили, что ткань поджелудочной желѣзы только одна разлагаетъ крахмалъ и можетъ, слѣдовательно, служить источникомъ для добыванія дѣйствующаго элемента поджелудочнаго сока.

Въ-самомъ-дѣлѣ, если изрубить поджелудочную желѣзу и развести водою, мы получимъ жидкость, которая съ алкоголемъ даетъ волокнистый осадокъ, имѣющій свойства одинаковыя съ дѣйствующимъ элементомъ поджелудочнаго сока.

Трудно рѣшить пока, совершенно ли тождественъ этотъ элементъ съ растительнымъ диастазомъ, потому-что его до-сихъ-поръ французскіе физиологи не успѣли получить въ чистомъ видѣ.

Факты, которые мы изложили, кажутся, достаточно доказываютъ, что назначеніе поджелудочной желѣзы — отдѣлять сокъ, разлагающій крахмалистыя вещества. Но пусть читатели не принимаютъ этого заключенія буквально: разлагать крахмалъ, вѣроятно, не есть единственная, исключительная

для показывають, что свойство это раздѣляетъ также и слюна.

ДЫХАНІЕ ЛЯГУШЕКЪ. — Пресмыкающія имѣютъ сердце, не совершенно-разграниченное перегородками; поэтому, кровь не вся, а только извѣстная часть ея переходитъ въ легкія собственно для очищенія; наибольшая же масса ея, безъ всякаго химическаго ииѣненія, распространяется въ организмъ животнаго.

Отсюда непремѣнно слѣдуетъ, что кислородъ въ процессѣ дыханія дѣствуетъ на кровь пресмыкающихъ гораздо-слабѣе, нежели на кровь млекопитающихъ.

Дыханіе даетъ теплоту крови, а ебръ мускульной восприимчивость къ раздраженію нервовъ, и пресмыкающія имѣютъ кровь холодную, мускулы слабѣе несравненно, нежели у четвероногихъ животныхъ и птицъ, ииѣвареніе происходитъ медленно, и въ холодныхъ или умѣренныхъ странахъ всю зиму они проводятъ въ спѣ. Естественную медленность этихъ процессовъ пресмыкающія имѣютъ возможность увеличивать и продолжать такимъ образомъ зимній сонъ на иѣсколько лѣтъ.

Вотъ сколько особенностей представляетъ жизнь пресмыкающихъ, и всѣ онѣ имѣютъ начало, какъ мы видимъ, въ процессѣ дыханія, или, лучше, въ неполной перегородкѣ, разграничивающей сердце. Странно, что до-сихъ-поръ никто, ни одинъ ученый не ииѣслѣдовалъ въ химическомъ отношеніи процесса дыханія пресмыкающихъ, когда онъ, по своему вліянію на организмъ, заслуживаетъ особаго вниманія химиковъ-физиологовъ.

Въ нынѣшнемъ году, въ *Journal für Praktische Chemie* (Журналъ Практической Химіи, томъ XXX, стр. 129), помѣщены наблюденія Маршана о процессѣ дыханія лягушекъ. Кажет-

этого ветропугаго, но въ высшей степени любопытнаго вопроса.

Онъ собственно имѣлъ цѣлью прояснить слѣдующіе пункты:

1) Какъ относятся между собою въ нормальномъ дыханіи количество поглощаемаго кислорода и выдыхаемой угольной кислоты? достаточно ли его для образованія этой кислоты и воды?

2) Какое вліяніе имѣетъ время дня и температура на дыханіе и продукты этого процесса?

3) Какъ измѣняется этотъ процессъ въ кислородномъ чистомъ газѣ, въ замкнутомъ пространствѣ, гдѣ не возобновляется воздухъ, и въ газахъ вредоносныхъ?

4) Какое вліяніе имѣетъ недостатокъ нищи на дыханіе?

Для этого послѣдняго пункта, Маршанъ дѣлалъ наблюденія надъ лягушками, голодавшими вѣскольکو мѣсяцевъ.

Приборъ, который употреблялъ онъ, состоитъ изъ стекляннаго цилиндра, плотно-закрытаго, гдѣ помѣщаются лягушки. Сюда проводится воздухъ чистый черезъ рядъ трубокъ, наполненныхъ сѣрною кислотою, хлористымъ кальціемъ и кали, которые отдѣляютъ отъ него углекислоту и пары воды.

Для своихъ опытовъ, Маршанъ всегда выбиралъ крупныхъ животныхъ и свѣшивалъ ихъ въ цилиндры вмѣстѣ съ жидкими и твердыми испражнениями при началѣ и по окончаніи опыта. Увеличеніе вѣса здѣсь прямо соответствовало количеству поглощаемаго кислорода, потому-что азотъ, поглощаемый также въ атмосферномъ воздухѣ, животныя выдыхаютъ, а не оставляютъ въ своемъ организмѣ.

Количество же угольной кислоты выдыхаемой выводится прямо помощію взвѣшиванія.

Вотъ результаты, которые выводитъ Маршанъ изъ своихъ опытовъ:

1) Лягушки поглощаютъ гораздо-болѣе кислорода, нежели сколько необ-

2) Дневъ углекислоты выдыхаютъ онѣ болѣе, нежели ночью, какъ это отчасти доказалъ уже Праутъ; напротивъ, въ количествѣ отдѣляющихся водяныхъ паровъ не замѣчается разницы. Касательно вліянія температуры, Маршанъ замѣтилъ, что лягушка сильнѣе и чаще дышетъ между шестью и четырнадцатью градусами тепла. При низшей температурѣ (около 0°) или высшей (28°—30°), дыханіе становится слабѣе, и тогда оно — совершенное подобіе обыкновенному сжиганію или горѣнію угольныхъ веществъ, какъ у голодающихъ животныхъ.

3) Количество выдыхаемой углекислоты не измѣняется, когда дышать лягушки, и въ чистомъ кислородномъ. Кислорода же поглощаютъ онѣ замѣтно болѣе. Въ замкнутомъ же пространствѣ, гдѣ воздухъ не возобновляется, Маршанъ нашелъ, что лягушки поглощаютъ азотъ и выдыхаютъ несравненно болѣе угольной кислоты.

4) Въ чистомъ водородномъ газѣ, лягушки могутъ жить по-крайней-мѣрѣ часъ, и въ это время выдыхаютъ очень-немного углекислоты. Въ безвоздушномъ пространствѣ онѣ распухаютъ необыкновенно и живутъ, однакожь, почти пятьдесятъ минутъ.

5) Когда лягушки голодаютъ, процессъ дыханія у нихъ замедляется, кислорода поглощаютъ онѣ все менѣе и менѣе; отдѣленіе угольной кислоты и воды тоже постепенно уменьшается.

ЖИВОТНОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, МУСКУЛЬНЫЕ ТОКИ.—Въ прошедшемъ году, въ іюньской книжкѣ «Отеч. Записокъ» сообщили мы читателямъ описаніе новаго гальваническаго столба изъ голубей, который устроилъ Матеуччи. Цѣлый годъ посвятилъ знаменитый итальянскій физикъ изученію разнообразныхъ явленій, обнаруживаемыхъ этимъ удивительнымъ приборомъ, и въ прошедшемъ мѣсяцѣ сооб-

использі, любовничью результаты своих наблюдений.

Столбъ животный отклоняетъ стрѣлку гальванометра, производя явленія электричествія, правда, едва-замѣтныхъ образомъ; это уже извѣстно нашимъ читателямъ изъ прошлогоднихъ изслѣдованій Матеуччи. Настоящія наблюденія итальянскаго физика опредѣляютъ собственно: имѣютъ ли возможность всѣ животныя отдѣлять электрическіе токи, и потому, зависитъ ли сила этихъ токовъ отъ процесса дыханія, кровообращенія и температуры среды, въ которой животное живетъ.

Матеуччи бралъ для своихъ опытовъ лягушекъ, кроликовъ, собакъ, голубей, и всѣ эти разнородныя животныя, какъ нашелъ онъ, отдѣляютъ электричество. Дѣятельность этого рода, можно довольно-вѣрно заключить, есть общая принадлежность всего животнаго царства. Силу токовъ мускульныхъ Матеуччи наблюдалъ на лягушкахъ, которыхъ бралъ изъ одного пруда и которыя жили, слѣдственно, въ одинаковыхъ обстоятельствахъ.

Порядокъ его наблюдений здѣсь былъ слѣдующій:

Онъ раздѣлялъ этихъ лягушекъ на три группы: одні лягушки служили ему для устройства столба; другихъ посадилъ онъ въ особый приборъ, который опредѣлялъ количество углекислоты, выдыхаемой этими лягушками въ данное время; наконецъ, третьихъ помѣстилъ въ пространство, гдѣ температура постоянно была 16° тепла. Матеуччи пять мѣсяцевъ продолжалъ эти наблюденія и изъ нихъ вывелъ общій результатъ, что сила тока пропорціональна количеству дыханія.

Далѣе, итальянскій физикъ хотѣлъ опредѣлить еще, какое вліаніе имѣютъ различныя газы на силу и продолженіе мускульнаго тока. На этотъ конецъ помѣщалъ онъ свой животный столбъ въ атмосферный воздухъ кислородъ, вод-

ородныхъ срединахъ столбъ его дѣйствовалъ совершенно-одинаково.

Эта равномерность дѣйствія ясно указываетъ, что мускульный токъ беретъ свое начало именно въ мускулѣ. Слѣдующій опытъ доводитъ это заключеніе до совершенной очевидности:

Матеуччи приготовилъ столбъ изъ оболочекъ кишечныхъ, изъ которыхъ слѣзалъ коническія чашечки и наполнилъ ихъ свѣжею фибриною, только что отдѣленною изъ теплой еще крови. Этотъ столбъ не обнаружилъ ни малѣйшаго дѣйствія. Слѣдственно, причина мускульнаго тока заключается именно въ организаціи мускуловъ и въ химическихъ дѣйствіяхъ, которыя совершаются внутри ихъ, когда принадлежатъ они еще живому животному или только-что убитому.

ВЛИАНІЕ ПОЛА ВОЩЕДАВШАГОСЯ НА САМЫЕ РОДЫ. — Извѣстный англійскій акушеръ; Симсонъ, постоянно уже нѣсколько лѣтъ занимаясь сравнительнымъ изученіемъ беременнаго состоянія и родовъ у различныхъ животныхъ. Симсонъ въ своихъ изслѣдованіяхъ имѣлъ нѣль чисто-практическую, — найти только полезныя указанія для своего искусства. Физиологія, исторія развитія животныхъ для него были дѣломъ совершенно-постороннимъ. Трудность родовъ во всѣхъ млекопитающихъ, со всѣми отгѣнками, это была главный предметъ изученія знаменитаго англійскаго акушера.

Эти сравнительныя изслѣдованія привели Симсона на очень-замѣчательное заключеніе, — именно, что развитіе головы зародыша и таза матери находились между собою въ тѣсномъ отношеніи, и малѣйшее уклоненіе котораго — нибудь изъ этихъ органовъ отъ ихъ нормальной величины можетъ быть причиною труднаго и опаснаго рожденія. Это заключеніе большой важности поведло Симсона къ другимъ изслѣдованіямъ тапелъ онъ хотѣлъ опредѣлить, како

веря другими словами, кого труднее и опаснее рожать, мальчиков или девочек? (Здесь принимается въ расчетъ опасность и для матери и для ребенка). Симсонъ успѣлъ рѣшить этого вопросъ совершенно-удовлетворительно.

Задача эта разбивается на двѣ части:

1) Определить количество смертныхъ и опасныхъ случаевъ для матери, принимая въ расчетъ полъ ребенка.

2) Определить количество смертныхъ и опасныхъ случаевъ для самого ребенка.

1) *Опасность для матери.*—Наибольшая смертность между родильницами

бываетъ, когда разрѣшаются оныя мальчиками. Истинность этого предложенія доказываютъ числовыя данныя, заимствованныя изъ списковъ больныхъ, поступающихъ въ дублинскій госпиталь. Тамъ находимъ, что изъ 154 родильницъ умершихъ, 103 родили мальчиковъ и 49 только разрѣшились девочками.

Роды трудные особенно бываютъ также при разрѣшеніи мальчиками, какъ доказываетъ слѣдующая таблица, взятая также изъ показаній дублинскаго госпиталя. Здесь поименованы даже обстоятельства, увеличивающія трудность родовъ.

Трудныя потуги.	109	изъ нихъ	65	мальч.	54	дѣвоч.	148, 100.
Судороги.	28	—	17	—	11	—	153, 100.
Родильн. лихорад.	88	—	54	—	34	—	161, 100.
Разрывъ матки.	34	—	23	—	11	—	207, 100.
Кровотеченія	44	—	31	—	13	—	240, 100.
Щипцы употреблены	24	—	16	—	8	—	200, 100.
Разбитіе черепа.	74	—	50	—	24	—	208, 100.

пропорція изъ-ду мал. и дѣв.

Опасность для ребенка.—Мертвыхъ мальчиковъ родителъ болѣе, нежели девочекъ. Изъ 103 несчастно-рождаемыхъ мальчиковъ, 50 родились мертвыми, а изъ 49 девочекъ несчастно-рождаемыхъ, мертвыхъ было только 16. Для мальчиковъ, слѣдственно, пропорція 49 къ 100; а для девочекъ—34 къ 100.

Эти числа также взяты изъ списковъ дублинскаго госпиталя.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ОРГАНИЧЕСКИХЪ КРАСИЛЬНЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ.—Почти всѣми нашими познаниями о красильныхъ органическихъ веществахъ мы обязаны изслѣдованіямъ французскаго химика-технолога Шеврѣля. Шеврѣль былъ одинъ изъ тѣхъ химиковъ, которые весь ученый свѣтъ върилъ на-слово, въ-точномъ принимая ихъ открытія, не подвергая ихъ строгой критикѣ. До вѣры это было владомъ многихъ важныхъ открытій: въ-самомъ-дѣлѣ, Шеврѣлю обязаны мы точною теоріею дыханія, Шеврѣль изслѣдовалъ жирныя вещества, объяснилъ загадочный про-

цессъ изловаренія, и его монографія жирныхъ веществъ до-сихъ-поръ считалась образцомъ химическихъ аналитическихъ изслѣдованій; наконецъ, Шеврѣль единственный химикъ, который описалъ и разложилъ красильныя органическія вещества.

Наука идетъ впередъ; способы изслѣдованія постоянно усовершенствуются; естественно, въ наше время, когда приборы и инструменты достигли, можно сказать, математической точности; необходимо повторить открытія прошедшаго десятилѣтія. Верещетовъ, который стоить до-сихъ-дѣръ въ главѣ всѣхъ химиковъ, предлѣжилъ недавно подвергнуть новой критикѣ всѣ прежнія свои изслѣдованія. Три года назадъ, А. А. Воскресенскій, профессоръ Санктпетербургскаго-Университета, сдѣлалъ анализъ хинной кислоты, чтобы повторить разложеніе Вокелена, который считался до-сихъ-поръ образцовою аналитическою работою. Третьяго года, подъ руководствомъ Либиха, ученикъ его, Бромейсъ, подвергнулъ вторичному изслѣдованію жирныя вещества, надъ которыми такъ

усѣбно работала Шварцъ; наконецъ, въ прошедшемъ году, Прейссеръ принялся повторять изслѣдованія Шварца надъ красильными органическими веществами.

Въ послѣднемъ номерѣ *Annalen der Chemie und Pharmacie*. (Лѣтописи Химіи и Фармаціи, томъ LII, тетрадь 3) Прейссеръ помѣстилъ любовитыя результаты своей работы.

Шварцъ предпологалъ, что всѣ окрашенные части растений содержатъ въ себѣ различныя красильныя вещества, и потому-то трудно получить ихъ оттуда въ чистомъ видѣ. Основываясь на этомъ взглядѣ Шварца, ложномъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, химики принимали, что красныя краски сопровождаются всегда желтыя, точно такъ же, какъ этия послѣднія сопутствуютъ постоянно же бурныя красильныя вещества.

Прейссеръ собственно изслѣдовалъ красныя и желтыя вещества, и результаты его наблюденій и опытовъ свидѣтельствуютъ, что всѣ они образуются изъ безцвѣтнаго вещества, которое различно измѣняется и принимаетъ различныя цвѣта.

Вотъ какимъ образомъ Прейссеръ умѣлъ извлечь это первородное начало:

Онъ обрабатываетъ красильное вещество водою, алкогольемъ, эфиромъ, или слабымъ водянымъ растворомъ какой-нибудь щелочи и получаетъ такимъ образомъ окрашенную жидкость, къ которой прибавляетъ онъ чистой свинцовой окиси, отъ-чего все красильное вещество осаждается какъ нерастворимый свинцовый лакъ, а жидкость дѣлается безцвѣтною. Этотъ процессъ происходитъ всегда при обыкновенной температурѣ: рѣдко приходится подогревать жидкость.

Свинцовый лакъ получается безцвѣтный или слабо-окрашенный, если краска была не чистая: его обрабатываютъ стрикто-водороднымъ газомъ, который самъ разлагается и разлагаетъ лакъ, при чемъ образуется стринтовый свинецъ и получается жидкость еще совершенно-безцвѣтная; подъ ко-

локолномъ воздушнаго насоса она испаряется и осаждаетъ безцвѣтные кристаллы. Это и есть первородное начало красильнаго вещества.

Если оставить на воздухѣ это первородное начало: оно окрашивается постепенно и принимаетъ въ заключеніи постоянный цвѣтъ, который однакоже исчезаетъ при продолжительномъ дѣйствіи на него свѣта.

Прейссеръ изслѣдовалъ собственно, какъ мы уже выше сказали, только красильныя начала красныхъ и желтыхъ органическихъ красокъ; а именно:

Бразилитъ, извѣстный въ продажѣ подъ именемъ ферриамбука, красильное начало бразильскаго дерева.

Картамитъ — тоже красное красильное начало, находящееся въ цвѣтатѣ европейскаго шафрана.

Сандалитъ — красильное начало краснаго сандалнаго дерева.

Карминъ — красильное начало кошенили, извѣстной краски животнаго происхожденія, отдѣляемой насекомыми червецъ.

Кверцетринъ — желтое красильное начало, находящееся въ корѣ чернаго дуба (*quercus nigra vel tinctoria*).

Лутеолитъ — также желтое красильное вещество, которое Шварцъ получалъ изъ Цереры.

Моринъ — красильное начало желтой шелковицы.

Биксинъ — желтое красильное начало растенія биксы-орлеанской.

Рамнинъ — желтое же красильное начало, находящееся въ ягодахъ различныхъ породъ крушины.

Мы не будемъ здѣсь описывать подробно всѣхъ началъ, которыя Прейссеръ получилъ изъ этихъ веществъ, и которыя, замѣчу, всѣ имѣютъ различныя свойства и различный составъ, а перейдемъ собственно къ общимъ результатамъ изслѣдованія Прейссера.

1) Вещества красильныя въ молодыхъ растеніяхъ, внутри органической ткани, которая защищена отъ вліянія воздуха, совершенно-безцвѣтны.

2) Кислородъ окрашиваетъ эти вещества, когда соединяется съ ними.

3) Различныя красильныя вещества, находящіяся въ тканяхъ одного растенія, всё образуются изъ одного безцвѣтнаго первороднаго начала, которое, поглощая болѣе или менѣе кислорода, производитъ различныя краски, извѣстныя подъ разными названіями.

4) Красильныя вещества можно безцвѣтитъ, если привести ихъ въ соприкосновеніе съ тѣлами, которые имѣютъ сродство съ кислородомъ, и опять снова окрасить, подвергая ихъ дѣйствию окисляющихъ веществъ.

5) Нѣкоторыя первородныя безцвѣтныя начала окрашиваются тогда только, когда дѣйствуютъ на нихъ въ одно время воздухъ или его кислородъ и сильныя щелочи, каковы кали, натръ, аммоньякъ.

6) Анализы показываютъ, что безцвѣтныя начала содержатъ въ себѣ кислорода вообще меньше, нежели образующіяся изъ нихъ красильныя вещества, которыя вообще имѣютъ всё свойства кислотъ.

7) Съ окисью свинца красильныя вещества, какъ настоящія кислоты, даютъ соли, имѣющія опредѣленный составъ.

АКУСТИЧЕСКІЯ ЯВЛЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ТОКА.—Если мы возьмемъ кусокъ мягкаго желѣза проволокою и станемъ попеременно намагничивать и размагничивать его помощью электрическаго тока, желѣзо наше будетъ издавать звуки ясные, при переходѣ изъ магнитнаго состоянія въ нормальное. Этотъ фактъ де-ла-Ривъ открылъ годъ назадъ и объявилъ его, въ 1844 году, 21 марта Женевскому Обществу Физики и Естественной Исторіи; наблюденія Бекереля, Меріана, Витсона подтвердили открытіе де-ла-Рива, который, между-тѣмъ, не останавливаясь на этомъ одномъ фактѣ, продолжалъ далѣе свои изслѣдованія; въ прошедшемъ мѣсяцѣ представилъ оныя Парижской Академіи Наукъ цѣ-

лый рядъ опытовъ надъ дѣйствіемъ электрическаго тока на другіе металлы. Эти опыты очень-интересны по связи своей съ теоріею электричества.

Доска, на которой натянуты были разнородныя металлическія проволоки различной длины и толщины, служила приборомъ де-ла-Риву при производствѣ опытовъ. Де-ла-Ривъ пропускалъ электрическій токъ непосредственно черезъ самыя проволоки и черезъ надѣтое на нихъ деревянное кольцо, обмотанное толстою мѣдною проволокою, которая покрыта была шелкомъ: такимъ-образомъ въ первомъ случаѣ электричество дѣйствовало прямо на металлъ, а во второмъ случаѣ дѣйствовалъ магнитизмъ, возбуждаемый электрическимъ токомъ, распространяющимся по мѣдной проволоцѣ деревяннаго кольца.

Вотъ явленія, замѣченныя де-ла-Ривомъ въ этомъ дѣйствіи двухъ различныхъ проявленій одной и той же силы:

Желѣзныя проволоки въ обоихъ случаяхъ издають звукъ одинаковый, подобный тому, который производитъ зубчатое колесо Савара: это не чистый музыкальный звукъ, а скорѣе шумъ, происходящій отъ взаимныхъ ударовъ частицъ металлическихъ. Однородность звука, кажется, достаточно доказываетъ, что намагничиваніе и прямое непосредственное дѣйствіе электрическаго тока одвообразно перемѣщаютъ частицы въ желѣзѣ. Фактъ этотъ представляетъ важную опору для современной теоріи магнитизма.

Платиновыя, серебряныя, мѣдныя, латуныя, аржантиновыя, свинцовыя, оловячныя и цинковыя проволоки, которыя де-ла-Ривъ подвергалъ также двойному дѣйствию электричества и магнитизма, всё производятъ звуки болѣе или менѣе сильныя, и между ними также въ обоихъ случаяхъ не было ощутительной разницы.

Замѣчательно, что мѣдь, латунь, платина, аржантинъ даютъ звукъ ясный только тогда, когда проволоки ихъ достаточно натянуты; сила звука уменьшается, если натянуть ихъ слабо; но

ею и падаютъ изъ сланина-крякы, звукъ совершенно уничтожается. Совершенно-противное представляютъ свинецъ, цинкъ и олово.

Звуки, которые производятъ эти металлы подъ взаиміемъ электрическаго тока, образуются въ-слѣдствіе періодическаго перемѣщенія и взаимнаго тренія частицъ. Только сильныя токи обнаруживаютъ эти звуковыя волненія, замѣтныя и для глаза, ощутительныя и для осязанія; рѣже производятся они въ металлахъ, дурно-проводящихъ электрическую струю, каковы желѣзо и платина.

Звукъ рѣже отдѣляется, когда токъ электрическій въ проводникѣ металлическомъ встрѣчаетъ большое сопротивленіе; изъ этого видно, что акустическія явленія тока, которые описываемъ мы, имѣютъ ближайшее отношеніе къ его температурнымъ дѣйствіямъ. Слѣдственно, вещь возможная, что токъ электрическій на всѣ тѣла проводящія дѣйствуетъ однообразно, возбуждаетъ въ нихъ именно только тѣ волнообразныя движенія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, обнаруживаются уже въ различныхъ явленіяхъ, и производятъ температуръ, разложенія химическія и дѣйствія физиологическія.

Движенія волнообразныя, производящія во время намагничиванія и размагничиванія мягкаго желѣза, проявляются въ различныхъ видахъ. Де-Латриэ приводитъ здѣсь очень-любопытный примѣръ. Если обмотать металлическою проволокою стеклянную рюмку, наполненную до половины желѣзными опилками, и пропустить черезъ проволоку токъ, опилки придутъ въ движеніе, которое сопровождается особенными шумами.

СВѢТОВОСННЫЕ МЕТЕОРЫ. — Теорія этихъ метеоровъ, до снотра на экспериментальныхъ изслѣдованій, которыхъ была она тѣмъ, едва, можно сказать, очерчена: чѣмъ болѣе занимаютъ его, тѣмъ болѣе представляется она проблемою. Теперь окончательно признано,

что существуютъ тѣмъ классомъ метеоровъ или звѣздовидныхъ метеоровъ, которые появляются въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ, декабрѣ, и метеоры эти движутся такъ же быстро, какъ наша планета, на которую часто обрушиваются въ видѣ аэролитовъ и блещутъ ослабленными свѣтомъ въ предѣлахъ земной атмосферы. Не смотря однакожь на это важное открытіе, теорія метеоровъ такъ же мало обработана въ наше время, какъ было ученіе о кометахъ въ эпоху Региомонтана, и теперь думаютъ такъ же, какъ прежде думали о кометахъ, что они простые полупланетныя метеоры.

27 октября прошедшаго года, показавъ замѣчательный звѣздовидный метеоръ; только два человѣка наблюдали его, и тѣ, къ-несчастію, были не астрономы и къ профессору, были образованные, знакомые, однакожь, съ астрономіею, — именно: Жиро, президентъ королевскаго суда въ Анжерѣ и Делатрибль, помощникъ прокурора Бланскаго-Округа.

Этотъ метеоръ, какъ замѣтилъ Делатрибль, который производилъ свои наблюденія въ Бланѣ (Blanc), опускался почти-вертикально, сложился немного отъ сѣвера къ западу; величина его постоянно росла, блескъ усиливался, онъ блисталъ ярче луны, которая была между звѣздами « Лебеда и Волною.

Жиро, въ письмѣ своемъ къ Арге, пишетъ, что октябрьскій метеоръ заблесталъ вдругъ необыкновенно-сильнымъ свѣтомъ; величина была онъ болѣе луны, а свѣтлыя геральды арчелы, и теченіе его было отъ востока къ западу. Этотъ метеоръ Жиро видѣлъ всего четыре минуты; по прошествіи этого времени метеоръ исчезъ съ ужаснымъ трескомъ. Облака заволокли мѣсто, гдѣ блисталъ чудовищный аэролитъ, и потому нельзя было опредѣлить, съ какими свѣтилками онъ встрѣчался.

На этихъ двухъ наблюденіяхъ г. Пти основалъ свою новую математическую теорію звѣздовидныхъ метеоровъ,

которую представилъ Парижской Академіи Наукъ. Нѣтъ возможности передать читателямъ этотъ любопытный трудъ молодого французскаго астронома безъ помощи высшаго вычисления, и потому сообщаемъ здѣсь только конечный результатъ, который объяснить, по крайней мѣрѣ, значеніе свѣтоносныхъ метеоровъ.

Светящиеся метеоры, по мнѣнію Шти, тѣла междузвѣздныя значительнаго объема, которыя движутся отъ одной звѣзды къ другой; если на этомъ пути встрѣчается имъ наша солнечная система, они проходятъ черезъ нее и возвращаются опять къ своимъ звѣздамъ.

ПОВЕРХНОСТЬ ЛУНЫ. — Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, г. Насмисъ (Nassuth) представилъ Лондонскому Астрономическому Обществу результаты своихъ многолѣтнихъ наблюдений надъ поверхностью луны: это огромный шаръ съ планомъ и рисункомъ, на которыхъ изображена не вся поверхность луны, а только верхняя часть лѣваго края, такъ какъ она представляется намъ въ телескопъ, показывающій наоборотъ.

Насмисъ дѣлалъ свои наблюденія въ луну отражательными телескопами Ньютона.

Поверхность луны, говоритъ Насмисъ, представляетъ замѣчательное сходство съ нашими вулканическими мѣстностями, которыя испытали на себѣ разрушительное дѣйствіе водныхъ волжановъ. Въ этомъ отношеніи отличительный характеръ лунной поверхности составляетъ огромная величина ея вулканическихъ кратеровъ сравнительно съ землею; на лунѣ есть кратеры въ дѣвяти и триста миль въ ширину, наковы, наприимѣръ, *mare isidum, mare serrenitatis*.

Насмисъ объясняетъ эту ужасную дѣятельность силъ вулканическихъ

только одну бѣшшедевятую часть нашей планеты: по-этому всѣ разнородные матеріалы, изъ которыхъ состоитъ луна, сравнительно, гораздо-легче. Правильная же, почти-совершенно-круглая форма лунныхъ кратеровъ ясно свидѣтельствуетъ, что вулканическая сила дѣйствовала подъ влияніемъ сильныхъ вѣтровъ и другихъ возмущающихъ дѣятелей.

Внутри круглыхъ лунныхъ кратеровъ, почти въ центрѣ ихъ, поднимаются маленькіе конусы или холмики. Насмисъ говоритъ, что это послѣднее конечное усиліе вулканической дѣятельности. Иногда такихъ центральныхъ конусовъ нѣтъ, и кратеръ представляетъ поверхность плоскую, ровную, какъ-будто lava вдругъ вся вернула въ внутрь волжановъ. На верхней части лѣваго края Насмисъ замѣтилъ одинъ вулканъ, котораго кратеръ, казалось наполненъ былъ до краевъ отвердѣвшею lavaю; она, по-видимому, подымалась еще въ жидкомъ состояніи свѣтлою, въ кратерѣ, до конца изверженія. Жидкое состояніе вулканическихъ массъ доказываютъ прорывы и потоки, которые замѣтны по бокамъ внутреннихъ круговыхъ конусовъ и которые простираются наско на значительныя разстоянія. При подошвахъ большихъ кратеровъ лежатъ обломки твердыхъ массъ: они тоже, по-видимому, выброшены были съ необыкновенною силою и въ большомъ количествѣ.

Другую особенность также неменѣе замѣчательную, открытую Насмисомъ въ поверхности луны, составляютъ блестящія линіи, которыя сходятся къ большимъ кратерамъ, какъ радіусы къ центрамъ. Вещество ихъ, вѣроятно, имѣетъ отражаемость бѣлѣе, нежели окружающая масса, поэтому-то они ярче и свѣтлѣе. Насмисъ полагаетъ, что одна причина произвела и кратеры и эти линіи. Одинъ вулканический подъемъ, говоритъ Насмисъ,

кратеръ, и наполнилъ ихъ бластающею лавою.

АНАСТАТИЧЕСКОЕ ПЕЧАТАНИЕ.—

Въ 1841 году, сдѣлано было это остроумное открытіе въ Германіи... говоримъ остроумное, потому-что великаго ничего не видимъ въ воровскомъ искусствѣ снимать копія съ печатныхъ книгъ для того, чтобъ распространять потомъ сотни тысячъ поддѣланныхъ экземпляровъ въ подрывъ издателей и авторовъ. Послѣ этого, новый способъ поддѣлывать ассигнаціи и банкнотные билеты тоже ставеть въ спискѣ знаменитыхъ открытій.

Бальдернусъ въ 1841 году, изобрѣлъ анастатическое печатаніе, т. е. искусство снимать прямо, на металлическихъ доскахъ, копіи или оттиски съ печатныхъ книгъ; самъ онъ неизвестно почему не далъ хода своему открытію; а продалъ его Англичанину Вудсу, который сдѣлалъ въ немъ значительныя усовершенствованія. До-сихъ-поръ открытіе это содержалось въ большой тайнѣ; только кой-гдѣ въ журналахъ помѣщались о немъ темныя извѣстія, которые считали всѣ нулемъ. Фардэ, который своимъ гениемъ объяснилъ столько тайныхъ процессовъ природы, успѣлъ разгадать и загадочный, анастатическій способъ Вудса.

Въ послѣднее засѣданіе Лондонскаго Королевскаго Общества, Фардэ читалъ свою записку о способѣ Вудса; а Вудсъ, во время чтенія, въ присутствіи членовъ этого общества, снялъ анастатическую копію съ французскаго журнала *Illustration*; перепечатываемыя страницы были выбраны нарочно съ политипажами.

Теорія анастатическаго печатанія основаніемъ своимъ имѣетъ слѣдующія извѣстныя свойства матеріаловъ, которые здѣсь употребляются:

1) Вода и масло, два вещества взаимно другъ друга отталкивающія; но вода притягиваетъ воду, масло стремится соединиться съ масломъ.

2) Масло гораздо-лучше садится на металлы, нежели вода; но еще легче покрываются они слабымъ растворомъ гумми; впрочемъ, если къ водѣ примѣшать немного фосфорной кислоты, она покроетъ металлъ еще лучше гумми.

3) Если наложить листъ только-что отпечатанный на ровную поверхность и придавать, — часть чернилъ перейдетъ на эту поверхность, и мы такимъ образомъ получимъ несовершенный оттискъ, копію съ печатнаго листа. Положите, наприм., страницу только-что отпечатанную на листъ бѣлой бумаги и придавите ее легонько, или потрите ножомъ, ногтемъ: вы увидите, какъ буквы печатныя отпадутъ часть своихъ чернилъ и отпечатаютъ свои изображенія навыворотъ.

Зная эти начала, эти свойства, легко можно понять анастатическій способъ.

Печатная бумага смачивается слабою азотною кислотою, накладывается на ровный, гладкій цинковый листъ и придаивается валькомъ. Бумага, слѣдственно, здѣсь приводится въ полное соприкосновеніе всѣми точками съ цинковою доскою. Кислота, которою пропитаны бѣлыя мѣста бумаги, непокрытыя чернилами, разъѣдаетъ металлъ; въ то же самое время переносится на него и печать, такъ-что послѣ этой операціи на цинковомъ листѣ получается обратная копія печатнаго листа. Его смачиваютъ потомъ растворомъ гумми въ слабой фосфорной кислотѣ, который покрываетъ металлическую поверхность только тамъ, гдѣ разъѣла ее азотная кислота; а гдѣ легли печатныя буквы, тамъ отталкиваетъ этотъ растворъ масло типографскихъ чернилъ. Потомъ цинковый листъ намазываютъ типографскими чернилами съ помощью обыкновеннаго кожанаго валька, употребленнаго печатниками. Типографскія чернила осаждаются на печатныя буквы, потому-что масло льнетъ къ маслу, и отталкивается отъ воды. Въ этомъ видѣ анастатическая доска готова, и съ нее по-

живо получать оттиски совершенно тѣмъ же способомъ, какъ печатаются литографіи.

Для книгъ литно-отпечатанныхъ, съ которыхъ чернила не переходятъ пошею давленіемъ, Фардѣ вѣроятно замѣняетъ процессъ.

Онъ сначала мочитъ печатный листъ въ растворѣ кали, а потомъ въ винно-каменной кислотѣ, такъ-что всѣ бѣлыя мѣста покрываются желтыми кристаллами винно-каменно-кислаго кали: соль эта оттапливается масломъ; листъ печатный покрывается еще чернилами, которые вторымъ слоемъ садутъ только на печатныя буквы; потомъ винно-каменно-кислую соль смыываютъ, и листъ этотъ подвергаютъ вышеописанной операціи, какъ только-что-отпечатанный.

*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРА.

Въ Краковѣ 11-го марта играли по-вумеру: «Ночлежь въ Анцианскихъ Горахъ», музыка сочиненія польскаго композитора Миредлаго. Краковская газета очень хвалитъ музыку веселую и комическую.

— Въ Вѣнѣ недавно пріѣхала дѣвица, называвшая себя профессоромъ бѣлой магии. На ассамблѣ объ ея представленіи сдѣлали между прочимъ: «Eugénie N. N. покажетъ любознательнымъ зрителямъ такіе предметы, которыхъ должна имъ одна дѣвица въ мірѣ не позволяла публикѣ!»

— Известно, что вѣнскій поэтъ Беккеръ прославился годъ за три лѣтъ
Т. XI. — Стл. VIII.

радъ слыть въ Германіи своимъ пѣснѣ: «Sie sollen ihm nicht haben den deutschen freien Rhein», которую положили на музыку сорочъ равныхъ композиторовъ. Нынеже, издѣтельный писатель, Фирменитъ, въ своемъ сборникѣ народныхъ пѣсень, доказала, что знаменитая пѣсня Беккера не что иное, какъ вольный переводъ народной пѣсни о рѣкѣ Рейнѣ. Всегда такъ бываетъ съ неслуженною славой!..

— Въ прошедшемъ году, на всѣхъ мадритскихъ театрахъ представлено было 82 новыя пьесы, изъ числа которыхъ большая часть оригинальныхъ; 29 авторовъ послали на сцену первые плоды своего таланта. Въ Мадридѣ выходятся нынѣ до 130 драматическихкихъ писателей.

— Въ Ливорно строятъ театр, который можетъ почитаться огромнѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ во всей Тосканѣ. На крышѣ театра устроили огромный стальной куполъ, который можетъ дѣлать освѣщать ассамблею солнечными лучами, такъ-что въ этомъ театрѣ будутъ даваться дѣлаемые представленія, которые Италия очень любитъ, но пріобрѣсти сдѣлать дровишекъ предлогахъ, Римляне. Сколько ни въ вѣнѣ; такого рода театры въ другихъ мѣстахъ Италіи нигдѣ не существуютъ.

— Во Флоренціи находится фабрика, которая единственно занимается поддѣлкою картинъ старыхъ знаменитыхъ итальянскихъ художниковъ. Картинами, писанными на этой фабричѣ, обилуютъ множество богатыхъ иностранцевъ, которые за нѣсколькихъ Равалли, Корраліо и Тианіонъ вынулъ себя за дорогую цѣну искусство-поддѣлывать копіи съ произведеній этихъ живописцевъ. Въ Лондонѣ также завелась подобная мастерская для фабрикаціи старыхъ картинъ, и обдѣлываетъ свои дѣла превосходно. Тамъ вѣсколькимъ итальянскимъ живописцамъ зачислено единственно описавшимъ копіи съ нѣкоторыхъ картинъ и отдать имъ легальность-сдѣлать оригиналы. Слѣдственно-завѣдующимъ

ну конструктора итпирокта сперма
кыльма, потому ирриарымаго закона,
и владуть въ нестоленую для кльбоот
печа. Картина, просыхага въ умьрен-
ной температурь теплоу меча часа
два, получастъ таюу видъ, какъ-бу-
то-бы она была висага лъга за дъ-
ста. Для такого рода картинъ есть при-
фабрикь особыи мезолетчикъ, молдъ-
лаващиии наилучшимъ образомъ зо-
лотыя рамы, помывашиа отъ времени
и сырости.

— Обыкновенный алебастръ (гипсъ)
однимъ градусомъ (по скалѣ Мооса)
ниже антропогенческаго камня; но
гипсъ можно сдѣлать также твердымъ
и способнымъ къ правитію молеровъ,
къ прибавить къ нему известное ко-
личество квасцовъ. Также можно улуч-
шить алебастръ для антропогеніи по-
средствомъ камеди, распущенной въ
уксусѣ, клееной водѣ, яичномъ бѣлкѣ
и т. и. Такого рода гипсовые камни
можно также подготавить для расора-
нни и карандашомъ; но для этого на-
добно тринить камень расущенною
беритовою селью (Barytase) или шва-
вельной кислотоу (Oxalisinge). Для смачи-
ванни камня слѣдуетъ употребить
солоную воду. Разумьется, что изъ гип-
са можно сдѣлать какой-угодно ве-
личины камень за самую дешуюу адыу;
притомъ же испорченные камни опять
могутъ идти въ дѣло для антропоген-
ныхъ работъ. Состъуема антропогенъ
испытать это на дѣлѣ.

— Известный французскій писатель,
Луи Бланъ, заключилъ контрактъ съ
обществомъ акціонеровъ, которое на-
мѣрено выдать два новыя историческія
сочиненія о французской революціи
1789 года. Луи Бланъ получитъ за эту
работу 500,000 франковъ. Первый томъ
выидеть изъ печати въ осенъ нынѣш-
няго года.

— Литературная плодотворность Але-
ксандра Дюма была бы для большей
части земной вуданъ совершен-
но-повелитна, но, къ счастью, пред-
ше его соудинни, какъ напри-
мѣръ, г. Миркура, открыли сабуу ш-

которыа его предшлн. У Дюма есть
нѣсколько ловаихъ помощниковъ, ко-
торые, собственно, не соудинни его
въ романахъ, но самостоятельныа ав-
торы сочиненій, просматриваемыхъ
и выправляемыхъ Дюма. Чтобы не
быть въ подозрѣніи у вуданъ, онъ
старается всегда чужія сочиненія пе-
ренисывать своею рукоу, или употре-
бляеть на это дѣло своего сына и од-
ного ловакаго писла, которые очень-ис-
кусно подражаютъ дочеру Дюма. На-
борщики и корректоры знаютъ уже
эту хитроста романиста; но, безъ по-
мощи означеннаго г. Миркура, вуданъ
ка была бы де-сить-перъ въ заблуж-
деніи на-счетъ удивительной плодот-
ворности знаменитаго романиста. Мир-
куръ, однакоже, за свою неудобную
откровенность поплатился временною
свободоу: онъ посаженъ за то на два
мѣсяца въ тюрьму.

— Газета «le Courrier de la Meurthe»
разсказываетъ слѣдующее: «Лейпциг-
ская книжная ярмарка совершенно по-
хожа на всѣ другія обыкновенныя яр-
марки и базары въ городахъ и дере-
вняхъ. Тамъ торгуютъ Нѣмцы книгами
точно такъ же, какъ деревенскіе мужи-
ки масломъ и яйцами. Въ одной осо-
бой улицѣ Лейпцига книгопроданы
выидуть до 500 книжныхъ магазиноу въ
кладовыхъ. Принащики заманиваютъ
покупателей въ магазины разнымиро-
гласами о своемъ интересномъ товарѣ.
Кто покунаеть цѣлую партію книгъ,
тогъ получастъ даровой 10-й, 12-й или
25-й экзеплярь книги, точно такъ же,
какъ у виноторговцевъ тринадцатая
бутылка остается въ пользу покунате-
ля. Книганы въ Лейпцигѣ даже торгуютъ
провизию: ученый товаръ разо-
женъ на рогожахъ посреднѣи улицы.
Изъ вторыхъ и третьихъ рукъ у пере-
купщиковъ всюую книгу можно пу-
нить вдвое-дешевле, чѣмъ въ книж-
ныхъ магазинахъ. Книги, которыа
не были проданы во время ярмарки,
проданыио послѣ съ молотка на аукці-
онѣ. Въ это время можно выидеть са-
мыа дорозія выданія за бодѣлшюу. —
Налебо замѣтять, что означенную

статью писалъ Французъ. Нѣмецъ никогда не осмѣлился бы сказать это о лейпцигской арміи, на которую онъ смотритъ свысока.

— Въ Парижѣ, литераторъ Ришаръ де-Радувилльеръ издалъ французскій лексиконъ вошедшихъ въ употребленіе новыхъ словъ, числомъ до 25,000. Эти слова, болѣею частію принадлежатъ къ области художествъ, ремеслъ, торговли, а также и къ разговорному языку народа.

— Въ Константинополѣ выходятъ нынѣ 6 газетъ: двѣ на турецкомъ, три на французскомъ и одна на армянскомъ языкѣ.

ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Въ Англіи капитанъ Мерсеръ изобрѣлъ новый сваралъ для экипажей, посредствомъ котораго избѣсившіяся лошади могутъ въ одну секунду отпрягаться. Недавно былъ сдѣланъ весьма удовлетворительный опытъ съ этимъ важнымъ инструментомъ, необходимымъ для безопасности блуждающихъ въ экипажахъ. Почтовой diligencе, запряженный паромъ лошадей, пустилъ въ полный галопъ по полю съ весьма-неровною поверхностью, по буграмъ и кочкамъ. Пассажиры, сидѣвшіе въ diligencе, равно какъ и кондукторъ, въ одну секунду отстегивали блуждающихъ лошадей отъ экипажа, и новый аппаратъ Мерсера оказался весьма-спасительнымъ.

— Лондонскій портной, мастеръ Уильсонъ, объявилъ во всѣхъ газетахъ, что изобрѣлъ новаго рода спасительныя куртки, у которыхъ подкладка сдѣлана изъ непромокаемой матеріи, вакуумной воздухою. Если франтъ, одѣтый въ такой спасительный куртку, упадетъ печально въ рѣку, то ничего не потонетъ. Ему стѣдуетъ только надуть подкладку, и онъ будетъ плавать на водѣ какъ пробка.

— Одинъ англійскій инженеръ подаетъ правительству проектъ, чтобы

воспользоваться морскимъ приливомъ и отливомъ, какъ двигательною силою. Приливъ воды долженъ сжимать атмосферическій воздухъ, заключенный въ герметически-запертой пустотѣ, и этотъ воздухъ можно употребить потомъ, какъ движущую силу, для разныхъ фабрикъ и заводовъ, что можно привести въ дѣйствіе посредствомъ особой машины, которой устройство должно быть подобно паровой, но дѣйствующей не паромъ, а воздухомъ.

— Нѣкто Мертенсъ, живущій въ Гентѣ, изобрѣлъ машину для расчесыванія шерсти и льна безъ предварительной трѣпки ея. Эта машина, много сокращающая время и ручную работу, приводится въ дѣйствіе двумя дѣтьми, которыя могутъ въ день расчесать до 60 фунт. льна. Изобрѣтатель устраиваетъ такіа машины за 250 фр. каждую, и намѣренъ въ Россіи выпросить привилегію на свое изобрѣтеніе.

— Стекольщикъ Симонъ, живущій въ городкѣ Гейптингенѣ (въ Виртембергѣ), изобрѣлъ новаго рода мебели изъ стекла. Прочность и красота ихъ удивительны; притомъ же онѣ обходятся гораздо-дешевле мебели изъ красного и палисандроваго дерева. Стекланную мебель можно поддѣлывать подъ всякое дерево и особенно подъ мраморъ. Столы, рамы для зеркалъ, стулья и кресла, превосходно вырабатываютъ изъ стекла замѣсловатый Симонъ. Вотъ новая отрасль стеклянной промышленности, которая, конечно, не замедлитъ войти во всеобщую моду въ Европѣ.

— Профессоръ Рейснеръ, въ Пестѣ, предложилъ венгерской публикѣ пить, вмѣсто обыкновеннаго китайскаго чая, виноградный цвѣтъ. Составленная на этотъ предметъ комассія извѣдала на опытѣ, что виноградный цвѣтъ ничѣмъ-не хуже лучшаго китайскаго чая: онъ имѣетъ тотъ же вкусъ, ароматъ, цвѣтъ, да и притомъ виноградный чай требуетъ гораздо-меньше сахара. Для добыванія винограднаго чая надобно, чтобы виноградныя

лосы росли до готичныи обилиеопытыхъ деревь, съ которыхъ уже и собираются въ свое время нѣтъ; изъ должно послѣ высушивать на желѣзныхъ сковородахъ на огнѣ въ 40 градусахъ по Реомюру. Послѣ такой сушки надобно отдѣлать стебельки отъ нѣтъ и послѣдніе сохранять въ стеклянной крѣпко-закрытой посудѣ. При этомъ мало замѣтить, что виноградного чая надобно класть въ чайникъ двойное количество противъ китайскаго, и должно вскипятить три или четыре раза, чтобъ онъ былъ вкусенъ.

— Какой-то Жиль въ Варшавѣ изобрѣлъ новую счетную машину, которая своимъ замысловатымъ устройствомъ превосходитъ всѣ прежде-изобрѣтенныя. Она не только разрѣшаетъ съ математическою точностью всѣ задачи перемѣлы четырехъ правилъ арифметики, но даже извлекаетъ квадратныя корни.

— Вънѣзъ извѣстно, каково труда и усилій стоить подниматься паровозамъ на нѣсколько-возвышенную дорогу. Надлежало одинъ англійскій инженеръ предложилъ для этой цѣли устроить подъ машинными архиваловъ винты, такой же точно конструкціи, какъ у паровозовъ. На самой же возвышенности дороги между рельсовъ надобно поставить въ наклонномъ положеніи желѣзныи рычагъ съ вырѣзанными на немъ зубцами. При вѣдѣнн паровоза на возвышенность, архиваловъ винты будутъ захватывать зубцы рычага и такимъ образомъ весь поѣздъ легко и скоро подымется на высоту. Рычагъ надобно хорошо смазывать колѣсною мазью.

— Нѣкто Мангани устроилъ новаго рода свисательный ботъ, который принцъ Альбертъ послалъ нарочно къ Улицъ (Woolwich) для испытанія на морѣ. Ботъ состоитъ изъ легкаго деревяннаго каркаса, который обтягивается непроницаемою парусиною; вес судна вѣситъ не болѣе 216 фунтовъ и можетъ поднимать на водѣ 24 человека. Парусина, снятая съ каркаса, свертывается въ трубку, въ 3 вершка

толщиною. Ботъ Мангани съ большою пользою можно употреблять для пересылки вѣстивовъ.

— Англійчане, вдовольные тѣмъ, что изобрѣли электрическій телеграфъ, въ некоторомъ, посредствомъ металлической проволоки, два лица могутъ разговаривать между собою на большомъ пространствѣ, передавая рѣчи другъ другу съ быстротою вѣтра, еще надумали новое средство для пересылки писемъ. Въ одномъ большомъ электрическомъ почтовомъ чеподанн могутъ быть пересланы съ быстротою молнии посредствомъ подземныхъ трубъ и при помощи паровыхъ машинъ. На каждой станціи изъ чеподанновъ вынимаются письма, слѣдующія въ то мѣсто по адресу. Изобрѣтатель этого новаго способа отправленія почты, Джемсъ, требуетъ, чтобъ правительство дало ему на сооруженіе паровыхъ машинъ и подземныхъ трубъ по 2000 фунтовъ стерлинговъ на милу, а также за пересылку писемъ во вѣнчъ свободу ежегодно 50 фунтовъ стерлинговъ за милу. За эту плату онъ беретса доставлять почтовую пересылку писемъ до вѣрлпна ultra скорости, а писемъ по 100 миль въ часъ или по 2400 миль въ одинъ день, т. е. въ теченіи двухъ дней почта можетъ пробѣжать отъ свѣрваго до кажнаго конца.

— Какой-то путешественникъ, вѣрѣвшій изъ Лондона въ Бристоль по желѣзной дорогѣ, замѣтилъ, что онъ на лондонской станціи забылъ свой кошелекъ, туго-набитый золотомъ, и бумажники съ 900 фунтовъ стерлинговъ. Онъ сазаетъ объ этой потерѣ директору желѣзной дороги, а этотъ не ту же минуту сообщилъ въ электрическому телеграфу въ Лондонъ. Черезъ нѣсколько минутъ получилъ былъ откликъ изъ Лондона въ Бристоль, что означенные кошелекъ и бумажники действительно найдены въ пассажирской коляскѣ желѣзной дороги, и что съ слѣдующимъ поѣздомъ деньги непременно вернутся. Възможно ли такъ быстро и точно дѣйствіи электрическаго телеграфа!

ПРАВЫ И ОБЯЗАНИЯ.

Китайския дамы, т. е. жены императора и прочих самовластных Нобелей-Империя, живут почти отдаленно отъ ближайшаго свѣта. Онѣ настоящія сатурныны, наилучше гармоничныя женщины на Востоцѣ. Знатная Китайская выходитъ изъ своего дома только по ceremonной необходимости, рѣдко и въ чрезвычайныхъ случаяхъ, — на пригласеніе, въ новый годъ, въ день именина кого-нибудь изъ близкихъ своихъ родственниковъ. При томъ же, она почитаетъ за бесчестіе ходить нишкомъ по улицамъ и является въ публикѣ не иначе, какъ въ палатинѣ, саваншонѣхъ со всѣхъ сторонъ богатыми завязками. Во все другое время она живетъ въ разлуцѣ съ своими ближними родственниками и не видитъ ни своего отца, ни тестя, ни сестеръ, ни братьевъ. Въ Китаѣ дозволено ерничать обаяемъ, по которому отцы имеютъ право наказывать своихъ невѣстокъ. Такъ-какъ тесть по китайскому этикету не долженъ видѣть никакого сношенія съ своею невѣсткою, то за всѣ грѣхи ея и проступки долженъ отвѣчать собственный ея мужъ. Отецъ, призвавъ къ себѣ сына, объявляетъ ему одорожанъ его жены, и невѣстѣ съ тѣмъ отчитывается ему въ свиную и несколько самбурныхъ налоговъ. Сынъ съ почти-тельностью становится на колѣна и безъ ропота принимаетъ наказание. Паканъ что-остъ-мочи бѣжить изъ своей жены и осмѣливается ей, по довѣренности отца (рег прокуратіонет), те же одорожане налоговъ, которое сынъ получилъ: — Истинно ли это сиваніе, не знаемъ, потому-что оно всего изъ письма одного іезуитскаго миссионера, миссійскаго въ Монте-Универсалі.

— Въ Мубѣ каждый мать, вышедшая день свою замужъ, не должна ни слова говорить съ мужемъ во всю свою жизнь. На Востоцѣ, съ древнихъ временъ известно по повеленію, что не было бы никогда мира между отцомъ и дочкою, между тестемъ, своднемъ или сводницею: —

— Жиды говорятъ, что не будетъ никогда согласия и согласія въ дому, гдѣ женовъ сынъ живеть вмѣстѣ съ своею матерью.

— Въ Персіи, уме съ давнихъ лѣтъ кукольная комедія принадлежитъ къ забавѣ простаго народа. Этого національный театръ, однакожь, не имѣетъ ничего общаго съ европейскими маріонетками. У Персіанъ есть также свой арлекинъ, или полишинель, называемый манатанко, или кетшель-пелеванъ, т. е. плышавый герой. Онъ отличается на сценѣ своею лысною и горбою и довольно-похожъ на неополитанскаго пудличивало, но гораздо-образованнѣе его, манеры его благороднѣе. Персидскій пелеванъ знаетъ хорошо свою отечественную литературу, самъ сочиняетъ стихи, обманываетъ бѣднѣкъ мужей и волочится за дамами.

— Большая часть жителей острова Тонго-Табу не имѣетъ на рукахъ своихъ жизницъ. Они нарочно отрѣзываютъ свои жизницы въ знакъ глубокаго траура, если умретъ начальникъ ихъ племени или ближній родственникъ. При кончинѣ правителя означеннаго острова, матери откусываютъ у своихъ дѣтей два сутова отъ нижняго живота. Раненный палецъ обжигается ветою горячихъ угольковъ, и эта мучительная операція не останавливаетъ на рукѣ никакихъ преданныхъ слѣдовъ.

— Остиденіи женщины, къ какой бы касѣ ни принадлежали, никогда не осмѣиваются произносить имена своихъ мужей, и въ глубокое изъ нихъ уваженія и рабской преданности. Всякая жена придетъ въ большое замѣшательство, когда воскресный Европеецъ спроситъ: какъ зовутъ ея мужа? Если индійская женщина по такому-нибудь дѣлу должна явиться въ судъ, то беретъ обыкновенно съ собою сына или ближняго родственника, который уже долженъ назвать предъ судомъ имя ея мужа.

— Въ Испаніи, дѣвица, вышедшая замужъ, удерживаетъ прежнее свое имя, и въ бракѣ продолжаетъ ве-

прежнему называется донья Шабелла Виллануова. Очень-рѣдко ее зовутъ ономъ N по буквѣ. Напротивъ, жена, лишившаяся своего мужа, называется просто вдовою, и на всякомъ документѣ подписывается не иначе, какъ на-примѣръ вдова Ристо; Леона, Гонзалеса и проч.

— Въ Римѣ каждый священникъ приходской церкви имѣетъ подробную роспись всѣмъ своимъ прихожанамъ, и ежегодно, въ нѣдѣлю св. пасхи, снова пересчитываетъ духовную свою паству. Всѣмъ монашескимъ орденамъ запрещено допускать къ исповѣди лица, принадлежащія къ какому-нибудь городскому приходу: они непремѣнно должны исполнять свои христіанскія обязанности въ своемъ приходѣ. Каждый священникъ имѣетъ столько неповѣданныхъ билетовъ, сколько у него въ приходѣ вѣрующихъ прихожанъ; каждому исповѣлющемуся онъ выдаетъ одинъ такой билетъ. Итакъ, послѣ пасхи, онъ точно знаетъ, кто изъ его прихожанъ не приходилъ къ нему на исповѣдь, ибо церковный причетъ требуетъ отъ всякаго возраста исповѣданнаго билета. Кто не можетъ предъявить билета, тотъ долженъ явиться лично къ священнику, который, послѣ строгого увѣщанія, даетъ приходскому временному отрочку, и этотъ уже непременно долженъ въ слѣдующій разъ придти къ нему на исповѣдь. Неподлинный способъ духовной обязанности во второй разъ уже представляется какъ ослушаніе кардиналу-викарію, а кардиналу-викарію, набравъ нѣбольшое число такихъ грѣшниковъ, отсылаетъ ихъ въ Брѣноста-Са-Ангела, гдѣ они и сидятъ до-тѣхъ-поръ, пока не согласятся идти на исповѣдь. Иногда такихъ осужденныхъ выставляются для покаяна на дверяхъ каждой церкви. Впрочемъ, эта религіозная строгость касается только простаго и средняго класса народа. Аристократы же священники не боятся, и очень остерегаются поступать съ дурной-нибудь прелестной для знатной грѣшницы, которой подрабатываютъ

кто-нибудь изъ римскихъ кардиналовъ. Въ Римѣ живетъ большое число Жидовъ, но они весьма угнетены, особенно вѣковыми, издаваемыми Леонамъ XII. Жиды обязаны жить въ самой нечистой части города, называемой Ghetto, гдѣ ихъ улица запирается каждую ночь желѣзными рѣшетками при заходѣ солнца. Разъ въ нѣдѣлю всѣ римскіе Жиды обязаны ходить въ христіанскую церковь, находящуюся на-лѣ Моста св. Варволомея. Тамъ священникъ говоритъ имъ проповѣдь и увѣщаваетъ принять христіанскую вѣру. Жидовъ позволено только годъ прожить въ Римѣ, а потому все еврейское племя ежегодно прибываетъ сюда на полѣнѣхъ позволеніе у римскаго губернатора продолжать свой изъ пребыванія въ столицѣ шаны, что имъ и дается, но въ заѣмъ значительнаго подарка деньгами, которые преимущественно обращаются на расходы по карнавалу.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ И ОБЩЕПОЛЕЗНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Какой-то оруженникъ возлѣ на откупъ всю парижскую грязь и мусоръ за 500,000 франк. ежегодно платитъ въ пользу города. Онъ складываетъ всю эту грязь въ особая ямы, для гниенія на солнцѣ, составляетъ изъ ней весьма-удобренительный навозъ и продаетъ его потомъ евреямъ огородникамъ и гнѣбошникамъ этъ 3 до 5 фр. за кубическій метръ. Этими евреями онъ получаетъ себѣ 3,000,000 фр. въ годъ. За 22 года пролѣзъ снѣгъ, парижская грязь отдавалась на откупъ за 75,000 фр., а въ 1831 году платили за нее уже 166,000 фр. Нельзя ли было бы продать такую же грязь въ Петербургской губери?

— Въ Германіи какой-то докторъ Ф. дождавъ на своей медицинсконъ брѣшторѣ, что вода у малярии въ шестилѣтніа года вырастаетъ — она

ны дурнее отъ бѣлы, которой онъ разбавляющъ на чердакахъ, заннмуть нѣзакъ голову; при этомъ движеніи шоя врачкн выдѣлется одереть. Докторъ Р. совѣтуетъ врачамъ при разбавленіи бѣлы употреблѣть туль или ручную дѣстинуу.

— Нѣкоторые германскіе химики узнали теперь на опытѣ, что сильнѣйшій ядъ, синильная кислота, не убиваетъ мгновенно каждаго человѣка или животное, но только приводитъ его въ оцѣпенѣніе мнимоумершаго, и если эта кислота испарится, то человѣкъ можетъ очнуться. Для этого совѣтуетъ отравленному натирать затылокъ и хребетъ водянцстымъ растворомъ уксусо-кислаго кали и поваренной соли. Если это правда, то всё до сего времени отравленные синильною кислотою были мнимоумершіе и погребены заживо?..

— Прусскій помѣщикъ, живущій въ Банѣ (въ Помераніи), изобрѣлъ новый родъ постройки домовъ и другихъ хозяйственныхъ заведеній, просто нѣтъ масса съ примѣсью малаго количества извести. Для несочной стѣны отъ 80 до 100 кубическихъ футовъ данной поррѣба только одна бочка извести. Цѣль поделывать и два канальника могутъ въ день вынести стѣну на 100 кубич. фут., особенно если песчаная масса для постройки ихъ будетъ подготавливаема весьма-простою машиною. Песочные дома не только эберегаютъ отъ истребленія лѣтъ, но вообще вовсе безопасны отъ огня; следовательно, это изобрѣтеніе весьма - важно въ сельскихъ докѣйствѣ. Означенный помѣщикъ, для всѣхъ желающихъ знать подробнѣе его способъ постройки предложилъ додѣтъ, выдавъ особую брошюру, которая и продается у него по 3 шиллера на америк. фрт. Онъ уже два года занимается этого рода постройками; нѣсколько стѣнъ и сарѣнъ строенъ имъ изъ чистаго песка за замкнотъ порока.

— Ен. Перовскіе и Волковскіе, члены Парижской Академіи Наукъ, представили французскому министру внутренняго дѣла записку о содержаніи питательнаго вещества въ разныхъ яствахъ; импримѣръ, въ 100 фун. хлѣба, содержится 80 фун. питательнаго вещества; мясо разнаго рода содержитъ въ себѣ таковаго вещества 31 фун. на 100 фун. тѣхъ; во французскихъ бобахъ 80 фун. въ горохѣ 23, чечевицѣ 94, въ рѣпѣ и разной зелени, содержащей въ себѣ большое количество водянистыхъ частей, следовательно, въ 100 фун. содержится только 8 фун. питательнаго вещества; въ картофелѣ на 100 фун. полагаются только 25 фун. питательнаго вещества. По этой соразмѣрности, 1 ф. хлѣба равняется 3 ф. лучшаго картофеля и 75 ф. хлѣба, и 30 ф. мяса равняются 100 ф. картофеля, 1 ф. бобовъ равенъ 3 ф. картофеля и 1 ф. картофеля равенъ 4 ф. капусты и 3 ф. рѣпы. Этотъ расчетъ весьма-точенъ, и потому будетъ очень-полезенъ для тѣхъ семействъ, которыя, живя экономически, желаютъ въ маломъ количествѣ пищи имѣть какъ-можно-болѣе питательнаго вещества.

— Во многихъ англійскихъ газетахъ описано слѣдующее, какъ удѣряютъ, неслыханное правило о предсказаніи погоды. Надобно замѣтить 30 марта и 12 сентября н. с. (11 апрѣля и 24 сентября нашего стиля), съ какой стороны дуетъ вѣтеръ; если онъ постоянно идетъ съ востока, то на будущій годъ вѣтеръ будетъ рѣже вѣть; если же вѣтеръ дуетъ съ юго-запада, то надобно ожидать сыраго и дождливаго лѣта. Англійскіе метеорологи въ теченіи тридцати лѣтъ предсказывали такимъ образомъ погоду, и наблюденія ихъ оказывались весьма-точны и справедливы.

— Неизвѣстный германскій садовникъ Бауманъ употребляетъ съ большимъ пользою, для истребленія червей на плодовыхъ деревьяхъ, слѣдующее средство. Надобно 16 ф. замоченной

сажа распусть въ чотырехъ ведрахъ воды, и потому при употребленіи его надобно еще прибавить носокъ ведра воды. Наполнивъ ручной насосъ этою смѣсью, надобно опрыскивать ею сучья и листья плодовыхъ деревьевъ. На другое утро всѣ черви непрокѣшно околѣютъ. Разведенная водою сажа не мало не вредитъ деревьямъ, напротивъ, листья принимаютъ отъ нея гораздо-лучшій зеленый и свѣжій цвѣтъ.

— На опытѣ доказано, что для варки вкуснаго кофе пригоднѣе чистая колодезная вода, нежели рѣчная; ибо по анализу воды выходитъ, что колодезная, какъ содержащая въ себѣ углекислую соду, придаетъ кофе гораздо-лучшій вкусъ, и для питья гораздо-здоровѣе. Итакъ, если прибавить въ кофе немного соли, то этогъ напитокъ становится гораздо-вкуснѣе. Нѣкоторые химики совѣтуютъ къ фунту жаренаго кофе прибавивать 48 грава угольной кислоты (Kohlensäure), чрезъ что не только улучшаетъ вкусъ кофе, но и дѣлаетъ его для питья гораздо-здоровѣе, ибо нейтрализуетъ содержащую въ немъ кислоту.

— Назъ увѣдомили изъ Даринштадта, что первому германскому химику, профессору Либиху, живущему въ Гиссѣ, удалось составить, для удобренія пахатныхъ полей, особый навозъ, который готовится изъ разныхъ минеральныхъ веществъ, съ прибавкою къ нимъ известнаго количества помета, гуано. Въ Лондонѣ, по предложенію Либиха, уже составилось на этицяхъ общество съ капиталомъ въ 120,000 фунт. стерл. для производства въ большомъ количествѣ означеннаго навоза. Для фабрикаціи его устроена паровая машина въ 120 силъ. Минеральный навозъ въ соединеніи съ гуано представляетъ самое лучшее средство для удобренія полей. Гуано сильно дѣйствуетъ на обыва растеній, а минеральный навозъ имѣетъ весьма-

— Въ Англіи начали уже употреблять газъ не только для освѣщенія кончатъ, но та же газовая трубка служитъ для нагреванія воды въ большой ваннѣ въ 24 ведра, для которой требуется только газа 17 кубическихъ футовъ, цѣною на два пенса. Въ три четверти часа, вода въ ваннѣ нагреется до 100 градусовъ по Фаренгейту. Нѣкто Робинсонъ дѣлалъ опыты надъ освѣтительнымъ газомъ, употребилъ его для варенья на кухнѣ кушанья, а также и для жаренья на вертелѣ разнаго рода жаркаго, наконецъ, для нагреванія кончатныхъ голландскихъ печей. Теперь газъ въ Англіи, въ домашнемъ быту, приноситъ несчастливую пользу. При томъ же, газовая операція при приготовленіи кушанья такъ проста, что кухарка, сдѣлавъ нужныя распоряженія, можетъ удалиться изъ кухни, и газъ ужъ сдѣлаетъ свое дѣло — сваритъ и изжаритъ что нужно.

МЕЛОЧИ.

Испанія можетъ почитаться истощеннымъ краемъ для журналистовъ. Тамъ они всѣ получаютъ орденъ и часто дѣлаются важными государственными сановниками. При каждой переизбавѣ министровъ, часто случаются, непрекѣнно какою-нибудь редакторъ газеты получаетъ министерскій портфель. Въ Мадридѣ трудно теперь найти известнаго государственнаго человѣка, которые не начали бы свое неприщипанное журналистское, т. е. до своего возвышенія на политическомъ поприщѣ не были бы редакторами газетъ, корреспондентами или даже хозяевами какаго-нибудь періодическаго изданія. Гр. Лопезъ, Гонзалезъ Браво, Сабаллеро, Мартинесъ Лан-Роза, Айллонъ, Фуэсте-Амандо, Понарди, Рюй-Гарсия и множество другихъ выдающихся людей начали свое политическое сѣмство, что нынѣшней жонглер-

ветъ всё принадлежать къ сословию депутатовъ законодательныхъ палатъ. Важный чиновникъ, потерявшій свое мѣсто и пенацившій на службѣ порядочнаго состоянія, хватается опять за журнальное перо. Всѣ кортесы были сперва журналистами.

— На рѣкѣ Миссисипи, въ Америкѣ, развѣзжаютъ до 600 пароходовъ, изъ которыхъ ежегодно до 56 погибаютъ отъ взрыва паровыхъ котловъ и другихъ несчастій. Въ 1835 году, въ сѣверныхъ штатахъ считалось 984 мили желѣзныхъ дорогъ, а нынче ихъ считается до 4,000 миль. Въ 1844 году, въ Нью-Йоркѣ привезено было на 75,000,000 долларовъ иностранныхъ товаровъ, съ которыхъ заплачено таможенной пошлины 22,000,000 долларовъ. Со времени присоединенія Техаса къ Области-Орегонской, европейскіе выходцы начали населять эту землю. Каждый эмигрантъ получаетъ даромъ въ свое вѣчное владѣніе 640 акровъ земли, то-есть англійскую квадратную милю, каждая женщина и каждый ребенокъ—по 320 акровъ. Теперь составился въ Америкѣ исполницкій планъ для постройки желѣзной дороги въ 3,000 миль длиною, изъ Нью-Йорка въ Колумбію, лежащую на берегахъ Тихаго-Океана. Оттуда же переѣздъ на пароходахъ въ Китай и Японію будетъ настоящею бездѣлкою.

— Нагрѣваніе жилыхъ покоевъ теплымъ воздухомъ или паромъ—вовсе не новое изобрѣтеніе, какъ уверяютъ финки. Недавно въ Триерѣ, на Рейнѣ, открыли въ одномъ древнемъ зданіи римской постройки мозаичскій полъ, подъ которымъ устроены теплопроводныя трубы для нагрѣванія всего зданія.

— Знаменитый ученый Юстъ Липей зналъ наизусть всего Тацита и часто говаривалъ, что готовъ дать себѣ трубить голову, если онъ ошибется хоть въ одномъ словѣ, читая безъ книги всю его исторію. Ученый Шотландецъ. XL. — Отд. VIII.

дець, Ома Демпстеръ, имѣлъ такую память, что часто самъ утверждалъ слѣдующее: онъ не знаетъ слова, которое называется *не помню*. Ученый Венеціанецъ Фонтана могъ сказать наизусть всякую, слышанную имъ одинъ разъ проповѣдь. Знаменитый Гуго Гроцій удержалъ въ памяти имена всѣхъ солдатъ нѣсколькихъ полковъ, которымъ онъ дѣлалъ однажды парадный смотръ. Знаменитый гёттингенскій профессоръ, Брендель, зналъ наизусть всю «Энеиду» и могъ безъ ошибки прочесть ее не только съ начала до конца, но и обратно. Ареттино прославился въ Италіи своими сатирами, письмами, комедіями и неблагопристойными любовными советами. Однажды онъ написалъ весьма-беснравственную книгу, и при чтеніи такъ раскохотался надъ нѣкоторыми удачными мѣстами, что ударился въ расцѣпаніа головой о спинку своихъ кресель и отъ-этого умеръ.

— Первый лондонскій портной Карлъ Штольцъ пожертвовалъ въ кассу бѣдныхъ 14,000 фунт. стерл. и подарилъ ей свое значительное помѣстье, лежащее въ окрестностяхъ Лондона. Последнее назначено приотомъ для всѣхъ обдѣлѣвшихъ портныхъ, не смотря на различіе ихъ вѣронсповѣданій. Этотъ благотворительный человекъ родомъ Нѣмецъ, изъ Бадена. Отецъ его также былъ богатый портной и отказалъ въ своей духовной 60,000 франковъ въ пользу Парижской Политехнической Школы.

— Цехъ лондонскихъ портныхъ наименовалъ недавно принца Альберта своимъ почетнымъ членомъ и задалъ ему великолѣпный обѣдъ. Принцъ при этомъ случаѣ сказалъ весьма-краснорѣчиво благодарственную рѣчь своимъ избирателямъ. Известно, что герцогъ Веллингтонъ уже 20 лѣтъ имѣетъ дипломъ на званіе почетнаго члена цеха англійскихъ портныхъ.

— Во время Наполеона, орденъ почетнаго легіона былъ въ большомъ

уваженіи. Наполеонъ былъ скупъ на раздачу его и, во всѣхъ его войскахъ, а равно и по гражданскому управленію, считалось только 5,000 кавалеровъ. Лудовикъ XVIII и Карлъ X никому не жаловали ордена почетнаго легіона, а король Луи-Филиппъ въ 15 лѣтъ своего управленія Франціею наградилъ уже до 50,000 человекъ этимъ орденомъ.

— Въ Англіи построена недавно желѣзная паровая яхта для королевы Викторіи, плавающая посредствомъ архимедова винта. Это судно скоростью своего бѣга превосходитъ всѣ извѣстные донынѣ пароходы. Двѣ машины, каждая въ 64 силы, оборачиваютъ 240 разъ въ минуту архимедовъ винтъ.

— Натуралисты всегда утверждали, будто-бы рыбы родятся въѣмыни и во-

все не имѣютъ способности говорить. Американскія газеты протестуютъ противъ этой гипотезы и утвердительно говорятъ, что рыбы могутъ говорить и въ доказательство этого приводятъ удачную попытку профессора краснорѣчія Дронкарда, въ Нью-Йоркѣ, который выучилъ говорить рыбу карпа. Однажды этотъ штукмейстеръ, въ присутствіи многихъ своихъ знакомыхъ, вынулъ изъ локхани живаго карпа. Рыбѣ, видно, не понравилось безводіе, и она тихо и едва-внятнымъ голосомъ сказала хозяину: «Water, my dear!». Дронкардъ однакожъ не внялъ этой просьбѣ и держалъ карпа надъ водою; тогда бѣдная рыба громко и внятно повторила: «Water, water!». Рыбу опять опустили въ локхань, она начала радостно плескаться, бить по водѣ хвостомъ и воскликнула съ радостью: «I thank you!». Профессоръ Дронкардъ намѣренъ выучить пѣнію треску!

М О Д Ы.

Нынче появились новые легкіе костюмы, подъ названіемъ *бедуины*. Фасонъ этихъ бедуиновъ нельзя сказать чтобъ былъ оригиналенъ, однакожь красивъ, и потому постараемся описать его подробнѣе. Бедуины дѣлаются довольно-длинные: на поларшина только не покрываютъ они всей юбки у платья; съ боковъ до самой талии прорѣзы, съ отворотами изъ той же матеріи, которая положена на подкладку; отвороты въ трехъ мѣстахъ перехвачены аграмантовой тесемкой съ одной кистью. Наверху маленькій воротничокъ, обшитый или аграмантомъ или бахромой, смотря по тому, чѣмъ обшить бедуинъ. На переди великолѣпныя аграмантовыя застѣжки.

Мы видѣли три такіе бедуина и всѣ три были изъ кашемира.

Очень-многія дамы дѣлають бурнусы съ двумя воротниками. Нижній доходитъ до талии, съ разрѣзами въ нѣсколькихъ мѣстахъ, которые заснурованы тесемкой изъ аграманта съ двумя кистями. Верхній самый маленькій и ничѣмъ не обшить, такъ же, какъ и самъ бурнусъ.

Верхніе костюмы большею - частію дѣлаются съ отрѣзными талиями или только собранные сзади и съ длинными рукавами. Бахрама уже не въ такомъ употребленіи, какъ была преж-

Платья, по-прежнему, убирають чаще всего только напередѣ въ видѣ передника. Но бізъ также не теряетъ своей силы: его пришиваютъ совершенно-плоско почти до талии.

Лифы большею-частію гладкіе и застѣгивающіеся напередѣ, а если хотите сдѣлать лифъ, чтобъ онъ застѣгивался сзади, то надобно, чтобъ спинка и передъ его были сборчатые. Мыто говоримъ о высокихъ лифахъ, а открытые дѣлаются больше всего съ шипомъ и съ бертой. Полосатыя матеріи еще все въ большомъ употребленіи, но клѣтчатая, кажется, уже начали надоедать многимъ.

Кружева во всѣхъ возможныхъ видахъ и куда бы ни были пришиты, считаются лучшимъ украшеніемъ.

Шарфы носятъ бархатные, кашемировые, барежевые, кружевные, какіе угодно, только, чтобъ непременно это былъ шарфъ, а не мантилья, потому что мантильи выходятъ уже изъ употребленія у молодыхъ женщинъ.

Шаль теперь ставятъ выше всѣхъ бурнусовъ и мантилій, и въ-сакомъ-дѣлѣ, что можетъ быть наряднѣе и величественнѣе шали? Жаль только, что не всѣ дамы умѣють носить ихъ.

Зонтики носятъ довольно-большіе и обшивають широкой бахромой или широкими кружевами; также очень-

ламутромъ, и т. д. Цвѣтъ матерій на зонтикахъ — какой угодно; но если хотите имѣть самый модный зонтикъ, сдѣлайте его изъ бѣлаго шоаре, съ коралловой ручкой и обшейте его широкой бахрамой.

Шляпы все еще дѣлаются неболь-

шій. Соломенные шляпы убираются очень-просто; къ нимъ иногда прикалываютъ на одну сторону тульи огромные шоу изъ лентъ, или большой вытокъ; но перья все-таки еще не брошены.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ КОММИССІОНЕРА ВЪБЛЮТЭКЕ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

А. А. ЖСАКОВА.

Въ Санктпетербургъ, въ Гостиномъ-Дворъ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
LA VIERGE. Histoire de la mère de Dieu, par l'abbé Orsini. Nouv. édition. Deux magnifiques vol. illustrés de gravures sur bois et acier, par les premiers artistes, couverture et frontispice en or et en couleur. Paris. 1844	9	HYGIÈNE DES BAINS de mer, de leur avantage et des dangers de leur abus, par Leconte. Un vol. in 8. Paris. 1845	85
LE MARIAGE au point de vue chrétien, ouvrage spécialement adressé aux jeunes femmes du monde, par M-me la comtesse Gasparin. 3 vol. 18. Paris. 1844	2 57	ANNUAIRE DE THERAPEUTIQUE , de matière médicale, de pharmacie et de toxicologie. Pour 1845, par Bouchardot. Un vol. in 32. Paris. 1845	35
ESSAI SUR LES LOIS criminelles des Romains, concernant la responsabilité des magistrats, par Laboulaye. Un vol. 8. Paris. 1844	2 25	ANNUAIRE DE CHIMIE , comprenant les applications de cette science à la médecine et à la pharmacie, ou repertoire des découvertes et des nouveaux travaux en chimie, faits dans les diverses parties de l'Europe, par M. M. Millon Reisset et Hoefler, pour 1845. Un vol. 8. Paris	2 15
GUIDE DE L'INVENTEUR dans les principaux états de l'Europe, par Armengaud. Un vol. in 8. Paris. 1845.	70	HISTOIRE de la Marine des Etats-Unis d'Amérique, par Cooper, trad. de l'Anglais par Jessé. Tome 1- ^r , partie 1-re, in 8. Paris. 1845	1 65
CHOIX DES PLUS BELLES ROSES , publié en 25 livrais. in 4, avec 4 planches coloriés. Paris. 1845. Livrais. 1 à 6, prix de la livrais. à	1 40	HISTOIRE de l'Armée de Condé, par Muret. 2 vol. in 8, avec fig. et fac-simile. Paris. 1845.	4 25

	P. K.	P. K.
TRAITÉ DE FORTIFICATION PARSAGÈRE, d'attaque et de défense des postes et retranchements, par Fischmeister, trad. de l'allemand, par Riefel. Un vol. in 8, avec Atlas in 4. Paris. 1845	4 25	
ROUTINE DE L'ÉTABLISSEMENT DES VOUTES, ou recueil des formules pratiques et des tables déterminant à priori et d'une manière élémentaire le tracé, les dimensions d'équilibre et le métrage des voutes d'une espèce quelconque, par Dejardin. Un vol. 8, avec planch. Paris. 1845.		2 15
CHOIX DE MODÈLES appliqués à l'insegnement du dessin de machines avec un texte descriptif, par Leblanc, in 4, et atlas folio. Paris. 1844	7 15	
		85
		8
		4 25
		85

Печатать позволено, 25 мая 1845. Старший цензор Ротфортъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ У М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой - Морской,
въ домѣ Паскаля № 11.

Для всего оркестра.

	Серебрянъ	P.	K.
AUBER, D. F. E., Ouverture de l'opéra: La Sirène, à grand Orchestre.	4	29	
DONIZETTI, G., Ouverture de l'opéra: La Favorite.	4	29	
GERKE, Ouverture de l'opéra: Feodora.	3	72	
HALEVY, F., Ouverture de l'opéra: Charles VI.	4	29	
— Ouverture de l'opéra: La Reine de Chypre.	4	29	
KALLIWODA, J. W., Ouverture pastorale op. 108.	4	.	
— Ouverture solennelle op. 126.	4	29	
KITTL, J. F., Ouverture de Concert. op. 22.	5	15	
LABITZKY, J., Charlotten-Walzer op. 96.	2	85	
— Vereinigungs-Tänze (Walzer). op. 98.	2	85	
— Neuer Immergrünalop. op. 99.	2	29	
— Wien-Prager-Eisenbahn. 3 Polkas. op. 101.	2	85	
— Natalien-Walzer. op. 104.	3	15	
LISZT, F., Seconde Marche hongroise.	2	29	
RITZ, J., Ouverture zum Singspiele, Jery und Bätely. op. 12.	2	85	
S TRAUSS, I., Volksgarten-Quadrille op. 157.	2	85	
— Salon-Polka. op. 161.	1	72	
— Orpheus-Quadrille. op. 162.	2	85	
— Fest-Quadrille. op. 165.	2	85	
— Auroras Festklänge. Walzer. op. 164.	2	85	
— Rosen ohne Dornen. Walzer. op. 166.	3	15	
— Wiener Früchteln. Walzer. op. 167.	2	85	
— Willkommen-Rufe. Walzer. op. 168.	2	85	
<i>Дуэты для фортепиано и скрипки.</i>			
BAZZINI, A. Deux morceaux de salon. № 1. Ave-Maria № 2. Tou- jours heureux. op. 16.	1	72	
BEBIOT ET WOLF, Souvenirs de Boulogne, Deux Duos concertants pour piano et violon. op. 48. № 1. Sérénade variée. № 2. Divertissement pastoral. no 1 p. 43 кон.	2	86	
GADÉ, N. W. Sonate pour piano et violon. op. 6.	2	86	
HELLER ET ERNST, Pensées fugitives pour piano et violon. Cah. 1. Pas- sé. Souvenir. Romance.	1	72	
— Cah. 2. Lied. Agitato. Abschied.	2	.	
— Cah. 3. Réverie. Un caprice. Inquietude.	1	72	
— Cah. 4. Prière. Intermezzo. Thème original.	2	58	
— Grand Duo sur des Motifs favoris de l'opéra Dom Sé- bastian. op. 21.	2	29	
HENSELT, A. Duo pour piano et violon. op. 14.	2	29	
KALKBRENNER ET ПАНОВКА, Duo sur la Juive de F. Halévy. op. 164.	2	.	
— Duo sur l'opéra la favorite de Donizetti. op. 166.	2	.	
— Duo sur l'opéra la Reine de Chypre de F. Halévy. op. 167.	2	.	
— Duo sur l'opéra Charles VI de f. Halévy op. 168.	2	.	
KÜFFNER, F. 69-me. Potpourri pour piano et violon (ou flûte) sur des motifs de l'opéra la Part du Diable. op. 318.	1	72	
— 70-me Potpourri pour piano et violon (ou flûte) sur des mo- tifs de l'opéra Thomas Riquiqui. op. 319.	1	72	
LOUIS, N. Fantaisie brillante sur la Reine de Chypre. op. 118.	2	50	
— Mélodies-Etudes pour piano et violon. op. 120. liv. 1. 2.	3	85	
RHEISSIGER, C. G. Grande Sonate pour piano et violon. op. 178.	3	72	
SPOHR, L. Elegisch und humoristisch. 6 Duettinen für Piano und Vio- line. op. 127.	3	72	

	P. K.
THALBERG ET BÉRIOT. Grand Duo concertant sur des motifs de Semiramide op. 54.	2 .
VIKUXTEMPS, H. Grande Sonate en quatre parties pour piano et violon. op. 12.	4 58
<i>Для одного фортепьяно.</i>	
BEYER, F. Variations sur le Duo des Puritains. op. 47.	1 .
BERNARD, M. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St.-Petersbourg arrangés pour le piano:	
№ 11. Donizetti. Nocturne de l'opéra Don Pasquale.	. 30
— 12. Donizetti: Quatuor de l'opéra Don Pasquale.	. 30
— 13. Donizetti Sérénade de l'opéra Don Pasquale.	. 30
— 14. Donizetti. Cavatine à la Polacca de l'opéra Linda di Chamounix.	. 30
— 15. Donizetti. Trio de l'opéra Lucrezia Borgia.	. 75
DAMCKE, B. Romance sans paroles op. 17.	. 50
— 5 Mélodies, op. 26. № 1. Un Souvenir de Voyage. № 2. l'Espérance. № 3. Chansonette allemande. № 4. Réverie. № 5. Barcarolle.	1 30
DOEHLER, Th. La Carlotta, 1-re Polka originale. op. 56.	. 50
— Andante sur une Romance de l'opéra Don Sebastian op 54.	1 43
— Deuxieme Ballade op. 55.	1 15
DREYSCHOCK, Le Vallon, Idylle. op. 26.	. 60
GOEFFERT, G. C. Cavatine de Maria di Rohan, transcrite.	. 60
HERZ, H. fantaisie et Variations sur plusieurs motifs de la Sirène d'Auber. op 141.	1 72
— Le Succès de Salons 1-e Suite. op. 142. № 1. Variations sur une Cavatine de Vaccai.	1 15
№ 2. Variations et Marche sur un thème de Beethoven.	// 1 15
— 3. Les Ramiers. 2 Valses de Lanner, variées.	1 15
— Le Succès de Salon. 2-e Suite. op. 143. № 1. Mazurka favorite.	. 85
№ 2. La Marguerite. Mélodie originale.	. 85
— 3. Tarentelle brillante.	1 15
— Lutine. Valse brillante. op 145.	1 .
KULLAK, Th. La Gazelle. Pièce caractéristique. op. 22.	1 .
LACOMBE, L. Douces pensées. Mélodie.	. 60
— Poème de françonetto de Jasmin, transcrite.	. 85
— Chanson de Béarn, transcrite.	. 85
— Marche funèbre, de Dom Sebastian de Donizetti, variée.	1 43
MEYER, L. de Machmudier, air guerrier des Turques. op. 22.	1 15
— Bajazeth, air national des Turques. op. 23.	1 15
— fantaisie sur des motifs de l'opéra Lucrezia Borgia. op. 24.	2 .

Выписывающие ноты на сумму не менее *трех руб. сер.* получают двадцать процентов уступки, а выписывающие на *пятнадцать руб. сер.* пользуются означенною уступкою, кроме того ничего не прилагают на пересылку. Выгоды этой пользуются только особы, которые обратятся съ своими требованиями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго іюня шестая тетрадь Музыкальнаго Журнала «НУВЕЛИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Raff*, Le fugitif, *pensée musicale*; *Liszt*, Faribolo Pastour, Chanson tirée du Poème de françonetto de Jasmin, transcrite; *Gutman*, Nocturne. *Damcke* Souvenir de Voyage, *Mélodie*; *Döhler*, Elisa 3-e Polka originale. *David*, Adieux à Charence, *Mélodie*; *Алльберг*. Цвѣтокъ, слова Жуковскаго. Литературное Прибавленіе № 6.

Годовая подписка 10 руб. сер. Съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ.

Въ магазинѣ русскихъ книгъ Андрея Иванова, комиссіонера Военно-Учебныхъ Заведеній, комиссіонера Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, корреспондента и комиссіонера Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и проч., на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Петровловской-Церкви,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

РУССКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ или Жизнь и Подвиги Русскихъ Полководцевъ, отъ временъ Императора Петра-Великаго до царствованія Императора Николая I-го. Жизнеописанія, составлены Николаемъ Полевымъ. Посвященная Государю Императору Николаю Павловичу. — Книга сія содержитъ въ себѣ жизнеописанія Императора Петра-Великаго, и фельдмаршаловъ: графа Бориса Петровича Шереметева, князя Александра Даниловича Меншикова, Бурхарда Христофора Миниха, графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго, князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, князя Италійскаго графа Александра Васильевича Суворова-Римскаго, князя Михаила Илларионовича Голенишева Кутузова-Смоленскаго, князя Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, князя Петра Христіановича Витгенштейна, графа Ивана Ивановича Дибича-Забалкайскаго и князя Варшавскаго графа Ивана Федоровича Паскевича-Эриванскаго. Портреты рисованы Т. Г. Шевченко, заглавный листъ, гербы и выѣтки Р. К. Жуковскимъ. Портреты и заглавный листъ гравированы на стали, въ Англии, Робинсономъ, и отпечатаны въ Лондонѣ. Гербы и выѣтки вырѣзаны на деревѣ лучшими художниками въ Санктпетербургѣ. Напечатано въ большомъ форматѣ, на лучшей бумагѣ, съ гербами, заглавными буквами, выѣтками и великолѣпнымъ фронтисписомъ. СПб. 1843 г. Цѣна, въ англійскомъ переплетѣ, 5 руб., съ пересылкою 6 руб. сереб.

КУРСЪ ВЫСНЕЙ и НИЗНЕЙ ГЕОДЕЗИИ. А. Болотова, Генеральнаго Штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора. Два тома. СПб. 1845 г. Цѣна, на веленовой бумагѣ, 7 руб. 15 коп. сереб., въсов. за 5 фун. Томъ 1-й выдается, а на 2-й билетъ.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Сочиненіе экстраординарнаго профессора Санктпетербургскаго Университета доктора философіи А. Никитенко. Книга 1-я. СПб. 1843 г. Цѣна, на веленовой бумагѣ, 1 руб., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

ПРИЯТЕЛЬ МОЙ ПИФФАРЪ. Поль-де-Кока. СПб. 1843 г. Цѣна, на веленовой бумагѣ, 75 коп., съ перес. 1 р. сереб.

БЕСѢДЫ РУССКАГО КУПЦА о ТОРГОВЛѢ, читанныя публично по порученію Императорскаго Экономическаго Общества, членомъ его, Фридрихсгамскимъ перво-степеннымъ купцомъ Иваномъ Вавиловымъ. Выпускъ первый, состоящій изъ 10-ти бесѣдъ. СПб. 1844 — 1845 г. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп. сер. Отдѣльно каждой бесѣдѣ 20 коп. сер., въсов. за 1 фун.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по САНКТПЕТЕРБУРГУ и его ОКРЕСТНОСТЯМЪ, Ивана Пущкарева, съ гравированнымъ планомъ С. Петербурга. СПб. 1843 г. Цѣна 1 р. 43 к. сереб., въсов. за 2 фун.

СЛОВАРЬ КОРНЕЙ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА, по методу А. Ф. Язвинскаго, изданный изобрѣтателемъ методы. СПб. 1845 г. Цѣна 50 коп. съ пересылкою 75 коп. сер.

КРАСИЛЬНОЕ ИСКУССТВО, или руководство къ окрашиванію очень-красиво и прочно шелка, шерсти, хлопчатой бумаги и полотна во всея цвѣта, а равно къ набивкѣ хлопчатобумажныхъ и льняныхъ издѣлій, для фабрикантовъ, красильщиковъ и домашняго употребленія. Соч. Карла Рихтера, практическаго красильщика въ Брестѣ. Переволь съ нѣмецкаго. СПб. 1843 г. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 коп. сер.

ПОЛНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ГАЛЬВАНОПЛАСТИКИ, гальванической позолоты и серебренія, составленное по новѣйшимъ источникамъ, съ присовокупленіемъ способа золоченія и серебренія электрохимически, безъ посредства гальванической батареи. Съ чертежами и таблицей, показывающей отношенію французскихъ метрическихъ мѣръ къ русскимъ. СПб. 1844 г. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 р. 25 коп. сер.

БУХГАЛТЕРІЯ для желающихъ научиться въ короткое время простой и двойной бухгалтеріи во всея ея частяхъ. Соч. профессора торговыхъ наукъ Карла Куртина. Москва. 1846 г. Цѣна 1 руб. 15 коп. сер. и съ перес.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1845-мъ ГОДУ.

выходятъ въ ПЕРВОЕ число каждаго мѣсяца, книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 25 листовъ большаго формата, равняющихся 40 — 50 листамъ обыкновенной печати, съ двѣнадцатью ПАРИЖСКИМИ картинками модъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Въ С. П. бургѣ, безъ доставки:	Съ пересылкою, или доставкой:
15 рублей серебромъ.	16 рублей 50 копеекъ серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на Невскомъ Проспектѣ, противъ Казанскаго Собора, въ домъ *Петропавловской Лютеранской Церкви.*

Въ Москвѣ:

Въ Конторахъ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, на *Страстномъ-Бульварѣ, въ домъ Университетской Типографіи, и на Никольской, подлѣ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5, при книжныхъ магазинахъ И. В. Базунова и О. А. Сеньшикова.*

Въ Одессѣ:

Въ Конторѣ Ред. О. З., при книжномъ магазинѣ *М. И. Григорьева, на Де-Рибасовой Улицѣ, въ домъ Крамаревой.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургѣ, или Въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.*

Печатать дозволяется. СПб. 31 мая 1845 г. Цензоры: А. Межелитъ и П. Писановскій.

Въ типографіи Ильи Глазунова и Комп.

Къ этой книжкѣ приложены объявленія: 1) О новыхъ французскихъ книгахъ, поступившихъ въ продажу у г. Исакова; 2) О музыкальныхъ новостяхъ, происходящихъ въ Парижѣ.

JUL 1 1940

JUL 1 1940

JUL 1 1940

JUL 1 1940

